This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P SlaV
605
25

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE

OF BOSTON

Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1898

JAN 10 1902

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1879.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ТОМЪ XXV.

1879.

P S/aw 605.25
~~Slaw 25110~~

Harvard College Library
Jan. 1 , 1902
PIERCE FUND.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ десятый. МАЙ. 1879 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Къ вопросу о болгарахъ.** Статья Д. И. Иловайскаго . . . 89

II. **Журналъ путешествія** по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1699 гг. Сообщ. И. О. Горбуновъ 101

III. **Казенные крестьяне при Екатеринѣ II,** 1762—1796 гг. Очеркъ изъ историческаго изслѣдованія. Состав. В. И. Семевскій. Гл. VIII. 35

IV. **Арсеній Мацѣевичъ,** митрополитъ Ростовскій. Историко-біографическій очеркъ. Состав. профессоръ В. С. Иконниковъ. Гл. II. 1

V. **Польское возстаніе въ 1863 г.** Записки Н. В. Берга. Глава IV. Жондъ послѣ диктатуры.—Декреты жонда.—Назначеніе кн. Чарторыскаго. — Обращеніе къ націи.—Коммисія вооруженія.—Кунскія банды. — Банды въ Люблинской губерніи. . . . 55

VI. **Иванъ Андреевичъ Толстой,** губернаторъ въ Азовѣ † 1713 г.: письма къ нему Петра Великаго. Сообщ. съ предисловіемъ П. С. Толстой: 1703—1708 гг. . 133

VII. **Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ,** генер.-аншефъ. Письма къ дочери, 1714—1715 гг. Сообщ. П. В. Алабинъ 151

VIII. **Иннокентій, архіеп. Херсонскій и Таврич.** Письма, 1852 г. Сообщ. и напечатано съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича. . 189

IX. **Воспоминанія И. Л. Варунъ-Секрета.** Служба въ арміи.—Война 1828 и 1831 гг.—О. А. Поніатовскій и его характеристика. 159

X. **Донъ и донцы** въ 1851 и 1877 гг. Путевыя замѣтки. Гл. II . . 173

XI. **Осипъ Максимовичъ Бодянскій,** род. 1808, ум. 6-го сент. 1877 г. 205

XII. **Изъ дневника П. В. Алабина:** 1) Польскій поэтъ Трембецкій (219). 2) Еврейскій ученый Исаакъ Беръ Левензонъ. Сообщ. П. В. Алабинъ (223).

XIII. **Библіографическій листокъ** русско-историческихъ книгъ. Сообщ. профес. В. С. И—въ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ. Портретъ профессора **Осипа Максимовича БОДЯНСКАГО**, рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ въ Ниццѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г., 1876 г., 1877 г., 1878 г. и 1879 г., каждый годъ 12 книгъ въ трехъ томахъ съ гравированными портретами, цѣна по **восьми** руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 30—1.

1879.

V-я книга „Русской Старины" вышла 1-го мая.

Южное славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Историко-политическіе очерки. Соч. Л. Доброва. Спб. 1879 г. XIV + 643 стр. въ 8. 8 д. л. (Цѣна 3 р. 50 к.).

Наша послѣдняя война съ Турціею вызвала появленіе въ свѣтъ множества книгъ, брошюръ, мемуаровъ и замѣтокъ, въ большинствѣ которыхъ, сквозь скороспѣлую ученость, проглядываетъ несовсѣмъ похвальное желаніе эксплуатировать «злобу дня» и сочувствіе публики къ «славянскому вопросу». Книга г. Л. Доброва составляетъ въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе. Главное ея достоинство — безпристрастіе и крайняя умѣренность и осторожность въ приговорахъ. «Симпатіи или антипатіи—когда рѣчь идетъ о южномъ славянствѣ и Турціи» (говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи) «доходя нерѣдко до страстности, совершенно заслоняютъ истину и заволакиваютъ густымъ туманомъ настоящій смыслъ событій на Балканскомъ полуостровѣ..... Авторъ настоящей книги,—мало заботясь о благорасположеніи къ ней людей, фатально замкнувшихся въ тѣсный кругъ предвзятыхъ идеекъ о великой миссіи той или другой націи на Балканскомъ полуостровѣ—поставилъ себѣ главною задачею отрѣшиться отъ всякихъ ходячихъ положеній и теорій, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они являются не результатомъ вполнѣ безпристрастнаго изслѣдованія фактовъ, а обвинительнымъ приговоромъ или защитою—смотря по тому, о комъ идетъ рѣчь».

Первыя семь главъ посвящены обзору древнѣйшей исторіи Балканскихъ славянъ, со временъ римскаго владычества до XI вѣка. Затѣмъ въ сжатомъ, но весьма обстоятельномъ изложеніи авторъ повѣствуетъ о плачевномъ состояніи Византіи въ періодъ крестовыхъ походовъ и о возстановленіи политической независимости Болгаріи въ XIII вѣкѣ; о причинахъ ея историческаго распаденія. Историческій очеркъ Сербіи, ея порабощеніе; водвореніе турокъ на Балканскомъ полуостровѣ; имперія Османлисовъ; отношенія міра мусульманскаго къ славянамъ; начало борьбы Россіи за своихъ единовѣрцевъ:—всѣ эти фазисы политическаго бытія Балканскихъ славянъ, въ разсказахъ г. Л. Доброва, знакомятъ читателя съ самою сущностью «славянскаго вопроса», предоставляя его собственному здравомыслію основывать свои убѣжденія на фактахъ. Людямъ, привыкшимъ стоять надъ участью Константинополя, по камертону византійскихъ лѣтописцевъ, могутъ показаться странными слова автора о злодѣйствахъ турокъ въ роковой день 29 мая 1453 года, въ градѣ св. Софіи (стр. 392—393): «во всемъ этомъ турки не представляли собою какого-либо чудовищнаго исключенія. Двумя съ небольшимъ столѣтіями раньше, подобныя сцены убійства, грабежа и святотатства продѣлывали болѣе цивилизованные представители человѣческой расы, шедшіе на освобожденіе Гроба Господня изъ рукъ нечестивыхъ агарянъ». Здѣсь можно только замѣтить почтенному автору, что онъ напрасно отступаетъ на два вѣка; ему слѣдовало-бы указать за два или за три вѣка впередъ; тридцатилѣтняя война, звѣрства войскъ Людовика XIV въ Нидерландахъ и въ Пфальцѣ, Семилѣтняя война и мн. др.—являютъ немало картинъ, достойныхъ янычаръ и баши-бузуковъ, а не цивилизованныхъ христіанъ. Объясняя причины ненависти мадьяръ къ южнымъ славянамъ (стр. 625—628), г. Л. Добровъ говоритъ: «Странно требовать, чтобы человѣкъ съ пріятной и предупредительной улыбкой привѣтствовалъ своего оскорбителя, который нанесъ ему тяжелую обиду. Не представляются-ли по этому профанаціею здраваго смысла: рукоплесканія храбрости южныхъ славянъ въ подавленіи ими національнаго движенія мадьяръ и рядомъ съ этимъ жалобныя завыванія по поводу враждебнаго отношенія мадьяръ къ южнымъ славянамъ?»

Авторъ, какъ явствуетъ изъ выноскъ, пользовался литературою своего предмета изъ всѣхъ сочиненій нашихъ новѣйшихъ писателей по славянскому вопросу. Жаль, что въ число иностранныхъ авторовъ попалъ La Vallée съ его жиденькимъ учебникомъ исторіи Турціи; Энгель (изд. 1797 г.) послужилъ почтенному автору, а Марсильи ему неизвѣстенъ, хотя между историками имперіи оттоманской занимаетъ не послѣднее мѣсто. Изданіе довольно опрятно, но было-бы еще лучше, при болѣе плотной бумагѣ; поэтому и цѣну книги (3 р. 50 коп.) нельзя не признать нѣсколько высокою. К. П.

Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Ч. 1-я. Статьи и разысканія А. Куника и барона В. Розена. Спб. 1878 г., 192 стр. Ц. 75 к.

Важнѣйшую часть извѣстій арабскихъ

ОСИПЪ МАКСИМОВИЧЪ БОДЯНСКІЙ,

ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

род. 1808 † 1876.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

...ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 6 ФЕВРАЛЯ 1879 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГ

АРСЕНІЙ МАЦѢЕВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

II [1]).

Арсеній Мацѣевичъ (въ мірѣ Александръ) родился въ 1697 году, во Владимірѣ Волынскомъ [2]). Дѣдъ его былъ полякъ [3]), а отецъ православный священникъ; потомки отъ брата Арсенія до сихъ поръ существуютъ въ средѣ духовенства кіевской епархіи [4]). Въ юности Арсеній учился во «владимірской варенжской и львовской академіяхъ» [5]), откуда въ 1715 г. поступилъ въ кіевскую академію, но оставался въ ней не долго. Уже въ слѣдую-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 731—752.

[2]) Въ припискѣ къ сказкѣ, поданной имъ въ синодъ, 16-го мая 1738 г., говорится: «а отъ роду себѣ имѣетъ сорокъ второй годъ». «XVIII вѣкъ», II, 365, примѣчаніе.

[3]) «День» 1861, № 15, стр. 5. По Насѣцкому (Корона Польская), Арсеній происходилъ изъ польской шляхты.

[4]) «Кіев. Епарх. Вѣд.» 1869, № 10, стр. 385. Здѣсь перепечатана и самая «сказка» Мацѣевича изъ «Ярославскихъ Епарх. Вѣд.», въ незнаніи которой Н. И. Барсовъ упрекаетъ С. М. Соловьева (см. его статью по поводу XXV т. Ист. Россіи въ «Русской Старинѣ» 1876 г., апрѣль). Такія малодоступныя изданія, какъ «Епархіальныя Вѣдомости», дѣйствительно могутъ быть неизвѣстны; но, какъ видно, г. Барсовъ не знаетъ, что та же сказка одновременно была напечатана и въ «XVIII вѣкѣ» г. Бартенева (томъ II, 365), безъ сомнѣнія, хорошо извѣстномъ г. Соловьеву.

[5]) Напечатано въ сомнительной формѣ: «варенжской» (sic), но Варенжъ находился въ діоцезѣ Хелмскомъ и имѣлъ піарскій коллегіумъ, основанный въ 1688 г., который потомъ былъ обращенъ въ элементарную школу. Historya szkół w koronie i wełkiem księstwie Litewskiem, przez Józ. Lukaszewicza, IV 246—247. В. И.

щемъ году мы его встрѣчаемъ въ Новгородсѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ онъ принялъ монашество, состоялъ проповѣдникомъ и обучалъ въ тамошней школѣ латинскому языку. Въ это же время въ бытность свою въ Черниговѣ, Арсеній сблизился съ архіепископомъ Антоніемъ Стаховскимъ[1]), но и въ монастырѣ Арсеній оставался не долго. Въ 1718 г., по собственному желанію, онъ былъ отпущенъ въ кіевскую академію «для слушанія философіи и богословія». Впрочемъ, еще во время первоначальнаго пребыванія Арсенія въ академіи, Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ вызванъ въ Петербургъ.

Въ академіи Ѳеофанъ послѣдовательно читалъ поэзію, риторику, философію, богословіе и кромѣ того физику, ариѳметику и геометрію, которыя до того времени вовсе не преподавались въ академіи. Заслуга Ѳеофана, какъ преподавателя, состояла въ томъ, что онъ оставилъ прежній схоластическій методъ преподаванія богословія и ввелъ новый, выработанный протестантскою богословскою наукою. Методъ этотъ былъ критико-историческій; между тѣмъ, какъ въ схоластическихъ школахъ о филологическомъ изученіи текста, о сличеніи древнихъ списковъ и переводовъ, о критическомъ изученіи отцовъ церкви, въ связи съ исторіею послѣд-

---

[1]) Антоній Стаховскій, также учившійся въ Кіевѣ, былъ первый профессоръ и префектъ въ черниговскомъ коллегіумѣ, потомъ архимандритъ Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря, архіепископъ Черниговскій и Новгородсѣверскій (съ 20-го сентября 1713 г.), наконецъ митрополитъ Сибирскій (съ 1721 г.). Ему принадлежитъ нѣсколько сочиненій церковнаго содержанія, изъ которыхъ одно писано стихами, и по его же распоряженію въ 1716 г. былъ сдѣланъ учителями коллегіума переводъ исторіи Тита Ливія, съ латинскаго языка, приготовленный къ печати. Но въ 1722 г. синодъ доносилъ Петру Великому о какомъ-то переводѣ Тита Ливія, что онъ къ печатанію весьма неудобенъ, а для исправленія его потребуется «и труда многаго и времени довольнаго» (Пекарскій, «Литер. и наука при Петрѣ В.», I, 219). Въ витіеватомъ посвященіи составителя календаря Квасовскаго изъ Корвена, напечатаннаго въ Черниговѣ, Антоній восхваляется за свое покровительство наукамъ; но еще болѣе витіеватое посвященіе написалъ самъ Антоній при поднесеніи Мазепѣ «Зеркала отъ божественнаго писанія»—это образцы тогдашнихъ кіевскихъ панегириковъ. Пекарскій, II, 116—118; 448—450; статья Снегирева въ Учен. Запис. Моск. унив. 1833; Обз. духовн. литер., Филарета, II, 17—18; списки іерарховъ и настоят. монастырей, Строева (издано Археогр. коммис., подъ ред. члена коммисіи М. И. Семевскаго) и Юр. Толстаго; Ант. Стаховскій, митр. С.-Петербургскій и Тобольскій, Н. Абрамова, «Странникъ», 1863, № 1; описаніе Черниговской іерархіи и Ильинскаго монастыря (грамоты и письма Антонія). **В. И.**

ней, не было и помину. Познакомившись весьма близко съ іезуитскою системою воспитанія въ Польшѣ и за границею, Ѳеофанъ, при каждомъ случаѣ, съ особенною энергіею высказывается противъ католическихъ богословскихъ авторитетовъ и обрядности. Въ его рѣчахъ нѣтъ отвлеченныхъ и сухихъ разсужденій, ни школьныхъ приступовъ и аргументацій, ни утомительной длинноты періодовъ, свойственныхъ схоластикѣ. Какъ ректоръ академіи, Ѳеофанъ поднялъ хозяйственную часть заведенія, бывшую до того въ большомъ запущеніи. Вліяніе его курсовъ отразилось и въ кіевской, и въ московской академіяхъ, но оно встрѣтило сильный отпоръ въ лицѣ послѣдователей схоластической науки, учениковъ іезуитскихъ школъ и католическихъ академій, которые, усвоивъ пріемы своихъ наставниковъ, не съумѣли возвыситься до болѣе независимой критики. Борьба этихъ двухъ направленій не замедлила обнаружиться и въ школѣ, и въ литературѣ. Еще въ 1712 г., когда Ѳеофанъ написалъ сочиненіе: «Распря Павла и Петра о игѣ неудобоносимомъ», противъ него выступилъ ректоръ московской академіи, Ѳеофилактъ Лопатинскій. Онъ обвинилъ Ѳеофана въ намѣреніи внести «въ міръ россійскій мудрованія реформатскія, доселѣ въ православной церкви не слыханныя, о законѣ Божіемъ и оправданіи», и этотъ споръ поселилъ навсегда вражду между обоими авторами, такъ печально окончившуюся потомъ для противника Ѳеофана. До XVIII вѣка русская церковь болѣе благопріятно относилась къ лютеранству, нежели къ католичеству; но теперь, подъ вліяніемъ южно-русскихъ ученыхъ, вліяніе Польши и католицизма проникаетъ въ восточную Россію, и въ пользу послѣдняго обнаруживается рѣзкій поворотъ въ церковныхъ воззрѣніяхъ. «Камень Вѣры» другаго представителя этой школы (Стефана Яворскаго) былъ полнымъ выраженіемъ того же направленія. Недаромъ возлѣ этого памятника церковной литературы сосредоточивается и самая борьба обоихъ направленій въ XVIII вѣкѣ [1]). По выходѣ Ѳеофана изъ кіевской академіи, тамъ снова возобладалъ прежній духъ преподаванія, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ тогдашніе курсы, такъ и отзывы современниковъ и церковныхъ историковъ. «Ѳеофанъ Прокоповичъ», читаемъ въ нихъ—«преподававшій богословіе съ 1711 по 1715 г.,

[1]) Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, 5—37.

излагалъ свои курсы въ нѣкоторой системѣ, но пріемники его не послѣдовали его примѣру, а всѣ до одного почти продолжали идти прежнимъ путемъ... Они сходствуютъ между собою и отсутствіемъ системы, и своимъ схоластицизмомъ, и своимъ духомъ православія. Уже въ началѣ второй половины XVIII вѣка, сама академія сдѣлала отзывы въ томъ смыслѣ, что «во всѣхъ россійскихъ академіяхъ, коллегіяхъ и семинаріяхъ, въ ученіи богословія нѣтъ порядка, почему въ Россіи и понынѣ настоящей богословіи не имѣется», и замѣчательно, что въ это время, какъ бы въ интересѣ улучшенія, снова перешли къ курсамъ Ѳеофана, которые не разъ издавались въ Кіевѣ (1770, 1772, 1773, 1775, 1782, 1805). Въ параллель съ богословіемъ, и философія, до второй половины XVIII вѣка, преподавалась въ Кіевѣ, подъ преимущественнымъ вліяніемъ Аристотеля и схоластиковъ, и, только во второй половинѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ системы, введенной уже въ великороссійскихъ училищахъ, вводятся постоянные курсы по математикѣ, естественной исторіи, всеобщей исторіи и географіи, до того времени или вовсе не преподававшіеся, или преподававшіеся отрывочно [1]). Вотъ почему такой умъ, какъ Ломоносова, не могъ удовлетвориться тогдашнимъ характеромъ академическаго преподаванія и онъ поспѣшилъ оставить академію (1734), о которой потомъ отзывался, что «тамъ онъ нашелъ однѣ сухія бредни, вмѣсто философіи и никакихъ задатковъ для физики и математики» [2]).

Во второй разъ Арсеній оставался въ академіи по 1726 годъ, гдѣ и получилъ санъ священника (1723). Въ академіи же онъ вполнѣ усвоилъ пріемы того направленія, которое не замедлило вступить въ борьбу съ ученіемъ Ѳеофана, когда, по смерти Петра Великаго и Екатерины I, наступило для него болѣе благопріятное время. Но въ этой борьбѣ Арсеній не могъ еще принимать участія; онъ былъ только постороннимъ наблюдателемъ ея, сохранивъ о ней самыя печальныя воспоминанія. Прежняя же наклонность Арсенія къ перемѣнѣ мѣстъ не давала ему покоя. Такъ, по выходѣ изъ академіи, онъ состоитъ одно время (1726—1727) проповѣдникомъ при кіевскомъ архіепископѣ Варлаамѣ Ванатовичѣ,

---

[1]) Ист. Кіев. академіи, Макарія Булгакова, стр. 124—171.

[2]) А. А. Куникъ, Матер. для исторіи Акад. Наукъ въ XVIII вѣкѣ, 392.

тщетно добивавшемся сана митрополита въ кіевской епархіи и павшемъ въ началѣ царствованія Анны Іоанновны, за свои близкія отношенія къ бывшему вице-президенту синода, Ѳеодосію Яновскому, то живетъ въ Печерской лаврѣ (1728—1729), то снова отправляется въ Черниговъ, то предпринимаетъ въ 1730 г. отдаленное путешествіе въ Тобольскъ, по вызову митрополита Антонія Стаховскаго, перемѣщеннаго туда въ 1721 году [1]). Проѣздомъ въ Сибирь, онъ успѣлъ представиться въ Москвѣ членамъ синода, который находился здѣсь по случаю пребыванія двора. Но уже въ началѣ 1733 г. Арсеній отпросился въ Черниговъ, куда впрочемъ не поѣхалъ, а отправился въ Устюгъ, Холмогоры и Соловецкій монастырь. Этотъ послѣдній служилъ тогда мѣстомъ ссылки для важнѣйшихъ раскольниковъ, въ числѣ которыхъ Арсеній встрѣтилъ бывшаго игумена Мошенскаго монастыря (кіевской губ.) Іоасафа, впавшаго въ расколъ и увлекшаго за собою весь монастырь. Арсеній принялся было увѣщевать его и написалъ даже по этому поводу сочиненіе. Старанія Арсенія не увѣнчались успѣхомъ; но для его характеристики важно то, что въ полемику съ расколомъ онъ выступилъ проникнутый духомъ «Просвѣтителя» Іосифа Волоцкаго, духомъ религіознаго фанатизма. Въ это время изъ синода былъ присланъ къ холмогорскому архіепископу запросъ—нѣтъ ли у него ученаго монаха для опредѣленія въ камчатскую экспедицію по р. Оби, предназначавшуюся для открытія морскаго пути въ Камчатку, и онъ указалъ на Арсенія. Такимъ образомъ Арсеній совершилъ четыре морскихъ кампаніи (1734—1737), которыя, впрочемъ, ни къ чему не привели [2]). Во время третьей кампаніи (въ началѣ 1736 г.) онъ былъ привезенъ изъ Пустозерскаго острога, вмѣстѣ съ лейтенантами Муравьевымъ, Павловымъ и прочею командою въ адмиралтейскую коллегію «по нѣкоторому секретному дѣлу»; но такъ какъ за нимъ никакихъ провинностей не оказалось, то ему снова велѣно было отправиться въ Пустозерскъ. Вскорѣ, однако, по причинѣ цынги (которою Арсеній постоянно страдалъ), ему раз-

---

[1]) Этимъ опровергается показаніе, что Арсеній, по открытіи Академіи Наукъ (1726), былъ опредѣленъ законоучителемъ въ академическую гимназію. См. «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1862, II, 11.

[2]) Описаніе этихъ путешествій помѣщено въ Записк. Гидрогр. Департ. Морск. Министерства, IX. В. И.

рѣшено было (25-го января 1737 г.) оставить флотскую службу и (7-го октября) велѣно было состоять при синодальномъ членѣ, Амвросіѣ Юшкевичѣ, епископѣ Вологодскомъ, при которомъ онъ находился до 13-го сентября 1738 г. Это обстоятельство сблизило Арсенія съ лицомъ, занявшимъ, въ правленіе Анны Леопольдовны и въ царствованіе Елисаветы, первое мѣсто въ церковной іерархіи и съ которымъ онъ дѣйствовалъ за-одно въ интересахъ послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ это сближеніе обезпечило дальнѣйшую судьбу Арсенія. Такимъ образомъ, когда въ 1738 г. открылась вакансія законоучителя въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, то на эту должность былъ представленъ Арсеній [1]). Кадетскій корпусъ въ то время имѣлъ большое значеніе, пользуясь покровительствомъ своей основательницы, императрицы Анны Іоанновны, и доставляя доступъ для дѣтей, преимущественно высшаго дворянства [2]). По этому поводу отъ Арсенія потребовали представить въ синодъ сказку о его службѣ, въ которой онъ показалъ, что «въ подозрѣніи никакомъ никогда не бывалъ и нынѣ за собою подозрѣнія не имѣетъ» и дважды присягалъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ—въ 1730 г. въ Черниговѣ и въ 1731 г. въ Тобольскѣ. Тѣмъ не менѣе, синодъ счелъ необходимымъ подтвердить его слова свидѣтельскими показаніями. Состоя въ то же время при синодѣ, Арсеній занимался обученіемъ ставленниковъ [3]), и уже теперь онъ заявилъ себя человѣкомъ, весьма тяжелымъ для подчиненныхъ. Сохранились акты, обличающіе въ немъ человѣка крутаго, жестокаго нрава. Такъ, въ бытность свою московскимъ инквизиторомъ [4]), онъ до смерти запыталъ ярославскаго игумена Трифона, несмотря на его престарѣлыя лѣта (85 лѣтъ). Такое самоуправство вызвало жалобу со стороны ростовскаго архіерея, по поводу которой синодъ постановилъ: «впредь пытать

---

[1]) О преподаваніи Арсенія Мацѣевича въ кадетскомъ корпусѣ нѣтъ свѣдѣній, но въ историч. запискахъ Миллера о членахъ Академіи Наукъ онъ показанъ законоучителемъ (1740 г.) при академіи. «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862, III, 135.

[2]) Съ основаніемъ его дѣти многихъ знатныхъ фамилій, обучавшіяся въ академической гимназіи, перешли въ кадетскій корпусъ.

[3]) Восемнадц. вѣкъ. II, 301—365; «Чтен. Моск. Общ. ист.» 1862, II, 10.

[4]) По другимъ—экзаменаторомъ. Рус. Достопамят. В., IV. Арс. Мацѣевичъ, И. М. Снегирева, 4. В. И.

бережно»[1]). Между тѣмъ, вскорѣ (1740) архіерейская каѳедра въ Тобольскѣ сдѣлалась вакантною[2]), и въ это же время Амвросій Юшкевичъ, переименованный въ архіепископы новгородскіе, занялъ президентское мѣсто въ синодѣ. Близость къ нему Арсенія, человѣка, какъ и онъ, происходившаго изъ южной Россіи, при томъ знакомаго съ Сибирью, должна была имѣть вліяніе на выборъ лица, для замѣщенія вакантной каѳедры. Такимъ образомъ, когда правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ были представлены два кандидата: первымъ—черниговскій архимандритъ Тимоѳей Максимовичъ, а вторымъ—синодальный іеромонахъ Мацѣевичъ, то послѣдній былъ предпочтенъ и посвященъ въ санъ митрополита 26-го марта 1741 года[3]). По прибытіи въ Тобольскъ, Арсеній, по примѣру малороссійскаго епархіальнаго управленія, переименовалъ тобольскую архіерейскую канцелярію въ консисторію: такъ, порядокъ церковнаго управленія Малороссіи, вмѣстѣ съ архіереями, вышедшими оттуда, переносится въ великорусскія епархіи, но онъ нисколько не улучшилъ общаго положенія дѣлъ.

Хотя и на этотъ разъ пребываніе Арсенія въ Сибири было непродолжительно (съ 18-го декабря 1741 г. по 10-е февраля 1742 г.), но до насъ дошелъ цѣлый рядъ промеморій, которыя, какъ нельзя лучше, характеризуютъ личность самого Арсенія, уже не скромнаго монаха, подающаго «сказку» передъ мелкимъ синодальнымъ чиновникомъ и увѣряющаго въ своей гражданской благонамѣренности, но какъ человѣка, гордаго въ сознаніи своей власти и неприкосновенности духовнаго сана. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ январѣ 1742 г. къ Арсенію была прислана просьба закащика (благочиннаго), священника верхнепелымской волости,

---

[1]) «Чт. М. О. ист.» 1862, 3. Въ спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей Рос. Цер., составл. П. Строевымъ, имя ярославскаго игумена Трифона не упоминается. Быть можетъ, оно принадлежитъ къ числу пропущенныхъ Строевымъ, какъ и многія другія, не оказавшіяся при нашихъ справкахъ. Въ Аѳанасіевскомъ ярослав. монастырѣ дѣйствительно оказывается такой пропускъ на стр. 368.

[2]) Списки архіер., Юр. Толстаго, стр. 4.

[3]) Чистовичъ, Арс. Мацѣевичъ, «День», 1862, № 15, стр. 4. Къ жизнеоп. Арс. Мац. «Чтен. Моск. Общ. исторіи», 1864, IV, смѣсь, 29. Списки, составл. Юр. Толстымъ, стр. 10. В. И.

Михаила Степанова, содержавшагося подъ арестомъ въ сибирской губернской канцеляріи. Въ своей просьбѣ онъ объяснялъ, что, будучи опредѣленъ митрополитомъ Филоѳеемъ Лещинскимъ (окрестившимъ съ 1712 по 1726 г. до 40,000 человѣкъ инородцевъ), онъ обязанъ былъ выстроить для вогуловъ церковь, крестить язычниковъ и надзирать за крещеными; но въ 1730 году, по повелѣнію императрицы Анны и на основаніи инструкціи митрополита Антонія, ему предписывалось принять противъ вогуловъ таковыя мѣры: истреблять идолы и кумирницы, воспрещать приносить языческія жертвы, доносить о виновныхъ гражданскому начальству и наказывать ихъ. Вслѣдствіе этого, въ 1732 году, онъ сжегъ 120 идоловъ и запретилъ приносить въ жертву лошадей, но затѣмъ снова открылъ, что языческія жертвоприношенія совершаются въ тайнѣ, посредствомъ потопленія въ рѣкахъ быковъ и коровъ; между крещеными и некрещеными заключаются браки, причемъ платятъ калымъ [1]), многіе же совсѣмъ оставили христіанство. Виновные въ этихъ преступленіяхъ не разъ подвергались наказаніямъ, вслѣдствіе чего пришли въ ярость противъ попа, нападали, грабили и наносили побои причту, а его, Степанова, обвиняли въ вымогательствѣ у нихъ денегъ и звѣрей; наконецъ, въ 1741 году, подали на него жалобу въ свѣтскій судъ, который распорядился схватить его, заковать въ цѣпи и отправить въ губернскую канцелярію. Получивъ эту просьбу, Арсеній рѣшился «отъ такихъ наглыхъ нападокъ и разбореній, какъ отъ свѣтскихъ командировъ, такъ и отъ иныхъ вогульцевъ, милостиво оборонить». Онъ защищаетъ обвиненнаго всею силою указовъ о неприкосновенности духовнаго сана и неподчиненности духовенства мірскому суду, безъ разрѣшенія на то архіереевъ: «такъ какъ свѣтская и неосвященная персона духовное лицо на себя брать и священника въ совѣстныхъ падежахъ, мимо главныхъ духовныхъ властей, которымъ дана власть вязать и рѣшить по святымъ законамъ, допрашивать и судить никакъ не можетъ»; а о томъ, что пелымскій воевода допустилъ сковать Степанова въ день полученія указа о восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, Арсеній объявляетъ, что войдетъ съ особымъ представленіемъ. Затѣмъ, обра-

[1]) Калымъ—плата за невѣсту.

щаясь къ самому вопросу о виновности подсудимаго, онъ замѣчаетъ, что еще сомнительно, кто болѣе виновенъ, священники ли, или свѣтскіе правители, «которые сами къ полученію мягкой рухляди имѣютъ большую склонность, а порицаютъ священниковъ». Оправдывая послѣднихъ бѣдностью и нуждою, Арсеній, какъ бы въ упрекъ администраціи, указываетъ на бывшее слѣдствіе о ясачныхъ сборщикахъ въ Сургутѣ. «И сіе представляется», замѣчаетъ онъ—«не для какого на воеводъ нареканія, которые не бѣлками, но цѣлыми мѣхами отбираютъ, и не защищеніе поповъ, которые берутъ себѣ на пропитаніе бѣлочками, но токмо о истинѣ изъявляется, что, вмѣсто помощи, какъ нынѣ бѣдное священство гонятъ и турбуютъ, и изневожаютъ, куютъ и бьютъ, яко злодѣевъ, и инстигуютъ (преслѣдуютъ) безъ мѣры, не яко о правдѣ пекущеся, но яко сами, любоимѣнія страстью одержимы суще, ищутъ себѣ всякими неправедными вымыслы пріобрѣтенія.... Волостныя церкви пустѣютъ и новокрещеные наставленія лишаются отъ гоненія неразсудныхъ свѣтскихъ командировъ, которые изъ своихъ происковъ не вѣру святую и православіе утверждаютъ, но и пріобрѣтенное духовными пастырями великимъ трудомъ и коштомъ вовсе тщатся уничтожить на едино поруганіе нашему святому православію». Вслѣдствіе этого заявленія, послѣ допроса, Степановъ былъ отосланъ въ Пелымъ, для производства дѣла, а свѣтское начальство считало даже нужнымъ оправдываться. Но въ томъ же январѣ (1742 г.) у Арсенія возникло новое столкновеніе съ сибирскою канцеляріею, изъ-за драки между крестьяниномъ архіерейской вотчины и приказчикомъ, котораго крестьянинъ обвинялъ въ грабежѣ. Арсеній снова выступилъ съ грозною промеморіею, потребовавъ обоихъ виновныхъ на свой судъ, на основаніи указовъ 30-го мая 1739 г. и 14-го августа 1741 г., но канцелярія, основываясь въ свою очередь на постановленіяхъ 1727 и 1728 гг., виновныхъ къ нему не отпустила. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1742 г., будучи уже въ Москвѣ, Арсеній доносилъ синоду, что въ его канцеляріи имѣется донесеніе на тамошняго воеводу, полковника Миклашевскаго, за то, что онъ билъ плетьми крещеныхъ татаръ, принявшихъ христіанство, безъ позволенія своихъ владѣльцевъ—татаръ, распорядился отдать жену одного изъ нихъ некрещеному татарину, а другаго разрѣшилъ продать, хотя на него не было крѣпостнаго акта. Ар-

сеній настаивалъ, чтобы это дѣло разсматривалось въ томской, а не тобольской канцеляріи, склонной покрыть виновнаго, и снова проговорился на счетъ «безсовѣстныхъ воеводъ». Онъ требовалъ отъ синода рѣшительнаго вмѣшательства въ это дѣло, тѣмъ болѣе, что инородцы могутъ быть «устрашены и утверждены свѣтскими злоковарными, неправедными, лихоимственными слѣдствіями и не будутъ имѣть охоты къ св. крещенію». Несмотря, однако, на такія энергическія заявленія, означенное дѣло было разсмотрѣно въ Тобольскѣ. Въ тобольскомъ епархіальномъ архивѣ есть еще нѣсколько подобныхъ промеморій Арсенія, въ которыхъ онъ съ неменьшимъ жаромъ отстаиваетъ права духовенства и новокрещеныхъ и не щадитъ словъ на обличеніе порядковъ свѣтскаго управленія. При этомъ, знатокъ мѣстныхъ архивовъ, протоіерей А. Сулоцкій замѣчаетъ, что ему пришлось просмотрѣть и прочесть бумаги предшественниковъ и преемниковъ Арсенія за время 1701 — 1768 гг. и, несмотря на то, что всѣ тогдашніе сибирскіе архіереи прошли одну школу съ Арсеніемъ, т. е. вышли изъ южной Россіи, но ни у одного изъ нихъ нѣтъ такихъ выраженій, такихъ отзывовъ и замѣчаній на счетъ другихъ, и на счетъ лицъ, несогласныхъ съ ними и такъ или иначе касавшихся духовенства [1]).

Вступленіе на престолъ Елисаветы Петровны пробудило въ русскомъ обществѣ національныя чувства, долго сдерживаемыя преобладаніемъ иностраннаго режима, а религіозные интересы нашли въ ней горячую поборницу. Екатерина II впослѣдствіи такъ отзывалась объ этомъ времени въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Жоффренъ:

«Въ молодости я предавалась богомольству и была окружена богомольцами и ханжами; нѣсколько лѣтъ тому назадъ нужно было быть или тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду» [2]).

Мы видѣли, какъ привѣтствовало духовенство этотъ переворотъ. Въ его нападкахъ на прежній порядокъ не только видны намеки, но произносились самыя имена виновныхъ; Остермана,

---

[1]) «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1864, IV, смѣсь, 29—36. Матер. къ жизнеописанію Арс. Мацѣевича.

[2]) Сборникъ русск. истор. общества, I, 282. В. И.

Миниха и т. п. Мы видѣли также, какъ отразилась эта перемѣна на положеніи господствующей церкви и другихъ иновѣрныхъ ученій въ Россіи. Но этимъ не удовлетворились. Уже въ самомъ началѣ царствованія Елисаветы, представители церкви выступаютъ съ знаменательнымъ проектомъ церковно-административной реформы, иниціативу которой взяли на себя Амвросій Юшкевичъ и Арсеній Мацѣевичъ.

Въ Сибири Арсеній подвергся сильнымъ припадкамъ цынготной и скорбутной болѣзни [1]) и, конечно, желалъ переселиться оттуда, но едва ли въ такой короткій срокъ, какимъ было его пребываніе въ Сибири, онъ успѣлъ снестись съ своимъ покровителемъ, Амвросіемъ, чтобы вдругъ измѣнить свое положеніе [2]). Еще Арсеній не успѣлъ пріѣхать въ Тобольскъ, какъ уже совершился переворотъ въ пользу Елисаветы, а нѣсколько дней спустя послѣ его пріѣзда умеръ ростовскій архіепископъ Іоакимъ. Такимъ образомъ это обстоятельство могло дать поводъ самимъ друзьямъ Арсенія похлопотать о перемѣщеніи его поближе въ Россію; но уже 10-го февраля 1742 г., не дождавшись рѣшенія своей участи, Арсеній оставилъ Тобольскъ; подъ покровительствомъ такого ходатая, какъ Амвросій, онъ могъ разсчитывать на успѣхъ. Дѣйствительно, 28-го мая, во время пребыванія императрицы въ Москвѣ, когда она пригласила Амвросія на совѣтъ о выборѣ законоучителя для великаго князя Петра Ѳеодоровича, Амвросій, предложивъ ей на это мѣсто своего товарища по кіевской академіи, Симона Тодорскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ словесно представилъ о переводѣ на ростовскую епархію, съ званіемъ члена синода, Арсенія Мацѣевича, и Елисавета также словесно утвердила этотъ докладъ [3]).

Виды Амвросія на Арсенія вполнѣ оправдались. Воспитанники одной школы, люди одинаковыхъ воззрѣній на церковныя отношенія и духовную власть, притомъ давно успѣвшіе сблизиться между собою, не могли не сочувствовать другъ другу теперь, когда наступало, повидимому, самое благопріятное время

---

[1]) Письмо къ Пимену, еп. Вологодскому, «Чтен. Моск. Общ. ист.», 1862, III, 135—136.

[2]) Статья Чистовича, «День», 1862, № 15, стр. 4.

[3]) «День», № 15, «Чтен. Моск. Общ. ист.», 1864, IV, 42. В. И.

для осуществленія ихъ замысловъ. И Амвросій, видѣвшій въ прежнихъ порядкахъ угнетеніе духовенства, которое будто бы хотѣли даже вовсе истребить, «чтобы завести свое вымышленное безпоповство», поспѣшилъ воспользоваться этимъ прекраснымъ случаемъ, чтобы совсѣмъ покончить съ ненавистною для него и его единомышленниковъ синодальною формою церковнаго управленія и возвратиться къ прежнему единоличному порядку правленія—стремленіе, не разъ проявлявшееся въ русской духовной іерархіи послѣ Петра Великаго. Такимъ образомъ, совмѣстно съ Арсеніемъ, Амвросій представилъ императрицѣ докладъ, въ которомъ, послѣ выписокъ изъ церковныхъ правилъ и отцовъ церкви, излагались слѣдующія мысли:

«Если трудно покажется по регламенту духовному титлы синодальной оставить, то синодъ, хотя и сдѣлать, однако, дабы былъ, хотя по малой формѣ, священнослуженію церкви соборной, апостольской, восточной сообразенъ, сирѣчь имѣющій въ себѣ президента первоначальнаго архіерея не иного кого, точію московскаго, титулующагося московскимъ и с.-петербургскимъ, вице-президента первого—новгородскаго архіерея, втораго—какого-нибудь архіерея, близь Москвы обрѣтающагося (конечно Арсенія). А оберъ-прокурору и генералъ-прокурору, какъ и экономіи коллегіи, нечего здѣсь дѣлать: понеже и то за нужду дѣлается, что въ синодѣ мірскіе оберъ-секретари и секретари. По настоящему церковному порядку, надлежало бы и тѣмъ быть духовнымъ лицамъ—іеромонахамъ или монахамъ; такъ какъ здѣсь не иныя дѣла судятся и производятся, только поповскія и причетническія, да монашескія; судятся также браки: законный и незаконный падежи совѣсти. О таковыхъ, что здѣсь смотрѣть или разбирать оберъ-прокурору или иной свѣтской персонѣ, не имѣющей посвященія или не имѣющей власти рѣшать и вязать? Въ собраніи синодальномъ нынѣ не только архіереи, но и архимандриты и протопопы, да еще оберъ-прокуроръ и оберъ-секретари заключаются и до всѣхъ тая титла «святѣйшій синодъ» или верховный святитель касается, ежели бы, чего не дай Богъ, по прежнимъ нашимъ временамъ, въ нашихъ глазахъ недавно бывшимъ, регентъ или генералиссимусъ съ Остерманомъ утвердились: кто бы ихъ смѣлъ поспорить, когда бы единаго или двухъ своихъ пасторовъ въ синодъ посадили. И какъ быть? Подъ

тою жъ титлою священства, они подъ овечью кожею истинные волки укрывалися бы на всеконечное истребленіе нашего благочестія».

Въ этомъ докладѣ еще не видно прямаго заявленія противъ синодальнаго управленія; но зато ясно ставился вопросъ объ исключеніи изъ синода не только свѣтскихъ чиновъ, но и членовъ низшей духовной іерархіи. Тѣмъ не менѣе, тайная цѣль этихъ стремленій обнаружилась немного позже, въ болѣе откровенной формѣ. Уже въ 1744 г. въ другомъ докладѣ Амвросій писалъ:

«Его величество, государь императоръ (Петръ Великій) соизволилъ было воспріять намѣреніе, чтобы духовное правленіе паки оставить точію при единомъ правленіи патріарха или митрополита, дабы церковное правленіе во славу Божію наилучше происходило. Но его величества соизволеніе къ исполненію не достигло по причинѣ его кончины» [1]).

Ясно, что имѣлось въ виду подѣйствовать на нерѣшительность Елисаветы «намѣреніемъ» ея отца... Но ни того, ни другаго виновникамъ этого проекта не удалось достигнуть, такъ какъ Елисавета Петровна не намѣрена была отступить отъ главныхъ основаній реформы Петра Великаго. Притомъ, въ самомъ синодѣ въ это время былъ такой энергическій ноборникъ учрежденій послѣдняго, какъ князь Я. П. Шаховской, которому приходилось выдерживать постоянную борьбу съ подобными же навязчивыми желаніями. Еще въ 1742 г. Амвросій вошелъ съ докладомъ о безпорядкахъ и грабежахъ въ коллегіи экономіи, предложивъ, конечно, совсѣмъ закрыть ее. Дѣло это тянулось до 1744 г., когда его желаніе дѣйствительно было осуществлено, но съ нѣкоторыми ограниченіями, предложенными кн. Шаховскимъ [2]). Не менѣе враждебно относился къ синоду и Арсеній Мацѣевичъ. Противники этого учрежденія не могли равнодушно смотрѣть, что въ его средѣ были не одни архіереи; а на ихъ глазахъ былъ даже случай, что членомъ синода состояло лицо, не имѣвшее никакой церковной степени, какъ напр. Ѳеофилъ Кроликъ, который былъ посвященъ въ іеродіаконы и іеромонахи въ

[1]) Филаретъ, Обзоръ рус. духов. литер., II, 24—25.

[2]) Записки кн. Я. П. Шаховскаго, изд. М. И. Семевскаго, 1872 г., стр. 51 и приложенія. В. И.

бытность свою членомъ синода. И Арсеній намекаетъ, что въ синодъ предполагалось даже посадить лютеранскихъ пасторовъ и сдѣлать его высшею административною инстанціею, не только для православной, но и для другихъ христіанскихъ церквей въ Россіи [1]). Такое мнѣніе, быть можетъ, основывалось на томъ, что въ первое время, при Петрѣ Великомъ, вѣдѣнію синода подлежали лютеранскія церкви въ Россіи и ихъ пасторы [2]). Но тенденціи Арсенія въ вопросѣ о церковной реформѣ вскорѣ обнаружились вполнѣ по другому случаю. Представившись императрицѣ Елисаветѣ, онъ не остался въ синодѣ и не далъ обычной присяги, а уѣхалъ въ свою епархію. Но, спустя нѣкоторое время, вѣроятно по настоянію кн. Шаховскаго, синодъ сдѣлалъ запросъ Арсенію: почему онъ не далъ установленной присяги и не является въ синодъ? Въ отвѣтъ на это, Арсеній сослался на личное и письменное объясненіе, которое онъ принесъ самой императрицѣ Елисаветѣ; и въ кабинетныхъ бумагахъ государственнаго архива сохранилось это «доношеніе» съ весьма цѣнными приложеніями, рельефно характеризующими личность и образъ мыслей ихъ составителя. Объясненія Арсенія основываются на томъ 1), что въ присягѣ, предложенной ему въ синодѣ, оказалась будто бы прибавка о вѣрности императрицѣ, какъ высшему судіи духовной коллегіи, и 2), что членъ синода, псковской епископъ Стефанъ (никогда не молчавшій даже и передъ кн. Шаховскимъ, какъ видно изъ записокъ послѣдняго) [3]) не хотѣлъ уступить ему высшаго мѣста по его епархіи; а это обстоятельство Арсеній считалъ на столько для себя оскорбительнымъ, что не согласился принести присяги даже тогда, когда ему предложено было дать ее безъ указанной прибавки. При этомъ, Арсеній заявлялъ о своей вѣрности императрицѣ, которой онъ принесъ присягу еще въ Тобольскѣ и что онъ, въ свое время, отказался отъ присяги Бирону, какъ регенту. Онъ препроводилъ также образцы присяги для свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, изъ

---

[1]) Возраженія Арсенія на «Молотокъ», Опис. докум. св. синода, т. I.

[2]) Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, 573.

[3]) Приложенія къ Запискамъ кн. Шаховскаго, изд. М. И. Семевскаго, стр. 309—313. В. И.

которыхъ видны его собственныя воззрѣнія на отношенія свѣтской и духовной власти [1]).

Дѣло о присягѣ было оставлено безъ послѣдствій, но вскорѣ затѣмъ въ 1743 году у Арсенія возникло новое столкновеніе съ синодомъ, и опять изъ-за присяги. Въ началѣ этого года, отъ всѣхъ лицъ, присягавшихъ при повышеніи въ чины, въ правленіе Бирона и Анны Леопольдовны, велѣно было отобрать присяжные листы въ сенатъ и сжечь ихъ. Между тѣмъ въ присягѣ Арсенія оказались прибавки собственной его руки, а потому отъ него потребовали новыхъ объясненій. Арсеній утверждалъ, что онъ сдѣлалъ прибавку въ опроверженіе раскольническаго мнѣнія, что настоящая церковь не есть церковь, архіереи—не архіереи и священство, отъ Христа и апостоловъ черезъ хиротонію происходя-

---

[1]) «День», 1862, № 25 и «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862 г., т. III, 144—151. Въ присягѣ духовнымъ титулъ синода «правительствующаго собранія» замѣненъ словами: «церковнаго правительства»; слова: «дѣйствовать вся по написаннымъ въ Духовномъ Регламентѣ уставамъ» пополнены такъ: «и дѣйствовать вся по Христову и Апостольскому и св. отецъ ученію, и по написаннымъ въ Духовномъ Регламентѣ уставамъ, согласующимъ съ церковью святою соборною Апостольскою, православно-восточною и аще-кія впредь уставы церкви божіей благопотребны непротивны согласіемъ сего духовнаго православнаго правительства и соизволеніемъ ея императорскаго величества опредѣлены будутъ». Въ другомъ мѣстѣ: «но аще въ чемъ и недоумѣніе мое будетъ, всячески по крайней моей возможности, потщуся искать уразумѣнія и вѣдѣнія отъ священныхъ писаній и правилъ соборныхъ, и согласія древнихъ великихъ учителей, отъ церкви свидѣтельствованныхъ» (разрядкою означены прибавки Арсенія). Но особенно характерно слѣдующее измѣненіе въ синодальной присягѣ: вмѣсто: «исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самую Всероссійскую монархиню, государыню нашу всемилостивѣйшую»—поставлено: «исповѣдую же съ клятвою крайняго судію и законоположителя духовнаго сего церковнаго правительства быти самаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, полномощную главу церкви и великаго архіерея и Царя, всѣми владычествующаго и всѣмъ ищущаго судити, живымъ и мертвымъ»... «Понеже», замѣчаетъ Арсеній «исповѣдывать съ присягою и клятвою противъ символа вѣры, другаго кого кромѣ Христа, крайняго судію, то уже Христосъ... какій намъ останется быти судіа? Въ сему же наша святая церковь... не по иному какому резону и папу римскаго отмещетъ и антихристомъ его быти присуждаетъ, токмо наипаче посему, что онъ, въ противность Христу, сдѣлалъ себя цѣлой церкви главою, сирѣчь крайнимъ судіею. А монаршей власти довольно въ той силѣ на вѣрность присягать... О чемъ довольно протолковано въ книгѣ «Камень Вѣры»... безъ приложенія таковаго излишняго ласкательства, во уничиженіе или во отверженіе, самаго крайняго судіи Христа Господа». **В. И.**

щее, совсѣмъ потерялося; «а кромѣ таковыхъ богохульниковъ, прибавляетъ Арсеній, я отнюдь не чаялъ, чтобы другому кому, кто церкви святой, православно-восточной придержится, могла быть противность». Въ такомъ видѣ настоящая присяга была читана Арсеніемъ передъ поставленіемъ его въ архіереи. Но, вступивъ на путь самооправданій, Арсеній долженъ былъ уже просить прощенія у синода [1]). Донесеніе Арсенія разсматривалось въ синодѣ съ 11-го іюля по 13-е октября, когда состоялось опредѣленіе сжечь присягу Арсенія, выписавъ изъ нея только имена архіереевъ, участвовавшихъ въ его постановленіи. Замѣчательно, однако, что на это отступленіе не обратили вниманіе въ свое время и придали значеніе прибавкѣ только теперь. Ясно, что въ средѣ синода были члены, враждебно настроенные противъ Арсенія, и это подтверждается тѣмъ, что Амвросій Юшкевичъ ни разу не присутствовалъ въ синодѣ [2]). Къ этому присоединились два новыя обстоятельства, существенно повліявшія на ходъ этого дѣла.

Еще въ 1742 г. коллегія экономіи распорядилась отправить въ ростовскіе монастыри нѣсколькихъ инвалидовъ, которыхъ Арсеній отказался принять, ссылаясь на недостатокъ средствъ. Тогда коллегія вошла съ жалобою на него въ сенатъ и синодъ, указывая на то, что по ея разсчету, въ тамошнихъ монастыряхъ есть въ запасѣ около 1000 четвертей хлѣба. Сенатъ потребовалъ объясненія отъ Арсенія, который отвѣчалъ, что послѣ донесенія своего въ коллегію (только-то теперь!) въ этихъ мона, стыряхъ было пострижено болѣе 40 человѣкъ, лишившихся монашескаго званія въ прошлое царствованіе, а потому лишнихъ порцій у него нѣтъ. При этомъ Арсеній, по своему обыкновенію, не стѣснялся въ выраженіяхъ, такъ что сенатъ требовалъ чтобы синодъ воспретилъ Арсенію обращаться къ сенату съ подобными оскорбительными рѣчами, угрожая, въ противномъ случаѣ, донести о томъ императрицѣ (12-го апрѣля 1743 г.); а спустя два мѣсяца повторилась та же исторія, по поводу присылки въ монастырь одного юродиваго. Арсеній отвѣчалъ те-

[1]) Н. И. Барсовъ не воспользовался этими донесеніями (см. «Русскую Старину», 1876, XV 752), напечатаны они въ «Днѣ», 1862 г., № 25, и «Чтен. Моск. Общ. ист.», 1862 г., кн. III, смѣсь, 144—152.

[2]) «День», 1862 г., № 25, стр. 6.

перь синоду въ прежнемъ духѣ, называя подобное требованіе «весьма неосмотрительнымъ и несправедливымъ». Послѣ этого синодъ рѣшился сдѣлать докладъ императрицѣ, которая повелѣла объявить Арсенію указомъ, чтобы «онъ отъ подобныхъ продерзостей воздержался, а ежели впредь будетъ оказывать къ регламенту и указамъ сопротивленіе и презорство, то, какъ противникъ общаго покоя и высочайшей власти, онъ будетъ лишенъ не только сана, но и монашества». И въ своемъ указѣ по этому случаю (3-го сентября) синодъ ссылается на самыя сильныя мѣста постановленій Петра Великаго и его преемниковъ о власти синода и обязанности всѣхъ — повиноваться ему, какъ и власти сената [1]).

Узнавъ о грозящей ему опасности (указъ былъ данъ еще 19-го августа), Арсеній сталъ было проситься на покой въ новгородъ-сѣверскій спасскій монастырь, ссылаясь на «скорбуточную болѣзнь», которую онъ нажилъ на морѣ, и головныя боли, вслѣдствіе которыхъ онъ почувствовалъ такую слабость, что не въ силахъ болѣе управлять епархіею. Какъ видно, синодъ было обрадовался этой просьбѣ и потому поспѣшилъ составить новый докладъ государынѣ, выражаясь въ немъ, что Арсенія на покой уволить «надлежитъ», а въ монастырѣ ему слѣдуетъ выдавать хлѣбную порцію и прочихъ припасовъ, противъ пяти монаховъ, назначить къ нему трехъ служителей и, на случай выѣзда изъ монастыря, давать коляску съ парою лошадей; на платье же и прочія нужды назначить по 300 р. въ годъ и 200 р. на дорогу [2]). Но императрица не утвердила этого представленія и повелѣла Арсенію, по-прежнему, оставаться ростовскимъ митрополитомъ [3]).

Амвросій и Арсеній были прямыми преемниками идей той партіи, которая, въ борьбѣ съ реформою Петра Великаго, группировалась возлѣ «Камня Вѣры» Стефана Яворскаго, какъ своего знамени, и «обличеній» Ѳеофилакта Лопатинскаго, сторонники

---

[1]) «День», 1861 г., № 15; «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1862 г., III, 154—157. Ссылаясь на указъ 1722 г., синодъ говоритъ: «кто гораздо презираетъ власть церковную съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій и тако безбожія воню изъ себя издаетъ»...

[2]) «Чтенія», 1862, III, 153.

[3]) «День», 1862, № 25, стр. 6. В. И.

которыхъ встрѣчали такой ожесточенный отпоръ въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича. Съ большими усиліями и значительнымъ пожертвованіемъ своихъ нравственныхъ силъ, велъ эту борьбу Ѳеофанъ, пока не одолѣлъ своихъ противниковъ. Но теперь, явились новые защитники ихъ ученія, такіе же, какъ и они, горячіе поборники патріаршества и церковной реакціи. Представители этого направленія одинаково сурово относились и къ расколу, и къ иновѣрнымъ ученіямъ.

III.

Еще въ 1742 году Арсенію было поручено разсмотрѣть и приготовить къ изданію трудъ Ѳеофилакта: «Обличеніе неправды раскольнической», написанное въ 1734 г., по поводу «Поморскихъ отвѣтовъ» [1]), но остававшееся до сихъ поръ, вслѣдствіе катастрофы, постигшей автора, не разсмотрѣннымъ. Арсеній, извѣстный уже намъ по своей полемикѣ, веденной имъ во время пребыванія въ соловецкомъ монастырѣ (1734), исправилъ сочиненіе Ѳеофилакта и составилъ къ нему предисловіе (оно издано въ 1745 году), а затѣмъ написалъ отъ себя «Дополненіе» къ сочиненію, оставшееся до послѣдняго времени въ рукописи [2]). Въ своихъ сочиненіяхъ Арсеній обнаруживаетъ большую начитанность въ отеческой и русской церковной литературѣ (соч. Максима Грека, Просвѣтитель, Стоглавъ, Четьи-Минеи и разныя полемическія

---

[1]) Они были вызваны вопросами, составленными въ 1722 г. іеромон. Неофитомъ, рекомендованнымъ, для обращенія выговскихъ раскольниковъ, извѣстнымъ дѣятелемъ по искорененію раскола въ нижегород. епархіи м. Питиримомъ. Но, начавши свою дѣятельность литературными пріемами, Неофитъ, подобно Питириму, и самъ пришелъ къ заключенію о необходимости «изысканія» раскольниковъ, такъ какъ раскольники жили «на свободѣ безъ всякаго опасенія». Въ 1727 г. Неофитъ умеръ; что же касается вопросо-отвѣтовъ и возраженій на нихъ Неофита, то они были переданы синодомъ на разсмотрѣніе Ѳеофилакта, который продержалъ ихъ у себя до 1733 г., оправдываясь въ этой медленности тѣмъ, что по смерти Петра Великаго «на новописанныя книги тяжкія цензуры настали». Представленное же въ 1734 г. «Обличеніе» было разсмотрѣно сначала Питиримомъ, а потомъ Арсеніемъ. См. «Опис. докум., хран. въ архивѣ синода», I, 471—485.

[2]) Отрывокъ его напечатанъ въ «Прилож. къ опис. докум., хран. въ арх. синода», CCCCXVIII и слѣдующ. **В. И.**

сочиненія), въ русскихъ лѣтописяхъ (Несторъ, хронографы, Степенная книга, лѣтопись ростовскихъ архіереевъ, лѣтописная повѣсть сибирскаго митрополита Игнатія) и даже иностранныхъ сочиненіяхъ (Бингама—Церковныя древности, Бароній, Агриппа—о суетѣ наукъ, Матвѣй Стрыйковскій, Коранъ, Талмудъ, Естествословцы) [1]). Но въ этомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія то, что весь запасъ своихъ богословскихъ знаній онъ употребляетъ на защиту преимущественно іерархіи и менѣе касается обрядовъ и другихъ спорныхъ вопросовъ раскола. Въ своихъ же полемическихъ доводахъ онъ основывается на примѣрахъ и авторитетѣ извѣстнаго творенія Іосифа Волоцкаго—«Просвѣтитель», требующаго вмѣшательства гражданской власти и казни еретиковъ, для которыхъ онъ не находитъ ни одной изъ нихъ суровою, не исключая даже сожженія, причемъ, подобно Іосифу, ставитъ въ образецъ новымъ ревнителямъ—древнихъ ревнителей, какъ Моисей, Іисусъ Навинъ, Илія, Левъ, еписк. Катанскій. Мы не говоримъ уже о самомъ способѣ полемики, въ которой постоянно встрѣчаются такія обращенія къ противникамъ, какъ: разбойники, жиды, воры, плотоугодники, хищники, адскіе бѣсы, волки, сатанинскіе служители, антихристы, и т. п. [2]). Дополненіе было представлено Арсеніемъ въ синодъ, 12-го марта 1746 г., но было возвращено автору для исправленія. Черезъ годъ онъ снова представилъ его, но дальнѣйшая судьба этого труда неизвѣстна [3]).

Ростовская епархія была полна раскольническихъ сектъ, различныхъ толковъ, которые дали обильный матеріалъ для сочиненій Димитрія Ростовскаго [4]). Увлекаемые ревностью и фанатизмомъ мученичества, которое такъ легко воспринималось, вслѣдствіе духа нетерпимости ихъ противниковъ, сектанты прибѣгали

---

[1]) Кромѣ того, въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ приводитъ выдержки изъ Плинія, изъ книжицы «иоики нарицаемыя», повѣствующей, между прочимъ, о Есхилѣ, «изряднѣйшемъ стихотворцѣ аѳинскомъ, получившемъ извѣстіе отъ астрономовъ о смерти нечаянной, яко имати быти ему отъ сверху верженія». «Яросл. Епарх. Вѣд.» 1864, № 48, 472.

[2]) «Православ. Собесѣд.» 1861, III. Увѣщаніе къ раскольнику; а также здѣсь изложено и Дополненіе Арсенія къ соч. Ѳеофилакта (по рукопис. Соловецк. монаст., означенный выше отрывокъ составляетъ начало его).

[3]) Документы синод. архива, 483 и 485.

[4]) См. Ереси и расколы, бывшіе и существующіе въ яросл. епархіи. Троицкаго. «Яросл. Епарх. Вѣд.», 1864. №№ 11—27. В. И.

нерѣдко, то къ насильному голоду, то къ самосожженію. Такъ изъ донесенія іером. Игнатія Димитрію Ростовскому видно, что въ его прежнемъ приходѣ сожглось 1920 человѣкъ, не считая окрестныхъ селъ и деревень, гдѣ было также множество подобныхъ жертвъ. Но какъ трудно было относиться къ расколу въ духѣ терпимости, можетъ служить лучшимъ примѣромъ самъ Димитрій Ростовскій, который, посылая свою книгу о расколѣ (быть можетъ, «Розыскъ») другу своему Ѳеологу [1]), писалъ ему слѣдующее: «посылаю бороду капитонскую (Капитонъ—расколоучитель), изрядную, долгую, широкую, расчесанную, въ которую не жаль плюнуть» [2]). И въ то время, какъ Амвросій настаивалъ на принятіи строгихъ мѣръ противъ распространенія раскола, ссылаясь, какъ на главную опору ихъ нападокъ на церковь, на ихъ мнѣніе, что «синодальное правленіе отъ единаго образца протестантскаго взято» [3]),—Арсеній торжественно клялся передъ своею паствою въ совершенномъ искорененіи этихъ враговъ православія [4]). Въ самомъ дѣлѣ, полемика съ расколомъ была любимою темою его проповѣдей [5]), а нетерпимость его въ этомъ случаѣ доходила до того, что, когда Петръ и Екатерина II облегчили участь раскольниковъ, то онъ велѣлъ выписать изъ служебника и читать особыя молитвы противъ нихъ и вынимать частицы на проскомидіи на гонящихъ церковь, ибо-де раскольники въ церковь не ходятъ и плюютъ на нее [6]). Тѣмъ же духомъ проникнуто и извѣстное сочиненіе Арсенія на «Молотокъ» «Молотокъ не Камень Вѣры»—лютеранскій пасквиль, написанный чрезвычайно бойко и пущенный въ ходъ въ Россіи около 1731 года. Въ то время «Камень Вѣры» былъ уже запрещенъ, а потому писать въ его защиту—было опасно. Ѳеофилактъ Лопатинскій хотѣлъ было писать противъ возраженій Буддея, профессора іенскаго университета (которому приписываются эти возраженія), но тайная канцелярія запретила ему писать противъ Буддея и даже упоминать о самомъ запрещеніи. Переводъ

---

[1]) Іеромонахъ, ученикъ братьевъ Мехудовъ, справщикъ книгъ, библіотека и переписка котораго поступили въ синод. библіотеку.

[2]) Румянц. музея № 407, письмо 2. См. предыд. статью, № 16, стр. 155.

[3]) Обзоръ духов. литер. Филарета, II, 25.

[4]) «Ростовскій лѣтописецъ», изд. въ Ярославлѣ.

[5]) Опис. докум. Синод. Арх., 483.

[6]) «День», 1861, № 16, и допросъ Мацѣевичу. **В. И.**

же сочиненія Рибейры (доминиканца, писавшаго въ защиту «Камня Вѣры») на русскій языкъ, повлекъ за собою преслѣдованіе нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ и другихъ духовныхъ лицъ. Но, въ царствованіе Елисаветы, перевѣсъ получила противная партія, и Мацѣевичъ могъ выступить на защиту идей Стефана Яворскаго [1]). Впрочемъ, защитникъ Стефана пересыпаетъ свои отвѣты такою крупною бранью и такими рѣзкими выходками противъ автора «Молотка», что его полемика приняла совершенно личный характеръ. Между тѣмъ какъ «Молотокъ» вездѣ ссылается на факты и историческія данныя, авторъ возраженія не даетъ почти никакихъ свѣдѣній о времени и дѣйствующихъ лицахъ, о которыхъ пишетъ; о самомъ Стефанѣ онъ сообщаетъ самыя общія свѣдѣнія, сохранившіяся устно или печатно, и вовсе не опровергаетъ своего противника, а только заподозрѣваетъ достовѣрность изложенныхъ фактовъ. Чтобы судить о пріемахъ этой полемики, достаточно указать, что, на обвиненіе авторомъ «Молотка» Стефана Яворскаго за уклоненіе въ унію, а потомъ переходъ въ православіе, Арсеній Мацѣевичъ отвѣчаетъ такъ: «А наипаче для чего Мартина Лютера и Катеринки его монашествомъ папскимъ не токмо не порицаете, но и за святость пріемлете?» Составитель «Молотка» старался набросить подозрѣніе на Стефана въ его католическихъ тенденціяхъ и склонности къ папизму, а за его обличенія лютеранства—отплатить тѣмъ же самымъ православію; такимъ образомъ, патріаршество, обрядность, чудеса, монашество — подвергаются въ «Молоткѣ» или полному осужденію, или посмѣянію. Арсеній, защищая все это, съ своей стороны безпощадно бранитъ противника, причемъ не упускаетъ случая затронуть мимоходомъ даже послѣдователей раскола. Но два вопроса составляютъ больное мѣсто полемики Арсенія это — возстановленіе патріаршества и защита монашества. Относительно перваго Арсеній высказываетъ мысль, что Петръ Великій не думалъ отмѣнять патріаршества навсегда, а напротивъ, намѣренъ былъ снова учредить его, и потому не велѣлъ уничтожать патріаршаго мѣста въ Успенскомъ

---

[1]) Въ это время имѣть въ домѣ рукопись «Молотка» считалось уже ересью и богохульствомъ. См. доношеніе императрицѣ Елисаветѣ на вольнодумцевъ Коржавиныхъ, 1755 г. Воронц. арх., III, 316. **В. И.**

соборѣ, которое «по особому высокомонаршему усмотрѣнію осталось въ цѣлости, какъ прежде было, и нынѣ настоятеля своего ожидаетъ». Въ защиту монашества, Арсеній ссылается на примѣръ Іисуса Христа, который былъ «первѣйшій монахъ», на Богородицу, какъ образецъ монашества, наконецъ, на самихъ монаховъ, отъ которыхъ преимущественно происходятъ чудеса.... При этомъ онъ, конечно, стоитъ за избраніе въ епископы исключительно монаховъ и, ссылаясь на церковныя древности Бингама, доказываетъ, что въ древней церкви въ епископы избирали преимущественно аскетовъ или даже женатыхъ, но «съ обязательствомъ, чтобы на архіерейскихъ степеняхъ дѣтей не плодили» [1]).

Заслуживаетъ еще вниманія возраженіе Арсенія на обвиненіе «Молотка» въ медленности исправленія славянской библіи, о чемъ безуспѣшно хлопоталъ Петръ Великій. «Ежели разсудить въ тонкость—«говоритъ Арсеній», то библія у насъ и не особенно нужна. Ученый, ежели знаетъ по гречески, греческую и будетъ читать, а ежели по латынѣ, то латинскую, съ которой для себя и для поученія народа, россійскую, какая ни есть библія, будетъ исправлять. Для простаго же народа довольно въ церковныхъ книгахъ отъ библіи имѣется» [2]). Выше мы указывали, что Арсеній былъ человѣкъ начитанный. Его библіотека составляетъ теперь собственность ярославской духовной семинаріи, и въ ней же хранятся рукописи самого Арсенія, заключающія въ себѣ 12 томовъ проповѣдей (числомъ 217) [3]); но онѣ не обработаны литературно, а представляютъ рядъ набросковъ, конспектовъ, выписокъ изъ св. писанія и отцовъ церкви. Напрасно, однако, утверждаютъ тѣ, которые желаютъ въ Арсеніѣ видѣть образецъ всевозможныхъ совершенствъ, что по своему характеру рѣчи Арсенія рѣзко отличаются отъ пріемовъ многихъ его предшественниковъ, любившихъ, какъ извѣстно, занимать своихъ слушателей анекдотическими разсказами изъ гражданской и церковной исторіи, апокрифовъ и средневѣковыхъ бестіаріевъ, и болѣе подходятъ, къ требованіямъ, поставленнымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, нежели

---

[1]) Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, 383—407.

[2]) Тамъ же.

[3]) Нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ 20 листовъ. «Яросл. Епарх. Вѣд.», 1864, № 35, стр. 348.

— его противниками [1]). По своему содержанію, это—поученія, произнесенныя по поводу воскресныхъ и праздничныхъ евангелій и апостоловъ, толкованія псалмовъ или катехизическія объясненія символа вѣры, заповѣдей и т. п. [2]), главнымъ образомъ, догматическаго содержанія, причемъ авторъ ихъ постоянно имѣетъ въ виду вопросы, оспариваемые раскольниками, какъ мнѣнія ихъ о священствѣ, объ антихристѣ и т. п. [3]), и даже въ бесѣдахъ нравственнаго содержанія, которыхъ также не мало, весьма часто встрѣчаются длинныя отступленія догматическаго или полемическаго характера, а въ изложеніи нравственныхъ вопросовъ онъ обыкновенно прибѣгаетъ къ искусственнымъ, чисто схоластическимъ пріемамъ [4]). Такимъ образомъ, отзывъ о проповѣднической дѣятельности Арсенія, основанный не на предвзятомъ мнѣніи или личныхъ симпатіяхъ, а на изученіи самыхъ его сочиненій, будетъ совсѣмъ иного рода. «Если взять внѣшнюю сторону проповѣднической дѣятельности Арсенія, количество написанныхъ имъ поученій и самый объемъ ихъ», читаемъ въ подробномъ разборѣ этихъ сочиненій—«то едвали какой русскій проповѣдникъ XVIII столѣтія можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ Арсеніемъ. Но его трудолюбіе и широта его богословскаго образованія представляются какъ-то двусмысленными, такъ какъ главное и существенное содержаніе его бесѣдъ составляютъ выписки изъ отцовъ и учителей церкви; искусственный подборъ этихъ выдержекъ, равно какъ и многочисленныхъ текстовъ изъ св. писанія и примѣровъ изъ житій святыхъ, заставляютъ думать, что Арсеній не самостоятельно изучалъ писателей, а имѣлъ у себя подъ руками какую-либо, по всей вѣроятности, латинскую конкордацію, гдѣ собраны были всѣ параллельныя изрѣченія и толкованія.... Мы думаемъ еще болѣе, именно, что нѣкоторыя изъ его рѣчей даже не имъ самимъ составлены, а только подъ его руководствомъ и редакціею.... Такимъ образомъ поражающее съ

---

[1]) «Русская Старина», 1876, XV, статья Н. И. Барсова, стр. 725.

[2]) «Христ. чтеніе», 1874, февр., 266. Наибольшее число проповѣдей Арсенія приходится на 1747—1752 гг. (13—20 въ годъ). Онѣ были произнесены преимущественно въ Ростовѣ, другія были сказаны въ Москвѣ, въ Ярославлѣ, Угличѣ, или въ разныхъ селахъ его епархіи. «Яросл. Еп. Вѣд.», 1864, № 35, стр. 349.

[3]) Тамъ же, № 43, стр. 420—425; № 45, стр. 439—445.

[4]) «Яросл. Епарх. Вѣд.», 1864, № 50, стр. 485—490.

перваго взгляда трудолюбіе Арсенія и его эрудиція, при внимательномъ разсматриваніи дѣла, теряютъ свое значеніе. Но, еслибы и дѣйствительно проповѣди Арсенія были самостоятельнымъ трудомъ, то и въ такомъ случаѣ его литературная дѣятельность представляется не въ очень привлекательномъ свѣтѣ, особенно если сравнить ее съ дѣятельностью современныхъ проповѣдниковъ».

Сравнивая его бесѣды съ рѣчами Ѳеофана, Стефана Яворскаго, Димитрія Ростовскаго, такъ или иначе отзывавшихся на современныя явленія жизни, авторъ разбора замѣчаетъ: «ничего подобнаго мы не видѣли у Арсенія. Въ проповѣдяхъ его нѣтъ указанія ни на одно политическое происшествіе, ни на одну правительственную реформу. Заявивши такъ энергически свой протестъ противъ одного изъ важныхъ распоряженій правительства (о церковныхъ имуществахъ, уже при Петрѣ III и Екатеринѣ II), онъ ко всѣмъ другимъ политическимъ и гражданскимъ событіямъ вѣка оставался какъ-бы безучастнымъ... Вѣроученіе его вращается въ сферѣ отеческихъ толкованій, или сухой схоластической отвлеченности.... Тогда какъ въ полемикѣ Димитрія Ростовскаго противъ раскола—мы находимъ не только обстоятельное изложеніе догматовъ раскола, но и опроверженіе многихъ частныхъ раскольническихъ мнѣній и толковъ, а также знакомимся со складомъ и направленіемъ самой жизни раскола; подобнаго живаго отношенія къ послѣднему мы не видимъ въ полемическихъ бесѣдахъ Арсенія... Вообще, по его бесѣдамъ, человѣкъ, незнакомый съ расколомъ, составитъ самое смутное и неопредѣленное понятіе даже объ основныхъ пунктахъ раскольническаго вѣроученія. Вообще, полемика Арсенія безжизненна и суха, и трудно предположить, чтобы она имѣла живое вліяніе на слушателей. То же нужно сказать и о другихъ его бесѣдахъ нравственнаго содержанія.... Нужно думать, что, по своему однообразію, по своей сухости и безжизненности, и особенно по своей чрезвычайной растянутости, онѣ были слишкомъ утомительны для вниманія слушателей [1])».

1) Арсеній Мацѣевичъ, какъ проповѣдникъ. Н. К—въ. «Яросл. Епарх. Вѣд.», 1864, №№ 35, 37, 39, 41—45, 48—52, особенно № 52, стр. 507—510. Изъ сочиненій Арсенія напечатаны весьма немногія. О нихъ смотри у Филарета: Обз. дух. литер., II, 54; «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1862, III. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, Г. Н. Геннади, I, 44—45. О взглядѣ Арсенія на проповѣдь въ «Днѣ», 1862, № 15, стр. 3.

До Арсенія въ его епархіи существовала уже славяно-латинская школа, основанная при архіерейскомъ домѣ его предшественникомъ (1739 г.), для которой учители были вызваны изъ Малороссіи, но, по смерти его, она пришла въ упадокъ (1742 г.), а затѣмъ была замѣнена Арсеніемъ семинаріей въ Ярославлѣ (1747 г.)[1]). Эта перемѣна объясняется нерасположеніемъ послѣдняго къ латинской наукѣ и его взглядомъ на потребности духовнаго образованія. Такъ, въ 1763 году, онъ писалъ: «Духовенству нужны школы и академіи, какъ въ давности было въ Греціи и теперь есть на западѣ, т. е. по знатнымъ мѣстамъ въ царствующихъ городахъ, на государственномъ содержаніи, ибо знаемъ всѣ, что ученіе свѣтъ, а неученіе тьма. Но, какъ свѣтъ, отъ начала созданія всюду разсѣянный и колеблющійся, приведенъ въ порядочное состояніе тѣмъ, что сосредоточенъ въ одномъ солнцѣ, такъ и свѣту духовнаго просвѣщенія, т. е. академіямъ, не надлежитъ быть по грязямъ и болотамъ, но по знатнымъ царствующимъ городамъ, какъ то и Духовный Регламентъ, если его прочесть внятно и въ тонкость, повелѣваетъ академіи быть при синодѣ на государственномъ содержаніи. А при архіереяхъ быть школамъ для священническихъ дѣтей». Эти школы, по мнѣнію Арсенія, должны быть русскія, такъ какъ въ церквахъ служба совершается по-русски, а не по-латыни и не на другомъ какомъ-либо языкѣ. «Въ нашей ростовской школѣ», замѣчаетъ Арсеній—«уже и производится такое обученіе, только вмѣсто книги, показанной въ Духовномъ Регламентѣ, которая не бывала и быть не должна, толкуется православное исповѣданіе (Петра Могилы). Книжка эта для священника нужнѣе философіи и другихъ академическихъ книгъ, а особенно по деревнямъ, гдѣ нужно работать на хлѣбъ» [2]).

И такъ, въ одномъ случаѣ, авторъ этихъ словъ признаетъ авторитетъ Регламента обязательнымъ—тамъ, гдѣ толкованіе его, основанное «на тонкости», освобождало бы архіереевъ отъ непріятной повинности,—въ другомъ—онъ уклоняется отъ требованій того же Регламента и отвергаетъ ихъ, какъ противныя ре-

---

[1]) «Чтен. Моск. Общ. ист.» 1847, годъ III, кн. 2, стр. 78, и «Ист. Іерархіи», I, 444—445.

[2]) «Чтенія Моск. Общ. ист.». 1862 г., III, и статья И. А. Чистовича, «День», 1862 г., № 15, стр. 3.

лигіи. Точно также смотрѣло на школу большинство іерарховъ того времени, сочувствовавшее взглядамъ Арсенія.

Преданный партіи, враждебной Регламенту, Арсеній думалъ авторитетомъ лучшихъ представителей подкрѣпить собственную дѣятельность. Своими литературными трудами онъ выдвинулъ на видъ позабытыя имена Стефана Яворскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго. Возраженіе его на «Молотокъ» въ значительной степени было личнымъ панегирикомъ тому же Стефану [1]). Но и въ ряду своихъ предшественниковъ на ростовской каѳедрѣ, Арсеній могъ найти примѣръ, которому онъ готовъ былъ слѣдовать въ своей дѣятельности, понимая послѣднюю въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ выраженіе однихъ личныхъ мнѣній. Мы говоримъ здѣсь о Димитріѣ Ростовскомъ, и на этотъ разъ мы вполнѣ согласны съ критикомъ исторіи г. Соловьева, что между Димитріемъ и Арсеніемъ далеко не было такой рѣзкой противоположности, на какую указываетъ историкъ Россіи. Разница заключалась собственно въ томъ, что первый былъ человѣкъ болѣе кабинетный и ученый, между тѣмъ, какъ второй старался немедленно переносить свои мнѣнія въ дѣло. Духъ и образъ мыслей Димитрія и Арсенія, по нѣкоторымъ, весьма существеннымъ вопросамъ, почти тождественны. И Димитрій Ростовскій любилъ останавливаться на отношеніяхъ свѣтской администраціи къ духовенству и церкви; и онъ рѣшался подымать голосъ противъ распоряженій Петра Великаго съ неменьшею рѣзкостью, чѣмъ Арсеній; но особенно онъ былъ неумолимъ къ учрежденію монастырскаго приказа.—«Хощети ли грабити церковная?» восклицаетъ онъ: «Спросися Иліодора, казначея царя Селевка, иже пришелъ

---

[1]) Впрочемъ, можно удивляться тому, что нѣкоторые стремятся утвердить за «Возраженіемъ на Молотокъ» значеніе блестящей апологіи «Камня Вѣры» (статья Н. И. Барсова), тѣмъ болѣе, что и у церковныхъ писателей существуетъ уже болѣе безпристрастный взглядъ на это сочиненіе Арсенія (Чистовичъ, Ѳеоф. Прок., 386 и 407); что его защитѣ патріаршества хотятъ придать характеръ доклада о лучшемъ управленіи церкви, изложеннаго съ замѣчательною ученостью (!); что въ его схоластическихъ рѣчахъ находятъ какіе-то новые пути, а въ самомъ исходѣ печальной исторіи Арсенія—результатъ того положенія, въ какомъ, по словамъ Стурдзы (еще бы!), находился синодъ, «двигавшійся по колеѣ Духовнаго Регламента и грозныхъ преданій вѣка Петрова». (Ibid). Но факты, излагаемые нами, приводятъ къ совсѣмъ инымъ заключеніямъ. В. И.

бѣ въ Іерусалимъ грабити церковная и біенъ бысть ангельскими руками». Въ другомъ мѣстѣ онъ отзывается о военномъ сословіи, которому поручался надзоръ въ монастырскихъ имѣніяхъ, слѣдующимъ образомъ: «Моисей въ минуту негодованія на свой народъ, за измѣну истинному Богу разбилъ, сходя съ горы, скрижали закона на двѣ половины, такъ что на одной остались отрицанія: не... не... не..., а на другой: убей, укради, прелюбы сотвори... Вотъ этой-то второй половины скрижали и придерживаются теперь военные: убиваютъ, крадутъ, прелюбодѣйствуютъ». Въ такомъ же духѣ идутъ его обличенія на разрѣшеніе ѣсть мясо солдатамъ въ посты, допущенное при Петрѣ Великомъ, на стѣсненія монашествующихъ, на учрежденіе ассамблей [1]). Не забудемъ также, что другими ближайшими предшественниками Арсенія на ростовской каѳедрѣ были и Досиѳей Глѣбовъ, казненный при Петрѣ Великомъ по дѣлу царевича Алексѣя и царицы Евдокіи, и Георгій Дашковъ, поплатившійся при Аннѣ Іоанновнѣ за свои честолюбивыя стремленія. Сочиненія Димитрія Ростовскаго, безъ сомнѣнія, хорошо были извѣстны Арсенію, а мнѣніе его о церковныхъ имуществахъ обратило на себя даже особенное вниманіе послѣдняго [2]).

Къ Димитрію Ростовскому Арсеній питалъ глубокое почтеніе; такимъ образомъ, по его донесенію, синодъ разрѣшилъ, въ 1752 г., открыть мощи Димитрія Ростовскаго и тогда же поручилъ Арсенію составить службу и житіе св. Димитрію [3]). Открытіе его мощей происходило въ апрѣлѣ 1757 г. [4]), а затѣмъ императрица Елисавета заказала для нихъ богатую серебряную раку. Въ это время Арсеній пользовался особымъ вниманіемъ со стороны Елисаветы Петровны. Такъ, въ мартѣ 1753 г., узнавъ о пріѣздѣ ея въ Москву, онъ поспѣшилъ выразить ей сожалѣніе, что, по причинѣ болѣзни, онъ не можетъ лично предстать передъ нею, и при этомъ препроводилъ ей свои сочиненія: «Обличеніе на книгу раскольническую олонецкую» и «Возраженіе на

---

[1]) Сочиненія Димитрія Ростовскаго, II, 235, 317, 268, 448, 453. «Русская Старина», нед. 1876 г., стр. 733—734.

[2]) «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1862 г., II, 40—44.

[3]) Обз. духов. литерат., Филарета, 56.

[4]) «Чтенія Моск. Общ. ист.» годъ III, кн. II, 39.

пашквиль лютеранскій, на книгу Камень Вѣры сочиненный», «которыя», писалъ онъ, «не представить вашему величеству совѣсть моя мнѣ воспрещаетъ. Того ради и книги, и меня самого особенному вашего величества разсмотрѣнію вручаю».

Въ отвѣтъ на это императрица почтила его особеннымъ знакомъ благосклонности, какъ видно изъ его благодарственнаго письма: «За превысочайшее и всемилостивѣйшее вашего величества пожалованіе меня, всеподданнѣйшаго раба и богомольца, виномъ венгерскимъ, которое я чрезъ преосвященнаго Платона Малиновскаго (возвращеннаго изъ ссылки и возведеннаго въ санъ архіепископа московскаго Елисаветою) получилъ, всепокорнѣйшее рабское мое приношу вашему величеству благодареніе и, по всемилостивѣйшему вашего величества приказу: началъ я оное вино употреблять по совѣту лекаря съ салволятилемъ и, чувствуя пользу, сосновую воду пить оставилъ. Тоежъ вино на приношеніе безкровныя жертвы, о дражайшемъ вашего величества здравіи и спасеніи, при моемъ служеніи будетъ употребляться (іюля 1-го 1753 г.)» [1]).

Передъ людьми, мнѣнія которыхъ онъ раздѣлялъ, Арсеній благоговѣлъ и преклонялся, но на людей, отступавшихъ отъ установленной догмы, онъ призывалъ небесныя и земныя кары. Мы знаемъ уже, что противъ еретиковъ у него готовы были примѣры изъ «Просвѣтителя» Іосифа Волоцкаго; а въ одномъ изъ своихъ сочиненій, Арсеній прямо указываетъ на смертную казнь, совершенную надъ дворяниномъ Возницынымъ [2]), перешедшимъ въ Слуцкѣ въ жидовство и принявшимъ обрѣзаніе, хотя послѣдній, по возвращеніи въ Россію, до конца отвергалъ обвиненіе его въ этой ереси, и замѣчательно, что увѣщаніе его также было поручено Арсенію, и этотъ примѣръ онъ приводитъ въ доказательство неисправленія еретиковъ [3]). Такъ же сурово отнесся Арсеній, когда ему пришлось произнести приговоръ надъ человѣкомъ, уклонившимся отъ общепринятыхъ пріемовъ про-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1866 г., 50—52.

[2]) При Аннѣ Іоанновнѣ.

[3]) Донесеніе Арсенія по дѣлу архимандрита Владиміра Каллиграфа, малоизвѣстнаго русскаго проповѣдника XVII стол., Н. И. Барсова, въ «Христ. чтеніи», 1874 г., февр. и апр., и отдѣльно, стр. 33. В. И.

повѣдничества и заявившимъ открыто о необходимости болѣе духовнаго пониманія религіозныхъ вопросовъ. Мы говоримъ о Владимірѣ Каллиграфѣ, состоявшемъ сначала учителемъ риторики въ кіевской академіи, а потомъ префектомъ и учителемъ философіи и богословія въ московской академіи. 21-го мая 1757 г., онъ произнесъ въ одной изъ московскихъ церквей слово, въ которомъ рѣшился прямо напасть на привязанность русскихъ къ религіозной обрядности и внѣшности. «Пускай», говоритъ онъ, «кому угодно различныя суевѣрія вымышляютъ, пускай на однихъ святыхъ, на иконы ихъ или на Богоматерь всю надежду свою полагаютъ; однако, твердо такому скажу, что ежели въ немъ не будетъ мудрствоваться тоже, что въ Іисусѣ Христѣ, его вѣчная мука ожидаетъ. Укрась, какъ хочешь, икону Богоматери, кричи, сколько у тебя мочи: «радуйся, благодатная Марія», а самъ о той благодати не старайся, промели на всякій день по десять или по двадцать кратъ акаѳистъ Богородицѣ, а самъ сына ея возлюбленнаго грѣхами распинай, никакой не получишь пользы».

Такая рѣчь крайне смутила Москву, а молва разнесла о ней вѣсть до Петербурга, Ярославля и Ростова.... Московская синодальная контора подвергла эту рѣчь экстренному обсужденію, а въ самомъ синодѣ—одни члены признали въ ней иконоборческія идеи и полагали уже запретить Каллиграфу дальнѣйшее преподаваніе богословія, но другіе обратили вниманіе на всю рѣчь и вовсе не нашли въ ней того вреднаго направленія, какое приписывали автору. На этотъ разъ его обязали только произнесть, при случаѣ, другое слово въ защиту иконъ, что онъ и сдѣлалъ. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ послѣ этого происшествія, его послали было архимандритомъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей (въ Устюгъ), но затѣмъ вызвали въ Петербургъ и назначили ректоромъ семинаріи въ Ярославль (въ іюлѣ 1759 г.). Здѣсь то его ожидала надлежащая кара. Арсеній, имѣвшій уже въ своихъ рукахъ списокъ съ московской проповѣди Каллиграфа, потребовалъ отъ автора публичнаго отреченія отъ своихъ мнѣній и признанія ихъ еретическими, а затѣмъ запретилъ ему служить съ собою и ѣздить къ нему, Арсенію, въ домъ. Въ проповѣди Каллиграфа Арсеній видѣлъ явное «жидовство и кальвинство», чего «не могъ стерпѣть ему по совести»; приравнивалъ его къ названному выше Возницыну и даже не хотѣлъ признавать его «за

христіанина», хотя Каллиграфъ и объяснилъ ему, что синодъ не нашелъ въ его мнѣніяхъ никакой ереси и вторую проповѣдь велѣлъ произнести только «для простыхъ-де». Въ такомъ положеніи виновный обратился за объясненіемъ въ синодъ, но Арсеній послалъ съ своей стороны донесеніе, въ которомъ просилъ освободить его и епархію отъ такого волка и врага Божія. Но онъ не считалъ нужнымъ ждать рѣшенія, а поспѣшилъ отрѣшить Каллиграфа отъ управленія монастыремъ и велѣлъ выдавать ему одно пропитаніе, ссылаясь, въ донесеніи синоду, на власть архіерейскую, данную ему отъ Бога и императрицы. Синодъ вынужденъ былъ назначить коммисію для разсмотрѣнія этого дѣла, хотя и выразился, что самъ такой вины за подсудимымъ не признаетъ, а потому оставилъ за нимъ и управленіе монастыремъ. Однако обвиняемый не дожилъ до полнаго оправданія: въ августѣ 1760 г., онъ скончался отъ апоплексическаго удара въ Сергіевской лаврѣ.

По смерти Каллиграфа была составлена опись его имущества и библіотеки, для продажи съ аукціона. Библіотека эта состояла изъ 80-ти сочиненій (до 100 томовъ) по богословію, философіи и словесности, на латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ и славянскомъ языкахъ. Составъ ея знакомитъ насъ съ характеромъ занятій и образомъ мыслей печальной жертвы ревности не по разуму Арсенія. Въ числѣ книгъ, поименованныхъ въ описи, мы находимъ ученыя изданія библіи— католическія и протестантскія, сочиненія Эразма Роттердамскаго (Epistolae etc.), Буддея (Theologia moralis, къ которому питалъ уваженіе Ѳеофанъ Прокоповичъ), Рейхлина (Biblia hebraica), Adami Scherzeri (Colloquium antisocinianum, systema theologica), Salomonis glossii (Philologia sacra), Баумейстера (Institutiones metaphysicae etc.), Епиктета (Enchiridion graeco-latinum), Канта (Philosophia fundamentalis), у. Baptistae (Opera philosophica), Horatii Poëmata, Lactantii (opera omnia), P. Cuneci (orationes), Stoccis, clavis linguae sacrae, Büchneri Epistolae и др. Отсюда можно вывести заключеніе, что Каллиграфъ былъ одинъ изъ тѣхъ ученыхъ богослововъ, рядъ которыхъ открываетъ самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Часть денегъ, вырученныхъ отъ продажи его библіотеки, пошла въ уплату долга за медикаменты, взятые изъ

лаврской аптеки, а часть выдана прислугѣ; но имущества у Каллиграфа почти не оказалось [1]).

Историки церковной словесности признаютъ въ рѣчахъ Каллиграфа стройность изложенія, силу аргументаціи, меткое изображеніе современныхъ нравовъ,—качества, выдвигающія автора изъ общаго уровня современныхъ проповѣдниковъ, а ихъ было не мало въ царствованіе Елисаветы [2]). Въ приговорѣ Арсенія надъ дѣятельностью Владиміра Каллиграфа выразилась полнѣйшая его нетерпимость въ религіозныхъ мнѣніяхъ. Выходя изъ положенія: «не мнози учители бывайте»—онъ полагалъ, что лучше народу вовсе быть безъ наставленія, или читать старыя печатныя произведенія, нежели сѣять плевелы по злонамѣренности или заблужденію [3]), какими онъ считалъ, конечно, не только настоящую жертву своего приговора, но и всякаго мало-мальски уклонившагося отъ рутинной колеи его собственныхъ литературныхъ традицій. Но приговоръ синода по этому дѣлу ясно показываетъ, что въ средѣ іерархіи могла существовать иная точка зрѣнія на мнѣнія, осужденныя Арсеніемъ. Строгій ригористъ въ исполненіи религіозной буквы и суровый аскетъ въ своихъ требованіяхъ [4]), онъ былъ такимъ же мелочнымъ блюстителемъ власти и въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ. Правда, то было время, когда и въ средѣ дворянства, и въ средѣ высшаго духовенства еще вполнѣ господствовали патріархальные нравы, когда грубый произволъ и неуваженіе личности встрѣчались на каждомъ шагу. Даже вблизи Москвы помѣщики держали себя въ отношеніи къ низшему духовенству полновластными господами, заставляли священниковъ стоять передъ ними безъ шапокъ и подвергали ихъ побоямъ, хотя при Елисаветѣ, какъ стро-

---

[1]) Исторія этого дѣла и объ рѣчи Владиміра Каллиграфа въ указанной статьѣ Н. И. Барсова, стр. 1—73.

[2]) По библіографическимъ свѣдѣніямъ, за ея царствованіе насчитываютъ ихъ до 40, число же произнесенныхъ словъ съ 1741—1754 г., доходитъ до 120 (Ibid, стр. 19—23).

[3]) «День» 1861 г., № 15, стр. 3.

[4]) Въ распоряженіяхъ по епархіи Арсеній не разъ настаиваетъ на обученіи народа молитвамъ и на толкованіи катехизиса, но большую часть религіозныхъ требованій онъ низводитъ на мелочное выполненіе постовъ, поклоновъ и т. п. См. «Рус. Архивъ», 1863 г., 376—380, а также его рѣчи въ «Яросл. Епарх. Вѣд.». В. И.

гой блюстительницѣ церковныхъ правъ, духовный санъ былъ огражденъ отъ подобныхъ фактовъ весьма строгими постановленіями, а виновные подвергались жестокимъ наказаніямъ, какъ ссылка на вѣчное житье въ монастырь, назначеніе на 10 лѣтъ въ казенныя работы, или наказанію 6,000 ударовъ шпицрутенами [1]). Но и высшая іерархія не лучше относилась къ своимъ подчиненнымъ. Въ циркулярѣ устюжскаго епископа Варлаама (Скамницкаго), прославившагося своею неуживчивостью и грубостью нрава, за самые мелкіе проступки клира назначаются «наижесточайшія тѣлесныя наказанія»; занявшись же устройствомъ архіерейскаго села Богородскаго, онъ назначилъ на работы провинившихся духовныхъ лицъ: такъ, ихъ руками были вырыты пруды, которые своими изгибами изображали вензель архіерея (Е. В.). Подобными же дѣйствіями заявили себя вологодскій епископъ Серапіонъ Лятошевичъ, тобольскій епископъ Павелъ Конюскевичъ и епископъ тамбовскій Пахомій [2]). Не менѣе характеристичны нѣкоторые типы этого рода администраторовъ, представленные въ весьма замѣчательныхъ запискахъ Добрынина [3]), какъ напримѣръ, сѣвскаго епископа Кирилла Флоринскаго, человѣка, по своему времени, ученаго, но въ обращеніи съ подчиненными не разбиравшаго ни мѣста, ни времени.

«Этотъ преосвященный», пишетъ Добрынинъ, «всегда и даже въ самомъ священнодѣйствіи обыкновенно доходилъ до такого позора, что иному изъ окружающихъ его подчиненныхъ или сослужащихъ трикиріями бороду подожжетъ, иному клокъ волосъ вырветъ, иному кулакомъ дастъ въ зубы, иного пхнетъ ногою въ брюхо. Все сіе дѣлаетъ онъ при чрезвычайномъ на всю церковь крикѣ бранными словами, гдѣ бы то ни было: въ алтарѣ, или среди церкви, а особенно въ ту пору, когда его облачаютъ въ священныя одежды. Можно сказать, что онъ тогда похожъ

---

[1]) Ист. моск. епарх. управ., Н. Розанова, гл. II, отд. I, стр. 181, прим. 456; Знаменскій, Приход. духовенство, 454—455. Законодат. импер. Елисаветы относительно православнаго духовенства. «Прав. Обозр.», 1865 г.

[2]) Знаменскій, 610—611. О дѣйствіяхъ Павла Тобольскаго, см. сообщеніе Ф. А. Терновскаго, на основаніи синод. архива, въ «Чтен. общества». Лѣтописца Нестора, т. I.

[3]) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г. томъ III и IV. **В. И.**

бываетъ на храбраго воина, отбивающагося отъ окружающихъ его непріятелей» [1]).

Говорятъ, что и Амвросій Зертисъ-Каменскій, бывши епископомъ переяславскимъ и членомъ московской синодальной конторы, распорядился было высѣчь, въ присутствіи всей академіи, и выгнать молодаго катихизатора ея Платона Левшина—будущаго митрополита московскаго, за найденныя будто бы въ его проповѣдяхъ предосудительныя мѣста [2]). Таковы, наконецъ, дѣйствія прославленнаго Екатериною II, въ письмахъ Вольтеру, Димитрія Сѣченова, бывшаго при Елисаветѣ епископомъ нижегородскимъ, извѣстнаго намъ уже по своей миссіонерской дѣятельности. Такъ, онъ держалъ одного священника 6 лѣтъ въ оковахъ въ тюрьмѣ, билъ его «смертными побоями», деньги его забралъ себѣ, домъ разорилъ, заставилъ отца и сына 11-ти лѣтъ оставаться безъ пропитанія, зато только, что отецъ не хотѣлъ, по принужденію архіерея, принять монашество [3]). Будучи ростовскимъ митрополитомъ, Арсеній издалъ распоряженіе, чтобы провинившихся священниковъ наказывать веревками, обмоченными въ горячую смолу, на концѣ которыхъ навертывать проволоку въ видѣ когтей. Такія плети назывались тогда кошками [4]) и этими кошками или «цѣпками», какъ называетъ ихъ Арсеній, былъ наказанъ при ростовской консисторіи одинъ заказчикъ (благочинный) за то, что въ его участкѣ, въ селѣ Сочилѣ, во время проѣзда Арсенія, «было усмотрѣно на престолѣ много пыли», а священникъ этой же церкви былъ сосланъ на вѣчное житье въ монастырь [5]). Въ бывшей ростовской епархіи, несмотря даже на послѣдующую, печальную участь Арсенія, о немъ сохранились самыя невыгодныя преданія. Нрава онъ былъ строптиваго, разсказываютъ о немъ, въ сужденіяхъ и словахъ былъ самона-

---

[1]) «Русская Старина», 1871, 150, 252—253 и др.

[2]) Правосл. Соб. 1876, февраль. Чтенія Знаменскаго по исторіи церкви при Екатеринѣ II, 110.

[3]) Дѣло это въ настоящее время разъяснилось, и прославленный либерализмъ Димитрія Сѣченова долженъ сильно пострадать. Экстрактъ изъ него см. въ «Древ. и Нов. Росс.», 1878, № 3; прошеніе сына въ «Церк. Общ. Вѣст.», № 50, и замѣтка о немъ «Древ. и Нов. Россіи», № 6.

[4]) Чтенія Моск. Общ. ист., 1862, II, смѣсь 3—4.

[5]) «Русскій Архивъ», 1863, стр. 378—380. В. И.

дѣянъ и дерзокъ, съ подчиненными бранился неприличными словами; бывали случаи жестокой своеручной расправы, и жизнь онъ велъ не совсѣмъ монашескую [1]). Но зато Арсеній являлся не менѣе грознымъ защитникомъ своихъ подчиненныхъ, если на нихъ посягала посторонняя власть. Узнавъ, что одинъ помѣщикъ его епархіи, будучи недоволенъ на своего священника, заставилъ его славить Христа въ своемъ хлѣвѣ, Арсеній пригласилъ помѣщика къ себѣ откушать хлѣба-соли, но какъ-только онъ вошелъ въ покои, его схватили и высѣкли плетьми до полусмерти [2]). Эти факты обрисовываютъ Арсенія, какъ архіерея администратора, преобладающею чертою котораго является крайнее самообольщеніе властью, не признававшею рядомъ съ собою никакихъ другихъ правъ и мнѣній, а зная эти факты, едва-ли можно находить въ его личности какія-либо «сѣмена» чего-то высшаго, которыя побуждали его «на высшій подвигъ» и могли бы заставить «историка» отыскивать въ жизни и дѣятельности этого лица преимущественно поучительныя страницы, достойныя подражанія [4]).

Кіевъ. **В. С. Иконниковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) «Ежегодникъ владим. статистич. комитета», вып. I, и «Древ. и Нов. Россія», 1876, № 12, стр. 415—416.

[2]) «День», 1864, № 11.

[4]) «Русская Старина», изд. 1876, статья Н. И. Барсова, томъ XV, стр. 724.

В. И.

КАЗЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II

1762—1796 гг.

VIII [1]).

Однодворцы.

Пожеланія однодворцевъ относительно землевладѣнія. — Просьба объ уравнительномъ раздѣлѣ по душамъ. — Продажа земель продолжается и послѣ межевой инструкціи. — Споры между курскими однодворцами о поземельномъ устройствѣ и предложеніе мѣстной администраціи ввести среди нихъ общинное землевладѣніе. — Переходъ нѣкоторыхъ однодворцевъ отъ подворнаго къ общинному пользованію землею.

Представивъ въ предъидущей главѣ характеристику поземельныхъ отношеній однодворцевъ, мы укажемъ теперь на то, какія желанія по этому предмету высказаны были ими въ наказахъ своимъ депутатамъ въ коммисію для составленія новаго уложенія. Прежде всего въ нѣкоторыхъ наказахъ мы находимъ выраженіе недовольства тою нормою земельнаго надѣла, которая установлена была межевою инструкціею для однодворцевъ, поселившихся на «порожжихъ» государственныхъ земляхъ. Какъ мы уже знаемъ, предписано было давать по 32 десятины на дворъ, считая въ каждомъ по 4 души, да въ виду будущаго увеличенія народонаселенія, тамъ, гдѣ это возможно, еще по 28, всего по 60 десятинъ. Однодворцы Одоевскаго уѣзда находили надѣлъ въ 32 десятины на дворъ недостаточнымъ, разсуждая такимъ образомъ: подъ усадьбу, выгоны, сѣнные покосы и лѣсныя угодья слѣдуетъ считать половину земли; тогда, во всѣхъ трехъ поляхъ, на каждую душу останется по 4 десятины, т. е. по $1^1/_2$ десятины въ каждомъ полѣ, а этого будетъ, по ихъ мнѣнію,

[1]) См. «Р. С.», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 1—40, 247—266, 377—396.

мало не только для обезпеченія исправнаго платежа податей, но и на одно пропитаніе. Они желали, чтобы дано было по 60 десятинъ на дворъ, да еще столько же для будущаго прироста населенія. Однодворцы Тамбовской провинціи считали недостаточнымъ даже надѣлъ по 15 десятинъ на душу и просили оставлять въ ихъ владѣніи, гдѣ окажутся, примѣрныя дачи. Изъ этихъ заявленій не слѣдуетъ, впрочемъ, дѣлать вывода, что въ то время у однодворцевъ было земли болѣе, чѣмъ по 15-ти десятинъ на душу; напротивъ того, именно относительно Одоевскаго уѣзда мы имѣемъ свидѣтельство наказа тамошнихъ дворянъ о сильномъ малоземельѣ однодворцевъ. Если же они запрашивали у правительства такіе большіе надѣлы, то это, очевидно, находится въ связи съ жалобами, высказанными ими въ томъ же наказѣ на то, что помѣщики закупили у нихъ множество земель послѣ запретительнаго указа 1727 года; они надѣялись, что, установивъ значительную норму поземельнаго надѣла для однодворцевъ, правительство не признаетъ этихъ продажъ, какъ сдѣлано было въ межевой инструкціи, а возвратитъ проданныя земли прежнимъ владѣльцамъ. Въ наказѣ Тамбовской провинціи мы также, наряду съ желаніемъ сохранить лишнія противъ назначеннаго количества земли, встрѣчаемъ заявленія о томъ, что многіе однодворцы распродали свои участки помѣщикамъ. Нужно думать поэтому, что лишнія земли могли оказаться лишь у нѣкоторыхъ богатыхъ однодворцевъ, скупившихъ надѣлы своихъ обнищавшихъ товарищей; это видно и изъ просьбы тамбовскихъ однодворцевъ объ отдачѣ имъ дикихъ, порожжихъ земель, если такія найдутся поблизости, со взысканіемъ цѣны, назначенной правительствомъ.

Во многихъ наказахъ однодворцы просили о томъ, чтобы каждое ихъ селеніе было отмежевано отъ помѣщичьихъ владѣній особою окружною межою по прежнимъ межевымъ документамъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ заявляли, что затѣмъ внутреннее размежеваніе они произведутъ сами безспорно. Но для того, чтобы выдѣлить однодворческія земли отъ помѣщичьихъ въ особую окружную межу или даже возстановить прежнія границы ихъ владѣній, нужно было отобрать у помѣщиковъ земли, купленныя ими послѣ указа 1727 г., а также захваченныя самовольно, и дѣйствительно объ этомъ мы находимъ не мало просьбъ. Воронежскіе однодворцы просили отобрать у помѣщиковъ и чиновниковъ купленныя и присвоенныя ими земли, перевести оттуда переселенныхъ на нихъ крестьянъ и созванныхъ малороссіянъ и впредь запретить всѣмъ покупку однодворческихъ земель; о томъ же ходатайствовали жители Шацкой провинціи и нѣкоторые другіе. Козловскіе однодворцы желали, чтобы выслали на

жительство въ города и купцовъ, занимавшихся среди нихъ хлѣбопашествомъ, устроившихъ скотные дворы, пчельники и т. п.

Понятно также, что однодворцы были недовольны указомъ правительства (1762 г.) о продажѣ помѣщикамъ казенныхъ засѣкъ, и, дѣйствительно, приведеніе въ исполненіе этого распоряженія должно было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставить однодворцевъ въ безвыходное положеніе, какъ видно изъ слѣдующаго заявленія. Однодворцы г. Нижняго-Ломова и трехъ селъ того же уѣзда жили подлѣ казенной засѣки; если она будетъ продана помѣщикамъ, то уже намъ, говорятъ однодворцы, «никакого скота выпустить будетъ не можно, ибо оные помѣщики тотъ нашъ скотъ завсегда будутъ бить и, загоняя къ себѣ, взыскивать потраву, и чрезъ то не ино что можетъ послѣдовать, какъ только одна ссора и крайняя обида». Такъ какъ эта засѣка находилась посреди ихъ дачъ и имъ приходилось прогонять чрезъ нее скотъ для пастьбы, то нижеломовскіе однодворцы просили передать ее въ ихъ владѣніе въ виду недостатка у нихъ выгонной земли. Мы знаемъ, что однодворцы хлопотали также о запрещеніи помѣщикамъ пользованія тѣми казенными лѣсами, въ которые они сами имѣли право въѣзда.

Если норма, установленная правительствомъ относительно надѣла однодворцевъ землею, казалась нѣкоторымъ изъ нихъ недостаточною, если для нихъ было весьма непріятно распоряженіе о продажѣ казенныхъ засѣкъ помѣщикамъ, то зато мѣры межевой инструкціи, ограничивавшія продажу однодворческихъ земель только однимъ ихъ сословіемъ, были встрѣчены сочувственно. Воронежскіе однодворцы просили, чтобы помѣстныя ихъ земли можно было продавать только «своей братьѣ однодворцамъ, а не постороннимъ»; они одобряли также распоряженіе межевой инструкціи, воспрещавшее перепродажу въ постороннія руки земель, на которыхъ они были положены въ подушный окладъ, такъ какъ такимъ образомъ помѣщики не будутъ уже болѣе внѣдряться въ «однодворческую округу» и причинять имъ прежнія обиды. Елецкіе однодворцы просили брать въ рекруты тѣхъ, которые будутъ распродавать свои земли, а козловскіе желали даже, чтобы виновные въ этомъ наказывались исключеніемъ изъ однодворческаго общества и ссылкою, съ тѣмъ, чтобы продажа была признана недѣйствительною и земля была оставлена родственникамъ виновнаго. Что касается наслѣдства вдовъ и дочерей въ недвижимомъ имуществѣ, то однодворцы желали, чтобы, при отсутствіи сыновей, дочери пользовались землями, неся подати за отца и другихъ, положенныхъ въ подушный окладъ, а также, чтобы мачиха получала указную часть изъ недвижимаго иму-

щества, но только въ томъ случаѣ, если онѣ не выйдутъ замужъ за людей другихъ сословій.

Однако, однодворцы нѣкоторыхъ мѣстностей шли въ своихъ наказахъ далѣе мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ межевой инструкціи. Полное запрещеніе перепродажи не только постороннимъ, но и среди своего сословія, тѣхъ земель, на которыхъ однодворцы были положены въ подушный окладъ, могло, разумѣется, до нѣкоторой степени уменьшить дальнѣйшее развитіе поземельнаго неравенства, но не прекращало его совершенно, такъ какъ остальныя земли однодворцы могли продавать своимъ товарищамъ. Нѣкоторые предлагали гораздо болѣе рѣшительную мѣру, а именно однодворцы Керенскаго уѣзда, Шацкой провинціи, желали передѣла земли между всѣми ними поровну. «Однодворческія наши земли и угодья во всѣхъ селеніяхъ и погостахъ не повелѣно-ль будетъ»—писали они въ своемъ наказѣ,—между собою, для уравнительнаго содержанія къ общей безобидной тягости, раздѣлить по написанному въ подушный окладъ числу душъ, по скольку на каждую душу достаться можетъ по наличности нашей однодворческой земли, отчего всякій можетъ быть безобиденъ и въ платежахъ состоятеленъ». Мѣстами такой раздѣлъ, повидимому, казался полезнымъ и мѣстной администраціи; вотъ что, по крайней мѣрѣ, писала ливенская воеводская канцелярія (г. Ливны—Елецкой провинціи) въ пунктахъ, присланныхъ ею въ комиссію уложенія: «многіе однодворцы, оставя свои писцовыя усадьбы въ селѣхъ и деревняхъ.... селятся отъ тѣхъ селъ и деревень въ тѣхъ же округахъ въ дальнемъ разстояніи, порознь двора по два и по три, избирая себѣ лучшія въ тѣхъ урочищахъ мѣста, гдѣ кто похочетъ, и тѣмъ поселеніемъ оставшимъ на старыхъ усадьбахъ обывателямъ чинятъ въ сѣнныхъ покосахъ и въ береженіи лѣсовъ крайнія обиды и раззореніе»; канцелярія предлагала, «не повелѣно-ль будетъ всѣхъ однодворцевъ свести на старыя ихъ писцовыя усадьбы и поселить въ одномъ мѣстѣ и пахатныя ихъ земли учинить поклинно». Но равный раздѣлъ земель былъ, разумѣется, невыгоденъ самымъ зажиточнымъ однодворцамъ, и они должны были всячески возставать противъ него. Такъ, напримѣръ, однодворцы Свіяжскаго уѣзда считали несправедливымъ такой раздѣлъ, по которому равное съ другими количество получали и тѣ изъ нихъ, которые распродали свои земли, и просили, чтобы «изъ старыхъ ихъ земель» не давать имъ равной части, а надѣлять ихъ только въ томъ случаѣ, если возвращены будутъ отъ помѣщиковъ проданные ими участки или примежеваны новыя земли.

Совершенно иныя мѣры относительно однодворческихъ земель

предлагали въ коммисіи уложенія дворяне. Заявляя, напримѣръ, что однодворцы Тульской провинціи и Одоевскаго уѣзда крайне страдаютъ отъ недостатка земли, бо́льшая часть которой была распродана ихъ предками, они находили полезнымъ переселить ихъ туда, гдѣ имѣются «дикія порожжія земли», напримѣръ, въ Воронежскую губернію, а ихъ прежнія владѣнія распродать дворянамъ.

Несмотря на то, что межевою инструкціею было запрещено однодворцамъ продавать постороннимъ лицамъ какія бы то ни было свои земли, такая продажа совершалась иногда съ помощью различныхъ ухищреній. Въ Орловской губерніи посредниками, въ этомъ случаѣ, являлись однодворцы, дослужившіеся до офицерскихъ чиновъ; они покупали земли у своихъ товарищей по праву однодворческому, а затѣмъ, пользуясь правами своего чина, перепродавали ихъ дворянамъ. Орловскій и курскій губернаторъ князь Прозоровскій нашелъ нужнымъ въ 1782 году положить предѣлъ этому «расхищенію однодворческихъ, слѣдственно, и казенныхъ земель».—«Расхищеніе—разумѣю я потому»—объясняетъ онъ въ своемъ предложеніи намѣстническому правленію, «что однодворцы или по несмысленности своей, или льстясь, что при межеваніи дадутся имъ вновь земли, продаютъ имѣвшіяся, ни мало не думая о томъ, что они остаются безземельны, а выслужившіеся, найдя способъ таковыми землями производить торгъ, всячески домогаются о покупкѣ. Прекращеніе сего зла сколь нужно къ сбереженію казенныхъ земель, столько жъ и для того, чтобъ за распродажею земель однодворцы не пришли въ несостояніе платить государственныя подати». Поэтому онъ предлагаетъ намѣстническому правленію предписать, чтобы однодворческія отсутственныя земли продавались не иначе, какъ согласно съ 18 п. XIX гл. межевой инструкціи, т. е. 1) чтобы продающій сверхъ отчуждаемой имъ земли имѣлъ по 8-ми десятинъ на каждую душу м. п. своего семейства, и еще сверхъ того, для будущаго прироста населенія, 28 десятинъ на дворъ, и 2) чтобы земли продавались дѣйствительно однодворцамъ, а не тѣмъ изъ нихъ, которые, дослужившись до офицерскихъ чиновъ, должны считаться дворянами. Правда, оговаривается Прозоровскій, по межевой инструкціи земли такихъ выслужившихся, когда они живутъ вмѣстѣ съ однодворцами, велѣно межевать къ селеніямъ безразлично со всѣми другими однодворческими землями, но это не даетъ еще права такимъ офицерамъ изъ однодворцевъ на покупку земель отъ остальныхъ своихъ товарищей и на продажу ихъ дворянамъ.

Въ Курской губерніи среди однодворцевъ происходили сильные споры и несогласія по различнымъ вопросамъ, касающимся землевладѣ-

нія. Во первыхъ, споры возбуждали «примѣрныя», т. е. лишнія, сравнительно съ прежними межевыми докумeнтами земли, которыя оказались при производствѣ генеральнаго межеванія. Одни изъ однодворцевъ желали, чтобы эти «примѣрныя» земли были раздѣлены поровну между всѣми жителями ихъ селеній, положенными въ подушный окладъ по 4-й ревизіи; но какъ другіе ихъ товарищи, такъ и дворяне, имѣвшіе во многихъ мѣстахъ черезполосное владѣніе съ однодворцами, возражали на это, что примѣрныя земли пожалованы правительствомъ всѣмъ тѣмъ владѣльцамъ, которые безспорно разведутся въ своихъ дачахъ съ сосѣдями; а обмежеванными теперь дачами владѣютъ не только потомки прежнихъ помѣщиковъ, но и другихъ родовъ однодворцы, а также дворяне, изъ которыхъ одни сами пріобрѣли себѣ эти земли мѣною или покупкою, а другіе унаслѣдовали отъ предковъ, получившихъ ихъ тѣмъ же способомъ. Такіе люди не соглашались раздѣлить примѣрныя земли между всѣми положенными въ подушный окладъ, а владѣли ими по количеству земли, принадлежащей каждому («произведенныхъ въ дачи четвертей»). Второй спорный вопросъ составляло раздѣленіе земель въ каждомъ однодворческомъ родѣ. Хотя помѣстныя земли, которыми были верстаны служилые люди по писцовымъ, дозорнымъ, отказнымъ и разборнымъ книгамъ, теперь были отмежеваны уже не порознь, а къ различнымъ селеніямъ, но однодворческіе роды владѣли ими по-прежнему, т. е. «безъ уравненія на участки положенныхъ въ каждомъ родѣ въ подушный окладъ м. п. душъ, а дѣлятся и состоятъ во владѣніи понынѣ наподобіе имѣній дворянскихъ, каждое въ своемъ родѣ, по линіямъ наслѣдственнымъ». Но такъ какъ, сравнительно съ прежнимъ, народонаселеніе значительно увеличилось, а земли, напротивъ, стало менѣе, вслѣдствіе перехода немалаго количества ея во владѣніе помѣщиковъ, и такъ какъ подати раскладывались не по землѣ, а по душамъ, то весьма многіе однодворцы находили, что раздѣленіе земли «въ каждомъ родѣ по наслѣдственнымъ линіямъ» весьма неуравнительно и крайне несправедливо по отношенію къ многосемейнымъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ эта часть однодворцевъ приводила въ примѣръ двухъ наслѣдниковъ, получившихъ на свою долю по 5-ти десятинъ земли; но одинъ изъ нихъ платитъ подати за одну душу, а другой за многихъ, да къ тому же еще малолѣтнихъ. Высшимъ начальствомъ предписано, говорили они, чтобы за подати отвѣчало цѣлое селеніе или общество, но это можетъ быть выполнено только тамъ, гдѣ, «имѣя общественныя въ земляхъ дачи» (т. е. при существованіи поземельной общины), дѣлятъ земли по тягламъ, т. е. выключая стариковъ и малолѣтнихъ, по числу людей,

могущихъ работать, каждому поровну, на которыхъ зато и раскладываютъ и всѣ подати за цѣлое общество. У нихъ же «земли родовыя и въ дачу каждому предку ихъ лично произведенныя, которыя отъ потомства и дѣлятся каждая дача въ своемъ родѣ.... по правиламъ, о наслѣдствѣ узаконеннымъ». Тѣ изъ однодворцевъ, которые находили такой порядокъ неудобнымъ, просили, чтобы «родовыя и предковъ ихъ помѣстныя земли повелѣно было дѣлить въ каждомъ родѣ особо, не по наслѣдственнымъ линіямъ, но по равнымъ участкамъ для каждой души, платящей подать»; другіе же на это не соглашались, находя, что передѣлъ земли поровну между всѣми членами одного рода «удалитъ всю справедливость», такъ какъ ихъ предки дѣлили между собою эти помѣстныя дачи по правиламъ, установленнымъ относительно раздѣла недвижимыхъ имѣній, и затѣмъ одни увеличили свою часть покупками и иными способами. а другіе продали нѣкоторые изъ своихъ «жеребьевъ», а нето и всѣ свои земли; въ виду этого, вторая партія просила оставить прежній порядокъ раздѣла.

Тѣ однодворцы, которые вовсе не имѣли «крѣпостныхъ дачъ», или имѣли ихъ мало, потому что ихъ роды размножились, просили раздѣлить земли, примежеванныя въ дачи къ ихъ селеніямъ, поровну на число душъ, платящихъ подати, заявляя, что это единственный способъ настолько поправить «упадшее по недостатку земель ихъ состояніе», чтобы они могли бездоимочно отправлять государственныя повинности. Но и это желаніе возбуждало противодѣйствіе другой партіи, объясняющееся тѣмъ, что однодворцы нерѣдко владѣли землями не только близъ своего селенія, но и въ дачахъ, отмежеванныхъ къ другимъ деревнямъ (такъ называемыя отсутственныя земли). Представители этой партіи возражали, что такимъ раздѣломъ будетъ нарушено право собственности однодворцевъ на отсутственныя земли, пріобрѣтенныя ими съ дозволенія правительства. «Многіе изъ собратій ихъ»,—говорила эта партія, «не только въ разныхъ селеніяхъ единой округи, но и другихъ земляхъ, какъ по крѣпостямъ, такъ и по дѣйствительному владѣнію, участіе имѣютъ, хотя сами пребываютъ и по переписи состоятъ токмо въ одномъ какомъ либо селеніи», и просили мѣстныхъ властей, чтобы «таковыхъ собственныхъ земель ихъ въ раскладку на души не полагать, но оставить оныя за ними».

Курскій директоръ экономіи, изучая землевладѣніе однодворцевъ, нашелъ, что они владѣютъ землями не только не уравнительно, относительно числа душъ, положенныхъ въ подушный окладъ, но что около четверти ихъ не имѣетъ даже никакой другой земли, кромѣ

усадебной. Эти безземельные прежде пользовались самовольно захваченными участками земли, что было возможно при неопредѣленности границъ поземельныхъ владѣній; но, когда народонаселеніе размножилось, а затѣмъ и земли были точно разграничены генеральнымъ межеваніемъ, отъ этого пришлось отказаться. При такомъ положеніи трудно надѣяться на исправное отбываніе повинностей безземельными однодворцами, такъ какъ имъ приходится нанимать земли по дорогой цѣнѣ; къ тому же иногда одному работнику приходится платить подати за пять, за шесть душъ вслѣдствіе того, что однодворцы не раскладывали на все общество платежа за стариковъ и малолѣтнихъ. Хотя курское намѣстническое правленіе и ввело отвѣтственность всего селенія за исправное отбываніе податей, но при отсутствіи общиннаго землевладѣнія и раскладки повинности по тягламъ, это нисколько не улучшило положенія бѣдняковъ, такъ какъ зажиточные однодворцы, принужденные внести за ихъ подать, чтобы возвратить свои деньги, заставляли ихъ идти въ батраки и такимъ образомъ лишали ихъ возможности обработывать свои собственныя поля. Зато однодворцы, у которыхъ было немало родовыхъ и купленныхъ земель, вполнѣ благоденствовали: воздѣлывая часть ихъ сами, они отдавали излишніе участки безземельнымъ или промышленникамъ для пастьбы скота; для обработки своихъ отсутственныхъ или отхожихъ земель, они также сами наѣзжали туда, или посылали своихъ крестьянъ, а нето продавали ихъ, закладывали и т. п. Директоръ экономіи находилъ необходимымъ не останавливаться на тѣхъ полумѣрахъ, которыя предлагались самими однодворцами въ родѣ раздѣла родовыхъ земель поровну между членами каждаго рода; онъ считалъ неизбѣжною мѣру, болѣе рѣшительную, а именно введеніе общиннаго землевладѣнія съ передѣлами земли. «Настоитъ немалая надобность»—писалъ онъ—«чтобы между рода сего людьми послѣдовало во владѣніи земель уравненіе, наподобіе дворцовыхъ, экономическихъ и прочихъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ, дѣлящихъ земли въ дачахъ селеній своихъ, въ каждомъ особо поровну, т. е. по числу въ тѣхъ селеніяхъ положенныхъ м. п. душъ», такъ какъ однодворцы несутъ равную съ ними подать. Но мѣстная администрація не рѣшалась приступить къ осуществленію такой важной мѣры безъ разрѣшенія свыше, и потому курская казенная палата просила о томъ сенатскаго указа. Сенатъ рѣшилъ потребовать мнѣнія по этому вопросу орловскаго и курскаго генералъ-губернатора Дебальмена; къ величайшему сожалѣнію, его отвѣтъ и вообще дальнѣйшій ходъ этого дѣла намъ неизвѣстны.

Очень важно было бы прослѣдить, не перешли ли гдѣ-либо однодворцы отъ подворнаго землевладѣнія къ общинному; отрывочныя указанія на это есть, но, къ сожалѣнію, ихъ слишкомъ мало. Такъ, напримѣръ, Гакстгаузенъ говоритъ относительно однодворцевъ Загорской волости, Тамбовской губерніи, что «земля дѣлится у нихъ по русскому общинному принципу, т. е. подушно. Прежде земля давалась имъ не поровну, а смотря по заслугамъ отдѣльныхъ лицъ, но теперь это осталось только въ преданіи». Отъ остальныхъ крестьянъ они отличаются только тѣмъ, что не платятъ оброка за землю. Въ другомъ мѣстѣ той же губерніи онъ замѣтилъ, что часть однодворцевъ (вѣроятно, безземельные?) «вступили въ общины государственныхъ крестьянъ, участвуютъ въ дѣлежѣ земли, платятъ обыкновенный оброкъ и ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ государственныхъ крестьянъ». Они называли себя дешевыми однодворцами [1]). Въ Воронежской губерніи, по свидѣтельству мѣстнаго изслѣдователя, также среди однодворцевъ, «на мѣсто личнаго владѣнія землею стало общинное и сдѣлало ненужными старые акты (на землю), такъ что теперь рѣдко гдѣ можно ихъ найти» [2]). Въ Смоленской губерніи половина однодворцевъ перешла къ общинному пользованію землею [3]). Однодворцы, переселившіеся въ Оренбургскую губернію, на Кавказъ и въ Сибирь, по словамъ Я. Соловьева, «пользуются отведенными имъ казенными землями наравнѣ съ прочими государственными крестьянами, распредѣляя ихъ между семействами по числу душъ каждаго» [4]). Но какъ видно въ большинствѣ случаевъ у однодворцевъ сохранились подворное владѣніе землею, которое приводитъ къ весьма печальнымъ результатамъ; такъ, напр. въ Тульской губ., на десять зажиточныхъ хозяевъ считается шестьдесятъ бѣдняковъ, и на такихъ обществахъ числится всего болѣе недоимокъ [5]). Относительно Орловской губерніи г. Сок—скій свидѣтельствуетъ, что положеніе тамошнихъ однодворцевъ еще хуже. «Кромѣ имущественнаго неравенства, которое здѣсь такъ же велико, какъ и между тульскими собственниками, въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ неурожаевъ, стала развиваться здѣсь съ особенною силой продажа земель, грозящая полнѣйшимъ обезземе-

[1]) Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни. Перев. Рагозина, т. I, стр. 392, 397.

[2]) Германовъ. Постепенное распространеніе однодворч. населенія въ Воронежской губ. Зап. Географич. общ., кн. XII, 1857 г., стр. 209.

[3]) Я. Соловьевъ. Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи. М. 1855, стр. 206.

[4]) «Объ однодворцахъ», «Отеч. Зап.» 1850 г. Часть LXIX, стр. 81.

[5]) Кн. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе. Т. II, стр. 738.

леніемъ большинства однодворцевъ. Продажа эта производится пока не открыто, отчасти по привычкѣ, изъ страха предъ начальствомъ, а всего болѣе изъ боязни—продавши сразу землю, лишиться всякой надежды возвратить ее. Передача участковъ, почти всегда въ цѣломъ ихъ составѣ, производится нѣсколькими способами. Во первыхъ, крестьяне, занимая у кого-нибудь деньги, даютъ векселя съ обозначеніемъ высшей суммы противъ занятой, въ уплату по которымъ, при несостоятельности занявшаго, по истеченіи срока и продается съ торговъ земля..... Во вторыхъ, передающій землю заключаетъ съ заимодавцемъ условіе, по которому тотъ, давая подъ десятину, напримѣръ, по 35 руб., получаетъ право пользоваться землей въ продолженіе 9-ти лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а по истеченіи этого срока, если не будетъ сполна (безъ разсрочекъ) уплачена вся занятая сумма, дѣлается владѣльцемъ участка. Наконецъ, въ третьихъ, однодворцы закладываютъ земли у частныхъ лицъ или въ Орловскомъ обществѣ взаимнаго кредита». Мы видѣли уже, что въ прошломъ вѣкѣ подворное владѣніе обусловливало среди однодворцевъ сильное развитіе имущественнаго неравенства; оказывается, что и въ настоящее время «неравенство имуществъ и бѣдность растутъ съ каждымъ днемъ. Иные имѣютъ уже по 200 десятинъ, другіе же ни кола, ни двора, и живутъ въ работникахъ..... Вообще деморализація достигла въ однодворческихъ селеніяхъ крайней степени: братъ не стыдится спаивать брата, сосѣдъ—сосѣда, чтобы купить у него землю, и отцы семействъ, потерявшіе всякую способность разсуждать объ участи своихъ женъ и дѣтей, очертя голову бросаются въ хитроразставленныя сѣти хищниковъ» [1]).

Однако возвратимся къ изученію жизни однодворцевъ въ прошломъ столѣтіи.

IX.

Мѣстная администрація и ея злоупотребленія.—Притѣсненія отъ помѣщиковъ.—Нѣкоторыя черты быта и нравовъ однодворцевъ.

Мы уже упоминали о томъ, что однодворцы весьма часто судились другъ съ другомъ по поземельнымъ и другимъ дѣламъ, такъ что пріобрѣли извѣстность своею наклонностью къ ябедничеству; поэтому они болѣе, чѣмъ какіе-либо другіе крестьяне, нуждались въ скоромъ и справедливомъ судѣ. До второй половины XVIII в. они находились въ непосредственномъ вѣдомствѣ воеводскихъ канцелярій, а въ это

[1]) «Опытъ съ подворнымъ владѣніемъ въ Великороссіи и его результаты». «Новое Время», 1876 г., № 280.

время были установлены выбираемые ими самими управители, которые подчинялись только губернаторамъ. Но скоро на этихъ управителей посыпалось множество жалобъ, среди однодворцевъ образовались партіи, и управитель, выбранный господствующею партіею, возбуждалъ крайнее неудовольствіе остальныхъ. Къ тому уже и при самыхъ выборахъ, на которыхъ голоса подавались письменно, происходили злоупотребленія; такъ какъ большинство изъ однодворцевъ были безграмотные, то тѣ, которые подписывались за другихъ, нерѣдко злоупотребляли данною имъ довѣренностью, подавая голоса несогласно съ волею своихъ довѣрителей. Вслѣдствіе этихъ внутреннихъ раздоровъ, иногда въ одинъ годъ смѣнялось по нѣскольку управителей. Съ своей стороны, и воеводскія канцеляріи, изъ вѣдомства которыхъ были изъяты однодворцы, были, разумѣется, этимъ недовольны и жаловались на ихъ насилія и самоуправство, а также и на то, что управители, такъ какъ это были нерѣдко сосѣдніе помѣщики, имѣвшіе «со многими однодворческими селами и деревнями смежныя земли и въ общемъ жительствѣ людей и крестьянъ», оказывали однодворцамъ различныя послабленія. Поэтому правительство, сначала лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, стало уничтожать должность управителей и передавать однодворцевъ по-прежнему въ вѣденіе воеводскихъ канцелярій, а затѣмъ распространило эту мѣру и на всѣ мѣстности, населенныя однодворцами. Канцеляріямъ впрочемъ запрещено было вмѣшиваться въ раскладку рекрутъ, а для мелкихъ споровъ имъ велѣно было выбирать изъ своей среды старостъ и выборныхъ.

Но воеводы и другія власти были не лучше прежнихъ управителей: они совершали такія беззаконія, что для суда надъ ними была учреждена въ Воронежѣ слѣдственная коммисія, которая дѣйствительно открыла много злоупотребленій. Мы не имѣли въ рукахъ всего дѣлопроизводства этой коммисіи, но для того, чтобы на нѣсколькихъ примѣрахъ показать, какова была дѣятельность мѣстной администраціи, достаточно и тѣхъ повинныхъ, которыя были поданы воеводами, вальдмейстерами и т. п., отданными подъ судъ за свои беззаконія, когда въ 1763 г. имъ было обѣщано помилованіе въ случаѣ чистосердечнаго признанія. Вотъ что показывалъ, напримѣръ, одинъ изъ обвиняемыхъ, капитанъ Николай Каръ. Въ 1758 г., онъ былъ посланъ изъ корчемной конторы Воронежской губерніи въ Острогожскій слободскій полкъ, въ Бирючью слободу, по винному дѣлу, для осмотра казановъ и кубовъ. Тутъ онъ получилъ приказъ отъ воронежскаго губернатора Пушкина объявить обывателямъ этой слободы, чтобы они собрали ему, губернатору, 1,000 рублей, и тогда «съ ними благосклонность учинена будетъ»; жители слободы безпрекословно

собрали эту сумму, которая и была передана по назначенію. Спустя нѣкоторое время, губернаторъ приказалъ Кару объявить тѣмъ же обывателямъ, чтобы они «отдали поклонъ» бывшему вице-губернатору Кошелеву, и тѣ должны были поднести ему 300 рублей. Во время посылки Кара въ ту же слободу въ слѣдующемъ году, губернаторъ потребовалъ отъ ея жителей 500 рублей; они отправили 300, «дабы отъ проѣзжающихъ командъ раззоренія чинено не было и защищеніе отъ него, губернатора, къ нимъ было», а 100 рублей преподнесли воронежскому прокурору. Другіе обвиняемые показали, какъ, не забывая, конечно, и себя, они должны были дѣлиться взятками съ губернаторомъ, его адъютантомъ, вице-губернаторомъ, прокуроромъ и т. п.; однимъ словомъ, это была цѣлая организованная шайка разбойниковъ. Намъ неизвѣстно, какая судьба постигла всѣхъ этихъ почтенныхъ дѣятелей, мы знаемъ только приговоръ, произнесенный императрицею надъ однимъ изъ нихъ, Лукою Вельяминовымъ, который и въ званіи вальдмейстера, и въ воеводской должности, вымогалъ у однодворцевъ огромныя суммы и не прекратилъ своихъ беззаконій даже и тогда, когда уже былъ отданъ подъ судъ. Онъ бралъ взятки деньгами, скотомъ, хлѣбомъ, разными съѣстными припасами, платьемъ, домашнею посудою и конскою упряжью, принуждалъ наконецъ однодворцевъ давать векселя, однимъ словомъ, онъ покорыстовался на сумму болѣе 23 тысячъ рублей. Кромѣ того, однодворцы одной деревни жаловались, что, вынудивъ у нихъ запись на землю, онъ выгналъ ихъ изъ дворовъ и поселилъ тамъ своихъ собственныхъ крестьянъ. Императрица приказала, конфисковавъ его имѣніе, взыскать тѣ деньги, которыя онъ вынудилъ отъ однодворцевъ, и возвратить ихъ по принадлежности, а затѣмъ, лишивъ всѣхъ чиновъ, «сослать его въ такое мѣсто, гдѣ бы онъ никому подобныхъ сему обидъ и раззореній чинить былъ не въ состояніи».

При Екатеринѣ однодворцы продолжали попрежнему жаловаться и ябедничать другъ на друга; эти вѣчныя распри, этотъ недостатокъ солидарности и неумѣніе покончивать свои споры судомъ своихъ собственныхъ выборныхъ мы объясняемъ опять-таки господствомъ у нихъ личнаго землевладѣнія. Общинное пользованіе землею создавало общіе интересы и такимъ образомъ скрѣпляло крестьянскій міръ; здѣсь же существовала полная рознь, сильные могли обижать слабыхъ, слабые не находили удовлетворенія у своихъ властей, которыя, вѣроятно оказывались недостаточно независимыми относительно членовъ общества, разбогатѣвшихъ скупкою земель своихъ товарищей, и такимъ образомъ масса людей, теряя немало времени и денегъ, тянулась въ городъ на судъ воеводъ, которые, разумѣется, не упускали

случая нагрѣть свой карманъ. Понятно, что въ однодворческихъ наказахъ мы встрѣчаемъ жалобы на обременительность суда по формѣ, на тяжесть исковыхъ пошлинъ, просьбы о сокращеніи судопроизводства, наконецъ жалобы на притѣсненія въ судѣ. Не находили однодворцы управы и на дворянъ-обидчиковъ и случалось, что послѣдствіемъ жалобы на нихъ былъ продолжительный арестъ и наказаніе самого же истца, безъ всякой вины съ его стороны. Что собственныя выборныя власти (такъ называемые «выборные» и старосты) потеряли у однодворцевъ всякое значеніе, видно и изъ того, что о нихъ почти вовсе не упоминается въ однодворческихъ наказахъ. Однодворцы Свіяжскаго уѣзда нашли даже нужнымъ просить объ учрежденіи у нихъ должности бурмистровъ, которые должны были производить судъ и расправу надъ жителями нѣсколькихъ деревень; въ вознагражденіе за его трудъ они готовы были принять на себя обработку его земли. Въ другихъ наказахъ встрѣчаемъ просьбу объ учрежденіи для однодворцевъ сословныхъ судовъ, наподобіе того, какъ это было у купечества.

Какъ воеводы при Екатеринѣ по-прежнему брали взятки, несмотря на грозные указы правительства противъ лихоимства [1]), такъ и другіе чины мѣстной администраціи продолжали обирать народъ: напримѣръ, вальдмейстеры, учрежденные для обереганія лѣсовъ, годныхъ для постройки кораблей, давали себя знать крестьянамъ. — Если въ Воронежской губерніи имъ удавалось составлять съ помощію взятокъ капиталы въ нѣсколько десятковъ тысячъ, то и въ другихъ мѣстахъ они работали по силѣ возможности для обезпеченія своего благосостоянія. По словамъ однодворцевъ Пензенской провинціи, «вальдмейстеры ѣздятъ безпрестанно и чинятъ намъ великія обиды и раззоренія: берутъ подводы безъ платы прогоновъ и ходятъ по дворамъ и ищутъ дубоваго заповѣднаго лѣсу, годнаго къ корабельному строенію: а у насъ..... накакого годнаго къ корабельному строенію лѣсу не имѣется, но токмо они, вальдмейстеры, стараются привязками своими для взятковъ и наглаго раззоренія..... съискиваютъ купленныя на торгу сани и колеса и прочее тому подобное» и если найдутъ, то вымогаютъ немалые поборы.

Неумѣніе однодворцевъ общими силами постоять за себя давало возможность разнымъ офицерамъ и помѣщикамъ всячески обирать ихъ;

---

[1]) Болотовъ въ запискахъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», разсказываетъ про одного воеводу, что онъ особенно наживался во время рекрутскихъ наборовъ; онъ «охотникъ былъ ѣздить по богатымъ однодворцамъ Христа славить и получалъ въ подарокъ отъ нихъ за то жеребятъ рублей въ полтораста и прочее тому подобное». В. С.

то они истопчутъ хлѣбъ однодворцевъ во время охоты, то, ни съ того, ни съ сего, подвергнутъ кого-либо изъ нихъ жестокому тѣлесному наказанію, то совершатъ формальный наѣздъ на однодворческое селеніе. «Дворяне»—писали однодворцы г. Ефремова (Елецкой провинціи)—«чинятъ намъ немалыя нужды и разворенія и, ко двору пришедъ, чинятъ разбои и грабленія, и въ поляхъ сѣнокосъ отнимаютъ, и сѣно кошенное съ сѣнокосовъ къ себѣ свозятъ, въ лѣсáхъ насъ ловятъ, лошадей и прочее отнимаютъ же, и скотъ нашъ въ поляхъ ловятъ, и хлѣбъ нашъ скотомъ своимъ побиваютъ; тако остаемся безъ всякаго платежа и довольствія». Насилія шли иногда и далѣе: помѣщики захватывали однодворческихъ дѣвушекъ, совершая при такомъ набѣгѣ всевозможныя безобразія и грабительства и избивая родственниковъ, которые защищали дѣвушку, а затѣмъ выдавали похищенныхъ замужъ за своихъ крестьянъ, и, такимъ образомъ, дѣлали ихъ своими крѣпостными. Иногда же помѣщикамъ удавалось закрѣпощать цѣлыя однодворческія семьи путемъ открытаго насилія, а нето—представляя какія-то кабальныя записи, выданныя дѣдами и отцами такихъ однодворцевъ.

Всевозможныя обиды, насилія и истязанія, которымъ подвергались однодворцы, заставляли ихъ просить въ коммисіи уложенія о повышеніи имъ вознагражденія за безчестье. Ряжскіе однодворцы (Тамбовской провинціи) заявляли, что дворяне бьютъ и увѣчатъ ихъ, приговаривая: «тебѣ за безчестье-то заплатить всего сорокъ алтынъ», такъ что, въ случаѣ жалобы однодворца, такіе обидчики, и не ходя въ судъ, уплачивали эту ничтожную сумму. Поэтому ливенскіе однодворцы просили повысить имъ плату за безчестье до двадцати рублей, а вслучаѣ увѣчья взыскивать за каждую рану по пятидесяти рублей.

Объ экономическомъ положеніи однодворцевъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній кромѣ тѣхъ, которыя уже были сообщены нами при разсмотрѣніи вопроса объ ихъ землевладѣніи. Намъ извѣстно, что они занимались исключительно землевладѣніемъ, хотя мѣстами, напримѣръ, въ Тамбовской провинціи и въ Курской губерніи, къ этому присоединялось еще пчеловодство. Уже изъ всего сказаннаго видно, что, если среди однодворцевъ и было нѣкоторое количество людей весьма зажиточныхъ, то масса, страдая отъ малоземелья, порядкомъ бѣдствовала, не говоря уже о совершенно безземельныхъ, которыхъ было весьма немало и которымъ оставалось только идти въ батраки. Прокуроръ Елецкой провинціи прямо заявляетъ, что однодворцы по большей части бѣдны, что они бѣднѣе помѣщичьихъ и другихъ крестьянъ, хотя и объясняетъ это ихъ лѣностью; онъ указываетъ также на то, что частые семейные раздѣлы вредно отража-

ются на ихъ благосостояніи. Разница въ имущественномъ отношеніи между однодворцами была едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ классѣ сельскаго населенія: съ одной стороны, мы видимъ землевладѣльца, имѣющаго участки не только близъ своей деревни, но и въ другихъ мѣстахъ, обрабатывающаго ихъ съ помощью своихъ крестьянъ, разводящаго обширныя пасѣки; съ другой—безземельнаго однодворца, который самъ поступаетъ въ батраки, а жену и дѣтей посылаетъ пропитываться Христовымъ именемъ. Эти контрасты бросались въ глаза путешественнику съ перваго взгляда: то онъ видѣлъ однодворца, живущаго въ плохой избѣ, освѣщенной только волоковымъ окошечкомъ, то попадалъ къ другому, скорѣе напоминающему «маленькаго дворянчика», чѣмъ крестьянина, и обитающаго въ «бѣленькой свѣтличкѣ»; одни, по своей одеждѣ, почти ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ крестьянъ, другіе ходили въ тулупахъ, крытыхъ синимъ сукномъ. Жили однодворцы обыкновенно въ обширныхъ слободахъ, населеніе которыхъ нерѣдко превышало тысячу душъ, а иногда доходило даже и до четырехъ тысячъ; но отсутствіе солидарности и согласія между жителями какъ-будто отражалось и на самомъ расположеніи строеній. Это ужасно возмущало Болотова при проѣздѣ его чрезъ Тамбовскую губернію; объ одномъ огромномъ однодворческомъ селеніи, въ которомъ было четыре церкви, онъ говоритъ, что въ немъ «нѣтъ ни улицы порядочной, ни одного двора хорошенькаго. Правда, мѣсто занимаетъ оно собою весьма обширное и дворовъ бездна, но какъ бы вы думали—сидѣли дворы сіи и каковы бы они были? Тамъ дворъ, здѣсь другой, индѣ дворовъ пять въ кучкѣ, индѣ десятокъ; тѣ туда глядятъ, сіи сюда, иной назадъ, другой напередъ, иной бокомъ, иной исковерканный стоитъ и ни одного изъ нихъ живаго нѣтъ. Избушка стоитъ какъ болдырь, правда, покрыта дранью, но только и всего. Дворы ихъ истинно грѣхъ и назвать дворами: обнесены кой-какимъ плетнишкомъ и нѣтъ ни одного сарайчика, ни одной клѣтки, да и плетни—иной исковерканный, иной на боку, иной избоченяся стоитъ».

Мы видѣли, что помѣщики иногда насильственно закрѣпощали за собою однодворцевъ; но бывало, что они сами добровольно переселялись въ помѣщичьи вотчины, «убѣгая общественныхъ тягостей». Поводомъ для этого всего чаще служила женитьба однодворца на крѣпостной дѣвушкѣ. «Однодворцевъ многіе помѣщики женятъ на крѣпостныхъ своихъ дѣвкахъ,—писала ливенская воеводская канцелярія въ коммисію уложенія,—и за оныхъ дѣвокъ тѣ однодворцы по недостатку своему помѣщикамъ даютъ записи, чтобъ имъ жить у оныхъ помѣщиковъ лѣтъ по десяти и больше, и тѣхъ однодворцевъ

селятъ дворами и на всякую свою работу посылаютъ въ рядъ со крестьяны, и тѣ поселившіе(ся) однодворцы подъ защищеніемъ тѣхъ помѣщиковъ отбываютъ отъ ландмилицкой службы и всякіе государственные поборы въ рядъ съ своею братіею однодворцы не платятъ». Иной разъ однодворцы играли роль шутовъ въ барскихъ домахъ [1]).

Вслѣдствіе недостатка земли однодворцы должны были искать болѣе свободныхъ мѣстъ южнѣе, на Украинской линіи и въ степяхъ; въ большинствѣ наказовъ Воронежской губерніи мы встрѣчаемъ указанія на это стремленіе къ югу. Но въ 1785 году переходъ изъ одной губерніи въ другую былъ запрещенъ однодворцамъ; если же переселеніе дѣйствительно оказывалось крайне для нихъ необходимымъ, то въ такомъ случаѣ казенныя палаты, въ завѣдываніе которыхъ поступили однодворцы со введеніемъ учрежденій о губерніяхъ, должны были представлять о томъ сенату. Сенатъ разрѣшилъ отпускать однодворцевъ для поселенія на Моздокской линіи, на Кавказѣ; мы упоминали также о переселеніи безземельныхъ и малоземельныхъ однодворцевъ Курской губерніи въ Екатеринославское намѣстничество.

Вѣроятно, недостатокъ земель служилъ также главною причиною тѣхъ своеволій, которыя позволяли себѣ иногда однодворцы при поземельныхъ спорахъ съ сосѣдними крестьянами. Такъ, напримѣръ, при межеваніи произошелъ споръ о землѣ между экономическими крестьянами одного села Задонскаго уѣзда, Воронежской губерніи, и однодворцами Елецкаго уѣзда Орловской губерніи. Однодворцы Голиковы съ товарищами, не дождавшись рѣшенія спора, насильно выкосили въ спорныхъ дачахъ сѣнные покосы; по жалобѣ экономическихъ крестьянъ, скошенное сѣно велѣно было описать и до рѣшенія дѣла съ поля не свозить; но Голиковы съ товарищами, собравъ человѣкъ до 300 однодворцевъ, все сѣно (230 стоговъ) свезли въ свои дома. Въ слѣдующемъ году, во время сѣнокоса, однодворцы такою же толпою, вооруженные копьями и вилами, напали на экономическихъ крестьянъ, поранили нѣсколькихъ изъ нихъ, прогнали съ луговъ, захватили ихъ телѣги и съѣстные припасы, разбили котлы и т. п. Велѣно было, чтобы до рѣшенія дѣла каждая сторона пользовалась тѣми землями, которыя принадлежали ей до начала спора.—Иногда же однодворцы совершали безпорядки подъ вліяніемъ какого-нибудь помѣщика или фабриканта, потому ли, что они находились отъ нихъ въ экономической зависимости, или просто, быть можетъ, подпоен-

[1]) Немало также однодворцевъ обращалось въ бѣгство: во время производства второй ревизіи изъ однодворцевъ и служилыхъ людей, содержащихъ ландмилицію Бѣлгородской и Воронежской губерній, было въ бѣгахъ 10,425 человѣкъ. В. С.

ные для совершенія извѣстнаго подвига; въ этихъ случаяхъ однодворцы играли ту же роль, какъ и мелкая шляхта въ Польшѣ. Такъ, напримѣръ, одинъ помѣщикъ Орловской губерніи совершаетъ наѣздъ на имѣніе своего сосѣда съ помощью однодворцевъ; въ другой разъ, толпа однодворцевъ, человѣкъ до 200, подговоренная орловскимъ купцомъ, суконнымъ фабрикантомъ Кузнецовымъ, нападаетъ на однодворческое правленіе и уводитъ какого-то рекрута; въ свою очередь и Кузнецовъ оказываетъ имъ услуги, укрывая ихъ отъ рекрутскихъ наборовъ.

Съ польскою шляхтою однодворцы имѣли еще и другое сходство: они заявляли претензіи бо́льшія, чѣмъ имѣли основаніе по своему положенію; въ своихъ наказахъ они постоянно хлопочутъ о томъ, чтобы ихъ не смѣшивали съ крестьянами, исключили бы изъ подушнаго оклада и называли бы дѣтьми боярскими, а нето и прямо ходатайствуютъ о причисленіи къ дворянамъ съ правомъ покупать крестьянъ. Они основывали свои притязанія отчасти на томъ, что нѣкоторые изъ нихъ записались въ однодворцы изъ дворянскаго сословія. Претензій этихъ они не оставили и позднѣе, такъ что въ восьмидесятыхъ годахъ въ Курской губерніи мѣстныя власти были завалены просьбами однодворцевъ объ исключеніи ихъ изъ подушнаго оклада и причисленіи къ дворянамъ.

X.

Однодворческіе крестьяне.—Ихъ происхожденіе и численность.—Государственныя повинности.

Намъ приходилось уже нѣсколько разъ упоминать, что у нѣкоторыхъ однодворцевъ были свои крестьяне; теперь мы должны познакомиться съ этимъ небольшимъ отдѣломъ сельскаго населенія.

Прежде всего является вопросъ, какимъ образомъ могли владѣть крестьянами однодворцы, когда они сами положены были въ подушный окладъ при Петрѣ Великомъ, и затѣмъ постепенно сглаживалось всякое различіе между ними и другими казенными крестьянами. Это объясняется происхожденіемъ однодворцевъ отъ прежнихъ служебъ служилыхъ людей, при чемъ, какъ намъ уже извѣстно, въ составъ ихъ вошли не одни низшіе чины, но также и нѣкоторые дворяне, помѣстныя земли которыхъ были иногда населены крестьянами; къ тому же у этихъ служилыхъ людей были иногда и земли, пожалованныя въ вотчину. Сенатскій докладъ 1798 года объясняетъ происхожденіе однодворческихъ крестьянъ именно добровольною приписокю при Петрѣ Великомъ нѣкоторыхъ дворянъ въ однодворцы; но не

однимъ дворянамъ давались населенныя земли; однодворцы въ своихъ наказахъ прямо заявляютъ, что прежніе рейтары и драгуны получали въ помѣстья населенныя имѣнія [1]). Былъ еще и иной источникъ происхожденія однодворческихъ крестьянъ, именно, дозволеніе владѣть взятыми въ плѣнъ людьми.

Однодворческіе крестьяне переходили отъ одного владѣльца къ другому посредствомъ купли, наслѣдованія и дачи въ приданое; но число ихъ не оставалось неизмѣннымъ, а нѣсколько увеличивалось пріобрѣтеніемъ ихъ отъ дворянъ тѣми же способами. При собираніи статистическихъ свѣдѣній объ однодворческихъ крестьянахъ во время четвертой ревизіи, правительство предписало обозначать, какимъ образомъ они были пріобрѣтены однодворцами. Къ сожалѣнію, это было не вездѣ исполнено; но всетаки такія отмѣтки были сдѣланы относительно болѣе чѣмъ половины всего ихъ числа (именно 12,312 д.). Только въ одной Курской губерніи было особо отмѣчено число пожалованныхъ крестьянъ, хотя несомнѣнно, что и въ другихъ мѣстностяхъ пожалованіе было первоначально главнымъ источникомъ ихъ происхожденія. Затѣмъ оказалось, что 609 душъ было куплено отъ помѣщиковъ, 3,249—отъ однодворцевъ, получено въ наслѣдство—1,190 отъ дворянъ и 3,872 души отъ однодворцевъ, получено въ приданое отъ первыхъ 247, отъ вторыхъ 468; наконецъ незаконнорожденныхъ было 89 душъ.

Мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія о числѣ однодворческихъ крестьянъ въ царствованіе Екатерины II. По третьей ревизіи ихъ было 17,675 душъ [2]); по четвертой—21,531 душа [3]).

На основаніи межевой инструкціи 1754 года, однодворцы могли продавать своихъ крестьянъ, (которые тамъ названы однодворческими половниками), но только однодворцамъ же и притомъ живущимъ въ томъ же уѣздѣ, а въ другой уѣздъ нельзя было ни продавать, ни отдавать изъ платежа подушнаго оклада; кромѣ того, продавать половниковъ разрѣшено было не иначе, какъ вмѣстѣ съ тою землею, на которой они были поселены. Межевою инструкціею 1766 года од-

[1]) Въ Курской губерніи въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія изъ 10,588 душъ однодворческихъ крестьянъ считалось 2,588 душъ, жалованныхъ отъ прежнихъ государей «предкамъ однодворцевъ по граматамъ и выписямъ».

[2]) Въ Бѣлгородской губерніи—10,393 души, въ Воронежской—6,964, въ Казанской—257, въ Смоленской 61 д.

[3]) По новому раздѣленію Россіи на губерніи—въ Воронежской губерніи 1,024 д., въ Харьковской—45, въ Курской—10,588, въ Орловской—4,113, въ Екатеринославской—89, въ Тульской—2,544, Рязанской—698, Тамбовской—1,364, Пензенской—392, Нижегородской—32, Казанской—10, Саратовской—345, Псковской—1, Смоленской—231. В. С.

подворцамъ по-прежнему дозволялось владѣть крестьянами, а продавать ихъ было разрѣшено даже и безъ земли, но по-прежнему — только однодворцамъ. Что однодворцы часто пользовались правомъ перепродавать другъ другу своихъ крестьянъ, это видно изъ цифръ, приведенныхъ нами выше; хотя рѣже, но всетаки они пріобрѣтали крестьянъ и отъ помѣщиковъ; понятно, что имъ было непріятно запрещеніе покупать ихъ у постороннихъ людей и продавать имъ, и потому въ нѣкоторыхъ однодворческихъ наказахъ мы встрѣчаемъ ходатайства объ его уничтоженіи, но правительство оставило безъ вниманія эти просьбы. — Нужно замѣтить, что, когда дворянамъ при Екатеринѣ II было дозволено отпускать своихъ крестьянъ на волю, однодворцамъ не было даровано этого права [1]).

Что касается уплаты податей, то еще при производствѣ второй ревизіи возникалъ вопросъ, не положить-ли однодворческихъ крестьянъ въ одинаковый окладъ съ ихъ хозяевами; это и было предписано межевою инструкціею 1754 года. Платить подати должны были за нихъ однодворцы, такъ же какъ «черносошные крестьяне платятъ въ поморскихъ городахъ за своихъ половниковъ, равно какъ и за себя»; если же за ними будутъ накопляться недоимки, то крестьянъ велѣно было отдавать другимъ однодворцамъ изъ платежа подушной подати; но такъ какъ обложить ихъ податью наравнѣ съ однодворцами велѣно было только при межеваніи, то однодворческіе крестьяне (за исключеніемъ одного Саранскаго уѣзда) и оставались въ прежнемъ семигривенномъ окладѣ. Межевою инструкціею 1766 года также предписано было облагать ихъ одинаковымъ окладомъ съ ихъ владѣльцами, но въ томъ же году было велѣно «до будущаго о нихъ и о самихъ однодворцахъ разсмотрѣнія» собирать равный съ помѣщичьими крестьянами, т. е. семигривенный окладъ.

Однодворцы въ своихъ наказахъ ходатайствовали о томъ, чтобы ихъ крестьяне не были сравнены съ ними въ уплатѣ податей, а также просили не называть этихъ крестьянъ половниками, такъ какъ они находятся въ иномъ положеніи, чѣмъ половники поморскихъ городовъ. У черносошныхъ крестьянъ много земли,—читаемъ мы въ од-

---

[1]) Когда въ Курской губерніи одинъ отставной солдатъ изъ однодворцевъ отпустилъ на волю 9 человѣкъ своихъ крестьянъ, которые и были вслѣдъ затѣмъ причислены въ однодворцы, то было разъяснено, что однодворцы не могутъ отпускать на волю своихъ крестьянъ «яко въ равномъ съ ними окладѣ состоящихъ», потому что это значило бы пользоваться такимъ правомъ, которое дано было одному дворянству, и вмѣстѣ съ тѣмъ отпущенныхъ на волю однодворческихъ крестьянъ велѣно было возвратить въ прежнее ихъ состояніе.

В. С.

номъ однодворческомъ наказѣ,—и они «на тѣ свои земли и въ домы для работъ изъ воли приходящихъ къ нимъ свою жъ братью крестьянъ, осиротѣвшихъ и оскудѣвшихъ, принимаютъ и въ подушный въ такой же окладъ пишутъ съ собою на ряду, и владѣютъ ими не купя, яко сущими своими крестьяны, а за нихъ только подушныя деньги платятъ, что и весьма слѣдственно, а однодворческіе крестьяне не въ такой силѣ состоятъ, потому что нѣкоторые издревле прежними государи предкамъ нашимъ, дѣтямъ боярскимъ, что нынѣ мы однодворцы, за службы землями и крестьяны жалованы, а прочіе однодворцы на выслуженныя и на трудовыя свои деньги тѣхъ крестьянъ покупали для того, чтобъ за службами не опустѣлъ домъ, и жена и дѣти безъ того не претерпѣли нужды и голоду, и для платежа за дѣтей его подушныхъ денегъ. И ежели однодворческихъ крестьянъ положить въ такой же большой окладъ, какъ однодворцы, то тѣ крестьяне работать будутъ только-что на тотъ большой окладъ и на свое пропитаніе, а владѣльцу отъ нихъ—а паче что они его землею, а не постороннею, будутъ довольствоваться, отчего и ему будетъ недостатокъ,—затѣмъ никакой пользы ему послѣдовать не можетъ, но вмѣсто того отъ платежа за себя и за крестьянъ и за службами послѣдуетъ оскудѣніе, да и крестьяне, мня себя по окладу равными владѣльцу, то и слушать его и работать прилежно не будутъ....»

Опасеніе однодворцевъ, что ихъ крестьяне будутъ сравнены съ ними въ уплатѣ податей, дѣйствительно оправдалось, но однакоже не скоро; только въ 1786 году велѣно было собирать съ однодворческихъ крестьянъ, наравнѣ съ самими однодворцами, по 3 руб. 70 коп.

Въ отправленіи рекрутской повинности однодворческіе крестьяне ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ отдѣловъ сельскаго населенія.

Объ отношеніяхъ этихъ крестьянъ къ ихъ хозяевамъ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній; извѣстно только, что они исполняли для нихъ различныя полевыя работы; оброка они не платили, но зато однодворцы не только не вносили податей за своихъ крестьянъ, какъ это можно было бы думать на основаніи межевой инструкціи, но даже послѣдніе, во время отсутствія ихъ хозяевъ изъ дому по обязанностямъ службы, платили подати и за нихъ.

В. И. Семевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

IV [1]).

Возстановленіе власти жонда народоваго послѣ паденія диктатуры.—Проектъ полуявнаго жонда.—Жондъ перестраивается.—Разные декреты.—Назначеніе князя Владислава Чарторыскаго «главнымъ заграничнымъ агентомъ жонда».—Обращеніе къ папѣ.—Энтузіазмъ.—Ліежская коммисія вооруженія.—Куявскія банды.—Наши противъ нихъ дѣйствія.—Банды Люблинской губерніи.

Жондъ народовый началъ строить свое новое зданіе на развалинахъ диктатуры, онъ, такъ сказать, приходилъ въ себя послѣ тяжкаго кошмара, торопился истребить у всѣхъ изъ памяти шумную диктаторскую комедію, съ ея блескомъ и погремушками—бланками, печатями, диктаторскою «исполнительною коммисіей». Тутъ только хватились за умъ и стали говорить, что диктатура, при слабыхъ силахъ возстанія, была не только лишнею, но даже вредною роскошью, такъ какъ становила одного изъ вождей въ слишкомъ исключительное положеніе, измѣняла единственно-возможный для повстанцевъ партизанскій характеръ войны на обыкновенный, притягивала къ возстанію, какъ громоотводъ, всѣ тучи съ ихъ молніями. Дабы положить предѣлъ всякимъ искательствамъ Мирославскаго и другихъ охотниковъ на открывшуюся диктаторскую вакансію [2]), воспрянувшее временное народное правительство огласило воззваніе къ народу:

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 179—246; 397—428; 589—620. Настоящая глава, IV-я, и слѣдующая, V-я, въ общемъ трудѣ Н. В. Берга составляютъ первую половину XII-й главы.

[2]) Въ диктаторы пробирались, кромѣ Мирославскаго, еще Езеранскій и Падлевскій. Мирославскій пустилъ даже въ ходъ нѣсколько статей о своихъ правахъ на диктаторство. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 года яви-

«Центральный комитетъ, какъ временное народное правительство, объявляетъ всему народу, что онъ, по случаю арестованія австрійскими властями диктатора Маріана Лангевича, снова принимаетъ высшую власть въ свои руки. Въ видахъ охраненія страны отъ всякихъ замѣшательствъ, могущихъ произойти вслѣдствіе чьихъ-либо покушеній добиться верховной власти, а тѣмъ болѣе сосредоточить ее въ рукахъ одного человѣка, всякое новое провозглашеніе диктатуры, или въ какихъ-либо другихъ формахъ народной власти, въ краѣ-ли то или за предѣлами онаго, будетъ признано за государственное преступленіе. Варшава, 27-го марта 1863 года».

лась у него въ Варшавѣ особая коммисія, подъ названіемъ: Kommissya Powstańcza Mierosławskiego, гдѣ членами были: эмигрантъ 1848 года, Леонъ Хмуржинскій (по выѣздѣ его за границу, Юліанъ Вырембовскій) и бывшіе студенты м. х. академіи: Францъ Орловскій, Здиславъ Янчевскій и Павелъ Ляндовскій. Но эта коммисія ничего не могла сдѣлать, и въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 г. перестала существовать. Мирославскій, тѣмъ не менѣе, продолжалъ свои искательства. Есть свѣдѣніе, что Бобровскій, бывши въ Краковѣ, предлагалъ Мирославскому мѣсто начальника лѣваго берега Вислы, съ тѣмъ, чтобы онъ отрекся отъ своихъ правъ на диктаторство, но Мирославскій и слышать не хотѣлъ объ этомъ, писалъ жонду бумаги въ диктаторскомъ тонѣ и говорилъ, что «признаётъ только тотъ жондъ, который его выбралъ, а прочихъ жондовъ для него не существуетъ».

Прибывшій въ Галицію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Майковскій (съ цѣлію устраивать тамъ организацію въ духѣ болѣе или менѣе соотвѣтственномъ воскрешему жонду) предлагалъ Мирославскому начальство надъ правымъ берегомъ Вислы, или надъ Литвою, или надъ Русью—на выборъ; кромѣ того, всякую помощь въ формированіи отрядовъ, оружіе, хранящееся въ Краковѣ, и 100 тысячъ злотыхъ, лишь бы онъ отрекся отъ диктатуры, но Мирославскій не согласился и на это, однако сказалъ, что «оглашать себя диктаторомъ не станетъ, если народъ этого не потребуетъ». Другому лицу, убѣждавшему его бросить всякія интриги и идти въ Царство биться съ москалями, Мирославскій, по увѣренію Гиллера, замѣтилъ: «Мнѣ Польша вовсе не нужна, а я ей нуженъ: она виснетъ у моихъ ногъ, какъ ядро на ногахъ невольника: трудно оторвать!» (Гиллеръ, I, 278). Возбужденіе противъ него въ Краковѣ дошло въ то время до того, что было запрещено, подъ страхомъ смерти, продавать ему порохъ и помогать въ формированіи отрядовъ. Однажды даже по немъ стрѣляли. При рѣзкихъ объясненіяхъ съ Мархвинскимъ была у него исторія еще хуже. Въ началѣ мая, однакожъ, онъ всетаки собралъ какой-то отрядъ, котораго половина, подъ начальствомъ Мальчевскаго, вышла изъ Кракова и сейчасъ же прогнана нашими войсками назадъ въ Галицію, оружіе забрано австрійцами, а Мальчевскій арестованъ. Съ другою половиною отряда долженъ былъ идти самъ Мирославскій, но не сдѣлалъ этого и уѣхалъ въ Парижъ (Даниловскій, въ своихъ показаніяхъ, и Гиллеръ, I, 277). Въ Парижѣ, въ 1864 году, Мирославскій огласилъ: «Dokumenta rzędowe do dziejów Organizacyi Jenerałnéj powstania narodowego w latach 1863 i 1864», гдѣ скомпрометировалъ многихъ своихъ соотечественниковъ и товарищей по службѣ. **Н. В.**

Затѣмъ члены жонда хотѣли приступить къ текущимъ занятіямъ, которыхъ было много и которыя не терпѣли отлагательства, какъ вдругъ пришло письмо къ Бобровскому отъ его краковскихъ арбитровъ, гдѣ увѣдомляли его, что «всѣ старанія ихъ устранить поединокъ кончились ничѣмъ, и онъ долженъ драться». Въ томъ же письмѣ находилось приглашеніе прибыть, какъ можно скорѣе, въ Вреславль, гдѣ Бобровскій долженъ былъ найти своего соперника.

Значеніе этого человѣка въ жондѣ было всегда довольно велико, но теперь въ особенности въ немъ нуждались, какъ въ авторѣ новаго устава, который нужно было вводить и который былъ составленъ на основаніи соображеній, извѣстныхъ во всей подробности только одному Бобровскому. Поэтому понятно, что, когда онъ заикнулся объ отпускѣ, ему отказали наотрѣзъ—и только послѣ самыхъ усиленныхъ просьбъ согласились отпустить на три дня, взявъ съ него честное слово, что онъ воротится въ срокъ непремѣнно.

Бобровскій сказалъ: «пріѣду въ эту же субботу!», получилъ отпускъ и полетѣлъ въ Вреславль, неподалеку отъ котораго, подъ мѣст. Равичемъ, стрѣлялся съ Грабовскимъ, въ самыхъ первыхъ числахъ апрѣля по н. ст., и былъ убитъ [1]).

Вотъ какъ отзывается объ этомъ человѣкѣ хорошо знавшій его Авейде: «Мы потеряли въ Бобровскомъ добраго, сердечнаго друга, а возстаніе утратило разумнѣйшаго и дѣльнѣйшаго изъ всѣхъ появлявшихся на его горизонтѣ дѣятелей. Бобровскому было всего 23 года, но это былъ человѣкъ вполнѣ развившійся, удивительныхъ способностей, неслыханно трудолюбивый и, можно сказать, циническої отваги, не терявшій присутствія духа ни на минуту, въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Другаго Бобровскаго возстаніе не имѣло» [2]).

Оставшіеся члены жонда, на первомъ засѣданіи послѣ смерти Бобровскаго, принялись разсуждать: «какое теперь лучше установить народное правительство: явное или тайное?»

Наиболѣе опытные, побывавшіе въ Сибири члены жонда, а потому, естественно, имѣвшіе первый голосъ, Гиллеръ и Рупрехтъ, объявили, что «существованіе чисто-на-чисто явнаго жонда . . . . . положительно невозможно; но что можно устроить жондъ полуявный: назначить предсѣдателя и секретаря, которыхъ имена будутъ всѣмъ извѣстны и которые будутъ считаться проживающими въ Варшавѣ,

[1]) Гиллеръ, I, 45.
[2]) Авейде, IV, 32.

на самомъ же дѣлѣ будутъ жить, подъ чужимъ именемъ, въ Швейцаріи, и мѣстопребываніе ихъ должно составлять, по возможности, непроницаемую тайну. Между тѣмъ тайные члены, живущіе въ Варшавѣ, поведутъ дѣла по старому, только подъ фирмою новаго, якобы швейцарскаго жонда, посылая въ Швейцарію, для утвержденія предсѣдателя и секретаря, однѣ лишь исключительно важныя бумаги, какъ, напримѣръ, перемѣны въ личномъ составѣ народнаго правительства, высшія назначенія, декреты и манифесты. Кромѣ того, предсѣдателю и секретарю должны пересылаться рапорты о ходѣ всѣхъ дѣлъ возстанія въ краѣ, для различныхъ соображеній. Заграничныя же сношенія и распоряженія необходимо передать въ полное завѣдываніе этихъ лицъ, съ тѣмъ, однако, чтобы они увѣдомляли обо всемъ Варшаву» [1]).

Головы всѣхъ членовъ жонда были тогда въ такомъ состояніи, что этотъ странный проектъ, несмотря на всѣ его несообразности, былъ принятъ. Заграничными членами выбраны: Петръ Высоцкій — предсѣдателемъ, а секретаремъ къ нему Авейде [2]). Они еще не успѣли уѣхать на свои мѣста, какъ въ жондѣ возникли по этому предмету новыя пренія, и все измѣнилось: большинство членовъ отвергло проектъ полуявнаго народнаго правительства и рѣшило оставить прежнюю форму, тайную. Только жондъ, вслѣдствіе исключенія изъ списковъ Бобровскаго и отъѣзда за границу Майковскаго, долженъ былъ перестроиться. Произведена, какъ это всегда водилось, при помощи городской организаціи, баллотировка, согласно которой жондъ получилъ такой составъ (жондъ 2-го состава):

Оскаръ Авейде, Карлъ Рупрехтъ, Агаѳонъ Гиллеръ, Осипъ Яновскій и Эдуардъ Сивинскій [3]).

Авейде принялъ на себя администрацію края и секретаріатъ. Немного позже перешли къ нему также и дѣла провинцій отъ Гиллера, который, вмѣстѣ съ Сивинскимъ, исключительно занялся прессой. Рупрехтъ взялъ на себя въ завѣдываніе финансы и заграничныя сношенія. Яновскій—военную часть.

---

[1]) Авейде, IV, 58. Не мѣтили-ли господа, подававшіе такой проектъ, сами въ заграничные члены жонда? У многихъ изъ служившихъ возстанію въ Царствѣ было постоянное желаніе получить какое-либо назначеніе за границей, въ безопасномъ мѣстѣ.

[2]) Авейде, IV, 59. Близъ этого времени, Тачановскій, имѣвшій значительную банду въ Куявахъ, звалъ жондъ къ себѣ, въ лѣса, но это признано ни съ чѣмъ несообразнымъ (Гиллеръ, I, 285).

[3]) Бывшій преподаватель литературы въ варшавской приготовительной школѣ. Н. В.

Помощниками у Авейде были: Иванъ Верницкій (у него хранились печати временнаго правительства), Иванъ Банземеръ, Рафаилъ Краевскій, Романъ Жулинскій [1]), чиновникъ варшавскаго суда исправительной полиціи, Эразмъ Малиновскій, и два агента или секретаря Литвы и Руси [2]). Кромѣ того, какъ разсыльный (Galopen), состоялъ въ его же распоряженіи чиновникъ путей сообщенія, Иванъ Лавцевичъ. Помощниками Гиллера и Сивинскаго были: студентъ Владиславъ Богуславскій, одинъ изъ сотрудниковъ «Польской Газеты»—Вагнеръ, типографщикъ Герасимовичъ и купецъ Антонъ Розманитъ, завѣдывавшій разсылкою всего, что̀ печаталось и писалось для края. У него были на то особые помощники.

Помощниками Рупрехта были: (какъ кажется [3]) конторщики разныхъ банкировъ: Воль и Зоммеръ.

У Яновскаго помощниками состояли: инженеръ Евгеній Качковскій (онъ же Дембинскій и Котъ), офицеръ генеральнаго штаба Галензовскій, присланный польскимъ революціоннымъ кружкомъ изъ Петербурга, и бывш. членъ провинц. отдѣла Литвы, Яковъ Ковелло.

Въ городской организаціи никакихъ важныхъ перемѣнъ не послѣдовало, только бывшіе члены замѣнены новыми: Бобровскій (какъ начальникъ города)—Титомъ Зенковичемъ Ѳома Винницкій (начальникъ полиціи, ушедшій, какъ мы видѣли, въ банду Лангевича и бывшій у него, одно время, начальникомъ штаба)—Иваномъ Карло-

---

[1]) Люди изъ городскаго кружка Юргенса (Записки о загов., стр. 177).

[2]) По словамъ Гиллера, секретаріаты Литвы и Руси учреждены еще въ мартѣ 1863, для успокоенія умовъ въ этихъ провинціяхъ, гдѣ постоянно существовало подозрѣніе, что короніапи, приглашая Литву и Русь къ участію въ возстаніи, думаютъ собственно только о себѣ, о конгрессувкѣ; что все кончится пріобрѣтеніемъ кое-какихъ привиллегій для этой послѣдней, а Литва и Русь будутъ забыты. Секретари же этихъ провинцій, присутствуя на засѣданіяхъ жонда, могли видѣть хорошо и близко, что̀ тамъ именно дѣлается, и писать къ своимъ. Первымъ секретаремъ Литвы при жондѣ народовомъ былъ Вацлавъ Пршибыльскій, а Руси—Маріанъ Добецкій (I, 161). Кромѣ того, въ апрѣлѣ 1863 года, жондъ народовый, по словамъ того же Гиллера, предложилъ литовскому отдѣлу въ Вильнѣ и отдѣлу Руси выбрать по одному члену въ жондъ. Русь не выбрала никого, а Литва прислала Іеронима Киневича, который засѣдалъ въ жондѣ только разъ, а потомъ уѣхалъ въ Парижъ, и, тамъ сочинивъ съ какимъ-то эмигрантскимъ кружкомъ возстаніе на Волгѣ, послалъ въ Казань эмиссаровъ, а потомъ отправился и самъ, но былъ схваченъ въ Александровѣ, препровожденъ въ Казань и тамъ разстрѣлянъ (I, 162). Подробности объ этомъ заговорѣ можно прочесть въ «Познанскомъ Дневникѣ» 1877, г., №№ 108, 109 и далѣе.

[3]) Замѣчаніе Авейде. Н. В.

вичемъ [1]), который до тѣхъ поръ былъ начальникомъ 2-го надокруга полицейской организаціи.

Устроившись такимъ образомъ, жондъ выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько важныхъ декретовъ. Прежде всего былъ повторенъ выданный ще въ мартѣ 1863 г. (въ дополненіе къ декрету отъ 22-го января н. ст.) декретъ о надѣлѣ крестьянъ землею. При этомъ жондъ народовый счелъ нужнымъ примѣнить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ дѣлу допускаемый уставомъ Бобровскаго терроръ: помѣщиковъ, которые отказывались освобождать своихъ крестьянъ и требовали отъ нихъ даровыхъ работъ или уплаты чинша, народныя власти хватали и наказывали при крестьянахъ розгами. Это произвело сильное впечатлѣніе на послѣднихъ: они ясно увидѣли, что жондъ въ самомъ дѣлѣ жондъ и можетъ карать непокорныхъ, а потому стали, если не сочувствовать ему, то помогать чѣмъ и какъ умѣли, болѣе всего—со страху. Уже деревни не подымались и не уходили въ лѣса, какъ это не разъ бывало до диктатуры Лангевича. Кое-гдѣ крестьяне приходили, въ довольно значительномъ числѣ, въ банды и становились подъ ружье, или дѣлались косинерами. Въ губерніяхъ Варшавской, Плоцкой и Радомской оказался наибольшій процентъ крестьянъ, служившихъ рядовыми въ бандахъ [2]).

Вслѣдъ затѣмъ выпущено жондомъ еще нѣсколько декретовъ серьезнаго содержанія и нѣкоторые изъ нихъ имѣли свою силу [3]).

---

[1]) Янъ изъ числа окружавшихъ Рылля и Ржонцу въ Воксалѣ («Русскій Архивъ» 1873, стр. 1304).

[2]) Имѣются самыя точныя свѣдѣнія, насколько какое сословіе входило въ составъ плоцкихъ бандъ. Авейде говоритъ, что въ уѣздахъ Варшавскомъ, Кутновскомъ и Влоцлавскомъ, Варшавской губерніи, мѣстныя повстанскія власти отказывали объ эту пору въ пріемѣ, по крайней мѣрѣ, тысячѣ хлоповъ каждую недѣлю, единственно потому, что ихъ нечѣмъ было вооружить. Такъ было до учрежденія литтихской коммисіи вооруженія (IV, 53).

[3]) Вотъ важнѣйшіе изъ декретовъ жонда того времени: декретомъ отъ 11-го апрѣля н. ст. запрещалось принимать амнистію, обѣщанную нашимъ правительствомъ тѣмъ, кто сложитъ оружіе до 1-го мая. Декретомъ отъ 29-го апрѣля н. ст. лишались покровительства законовъ (wyjęci z pod prawa) всѣ тѣ, кто будетъ редактировать и выдавать распоряженія о секвестрѣ имѣній повстанцевъ. Декретомъ отъ 3-го мая н. ст. объявлены всѣ дѣла и иски лицъ, участвующихъ въ возстаніи, оконченными (Zawieszenie wszystkich spraw cywilnych.) Декретомъ отъ 10-го мая н. ст. уничтожено названіе «временное правительство», а принято названіе: «народное правительство» (Rząd Narodowy), согласно чему измѣнены и печати. Декретомъ отъ 11-го мая н. ст. запрещено Александру Ласкому принимать должность предсѣдателя польскаго банка. Декретомъ отъ того же числа признанъ недѣйствительнымъ контрактъ,

Въ заключеніе послѣдовало важнѣйшее распоряженіе жонда: князь Владиславъ Чарторыскій (старшій сынъ князя Адама) назначенъ «главнымъ заграничнымъ агентомъ народнаго правительства», что сдѣлано, болѣе всего, по настоянію Рупрехта и его бѣлыхъ друзей, недавнихъ членовъ шляхетской Дирекціи, которые, со времени слитія обѣихъ организацій воедино, частенько заглядывали на засѣданія жонда и мѣшались въ его дѣла.

Получивъ номинацію, князь, какъ говорятъ, былъ очень доволенъ, хотя и сказалъ шутя своему тогдашнему секретарю, Калинкѣ: «вотъ и мы теперь члены жонда народоваго!» [1]).

Тогда же, изъ опасенія, чтобы папа не поступилъ съ возстаніемъ, какъ предмѣстникъ его, Григорій XVI, въ 1831 году: не грянулъ проклятіемъ—былъ назначенъ римскимъ агентомъ жонда папскій камергеръ Владиславъ Кульчицкій. При этомъ жондъ народовый от-

---

заключенный президентомъ города Варшавы съ англійскою компаніей о канализаціи и водопроводахъ Варшавы. Декретомъ отъ 14-го мая н. ст. всѣ поляки, живущіе за границей безъ всякихъ занятій, приглашались воротиться въ отечество въ теченіе 10 дней, подъ страхомъ лишенія гражданскихъ правъ.

[1]) Часть его переписки съ жондомъ см. въ приложеніи. Подъ вліяніемъ князя Владислава, при содѣйствіи его родственника, князя Константина Чарторыскаго, снаряжена въ Англіи морская повстанская экспедиція, съ цѣлію сдѣлать высадку на берега Курляндіи; экспедиція эта составляетъ совершенно отдѣльный эпизодъ возстанія 1863 года. А. Герценъ сообщаетъ объ ней любопытныя подробности въ статьѣ своей «Пароходъ Вардъ-Джаксонъ» (Oeuvres posthumes, Женева 1870, стр. 207). Одновременно съ этою экспедиціей должны были двинуться въ Курляндію, съ литовскими бандами, Сѣраковскій и Колыско, дабы соединиться съ повстанцами, имѣющими прибыть моремъ. На эти банды ударилъ, 3-го мая н. ст. 1863, генералъ Ганецкій, подъ дер. Мадейками, недалеко отъ мѣст. Биржъ. Послѣ перваго столкновенія наши отступили, но 6-го мая ударили опять и разбили повстанцевъ. Раненые Сѣраковскій и Колыско отнесены своими солдатами въ какую-то избу, но ихъ нашли и отправили въ Вильну. Колыско повѣшенъ въ Вильнѣ, 9-го іюня н. ст. 1863; Сѣраковскій повѣшенъ тамъ же, 27-го іюня н. ст. Возстаніе на Жмуди послѣ этого сильно упало (Гиллеръ, II, 301—302). Краткая біографія Сѣраковскаго, изданная въ Вильнѣ Н. Цыловымъ: «Сигизмундъ Сѣраковскій и его казнь»-Вильна, 1867. О Колыскѣ Гиллеръ сообщаетъ слѣдующее: «Болеславъ Колыско воспитывался въ Московскомъ университетѣ, потомъ учился недолго въ Кунео. Какъ и всѣ прочіе, бывшіе тамъ, нахватался извращенныхъ революціонныхъ теорій, извлеченныхъ изъ брошюръ старой эмиграціи, и вынесъ съ собою въ Польшу анархическое настроеніе, неуваженіе опыта, заслугъ и лѣтъ, а также нетерпѣніе и безумство самыхъ страшныхъ размѣровъ» (II, 313). Въ другомъ мѣстѣ Гиллеръ выражается о подобномъ народѣ: «считали себя рожденными предводительствовать, какъ нѣкогда шляхта воображала себя рожденною царствовать» (II, 214). Н. В.

правилъ къ святѣйшему отцу письмо, гдѣ говорилось, въ чрезвычайно скромныхъ формахъ, что «война поднята за свободу, а слѣдовательно, и за вѣру, которая стѣснена и терпитъ».

Въ заключеніи письма, возстаніе просило у святѣйшаго отца благословенія. Папа не отвѣчалъ, но велѣлъ передать подъ рукою польскимъ повстанцамъ, что онъ «благословляетъ ихъ оружіе» [1]).

Дѣло возстанія пошло съ этихъ поръ стройнѣе. Можно сказать: всѣ главныя силы страны соединились теперь въ одномъ и томъ же порывѣ. Все, что только могло жертвовать во всѣхъ «захватахъ» и въ эмиграціи, стало жертвовать единодушно, отдавая возстанію послѣдній грошъ. Нѣтъ сомнѣнія, что объ эту пору, возстаніе располагало значительными суммами. Дабы завести какой-нибудь порядокъ въ расходованіи поступившихъ съ разныхъ сторонъ денегъ и всякихъ цѣнныхъ предметовъ, жондъ народовый, по сношеніи съ княземъ Владиславомъ Чарторыскимъ, отправилъ въ Парижъ Леона Круликовскаго, съ порученіемъ основать тамъ особый польскій комитетъ, что̀ и было имъ исполнено. Въ этотъ комитетъ вошли членами: князь Владиславъ Чарторыскій, Ахиллесъ Бонольди, Іосифъ Орденга, Людвигъ Воловскій, графъ Ксаверій Браницкій и директоръ Батиньольской школы подъ Парижемъ, докторъ Северинъ Галензовскій.

Сверхъ обязанности открыть центральную кассу и центральный контроль, польскій комитетъ долженъ былъ всемѣрно возбуждать вниманіе Европы къ польскому дѣлу, закупать оружіе и доставлять волонтеровъ. Въ первомъ случаѣ онъ зависѣлъ отъ князя Владислава Чарторыскаго, во второмъ отъ основанной тогда же, въ Литтихѣ (Liège), коммисіи вооруженія, состоявшей изъ предсѣдателя Годебскаго и членовъ: познанскаго помѣщика Александра Гуттри, графа Ивана Дзялынскаго, помѣщика Свинарскаго и Леона Круликовскаго; въ третьемъ—отъ революціонныхъ властей Галиціи и Познани.

Съ іюня мѣсяца коммисія вооруженія стала дѣйствовать самостоятельно, доставляя возстанію оружіе и военные припасы. Съ нею сносились поляки и иностранцы, за исключеніемъ вѣнскихъ и галиційскихъ агентовъ, которые распоряжались отдѣльно. Ими были: Осипъ Квятковскій и Осипъ Петрашкевичъ (служившій когда-то у Замойскаго, въ Обществѣ пароходства по Вислѣ). Оба они находились въ зависимости отъ краковскаго комитета воен. департамента Варшавы.

Систематическое употребленіе денегъ, поступившихъ въ кассу жонда, правильная доставка въ банды оружія и другихъ необходи-

[1]) Авейде, IV, 69.

мыхъ предметовъ, равно появленіе иностранныхъ офицеровъ въ рядахъ повстанцевъ—оживили возстаніе. Во многихъ пунктахъ Царства Польскаго возникли большія банды, хорошо одѣтыя и вооруженныя. Наиболѣе всего обстоятельства благопріятствовали образованію значительныхъ бандъ въ Куявахъ [1]). Начальникъ тамошняго (т. е. калишскаго) военнаго отдѣла, генералъ-лейтенантъ Бруннеръ, держалъ ввѣренныя ему войска преимущественно въ одномъ пунктѣ, въ Калишѣ и его окрестностяхъ, и очень рѣдко посылалъ оттуда отряды на поиски въ разныя стороны, что дѣлалось повсюду. Куявскія банды разростались и разростались, получая постоянныя подкрѣпленія людьми, оружіемъ и всякими военными припасами изъ-за границы, которая была весьма недалеко. Мѣстечки: Скульскъ, Пыздры и Слупца [2]) очутились въ рукахъ повстанцевъ, которые производили тамъ ученія и смотры войскъ, со стрѣльбою въ цѣль, какъ-бы на своей, давно и прочно завоеванной территоріи. А мелкія банды разгуливали безнаказанно по лѣвому берегу Вислы, въ извѣстной уже читателямъ Кампиноской пущѣ, и, приближаясь къ Плоцку, пускали черезъ рѣку по его улицамъ пули [3]).

Одна изъ большихъ куявскихъ бандъ (образовавшаяся еще до диктатуры Лангевича) состояла подъ командой военнаго начальника мазовецкаго воеводства, Зейфрида, тайнаго сообщника Мирославскаго. Вскорѣ послѣ бѣгства своего патрона за границу, Зейфридъ, также бѣжавшій изъ-подъ Кршивосондза и гдѣ-то скрывавшійся, явился опять въ Куявахъ и собралъ банду, съ цѣлію служить интересамъ неудавшагося диктатора, но этотъ диктаторъ, какъ видѣли, не переходилъ вторично границы. Зейфридъ соединился съ бандою Юнга-фонъ-Бланкенштейна [4]), весьма хорошаго офицера французскихъ

---

[1]) Мѣстность на границѣ калишскаго и частію плоцкаго воеводства и Пруссіи.

[2]) Конинскаго уѣзда, Варшавской губерніи (Прежнее дѣленіе).

[3]) Сообщено начальникомъ Плоцкаго военнаго отдѣла и послѣ подтверждено однимъ повстанцемъ, служившимъ въ бандѣ, которая бродила по Кампиноской пущѣ. Онъ разсказывалъ, что, будучи потребованъ на службу, проѣхалъ изъ своей деревни обывательскою почтой по Калишскому, Ленчицкому и Ловичскому уѣздамъ, Варшавской губерніи, 13 миль (т. е. 91 версту), во всеоружіи, и никѣмъ не былъ остановленъ, даже не встрѣтилъ ни одного солдата и ни одного казака. Н. В.

[4]) Банда Юнга образована на средства Бѣлаго Познанскаго комитета (Дзялынскаго-гуттри), съ которымъ Юнгъ переписывался. Въ пріискиваніи французскихъ офицеровъ принимала довольно ревностное участіе сестра графа Дзялынскаго Марья, вышедшая замужъ за графа Владислава Замойскаго. Ею и отелемъ Lambert завербованы между прочимъ, кромѣ Юнга: подполковникъ французской службы Виконтъ де-Ное; сержантъ-майоры: Фошѣ и

войскъ, присланнаго эмиграціей. Они бродили безъ всякихъ опредѣленныхъ цѣлей по границѣ, около Казиміржа, Конинскаго уѣзда, Варшавской губерніи. Вскорѣ къ нимъ пристала довольно большая банда Людвига Оборскаго [1]).

Кромѣ того, держались еще въ Куявахъ большія банды Меленцкаго, Эдмунда Калье и Тачановскаго [2]).

Слухъ о нихъ достигъ наконецъ и до Бруннера, и онъ рѣшился послать на рекогносцировку отрядъ изъ 2-й стрѣлковой роты и 5-й линейной Олонецкаго пѣхотнаго полка, полсотни казаковъ и столько же объѣздчиковъ, подъ начальствомъ маіора Нелидова, который весьма скоро открылъ непріятеля, но долженъ былъ, по несоразмѣрности силъ, отказаться отъ всякой мысли о боѣ, и перейти на прусскую территорію.

Это надѣлало много шуму у насъ и за границей.

Изъ Варшавы отправленъ былъ въ Куявы флигель-адъютантъ, полковникъ Заинъ-Витгенштейнъ . . . . . .

. . . Средства, которыми позволилъ располагать ему начальникъ отдѣла, были недостаточны, чтобы предпринять что-либо серьезное. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ стычекъ съ куявскими повстанцами, Витгенштейнъ былъ отозванъ въ Варшаву [3]), а на его мѣсто по-

---

Рошеблавъ. Всего приглашено, въ концѣ марта 1863 г. и немного позже, около 50 иностранцевъ, преимущественно французовъ. Они прибыли въ Познань съ паспортами парижской полицейской префектуры, подъ видомъ купеческихъ прикащиковъ и ремесленниковъ. (Ратчъ. Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 въ сѣверо-зап. губерніяхъ, II, 723, 732, 733).

[1]) Тотъ самый, который дѣйствовалъ въ 1848 г. См. статью три битвы (Trzy boje) въ «Газетѣ Народовой» (Gazeta Narodowa) 1878, №№ 136, 139, 151, 152, 154, 156, 157.

[2]) Калье и Тачановскій—также произведеніе бѣлой партіи Дзялынскаго. Калье служилъ въ «иностранномъ легіонѣ» подъ Севастополемъ. Потомъ былъ учителемъ французскаго языка въ Познани. Тачановскій—отставной офицеръ прусскихъ войскъ.

[3]) Витгенштейнъ хвалился послѣ на словахъ и даже гдѣ-то напечаталъ, что онъ (на основаніи правъ, данныхъ въ то время всѣмъ начальникамъ частей) повѣсилъ въ Куявахъ, безъ суда и слѣдствія, слишкомъ 70 повстанцевъ, за что ему досталось отъ разныхъ заграничныхъ органовъ печати. Краткія свѣдѣнія объ его дѣйствіяхъ можно найти въ «Журн. Воен. д.» «къ № 13, стр. 9». Самая значительная битва его съ повстанцами была на разсвѣтѣ 22-го марта н. ст. 1863 г., подъ Ольшаномъ, въ Казиміровскихъ лѣсахъ. При этомъ раненъ смертельно Меленецкій, а Калье, тоже тяжело раненый, унесенъ съ поля битвы на ружьяхъ. Въ «Жур. Воен. д.» сказано такъ: «бой продолжался пять часовъ. Поляки дрались упорно и съ знаніемъ дѣла. Банда состояла большею частію изъ отставныхъ прусскихъ солдатъ, хорошо вооруженныхъ». Н. В.

слалъ генералъ-лейтенантъ Костанда, съ несравненно бо́льшими средствами и уполномочіями.

Въ добавленіе къ отряду изъ трехъ стрѣлковыхъ ротъ, двухъ орудій 3-й конной гвардейской батареи, 120 саперъ и 40 казаковъ, которыхъ генералъ Костанда взялъ изъ Варшавы, дозволялось ему взять сколько угодно войскъ по пути, изъ калишскаго отдѣла, не спрашивая на то разрѣшенія у генерала Бруннера. Отрядъ генерала Костанды тронулся изъ Варшавы (14-го) 26-го апрѣля по желѣзной дорогѣ до Кутна, а затѣмъ обыкновеннымъ путемъ. Тотчасъ была замѣчена какая-то тревога между жителями деревень и мѣстечекъ, черезъ которыя двигались наши войска. Всѣ бургомистры и войты гминъ умоляли командующаго отрядомъ «не говорить съ ними ни слова, потому что ихъ за это повѣсятъ». Въ Клодавѣ былъ въ самомъ дѣлѣ найденъ повѣшенный за что-то повстанцами бургомистръ.

Въ послѣднемъ мѣстечкѣ генералъ Костанда захватилъ три роты Ладожскаго пѣхотнаго полка, 40 Маріумпольскихъ гусаръ и 30 казаковъ, такъ что весь его отрядъ составилъ 6 ротъ пѣхоты, 120 саперъ, 40 гусаръ, 30 казаковъ и 2 конныхъ орудія. Когда войска прибыли (15-го) 27-го апрѣля, въ мѣстечко Коло, многіе изъ жителей говорили, что «недалеко оттуда, подъ мѣстечкомъ Бабякомъ [1]), скрывается небольшая банда». Это были показанія фальшивыя. На самомъ дѣлѣ, близъ Бабяка стояли банды Зейфрида, Юнга и Оборскаго, которыя, по уходѣ Нелидова въ Пруссію, спокойно расположились въ густыхъ Оссовскихъ лѣсахъ: Зейфридъ—ближе къ Бабяку, Юнгъ—на сѣверъ оттуда, въ разстояніи версты; почти на такое же разстояніе далѣе—стоялъ Оборскій.

По словамъ повстанцевъ, служившихъ въ этихъ бандахъ, они жили весьма комфортабельно, получая содержаніе изъ окрестныхъ деревень. Водки, говядины, хлѣба—было у нихъ постоянно вдоволь, особенно у кавалеріи. Солдаты смотрѣли бодро и весело. Одѣты были всѣ одинаково и сносно вооружены. Кавалерія отличалась роскошью убранства коней, богатыми сѣдлами, чапраками и уздечками. Въ отрядѣ Юнга всѣ офицеры (бо́льшею частію иностранцы) имѣли пяти-зарядные револьверы-карабины [2]). Не было только въ бандѣ согласія и единства. Ничтожный по своимъ способностямъ Зейфридъ

---

[1]) 12 верстъ отъ Коло на сѣверъ.

[2]) Но солдатамъ вооруженія недоставало. Въ бумагахъ Дзялынскаго, при обыскѣ его познанскаго палаца, найдено между прочимъ письмо къ нему Юнга, отъ 19-го апрѣля н. ст. 1863, гдѣ есть такія слова: «у меня 500 человѣкъ, изъ нихъ у половины нѣтъ даже палки для защиты». (Ратчъ, II. 735).

В.

безпрестанно ссорился съ Юнгомъ, вслѣдствіе того, что не видалъ съ его стороны ожидаемаго почтенія и повиновенія (какъ начальнику воеводства), и еще оттого, что Юнгъ, аристократъ происхожденіемъ, высказывалъ совсѣмъ другіе взгляды на способы, ведущіе къ освобожденію Польши: тяготѣлъ болѣе къ отелю Lambert, а не къ Мирославскому. Прибывшій позже Оборскій держалъ себя нейтрально, имѣя въ виду, въ случаѣ крайнихъ несогласій между его товарищами, уйти оттуда и пристать къ другимъ бандамъ.

Жондъ зналъ очень хорошо способности всѣхъ этихъ лицъ и собирался передать главное командованіе куявскими бандами въ руки Юнга, какъ болѣе достойнаго и образованнаго офицера. Этого требовала отчасти и тогдашняя бѣлая политика жонда. Кромѣ того, жондъ имѣлъ и личный зубъ противъ Зейфрида: послѣдній относился весьма непочтительно къ центральной власти возстанія, писалъ не рапорты, а какія-то небрежныя отношенія, безъ всякихъ титуловъ. О тайныхъ связяхъ Зейфрида съ Мирославскимъ жонду было давно извѣстно. Однакожъ, имѣя причины замѣнить Зейфрида Юнгомъ, жондъ не рѣшался этого сдѣлать изъ опасенія скандала—неповиновенія куявскихъ бандъ, которыя привыкли къ имени Зейфрида и, несмотря на его недостатки, видѣли въ немъ все-таки своего воеводу, а Юнгъ былъ для нихъ чужой человѣкъ, французъ, не могшій съ ними путемъ объясниться.

Жондъ прибѣгъ къ полумѣрѣ. Незадолго до битвы, къ описанію которой мы приближаемся, Юнгъ получилъ отъ него письмо, болѣе или менѣе такого содержанія:

«Тачановскій располагаетъ въ Пыздрахъ 1,000 штуцерами и 500-ми косами. Вы имѣете, какъ слышно, также до 1,000 штуцеровъ. Дѣйствуя нераздѣльно, вы составляете значительную силу. Край въ вашихъ рукахъ. Вербуйте народу, какъ можно болѣе, а мы будемъ доставлять оружіе. Съ сожалѣніемъ узнали о вашемъ удаленіи изъ Казиміровскихъ лѣсовъ. По нашему мнѣнію, вамъ-бы не слѣдовало уходить оттуда, не сформировавшись вполнѣ. Но, будучи на мѣстѣ, вы, конечно, лучше знаете, что дѣлать. Мы полагаемъ на васъ большія надежды. На-дняхъ получите номинацію на военнаго начальника мазовецкаго воеводства. Просимъ васъ извѣщать насъ обо всемъ, какъ можно чаще» [1]).

Когда банды узнали о приближеніи войскъ подъ начальствомъ генерала Костанды, Юнгъ отправился къ Зейфриду, чтобы условиться

[1]) Въ такомъ видѣ сообщено это письмо автору генераломъ Костанд ой, который имѣлъ въ рукахъ подлинникъ, найденный на трупѣ Юнга.

Н. В.

съ нимъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ и просилъ его при этомъ передать ему главную команду. Зейфридъ не только на это не согласился, но, подозрѣвая тутъ интригу бѣлыхъ противъ Мирославскаго, распустилъ по всему лагерю слухъ, что французъ затѣваетъ что-то недоброе, вслѣдствіе чего около ста человѣкъ перебѣжало изъ банды Юнга къ Зейфриду [1]).

На зарѣ 17-го апрѣля ст. ст., верстахъ въ четырехъ отъ Оссовскихъ лѣсовъ, явился къ генералу Костандѣ колонистъ-нѣмецъ и спросилъ: «куда вы идете?».

— Намъ сказали, что тутъ есть бандочка,—отвѣтилъ генералъ:—такъ мы ее и ищемъ.

— Какая тутъ бандочка: тутъ цѣлыхъ три большія банды, тысячи въ три человѣкъ, въ крѣпкой лѣсной позиціи,—сказалъ колонистъ и при этомъ сообщилъ нѣсколько подробностей о сочувствіи повстанцамъ окрестныхъ деревень: какъ хлопы возили въ лѣсъ всякіе припасы; а въ заключеніе сообщилъ, что повстанцы похитили его сестру, очень красивую женщину, и это обстоятельство—месть за сестру (а можетъ, коханку) привело колониста въ русскій отрядъ.

Генералъ Костанда распросилъ его о расположеніи бандъ, раздѣлилъ свой отрядъ на три части, изъ которыхъ одною, на лѣвомъ флангѣ (рота 4-го стрѣлковаго баталіона, 1-й саперный баталіонъ, 30 гусаръ и 10 казаковъ), поручилъ командовать полковнику Рейнталю. Другою частью, въ центрѣ (двѣ роты 4-го стрѣлковаго баталіона, 10 гусаръ, 10 казаковъ и два орудія), командовалъ полковникъ Гагемейстеръ; тутъ же находился и самъ начальникъ отряда, генералъ Костанда. Третьею колонною, справа, въ двѣ стрѣлковыхъ роты Ладожскаго пѣхотнаго полка и 15 казаковъ, поручено командовать маіору Дымману. При всѣхъ частяхъ дѣйствовало по нѣсколько человѣкъ объѣздчиковъ.

Поздравивъ войска со днемъ рожденія Государя Императора, генералъ сказалъ имъ, что «въ такой день не побѣдить нельзя!».

Солдаты прокричали «ура»! и двинулись въ бой бѣгомъ. Непріятельскіе ведеты прозѣвали насъ (а можетъ быть, ихъ не было и вовсе), и потому банды нисколько не приготовились къ бою. Послѣ ожесточенной свалки въ лѣсу, банда Зейфрида (правый флангъ непріятельской позиціи) дрогнула первая. Зейфридъ бѣжалъ со штабомъ и едва не попался въ плѣнъ: лошадь его завязла въ болото, онъ соскочилъ и скрылся въ лѣсу [2]). Солдаты его, не видя вождя, также пустились

[1]) Свѣдѣнія отъ плѣнныхъ повстанцевъ куявскихъ бандъ. В.

[2]) Потомъ онъ бѣжалъ за границу; Станиславъ Ярмундъ, въ званіи чрезвычайнаго коммисара народнаго правительства, вручилъ ему увольненіе отъ

бѣжать, бросая оружіе, шапки и даже сапоги. Гусары, казаки и объѣздчики, подъ общимъ начальствомъ уланскаго поручика Баха, гнали ихъ нѣсколько верстъ, имѣя въ помощь два орудія, подъ прикрытіемъ 40 стрѣлковъ. Центръ и лѣвый флангъ непріятеля, т. е. банды Юнга и Оборскаго, атакованные нашею центральною колонной и правымъ крыломъ, держались часа четыре. Банда Юнга ходила нѣсколько разъ въ штыки, съ русскимъ «ура!». Самъ Юнгъ, окруженный толпою иностранцевъ, бился отчаянно, сперва на конѣ, потомъ пѣшій, и палъ—пробитый тремя пулями [1]). Смерть его разстроила ряды въ обѣихъ бандахъ, и онѣ стали отступать въ безпорядкѣ къ мѣстечку Избицѣ (верстъ 12 отъ Бабяка на сѣверъ), куда подошли потомъ и остатки банды Зейфрида.

Нашею добычею были: 3 знамени, 2 обоза, большой запасъ говядины, колбасъ и картофелю; 40 лошадей съ отличными бархатными сѣдлами; 200 литтихскихъ штуцеровъ и нѣсколько пятиствольныхъ револьверовъ-карабиновъ. Кромѣ того, банда Зейфрида разбросала по дорогѣ до 300 паръ сапогъ и 700 косъ [2]).

Вечеромъ того же дня (17-го апрѣля ст. ст.), войска генерала Костанды воротились въ Коло, гдѣ нашли отрядъ генерала Краснокутскаго, въ 3 роты 4-го стрѣлковаго баталіона, 60 саперъ, 2 эскадрона гродненскихъ гусаръ, сотню казаковъ и два орудія, посланный изъ Варшавы на помощь генералу Костандѣ, для окончательнаго уничтоженія куявскихъ бандъ.

Вниманіе обоихъ генераловъ сосредоточилось на бандѣ Тачанов-

должности военнаго начальника мазовецкаго воеводства и отдалъ его подъ судъ, такъ какъ было донесеніе, что онъ, въ сообществѣ съ Древновскимъ и Мирославскимъ, затѣвалъ coup d' état: ниспроверженіе жонда. На мѣсто Зейфрида назначенъ Оборскій, который вскорѣ тяжело раненъ подъ Невѣржемъ. Его замѣнилъ Слупскій и перешелъ съ остатками бандъ Варту. Наконецъ, начальникомъ военныхъ силъ въ мазовецкомъ воеводствѣ назначенъ полковникъ Калье (Гиллеръ, II, 261—262).

[1]) Его узнали по письму, которое было приведено выше, и по фуражкѣ съ нашивками. Докторъ его, сынъ одного совѣтника изъ Калиша, просилъ у генерала Костанды, со слезами на глазахъ и цѣлуя руки, фуражку вождя на память. Тѣло Юнга похоронено въ мѣстечкѣ Брдовѣ. Сверхъ упомянутаго письма, найдена была при Юнгѣ переписка его съ родителями, которые отговаривали его ѣхать въ Польшу, когда онъ былъ еще въ Алжирѣ, въ апрѣлѣ 1863; и потомъ писали въ Польшу, чтобы онъ бросилъ глупости и воротился домой. На мундирѣ Юнга былъ почему-то польскій крестъ virtuti militari. Кромѣ Юнга, въ той же битвѣ погибли французы Эспинасъ и Лоранъ.

[2]) Разсказъ генерала Костанды. Болѣе подробное описаніе этого дѣла можно найти въ «Журн. Воен. дѣйствій», № 20, дополненіе. Также въ статьѣ «Военнаго Сборника» 1863: «Двадцать дней въ лѣсу». Н. В.

скаго, который стоялъ сначала въ Пыздрахъ, а потомъ, отразивъ нападеніе подполковника Орановскаго [1]), перешелъ на лѣвый берегъ Варты и двинулся на мѣстечко Рыхвалъ, гдѣ имѣлъ столкновеніе съ отрядомъ генерала Бруннера, въ 11-ть ротъ; затѣмъ занялъ мѣстечко Коло, оставленное Костандою и Краснокутскимъ (которые предполагали Тачановскаго въ другихъ мѣстахъ и пошли на поиски), но, пробывъ тамъ только одинъ день, направился къ Игнацову и тамъ укрѣпился; это былъ пунктъ чрезвычайно удобный для выдержки серьезнаго нападенія: за деревней, расположенной вблизи границы, тянулись непроходимыя трясины, среди которыхъ была устроена узкая гать, по коей банда могла во всякое время уйти на прусскую территорію. По этой же гати производились подвозы провіанта и оружія изъ-за границы. Такъ какъ въ странѣ господствовалъ страшный терроръ—за малѣйшее сообщеніе съ непріятелемъ наказывали смертію [2]), то оба наши генерала, по выступленіи изъ Коло, долго скитались по всему Конинскому уѣзду, не находя Тачановскаго, вслѣдствіе фальшивыхъ показаній «языковъ». Генералъ Костанда заглядывалъ даже въ уѣздъ Влоцлавскій, къ Брдову и Сомпольну, на основаніи слуховъ, что въ тѣхъ мѣстахъ прошли банды, но тамъ ничего не оказалось.

Тѣмъ временемъ Краснокутскій, оставшись одинъ, не такъ далеко отъ Коло, встрѣтился съ Бруннеромъ, и оба, узнавъ, что банда Тачановскаго заняла Коло, двинулись туда, но не нашли уже тамъ никого, а только узнали, что Тачановскій перешелъ въ Игнацово и тамъ укрѣпился. Тогда оба генерала рѣшились атаковать повстанцевъ въ Игнацовѣ съ двухъ сторонъ, въ одно и то же время: Краснокутскій съ юга, а Бруннеръ съ сѣвера, для чего первый двинулся на Лубстовъ, а второй на Сомпольно. При нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ между собою этихъ генераловъ (недоразумѣніяхъ, доходившихъ до того, что Краснокутскій вызывалъ Бруннера на поединокъ), при излишней горячности одного и такой-же нерѣшительности другаго, они не могли дѣйствовать согласно (Бруннеръ значительно опоздалъ противъ диспозиціи), вслѣдствіе чего Тачановскій держался въ Игнацовѣ долго и нанесъ отряду Краснокутскаго большой уронъ. Но все-таки дѣло кончилось нашимъ торжествомъ: Игнацово зажжено артиллеріей Краснокутскаго, и Тачановскій принужденъ былъ уйти съ своею бандою за границу [3]).

[1]) Польскіе источники. Изъ нашего «Журн. В. д.» этого не видно.

[2]) Колонистъ, донесшій генералу Костандѣ о присутствіи большихъ бандъ въ Оссовскихъ лѣсахъ, найденъ послѣ повѣшеннымъ около Бабяка, съ переломанными руками и ногами.

[3]) Подробности въ «Журн. В. д.», № 21, стр. 1—3. Н. В.

Генералъ Костанда напалъ на складъ оружія, оставленный Тачановскимъ въ Казиміровскихъ лѣсахъ [1]), подъ присмотромъ ротмистра Пенёнжка и помѣщика Глищинскаго. Тамъ было 250 штуцеровъ и ружей, 400 косъ, нѣсколько сабель, сѣделъ и разныхъ инструментовъ. Говорили, что графъ Иванъ Дзялынскій, служившій у Тачановскаго рядовымъ, хотѣлъ прислать за этимъ оружіемъ особую команду, но не прислалъ [2]).

Такимъ образомъ всѣ большія куявскія банды были уничтожены. Генералъ Краснокутскій воротился въ Варшаву; генералу Бруннеру велѣно подать въ отставку, а генералъ Костанда сдѣланъ военнымъ начальникомъ Конинскаго уѣзда. Онъ нашелъ весь этотъ уѣздъ въ состояніи совершеннаго безначалія. Русскіе орлы были вездѣ сняты и замѣнены польскими. Ни одна кокарда не смѣла показаться на фуражкѣ чиновника. Присутственныя мѣста служили жонду; помѣщики и крестьяне забыли и думать, что̀ такое казенные взносы и подати; почта приходила исправно только для поляковъ и жидовъ. О русскихъ письмахъ постоянно говорилось въ особыхъ накладныхъ: «письма ихъ благородій и высокоблагородій задержаны». Два мѣсяца боролся генералъ Костанда съ этими безпорядками, и только послѣ самыхъ энергическихъ и безцеремонныхъ мѣръ (напримѣръ, онъ сжегъ однажды, въ присутствіи получателей—поляковъ и жидовъ, всю почту, недоставившую русскихъ писемъ) прежнее русское управленіе стало мало-по-малу водворяться [3]).

Другая группа крупныхъ бандъ явилась, около того же времени, на югѣ Люблинской губерніи. Одною изъ нихъ была банда полковника Леона Чеховскаго [4]), сформированная за границей. Она состояла изъ пѣхоты и уланъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ одинаково: пѣхота имѣла штуцера; кавалерія — пики, сабли и пистолеты. Чеховскій перешелъ границу въ самомъ началѣ марта по н. ст., близъ дер. Люхово, на югѣ Яновскаго уѣзда, пробылъ въ Люховѣ всего одинъ день (4-го марта ст. ст.) и двинулся на Тарногродъ, а отту-

---

[1]) Конинскаго уѣзда.

[2]) Въ апрѣлѣ, какъ сказано выше, была въ познанскомъ палацѣ Дзялынскаго ревизія, причемъ забраны всѣ бумаги. Хозяинъ успѣлъ бѣжать въ Царство, потомъ въ Берлинъ и Парижъ.

[3]) Офиціальныя свѣдѣнія и разсказъ генерала Костанды.

[4]) Нѣкоторые смѣшиваютъ Леона Чеховскаго «съ бунчужной фигурой»—Діонисіемъ Чаховскимъ, какъ сдѣлано и въ офиціальныхъ донесеніяхъ полковника Мѣдникова. Это совершенно два разныя лица и пишутся по-польски неодинаково: Czechowski i Czachowski. Н. В.

да въ Накликъ [1]). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ банда Чеховскаго расплачивалась золотомъ (голландскимъ и австрійскимъ) и потому прозвана «золотою бандою».

Стоявшій въ это время съ отрядомъ въ Яновѣ командиръ Архангелогородскаго пѣх. п., полковникъ Мѣдниковъ, узнавъ о появленіи Чеховскаго подъ Тарногродомъ (про него говорили, что онъ имѣетъ подъ командой тысячъ 20—30), послалъ въ ту сторону двѣ колонны: одну въ двѣ пѣхотныя роты и 37 казаковъ, съ объѣздчиками, подъ начальствомъ маіора Штернберга, прямо на Тарногродъ; а другую, въ $1^1/_2$ роты и взводъ уланъ, подъ начальствомъ капитана Завадскаго,—черезъ Гуту-Кришеповскую, на дер. Харасюки, во флангъ непріятелю. Лишь-только эти колонны выступили изъ Янова, получено было извѣстіе, что какая-то новая банда перешла черезъ границу у Кришеповa и пристала къ Чеховскому. Вслѣдствіе этого полковникъ Мѣдниковъ послалъ, съ 7-го на 8-е марта ст. ст., на подводахъ, въ помощь выступавшимъ отрядамъ, еще колонну, изъ одной стрѣлковой роты, взвода уланъ и 30 казаковъ, подъ начальствомъ маіора Владимірова, и при ней отправился самъ, для распоряженія всѣмъ ходомъ дѣйствій. Достигнувъ дер. Харасюковъ, Мѣдниковъ соединился съ колонной Завадскаго (которая подвергалась передъ тѣмъ опасности быть атакованною большими массами, но все кончилось незначительною перестрѣлкой)—и тутъ узналъ, что банды, занимавшія Тарногродъ и Накликъ, двинулись въ Едлинскій лѣсъ, а потому пошелъ въ этомъ направленіи. Повстанцы были вскорѣ открыты въ сказанномъ лѣсу, за р. Таневью. Они разбирали за собою мостъ. Не давъ имъ окончить этихъ работъ, Мѣдниковъ ударилъ на нихъ всѣми своими силами, перешелъ черезъ мостъ и, послѣ трехъчасоваго упорнаго боя, потерявъ довольно много людей, отступилъ снова за рѣку и расположился бивакомъ при дер. Гоздь-Липинскій [2]).

9-го марта ст. ст., подошла къ Мѣдникову колонна маіора Штернберга, которая была имъ отправлена немедля влѣво, съ цѣлью отрѣзать бандамъ отступленіе за границу. Самъ-же Мѣдниковъ, съ Завадскимъ, перейдя снова Таневь, двинулся на дер. Банахи (куда, по слухамъ, направился Чеховскій) и тутъ неожиданно былъ атакованъ повстанцами въ густомъ Цесменскомъ лѣсу. Произошла упорная битва, тянувшаяся съ 10-ти часовъ утра до трехъ пополудни. Повстанцы шли весело, съ пѣснями, гдѣ можно было различить, между прочимъ,

---

[1]) Мѣстечки Тарногродъ и Накликъ находятся въ самой южной части Яновскаго уѣзда, близъ австрійской границы.

[2]) На югѣ Яновскаго уѣзда. Н. В.

«z dymem pożarów», но стрѣляли плохо: бо́льшую часть зарядовъ несло надъ головами нашихъ солдатъ, вслѣдствіе чего наша потеря была незначительна. Мѣдниковъ показываетъ ее въ 12 человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыми и 20 человѣкъ ранеными. Потерю отряда Чеховскаго Мѣдниковъ считаетъ въ 200 человѣкъ. Въ 4-мъ часу банды отступили, оставивъ въ нашихъ рукахъ часть обоза, походную церковь, съ утварью и облаченіемъ ксендза, хорошую аптеку и хирургическіе инструменты.

Въ числѣ плѣнныхъ оказались: адъютантъ Чеховскаго, инженеръ-капитанъ Заранскій; маіоръ австрійской службы Цальплахтъ, начальникъ такъ называемыхъ «безсмертныхъ стрѣлковъ» [1]); маіоръ бывшихъ польскихъ войскъ Энглертъ, служившій у турокъ, у венгерцевъ, у американцевъ и въ марсальской тысячѣ, и еще нѣсколько иностранцевъ, болѣе всего австрійскихъ офицеровъ, взявшихъ временные отпуски.

Банды, сколько извѣстно, шли нѣкоторое время небольшими группами, въ разбивку, а потомъ, у Гуты-Кршешовской, соединились въ одну массу и такимъ образомъ перебрались черезъ границу, гдѣ скрывались до тѣхъ поръ, пока Мѣдниковъ, со всѣми своими отрядами, не двинулся обратно къ Янову [2]). Потомъ Чеховскій снова перешелъ границу въ Радомской губерніи и углубился въ лѣса Опатовскаго уѣзда.

Еще въ Люблинской губерніи объ эту пору (началу апрѣля по ст. ст.) явилась банда Лелевеля [3]), въ 350 человѣкъ, сформированная тоже за границей и перешедшая въ Царство гдѣ-то на югѣ. Противъ этой банды былъ отправленъ отрядъ, состоявшій изъ одной линейной и взвода стрѣлковой роты Архангелородскаго пѣх. полка, полуэскадрона Харьковскихъ уланъ, 16 казаковъ и 10 объѣздчиковъ, подъ начальствомъ маіора Штернберга. Обозрѣвъ пограничный Люховскій лѣсъ и слѣдуя оттуда черезъ деревни Рожанецъ и Боровые-Млыны, Штернбергъ открылъ, 4 апрѣля ст. ст., банду на югѣ Яновскаго уѣзда, среди болотъ и трясинъ, въ Боровскомъ лѣсу, гдѣ послѣ упорнаго дѣла, съ четырехъ до семи часовъ вечера, повстанцы были разбиты, потерявъ до 70 человѣкъ убитыми и ранеными. Кромѣ того, нами захвачено: знамя, 50 штукъ разнаго оружія, 7 пудовъ по-

---

[1]) Ихъ было до 500 человѣкъ. Они имѣли на шапкахъ изображеніе адамовой головы и были вооружены хорошими штуцерами.

[2]) Разсказъ Мѣдникова и «Журн. В. д.», № 14, стр. 2—6.

[3]) Такъ показываетъ полковникъ Мѣдниковъ, но, кажется, тутъ былъ другой предводитель у повстанцевъ. Н. В.

року, 3 пуда свинцу, 10 тысячъ капсюлей, 9 лошадей и нѣсколько повозокъ съ съѣстными припасами. Съ нашей стороны потеря была очень не велика: 1 убитый и 4 раненыхъ [1]). Остатки банды Лелевеля (?) углубились въ Боровскій лѣсъ, разсчитывая, повидимому, соединиться съ большою партіею Езеранскаго [2]).

Посланная противъ послѣдняго колонна изъ яновскаго отряда, въ 4 роты Архангелогородскаго пѣх. полка, взводъ уланъ, сотню казаковъ и 2 орудія, подъ начальствомъ маіора Штернберга, атаковавъ повстанцевъ, 19-го апрѣля ст. ст., въ Глуховскомъ лѣсу, на болотистой мѣстности Кобылянкѣ, у самой австрійской границы, ничего не могла сдѣлать и отступила къ деревнѣ Боровые-Млыны [3]).

Въ помощь ей двинута новая колонна, въ 4 пѣхотныя роты, подъ начальствомъ маіора Оголина, но и вмѣстѣ онѣ не рѣшились ничего предпринять и, перейдя въ селеніе Замхъ, дали знать о своемъ затруднительномъ положеніи въ Яновъ, откуда направлена немедля третья колонна, изъ одной роты Архангелогородскаго пѣхотнаго полка, двухъ ротъ 5-го стрѣлковаго баталіона, взвода уланъ и 60 казаковъ, подъ начальствомъ маіора Чернявскаго. При этой колоннѣ находился и самъ начальникъ яновскаго отряда, полковникъ Мѣдниковъ.

23-го апрѣля ст. ст. послѣдняя колонна прибыла въ селеніе Осухи, недалеко отъ Замхъ, гдѣ стояли Штернбергъ и Оголинъ. Увидясь съ ними, Мѣдниковъ составилъ диспозицію, по которой колонна Чернявскаго пошла на другой день, 24 апрѣля, въ направленіи къ деревнямъ Мазярже и Глухи, для осмотра лѣсовъ, нѣтъ-ли тамъ бандъ; а ко-

---

[1]) «Журн. В. д.», II, № 19, стр. 1.

[2]) «Езеранскій, выйдя изъ Гроховскаго лѣса, гдѣ, какъ извѣстно, былъ вмѣстѣ съ Лангевичемъ, перебрался въ Галицію и сформировалъ отрядъ въ Ржешовскомъ уѣздѣ, на глазахъ австрійцевъ, которые не оказывали этому ни малѣйшаго препятствія. Въ главной квартирѣ Езеранскаго, Войтковицахъ, кипѣлъ народъ какъ на ярмаркѣ; разныя лица пріѣзжали за приказаніями, или съ рапортами къ генералу. Всѣхъ такихъ кормили и поили до отвалу. Столы стояли вѣчно накрытые для большаго количества гостей... Потомъ отрядъ переправился черезъ Санъ на паромахъ и вступилъ въ Царство Польское, въ Ординатскихъ лѣсахъ, близь дер. Кобылянки, и тутъ расположился лагеремъ»: (Wspomnienia Kapitana Wojsk Polskich). Гиллеръ говоритъ: «Въ то время свободно выѣзжали изъ Кракова. Австрія была какъ-бы на сторонѣ возстанія и смотрѣла сквозь пальцы, когда кто-либо изъ ея польскихъ подданныхъ спѣшилъ ему на помощь (Austrija bowiem zdawała się być przychylną i patrzeć na pomoc niesioną mu przez jéj polskich poddanych przez szpary. (I, 288)». Эти слова вполнѣ гармонируютъ съ тѣмъ, что мы сказали о сношеніи жонда съ Дегенфельдомъ и вообще съ фактами, описанными выше, въ своемъ мѣстѣ.

[3]) «Журн. В. д.», № 20, стр. 2, и № 21, стр. 3—4. Также рапортъ полковника Мѣдникова при № 23. Н. В.

лонна Оголина, съ Мѣдниковымъ, двинулась къ Боровымъ-Млынамъ, гдѣ оставила обозъ и котлы, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ пѣхоты, взвода уланъ и сотни казаковъ, съ объѣздчиками, а остальныя войска (5 ротъ пѣхоты, 2 орудія и сотня казаковъ съ объѣздчиками) направились въ Глуховскій лѣсъ, держась на востокъ, болѣе сухими и удобопроходимыми мѣстами. Вскорѣ эти войска наткнулись на банды, занимавшія укрѣпленную позицію. Спереди шли разныя искусственныя и природныя преграды, въ такомъ порядкѣ: засѣки въ три линіи (срубленныя и засыпанныя землею деревья), потомъ болота и рѣчка, далѣе снова засѣки, со рвами для стрѣлковъ. За послѣдними засѣками находился уже лагерь, изъ шалашей, на пространствѣ, приблизительно, одной квадратной версты. Шалаши были частію изъ досокъ, частію плетневые. Каждый могъ вмѣщать отъ 20-ти до 30-ти человѣкъ. Кромѣ того, были еще землянки и погреба. Тылъ лагеря примыкалъ къ границѣ, гдѣ былъ сухой, удобный переходъ на австрійскую землю. Въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда виднѣлось австрійское населеніе Тепилы, гдѣ находился повстанскій штабъ, пользуясь всѣми удобствами жизни: изъ Галиціи подвозились туда всевозможные припасы и продовольствіе, по распоряженію львовскаго комитета. Австрійскій отрядъ, расположенный вблизи, не обращалъ на повстанцевъ ни малѣйшаго вниманія, какъ будто-бы они были тоже мѣстнымъ войскомъ. Между офицерами существовали даже близкія сношенія и дружба: они вмѣстѣ кутили въ Тепилахъ [1]).

Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, уничтожить банду Езеранскаго (тогдашняго военнаго начальника люблинскаго воеводства) не было никакой возможности: она всегда могла укрыться безопасно за границу. Можно было только выгнать ее изъ Царства—Мѣдниковъ рѣшился это попробовать. Онъ ударилъ на повстанцевъ съ 5-ю ротами, при двухъ орудіяхъ. Солдаты наши пошли въ бой съ криками «ура!». Съ такими-же точно криками пошли противъ насъ и повстанцы. Засѣки нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки и остались, послѣ трехчасоваго упорнаго боя, за непріятелемъ [2]).

Мѣдниковъ отступилъ и, выждавъ маіора Чернявскаго, возобновилъ атаку. Непріятель былъ выбитъ изъ своей позиціи и ушелъ за границу [3]).

---

[1]) Разсказъ Мѣдникова.

[2]) Мѣдниковъ въ своемъ рапортѣ начальнику люблинскаго военнаго отдѣла выражается: «наши войска встрѣтили въ инсургентахъ достойныхъ себя противниковъ» («Журн. В. д.», къ № 23, стр. 5). Н. В.

[3]) Разсказъ Мѣдникова. По польскимъ источникамъ здѣсь можно сообщить слѣдующую подробность: «отдохнувъ послѣ Кобылянскаго боя 24 часа,

Мы потеряли при этомъ до полутораста человѣкъ убитыми и ранеными. Потеря непріятеля въ точности неизвѣстна. Мѣдниковъ говоритъ, что вся граница была усѣяна трупами. Плѣнныхъ не было. Озлобленные солдаты предавали смерти все встрѣчавшееся [1]). Въ числѣ убитыхъ повстанцевъ найдены трупы: молодаго графа Валигурскаго [2]), поручика графа Тышкевича, маіора Казанецкаго и помѣщиковъ: Краснолуцкаго, Прешеля и Пясецкаго. Начальникъ штаба Езеранскаго, Ѳома Винницкій, тяжело раненъ въ голову; кромѣ того, тяжело ранены: капитанъ Вышомірскій, Завадскій, Литвицкій, Курекъ, Сокольницкій и Висневскій. Самъ Езеранскій былъ контуженъ. По лѣсу было собрано нашими солдатами до 300 австрійскихъ нарѣзныхъ ружей и болѣе 15-ти тысячъ патроновъ.

25-го апрѣля ст. ст., весь нашъ отрядъ двинулся на д. Замхъ и видѣлъ, какъ банда Езеранскаго, тысячи въ полторы человѣкъ, тянулась по галиційской сторонѣ, повидимому, къ Тарногроду.

Давъ людямъ отдохнуть въ д. Замхѣ, Мѣдниковъ также пошелъ (разумѣется, своею стороною) къ Тарногроду и занялъ его. Посланный отсюда разъѣздъ открылъ банду Езеранскаго въ Люховскомъ лѣсу, вслѣдствіе чего были двинуты туда двѣ колонны, но повстанцы снова перешли границу.

Езеранскій тайно оставилъ лагерь, передавъ главное начальство надъ своимъ отрядомъ тому-же самому бригадиру Смѣховскому, которому было поручено командовать остатками разстроенной арміи Лангевича послѣ Гроховискаго дѣла. Какъ и тогда, онъ не могъ справиться съ деморализованною массой, кричавшею: «измѣна! измѣна!», и перешелъ границу».

«Жондъ народовый лишилъ Езеранскаго званія воеводы и отдалъ подъ судъ, но судъ его оправдалъ. Нѣсколько позже Езеранскій началъ снова формировать банду (подъ покровительствомъ того-же Адама Сапѣги), но времена и взглядъ австрійцевъ на возстаніе измѣнились: его арестовали и интернировали въ Меранѣ (въ Тиролѣ), откуда ему позволено было, спустя нѣкоторое время, выѣхалъ во Францію» (Гиллеръ, I, 306).

«Кобылянская битва имѣла большое вліяніе на состояніе умовъ въ люблинскомъ воеводствѣ и въ восточной Галиціи. Духъ значительно упалъ. Галиційская шляхта не хотѣла далѣе помогать возстанію» (Тамъ-же).

[1]) Тотъ-же рапортъ Мѣдникова, къ № 23 «Журн. В. д.», стр. 4.

[2]) Того самаго, подъ чьимъ именемъ Пустовойтова бѣжала за границу, послѣ Гроховиской битвы. Н. В.

28-го апрѣля ст. ст., Мѣдниковъ, отдѣливъ часть своихъ войскъ для прикрытія Тарногрода, съ остальными пошелъ параллельно движенію бандъ и въ деревнѣ Наклинѣ снова напалъ на слѣды ихъ бивака. Банды опять очутились на нашей сторонѣ, идя, по слухамъ, на деревни Липины и Харасюки. Нашъ авангардъ имѣлъ съ ними перестрѣлку, въ теченіе часу. Повстанцы отступили въ Цесменскій лѣсъ, а когда нашъ отрядъ и тутъ ихъ преслѣдовалъ—опять ушли за границу и расположились противъ насъ въ лѣсу. Иные всадники выѣзжали на поляну, снимали шапки и звали насъ къ себѣ. Мѣдниковъ, замѣтивъ на границѣ австрійскій отрядъ, подъѣхалъ къ его начальнику и спросилъ: «почему онъ дозволяетъ повстанцамъ разгуливать такъ свободно на австрійской территоріи?». Тотъ отвѣчалъ: «что-жъ мнѣ дѣлать: ихъ много, а насъ мало!» [1]).

V.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ.

....Сдѣлалось очевиднымъ, что, если поляки до сихъ поръ не образумились, то ужъ не образумятся никогда. Отсюда являлась необходимость поставить во главѣ управленія Царствомъ обыкновеннаго генерала, съ приказаніемъ: ввести въ странѣ временный терроръ, иначе сказать—усилить военное положеніе, выбить клинъ клиномъ.

Стали пріискивать человѣка, который-бы, отправясь первоначально въ Варшаву, въ видѣ помощника намѣстнику, могъ, въ данную минуту, сдѣлаться намѣстникомъ самъ и произвести необходимую ломку. Роль была въ высшей степени трудная; малѣйшая неосторожность такого лица могла испортить все сразу.

....Старый генералъ, немудраго, нѣмецкаго происхожденія, прошедшій весьма сложную служебную карьеру труднымъ плебейскимъ путемъ; испившій, такъ сказать, всю чашу службы безъ протек-

---

[1]) Все это разсказано автору самимъ полковникомъ Мѣдниковымъ. Н. В.

ціи, или, по крайней мѣрѣ, безъ сильной протекціи, не поморщившись ни разу, человѣкъ не брезгливый въ пріемѣ должностей, достаточно тонкій и находчивый во всякихъ служебныхъ положеніяхъ и не безъ характера.

Это былъ недавній финляндскій генералъ-губернаторъ, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ, жившій въ Петербургѣ на покоѣ, въ званіи почетнаго президента Николаевской Академіи, стало быть, ни при чемъ.

Берговъ въ Россіи множество, едвали не больше, чѣмъ Ивановыхъ. Большинство ихъ ливонскаго происхожденія: потомки рыцарей-меченосцевъ. Часть ихъ вышла въ Россію изъ Лифляндіи довольно-давно, разорвала съ нѣмцами всякія связи, обрусѣла, кое-гдѣ подѣлалась русскими помѣщиками и не считается нѣмцами нисколько. Другая часть, вышедъ изъ Лифляндіи позже, постоянно оглядывается назадъ, на свой Ливонскій Vaterland, и крѣпко держится преданій и языка предковъ. Эти Берги здоровѣй служить, чѣмъ ихъ обрусѣвшіе однофамильцы.

Такимъ былъ и только-что упомянутый нами графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ, служившій Россіи за 50 Берговъ не-нѣмцевъ, по крайней мѣрѣ!

Отецъ его былъ небогатымъ Лифляндскимъ дворяниномъ, которому принадлежала небольшая мыза, неподалеку отъ Дерпта, по имени Загницъ, или полнѣе и величественнѣе, по-рыцарски, Schloss-Sagnitz. Нѣкоторые изъ тонкихъ Берговъ тѣхъ мѣстъ увѣряютъ, что, по старому, народному произношенію, надо говорить: Schloss Sangnitz. Пусть будетъ, пожалуй, Schloss-Sangnitz. Въ самомъ началѣ 90-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія, онъ женился на своей сосѣдкѣ по имѣнію, госпожѣ Эрмесъ (Ermes), нынѣ выродившейся фамиліи, а въ маѣ 1793 года [1]) родился у нихъ сынъ Ѳедоръ, который, послѣ немудраго домашняго воспитанія, отданъ былъ родителями въ Дерптскій университетъ, одновременно съ сыномъ ихъ сосѣда по имѣнію, Лилиенфельдомъ. Оба мальчика ѣздили домой на вакаціи въ одной тележкѣ. Время пребыванія ихъ въ университетѣ было очень бурное, полное наполеоновскихъ громовъ. Подошелъ

---

[1]) Такъ по формулярному списку Ѳ. Ѳ. Берга, а по запискамъ генерала отъ инфантеріи Григорія Берга, изданнымъ въ Дрезденѣ на нѣмецкомъ языкѣ, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, Ѳ. Бергъ родился въ маѣ 1794 г. У него было еще три брата: старшій, Густавъ, нигдѣ не служившій; ему досталось имѣніе Schloss-Sagnitz; Александръ, нынѣ генеральный консулъ нашъ въ Лондонѣ; и третій—Максъ, отставной гусарскій ротмистръ, живущій въ своемъ небольшомъ Лифляндскомъ имѣніи, Меленгофѣ. Н. В.

1811 годъ. Въ Россіи запахло войною; начались военныя приготовленія, забили барабаны, замаршировали полки. Студентъ Бергъ поѣхалъ на лѣтнюю вакацію домой, съ неразлучнымъ своимъ товарищемъ Лиліенфельдомъ. На пути имъ попался какой-то полкъ. Знамена вѣяли, штыки играли на солнцѣ. Оба юноши, исполненные кипучихъ силъ и настроенные, какъ всѣ тогдашніе юноши, весьма воинственно, съ завистью смотрѣли со своей мирной нѣмецкой тележки на загорѣлыя, мужественныя лица солдатъ, на все это стройное, военное, поэтическое движеніе. Воображеніе ихъ понеслось—Богъ знаетъ куда.

— «А что,—сказалъ Бергъ,—не бросить-ли намъ университетъ? Какъ-то странно заниматься теперь латынью и чортъ-знаетъ чѣмъ, когда весь міръ охваченъ войною! Давай, по пріѣздѣ, попросимся у родителей въ военную службу: не знаю, какъ твои, а мои навѣрное пустятъ!»

— И мои пустятъ!—замѣтилъ Лиліенфельдъ.

Пріѣхали и сейчасъ-же сообщили родителямъ свои желанія: родители благословили того и другаго. Бергъ собрался живо и, сказавъ, что «встрѣченный имъ полкъ—его судьба», догналъ его и поступилъ въ его ряды. Это былъ Либавскій пѣхотный полкъ; а Лиліенфельдъ поскакалъ искать болѣе-краснваго мундира [1]).

Такимъ образомъ началась служба нашего Ѳедора Ѳедоровича,—безвѣстнаго, бѣднаго лифляндчика, гдѣ-то тамъ, на сѣверѣ нашей обширной имперіи, въ столь-же безвѣстномъ армейскомъ полку. Тяжела такая служба. Бергъ понялъ очень скоро, что тутъ одной хорошей маршировкой и тонкимъ знаніемъ военнаго устава много не возьмешь. При несчастіи можно посѣдѣть еще до капитанскаго чина. Поэтому онъ пустилъ въ ходъ всѣ свои способности и свойства, какими только надѣлила его природа: нѣкоторую пронырливость и забѣгательство передъ высшими чинами; рѣшился брать всякія порученія, не брезгать ничѣмъ.

Это былъ въ то время съ виду свѣжій, розовый юнкеръ, съ густыми, немного вьющимися волосами темнаго цвѣта; съ грудью впередъ, всегда «безупречно вымытый, застегнутый и причесанный; говорившій очень точно, спокойно и учтиво и умѣвшій, когда надобно,

---

[1]) Существуетъ еще такой варіантъ этого факта: Бергъ ѣздилъ также изъ университета, съ товарищемъ Лиліенфельдомъ, къ ландрату Боку, въ имѣніе послѣдняго Войзикъ. Послѣ встрѣчи студентами Либавскаго пѣх. полка и по объясненіи ихъ съ родителями, старшій сынъ Бока, Тимофей Егоровичъ, гусарскій полковникъ, будучи посланъ курьеромъ въ Ригу, взялъ Берга и Лиліенфельда съ собою и опредѣлилъ ихъ, при посредствѣ губернатора Эссена, въ Либавскій полкъ. Н. В.

молчать по нѣскольку часовъ сряду, не испытывая самъ и не производя въ другихъ ни малѣйшаго замѣшательства»—какъ тотъ Бергъ, котораго описываетъ Толстой въ своемъ знаменитомъ романѣ «Война и Миръ» и про котораго Шиншинъ, трепля его по плечу, выражался: «ну, батюшка, вы и въ пѣхотѣ, и въ кавалеріи, вездѣ пойдете въ ходъ: я это вамъ предрекаю!» [1]).

Попавъ съ своимъ полкомъ въ составъ Рижскаго корпуса, назначеннаго охранять нижнее теченіе Двины, Бергъ очутился, въ іюлѣ 1812 года, въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Левиза, котораго расположеніе умѣлъ завоевать очень быстро, какъ расторопный, искательный юнкеръ и какъ нѣмецъ. Въ концѣ іюля онъ предложилъ Левизу «высмотрѣть непріятельскую позицію подъ Даленкирхеномъ»—исполнилъ это блистательно, вслѣдствіе чего наши войска смѣло ударили на французовъ и разбили ихъ, при сказанномъ мѣстечкѣ, 24-го и 26-го іюля 1812 года, на-голову.

Шумъ этой незначительной побѣды, за недостаткомъ другихъ военныхъ подвиговъ нашей арміи, отдался далеко. Награды посыпались. Бергъ получилъ первый офицерскій чинъ и отправленъ, черезъ три недѣли потомъ, съ донесеніемъ къ императору о новыхъ успѣхахъ нашего оружія, причемъ генералъ Левизъ отозвался очень лестно не только о храбрости посланнаго, но и о чрезвычайной его расторопности и всестороннемъ образованіи. Замѣчено было, конечно, что онъ «недавній студентъ Дерптскаго университета». Государь приказалъ произвести его въ слѣдующій чинъ, съ зачисленіемъ въ свиту его величества по квартирмейстерской части, что нынѣ генеральный штабъ.

Такъ безъизвѣстный лифляндецъ выбрался изъ вязкихъ армейскихъ трясинъ на большую торную дорогу военной карьеры.

Дабы не быть затертымъ, не застрять въ чинѣ послѣ такого довольно счастливаго начала, Бергъ сталъ поминутно навязываться на исполненіе трудныхъ порученій, соединенныхъ иногда съ чрезвычайными опасностями и даже съ переодѣваніемъ въ разные костюмы. Крѣпкое тѣлосложеніе и постоянно хорошее здоровье помогали ему не мало въ этихъ случаяхъ. Онъ не зналъ, что такое жаръ, что такое холодъ, не чувствовалъ утомленія, вѣчно былъ бодръ, веселъ, одинъ и тотъ же. Его обошли даже тѣ болѣзни, которыя въ наше время никого не обходятъ. Кто повѣритъ: цвѣтущій юноша, кровь съ молокомъ, не дотронулся, въ эту кипучую пору своей жизни, ни до одной женщины! Онъ зналъ, твердо зналъ, что есть поцѣлуи,

[1]) «Война и Миръ», московское изданіе 1873, стр. 95—97. Н. В.

которые способны осадить человѣка на какомъ-угодно форсированномъ маршѣ самой баснословной карьеры, зналъ это—и съ истинно нѣмецкимъ стоицизмомъ воздерживался [1])...

Намъ незачѣмъ исчислять всѣхъ крупныхъ и мелкихъ сраженій, въ которыхъ участвовалъ храбрый подпоручикъ въ теченіи всего «вѣчной памяти двѣнадцатаго года» [2]): онъ въ нихъ ничѣмъ особеннымъ не отличился, былъ только храбръ, какъ и всѣ. По переходѣ нашихъ войскъ чрезъ границу, въ 1813, Бергъ, какъ знавшій хорошо нѣмецкій языкъ [3]), очутился въ Пруссіи, при партизанскихъ отрядахъ генераловъ Кутузова и Тетенборна, которымъ было поручено очищеніе разныхъ прусскихъ городовъ отъ французскихъ гарнизоновъ; а потомъ попалъ въ партизанскій отрядъ полковника Бенкендорфа. По занятіи Ротенбурга, Бергъ посланъ былъ на островъ Гельголандъ, въ рыбацкой лодкѣ, зашитый въ мѣшокъ, какъ кладь [4]), дабы вытребовать отъ англійскаго губернатора острова 10,000 ружей, для вооруженія жителей Гамбурга. Исполнивъ это порученіе, Бергъ отправился немедленно въ не менѣе опасный вояжъ, въ Данію, для переговоровъ о соединеніи русскаго и датскаго флотовъ у береговъ Гамбурга: достигъ и этого, и получилъ разомъ: чинъ поручика, орденъ Анны 4-й степени и Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Затѣмъ еще нѣсколько сраженій, вмѣстѣ съ опасными порученіями—и чинъ штабсъ-капитана (въ январѣ 1814); еще нѣсколько сраженій—и золотая шпага, съ надписью «за храбрость», съ орденомъ Анны 2-й степени.

По возвращеніи нашихъ войскъ изъ-за границы, штабсъ-капитанъ Бергъ состоялъ нѣкоторое время при оберъ-квартирмейстерѣ гвардейскаго корпуса, а потомъ вдругъ, въ 1815 году, при внезапномъ появленіи Наполеона опять во Франціи, совершилъ походъ съ гвардіей до Вильны и обратно. Тутъ—снова служба по части секретныхъ развѣдокъ; переодѣванье и путешествія по краю въ различныхъ костюмахъ. . . . . .

Когда все утихло, Берга послали съ секретнымъ порученіемъ въ Италію. Въ Миланѣ, или въ Венеціи, онъ встрѣтился съ одною зна-

[1]) Бергъ говорилъ послѣ адъютантамъ, что этому стоицизму онъ обязанъ безболѣзненнымъ долголѣтіемъ.

[2]) Они исчислены въ некрологѣ графа Берга, въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1874, № 6.

[3]) По-русски онъ говорилъ въ то время плохо и выражался, что «отдалъ бы полжизни за хорошій русскій языкъ». Позже не давалъ за это уже ни одного дня.

[4]) Бергъ самъ разсказывалъ объ этомъ адъютантамъ, прибавляя, что «его отъ качки и вони рвало въ мѣшкѣ». Н. В.

комою ему по Петербургу дамой, графиней Аннони, рожденной Чиконія [1]), которой мужъ былъ когда-то австрійскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ [2]). Бывая у нихъ въ Петербургѣ, Бергъ немного ухаживалъ за графиней,—можетъ быть, съ дипломатическими цѣлями. Иные говорятъ, что она ему просто-за-просто нравилась и кокетничала съ нимъ. Теперь ему вздумалось возобновить свои атаки противъ ея сердца. . . . . Покрытая для насъ туманомъ интрига капитана Берга заняла довольно времени, такъ что онъ, вообще весьма честный нѣмецъ на службу, не воротился въ Петербургъ къ назначенному сроку, и былъ, по приказанію Государя, уволенъ въ отставку. Пришлось поправлять потрясенную карьеру. При различныхъ усиленныхъ хлопотахъ, Бергъ пристроился, спустя нѣкоторое время, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, къ нашему константинопольскому посольству, завязалъ тамъ знакомства съ разными агентами европейскихъ державъ, вывѣдалъ нѣсколько секретовъ, снялъ кое-какія мѣстности Балканскаго полуострова, между прочимъ дорогу черезъ Балканы; перебрался потомъ въ Италію и Германію, гдѣ тоже вывѣдалъ что могъ—и получилъ за всѣ оказанныя въ теченіе этого времени услуги правительству чинъ статскаго совѣтника, съ зачисленіемъ въ дѣйствительную службу тѣхъ лѣтъ, которыя онъ былъ въ отставкѣ; а въ 1822 году, по ходатайству генералъ-квартирмейстера главнаго штаба, князя Волконскаго, переименованъ въ полковники и посланъ въ киргизскую степь начальникомъ экспедиціи противъ шаекъ, наносившихъ вредъ нашей торговлѣ. При этомъ изслѣдовалъ мѣстность между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, съ занесеніемъ на планъ [3]). Такіе труды и подвиги въ кир-

[1]) Одинъ изъ предковъ ея, Пасквале Чиконія, былъ венеціанскимъ дожемъ (1585—1595) и замѣчателенъ построеніемъ на Большомъ каналѣ моста Ріальто. Въ гербѣ этой фамиліи аистъ (Cicogna).

[2]) Отсюда начало задушевныхъ связей Берга съ австрійцами. Онъ всю жизнь говорилъ, что «самые естестественные союзники Россіи—австрійцы».

Н. В.

[3]) В. И. Даль, бывшій нѣсколько лѣтъ позже въ Оренбургѣ и наслушавшійся тамъ разныхъ разностей объ этой экспедиціи, передавалъ автору, что Бергъ былъ очень взыскателенъ къ своимъ подчиненнымъ, безпрестанно заглядывалъ въ ихъ работы и дѣлалъ выговоры. Въ особенности доставалось капитану генеральнаго штаба Артюхову. Однажды Артюховъ, раздраженный распеканіями Берга, бросилъ перо на планъ, который рисовалъ на-чисто, и сдѣлалъ пятно. «Какъ вамъ не стыдно выходить изъ себя безъ всякой причины,—замѣтилъ Бергъ,—вотъ вы испортили генеральный планъ!»—Ничуть не испортилъ,—отвѣчалъ Артюховъ,—посмотрите, какая въ этомъ мѣстѣ выйдетъ у меня прекрасная горка!—Взялъ перо и сдѣлалъ изъ чернильнаго пятна горку тамъ,

гизскихъ степяхъ были награждены орденомъ Владиміра 3-й степени, Анны 2-й степени, съ алмазами, и чиномъ генералъ-маіора. Карьера стала поправляться.

Въ день коронаціи императора Николая Павловича, генералъ-маіоръ Бергъ переименованъ, по нѣкоторымъ высшимъ соображеніямъ, въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ зачисленіемъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, и вскорѣ потомъ назначенъ вторымъ совѣтникомъ нашего посольства при Оттоманской портѣ.

Предвидѣлись военныя дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ. Наше правительство не имѣло хорошихъ картъ Турціи. Бергу поручено было употребить всевозможныя старанія къ снятію если не всего полуострова, то хотя главныхъ его мѣстностей, какимъ хочетъ способомъ. Если же это окажется неисполнимымъ, дозволялось истратить значительную сумму на пріобрѣтеніе готовой карты. При исполненіи этого порученія Бергъ оказалъ чудеса ловкости и отваги: онъ бродилъ по краю, переодѣваясь въ разныя одежды, терпѣлъ всякія лишенія, проводилъ иногда цѣлые дни и ночи на открытомъ воздухѣ, то подъ палящими лучами солнца, то на вѣтру, то на дождѣ, и потерялъ чрезъ это всѣ свои волосы. Что именно онъ сдѣлалъ—въ точности неизвѣстно, но хлопотъ положилъ много. . . . . .

Говорили, что представленный имъ Государю весьма-подробный планъ Турціи вовсе не былъ результатомъ опасныхъ секретныхъ съемокъ (которыя были, въ серьезныхъ размѣрахъ, одному человѣку рѣшительно невозможны), а просто-за-просто купленъ, за большія деньги, въ англійскомъ посольствѣ.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, Бергъ снова переименованъ въ генералъ-маіоры и назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ 2-й арміи [1]); участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и получилъ, въ теченіе всей кампаніи, Анну 1-й степени, Георгія 3-го класса и Владиміра 2-й степени.

Въ началѣ 1830 года, подъ руководствомъ генерала Берга, произведена съемка нѣкоторой части Румыніи и подробная съемка береговъ рѣки Камчика и сѣверо-восточной части Балканъ.

По возвращеніи 2-й арміи въ Россію, Бергъ снова отправленъ

гдѣ въ натурѣ тянется безконечная степь, ровная, какъ столъ. Такъ планъ и поѣхалъ въ Петербургъ, съ фантастическою артюховскою горкой».

[1]) О переименованіи Берга на этотъ разъ въ военные чины разсказываютъ, что будто бы государь Николай Павловичъ, бесѣдуя съ авторомъ плана Балканскаго полуострова, по возвращеніи его въ Петербургъ, взглянулъ на его фракъ и спросилъ: «что это, ты не служишь?»—И тутъ-то произошло зачисленіе его генералъ-квартирмейстеромъ во 2-ю армію, съ чиномъ генералъ-маіора.

Н. В.

съ секретными порученіями за границу, а когда вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ, Бергъ опять очутился въ военныхъ рядахъ; преслѣдовалъ съ графомъ Ридигеромъ Дверницкаго и убѣдилъ австрійцевъ обезоружить поляковъ, когда они перешли изъ Царства въ Галицію, за что получилъ орденъ св. Анны съ императорскою короною. Потомъ укрощалъ возстаніе въ Волынской и Подольской губерніяхъ, послѣ чего прибылъ въ главную квартиру графа Дибича (въ маѣ 1831) и посланъ имъ, съ 1-ю гренадерскою дивизіею, для отысканія мѣста переправы за Бугъ главнымъ силамъ арміи, шедшей на выручку гвардіи, атакованной Скржинецкимъ. Переправивъ армію, генералъ Бергъ командовалъ частію авангарда и разбилъ поляковъ при дер. Пыски. Главныя силы наши вели тогда фронтальную атаку, двигаясь къ Остроленкѣ. Дибичъ поручилъ Бергу обойти, съ тремя кирасирскими полками, непріятельскій флангъ и отрѣзать полякамъ отступленіе къ Чижову. Это было исполнено: поляки опрокинуты и потеряли орудіе. Затѣмъ, начальствуя всѣмъ авангардомъ нашей арміи, Бергъ преслѣдовалъ непріятеля и передъ Остроленкой переправился черезъ Наревъ по горящимъ перекладинамъ моста, овладѣлъ двумя орудіями и въ теченіе 10-ти часовъ удерживалъ занятую позицію, отразивъ шесть атакъ и взявъ въ плѣнъ двухъ генераловъ.

При главнокомандующемъ Паскевичѣ, во время движенія нашихъ войскъ на Ловичъ, Болимовъ и Надаржинъ, генералъ Бергъ, съ тремя кавалерійскими полками и конною батареею, атаковалъ непріятельскій отрядъ, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты и двухъ эскадроновъ, вышедшихъ изъ Варшавы—окружилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ, за что назначенъ генералъ-адъютантомъ къ его величеству.

Такимъ образомъ, совершено нѣсколько чисто-военныхъ подвиговъ, которые стоили того, чтобы быть занесенными въ военныя лѣтописи. Темная, статская сторона службы могла, Богъ съ ней, остаться въ подвалахъ государственнаго архива, доступнаго немногимъ, а военные подвиги — другое дѣло — пусть засіяютъ и заблещутъ въ глаза всѣмъ и дойдутъ до потомства!

Предусмотрительный дипломатъ, весьма неравнодушный къ тому, что станутъ говорить о немъ послѣ его смерти, подготовилъ для себя своевременно и историка, по фамиліи Шмита, такого же нѣмца, какъ и самъ, даже изъ той же Лифляндской губерніи.

Проходя разныя ступени службы, большею частію при арміяхъ и не отказываясь ни отъ какихъ мѣстъ, даже полицейскихъ, Шмитъ попалъ, въ 1822 году, въ Вильну, на мѣсто «цензора газетъ при тамошнемъ почтамтѣ». Въ 1830 году, начальникъ штаба дѣйствующей арміи, Толь, бывъ въ Вильнѣ съ графомъ Дибичемъ и познако-

мясь со Шмитомъ, пригласилъ его съ собою въ Царство Польское, для «редактированія военныхъ извѣстій въ заграничныя изданія». Тутъ, спустя нѣкоторое время, усмотрѣло его зоркое око Берга: они сошлись легко, какъ нѣмцы одного края, и потомъ уже не разставались.

При взятіи варшавскаго предмѣстья Воли, оба пріятеля, Бергъ и Шмитъ, въѣхали туда рядомъ верхами, вмѣстѣ съ разными начальниками частей, принимавшихъ участіе въ штурмѣ. По окончаніи кампаніи Бергъ передалъ Шмиту всѣ свои бумаги и, кромѣ того, выхлопоталъ ему (немного позже) дозволеніе работать въ архивахъ главнаго штаба. По этимъ матеріаламъ и по сочиненію о томъ же предметѣ Мохнацкаго, Шмитъ составилъ, въ нѣсколько лѣтъ, свою «Исторію польскаго возстанія и войны въ 1830—1831 годахъ», гдѣ, конечно, изобразилъ своего друга Берга въ надлежащемъ свѣтѣ. Но этой исторіи пришлось довольно долго лежать въ портфелѣ автора. Первые два тома, заключающіе въ себѣ описаніе похода Дибича, явились въ первый разъ въ печати только въ 1839 году, въ Берлинѣ, а третій, гдѣ описываются дѣйствія Паскевича, лежалъ еще девять лѣтъ, до 1848 года [1]).

Тѣмъ временемъ Бергъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и уѣхалъ на отдыхъ въ Италію, причемъ, по старой привычкѣ, дѣлалъ кое-какіе поиски въ разныхъ дипломатическихъ канцеляріяхъ....

Случилось, что мужъ графини Аннони въ эту пору умеръ—и она стала русскою генеральшей (1832).

Потомъ Бергъ состоялъ генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей

---

[1]) Geschichte des Polnischen Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830—1831. Въ 1863—64 годахъ эта книга переведена на русскій языкъ капитаномъ Квѣтницкимъ и напечатана въ Петербургѣ. Кромѣ того, извѣстны слѣдующія сочиненія Шмита:

Aus Karls von Nostitz Leben und Briefwechsel, Dresden, 1848.

Schlacht bei Jnkerman (По бумагамъ генерала Даненберга, безъ имени сочинителя).

Souworoff und Polens Untergang, nach archivalischen Quellen, Leipzig, 1858.

Denkwürdigkeiten eines Livländers, aus den Jahren 1790 — 1815, 2 Bde. Leipzig 1858.

Feldherrnstimmen aus und über den Polnischen Krieg vom Jahre 1831, Leipzig u. Heidelberg, 1858. Fréderic II, Cathérine et le partage de la Pologne d'après des documents anthentiques, Paris, 1861.

Шмитъ умеръ 11-го марта 1865 года, въ С.-Петербургѣ, на 78 году отъ рожденія. Краткую его біографію можно найти въ № 85 Dziennika Warszawskiego, 1865, стр. 821. Болѣе подробную—въ III томѣ русскаго перевода его сочиненія о польскомъ возстаніи 1830—1831 годовъ. С.-Петербургъ, 1864, стр. XI—XXVIII. Н. В.

арміи, въ теченіе 12-ти лѣтъ съ ряду, и получилъ за это время: Бѣлаго Орла, прусскаго Краснаго Орла 1-й степени, св. Александра Невскаго и маіоратъ въ Августовской губерніи.

Онъ держалъ себя при дворѣ Паскевича съ достоинствомъ и былъ въ числѣ генераловъ, которыхъ «военный диктаторъ» Царства Польскаго не рѣшался третировать, какъ Викинскаго, Стороженку, Абрамовича [1]).

Въ 1843 году генералъ-лейтенантъ Бергъ произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи, съ назначеніемъ генералъ-квартирмейстеромъ въ главный штабъ его величества, и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, алмазами украшеннаго. А послѣ февральской революціи въ Парижѣ (1848), стараго дипломата отправили съ разными секретными порученіями ко дворамъ прусскому и австрійскому, но онъ доѣхалъ только до Франкфурта на Одерѣ; дальше ѣхать было дѣломъ весьма рискованнымъ, по причинѣ успѣховъ революціи во всѣхъ странахъ на западѣ Европы. Бергъ пригласилъ къ себѣ русскаго консула и въ его присутствіи сжегъ всѣ письма къ разнымъ высокимъ особамъ, уничтожилъ свой русскій чемоданъ, съ мундирами и регаліями, обрилъ усы, снялъ парикъ, и въ такомъ видѣ, имѣя паспортъ на чужое имя, полетѣлъ въ Россію [2]). Въ Познани, однако, несмотря на маскарадъ, Бергъ былъ узнанъ, въ одномъ общественномъ мѣстѣ, Брониславомъ Домбровскимъ, который, какъ джентельменъ, не захотѣлъ разыграть роль доносчика, а только шепнулъ Бергу: «вы узнаны, уѣзжайте поскорѣе!»—Бергъ шмыгнулъ какъ мышь, и никогда не могъ забыть услуги, оказанной ему бывшимъ «начальникомъ праваго берега Вислы» [3]).

Въ венгерскую войну 1849 года Бергъ находился, по высочайшему повелѣнію, въ австрійскомъ лагерѣ и нѣкоторыми своими дѣйствіями парализовалъ распоряженія Паскевича, клонившіяся къ тому, чтобы его провозгласили генералиссимусомъ обѣихъ армій [4]). Раздра-

---

[1]) Разсказываютъ, что Паскевичъ однажды подбѣжалъ къ Бергу съ кулаками и началъ на него неистово кричать. Бергъ отступилъ на шагъ и сказалъ: «Я генералъ-адъютантъ, ваша свѣтлость!». Паскевичъ тутъ-же минуту умолкъ и уже не повторялъ съ Бергомъ подобныхъ сценъ.

[2]) Бергъ разсказывалъ впослѣдствіи объ этомъ фактѣ многимъ своимъ знакомымъ въ Варшавѣ.

[3]) «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», стр. 67 и далѣе. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, Домбровскому, вслѣдствіе ходатайства Берга, разрѣшенъ въѣздъ въ Царство Польское и возвращено конфискованное имѣніе Куфлевъ. Н. В.

[4]) Это могло послѣдовать при соединеніи армій, но австрійцамъ не хотѣлось предоставлять какія-либо преимущества русскому военачальнику и они

женный фельдмаршалъ потребовалъ Берга къ себѣ, но тотъ выхлопоталъ у австрійскаго императора письмо къ Государю и укатилъ съ нимъ въ Россію черезъ Берлинъ. Когда, по окончаніи венгерской кампаніи, фельдмаршалу представлялись, въ Николаевской залѣ Зимняго дворца, (27 октября 1850) всѣ высшіе военные чины Петербурга, въ томъ числѣ и Бергъ, — Паскевичъ, проходя мимо его, въ длинномъ ряду генераловъ, остановился и сказалъ: «слышалъ, что вы были нездоровы (и при этомъ повертѣлъ пальцемъ надъ головою); жаль, очень жаль!»—и пошелъ далѣе [1]).

Послѣ этого до начала военныхъ дѣйствій въ 1853 году, Бергъ числился членомъ государственнаго совѣта и жилъ въ Петербургѣ.

При разрывѣ нашемъ съ Англіей и Франціей, Бергъ назначенъ командующимъ войсками въ Эстляндіи, а потомъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, получилъ отъ финляндскаго сената титулъ графа (26-го августа 1856 г.) и вышелъ въ отставку.

На немъ остановились, въ концѣ марта 1863 года, взоры въ Петербургѣ, въ минуту, въ высшей степени критическую, при серьезныхъ угрозахъ первостепенныхъ державъ.

То, что̀ казалось, по русскимъ понятіямъ, необходимо нужнымъ для новой роли, было у стараго генерала: солидный чинъ, титулъ графа, множество регалій своихъ и иноземныхъ [2]), неимовѣрная слу-

---

употребили всевозможныя старанія, чтобы арміи отнюдь не соединялись. Бергъ не только не хлопоталъ о соединеніи, напротивъ, былъ постоянно, въ этомъ отношеніи, на сторонѣ австрійцевъ, гдѣ главнымъ врагомъ Паскевича считали Гайнау. Критическіе взгляды его на дѣйствія нашего фельдмаршала достигли до Петербурга, и тамъ стали говорить, что «Паскевичъ не такъ ведетъ дѣло, позволилъ соединиться двумъ венгерскимъ арміямъ». Эти толки дошли до того, что Паскевичу предсказывали уже паденіе. Будто-бы М. С. Воронцовъ выразился гдѣ-то: «нечего дѣлать, придется, кажется, ѣхать въ армію!». Одинъ Государь былъ постоянно на сторонѣ «отца-командира». Однажды за обѣдомъ во дворцѣ заговорили о Паскевичѣ несовсѣмъ выгодно: Государь застучалъ ножомъ въ тарелку и—всѣ умолкли.

Въ «Дневникѣ» Варнгагена фонъ-Энзе упоминается объ интригахъ Берга противъ Паскевича. Варнгагенъ увѣряетъ даже, будто-бы Бергъ уговорилъ Гайнау написать Паскевичу оскорбительное письмо. («Русская Старина» 1879, томъ XXIV, стр. 374).

[1]) Разсказъ генерала Ушакова (Александра Ивановича, въ послѣдствіи генерала-отъ-инфантеріи), который стоялъ тогда подлѣ Берга. По другимъ разсказамъ, Паскевичъ остановился передъ Бергомъ, повертѣлъ надъ головою пальцемъ и, сказавъ: «то-то!» — пошелъ далѣе.

[2]) Бергъ имѣлъ ордена австрійскій Стефана 1-й степени и титулъ графа австрійской имперіи; прусскій—пурлемеритъ съ короной; Краснаго Орла и Чернаго Орла, съ бриліантами; нидерландскій—Льва 1-й степени; шведскій—Святыхъ Серафимовъ, съ бриліантами, и греческій—Спасителя 1-й степени. **К. В.**

жебная опытность, выдержка, хитрость, достаточно твердый характеръ, способный не смущаться ничѣмъ. Бергъ могъ, въ случаѣ надобности, быть очень, очень мягокъ, пріятно, бархатисто-мягокъ; а въ другомъ случаѣ — могъ подписать какой-угодно приговоръ, не моргнувъ глазомъ [1]). Что касается исполнительности, настойчивости— этого старому дипломату было не занимать стать. Если какая-нибудь мысль серьезно засѣла ему въ голову, онъ разставался съ нею нескоро; она была съ нимъ и во время обѣда, и на смотру войскъ, и въ театрѣ, и на охотѣ, и на балу, и ночью въ постелѣ. Онъ рѣдко, очень рѣдко не добивался того, чего положилъ себѣ добиться. Не надо было только мѣшать ему, подталкивать его. Коли онъ пошелъ, вѣрьте, онъ остановится развѣ тогда, когда встрѣтитъ ничѣмъ непробиваемую стѣну. Да и тутъ, посидѣвши немного (а иногда и много) въ креслахъ, онъ встанетъ и снова подойдетъ къ стѣнѣ—посмотрѣть: здѣсь-ли она и дѣйствительно-ли это такъ-таки ничѣмъ непробиваемая стѣна, которая ни отъ чего не подастся?

Потребность постоянной дѣятельности, perpetuum mobile какихъ-нибудь хлопотъ и возни, была у Берга такова, что онъ, такъ сказать, бросался одновременно повязывать на шею галстухъ и надѣвать тѣми же руками сапоги.

Политическая замкнутость его тоже была достаточная. Когда онъ хотѣлъ, — никто не могъ догадаться, что онъ думаетъ о томъ или другомъ предметѣ, о томъ или другомъ человѣкѣ. . . . . .

Немолодые годы генерала не могли казаться помѣхой: семидесятилѣтній Бергъ былъ свѣжъ и крѣпокъ какъ юноша: отлично ѣздилъ верхомъ, пилъ, ѣлъ за четырехъ, работалъ съ утра до ночи, нисколько не утомляясь. Зрѣніе, память, слухъ — были у него поразительные. Далѣе никому изъ лицъ, рѣшавшихъ важный вопросъ, и въ голову не приходило заглядывать . . . . . .

. . . . . .

---

[1]) Бергъ всегда съ большимъ одушевленіемъ разсказывалъ объ исполненіи какихъ-либо суровыхъ наказаній. Однажды онъ разсказалъ автору, подпрыгивая, какъ полковникъ Горловъ, будучи посланъ Паскевичемъ наблюдать за нашей границей въ 1846 году («Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», стр. 104), собралъ мужиковъ и спросилъ: «нѣтъ-ли между ними охотниковъ распорядиться со своими помѣщиками такъ же, какъ распорядились ихъ братья въ Галиціи?»—Какъ не быть!—отвѣчали ему. «Позовите ихъ сюда!». Собралась большая куча: какъ началъ онъ ихъ класть да приговаривать: «вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!». И влѣпилъ—кому 100, кому 200 нагаекъ! «Прусскій король (добавилъ Бергъ) завидовалъ нашимъ порядкамъ на границѣ и говорилъ мнѣ не разъ: «какъ жаль, что у меня нѣтъ полковника Горлова!». .

Н. Б.

Обстоятельства помогли скорѣйшему переселенію Берга въ Варшаву: помощникъ намѣстника, какъ главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ, генералъ-адъютантъ баронъ Рамзай, имѣвъ нѣсколько столкновеній съ Велепольскимъ, настоятельно просилъ уволить его отъ этой должности: уволили и послали на его мѣсто графа Берга.

Прибывъ въ Варшаву 24-го марта ст. ст. 1863 г., старый дипломатъ сталъ влачиться какъ тѣнь, ни во что, на первыхъ порахъ, не мѣшаясь, ничему не возражая, а только пожимая иногда плечами и испуская тихій вздохъ, такой тихій, какъ бы вздыхала настоящая тѣнь. Сходство съ тѣнью придавала ему еще болѣе сѣрая шинель стараго покроя, которую Бергъ носилъ постоянно, даже въ самые жаркіе дни.

. . . . . .

Н. В. Бергъ.

Варшава.

КЪ ВОПРОСУ О БОЛГАРАХЪ.

Въ 1874 году впервые было напечатано мое изслѣдованіе «О славянскомъ происхожденіи дунайскихъ болгаръ». Какъ и можно было ожидать, изслѣдованіе это, идущее въ разрѣзъ съ накопившимися воззрѣніями на славянъ, многими было встрѣчено непріязненно. Мнѣніе о вялости, пассивности и неспособности славянъ къ созданію государственнаго быта, пущенное въ ходъ и своими, и чужими авторитетами, и поддержанное нашею модною наклонностью къ самоотриданію, до того укоренилось, что, напримѣръ, даже люди, спеціально занимающіеся славянствомъ, иногда оказываются нежелающими самостоятельно, критически отнестись къ этому мнѣнію, провѣрить его по источникамъ и фактамъ. Пока дѣло ограничивалось голословнымъ отриданіемъ, и никто не бралъ на себя труда выступить противъ меня съ критическими и фактическими опроверженіями, то и я не имѣлъ случаевъ подтвердить свои выводы. Только въ послѣднее время начали представляться подобные случаи, которыми и полагаю воспользоваться въ настоящей своей замѣткѣ.

Извѣстный спеціалистъ по славянству, профессоръ варшавскаго университета, г. Макушевъ, въ своей критикѣ «Исторіи болгаръ» Иречка, коснулся и моего изслѣдованія объ ихъ происхожденіи [1]). Этому основному въ исторіи болгаръ вопросу онъ посвятилъ немного вниманія, всего около пяти страницъ; но и тутъ успѣлъ высказать довольно много погрѣшностей фактическихъ и критическихъ. Кому, сколько-нибудь знакомому съ даннымъ вопросомъ, неизвѣстно, что главнымъ основаніемъ для Шафарика и другихъ считать болгаръ не

---

[1]) «Ж. М. Нар. Пр.» 1878 г. Апрѣль. Я вскорѣ затѣмъ свой отвѣтъ г. Макушеву сообщилъ въ одно неперіодическое изданіе. Не вижу доселѣ его появленія и, во всякомъ случаѣ, не лишнимъ считаю вкратцѣ повторить здѣсь этотъ отвѣтъ. Д. И.

славянами послужила ихъ связь съ гуннами. Въ моемъ изслѣдованіи указано на это основаніе, и приведены самые источники, гдѣ болгарскіе народы причисляются къ гуннамъ. Г. Макушевъ замѣчаетъ, что «это положительно невѣрно», т. е. что такого основанія не было. И затѣмъ приводитъ изъ Шафарика цитату, меня подтверждающую, прибавляя, что Шафарикъ «говоритъ не объ имени, а о родствѣ болгаръ съ гуннами». Да родство-то это на чемъ же онъ основывалъ, если не на томъ, что болгары у нѣкоторыхъ писателей называются гуннами? Дѣло въ томъ, что я въ своемъ изслѣдованіи старался выдѣлить болгаръ изъ общей массы тѣхъ народовъ, на которые распространялось имя гунновъ; вопросъ о гуннахъ Аттилы считаю пока открытымъ; «но каково бы ни было его рѣшеніе, болгаре во всякомъ случаѣ останутся чистыми славянами» (Розыск. о нач. Руси, 410). Слѣдовательно, какъ же можно было утверждать, что названіе болгаръ гуннами не послужило главнымъ основаніемъ для теоріи Шафарика и другихъ о финскомъ или угорскомъ происхожденіи болгаръ?

Далѣе, г. Макушевъ говоритъ, что «арабскіе писатели строго отличаютъ болгаръ отъ славянъ и Руси и сближаютъ ихъ съ хозарами». Опять не понимаемъ, какъ можно говорить подобную неправду, вопреки самымъ положительнымъ свидѣтельствамъ. А главнѣйшія свидѣтельства мною указаны (на стр. 408 «Розысканій»). Въ дѣйствительности, арабскіе писатели не только не различаютъ строго, а напротивъ, смѣшиваютъ болгаръ съ славянами, и сами камскіе болгаре считали себя народомъ смѣшаннымъ изъ турокъ и славянъ. Такимъ смѣшаннымъ народомъ я ихъ и признаю. О моихъ филологическихъ доказательствахъ г. Макушевъ выражается кратко, что онѣ «несостоятельны и произвольны». По его словамъ выходитъ, будто я положительно объясняю Куврата коловратомъ, Батбая батюшкой и т. д.; а между тѣмъ, я предлагаю только примѣрныя сближенія. Какія изъ нихъ окажутся удачны, какія неудачны, пусть рѣшитъ безпристрастная филологическая наука; можетъ быть, нѣкоторыя она приметъ къ свѣдѣнію. Но пока никто не далъ ровно никакихъ объясненій для этихъ именъ; мы встрѣчаемъ только голое заявленіе, что онѣ якобы не славянскія и не могутъ быть славянскими. Возьмемъ хоть имя Кормисошъ. Спрашиваю: «почему бы оно не могло быть славянскимъ? почему, напримѣръ, оно не можетъ быть одного корня съ словами кормило и кормчій, или кормъ и кормилецъ? Въ самомъ дѣлѣ, пусть г. Макушевъ по всѣмъ правиламъ филологическаго искусства попытается доказать, что этого не можетъ быть на основаніи такихъ-то и такихъ-то лингвистиче-

скихъ законовъ. Голословно-то отрицать можетъ всякій; для этого не нужно быть ученымъ спеціалистомъ [1]).

Любопытны также разсужденія г. Макушева объ этнографическихъ чертахъ, которыя будто-бы ясно какъ день доказываютъ не-славянство болгаръ. Правда отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ чертъ, сгруппированныхъ Шафарикомъ, онъ уже отказывается (клятва на обнаженномъ мечѣ, употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, и проч.); но все еще рѣшительно стоитъ за другія, которыя, по его словамъ, «противорѣчатъ положительнымъ нашимъ свѣдѣніямъ о бытѣ, нравахъ и обычаяхъ не только славянъ, но и родственныхъ (т. е. арійскихъ) народовъ». Въ числѣ этихъ ужасныхъ, туранскихъ чертъ, все еще находятся—конскій хвостъ вмѣсто знамени, тюрбаны на головахъ, сидѣніе поджавъ ноги и проч. Замѣчательны эти тюрбаны или чалмы, которыми толкуются слова источника ligatura lintei (буквально: полотняная повязка). Во-первыхъ—почему это непремѣнно означаетъ ничто другое, какъ чалму? А во-вторыхъ—откуда г. Макушевъ почерпнулъ такое свѣдѣніе, что чалма есть признакъ финской народности? (Онъ считаетъ болгаръ финнами вслѣдъ за Шафарикомъ). Изъ источника видно, что новообращенные болгаре, входя въ церковь, не снимали свой обычный головной уборъ. Въ глазахъ Шафарика это былъ явный признакъ неславянства; для его времени оно и неудивительно. Но г. Макушеву, заявляющему притязанія на «положительныя свѣдѣнія о бытѣ» славянъ, должно бы быть извѣстно, что, напримѣръ, русскіе князья еще въ концѣ XI вѣка слушали богослуженіе въ храмѣ, не снимая коблуковъ. Для Шафарика и «принятіе святыни распоясавшись» было признакомъ неславянства. А между тѣмъ, митрополитъ Кипріанъ еще въ 1395 г. въ своемъ посланіи псковскому духовенству поручаетъ, чтобы мужчины, приступая къ святому причастію, *припоясывали* свои шубы и опашни (Ак. Ист., I, 18). Или, что это за доказательство туранскаго происхожденія, если на знаменахъ болгаръ-язычниковъ (или выходящихъ только изъ язычества) развивался конскій хвостъ? Откуда мой противникъ почерпнулъ убѣжденіе, что такое знамя могли употреблять только финны (прибавимъ и турки)? Извѣстно-ли ему, что монголо-татарскіе ханы на

---

[1]) Къ помянутымъ толкованіямъ у меня уже набралось нѣсколько поправокъ и дополненій, о которыхъ скажу при случаѣ. Напримѣръ, къ тому, что сказано по поводу имени Тервелъ, дѣлаю слѣдующую поправку: лѣтописное слово *теребити* означаетъ собственно «расчищать», «дѣлать лѣсную просѣку». Подобныя поправки, надѣюсь, не измѣняютъ сущности, т. е. *возможности* искать объясненій или дѣлать сближенія въ славянскомъ языкѣ.

Д. И.

главныхъ своихъ знаменахъ, предпочтительно передъ конскими, употребляли хвосты яковъ, т. е. буйволовъ.

Мы не обвиняемъ г. Макушева въ недостаткѣ свѣдѣній. Его труды по нѣкоторымъ отдѣламъ славянскихъ древностей извѣстны и весьма почтенны. А всего знать невозможно. Мы хотимъ только сказать, что не слѣдуетъ такъ поверхностно относиться къ одному изъ важныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ его спеціальности. Чтобы высказывать свой рѣшительный приговоръ надъ моимъ изслѣдованіемъ, надобно было подкрѣпить этотъ приговоръ какими-либо дѣйствительно научными доводами.

Г. Макушевъ говоритъ, будто ученіе Шафарика о финскомъ происхожденіи болгаръ было развито Гильфердингомъ и Дриновымъ. Кто справится съ трудами этихъ уважаемыхъ славистовъ, найдетъ тамъ простое послѣдованіе за мнѣніемъ Шафарика, а не какое-либо научное развитіе этого мнѣнія. Въ томъ-то и дѣло, что, не подвергая его всестороннему критическому анализу, они сдѣлали его исходнымъ пунктомъ для своихъ трудовъ относительно болгаръ. Возьмемъ главное сочиненіе Дринова, «Заселеніе Балканскаго полуострова славянами», сочиненіе, исполненное эрудиціи и многихъ дѣльныхъ сужденій. Онъ доказалъ, что переселенія славянъ на полуостровъ начались съ конца II вѣка по Р. Х. и потомъ все усиливались, такъ что въ VII вѣкѣ славянское населеніе является уже сплошною массою. Съ сѣвера, изъ Паннонiи и отъ Карпатъ, перешли сюда племена сербо-хорвато-словинской вѣтви. Дриновъ основательно отвергаетъ разсказъ Константина Багрянороднаго о переселеніи всего сербскаго племени за Дунай и Саву только въ VII вѣкѣ, во времена императора Ираклія, и вообще западная, т. е. Сербская часть полуострова выяснена у него удовлетворительно. Но нельзя того-же сказать о восточной, т. е. Болгарской части. Перечисляя имена славянскихъ народцевъ, здѣсь поселившихся, онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на самихъ болгаръ; хотя и приводитъ извѣстія, которыя указываютъ на ихъ движенія за Дунай, подъ этимъ именемъ, уже въ V вѣкѣ. Говоря о берзитахъ, смолянахъ, сагудатахъ, драговичахъ и пр., онъ какъ-бы не подозрѣваетъ той простой истины, что это только части все того-же болгарскаго племени. Называя разсказъ византійцевъ о приходѣ Аспаруха (собст. Аспариха) съ болгарами въ 678 г. баснословнымъ, онъ всетаки слѣдуетъ этому разсказу, и вѣритъ въ необычайно быстрое основаніе и распространеніе Болгарскаго государства. Указывая въ славяно-болгарскомъ языкѣ слѣды разныхъ стихій, какъ-то: древнихъ обитателей (Ѳракійскаго семейства), римлянъ, грековъ, германцевъ, сербовъ, румынъ, онъ со-

всѣмъ упустилъ изъ виду самый естественный вопросъ: какъ-же это болгары, господствуя надъ славянами и потомъ сливаясь съ ними, не внесли никакого финскаго элемента въ языкъ покоренныхъ, будучи сами финнами? [1]) При такой теоріи нельзя понять, откуда-же на Балканскомъ полуостровѣ явились именно два славянскихъ языка, сербскій и болгарскій. Какъ и всякій другой языкъ, болгарскій имѣетъ разныя мѣстныя нарѣчія; но все-таки самъ то онъ откуда-бы взялся, еслибы неславянскіе болгары покорили разныя племена славянъ, пришедшія на Балканскій полуостровъ въ разное время и съ разныхъ сторонъ? Замѣчателенъ также слѣдующій фактъ. Г. Дриновъ приводитъ разныя свидѣтельства о народѣ у р у г у н д а х ъ или б у р у г у н д і я х ъ, которые уже въ III вѣкѣ жили около Дуная и Карпатъ, дѣлали вторженіе въ имперію и были во враждѣ съ готами. Онъ дѣльно доказываетъ, что этотъ народъ принадлежалъ къ славянамъ, и что его не слѣдуетъ смѣшивать съ нѣмецкими бургундами. Тѣ же бургундіи или бургунды являются далѣе у писателя VI вѣка Агаѳія; Шафарикъ считаетъ ихъ частью болгарскаго народа, что несомнѣнно вытекаетъ изъ источниковъ. Но г. Дриновъ отвергаетъ въ этомъ случаѣ мнѣніе Тунмана и Шафарика. На какомъ-же основаніи? Да въ такомъ случаѣ,—говоритъ онъ—«само собой рушилось-бы ученіе объ угорской, или, какъ выражается Шафарикъ, чудской народности болгаръ» (Чт. Об. И. и Др. 1872, кн. 4).

Надѣюсь, читателю ясно, что г. Дриновъ, будучи самъ болгариномъ, обнаружилъ слишкомъ мало самостоятельности и безпристрастія въ своемъ изслѣдованіи по отношенію именно къ болгарамъ. Собственныя изысканія наводили его на истину; а онъ постоянно уклонялся отъ нея въ сторону, чтобы какъ-нибудь не измѣнить ученію Шафарика о чудскомъ происхожденіи болгаръ!

Обращаясь къ сочиненіямъ покойнаго Г и л ь ф е р д и н г а, мы также найдемъ только бездоказательное повтореніе того-же ученія. (Эта частность, конечно, ничего не значитъ въ сравненіи съ его заслугами славянству). Единственную прибавку къ доказательствамъ Шафарика

[1]) Это обстоятельство, т. е. неестественное, удивительное превращеніе болгаръ завоевателей въ завоеванныхъ славянъ, всегда ставило въ затрудненіе послѣдователей финской или тюркской теоріи, и, Боже, къ какимъ натяжкамъ не прибѣгаютъ они, чтобы обойти непріятное обстоятельство! Въ числѣ доказательствъ неславянства болгаръ, напримѣръ, не послѣднюю роль играютъ ихъ дикіе, неукротимые нравы; а когда зайдетъ рѣчь о превращеніи въ славянъ, придумываются чрезвычайная малочисленность, кротость и необыкновенное благодушіе болгаръ, преклонившихся предъ высшею расою, и свирѣпые з а в о е в а т е л и вдругъ изображаются народомъ смирнымъ, н е в о и н с т в е н н ы м ъ.

Д. И.

онъ сдѣлалъ по поводу «Росписи болгарскихъ князей», изданной въ 1866 г. А. Н. Поповымъ въ его «Обзорѣ хронографовъ». Тамъ, при каждомъ имени князя находятся какія-то непонятныя фразы. Гильфердингъ взялъ мадьярскій лексиконъ, да и разъяснилъ эти фразы. А выводъ, конечно, вышелъ такой, что тутъ мы имѣемъ передъ собой остатки того финскаго языка, которымъ говорили болгаре до своего сліянія съ славянами. Казалось-бы, чего проще было вмѣсто мадьярскаго лексикона обратиться въ данномъ случаѣ къ финнологамъ; ихъ же въ Петербургѣ довольно. Я съ своей стороны обращался къ покойному профессору московскаго университета Петрову, извѣстному оріенталисту. Онъ нѣсколько былъ знакомъ съ мадьярскимъ языкомъ, но въ данныхъ фразахъ не могъ добиться никакого смысла. Показывалъ я ихъ одному образованному финляндцу и спрашивалъ его, напоминаютъ-ли эти фразы ему сколько-нибудь родной языкъ. Онъ отвѣчалъ, что онѣ ему совершенно чужды. Впрочемъ, мои справки оказались излишни. Опроверженіе чудской теоріи по поводу этихъ фразъ въ настоящее время является съ другой стороны: со стороны тюркской теоріи достоуважаемаго А. А. Куника.

Новѣйшія разысканія г. Куника явились въ приложеніи къ XXXII тому Записокъ Академіи Наукъ, носящему заглавіе: «Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ». Отрывки изъ этихъ извѣстій помѣщены здѣсь съ переводомъ на русскій языкъ барона Розена. Самую существенную часть ихъ составляетъ неизданная доселѣ записка еврея Ибрагима Ибнъ-Якуба, жившаго въ X вѣкѣ. Эта записка, между прочимъ, изображаетъ дунайскихъ болгаръ славянами. Но подобное обстоятельство нисколько не смущаетъ нашего изыскателя: вѣдь болгаре къ X вѣку успѣли радикально превратиться въ славянъ! Мы обратимъ вниманіе собственно на помѣщенныя затѣмъ, независимо отъ ал-Бекри, два «Разысканія», А. А. Куника: 1) о родствѣ болгаръ съ чувашами, и 2) о тождествѣ Руси съ норманнами. Въ настоящей статьѣ будемъ говорить только о первомъ «Разысканіи», предоставляя себѣ ко второму обратиться впослѣдствіи.

Пріемы, употребляемые А. А. Куникомъ въ данномъ вопросѣ, настолько любопытны, что я позволю себѣ спеціально на нихъ указать. Достоуважаемый академикъ обвиняетъ Шафарика въ томъ, что «онъ внесъ въ этотъ вопросъ неисправимую путаницу, назвавъ болгаръ уралофинскимъ народомъ» (123); говоритъ, что поборники финскаго происхожденія не представили равно никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія о болгарахъ (124), и что вопросъ о гуннахъ и Аттилѣ также напрасно рѣшенъ въ мадьярскомъ смыслѣ (149). Противъ та-

кихъ положеній мы, конечно, возражать не будемъ. Но читатель тщетно будетъ искать въ данномъ «Разысканіи»: на чемъ же основалось мнѣніе самого автора о болгарахъ-туркахъ? Передъ нами часто мелькаютъ выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: «болгары, какъ народъ тюркской расы, несомнѣнно переселились въ Европу съ Алтая» (147); «будучи тюркскимъ конным народомъ, болгары не могли посѣять никакихъ сѣмянъ цивилизаціи среди подвластныхъ имъ славянъ» (150). А между тѣмъ тщетно вы будете искать указаній на то, какіе источники называютъ ихъ турками или говорятъ объ ихъ пришествіи съ Алтая. Напротивъ, Моисей Хоренскій, писатель V вѣка, повѣствуетъ о вторженіи болгаръ съ высотъ Кавказа въ Арменію, около 120 г. до Р. Х., и прибавляетъ, что мѣстность, гдѣ они поселились, получила названіе Ванандъ. Послѣднее названіе естественно нѣкоторые отождествляли съ вендами и съ антами. Противъ всего этого сильно возстаетъ почтенный академикъ. И названіе венды будто только употреблялось скандинавами, финнами и готами, и анты будто бы въ дѣйствительности были не славяне, а только «династы азіатскаго происхожденія». И чтенія-то названій всѣ извращенныя. Наконецъ, и самаго-то Моисея Хоренскаго, Гутшмидъ уже «сдвинулъ какъ историка съ пьедестала» (147—8). Правда, есть еще извѣстіе одной греческой хроники III вѣка по Р. Х., въ которой болгаре также пріурочиваются къ Понту или Кавказу: Ziezi ex quo Vulgares. Но такая замѣтка «весьма можетъ быть приписана впослѣдствіи» (148). Что сказать о подобныхъ академическихъ пріемахъ, съ помощью которыхъ устраняются всѣ историческіе источники, противорѣчащіе излюбленной теоріи?

На прямыхъ историческихъ свидѣтельствахъ невозможно основать тюркскую теорію. Но для этого существуетъ сравнительная лингвистика, кстати, наука еще очень молодая, едва намѣтившая общія основы и въ частностяхъ своихъ представляющая пока великій просторъ спорнымъ мнѣніямъ и теоріямъ, особенно, когда рѣчь заходитъ о славянахъ. Тутъ камнемъ преткновенія являются имена, взятыя изъ эпохи языческой. Ихъ можно объяснять изъ какого-угодно языка; имена Руси и болгаръ наглядный тому примѣръ. Только не пытайтесь, хотя бы примѣрно, сближать ихъ съ славянскимъ языкомъ; на это уже заранѣе воютъ, что всякая подобная попытка въ высшей степени ненаучна!

Вотъ образцы тюркскихъ объясненій А. А. Куника для болгарскихъ именъ въ помянутой росписи князей. Сообщаемъ суть этихъ объясненій:

Авитохолъ. «Вѣроятно, не точно передано переводчикомъ Именика

на славянскій языкъ». Слѣдуетъ ли читать Абитохолъ,—рѣшитъ, вѣроятно, современемъ древне-тюркская ономатологія».

Ирникъ. «Вѣроятно, въ греческомъ текстѣ тутъ была буква эта (Н). Напоминаетъ Эрнàха одного изъ сыновей Аттилы». (Припомните, что вопросъ о народности Аттилы и гунновъ г. Куникъ пока еще не рѣшаетъ).

Гостунъ. «Конечно, звучитъ совершенно по-славянски; но вѣдь можно и тюркскому имени, извративъ его, придать славянскую форму». «Очень можетъ быть, что форма Гостунъ принадлежала къ числу заимствованныхъ тюрками прежнихъ словъ».

Безмѣръ. «Звучитъ опять совершенно по-славянски; но невозможно въ древнихъ памятникахъ указать другое подобное имя». «Едва ли мы ошибаемся, предположивъ, что въ греческомъ оригиналѣ вмѣсто него стояло Базіанъ». (Я думаю, что ошибемся).

Эсперихъ. «Иранская форма его легко можетъ быть объяснена»—сосѣдствомъ Аланъ.

Имена — Куртъ, Тервель, Севарь, Кормисошь, Телець, Уморъ—остаются безъ филологическихъ объясненій, хотя о каждомъ изъ нихъ что-то такое говорится. Читатель, конечно, съ удивленіемъ спроситъ: да гдѣ же тутъ хотя тѣнь доказательства тюркскому значенію болгарскихъ именъ, приведенныхъ въ росписи? Въ числѣ болгарскихъ бояръ дѣйствительно могли встрѣтиться люди восточнаго, инородческаго происхожденія, какъ это было и у русскихъ. Но отсюда еще не вижу необходимости, напримѣръ, имя Сурсубулъ или Сурсувулъ непремѣнно объяснять турецкимъ Дивавулъ. У грековъ тоже были подобныя имена или прозвища, напримѣръ Тразибулъ; византійское хризовулъ или еврейское вельзевудъ развѣ должны быть также татарскія слова? (кстати: что значитъ Сунбулъ, прозвище Ѳедора Ивановича, родоначальника старой рязанской фамиліи Сунбуловыхъ? Предки его вышли въ Россію не изъ половцевъ или татаръ, а изъ Литвы).

Не болѣе убѣдительны для насъ разсужденія о титулахъ каганъ и кавканъ, которые весьма немного разъ упоминаются въ источникахъ по отношенію къ болгарамъ. Во-первыхъ, остается пока неизвѣстнымъ, какому именно языку первоначально принадлежали эти титулы. А во-вторыхъ, извѣстно, что и древне-русскіе князья тоже въ нѣкоторыхъ источникахъ называются каганами. Въ виду аварскаго и хазарскаго господства надъ припонтійскими славянами, заимствованіе этого титула весьма естественно. Цесарь или царь —тоже заимствованный славянами титулъ; однако онъ не служитъ доказательствомъ неславянскаго происхожденія. (И къ намъ отъ татаръ

перешло слово тарханъ). Нѣкоторые сравнительные лингвисты увѣряютъ, будто и князь слово не славянское, а заимствованное. Слѣдовательно, два-три титула не могутъ еще служить филологическимъ основаніемъ при опредѣленіи народности [1]). А между тѣмъ г. Куникъ, чтобы окончательно отуречить болгаръ, постоянно именуетъ ихъ князей ханами, хотя нигдѣ источники такого титула имъ не приписываютъ. Впрочемъ, онъ указываетъ нѣкоторое какъ бы основаніе тому, но весьма шаткое. Покойный Даскаловъ въ одной тырновской мечети, обращенной изъ христіанскаго храма, снялъ высѣченную на колоннѣ греческую надпись. Въ ней темно говорится о построеніи какого то дома и кургана, и упоминается Омортагъ (имя одного изъ болгарскихъ князей IX вѣка). Въ одномъ мѣстѣ стоитъ непонятное Гіомомортаг, а въ другомъ—что то въ родѣ омортагкани. Даскаловъ добросовѣстно предупреждаетъ, что нѣтъ никакихъ указаній на то, кѣмъ и когда составлена эта надпись, что начала ея не видно, что она высѣчена неразборчиво и безграмотно и что слово кани не есть «ханъ». (Чт. Об. И. и Др. 1859, № 2). И, прибавимъ, нельзя разобрать, конецъ ли это предъидущей фразы или начало послѣдующей. Тщетныя предостереженія! Если не ошибаемся, Гильфердингъ первый установилъ положительное чтеніе: Омортагъ-ханъ, забывъ, что такого титула не было у Чуди, за которую онъ принималъ болгаръ (Соч., I, 41). Иречекъ повторилъ тоже чтеніе въ своей «Исторіи народа болгарскаго». А г. Куникъ ссылается на Иречка безъ всякихъ оговорокъ (154); хотя ближе было бы обратиться къ первымъ рукамъ, т. е. къ Даскалову. Но къ чему тутъ какой-нибудь критическій пріемъ? Другое дѣло, извѣстія источниковъ, подтверждающія арійское происхожденіе болгаръ; тамъ возможны самыя радикальныя, самыя произвольныя предположенія, чтобы ихъ устранить. Но кстати, болгары теперь сами господа въ Тырновѣ. Продолжается пока и русское занятіе. Желательно было бы провѣрить надпись (если она еще существуетъ) и, прежде чѣмъ пользоваться ею, установить правильное ея чтеніе.

---

[1]) Изъ византійскихъ историковъ извѣстно, что нѣкоторыя части болгарскаго народа въ VI и VII вв. находились подъ игомъ хазаръ и аваръ. Слѣдовало обратить на это нѣкоторое вниманіе и сообразить, что подобное иго должно было оставить гораздо болѣе замѣтные слѣды, чѣмъ два-три титула. Двухсотлѣтнее владычество татаръ оставило у насъ крупныя черты въ языкѣ, нравахъ и государственномъ бытѣ. Мало того, въ памятникахъ до-татарской эпохи уже встрѣчаются слова, объясняемыя изъ турецкихъ корней; ясно, что и самое сосѣдство торковъ, печенѣговъ и половцевъ не прошло безслѣдно. Но вопросъ: существуютъ ли для моихъ противниковъ дѣйствительно историческія аналогіи? Д. И.

Перейдемъ къ главному сравнительно-лингвистическому аргументу А. А. Куника, къ тѣмъ непонятнымъ фразамъ въ росписи князей, о которыхъ мы говорили выше. Припомнимъ, что Гильфердингъ истолковалъ ихъ такимъ образомъ: дiломъ твиремъ значитъ «я исполненъ»; шегоръ вечемъ—«я есмь помощникъ» и т. д. Г. Куникъ, отвергая подобное толкованіе, предлагаетъ объяснять эти рѣченія въ смыслѣ числительномъ: онѣ означаютъ числа лѣтъ жизни или царствованія данныхъ князей. Въ числахъ этихъ онъ видитъ «поразительное сходство» съ тюркскими. Вотъ пріемъ объясненія, употребленный имъ въ данномъ случаѣ, по его же собственному разсказу.

Задавшись мнѣніемъ о татарской народности болгаръ, достоуважаемый академикъ обратилъ свое вниманіе на чувашей, и усмотрѣлъ въ нихъ «если не остатки камскихъ болгаръ, то все же одну изъ тюркскихъ отраслей, къ которой принадлежали и жители болгарскаго ханства въ среднемъ Поволжьѣ» (120). Послѣ открытія и изданія г. Поповымъ означенной росписи, г. Куникъ обратился къ извѣстному знатоку татарскихъ языковъ, В. В. Радлову, съ просьбою сравнить непонятныя реченія съ разными тюркскими числительными именами, и съ вопросомъ, не найдетъ ли онъ тутъ близкой связи съ чувашскимъ языкомъ. Г. Радловъ сравнилъ, и нашелъ. Желающихъ видѣть самый процессъ этого сравненія отсылаю къ данной монографіи (138—143). Главную роль тутъ играютъ предположенія объ ошибкахъ въ рукописи, вѣроятно, кажется и если. И вотъ результаты: веч росписи есть то же что чувашское віссе дилом-пілік, чет-січчa, шегор-саккыр, дохс-тукур и т. д. Сходство, очевидно, неособенно поразительное. Надобно отдать справедливость В. В. Радлову: въ письмѣ своемъ онъ сознаетъ «всю неудовлетворительность» своихъ изысканій. А. А. Куникъ не усумнился однако приложить эти результаты къ росписи, и, такимъ образомъ, получилось любопытное ея разъясненіе. Одно только еще неудобопонятно: нѣкоторые князья или властвовали, или жили дольше, нежели жили(sic). Авитохолъ жилъ 300 лѣтъ, а жилъ двадцать пять. Ирникъ жилъ 108 лѣтъ, а лѣтъ ему было двадцать пять. Куртъ властвовалъ 60 лѣтъ, а жилъ тридцать восемь. Эсперихъ былъ княземъ 61 лѣто, а лѣтъ ему было пятьдесятъ одинъ. Между прочимъ два слова, твиремъ и винехъ, которыя прежде относились къ тѣмъ же непонятнымъ рѣченіямъ, тутъ отнесены къ числу собственныхъ именъ князей, хотя византійскіе историки такихъ князей не знаютъ. Замѣтьте при этомъ, что вопросъ о коренной народности самихъ чувашъ далеко не рѣшенъ. Нѣкоторые,

не безъ основанія, считаютъ ихъ частью черемисъ, отатарившихся со времени монгольскаго владычества, т. е. послѣ XIII вѣка; древніе наши лѣтописцы не знаютъ чувашъ, и они являются отдѣльнымъ народцемъ въ исторіи только съ XVI вѣка [1]). И самъ А. А. Куникъ, въ примѣч. на стр. 145, вдругъ высказываетъ такую дилемму: «Хотя безъ сомнѣнія родство между хазарами и болгарами было самое близкое, тѣмъ не менѣе въ настоящее время приходится держаться того мнѣнія, что чуваши составляютъ остатокъ болгарскаго народа, какимъ онъ былъ до раздѣленія своего въ V-мъ или VI-мъ столѣтіяхъ. Или можетъ быть чуваши ничто иное, какъ отуречившіеся черемисы?» Слѣдовательно, съ одной стороны, приходится считать ихъ остаткомъ болгаръ, а съ другой—вопросъ, кто они такіе? Что же послѣ того означаютъ всѣ вышеприведенные выводы о народности болгаръ. Любопытно также узнать, на какихъ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ основано, якобы несомнѣнное, «родство между хазарами и болгарами».

И такъ, во-первыхъ, темныя рѣченія росписи еще ждутъ своего разъясненія; а во-вторыхъ, къ какому бы не славянскому языку они ни принадлежали, отсюда еще очень далеко до вывода, будто это и есть остатокъ языка самихъ болгаръ. Выходило бы, что, съ одной стороны они были вполнѣ славяне, а съ другой—татары, въ одно и тоже время, и что книжники ихъ, неизвѣстно зачѣмъ, употребляли рядомъ числительныя имена славянскія и чувашскія. А въ самомъ болгарскомъ языкѣ всетаки никакого чувашскаго элемента не оказывается. Впрочемъ, къ какимъ выводамъ нельзя придти съ помощью такихъ пріемовъ!

На третьемъ археологическомъ съѣздѣ, когда я предложилъ результаты своего изслѣдованія о болгарахъ, въ числѣ возражателей выступилъ и г. Ягичъ, хорватскій филологъ, тогда еще профессоръ одесскаго, а нынѣ берлинскаго университета. Онъ объявилъ, что изслѣдованія моего не читалъ, но что, во всякомъ случаѣ, какъ лицо компетентное, со мною не согласенъ. Я попросилъ предварительно прочесть и вникнуть въ мои доводы. Не знаю, исполнилъ ли онъ мою просьбу; а легнуть копытомъ не приминулъ въ своемъ журналѣ «Archiv für slavische Philologie» за 1876 г. (I, 593). Не знаю также, отчего сему слависту ненавистна самая мысль о славянскомъ происхожденіи Руси и болгаръ; во всякомъ случаѣ, въ своей компетентности по данному вопросу онъ такъ и не убѣдилъ меня до сихъ поръ. Я не хочу этимъ сказать, что г. Ягичъ плохой филологъ. (Точно также данное разно-

[1]) У Курбскаго: «Черемиса Горняя, а по ихъ Чуваша зовомые, языкъ особливый». Д. И.

гласіе не мѣшаетъ мнѣ весьма цѣнить А. А. Куника, какъ ученаго, особенно какъ нумизмата и издателя памятниковъ). Нѣтъ, я просто не считаю сравнительную филологію наукою уже на столько зрѣлою, чтобы нѣкоторые представители ея могли рѣшать вопросы изъ исторіи языка и народа, не предаваясь гадательнымъ, предвзятымъ и произвольнымъ толкованіямъ. Особенно несостоятельность ихъ обнаруживается при разборѣ какихъ-либо древнихъ личныхъ или географическихъ именъ. Чтобы опредѣлить народность такихъ именъ, какъ Святославъ, Владиміръ и т. п., не нужно быть ученымъ спеціалистомъ; а для распознанія вообще славянскихъ или неславянскихъ именъ слависты пока не выработали рѣшительно никакого критерія; хотя претензіи ученыхъ, подобныхъ г. Ягичу, громадныя. Надобно, наконецъ, сознаться, что эти сравнительные лингвисты своими пристрастными и предвзятыми теоріями немало тормозятъ разработку древнеславянской исторіи. Они, повидимому, и не подозрѣваютъ существованія основнаго закона сравнительной филологіи относительно живучести языковъ и ихъ взаимодѣйствія при скрещеніи разныхъ народностей. Очевидно, процессы этого взаимнодѣйствія они и не думаютъ подвергать научнымъ наблюденіямъ, и для нихъ все еще возможнымъ представляется быстрое радикальное превращеніе одного народа въ другой, и даже таковое превращеніе завоевателей въ народность покоренную, съ немедленнымъ и рабски-покорнымъ усвоеніемъ себѣ языка послѣдней и съ полною, безслѣдною потерею своего собственнаго. Исторія ничего подобнаго намъ не представляетъ. Приглашаю своихъ противниковъ поразмыслить объ этомъ законѣ и хотя ради ученаго приличія сдѣлать нѣсколько наблюденій; а пока они его не опрокинули, я позволяю себѣ на его основаніи противупоставить историческое veto всѣмъ вышепомянутымъ quasi-научнымъ лингвистическимъ пріемамъ и толкованіямъ. Повторяю, такого превращенія не было, потому что его не могло быть.

Д. И. Иловайскій.

Москва. 1879 г. мартъ.

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО ГЕРМАНІИ, ГОЛЛАНДІИ И ИТАЛІИ

въ 1697—1699 гг.

ВЕДЕННЫЙ СОСТОЯВШИМЪ ПРИ ВЕЛИКОМЪ ПОСОЛЬСТВѢ РУССКОМЪ, КЪ ВЛАДѢТЕЛЯМЪ РАЗНЫХЪ СТРАНЪ ЕВРОПЫ.

(Сообщ. съ примѣчаніями И. Ѳ. Горбуновъ):

Въ XVIII вѣкѣ, нынѣ издаваемый «Журналъ путевой» приписывали Петру I и, потому онъ въ 1788 году напечатанъ былъ подъ заглавіемъ:

«Записная книжка любопытныхъ замѣчаній Великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697—1698 годахъ». Спб. 12° [1]).

Великою особой, какъ извѣстно, называли правительственныя лица, въ Голландіи, пріѣхавшаго въ эту страну, подъ строжайшимъ инкогнито, русскаго государя, занявшагося въ Заандамѣ и Амстердамѣ кораблестроеніемъ на верфяхъ, наравнѣ съ простыми работниками. Русскіе же люди получили приказаніе называть государя «десятникомъ», во все это время; а иначе—не смѣть, подъ опасеніемъ взысканія за непослушаніе. Вотъ почему въ дневникѣ этомъ Петръ I и разумѣется подъ прозваніемъ десятника.

Уже потому одному, что въ текстѣ дневника упоминается десятникъ, какъ стороннее лицо, а не самъ о себѣ вездѣ говорящій прямо въ первомъ лицѣ (я былъ, я видѣлъ и пр.), можно было не относить къ Петру того, что до него не касалось, но, невникавшіе въ смыслъ и незнавшіе хорошо обстоятельствъ путешествія—упорно стояли на своемъ: что это—описаніе царскихъ поѣздокъ. Послѣ того даже, какъ дневникъ напечатадъ Погодинъ (Московскій Вѣстникъ 1830 г., часть 6-я, стр. 83—131), еще старое мнѣніе удер-

[1]) Книга эта составляетъ теперь библіографическую рѣдкость и, кажется, не была она въ рукахъ П. П. Пекарскаго. (Наука и Литература въ Россіи, томъ I, стр. 145), потому что имъ выписано одно заглавіе изъ Сопикова, съ указаніемъ формата, но безъ отмѣтки стр., что онъ всюду дѣлалъ перелистовавъ книгу.

живало свою силу, что́ въ рукописи, доставшейся отъ 1697—1699 гг. Никитныхъ, черезъ посредство А. М. Языкова, заключается указаніе царскихъ переѣздовъ по Европѣ [1]). Между тѣмъ, составитель дневника не былъ въ Англіи; изъ Голландіи отправившись въ Италію, раньше государя, проѣхавшаго въ Вѣну, но, безспорно, оттуда имѣвшаго намѣреніе ѣхать въ Венецію, если не дальше; хотя и неудалось. Въ Вѣну прислано извѣстіе о Стрѣлецкомъ бунтѣ и грозившей Москвѣ опасности; извѣстіе же о разбитіи мятежниковъ получено позднѣе, когда уже государь былъ въ Польшѣ. Между тѣмъ, авторъ дневника, оставивъ Амстердамъ 1-го апрѣля 1698 года, воротился туда же въ концѣ года и 3-го января 1699 г. вторично выѣхалъ, чтобъ воротиться въ Россію: черезъ Бременъ, Гамбургъ, Берлинъ, Данцигъ, Кенигсбергъ, Митаву, Ригу и Великія Луки. Такъ что, спустя полгода послѣ Петра I, онъ воротился въ Москву, выѣхавъ изъ нея не вмѣстѣ съ великими послами, въ маѣ 1697 г; когда они отправились съ царемъ за границу еще въ мартѣ. Нельзя смѣшивать автора дневника и съ графомъ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, бывшимъ въ Италіи въ 1698 году и воротившимся также въ 1699 г. Толстой выѣхалъ изъ столицы нашей раньше даже царскаго выѣзда (26-го февраля 1697 г.) и ѣхалъ черезъ Австрію въ Венецію, а тамъ поступивъ въ морскую воинскую службу, буквально слѣдуя инструкціи, данной комнатнымъ стольникомъ, посланнымъ царемъ въ Европу.

Авторъ «дневника» 1697—1699 годовъ былъ, какъ видно, поставленъ въ иныя условія. О инструкціи онъ не говоритъ; а если въ Италію,—какъ можно догадываться,—имѣлъ порученіе, то дипломатическое, оставшееся для насъ тайною. Мы о немъ можемъ заключать по сношенію съ сановниками папскаго двора, оказывавшими такія любезности путешественнику, которыя расточались кардиналами римскими очень немногимъ, только тогда, когда Ватиканскій дворъ очень хорошо зналъ вліяніе лица на дѣла ему нужныя, провести которыя требуется осторожно и дальновидно. Не думалъ ли молодой царь повліять изъ Рима на Вѣну, по турецкимъ дѣламъ, въ это время?—важность порученія должна была выказать, разумѣется, и способности лица, на котораго возложено было дипломатическое дѣло.

Первыми дѣятелями въ кружкѣ царя были лица, знакомыя или сдѣлавшіяся ему извѣстными съ дѣтства. Комнатные стольники, высланные въ Европу учиться военному и морскому дѣлу, въ 1697—1698 гг. кораблестроенію, были, большею частію замѣчены государемъ раньше, съ отличкою дѣйствовавшіе при взятіи Азова, а иные и прежде еще стали извѣстны службой въ потѣшныхъ. Комнатныхъ стольниковъ, назвавъ ихъ валентирами (т. е. волонте-

[1]) Даже кн. Вл. Костровъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1846 г., № 8, далъ неправильное, старинное, названіе дневнику «Журналъ, како шествіе было его величества государя Петра великаго».

рами), опредѣлилъ царь въ разныя государства, на флоты и верфи. Очень немногіе исключены были изъ числа обращаемыхъ въ черную работу; и составитель дневника былъ однимъ изъ этихъ немногихъ. Скорѣе всего эта привилегія дана была прямо назначаемымъ для дипломатической карьеры, и, въ этомъ отношеніи, вполнѣ пристало выполнять въ Италіи секретное порученіе тому, кто въ средѣ посольской свиты началъ пріучаться къ свѣтскости, да наблюденію обычаевъ образованной Европы, и тогда уже въ дипломатическихъ сношеніяхъ соблюдавшей утонченную вѣжливость. Составитель «дневника» говоритъ, что на него возложили отдачу визита цесарскому послу въ Гагѣ, въ числѣ прочихъ иностранныхъ уполномоченныхъ пріѣхавшему въ домъ Великаго посольства поздравить его съ прибытіемъ. Еще о себѣ составитель «дневника» говоритъ, что, во время аудіенціи великихъ пословъ у штатовъ генеральныхъ, когда послы наши сѣли, онъ, съ другими товарищами своими, сталъ, какъ приставъ свиты посольской. Ѣхалъ же онъ, во время торжественнаго вступленія посольства въ Гагу (15-го сентября 1697 года) въ одной каретѣ съ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Голицынымъ, сыномъ дядьки-воспитателя Петра I, человѣка очень близкаго къ государю.

Если авторъ «дневника» поставленъ былъ, въ Амстердамѣ и Гагѣ, рядомъ съ сыномъ ближняго царскаго слуги, то и самъ принадлежалъ къ числу близкихъ лицъ къ монарху, по связямъ, родству или другимъ того же рода отношеніямъ. Кто же бы это могъ быть, изъ числа комнатныхъ стольниковъ, находившихся въ то время въ Голландіи и посланныхъ въ Италію? Изъ князей (Ист. рус. флота, періодъ Азовскій. Прилож., ч. II, стр. 223—4) были: Борисъ Ивановичъ Куракинъ, Андрей Репнинъ, Данило Григорьевичъ и Андрей Михайловичъ Черкасскіе, Иванъ Никитичъ Урусовъ, Андрей и Юрій Яковлевичи Хилковы, Владиміръ Михайловичъ и Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковы, Юрій Юрьевичъ Трубецкой, Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, Иванъ Даниловичъ Велико-Гатосъ, Петръ и Ѳедоръ Алексѣевичи, да Алексѣй Борисовичъ и Дмитрій Михайловичъ Голицыны. Кромѣ 16-ти поименованныхъ князей было въ Италію назначено 25 дворянъ-стольниковъ, въ которыхъ были три брата Милославскихъ, два брата Измайловыхъ, по-двое Соковнинныхъ-Вневскихъ, Шереметевыхъ, Бутурлиныхъ, Ладыженскій, Ртищевъ, Чириковъ, Матюшкинъ, Толочановъ, Глѣбовъ, Петръ Толстой и Авраамъ Лопухинъ. Сверхъ того особо назначены въ Италію: Ѳедоръ Плещеевъ, два Ивана (Михайловичъ и Алексѣевичъ) Головины, да Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ,— при которыхъ не было солдатъ. Первымъ въ спискѣ стоялъ кн. Б. И. Куракинъ. Можно бы, конечно, допустить еще предположеніе, что секретное дипломатическое порученіе, въ качествѣ дебюта, дано брату посла, будущаго генералъ-адмирала и графа, Ивану Алексѣевичу Головину. Но до ранней смерти его (въ февралѣ 1700 года) мы не имѣемъ указаній, дающихъ право заключать, что онъ готовился быть дипломатомъ. Между тѣмъ въ это время, въ числѣ близкихъ людей

къ государю, какъ мы знаемъ, по обстоятельствамъ и связямъ, изъ всей толпы князей, Борисъ Ивановичъ Куракинъ стоялъ едва ли не первымъ—по случаю женитьбы на младшей сестрѣ супруги Петра I, Аксиньѣ Ѳедоровнѣ Лопухиной. Она на 21 году жизни скончалась въ 1699 году, а кн. Борисъ Ивановичъ въ 1707 году получилъ дипломатическое порученіе въ Римъ къ папѣ Клименту XI и успѣлъ побудить римскій дворъ выполнить желаніе Петра I, въ ту пору имѣвшее политическій интересъ очень важный: не признавать королемъ Польскимъ поставленнаго побѣдоноснымъ Карломъ XII Станислава Лещинскаго, когда уже Августъ II отрекся отъ королевства. Въ «дневникѣ» видно, что составитель его, въ 1698 г., въ Римѣ встрѣчаетъ очень любезный и предупредительный пріемъ; къ нему посланъ былъ даже отъ папы сановникъ: показывать достопримѣчательности Рима. Пріемъ у испанскаго посла, обѣды у гордаго владѣтеля виллы Памфили, во Фраскати, пріемы и у другихъ духовныхъ, высокопоставленныхъ особъ—все показываетъ, что глава римскаго католичества ставилъ высоко москвича, явившагося въ Римъ, подъ видомъ путешественника-туриста. Равнымъ образомъ съ почетомъ относились къ нему и въ Берлинѣ. Здѣсь, на возвратномъ пути, составитель «дневника» получилъ возможность не только осмотрѣть дворецъ жилой, но быть въ комнатахъ, недоступныхъ обыкновенно для обозрѣній, да видѣть еще будущую королеву прусскую и дѣтей ея. Опять обстоятельство въ пользу вліятельности и извѣстности лица обозрѣвателя, исполняющаго обязанность пристава великаго посольства русскаго. Изъ «дневника» открывается, что его составитель обладаетъ знаніемъ латинскаго языка, чѣмъ похвалиться изъ молодыхъ москвичей-аристократовъ могли въ ту пору еще очень немногіе. Въ XVIII вѣкѣ латинскій языкъ былъ недостаточенъ для дипломата, а отправлявшійся въ Италію тѣмъ больше съ одною латынью не могъ обойтись: нужно было объясняться на живомъ, итальянскомъ языкѣ. Умѣлъ авторъ отличить и нѣмецкій отъ французскаго языка, стало-быть, хотя и не совершенно, но могъ знать ихъ. А знаніе языковъ русскимъ дворянином въ 1697—1698 годахъ было рѣдкостью. Умный дипломатъ былъ князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ, но зналъ съ грѣхомъ пополамъ латынь, да польскій языкъ; потому Петръ I и затруднялся дать ему другой посольскій постъ, кромѣ Варшавы, гдѣ онъ былъ полезенъ; но съ дрезденскими министрами не могъ непосредственно входить въ сношенія, не говоря по-нѣмецки. Во Францію же послать могъ Петръ I посломъ, для постояннаго пребыванія, только одного князя Бориса Ивановича Куракина, который пріискивалъ и совершалъ покупки картинъ и статуй, слѣдя за ними, и нанимая художниковъ. Не ему ли и принадлежитъ «дневникъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1698 гг.»? Впрочемъ, если бы мы знали, что Иванъ Михайловичъ Головинъ (Басъ) зналъ языки, можно бы подумать, судя по замѣткамъ о пѣвцахъ и пѣвицахъ, да о музыкантахъ, что и ему съ руки были они?

Въ «Журналѣ» видѣнъ въ составителѣ частію любитель искусства, гораздо

ближе понимавшій цѣнность художественныхъ твореній, чѣмъ оказывались соотечественники наши въ то время. Вѣрному взгляду на многое, видѣнное въ Италіи и описанное въ «дневникѣ», безъ сомнѣнія, помогалъ тактъ автора и его спокойный взглядъ на чужіе порядки и особенности, рѣзко отличавшіеся отъ нашихъ, но не возбуждавшіе въ авторѣ осужденія, а только стремленіе уяснить себѣ ихъ, какъ можно лучше.

Зная хорошо наши посольскіе статейные списки XVII вѣка, мы нисколько не затрудняемся признать лучшимъ изъ нихъ, далеко оставляющимъ за собою всѣ прочіе—«дневникъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи, въ 1697—1698 гг.». Привыкнувъ къ языку нашему того времени и не находя труда къ уразумѣнію нѣкоторыхъ особенностей тогдашней разговорной рѣчи, мы найдемъ описанія «дневника» въ высшей степени интересными и отнюдь не смѣшными, а напротивъ, характерными и основательно знакомящими съ видѣннымъ.

Такое отношеніе къ чужимъ порядкамъ обыкновенно встрѣчается у дипломатовъ, въ сообщеніяхъ отъ нихъ своему двору современныхъ явленій.

Церемоніи и вообще обычаи, несходные съ московскими, могли останавливать на себѣ вниманіе члена посольской свиты и дипломата, больше всего. Ему, привыкшему видѣть въ Бѣлокаменной и неуклюжіе каптаны въ ограниченномъ количествѣ, кажутся очень важнымъ свидѣтельствомъ европейскаго просвѣщенія и роскоши десятки каретъ на встрѣчѣ великаго посольства въ Гагѣ. Затѣмъ убранство комнатъ и обиліе вещей и домашней утвари изъ благородныхъ металловъ, роскошь костюмовъ, покрой платья и особенности головныхъ уборовъ народныхъ, въ разныхъ, посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ, тоже останавливаютъ любознательность составителя «дневника», отъ этого много выигрывающаго въ отношеніи занимательности содержанія.

При прежнемъ двоекратномъ печатаніи «дневника», съ очень существенными ошибками, доводившими текстъ во многихъ мѣстахъ до невозможности разгадать о чемъ рѣчь,—не обращалось вовсе вниманія на названія мѣстностей, также страшно искаженныя! При настоящемъ изданіи «Журнала путешествія» на страницахъ «Русской Старины», чтобы показать, въ какомъ видѣ изъ рукъ переписчиковъ дошла до насъ рукопись, принято нами искаженное названіе сохранить, но въ скобкахъ подлѣ проставить латинскимъ шрифтомъ подлинное географическое имя мѣстности или названіе лица и памятника. Черезъ это, читатель получаетъ возможность слѣдить за путешествіемъ и пріурочивать описанія къ своимъ мѣстамъ, безъ измѣненія поправками рукописи, съ которой можетъ совсѣмъ стереться свойственный ей характеръ эпохи, если приняться замѣнять мало-понятныя, можетъ быть, весьма своеобразныя слова автора, болѣе вразумительными, новыми.

Ограниченность числа литературныхъ памятниковъ въ такомъ родѣ, какъ «дневникъ путешествія 1697—1698 гг.»,—дѣлаетъ его, независимо интереса

содержанія внутренняго, особенно цѣннымъ вкладомъ въ сказанія о прошломъ. Въ итогѣ же свѣдѣній о взглядахъ нашихъ предковъ на Европу и ея замѣчательности, «Журналъ» составляетъ такое сокровище, съ которымъ не могутъ стать въ ровень, другіе «дневники» и статейные списки посольствъ: Посникова, Матвѣева и П. А. Толстаго,—именно въ виду большаго умѣнья автора «журнала 1697—1698 гг.» подмѣчать существенное въ чужомъ бытѣ.

Нынѣшнее изданіе на страницахъ «Русской Старины» «дневника путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи» мы воспроизводимъ по рукописи первой половины прошлаго вѣка, въ 4-ю долю, 62 страницы. Текстъ рукописи надлежащимъ образомъ просмотрѣнъ нами съ предъидущими изданіями, выверенъ съ современными документами и обставленъ, гдѣ было то необходимо, примѣчаніями. Въ такомъ видѣ «дневникъ» 1697—1698 гг. представляетъ, смѣемъ думать, весьма полезный матеріалъ для знакомства со взглядами москвичей, сподвижниковъ царя Петра, на Западную Европу—впервые ими видѣнную въ концѣ XVII-го вѣка [1]).

Препоручилъ (государь) правленіе боярину Тихону Никитичу Стрешневу, и комнатному стольнику Ѳедору Юрьевичу Романовскому (Ромодановскому) и (повелѣлъ) посланныхъ насъ увѣдомлять.

Шествіе (было съ) Москвы мая 11-го дня, чрезъ Клинъ, Тверь, Торжокъ, великій Новгородъ, отсель въ Нарву іюня 2-го числа. (Изъ Нарвы іюня 11-го дня приплыли) кораблемъ въ Любекъ іюня 23-го числа; тутъ видѣлъ въ церкви престолъ изъ мрамора, рѣзанъ (зѣло) изрядно и органы, въ которыхъ одна труба 16 аршинъ.

Изъ Любека въ Гамбурхъ 25-го; тутъ видѣлъ въ комедіи металника очень дивнаго и искуснаго (которой метался зѣло дивно и искусно); тутъ же въ городѣ видѣлъ бочку, въ которую входитъ полуанкерныхъ 112 боченковъ.

Изъ Гамбурха въ Бременъ (16-го іюля моремъ) изъ сего въ Берстенъ (Gröningen), а изъ онаго въ Страмбусъ (Strabosch), въ Доню (Dokkum), въ Бѣль, въ Вартъ (Bolswerd), въ Варкумъ (Workum); изъ Варкума моремъ на галіотѣ, переплыли 5 миль въ 4 часа, въ Неусенъ (Enkhuysen). Оттоль, на почтовой телѣгѣ,

---

[1]) Заголовокъ рукописи (какъ объяснено выше совершенно ошибочный) таковъ: «Путешествіе Петра Перваго въ чужія края».

Всѣ дополненія изъ списковъ того же памятника, ранѣе изданныя, мы ставимъ въ скобкахъ. И. Г.

въ Горнъ (Horn), изъ онаго въ трешитъ (treschuyt), въ Пермонретъ (Purmerend), въ Конкейдантъ (Monnikendam), въ постшлюпѣ въ Амстердамъ, іюня (іюля) 21-го числа.

Въ Амстердамѣ видѣлъ въ домѣ собраны золотыя и серебряныя и всякія руды; и какъ родятся алмазы, изумрудъ и коральки, и всякіе каменья; золото течетъ изъ земли отъ великаго жару, и всякія морскія вещи видѣлъ.

Младенца видѣлъ женскаго пола, полутора году, мохната всего сплошь и толста гораздо, лице поперегъ полторы четверти; привезена была на ярмонку. (Видѣлъ тутъ же) слона (великаго), которой игралъ миноветы, трубилъ по турецки, по черкаски, стрѣлялъ изъ мушкатанта и многія дѣлалъ забавы; дѣлалъ симпаію (имѣетъ симпатію) съ собакою (которая непрестанно съ нимъ пребываетъ, зѣло дивно) преудивительно.

(На ярмонкѣ) видѣлъ метальника, которой черезъ трехъ человѣкъ перескоча, на лету обернется головою внизъ и станетъ на ногахъ.

Видѣлъ у доктора анатомію: кости, жилы, мозгъ человѣческой, тѣлеса младенческія и какъ зачнется во чревѣ и родится. Видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ родится камень; и вся нутренная рознета разно, и жила та, на которой печень живетъ, горло и кишки. Жила та, на которой легкое живетъ, подобно какъ тряпица старая; жилы тѣ, которыя въ мозгу живутъ, какъ нитки.

Видѣлъ 50 тѣлесъ младенческихъ въ спиртахъ отъ многихъ лѣтъ нетлѣнны.

Видѣлъ мужеское и женское четырехъ лѣтъ возраста нетлѣнны и кровь знать, глаза цѣлы и тѣлеса мягки, а лежатъ безъ спиртовъ; женскаго пола внутри сердце, печень, кишки, желудокъ, все нетлѣнно.

Видѣлъ кожу человѣческую, выдѣлана толще бараньей кожи, которая на мозгу у человѣка живетъ: вся въ жилахъ, косточки маленькія, будто молоточки, которые въ ушахъ живутъ.

Животныя отъ многихъ лѣтъ собраны и нетлѣнны въ спиртахъ; мартышки, звѣри, (индѣйскіе) маленькіе и змѣи предивныя, лягушки, рыбы (многія) дивныя и птицы разныя (зело) дивніе-жъ и коркодилы (крокодилы), змѣй съ ногами, голова долга, змѣй о двухъ головахъ. Видѣлъ звѣрка, которой родитъ

чрезъ естество, собою съ большую мышь, безъ шерсти, а родитъ отъ себя сквозь спину много маленькихъ, половина вышла, большихъ 20. Жуки предивные, бабочки—великое собраніе.

Видѣлъ мужика безрукаго, которой въ карты игралъ, изъ пищали стрѣлялъ и набивалъ, самъ у себя бороду брилъ; поставитъ на столѣ на самой край стулъ и подъ стулъ поставитъ рюмку; станетъ на стулъ ногами и нагняся достанетъ зубами рюмку, съ шпагами танцовалъ, въ стѣну бросалъ (шпагою) зело прытко, ногою (писалъ).

Изъ Амстердама пріѣхали въ Гагу сентября 15-го числа. Встрѣча была за двѣ версты до города, два человѣка, подъ насъ 50 каретъ о 6 коняхъ, а сидѣли по два человѣка. Я сидѣлъ съ кн. Алексѣемъ Голицынымъ. (А какъ) пріѣхали въ городъ, на посольской дворъ, 2 человѣка (статъ) поздравляли посольское величество съ пріѣздомъ. Къ обѣду пріѣхали семь человѣкъ (статовъ) и (въ нихъ одинъ) президентъ подчивалъ за столомъ; пріѣхали въ каретахъ по два человѣка, статъ наѣхало множество. (Мы встрѣчали у кареты, послы на крыльцѣ. И долго президентъ не шелъ изъ кареты, что послы не сошли на нижнее крыльцо).

На другой день пріѣзжали подчивать, господинъ Вытцынъ [1]) (да два человѣка статъ). По всякой день, были у стола по 2 человѣка (стата). (Послѣ аудіенціи не было. На пріѣздѣ были у статовъ въ каретахъ; ѣхали по два человѣка о шести коняхъ). Ѣхали къ статамъ въ каретахъ: Францъ Яковлевичъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, (противъ ихъ) Прокофій Возницынъ, царевичъ Милитинской, Александръ Кикинъ, Ѳедоръ Плещеевъ, Петръ Лефортъ (иноземцы наши), да приставъ, я съ кн. Алексѣемъ Голицынымъ; лакеевъ (было) двадцать (пять человѣкъ) и шли предъ каретою; пажей десять (человѣкъ, было около кареты; назади и напереди; всѣ) въ алыхъ кафтанахъ, съ кружевами, серебромъ и золотомъ; четыре карла въ бархатныхъ кафтанахъ. (Какъ) пріѣхали (къ нимъ), на дворѣ солдатъ стояло сорокъ человѣкъ (встрѣчали два человѣка статъ, всѣ были и) за столомъ сидѣли тридцать семь человѣкъ. Нашихъ пословъ (посадили посереди стола, а мы стояли за ними; прежде рѣчь говорилъ большой посолъ, потомъ другой, послѣ Прокофій) Возницынъ; грамоту подали (и поѣхали. Провожали два человѣка статъ).

[1]) Витсенъ. И. Г.

Послѣ пріѣхали на посольской дворъ (въ отвѣтъ 7 человѣкъ статъ; а Францъ Яковличъ былъ въ русскомъ платьѣ. На пріѣздѣ изъ Гаги) ѣздили въ Лейденъ (и были въ сей день) въ анатоміи; тутъ много вещей знатныхъ зело предивныхъ много вещей и обо всѣхъ ихъ) взята книжка на латинскомъ языкѣ.

Давали послы визиты, свесвой (шведскій) о трехъ каретахъ, (о шести коняхъ, всѣ въ черномъ платьѣ; на другой день былъ) бранденбургской въ четырехъ каретахъ. (Того-жъ дни) англинской (посолъ былъ) въ девяти каретахъ (о пяти, и о шести, и о четырехъ коняхъ), дацкой въ четырехъ каретахъ (о шести коняхъ, былъ на третій день).

Цесарскаго посла жена у обѣдни нашей была, со многими дѣвицами прекрасными (зело нарядны).

(Въ Гагѣ) Францъ Яковлевичъ ѣздилъ за городъ, въ сады, въ (своей) каретѣ, которая дана 1800 червонныхъ, 8 лошадей (было), шлеи бархатныя, вызолоченныя; я сидѣлъ съ нимъ вмѣстѣ. (Еще было три кареты о 6-ти коняхъ, въ которыхъ дворяне наши сидѣли). И прочихъ много каретъ. (А какъ свѣдали, что мы поѣхали загородъ, многія) посольскія жены нарошно выѣхали (загородъ) въ каретахъ (все о шести коняхъ).

(Послѣ того) ѣздилъ въ комедію (которая нарочно для насъ сдѣлана); у кареты горѣли двадцать свѣчъ восковыхъ (большихъ самыхъ).

У цесарскаго посла (былъ я одинъ. У ево одна) полата 1-я обита полосатими матеріями, 2-я шпалерами, 3-я бархатомъ краснымъ и по швамъ кружева золотыя, самыя (изрядныя, зѣло) богатыя.

Гишпанской посолъ былъ въ двадцати каретахъ (о 6 коняхъ).

Амстердамская ратуша въ длину 50 ступеней, въ ширину 45.

Пословъ нашихъ дарили статы голландскіе: большому послу цѣпь золотая, вѣсомъ десять фунтовъ, съ гербомъ голландскаго государства; другому послу восемь фунтовъ; дьяку Прокофію Возницыну (пол)-шеста фунтовъ (5½); дворянамъ цѣпи по 120-ти золотыхъ. [Въ Астрадамѣ] октября 28-го [1]) огненныя потѣхи были, тріумфъ: во всемъ городѣ огни горѣли и ракетки пущали предивныя; за одну ночь, чаю, нѣсколько сотъ тысячъ пущено, на

[1]) Въ другомъ спискѣ 18-го. И. Г.

радостяхъ, что во всей Европѣ миръ состоялъ у всѣхъ государей (съ французскимъ королемъ).

Видѣлъ штуки съ бумаги рѣзныя; рѣжетъ дѣвка, которая и персону человѣческую вырѣжетъ и многія (персоны) королевскія— рѣжетъ и продаетъ за великую цѣну.

Видѣлъ стекло зажигательное, въ малую чатверть часа растопитъ ефимокъ.

Въ Амстердамѣ былъ у жидовъ въ церквахъ, видѣлъ великое богатство, церкви изрядныя, книги Моисеевы украшени хорошо.

Былъ въ церкви у квакеровъ, которые собираются въ церкви, сидятъ часа три съ великимъ смиреніемъ, никто не молвитъ, всякой ожидаетъ на себя освященія; познавши кто себя, мужъ или жена, встаетъ и учитъ людей и въ то время молчатъ, хотя велику досаду дѣлай, (не противятся и) отвѣта не дастъ.

Видѣлъ птицу превеликую, безъ крылъ и перья нѣтъ, будто щетина. Видѣлъ индѣйскихъ мышей, желтыя и бѣлыя, какъ горностаи.—Видѣлъ ворона, тремя языками говоритъ.—Видѣлъ кита, которой выпороть изъ брюха, еще не родился, пять сажень. Видѣлъ морскаго зайца, у котораго затылочная кость полторы сажени. Видѣлъ рыбу морскую и съ крыльями, можетъ вездѣ летать.

Видѣлъ домъ тотъ, гдѣ сидятъ блядки, изрядной каменной, тутъ былъ я. Другой домъ такой же великой, тутъ сидятъ выблядки, и сироты учатця грамотѣ, мастерства разнаго; держатъ до 15 лѣтъ, выуча дадутъ волю и платье новое, былъ я (тоже). Видѣлъ домъ и былъ въ немъ гдѣ сидятъ съумасбродные люди, которые совершенно безъ ума; всякому сдѣланъ чуланъ и ходятъ не просто: смотрятъ, поятъ, чистятъ и берегутъ; а которые не дерутся ходятъ просто по двору, а съ двора не пускаютъ.

Въ Амстердамѣ устроены дома, гдѣ собираются всякой вечеръ дѣвицы изрядныя, по 20 и по 15 въ числѣ, есть красавицы. И музыка непрестанно играетъ. Кто охотникъ, танцуетъ, а кто дѣвицу любитъ, взявъ за руку, идетъ въ особую камеру или къ ней въ домъ и ночуетъ съ нею безъ всякаго опасенія, потому что нарочно устроено, и пошлину платятъ въ ратушу. А домовъ такихъ съ двадцать; а называютъ шпильгаусъ или домы игральные,— а иные дома есть которые тайно играютъ, домовъ такихъ съ 200, богатые; и кто охотники, нанимаютъ на мѣсяцъ или на два, на

недѣлю и на годъ; безъ опасенія играютъ всякаго званія и безъ всякихъ клятвъ: ни азарта, ни драки не бываетъ.

Видѣлъ казнь двухъ человѣкъ смертію, пытавши: какъ повинились въ убивствѣ, привели ихъ на позоръ, и сказана имъ смерть за день; и въ тотъ вечеръ имъ столъ: подчивали ихъ всѣмъ довольно. Пришло время казнить, привели ихъ предъ бурмистровъ и спрашивали: совершенно ли винны?—Сказали правду, что винны. Бурмистры пошли въ статамъ и спрашивали: казнить ли ихъ? И статъ приказали еще спрашивать, трижды; послѣ того сошли статы, стали кругомъ на колѣни и винныхъ поставили, и молились Богу со слезами о тѣхъ винныхъ; и вывели на театръ и поставили на колѣни; палачъ отсѣкъ обоимъ головы палашемъ, а пасторы непрестанно при нихъ были.

Изъ нихъ одного анатомили, разнимали при мнѣ голову и мозгъ; внутренную разнималъ профессоръ для наученія лекарей; ободралъ голову (потомъ пилой растеръ черепъ и съ черепа кожу поднялъ, изъ черепа) вынулъ мозгъ, вспоролъ грудь, смотрѣли сердце, печень и легкое, какъ лежатъ внутреняя, подобно бараньей. Профессоръ изъ того разрѣзаннаго человѣка здѣлалъ часть нѣкоторую живу.

Змѣю видѣлъ полчетверти сажени (одинъ кусокъ 282 фунта).

Трубку зрительную видѣлъ, чрезъ которую смотрятъ на мѣсяцъ и на звѣзды; на мѣсяцъ смотрѣли и видѣлъ (можно видѣть), что есть земля и горы; а мѣрою та труба десять (съ десять) сажень.

Видѣлъ стекло, чрезъ которое можно растопить серебро и желѣзо; тѣмъ же стекломъ топили камень самой крѣпкой, и съ того камня выжгли подобно (будто) хрусталь, и тѣмъ хрусталемъ рѣзали стекло какъ алмазомъ. (Тѣмъ же стекломъ) жгли дерево подъ водою, воды было пальца на четыре, вода закипѣла и дерево зажгли; а ефимокъ растопится, какъ «Отче нашъ» проговорить. Топили свинецъ и сожгли въ пепелъ, изъ того пепла вытопили камень, подобно янтарю.

Видѣлъ голову здѣланную деревянную, человѣческую, говоритъ; заводятъ какъ часы; а что будешь говорить, то и оная голова говоритъ.

Видѣлъ двѣ лошади деревянныя на колесѣ; садятся на нихъ и скоро ѣздятъ куда угодно, по улицамъ; снимаютъ кольца копьемъ.

Въ Амстердамѣ всѣхъ церквей разныхъ вѣръ пятнадцать.

Былъ у человѣка, у котораго собраны разныя деньги древнихъ кесарей, и тѣ сребреницы тутъ же, на которыхъ Христосъ отъ Іуды проданъ, вѣсомъ будетъ противъ осьми копѣекъ русскихъ; а печать на нихъ, на одной сторонѣ персоны человѣческія, а на другой лиліи; подпись надъ персоною изрядна. У того (же) человѣка смотрѣли комедію кукольную: куклы танцовали изрядно.

Видѣлъ старуху древную, ходитъ по улицамъ, играетъ на скрипкѣ, передъ нею три собаки танцуютъ на (заднихъ) ногахъ.

Былъ у жидовъ въ церкви, смотрѣлъ обрѣзаніе младенца. Прежде молитву сотворитъ, потомъ положитъ младенца и возметъ крайную плоть и рѣжетъ щипцами серебряными и отрѣжетъ не мало; послѣ возметъ ренскаго въ ротъ и припадетъ ко младенцу и возметъ плоть въ ротъ и сосетъ кровь, тою же кровью и виномъ мажетъ у младенца уста.

Обѣдалъ на большомъ постояломъ дворѣ, десятникъ и послы; всѣхъ было тридцать два человѣка, а заплатили денегъ тридцать семь ефимковъ (триста семь ефимокъ).

Былъ у торговаго человѣка и видѣлъ хамиліона (хамелеонъ) живаго, которой отмѣняетъ свѣтъ (цвѣтъ), и на которой цвѣтъ взойдетъ тѣмъ цвѣтомъ и самъ кажется.

(Какъ) пришелъ десятникъ [1]) въ Амстердамъ, потѣха была на морѣ, наряжены два вицъ-адмирала съ фрегатами, съ яхтами воинскими; промежъ собою стрѣляли изъ пушекъ, какъ на (въ) бою; было судовъ и смотрѣльщиковъ до 1,000.

Изъ Амстердама ѣздили въ Роттердамъ, а ѣхали на Ленденъ (Leyden). Въ Ленденѣ (Leyden) были въ академіи и смотрѣли многихъ вещей; изъ Лендена (Leyden) въ Делфъ (Delft). Въ Делфѣ смотрѣли церкви большія, гдѣ погребаются арнятскіе князья [2]). Изъ Делфа въ Ростродамъ (Rotterdam), ѣздили, смотрѣли тутъ церкви большія. Видѣли славнаго человѣка ученаго [3]) персону изъ мѣди, вылита въ подобіе человѣка и книга

---

[1]) Такъ называли въ посольствѣ царя Петра Алексѣевича.

[2]) Принцы Оранскаго дома.

[3]) Памятникъ Эразму Роттердамскому, бронзовая статуя, въ ростъ, съ портретнымъ сходствомъ. И. Г.

мѣдная въ рукахъ, и какъ 12 часовъ ударитъ, то перекинетъ листъ: имя Еразмусъ.

На дворѣ былъ, гдѣ травили быковъ собаками, при мнѣ затравили трехъ, а два устояли; многихъ собакъ побили до смерти, иныхъ бока прокололи рогами. Которые быки устояли, на нихъ положены короны и фрукты изъ бумаги здѣланы, за то, что выдержали тріумфъ, и повели по городу; а передъ ними два человѣка шли и трубили.

(Въ Остродамѣ (Amsterdam) былъ, гдѣ собираются дважды въ недѣлю ученые люди и допытываются промежъ собой о разныхъ вещахъ богословскихъ и философскихъ).

Видѣлъ въ Остродамѣ (Amsterdam) рыбу, у которой пила на носу, величиною съ небольшую бѣлугу; видѣлъ рыбку, которая корабль останавливаетъ, маленькая, прилипаютъ ко дну множество, оттого останавливается. Рыбу видѣлъ живую предивную, называютъ морскимъ теленкомъ, гораздо томна (темна) да коротка, губы превеликія висятъ.

Въ Остродамѣ (Amsterdam) ужиналъ въ такомъ домѣ, гдѣ стояли нагія дѣвки; кушанья на столъ и пить подносили всѣ нагія; а было ихъ пять дѣвокъ, только на головѣ убрано, а на тѣлѣ никакой нитки; ноги перевязаны лентами, (а) руки флерами.

Изъ Стродама (Amsterdam) поѣхали въ Италію апрѣля 1-го числа [1]), ѣхали на почтовыхъ; первой городъ Муенъ (Muiden); изъ Муена въ Ардемъ (Naardem). Въ Ардемѣ (Naardem [2]) смотрѣли фортификацію; на дорогѣ дворы загороднаго князя арайскаго, сады, фонтаны предивные.

Изъ Ливена (Nimvegem) въ Кранебургъ (Crodsenburg), тутъ смотрѣли курфирста бранденбургскаго сады, по одну сторону двора его рѣка Ваалъ, за рѣкою сады съ прекшпехтами, фонтаны, зъ горы ходы здѣланы чрезъ рѣку въ садъ; по другую сторону гора превеликая; кругомъ рощи съ просѣками. Двѣнадцать

[1]) 1698 года.

[2]) По другому списку это мѣсто читается такъ: «въ Арна-фортѣ (т. е. у крѣпости Нараземъ), на дорогѣ (т. е. на пути своемъ) смотрѣли двора загороднаго князя Оранятскаго, сады и фонтаны предивные. Ночевали въ Кирменѣ (Arnhem) на рѣкѣ. Изъ Кирмена (Arnhem) въ Книжетнъ (Nymwegen) на рѣкѣ же. Изъ Книжетна (Nymwegen) ѣздили въ Кроцбурхъ (Crodsenburg), а оттолѣ въ Силемъ (Cleve). Тутъ смотрѣли курфирста бранденбургскаго дворовъ.

И. Г.

дорогъ, а со всякой дороги на одну ведутъ; напущено звѣрей, оленей, лосей, вдругъ увидишь ста три въ горахъ; фонтаны въ рощѣ; четыре часа ходу.

Изъ Плеиша (Cleve) въ Санктемъ (Xanten), (гдѣ) смотрѣли церкви католицкія. Въ одной, кругомъ ея, высѣчены страсти Спасителевы изъ алебастру, на одной сторонѣ распятіе, на другой, когда молился Сынъ Божій «да мимо идетъ чаша сія» и протчая, все въ ней въ церквѣ вынесены (высѣчено).

Изъ Сазштема (Xanten) въ Нейбѣрскъ (Reinberg), изъ онаго въ Рендифгьенъ (по Рену рѣкѣ внизъ) — въ Кузлюкъ (Düsseldorf). Въ Кузлюкѣ (Düsseldorf) смотрѣли церковь католицкую,— мѣрою та церковь 120 ступеней.

Былъ у іезувитовъ въ монастырѣ. Въ церкви предивное украшеніе; святыя иконы изрядныя, паникадило одно серебряное великое, чеканной работы, притчи евангельскія: пять (дѣвъ) мудрыхъ съ неугасимыми лампадами, пять юродивыхъ съ лампадами безъ огня. У нихъ (же) былъ въ библіотекѣ, превеликое собраніе разныхъ книгъ, хорошее тщаніе и попеченіе.

Были въ монастырѣ у капуцынъ, ходятъ на колодкахъ босыми ногами [1]), головы обриты—кругомъ оставлено на палецъ; платье черное, подпоясаны веревкою; разныхъ законовъ зело много, въ Куленѣ (Koelln) будетъ двадцать [2]).

Былъ въ монастырѣ, гдѣ 1,100 дѣвицъ пострадали. Тутъ же видѣлъ камень Спасителева гроба, кувшинъ, въ которомъ Христосъ претворилъ въ Канѣ Галилейской воду въ вино, мѣрою полведра; Богоматери, камень бѣлый, — фигура. Тутъ видѣлъ жезлъ апостола Петра, на концѣ кость точеная.

Оттоль поѣхали водою, рѣкою вверхъ, лошадьми; первой городъ Кулень (Kölln) [3]). Въ томъ городѣ Куленѣ, на ярманкѣ, видѣлъ младенца о дву головахъ, говорили съ матерью, со становкою одна другой [4]). Тутъ же видѣлъ танцовали на веревкахъ металщики предивно; тутъ же видѣлъ теленка о двухъ головахъ. Въ Куленѣ же видѣлъ въ аптекѣ коркодила (крокодила) двухъ сажень.

---

[1]) Въ сандаліяхъ,—капуцины древнихъ правилъ.

[2]) Т. е. церквей разныхъ исповѣданій.

[3]) Въ другомъ спискѣ читается «первый городъ Боня».

[4]) Т. е. обѣ головы, будто, розно говорили. И. Г.

Изъ Кулена (Kölln) поѣхали рѣкою вверхъ, лошадьми до города Бонъ (Bonn)—другой Айдеонихъ (Andernach) и въ Комблейдъ (Koblenz), въ Нассѣ [1]) (Nassau). На другой сторонѣ Еренбрестенъ (Ehrenbreitstein), сей городъ славной цесарской городъ, построенъ на горахъ каменныхъ, высоко на рѣкѣ Питжѣ (Рейнѣ), гдѣ впала рѣка Мазель (Mosel); по рѣкѣ Рейнѣ горы каменныя высовія, на оныхъ все виноградъ.

Изъ Еренбрестена (Ehrenbreitstein) въ Бахаромъ (Bacharach), въ Ренфельсикъ (Bingenbrücke); у сего города горятъ у воротъ свѣчи; тутъ же ошейникъ мѣдной, кто впервые придетъ [2]), повиненъ положитъ тотъ ошейникъ на шею и стоитъ малое время, потомъ купаютъ. А кто не хочетъ купаться—дастъ деньги, сколько можетъ, на ренское,—и кампанія съ кѣмъ ѣдетъ имя свое напишетъ въ книгу, что тутъ были.

Изъ Сикта (Бинга-Bingen) въ Аменскъ (Mainz). Изъ сего города ѣздилъ смотрѣть, гдѣ натуральные колодези горячіе, въ одномъ вода безъ мѣры горяча, не можно рукѣ терпѣть; въ другомъ не такъ горяча. Тутъ построенъ домъ (великій и палаты изрядныя. Сдѣлано) мѣсто, гдѣ ходятъ въ воду, сколько кто хочетъ уступитъ въ воду и купаются. (Палата каменная сажень пяти, сводъ изъ досокъ сдѣланъ, написанъ планецъ. И сдѣланы въ сводѣ) двѣ трубы для того, что паръ непрестанно идетъ отъ воды, а на серединѣ сдѣлано мѣсто, выкладено камнемъ краснымъ, глубиною по шею человѣка; около перила, маленькіе чердачки и ступени въ воду, сколько хочешь уступишь. А сидѣть есть лавки, захочешь отворить двери другія въ водѣ и плавать можно вдоль сажени три, а поперегъ полторы; вода непрестанно течетъ приведенною трубою, другою вонъ идетъ; а вода (въ колодезяхъ) солона.

Изъ Мели (Mainz) поѣхали водою, рѣкою вверхъ, на большомъ суднѣ, лошадей въ лямкѣ десять, было людей въ суднѣ 160 человѣкъ; пріѣхали въ Франкфортъ (Frankfurth) въ самую ярманку, апрѣля 10-го числа. Въ Франкфортѣ (Frankfurth) видѣлъ товаровъ столько, что въ Амстердамѣ столько не видалъ, а больше всего серебра и алмазныхъ запонокъ и крестовъ, и

[1]) Въ нассаускомъ владѣніи.

[2]) Т. е. проѣзжающій здѣсь въ первый разъ. И. Г.

перстней, все алмазные; у жида цѣлая лавка навѣшено онымъ товаромъ.

Видѣлъ въ жидовскомъ платьѣ жидовку, здѣлано брыжи (на шеѣ собрано изъ полотна) [1]); на головѣ, какъ рога, изъ полотна; на плечахъ епанча бархатная съ кружевомъ, черная.

Изъ Франкфорта поѣхали каретою въ городъ Зеленгъ (Seeligenstadt), отсель до Аллирха (Altkirch); дали 8 ефимковъ на человѣка, было четверо насъ въ (до) Клембахъ (Klein-Heibach). (Проѣхали) статъ Клейборхъ (Klein-Heibach).

Клейборхъ (Kleveberg) построенъ въ (на) одну улицу, съ одной стороны рѣка Мель (Main), по другую сторону горы каменныя; проѣхали Чулцымъ (Kühlsheim), Бишовскъ (Bischoffsheim), Ладва (Lauda), Мергематемъ (Mergentheim), Денерсъ (Donauwerth), Спилгамбургъ (Spillemburg). Оной городъ построенъ на горѣ каменной, крутой, высоко, что не можно взойти кромѣ тѣхъ мѣстъ (гдѣ) подѣланы лѣстницы.

Городъ Воспургъ (Augsburg) хорошъ, подъ нимъ рѣка Донъ (Donau). Въ Оспургѣ (Augsburg) смотрѣли статусъ (Rathhaus) хорошей работы, (въ середкахъ) лучше Астердамскаго (дому:) [2]) изрядныя письма, рѣзьба предивная, вызолочена вся. (А мѣрою) палата лутчая, 25 ступеней, ширина 14 ступеней. Въ сѣняхъ подпоры столбы мраморные, вышина двѣ сажени (одного камени) [3]); подъ исподомъ плиты все изъ фонтановъ; а въ городѣ улицы вымощены (всѣ) камнемъ, по всякой улицѣ текутъ воды живые, а всѣ изъ фонтановъ.

Дѣвки носятъ глабы (косы) на головахъ, превеликія иныхъ волосовъ [4]), а печальныя платья у нихъ особыя, другія шелковыя; косы вмѣстѣ, на головахъ великіе щиты изъ полотна, на шеѣ

---

[1]) Vallon, сплоенныя вѣеромъ складки, трубочками, расходясь шире съ наружной стороны и образуя вокругъ шеи родъ фрэзы (fraise), которыя носились дамами изъ тюля въ сороковыхъ годахъ. Только въ наше время оборки тюлевыя были не шире обыкновенной уборки чепчиковъ и канзу, а въ XVI вѣкѣ валлоны доходили до 9-ти вершковъ отъ шеи.

[2]) Амстердамской ратуши. Убранство внутреннее ратуши Аугсбургской, гдѣ живопись, рѣзьба (скульптура), а главное позолота,—понравились больше автору дневника.

[3]) Т. е. цѣльныя колонны, а не составныя.

[4]) Т. е. накладныя. И. Г.

брыле [1]), платье долгое, собрано какъ саванъ. Жены ихъ носятъ шапки великія, подобно гарлатнымъ, только больше.

Тутъ же въ городѣ былъ въ церкви католицкой, очень велика; одинъ престолъ здѣланъ великимъ богатствомъ—гора здѣлана изъ мрамора, вверху горы ангелъ стоитъ, держитъ сосудъ въ рукахъ. Ниже стоитъ Іисусъ Сынъ Божій на колѣнехъ и проситъ дабы аще возможно, сія чаша мимо идетъ; апостолы стоятъ по горѣ розно.

Былъ въ (изрядной) аптекѣ, видѣлъ натуральныхъ вещей: руды золотыя и серебряныя, и какъ родятся разныя каменья и (древеса) и драгія (многія) благоуханія (и которыя подлежатъ въ лекарства). Украшена аптека вся головами турецкими, какъ война была подъ Вѣною; на многихъ головахъ ранъ по двадцати, на иныхъ и больше, рублены палашами; много пріѣзжаютъ смотрѣть того украшенія.

Изъ Аспурха (Augsburg) поѣхали каретою, наняли извощика до Венеціи, обѣдали и ужинали, ренское по крушкѣ, отъ человѣка по 12-ти золотыхъ [2]).

На дорогѣ города Ляспургъ (Landsberg), на другой день Вейлалишанфогъ (Weilheim, [3]); Испурегъ (Innspruck) промежъ страшными высокими горами. Въ Виниширхъ (Innspruck) пріѣхали въ великую пятницу. Тутъ былъ у іезуитовъ въ монастырѣ; монастырь огромной, библіотека пять сажень вдоль, все столы (стѣны) сплошь наполнены книгами разными; шкапы безъ дверей, ярлыки висятъ (надъ всякимъ шкапомъ), подписаны какія въ коемъ книги, по середкѣ столъ, три глобуса, инструменты лежатъ (все) изрядно (зело убрано).

Въ церкви смотрѣлъ цецарскихъ мужскихъ и женскихъ персонъ литыя изъ мѣди, всѣ которыя погребены въ той церкви; и мѣрою противъ человѣка; хорошаго мастерства; поставлены въ церкви, по обѣ стороны 28 статуевъ. Тутъ-же видѣлъ статусъ (Rathhaus) славной работы, подъ крышею, крыта золотыми досками [4]), мѣрою кровля въ длину полчетверта ($3^1/_2$), а вверхъ

---

[1]) Валоны.

[2]) За весь проѣздъ до Венеціи, со всѣмъ содержаніемъ на счетъ погонщика.

[3]) Вейлиам-гофъ

[4]) Эта ратуша въ Инспрукѣ отъ позолоты и называлась изстари «Das goldene Dachel». И. Г.

полторы сажени, поперегъ полсажени, придѣланъ къ стѣнѣ алтанецъ (Althanens) стермцингель (Sturmcingel) брексень (Brixen) боттенецъ (Bautenes) [1]).

Былъ въ церкви у доминкановъ, изрядное строеніе, на крыльцѣ церковномъ высѣчено два льва каменные, изъ мрамора, дивной работы.

Городъ Трентъ (Trient), изъ онаго ѣхали на гору каменную 8 часовъ, такая что невозможно было смотрѣть внизъ, а дорога такая узкая, во многихъ мѣстахъ было отъ колеса меньше полуаршина. И видима было и съ той и съ другой стороны такая пропасть, что неподобно сказать. А на верху на тѣхъ горахъ великой снѣгъ въ самое лѣто не сходитъ, а внизу, промежъ тѣми горами, рѣка страшная, быстрая [2]); изъ сторонъ тѣхъ горъ текутъ источники, подобно какъ великія двери отворены; на тѣхъ источникахъ поставлены многія мельницы и пиларни. Горы тѣ каменныя, во многихъ мѣстахъ ѣхали подъ камнемъ, виситъ надъ горою сажень 50 и часто обрываются каменья и побиваютъ много людей. Самая нужная тутъ ѣзда, страхъ великій отъ камени! передъ нами упалъ камень, за день, надъ самою дорогою, просѣкали подъ него яму, пилили и порохомъ насыпали чтобъ разорвало, и мы ѣхали, карету свою на рукахъ съ великою нуждою передвинули то мѣсто, потому что рабочіе не успѣли рваного камня очищать. А называютъ тѣ горы теролинскія (Tyrolinische). А ѣхали тѣми горами 10 дней, до Борги Фріуланской (Borgo-Friulam Roveredo); тутъ многія горы такія высокія, что облака ниже ихъ ходятъ.

Въ Венеціи былъ въ церкви, которая вся изъ мрамора бѣлаго; образъ Пресвятыя Богородицы высѣченъ изъ бѣлаго мрамора держитъ младенца, предивной работы; надъ нею здѣлано солнце и пламени изъ стекла, подобно какъ солнце сіяетъ. Тутъ же былъ въ монастырѣ, слышалъ музыки; такой музыки николи не слыхалъ во всей Европѣ; пѣли дѣвки на хорахъ и на всѣхъ инструментахъ играли въ церкви католицкой.

---

[1]) Какъ поясъ изъ башенъ—построено все изъ брекчіи, выраженіе нѣмецкое вожака по городу въ Инспрукѣ, указывавшаго на достопримѣчательности города съ рѣки. Въ другомъ спискѣ «Олтацъ, Стерцъ, Игенъ, Бризенъ, Босценъ» (см. Москов. Вѣстн. 1830, кн. 6, стр. 103).

[2]) Эчь. И. Г.

Тутъ же видѣлъ процессія была: князь венецейской ѣздилъ на море [1]), судно великое [2]), рѣзное, вызолочено все, покрыто бархатомъ краснымъ, вышиты гербы венецейскіе золотомъ, князь сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, чиновники по обѣ стороны. Патріархъ въ особомъ суднѣ пріѣхалъ къ его судну, святилъ воду и ту воду влилъ въ море и музыка пѣла предивная. Потомъ князь перстень алмазной взялъ, бросилъ въ море, сошелъ изъ судна, пошелъ въ церковь, чиномъ, послы и прочія (по правую сторону пошелъ посолъ, по лѣвую французской, шли на переди въ рядъ, и дальше, тоже) по два. Мая 1-го числа, по ихъ обыкновенію, (бываетъ это) каждой годъ, и носятъ машкары лутчіе люди, жены и дѣвицы всѣ; чтобъ невозможно другъ друга знать.

Тутъ видѣлъ птицу строфокамила съ небольшую лошадь.

Въ Венеціи (же) былъ въ монастырѣ у святаго Георгія, церковь великая, внутри все изъ мрамора бѣлаго, полъ мраморной разнаго цвѣта, лампады превеликія серебряныя, 10 лампадъ. Былъ въ библіотекѣ, украшеніе и собраніе книгъ, глобусы въ косую сажень, очень убрано хорошо. Въ томъ же монастырѣ былъ въ садахъ, въ коемъ кипарисныя деревья, винныхъ ягодъ и прочихъ много.

Въ Венеціи церковь соборная святаго евангелиста Марка (зело изрядна). Надъ дверьми рѣзьба изъ мрамора бѣлаго, надъ рѣзьбою четыре лошади мѣдныя, безъ уздъ, вызолочены, а поставлены на знакъ венецейской вольности. Предъ тою церковью площадь, 125 ступеней, поперегъ 42; кругомъ домы прокураторскіе великіе, стоятъ три столба высокіе деревянные, утверждены въ мѣди чеканной работы, значатъ провинціи венецейскія. На другой (площади) [3]) два столба каменные, изъ одного камня, 8 сажень; на одномъ гербъ или левъ съ крыльемъ, во образъ евангелиста Марка, на другомъ образъ св. Ѳеодора, змія закололъ.

Въ Венеціи въ соборной церкви на престолѣ образъ пресвятыя Богородицы съ превѣчнымъ младенцемъ, что писалъ Лука евангелистъ, мѣрою четверти въ три, мастерства средняго. (Еще процесія была мая въ 9 день). Патріархъ служивъ обѣдню, сѣлъ

---

[1]) Обрядъ такъ называемаго обрученія Венеціи съ моремъ, ежегодно отправляемый дожемъ, до уничтоженія республики.

[2]) Галера Буцентаврь, такъ названа по украшенію кормы.

[3]) Piazetta. И. Г.

на своемъ мѣстѣ; князь венецейской сидѣлъ же со всѣмъ сиклитомъ, потомъ началась процессія; всѣ соборомъ пошли сквозь тую церковь. И шли по 6 (человѣкъ) скреницами. И какъ прошли соборомъ, всталъ патріархъ, поднялъ сокраментъ и пошелъ въ ходъ; его вели владыки, за ними князь, посолы и посланники, сенаторы, господа и (съ ними изъ) убогихъ домовъ. А дорога гдѣ шли, холстами покрыта и воцаныя свѣчи горѣли, по сторонамъ, вездѣ.

Были въ церкви св. Марка: тутъ (млеко) пресвятыя Богородицы въ скляницѣ и власы Богородицы русы; гвоздь которымъ прибито тѣло Спасителя и Бога нашего; терноваго вѣнца часть; часть столба у котораго Творца нашего бичевали; ризы пресвятыя Богородицы; евангеліе писано евангелистомъ Маркомъ; камень тотъ изъ котораго въ пустыни Моисей воду источилъ.

Изъ Венеціи ѣздилъ въ Муранъ (Muran) моремъ съ версту, гдѣ стекла зеркальныя дѣлаютъ, посуды всякія; камень толкутъ и топятъ.

Въ Венеціи сенаторы и жены ихъ ѣздятъ въ гундалахъ (gondolla), покрыты сукномъ чернымъ, стекла хрустальныя въ окончинахъ, то есть на лодкахъ; а гребутъ, стоя нарядны гребцы въ бархатныхъ кафтанахъ; а у пословъ и посланниковъ разныхъ государствъ гундалы рѣзныя, вызолоченныя на красно-бархатомъ, а гребцы въ золотыхъ кафтанахъ.

Въ Венеціи публичныхъ блядокъ съ 80,000 (sic) есть.

На площади (же, видѣлъ я какъ хитро) мужикъ дѣлалъ: два гвоздя желѣзные въ носъ забилъ и на тѣхъ гвоздяхъ на веревкѣ малаго поднималъ, лѣтъ 18-ти. Онъ же камень ѣлъ и воды выпилъ ушатъ большой. Еще привязавъ къ волосамъ каменья, пудъ по 6-ти носилъ. (И смотрѣлъ я въ Венеціи, какъ) играютъ сенаторы мячемъ кожанымъ: надутъ духомъ (гораздо бьютъ руками; а на рукахъ у ихъ, кто играетъ, въ то время) инструментъ точеной, деревянной, будто лукошка.

Во всей Италіи славные пѣвцы: 1-й кастратъ Мачуль, неаполитанъ, 2-я дѣвка Маргарита, 3, кастратъ Картуса, 4-й кастратъ Пикуданина, (гати), 5 дѣвка же Сицилія, 6-я, Катина дѣвка. На короновалъ, одному кастрату даютъ найму по 1000 червонныхъ и больше.

(Въ Венеціи же) былъ я на дворѣ, гдѣ сахаръ варятъ, заводы великіе.

Оперы зачали (зачинаютъ) играть сентября 26-го числа, каждому, а кто похощетъ, вольно носить въ тѣ дни по вечерамъ машкары.

Былъ въ греческой церкви, во имя св. мученика Георгія; украшена изрядно; паникадило серебрянное; начальникъ владыка (зело) ученой (человѣкъ) грецкой націи; (прихожане греки, которые здѣсь живутъ); священниковъ 2, діакановъ 4. Бываютъ солдаты на корабляхъ и на каторгахъ, тѣ въ городѣ не живутъ, а здѣланъ домъ на острову, каменная ограда великая, и какъ корабль или каторга придетъ, тотчасъ всѣхъ заберутъ на тотъ дворъ и запрутъ, и караулъ крѣпкой; а когда нужно на корабль, берутъ на службу; (а больше того свѣта не знаютъ, какъ на службѣ живутъ и много бываетъ, что) предаются туркамъ отъ безмѣрнаго мученія.

Изъ Венеціи, поѣхали въ Римъ маия 20-го числа, ночевали въ Кезѣ (Chioggia); изъ Кезы (Chioggia) поѣхали рѣкою Лудицы (l'Adige—Эчь) въ верхъ, обѣдали въ Лореи (l'Arco); 21-го ночевали въ мѣстечкѣ Положила (Potesella) (гдѣ По) рѣка; по одну сторону земля папина, по другую венецейская.

Ночевали въ городѣ Феризе (Ferrara); папской начальникъ кардиналъ; деньги венецейскія перемѣнили; 25-го ночевали въ Австеріи, отъ Болони (Bologna) 10 верстъ. Видѣли на поляхъ множество мухъ, какъ свѣчи горятъ.

24-го до Болони рѣкою прокопною на гору вода была выше 3 саженъ (вверхъ) заперта слюзами; тутъ садъ подстриженной.

25-го въ Болоню пріѣхали, были у торговаго человѣка, въ домѣ восемь палатъ (на верху убрано зело изрядно, а лучше убранья письмо—предивное) [1]); въ одной (палатѣ) пять столовъ, доски каменныя, ноги (деревянныя) вырѣзаны и вызолочены какъ жаръ.

У него два погреба съ питьями флоренскими. (А какъ были мы въ Болони, тамъ былъ) праздникъ и ходъ со кресты; церкви были убиты камками и розвивани флерами и лентами, улицы покрыты холстами (зело изрядно), а стѣны обиты камками; по стѣнамъ письма предивныя; изо всякаго дома вывѣшана матерія

[1]) Живопись. И. Г.

и шпалеры серебряныя, сосуды съ цвѣтами на окошкахъ; тутъ же два столба [1]) или башни каменныя высокія; дѣлали для славы, которой выше мастеръ сдѣлаетъ,—одинъ кривой [2]).

Былъ у іезуитовъ въ монастырѣ, видѣлъ библіотеку, внутри вызолоченная. Тутъ же былъ у кардиналова племянника; въ домѣ великій садъ, палатъ съ 30. (Въ большой палатѣ, изрядное паникадило, деревянное, а) на всякой промени [3]), виситъ шандалъ тройной.

Тутъ же видѣлъ палату (круглую) о двухъ потолокахъ, другой вырѣзанъ [4]), верху оболоко, въ оболокахъ голубь держитъ вѣнокъ, кругомъ ангелы изъ оболока.

Поѣхали верхами чрезъ горы, ночевали въ Суянѣ (Siena).

27-го пріѣхали во Флоренцію ночевать, городъ великъ, по улицамъ нечисто, домы изряднаго строенія, окончины бумажные, рѣдко—стеклянные.

Въ церкви былъ у св. Іоанна (строенье изрядное, въ одномъ придѣлѣ неугасимыхъ свѣчъ 60 съ лампадами, подсвѣчниковъ 50 серебряныхъ, ангелы по стѣнамъ серебряные со свѣчами, потолокъ рѣзной вызолоченъ. Тутъ же (церковь) пресвятыя Богородицы, превеликая (Sancta Maria Novella), вся изъ мрамора.

Тутъ же видѣлъ церковь, которую строятъ 96 лѣтъ, а еще недостроена половина, вся внутри изъ разныхъ мраморовъ и яшми, все камень въ камень врѣзаны, такая работа, что невозможно вѣрить: одну литеру вырѣзываютъ по три недѣли, а стала до сего времени въ 22 милліона шкутовъ (scudi) или ефимковъ.

Тутъ же былъ у сенатора въ домѣ, великъ, пять палатъ убраны письмомъ предивнымъ, 15 палатъ убиты камками красными, 15 палатъ цвѣтными камками, 2 шпалерами, 5 бархатами разными, 2 мраморныя, (лучшая) рѣзная вызолочена, зеркала дивныя по полторы (полтрети) сажени ($2^1/_2$), нихъ пописано искуснымъ мастерствомъ; у него же (библіотека) два глобуса прорѣзные, превеликія сама вырѣзана и вызолочена [5]).

---

[1]) Башни у собора.

[2]) Болонская наклонная башня, что приписывается Фіаровенти, зодчему, бывшему на службѣ у Ивана III, въ Москвѣ.

[3]) Въ отдѣлѣ плафона.

[4]) Въ видѣ купола.

[5]) Зало библіотеки. И. Г.

(Тутъ же былъ на дворѣ, гдѣ лошадей учатъ; былъ на дворѣ гдѣ всякіе звѣри, львы, барсы).

Былъ у флоренскаго князя, на дворѣ, [1]), гдѣ собраны всякія вещи, называется галлерея; первую штуку видѣлъ престолъ, сдѣланъ изъ мрамора разнаго цвѣту, въ ту церковь которую 96 лѣтъ строятъ; палата съ письмами предивными, другая спорцеліоны [2]), палата съ инструментами математическими, два глобуса велики, палата съ письмами, тутъ столъ круглой [3]), которой дѣлали 15 человѣкъ 30 лѣтъ, нѣсколько тысячъ стоитъ золотыхъ. Шкатулка золотомъ оправлена каменьями, изумрудомъ, яхонтами; два стола яшмовые, на нихъ стоятъ сосуды костяные, дивной работы. Въ той же палатѣ поставецъ съ хрустальными сосудами и съ яшмовыми каменьями, золотомъ оправлены. Тутъ же въ палатѣ изумрудъ съ землею, какъ родятся отъ натуры; тутъ же изумрудъ [4]) съ кулакъ, здѣлана персона царя; палатъ ружейныхъ довольно. Алмазъ славной во всемъ свѣтѣ, оправленъ желѣзомъ, 148 кратъ; у престола доска золотая съ каменьями, вельми богата, для новой церкви, что 96 лѣтъ строится; поставецъ великой, въ немъ сосуды золотые.

У князя флоренскаго были, на дворѣ лежитъ камень магнитъ сажень двухъ кругомъ, вверхъ по поясъ человѣку. Были въ саду, дивныи по дорожкамъ сажены кипарисы, фонтаны, чаша изъ одного камня 15 сажень кругомъ; были гдѣ птицы разныя, 5 строфокамиловъ. Тутъ же видѣли лошадь, которая имѣла гриву 11 сажень длины, мѣрялъ самъ.

Былъ въ Назаретѣ (Loretto), тутъ церковь пресвятыя Богородицы, въ той церкви домъ Богородицы, гдѣ благовѣстилъ архангелъ Гавріилъ пресвятой дѣвѣ о воплощеніи сына Божія; тотъ домъ принесенъ изъ Назарета и поставленъ въ церкви, и сосуды тѣ изъ которыхъ питала сына своего пресвятая богородица.

Изъ Флоренціи пріѣхали въ Римъ 29-го; ночевали въ Товарнели (Tovarnelle) 30-го числа, обѣдали въ городѣ Сене (Sienna) того же числа, пріѣхали въ Римъ іюня 3-го числа.

---

[1]) Palazzo Pitti.

[2]) Съ фарфоромъ.

[3]) Мозаичный (en camaieu), изъ вырѣзнаго цвѣтнаго камня.

[4]) Въ другомъ спискѣ: «бирюза». И. Г.

Того-жъ 3-го числа былъ въ церкви св. апостоловъ; при насъ былъ папа, при немъ три кардинала, передъ ними шляхты (ѣхали на лошадяхъ) въ латахъ. Папу несли пять человѣкъ, въ бархатныхъ кафтанахъ, носилки какъ возокъ зимній, съ бархатомъ; два верховыхъ; передъ нимъ несли крестъ; кругомъ солдаты въ бархатныхъ кафтанахъ съ алебардами. Каретъ было за нимъ пятьдесятъ.

Того жъ дни были въ церкви Петра и Павла, церковь въ длину 160 шаговъ, поперегъ 100, обита камками красными, по швамъ кружева золотыя.

Тутъ мощи Петра и Павла лежатъ посреди церкви, ниже полу здѣланъ кіотъ; 2 лѣстницы, кругомъ горятъ непрестанно 115 лампадъ, тѣла ихъ подъ спудомъ. Въ той же церкви папы кладутся. Тѣла ихъ въ мраморныхъ гробахъ; надъ гробами персоны вылиты изъ мѣди, иныя изъ мраморовъ высѣчены и поставлены надъ гробами ихъ. Въ той же церкви былъ и смотрѣлъ, гдѣ лежатъ мощи святыхъ апостоловъ; подъ церковью всею водили.

Въ церкви былъ Сколизонта (Scala-santa): лѣстница каменная мраморная, по которой Іисусъ веденъ былъ на судъ предъ Пилатомъ; гдѣ пытанъ [1]), въ тѣхъ мѣстахъ кресты насѣчены, а ходятъ по ней на колѣняхъ и на всякой ступени говорятъ молитву.

Въ папскихъ покояхъ былъ [2]), обиты камками красными и бархатами, счетомъ тѣхъ палатъ 11,225, всѣ убраны. Каждый папа въ память свою, здѣсь, что могъ, дѣлалъ, Садъ огромной, переходы, вызолочены фонтаны, гора выкладена каменная, на верху птица неясить [3]); изо лба ея течетъ вода (великая, а подъ горою прудъ изъ фонтановъ. На водѣ корабль; вмѣсто парусовъ) изъ деревьевъ текутъ воды, 24 пушки (и изъ пушекъ все) вода стрѣляетъ. (На концѣ тѣхъ переходовъ фонтаны, на верху. Здѣсь же) три палаты на 6,000 человѣкъ, готовыхъ латъ. Библіотека превеликая, палаты по 12-ти и по 15-ти сажень наполнены книгами (всѣ).

У кардинала были въ домѣ. Такого богатства нигдѣ не ви-

---

[1]) Христосъ.

[2]) Въ Ватиканѣ.

[3]) Пеликанъ—баба-птица, эмблема чадолюбія. И. Г.

далъ, палатъ спальныхъ 100, всѣ золотыя сплошь. Посреди (двухъ) палатъ фонтаны серебряные, (изъ нихъ воды текутъ. Во всѣхъ палатахъ), креслы бархаты (обиты съ золотыми кружевами).

Въ церкви былъ Пресвятыя Богородицы и видѣлъ колыбель Спасителя нашего, древянная, пробои желѣзные; образъ Пресвятыя Богородицы, что евангелистъ Лука писалъ; млеко Пресвятыя Богородицы; риза Спасителева, которая была во время распятія, красная; рубашка та, которая сама Пресвятая Богородица ткала, а не шила, для Спасителя нашего. Нигдѣ шитаго не было; животворящее древо, мѣрою въ четверть аршина. Въ церкви Іоанна Предтечи (S. Giovanni Laterano) видѣлъ столъ, на которомъ сотворилъ Христосъ со ученики тайную вечерю; доска будетъ близко сажени и покрыта была серебромъ, а нынѣ серебра нѣту, только знать тѣ гвозди, чѣмъ серебро было прибито. Ковчегъ Завѣта Господня; столъ каменный, у котораго Спасителя бичевали; жезлъ Ааронов; жезлъ Моисеевъ, оба пестрые.

Тюрьму видѣлъ, въ которой сидѣлъ апостолъ Петръ: земляная, окошко вверху и желѣза, которыми онъ былъ скованъ.

У іезувитовъ былъ въ монастырѣ. (Церковь строенія изрядноа; в) письмо изрядное видѣлъ будто окошка [1]), въ семъ монастырѣ учениковъ 2,000. (Дворъ) видѣлъ Нерона царя и мучителя, гдѣ мучилъ разнымъ мученіемъ святыхъ и звѣрьми травилъ.

Въ монастырѣ былъ у францискановъ и видѣлъ въ саду финиковое дерево; клещи тѣ видѣлъ, которыми рвали тѣло святыхъ мучениковъ. Въ церкви Петра и Павла видѣлъ копье, которымъ прободено отъ воина на крестѣ живоносное ребро Спасителя Христа нашего. Образъ нерукотворенный Спасителевъ, что убрусъ принесла Вероника и утерла лице Спасителя и вообразилася персона божественная, мѣрою будетъ больше четверти немного. Въ той церкви былъ, которая прежде была всѣхъ болвановъ, а нынѣ всѣхъ святыхъ (Pantheon), зело велика, круглая. Въ монастырѣ былъ, гдѣ лежатъ мощи Алексія Божія человѣка и крыльцо то, подъ которымъ жилъ, видѣлъ все.

У гишпанскаго посла былъ, на дворѣ видѣлъ 4 кареты, цѣна имъ 45,000 червонныхъ. У принца былъ на дворѣ уколъ-умея [2])

[1]) Живопись на стеклѣ. —

[2]) Колюкали—въ другомъ спискѣ.

И. Г.

(Palazzo Colonna); въ палатахъ евангелія шитая по бархату малиновому, шита золотомъ.

Отъ папы пріѣзжалъ бояринъ его Убанратъ [2]) и сказалъ, что присланъ отъ папы. Куда вамъ надлежитъ ѣхать и смотрѣть что надобно, возилъ и смотрѣлъ всякія вещи.

У князя Бургезія (Borghese) были въ саду, которой пять верстъ. Палаты убраны и персоны цецарскія и многихъ славныхъ владѣтелей и мучителей, изъ мраморовъ; палаты убраны богатствомъ, столы, шкафы, чаши мраморныя, палата покрыта желѣзною сѣтью; въ ней разнаго рода птицы водятся тутъ; въ саду прудъ; напущено въ садъ звѣрей разныхъ, и, водятся. Двѣ рощи, гдѣ зайцевъ множество водится. (Посединѣ тѣхъ палатъ фонтаны для птицъ. Въ томъ же саду пруды превеликіе; разныхъ оленей, козъ и иныхъ разныхъ напущено. На годъ убиваютъ по 100 и больше молодыхъ, для того что много родятся. Въ томъ же саду, гдѣ зайцы водятся, птицъ разныхъ множество, павлиновъ бѣлыхъ, строфокамиловъ и иныхъ дивныхъ. У нево же былъ въ деревнѣ, отъ Рима верстъ 12 называется Фрешкаты (Frascati). Палаты превеликіе. У разныхъ его палатъ съ письмами 55, а вверху будетъ 130. Сады превеликіе, верстъ по 6-ти кругомъ. Фонтаны есть, что стрѣляютъ гласно, какъ изъ пушекъ. Въ той деревнѣ (Frascati) три дома его дорогіе, а въ садахъ деревья обрѣзаны по веревкѣ).

Въ тѣхъ же фрешкатахъ (Frascati) были у князя Панфилія (Phamphili) (и обѣдали у ево). Великой домъ и садъ; (съ пріѣзда въ палатамъ крыльца на обѣ стороны, шириною сажень по пяти. На крыльцахъ по 12-ти фонтановъ. Посреди тѣхъ сѣней фонтаны великіе. Другой входъ къ палатамъ его и перила стоятъ. Всѣ деревья только противъ заднихъ дверей палатъ; въ горахъ подѣланы стѣны каменныя, а въ стѣнахъ фонтаны же. А посреди—Атласы на главѣ держутъ) глобусъ, изъ подъ него вода течетъ, а изъ глобуса вышла великая звѣзда и вода бьетъ выше звѣзды. И лѣстницы каменныя, по нимъ вода течетъ великая. Выше лѣстницы два столба величиной сажени 1½ и бьетъ изъ нихъ вода; на низу по сторонѣ, Атласъ и мужикъ великій лежитъ, каменный, въ горѣ и въ рукахъ держитъ восемь флейтъ.

---

[1]) Убаль-рокъ (Ubaldo Rocco) въ другомъ спискѣ. И. Г.

Какъ пустятъ воду, и онъ играетъ на флейтахъ отмѣнно хорошо. А другой фонтанъ: мужикъ на лошади въ рогъ трубитъ очень громко, водою жъ. Еще на горѣ девять дѣвокъ лежатъ, у каждой флейта въ рукахъ и органы великіе; какъ пустятъ воду дѣвки и органы играютъ очень пріятно, никогда не вышелъ бы.

Изъ Рима поѣхали въ Ливорну (Livorno) іюня 7-го числа (1698 г.), наняли двѣ коляски, дали 20 золотыхъ, по флоренской дорогѣ. Пріѣхали въ Ливорну 14-го, тутъ праздникъ былъ св. Іоанна, съ пушекъ стрѣляли, по улицамъ огни горѣли (и процессія была). Городъ (великъ), на берегу стоитъ у моря. У корабельной пристани здѣланъ столбъ каменной, на столбѣ князь флоренской, подъ столбомъ четыре человѣка турокъ вылиты изъ мѣди, руки назадъ завязаны, прикованы къ столбу на цѣпяхъ; у князя подъ ногами челма турецкая, лукъ, палашъ. А полону турецкаго въ городѣ съ 300 (3,000) человѣкъ, ходятъ днемъ по волѣ, а ночью въ тюрьмѣ держатъ; изъ нихъ торгуютъ многія.

Изъ Ливорна поѣхали моремъ на кораблѣ въ Женію (Genua) 17-го; ночь всю стояли на якорѣ, поутру пошли въ море, на морѣ были четыре дни; опасность великую имѣли отъ турокъ.

Въ Женую (Genua) пріѣхали 22-го числа. Городъ великъ, стоитъ на морѣ, портъ не великъ. Какъ мы были, кораблей было 20, а въ готовности стоятъ для турокъ 8 всегда, по 32 весла; на нихъ въ матрозахъ турки, арапы, плѣнные и тутошнія люди, за вину. Князь (въ Женуи) выбирается изъ сенаторовъ на два года; (городъ строенья изряднаго и гораздо люденъ). Сенаторовъ и женъ ихъ носятъ люди по два человѣка, а иные на муллахъ ѣздятъ, такожъ и возки есть.

Тутъ же былъ въ саду у князя при домѣ, что построенъ у моря; смотрѣлъ фонтаны; три лошади есть превеликія, на нихъ мужикъ стоитъ, у той что въ серединѣ лошади изъ языка, а у крайнихъ коней изъ ноздрей вода течетъ. Кругомъ тѣхъ лошадей ребята, изъ мрамора, сидятъ, воду пьютъ; пониже ихъ двѣнадцать орловъ каменные, въ ногахъ у нихъ птицы и животныя; изъ нихъ вода течетъ.

Изъ Женіи (Genua) поѣхали въ Миланъ (Milano) горою, наняли коляски по 65 червонныхъ на три дня.

Въ шпанскихъ городахъ [1]) не смотрѣлъ, не пропускаютъ; изъ сего (Novi) въ Тортонъ (Tortona), ночевали въ Валери (Voghera), обѣдали въ Павнѣ (Pavia), городъ гишпанской. Тутъ были въ монастырѣ [2]), соборъ-церковь Благовѣщенія хорошо, рѣшетки мѣдныя, Церковь весьма богата,—одному чернецу придетъ въ годъ доходу по 1000 рублей, библіотека изрядная строенье. Письмо предивное. Образъ Спасителевъ писанъ на мѣди; Рождество Спасителя писано на камени, мастерства дивнаго. Тутъ же образа шитые, работы дивной, въ великую диковинку образъ Сававоа и Рождество Спасителя. Садъ хорошъ, (деревья обрѣзаны въ люди и животные изъ нихъ же) и фонтаны текутъ.

Іюня 27-го пріѣхали въ Миланъ (Milano), гишпанской городъ, (гдѣ ряды) велики [3]), въ рядахъ тѣхъ были, видѣли хрустальную посуду, много яшмовыхъ, зеленыхъ и чермныхъ, оправлены золотомъ, чаши, лохани велики съ рукомойниками, кувшины; такихъ нигдѣ не видалъ. Въ церкви были, все золото; велика.

Изъ Миляны поѣхали горою, за коляску дали по четыре золотыхъ, въ Павду (Padua); ночевали въ Лоди (Lodi), гдѣ рѣка быстра Ада (Adda), обѣдали въ астери (asteria); ночевали въ городѣ нѣмецкомъ Бречъ (Brescia), гдѣ славныя ружья дѣлаютъ.

Проѣхали городъ Пескеру (Peschiera), хорошъ; фортификація на острову и озерахъ.

Пріѣхали обѣдать въ городъ Верону (Verona) венецейской, славный. Съ рѣки Лядизія (Adige-Эчь), рѣки прокопныя, на всѣ поля пускаютъ воду, какъ дождя нѣтъ.

Іюля 4-го пріѣхали въ Падву (Padua), славная академія; ѣздили гдѣ воды горячія. Тортартонъ отъ Падвы пять верстъ, воды безмѣрно горячи, мясо сварить можно, отъ воды паръ великъ, творило выкладено камнемъ бѣлымъ, (гдѣ) впускаютъ и выпускаютъ воду; вода соленая; купаются отъ болѣзни.

Былъ въ академіи, гдѣ учатся великихъ наукъ. Въ церкви были у св. Антона, видѣли работу,—высѣчена изъ мрамора,—предивную. Въ церкви были гдѣ лежатъ тѣла евангелистовъ Луки и Матѳея, церковь велика. Тутъ же видѣлъ органы предивные, такихъ

---

[1]) Во владѣніяхъ испанскаго короля, бывшихъ тогда въ сѣверной Италіи.

[2]) Картезіянцевъ (Certosa di Pavia).

[3]) Т. е. гостиный дворъ. И. Г.

нигдѣ не видалъ, голосами; тутъ же въ Падвѣ садъ венецейскаго сенатора, хорошъ.

Изъ Падвы поѣхали водою въ Венецію и іюля 6-го числа прокопною рѣкою пріѣхали ввечеру.

Іюля 24-го числа въ Венеціи поставили одного человѣка изъ простыхъ въ шляхту, взяли въ казну съ него 100,000 дукатовъ. Въ тотъ день природные шляхти надѣваютъ женское платье да харю (maschera), а жены мужеское и харю (maschera). Воля такая: какое хочютъ платье надѣваютъ и приходятъ къ тому, кто чинъ получилъ, во весь день танцуютъ, и туда всѣмъ вольно приходить, въ тотъ домъ, и я въ дому въ томъ былъ. Похочешъ тотъ чинъ принять повиненъ дать тожъ деньги, и поставя въ тотъ чинъ приводятъ ко кресту; и есть чинъ по 50 по 30 и по 20 тысячъ дукатовъ.

Августа въ 7-й день праздникъ былъ. Мосты были черезъ каналъ покрыты холстами, развязаны лентами, тафтами, флерами зело изрядно, церковь обита камками красными, столбы бархатомъ и золотыми кружевами, кувшины великіе съ цвѣтами серебряные. На окошкахъ, за церковью былъ сдѣланъ поставецъ превеликой и сахаръ, и фрукты великіе здѣсь были, письма изрядныя. Музыка пѣла въ церкви лучшая, что есть лучшихъ въ Венеціи кастратовъ. И на инструментахъ играли на всякихъ и пятеро органовъ были, 20 на скрипкахъ; музыкантовъ и пѣвчихъ 65 человѣкъ, лучшихъ. А дано было двумъ человѣкамъ по 40 червонныхъ за одинъ праздникъ.

Въ Венеціи былъ я, гдѣ дѣлаютъ корабли, а называется арсаналъ (L'Arsenale) оружія, оружейныя палаты великія и зело убраны хорошо, пушекъ и мозжеровъ всякихъ довольно; тутъ же и пушка кожаная.

27-го въ Венеціи праздникъ въ дѣвичьемъ монастырѣ, музыка, черницы пѣли, двѣ дѣвки пѣли на хорахъ, одной имя Сусанна, а другой Осеина, пѣли похвалу Богородицѣ такъ изрядно, что вся Венеція удивилась, и мы не слыхали во всей Италіи таковаго пѣнія.

Августа 30-го числа въ церкви у Захарія пророка, музыка играла князя венецейскаго 40 человѣкъ, на горахъ 5 органовъ, 20 человѣкъ кастратовъ, 20 на скрыпицахъ, (а одинъ такъ игралъ басомъ, что удивленію достойно).

Въ Венеціи въ греческой церкви былъ; одного свидѣтельствовали нашей вѣры, достоинъ ли философскаго мѣста: сидѣлъ владыка, прокураторы 30 человѣкъ, сидѣли духовнаго чину римлянъ ученыхъ и у всѣхъ печатные листы, въ чемъ свидѣтельствуется ученикъ, и многія ученыя люди со онымъ ученикомъ диспутовались, (всѣмъ отвѣтъ давалъ).

У сенатора былъ въ домѣ, видѣлъ много натуральныхъ вещей: рука человѣческая нѣсколько времени была въ морѣ и окаменѣла вся: знать въ срединѣ кость, десны человѣческія и губы знать; раки каменныя отъ натуры великіе и рыбы каменныя. У него-же видѣлъ змѣю о двухъ головахъ, курицу о 4-хъ ногахъ. Тутъ же видѣлъ василиска, который умертвить человѣка (можетъ) зрѣніемъ.

Сентября 13-го числа зачались кулашные бои, бьются на мостахъ каменныхъ. (Сперва одинъ на одинъ; промежду ими выбранъ третій и по два человѣка на сторожѣ, тутъ же стоятъ, въ красныхъ кафтанахъ. А бьются нагишомъ. Кто первой зашибетъ до крови или съ моста сброситъ, тотъ и правъ. А заклады великіе кладутъ промежъ собою. Сенаторы, сторона на сторону ходятъ, въ то время, въ машкарахъ (маскахъ). А бьются мѣсяцъ одинъ, по воскресеньямъ и по праздникамъ). Въ Венеціи смотрѣли какъ травятъ собаками быковъ. (Площадь превеликая. Собакъ было со сто, быковъ съ 30. Покидали по одной собакѣ. Вдругъ выводятъ быковъ по 5-ти и покидаютъ собакъ и быковъ держатъ челядинцы сами въ золотыхъ кафтанахъ).

Въ Венеціи наказаніе было одному человѣку, руки заверня назадъ, поднимали вверхъ и опустятъ внизъ трижды, до земли не достаетъ съ полъ аршина, а вверхъ три сажени.

Изъ Венеціи поѣхали къ Москвѣ на Амстердамъ октября 18-го, ночевали въ Тревизѣ (Treviso); нанали коляску, дали по 8 червонныхъ до Аспурха (Augsburg); поклажи по 80-ти фунт., а что лишнее за 80, за фунтъ по 8-ми салтовъ (soldi).

Изъ Аспурха наняли карету, дали до Франфорта отъ персоны по три червонныхъ. Изъ Франфорта поѣхали водою рѣкою Рейною, дали 28 ефимковъ до Кулена. Обѣдали въ Франфортѣ отъ персоны по ефимку. Яствіе было: саладъ, гусь жаркой, 3 курицы въ расолѣ, потрохъ гусиной, оладьи пряженцы, капуста съ масломъ, дрозды жаркіе, да фруктовъ блюдо; тутъ же и ужинали и ночевали. Отъ Франфорта (Frankfurt am Main) въ Десендорфъ,

(Düsseldorf), Духберхъ (Duisburg), Рудортъ (in Ruhrort), Римбергъ (Rheinsberg), Бурхъ (Burg) Зандант (Xanten), Ресьемренъ (Rees Emmerich), Шенкенъ (Sheenen), Шанцы, Гузель (Sahoonkhoven).

Января 3-го [1]) поѣхали на шнякѣ изъ Астрадама (Amsterdam) моремъ 12 миль на голландской городъ Сволъ (Zwoll) (въ) Лингенъ (Lingen), а дали отъ персоны по ефимку. Пріѣхали въ Сволъ (Zwoll) на другой день и тамъ ночевали; за лодку дали 85 ефимковъ отъ персоны по 11 ефимковъ. Ѣхали 6 дней; первой отъ Свола (Zwoll) городъ (Лингенъ), другой Клоненбуртъ (Kloppenburg), третій же Наузенъ (Wildeshausen).

Въ Бременѣ были 12-го января, городъ великъ; цесарской. Изъ Бремена поѣхали 3-го дня (т. е. на 3-й день), наняли телѣгу до Отемберха (Ottersberg) и клостеръ Зювекъ (Seve); ѣхали 6 часовъ въ шести персонахъ переѣхали 3 мили; отъ насъ заплатили 5 ефимковъ. Наняли телегу на 4 мили въ городъ вусты (Boitzenburg), заплатили 6 ефимковъ. Оттолѣ наняли лодку, дали 1½ ефимка. А поѣхали рѣкою 2 мили. Оттолѣ взяли 3 телѣги: дали 6 ефимковъ, и ѣхали милю. Въ Гамбургъ пріѣхали 16-го января. 21-го чс. до Берлина поѣхали. Пріѣхали 29-го, дали 56 ефимковъ, ѣхали 7 дней въ Берлинъ. Сей городъ великъ, столица курфистра Бранденбургскаго. Былъ въ домѣ у ево: ходилъ во всѣхъ палатахъ и жену видѣлъ. И въ спальныхъ палатахъ его былъ, и дочь видѣлъ дѣвицу, а сыну его 9 лѣтъ. Говоритъ латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ. Палаты убраны хорошо; двѣ шпалерами, третья червленымъ бархатомъ съ кружевами золотыми, много яшмы, волота, алмазовъ и прочихъ каменьевъ довольно. Посла его палаты убраны письмомъ изряднымъ. Еще палата есть въ которой стоятъ поставцы; одинъ съ хрустальными судами, другой со стеклянными, третій съ яшмовыми, 4 золотыхъ, многіе съ алмазами. Еще палата его, въ которой стоитъ персона изъ воска, сдѣлана съ мѣру его, такъ жива, что неподобно повѣрить чтобы человѣкъ работалъ: сидитъ въ креслахъ. Что ближе смотришь, то больше кажетъ живъ. Посуда серебряная, стулья серебряные, паникадила серебряные, звѣрей много, зубра видѣлъ, великъ, на человѣка кидается.

Изъ Берлина выѣхали февраля 1-го до Гданска, Нейштатъ

[1]) 1699 года. И. Г.

(Neustadt Eberswald), Анкермитъ (Angermünde), Шверъ (Schevedt), Белъ (Bahn), Пищеты (Pigritz), Старгатъ (Stargardt), Баселъ (Labes), Негарденъ (Neugarden), Керченъ (Kerschen), Кесленъ (Köslin), Лямбургъ (Lauenburg), Нейштатъ (Neustadt), въ Данскъ (Danzig), 11-го февраля, стоитъ на морѣ, вольный, даютъ дань королю польскому, живутъ нѣмцы и поляки. Фартеція изрядная и раскаты великія, Данскъ городъ крѣпокъ. Были въ оружейныхъ палатахъ, пушекъ множество, ружья всякія, латы. Тутъ мужики сдѣланы, какъ въ палату войдешь то встанутъ, шагу подымаетъ; и машетъ, иные въ барабаны бьютъ, стрѣляютъ, головою вертятъ, глазами мигаютъ.

Изъ Данска поѣхали 15-го февраля, переѣхали рѣку Вислу. Города Верблякъ (Elbing), Брекесъ Сенерка (Biaunsberg), Брендебуракъ (Brandenburg).

Въ Кролевецъ въѣхали 17-го февраля, городъ великъ, курфирста Бранденбургскаго, на морѣ. Изъ Кролевца 20-го февраля поѣхали въ Мемль (Memel), съ одной стороны море, а съ другой озеро Мемлъ.

Проѣзжали князя Курляндскаго землю, самой нужной проѣздъ; народъ убогой, хуже нашихъ русскихъ; 27-го (февраля 1699) пріѣхали въ Митаву, городъ небольшой, столица князя Курляндскаго, строеніе худое. Пріѣхали въ Ригу и въ Великія Луки. Получилъ вѣдомость, что стрѣльцы бунтовались.

Сообщ. въ 1877 г., съ примѣч., И. Ѳ. Горбуновъ.

Примѣчаніе. Даровитый, любимый публикою артистъ императорскихъ спб. театровъ, Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, превосходно знакомъ съ отечественною исторіею и постоянно ее изучаетъ.—Знакомство Ивана Ѳедоровича съ историко-литературными памятниками, актами, лѣтописями, статейными списками и иными источниками отечественной исторіи—такъ велико, что онъ въ совершенствѣ владѣетъ языкомъ какъ до-Петровской, такъ и Петровской Руси, и мастерски умѣетъ воспроизводить, въ духѣ соотвѣтствующей его замыслу эпохи,—указы, граматы, отписки, поученія, донесенія и въ особенности описанія путешествій русскихъ служилыхъ людей по Европѣ. Дабы не заподозрилъ кто, что вышенапечатанное описаніе путешествія 1697—1699 гг., сообщенное намъ И. Ѳ. Горбуновымъ, есть произведеніе его художническаго творчества, предпослано этому интересному и вполнѣ подлинному описанію—изслѣдованіе и сравнена г. Горбуновымъ его рукопись съ прочими списками, много лѣтъ тому назадъ изданными.

Ред.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ

† 1713 г.

Письма къ нему Петра Великаго.

I.

1703—1712.

[Сообщилъ П. С. Толстой].

Въ послѣдніе годы, когда, послучаю празднованія двухсотлѣтія рожденія Петра, въ русскомъ обществѣ появился особенный интересъ къ царствованію этого преобразователя русской земли, всякое письмо Петра I-го прочтется съ несомнѣннымъ интересомъ, какъ новый вкладъ для разработки его могучей и разносторонней дѣятельности. Мы печатаемъ рядъ писемъ этого государя къ Ивану Андреевичу Толстому, сохранившіеся въ нашемъ семейномъ архивѣ, Казанской губерніи, въ селѣ Мурзихѣ. Первымъ владѣтелемъ этого села былъ внукъ Ивана Андреевича, Василій Борисовичъ Толстой, сынъ того Бориса Ивановича, котораго родословная книга, изданная кн. П. Долгоруковымъ,—наперекоръ истинѣ оставляетъ бездѣтнымъ, объявляя единственнымъ потомкомъ Ивана Толстаго и въ то же время единственнымъ представителемъ старшей вѣтви рода Толстыхъ—недавно умершаго Юрія Васильевича, происходившаго отъ меньшаго сына Ивана Андреевича, Василія Ивановича; представителей же потомства Бориса Толстаго Долгоруковъ причисляетъ къ какой-то другой отрасли Толстыхъ, несмотря на то, что они есть прямые потомки Ивана Андреевича и въ то же время дѣйствительные представители старшей вѣтви всего рода Толстыхъ какъ дворянъ, такъ и графовъ, такъ какъ графомъ былъ сдѣланъ меньшой братъ Ивана Толстаго, Петръ Андреевичъ, посолъ въ Царьградѣ и впослѣдствіи поимщикъ царевича Алексѣя Петровича.

Въ фамильномъ архивѣ старшей отрасли Толстыхъ, кромѣ печатаемыхъ ниже писемъ царя Петра къ Ивану Толстому и уже напечатанныхъ въ 1864 го-

ду въ «Русскомъ Архивѣ» (тетради 5 и 6) писемъ Петра Андреевича изъ Царьграда къ брату Ивану въ Азовъ, гдѣ этотъ послѣдній былъ губернаторомъ, сохранилась еще интересная переписка И. Толстаго съ О. М. Апраксинымъ и многія другія имѣющія интересъ бумаги, между которыми—по своей давности—любопытны документы, принадлежавшіе дѣду Ивана и перваго графа Толстыхъ, Василію Ивановичу, бывшему въ началѣ XVII вѣка воеводой въ Костромѣ, и отцу ихъ обоихъ, Андрею Васильевичу, мужу сестры знаменитаго боярина Ивана Михайловича Милославскаго. Всѣ эти документы незамедлемъ напечатать.

Письма, которыя теперь печатаемъ, относятся ко времени пребыванія Ивана Андреевича Толстаго азовскимъ губернаторомъ, куда онъ былъ назначенъ въ началѣ 1703 года, вскорѣ послѣ назначенія меньшаго брата его посломъ въ Царьградъ. Съ этого же года сохранилось первое письмо отъ Петра къ Толстому, и затѣмъ идетъ рядъ писемъ этого государя, захватывая время булавинскаго бунта и прекращаясь со сдачей въ январѣ 1712 года Азова, когда Петръ наконецъ рѣшился выполнить тяжкое для него условіе прутскаго мира. Иванъ Андреевичъ назначенъ былъ воеводою только-что завоеваннаго края, когда границы его были стиснуты владѣніями турокъ и когда край этотъ былъ притономъ бѣглецовъ, недовольныхъ новыми порядками московскаго царства. Эти два условія азовскаго воеводства дали направленіе всей дѣятельности Ивана Толстаго: относительно сношеній съ Турціей, на Иванѣ Андреевичѣ лежали, кромѣ обыкновенныхъ обязанностей начальника пограничной области, еще и дипломатическія сношенія съ турецкимъ правительствомъ, насколько они касались края, которымъ онъ управлялъ. Такъ, вскорѣ послѣ назначенія, ему было поручено вмѣстѣ съ турецкимъ коммисаромъ установленіе новой пограничной линіи. Послѣ булавинскаго бунта, Петръ, боясь имѣть близкими съ осѣдями бунтовщиковъ, ушедшихъ подъ начальствомъ Некрасова въ предѣлы Турціи, поручаетъ Ивану Толстому хлопоты передъ царьградскимъ правительствомъ о воспрепятствованіи Некрасову оставаться на Кубани. «Какъ возможно домогаться», говорится въ письмѣ Петра къ Толстому: «и писать въ Царьградъ, чтобъ его и прочихъ воровъ на Кубань не принимали» и т. д. Далѣе въ этомъ же письмѣ Петръ даетъ инструкціи Толстому для переговоровъ съ турками по вопросу о размѣнѣ плѣнныхъ. Самыя сношенія Петра съ посломъ въ Царьградѣ велись часто черезъ Ивана Андреевича. Извѣщая его, напримѣръ, о своихъ побѣдахъ, Петръ всегда прибавляетъ: «отпиши» или «отправь съ нарочнымъ къ брату твоему въ Царьградъ....».

Не менѣе важныя обязанности лежали на Толстомъ по усмиренію бѣглецовъ и недовольныхъ, которые легко себѣ находили притонъ и сочувствіе у вольнаго казачества. Близость пограничной линіи облегчала имъ безнаказанно производить безпорядки. Боясь преслѣдованія, они удалялись на турецкую территорію, тамъ набирали шайки и снова вторгались въ предѣлы Россіи и

мутили казачество. Наконецъ, этотъ недовольный сбродъ, подъ предводительствомъ Булавина, создалъ серьезный бунтъ, который стоилъ царю Петру великихъ заботъ. Опасность дошла до крайнихъ предѣловъ. Черкаскъ былъ взятъ, и бунтовщики осадили Азовъ. Но Иванъ Толстой, хотя и съ большими усиліями, однако отбилъ приступъ, разсѣялъ скопища и съ помощью войска, присланнаго царемъ, потушилъ возстаніе и успокоилъ край. Какъ цѣнилъ Петръ дѣятельность Ивана Толстаго въ эту эпоху, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ, которыя находимъ въ одномъ изъ писемъ его: «Мы съ великою радостію увѣдомились о погибельномъ концѣ злодѣяннаго вора Булавина, котораго намѣреніе Господь Богъ чрезъ ваши труды пресѣкъ.». Далѣе Петръ въ этомъ же письмѣ говоритъ о наградѣ, которую посылаетъ ему съ посланнымъ [1]). Въ другомъ письмѣ Петръ снова благодаритъ Толстаго за труды его по усмиренію возстанія. Кромѣ всего вышеизложеннаго, Иванъ Толстой былъ выполнителемъ предначертаній Петра I-го по устройству гаваней, въ Азовѣ и Таганрогѣ, и крѣпости въ Троицкомъ. Вотъ главныя черты дѣятельности Ивана Андреевича Толстаго, предметъ которой по преимуществу и составляетъ содержаніе писемъ къ нему Петра Великаго [2]).

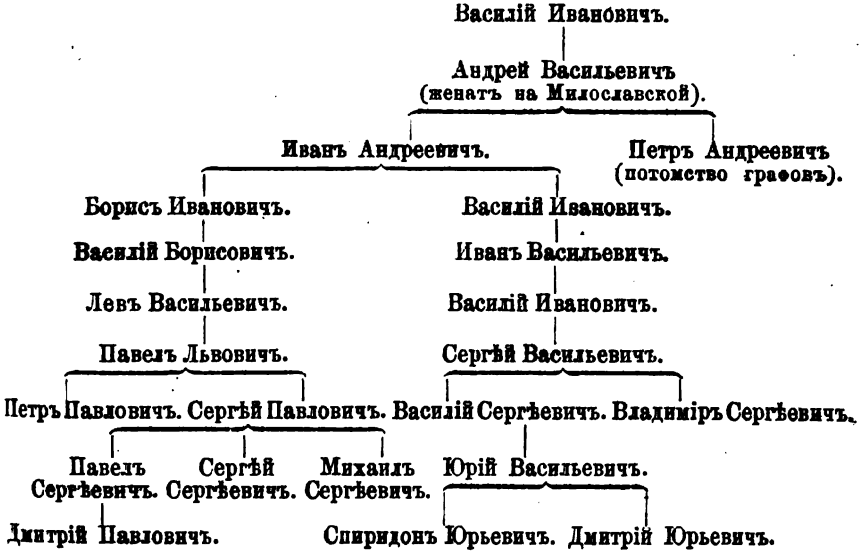
П. С. Толстой.

Село Мурзиха, на Камѣ,
Казанской губерніи.

---

[1]) Какая награда—неизвѣстно; какъ кажется, чинъ тайнаго совѣтника.

[2]) Сообщаемъ родословіе старшей вѣтви фамиліи Толстыхъ:



I [1]).

[Собственноручно].

†

Min Her. донасителя сего какъ возможно удовольствуи въ іх желанию; такъ же буде какия суды приѣжжия зазимуютъ, а станут проситца въ гаван, і ты примат вели, і ставит своем матрозом; і на весну выветчи на море, паки отдай, а хазяевъ и работных отнють не пускай [а сего есть ли по-пъросятца, пусти]. Лотцманое [вожен] також вели устроіт, которыя б могли вводит сморя і выводит приѣжъжия суды; такъ же і выгразателныя суды устрои, когда за противъными вѣтъры болшия не могутъ воитит, тогда б на оныхъ мочно выгруживая в азое отвазит здастоинымъ платежемъ за суды і за лоцьманы и за зимовье в гавоне слехкою пошълиною за оъсе, что б не отогнот торговых; протчия ж неболшия дѣла можешъ самъ, ссимъ доносителем розговоряся, устроіт.

Когда приходяшия карабли станут стрелят, тогда і ты вели сътрелят протиоъ кажъдово судна по три выстрела, а буде у кого выстрелят менши трех выстрелоъ, тогда із адной. Piter.

Із Саннитербурха въ 6 д. іюля 1703.

II.

[Собственноручно].

†

Her. писмо ваше о осмотре еі принялъ; зело я удивъляюс. что вы, какъ і поѣхал, никогда непишешъ ко мнѣ, в какомъ состояніі тѣ мѣста нынѣ пребывают? от нас поѣхал к вам господинъ адмиралитеіцъ гер.; і о чем онъ станет вам говорит, извол вѣрит і то дѣлат. Piter.

із Ямбурха, въ 12 д. іюня 1704.

Помѣта Толстаго: «Получено въ Азовѣ отъ адмирала Ѳедора Матвѣевича [Апраксина], сентября въ 7 д. 704 году».

---

[1]) Всѣ собственноручныя письма царя Петра I-го воспроизведены нами въ печати съ буквальною точностью; но для удобства чтенія разставлены знаки препинанія. Надъ каждымъ письмомъ, писаннымъ царемъ—нами отмѣчено: «собственноручно»; собсвенноручныя слова, вставленныя Петромъ I въ письма его секретарей отъ его имени писанныхъ, набраны рязрядкой.

П. Т.

III.

[Списокъ].

Мингеръ, адмиралитейцъ геръ! Я не могъ оставить безъ возвѣщенія, что всемилостивѣйшій господь каковымъ счастіемъ сію отаку окончати благоволилъ, гдѣ предъ четырьмя лѣты оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдители учинилъ, ибо сію преславную крѣпость, чрезъ лѣстницы, шпагою, въ три четверти часа получили; хотя непріятель подкопомъ крѣпко нашихъ подорвалъ, однакожъ солдатъ тѣмъ устрашити не могъ; потомъ непріятель въ другую старую крѣпость вбѣжалъ и билъ тамадъ, дабы окордъ, или хотя бъ пардонъ получить, но салдаты наши слышать того не хотѣли, тотъ часъ и во оную ворвались, потомъ и въ замокъ, гдѣ непріятелю доброй трактаментъ былъ, что и младенцевъ немного оставили. Сей штюрманъ зѣло дивно опредѣлился, и не чаю, что бъ триста человѣкъ при оной пропало нашихъ, за что выну буди Вышнему хвала, о чемъ пространнѣе съ планомъ сея крѣпости пришлемъ вѣдомость впредь. Питеръ.

Изъ Нарвы 14 Августа 1704.

IV.

[Собственноручно].

†

Min Her. писмо ваше, к господину адмиралу писанное, приняѳъ, отвѣтствую: границу конечьно сего лѣта дѣлат надобно, о признакахъ, какия дѣлат, також и о многолюдствѣ согласитца стурки, і сопшего совѣту дѣлат [понеже же дѣло малое і упрямитца не въ ц(ч)ем; но крѣпъко тово смотрѣт, что б устье еі, по обѣ стороны, было в нашей сторонѣ [а мѣра ѣздою по договором уже пробована, что будет столко]. Хотя б версты три іли двѣ по ту сторону, протчее же въ степь лишънего не захъватыват, а дѣлат какъ мочно протиѳъ договороѳъ, понеже в степи намъ ни какова надобства нѣт. Piter.

із Пскова въ 14 д. Сентебря 1704.

На конвертѣ надпись: «Вазовѣ, воеводе Ивану Толстому; письмо нужное—послать чрезъ почту тотчасъ».

V.

[Собственноручно].

†

Min Her. писмо ваше выразумѣоъ, отвѣтствую: борстверу іли загрудному бою вышина і ширина, тако ж і зупъцам горазда выразумѣт не мог, понеже написанъ зело высок надмѣру; і того для пришли оному чертеж і спроеилем, а безтого указу дат невозможно; також отпиши, ситодѣл отдѣланал іли нѣт? впротчем трудитес какъ возможьно з божиею помощию—калмык унимай, і възятое какъ возможно отдаваи по должности мира; что же здѣсь сего лѣта учинилось, та кож і о выходѣ королеѣьском сюды, о том пространиѣе обявитъ вам господинъ адмиралитеіцъ. Piter.

Із гродни въ 5 д. ноября 1705.

Помѣта Толстаго: «Получены съ воронежа въ Азовѣ на почте Декабря въ 4 день 705 году».

VI.

Реляція о полученіи викторіи надъ шведами, при варшавскомъ мостѣ, отъ партіи войскъ російскихъ и саксонскихъ, подъ командою его сіятельства князя Меншикова будучимъ.

Его сіятельство по приходѣ къ Бугу, въ 7 день Октября, отправилъ на подъѣздъ къ Праге полковника Горбова съ 500 драгунъ и съ 200 Саксонцовъ; которой, пришедъ къ Висле, Сотъжинцовъ и воеводу кіевского, при Праге стоящихъ, съ поля сбилъ, и нѣсколько человѣкъ въ полонъ, также правіанту и скота, взялъ; предъ тѣмъ временемъ Гетманъ Вишневецкой съ войскомъ своимъ отъ Нуръ къ Каменцу путь свой воспріялъ, которому его сіятельство предложилъ, дабы отъ войска своево помянутому полковнику Горбову часть придалъ и паки къ Праге онымъ итить велѣлъ, понеже увѣдано, чрезъ взятыхъ языковъ, что въ Праге Лещинского гвардія обрѣтается; тогда отъ его велможности гетмана Вишневецкова отправленъ въ тотъ походъ генералъ маеоръ Синицкой съ Литовскими драгуны и съ нѣкоторыми польскими хоронгви, которой, соединясь съ возвратившимся изъ подъѣзду полковникомъ Горбовымъ и къ нему на помочъ отъ Нура съ посланнымъ полковникомъ Шонбуркомъ, пошли въ надлежащей походъ и въ 13 день сего жъ мѣсяца господинъ полковникъ Шонбуркъ походомъ своимъ ускорилъ и прежде всѣхъ къ мѣсту Праге пришолъ и, спѣша своихъ драгунъ, на непріятеля при мосте въ рагаткахъ будучаго нападеніе учинилъ; и чрезъ многую стрѣлбу подъ бросаніемъ ручныхъ гранатъ наши подъ непріятельскіе рогатки подлѣзли; и оные разметавъ непріятелю путь отъ мосту отрѣзали; тѣмъ временемъ и послѣдняя наша конница поспѣшила и такъ тое гвардію тутъ наши розбили, что ни единая душа не

спаслась; потомъ, увидя сію потребу, непріятельская конница и пѣхота, у Варшавы при Уяздове обрѣтающаяся, начала своимъ на помощь какъ конница по мосту, такъ и пехота на многихъ судахъ за реку перебиратца, которымъ временемъ наши одни по возможности мостъ [которой жестокою крѣпостію утверженъ] рубили, другіе непріятеля мужественно отъ берегу отбивали и хотя наши за крѣпкимъ утвержденіемъ моста и не разорили, однакожъ непріятелемъ, которые къ своимъ на сикурсъ шли, больше 700 человѣкъ побили, понеже 2 часа съ четвертью оныхъ въ непрестанномъ огнѣ встрѣчю и съ обоихъ еланковъ держали, но когда шведы на судахъ стали множитца къ берегу и нѣкоторыми домами овладѣли, а наши въ то время уже толко по два патрона пороху у себя имѣли и за тѣмъ принуждены на лошади сѣсть и къ войску возвратиться, но не безопасно было ради лишенія пороха, ежели бъ непріятель наступать сталъ; но когда Саксонской полковникъ Геноске съ нѣсколько сотъ командированныхъ съ аммуниціею пришолъ, тогда наши поворотясь къ непріятелю паки приближились, чтобъ дать баталію, но непріятель хотя и зѣло сильно [по отступленію нашихъ] перебрался, однако не смѣлъ битца или отступить отъ своихъ крѣпостей, какъ прежь сего дѣлывалъ [чего наши гораздо желали], но при оныхъ держался и тако наши, не имѣя болше способу, къ войску путь свой восприяли по ожиданіи нѣсколко времени; при той потребѣ ихъ непріятелей побито слишкомъ 1,000 человѣкъ, да въ полонъ взято:

Подполковникъ 1, Капитановъ 6, Прапорщиковъ 6, Сержантовъ 12, Капраловъ 20, рядовыхъ салдатъ 330; всего 375 человѣкъ. 4 пушки, изъ тѣхъ одну за скоростію въ рекѣ потопили. 6 знаменъ.

Нашихъ убито: капитанъ и 13 человѣкъ рядовыхъ, да ранены прапорщикъ и 36 человѣкъ рядовыхъ.

Помѣта: «Получены своронежа, вазове напочте, декабря въ 4 д. 705 г».

VII.

[Собственноручно].

†

Иванъ Толстой! сынъ твой Барисъ чрезъ саву рагузинского просилъ, что бъ тебѣ выдать із азовской казны, въ зачетъ годового жалованья, тысячу рублевъ,—бери. Piter.

На Москвѣ, Генваря въ 12 д. 1706 г.

Помѣта Толстаго: «Получено чрезъ сына бариса, 1706 году».

VIII.

[Собственноручно].

†

Господин губернатор! по писмамъ твоім і по словесному доношению господина бреклина, отправил, даѳъ ему пункты і наказаѳъ словесно, отпустил квам; ізволте потому чинит. Piter.

Із Санктъ питербурха, въ 16 д. апрѣля 1706.

Помѣта Толстаго: «Привезъ господинъ Бреклинъ въ Троецкой, Іюня въ 23 д., а изъ Троицкого прислалъ Шапкинъ в Азовъ, того жъ Іюня въ 24 день 706 году».

IX.

†

Господинъ Толстой! Писмо отъ васъ присланное сего мѣсяца 6-го дня мнѣ подано, и что надлежитъ противъ оного отвѣтствовать, о томъ присланъ будетъ къ вамъ указъ впредь; нынеже получа, сіе писмо, немедленно пришли сюды минира или подкопщика доброго, «а лутче б двух». Piter.

Изъ обозу отъ Киева, въ 8 д. Августа 1706.

X.

†

Господинъ Толстой! Писма ваши съ пунктами къ намъ дошли, и обо всемъ на оныя указъ учиненъ, которыя съ подписаніемъ при семъ паки назадъ къ вамъ посылаютца; также объ отпускѣ довольного числа правианту и о нарядѣ къ предбудущему году работниковъ, которые бы ранѣе были высланы къ Тихану Никитичю [Стрешневу] писано; сего мѣсяца 15 дня изъ Полши, отъ господина генерала Меншикова пріѣхалъ сюды куриеръ, которой привезъ зѣло радостную вѣдомость о бывшей счастливой побѣдѣ надъ шведами [какой никогда еще преже бывало], съ которой при семъ посылаемъ къ вамъ копію, за которую радость, по благодареніи Богу, надобно разглашать въ тамошнемъ народѣ, о чемъ и къ брату своему въ царгородъ отпиши [1]). «Piter».

«Із Санктпитербурха въ 27 д. Ноября 1706».

XI.

Въ письмѣ къ его царскому величеству, отъ господина генерала князя Меншикова, Ноября 15 дня, писано:

Въ прошлыхъ числѣхъ доносилъ я вашей милости чрезъ письмо отъ Петрокова, что мы будемъ послѣдовать за непріятелемъ до Калиша, о чемъ нынѣ паки доношу. Непріятеля при Калишѣ мы нагнали, которой былъ въ 8,000 шведовъ [въ томъ числѣ 3,000 пѣхоты] и въ 20,000 поляковъ и при Калише насъ

[1]) Петръ разумѣетъ Петра Андреевича Толстого, посланника въ Царьградѣ. П. Т.

ожидалъ съ такимъ желаніемъ, чтобъ съ нами баталію дать, къ чему зело въ крѣпкихъ мѣстехъ сталъ, имѣя кругъ себя жестокіе переправы рѣки и болота однакожъ мы несмотря на тѣ крѣпости, но болше уповая на крѣпкаго во бранѣхъ Господа, по отправленіи по обыкновенію воинской думы, въ 18 день сего мѣсяца, устроясь какъ надлежитъ со онымъ, которой за три дни себя къ баталіи порядочно учредилъ, полную баталію дали, на которой въ непрестанномъ огнѣ ровно 3 часа были, однакожъ помощію Божіею и счастіемъ вашимъ, такую мы счастливую викторію получили, что непріятелей на мѣсте положили шведовъ съ 5,000 да поляковъ съ 1,000 человѣкъ, между которыми генералъ маіоръ Красовъ и прочіе многіе офицеры, а что въ полонъ взято знатныхъ офицеровъ и рядовыхъ и ружья, и что на той баталіи нашихъ убито и ранено, о томъ изъ вложенной при семъ росписи изволишъ увѣдомиться; а какъ ихъ конница и пехота убрана, изволишъ увидеть тѣхъ офицеровъ, которые взяты, ибо все, что взято, вскоре къ Москве отпущу, а которые офицеры нашего взятья у королевского величества, и о тѣхъ онъ прошалъ, чтобъ у него быть, а вмѣсто ихъ обещалъ взять на обмѣнъ нашихъ генераловъ Вейда, Долгорукова и царевича и въ томъ и генералъ полной Мардефелтъ и надо всею шведскою пехотою командовалъ твердой пароль далъ, что сіе конечно учинитъ, также при томъ королевское величество обѣщалъ и всѣхъ нашихъ офицеровъ, которые въ полону прежде, обменить, на которыхъ хотя весь полонъ, что у себя имѣетъ, отдастъ, а потомъ, чтобъ ево офицеровъ въ полону обретающихся намъ доставать на обмѣнъ же шведскихъ, которые у насъ обрѣтаютца, и о томъ хотѣлъ просить у вашей милости впредь; прочее не въ похвальбу вашей милости доношу, такая сія прежде небываемая баталія была, что радошно было смотрѣть, какъ съ обоихъ сторонъ регулярно бились и зело чюдесно видеть, какъ сіе поле мертвыми телами усіано, о чемъ пространнѣе донесетъ сей посланной, которой съ нами при томъ былъ; и сею преславною счастливою викторіею вашей милости поздравляю и глаголю: виватъ, виватъ, виватъ! дай Боже и впредь такое оружію вашему счастіе, чего всесердечно желаю; прочее здравіе милости вашей моего всемилостивѣйшаго государя сей викторіи давцу во всемилостивое сохраненіе предаю.

Изъ обозу отъ Калиша, Октября дня (21) 1706.

XII.

Докладъ.

[Рѣшенія писаны собственноручно].

Кубанцы подъ Азовъ подбѣгаютъ многолюдствомъ, а въ Азовѣ конные службы казаковъ 300 человѣкъ и изъ нихъ многіе бываютъ въ посылкахъ и посылаютца съ почтою, и за тѣмъ въ остаткахъ бываетъ малое число и такимъ малолюдствомъ отъ набѣговъ кубанскихъ татаръ оборонитца не кѣмъ и для сего надобно конныхъ казаковъ въ Азовъ прибавить или для обереженія быть конному полкомъ по 1,000 человѣкъ съ перемѣною.

«Прибавит із крещеныхъ калмык [іли і не із крещеных] смотря по доходом».

Отъ набѣговъ кубанцовъ въ Азовѣ надобно здѣлать линею и въ нужныхъ мѣстахъ и на кагалницкомъ броду построить небольшіе крѣпости для карауловъ, чтобъ безвѣстно кубанцы къ Азову неприходили

«По управленіи азова і таганрога учинит линею впристоиныхъ мѣстех».

Артилерійскихъ припасовъ сколько нынѣ въ Азовѣ и въ Троицкомъ на лицо и къ тому, что въ прибавокъ надобно, по тому писано подлинно въ разрядъ прежде сего и послана артилеріи порутчика Ундрика Штритера сказка и, по той вѣдомости, хотя не сполна, а для нужного времени прибавить надобно; а пороху нынѣ на лицо въ Азовѣ и въ Троицкомъ 14,982 пуда 14 фунтовъ.

Въ томъ числѣ, при моей бытности, пересушеного и пересѣяного и съ виномъ и съ селитрою передѣланого ручного 2,255 пудъ 12 фунтовъ, мушкетерного 2,671 пудъ 15 фунтовъ, пушечного 6,212 пудъ 27 фунтовъ, а не разобраного 3,843 пуда 10 фунтовъ. И тотъ порохъ передѣланъ будетъ в предбудущемъ 707-мъ году. Для нужного жъ случая въ Азовѣ и въ Троицкомъ надобно жъ имѣть готовыхъ, за росходомъ, фузей 5,000, а которые нынѣ изъ старого порченого ружья вычинены есть, и тѣ всѣ розданы будутъ въ два полка салдатомъ, которые идутъ съ князь Юрьемъ Долгорукимъ, а за тѣмъ въ Азовѣ и въ Троицкомъ вычиненого въ казнѣ ружья годного къ стрѣльбѣ ни чего не останетца.

«Велѣно послат із оружеинои 3,000».

Въ Азовѣ и въ Троицкомъ хлѣбныхъ запасовъ прежнихъ каравановъ ничего нѣтъ, а которые хлѣбные запасы въ караванахъ посланы съ Коротояка и, по вѣдомости, тѣхъ каравановъ отъ провіантовъ тѣ запасы за мелями и за малолюдствомъ остановились въ вотчинахъ въ Бѣляевскомъ да въ Богучарскомъ юртахъ; и въ Азовъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ допровадить не чаютъ, и нынѣ по самой нуждѣ, вмѣсто муки и овса и крупъ, роздаемъ Азовского и Троицкого сѣву рожью и просомъ. И того хлѣба до предбудущаго 707-го году не будетъ, и есть ли тѣ посланные запасы въ Азовъ нынѣшнимъ путемъ приплавлены не будутъ, опасно отъ того всякого бѣдства. И по просительнымъ письмамъ строителей въ нынѣшную зиму работныхъ и ремесленныхъ людей оставить будетъ невозможно, и отъ того всѣ работы станутъ. И для такихъ вышеписанныхъ случаевъ надобно въ Азовѣ и въ Троицкомъ провіанту имѣть на три года, а по нуждѣ на два, чтобъ одинъ годовой окладъ держать въ росходъ, а другой лежалъ въ готовости. А въ годовую дачю надобно провіанту въ Азовѣ и въ Троицкомъ: 129,236 четв. Въ томъ числѣ: муки ржаной 99,506 четв., крупъ 1,045 четв., овса 25,481 четв., сухарей 3,004 четв., толокна 180 четв., солоду 20 четв.

«Писано къ Тихону Никитичю».

Въ Азовѣ и въ Троицкомъ явилось у Азовскихъ и Троицкихъ жителей, и у донскихъ казаковъ привозная соль съ моря; а въ распросѣхъ они сказали: имали де они тое соль на морской косѣ въ озерахъ за границею въ Кубанской сторонѣ, которая коса отъ рѣки Бейсуги прошла въ море, а въ тѣхъ де озерахъ соли бываетъ много, и впредь изъ тѣхъ озеръ соль имать повольность давать ли?

«Учинит по разсмотреню».

Въ Азовѣ и въ Троицкомъ по окладу доведетца быть въ годовую дачю денежного жалованья всякого чина людемъ сорокъ семь тысячъ четыре ста девяносто девять рублевъ двадцать семь алтынъ. Да на прошлой 705-й годъ изъ розряду не дослано двадцати тысячъ пяти сотъ шеснатцати рублевъ дву алтынъ дву денегъ, всего шездесятъ восмь тысячъ пятнатцать рублевъ двадцать девять

алтынъ двѣ денги. И въ то число на нынѣшней 706 годъ въ присылкѣ дватцать пять тысячъ рублевъ; а не дослано сорока трехъ тысячъ, пятнатцати рублевъ дватцати девяти алтынъ дву денегъ, и за тою недосылкою Азовскимъ и Троицкимъ жителемъ учинена дача несполна, а они о томъ бьютъ челомъ.

«Писали; велено дослат».

Въ Азовѣ и въ Троицкомъ кремней ничего нѣтъ, а по самой нуждѣ надобно сто тысячъ кремневъ; а около Азова и Троицкого и донскихъ городковъ, такихъ каменевъ на кремни не сыскано и купить негдѣ.

«Велено послат із аружеинои 150,000».

Въ прошломъ 705 и въ нынѣшнемъ 706 годѣхъ съ Хоперскихъ пристаней по наряду многихъ лѣсовъ къ Азову и къ Троицкому не приплавлено, затѣмъ присланные изъ концеляріи ясачного збору приписныхъ къ Азову городовъ дворцовыхъ крестьянъ и Мордвы, а изъ Казани присланные жъ для сплавки тѣхъ лѣсовъ служилыхъ людей тѣхъ городовъ воеводамъ по наряду сполна выслать недали, и по многимъ посылкамъ и писмамъ выслали малое число и спустя къ тому удобное время, и о томъ изъ Азова въ розрядъ и въ концелярію писано, и изъ розряду въ Азовъ писано, велѣно тѣ городы къ Азову вѣдать по прежнему, чтобъ въ Азовѣ и въ Троицкомъ во всякихъ дѣлахъ ни какіе остановки не было, а изъ Казани Никита Кудрявцовъ въ Азовъ писалъ ясачныхъ и тяглыхъ дворцовыхъ крестьянъ, которые къ Азову приписаны безъ имянного великого государя указу въ работу высылать не смѣютъ, а въ Азовѣ и въ Троицкомъ за тѣмъ во многихъ дѣлахъ чинитца остоновка, а буде и нынѣ тѣхъ людей сполна по наряду въ той работѣ не будетъ и по просителнымъ писмамъ на передѣлку караблей и галеръ и къ городовому и къ гавонному и магазѣйному и къ докову строеніямъ лѣсовъ сполна изготовить и къ Азову и къ Троицкому приплавить будетъ не кѣмъ, и за тѣмъ въ Азовѣ и въ Троицкомъ карабелная и галерная передѣлки и доковое дѣло и городовые и гаванные и магазейные и всѣ дѣла остановятца, для того, кирпичей и извести обжигать и уголья жечь будетъ не чѣмъ.

«Посланъ указ именнои в казан и во дворецъ велено; конечьно по старому высылат і вѣдат в азовѣ» [1]).

XIII.

[Собственноручно].

†

Господин губернатор! рыбу присланную от вас принял, за которои подарок благодарствую; також предлагаю по упъравъленіі нужных дѣл: ізвол посторатца, что б на таганрогу в удобныхъ мѣстех [а лутче за городомъ] насадит рощи дубового іли інаго какого дерева, привесши з дону немалая число маленких деревецъ в осен [по листопаде]; також по дале от города в удобных

[1]) Рѣшенія на докладѣ писаны рукою Петра I. П. Т.

же мѣстех нѣсколко десетин посѣет желутковъ для лѣсу ж; також при вышеписанных рощицах винограду умножит і цветники хорошия завесть; с великим желаніем желал бы я сам там быт вскорѣ, но еще время не допускаетъ,—господину савѣ въ его торговом дѣле чини всякое вспоможение. Piter.

Із жолквы въ 27 д. апърѣля 1707.

XIV.

[Собственноручно].

†

Господин губернатор! Понеже вы уже ізвѣсны о умноженні вора булавина, і что онои ідет вниз, того ради, для лутчего опасения сих нужных мѣстъ, послали мы к вам полкъ смоленскои із киева, і велѣли ему на спѣх ітит; а сего порутчика нашего господина пискорского послали к вам, дабы увѣдат подлинно о вашем состояніі і цѣтли какои блазни у васъ меж салдаты; также [от чево Боже сохрани] ежели черкаскои не удержитца, імѣеш ли надежду на своіх солдат? о чемъ, о єъсѣм, даи немедленно знат чрез сего посланнаго, с которым послано квам цыѳир для кореспонденціі з господином маеором долгоруким, которои посланъ на тѣх ворое с воінскими людми. протчее наказано оному посылному словесно. Piter.

Із Санктъ питербурха въ 9 д. маія 1708.

На полѣ письма: «К нам такъ же другои ключъ для кореспонденци».

XV.

[Собственноручно].

†

Господин губернатор! Писмо ваше я получил, в котором пишете, что случилос в черкаском; на которое отвѣтствую, что как возможно храни гварнизбны от прелшен(ь)я, для чего і денег не жалѣи, но как возможно спомошию божиею сего храни; а я квам конечно буду і въ том імѣи надежду совершенно, а казакам ни чего не чини, ежели от них ничево вное не явится. Piter.

Із Санктъ питербурха въ 28 д. маія 1708.

Помѣта Толстаго: «Въ Троецкой привезъ Егоръ Пашковъ, 1юня въ 26 день 708 году».

XVI [1]).

†

Господинъ губернаторъ. Писмо ваше я получилъ, въ которомъ пишете, что случилось въ Черкаскомъ; на которое ответствую: что какъ возможно храни гварнизоны отъ прельщенья, для чего и денегъ не жалѣй, но какъ возможно, съ помощію Божіею, сіе охрани; а я къ вамъ, конечно, буду; и въ томъ имѣй надежду совершенно; а казакамъ ничего нечини, ежели отъ нихъ ничево вновь не явитца. «Piter».

«Із Санктъ питербурха въ 29 д. маія 1708».

XVII.

[Отъ Толстаго скрытою азбукою].

До сего времени салдаты крѣпки; только для лутчаго ихъ укрѣпленія надобно съ полками къ намъ поспѣшить; опасно того, чтобъ воръ ихъ чемъ не прельстилъ.

Таково послано ко князю Василью Володимеровичу (Долгорукову) изъ Троицкого, Іюня въ 7 день 1708 (писано скрытой азбукой).

Примѣчаніе. Таковое письмо было послано въ двухъ экземплярахъ. П. Т.

XVIII.

†

Господинъ губернаторъ! Писма ваши, чрезъ Пискорского, мы получили и о всякомъ поведеніи тамошнемъ и о трудахъ вашихъ, оной Пискорской намъ донесъ; что мы слыша о добромъ вашемъ тамошнемъ состояніи, зело обрадовались, за что вамъ благодарствуемъ, и притомъ объявляемъ: когда къ вамъ полковникъ Кропотовъ прибуедъ с полкомъ драгунскимъ, тогда, буде возможно.....

[Примѣч. Далѣе секретною азбукою тридцать семь строкъ, которыя по ключу не разобраны].

Piter.

Із Нарвы, въ 28 д. Іюня 1708.

Помѣта Толстаго: «Получено въ обозѣ князя Василья Володимеровича, на тузловѣ, іюля 24-го дня 708 году».

NB. Есть дубликатъ этого письма, разница въ датѣ «въ 7 д. іюля 1708, получено въ Троицкомъ черезъ Григорья Юрьева сына Ковелина, Февраля въ 26 день 709 году».

---

[1]) Дубликатъ предыдущаго, но разница въ числѣ, отъ какова написано, и здѣсь только подчеркнутыя слова написаны рукою Петра.

П. Т.

XIX.

[Собственноручно].

†

Господин губернатор! писмо ваше чрез капитана пересекина нам вручено; із которого мы с великою радостию увѣдомилис о погибелном конце злодѣяннаго вора булавина, которого намѣреніе господ богъ чрез ваши труды пресѣкъ, за что вам і протчим свами трудиеъшимся благодарствуем, і въ награду оного объявит(ъ) вам посланныі капитан, протчим же оѳицером і салдатом обоіх городоѳъ, которыя были на бою на три, а которыя не были на один мѣсецъ жалован(ь)я; ворое же поіманных іли скропотовым, іли с маеором долгоруким пошлите [для лутчего бережения] к москвѣ. Piter.

Із горокъ, въ 26 д. іюля 1708.

P. S. [1]) Пріискавъ въ Азовѣ или въ Троицкомъ хорошихъ провѣсныхъ спинокъ вялыхъ, нѣсколько также бѣлужьихъ башокъ [которые больше] просольныхъ, десятка два или три и пришли сюды немедленно.

Также надобно вамъ пріискать себѣ еще въ товарыщи изъ стольниковъ или царедворцовъ доброво человѣка, и какъ пріищешь, тогда имя ево пришли къ намъ.

Въ Троицкомъ зѣло надобно разводить сады, также и травы всякіе, а болше моеранъ и размаринъ.

«Лютикъ надлежит вам взят і держат под вашею командою».

Помѣта Толстаго: «Получено въ Азовѣ, чрезъ капитана Петра Пересекина, 1708 году Августа въ 15 день».

XX.

[Собственноручно].

†

Господин губернатор! писмо ваше чрез порутчика ушакова я получилъ, також і словесно от него слышалъ, но нынѣ за скорым отпуском сего куриера, не могу отвѣтствоват, но буду

[1]) P. S. не рукою Петра, кромѣ словъ, набранныхъ разрядкой. П. Т.

впред; ныне же сие нужное об являю: лютик возми [как я і наперет сего к вам писал]; также і бахмут; только на бохмуте не вели на дрова такого лѣсу тратит, которои годитца на карабелное строен(ь)е, і о всем том отпиши к нам пространнѣе. Piter.

Із истиславъля, въ 15 д. Августа 1708.

Помѣта Толстаго: «Прислалъ господинъ мазоръ князь Василей Володимировичъ Долгорукой, съ павлавскимъ конным казакомъ съ Моисеемъ Ананьинымъ въ Азовъ, сентября въ 10 день 708 году».

XXI.

†

Господинъ губернаторъ! объявляю вамъ, что мы сентября 28 дня непріятеля дошли стоячего зело въ крепкихъ местахъ, числомъ шеснатцать тысячъ, а многіе говорятъ, что двадцать тысячъ, которой тотчасъ насъ изъ лѣсу отаковалъ всею пѣхотою во єлангъ, но мы тотчасъ три свои регименты швенкель противъ ихъ учиняли и прямо давъ залбъ на оныхъ пошли; правда хотя непріятель зело жестоко изъ пушекъ и ружья стрелялъ, однакожъ оного сквозь лѣсъ прогнали къ ихъ коннице, и потомъ непріятель паки въ бой вступилъ и, начавъ часъ послѣ полудни, даже до темноты бой сей съ непрестаннымъ зело жестокимъ огнемъ пребывалъ, и непріятель не все отступалъ, но и наступалъ; и викторіи во весь день нелзя было видеть, куды будетъ, но послѣди милостію побѣдыдавца Бога: оного непріятеля сломивъ, побили наголову, такъ что труповъ съ восемь тысячь на месте осталось [кромѣ что по лесамъ отъ ранъ померло и калмыки побили]; обозъ весь съ двѣ тысячи телѣгъ шестнатцать пушекъ, сорокъ четыре знамя и поле со всѣмъ осталось намъ; а непріятели достальныя розбѣжались по лесамъ, за которыми пошли того жъ числа в слѣдъ. А сколько съ нашей стороны побито и ранено, о томъ выправясь вѣдомость прислана будетъ впредь, а съ непріятелской стороны въ полонъ взяты: два полковника, да генерала Левенгопта генералъ отъютантъ и несколько афицеровъ, а протчимъ наши салдаты пардону не дали; сія викторія еще часъ отъ часу множитца, и непрестанно розбитыхъ непріятелей наши стами въ обозъ приводятъ, между которыми есть доволное число и афице-

ровъ; командовали надъ онымъ корпусомъ генералы Левенгоптъ и Стакелъберхъ [которой въ той акціи убитъ, а Левенгоптъ раненъ въ ногу]. Piter.

З боевого мѣста, въ 29 д. Сентября 1708.

P. S. Генералъ Өлюкъ непріятеля бѣгущего достигъ въ Пропойску, изъ которыхъ болше пяти сотъ на мѣсте положилъ, да въ полонъ взяли сорокъ пять человѣкъ афицеровъ, съ семьсотъ редовыхъ и потомъ еще многихъ непрестанно въ нашъ обозъ привозятъ, и сами приходятъ изъ лесовъ, такоже и досталной обозъ съ три тысячи телѣгъ взяли, а досталныя шведы побѣжали внизъ по рѣкѣ Соже и въ пяти миляхъ вплавъ за рѣку плыли, за которыми ззади калмыки гнали и зѣло много побили; тако же брегадиръ Өастманъ, которой за Сожею съ командированными драгуны билъ и при переправе оныхъ такожъ много побили.

Помѣта Толстаго: «Получено чрезъ господина Шепелева, сего Октября 18 дня 708 году».

XXII.

[Тридцать четыре буквы и противъ нихъ условныя для секретной азбуки литеры и цифры.

Сею азбукою описыватца з господиномъ моэромъ Долгоруким, чево ради кнему такаважъ послана.

XXIII [1]).

†

Господинъ губернаторъ. Объявляю вамъ, что мы вчерашнего дня непріятеля дошли, стоячего зело въ крѣпкихъ мѣстахъ, числомъ шеснатцать тысячъ, которой тотчасъ насъ изъ лѣсу отаковалъ все пѣхотою во өланкъ; но мы тотчасъ три свои регименты швенкель противъ ихъ учинили, и прямо давъ залбъ на оныхъ пошли; правда, хотя непріятель зело жестоко изъ пушекъ и ружья стрѣлялъ, однако жъ оного сквозь лѣсъ прогнали къ ихъ коннице,

[1]) Письма № XXI и № XXIII, писанныя съ поля битвы подъ Лѣснымъ, въ началѣ мало разнятся, въ концѣ же непохожи; письмо подъ № XXIII хотя и отъ одного числа съ № XXI, но писано, вѣроятно, позже, такъ какъ тамъ обозначается точно количество непріятеля, и Петръ собственноручно именуетъ поле битвы и проситъ Ивана Толстаго, какъ уже о событіи оконченномъ, извѣстить брата своего Петра Андреевича Толстаго, посла въ Царьградѣ, и поздравляетъ съ побѣдою. Въ письмѣ № XXIII, въ PS. о преслѣдованіи по р. Сожѣ ничего не говорится. П. Т.

и потомъ непріятель нами въ бой вступилъ и, начавъ часъ после полудни, даже до темноты бой сей съ непрестаннымъ зело жестокимъ огнемъ пребывалъ и, непріятель не все отступалъ, но и наступалъ. и, викторіи во весь день нельзя было видеть, куды будетъ; но послѣди милостію побѣдыдавца Бога оного непріятеля сломивъ, побили на голову, такъ что труповъ на мѣстѣ съ восемь тысячъ осталось [кромѣ что по лесамъ отъ ранъ померло и калмыки побили]; обозъ весь съ двѣ тысячи телѣгъ, шеснатцать пушекъ, сорокъ два знамя и поле со всѣмъ осталось намъ, а непріятели достальныя разбежались по лесамъ, за которыми пошли сегодня вслѣдъ. А сколько съ нашей стороны побито и ранено, о томъ выправясь, вѣдомость прислана къ вамъ будетъ впредь; а съ непріятелской стороны въ полонъ взяты: одинъ полковникъ, да генерала Левенгопта генералъ отъютантъ и несколько лейтеровъ, а протчимъ наши салдаты пардону не дали; сія викторія еще часъ отъ часу множитца, понеже непрестанно бѣглыхъ или розбитыхъ шведовъ стами нагоняютъ и приводятъ въ нашъ обозъ, и мочно видеть, что оной корпусъ въ конецъ разорился. Сіи всѣ были природные шведы и ни одного человѣка не было во ономъ корпусѣ иноземца; і сею викторіею вам поздравляю. Piter.

З боевова мѣста от деревъни леснова въ 29 д. сентебря 1708.

P. S. сию вѣдомость немедленно пошли к брату в царгород.

Примѣч. Письмо, бывъ сложено конвертомъ, на оборотѣ имѣетъ надпись: «Господину Губернатору Толстому.—Въ Азовѣ».

XXIV.

†

Господинъ Губернаторъ! объявляю вамъ, что послѣ перебѣщика вора Мазепы, вчерашнего дни учинили здѣшней народъ элекцію на нового гетмана, гдѣ все какъ однеми устами выбрали скуропацкого, полковника стародубовского, и тако проклятой Мазепа кромѣ себя худа никому не принесъ [ибо народомъ имени ево слышать не хотятъ]; и симъ изрядным дѣломъ вамъ поздравляю. «Piter».

Въ 7 д., изъ Глухова, Ноября 1708.

P. S. Господинъ порутчикъ отъ гвардіи Ушаковъ, пріѣхавъ

отъ васъ изъ Азова, объявилъ намъ ваши пункты, на которые вы требовали указу, которые мы подписавъ, при семъ къ вамъ посылаемъ.

Донесть царскому величеству:

†

[Собственноручно].

Въ Бахмутѣ соляные заводы заводить ли?

Заводы завесть только с такимъ осмотреніемъ: первое—что б лѣсов дубовых нерубит, другое—чтоб горазда лутче сол азоѳъскую отпускат вверх вмѣсто сеи на продажу, а сей соли бы бит для вспоможения пока азоѳъской соли: торхъ прямо уставитца.

Чтобъ быть драгунскому полку въ Азовѣ и въ Тогане роге и ежели быть, изъ какихъ людей набрать?

Полкъ наберетца і пришлетца, только чтоб на жалованье оным із сих соленых і иных тамошних доходоѳъ бит.

Въ Лютике нынѣ салдаты, а донскимъ быть или нѣтъ?

Бит однѣм салдатом.

Также господинъ маеоръ Долгорукой и губернаторъ приказывали, чтобъ церодворцы, которые послали въ Озовъ въ сылку, чтобъ ихъ удовольствовать чемъ или отдать помѣстья ихъ назадъ. Для того, что они, во время приходу воровъ къ Азову, зело добро съ людми своими противъ ихъ стояли.

Помѣстья ихъ и вотчины отдать за службу ихъ велено, и о томъ указъ Автамону Иванову объявленъ будучи въ Смоленску.

Гулцовъ полкъ опредѣлить жалованьемъ для того, что дело ихъ въ нынешнемъ случае изрядно было.

Справитца.

Таковы пункты подписаны въ походе во Брянску, Октября въ 22 день 1708 г.

Помѣта Толстаго: «Получены въ Азовѣ Иванова полку Жедринского чрезъ салдата Ивана Максимова, ноября 23 дня 708 году».

Сообщ. П. С. Толстой.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ,

генералъ-аншефъ, сподвижникъ Петра I-го.

Письма къ дочери.

1714 г. [1]).

Отъ финской дер. Винол. 1714 іюля въ 9-й день.

Анна миленькая, будь здорова, съ матерью и съ братомъ, и буди милость Божія на тебѣ и благословеніе мое. Изъ Або съ полками пошли сего мѣсяца въ 1-й день, сюда пріѣхали въ 6-й день, а сего дня сѣли на суда и пошлыли къ Ѳедору Апраксину (1), а онъ стоитъ у берега на морѣ, отсюдова верстъ съ 20. Можетъ быть, не зимовать ли намъ здѣсь или какъ Богъ изволитъ.

По семъ буди благословеніе мое на тебѣ. А писемъ отъ васъ мало не четыре мѣсяца нѣтъ. Отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «1714 году августа 14-го подано отъ Голицына».

1. Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ—генералъ-адмиралъ. П. А.

Съ полукаторги противъ деревни Тереминде. 1714 іюля въ 20-й день.

Аннушка миленькая, буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе. Будь здорова, съ матерью и съ братомъ. Спасибо, что писала ко мнѣ, апрѣля въ 28-й день, а мнѣ подано въ походѣ, на полукаторгѣ, сего іюля въ 9-й день. Въ самый день св. Пасхи мать ваша плакала и отъ того была больна. Можно было тебѣ ей бить челомъ, чтобы она въ такой день не плакала. Будетъ плакать обо мнѣ—и то уже не впервые. А будетъ о дѣтяхъ, какъ и на старости почитай всегда одинъ, да что дѣлать? быть такъ. Хотѣлось

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 169—186.

и мнѣ съ вами жить—то Богъ одинъ вѣдаетъ. Надѣюсь къ Рождеству Христову быть вамъ у меня, или я къ вамъ буду.

По семъ будь здорова въ благословеніи моемъ. Отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «1714 года августа въ 5-й день подалъ братъ Сергѣй».

1714 году 29-го іюля.

Аннушка миленькая, буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе; будь здорова, съ матерью и съ братьями. Спасибо, что писала ко мнѣ двѣ грамотки: іюня въ 11-й день и іюля во 2-й день. Шведскіе корабли прошли, и стрѣляли они по насъ изъ пушекъ много, только безвредно проплыли (1); того-жъ числа у Тангута урочища, въ заливѣ, застали ихъ одинъ корабль и шесть скаппавей, и бой съ ними былъ жестокій, только тѣ всѣ ихъ суда взяли и шаубенахта и нѣсколько начальныхъ, а солдатъ человѣкъ съ триста, а иныхъ побили, а человѣкъ съ сорокъ ушло на мелкихъ судахъ, на берегъ (2), и пойдемъ къ Або на судахъ. А въ первыхъ числахъ декабря съ вами увижусь. Отецъ твой И. И.

Писалъ противъ урочища Тангута, съ скаппавея.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «1714 года августа въ день привезъ отъ Мусина сынъ Платонъ».

1. Одна наша галера попала при этомъ на мель и взята непріятелемъ (Голиковъ, «Дѣянія Петра Вел.», т. V, стр. 248).

2. Тутъ рѣчь идетъ о морской битвѣ 23-го іюля при мысѣ Гангудѣ, между Гельсингфорсомъ и Або, въ которой предводительствовалъ нашимъ флотомъ самъ Петръ, одержавшій полную побѣду надъ шведами, взявъ въ плѣнъ контръ-адмирала Ереншильда съ фрегатомъ и десятью галерами. П. А.

Изъ Петербурга. 1714 г. ноября въ 30-й день.

Аннушка миленькая, буди мое благословеніе на тебѣ и будь здорова, съ матерью и съ братцами. Подано мнѣ твое письмо, какъ я ѣхалъ сюда, въ Петербургъ, сего мѣсяца въ 22-й день, пишешь въ которомъ, чтобы я былъ къ вамъ. Можетъ быть, хотя не надолго увижусь, а я, часъ отъ часу, больнѣе и печальнѣе.

Пріѣхавъ я сюды, въ Петербургъ, сего мѣсяца въ 28-й день (1), по прибавочную себѣ скорбь и печаль. А память у меня гораздо стала худа. Только бы съ чистымъ покаяніемъ, а не худа и смерть. Посемъ буди мое благословеніе на тебѣ отъ всего моего сердца. Отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «1714 года декабря въ 15-й день подалъ Левшинъ».

1. Тогда какъ торжественное вступленіе нашихъ войскъ въ Петербургъ было 9-го сентября (Голиковъ, «Д. Петра Великаго», т. V, стр. 254).

П. А.

Изъ Петербурга 1714 году декабря въ 23-й день.

Аннушка миленькая и бѣдная, буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе. Здравствуй съ матерью. Душевно ты и сердечно хочешь со мною видѣться—да Богъ какъ изволитъ. Спасибо, миленькая, на твоемъ письмѣ, которое мнѣ подалъ сего числа запалошной (?) драгунскій урядникъ Ушаковъ. Будетъ Богъ изволитъ и живъ буду, въ январѣ въ 10-мъ числѣ къ вамъ поѣду 1715 году.

При семъ будь здорова, милостію Божіею и моимъ благословеніемъ. Писалъ я, отецъ твой И. И.

Здравствуй, Аннушка, въ праздникъ Христова Рождества—послѣ завтра будетъ.

На оборотѣ адресъ: «Женѣ моей Мареѣ Тимоѳѣевнѣ».

Другимъ почеркомъ: «1714 года декабря въ 28-й день прислалъ братецъ».

Отъ Петербурга. 1715 г. января въ 14-й день.

Аннушка миленькая, буди на тебѣ милость Божія и отъ сердца моего мое благословеніе. Подано мнѣ отъ тебя письмо твое прошедшаго декабря въ 29-й день. И на томъ тебѣ спасибо. Зотова свадьба не была декабря въ 28-й день, что царица была больна, а конечно будетъ послѣ-завтра (1). А я поѣду сегожъ мѣсяца въ 28-й день. И я въ томъ такъ безсчастенъ, чаю въ нашей землѣ немного такихъ сыщется. Безмѣрно было хотѣлось мнѣ съ вами больше пожить. А сею остановкою двѣ недѣли и четыре дни у меня и у васъ пропало—и того съ вами не жить. Писала ты ко мнѣ, чтобы я тебя простилъ, въ твоемъ письмѣ. И ты, бѣдненькая, ничего досаднаго не писала, только отъ нестерпимой своей горести писала все.

По семъ будь здорова съ матерью. Отецъ И. И.

1. Тутъ идетъ рѣчь о шутовской свадьбѣ бывшаго учителя Петра В., потомъ князь-папы, Никиты Моисеевича Зотова. Свадьба эта была первоначально назначена 29-го сентября 1714 года, декабря 12-го была сдѣлана ей репетиція и, какъ видно изъ этого письма, предполагалась, но не состоялась 28-го декабря, а была отпразднована 16-го января 1715 г., на что и указываетъ настоящее письмо. На свадьбѣ этой Бутурлину было предоставлено нарядиться такъ же, какъ и государь былъ наряженъ: въ костюмъ разной манеры, т. е. какъ угодно, и имѣть въ рукахъ барабанъ. Государь былъ одѣтъ матросомъ.

П. А.

Изъ Петербурга. 1715 г. февраля въ 5-й день.

Аннушка миленькая, здорова будь, съ матерью и съ братцами, и буди мое благословеніе отъ сердца моего на тебѣ, на вѣки. Безсчастіемъ моимъ и вашимъ бѣднымъ съ матерью, я съ вами не увижуся. И ѣхать неволи: назадъ быть велятъ въ Страстную субботу. Что дѣлать, быть такъ; Богу такъ

угодно. Миленькая Аннушка, учини волю мою: сколько можешь—разговаривай мать и бей челомъ, чтобъ не печалилась, и сама ты, миленькая, не печалься. При семъ буди мое благословеніе на тебѣ. Писалъ я, отецъ твой И. И.

Изъ Петербурга. 1715 г. апрѣля въ 19-й день.

Аннушка миленькая, будь здорова, съ матерью. И буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь. Пріѣхалъ я сюда сего мѣсяца въ 15-й день. Далъ Богъ здоровья. Только трудъ принялъ: отъ Ладоги ѣхалъ верхомъ и еслибъ не такъ, не пріѣхалъ бы то число.

О себѣ еще не провѣдалъ, кой часъ провѣдаю, тотчасъ къ матерѣ и къ тебѣ отпишу.

Будь здорова въ день великаго сего праздника Свѣтлаго Христова Воскресенья со мною и съ матерью. Писалъ я, отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ, «1715 года апрѣля въ 19-й день. Принесено отъ князя Михаила Владиміровича Долгорукова».

Изъ Петербурга. 1715 г. апрѣля въ 27-й день.

Аннушка миленькая, буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь, и будь здорова съ матерью. А о мнѣ вѣдай, что я, Божіею милостію, живъ. О себѣ: гдѣ мнѣ зимовать? и о походѣ нашемъ еще не свѣдомъ. Нынѣшнею недѣлею, чаю, увѣдаю и какъ скоро увѣдаю, тотчасъ къ вамъ отпишу. А въ походъ скорѣе мая середи, надѣюсь, не пойдемъ. По семъ будь здорова, миленькая. Писалъ я, отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ вверху листа: «1715 года мая въ 16-й день принесена отъ Каптяжена».

На оборотѣ же—адресъ: «отдать на Москвѣ на дворѣ Ивана Бутурлина».

Изъ Петербурга. 1715 г. мая въ 6-й день.

Аннушка, буди мое благословеніе на тебѣ, нынѣ и впредь. Будь здорова и съ матерью, а я, Божіею милостію, еще живъ. Пойдемъ въ походъ сего мѣсяца въ 20-й день или ноччя (sic) въ 22-й день. Помнишь ты, будучи я на Москвѣ, говорилъ, чтобъ, вычиня коверъ, ѣхать вамъ ко мнѣ? и теперь такъ пишу. О семьѣ, жалѣя васъ, говорилъ Гаврила Головкинъ для худой дороги, чтобъ нынче не ѣхать, а ѣхать бы по первому пути. Апосля съ нимъ же надумавъ поступили на страхъ и писалъ я къ матерѣ, чтобъ ѣхать изъ Москвы ноччя іюля въ 24-й день. Что дѣлать, хотя тебѣ и худо ѣхать будетъ—быть такъ. Не лучше ли, раздумай, для своихъ молодыхъ

собачекъ, жаль—затрясешь ихъ. При семъ будь здорова, сучка миленькая. Писалъ я, отецъ твой И. И.

Спасибо, Анютка, что писала ко мнѣ апрѣля въ 21-й день, которое письмо мнѣ подано въ 30-й день.

На оборотѣ другою рукою: «1715 года мая въ 20-й день подалъ человѣкъ Долгорукова».

Изъ Петербурга. 1715 г. мая въ 21-й день.

Аннушка миленькая, буди мое благословленіе на тебѣ и нынѣ и впредь. Будь здорова съ матерью. О мнѣ вѣдай, что я, Божіею милостію, еще живъ. Отдалъ мнѣ твое письмо князь Михайловъ сынъ Долгорукова князь Сергей (1) и на томъ тебѣ спасибо, что ты ко мнѣ пишешь. Писала ты ко мнѣ, чтобъ я помнилъ свое слово и взялъ бы мать и съ тобою къ себѣ. И я помню, помни ты: чинить коверъ, а если не вычинишь: мать возьму и съ того числа она ко мнѣ поѣдетъ, какъ я къ ней писалъ, а ты, сучка, останешься. Писалъ я, отецъ твой, И. И.

На оборотѣ тою же рукою—адресъ: «Женѣ моей Маріѣ Тимоѳеевнѣ Бутурлиной».

На оборотѣ, вверху, помѣта другимъ почеркомъ: «1715 года іюня въ 11-й день подалъ отставной писарь Московскаго полку».

1. Сергій Михайловичъ Долгоруковъ, въ послѣдствіи генералъ-маіоръ, умеръ 15-го сентября 1763 года. П. А.

Изъ Петербурга. 1715 г. мая въ 29-й день.

Аннушка миленькая, буди мое благословеніе на тебѣ. Будь здорова съ матерью. Писалъ я къ матери и къ тебѣ пишу: поѣзжайте изъ Москвы ночче іюля въ 10-й день, а про коверъ, и про зимній путь, и про собакъ писалъ я къ тебѣ смѣяся. Коли бы правда, то и я бы не велѣлъ вамъ такъ ко мнѣ скоро ѣхать. Пріѣзжайте-ка ко мнѣ и готовь свои уши: чаю быть имъ драными. Скажи матерѣ: я къ ней позабылъ написать, что оставилъ вамъ пять человѣкъ деньщиковъ, чтобъ ко мнѣ вамъ людней ѣхать. По семъ буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь. Писалъ я, отецъ твой И. И.

И сего числа поплывемъ въ Колывань (1). Послалъ я письмо къ Алексѣю Салтыкову (2) в семъ оберткѣ. Молвь матерѣ, чтобы отослала, а я писалъ, чтобъ онъ давалъ мнѣ всякую помощь, въ приказныхъ дѣлахъ.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «1715 года іюня подалъ человѣкъ Ѳедора Емельяновича Бутурлина (3)».

1. Ревель.

2. Бояринъ Алексѣй Петровичъ, подписавшій смертный приговоръ царевича Алексѣя Петровича; ему поручено было, въ 1723 году, Петромъ искать

мраморъ въ Самарскихъ (вѣроятно—Жигулевскихъ) горахъ (Голиковъ, т. IX, стр. 467).

3. Былъ при Петрѣ комнатнымъ стольникомъ и подписался подъ смертнымъ приговоромъ царевича Алексѣя Петровича; состоялъ воеводою провинціальнаго города Углича. П. А.

Отъ Котлина острова. Іюня въ 10-й день 1715 году.

Аннушка миленькая, буди мое благословеніе на тебѣ и нынѣ и впредь. Будь здорова съ матерью. Писалъ я къ тебѣ прошедшаго мая въ 29-й день и то число поплылъ я на полукаторгѣ изъ Петербурга въ Колывань (Ревель), а къ Котлину острову приплылъ сего мѣсяца въ 1-й день, Божіею милостію, въ добромъ здоровьѣ. Конечно, поѣзжайте изъ Москвы іюля въ 10-й день, а прежде не ѣздите. Права ты, а я нѣтъ: хотѣлъ къ тебѣ писать двѣ граматки, а писалъ три. Скажи отъ меня матерѣ, чтобы велѣла Ивашку Калина, будетъ выучился словесному, отдать писать хорошему мастеру, а онъ перенимчивъ, станетъ хорошо писать.

Гдѣ мнѣ зимовать—еще нѣтъ указу, подлинно отпишу сего мѣсяца изъ Колывани, конечно.

По семъ будь здорова съ матерью. Писалъ я, отецъ твой И. И.

Можетъ быть, что завтра поплывемъ въ Колывань.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «1715 года іюня въ 20-й день принесла Анна Семеновна Савелова».

Отъ Котлина острова. 1715 г. іюня въ 14-й день.

Аннушка миленькая, буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь; буди здорова съ матерью.

Рѣчь носится, будто мнѣ изъ Колывани ѣхать въ Петербургъ, въ послѣднихъ числахъ августа, и буде то правда, и я надѣюсь отпроситься къ Москвѣ, а такъ отпрошусь, что, собравшись совсѣмъ, пріѣду на житье въ Петербургъ.

И вамъ ѣхать надобно іюля въ 10-й день, какъ я вамъ и прежде сего писалъ, а въ Твери подождать отъ меня письма. Будетъ мнѣ зимовать въ финахъ (1) и вы ко мнѣ поѣдете, а будетъ, я буду въ Петербургѣ, для чего даромъ далѣе ѣхать? только ненадобный какабой (sic). А я, конечно, подлинную вѣдомость о себѣ возьму, и въ семъ мѣсяцѣ, изъ Колывани, къ вамъ отпишу. По семъ будь здорова. Писалъ отецъ твой И. И.

1. Въ Финляндіи.

Изъ Петербурга. 1715 г. іюля въ 29-й день.

Аннушка миленькая, будь здорова съ матерью и буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь. Пиши ко мнѣ о материномъ здоровьѣ и о своемъ.

Поплыли мы, въ мелкихъ судахъ, отъ Котлина острова, сего мѣсяца въ 23-й день и того же числа приплыли въ Петербургъ. И опять поплывемъ къ Котлину, въ 1-мъ или 2-мъ числѣ іюля, и будетъ на насъ вѣтеръ будетъ отъ Котлина, тогожъ дня или на завтра, поплывемъ въ Колывань, приплывъ къ Котлину.

О себѣ я нынѣшняго числа доложусь у государя: гдѣ мнѣ зимовать? И немедленно къ вамъ отпишу. Отпиши ко мнѣ: всѣ ли письма дошли къ матерѣ и къ тебѣ, и которыхъ мѣсяцевъ и чиселъ тѣ мои письма писаны? Писалъ къ матерѣ въ ея письмѣ. По семъ будь здорова. Писалъ я, отецъ твой И. И.

Изъ Колывани. 1715 году іюля въ 31-й день.

Аннушка миленькая моя, буди мое благословеніе на тебѣ, отнынѣ и впредь на вѣки; будь здорова и съ матерью. Подано мнѣ твое письмо сего мѣсяца въ 17-й день, въ Колыванѣ. И шли мы на корабли и на галеры. Иной часъ, или тотчасъ и поплыли къ городку Гапсаль и писать было мнѣ къ тебѣ, миленькая моя, не коли. И въ 22-й день къ тому городку приплыли и государь поплылъ назадъ, въ Колывань, а я, съ галернымъ флотомъ, оставленъ и плыть было мнѣ въ Ригу, только ждалъ указу и въ 26-й день велѣно мнѣ полки и суда оставить и приказать Семеновскаго полку полуполковнику и князю Петру Голицыну (1), да галерному капитану камондору Змаевичу (2), а самому мнѣ ѣхать сухимъ путемъ въ Колывань, и въ 28-й день въ Колывань я пріѣхалъ. Какъ было мнѣ васъ взять? и пріѣхали бы въ Питеръ, а я бы съ вами не жилъ-же, а въ Ѳинскую землю не пускаютъ. Весну и осень о себѣ указу не добьюсь, истинно не знаю, что мнѣ и дѣлать. Только надѣюсь, что буду я въ Петербургъ, и чаю, сентября въ первыхъ числахъ пріѣдемъ; и буде меня къ Москвѣ не пустятъ, велю вамъ ѣхать къ себѣ, хотя и нуженъ будетъ путь. Писала ты, безумная, что отъ великой печали кровь тебѣ метали, и ты меня безъ мѣры тѣмъ опечалила. Свидѣтель одинъ Богъ: что въ моемъ сердцѣ о тебѣ! Не радъ я такой твоей ласкѣ, какъ ты ко мнѣ ласкова. Пожалуй, для Бога, отставь такую безмѣрную печаль. А возить гдѣ мнѣ было васъ съ собою, и на чемъ? Все лѣто не много на одномъ мѣстѣ жили. При семъ, миленькая Ивановна, здравствуй и съ матерью. Писалъ я, отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «1715 сентября въ 5-й день принесено отъ Мусина».

1. Петръ Алексѣевичъ, сенаторъ, ближній стольникъ и первый (въ 1708 году) архангельскій губернаторъ.

2. Змаевичъ—вице-адмиралъ. П. А.

Изъ Колывани. 1715 г. августа въ 13-й день.

Аннушка миленькая Ивановна, буди мое благословеніе на тебѣ, нынѣ и впредь, здравствуй съ матерью.

Нынѣшняго мѣсяца въ 20-й день, конечно, поѣду сухимъ путемъ въ Петербургъ,—отпущенъ сбираться, а октября въ 10-й день поѣду въ Курляндію, къ полкамъ. И вы какъ можете собраться скорѣе и ѣхать ко мнѣ на-легкѣ. Хотя бы мнѣ съ вами увидѣться на два дни. Можетъ быть, долго не увидимся. Да возьми съ собою финца малова Ивашку, будетъ выучился писать. Здравствуй, миленькая, со вчерашнимъ праздникомъ Успенія Пресвятыя Богородицы. Писалъ я, отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «принесена изъ посольскаго приказа сентября въ 3-й день 1715 году».

Изъ Колывани. 1715 г. августа въ 22-й день.

Аннушка миленькая моя Ивановна, буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь. Будь здорова съ матерью на многія лѣта. А о мнѣ вѣдай, что я, Божіею милостію, еще живъ. Писалъ сего мѣсяца въ 16-й день, что мать и ты ѣхали ко мнѣ на своихъ лошадяхъ. И вы поѣзжайте на ямскихъ, скорѣе ко мнѣ будете, для того что лошади будутъ перемѣнныя. Какъ возможно поспѣшите ко мнѣ, хотя бы въ послѣднихъ числахъ сентября ко мнѣ вы пріѣхали. И будетъ есть у васъ хорошихъ водокъ, привезите съ собою или съ моими лошадьми, которыхъ стоялыхъ поведутъ, а полевыхъ погонятъ, велите везти, для того что тише поѣдутъ, безпремѣнно довезутъ. По семъ будь здорова съ матерью. Писалъ я, отецъ твой И. И.

И завтра я поѣду въ Петербургъ, а буде успѣю и нынче.

На оборотѣ, тою же рукою, адресъ: «отдать на Москвѣ на дворѣ Ивана Бутурлина».

Помѣта другимъ почеркомъ: «1715 г. сентября въ 4-й день принесено изъ посольскаго приказа».

Сообщ. въ 1875 г. П. В. Алабинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И. Л. ВАРУНЪ-СЕКРЕТА

О СЛУЖБѢ ВЪ АРМІИ

1823—1860 гг.

I.

По вступленіи моемъ на службу, въ 1823 году, въ Камчатскій пѣхотный полкъ, квартировавшій въ Дубоссарахъ, Херсонской губерніи, отправленъ былъ я въ юнкерскую школу [1]), бывшую при штабѣ 6-го корпуса, въ Тирасполѣ; тамъ оставался я недолго, потому что преподаваніе въ ней наукъ было не выше тѣхъ предметовъ, которые проходилъ я, до поступленія въ службу, въ Ольвіопольскомъ уѣздномъ училищѣ. Въ исходѣ 1824 г., я возвратился въ полкъ, зачисленъ во 2-ю гренадерскую роту, которою командовалъ Ламбровичъ, родомъ сербъ, воспитанный въ Дворянскомъ полку, весьма серьезный по характеру и дѣльный по службѣ. Подъ его руководствомъ началась мое фронтовое обученіе, и не безуспѣшно: молодость легко переносила требованія тогдашнихъ учебныхъ шаговъ, разныхъ пріемовъ; служба въ то время въ Камчатскомъ полку, при такомъ образованномъ командирѣ, какимъ былъ Н. Я. Репинскій, была и пріятна, и завлекательна, но между тѣмъ требованія ея какъ-то не согласовались съ его характеромъ, и потому новымъ командиромъ назначенъ былъ изъ учебнаго баталіона, бывшаго при 2-й арміи, А. Г. Лисецкій; при немъ хозяйственная часть въ полку, въ мелочи которой не входилъ его предмѣстникъ, подвинулась; фронтовая была и до него хороша, при отличномъ тогда составѣ общества въ

---

[1]) Юнкерская школа въ 6-мъ корпусѣ обязана учрежденіемъ корпусному командиру И. В. Сабанѣеву. В.-С.

полку офицеровъ. При такомъ состояніи, Камчатскій полкъ вмѣстѣ съ Охотскимъ полкомъ, которымъ командовалъ А. Н. Бѣлогужевъ, считались между 1824—1828 годами, изъ лучшихъ, по достоинству полковъ, во 2-й арміи. Въ періодъ этотъ служебная дѣятельность Камчатскаго полка не имѣла особенностей, кромѣ передвиженій съ однѣхъ стоянокъ на другія, въ югозападныхъ губерніяхъ и Бессарабіи, лагерныхъ занятіяхъ, въ содержаніи городскихъ карауловъ и кордонной службѣ, по рѣкамъ Днѣстру и Пруту, во время чумной эпидеміи въ Турціи—въ 1826 и 1827 годахъ. Былъ только случай не совсѣмъ обыкновенный, состоявшій въ томъ, что, когда назначенъ былъ командиромъ корпуса генералъ Ротъ и потребовалъ усилить дѣятельность фронтоваго обученія, низшее начальство слишкомъ по-усердствовало, и вызвало этимъ непомѣрные побѣги; отозвалось оно въ особенности во 2-мъ баталіонѣ Камчатскаго полка, занимавшемъ караулы въ крѣпости Хотинѣ, изъ которой въ самое короткое время ушло за рѣку Прутъ до пятидесяти человѣкъ, въ томъ числѣ много старослуживыхъ, чему впрочемъ поспособствовали русскіе старовѣры, проживавшіе за Прутомъ, подъ названіемъ некрасовцовъ; бѣжавшіе скрылись безвозвратно.

Наступилъ 1828-й годъ.

Камчатскій полкъ, квартируя зиму въ Подольской губерніи, получилъ неожиданно, въ началѣ апрѣля мѣсяца, распоряженіе выступить въ полномъ составѣ и слѣдовать къ городу Могилеву-на-Днѣстрѣ; между тѣмъ цѣль такого внезапнаго похода не была всѣмъ въ полку извѣстна. Прибывши въ Могилевъ, полкъ двинутъ безостановочно въ Бессарабію и, пройдя бо́льшую ея часть, остановленъ при рѣкѣ Прутѣ, у селенія Вадулуй-Исаки. Тутъ уже сдѣлалось очевиднымъ, по сбору на этомъ пунктѣ разныхъ родовъ войскъ въ значительномъ числѣ, что походъ назначенъ въ Турцію.

На другой, послѣ прихода, день, именно, 25-го апрѣля 1828 г. утромъ, отслуженъ былъ въ полкахъ напутственный молебенъ, и, послѣ ранняго обѣда, началась переправа чрезъ рѣку Прутъ, въ Молдавію, по двумъ понтоннымъ мостамъ, наведеннымъ въ тотъ же день саперами. Переправа состоялась безъ всякихъ препятствій; непріятельскихъ войскъ въ Молдавіи не было, кромѣ тѣхъ, которыя находились въ крѣпости Браиловѣ, куда и направлены были полки 7-го корпуса для блокады. Перейдя границу, войска двинулись бодро, поощряемые примѣромъ старослуживыхъ, знакомыхъ съ войною въ 1810, 1812 и 1814 годахъ, наполнявшихъ еще, хотя изрѣдка, ряды войскъ, имѣвшихъ медали тѣхъ войнъ, а нѣкоторые и георгіевскіе кресты; всѣ они отличались физическими силами и удалью, вродѣ, напри-

мёръ; унтеръ-офицера 2-й гренадерской роты Маслова, который, прослуживъ во фронтѣ 25 лѣтъ и участвуя во всѣхъ войнахъ съ 1810 по 1831 годъ, былъ до самой отставки первымъ парадным ординарцемъ въ полку; георгіевскій крестъ и много медалей украшали его грудь.

По вступленіи въ Молдавію, первый небольшой переходъ не утомилъ войска, но слѣдующій за нимъ, въ 40 верстъ, далъ себя пѣхотнымъ войскамъ весьма почувствовать отъ непривычки людей къ тяжести походной съ сухарнымъ запасомъ, аммуниціей и шанцовымъ инструментомъ [1]), который они должны были нести на себѣ по очереди; отсталые были преимущественно изъ молодыхъ солдатъ; всѣ они однакожъ, впродолженіе ночлега, подошли къ своимъ частямъ, а чрезъ недолгое время попривыкли къ переношенію трудовъ военнаго времени.

Движеніе войскъ 6-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Рота, чрезъ Молдавію и Валахію, распоряжено было по двумъ направленіямъ: чрезъ городъ Бузеа, къ нижнему Дунаю, и къ городу Бухаресту; части, назначенныя къ нижнему Дунаю, расположились, на нѣкоторое время, въ деревняхъ по рѣкѣ Яломицѣ, на тѣсныхъ квартирахъ, и потомъ двинуты для переправы чрезъ Дунай, вблизи крѣпости Гирсова, имѣя назначеніе обложить крѣпость Силистрію, а слѣдовавшіе къ Бухаресту—для занятія этого города, для аванпостовъ по верхнему Дунаю, для наблюденія крѣпостей на правомъ берегу его, не обложенныхъ блокадою.

Вскорѣ по занятіи аванпостовъ по лѣвому берегу Дуная получено было свѣдѣніе, что турки Силистрійскаго гарнизона сдѣлали покушеніе на мѣстечко Каларашъ, гдѣ у нихъ заготовлена была соль въ большомъ количествѣ, которую не успѣли перевезти за Дунай, и что нашъ кавалерійскій аванпостъ въ Каларашѣ не былъ въ состояніи отбить покушеніе турецкой пѣхотной партіи, не имѣя соотвѣтственнаго оружія; вслѣдствіе этого посланъ былъ туда 2-й баталіонъ Камчатскаго полка. По приходѣ баталіона, покушеніе повторилось; но кончилось для турокъ неудачно; они поплатились урономъ и поторопились отплыть, лишь-только появились на лодкахъ, по рукаву Дуная, протекающему у самаго Калараша; въ перестрѣлкѣ съ ними не было въ баталіонѣ никакой потери, потому что ружейный огонь застрѣльщиковъ производился изъ-за насыпей, возведенныхъ по берегу дунайскаго рукава; отраженіе турокъ было-бы удачнѣе, если-бы партія ихъ допущена была высадиться на берегъ, но

[1]) Топоры, кирки и желѣзныя лопаты. В.-С.

какъ это былъ первый боевой шагъ, то и онъ не обошелся безъ торопливости, по новости дѣла.

Занятіе Калараша баталіономъ продолжалось до времени обложенія крѣпости Силистріи, послѣ чего баталіонъ двинутъ къ Гирсовской переправѣ; тамъ поступилъ на дунайскую флотилію, въ десантъ, и совершилъ плаваніе къ Силистріи для общей блокады, впродолженіе которой, съ іюля по сентябрь, постоянно принималъ участіе трудами при бомбардировкахъ съ флота, подъ отвѣтными выстрѣлами изъ крѣпости, съ особымъ азартомъ производимыми. 1-й баталіонъ Камчатскаго полка, находившійся въ числѣ войскъ сухопутной блокады, участвовалъ въ всѣхъ дѣлахъ при вылазкахъ турокъ, изъ коихъ самыя значительныя были 16-го августа, при занятіи нашими войсками второй параллели осады, и сентября 1-го и 2-го, при нападеніи на лѣвый флангъ нашъ, довольно слабый, по количеству блокирующихъ войскъ, вылазкою изъ крѣпости и одновременно нападеніемъ съ тыла отряда партіи, появившейся со стороны крѣпости Шумлы для прорыва въ Силистрію; атака турокъ отбита, но усилія, при отраженіи, не обошлись баталіону безъ чувствительной потери: въ числѣ раненыхъ въ баталіонѣ были три ротныхъ командира и офицеръ, начальствовавшій передовою стрѣлковою цѣпью [1]). Еще былъ, во время блокады Силистріи войсками 6-го корпуса, отдѣльный случай подвига, при отбитіи атаки турокъ на редутъ, бывшій на оконечности лѣваго фланга блокады, который охраняли сборные отъ полковъ команды, подъ начальствомъ маіора Сельвана, вызваннаго для этого отъ своего 2-го баталіона Камчатскаго полка, находившагося на дунайской флотиліи. Отбитіе штурма на редутъ стоило туркамъ большой потери. За это дѣло награжденъ былъ Сельванъ золотою полусаблею.

Во второй половинѣ сентября, 6-й корпусъ смѣненъ подъ Силистріею 2-мъ корпусомъ и двинутъ къ крѣпости Шумлѣ. Слѣдуя туда лѣсистою мѣстностію, войска корпуса тревожимы были изъ лѣса партіями турокъ, нападавшихъ преимущественно на обозы, къ чему поощрили ихъ удачи надъ проходившимъ предъ тѣмъ по этой дорогѣ эскадрономъ уланъ, посланнымъ съ депешами изъ-подъ Силистріи къ Шумлѣ, въ главный штабъ арміи [2]). И въ такой же потомъ

---

[1]) Капитаны Гриневичъ 1-й и Терешецъ, умершій тамъ-же отъ раны; поручики Миллеръ и Фонъ-Іоркъ 1-й.

[2]) Подробности геройской битвы эскадрона съ трехъ-тысячнымъ отрядомъ турецкой отборной кавалеріи описаны эскадроннымъ командиромъ въ письмѣ изъ плѣна къ полковому командиру («Русскій Инвалидъ» 1831 г., № 81).

В.-С.

битвѣ казачьяго полка, атакованнаго по дорогѣ въ дефиляхъ громадною партіею турокъ.

По прибытіи къ Шумлѣ, нѣкоторые полки 6-го корпуса, въ томъ числѣ и Камчатскій, участвовали при отраженіи вылазокъ 1-го и 2-го октября. Потомъ, 16-я дивизія оставалась на позиціи при деревнѣ Туркъ-Арнаутъ-Ларѣ, для отраженія покушенія турокъ на отступавшія войска изъ-подъ Шумлы по снятіи блокады; наконецъ суровое время осени заставило турокъ убраться въ Шумлу, и войска 16-й дивизіи направлены на зимовую стоянку въ приморскіе города Добруджи, Камчатскій полкъ—въ г. Мангалію.

Не успѣли устроиться въ полуразрушенномъ войною г. Мангаліи, какъ получено было распоряженіе перейти полку въ городъ Бальчикъ, сосѣдній съ крѣпостію Варною, занятою нашими войсками. Переходъ этотъ имѣлъ свои особенности: необходимо было пройти болѣе 40 верстъ по открытой приморской равнинѣ; сначала до города Каварны на этомъ пространствѣ были только кое-гдѣ развалины разоренныхъ деревень. Въ день выступленія полка изъ Мангаліи (это было въ ноябрѣ), поднялась при значительной стужѣ снѣжная метель; она могла быть гибельна для полка, при наступленіи ночи и при усталости людей, на занесенной снѣгомъ дорогѣ, но, къ счастію, случайно замѣчены были въ сторонѣ отъ дороги развалины деревни; въ ней, въ сумеркахъ уже, полкъ пріютился для ночлега, нашелъ остатки плетневыхъ заборовъ, воспользовался ими для костровъ, и, на другой день, оставя двухъ или трехъ человѣкъ, замерзшихъ на ночлегѣ, пришелъ къ вечеру того дня въ Каварну; ночлегъ и дневка въ этомъ городѣ, уцѣлѣвшемъ отъ разоренія, небольшой оттуда переходъ въ Бальчикъ, также не разоренный, и стоянка тамъ кратковременная—были для полка отдыхомъ; затѣмъ полкъ потребованъ въ крѣпость Варну.

Передвиженіе туда, въ январѣ 1829 года, во время стужи, при двухъ ночлегахъ, хотя и въ лѣсу, но на снѣжномъ бивакѣ, обошлось безъ приключеній, чему много способствовало постоянное наблюденіе офицеровъ, наученныхъ опытомъ при движеніи изъ Мангаліи, за поддержкою бивачныхъ костровъ и недопущеніе солдатъ предаваться безпечному сну на морозѣ.

По прибытіи въ Варну, полкъ назначенъ былъ въ десантъ на эскадру, снаряженную для овладѣнія приморскимъ городомъ Сизополемъ, въ Бургасскомъ заливѣ, порученнаго адмиралу Кумани. Эскадра отплыла отъ Варны 10-го или 12-го февраля, а 15-го была уже подъ Сизополемъ и встрѣчена выстрѣлами изъ городскихъ укрѣпленій, что и вызвало бомбардированіе съ эскадры; но послѣ недол-

эскадру, снаряженную для овладѣнія приморскимъ городомъ Сизополемъ, въ Бургасскомъ заливѣ, порученнаго адмиралу Кумани. Эскадра отплыла отъ Варны 10-го или 12-го февраля, а 15-го была уже подъ Сизополемъ и встрѣчена выстрѣлами изъ городскихъ укрѣпленій, что́ и вызвало бомбардированіе съ эскадры; но послѣ недолгаго времени турки пожелали переговоровъ о сдачѣ города; это продолжалось до ночи и поспособствовало уйти ночью лучшей части гарнизона, какъ послѣ разсказывали жители города—греки; осталась только небольшая партія въ полевомъ укрѣпленіи, внѣ города, которая, на другой день утромъ, взята въ плѣнъ десантомъ, вмѣстѣ съ полевымъ укрѣпленіемъ и однимъ въ немъ полевымъ орудіемъ; дѣло обошлось безъ потери, хотя и сдѣлано два или три пушечныхъ выстрѣла изъ укрѣпленія. Затѣмъ городъ занятъ безъ боя, и турецкія власти въ немъ сдались въ плѣнъ.

По овладѣніи Сизополемъ, приступлено къ укрѣпленію возвышенностей впереди города, для обезпеченія обороны его и окрестностей съ пастбищами и дровами для города и войска, и сдѣлана еще попытка эскадрою овладѣть приморскимъ укрѣпленнымъ городомъ Ахіоло, но безуспѣшно: большія суда не могли по мелководію подойти обстрѣливать береговыя его укрѣпленія, безъ чего и высадку сдѣлать было немыслимо.

Во второй половинѣ марта сизопольскій отрядъ усиленъ высланными изъ Варны на судахъ полками Азовскимъ, Днѣпровскимъ и Украинскимъ; одинъ редутъ, на возвышенности внѣ города, былъ оконченъ. Турки, не подозрѣвая, конечно, этого оборонительнаго обезпеченія города, атаковали 28-го марта, на разсвѣтѣ, оборонительную линію сильнымъ отрядомъ, подъ начальствомъ извѣстнаго тогда у нихъ военными способностями Гусейна-паши, и пошли на штурмъ редута, имѣя въ виду непремѣнное овладѣніе городомъ Сизополемъ, сдѣлавшимся важнымъ стратегическимъ пунктомъ, въ ожиданіи перехода нашихъ войскъ чрезъ Балканы. Атака турокъ отбита блистательно 2-мъ баталіономъ Камчатскаго полка, подъ начальствомъ маіора Сельвана съ резервомъ отъ Украинскаго полка. Камчатскій баталіонъ былъ посланъ, по тревогѣ, изъ города на выручку редута; туда ворвались уже турки и опрокинули въ немъ баталіонъ Азовскаго полка, ночью его охранявшій; но Камчатскій баталіонъ кинулся къ редуту бѣгомъ, несмотря на высоту мѣстности, и, ворвавшись въ ворота, отнялъ его у турокъ штыками; здѣсь произошла такая свалка, что канавы, штурмфалы вокругъ вала и площадь, окружавшая редутъ, покрыты были трупами турокъ [1]). Нашъ уронъ

[1]) Убитыхъ турокъ подобрано болѣе 200 тѣлъ. В.-С.

былъ также свыше 40 человѣкъ, въ томъ числѣ потерпѣли особливо артиллеристы, при началѣ атаки, оттого что орудія редута не были прикрыты, и артиллерія стрѣляла чрезъ банкъ. Въ числѣ раненыхъ былъ одинъ штабъ-офицеръ и оберъ-офицеровъ три [1]). Послѣ этого дѣла, больше не было турецкихъ покушеній на Сизополь.

Спустя нѣкоторое время, стало извѣстнымъ, что главнокомандующій арміею, графъ Дибичъ, разгромилъ армію верховнаго визиря, при селеніи Кулевчѣ, и что войска наши перешли рѣку Камчикъ и Балканскія горы, опрокидывая турокъ повсемѣстно. Вслѣдствіе этого, черноморскій флотъ, стоявшій на рейдѣ подъ Варною, сдѣлавшись тамъ ненужнымъ, прибылъ къ Сизополю, подъ главнымъ начальствомъ адмирала Грейга, и начались повременныя отъ него морскія рекогносцировки посылаемыми въ одиночку военными судами для наблюденія за турецкимъ флотомъ. Одному изъ нихъ, нашему фрегету «Рафаилу», рекогносцировка не посчастливилась; онъ случайно попалъ, во время сильнаго тумана, въ средину турецкаго флота, рискнувшаго крейсировать, и взятъ въ плѣнъ. Посланный потомъ на рекогносцировку бригъ «Меркурій» [2]), встрѣтился также въ туманѣ съ двумя турецкими кораблями, но на предложеніе ихъ сдаться отвѣтилъ выстрѣлами; тогда непріятельскіе корабли принялись громить его, сбили на немъ почти весь рангоутъ. Въ этомъ отчаянномъ положеніи экипажъ брига единогласно порѣшилъ сражаться до крайности и, въ послѣднемъ уже случаѣ пораженія, сцѣпиться съ однимъ изъ нападавшихъ кораблей на абордажъ и взорвать себя, вмѣстѣ съ нимъ, на воздухъ. Между тѣмъ, по счастію, посвѣжѣлъ вѣтеръ, и бригу удалось, при помощи веселъ и уцѣлѣвшихъ частію парусовъ, выйти изъ-подъ выстрѣловъ непріятельскихъ кораблей, которые по тяжести, при маломъ вѣтрѣ, не могли бригъ преслѣдовать. Посланный затѣмъ пароходъ развѣдать о причинѣ невозвращенія къ флоту въ назначенное время судовъ «Рафаила» и «Меркурія»—встрѣтилъ послѣдняго въ такомъ состояніи, что его нужно было взять на буксиръ, и далъ знать объ этомъ и о подвигѣ брига «Меркурія» въ эскадру, вслѣдствіе чего произошла почетная встрѣча бригу, съ пушечнымъ салютомъ со всѣхъ военныхъ судовъ, бывшихъ на рейдѣ у Сизополя, продолжавшаяся до того вре-

---

[1]) Азовскаго полка маіоръ Лебедевъ, артиллеристъ поручикъ Бѣляевскій, умершій отъ раны, Камчатскаго полка подпоручики, Чичаговъ 2-й и Семіоновскій.

[2]) Командиръ брига «Меркурій», капитанъ-лейтенантъ Казарскій, всѣ офицеры брига и нижніе чины примѣрно награждены за этотъ подвигъ.

В.-С.

съ цѣлью повстрѣчаться съ непріятельскимъ флотомъ; крейсерство продолжалось съ 14-го мая по 1-е іюня, къ сторонѣ Константинополя и къ стѣнамъ крѣпости Пендеракліи, въ Анатоліи; встрѣчи однако же съ турецкимъ флотомъ не было, и, хотя онъ иногда показывался изъ пролива, но, завидѣвши нашу эскадру, поспѣшно скрывался въ проливъ. Эскадра возвратилась въ Сизополь, — чѣмъ и закончилось участіе Камчатскаго полка въ общихъ военныхъ трудахъ съ моряками.

Во второй половинѣ іюня и въ іюлѣ 1829 г., части отъ Камчатскаго полка выполнили въ Сизополѣ еще два дѣла: первое—рекогносцировку двумя ротами 1-го баталіона, подъ командою маіора Камрера, вдоль берега, по направленію къ Константинополю, причемъ истреблены ими при городѣ Инеадэ турецкій литейный заводъ; а второе—въ отрядѣ, подъ начальствомъ бывшаго при войскахъ въ Сизополѣ генерала Пенсета, составленномъ изъ 2-го Камчатскаго баталіона, части казаковъ и двухъ полевыхъ орудій, высланномъ на встрѣчу отступавшему изъ Бургаса турецкому гарнизону съ комендантомъ Ибрагимомъ-пашею. При этой боевой встрѣчѣ, сначала при селеніи Цингане-Килиси, потомъ при селеніи Кайнарджи, досталось трофеями отряду значительное количество турецкихъ палатокъ, которыя тутъ же сожжены, по небытности средствъ взять ихъ съ собою, и одно мѣдное полевое орудіе, единорогъ—французскаго происхожденія, доставленный въ Сизополь на казачьихъ лошадяхъ. По возвратѣ отряда изъ этой экспедиціи, получено распоряженіе Камчатскому полку присоединиться къ своей дивизіи, въ составъ главной арміи, подходившей уже къ Адріанополю, куда полкъ и прибылъ въ началѣ августа 1829 года, при селеніи Буюкъ-Дербентѣ.

Во время этого передвиженія былъ въ полку случай [1]), въ которомъ заподозрѣна чумная зараза, вслѣдствіе чего, вмѣстѣ съ занятіемъ Адріанополя 8-го августа 1829 г., полку назначена была особая мѣстность для выдержанія карантиннаго термина, потому, въ особенности, что такіе случаи были уже въ войскахъ сизопольскаго отряда, во время пребыванія въ его составѣ Камчатскаго полка. Карантинный срокъ кончился благополучно, и полкъ присоединился къ своей дивизіи. По занятіи Адріанополя, начались переговоры о мирѣ, что однакожъ не попрепятствовало двинуть часть войскъ по направленію къ Константинополю; въ составѣ этихъ войскъ была вся 16-я дивизія,

---

[1]) Умеръ, скоропостижно на одномъ изъ ночлеговъ юнкеръ Яворскій. В.-С.

слѣдовательно, и Камчатскій полкъ. Отрядъ дошелъ до города Люле-Бургаса, отстоящаго отъ столицы Турціи не болѣе пяти пѣшихъ переходовъ; тамъ остановленъ и нѣсколько дней спустя возвращенъ въ Адріанополь.

2-го сентября 1829 г. заключенъ миръ.

Во время стоянки, послѣ заключенія уже мирнаго договора, въ лагеряхъ подъ Адріанополемъ, Камчатскому полку выпало на долю быть въ экспедиціи, въ началѣ сентября 1829 г., къ городу Демотикѣ, населенному преимущественно христіанами, куда появились турецкіе мародеры безчинствовать. Отрядъ, посланный туда, подъ начальствомъ генерала Сухозанета, сдѣлалъ въ одну ночь болѣе сорока верстъ, явился утромъ подъ городомъ, къ радости жителей христіанъ; мародеры бѣжали, а отъ мусульманъ-жителей отобрано оружіе; послѣ этого кавалерійская и артиллерійская части возвратились въ Адріанополь, а Камчатскій полкъ занялъ тамъ старинную цитадель, населенную греками, и простоялъ въ ней для ихъ охраны до конца октября мѣсяца 1829 г. Городъ Демотика—съ цитаделью, нѣсколько исторической: въ цитадели его проживалъ, по словамъ жителей, шведскій король Карлъ XII, ушедшій въ Турцію послѣ пораженія подъ Полтавою; указывали даже развалины того помѣщенія, гдѣ онъ нѣкоторое время жительствовалъ.

Въ началѣ ноября 1829 г., полки 16-й дивизіи перешли изъ Адріанополя въ окрестности города Карнабата въ Румеліи; Камчатскій полкъ—въ село Аппоръ, потомъ и главный штабъ арміи перемѣстился въ городъ Бургасъ. Установилась демаркаціонная линія между нашими и турецкими войсками, подъ охраною коей и заключеннаго мира, войска наши провели спокойно зиму въ Румеліи, за немногими исключеніями отъ чумныхъ случаевъ.

II.

Наступилъ 1830 годъ. Войска начали весною постепенно оставлять Румелію, направляясь чрезъ Балканы и Болгарію къ границамъ Валахіи и Бессарабіи, а 16-я дивизія получила назначеніе въ крѣпость Силистрію, оставленную въ распоряженіе нашего правительства, до выплаты Турціею издержекъ войны. Слѣдуя туда, Охотскій и Камчатскій полки въ одномъ эшелонѣ представились на смотръ, при городѣ Бургасѣ, главнокомандовавшему арміею графу Дибичу-Забалканскому; онъ благодарилъ за службу на войнѣ и далъ въ каждую роту обоихъ полковъ по одному георгіевскому кресту. При этомъ графъ Дибичъ высказалъ свое особое удовольствіе за обхожденіе войскъ съ мирными жителями, доведенное до того, что болгары тысячами повозокъ двинулись въ Россію на жительство; многіе изъ нихъ, не имѣя средствъ, по бѣдности, переселиться къ намъ съ семьями, отдавали офицерамъ дѣтей своихъ, ввѣряя имъ безусловно судьбу отданныхъ, лишь бы они вывезены были въ наше отечество. Это, конечно, также дѣлалось болгарами и изъ страха звѣрствъ со стороны турокъ.

Перешедши Балканы и слѣдуя по направленію къ Силистріи, Охотскій и Камчатскій полки не преминули проститься молитвою на могилѣ товарищей, при селеніи Эски-Арнаутъ-Ларѣ, гдѣ Охотскій полкъ въ 1829 году, въ бою съ турками, понесъ значительный уронъ [1]); этотъ полкъ былъ тогда посланъ генераломъ Ротомъ изъ войскъ, бывшихъ на позиціи при сказанномъ селеніи, для открытія сообщенія съ городомъ Праводами; массы турокъ упорно атаковали полкъ, бывшій въ малочисленномъ составѣ; охотцы были окружены турками и выручены лишь 31-мъ егерскимъ полкомъ, подъ начальствомъ храбраго его командира, полковника Лишина.

По прибытіи 16-й дивизіи къ Силистріи, полки заняты были исправленіемъ бастіоновъ крѣпости, разрушенныхъ минными взрывами, при осадѣ и овладѣніи ею въ 1829 году, а въ концѣ лѣта, дивизія, смѣненная другими войсками, выступила въ Росеію [2]).

Возвратившимся изъ Турціи войскамъ неожиданно представились

---

[1]) Убитыми и ранеными—до 30-ти офицеровъ и 700 нижнихъ чиновъ.

[2]) При выступленіи изъ Силистріи 16-й дивизіи, я былъ оставленъ въ ней, въ управленіи начальника крѣпости, инженернаго генерала Руперта, въ должности адъютанта; осенью и зимой 1830—1831 гг., я былъ очевидцемъ чумной эпидеміи въ крѣпости, унесшей сотни жертвъ. В.-С.

новые военные труды: Царство Польское возмутилось, что отразилось и въ западныхъ губерніяхъ.

Возстаніе въ Литвѣ и въ юпозападныхъ губерніяхъ длилось недолго. Партія мятежниковъ подъ мѣстечкомъ Дашевымъ, весною 1831 года, уничтожена войсками генерала Рота, а проникнувшій изъ Польши на Волынь отрядъ Дверницкаго удалился, послѣ пораженія его, подъ мѣстечкомъ Боромлемъ, войсками генерала Ридигера, въ Галицію. Между тѣмъ въ Польшѣ сопротивленіе все еще продолжалось, вслѣдствіе чего понадобилось усилить войска, блокирующія крѣпость Замостье; на усиленіе ихъ составленъ былъ отрядъ изъ Камчатскаго полка, одной роты артиллеріи и части казаковъ, подъ начальствомъ генерала Домети, и по прибытіи къ Замостью занялъ мѣста тѣхъ частей войскъ блокады, которыя были поспѣшно взяты начальникомъ штаба 1-й арміи, генераломъ Красовскимъ, для наблюденія сильной партіи мятежниковъ, подъ предводительствомъ итальянца Роморино, дѣйствовавшей въ провинціи и направленной затѣмъ на выручку Варшавы. Между тѣмъ Варшава пала. Роморино повернулъ къ австрійской границѣ, преслѣдуемый Красовскимъ, вступилъ въ Австрію, и тамъ обезоруженъ. Отрядъ генерала Домети[1]) возвратился на Волынь, откуда вся 16-я дивизія получила назначеніе на зимнія квартиры въ Бѣлостокскую область.

Періодъ съ 1832 по 1835 годъ миновалъ для полковъ 16-й дивизіи, имѣвшей уже номеръ 14-й, въ обычныхъ занятіяхъ, въ томъ числѣ, въ караульной службѣ и въ крѣпостныхъ работахъ, въ Кіевѣ. Среди этого времени состоялись въ войскахъ два особенныя распоряженія, первое: переформированіе армейской пѣхоты упраздненіемъ номерныхъ егерскихъ полковъ, наименованіемъ вторыхъ пѣхотныхъ бригадъ въ дивизіяхъ—егерскими, и приведеніемъ полковъ въ четырехъ-баталіонный составъ, — причемъ 14-я дивизія вновь получила номеръ 11-й, донынѣ сохраняющійся;—и второе: объявленъ былъ въ первый разъ безсрочный отпускъ нижнимъ чинамъ, прослужившимъ 20 лѣтъ. Съ восторгомъ принято было ими объявленіе этой милости: они до этого не знали иныхъ отпусковъ, кромѣ кратковременныхъ и притомъ для лучшихъ по службѣ; только 25-ти-лѣтній срокъ оканчивалъ для большинства изъ нихъ служебную зависимость.

Во время пребыванія 4-го корпуса въ Царствѣ Польскомъ, переведенъ я въ 1837 году изъ Камчатскаго въ Якутскій полкъ, командиромъ

---

[1]) При А. К. Домети я состоялъ бригаднымъ адъютантомъ съ половины 1831 по 1835 годъ. В.-С.

его былъ въ то время Д. Д. Сельванъ [1]), командовавшій до переформированія армейской пѣхоты 36-мъ Егерскимъ полкомъ; сослуживцы его по обоимъ изъ этихъ полковъ не могутъ не подтвердить, что онъ былъ образецъ ума и добраго сердца, заботливый обо всѣхъ въ полку до послѣдняго солдата, распорядительный обо всемъ, до его части относившемся; что, начальствуя Якутскимъ полкомъ около восьми лѣтъ, содержалъ его постоянно въ блестящемъ состояніи. Составъ при немъ общества офицеровъ въ полку, умѣніемъ его собранный, былъ такой, что изъ этого состава нѣкоторые достигли высшихъ чиновъ [2]) и должностей, начавъ службу въ полку при Сельванѣ, слѣдовательно, вышедши изъ его практической школы. Такимъ образомъ, можно сказать съ увѣренностью и не преувеличивая, что всѣ, которымъ довелось служить когда-либо подъ его начальствомъ, вспоминаютъ о немъ съ глубокою благодарностію. Послѣ его чрезъ недолгое время были въ полку иные уже порядки, отъ которыхъ прежній составъ офицеровъ замѣтно убавился.

III.

Вспомнивъ одного изъ моихъ доблестныхъ командировъ, считаю нравственнымъ долгомъ помянуть добрымъ словомъ одного изъ бывшихъ друзей и сослуживцевъ моихъ. При началѣ службы моей въ Камчатскомъ полку, опредѣлился въ полкъ и поступилъ въ одну со мною роту сынъ значительнаго помѣщика Кіевской губерніи, А. О. Понятовскій, окончившій службу полковникомъ гвардіи. Его видная потомъ служба и въ особенности добрыя дѣла, которыми, можно сказать, наполнялась вся его жизнь, съ самой юности, оставили завидную о немъ память. Понятовскій принадлежалъ къ богатой аристократической фамиліи; но онъ не тяготился занять въ службѣ скромную долю пѣхотнаго юнкера и не только не отставалъ по службѣ отъ товарищей, но нерѣдко бывалъ примѣромъ, при всей тяжести этого рода службы въ нижнемъ чинѣ; такое особенное его достоинство внушило, на первыхъ же порахъ, полное къ нему уваженіе сослуживцевъ. Прослужа въ Камчатскомъ полку около двухъ лѣтъ, Поня-

---

[1]) Д. Д. Сельванъ, подвиги котораго, въ войну съ Турками 1828—1829 годовъ подъ Силистріею и при Сизополѣ, разсказаны выше, былъ, по окончаніи войны, комендантомъ крѣпости Силистріи; а въ войну 1853 года, будучи начальникомъ 8-й дивизіи, убитъ подъ этою крѣпостью.

[2]) Генераловъ болѣе шести человѣкъ; а штабъ-офицеровъ вдвое больше.

В.-С.

товскій перешелъ въ 1827 году, все еще юнкеромъ, въ Смоленскій уланскій полкъ; тамъ, передъ войною съ турками 1828—1829 годовъ, произведенъ въ офицеры, и въ началѣ ея назначенъ состоять при начальникѣ уланской дивизіи, генералѣ Крейцѣ; исполняя въ этой обязанности разныя служебныя порученія при блокадѣ крѣпости Силистріи въ 1828 году, Понятовскій былъ однажды посланъ съ партіею казаковъ, какъ дѣльный офицеръ, на рекогносцировку, къ сторонѣ крѣпости Рущука, откуда, по свѣдѣніямъ, лазутчиками доставленнымъ, ожидалось въ Силистрію подкрѣпленіе, и не только открылъ непріятельскій отрядъ, но весьма ловко снялъ пикетъ, его охранявшій, далъ знать кому-слѣдовало, и турецкій отрядъ разбитъ высланнымъ изъ-подъ Силистріи отрядомъ, подъ начальствомъ генерала Шереметева. Наградою Понятовскому былъ анненскій орденъ съ бантомъ. Въ турецкую войну онъ получилъ еще орденъ и чинъ, а съ окончаніемъ войны, прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи гусарскому полку. При движеніи, въ 1831 году, гвардейскаго корпуса въ Польшу, Понятовскій назначенъ въ безсмѣнные ординарцы къ генералу Бистрому; служба его тамъ награждена владимірскимъ орденомъ и золотою саблею, назначеніемъ въ ординарцы къ в. к. Михаилу Павловичу, переводомъ окончательно въ гвардейскіе гусары и, наконецъ, назначеніемъ въ адъютанты къ его высочеству; въ этой обязанности онъ находился до отставки.

При увольненіи отъ службы, ему назначена была пенсія по уставу; изъ нея онъ сдѣлалъ такое употребленіе: по ходатайству его, пенсія отдана въ Камчатскій полкъ, въ которомъ онъ началъ службу, для составленія капитала, чтобы изъ процентовъ его награждалось поочередно нѣсколько нижнихъ чиновъ за отличную службу; капиталъ именованъ въ полку, съ Высочайшаго соизволенія, «капиталомъ полковника Понятовскаго» и, увеличиваясь передачею въ полкъ этой пенсіи до самой кончины Понятовскаго († 1869 г.), остался навсегда въ полку ему памятникомъ.

По прошествіи немалаго времени отъ первой нашей встрѣчи и сближенія, привелъ мнѣ случай, въ бытность уже въ отставкѣ, заниматься нѣкоторыми дѣлами Понятовскаго и быть близкимъ очевидцемъ его благотвореній, причемъ онъ вообще избѣгалъ гласности объ нихъ, столь свойственной тщеславію, избѣгалъ до того, что бывали случаи, что помощь, имъ сдѣланная, не всегда была извѣстна—отъ кого именно, даже и тому лицу, которое выручено бывало изъ крайности его помощью. Но самое выдающееся пожертвованіе Понятовскаго имѣло мѣсто при освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости: онъ оказалъ тогда рѣдкій примѣръ уступками для нихъ. Бывшіе его крестья-

не, при инвентарномъ ихъ надѣлѣ земельными угодіями, получили отъ него еще въ даръ до 700 десятинъ земли, на населеніе ихъ въ 2,500 душъ; да, независимо убавленныхъ правительствомъ изъ выкупной ссуды 20 копѣекъ съ рубля, онъ убавилъ еще отъ себя такую же цыфру ссуды, что составило, съ пониженіемъ платежей по выкупному договору, уступокъ его крестьянамъ, кромѣ подаренной имъ земли, свыше семидесяти тысячъ рублей. Независимо отъ этого, онъ подарилъ отставнымъ солдатамъ его имѣній—усадебной и огородной земли до 15-ти десятинъ на каждаго. Необходимо замѣтить, что, по отношенію къ крестьянамъ, Понятовскій повторилъ вполнѣ унаслѣдованное имъ отъ отца своего, полковника Іосифа Игнатьевича Понятовскаго, благородное побужденіе дѣлать добро; отецъ его подарилъ также своимъ крестьянамъ, за сорокъ предъ тѣмъ лѣтъ, капиталъ, свыше ста двадцати тысячъ, по записи, явленной въ кіевской палатѣ гражданскаго суда, 13-го марта 1828 года; процентами капитала этого пользуются и теперь крестьяне бывшихъ имѣній Понятовскихъ, въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Херсонской. Сынъ благотворителя слѣдовалъ по его стопамъ: А. О. Понятовскій былъ доблестный воинъ, полезный гражданинъ и вѣрный слуга государю и отечеству.

И. Л. Варунъ-Секретъ.

Кіевъ.

ДОНЪ И ДОНЦЫ

въ прежнее и нынѣшнее время

(изъ дорожныхъ записокъ кавказскаго офицера [1]).

1877 г.

I.

Прежнія и нынѣшнія средства путей сообщенія.—Первая казачья станица Каменская.—Собесѣдникъ въ вагонѣ и его разсказъ о настоящемъ состояніи Донской области.

. . . . . .

Въ 1877-мъ году довелось мнѣ вторично проѣхать по Донской области, при поѣздкѣ на Кавказъ.

Сколько перемѣнъ, сколько нововведеній произошло съ нашимъ югомъ въ послѣдніе два десятка лѣтъ! Въ 1851 году, Воронежъ отстоялъ отъ Москвы въ 70-ти часахъ хорошей почтовой ѣзды, а теперь, по существующей желѣзной дорогѣ, разстояніе это сокращено до 20½ часовъ ѣзды. И путь отъ Воронежа до Новочеркаска прежде, на почтовыхъ, совершался отнюдь не менѣе какъ въ 70 часовъ, а теперь та же желѣзная дорога уменьшила его до 22-хъ часовъ. А

---

[1]) Считаемъ необходимымъ исправить слѣдующую погрѣшность: получивъ отъ Ад. П. Чеботарева статью: «Донъ и донцы» и отдавъ ее въ наборъ: мы упустили изъ виду заключающіяся въ письмѣ Адама Петровича слова «статья эта есть выдержки изъ дорожныхъ записокъ пріятеля моего, пѣхотнаго кавказскаго офицера, предоставившаго въ мое полное распоряженіе эти очерки моей родины, набросанные въ двукратный проѣздъ его по Донской области».

Такимъ образомъ—какъ первая статья, такъ настоящая и слѣдующая за ней—(«Донъ и донцы») не принадлежатъ перу Ад. П. Чеботарева, онѣ лишь сообщены имъ на страницы нашего изданія. Ред.

сколько при этомъ сократилось противу прежняго денежныхъ издержекъ для путешественника; сколько устранилось для него неудобствъ отъ недостатка средствъ на пріобрѣтеніе экипажа; сколько выигралъ онъ и для здоровья, и для спокойствія—сидя въ закрытомъ вагонѣ, а не трясясь на перекладной подъ дождемъ и снѣжною метелью, плавно катясь по рельсамъ и не безпокоясь о трудныхъ и небезопасныхъ переправахъ черезъ рѣки и овраги, во время ледохода и весенней распутицы.

Все это промелькнуло въ моихъ мысляхъ, когда я, въ концѣ мая 1877 года, въ Воронежѣ, сѣлъ въ весьма комфортабельный вагонъ 1-го класса воронежско-ростовской желѣзной дороги. Чрезъ $12^1/_2$ часовъ я уже былъ снова на границѣ земли донскихъ казаковъ; но не въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ въ 1851 году въѣзжалъ на донскую территорію: желѣзный путь отъ Воронежа положенъ далеко вправо отъ бывшаго почтоваго пути, и первая казачья станица по желѣзному пути уже не при Донѣ, а при рѣкѣ Донцѣ, и называется «Каменская». Въ ней имѣютъ пребываніе атаманъ втораго военнаго отдѣла Донскаго казачьяго войска и окружное гражданское управленіе Донецкаго округа (уѣзда).

На Каменской станціи сѣлъ въ вагонъ ко мнѣ молодой человѣкъ—офицеръ Донскаго войска, ѣхавшій также въ Новочеркаскъ. Офицеръ этотъ оказался очень любезнымъ сопутникомъ и человѣкомъ образованнымъ. Отъ него, впродолженіе четырехъ часовъ пути, я узналъ многое о теперешнемъ состояніи его родины, что и вношу въ мои записки.

«Въ настоящее время общаго благоустройства донскаго края, нельзя было оставить у донцовъ всѣ обычаи ихъ старины, потому что многіе изъ нихъ имѣли мѣсто только въ эпоху дикой вольности казацкой. Прежде у казака не было ни крова, ни возможности заняться какимъ-либо домашнимъ хозяйствомъ, и онъ стрѣлою влеталъ въ сосѣдственные улусы татаръ, въ улицы богатаго Азова, громилъ за морями прибрежныхъ жителей Крыма и Анатоліи, и возвращался съ богатыми средствами къ жизни. Теперь у него другіе, обильные источники и способы къ существованію: тучныя пажити, лошади, скотъ, овцы, соль, каменный уголь, виноградъ. Прежде онъ учился войнѣ въ разгулѣ бушевавшихъ вокругъ него военныхъ бурь; теперь, когда бури эти давно уже утихли, онъ черпаетъ уроки военнаго дѣла изъ изустныхъ разсказовъ дѣда, отца, бывалыхъ людей, и дитя едвали не съ молокомъ матери всасываетъ эти идеи и усвоиваетъ ихъ себѣ, какъ главный и необходимый элементъ его жизни. По всему этому, въ настоящее время, Правительство организовало весь

бытъ донцовъ уже сообразно съ бытомъ цѣлой имперіи; войсковое управленіе примѣнило къ общимъ законамъ государства; самое военное устройство донскихъ полковъ подвело подъ формы устройства всѣхъ полковъ арміи; неприкосновеннымъ же оставило только то, что неразрывно связано съ нарочитою, вѣковою особенностію образа службы казаковъ и съ ихъ назначеніемъ въ рядахъ русской рати, а въ домашнемъ быту оставило неприкосновеннымъ то, что составляетъ, такъ сказать, патріархальную часть ихъ нравовъ и обычаевъ.

«Такимъ образомъ,—продолжалъ мой спутникъ,—такимъ образомъ, всѣ общеполезныя реформы, дарованныя нашему отечеству нынѣшнимъ царствованіемъ, распространились и на войско Донское: въ немъ такъ же, какъ и во всемъ государствѣ, помѣщичьи крестьяне освобождены отъ крѣпостнаго состоянія, съ земельнымъ надѣломъ; на территоріи донскихъ казаковъ есть уже и мировыя, и нотаріальныя учрежденія, а въ городѣ Новочеркаскѣ и въ станицѣ Устьмедвѣдицкой существуютъ окружные суды. И часть народнаго просвѣщенія въ средѣ донскихъ казаковъ получила теперь гораздо бо́льшее развитіе: Донское войско содержитъ на счетъ своихъ войсковыхъ капиталовъ въ московскомъ и харьковскомъ университетахъ—43 стипендіатовъ; въ академіяхъ медико-хирургической и земледѣльческой, въ институтахъ: горномъ, межевомъ, путей сообщенія, технологическомъ, ветеринарномъ и въ училищахъ: строительномъ, лѣсномъ, Лисинскомъ и Могарычскомъ—54 стипендіатовъ; въ военныхъ гимназіяхъ—77 стипендіатовъ; на донской территоріи существуютъ уже 2 классическія мужскія гимназіи, 2 гимназіи женскія, 5 прогимназій, 5 окружныхъ училищъ, 156 мужскихъ приходскихъ училищъ, 16 женскихъ училищъ 3-го разряда и 146 сельскихъ школъ; есть на Дону учительская семинарія, есть два реальныхъ училища, есть и фельдшерская школа; не говоря уже о давно существующемъ въ г. Новочеркаскѣ Маріинскомъ институтѣ, успѣвшемъ принести громадную пользу для края выпускомъ образованныхъ дѣвицъ, содѣлавшихся потомъ примѣрными матерями-хозяйками, а также не говоря и о новочеркаскомъ уѣздничьемъ училищѣ, ежегодно дающемъ для донскихъ полковъ значительный контингентъ хорошо приготовленныхъ для службы офицеровъ. На Дону существуютъ учебныя заведенія и для лицъ духовнаго званія, а именно: донская семинарія и два духовныхъ училища. Вообще, на народное образованіе своего края войско Донское жертвуетъ изъ своихъ капиталовъ ежегодно не менѣе 250,000 руб. сер.

«На Донское войско распространенъ также и уставъ о всеобщей воинской повинности, и донскіе казачьи полки—теперь уже вполнѣ благоустроенные по организаціи своей, по фронту и по полковому хо-

зяйству. Въ настоящее время войско Донское обязано имѣть въ постоянной готовности къ службѣ: 2 полка гвардіи, 60 армейскихъ конныхъ казачьихъ полковъ, 1 гвардейскую и 21 армейскую конноартиллерійскихъ батарей [1]). Остальная численность казачьяго народонаселенія донскаго края (381 тыс. чел. мужескаго пола) должна составлять запасный контингентъ для защиты государства и содержать всѣ потребные для донской территоріи караулы, разъѣзды и посты. При этомъ и самый образъ службы донскихъ армейскихъ полковъ измѣнился къ лучшему: теперь они служатъ не отдѣльно каждый изъ нихъ, а во фронтѣ регулярныхъ кавалерійскихъ дивизій (въ каждой дивизіи 3 полка регулярной кавалеріи и 1 полкъ Донской казачій), да сверхъ того есть одна особая, собственно Донская казачья дивизія, изъ четырехъ полковъ. Кстати замѣчу, — заключилъ разсказъ мой спутникъ, — что Донское войско выслало уже нынѣ на службу государству оба гвардейскіе полка свои, 39 полковъ армейскихъ и всѣ свои 22 артиллерійскія батареи.

Чрезъ территорію донскихъ казаковъ теперь лежитъ уже нѣсколько паровыхъ желѣзныхъ дорогъ, а именно: воронежско-ростовская, на пространствѣ, собственно по донскимъ землямъ, 280 верстъ; грязецарицынская на 250 вер.; харьково-азовская на 140 вер.; волго-донская на 40 верстъ. Сверхъ того есть нѣсколько соединительныхъ рельсовыхъ вѣтвей отъ упомянутыхъ дорогъ съ торговыми и промышленными пунктами донской земли, да еще предполагается провести рельсовый путь отъ донской Калачевской пристани къ Лисичанскимъ пріискамъ каменнаго угля и къ Луганскому литейному заводу.

Воронежско-ростовская желѣзная дорога проходитъ близко отъ Грушевскихъ рудниковъ каменнаго угля, а отъ желѣзно-дорожной станціи Максимовки, не доѣзжая до Новочеркаска 30 верстъ, отдѣляются вѣтви до главныхъ мѣстъ разработки этого минерала — Грушевки и Атюкты. Теперь каменноугольный промыселъ на Дону принялъ уже значительные размѣры, и угля добывается не менѣе 25 милл. пудовъ въ годъ.

Да, нельзя не согласиться съ вѣрованіемъ моего спутника, что родинѣ его предстоитъ блестящая будущность и что она быстро развьетъ свой экономическій бытъ — это и теперь уже доказывается многими данными, а также и тѣмъ, что «донское торговое общество», состоявшее изъ 500 лицъ, возросло до 1 тысячи человѣкъ, да и такая, дозволенная цифра его состава не исчерпываетъ еще цифры желающихъ поступить въ это общество.

---

[1]) Учебный и рабочій полки упразднены. Авт.

II.

Новочеркаскъ. — Общій взглядъ на него и нѣкоторыя его особенности. — Историческія свѣдѣнія объ атаманахъ войска Донскаго за трехсотлѣтнее существованіе войска.

Не видѣвши города Новочеркаска съ 1851 года и въѣзжая въ него чрезъ 26 лѣтъ, я, на каждомъ шагу, поражался удивленіемъ къ громадной въ немъ за это время перемѣнѣ къ лучшему: всюду новые, весьма хорошей архитектуры, большіе дома; тамъ и сямъ красуются вывѣски большихъ гостинницъ, модныхъ магазиновъ, фотографическихъ кабинетовъ, кондитерскихъ, булочныхъ и другихъ заведеній, вызываемыхъ современною потребностью общественной жизни. Всѣ новочеркаскія улицы хорошо вымощены камнемъ и содержатся чисто; извощичьихъ дрожекъ много и—довольно приличныхъ; городъ освѣщается фотогеномъ, но говорятъ, что нынѣшнее освѣщеніе требуетъ еще многихъ улучшеній, тѣмъ болѣе, что обиліе близь Новочеркаска каменнаго угля могло бы дать ему и газовое, недорогое освѣщеніе.

Противъ дворца Августѣйшаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, въ которомъ помѣщается войсковой наказный атаманъ, находится нынѣ памятникъ знаменитому донскому атаману, графу Платову. Памятникъ этотъ поставленъ въ 1853 году и представляетъ героя отечественной войны въ развѣвающейся буркѣ, съ гетманскою булавою въ одной и съ обнаженною саблею въ другой рукѣ, устремляющимся съ возставшимъ народонаселеніемъ Дона въ сѣчу на нахлынувшихъ враговъ Россіи. Долго, въ раздумьи, стоялъ я предъ этимъ изображеніемъ; въ головѣ моей промелькнули всѣ событія славнаго 1812 года и въ памяти пронеслись строфы В. А. Жуковскаго изъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ».

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышатъ селы!

И что̀ теперь этотъ «вихорь-атаманъ»?... Прахъ его покоился у стѣнъ начатаго имъ, но доселѣ еще неконченнаго, соборнаго храма г. Новочеркаска; а года два-три тому назадъ, оставшіеся потомки донскаго витязя пожелали перенести его прахъ на бывшую въ пяти верстахъ отъ Новочеркаска мызу знаменитаго атамана, на которой онъ и жилъ на родинѣ во все время отдохновенія отъ военныхъ бурь. Говорятъ, что когда приступили къ перенесенію изъ Новочеркаска на Мышкинскую мызу останковъ донскаго героя, то нашли гробъ его развалившимся и въ этомъ гробу черепъ, да нѣсколько костей, да остатокъ одного эполета... Мнѣ разсказывали, что этотъ сказочный богатырь, сломленный тяжкимъ недугомъ и тщетно боровшійся съ нимъ, произнесъ въ послѣднюю свою минуту: «слава, слава! гдѣ ты, и на что̀ теперь пригодилась мнѣ?». Такъ говорилъ умирающій и истомленный физическими страданіями человѣкъ, но человѣкъ этотъ былъ герой; имя и дѣла его не умерли и никогда не умрутъ во славу отечества и въ назиданіе будущихъ поколѣній русскихъ воиновъ.

Городъ Новочеркаскъ теперь имѣетъ здоровую воду и въ большомъ количествѣ: 15 лѣтъ тому назадъ она проведена сюда изъза 30-ти-верстнаго разстоянія. Въ городъ, находящійся на довольно возвышенномъ мысѣ, она поднимается паровою машиною и наполняетъ устроенные въ нѣсколькихъ пунктахъ большіе резервуары, изъ которыхъ течетъ по трубамъ, положеннымъ на многихъ улицахъ, а также и въ городской садъ, нынѣ весьма разросшійся и составляющій лучшее гулянье для новочеркаскихъ жителей. Водопроводъ этотъ, ежедневно дающій 100,000 ведръ воды, и стоющій Донскому войску болѣе 600,000 руб. сер., устроенъ инженерами—барономъ Дельвигомъ и Бѣлелюбскимъ.

Имѣя возможность пробыть въ Новочеркаскѣ нѣсколько дней, я осмотрѣлъ въ немъ все замѣчательное, и повторю еще разъ: этотъ городъ—одинъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ нашихъ; все въ немъ показываетъ полное усвоеніе цивилизованной жизни и требуемыхъ ею условій и удобствъ. Существующія въ Новочеркаскѣ учебныя заведенія носятъ характеръ, какой требуется современнымъ положеніемъ края и его народнымъ бытомъ; тѣмъ же требованіямъ отвѣчаютъ судебныя и административныя мѣстныя учрежденія, а общественная жизнь развилась уже до общаго уровня съ извѣстными по развитію городами нашими; въ этомъ я вполнѣ убѣдился, побывавъ въ новочеркаскомъ дворянскомъ собраніи и въ купеческомъ клубѣ, а также познакомясь съ нѣсколькими здѣшними домами, въ которыхъ нашолъ самое обязательное радушіе и чисто русское хлѣбосольство. Впрочемъ, общему развитію донскихъ казаковъ нельзя и удивляться—по большому

числу существующихъ на ихъ территоріи учебныхъ заведеній, по обилію для донцовъ стипендій во многихъ высшихъ образовательныхъ учрежденіяхъ на мѣстные общественные капиталы, и, наконецъ, потому, что служба донцовъ на всѣхъ предѣлахъ имперіи представляетъ имъ случаи видѣть и заимствовать для себя и для своего домашняго быта всякія разумныя улучшенія.

Написавши эти строки, я счелъ умѣстнымъ привести здѣсь слѣдующій любопытный разсказъ одного изъ интеллигентныхъ лицъ новочеркаскаго общества.

У извѣстнаго въ свое время литератора, Петра Романовича Фурманна, былъ, въ 1851 году, по какому-то случаю, званый обѣдъ. На обѣдѣ этомъ, въ числѣ другихъ гостей, находились—Гречъ, Булгаринъ, Кукольникъ, Мосальскій и полковникъ Донскаго войска. За столомъ витійствовалъ Н. И. Гречъ, размашисто рисуя высокую цивилизацію народовъ Западной Европы. Среди заобѣденныхъ тостовъ, хозяинъ предложилъ тостъ и за присутствующаго донца. Послѣ этого тоста Гречъ обратился къ донскому полковнику съ вопросомъ:

— «А что—какъ теперь поживаютъ на Дону? Начинаютъ ли исчезать кочевья? Дѣлаетъ ли успѣхи христіанская проповѣдь? И, вообще, показываются ли на Дону какія-нибудь начала европейской жизни?»

Донской полковникъ, видимо, смутился; лицо его выразило крайнее недоумѣніе... Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, онъ, дрожащимъ отъ сильнаго волненія голосомъ, произнесъ:

— Извините меня, Николай Ивановичъ; но я, въ свою очередь, хочу сдѣлать вамъ вопросъ—серіозно ли вы спрашиваете меня, или хотите шутить? Къ подобной шуткѣ я не вижу никакихъ побудительныхъ причинъ. Стало быть, вы спрашивали серіозно... И поэтому я не могу не высказать того, что чувствую теперь... Вы изъѣздили всю Европу, вы такъ глубоко изучили бытъ и нравы всѣхъ ея народовъ, вы такъ подробно описали всѣ закоулки Германіи, а вовсе не знаете даже замѣчательныхъ областей «нашего» отечества, для сыновъ котораго вы написали и грамматику ихъ языка... Повторяю, что если вы спрашивали меня о нынѣшнемъ состояніи Дона «серіозно», то я вамъ отвѣчу, что нынѣшніе донцы вполнѣ осѣдлые, вполнѣ русскіе люди, русскіе люди не только по происхожденію, по религіи, по языку, по жилищамъ ихъ и нравамъ, но даже и по уровню цивилизаціи со всѣми обитателями русскихъ губерній...

Гречъ вскочилъ съ своего мѣста и разсыпался въ извиненіяхъ. «Да,—говорилъ онъ,—я кругомъ виноватъ. Я, вообще, бываю иногда самымъ непозволительнымъ болтуномъ. Да вотъ приведу вамъ и до-

казательство этого: пріѣхалъ я въ Вѣну, остановился въ большомъ отелѣ; хожу по Вѣнѣ день, другой, третій. Сижу однажды за table d'hôte и слышу между сосѣдями своими восхваленія всезнанію вѣнской полиціи—я не выдержалъ и разразился возраженіями противъ ея всезнанія. «Я нѣсколько дней уже въ Вѣнѣ,—говорю я,—хожу по Вѣнѣ, разсматриваю ея примѣчательности, брожу по улицамъ, по магазинамъ, по рынкамъ; а вѣнской полиціи словно и нѣтъ на свѣтѣ, она и не знаетъ обо мнѣ, она не спрашивала у меня паспорта, не сдѣлала даже и вопроса—кто я!» Тогда сидѣвшій подлѣ меня прилично одѣтый господинъ вынулъ изъ своего боковаго кармана записную книжку и, перевернувши въ ней нѣсколько листковъ, показалъ мнѣ слѣдующую отмѣтку: «Гречъ—русскій литераторъ; безвредный болтунъ; не обращать на него вниманія». Я покраснѣлъ. Молча возвратилъ записную книжку любезному сосѣду своему и—до конца обѣда не промолвилъ уже ни одного слова».

Этотъ разсказъ Греча покрытъ былъ взрывомъ смѣха всѣхъ гостей Фурманна.

Въ Новочеркаскѣ я слышалъ также слѣдующій случай съ другимъ писателемъ нашимъ, Нест. Вас. Кукольникомъ.

Въ 1847 году, Кукольникъ, служившій тогда въ военномъ министерствѣ, пріѣхалъ въ Новочеркаскъ по служебному порученію военнаго министра, князя Чернышева, и, благодаря своей литературной извѣстности, былъ радушно принятъ новочеркаскимъ обществомъ. По примѣру Пушкина, написавшаго въ 1829 году, при проѣздѣ своемъ съ Кавказа чрезъ Донъ, извѣстный великолѣпный экспромтъ этой исторической рѣкѣ [1]), Кукольникъ сочинилъ и свой экспромтъ Дону. Экспромтъ этотъ былъ слѣдующій:

«Здорово, Донъ сѣдой! Здорово, Донъ унылый!
Какъ родина моя, ты мнѣ сталъ святъ и милъ;
Я полюбилъ тебя со всей казацкой силой;
Печали всѣ твои къ душѣ своей привилъ...
Казацкая была страшна когда-то сила:
Донскими лодками ты пѣнилъ Черный Понтъ,
И кланялись тебѣ Азовъ и Трапезонтъ...
Но ты разбогатѣлъ, и зависть страхъ смѣнила...

---

[1]) «Блещя средь полей широкихъ,
Вотъ онъ льется... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далёкихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ» (и проч.)

И сочнымъ гроздіемъ, и рыбой, и виномъ,
И углемъ каменнымъ, и солью, и скотомъ
Богатъ ты, старый царь Азовскаго поморья!
Тебѣ не надобно сторонняго подспорья!..
Богатъ... а самъ въ нуждѣ...
Тебѣ одна бѣда предшествуетъ бѣдѣ...
Какъ трупъ въ степи лежишь...
Какъ у младенца спитъ твоя простая совѣсть...
Бредешь ты нищенкой и про себя ворчишь
Геройскихъ дѣлъ и бѣдъ страдальческую повѣсть...
Я вслушался въ нее; она вездѣ со мной;
Несу ее въ себѣ, и донесу къ потомкамъ...
Всплесни же, старый Донъ, могучею волной;
Благословенье дай казачества обломкамъ...
Вѣдь ты—предъ смертію, твой часъ послѣдній бьетъ,
И твой свершается предѣлъ, его никто же не прейдетъ...

Экспромтъ свой Кукольникъ продекламировалъ за ужиномъ, среди довольно большаго общества, въ домѣ одного изъ жителей Новочеркаска, и произвелъ на присутствующихъ чрезвычайно грустное впечатлѣніе.

Утромъ слѣдующаго дня узналъ уже объ этомъ экспромптѣ и тогдашній атаманъ, Власовъ. Маститый старецъ былъ пораженъ такою безтактною выходкою радушно принятаго донцами гостя-поэта и—немедленно послалъ за нимъ.

«Какъ это вы позволили себѣ, вчера, въ обществѣ донцовъ, рисовать такую мрачную и совершенно невѣрную картину теперешняго состоянія Дона?»—строго сказалъ атаманъ Власовъ Кукольнику. «Ты влачишь дни въ нуждѣ!» «Ты бредешь нищенкой!» «Тебѣ не нужно сторонняго подспорья!» «Ты—передъ смертію!» «Дай благословеніе обломкамъ казачества!»....—Что это вы наговорили? Да знаете ли вы, милостивый государь, что всѣ эти ваши слова могутъ родить массу различныхъ толковъ въ народѣ, патріархально живущемъ вдали отъ столицы и видящемъ въ присланномъ изъ министерства чиновникѣ человѣка, которому извѣстны виды правительства къ какимъ-либо перемѣнамъ въ нашемъ краѣ?»

Кукольникъ совершенно растерялся и могъ проговорить только:

— Ничего, рѣшительно ничего не слыхалъ я въ министерствѣ ни о какихъ перемѣнахъ для Дона... извините!.. простите!.. Это продекламировалъ я такъ... изъ одной поэтической фантазіи и... бывши въ возбужденномъ состояніи отъ донскаго вина...

— «Извольте же, милостивый государь, сего же дня, вечеромъ, въ томъ же самомъ домѣ и среди того же, вчерашняго, общества, сознаться—что вся эта декламація была только ваша, «возбужденная донскимъ

виномъ» поэтическая фантазія, не имѣющая ни малѣйшей для себя основы; а я попрошу хозяина дома пригласить къ себѣ и сегодня вчерашнихъ гостей его».

Такъ всё и состоялось. Экспромптъ сконфуженнаго Кукольника канулъ, безслѣдно, въ Лету.

Собирая въ Новочеркаскѣ дополнительныя свѣдѣнія о заинтересовавшемъ меня, въ двѣ мои поѣздки, Донскомъ краѣ, я узналъ, что нынѣ земля донскихъ казаковъ переименована въ «область войска Донскаго». Войсковое правленіе войска Донскаго носитъ уже названіе «Областнаго правленія», войсковое дежурство называется «Войсковымъ штабомъ», окружные генералы донскихъ военныхъ округовъ переименованы въ «атаманы военныхъ отдѣловъ», и самое военное управленіе войска раздѣлено не на четыре,—какъ было прежде,—а на пять военныхъ отдѣловъ. Узналъ я также, что Донская область въ отношеніи своего народонаселенія представляетъ нынѣ и бо́льшую числительность, и бо́льшее разнообразіе его сословій. Такъ, въ прежнія времена, на донской территоріи обитало исключительно казачье населеніе,—потомъ, съ появленіемъ въ средѣ его дворянства, стали пріобрѣтаться этимъ новымъ сословіемъ крестьяне, а нынѣ, съ развитіемъ въ Донскомъ краѣ торговли, съ улучшеніемъ въ немъ путей сообщенія и со введеніемъ общихъ судебныхъ, мировыхъ и нотаріальныхъ учрежденій, на Дону обитаютъ уже лица всѣхъ сословій государства и даже иностранные подданные. Теперь народонаселеніе Донской области простирается до 1,300,000 человѣкъ обоего пола; область ежегодно производитъ до трехъ милліоновъ четвертей хлѣба.

Въ Новочеркаскѣ мнѣ удалось также получить свѣдѣніе о всѣхъ атаманахъ донскихъ казаковъ за время болѣе трехсотлѣтняго существованія этого войска. Считая это свѣдѣніе вполнѣ интереснымъ, я привожу его здѣсь въ той формѣ, въ какой оно мнѣ передано, но нахожу нужнымъ пояснить, что въ прежнія времена (до 1738 г.) донскіе казаки избирали себѣ войсковыхъ атамановъ сами, опредѣленіемъ «войсковаго круга», на одинъ, на два, или на три года, и часто, отправляясь въ какую-либо военную экспедицію, атаманъ самъ предводительствовалъ ею; если же отрядъ экспедиціи раздѣлялся на двѣ, или болѣе частей, то отдѣляющіяся части избирали изъ своей среды особыхъ для себя атамановъ, а на Дону, во всякомъ случаѣ, оставался войсковой атаманъ кромѣ того, который походъ въ походъ съ казаками. Бывали, впрочемъ, и такіе случаи, что живущіе въ верхнихъ по р. Дону городкахъ казаки, изъ совмѣстничества къ преобладающему вліянію казаковъ нижнихъ по Дону го-

родковъ, избирали себѣ другихъ войсковыхъ атамановъ, изъ лицъ своихъ же городковъ.

Вотъ полученное мною свѣдѣніе объ атаманахъ Донскаго войска, съ 1544-го года по настоящее время:

Съ 1544 по 1566 г. Павловъ и Ляпунъ.

Подъ ихъ начальствомъ донцы участвовали съ россійскими войсками въ покореніи царства Астраханскаго.

1569 и 1570 года. Михаилъ Черкашенинъ.

При немъ, въ 1570 году, пожалована донскимъ казакамъ первая похвальная царская грамата, и началось, признанное россійскими государями, историческое существованіе войска Донскаго.

Съ 1579-го года. Ермакъ Тимофѣевичъ. (Утонулъ въ Иртышѣ въ 1584 г.). Предводительствуя нѣсколькими донскими отрядами, онъ громилъ, по волѣ Іоанна IV, ногайскіе улусы и своими успѣхами навелъ на нихъ такой страхъ, что они выслали пословъ просить у царя пощады; но, упоенныя успѣхами, Ермаковскія дружины обратили уже свое оружіе и на всѣ, что встрѣчалось имъ на берегахъ и водахъ Волги, такъ что подручные Ермака, Кольцо и Барбоша, напали на возвращавшихся изъ Россіи татарскихъ пословъ и ограбили не только ихъ, но и ѣхавшаго съ ними царскаго посла, Пелепелицина. Іоаннъ Грозный приказалъ тогда своимъ войскамъ «устремиться на Ермаковскія дружины и уничтожить ихъ, а кто будетъ захваченъ живымъ—казнить». Устрашенный царскимъ гнѣвомъ, Ермакъ отдалился съ своими буйными дружинами отъ береговъ Волги; но вскорѣ получилъ приглашеніе братьевъ Строгановыхъ загладить свои проступки честнымъ дѣломъ, собралъ свои дружины, убѣдилъ ихъ въ преступности дѣйствій и заключилъ свою рѣчь словами: «слывя ворами—не найдемъ мы спокойнаго убѣжища на землѣ; а отринутые Богомъ—не узримъ царствія небеснаго; смоемъ же пятно наше или честною службою, или славною смертію!». Всѣ дружины загремѣли:—идемъ, идемъ на помощь Строгановымъ!—и 540 удальцовъ, поднявъ знамя свое, ринулись къ Чусовымъ городкамъ совершать славный, историческій подвигъ покоренія царства Сибирскаго россійскому скипетру.

Съ 1581 по 1584 годъ. Иванъ Кишкинъ.

Извѣстенъ своею твердою вѣрностію царю, когда на Донъ врывались шайки польскихъ разбойниковъ, грабили все, что встрѣчалось имъ, и старались увлечь къ тому же и донскихъ казаковъ въ отношеніи набѣговъ на русскія украйны.

Съ 1584 по 1596 годъ упоминаются въ актахъ одновременно: Семенъ Воейковъ, Ѳедоръ Смирной, Василій Жигулинъ, Иванъ

Носъ, Иванъ Трубецкихъ, Василій Кабанъ, Прокофій Трубченинъ, Никита Болдырь, Афанасій Савастьяновъ.

Нѣкоторые изъ этихъ атамановъ оказали особыя услуги государству; такъ, въ 1591 году, когда 150-ти-тысячная рать татаръ (ногайскихъ, султанскихъ, азовскихъ и бѣлгородскихъ), предводительствуемая крымскимъ ханомъ, спѣшно шла къ Москвѣ, чтобы неожиданно напасть на нее, разграбить и предать все огню и мечу,—тогда донскіе атаманы, Смирной и Жигулинъ, схватившіе у татаръ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и отъ нихъ узнавшіе о силѣ непріятеля и объ умыслѣ его на Москву, поспѣшили извѣстить о томъ царя, пославъ къ нему гонцовъ своихъ разными окольными путями, а чрезъ это царскія войска имѣли время приготовиться къ встрѣчѣ непріятеля, разбили его на голову и преслѣдовали бѣгущія толпы его далеко за черту русскихъ владѣній. Такъ и въ 1594 году, извѣстясь, что турки изъ Азова и татары изъ Крыма пошли на россійскія украйны, донскіе атаманы—Трубченинъ, Болдырь и Савастьяновъ—бросились нѣсколькими отдѣльными отрядами заградить непріятелю обратный путь, разбили его и отняли болѣе 600 русскихъ плѣнныхъ. Въ этотъ же періодъ времени, донцы, тайно поощряемые отъ нашего двора, безпрерывно устремлялись на крымскіе улусы, чтобъ останавливать ихъ воровскія предпріятія на наши украйны.

Съ 1603 по 1613 годъ. Андрей Корело и Михаилъ Чершенскій.

Цари, Іоаннъ Грозный и Ѳедоръ Іоанновичъ, вполнѣ сознавали пользу, приносимую государству бдительностью на его границахъ донскихъ казаковъ отъ вторженія въ наши предѣлы турецкихъ и татарскихъ ордъ, и поэтому не только извиняли нѣкоторые случаи ихъ своевольства, но даже ласкали ихъ и жаловали деньгами, сукнами, хлѣбомъ, порохомъ и свинцомъ. Вся эта система отношеній нашего двора къ донцамъ совершенно измѣнилась съ воцареніемъ Бориса Годунова: онъ прекратилъ имъ и жалованье, и дары, строго запретилъ въѣздъ въ Москву и во всѣ россійскіе города и, наконецъ, для угрозы имъ, построилъ на р. Донцѣ укрѣпленный городъ Царево-Борисовъ. Въ такомъ отчужденномъ и обидномъ положеніи находились донскіе казаки, когда явился въ Польшѣ самозванецъ подъ именемъ царевича Димитрія. Руководимый поляками, знавшими о принятой Годуновымъ строгости надъ донцами, онъ послалъ на Донъ своего гонца съ граматою, «что онъ истинный сынъ перваго царя русскаго, которому донцы, эти вольные христіанскіе витязи, присягнули въ вѣрности; что у него похищенъ престолъ измѣною и злодѣйствомъ», и звалъ ихъ «свергнуть недостойнаго раба съ отеческаго трона».

Эта грамата потрясла сердца донцовъ изумленіемъ и радостью, но и тогда, боясь обмана, они рѣшили, чтобы самъ атаманъ ихъ, Корело, отправился въ Польшу провѣдать все о царевичѣ, на мѣстѣ. Видя въ Краковѣ, на сеймѣ, отъ всѣхъ польскихъ вельможъ и отъ самого короля, Сигизмунда, царскія почести, оказываемыя царевичу, Корело не усомнился признать его истиннымъ сыномъ царя русскаго и бить челомъ ему, какъ законному государю. По возвращеніи на Донъ, Корело объявилъ въ «войсковомъ кругу» о видѣнномъ и слышанномъ имъ въ Польшѣ относительно царевича, и «кругъ» рѣшилъ: «поднять все казачье населеніе, чтобъ возвести сына царскаго на отчій престолъ». Немедленно же Корело отправился, съ 6-ю тысячами казаковъ, на встрѣчу мнимому царевичу, а потомъ пришелъ къ нему и другой донской атаманъ, Михаилъ Черпенскій, съ новымъ отрядомъ казаковъ, въ 4 тысячи человѣкъ.

Къ несчастію, въ 9-ти-лѣтній періодъ смутъ, удручавшихъ Россію отъ появленія нѣсколькихъ самозванцевъ, донскіе казаки также увлекались общимъ тогда народнымъ смятеніемъ и, проникаясь приверженностію къ царскому дому, принимали сторону то одного, то другаго самозванца, пока атаманъ Черпенскій не убѣдился, что они защищаютъ наглыхъ обманщиковъ. Пришедши къ такому убѣжденію, Черпенскій первый оставилъ сторону самозванцевъ и ушелъ со своими казаками на Донъ, когда войска русскія еще сражались за самозванцевъ; узнавши же объ единодушномъ избраніи, боярами и народомъ, царемъ—Михаила Ѳеодоровича Романова, Черпенскій тотчасъ послалъ въ Москву, по старому обычаю, легковую станицу—бить челомъ государю отъ всего Донскаго войска. Новый царь принялъ эту станицу весьма милостиво, щедро одарилъ ее и послалъ съ нею на Донъ похвальную грамату и жалованье, а митрополиты выразили Донскому войску, въ краснорѣчивой граматѣ, благословеніе духовенства всего вселенскаго собора.

Съ этого времени, т. е. со времени вступленія на россійскій престолъ дома Романовыхъ, донскіе казаки вполнѣ уже подчиняются царской власти и неуклонно слѣдуютъ всѣмъ ея указаніямъ въ отношеніи своей службы.

Съ 1613 по 1633 годъ. Епифанъ Родиловъ, Ѳедоръ Татаръ и Исай Мартемьяновъ.

Они попеременно избирались въ атаманы «войсковымъ кругомъ» въ теченіе 20-ти лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени, хотя и была нѣсколько разъ прерываема мирная жизнь между казаками съ одной стороны и азовцами и крымцами съ другой, но всегда только вслѣдствіе край-

ней обиды, наносимой донцамъ ихъ буйными сосѣдями, неожиданно нападавшими на казачьи городки, грабившими ихъ, предававшими ихъ огню и увозившими въ плѣнъ захваченныхъ донскихъ обывателей. Въ эти же годы были и такіе случаи, что донцы, ожесточенные убійствами и грабежами мусульманъ, не довольствовались уже отплатою имъ взаимными набѣгами на Азовъ и Крымъ, но въ челнахъ своихъ переплывали чрезъ Черное море, брали съ боя города Синопъ и Трапезонтъ, жгли и разоряли берега Анатоліи и даже окрестности самаго Константинополя. Эти подвиги ихъ, однакоже, возбуждали сильныя жалобы султана. Тогдашнія политическія дѣла Россіи заставляютъ царя Михаила Ѳеодоровича объявить донцамъ свою опалу и задержать въ Москвѣ, въ заточеніи, присланную съ Дона легковую станицу съ повинною отъ казаковъ. Эту опалу царь вынужденъ былъ тѣми же политическими обстоятельствами продолжить почти два года (1631 и 1632); но, въ началѣ 1633 года, послалъ на Донъ милостивую грамату свою. Донцы приняли ее съ великою радостію и тотчасъ же послали въ Смоленскъ значительный отрядъ свой въ помощь царскимъ войскамъ къ походу въ Литву, а узнавши, что крымцы и казыевскіе татары пошли во множествѣ на россійскія украйны, поспѣшили имъ на встрѣчу, мужественно ринулись на нихъ въ бой, одержали побѣду и разсѣяли ихъ.

Съ 1633 по 1643 годъ. **Иванъ Каторжный, Михайло Ивановичъ Татариновъ, Тимофѣй Яковлевичъ Яковлевъ, Наумъ Васильевичъ Васильевъ, Осипъ Петровичъ Петровъ.**

Они такъ же, какъ и три послѣдніе предшественника ихъ, избирались «войсковымъ кругомъ» попеременно въ теченіе десяти лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени донскіе казаки проявляли кипучую дѣятельность на пользу Россіи: они присоединились къ царскимъ войскамъ въ походѣ противъ казыевскихъ татаръ, разбили ихъ скопища на рѣкахъ Ее, Донцѣ и Кумѣ; дѣлали удачные поиски по Каспійскому морю и громили берега его; ходили наказать хищничествовавшихъ въ нашихъ предѣлахъ ногайскихъ татаръ; потомъ, оскорбленные набѣгомъ азовцевъ на донскіе городки, во время отсутствія своего въ походъ на ногаевъ, ринулись на стругахъ въ Азовское и Черное моря, разворили и сожгли многія татарскія и турецкія селенія у Керчи, а также на румелійскомъ и анатолійскомъ берегахъ; наконецъ, напали на Азовъ, овладѣли этимъ гнѣздомъ всѣхъ тогдашнихъ крамольниковъ Россіи, послали легковую станицу къ царю съ этою радостною вѣстію и просили его о помощи войсками и боевыми снарядами для удержанія за россійскою державою этого важнаго города; но, когда

султанъ турецкій прислалъ, въ 1641 году, многочисленный флотъ и большія сухопутныя силы—турокъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ, горскихъ черкесовъ, волоховъ, сербовъ, арабовъ и арнаутовъ—для отнятія у казаковъ Азова обратно, о помощи же отъ царя войсками не было никакихъ свѣдѣній:—то горсть донцовъ, подъ начальствомъ атамана Петрова, геройски выдержала извѣстное въ исторіи «славное азовское сидѣніе» и отстояла Азовъ, претерпѣвши, во время осады его, голодъ и страшную смертность не только отъ непріятельскаго огня, но и отъ заразы труповъ павшихъ товарищей своихъ. Однакожъ, политическія обстоятельства Россіи не дозволили царю Михаилу Ѳеодоровичу и на этотъ разъ воспользоваться геройскимъ пріобрѣтеніемъ донцами Азова и, по рѣшенію нарочито собраннаго на сей случай земскаго собора, царь отправилъ къ донцамъ, въ 1642 году, грамату, «чтобы они добровольно оставили Азовъ, такъ какъ сего требуетъ польза отечества, и что послушаніе ихъ будетъ новымъ доводомъ ихъ вѣрной службы». Донцы безпрекословно исполнили волю царя.

Съ 1643 по 1680 годъ, избирались войсковыми атаманами: Иванъ Каторжный, Осипъ Петровичъ Петровъ, Павелъ Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, Корнилій Яковлевичъ Яковлевъ, Логинъ Семеновъ и Михайла Самаренинъ.

Въ періодъ этотъ донскіе казаки совершили много удачныхъ походовъ, въ рядахъ царскихъ войскъ, противъ ейскихъ и терскихъ татаръ, противъ крымцевъ и даже противъ азовцевъ. Царь не только открыто уже покровительствовалъ имъ, но даже и подкрѣплялъ ихъ набранною по украинамъ вольницею, а потомъ сталъ посылать на помощь имъ и свое войско. Ободряемые успѣхами, донцы, въ этотъ періодъ, нѣсколько разъ предпринимали поиски и на Черное море: сжигали окрестности Синопа, Трапезонта и даже Константинополя; забирали въ плѣнъ и мужчинъ, и женщинъ, и, съ большою добычею возвращались на свою родину.

Въ этотъ же періодъ времени, донцы способствовали добровольному присоединенію калмыцкаго народа къ россійской державѣ, послѣ чего калмыки начали присоединяться къ казакамъ для совмѣстныхъ дѣйствій по царскому дѣлу; а такъ какъ турецкій султанъ и крымскій ханъ, для прегражденія набѣговъ донцовъ на воды Азовскаго и Чернаго морей, построили у устій рѣкъ Дона и Мертваго Донца сильныя крѣпости, то казаки успѣли прорыть для своихъ струговъ искусственный водяной путь, такъ называемый «казачій ерикъ».

Изъ вышеназванныхъ шести атамановъ, два особенно замѣчательны: Осипъ Петровъ, какъ герой славнаго «азовскаго сидѣнья», и Корнилій Яковлевъ, какъ вѣрный слуга царскій, съумѣвшій схватить, заковать и представить въ Москву злодѣя, Стеньку, Разина. Атаманство Корнилія Яковлева замѣчательно еще и тѣмъ, что при немъ, въ 1671 году, донцы въ первый разъ дали присягу «въ вѣрноподданствѣ» россійскому государю.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИННОКЕНТІЙ,

Архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

1800—1857 гг.

Въ «Русской Старинѣ», изд. 1878 г., томъ XXI и XXIII, и изд. 1879 г., томъ XXIV, помѣщенъ очеркъ жизни и трудовъ знаменитаго іерарха россійской церкви—Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго, причемъ приведено множество неизданнаго о немъ матеріала, состоящаго въ его письмахъ и замѣткахъ. Въ послѣдней главѣ очерка приведено, между прочими, письмо къ преосвященному отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, изъ Венеціи, 17-го января 1852 года, въ которомъ Его Высочество изволитъ спрашивать объясненія различныхъ мѣстъ нѣкоторыхъ молитвъ и духовныхъ пѣсней и изъявляетъ желаніе получить свѣдѣнія: «о преуспѣяніи на полуостровѣ Таврическомъ общежительствъ», и вообще имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о духовной жизни ввѣренной Иннокентію паствы («Русск. Ст.», изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 691).

Иннокентій поспѣшилъ отвѣчать на рескриптъ Августѣйшаго путешественника и затѣмъ имѣлъ счастіе получить еще нѣсколько писемъ отъ Его Высочества, на которыя также отвѣчалъ подробно съ обычными ему краснорѣчіемъ, ясностью и увлеченіемъ...

Вся эта переписка благосклонно сообщена редакціи «Русской Старины» Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и печатается здѣсь съ разрѣшенія Его Высочества. Ред.

I.

Ваше Императорское Высочество! Удостоенный высокаго порученія Вашего, спѣшу представить Вамъ краткое поясненіе тѣхъ мѣстъ и выраженій нашего церковнаго молитвенника, кои темнотою своею запинали для Васъ стремленіе духа молитвеннаго. Поелику темнота сія происходитъ въ молитвенникѣ не отъ самаго предмета, а отъ образа его изложенія, то есть, отъ неточности и устарѣлости славянскаго перевода: то, для разсѣянія ея, естественно, надлежало обратиться къ подлиннику греческому и еврейскому, что и сдѣлано мною съ возможною точностію, безъ привода, однакоже, на бумагѣ самыхъ словъ подлинника, такъ какъ это, безъ особенной нужды, распространило бы сдѣланныя мною для Васъ примѣчанія и придало бы имъ школьный видъ. Гдѣ самый подлинникъ, особенно еврейскій, по глубокой древности языка и оригинальности выраженій, не представлялъ желанной ясности,—тамъ призвана была мною на помощь священная археологія, безъ ученаго, однако же, ея снаряда, который также показался мнѣ въ настоящемъ случаѣ неумѣстнымъ. Счастливымъ себя почту, если за симъ малый трудъ мой удовлетворитъ желанію Вашего Императорскаго Высочества представленіемъ для Васъ въ ясномъ свѣтѣ того, что доселѣ казалось темнымъ и невразумительнымъ,—тѣмъ паче, если къ сему новому свѣту—по вѣрѣ Вашей—присоединится свыше и новая теплота духа молитвеннаго.

Благодареніе Господу, что сей духъ не оставляетъ Васъ и въ настоящемъ примрачномъ положеніи Вашемъ! Если когда святая вѣра являетъ свою животворную силу для человѣка, то—въ минуты горести и испытаній. Продолжайте, благовѣрный Князь, возводить, съ вѣрою и упованіемъ, и видимо, и втайнѣ, очи сердца горѣ, къ Богу крѣпкому и живому, Который никогда не оставляетъ безъ помощи истинно уповающихъ на Него и можетъ сдѣлать для нихъ несравненно болѣе того, что въ состояніи произвести—всѣ силы природы и все усердіе искусства.

Въ немалое одобреніе и отраду служитъ для насъ, что юныя крымскія обители наши, несмотря на ихъ малость и незначительность, удостоились обратить на себя Августѣйшій взоръ Ва-

шего Высочества. При помощи благодати Божіей, которая обыкла нарекать несущая яко сущая [1]), они хотя медленно, но примѣтно возстаютъ изъ тысячелѣтнихъ своихъ развалинъ. Прилагаемое при семъ печатное извѣстіе о главномъ скитѣ Успенскомъ можетъ служить тому нѣкоторымъ доказательствомъ. Вмѣстѣ съ симъ, долгомъ почитаю довести до свѣдѣнія Вашего, что въ концѣ прошедшаго года, по надлежащемъ соглашеніи съ морскимъ начальствомъ, представлено мною Святѣйшему Синоду о испрошеніи Высочайшаго соизволенія на передачу изъ морскаго въ здѣшнее епархіальное вѣдомство священныхъ развалинъ Херсонеса и Инкермана, окружающихъ собою съ двухъ противуположныхъ концовъ Севастополь, чтобы потомъ ознаменовать сіи развалины устройствомъ на нихъ иноческихъ киновій—въ Херсонесѣ во имя Равноапостольнаго Князя Владиміра, яко пріявшаго тамъ св. крещеніе; въ Инкерманѣ—во имя священномучениковъ Климента и Мартина, яко тамо въ заточеніи подвизавшихся. Въ Инкерманѣ для будущей киновіи послужатъ два малыхъ древнихъ въ скалѣ храма, требующихъ небольшаго только исправленія, а въ Херсонесѣ на древнемъ фундаментѣ предположено возстановить—въ первобытномъ ея видѣ—ту самую церковь, въ коей, по всей вѣроятности, совершилось крещеніе св. Владиміра. Такимъ образомъ южный Кронштадтъ нашъ оградится отъ враговъ твердынями не только вещественными, но и духовными.

Не знаю, извѣстенъ-ли Вашему Императорскому Высочеству недавно напечатанный въ «Запискахъ Одесскаго Общества древностей» подорожникъ нашего посольства изъ Москвы въ Крымъ въ 1625 году, найденный въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Подорожникъ сей крайне примѣчателенъ,—для нашего особенно края,—содержащимся въ немъ пророчествомъ одного изъ таврическихъ угодниковъ Божіихъ о будущей судьбѣ Крыма въ отношеніи къ Россіи. Если благоугодно, книга сія немедленно можетъ быть къ Вамъ выслана.

О духѣ паствы херсоно-таврической пастырю ея, хотя недостойному, естественно желалось бы сказать предъ Вами что-либо порадостнѣе. Но часъ радованія видимо еще не пришелъ для

[1]) Рим., IV, 17.

насъ: надобно трудиться и не спать, воздѣлывать почву и исторгать терны и волчцы; сѣять и поливать обѣими руками, ожидая успѣха во всемъ не отъ своего искусства и усилій, а отъ Того, Кто единъ можетъ возращать посѣянное. При такихъ обстоятельствахъ, когда самая плоть, если можно такъ выразиться, здѣшней паствы еще не успѣла принять на себя полнаго и стройнаго образа человѣческаго,—трудно сказать что-либо опредѣленное объ отличительной физіогноміи духа, ее оживляющаго, хотя онъ, поколику происходитъ отъ Бога, по выраженію евангелія, идѣже хощетъ дышетъ, и гласъ его слышиши [1]). По разнокачественности вошедшихъ въ составъ здѣшней епархіи племенъ и народовъ, въ этой физіогноміи, видимо, однако же, отличаются особыя народныя черты православія чисто-русскаго, древне и ново-греческаго, молдавскаго, болгарскаго и проч., что̀ представляетъ собою богатый матеріалъ для наблюденій весьма поучительныхъ. По счастливому свойству русскаго духа объединять собою все разносоставное, сіи разности давно бы могли слиться въ одинъ стройный обликъ, если бы не мѣшала тому еще одна (несчастная!) религіозно-характеристическая черта здѣшняго края, произникшая изъ свойства самаго происхожденія и образованія его, и состоящая въ томъ, что, живя среди иновѣрцевъ и иностранцевъ, подлежа непрестанно тлетворному вліянію изъ-за моря, рѣдкіе не привыкаютъ непримѣтно къ безразличію въ вѣрѣ и не становятся хладными къ св. обрядамъ своей церкви. Отрадно между тѣмъ видѣть, какъ христіанство, стоя у насъ лицемъ къ лицу съ магометанствомъ, даже безъ всякихъ человѣческихъ средствъ, рѣшительно обнажаетъ собою духовную бѣдность послѣдняго и, видимо, возносится надъ нимъ своимъ внутреннимъ превосходствомъ, по сознанію самыхъ благомыслящихъ мусульманъ. Еслибы къ сей же высокой и святой цѣли приспособлено было хотя нѣсколько и наше гражданское уложеніе (теперь оно—странно сказать—въ явной противуположности съ нею!),—то побѣда Евангелія надъ Алкораномъ рѣшена была бы сама собою, что, конечно, и послѣдуетъ со временемъ.

Что сказать Вашему Императорскому Высочеству вообще о

---

[1]) Іоан., III, 8.

положеніи нашего края? Онъ, повидимому, прошелъ всю эпоху земнаго творенія: свѣтъ былъ, и не разъ, разлучаемъ отъ тьмы, вода—отъ суши; земля произрастила уже не мало растеній и извела изъ себя животныхъ; самъ, здѣшній, человѣкъ давно изшелъ на дѣланіе свое до вечера и трудится много—до поту лица; но седьмаго дня успокоенія, блаженной субботы еще, видимо, нѣтъ у насъ, и она—не близко. Отъ чего? Между прочимъ, кажется, отъ того, что, когда Самому Господу, съ Его всемогуществомъ, угодно было употребить на твореніе седмь дней, намъ показалось за возможное и за лучшее сократить его въ два-три дня, не наблюдая при томъ Божественнаго правила, подъ конецъ каждаго дня озираться на созданное въ продолженіе его, дабы видѣть, аще добро есть? Посему-то теперь, и послѣ безчисленныхъ трудовъ, и—такъ называемыхъ—улучшеній, когда нужно бываетъ посмотрѣть на все въ совокупности, тотчасъ видишь, что, при всемъ желаніи видѣть вещи съ ихъ лучшей стороны никакъ нельзя усвоить нашему краю онаго отраднаго и успокоительнаго глагола: и се вся добра зѣло! Если кому такимъ образомъ, то намъ, жителямъ новой Россіи, предлежитъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ можно чаще обращаться съ молитвою къ Всемогущему Господину жатвы [1]), дабы извелъ благихъ и бодрыхъ дѣлателей на нашу обширную, многообразную и далеко еще невоздѣланную ниву, и ниспослалъ имъ духа разума и совѣта, духа труда и терпѣнія, паче же всего—духа страха Божія, въ коемъ одномъ почиваетъ зиждительное начало для благоустроенія судьбы какъ частныхъ людей, такъ и цѣлыхъ странъ.

Ваше Высочество располагаетесь пробыть въ Венеціи до апрѣля: куда же,—если не дерзновенно спросить,—послѣ того? Когда бы въ нашъ Крымъ, на южный берегъ его, гдѣ столько условій для возстановленія ослабѣвшаго здоровья и гдѣ къ тому времени, кажется, уготовано будетъ для Васъ покойное и благоприличное пристанище. Хотѣлось бы, наконецъ, для блага нашего края, упомянуть предъ Вами и еще объ одномъ, подобномъ желаніи, не моемъ только, но и всѣхъ, истинно разумѣющихъ положеніе наше; но, по древнему присловію, не надобно вдругъ желать

[1]) Матѳ., IX, 38.

многаго. Когда югъ нашъ понравится Вамъ благорастворенiемъ своего климата,—то это желаніе можетъ сбыться само собою.

За симъ, предая себя всецѣло Августѣйшему благорасположенію Вашего Высочества, съ чувствомъ глубокаго душевнаго уваженія и незыблемой преданности, священнымъ долгомъ до конца жизни почитаю быть Вашего Императорскаго Высочества покорнѣшимъ послушникомъ Иннокентій архіепископъ херсонскій.

27-го февраля 1852 г.

Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу.

Помѣта: «Получено въ Венеціи, 18-го (30-го) марта 1852 г.».

II.

Выписка изъ молитвенника стиховъ, требующихъ истолкованія.

Венеція, 1852 г.

Стр. молит. кіев. изданія 1850 г.		
3	Блажени испытающіи свидѣнія его.	Вникающіе съ усердіемъ въ повелѣнія Его.
—	Оправданія твои сохраню.	Уставы Твои я буду соблюдать.
—	Въ чесомъ исправитъ юнѣйшій путь свой.	Какимъ образомъ юноша можетъ управить съ успѣхомъ путь своей жизни?
—	Научи мя оправданіемъ твоимъ.	Уставамъ—заповѣдямъ Твоимъ, кои оправдываютъ человѣка, имъ слѣдующаго.
—	Въ заповѣдехъ твоихъ поглумлюся.	О заповѣдяхъ Твоихъ всегда буду размышлять съ удовольствіемъ.
4	Рабъ же твой глумляшеся въ оправданіихъ твоихъ.	А рабъ Твой продолжалъ размышлять о заповѣдяхъ Твоихъ.
5	Отыми поношеніе мое, еже непщевахъ, яко судьбы твои благи.	Отврати отъ меня поношеніе, котораго страшусь; ибо судьбы Твои благи.
—	И ходдахъ въ широтѣ, яко заповѣди твоя взыскахъ.	Я ходилъ свободно, какъ по равнинѣ; ибо взыскалъ повелѣній Твоихъ.
—	И глаголахъ о свидѣніяхъ твоихъ предъ цари и не стыдяхся.	Буду говорить объ откровеніяхъ Твоихъ предъ царями и не постыжуся.
6	Усырися, яко млеко, сердце ихъ, азъ же закону твоему поучихся.	Огрубѣло сердце ихъ, какъ сгустившееся молоко: а я закономъ Твоимъ утѣшаюсь.
7	Исчезаетъ во спасеніе твое душа моя, на словеса твоя уповахъ.	Истаеваетъ душа моя отъ желанія спасенія Твоего; на слова Твои я уповаю.

7 Исчезоша Очи мои въ слово твое, глаголюще: когда утѣшиши мя; зане быхъ яко мѣхъ на сланѣ, оправданій твоихъ не забыхъ.	Выглядѣлъ я глаза на слово Твое, говоря: когда же Ты утѣшишь меня? Сталъ я похожъ на мѣхъ въ сильномъ дыму (то есть содѣлался унылъ, дряхлъ и неспособенъ къ дѣлу); но уставовъ Твоихъ не забылъ.
— Во вѣкъ не забуду оправданій твоихъ, яко въ нихъ оживилъ мя еси.	Во вѣкъ не забуду повелѣній Твоихъ, ибо Ты ими оживляешь меня.
Среда.	Средина.
8 Всякія кончины видѣхъ конецъ, широка заповѣдь твоя зѣло.	Я видѣлъ предѣлъ всего совершеннаго: но Твоя заповѣдь крайне обширна.
— Наслѣдовахъ свидѣнія твоя во вѣкъ, яко радованія сердца моего суть.	Я усвоилъ себѣ откровенія Твои на вѣкъ; ибо они составляютъ радость для моего сердца.
— Истаяла мя есть ревность твоя, яко забыша словеса твоя врази мои.	Ревность моя снѣдаетъ меня, видя, какъ мои враги забыли слова Твои.
— Предварихъ въ безгодіи и воззвахъ, на словеса твоя уповахъ.	Съ греч. подлинника: во время безгодія и несчастія спѣшу къ Тебѣ и взываю, ибо на слова Твои я уповалъ. Съ еврейскаго: предваряю разсвѣтъ и взываю къ Тебѣ: ибо на слова Твои уповаю.
19 Разботѣютъ красная пустыни.	Затучнѣютъ пажити пустынныя, то есть—сдѣлаются плодоносными.
— Рцыте Господеви: коль страшна дѣла твоя во множествѣ силы твоея, солжутъ тебѣ врази твои.	Рцыте Богу: коль страшенъ Ты въ дѣлахъ Твоихъ; по безмѣрной силѣ Твоей преклоняются предъ Тобою, хотя неискренно, самые враги Твои.
21 Путесотворите возшедшему на запады.	Равняйте—готовьте путь шествующему на западъ. Съ еврейск.—пустынею.
— Царь силъ возлюбленнаго, красотою дому раздѣлити корысти.	Царь воинствъ Возлюбленнаго дастъ власть раздѣлить добычи для украшенія дома. Съ еврейск.: Цари воинствъ бѣгутъ, бѣгутъ; а сѣдящая дома дѣлитъ добычу.
— Аще поспите посредѣ предѣлъ.	Когда вы успокоитесь въ своихъ предѣлахъ (то есть—по занятіи земли Ханаанской).
— Внегда разиствитъ небесный цари на ней оснѣжатся въ Селмонѣ.	Съ еврейск.: когда небесный (Владыка) разсѣетъ царей на землѣ (ханаанскихъ), то они (израильтяне) будутъ блистать, какъ снѣгъ на Селмонѣ.

22 Всуую нещуете горы усиренныя, гора юже благоволи Богъ жити въ ней, ибо Господь вселится до конца.

Съ еврейск.: что завистливо смотрите вы, горы холмистыя? Вотъ гора, на которой Богъ благоволилъ обитать и на которой Господь будетъ жить вѣчно! (то есть—гора Сіонская, Іерусалимъ).

— Колесница Божія тмами темъ, тысяща гобзующихъ.

Колесницъ Божіихъ тмы, тысячи тысячъ.

— Рече Господь: отъ Васана обращу, обращу во глубинахъ морскихъ.

Господь сказалъ: отъ (горы) Васана приведу, приведу изъ глубины морской.

— Запрети звѣремъ тростнымъ, сонмъ юнецъ въ юницахъ людскихъ, еже затворити искушенныя сребромъ.

Укроти звѣря, живущаго въ тростникѣ (Египетъ), стадо воловъ съ тельцами народовъ (Сирію), чтобы они повергнись предъ Тобою съ слитками сребра.

NB. Псаломъ LXVII, изъ коего выставлены 5 предшествующихъ мѣстъ, есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ къ разумѣнію, даже въ подлинникѣ еврейскомъ, по причинѣ неопредѣленности его предмета и множества намековъ на разныя малоизвѣстныя историко-географическія обстоятельства. Къ разумѣнію его можетъ служить истолкованіе сего псалма, изданное преосвященнымъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ.

23 Углѣбохъ въ тинѣніи глубины и нѣсть постоянія.

Я увязъ въ блатѣ глубокомъ и не на чемъ остановиться.

24 Да не потопитъ мя буря водная, ниже сведетъ о мнѣ ровенникъ устъ своихъ.

Да не увлечетъ меня стремленіе водъ, да не поглотитъ меня пучина, да не затворитъ надо мною колодезь отверстія своего.

25 Угодно будетъ Богу паче тельца юна, роги износяща и паznокти.

Сіе Господу пріятнѣе, нежели юный телецъ, у коего только показываются рога и раздвояются копыта.

Богородиченъ. . . . . .

Пѣснь въ честь пресв. Богородицы.

Ірмосъ. . . . . .

Съ греческ.—связь; такъ названы заглавные стихи въ каждой пѣснѣ канона, потому что ими опредѣляется порядокъ и размѣръ другихъ стиховъ, за ними слѣдующихъ.

— Халден же опаляющее велѣніе Божіе, мучителя увѣща вопити...

Пламень, попалившій, по повелѣнію Божію, халдеевъ (Вавилонянъ), побудилъ самого мучителя (Навуходоносора) дать славу Богу.

31 Волитель милости извѣствованъ яко Богъ милостивъ.

Провозвѣщенная благожелательнице милости, яко божество премилосердое, трисвѣтлая единице, и проч.

33 Господоначальную Херувимъ и Богоначальную безъ сравненія Серафимъ.

Начальствующую надъ Херувимами, подобно Господу, и надъ Серафимами—подобно Богу.

33 Ѵпакои гласа. . . . . Ѵпакой—сгреч.—значитъ послушаніе. Такъ называется стихъ, достойный особеннаго вниманія. Гласъ—особый напѣвъ, коихъ въ составѣ церковнаго пѣснопѣнія—восемь. Ѵпакой гласа, слѣдовательно, есть ѵпакой того гласа, который въ извѣстную недѣлю поется въ церкви.

34 Аще языкомъ неизбѣжныхъ и стропотныхъ и крѣпкихъ сѣтей обьяхомся. Или если чрезъ языкъ мы уловлены въ неудобоизбѣжныя, лукаво запутанныя и крѣпкія сѣти (врага).

44 Яко положиша я хребетъ, во избытцѣхъ твоихъ уготовиши лице ихъ. Потому что Ты сокрушилъ силу (хребетъ) ихъ; но, по избытку своей благости, Ты сохранишь лице ихъ.

47 И начинаемъ шестопсалміе со всякимъ молчаніемъ и...
— Пострадахъ и слякохся доконца. То есть чтеніе избранныхъ 6-ти псалмовъ—съ особеннымъ благоговѣніемъ.
Я утрудился, согбенъ и поникъ чрезмѣрно.

49 Яко отъ тука и масти да исполнится душа моя.
— Предадятся въ руки оружія, части лисовомъ будутъ. Душа моя да исполнится тука (сытости) и елея (радости).
Сражены будутъ ударомъ меча, достанутся въ добычу лисицамъ (шакаламъ).

54 Въ понедѣльникъ перваго тропчя... а у прочихъ двою тропчновъ глаголати. На утрени, когда поется Аллилуіа, а не Богъ Господь, напр., во дни четыредесятницы, то вслѣдъ за симъ поются или читаются тропчны—пѣсни во славу пресв. Троицы, заканчиваемыя словами: свят, свят, свят еси, Боже нашъ, съ присовокупленіемъ въ каждый день недѣли особеннаго припѣва, напр., въ понедѣльникъ: предстательствы безплотныхъ твоихъ, въ среду: силою креста твоего и проч. Тропчновъ, по числу гласовъ пѣнія—восемь.

62 Ікосъ . . . . . Ікосъ съ гречес. буквально — домъ. Такъ называется пѣснь, непосредственно слѣдующая, въ канонѣ, за кондакомъ, въ которой подробнѣе и пространнѣе излагается мысль кондака, обыкновенно заключающаго въ себѣ изображеніе праздника или святаго только въ чертахъ общихъ.

64 Аще убо нѣсть недѣля, по ирмосѣ: достойно есть, аще же недѣля, или полиелей пѣтъ, по катавасіи эктенія. Если тотъ день, когда совершается служба, не есть воскресный, то, по окончаніи ирмосовъ, поется тотчасъ: достойно есть; если же будетъ

воскресный, или полиелей (служеніе полупраздничное), то, послѣ ирмосовъ, поется катавасія (пѣснь, для которой сходятся оба хора на средину церкви), а за нею эктенія.

И свѣтиленъ. . . . . Свѣтильны суть особыя пѣсни, непосредственно слѣдующія за канономъ, въ коихъ содержится прошеніе о ниспосланіи свѣта чувственнаго и духовнаго; ибо вслѣдъ за ними, послѣ пс. (148): хвалите Гда съ небесъ, возглашается служащимъ: слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!

66 Ексапостиларіа всея седмицы. Ексапостиларій—стихъ, для пѣнія коего высылался изъ клироса на средину церкви особый пѣвецъ; всея седмицы—въ продолженіе всей недѣли.

Крестобогородиченъ . . . . . Въ пѣсняхъ сего рода Богоматерь представляется при крестѣ оплакивающею страданія І. Христа.

67 Троицу почитати святую, Апостоли спасовы. Апостолы Спаса І. Христа, шедше, проповѣдали по всей подсолнечной истинно святое воплощеніе Христа отъ Дѣвы, обращая язычниковъ отъ заблужденій, просвѣщая и научая всѣхъ почитать св. Троицу.

Подобны. . . . . Суть пѣсни, составленныя по напѣву и размѣру самогласновъ, кои сами составлены безъ подражанія другимъ пѣснямъ, какъ по числу слоговъ, такъ и по напѣву.

Предсѣдателя мурликійскаго Николая. Предстоятеля церкви въ Мурликіи, духовнаго вождя паствы мурликійской.

68 Хвалите Господа отъ земли, огнь, градъ, снѣгъ, голоть. Голоть—гололедица, иней и туманъ.

69 Да восхвалятъ имя его въ лицѣ, въ тимпанѣ и псалтыри да поютъ ему. Да хвалятъ Его цѣлымъ хоромъ, на тимпанѣ и гуслях да брянкаютъ Ему.

80 Тукъ свой затвориша, уста ихъ глаголаша гордыню. Они затворили сердце свое; устами своими говорятъ гордо.

84 Смятохся отъ гласа вражія и отъ стуженія грѣшнича. Я смущаюсь отъ молвы вражеской, отъ притѣсненія нечестивыхъ.

85 Не дастъ въ вѣкъ молвы праведнику. Ты же Боже низведеши я въ студенецъ истлѣнія. Во вѣки не дастъ Онъ поколебаться праведнику. Ты же, Боже, низведешь ихъ (грѣшниковъ) въ ровъ погибели.

86 Не убоишися отъ стрѣлы, отъ сряща и бѣса полуденнаго.

Не убоишься ужасовъ ночи, стрѣлы, летящей днемъ, отъ встрѣчи (съ заразою) и отъ злаго дыханія (вѣтра) полуденнаго (самума).

89 И аще убо Богъ Гдь пѣть есть, изобразительная глаголемъ здѣ....

Изобразительный—служащій къ изображенію чего-либо. Служба изобразительныхъ есть краткій образъ литургіи, потому и поется иногда вмѣсто обѣдни и называется въ просторѣчіи обѣдницею.

92 Боже и не предложиша тебе предъ собою.

(Гордые) не представляли Тебя предъ собою.

95 Начало изобразительныхъ.

Смот. выше.

97 Заступи отъ житейскихъ страстей прилога.

Защити отъ прираженія житейскихъ страстей.

99 Кондакъ . . . . . .

Небольшой стихъ, въ которомъ кратко изложена сущность праздника, или жизнь и подвиги празднуемаго святаго.

Аще же есть храмъ господскій, глаголи первѣе храма.

Если же храмъ (въ коемъ совершается служеніе) посвященъ не святому, а воспоминанію о какомъ-либо событіи изъ земной жизни Господа Іисуса, то читай прежде кондакъ храма; напр., въ Преображенскомъ храмѣ читай прежде: На горѣ преобразился еси, и т. п.

— Яко шипокъ священнѣйшій отъ земли обрѣтеся.

Какъ священнѣйшій цвѣтокъ...

— Тезоименитому твоему новому жительству.

Новому жительству (христіанскому), Тебѣ сименному (Христосъ — христіане).

103 Тебѣ молюся и тебѣ мнлся дѣю.

Тебѣ молюся и Тебя съ особеннымъ усердіемъ и смиреніемъ прошу.

110 За упованіе, отложенное намъ.

По упованію, намъ предуставленному.

111 Сотворивъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи намъ понести.

Господь при искушеніи даетъ и облегченіе такъ, чтобы имѣть силу перенести его.

119 Во исповѣданіе и велелѣпоту облекся еси.

Ты облеченъ величіемъ и благолѣпіемъ.

— Тамо птицы возгнѣздятся, еродіево жилище предводительствуетъ ими.

Тамъ птицы будутъ вить свои гнѣзда; жилище аиста предводительствуетъ ими.

121 Стихословіе псалтыря. . . . .

Чтеніе извѣстныхъ псалмовъ по стихамъ, расположенное по особенному правилу. Зри уставъ церковный.

122 Пожерты быша при камени судіи ихъ.

Разсыпались по каменнымъ утесамъ судіи ихъ (2 Паралип., XXV, 12).

122 Услышатся глаголы мои, яко возмогоша: яко толща земли просѣдеся на земли.

Будутъ слышаны слова мои, поелику они возымѣли силу: какъ глыба земли, такъ они (грѣшники) распадутся по земли.

123 Стихиры . . . . . .

Извѣстныя пѣснопѣнія, поемыя въ началѣ, срединѣ и подъ конецъ вечерняго служенія.

— Снѣди сладкія видѣніемъ смерть исходата ихъ и страненъ ея ради Божія славы и жизни явихся.

Воззрѣніемъ на сладкую снѣдь я стяжалъ себѣ смерть, и чрезъ нее (снѣдь) сдѣлался чуждымъ Божіей славы и жизни.

124 Утоли пажить грѣховную.

Уничтожь во мнѣ то, чѣмъ, какъ на пажити, питается грѣхъ.

125 Прокимны . . . . . .

Краткіе стихи, кои поются на утрени и на молебнахъ предъ чтеніемъ Евангелія, на литургіи предъ чтеніемъ Апостола, на вечернѣ послѣ свѣте тихій и предъ чтеніемъ паремій. Иные изъ нихъ называются великими, по особенной торжественности своихъ напѣвовъ.

127 На стиховнѣ стихиры. . . . .

Стиховны—стихиры: на вечернѣ, предъ нынѣ отпущаеши, и на утрени, предъ благо есть; называются такъ потому, что предъ ними (исключая первую стихиру) возглашается по стиху изъ псалмовъ.

— Поношеніе гобзующихъ . . . .

Поруганіе отъ надменныхъ.

131 Великій канонникъ . . . . . .

Поется на великихъ повечеріяхъ 1-й недѣли великаго поста и въ среду 5-й недѣли. Твореніе св. Андрея Критскаго.

135 Яко слышахъ гажденіе многихъ, живущихъ окрестъ.

Ибо слышалъ злорѣчіе отъ многихъ, живущихъ въ окрестности.

Настоящіе тропари. . . . . .

Пѣсни, составленныя по размѣру и напѣву прмосовъ.

142 И кости моя, яко сушило сосохошася.

И кости мои, какъ сушило (мѣсто, гдѣ что-либо сушатъ), изсохли.

— Уподобихся неясыти пустынней.

Я сдѣлался подобенъ неясыти (пеликану) пустынной.

— Бдѣхъ и быхъ, яко птица, особящаяся на здѣ.

Не сплю и сижу, какъ одинокая птица (струфъ) на кровлѣ.

143 Да напишется сіе въ родъ инъ, и людіе зиждемія восхвалятъ Господа.

Пусть напишется о семъ послѣдующимъ родамъ, и поколѣнія, имѣющія явиться на свѣтъ, будутъ хвалить Господа.

— Не возведи мене въ преполовеніе дней моихъ, въ родѣ родовъ лѣта твоя.

Не восхить меня (отъ среды живыхъ) въ половинѣ дней моихъ! Твои лѣта въ роды родовъ!

147 Духъ твой благій наставитъ мя на землю праву.

Духъ твой благій да руководствуетъ меня на землю правую (гдѣ живетъ одна правда и истина).

149 Хвалите его въ тимпанѣ и лицѣ, хвалите въ кимвалѣхъ воскликанія.

Хвалите Его съ тимпаномъ цѣлымъ хоромъ; хвалите на кимвалахъ съ воскликновеніемъ (во храмѣ Іерусалимскомъ были не только хоры пѣвчихъ, но и различныя музыкальныя орудія, какъ-то: гусли, трубы, рога, литавры, цымбалы и пр.).

158 Страстей мя смущаютъ прилози.

Меня возмущаютъ приражения и нападенія отъ разныхъ страстей, напр., честолюбія, сребролюбія и проч.

159 Богородице предвари и отъ бѣдъ избави насъ.
— Страстей моихъ смущеніе кормчаго рождшаго Господа.

Предвари, то есть—поспѣши избавить (еллинскій оборотъ рѣчи).

Богоневѣсто! Ты, которая родила Господа—великаго кормчаго, утиши волненіе моихъ страстей и бурю согрѣшеній моихъ.

160 Самъ ся издавъ смерти.

Самъ себя добровольно предавшій во власть смерти.

— Напастей рѣшащу молвы и налоги бѣсовъ отгоняющу.

Я знаю, Дѣво, что Ты освобождаешь отъ множества напастей и избавляешь отъ искушеній бѣсовскихъ.

170 Соблюди насъ отъ всякаго мечтанія и темныя сласти кромѣ...

Сохрани насъ отъ всякаго (во снѣ) мечтанія и безсознательнаго (темнаго) сладострастія.

178 Радуйся, божественная ручко манны!
— Радуйся, адамово воззваніе.

Радуйся, божественная рукоять манны!

Радуйся, чрезъ которую Адамъ воззванъ (къ первобытному блаженству)!

179 Да возведетъ человѣка, яко единъ силенъ, въ первое достояніе съ растворенiемъ.

Дабы, какъ единъ Всесильный, чрезъ соединеніе въ себѣ Божеской и человѣческой природы (съ растворенiемъ) возвелъ человѣка къ первоначальному его достоинству.

180 Канонъ благодаренъ, его же краегранесіе сицево.

Канонъ—до слова съ греч.—правило; въ смыслѣ церковныхъ пѣснопѣній канонъ есть собраніе ирмосовъ со стихами, обыкновенно въ числѣ 8-ми, а иногда 4-хъ и 3-хъ. Краегранесіе (акростихъ стиха) есть такой стихъ, котораго каждая буква служитъ по порядку начальною буквою послѣдующихъ стиховъ всего канона.

— Живый и независтный источниче.

Независтный—ни въ чемъ не завидующій другимъ и ни въ комъ не возбуждающій зависти, по безмѣрному

и для всякаго всегда готовому обилію своихъ водъ—источникъ.

180 Радуйся стамно, манну носящая!
183 Отъ тебе роса ukàну.
— Пристанище намъ буди влающимся.

Радуйся, сосуде, манну носящій!
Отъ Тебя роса ниспала.
Будь пристанищемъ для насъ, обуреваемыхъ волнами моря (житейскаго).

185 Радуйся, еже како—ни единаго же научившая!

(Радуйся, свѣтъ низреченно родившая!) Радуйся, никого не научившая, какъ совершилось это рожденіе!

— Радуйся ниво, растящая гобзование щедротъ.
187 Радуйся тимѣнія изимающая дѣлъ.

Радуйся, нива, произращающая обиліе щедротъ!
Радуйся, освобождающая отъ нечистоты грязныхъ дѣлъ!

190 Вѣтія многовѣщанныя, яко рыбы безгласныя видимъ.

Витій многорѣчивыхъ мы видимъ какъ рыбъ безгласныхъ, когда имъ нужно говорить о Тебѣ...

191 Радуйся, ты бо наказала еси окраденныя умомъ.

Радуйся Ты, которая просвѣтила скудныхъ умомъ! (еллинскій оборотъ рѣчи).

— Радуйся тлителя смысловъ упражняющая.
201 Исхити мя изъ руки льстиваго Веліара.
218 Студныхъ помышленій во мнѣ точитъ.

Радуйся, приводящая въ ничто растлителя умовъ (діавола)!
Веліаръ—идолъ языческій; въ переносномъ смыслѣ—діаволъ.
Какое-то тинистое и грязное блато, отлучающее умъ мой отъ Бога, источаетъ изъ себя во мнѣ постыдныя мысли: Заступниче мой, изсуши его во мнѣ!

220 Облечеся псаломски изъ тебе Богомати въ краснѣйшее благолѣпіе.

И облекся, какъ въ псалмѣ (92) сказано, изъ Тебя, Богомати, въ краснѣйшее благолѣпіе (во святую плоть).

221 Милуя стенеши и сѣтуеши и дряхлуеши, посупленія исполненъ Избавителю мой.
— Ставиломъ дубравы и горы мѣриломъ разума поставивый.

Милуя, стенаешь, сѣтуешь и скорбишь и видъ твой долу преклоненъ, Защитниче мой.
По ставилу (орудіе для правильнаго установленія чего-либо) устроившій дубравы и по мѣрилу—своего разума—горы.

228 И отъ онудными свѣтлостьми облиставаеми, и свѣтолитіи вѣчно сіяюще и свѣти бывающе вторіи.

Безплотные ангелы Божіи, престолу предстоящіе и истекающими оттуда сіяніями просвѣщаемые и вѣчно сіяющіе обиліемъ свѣта, посему и сами—вторые свѣты...

— Свѣта исполняеми и свѣщи сообращаеми, прилично показуеми.

Полные свѣта и яко свѣтильники, одинъ къ другому сообращающіеся и въ стройномъ чинѣ являющіеся.

— Тропарь. . . . . .

Пѣснь, содержащая самый краткій обзоръ жизни святаго, или событій праздника.

228 Кондакъ. Смот. стр. 180.

— Ирмосъ. Смот. стр. 25.

231 И веселіе бысть во спасеніи твоемъ безвещнымъ, вопіющимъ... И веселіе бысть во спасеніи Твоемъ невещественнымъ (духамъ), вопіющимъ Тебѣ...

234 Въ купинѣ огнемъ Приснодѣвы Моисееви тайну явльшаго. Открывшаго тайну Приснодѣвы Моисею въ горящей (но несгарающей) купинѣ (кустѣ терновомъ).

246 На стиховнѣ стихиры самогласны. Пѣсни самогласныя, то есть—составленныя безъ подражанія другимъ, какъ по числу слоговъ, такъ и по напѣву.

— Воскресни Господи въ покой твой, ты и кивотъ святыни твоея. Стань, Господи, на мѣстѣ покоя Твоего, Ты и ковчегъ святыни Твоей.

249 Постиже руцѣ досадительныя дерзаго, усѣченіемъ судъ нанесъ. Буйныя руки дерзкаго (Афеонія) судъ постигъ, усѣченіемъ ихъ, Богу, ко славѣ своей, сохраншу честь одушевленнаго своего кивота, въ немъ же Слово плоть бысть (этотъ еврей, Афеоній, устремился на несомый апостолами гробъ Богоматери, чтобы опровергнуть его: но руки его, какъ-только прикоснулись ко гробу, то отпали отъ своего тѣла).

— Отъ мертвыхъ чреслъ произведшися, естествомъ подобна, чистая исхожденіе разрѣши. Родившись изъ смертныхъ чреслъ, Чистая, Ты совершила исходъ (подверглась смерти) сообразно естеству (человѣческому), а какъ породившая истинную жизнь, Ты преставилась къ жизни Божественной и ипостасной.

250 Испражненія преходящее земная, яко чудна дѣла твоя. Чудно было видѣть одушевленное небо царя всѣхъ проходящимъ всѣ пространства земныя, яко чудны дѣла Твои...

251 Сосудъ подобаше избранный пѣніемъ ти весь удивляемъ, Дѣвице, исходенъ, весь освященъ Богови... На пѣснопѣніе во славу Твою, Дѣво, подобалъ сосудъ избранный, полный восторга, весь внѣ себя отъ радости и проч.

252 Безстудней ярости же и огню Божественное желаніе сопротивляяся, огнь убо орошаше, ярости же смѣющеся, Богодохновенною словесною преподобныхъ тривѣщанною цѣвницею противувѣщая мусикійскимъ органомъ посредѣ пламене: препрославленный отцевъ и нашъ Боже, благословенъ еси! Любовь къ Богу, сопротивляясь лютой ярости (мучителя) и огню, росою охлаждала огнь, а ярости посмѣвалась; на громъ музыкальныхъ орудій, изъ среды пламени, она противу отвѣчала богодвижимою, словесною, троезвучною цѣвницею святыхъ: благословенъ Ты, великій славою, Боже нашъ и отцевъ!

255 На хвалитехъ стихиры . . . . .

Пѣсни, кои поются на утрени по канонѣ и по прочтеніи псалма: хвалите Господа съ небесъ.

259 И еже по образу оскаляхъ, Чистая, и по подобію.

О, несчастный я! въ гордынѣ ума моего, Пречистая, я осквернилъ то, что есть во мнѣ по образу и подобію Божію, и куда теперь обращусь? Но ты, Дѣво, защити и помоги мнѣ!

(Продолженіе писемъ слѣдуетъ).

ОСИПЪ МАКСИМОВИЧЪ БОДЯНСКІЙ.

† 6-го сентября 1877 г.

6-го сентября 1877 г., скончался въ Москвѣ О. М. Бодянскій, бывшій профессоръ славянской филологіи въ московскомъ университетѣ и секретарь московскаго «Общества исторіи и древностей», въ званіи котораго онъ успѣлъ издать (1846—1848; 1858—1877 гг.) сто книгъ «Чтеній» этого Общества, оказавшихъ весьма важную услугу отечественной исторіи. Такимъ образомъ кончина Бодянскаго чувствительна не только для славянской науки вообще, но и въ частности для отечественной исторіи. Дѣятельности его въ области первой касались уже другіе (А. А. Котляревскій въ «Славянскомъ Ежегодникѣ» 1878 г. и «Чтеніяхъ Кіевскаго Историческаго Общества Лѣтописца Нестора», т. I; И. И. Срезневскій въ Сборникѣ 2 отдѣла императорской академіи наукъ, т. XVIII, 1878 г.); съ своей стороны мы намѣрены, въ историческомъ изданіи, указать, главнымъ образомъ, на его значеніе, въ качествѣ издателя такого историческаго органа, какимъ были за его время «Чтенія московскаго общества исторіи», въ которыя, впрочемъ, и онъ самъ вложилъ много труда.

Осипъ Максимовичъ Бодянскій родился, 3-го ноября 1808 г., въ мѣстечкѣ Ворвѣ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи, и происходилъ изъ духовнаго званія По окончаніи курса наукъ въ переяславской духовной семинаріи, онъ, въ октябрѣ 1831 г. (имѣя уже почти 23 года), поступилъ въ московскій университетъ. Еще въ семинаріи, говорятъ, онъ выдавался по своимъ упражненіямъ въ словесности и принималъ участіе «въ комедійныхъ дѣйствіяхъ» (въ роли Наполеона); но тогдашняя же семинарія могла дать ему и прочныя знанія по философіи и древнимъ языкамъ. Въ Москвѣ Бодянскій вступилъ въ близкія отношенія къ кружку Станкевича; а въ университетѣ онъ встрѣтилъ поддержку и сочувствіе въ извѣстномъ

скептикѣ М. Т. Каченовскомъ, о которомъ съ такимъ уваженіемъ отзывался потомъ и Грановскій, по своимъ личнымъ отношеніямъ. Кандидатская диссертація Бодянскаго: «О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси», 1835 г. (Сынъ Отечества, 1835, т. CLXXIII), написана подъ вліяніемъ чтеній Каченовскаго, который доказывалъ происхожденіе варяговъ отъ балтійскихъ славянъ, а Новгородъ разсматривалъ, какъ ихъ колонію, имя же Руси относилъ къ южной Россіи, получившей его отъ черноморскихъ руссовъ, тюркскаго племени. Но Каченовскій, въ теченіе 27-ми лѣтъ преподававшій то изящныя искусства и археологію, то русскую словесность, то русскую исторію и статистику, то исторію и статистику всеобщую,—вскорѣ за введеніемъ устава 1835 г., въ которомъ было отведено уже мѣсто исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій, перешелъ на эту каѳедру; впрочемъ, еще задолго до того онъ обращалъ вниманіе на памятники славянской литературы, языка и народной словесности (см. вообще «Вѣстникъ Европы» и «Труды общества любителей россійской словесности», 1816—1827 гг., и между прочимъ о сербскихъ пѣсняхъ, изд. В. Стефановичемъ), причемъ высказалъ весьма замѣчательный по тому времени взглядъ на историческое значеніе послѣдней; а магистерская диссертація Бодянскаго (1837 г.): «О народной поэзіи славянскихъ племенъ» въ значительной степени была обязана своимъ появленіемъ тому же Каченовскому. Къ этому времени относится также появленіе въ «Московскомъ Наблюдателѣ» (1837 г.) критики Бодянскаго на книгу «Россія въ историческомъ, литературномъ, статистическомъ и др. отношеніяхъ» (4 т.), изданную подъ именемъ Ѳ. Булгарина, но въ значительной степени составленную Н. А. Ивановымъ, бывшимъ потомъ профессоромъ казанскаго университета (см. объ этомъ въ «Зарѣ» 1871 г.: Четверги у Грeча). Эта критика, отличающаяся весьма мѣткими замѣчаніями и рѣзкими полемическими пріемами, обратила на ея автора вниманіе...

Съ 14-го октября 1837 г. до мая 1842 г., Бодянскій пробылъ за границею съ ученою цѣлью, преимущественно въ славянскихъ земляхъ; затѣмъ, побывавъ въ Варшавѣ и Вильнѣ, въ сентябрѣ 1842 г. возвратился въ Москву, гдѣ занялъ каѳедру исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, сдѣлавшуюся вакантною послѣ Каченовскаго, незадолго передъ тѣмъ скончавшагося. Вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Москву, онъ успѣлъ уже перевести и издать въ «Москвитянинѣ» и отдѣльно (1843 г.): «Славянское народоописаніе» Шафарика; а въ 1845 г. перевелъ съ польскаго и издалъ сочиненіе Дениса Зубрицкаго: «Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси отъ водворенія христіанства до конца XV-го

столѣтія» и въ томъ же 1845 г. году (6-го февраля) былъ избранъ въ секретари «Общества исторіи и древностей россійскихъ» при московскомъ университетѣ. Еще въ 1837—1838 гг. Бодянскій приступилъ къ печатанію своего перевода «Славянскихъ древностей» Шафарика (1—3 книги); но, по возвращеніи изъ-за границы, долженъ былъ вновь пересмотрѣть его, и издалъ въ полномъ видѣ (1847 г.), въ 5-ти книгахъ. Съ избраніемъ Бодянскаго въ секретари историческаго Общества, ученая дѣятельность его, главнымъ образомъ, сосредоточивается въ этомъ послѣднемъ. Издательская дѣятельность самаго Общества также значительно расширяется. Между тѣмъ какъ прежде труды его появлялись съ большими перерывами (1-я ч. «Русскихъ Достопамятностей» появилась въ 1815, 2-я—1843, 3-я—1844; Записки и труды общества, 1-я—1815, 2-я—1824, 3-я—1826, 4-я—1828, 5-я—1830, 6-я—1833, 7-я и 8-я—1837; Русскій историческій сборникъ—т. 1-й, 2-й и 3-й—1838; 4-й—1840; 5-й—1842; 6-й—1843; 7-й—1844 г.), «Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», подъ редакціей Бодянскаго, становятся періодическимъ изданіемъ, чрезвычайно богатымъ по своему содержанію и чуждымъ односторонности, свойственной иногда подобнымъ изданіямъ. «Чтенія», по справедливому замѣчанію И. И. Срезневскаго, «составили библіотеку, необходимую для каждаго историка, археолога, этнографа, статистика, языковѣда, историка литературы и народной словесности, не только русской, но и западно-славянской» (Сборникъ академіи наукъ, т. XVIII, 41).

Въ теченіе 1846—48 гг., Бодянскій издалъ 23 книги «Чтеній» (1-й годъ—4 книги, 2-й и 3-й—по 9-ти книгъ; 4-й—одну), въ которыхъ помѣстилъ отчасти свои изслѣдованія и замѣчанія, отчасти памятники, приготовленные къ изданію имъ же самимъ, обыкновенно также съ его замѣчаніями, введеніями и т. п., наконецъ много другихъ трудовъ и матеріаловъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ его переводы сочиненій Шафарика («О древне-славянскихъ кириловскихъ типографіяхъ въ южно-славянскихъ и сосѣднихъ земляхъ», «О Сварогѣ», «Расцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи» и др.) и Ф. Палацкаго («Сравненіе законовъ царя Стефана-Душана сербскаго и древнѣйшихъ земскихъ постановленій чеховъ», «О русскомъ князѣ Ростиславѣ»), статьи («О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ, съ описаніемъ нѣкоторыхъ памятниковъ и матеріаловъ»; «О тождествѣ Хорса и Даждь-Бога») и рядъ памятниковъ, приготовленныхъ имъ къ изданію: «Паралипоменъ» Зонары, «Винодольскій законъ», въ подлинникѣ, съ примѣчаніями, переведенными съ сербскаго; «О сочетаніи втораго брака» (великаго князя Василія Ивановича) Паиссія; «Повѣсть

о прихожденіи короля Стефана на Великій Псковъ»; «Сказаніе о разстригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ»; «Московскіе соборы на еретиковъ XVI-го вѣка», сочиненіе Георгія Скрипицы «О вдовствующихъ попахъ»; Лѣтопись Густынскаго монастыря»; «Россійская исторія Татищева» (книга V-я); переписка и бумаги Карла XII, статьи Лещинскаго и др., и немало памятниковъ по исторіи Малороссіи, въ числѣ которыхъ находятся «Лѣтопись самовидца» и сочиненія Симоновскаго, Зарульскаго, Г. Ф. Миллера, А. Ригельмана, а также «Исторія Руссовъ» мнимаго Георгія Конисскаго. Независимо отъ того, въ «Чтеніяхъ» же за первые годы были помѣщены изслѣдованія: объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ—С. М. Соловьева; о началѣ народовъ славянскихъ—Суровецкаго; разсужденія о Галиціи, печенѣгахъ и хозарахъ—Сума; очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славянскихъ народовъ до XIV-го вѣка, Мацѣевскаго; о древней русской лѣтописи и печерскомъ патерикѣ, Бѣляева-Кубарева; о Ярославовой Правдѣ, Дубенскаго; о Коричей, Калачова; объ исправленіи церковныхъ книгъ въ Россіи при патріархѣ Филаретѣ, Казанскаго; о древней монетной системѣ въ Россіи и сторожевой станичной службѣ на польской Украинѣ московскаго государства, Бѣляева; сочиненіе объ уніи Г. Конисскаго и Д. Зубрицкаго; біографіи русскихъ патріарховъ; описанія нѣкоторыхъ епархій (іерархіи вятская и астраханская), Платона Любарскаго; древнія святыни Ростова Великаго, гр. М. Толстаго; древніе историческіе и литературные памятники (соч. игумена Памфила, Іосифа Волоцкаго, Геннадія Новгородскаго и др.); сводный текстъ губныхъ грамотъ XVI-го и XVII-го вв.; шуйскіе акты, семейные акты и переписка; акты о мѣстничествѣ; малороссійская переписка изъ архива Оружейной палаты; рядъ описей древнихъ монастырскихъ и частныхъ библіотекъ; русскія народныя пѣсни (ч. I), собранныя П. Кирѣевскимъ; археологическія и этнографическія замѣтки и статьи. Уже теперь Бодянскій старался познакомить русскихъ читателей съ иностранными писателями о Россіи: такъ, было начато печатаніе извѣстнаго сочиненія Аделунга: «Обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700 года», оконченное впослѣдствіи, когда снова «Чтенія» достались въ руки Бодянскаго; были напечатаны и нѣкоторыя изъ иностранныхъ записокъ о Россіи (Коллинса, Шаума, Барецдо-Барецди и др.). Въ изданіи Бодянскаго находили мѣсто матеріалы, относящіеся какъ къ древней, такъ и новой Россіи; многое могло появиться въ то время только въ этомъ изданіи; тѣмъ не менѣе, несмотря на спеціальность и вполнѣ ученый характеръ послѣдняго, помѣщеніе въ немъ (въ 1848 г., кн. I-я) сочиненія Флетчера «О государствѣ русскомъ» (XVI вѣка) послужило причиною катастрофы для самаго изданія. Едва ли можно

объяснить это событіе одними личными отношеніями близко стоявшихъ къ изданію вліятельныхъ особъ; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ сочиненіе Флетчера не появилось въ нашей печати, а переводъ, приготовленный для «Чтеній» (и обозначенный на оберткѣ указанной книги), былъ напечатанъ въ 1867 г. за границею. Вотъ, что писалъ по этому поводу самъ Бодянскій, не любившій молчать въ такихъ случаяхъ: «Послѣдній (переводъ) есть перепечатка, сдѣланная безъ вѣдома Общества, которое, какъ всѣмъ извѣстно, принуждено было немедленно по выпускѣ изъять его изъ обращенія, навлекло на себя замѣчаніе, а предсѣдатель и секретарь Общества удалились изъ него; послѣдній даже, сверхъ того, и перемѣщенъ еще въ другой университетъ, куда, однако, не поѣхалъ, а предпочелъ выйти совсѣмъ изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, но къ концу года (1849 г.) снова былъ приглашенъ управляющимъ министерствомъ, кн. Пл. Ал. Ширинскимъ-Шихматовымъ, на свою каѳедру въ московскій университетъ. Мы все еще боимся, и по истеченіи цѣлыхъ столѣтій, преклонить ухо свое къ невыгоднымъ отзывамъ о насъ иностранцевъ,—все еще думаемъ, что они, говоря о Россіи за 300 лѣтъ, говорятъ о теперешней Россіи, о насъ и нашихъ порядкахъ. Поэтому русскій переводъ сочиненія, заключающаго въ себѣ цѣлое сокровище самыхъ важныхъ замѣтокъ о тогдашнемъ московскомъ государствѣ во всѣхъ отношеніяхъ, помѣщаемаго всѣми знатоками исторіи на ряду съ записками Герберштейна, недоступнымъ сдѣлался именно тѣмъ, кому это безцѣнное произведеніе болѣе всего нужно. Или такъ уже и суждено намъ никогда не взглянуть прямо въ глаза никакой правдѣ о насъ, высказанной нашими врагами безъ обиняковъ и покрововъ?... При такомъ состояніи нашемъ, конечно, Флетчеру въ русской одеждѣ суждено скорѣе, пожалуй, сгнить, чѣмъ когда-либо увидѣть свѣтъ божій. А между тѣмъ незабвенный исторіографъ нашъ сколько обязанъ этому злополучному англичанину, помѣстивъ его, въ разбитну'ю, въ своемъ безцѣнномъ трудѣ, чуть не цѣликомъ всего, въ разныхъ мѣстахъ IX и X томовъ «Исторіи Россійскаго государства» (см. предисловіе къ матеріаламъ для исторіи Россіи, извлеченнымъ изъ рукописи Британскаго музея—«Чтенія Моск. Общества исторіи» 1870 г., кн. 3).

Дѣйствительно, въ октябрѣ 1848 г., Бодянскій, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, былъ перемѣщенъ на службу въ Казань, а на его мѣсто оттуда былъ назначенъ В. И. Григоровичъ, который, сколько намъ извѣстно, неособенно радовался этому перемѣщенію; но Бодянскій въ Казань не поѣхалъ, а предпочелъ подать въ отставку, и, «съ высочайшаго соизволенія», 2-го января 1849 года, былъ уволенъ отъ службы при казанскомъ университетѣ, даже съ освобожденіемъ на будущее время отъ обязанности дослужить 6 лѣтъ, въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія (за заграничное пребываніе). Въ отставкѣ Бодянскій пробылъ ровно годъ (по 22-е декабря 1849 г.), и затѣмъ, высочайшимъ приказомъ, снова былъ опредѣленъ исправляющимъ должность ординарнаго профессора московскаго университета. Около этого времени Бодянскій занялся изданіемъ «Изборника Святослава» (1073 г.), которое потребовало отъ него большихъ розысканій по части источниковъ, составленія словаря, введенія и т. п. Печатаніе этого памятника шло медленно (всего отпечатано 23 листа) и не было окончено. Въ апрѣлѣ 1847 г., Бодянскій былъ избранъ членомъ одесскаго общества исторіи, а въ октябрѣ 1850 г.—членомъ «Общества исторіи и древностей югославянскихъ».

Въ 1849—1858 гг., дѣятельность Бодянскаго сосредоточивалась исключительно на профессурѣ.

Въ 1855 году, Бодянскій напечаталъ обширное изслѣдованіе: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», послужившее предметомъ его докторской диссертаціи. По отзыву спеціалистовъ, въ этомъ трудѣ «въ первый разъ подобраны и разобраны всѣ источники, пособія и мнѣнія, касающіеся этой задачи, а обширныя знанія и особенности изслѣдовательнаго направленія Бодянскаго высказались въ полномъ свѣтѣ».

Послѣ закрытія «Чтеній», редакція новаго изданія Общества («Временникъ») перешла въ руки И. Д. Бѣляева, помѣстившаго въ немъ много цѣнныхъ матеріаловъ по части русской исторіи и исторіи русскаго права, главнымъ образомъ, древняго періода; но оно не отличалось уже тѣмъ разнообразіемъ, какимъ выдавались «Чтенія»; нѣкоторые отдѣлы вовсе были устранены изъ «Временника». Но, въ 1858 г., Бодянскій снова былъ избранъ въ секретари Общества, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возникло прежнее изданіе—«Чтенія», ставшія выходить съ того же года по четыре книги въ годъ. Изданіе получило

прежній характеръ, а историческая часть его даже еще болѣе расширилась. Конечно, этому много содѣйствовало и значительное облегченіе печати: такимъ образомъ, въ самыхъ «Чтеніяхъ» появляется весьма много матеріаловъ и изслѣдованій по части новой русской исторіи и по вопросамъ недоступнымъ обсужденію въ прежнее время. Бодянскому принадлежитъ честь, что онъ, занимаясь самъ вопросами, слишкомъ отдаленными отъ нашего времени, никогда не пренебрегалъ матеріалами и трудами, относящимися къ болѣе позднимъ періодамъ, а теперь какъ-будто хотѣлъ пополнить напрасно потерянное время. Можно сказать, что, благодаря «Чтеніямъ», явилась возможность изслѣдованія и обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ и эпизодовъ изъ новой русской исторіи, такъ какъ въ то время еще не существовало спеціальныхъ періодическихъ изданій, въ такомъ обиліи помѣщающихъ теперь матеріалы, преимущественно по этой послѣдней. Укажемъ на общее содержаніе «Чтеній» въ ихъ новомъ видѣ.

По-прежнему Бодянскій помѣстилъ въ нихъ немало памятниковъ древней русской и славянской письменности (житія Кирилла и Меѳодія въ разныхъ спискахъ; житія Бориса и Глѣба; житіе Ѳеодосія Печерскаго; московскіе глагольскіе отрывки, хорватская хроника XII вѣка, житіе царя Лазаря, и др.), а также очерковъ и изслѣдованій по исторіи славянъ («Гусъ и Лютеръ» г. Новикова, «Заселеніе Балканскаго полуострова славянами» и «Славяне и Византія въ X вѣкѣ» г. Дринева; «Очеркъ религіознаго движенія въ Чехіи» г. Клеванова, «Паденіе Чехіи» П. Лавровскаго); напечатано нѣсколько цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи Малороссіи (діаріумъ Ханенка; источники малороссійской исторіи, Бантыша-Каменскаго; реестръ запорожскаго войска о козакахъ, Н. А. Маркевича; акты, относящіеся къ фамиліи Полуботковъ; наказъ депутату въ коммисію уложенія и возраженіе на него; дѣло Милорадовича, 1716 г.). Появился рядъ иностранныхъ сочиненій о Россіи и странахъ, вошедшихъ въ ея составъ (Марко-Поло, Шиль, Главиничъ, Бухау, Перлштейнъ (правильнѣе Кобенцель), Мейербергъ, Петрей, Олеарій, Корбъ, де-Бруинъ, Сердербергъ, Рондо, ПавелъАлеппскій), а также переводы сочиненій, важныхъ для русской исторіи (походы Викинговъ, Стрингольма, иностранные путешественники по Россіи, Кюльба и друг.). Въ числѣ матеріаловъ по древней исторіи Россіи можно назвать нѣсколько весьма цѣнныхъ (дѣло дьяка Висковатова; акты о бытѣ помѣщиковъ и крестьянъ XVI—XVII вв.; синодикъ царя Ивана Васильевича; переписка между Россіей и Польшею 1487—1645 гг.; памятники стариннаго русскаго воспитанія; повѣсть объ убіеніи царевича Димитрія; патріаршіе выходы). По-прежнему

встрѣчаемъ описи церковныхъ и монастырскихъ библіотекъ (Кириллo-Бѣлозерскаго, Воскресенскаго Ново-іерусалимскаго, новгородскихъ, калужскихъ); очерки епархій (рязанской, древней области вятичей); историческія описанія монастырей (весьма обширное и составленное по актамъ—описаніе Ново-іерусалимскаго Воскресенскаго монастыря архимандритомъ Леонидомъ); нѣсколько изслѣдованій по церковной исторіи (очерки изъ исторіи русской іерархіи; очерки уніатской церкви; о церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи; религіозный бытъ русскихъ въ XVI—XVII вв.). Здѣсь же было помѣщено извѣстное сочиненіе Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи», и первое изданіе описанія Кіева, Закревскаго. Въ «Чтеніяхъ» Бодянскій помѣстилъ цѣлые сборники народныхъ пѣсенъ, былинъ и пословицъ (Шейна, Головацкаго, Даля). Но въ особенности новое изданіе «Чтеній» отличается большимъ собраніемъ матеріаловъ и изслѣдованій по новому періоду русской исторіи, которые помѣщены здѣсь иногда цѣлыми серіями, обнимая собою наиболѣе выдающіеся, но мало-изслѣдованные вопросы и стороны быта, или касаясь болѣе извѣстныхъ дѣятелей той или другой эпохи (таковы:—дѣла царевича Алексѣя, Ѳеофана Прокоповича, Сальникѣева, Феофилакта Лопатинскаго, Артемія Волынскаго, Бирона, Брауншвейгской фамиліи, Столѣтова, Арсенія Мацѣевича, Новикова, Радищева, Пугачева, Таракановой, Верещагина, с.-петербургскаго университета; матеріалы о коммисіи уложенія; о Сибири въ XVIII вѣкѣ и дѣятельности Сперанскаго въ Сибири; по исторіи академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, воспитательныхъ домовъ; матеріалы, относящіеся къ исторіи раздѣла Польши; о состояніи Ливоніи; по исторіи раскола—весьма обширное собраніе матеріаловъ и изслѣдованія И. Чистовича, Н. Попова, В. С. Толстаго, П. И. Мельникова и друг.; переписка Екатерины II и гр. Панина; сочиненія кн. Щербатова; архивъ гр. П. А. Румянцева—обширное собраніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи турецкой войны и управленія Малороссіею при Екатеринѣ II; журналы Кречетникова; записки Ростопчина, Храповицкаго, Лопухина, Ермолова, Стурдзы (о Каподистріи); Меркеля о латышахъ, Паскевича—о 1831 годѣ; матеріалы о Державинѣ, Бецкомъ; переписка Калайдовича и критика Григоровича; мнѣнія членовъ государственнаго совѣта Мордвинова, Шишкова; отдѣльныя записки и мнѣнія по разнымъ вопросамъ Трощинскаго и друг.

Мы здѣсь не упомянули о множествѣ мелкихъ матеріаловъ и отдѣльныхъ актовъ, писемъ и т. п., нерѣдко имѣющихъ также значеніе и интересъ по своему содержанію. Но характеръ означеннаго изданія достаточно выясняется изъ предложеннаго перечня. Многіе

изъ этихъ матеріаловъ были помѣщены самимъ Бодянскимъ; къ другимъ написаны имъ замѣчанія или предисловія и объясненія, сдѣланы поправки; прочіе — выбраны имъ для изданія. Тѣмъ не менѣе, количество труда, потраченнаго на это дѣло — громадное. Важнѣйшіе изъ памятниковъ и изслѣдованій сопровождались палеографическими снимками, рисунками и т. п. принадлежностями учено-археологическаго и историческаго изданія. Къ сожалѣнію нѣкоторые изъ начатыхъ печатаніемъ матеріаловъ и изслѣдованій не были окончены; другіе, какъ говорятъ, даже отпечатаны, но были отложены по разнымъ соображеніямъ: желательно, чтобы они появились теперь на страницахъ того же изданія.

«Чтенія» подъ ред. Бодянскаго состояли изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) изслѣдованія; 2) матеріалы отечественные; 3) матеріалы славянскіе; 4) матеріалы иностранные; 5) смѣсь, куда входили мелкіе матеріалы, статьи и замѣтки. Въ настоящее время программа изданія нѣсколько измѣнена и, хотя въ вышедшихъ до сихъ поръ книгахъ помѣщены не менѣе цѣнные памятники нашей старины, но, вѣроятно, нѣкоторые изъ прежнихъ матеріаловъ не найдутъ уже мѣста на страницахъ новаго изданія. Конечно, если это будутъ тѣ многочисленныя письма духовныхъ особъ, къ которымъ такъ пристрастился въ послѣднее время Бодянскій, или желѣзнодорожные проекты—потеря небольшая, но желательно, чтобы не были забыты и иностранные писатели о Россіи, и отдѣльные акты, и матеріалы болѣе близкаго къ намъ времени, которымъ такъ охотно давалъ у себя мѣсто Бодянскій.

Замѣчательно, что и со второю редакціей «Чтеній» у Бодянскаго вышла подъ конецъ также своего рода передряга, повліявшая на теченіе дѣлъ «историческаго общества». Бодянскій любилъ отзываться въ своемъ изданіи на нѣкоторые вопросы, близко его интересовавшіе Такъ, еще въ 1860-хъ годахъ, онъ помѣстилъ рядъ замѣчаній на проекты объ ученыхъ степеняхъ, объ университетскомъ уставѣ, объ уставѣ академіи наукъ, о польскомъ дѣлѣ, о преобразованіи календаря и т. п. Понятно, что онъ не могъ остаться равнодушнымъ и къ вопросу о новомъ университетскомъ уставѣ (хотя въ то время Бодянскій уже вышелъ изъ университета, вслѣдствіе неизбранія); тѣмъ болѣе, что въ обсужденіи его и первенствующая роль принадлежала людямъ, прекрасно извѣстнымъ ему, и самые толки происходили тутъ же, въ Москвѣ... Такимъ образомъ, въ «Чтеніяхъ» 1873 года (кн. 1) появилась достопамятная «трилогія на трилогію»—неизвѣстнаго автора, написанная и пространно, и въ тоже время ѣдко, съ большимъ запасомъ мѣстныхъ данныхъ, пересыпанныхъ изреченіями изъ классиковъ и священнаго писанія... Возникъ вопросъ о порядкѣ изданія

«Чтеній»; тянулись новые выборы; выходъ книжекъ самаго изданія также затянулся (см. протоколъ въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи» 1875, кн. I и III). Но Бодянскій оставался до конца на своемъ посту.

Этимъ можно закончить, такъ сказать, внѣшнюю исторію жизни Бодянскаго. Но изъ послѣднихъ заявленій стало извѣстно, что его бумаги частью переданы въ «Московск. историческое общество», частію же остались у вдовы покойнаго, а въ томъ числѣ и его ученая переписка. Вполнѣ желательно, чтобы близкія къ этому дѣлу лица воспользовались этими данными и представили возможно полную оцѣнку дѣятельности человѣка, такъ долго служившаго отечественной наукѣ. Подобные труды, какъ, напримѣръ, недавно изданная монографія о Строевѣ г. Барсукова, вносятъ немало новыхъ страницъ въ исторію послѣдней.

Въ 1855—1856 гг., пишущій эти строки, въ бытность свою въ Москвѣ, часто посѣщалъ лекціи О. М. Бодянскаго, въ московскомъ университетѣ; число слушателей было у него не велико, но почтенный профессоръ пользовался полнымъ сочувствіемъ своей небольшой аудиторіи. Ясность, образность его рѣчи и какое-то особенное, весьма своеобразное увлеченіе—отличало изложеніе его научныхъ бесѣдъ... Лѣтъ десять спустя, мы начали помѣщать въ «Чтеніяхъ» нѣкоторые историческіе матеріалы изъ нашего обширнаго собранія... Тогда завязалась между нами оживленная переписка... Осипъ Максимовичъ былъ въ ней весьма акуратенъ. Между прочими предложеніями, съ которыми пишущій эти строки обратился къ Бодянскому, было одно весьма важное: мы направили къ нему правнука Андрея Тимоф. Болотова—В. А. Болотова съ монументальными записками его прадѣда, предлагая помѣстить эти записки на страницахъ «Чтеній въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей». Бодянскій сначала изъявилъ готовность печатать этотъ драгоцѣннѣйшій памятникъ для исторіи русскаго народа въ XVIII-мъ столѣтіи, но потомъ отказался отъ этого намѣренія въ виду именно громадности записокъ... Отказъ этотъ былъ, впрочемъ, въ тѣсной связи съ выходомъ Осипа Максимовича изъ университета, вслѣдствіе его забаллотировки гг. профессорами, не съумѣвшими—изъ личныхъ расчетовъ въ пользу намѣченнаго ими другаго кандидата на каѳедру Бодянскаго,—подорожить для университета этимъ высоковамѣчательнымъ ученымъ.

Приводимъ изъ большаго числа писемъ Бодянскаго—три письма къ намъ, относящіяся именно къ помянутому времени:

I.

«2-го октября 1868 г. Москва.

«М. г., Михаилъ Ивановичъ! Въ отвѣтъ на письмо Ваше, отъ 16-го сентября, полученное на другой же день, могу сказать Вамъ только сегодня нѣсколько словъ: такъ много было срочнаго въ послѣднее время!

«Г-нъ Болотовъ не заставалъ меня нѣсколько разъ, потому что я, по требованію врача, долженъ былъ непремѣнно въ хорошую погоду вечеромъ, съ 5-го по 8-й часъ, выѣзжать за городъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Въ другое время я бывалъ цѣлый день дома. Жаль, что онъ не назначилъ времени, или, по крайности, не сказалъ о себѣ. Но такъ тому и быть. Что до «записокъ» его прадѣдушки, то, судя по оставленному особому оттиску напечатаннаго уже изъ нихъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» прежнихъ лѣтъ, я бы полагалъ возможнымъ распорядиться такимъ образомъ: присылать ко мнѣ тома по 3—4 какъ подлинника, такъ равно и списка съ него: первый нуженъ для держанія по нему корректуры (я всегда это дѣлаю только по подлиннику), а послѣдній—для набора въ типографіи. Разумѣется, буде бы что встрѣтилось очень противуцензурное, я въ правѣ исключить оное, чтобы не услали меня въ отдаленныя мѣста трудно обитаемыя. Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности и проч. О. Бодянскаго.

II.

«28-го ноября 1868 г. Москва.

«М. г., Михаилъ Ивановичъ! Въ письмѣ своемъ, отъ 25-го ноября, полученномъ мною 27-го, извѣщаете Вы меня, что Вами отправлена, вмѣстѣ съ нимъ, «большая посылка съ рукописями Болотова», для помѣщенія въ «Чтеніяхъ». Но зачѣмъ же это, когда я еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, именно въ послѣднемъ письмѣ отъ 25-го, въ отвѣтъ на Ваше (предпослѣднее по октябрю), писалъ, что «Записокъ Болотова», по ихъ огромности (28 томовъ), нельзя помѣстить въ изданіи «Общества исторіи и древностей россійскихъ»? Сами же Вы замѣчаете въ томъ письмѣ, что, начавъ печатаніе ихъ, мы едвали доживемъ до окончанія онаго, и прочее, тому подобное. По сему я нахожусь въ непріятной необходимости воротить Вами посланное обратно, и просить не посѣтовать на меня за то. Къ этому побуждаетъ меня и слѣдующее еще весьма важное обстоятельство:

«Въ послѣднихъ числахъ октября я принужденъ добрыми людьми

удалиться изъ Университета; съ удаленіемъ же изъ Университета я вынужденъ оставить и «Общество исторіи и древностей россійскихъ», какъ состоящее при ономъ, и направиться въ болѣе благопріятный для меня край—коротать свой вѣкъ. Другими словами: получая только 1,500 съ небольшимъ рублей серебромъ пенсіи, мнѣ нельзя оставаться въ столицѣ съ семействомъ, а необходимо забраться въ такую глушь, гдѣ бы можно было, какъ говоритъ пословица, протягивать ножки по одежкѣ. Попавши, сверхъ всякаго чаянія, въ такія обстоятельства, до «Чтеній»-ли Вашему покорнѣйшему слугѣ? Кончивъ изданіе ихъ за этотъ годъ, я дождусь только вешнихъ красныхъ дней. Но, не желая ничѣмъ вредить «Обществу», которому столько служилъ доселѣ всѣми силами и способностями своими, я не противлюсь объявленію его объ изданіи «Чтеній» и въ наступающемъ годѣ: кто же и какъ поведетъ ихъ—не вѣмъ пока, да и вѣдать не стараюсь. Сдѣлавъ свое, сослуживъ ему службу, желаю, чтобы и другіе хоть такъ же искренно, такъ же любовно, къ нему отнеслись послѣ меня, какъ я относился во все мое многолѣтнее и нелегкое служеніе ему. Статься можетъ, помянутъ когда-нибудь и того чудака, что, почти безъ всякихъ средствъ, съумѣлъ, однако же, всѣми забытое «Общество», спавшее болѣе 40 лѣтъ, не только пробудить къ жизни, но и поставить его въ головѣ всѣхъ прочихъ ученыхъ обществъ, не задолжавъ никому ни гроша, и не получая за всѣ свои труды и подвизанія также ни гроша.

«Конечно, подобные дурни въ нашъ разсчетливый вѣкъ рѣдки, переводятся съ каждымъ днемъ: они, какъ поэты, non fiunt, sed nascuntur, и то лишь въ болѣе благопріятныя времена, въ урожайные годы на дурней...

«Если успѣю, постараюсь, изъ присланнаго Вами въ концѣ октября, что возможно помѣстить въ послѣднихъ книгахъ «Чтеній»; если же то не удастся, немедленно возвращу Вамъ все въ цѣлости. Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности и проч. О. Бодянскаго.

III.

«10-го января 1869 г. Москва.

«М. г., Михаилъ Ивановичъ! Вамъ сказали правду только на половину; другую, пожалуй, я ужъ доскажу Вамъ. Точно я не оставляю еще Москвы, но только потому, что теперь не такое для того время: можно и замерзнуть на дорогѣ, и не пріютиться даже тамъ, гдѣ думалъ найти себѣ пріютъ. Остаюсь, стало, до красныхъ дней, а тамъ непремѣнно пущусь на провѣды, гдѣ бы лучше обосноваться по тѣмъ

средствамъ, какія выпали на мою долю. Съ другой стороны, оставаясь въ Бѣлокаменной цѣлые полгода, узнаю на самомъ дѣлѣ, сколько издержу на прожитіе въ ней, протягивая, какъ говорится, ножки по одежкѣ. Одна половина года покажетъ и другую. До сихъ поръ жилъ я иначе, потому что и положеніе мое было иное, и средства иныя. Сообразивши же то и другое, порѣшу уже осенью окончательно съ собою. Если въ губерніи нельзя будетъ остаться человѣку, не жившему въ ней около 40 лѣтъ, что дѣлать? Прислоню свою головушку къ Кремлю златоверхому, гдѣ лучшее время жизни своей провелъ и гдѣ придется сложить и кости свои. Въ противномъ случаѣ, хоть не радъ, а соберусь въ походъ, по пословицѣ: «не такъ живи, какъ хочется, а какъ сможется и судьба велитъ».

«Душевно благодарю Васъ за Ваше теплое участіе во мнѣ и доброе мнѣніе о моей дѣятельности. Не всегда и это удается услышать труждающимся на самомъ поприщѣ труда своего.

«Присланные Вами матеріялы непремѣнно войдутъ въ первыя же книги «Чтеній» этого года. Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности и проч. О. Бодянскаго.»

Дѣло уладилось: «Общество исторіи и древностей Россійскихъ» и высокопросвѣщенный бывшій предсѣдатель онаго, гр. С. Г. Строгановъ, постоянный покровитель и защитникъ г. Бодянскаго во всѣхъ напастяхъ, какія сваливались на его голову,—съумѣли удержать на службѣ Обществу своего неутомимаго секретаря. Осипъ Максимовичъ остался въ Москвѣ, «Чтенія» остались по-прежнему его дѣтищемъ, которое онъ лелѣялъ съ прежнею любовью, отдавая имъ всецѣло труды всоей свой жизни... Что до «записокъ» Болотова, то уклоненіе редактора «Чтеній» отъ пріема ихъ и отказъ бывшаго секретаря «Русскаго Историческаго Общества» г. Половцева, къ которому мы также обращались съ предложеніемъ изданія ихъ,—привели насъ къ рѣшительному шагу: издать этотъ громадный историческій памятникъ, громадный и по объему, и по своему значенію (нынѣ справедливо всѣми и каждымъ изъ либителей отечественной исторіи оцѣненному)—издать его на свой страхъ... Владѣя же собраніемъ какъ собственныхъ изысканій въ исторіи Россіи, такъ и собранными нами записками (мемуарами), актами, автографами и прочими матеріалами—мы пришли къ убѣжденію о необходимости и возможности предпринять особое, историческое изданіе...

Такъ возникло, 1-го января 1870-го года, историческое ежемѣсячное изданіе: «Русская Старина», а 1-го декабря 1873-го года на

ея страницахъ окончены печатаніемъ всѣ двадцать восемь томовъ мелкоисписанной рукописи: «Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ»...

Возвращаемся къ Бодянскому. Знаменитый ученый—онъ оказалъ громадныя услуги Россіи, въ области славяновѣдѣнія и отечественной исторіи, и мы отъ всей души желаемъ, дабы заслуги эти были взвѣшены и оцѣнены всесторонне. Важнымъ подспорьемъ для таковой оцѣнки послужитъ обширная ученая корреспонденція, которую велъ Осипъ Максимовичъ... Начало къ ея изданію уже сдѣлано: «Чтенія въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» (которыя, кстати сказать, въ нынѣшнемъ ихъ редакторѣ А. Н. Поповѣ—пріобрѣли вполнѣ достойнаго преемника Бодянскому), въ первой книгѣ за 1879-й годъ, заключаютъ въ себѣ начало собранія писемъ О. М. Бодянскаго къ М. П. Погодину, за время съ 1837-го по 1841-й годъ (стр. 1—136), напечатанныхъ подъ редакціей г. Нила Попова съ весьма обстоятельными примѣчаніями [1]).

Ред.

Портретъ О. М. Бодянскаго.

Къ настоящей книгѣ «Русской Старины» приложенъ портретъ Бодянскаго. Онъ исполненъ съ фотографической карточки, снятой въ большой французской фотографіи въ Москвѣ, за нѣсколько лѣтъ до смерти Бодянскаго. Карточка эта сообщена намъ въ двухъ экземплярахъ, а именно: А. Е. Кудрявцевымъ и Н. П. Барсуковымъ. Рисунокъ на деревѣ исполненъ К. О. Брожемъ; гравировалъ портретъ въ Ниццѣ академикъ граверъ Его Величества Л. А. Сѣряковъ.

Ред.

---

[1]) Издавая «Русскую Старину», мы неоднократно приглашали Осипа Максимовича приняться за составленіе своихъ записокъ. Бодянскій не остался глухъ къ этимъ приглашеніямъ. «Мнѣ,—пишетъ г. Кудрявцевъ,—неразъ говорилъ Осипъ Максимовичъ, что онъ начинаетъ свои записки; за мѣсяцъ до смерти приглашалъ меня помочь ему въ составленіи записокъ, но когда уже мы порѣшили приступить къ дѣлу, недугъ такъ овладѣлъ больнымъ, что онъ уже затруднялся и говорить. Такъ безвозвратно погибла цѣльная автобіографія. Тѣмъ не менѣе, со временемъ, по воспоминаніямъ и массѣ собственноручныхъ записокъ и черновыхъ отпусковъ писемъ можно будетъ возстановить образъ этого лица, многими, къ сожалѣнію, не понятаго и бывшаго предметомъ ненависти и преслѣдованій». Ред.

ИЗЪ ДНЕВНИКА П. В. АЛАВИНА.

I.

Польскій поэтъ Трембецкій.

Трембецкій былъ замѣчательнѣйшимъ сторонникомъ Россіи, въ польской поэзіи конца XVIII вѣка, а потому, очевидно, онъ стоитъ того, чтобъ русскій человѣкъ вспомнилъ объ немъ. Вотъ поэтому то я и позволяю себѣ представить вниманію читателей ту страницу моего дневника, на которой говорю о Трембецкомъ, посѣтивъ въ 1845 году извѣстную Софіевку, или, какъ она тогда уже называлась, «Царицынъ садъ», лежащую въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Умани.

Необходимо замѣтить при этомъ, что г. Макушевъ ошибается, говоря въ своей статьѣ[1]) будто: «...Софіевка,—садъ, разведенный Щенснымъ-Потоцкимъ, въ Тульчинѣ, для жены его, гречанки Софіи». Нѣтъ, этотъ садъ—близъ Умани, а не въ Тульчинѣ.

Но—къ своему разсказу.

Въ Софіевкѣ нельзя не вспомнить о Трембецкомъ. Во первыхъ, доживая свой вѣкъ то въ Умани, то въ Тульчинѣ, онъ воспѣлъ Софіевку въ пространной поэмѣ, скучной—правда, но въ свое время имѣвшей большой успѣхъ и замѣчательной тѣмъ, что въ этомъ польскомъ поэтическомъ произведеніи восторженно воспѣваются два русскіе государя: Екатерина II и Александръ I. Во вторыхъ, осматривая Софіевку, встрѣчаемъ два видимыя воспоминанія о Трембецкомъ. Одно—каменная колонна, воздвигнутая бывшимъ владѣльцемъ сада, въ память названнаго поэта. Эта колонна притаилась на берегу живописнаго ручейка, подъ тѣнью дикой груши, двухъ липъ и нѣсколькихъ ивъ. Деревья эти—аборигены сада; они еще видѣли на мѣстѣ нынѣ цвѣтущей Софіевки—голую, каменистую степь, а теперь, будто почетной стражей, окружены большою группою роскошныхъ платановъ, американскихъ липъ и итальянскихъ тополей. На колоннѣ стихи Трембецкаго:

Plyn strumyku szypkiem biegiem
Te na zawsze rzucay cienie,
Z kwiecistym się żegnai brzegiem,
Scrapiac dzikie spiesz kamienie.

---

[1]) «Древняя и Новая Россія», 1878 г., № 8, В. В. Макушевъ: Станиславъ Трембецкій, стр. 280,—примѣчаніе. П. А.

Tak szęsliwy dzien uchodzi,
Choć zbyt rzadki dla czlowieka,
Zedwo się go uyrzyć godzi
Tylko blysnie i ucieka.

То есть:

Бѣги шибко ручеекъ,
Навсегда покидай здѣшнія тѣни,
Простись съ цвѣтущими берегами,
Спѣши орошать дикіе камни.
Такъ улетаетъ счастія день,
Являясь и безъ того слишкомъ рѣдко—
Едва успѣешь взглянуть на него:
Блеснетъ—и скроется.

Другое видимое воспоминаніе о Трембецкомъ—каскадъ, названный: «Три слезы».

Ручеекъ Каменка пробирается въ живописныхъ берегахъ, на всякомъ шагу украшенныхъ искуснымъ подражателемъ природы, и вдругъ падаетъ съ значительной высоты, раздѣленный нагроможденными камнями на три струи, составляющія каскадъ.

Невольно вспоминается гармоничный стихъ Пушкина—въ этомъ, по истинѣ, живописномъ уголкѣ, навѣвающемъ какое-то тихое чувство грусти.

Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда....

Преданіе гласитъ, что этотъ каскадъ ничто иное, какъ олицетвореніе одного изъ стихотвореній Трембецкаго «Три слезы», написаннаго имъ на смерть трехъ дѣтей Щенснаго-Потоцкаго: Константина, Микулы и Елены.

Слишкомъ тридцать три года я не былъ въ Софіевкѣ и, можетъ быть, упомянутыхъ видимыхъ воспоминаній о Трембецкомъ въ ней и не существуетъ уже нынѣ, но я еще видѣлъ ихъ, и память о пѣвцѣ этого живописнаго уголка еще сохранялась тогда въ преданіяхъ у его обитателей. Изъ того, что я слышалъ въ Софіевкѣ о Трембецкомъ, привожу здѣсь только то, что или противорѣчитъ разсказу о немъ г. Макушева, или его дополняетъ.

Трембецкій бо́льшую часть своей юности провелъ въ путешествіяхъ по Европѣ и при дворѣ Людовика XV. Онъ получилъ отличное образованіе и изученіемъ древнихъ классиковъ развилъ свой природный талантъ до того, что, по словамъ знатоковъ польской литературы, произведенія Трембецкаго навсегда останутся ея украшеніемъ, какъ замѣчательные образы лирической поэзіи. Обладая живымъ и мощнымъ воображеніемъ, мастерски владѣя роднымъ языкомъ, въ который ввелъ множество смѣлыхъ, счастливыхъ оборотовъ, Трембецкій умѣлъ при-

дать своимъ произведеніямъ обаятельный колоритъ классической древности.

Трембецкій при жизни опубликовалъ весьма немногія свои произведенія и то, большею частью, прозой, постоянно трудясь надъ разработкой вопросовъ отечественной исторіи, но, къ сожалѣнію, его труды доселѣ не обнародованы, такъ какъ, за полтора года до смерти, онъ сильно заболѣлъ и передалъ всѣ свои рукописи генеральшѣ Потоцкой. Лишившись совершенно памяти отъ этой болѣзни, Трембецкій забылъ о своихъ литературныхъ трудахъ до такой степени, что, когда ему показали томъ его стихотвореній, напечатанный въ Вильнѣ, въ 1806 году, онъ, кромѣ перевода Вольтеровой комедіи «Расточительный сынъ», не призналъ прочихъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ, за свои. Трембецкому, не утратившему до конца жизни эстетическаго чувства, въ послѣдніе годы случалось не разъ восторгаться красотами собственныхъ своихъ произведеній, когда ихъ читали ему, и съ любопытствомъ спрашивать объ имени автора! На вопросъ, что заключается въ рукописяхъ, имъ отданныхъ генеральшѣ Потоцкой, Трембецкій отвѣчалъ, что никакихъ рукописей ей, кажется, не отдавалъ. Между тѣмъ извѣстно, что Трембецкій написалъ исторію древней Польши, трудъ, составившій болѣе 200 листовъ большаго формата, и также отдалъ ее извѣстному Чацкому, съ тѣмъ, чтобы этотъ трудъ былъ напечатанъ послѣ его смерти. Завѣщаніе это не исполнено, и гдѣ находится эта, можетъ быть, замѣчательная рукопись—неизвѣстно. Вообще, трудно предполагать, чтобы труды Трембецкаго, большею частію, находящіяся въ разныхъ рукахъ, когда-нибудь были собраны и изданы, хотя такое изданіе было бы немаловажнымъ вкладомъ въ польскую литературу.

Въ послѣдніе годы своей жизни, Трембецкій часто бывалъ въ Софіевкѣ. Она создавалась на его глазахъ; и несомнѣнно, что въ самомъ процессѣ этого созданія, или, лучше сказать, различныхъ поэтическихъ частей этого прекраснаго цѣлаго, принимало немалое участіе пылкое воображеніе Трембецкаго, воспитанное на древнихъ образцахъ, и его эстетическое чувство, изощренное въ долгіе годы жизни при версальскомъ дворѣ. На созданіи Софіевки тѣмъ естественнѣе было отразиться вліянію Трембецкаго, что этотъ человѣкъ, близкій къ самому творцу Софіевки—Щенсному-Потоцкому, въ то же время былъ пріятелемъ Метцеля, инженернаго капитана, вывезеннаго Потоцкимъ изъ-за границы, которому, какъ отличному знатоку садовой архитектуры и гидравлики, и было поручено устройство Софіевки.

Нѣсколько послѣднихъ лѣтъ жизни Трембецкій не занимался уже литературными работами, вслѣдствіе одолѣвавшихъ его недуговъ. Въ

это время онъ велъ оригинальный образъ жизни. Онъ никого не принималъ, кромѣ самого Потоцкаго и генерала Ходкевича; по субботамъ раздавалъ щедро милостыню, преимущественно женщинамъ; бродилъ въ крестьянской одеждѣ, босой, по аллеямъ Тульчинскихъ садовъ, и наслаждался только природой. Лѣтомъ окна его комнаты никогда не затворялись, и у него въ жилищѣ всегда бывало множество воробьевъ. Трембецкій увѣрялъ, что къ нему слетается до 200 этихъ птичекъ, имъ вскормленныхъ и составлявшихъ одно семейство, въ которомъ лѣта и степень родства каждаго члена всего этого пернатаго поколѣнія—ему вполнѣ извѣстны. Вслѣдствіе такихъ близкихъ отношеній съ многочисленнымъ воробьинымъ семействомъ, бывшимъ единственнымъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ Трембецкаго, въ комнатахъ его былъ большой безпорядокъ: на разбросанныхъ по всей комнатѣ бумагахъ и книгахъ, на всѣхъ вещахъ, были слѣды частаго посѣщенія воробьевъ. У Трембецкаго было нѣсколько слугъ, но они имѣли право являться къ нему—только за жалованьемъ; при немъ же собственно находился только мальчикъ, имѣвшій обязанностью—играть съ нимъ въ шахматы. Въ пищѣ и питьѣ Трембецкій былъ очень воздержанъ. Любимымъ его блюдомъ были раки, надъ которыми онъ ежедневно просиживалъ по нѣсколько часовъ; лѣтъ тридцать сряду онъ не пилъ вина и даже не ѣлъ мяса. Послѣднее было извѣстно королю Станиславу Августу, при дворѣ котораго онъ былъ шамбеляномъ, т. е. камергеромъ. Въ 1797 году, проѣзжая Вильно, король у полицейскаго чиновника, его встрѣчавшаго, спросилъ:

— «Пріѣхалъ-ли Пифагоръ?»

Чиновникъ отозвался незнаніемъ и разогналъ всю полицію по городу разыскивать таковаго пріѣзжаго, но поиски, конечно, оказались тщетными, о чемъ и было доложено королю. Тутъ только разъяснилось, что Станиславъ Августъ Пифагоромъ называлъ Трембецкаго за то, что онъ, подобно этому мудрецу древности, не ѣлъ мяса.

Трембецкій въ молодости обладалъ кипучей натурой и, по собственнымъ его словамъ, имѣлъ до 50 дуэлей на своемъ вѣку, все за женщинъ, за что въ Парижѣ былъ прозванъ «убійцей маркизовъ»; но онъ умеръ холостякомъ, на 90-мъ году жизни, 12-го января 1812 года, сохранивъ до послѣдней минуты здравый разсудокъ и никогда ему неизмѣнявшую веселость. Словомъ, Трембецкій умеръ такъ, какъ-будто бы дѣйствительно, говоря его собственными словами, «созналъ, что удрученному годами, пора перестать быть человѣкомъ, и потому такъ же спокойно легъ въ могилу, какъ, послѣ пріятной застольной бесѣды, всталъ бы изъ-за стола!»...

II.

Исаакъ Веръ Левензонъ.

Въ № 47-мъ «Русской Правды», за прошлый годъ, напечатано: «Въ среду, въ Вильнѣ, 8-го ноября (1878), умеръ знаменитый еврейскій ученый и поэтъ, Авраамъ Веръ Левензонъ».

Неужели это тотъ самый Левензонъ, котораго я зналъ старикомъ въ 1846 году, въ Кременцѣ? Но того звали, какъ значится у меня въ дневникѣ, Исаакомъ, а газета извѣщаетъ о смерти Авраама! Какъ бы то ни было, разскажу, что̀ у меня записано про Исаака Бера Левензона, такъ какъ мнѣ не случалось встрѣчать никогда и намека въ русской печати объ этомъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательномъ нашемъ соотечественникѣ, хотя и иновѣрцѣ.

....Мы стояли въ Кременцѣ, на Волыни. Кто-то, зная, какъ я интересуюсь всякаго рода достопримѣчательностями, указалъ мнѣ, какъ на личность заслуживающую особеннаго вниманія, на проживавшаго въ городѣ мѣстнаго уроженца, еврея Левензона, извѣстнаго ученаго, писателя и поэта. Мои поиски были непродолжительны—Левензона зналъ каждый еврей. Первый мною спрошенный указалъ мнѣ его квартиру, почти на выѣздѣ изъ города, по тракту на Вишневецъ, въ ветхой, жидовской лачужкѣ. Въ темныхъ сѣняхъ, почти ощупью, я нашелъ животрепещущую, полуизломанную лѣстницу и поднялся по ней на чердакъ. Маленькою дверью я вступилъ въ крохотную комнатку съ двумя полузамерзшими окнами, съ одинокими рамами. Единственный столъ былъ въ комнатѣ, всѣ углы которой и весь полъ были завалены книгами, свитками, халдейскими, арабскими и гебройскими рукописями и листами европейскихъ газетъ; невыбѣленная печь занимала почти четверть всей комнаты; мебель составляли: два стула, помянутый столъ съ сальною на немъ свѣчею, въ позеленѣломъ отъ времени подсвѣчникѣ, и чернилицей; у стѣны какое-то подобіе кровати съ постелью въ безпорядкѣ; на окнахъ—бутылки съ чернилами и лекарствами. Въ глубокомъ креслѣ, у стола, сидѣлъ самъ хозяинъ. Предо мною былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, съ длинными, сѣдыми волосами, прикрытыми обыкновенной еврейской ермолкой, въ изорванномъ шлафрокѣ, отъ времени утратившемъ свой цвѣтъ. Старикъ, видимо, былъ удрученъ если не годами, то недугами; но на щекахъ его, сквозь желтизну сухой и блестящей, какъ пергаментъ, кожи, пробивался румянецъ;—въ его карихъ, умныхъ глазахъ—свѣтился огонекъ. Вообще, наружный видъ хозяина этой бѣдной квартиры, съ ея оригинальной обстановкой, произвелъ

на меня благопріятное впечатлѣніе. Я отрекомендовался, сказавъ Левензону, что меня привлекла къ нему его ученая извѣстность,—и былъ имъ встрѣченъ самымъ радушнымъ и привѣтливымъ образомъ. Послѣ этого знакомства, я сталъ бывать у Левензона, и, хотя онъ былъ ровно втрое старше меня, но мы скоро сошлись съ нимъ; онъ, видимо, полюбилъ меня, и я проводилъ въ бесѣдѣ съ нимъ цѣлые вечера. Несмотря на старость, на недуги, приковавшіе его къ креслу и 20 лѣтъ не выпускавшіе его за порогъ его лачуги, Левензонъ сохранялъ неизмѣнную веселость, свѣжесть мысли, бодрость духа; весь погруженный въ древнія книги и хартіи, онъ однако слѣдилъ за ходомъ современныхъ событій; рѣчь его, пересыпанная анекдотами, остроумными замѣчаніями, восточными сравненіями, поэтическими метафорами, была увлекательна.

Мое знакомство съ Левензономъ длилось четыре мѣсяца, до самаго выступленія нашего въ походъ. Вотъ какія замѣтки сохранились у меня отъ этого знакомства.

Левензонъ родился въ Кременцѣ, въ 1789 году. По общему, еврейскому, обычаю, трехъ лѣтъ его стали посылать въ школу, и ученье до того пошло ему въ прокъ, что девяти лѣтъ отъ роду онъ уже написалъ какое-то сочиненіе кабалистическаго содержанія! Отецъ Левензона, которому мальчикъ показалъ свое произведеніе, представилъ его раввину, человѣку ученому, но крайне суевѣрному. Тотъ, прочтя это сочиненіе, пришелъ въ священный ужасъ и приказалъ отцу Левензона держать это сочиненіе въ тайнѣ, никому не сообщая о необыкновенныхъ способностяхъ сына, выразивъ предположеніе: не особеннымъ ли избранникомъ Божіимъ является этотъ ребенокъ?... Раввинъ пошелъ далѣе. Онъ обязалъ отца Левензона наблюдать: не прилетаетъ-ли къ его сыну по ночамъ ангелъ съ небеси, его просвѣщающій? Но эти тайныя наблюденія, вѣроятно, ни къ чему не привели; по крайней мѣрѣ, самъ Левензонъ не помнитъ, чтобы онъ раньше 1812 года написалъ что-либо заслуживавшее вниманія, а въ этомъ году онъ дебютировалъ въ печати гимномъ «на изгнанія французовъ изъ Россіи». Это поэтическое произведеніе, на гебройскомъ языкѣ, подъ именемъ «Kohl enoth gebura», т. е. «Гласъ побѣды», бывшимъ тогда радзивиловскимъ комендантомъ Гирсомъ представлено, въ 1813 году, министру внутреннихъ дѣлъ. Конечно, такое вниманіе польстило юношѣ и поощрило его къ продолженію литературныхъ занятій.

Въ 1816 году, Левензонъ занялъ въ г. Бродахъ, въ Галиціи, должность бухгалтера; но счетное дѣло его не удовлетворяло, и онъ все свободное отъ службы время посвящалъ ученымъ занятіямъ, при

чемъ давалъ уроки еврейскаго языка, логики и философіи, а вскорѣ совсѣмъ покинулъ счетную часть, выдержалъ экзаменъ въ тарнопольскомъ училищѣ и получилъ должность инспектора въ бродской гимназіи, гдѣ въ то же время преподавалъ гебройскій языкъ.

Въ 1823 году, Левензонъ возвратился въ Россію, преподавалъ разные предметы въ бердичевскомъ училищѣ, а въ 1824 году, поѣхавъ по дѣламъ въ Тульчинъ, случайно попалъ въ Каменку, къ князю Витгенштейну. Фельдмаршалъ, узнавъ о пріѣздѣ Левензона, потребовалъ его къ себѣ, приказалъ отвесть помѣщеніе въ своемъ домѣ и продержалъ его у себя цѣлое лѣто. Витгенштейнъ любилъ проводить вечера въ бесѣдѣ съ ученымъ евреемъ, любилъ слушать его оживленные споры съ своими приближенными, всегда приглашалъ его съ собою на загородныя прогулки, бралъ его съ собою, когда ходилъ по хозяйству, и нерѣдко пользовался совѣтомъ своего даровитаго спутника.

Возвратясь на родину, Левензонъ сильно заболѣлъ и пролежалъ въ постели 12 лѣтъ сряду. Но такова была страсть этого человѣка къ умственнымъ занятіямъ, что все это время, не вынося малѣйшаго шуму, постоянно страдая безсонницей, онъ не разставался съ книгами. Въ это то время Левензонъ въ совершенствѣ изучилъ языки: арабскій, сирійскій, халдейскій, гебройскій, латинскій—и сталъ свободно читать греческихъ писателей; въ это-же время онъ основательно ознакомился съ политическими науками и философіей, чему много способствовали—его отъ природы необъятная память и совершенное знаніе нѣмецкаго языка. Возможность предаться такого рода занятіямъ дала Левензону обширная библіотека бывшаго тогда въ Кременцѣ лицея Чацкаго, предоставленная просвѣщенными ея распорядителями къ его услугамъ. Такимъ образомъ, впродолженіе 12 лѣтъ, Левензонъ жилъ исключительно духовною жизнью, тогда какъ физическая его природа какъ-бы отказывалась поддерживать его существованіе. Но чѣмъ болѣе изнемогало его тѣло, тѣмъ сильнѣе работалъ его духъ. Левензонъ самъ говоритъ, что все это продолжительное время онъ находился словно въ ясновидѣніи, и ни раньше этого событія, ни послѣ, выздоровѣвъ, онъ не могъ усвоить и десятой доли той массы знаній, какую поглотилъ въ этотъ двѣнадцатилѣтній періодъ времени. «Я едва видѣлъ», разсказываетъ онъ—«едва могъ держать книгу,—буквы и слова мнѣ являлись будто въ туманѣ, но цѣлыя, огромныя сочиненія запечатлѣвались въ моей памяти».

Еще до своей болѣзни Левензонъ много писалъ и успѣлъ составить себѣ большую извѣстность своими произведеніями: многіе европейскіе ученые вступили съ нимъ въ переписку; «Общество уче-

ныхъ», въ Кременцѣ, признало его своимъ членомъ; извѣстный Чацкій свелъ съ нимъ тѣсное знакомство; различныя еврейскія общества, не только западнаго нашего края, но и заграничныя, обращались къ нему за совѣтами по вопросамъ объ улучшеніи или измѣненіи организаціи различныхъ учрежденій; — само правительство наше обратило вниманіе на представляемые имъ проекты и приступило къ осуществленію нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Первымъ большимъ трудомъ Левензона былъ переводъ нашего тарифа на нѣмецко-еврейскій языкъ. Этотъ переводъ напечатанъ въ 1819 году, въ Жолквѣ, въ Галиціи, подъ именемъ «Luach Hameches». Затѣмъ Левензонъ совершилъ, можно сказать, замѣчательный подвигъ, на который едвали рѣшится кто-либо изъ его одноплеменниковъ. Онъ написалъ, въ 1820 году, русскую грамматику на еврейскомъ языкѣ, подъ именемъ «Jesode Zechon Russia». Говорю—написалъ, а не перевелъ! Это для еврея трудъ,—по истинѣ, необыкновенный. Замѣчательно, что въ этой грамматикѣ Левензон указываетъ сродство русскаго языка съ древне-восточными языками. Левензонъ писалъ не только на еврейскомъ и гебройскомъ языкахъ, но онъ владѣлъ въ совершенствѣ литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ. Такъ, въ 1823 году, онъ представивъ цесаревичу Константину Павловичу, на нѣмецкомъ языкѣ, проектъ учрежденія еврейскихъ училищъ и семинарій, а также подробную записку о еврейскихъ сектахъ. Въ томъ-же году, Левензонъ написалъ сатиру, на гебройскомъ языкѣ, «Emek Rephaim» (Долина Рафаила или адъ), въ которой осмѣялъ еврейскую секту Хасидовъ [1]).

Во время 12-ти-лѣтней болѣзни, Левензонъ писать не могъ, ему оставалось—читать и думать; но, по выздоровленіи, его работы стали серьезнѣе и изслѣдованія—глубже. Въ 1825 году Левензонъ написалъ большое сочиненіе «Teudah Beisrael» (Іудеизмъ), въ которомъ выставилъ недостатки своихъ единовѣрцевъ и предложилъ средство пересозданія этого народа. Сочиненіе это Исаакъ Беръ Левензонъ посвятилъ государю императору Николаю Павловичу, и получилъ за него въ награду, отъ Его Величества, 1000 р. Сочиненіе это (напечатанное w Wilnie u Grodnie w drukarni Maneza i Zimela 1828 roku и заключающее въ себѣ 193 стр. in 8°) начинается гимномъ Государю, написаннымъ въ подраженіе XLIV псалму Давида (въ еврейскомъ подлинникѣ этотъ псаломъ XLV). Европейская критика съ большой похвалой отозвалась о сочиненіи «Teudah Beisrael». Такъ,

---

[1]) Хасиды—секта послѣдователей кабалистическаго ученія нѣкоего Бешты, жившаго въ 1730-хъ годахъ, слѣдовательно—секта новѣйшая. П. А.

напримѣръ, д-ръ Френкель назвалъ это сочиненіе весьма замѣчательнымъ, ученымъ и современнымъ [1]), притомъ написаннымъ на чистѣйшемъ гебройскомъ языкѣ, которымъ въ настоящее время въ совершенствѣ владѣютъ весьма немногіе.

Вслѣдъ за этимъ, въ 1830 году, Левензонъ напечаталъ на разговорномъ еврейскомъ языкѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ «Hefker welt», т. е. «Развратный свѣтъ». Эта ѣдкая сатира направлена противъ усвоенныхъ евреями пороковъ и вообще противъ нравственныхъ недостатковъ этого племени. Но несмотря на бичующій характеръ этого произведенія, въ немъ проглядываетъ естественная братская любовь Левензона къ своимъ соплеменникамъ: призывая евреевъ измѣнить свой образъ жизни, обратясь къ земледѣльческому труду, какъ къ единственному средству ихъ обновленія и возрожденія для лучшей жизни въ этомъ мірѣ, Левензонъ, какъ бы случайно, выставляетъ многія свѣтлыя стороны этого племени. Такимъ образомъ, названный трудъ Левензона является чуть ли не первой попыткой въ литературѣ—показать міру, что евреи—члены одной общей семьи человѣчества,—хотя и отверженные случайно, но все-таки братья наши какъ гласятъ благія заповѣди Того, Кто ими-же былъ распятъ.

Въ 1837 году, вышло въ свѣтъ, получившее наибольшую извѣстность, сочиненіе Левензона «Ephes damim», т. е. «Нѣтъ крови» [2]). Сочиненіе это имѣетъ цѣлью опровергнуть убѣжденіе, существующее чуть ли не во всемъ христіанскомъ мірѣ, особенно въ Польшѣ, будто бы у евреевъ есть религіозный обрядъ примѣшивать въ опресноки (маца), которые ими пекутся для празднованія пасхи, нѣсколько капель человѣческой крови. Какъ извѣстно, увѣряютъ, будто-бы съ цѣлью добычи этой необходимой приправы, евреи умертвляютъ ежегодно одного христіанина, источаютъ изъ него кровь, катая его въ бочкѣ, набитой гвоздями, напитываютъ этою кровью чистый холстъ, сушатъ его и его окровавленные лоскутки разсылаютъ во всѣ свои общины. Конечно, вѣрнѣе всего, что такого чудовищнаго обряда въ дѣйствительности у евреевъ не существуетъ, но, тѣмъ не менѣе, убѣж-

[1]) Sulamith—eine Zeitschrift zur Beförderung der Kultur und Humanitat unter den Israeliten, herausgegeben. Jahrgang 8. S. 94. Въ Дессау.

[2]) Сочиненіе это переведено на англійскій языкъ и издано подъ заглавіемъ: «Efes Dammim. A series of conversations at Jerusalem between a Patriarch of the Greek church and a chief rabbi of the Jews concerning the malicious charge against the Jews of using christian blood. Translated from the hebrew as a tribute to the memory of the martyrs at Damascus by Dr. L. Loewe, member of the royal Asiatic Society of Great Britain and Jreland etc. London. Longmann, Brown, Green and Longmans. MDCCCXLI. П. А.

деніе, что такой обрядъ практикуется евреями, упорно держится многія столѣтія, и, отъ времени до времени, убѣжденіе это сказывается преслѣдованіями, возбуждаемыми противъ евреевъ, навлекающихъ на себя подозрѣніе въ такомъ преступленіи, которое несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ набрасываетъ на это подозрѣніе тѣнь вѣроятія. Изъ любви къ истинѣ и къ своему племени, Левензонъ поставилъ себѣ задачей доказать научнымъ путемъ фальшивость сказаннаго убѣжденія и разъ навсегда сдѣлать невозможнымъ заподозриваніе такого противуестественнаго культа въ религіи его отцовъ. Читавшіе названное сочиненіе Левензона, въ англійскомъ переводѣ, говорятъ, что онъ вполнѣ достигъ своей цѣли.

Послѣднимъ, до времени моего знакомства съ Левензономъ, сочиненіемъ его, напечатаннымъ въ 1841 году, въ Вильнѣ, было «Beth Haazar», состоящее изъ 3-хъ частей.

Первая часть—«Schorche Libanon», т. е. Ливанскіе корни, по словамъ доктора Фиршта (Litteratur Blatt des Orients 1846, № 2. Лейпцигъ), содержитъ въ себѣ историческіе, археологическіе и историко-религіозные трактаты, заслуживающіе особаго вниманія, какъ лексикографическое изслѣдованіе Ветхаго Завѣта и какъ полемика съ Гезеніусомъ (извѣстнымъ издателемъ «Лексикона восточныхъ языковъ», въ Гаалѣ), считавшимся, до того времени, авторитетомъ.

Вторая часть—«Inhanim Schonim» представляетъ сборникъ мелкихъ статей, изъ которыхъ особенно замѣтательны: a) краткое изложеніе Зендъ-Авесты и параллель между сказаніями ея и библейскими—о сотвореніи міра; b) «Шаста»—изложеніе вѣроученія Батіановъ, остъ-индскаго племени, ведущаго свое происхожденіе отъ Брамы. Изложеніемъ ученія Шасты авторъ имѣлъ въ предметѣ доказать, что Эмпедоклъ заимствовалъ изъ него свою теорію и что въ книгѣ Шасты заключаются основанія многихъ ученій, развитыхъ впослѣдствіи, какъ напр., сказаніе о разрушеніи настоящаго міра посредствомъ огня; c) описаніе и исторія еврейскаго племени Раккавеевъ, живущихъ, подобно другимъ бедуинскимъ племенамъ, въ аравійскихъ пустыняхъ, представляя собою образецъ древнихъ Іудеевъ, въ первобытной чистотѣ ихъ нравовъ, обычаевъ, всей бытовой обстановки.

Третья часть—«Abne milium» представляетъ собою окончаніе вышеупомянутаго сочиненія «Іудеизмъ».

Кромѣ исчисленныхъ большихъ сочиненій, Левензонъ много трудился надъ составленіемъ различныхъ проектовъ, представленныхъ имъ нашему правительству, въ видахъ улучшенія быта еврейскаго народа и расширенія его гражданскихъ правъ.

Изъ этихъ проектовъ особенно замѣчателенъ представленный имъ

въ декабрѣ 1831 года, министру народнаго просвѣщенія, на нѣмецкомъ языкѣ, о необходимости религіознаго преобразованія у евреевъ и учрежденіи такихъ для нихъ училищъ, въ которыхъ они воспитывались бы, сообразно требованіямъ времени.

Въ 1833 году, проектомъ, поданнымъ министру внутреннихъ дѣлъ, Левензонъ доказывалъ необходимость уничтоженія негласныхъ еврейскихъ типографій, печатающихъ книги безъ цензурнаго дозволенія, и пересмотра всѣхъ напечатанныхъ до того времени халдейскихъ и гебройскихъ книгъ; при этомъ Левензонъ представилъ каталогъ таковыхъ книгъ, имъ составленный, съ краткими ихъ рецензіями. Этотъ проектъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, обратилъ на себя вниманіе правительства, и, въ 1836 году, послѣдовало высочайшее повелѣніе привесть его въ исполненіе.

Затѣмъ, въ 1834 году, Левензонъ проектировалъ надѣленіе евреевъ землей и обращеніе ихъ въ хлѣбопашцевъ. Представленію этого проекта онъ предпослалъ воззваніе къ своимъ одноплеменникамъ, приглашая ихъ взяться за рало и серпы, переставъ искать средствъ своего существованія въ легковѣріи и слабостяхъ своихъ ближнихъ. Представленіе своего проекта правительству Левензонъ сопровождалъ множествомъ подписокъ, бывшихъ результатомъ его воззванія къ евреямъ, что обратило на его представленіе вниманіе покойнаго Государя Императора и, надо полагать, было первымъ поводомъ образованія еврейскихъ колоній на югѣ Россіи [1]).

Наконецъ, во время моего знакомства съ Левензономъ, т. е. въ 1846 году, печатались въ Вильнѣ два его сочиненія: одно—имѣло цѣлью доказать, что извѣстная «Пѣснь пѣсней» несправедливо приписывается Соломону;—другое—«Pihuche chotom» развивало ученіе о Метатронѣ—наперстникѣ Бога, участникѣ всѣхъ благихъ дѣлъ Его, защитникѣ Израиля, соприсутствующемъ Богу, когда Онъ, въ день судный, возсѣдая на тронѣ, взвѣшиваетъ дѣянія смертныхъ;—и третье—«Cheker milim» представляло собой критику на извѣстный словарь Бензеба—«Ozar Hoschraschim» (Вѣна. Изд. 2, 1839).

Вотъ, что мнѣ извѣстно о трудахъ Левензона до 1846 года. Что онъ написалъ послѣ этого? чѣмъ именно заслужилъ онъ титулъ «зна-

---

[1]) Извѣстно, что первыя еврейскія колоніи—Бричевъ и Меркулешти, въ Бессарабіи, образованы въ 1838—39 годахъ; затѣмъ уже, въ 1839—42 годахъ, образовались колоніи: Вертюжаны и Валя-Луй-Владъ. Въ 1843 году, евреи-мѣщане города Карасубазаръ устроили земледѣльческую колонію Рогатликой, Евпаторійскаго уѣзда, Таврической губерніи. Колонія эта въ крымскую кампанію была разворена, и евреи, въ 1859 году, обращены въ Карасубазарскіе мѣщане.

П. А.

менитаго ученаго и поэта», употребленное въ извѣщеніи о его смерти:—сочиненіями, мною исчисленными, или вновь имъ написанными? Какъ онъ, разбитый недугами, попалъ изъ Кременца въ Вильно? какъ онъ, еле живой во время моего съ нимъ знакомства, прожилъ еще послѣ того 32 года? Наконецъ, «Русская Правда» извѣщаетъ о смерти того-ли самаго Левензона, о которомъ говорю я?—Не умѣю отвѣчать на эти вопросы, потерявъ изъ виду своего стараго знакомца съ 1846 года. Но если мой знакомецъ Левензонъ и не тотъ, о которомъ извѣщаетъ «Русская Правда», то исчисленіе вышеприведенныхъ произведеній Исаака Беръ Левензона показываетъ его право на вниманіе со стороны почитателей отечественныхъ талантовъ, къ какому бы племени они ни принадлежали—безразлично. Но этому-то мнѣ и не позволила совѣсть промолчать о моемъ случайномъ знакомствѣ съ почтеннымъ труженикомъ, всю жизнь свою посвятившимъ наукѣ и, во время моего знакомства съ нимъ, жившимъ въ великой, поразительной бѣдности.

Дѣйствительно, жизненная обстановка Левензона представляла замѣчательное явленіе. Онъ, повидимому, говоря словами Гоголя, научился «постигать, что̀ изъ нужнаго есть самое нужнѣйшее»: питался, какъ самые бѣдные его одновѣрцы, какимъ-нибудь клочкомъ рыбы, нѣсколькими головками чесноку или луку, да чуть-ли не коркой хлѣба; пилъ одну воду; одѣвался въ лохмотья и позволялъ себѣ одну только роскошь—табакъ: съ трубкой онъ почти не разставался.

Единственнымъ, скуднымъ, конечно, средствомъ его существованія была продажа его изданій, но и на эти средства онъ еще какъ-то ухитрялся содержать при себѣ семейство своего брата; оно-то и занимало ту лачужку, на чердакѣ которой я нашелъ Левензона, пользовавшагося уже тогда въ 1846 г. немалою извѣстностью у европейскихъ ученыхъ.

Н. В. Алабинъ.

Г. Самара.

...ба ал-Бекри о славянахъ и ихъ сосѣ-
...хъ составляетъ неизвѣстная до сихъ
...ръ записка израильтянина Ибрагима
...-Якуба, жившаго въ X вѣкѣ, сообщен-
...а академику Кунику оріенталистомъ де-
...ге, и появившаяся въ настоящемъ изда-
...и (8-й отрывокъ). Ибрагимъ говоритъ о
...авянахъ большею частью какъ очеви-
...цъ, главнымъ же мѣстопребываніемъ для
...го служилъ, кажется, Мерзебургъ; только
...болгарскомъ царствѣ, онъ, по собствен-
...му признанію, не былъ, но имѣлъ слу-
...й видѣться и бесѣдовать съ посланниками
...лгарскаго царя. Къ сожалѣнію текстъ
...е итинераровъ сохранился въ весьма не-
...шомъ видѣ. Въ своихъ извѣстіяхъ онъ
...общаетъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ произ-
...деніяхъ странъ, торговлѣ, цѣнахъ, воен-
...ъ дѣлѣ, нравахъ жителей и положеніи
...ящихъ, языкѣ и бытѣ вообще. Трудъ
...аго ал-Бекри есть компиляція, для ко-
...рой онъ пользовался, кромѣ указаннаго
...теріала, извѣстіями—Масуди, ибн-Дасты
...др. Переводъ снабженъ примѣчаніями
...ателей и того-же де-Гуе, а также из-
...ѣдованіями г. Куника: о времени, въ ко-
...рое жилъ Ибрагимъ ибн-Якубъ, о
...ствѣ кагано-болгаръ съ чувашами, по
...ляно-болгарскому Именику, и о тожде-
...вѣ русовъ-язычниковъ и норманновъ,
...основаніи посланія папы Николая I,
...ъ вент. 865 г. [1]).

Описаніе славянскихъ и русскихъ
...укописныхъ сборниковъ Импер.
...убличной Библіотеки. Спб. 1878.
...I. 176. Составлено А. Ѳ. Бычковымъ.

Литература нашихъ описей древнихъ
...укописей недавно обогатилась этимъ весь-
...ъ цѣннымъ вкладомъ, представляющимъ
...ка только начало труда; но за дальнѣй-
...й успѣхъ его вполнѣ ручается имя по-
...ленаго составителя, академика Бычкова.

Приступивъ къ печатанію каталога бо-
...таго собранія своихъ рукописей, Публич-
...ая Библіотека начала его съ сборниковъ.
...вѣстно, какое значеніе имѣютъ въ древ-
...русской литературѣ эти послѣдніе какъ
...о разнообразію входящихъ въ нихъ ста-
...й, такъ и по массѣ свѣдѣній, заключаю-
...ся въ нихъ; они знакомятъ съ тѣми
...ровами, которые болѣе другихъ инте-
...ресовали современнаго читателя, и нерѣдко
указываютъ на источникъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ, распространенныхъ въ древней Руси.

По времени сборники, описанные въ этомъ трудѣ, относятся къ XVI—XVIII вв.; по своему составу они представляютъ собраніе лѣтописныхъ отрывковъ, грамотъ, историческихъ сказаній; полемическихъ сочиненій, богословскихъ трактатовъ, житій, поученій, повѣстей, писемъ и т. п.; по содержанію они одинаково цѣнны, какъ для историка, такъ и для историка литературы. Описаніе ихъ представляетъ подробные перечни входящихъ статей; извлеченіе важнѣйшихъ мѣстъ и библіографическія указанія матеріаловъ, уже изданныхъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что въ сборникахъ, принадлежащихъ Библіотекѣ, можно найти интересныя статьи объ опричнинѣ, варіанты къ посланіямъ Курбскаго, важныя разнорѣчія къ печатнымъ лѣтописямъ, дополненія къ халиденію Авраамія, еп. суздальскаго, на флорентійскій соборъ, варіанты къ посланію старца Филоѳея, статистическія свѣдѣнія (напр. о церквахъ по епархіямъ въ полов. XVII в., стр. 82); извѣстія о Смутномъ времени и мн. др. Впрочемъ, при нѣкоторыхъ статьяхъ мы не нашли указаній объ ихъ изданіяхъ, напр. о граматахъ царя Ивана Грознаго къ швед. кор. Іоанну, напеч. въ «Лѣт. занятій арх. ком.», т. V, по списку Госуд. архива; посланій попа Сильвестра (57—58), изданныхъ арх. Леонидомъ (въ «Чтен. моск. общ. ист.» 1874) и г. Барсовымъ (въ «Христ. Чтеніи») и др.; рѣчь-же ц. Ивана Васильевича къ Максиму Греку (мнимая) напоминаетъ (76) отвѣтъ царя Рокитѣ. («Чтенія моск. общ.» 1878, II, и холмско-варш. епар. вѣд., 1878 г.); но эти пропуски вѣроятно объясняются тѣмъ, что разсматриваемая опись печаталась постепенно еще до выхода означенныхъ изданій. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія этого, въ высшей степени интереснаго и важнаго труда.

Кстати же упомянемъ, что на-дняхъ появились еще двѣ описи: 1) Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, 1491—1730 г., вып. I, съ 1491—1600, сост. И. Каратаевъ. Спб. 1878, 280 стр. (ц. 4 р.), съ указаніемъ цѣнъ старинныхъ изданій; и 2) Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Импер. Рус. Арх. Об., составленная Д. Прозоровскимъ, Спб. 1879, 307 стр. **В. И.**

---

[1]) См. въ настоящей книгѣ «Русской Старины» статью Д. И. Иловайскаго: «Къ вопросу о болгарахъ».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ. — VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа.

IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

Издат.-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ десятый. ІЮНЬ. 1879 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Казенные крестьяне при Екатеринѣ II.** Очеркъ изъ историческаго изслѣдованія. Состав. П. И. Семевскій. [Окончаніе]. Гл. XI. Община-волость и подворное землевладѣніе . . . 231

II. **Иванъ Андреевичъ Толстой**, губернаторъ въ Азовѣ † 1713 г.: письма къ нему Петра Великаго. Сообщ. П. С. Толстой, 1709—1712 гг. 249

III. **С.-Петербургъ въ 1720-мъ году.** Записки полика-очевидца. Переводъ съ польскаго. Сообщ. О. Л. Пташицкій 263

IV. **Императоръ Іоаннъ Антоновичъ**, 1764 г. Глава III.—Заговоръ Мировича.—Нападеніе.—Смерть узника.—Донесенія его стражи.—Письма Панина, Неплюева и императрицы Екатерины по поводу Шлиссельбургскаго событія 291

V. **Хосровъ-Мирза**, персидскій принцъ 1802—1875 гг. Историко-біографическій очеркъ. Состав. и сообщ. Ад. П. Берже. 333

VI. **Кн. Александръ Ивановичъ Баратинскій**—на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, 1851—1853 гг. Изъ записокъ М. Я. Ольшевскаго. Главы I и II. 307

VII. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.** Глава I, 1799—1820 гг. 371

VIII. **Воспоминанія И. А. Голышева**, 1838—1878 гг. Жизнь и труды бывшаго крѣпостнаго крестьянина, основателя литографіи въ слободѣ Мстерѣ и археолога (Окончаніе). 353

IX. **Иннокентій, архіеп. Херсонскій и Таврическій.** Письма 1852 г. Сообщ. и напечатано съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. . 367

X. **Очерки, разсказы, замѣтки:** 1) Врытіе живой женщины въ землю, въ 1739 г. Сообщ. А. И. Скиндеръ (398). 2) Суворовъ. Сообщ. М. И. Богдановичъ (399). 3) Эпизодъ изъ осады Варны въ 1828 г. Сообщ. А. И. Веригинъ (400).

XI. **Библіографическій листокъ:** новыя историч. книги. Состав. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1, Снимки съ собственноручныхъ письма и чертежа **Петра Великаго** (къ стр. 257) и II, Портретъ **ХОСРОВ-МИРЗЫ**, персидскаго принца.

Продолженіе записокъ И. В. Берга о Польскомъ возстаніи въ 1863 г. будетъ помѣщено въ Іюльской книгѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 60—1.

1879.

VI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюня.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга I, 1873—77 гг. издана подъ редакціею В. С. Иконникова. Кіевъ 1879 г., 317 стр., съ 4 таблицами. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Этою книгою открывается новое изданіе—Сборникъ Трудовъ Кіевскаго Историческаго Общества. Первая книга состоитъ изъ статей, посвященныхъ мѣстной исторіи, и статей, относящихся къ другимъ вопросамъ русской исторіи. Къ первымъ принадлежатъ слѣдующія сообщенія: 1) о латинскихъ проповѣдникахъ на Руси Кіевской въ X и XI вв. А. Д. Воронова; 2) какая мѣстность въ древности называлась Олеговой могилой. П. Г. Лебединцева; 3) Дмитріевскій монастырь, устроенный въ Кіевѣ великимъ княземъ Изяславомъ Ярославичемъ, его судьба и мѣстность. Его же; 4) о мѣстоположеніи древняго Кіевскаго Звенигорода (съ картою). В. Б. Антоновича; 5) сказаніе о Василькѣ Ростиславичѣ. И. П. Хрущова; 6) двѣ надгробныя надписи конца XVII в. К. И. и К. К. князьямъ Острожскимъ. Н. И. Петрова; 7) новые матеріалы для исторіи юго-западной Россіи и въ частности Кіева. Его же (о документахъ архива Кіевской Казенной Палаты); 8) біографическія свѣдѣнія (по новымъ матеріаламъ) о Петрѣ Могилѣ,—С. Т. Голубева; 9) очерки изъ исторіи кіевской епархіи въ XVIII столѣтіи, на основаніи документовъ синод. архива, Ф. А. Терновскаго; 10) археологическія находки и раскопки въ Кіевѣ и Кіевской губерніи въ 1876 г. В. Б. Антоновича; 11) Бѣлгородка и найденный въ ней кладъ (съ рисункомъ золотой медали).

Ко второй категоріи относятся статьи: 1) мѣстныя преданія о Куликовской битвѣ. П. П. Розанова; 2) о памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву. И. П. Хрущова; 3) князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. В. С. Иконникова; 4) нѣсколько документовъ, относящихся къ преобразованію въ войскѣ Донскомъ 1775 г. П. А. Лашкарева; 5) нѣкоторыя черты изъ исторіи смертной казни въ Россіи. А. Ѳ. Кистяковскаго. Затѣмъ помѣщены свѣдѣнія о дѣятельности Общества и перечень сообщеній, читанныхъ въ теченіе 1873-77 годовъ, съ приложеніемъ содержанія важнѣйшихъ изъ нихъ, а именно: 1) [illegible] кіевскихъ постройкахъ, П. А. [illegible]; 2) о планахъ города Кіева XVIII в., П. Г. Лебединцева; 3) о происхожденіи сказанія о новгородскихъ баняхъ. А. А. Котляревскаго; 4) объ обычаяхъ у славянъ при рожденіи ихъ до его возмужалости, его же; 5) свидѣтельства о существованіи ордалій въ концѣ XVII в. М. Ф. Владимірскаго-Буданова; 6) отчетъ о поѣздкѣ въ Бѣлогородку съ археологическою цѣлью. В. Б. Антоновича (съ рисунками); 7) общественный строй южной Руси въ XIII-XIV вв. Н. П. Дашкевича; 8) свѣдѣнія о текущей исторической и археологической литературѣ, А. А. Котляревскаго; 9) сообщенія о трудахъ покойныхъ Бэра, Эйхвальда, Бодянскаго и А. Н. Попова. А. А. Котляревскаго.

Въ приложеніи помѣщенъ актъ XVII вѣка: показаніе игумена Ѳеодосія Васковскаго о положеніи кіевскихъ мѣщанъ до Богдана Хмѣльницкаго.

Изъ перечня засѣданій видно, что Общество въ теченіе означеннаго періода имѣло болѣе 40 собраній, отчасти частныхъ, отчасти публичныхъ, причемъ въ каждомъ изъ нихъ было сдѣлано два или три, а иногда и болѣе сообщеній. Такимъ образомъ отпечатанный сборникъ представляетъ только небольшую часть всего, накопившагося въ Обществѣ матеріала, и послѣднее приступило къ его изданію, имѣя всего 300 рублей въ своемъ распоряженіи, составившихся изъ членскихъ взносовъ. Вотъ при какихъ условіяхъ приходится дѣйствовать нерѣдко мѣстнымъ ученымъ обществамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ приготовленъ уже къ изданію Обществомъ Нестора и одинъ древній памятникъ (житіе Ѳеодора Студита), но онъ такъ и вышелъ, по недостатку средствъ. Въ настоящее время Общество приготовляетъ къ изданію и 2-й томъ своихъ трудовъ. При Обществѣ существуетъ библіотека. [illegible] означенный періодъ Общество состояло изъ 7 почетныхъ и 38 дѣйствительныхъ членовъ; оно числится при университетѣ св. Владиміра, въ изданіи котораго помѣщаются краткія извѣстія о дѣятельности и отчеты Общества.

«Чтенія» Общества вышли въ небольшомъ числѣ экземпляровъ (для продажи назначено 200 экз.), за пріобрѣтеніемъ которыхъ можно обращаться въ редакцію «Университетскихъ Извѣстій» при университетѣ св. Владиміра и въ книжные магазины Н. Я. Оглоблина (бывшій Литовъ) въ Кіевѣ

ХОСРОВ-МИРЗА,

ПЕРСИДСКІЙ ПРИНЦЪ,

р. 1813 † 1875.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1879 Г.

№ ...ЖНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 11 МАЯ 1879 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУД. БУМАГЪ.

КАЗЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

[Окончаніе].

XI [1]).

Община-волость и подворное землевладѣніе.

Мы окончили изученіе быта двухъ большихъ отдѣловъ казеннаго населенія—черносошныхъ крестьянъ (съ вышедшими изъ ихъ среды половниками) и однодворцевъ; остается только подвести главнѣйшіе итоги нашего изслѣдованія относительно тѣхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія, съ которыми намъ пришлось познакомиться и на изученіи которыхъ мы останавливались съ особеннымъ вниманіемъ. Передъ нами двѣ формы землевладѣнія: съ одной стороны, волостная община—у крестьянъ черносошныхъ; съ другой, участковое землевладѣніе—у однодворцевъ. Мы предполагали сказать еще нѣсколько словъ о старыхъ службъ служилыхъ людяхъ, но такъ какъ они представляютъ много общаго съ однодворцами, то, въ виду большихъ размѣровъ, которые принялъ нашъ очеркъ, мы отлагаемъ, до поры до времени, исполненіе этого намѣренія; замѣтимъ только, что по отношенію къ землевладѣнію старыхъ службъ служилые люди составляютъ какъ бы переходъ отъ черносошныхъ крестьянъ къ однодворцамъ, такъ какъ въ однихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ у нихъ мірское землевладѣніе, а въ другихъ—подворное [2]).

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 1—40, 247—266, 377—396; 621—638; томъ XXV, стр. 34—54.

[2]) Старыхъ службъ служилые люди г. Пензы прямо называютъ свои земли мірскими, въ противоположность помѣстнымъ землямъ однодворцевъ. Од-

Мы указали на неблагопріятные результаты перепродажи земель и отсутствія передѣловъ при первой формѣ землевладѣнія: уменьшеніе общаго количества земель, находившихся въ распоряженіи крестьянъ, вслѣдствіе того, что въ ихъ среду вторгаются посторонніе элементы (деревенскіе владѣльцы изъ мѣщанъ, купцевъ, духовенства и приказныхъ служителей), и сильное развитіе имущественнаго неравенства, доходящее до того, что значительная часть населенія превращается въ безземельныхъ бобылей. Эти послѣдніе становятся бременемъ для самой общины, такъ какъ не въ состояніи платить государственныя подати, а не то принуждены бываютъ и вовсе покинуть свое родное гнѣздо и идти—въ половники, какъ это было на сѣверѣ европейской Россіи, или въ кабалу—въ Сибири. Нужно замѣтить, что сильное имущественное неравенство отзывалось неблагопріятно не на однихъ этихъ обездоленныхъ бѣднякахъ: не одни половники доходили до такого унизительнаго состоянія, что подвергались даже тѣлеснымъ наказаніямъ отъ деревенскаго владѣльца, на землю котораго они переселились, и которымъ могъ быть крестьянинъ той же волости, какой-нибудь «мірососъ», разбогатѣвшій посредствомъ эксплуатаціи своихъ сосѣдей—но даже и цѣлая волость могла очутиться чуть не въ крѣпостной зависимости у мѣстнаго кулака, въ такой зависимости, что крестьяне безропотно подчинялись наказаніямъ и шли даже въ рекруты по его велѣнію (мы видѣли это на примѣрѣ Новикова въ Сибири).

Подворное владѣніе приводило однодворцевъ къ такимъ же печальнымъ результатамъ, но въ еще болѣе сильной степени. И у однодворцевъ, вслѣдствіе отчужденія земель въ руки посторонихъ лицъ, уменьшалось общее количество ихъ владѣній; и здѣсь, какъ и у черносошныхъ крестьянъ, мы встрѣчаемся съ чрезвычайно сильнымъ имущественнымъ неравенствомъ и обезземеленіемъ значительной части населенія. Но если на сѣверѣ Россіи мы нахо-

---

подворды, говорятъ они, «предъ нами лучше исправляться могутъ, потому что имѣютъ за собою помѣстныя собственныя земли, а нѣкоторые люди и крестьянъ; а мы, именованные, поселены въ г. Пензѣ слободами и земли имѣемъ мірскія, отведенныя подъ всѣ тѣ слободы съ крайнимъ недостаткомъ». Напротивъ того, въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ въ наказахъ старыхъ службъ служилыхъ людей указаніе на участковое землевладѣніе. .В. С.

димъ иногда, что безземельные бобыли составляли восьмую, шестую, пятую часть и иногда даже четверть всего населенія волости, то, по крайней мѣрѣ, эти неблагопріятныя отношенія уравновѣшивались гораздо лучшими условіями другихъ волостей; между тѣмъ какъ среди однодворцевъ мы встрѣчаемся съ такимъ фактомъ, засвидѣтельствованнымъ лицемъ оффиціальнымъ, что не въ нѣсколькихъ волостяхъ, а въ цѣлой Курской губерніи около четверти однодворцевъ оказались безземельными [1]). Но нужно замѣтить, что къ неблагопріятнымъ результатамъ, общимъ подворной формѣ землевладѣнія съ общинно-волостною, у однодворцевъ присоединились еще другія печальныя явленія. Сѣверная волость, вслѣдствіе того, что въ ея членахъ живо сохранялся общинный духъ, поддерживаемый существованіемъ общихъ интересовъ относительно неподѣленныхъ земель, если и давала возможность постороннимъ людямъ пріобрѣтать во владѣніе извѣстные поземельные участки отъ обѣднѣвшихъ крестьянъ, то, во-первыхъ, это было возможно только путемъ покупки или выдачи денегъ подъ залогъ земель, а во-вторыхъ, подъ условіемъ несенія повинностей наравнѣ съ членами волости. Правда, «деревенскіе владѣльцы» всячески старались уклониться отъ исполненія предъявляемыхъ имъ требованій, но все-таки это не всегда имъ удавалось. Между тѣмъ какъ помѣщики, купцы и чиновники, пріобрѣтавшіе какой-либо участокъ у однодворцевъ, начинали совершенно безцеремонно присоединять и другія земли уже безъ всякой платы. Это объясняется не тѣмъ, что какой-нибудь помѣщикъ имѣлъ болѣе значенія и силы, чѣмъ «деревенскій владѣлецъ» сѣвера (то же, что помѣщики, продѣлывали и купцы, и канцелярскіе служители центральной Россіи, которые сами по себѣ были въ одинаковомъ положеніи съ сѣверными горожанами и чиновниками), а тѣмъ, что они встрѣчали въ обществѣ однодворцевъ не такое сопротивленіе, какое оказали бы подобному насилію черносошные крестьяне. Въ сѣверной общинѣ мы не замѣчаемъ никакихъ слѣдовъ поземельныхъ споровъ между ея членами: каждый безпрепятственно владѣетъ тѣми полями, что обработалъ онъ

[1]) Точно также отъ оффиціальнаго лица мы узнаемъ, что однодворцы Елецкой провинціи были бѣднѣе помѣщичьихъ крестьянъ. В. С.

самъ, или его дѣды и прадѣды,—тѣми пожнями, которыя они расчистили; если споры о землѣ и возникали, то они оканчивались своими же выборными властями [1]). Не то было у однодворцевъ: тамъ споры о земельныхъ участкахъ, нарѣзанныхъ первоначально отдѣльно каждому члену общества и затѣмъ крайне раздробившихся, вслѣдствіе обычая равнаго наслѣдованія, доводили ихъ владѣльцевъ до ожесточенныхъ схватокъ, или до безпрестанныхъ жалобъ въ правительственныя учрежденія и безконечныхъ тяжебъ, которыя доставили однодворцамъ совершенно заслуженное прозваніе сутягъ и ябедниковъ. Если бѣдняки среди черносошныхъ крестьянъ принуждены были иногда дѣлаться половниками, то, какъ ни тяжела была экономическая зависимость отъ хозяина,—при благопріятныхъ условіяхъ, онъ могъ все-таки, скопивъ деньженокъ, вновь возвратиться въ волость и жить въ ней или свободнымъ бобылемъ, или пріобрѣсти себѣ вновь участокъ земли; несомнѣнно, такіе случаи были не часты, но все таки они совершенно возможны. Однодворцевъ же нужда доводила иногда до болѣе печальнаго исхода: они бѣжали отъ своихъ обществъ къ помѣщикамъ и тамъ закрѣпощали себя. Было, наконецъ, и еще одно отличіе въ поземельныхъ отношеніяхъ однодворцевъ и черносошныхъ крестьянъ, неблагопріятное опять-таки для перваго изъ этихъ разрядовъ сельскаго населенія. Мы встрѣтили въ одномъ изъ наказовъ черносошныхъ крестьянъ заявленіе, что они не рѣшаются пользоваться выморочными землями, находящимися въ ихъ волости; такъ какъ они были записаны за прежними владѣльцами въ писцовыя книги. Уже одно то, что это заявленіе встрѣчается только одинъ разъ, доказываетъ, что не вездѣ крестьяне были настолько щепетильны; они, несомнѣнно, въ случаѣ малоземелья, пользовались и выморочными участками, хотя, конечно, могли желать, чтобы это было санкціонировано закономъ. Какъ бы то ни было, если даже выморочные участки и не находились въ пользованіи другихъ крестьянъ, они обыкновенно не переходили во владѣніе людей постороннихъ; не то было среди однодворцевъ: тамъ выморочныя земли, несмотря

[1]) Исключеніе составляютъ только крестьяне Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губ., быть можетъ, потому, что они были приписаны къ заводамъ и потому входили въ болѣе близкое столкновеніе съ администраціей. В. С.

на то, что общество платило до новой ревизіи подати за выбылыя души, отдавались присутственными мѣстами въ аренду разнымъ лицамъ, преимущественно же помѣщикамъ, которые потомъ, посредствомъ насильственныхъ захватовъ, уже прочно внѣдрялись въ однодворческія владѣнія.

Запрещеніе продажи земель, какъ однодворческихъ, такъ и черносошныхъ, постороннимъ лицамъ, мы находимъ еще въ XVII вѣкѣ; въ первой половинѣ XVIII в. встрѣчаемъ даже указы объ отобраніи незаконнопріобрѣтенныхъ земель у ихъ владѣльцевъ, но указы эти или отмѣняются (относительно черносошныхъ крестьянъ), или не исполняются (у однодворцевъ). Между тѣмъ необходимость возвращенія этихъ отчужденныхъ земель живо чувствуется землевладѣльцами, и объ этомъ черносошные крестьяне, и однодворцы ходатайствуютъ въ своихъ наказахъ. Постановленіе межевой инструкціи 1766 года, утвердившее продажи земель, сдѣланныя послѣ запретительнаго указа 1727 г., а также оставившее за владѣльцами однодворческія земли, самовольно ими заселенныя, было непріятно однодворцамъ, тѣмъ болѣе, что сборъ за эти земли въ ландмилицкую сумму былъ назначенъ самый ничтожный (всего по 5 коп. съ десятины) [1]); предписаніе о возвращеніи черносошнымъ волостямъ земель, отчужденныхъ постороннимъ владѣльцамъ, было неисполнено, и въ концѣ концовъ эти земли (въ нынѣшнемъ столѣтіи) были даже признаны собственностію ихъ владѣльцевъ. Наконецъ, самая важная въ этомъ отношеніи мѣра межевой инструкціи 1766 г., ко-

---

[1]) Депутатъ отъ однодворцевъ Бѣлгородской провинціи, Масловъ, жалуясь въ коммисіи уложенія на то, что, вслѣдствіе малоземелья, однодворцы принуждены арендовать за дорогую цѣну свои же земли, захваченныя у нихъ разными владѣльцами,—въ такихъ выраженіяхъ указываетъ на недостаточность сбора за эти земли: «егда-бъ у коего гражданина или у московскаго жителя отнять домъ или хотя тотъ, который держитъ для постою и отдаетъ въ наемъ, и отъ того дому пропитаніе имѣетъ, а тому обидчику, который его выгналъ, примѣромъ положить за насильное владѣніе пени платить бы ему въ годъ единъ рубль, а онъ бы получалъ съ того дому отдаваніемъ въ наемъ 100 рублевъ, да и выгнатый съ того дому принужденъ бы у него жъ нанимать въ своемъ домѣ самый малый уголокъ (и) дать бы тому обидчику великую цѣну,... чтобы.... (въ) нужное время дѣтей не поморозить, то посмотрите, почтеннѣйшее собраніе господа депутаты,... не безмѣрная-ли тому обиженному послѣдовала бы жалость». В. С.

торая составляетъ ея отличіе отъ предшествовавшихъ правительственныхъ распоряженій, ограничивавшихъ свободное распоряженіе землями,—запрещеніе отчуждать черносошныя и помѣстныя земли не только постороннимъ лицамъ, но и перепродавать ихъ членамъ того же сословія,—несомнѣнно, принесла извѣстную долю пользы, но не достигла вполнѣ своей цѣли, такъ какъ и послѣ того продажа земель продолжалась и на сѣверѣ, и въ центрѣ Россіи, хотя вѣроятно въ меньшемъ размѣрѣ. Да это такъ и должно было быть, такъ какъ возможность этого отчужденія объясняется отсутствіемъ у разсматриваемыхъ нами отдѣловъ крестьянъ права на опредѣленный поземельный надѣлъ, пропорціональный размѣрамъ государственныхъ повинностей, лежащихъ на земледѣльцѣ, другими словами—отсутствіемъ передѣловъ земли.

Необходимость введенія передѣловъ начинаютъ сознавать въ началѣ второй половины XVIII в. не только черносошные крестьяне, но даже и однодворцы, хотя желаніе это встрѣчаетъ, разумѣется, самый сильный отпоръ со стороны разбогатѣвшихъ кулаковъ, скупившихъ земли у своихъ обѣднѣвшихъ товарищей. Одновременно съ этимъ раздаются голоса о необходимости введенія передѣловъ и изъ среды мѣстной администраціи. Крестьяне высказываютъ желаніе не только того, чтобы отняты были земли у постороннихъ владѣльцевъ и отданы были бы имъ во владѣніе по числу душъ, но мѣстами уже назрѣло сознаніе необходимости подвергнуть такой разверсткѣ и собственно крестьянскія земли. Нечего удивляться, что мы рѣдко встрѣчаемъ въ наказахъ такія желанія; если «большетяглые» крестьяне и богатые однодворцы протестовали самымъ энергическимъ образомъ противъ осуществленія такихъ желаній, какъ это прямо видно изъ нѣкоторыхъ указаній, то, разумѣется, они могли препятствовать даже и заявленію ихъ въ наказахъ. Тѣмъ не менѣе желаніе уравнительнаго раздѣла земли по душамъ высказывается въ наказѣ одной волости Тотемскаго уѣзда; крестьяне другой волости Холмогорскаго уѣзда раздѣляютъ «по паямъ между неимущими для уравненія съ другими» земли, находившіяся прежде во владѣніи церкви и ея причта. Среди однодворцевъ раскладка податей по душамъ также вызываетъ желаніе уравнительнаго раздѣла земли: оно прямо высказывается въ довѣренности, данной своему депутату однодворцами Керенскаго уѣзда, Шацкой про-

винціи, и въ заявленіяхъ мѣстному начальству однодворцевъ Курской губерніи. Что касается желанія правительства и администраціи ввести передѣлы земли, то это, во-первыхъ, предлагали иногда мѣстныя власти самимъ крестьянамъ, какъ напримѣръ, тотемская воеводская канцелярія; затѣмъ Козьминъ указывалъ на необходимость этого въ докладѣ императрицѣ, слѣдственная коммисія на олонецкихъ заводахъ въ докладѣ сенату, туринская воеводская канцелярія (въ Сибири) въ донесеніи елизаветинской коммисіи уложенія. Предположенія послѣдней были даже приведены въ исполненіе при Чичеринѣ, хотя мы не знаемъ, какъ это было сдѣлано и привились-ли тамъ передѣлы. Предложенія слѣдственной коммисіи Лыкошина были одобрены сенатомъ, и предписано было ихъ исполнить, хотя, повидимому, безъ практическихъ результатовъ. Далѣе—относительно однодворцевъ—ливенская воеводская канцелярія предлагала «пахотныя ихъ земли учинить поклинно»; курскій директоръ экономіи также находилъ необходимымъ ввести передѣлы земель у однодворцевъ по числу душъ, на подобіе дворцовыхъ, экономическихъ и др. крестьянъ. Таковы заявленія, которыя намъ удалось встрѣтить при занятіяхъ въ однихъ центральныхъ архивахъ Петербурга и Москвы; сколько же заявленій крестьянъ, сколько пожеланій администраціи, можетъ быть, скрывается еще въ мѣстныхъ старинныхъ документахъ, которые долго будутъ ждать своего изслѣдователя, если разборомъ ихъ не займутся мѣстныя научныя силы. Но приведеннаго уже достаточно, чтобы показать, что въ тогдашнее время въ администраціи часто раздавались голоса за введеніе передѣловъ. Осуществленіе на практикѣ правительственныхъ пожеланій было не всегда удачно вслѣдствіе незнакомства со всѣми народными обычаями относительно общиннаго владѣнія землею. Такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ столѣтіи, при введеніи деревенской общины въ Архангельской губерніи, правительство игнорировало то обстоятельство, что многія земли находятся въ общинномъ пользованіи всей волости, между тѣмъ какъ еще при Екатеринѣ II крестьяне ходатайствовали въ своихъ наказахъ, чтобы земли, находящіяся въ пользованіи даже нѣсколькихъ сосѣднихъ волостей, были оставлены въ прежнемъ положеніи. Понятно, что насильственное раздѣленіе всей волостной земли между отдѣльными деревнями вызвало неудовольствіе среди крестьянъ.

Но каковы бы ни были ошибки правительства, оно имѣло, во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вв., полезное вліяніе на распространеніе общиннаго землевладѣнія съ передѣлами земли отъ центра Россіи къ ея окраинамъ [1]). Если вполнѣ несправедливо мнѣніе тѣхъ, которые, какъ г. Чичеринъ, утверждаютъ, что правительство создало поземельную общину, то нельзя не признать увлеченіемъ и взгляда другихъ, которые совершенно отрицаютъ какое бы то ни было участіе его въ исторіи нашего общиннаго землевладѣнія. Факты, собранные въ нашемъ трудѣ, рисуютъ дѣло въ такомъ видѣ, что къ сознанію необходимости передѣловъ приходили сами собою не только черносошные крестьяне, пользовавшіеся уже частію земель сообща, но даже и однодворцы, при существованіи у нихъ участковаго владѣнія [2]). Дѣло же правительства состояло въ томъ, что оно подмѣчало созрѣвающую народную потребность и, по крайней мѣрѣ относительно черносошныхъ крестьянъ, содѣйствовало ея удовлетворенію (хотя и впадало иногда при этомъ въ ошибки), помогая такимъ образомъ распространенію центральнаго типа общины къ окраинамъ Россіи. Но оно такимъ образомъ только ускоряло процессъ, который и безъ того завершился бы переходомъ къ новому типу общины или даже къ новой формѣ землевладѣнія (отъ участковой къ общинной).

Что это дѣйствительно такъ, видно и изъ фактовъ прошлаго, и изъ явленій современной жизни; разница только въ томъ, что когда формы землевладѣнія измѣняются путемъ самодѣятельности общинъ, то не бываетъ тѣхъ быстрыхъ скачковъ, какіе мы видимъ, напримѣръ, въ Архангельской губерніи при насильственномъ переходѣ отъ общины-волости къ общинѣ-деревнѣ, хотя и тамъ крестьяне, несмотря на административное давленіе, съумѣли сохранить нѣкоторые остатки старинныхъ порядковъ. Посмотримъ, какъ совершается этотъ процессъ при его естественномъ ходѣ.

---

[1]) Сравни Keussler. Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. 1876, I, 76—77.

[2]) Правда, въ XVIII в. мы встрѣчаемъ одно важное обстоятельство, немало вліявшее на образованіе у крестьянъ стремленія къ передѣламъ земли и отсутствовавшее въ предшествовавшія столѣтія—мы разумѣемъ подушную подать; однако, передѣлы существовали въ центральной Россіи еще въ XVI вѣкѣ, задолго до введенія этой подати. В. С.

Въ прошломъ столѣтіи крестьяне Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, хлопотали въ коммисіи уложенія о сохраненіи за ними права продажи поземельныхъ участковъ; безъ сомнѣнія здѣсь совершенно отсутствовали передѣлы земли, какъ это было и въ сѣверныхъ частяхъ Олонецкой губерніи, а также и въ Архангельской, Вологодской, Вятской и въ Сибири. Теперь этотъ прежній типъ сохранился въ Олонецкой губерніи въ чистомъ видѣ лишь въ сѣверозападной и сѣверной ея частяхъ, а въ остальныхъ мы встрѣчаемъ уже передѣлы между однодеревенцами трехпольныхъ пашенъ, тогда какъ сѣнокосы, расчищенные отдѣльными домохозяевами, не передѣляются; но настаетъ время, когда міръ признаетъ, что трудъ, затраченный тѣмъ, который разчистилъ пожню, достаточно окупился, и она поступаетъ въ передѣлъ: это бываетъ обыкновенно черезъ 40 лѣтъ послѣ того, какъ пожня была разчищена, но бываетъ иногда, по усмотрѣнію міра, и ранѣе. Однако тамъ, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, передѣлы оказываются неудобными вслѣдствіе клочковатости, разбросанности участковъ, какъ напримѣръ, въ Петрозаводскомъ уѣздѣ,—передѣлы не привились и до сихъ поръ, несмотря на то, что правительство желало ввести ихъ тамъ еще въ прошломъ столѣтіи. То же мы замѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ. Изъ наказовъ Великоустюжскаго уѣзда положительно видно, что тамъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія не было передѣловъ земли [1]); между тѣмъ теперь трехпольныя пашни, окружающія деревни, уже передѣляются во время ревизіи между крестьянами; обработанные же клочки земли за полями и по паствѣ, вдали отъ деревни, остаются, до поры до времени, въ частномъ владѣніи; однако и здѣсь, когда «старая дерюга» окупилась, община пускаетъ ее въ передѣлъ. Часть луговъ находится въ пользованіи всей волости, остальными же пользуется каждая деревня отдѣльно, дробя ихъ на участки или обработывая сообща и затѣмъ раздѣляя собранное сѣно. Такъ, самъ собою, въ общинѣ волости установился обычай передѣловъ земли, или даже передѣловъ продукта (послѣднее началось лѣтъ 40—30

[1]) См. вторую главу нашей статьи въ «Русской Старинѣ» 1879 г., томъ XXIV, стр. 19. В. С.

тому назадъ) помимо всякихъ правительственныхъ мѣръ [1]). Такія же поземельныя отношенія мы находимъ и въ Вятской губерніи [2]). Процессъ постоянныхъ измѣненій этихъ отношеній совершается и въ Сибири. «Общинное землевладѣніе въ Сибири», говоритъ мѣстный наблюдатель, «не будучи приведено въ форму какого-либо положенія, является началомъ живымъ, развивающимся сообразно нуждамъ и условіямъ самой общины. Въ одномъ мѣстѣ, особенно вблизи городовъ, въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, оно проведено болѣе или менѣе строго, и для него выработаны юридическія правила, опредѣляющія до подробностей способы надѣленія, пользованія и передѣловъ, какъ земель пахатныхъ, такъ и сѣнокосовъ, и даже лѣсовъ. Въ болѣе же отдаленныхъ участкахъ, съ рѣдкимъ населеніемъ, земля по-прежнему вольная, и міръ и не думаетъ заявлять своихъ правъ и вырабатывать условія для пользованія ею: всякій паши и коси, гдѣ хочешь; руби лѣсъ и дрова, гдѣ любо! Придетъ пора, и міръ вступитъ въ свои права, выработаетъ свои условія, которыя будутъ для всѣхъ обязательны. У богатаго, успѣвшаго обработать сотню десятинъ, онъ или отнимаетъ часть пашень для надѣленія другихъ, или опредѣляетъ срокъ пользованія—20, 40 или 90 лѣтъ. Затѣмъ сѣнокосныя мѣста станетъ дѣлить по душамъ, наконецъ, доберется и до лѣса и закажетъ рубить тутъ или тамъ» [3]). Все видоизмѣняется сообразно потребностямъ времени и мѣста.

Путемъ самодѣятельности общинъ совершается не только смѣна типовъ общиннаго землевладѣнія, но иногда и переходъ отъ участковаго землевладѣнія къ общинному. Мы говорили уже, что однодворцы, не только переселяясь на новыя мѣста,—въ Оренбургскую губернію, на Кавказъ и въ Сибирь—начинали владѣть землею на общинномъ правѣ, но что и на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительствъ, въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ, участко-

---

[1]) Остроумовъ. Наблюденія надъ поземельными отношеніями крестьянъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Устюжскаго и Тотемскаго уѣздовъ. «Молва» 1876 г., № 31.

[2]) Романовъ. Краткіе очерки уѣздовъ Вятской губерніи. Вятка. 1875 г., вып. I, стр. 15—16, 171—172.

[3]) Газета «Сибирь» 1877 г., № 20. На Ленѣ пашни не передѣляются, а покосы дѣлятся ежегодно (А. П. Щаповъ). В. С.

вое владѣнія смѣнялось у нихъ общиннымъ. Какъ это дѣлалось, мы не знаемъ, но для сравненія можно упомянуть о томъ, что подобныя явленія встрѣчались въ весьма недавнее время даже среди малороссовъ. Такъ Л. О. Котелянскій, даровитый писатель [1]), преждевременно похищенный смертію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, указалъ на введеніе общиннаго землевладѣнія въ одной, населенной малороссами, волости Курской губерніи, по иниціативѣ мѣстнаго старшины. Прослышавъ о правительственномъ распоряженіи относительно введенія общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи, онъ подговорилъ крестьянъ произвести передѣлъ, сжегъ всѣ прежніе акты на владѣніе (нѣкоторыя земли были пожалованы гетманскими и полковничьими универсалами малороссійскимъ казакамъ), кромѣ купчихъ крѣпостей, и произвелъ передѣлъ съ согласія мѣстнаго окружнаго начальника, завѣдывавшаго казенными крестьянами. Послѣ того партія людей богатыхъ была недовольна передѣломъ, на который она согласилась только по недоразумѣнію, но должна была подчиниться большинству. Однако, общинное землевладѣніе привилось въ этой волости; черезъ десять лѣтъ былъ произведенъ новый передѣлъ («Русская Правда», 1879 г., № 6). Въ этомъ случаѣ мы опять видимъ, что слухъ о правительственномъ распоряженіи послужилъ только толчкомъ къ осуществленію общинныхъ стремленій, которыя, безъ сомнѣнія, сказывались и ранѣе; а мѣстный администраторъ своимъ присутствіемъ лишь освятилъ рѣшеніе громады.

Подведя итоги тѣмъ выводамъ, которые вытекаютъ изъ фактовъ, собранныхъ въ настоящемъ очеркѣ, мы хотимъ остановиться еще на вопросѣ о различіи между волостію-общиною, хотя бы и при совершенномъ отсутствіи въ ней передѣловъ, и участковымъ землевладѣніемъ однодворцевъ. Дѣйствительно, съ перваго взгляда, между ними есть многія черты сходства: и тамъ, и здѣсь пахатною и сѣнокосною землею пользовались подворно; и тамъ, и здѣсь отчуждали извѣстные участки земли [2]); и та, и другая форма производила во многомъ сход-

[1]) См. его статью о крестьянскомъ землевладѣніи въ Малороссіи подъ заглавіемъ: «Очерки подворной Россіи» («Отеч. Записки» 1877—78 гг.).

[2]) Въ Вятской губерніи еще и въ настоящее время бываютъ случаи продажи «росчистей», т. е. сѣнокосныхъ участковъ, находящихся въ личномъ пользованіи (Романовъ. Краткіе очерки уѣздовъ Вятской губерніи, стр. 16).

В С.

ные неблагопріятные результаты. Есть еще одна черта сходства, которая требуетъ, однако, оговорки. У однодворцевъ Козловскаго уѣзда, Тамбовской провинціи, были лѣса, находившіеся въ общинномъ пользованіи. Какъ объяснить себѣ подобное явленіе? Разъясненіемъ для него можетъ послужить приведенное выше свидѣтельство однодворцевъ Свіяжскаго уѣзда: «во многихъ нашихъ деревняхъ», писали они въ своемъ наказѣ, «дѣды и отцы наши жалованы помѣстными оклады и въ тѣ оклады даваны земли и прочія угодья, и тѣ земли значатся и понынѣ въ переписныхъ книгахъ и въ данныхъ у насъ выписяхъ четвертьми на каждую семью разно, а рѣдко таковыхъ, которые бы вообще имѣли всѣмъ жиламъ окружныя дачи». И такъ, на основаніи этого свидѣтельства, можно думать,. что хотя помѣстныя земли отмежевывались предкамъ однодворцевъ по большей части отдѣльными участками, но бывали случаи, что онѣ отводились многимъ владѣльцамъ въ одну окружную межу; въ этихъ-то случаяхъ и могли быть у однодворцевъ лѣса въ общинномъ пользованіи; въ другихъ же наказахъ говорится лишь о лѣсахъ казенныхъ, въ которые однодворцамъ было дано право въѣзда. Необходимо впрочемъ замѣтить, что даже и тамъ, гдѣ лѣса находились въ общемъ пользованіи, однодворцы иногда высказывали желаніе раздѣлить ихъ подворно, пропорціонально количеству земли, находящейся во владѣніи каждаго домохозяина.

Такимъ образомъ, угодья, находившіяся въ нераздѣльномъ пользованіи членовъ одной волости, а иногда и нѣсколькихъ волостей, составляли почти всегда отличительный признакъ волостной общины черносошныхъ крестьянъ отъ участковой формы владѣнія у однодворцевъ. Но самое существенное, по нашему мнѣнію, отличіе этихъ двухъ формъ землевладѣнія заключается въ совершенно различномъ ихъ происхожденіи. Волостная община есть форма поземельныхъ отношеній, сложившаяся естественнымъ образомъ, помимо всякаго правительственнаго давленія, задолго даже до того, какъ правительство наложило руку на потомковъ тѣхъ отважныхъ новгородцевъ, которыхъ удаль и желаніе жить на всей своей волѣ завело въ отдаленныя дебри сѣвера Россіи. Здѣсь, какъ мы уже замѣтили въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, правительство не надѣляло каждаго крестья-

нина отдѣльнымъ участкомъ земли, оно знало только группы этихъ крестьянъ (въ формѣ волости, погоста и т. п.), которые принимали новыхъ поселенцевъ на земли, находившіяся въ ихъ пользованіи. Напротивъ того, однодворческое землевладѣніе есть вполнѣ созданіе государства, такъ какъ правительство отводило земли служилымъ людямъ отдѣльными участками на помѣстномъ правѣ. Правда, община-волость стѣснялась, до поры до времени, въ измѣненіи строя своихъ поземельныхъ отношеній тѣмъ, что поземельные участки, находившіеся въ личномъ пользованіи ея членовъ, были отдѣльно помѣчены въ писцовыхъ книгахъ, но какъ только предписанія межевой инструкціи объ отмежеваніи земель окружною межою къ селеніямъ дали возможность не считаться съ этимъ обстоятельствомъ, какъ община-волость начала измѣнять поземельныя отношенія и вводить постепенно, по мѣрѣ надобности, передѣлы пашень. Различіе между общиною и подворною формою землевладѣнія прекрасно понимали сами крестьяне: такъ, старыхъ служебъ служилые люди г. Пензы прямо противопоставляютъ свои «мірскія земли»—«помѣстнымъ собственнымъ землямъ однодворцевъ».

Что касается вопроса о сравнительной выгодности для земледѣльческаго населенія волостной общины и подворнаго владѣнія, то уже изъ всего сказаннаго достаточно ясно, что первой изъ этихъ двухъ формъ землевладѣнія несомнѣнно должно быть отдано преимущество. Уже одно то составляетъ ея громадное достоинство, что она даетъ возможность введенія иныхъ, болѣе уравнительныхъ поземельныхъ отношеній между членами волости безъ всякой ломки, даже безъ участія въ этомъ дѣлѣ администраціи, исключительно по рѣшенію волостнаго міра, по соображенію съ мѣстными нуждами и потребностями.

Послѣ приведенныхъ выше фактовъ нечего и говорить о томъ, какъ вредно отозвалось бы на благосостояніи крестьянъ введеніе подворной формы землевладѣнія; стремленіе нѣкоторыхъ современныхъ администраторовъ разрушить общинное землевладѣніе доказываетъ совершенное незнакомство ихъ съ исторіею русскаго народа. Въ этомъ отношеніи, какъ мы указывали выше, правительство второй половины XVIII и первой половины XIX вв. гораздо вѣрнѣе понимало истинныя народныя потребности. Правда,

еще и при Екатеринѣ II въ средѣ высшей администраціи встрѣчались люди, проектировавшіе насильственное превращеніе общиннаго землевладѣнія въ подворное; но взгляды эти не встрѣчали сочувствія [1]), и правительство принимало мѣры относительно крестьянскихъ земель въ совершенно противоположномъ направленіи.

Что касается превращенія волостной общины въ общину-деревню, то факты, приведенные въ нашей статьѣ, доказываютъ, что такое превращеніе весьма желательно; но, какъ мы указали, оно совершается само собою, путемъ самодѣятельности общины, и можетъ обойтись безъ помощи со стороны правительства. Существованіе волостной формы общиннаго землевладѣнія съ захватнымъ способомъ пользованія землею обусловливается на сѣверѣ Россіи естественными условіями. «Сѣверъ—не средняя и южная Россія,» говоритъ г. Лалошъ въ статьѣ, посвященной поземельнымъ отношеніямъ крестьянъ Олонецкой губ.: «въ немъ есть своя индивидуальность. Благодаря съ одной стороны малолюдію, а съ другой—многоземелію, физіономія земельной обработки на сѣверѣ совершенно не похожа на великороссійскую. Земля здѣсь обработана не сплошь, а мѣстами—то тамъ, то сямъ: сплошь обработаться она еще не успѣла... Здѣсь, какъ извѣстно, процвѣтаетъ подсѣчное или переложное хозяйство; но вѣдь для этого хозяйства не всякая лѣсная почва годится... Клочковатость, слѣдовательно, земельной обработки не есть капризъ крестьянскій на сѣверѣ. Крестьянинъ здѣсь, если и идетъ за 15, 20 и даже 30 верстъ для разработки подсѣчной пашни, то онъ вынужденъ это дѣлать. Его гонитъ нужда такъ далеко. Онъ уходитъ вдаль отъ своего селенія потому, что всѣ мѣста, лежащія близъ этого селенія и годныя подъ подсѣчную пашню, уже отбыли повинность и теперь должны отдыхать, должны быть запущены подъ заросль лѣтъ на 20, 25 и болѣе» [2]). Такимъ образомъ индивидуальное

---

[1]) См. въ нашей статьѣ: «Крестьяне дворцоваго вѣдомства» проектъ Елагина («Вѣстникъ Европы» 1878 г., № 5, стр. 48 и слѣд.); есть значительное основаніе предполагать, что единичная попытка осуществленія этихъ взглядовъ вызвала народное волненіе (Ibid., № 6, стр. 461—462).

[2]) «Владѣнныя записи въ Олонецкой губ.» «Отечественныя Записки» 1878 г., № 12, стр. 510—512. В. С.

пользованіе пахатными участками и пожнями коренится тутъ въ естественныхъ условіяхъ страны; но мы видѣли, что, съ ограниченіемъ народонаселенія, съ развитіемъ земледѣльческой культуры, крестьяне сами вводятъ передѣлы трехпольныхъ пашенъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ переходятъ даже къ обработкѣ земли сообща, съ раздѣленіемъ продукта между участниками въ трудѣ.

Любопытный примѣръ того, какъ земледѣльцы сами приходятъ къ сознанію введенія передѣловъ, представляетъ земля войска Донскаго, гдѣ прежній захватный способъ пользованія общинною землею вызвалъ сильное имущественное неравенство и привелъ наконецъ къ такимъ же ссорамъ и дракамъ, какія мы видѣли при участковомъ землевладѣніи у однодворцевъ, съ тою только разницею, что однодворцы ограничивались ябедничествомъ другъ на друга въ правительственныхъ учрежденіяхъ, а донцы прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ радикальной, вполнѣ дѣйствительной мѣрѣ—введенію передѣловъ земли. Сознаніе ихъ необходимости начинаетъ назрѣвать и въ Уральскомъ войскѣ [1]).

Нежелательность правительственной регламентаціи въ такомъ дѣлѣ, какъ общинное пользованіе землею, очевидна для тѣхъ изслѣдователей, которые имѣли возможность серьезно изучить наше крестьянское землевладѣніе. Г. Уэлласъ, энергически вооружаясь противъ насильственнаго уничтоженія общиннаго пользованія землею, въ тоже время находитъ, что «предложеніе регулировать дѣятельность общины посредствомъ узаконеній едва-ли менѣе достойно порицанія. Безъ сомнѣнія, придетъ время, когда традиціонныя понятія, управляющія теперь этою дѣятельностію окажутся уже недостаточными, и будетъ необходимо пополнить обычное право положительнымъ законодательствомъ. Но это время еще не пришло. Учрежденіе общины имѣетъ еще достаточно жизненности, чтобы не нуждаться въ постороннихъ вліяніяхъ. Оно понимаетъ свой собственный интересъ гораздо лучше, чѣмъ тѣ, кто желаетъ издавать для него законы, и вполнѣ способно дѣлать въ своихъ установленіяхъ и методахъ ихъ исполненія

---

[1]) Относительно поземельныхъ отношеній у Донскихъ казаковъ см. свидѣтельство г. Тимощенкова, приведенное Соколовскимъ («Экономическій бытъ», Спб. 1878, 222—228, срав. 262—263). В. С.

всякія измѣненія, какія можетъ требовать его интересъ.... Только крестьяне могутъ быть компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ...[1]) Слова эти въ высшей степени мѣтко характеризуютъ современное положеніе дѣла. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что современемъ можетъ потребоваться установленіе законодательнымъ путемъ извѣстныхъ правилъ относительно общиннаго пользованія землей, но это желательно лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы правила эти были выработаны при непосредственномъ участіи представителей самихъ крестьянъ, чтобы въ нихъ принималось во вниманіе все разнообразіе мѣстныхъ условій, чтобы они оставляли все таки широкій просторъ самодѣятельности крестьянской общины и только охраняли бы общинное землевладѣніе отъ разлагающаго вліянія тѣхъ элементовъ, для которыхъ полезно обезземеленіе крестьянъ. Современные же администраторы уже потому не могутъ дать правильныхъ регулятивовъ по этому вопросу, что они вовсе не знаютъ крестьянскаго обычнаго права относительно общиннаго землевладѣнія. Изученіе общины только-что началось у насъ, и потребуется еще много лѣтъ для того, чтобы было собрано достаточное количество фактовъ не только для составленія подробныхъ практическихъ правилъ, но даже и для вполнѣ вѣрныхъ научныхъ обобщеній. Въ настоящее же время и у людей серьезно изучавшихъ крестьянское землевладѣніе мы находимъ самыя неосновательныя обобщенія вродѣ тѣхъ, какія дѣлаетъ напримѣръ г. Васильчиковъ въ своей послѣдней книгѣ: такъ, когда онъ говоритъ, что крестьяне дѣлятъ землю непремѣнно по тягламъ, а не по числу душъ, или когда онъ говоритъ, что духу русскаго народа совершенно противна обработка земли сообща[2]),—онъ впадаетъ въ противорѣчіе со многими, уже теперь извѣстными фактами.

И такъ, крестьяне могутъ желать, чтобы не начинали въ высшей степени опасной ломки основныхъ устоевъ ихъ жизни уже потому только, что тотъ классъ общества, который беретъ на

---

[1]) «Сельская община въ Россіи». «Вѣстникъ Европы». 1876 г., № 8, стр. 676—677.

[2]) «Землевладѣніе и земледѣліе», стр. 706, 775, 732. В. С.

себя руководительство ихъ жизнію, только теперь начинаетъ догадываться, что общинное землевладѣніе требуетъ и вполнѣ заслуживаетъ серьезнаго, всесторонняго изученія. Дѣло литературы всѣми силами содѣйствовать этому изученію.. Тутъ мы считаемъ крайне нежелательнымъ сентиментальное заигрываніе съ народомъ и указаніе только на свѣтлыя стороны общинныхъ порядковъ: истинная любовь къ народу сказывается не въ фальшивой его идеализаціи, а въ трезвомъ, правдивомъ отношеніи къ созданному имъ кодексу житейскихъ отношеній. Но, въ то же время, мы не можемъ не пожелать, чтобы люди, указывающіе на недостатки народной жизни, не позволяли себѣ дѣлать широкихъ обобщеній въ томъ случаѣ, если ихъ выводы основаны на наблюденіи немногихъ фактовъ или явленій одной какой-либо мѣстности. Нѣтъ ничего легче, какъ, на основаніи двухъ-трехъ случаевъ, огуломъ обвинить общину въ полномъ отсутствіи заботливости о судьбѣ своихъ членовъ; но внимательные наблюдатели народной жизни указываютъ и на факты совершенно противоположные [1]). И такъ подождемъ осуждать, а будетъ спокойно изучать, указывая на то, какъ хорошее, такъ и дурное, что мы находимъ въ жизни крестьянской общины. Въ этомъ отношеніи нельзя не быть признательными Вольному Экономическому Обществу за починъ въ собираніи свѣдѣній объ общинѣ; всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ выхода въ свѣтъ сборника матеріаловъ, ему доставленныхъ.

Въ заключеніе мы замѣтимъ, что фактическое изученіе правилъ, выработанныхъ народною жизнію относительно общиннаго владѣнія землею, помимо важныхъ научныхъ результатовъ, помимо того вліянія на наше законодательство, которое оно должно оказать со временемъ,—можетъ имѣть въ настоящее время большое практическое значеніе и для самихъ крестьянъ. Былобы очень важно, чтобы жители одной мѣстности имѣли возможность ознакомиться съ порядками общиннаго пользованія землею въ иныхъ полосахъ Россіи; сборники матеріаловъ, которые могутъ

---

[1]) См., напримѣръ, указаніе на надѣлъ безпомощнымъ и престарѣлымъ членамъ общины поземельныхъ участковъ съ освобожденіемъ отъ несенія какихъ бы то ни было повинностей, въ статьѣ Трирогова: «Наши Общины», «Отечественныя Записки» 1879 г., № 3, стр. 109. В. С.

появиться трудами ученыхъ обществъ, точно также какъ журнальныя и газетныя статьи—для нихъ недоступны. Но собранный такимъ образомъ матеріалъ дастъ возможность составить нѣсколько общедоступныхъ книжекъ объ общинномъ землевладѣніи, и распространеніе ихъ среди крестьянъ можетъ содѣйствовать введенію лучшихъ порядковъ, свободному заимствованію изъ обычаевъ, выработанныхъ одною мѣстностію, того, что окажется соотвѣтствующимъ условіямъ другихъ полосъ Россіи. Такія книги, если онѣ будутъ составлены просто и толково, будутъ безъ всякаго сомнѣнія встрѣчены съ интересомъ нашимъ грамотнымъ простонародіемъ. Бѣда только въ томъ, что и столь скромныя желанія, быть можетъ, только pia desideria.

В. И. Семевскій.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ

† 1713 г.

Письма къ нему Петра Великаго.

1703—1712.

[Сообщилъ П. С. Толстой].

XXV.

†

Господинъ Губернаторъ. Писма ваши съ пунктами присланныя съ сыномъ вашимъ до насъ дошли, на которыя симъ письмомъ объявляю: на Гулцовъ полкъ о дачѣ жалованья къ господину Стрешневу указъ посланъ; полкъ драгунской присланъ будетъ, а довольствоватца оному жалованьемъ съ соляныхъ заводовъ, которые будутъ построены на Бахмуте, о чемъ и прежде сего къ вамъ писано; и оные заводы какъ возможно трудитца, дабы скоряя построить; а сковороды на заводъ взять нѣсколько нынѣ у тѣхъ людей, у кого тамъ сыщутца; и отдать за нихъ денги по настоящей ценѣ; а досталныя дѣлать вновь; а сколько денегъ на тотъ заводъ надобно и о томъ къ намъ писать; и здѣлать для того на Бахмуте неболшую крепость; и посылать изъ Азова салдатъ, съ перемѣною, человекъ по двести или по триста; а работниковъ нанимать такъ, какъ преже сего нанимали промышленики, которые соль варили; дворянъ или бывшихъ аѳицеровъ, которые посланы въ Азовъ на житье, которые годны, написать въ жилые полки въ аѳицеры; а которые стары или увѣчны, и тѣхъ употребить къ какимъ ни есть дѣламъ по разсмотренію; въ Лютикъ надобно салдатъ съ переменою посылать по сту человѣкъ, а казаковъ выслать оттоль вонъ; пороху и свинцу велѣно посылать къ вамъ съ Воронежа; хлѣбъ въ дачю

въ Азове и въ Троицкомъ, пока нового не привезутъ, вели давать какой есть всякой; а работниковъ для молотбы хлѣба съ украйны послать къ вамъ велено; такъже и садовникъ отъ господина адмирала къ вамъ присланъ будетъ; о Некрасове, какъ возможно, домогатца, и писать въ Царь городъ, чтобъ ево и протчихъ воровъ на Кубань не принимали, и къ намъ взаимно прислали, понеже въ прошедшіе лѣта къ намъ съ ихъ стороны Белогороцкіе татары присылали, чтобъ ихъ приняли, и оныхъ у насъ не приняли.—Турецкому послу, которой присланъ къ вамъ для отобранія полону, отговаривайся тѣмъ, что они побраныхъ нашихъ русскихъ людей и казаковъ въ мирномъ состояніи отдали не всѣхъ; и ежели они нашихъ всехъ отдадутъ, то и ихъ всѣ будутъ отданы; окладъ вамъ учинили мы къ прежнимъ семи стамъ рублямъ еще триста, и того съ прежними тысяча рублевъ; да по тысяче четвертей хлѣба, которые денги и хлѣбъ бери себѣ изъ Азовскихъ доходовъ. «Piter» [1]).

«Із лебедина въ 24 д. декабря 1708».

«P. S. татар хотя і отдаш(ь) всѣх, однакож без того не отдаваи, пока тот ага не дастъ писма такова, что і наши отданы будут всѣжъ».

Помѣта Толстаго: «Получено въ Троицкомъ чрезъ сына Бориса генваря въ 10 день 709 году».

XXVI.

†

Господинъ губернаторъ.

[Пятнадцать строкъ писаны крытою азбукою. Не разобрано.]

С воронежа въ 15 д. Февраля 1709.

XXVII [2]).

[Писано скрытою азбукою].

†

Господинъ Губернаторъ! понеже отъ турковъ хотя еще не совершенно, однакожъ нѣкоторое начинаетъ быть помышленіе къ войнѣ, того ради вамъ надлежитъ не своимъ лицомъ, но чрезъ

[1]) Помѣщенное въ кавычкахъ и разрядкою писано рукою Петра.

[2]) Въ подлинникѣ это письмо писано скрытой азбукой; разобрано уже въ новѣйшее время. Оно буквально переписано подъ тѣмъ же номеромъ 27-мъ въ концѣ подлинной тетради. П. Т.

вѣрныхъ, или изъ донскихъ казаковъ, или чрезъ кого иного, обослатца къ черкѣсомъ, которые нынѣ воюютъ съ крымцы: похотятъ ли они съ нами заодно быть, а сие для того, ежели бъ, отъ чего Боже сохрани, турки или татары что зачали съ нами, тогда бъ уже и намъ оныхъ явно принять къ себѣ, что надлежитъ заранѣ основать, однакожъ зѣло тайно и не отъ своего лица. «Piter».

Съ Воронежа въ 15 д. Февраля 1709.

XXVIII.

†

Господинъ Губернаторъ! двои ваши писма, писанные изъ Азова генваря отъ 12 и 20 числѣ, до насъ дошли купно съ присылкою рыбъ и лимоновъ, за которую благодарствуемъ.—Троицкого протопопа, которой явился въ измене, съ сыномъ ево и съ шведами, которые на нево извѣщали, купно же и съ подлиннымъ о томъ дѣломъ, вышли на Воронежъ, не мешкавъ, съ добрымъ и вѣрнымъ человекомъ, придавъ доволное число провожатыхъ, дабы безопаснѣе было провесть отъ воровъ Булавинцовъ, которые еще тамъ шатаются. «Piter».

P. S. А которою дорогою изъ Азова или изъ Троицкого ихъ отправишъ, о томъ напередъ дай знать на Воронежъ къ господину адмиралу, дабы онъ могъ къ нимъ на встрѣчу отъ себя послать салдатъ.

Помѣта Толстаго: «Получено въ Азовѣ чрезъ Максима Бартенева, Февраля 21 дня 1709 году.

XXIX.

†

Господинъ Губернаторъ: посылаемъ при семъ къ вамъ роспись городамъ губерніи Азовской, а что надлежитъ вамъ чинить, то объявимъ тогда, какъ мы сами въ Азове будемъ. «Piter».

Съ Воронежа въ 23 д. Марта 1709.

P. S. О Али агѣ определимъ тогда, когда сами мы Богъ дастъ въ Азове будемъ, также и денги на дачю Азовскихъ и Троицкихъ полковъ конечно отсель, по первой полой водѣ, къ вамъ отпустимъ или съ собою привеземъ.

Губернія Азовская. Азовъ, а къ нему городы:

Троицкой на Таганърогу. Миюсъ. Павловской. Сергіевской да Никановской у каланчей. Танбовъ. Верхней и Нижней Ломовы. Норовчатовское городище. Троицкой островъ. Красная слобода. Саранскъ. Керенескъ. Инсара. Шатцкой. Новопавловской. Битюкъ. Валуйки. Палатовъ. Тополи. Новой Осколъ. Чернавской. Изюмъ. Торъ. Царевъ Борисовъ. Маяцкой. Лиманъ. Каменка. Бунчинка. Савинской. Сенковской. Чюдновъ. Двурѣчное. Гороховодка. Мартовица. Чугуевъ. Змеовъ. Козловъ. Челнявскъ. Борисоглѣбской на Хопрѣ. Петровской на Медведице.

Да къ Саранску къ Инсарѣ пригородковъ.

Къ Саранску: Атемаръ. Шечкѣевской. Инзарской.

Къ Инсарѣ: Потишской.

Да въ сію жъ Азовскую губернію приписаны въ разряде изъ Кіевской губерніи городы Изюмского полку для того, что Изюмъ съ другими городами в сей Азовской губерніи:

Бишкинъ. Печенѣга. Андреевы Лозы. Острополье. Булыклея. Бѣлской. Верхососенскъ.

Всего 52 города. «Петръ» [1]).

«в сумах въ 3 д. ѳевраля 1709».

XXX.

†

Господинъ Губернаторъ. Карабли, которые гораздо худы и тѣ вели припровадить, для розбиванья, къ Азову; однакожъ безъ указу не розбивай. «Piter».

Въ 24 марта с воронежа 1709.

Помѣта Толстаго: «Получено въ Троицкомъ черезъ Переседина, апрѣля въ 4 день 709 году».

XXXI.

†

Господин губернатор. Объявляю вамъ о зѣло превеликой и нечаемой викторіи, которую Господь Богъ намъ [2]), чрезъ неописанную храбрость нашихъ салдатъ, даровати изволилъ съ малою войскъ нашихъ кровію таковымъ образомъ: сего дня на самомъ утре жаркій непріятель нашу конницу со всею армеею конною и пѣшею отаковалъ, которая хотя зѣло по достоинству держалась, однакожъ принуждена была уступить, однакожъ съ великимъ

[1]) Далѣе собственноручныя слова Петра.

[2]) Слова: «чрезъ неописанную храбрость нашихъ салдатъ» внесены на полѣ, а не писаны въ строку. П. Т.

убытком непріятелю; потомъ непріятель сталъ во ѳрунтъ противъ нашего лагору, противъ которого тотчасъ всю пѣхоту изъ транжамента вывели, и предъ очи непріятелю поставили, а конница на обѣихъ ѳланкахъ; что непріятель увидя, тотчасъ пошелъ атаковать насъ, противъ которого наши встрѣчю пошли, и тако оного встрѣтили, что тотчасъ съ поля збили, знаменъ, пушекъ множество взяли, такожъ генералъ Ѳелшъморшалъ господинъ Реинтелдъ, купно съ четырмя генералы, а имянно: Шлипембахомъ, Штакенберхомъ, Гамолтономъ и Розеномъ, такожъ первой министръ граѳъ Пиперъ съ секретарми Гемерлиномъ и Цидергелмомъ въ полонъ взяты; при которыхъ нѣсколко тысячъ ооицеровъ и рядовыхъ взято. О чемъ подробно вскорѣ писать будемъ [а нынѣ за скоростію невозможно]; и, единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армѣя ѳазтоновъ конецъ воспріяла [а о королѣ еще не можемъ вѣдать, съ ними-ль, или со отцы нашими обрѣтается]; а за розбитымъ непріятелемъ посланы господа генералы порутчикъ князь Голицынъ и Боуръ съ конницею; и сею у насъ неслыханною новиною вамъ поздравляю. Piter.

Изъ лагору отъ Полтавы въ 27 день Іюня 1709.

P. S. Приведенъ еще князь Виртембергской, сродственникъ самаго короля швецкого; при семъ посланное писмо къ брату своему пошли не мешкавъ съ нарочнымъ [1]).

Бывъ сложено пакетомъ письмо, на оборотѣ, имѣетъ надпись: «господину губернатору Толстому.—Въ Троицкомъ». Помѣта Толстаго: «Получено въ Троицкомъ черезъ куріера господина Ѳедора Юшкова, Іюля въ 16 день 1709 году».

XXXII.

†

Господинъ Губернаторъ. Объявляемъ вамъ, что по учиненной викторіи, къ посланнымъ за розбитымъ непріятелемъ двумъ генераломъ лейтенантомъ, посланъ въ 28 день генералъ князь Меншиковъ, которой, въ 30 день Іюня, оныхъ непріятелей у Переволочны дошелъ, и, по многимъ посылкамъ, оное все войско, яко воинскіе полоняники, положа ружье, со всѣми людми и алтилеріею нашимъ безъ бою здались; толко король съ шестью или семью стами и двумя генералы Шпаромъ и Лагаркрономъ и Мазепою

[1]) То есть къ послу, Петру Андреевичу Толстому въ Царьградъ. П. Т.

ушли, за которыми такожъ послано, и уже изъ оныхъ многіе побиты и взяты [о чемъ пространнѣе изъ реляціи видѣть возможно]; а что взято людей, знаменъ и артилеріи, о томъ изъ посланной росписи видѣть возможно. И тако вся непріятелская армея намъ чрезъ помощь Божію въ руки досталась, которою въ свѣте неслыханною викторіею вамъ поздравляемъ. «Piter».

Изъ Лагару отъ Полтавы въ 8 день іюля 1709.

XXXIII.

[Рѣшенія писаны рукою Петра I.]

Списокъ съ писма, каково прислано, о городовомъ строеніи, въ Нарву съ писмомъ господина Стрешнева въ 24 день марта.

Въ писмѣ маеора Ягана Бреклина, каково прислано въ разрядъ, написано въ Троицкомъ въ нынешнемъ 1706 году городового строенія строить.

На сіи пункты отвѣтствовано въ 12 день апрѣля 1706 [1]).

У дву целыхъ ковалеровъ, у ѳасовъ и у ѳланковъ вкругъ убить лицо.

«Убивать».

У 55 жилищъ, которые въ предъбудущемъ году совершены будутъ, земли насыпать.

«Насыпат».

Гору съ восточную сторону досталь обрѣзать, гдѣ строитца будутъ казаматы, съ которыхъ будутъ очищать берегъ и Авань.

«Гору отрѣзат, а казаматы строіт по присланной мадели, о чем і ему, брекълину, доволно говорено».

2 полуковалера нужно надобно насыпать, только великій государь, дондеже самъ изволитъ быть въ Троицкомъ, строить не указалъ.

«Полукавалѣры дѣлат».

Въ 1705 году съ писма Ягана Бреклина посыланы статьи на Воронежъ и съ Воронежа посланы въ розрядъ, помѣчены, въ томъ числѣ о полуковалерахъ помѣчено: не дѣлать до указу, и съ тѣхъ статей изъ розряду въ Азовъ посланъ списокъ.

У западные страны гавона сверхъ казаматовъ загрудные.

---

[1]) Слова: «На сіи пункты отвѣтствовано» писаны на полѣ, рядомъ съ пунктами, и подъ этими словами, также на полѣ, рядомъ съ каждымъ пунктомъ, собственноручныя отвѣтныя слова Петра, а не подъ пунктами, какъ они списаны на этомъ листѣ, кромѣ словъ: «полукавалеры дѣлать», которыя списаны вѣрно. Слова: «Въ 1705 году съ писма Ягана», хотя писаны и не рукою Петра, тѣмъ не менѣе на полѣ, рядомъ съ словами «2 полукавалера нужно». Слова: «Въ Троицкомъ въ трехъ бастіонахъ» до конца, писанныя не рукой Петра, стоятъ также на полѣ, рядомъ съ послѣдними словами пунктовъ.

П. Т.

Бои в ѳутовъ вышиною земли 24 ѳута надобно насыпать надлежащіе нынѣ казаматовъ, которые съ 2-мя сводами, по имянному великого государя указу, что внизу главнѣйшихъ ѳланковъ указано здѣлать, и тотъ великого государя имянной указъ сказалъ ему Ягану Бреклину маеоръ Штокъ и ему про то напаметовалъ, что тѣ казаматы сводыль строить, а какъ и на какой образецъ они строены будут, онъ не вѣдаетъ; у сего есть много различно такую работу узнать.

«Казаматы строіт по новому образцу і модели [о чем ему, бреклину, доволно самому говорено і указано] однѣми сводами, а для верхъней пушки здѣлат деревяннои мостъ».

1) Ради пошвы, на чемъ они стоять будутъ, какъ она обрѣтаетца.

2) Ради повелѣнія сводовъ, чтобъ крѣпки и тяготу земли удержали, такожде отъ стрелянія устоялись.

3) Ради ихъ вышины, чтобъ сверхъ сводовъ земли доволно мочно насыпать и убить, чтобъ они тверды были, отъ падающихъ непріятельскихъ бомбъ выдержали.

4) Ради пространства мѣста, чтобъ всякая пушка гараздъ мочно владѣть и заряжать было.

«Пушкам под сводами быть 18 и 12 ѳунтовыя, такъже і гоубицы».

5) Чтобъ сквозь своды мокрота не шла, какъ то хранить.

А что де къ каменному строенію, что подъ ѳланками и промежь авана и города, надобно какихъ припасовъ, о томъ онъ росписи не можетъ дать, прежде доложить великого государя, какъ и на какую стать указано будетъ строить, а про такіе припасы знаетъ подмастерья Осипъ Старцовъ, и чтобъ ево, Ягана, для доношенія великому государю отпустить къ Москве.

И изъ розряду въ Азовъ писано: велено ево, Ягана Брекдина, отпустить къ Москве, давъ подводы наскоро.

А маеоръ Логинъ Штокъ въ розряде сказалъ: въ прошломъ же, 705 году, какъ онъ, Логинъ, былъ на Воронеже, и, по имянному де великого государя указу, указано ему приказать: какъ въ Троецкомъ въ городовой стѣнѣ въ бастіонахъ подъ ѳланками строить казаматы, и данъ ему на Воронеже образецъ деревяной; и онъ, Логинъ, тотъ образецъ въ Азовъ и въ Троецкой привезъ и губернатору, Ивану Толстому, о строеніи тѣхъ казаматовъ съ имянного государева указу письмо подалъ, и тотъ образецъ въ Троецкомъ въ приказной избѣ отдалъ; а что въ писмѣ маэора Ягана Брекдина написано, что казаматы съ сводами строить, и то явно потому образцу; а о укрѣпленіи подошвы и сводовъ, и о вышине и о пространствѣ ему, Логину, имянно не приказано, а надлежитъ то знать инженеру, кто у того строенія. И ѳевраля въ 8 день въ стотьяхъ изъ розряду въ Азовъ писано—велено то городовое строеніе строить по указу.

И марта въ 13 день маэоръ Яганъ Брекдинъ въ розрядѣ подалъ письмо своей руки; а по переводу въ томъ писмѣ написано: Сентября де въ 28 числѣ 705 году отъ губернатора Ивана Толстого данъ ему (модель) или образецъ, принадлежащей о казаматахъ съ двойными сводами, которымъ въ главныхъ

ѳланкахъ строенымъ быть надлежитъ; нынѣ много при такой работѣ по разсужденію придетъ, онъ по истинне знаетъ то дѣло дѣлать, и образецъ есть доброй; однакожде естьли по тому образцу оные строить надлежитъ, тогда какъ высокимъ и нискимъ ѳланкамъ (которые нынѣ уже сполна насыпаны и совершены) прежде отнесеннымъ быть подобаетъ еже великую работу причинствуетъ и проситъ онъ, чтобъ до его царского величества отпущенъ былъ, чтобъ его царскому величеству самому о сей вышепомянутой и еще вящихъ иныхъ потребныхъ работъ при строеніи Троецкомъ доиести, чтобъ онъ потомъ извѣсное решеніе и по какому образу будущая работа или дѣло продолжено быть имѣетъ, о всякомъ дѣлѣ получити возмогъ.

Въ Троецкомъ въ трехъ бастіонахъ да въ 2 полубастіонахъ 8 ѳланковъ, а въ нихъ мѣрою по 16 футъ, итого 128 футъ толщиною по 3 футъ съ полуфутомъ въ совершенство построены, землею насыпаны и лицо выбито.

И естьли то разбивать и разсыпать,—земли нѣгде класть.

XXXIV.

[Собственноручно].

Указ маеору бреклину.

Данъ Апрѣля въ 10 день 1706, сей надлежитъ отдать господину Толстому.

1.

Перво всего дѣлат казаматы меж гаваном і городомъ собоіх сторон і гору обрѣзат, что б тѣм іх связат, и сию крѣпость в безопасение привесть, о чем ему, брекълину, доволно указ дан, какъ оное дѣлат.

2.

От восточьного равелина ссеверною сторону давесть стѣну до гавани опасно, чтоб не засыпала от моря полуденным вѣтром.

3.

Полукавалѣры насыпат; також под равелинами здѣлат потколы.

4.

Ззаподною сторону от конца контро шкарпа здѣлат траверсъ до моря, чтоб удобнѣе гору, которая загнулас, очищат.

5.

Ѳланки готовыя передѣлыват, по новому образцу [з казаматами і арлионами] не вдруг, но по(о)днои; как одна отдѣлана, другую починат.

6.

Ѳособреи противѳ ѳланкоѳ вынят, а противъ ѳасоѳ і куртин, дѣлат також противѳ рва, которои круг равелинаѳ; под ѳособреем здѣлат казаматы на 3 или 4 пушки; також под всѣми ѳособреі, которыя противѳ ѳасоѳ, здѣлат галареі для бережения от поткопоѳъ і очишение рва.

7.

Борстверу быт на гавану таким маниром, как на крѣпостях звычаино, а не зупцы; також время і ситодѣл дѣлат, которою побразцу можетъ і подмастер(ь)я от каменщиковъ здѣлат с указу інженерскова.

8.

Укърепление конета учинит по расмотрению камнемъ, іли землею убит.

9.

Город на миюсѣ здѣлат малои, человѣк на петсот, а старои разорит; впротчемъ наказано словесно.

Примѣчаніе. На другой страницѣ указа слѣдуютъ собственноручные чертежъ и надписи на немъ Петра. Снимки съ того и другаго воспроизведены геліографически и приложены при этой книгѣ «Русской Старины». На чертежѣ подпись руки Петра:

«По сему здѣлат ситадел на каменную».

XXXV.

†

Господинъ Губернаторъ! Полковника брекланта отсель мы отправили, которому указъ данъ, чтобъ сего лѣта трудился гавань съ городомъ сомкнуть, и въ томъ надобно вамъ приложить прилѣжаніе; прочія-же утвержденія крѣпости и иныя дела, какъ за малолюдствомъ, такъ и за позднымъ временемъ, надлежитъ отложить до будущаго лѣта; чего ради надобно вамъ съ выше-

помянутымъ полковникомъ по первому пути быть къ Москвѣ зимою. «Piter».

Въ 18 д. Іюля изъ решитиловки.

На конвертѣ: «Господину Губернатору Толстому, въ Азове».

Помѣта Толстаго: «Получено въ Троицкомъ чрезъ Бреклина Іюля въ 31 день 709 году».

XXXVI.

1710, Ѳевраля въ 9 д., великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, указалъ губернатору, господину Толстому за вѣрную ево службу, на покупку двора взять двѣ тысячи рублевъ изъ Бахмуцкой соляной продажи. Сей великого государя указъ закрѣпилъ—адмиралъ граеъ Апраксинъ.

XXXVII.

Въ семъ 1710-мъ году дѣлать:

† Въ гавани внутри обить сваями кругомъ и между свай и каменной стѣны набить землею, † и протчую препорацію здѣлать къ чищенью гавана [какъ о томъ пространно уже приказано Анисиму моляру].

А въ будущемъ, 1711 годѣ, перебивъ и укрѣпя сваями [какъ въ нумерахъ А. А. означено на чертеже], выкопать одиннатцать ѳутъ земли глубиною и отъ горы здѣлать каменную стѣну, такъже доки и протчее противъ чертежа; а потомъ [какъ то будетъ готово] и весь гаванъ въ десять или одиннатцать ѳутовъ земли выглубить, и отъ короткихъ сторонъ стѣнами каменными укрѣпить-же.

Въ 1710-мъ, сомкнуть гаванъ съ городомъ, тако-жъ, гдѣ не додѣланы борствери и батареи на пушки, додѣлать, и протчее ко оборонѣ того города надлежитъ нужное исправить. «Piter».

«Впреображенском въ 9 д. Ѳевраля 1710».

XXXVIII.

[Собственноручно].

1.

Амуницию і артиллерию как возможно скоро вывѣсть по вскрытіі лда вкрѣпости новыя на донецъ і середу.

2.

Вышереченныя крѣпости вдобром порятѣ содержат і самому ныне жит зиму в донецькои крѣпости.

3.

Крѣпость, которая ниже черкаского, держат, пока амуниция внеи; а когда ізпразнитца, мню, лутче разорит [которое даю на разсуждение г. адмирала], понеже не без мнѣния у туркое о томъ будет, а пърибыли нѣт, а буде для казакое мочно по выше совъременем здѣлат.

4.

Строен(ь)я галѣры і протчия болшия суды продат турком іли жечъ, а шнавы лутче жечъ.

5.

Впротчем смотрѣт, что возможно к лутчему, то дѣлат, і въсякым образом с турки мир держат тшитца.

Всанктъ питербурхѣ въ 3 д. генваря 1712. Петръ.

XXXIX.

[Повелѣнія руки Петра I-го].

А.

Таганъ рогъ строилъ инженеръ Иванъ Регузинъ, а нынѣ онъ умре, кому достроивать? буде достраивать новому инженеру по старому ли оундаменту?

«Достроіват по старому чертежу, непеременяя ничего».

Б.

Ново приборнымъ салдатомъ, которые присланы будутъ вновь, гдѣ имъ быть въ Азовѣ-ль или на Таганъ рогу? и дворы имъ въ тѣхъ ли слободахъ строить, гдѣ нынѣ салдацкіе слободы, или въ особыхъ мѣстахъ за городомъ, или въ городе.

«Селит на таганрогу вслободах [добрым размѣром], а не въ городе».

В.

Съ Москвы и изъ городовъ посацкіе торговые люди, которые будутъ присланы на житье, въ Азове-ль имъ быть или на Таганъ рогу? и дворамъ ихъ быть въ городе-ль или за городомъ? и на то ихъ дворовое строенье лесныхъ припасовъ давать ли?

«Нарочиты тамъ здѣлат дворы изказны на таган роге добрымъ маниром, а за страен(ь)е взят денги въ 2 года; а в озове дворы имѣт по іх воле для торгоѳъ».

Г.

Съ Москвы-жъ и изъ городовъ присылаютца въ Азовъ всякихъ чиновъ работные люди и шведы на пашню—гдѣ ихъ селить: въ Азовѣ-ль или на Таганъ рогу и въ которыхъ мѣстехъ?

«Селит за таган рогом в новом валу, гдѣ пристоино».

Д.

Лесные припасы изъ городовъ велѣть пригонять по вся-ли годы указное число противъ прежняго, или съ убавкою для того, что, по вѣдомостямъ, въ Азовѣ лесныхъ припасовъ много?

«По росмотрению, чтоб даром не гнил, а паче беречь дубовова».

Е.

Въ Азове и на Таганъ рогу бываютъ, не окладные нужные дачи денгами и собольми, и сукнами, и на тѣ дачи денги и соболи, и сукна, гдѣ имать? а по вѣдомостямъ въ Азовѣ сукна въ казнѣ есть.

«Дават по расмотрен(ь)ю для нуждъ.

«Искат всемерноторѳу, чътобъ была потспор(ь)е дровам».

XL.

[Повелѣнія руки Петра I-го].

Будетъ послы и посланники и гонцы салтана Турецкова или иныхъ государствъ, а особливо отъ ѳранцужскова, поѣдутъ къ Москве черезъ Азовъ—приматъ-ли ихъ?

«Пропускат».

Будетъ примать, которого съ какою честію и на дворехъ ставить въ городѣ-ль, или за городомъ, и въ корму которому какое чинить довольство?

Будетъ похотятъ видѣтца, съѣзжатцаль съ ними и въ какомъ мѣсте и, неописываясь къ Москве, отпускать-ли ихъ?

«Казат всякою ласкость».

Буде-жъ отпускать, водою или сухимъ путемъ, и на которые городы, и на какихъ подводахъ? а буде водою—въ какихъ судахъ, и съ какимъ довольствомъ, и въ дороге у нихъ изъ какова чину быть въ приставѣхъ?

Будетъ похотятъ смотрить гаванп и кораблей—казать-ли имъ.

«Отговор чинит, а не казат» [1]).

Будетъ спросятъ, для чево такой строитца флотъ, какая въ томъ отповедь чинить?

Будетъ турецкіе, или иныхъ государствъ, торговые люди на корабляхъ или на иныхъ какихъ судахъ приѣдутъ къ Таганъ рогу или къ Азову съ товары, и тѣхъ ихъ товаровъ осматривать-ли, и судамъ ихъ гдѣ быть—въ гаване-ль или въ особомъ мѣстѣ?

Азовскіе или таганрожскіе жители, торговые люди, буде похотятъ ѣхать съ тавары въ турецкіе городы, въ своихъ-ли судахъ отпускать или въ турецкихъ?

XLI.

Надлежитъ спустошить:
По Хапру сверху пристанной по Базулукъ.
По донцу сверху по Лугань.
По Медвѣдицѣ по Усть-Медвѣдицкой, что на дону.
По Базулуку всѣ.
По Айдару всѣ.
По Деркулѣ всѣ.
По Калитвамъ.
И по другимъ заполнымъ рѣчкамъ всѣ.
По илавлѣ.
По илавлинской.
По дону до донецкого надлежитъ быть такъ, какъ было.

XLII.

Въ книгѣ царскихъ писемъ къ Ивану Андреевичу Толстому, переплетенной очевидно уже послѣ его смерти, вплетенъ указъ о наградахъ брату его, Петру Толстому. Вотъ этотъ указъ.

«Великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержца указъ въ помѣсной приказъ Кириле Лаврентьевичю Чичерину съ товарыщи.

---

[1]) Собственноручные отвѣты Петра писаны на поляхъ рядомъ съ вопросами. На послѣдніе вопросы отвѣтовъ нѣтъ. П. Т.

«Въ нынѣшнемъ 1718 году Декабря въ 14 день въ именномъ его Царскаго величества указѣ къ правительствующему Сенату, за собственною его величества рукою, написано:

«За показанную такъ великую службу не токмо его величеству, но паче ко всему отечеству въ привезеніи по рожденію сына его величества, а по дѣлу злодѣя и губителя отца и отечества, опредѣляется: Петру Толстому чинъ тайнаго совѣтника дѣйствителнаго, да деревни Аврама Лапухина, да Дубровскаго переславскіе деревни жилое и пустое, что за ними было по дачамъ и по владѣнью, кроме тѣхъ, которые были за Аврамомъ Лапухинымъ, данные изъ дворцовыхъ и приданые жены ево, и посему надлежитъ имъ, правительствующему Сенату, учинить въ Сенате.

«И декабря въ 15 день по указу великаго государя Правительствующій Сенатъ приказали: по вышеписанному его великаго государя именному указу о повышеніи чина тайнаго Совѣтника Дѣйствительнаго Петра Андреевича Толстаго въ пасольскою, а о справке за нимъ деревень Аврама Лапухина да Дубровского въ помесной приказъ—послать указы немедленно.

«И о томъ въ посольскую канцелярію указъ посланъ.

«И Кириле Лавреньтьевичю Чичерину съ товарыщи учинить о томъ по его великаго государя именному указу.

«Подлинной указъ за закрепою сенатора Тихона Никитича Стрешнева.»

Сообщ. П. С. Толстой.

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1720 ГОДУ.

Записки поляка-очевидца.

Рукописное отдѣленіе библіотеки Оссолинскихъ, во Львовѣ, содержитъ въ себѣ немало интересныхъ документовъ, относящихся къ исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Польши въ концѣ прошлаго столѣтія. Весьма немногими изъ нихъ пользовались польскіе ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ, издано же еще меньше, почти даже ничего. Въ послѣднее время нынѣшній директоръ института Оссолинскихъ, г. В. Кентржинскій, напечаталъ въ одномъ львовскомъ ученомъ журналѣ [1]) Записки поляка, бывшаго въ 1720 г. въ С.-Петербургѣ, вмѣстѣ съ польскимъ посольствомъ. Въ 1720 году польскій король, Августъ II, отправилъ въ Петербургъ Мазовецкаго воеводу Хаментовскаго чрезвычайнымъ посломъ въ Россію. Главною цѣлью посольства, какъ извѣстно [2]), былъ вопросъ Курляндскій, еще тогда неразрѣшенный окончательно.

Посольство это было назначено еще въ 1718 году, и тогда сеймъ далъ инструкцію послу, которому поручалось домогаться у царя: 1) возвращенія Лифляндіи и Риги; 2) уплаты денегъ, обѣщанныхъ за содѣйствіе противъ шведовъ; 3) отказа курфирста Бранденбургскаго отъ кандидатуры на Курляндскій престолъ; 4) объясненія по поводу Аландскаго конгресса. Все это было выражено въ весьма рѣзкихъ словахъ [3]). Хаментовскій откладывалъ выѣздъ и, наконецъ, въ 1720 году, отправился, и уже въ мартѣ послалъ первый отчетъ. Посольство пробыло въ Россіи до конца іюля того же года. Результаты переговоровъ извѣстны; кромѣ русскихъ источниковъ есть еще и польскіе [4]), которые весьма подробно

[1]) Przewodnik Naukowy. Lwów. 1877, т. V, стр. 520—532, 604—616.

[2]) См. Соловьевъ, И. Р., XVII, 293.

[3]) Teka Podoskiego. T. VI, стр. 258 и сл.

[4]) Teka Podoskiego. T. VI, а также итальянскій переводъ реляцій у Тейнера: Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaelowicz, Fiedor III et Pierre le Grand. Rome 1859, p. 521—531. С. П.

насъ знакомятъ съ внутреннею стороною дѣла и отчасти съ внѣшнею. Уже изъ оффиціальнаго отчета посла можно заключить, что Петръ радушно принималъ посольство, какъ гостей, и былъ твердъ въ дѣлахъ государственныхъ. Но съ внѣшнею стороною лучше всего насъ знакомятъ предлагаемыя ниже, довольно интересныя Записки.

Авторъ Записокъ несомнѣнно былъ въ числѣ членовъ посольства: онъ вездѣ сопровождалъ посла, присутствовалъ при оффиціальныхъ переговорахъ, но нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о содержаніи этихъ переговоровъ. Изъ разсмотрѣнія записокъ нельзя ничего заключить объ имени автора ихъ и едвали можно дѣлать какія бы то ни было предположенія, какъ это дѣлаетъ г. Кентржинскій. Записки любопытны во многихъ отношеніяхъ. Въ нихъ прежде всего мы находимъ описаніе С.-Петербурга семнадцать лѣтъ послѣ его основанія, сдѣланное очевидцемъ. Это для исторіи Петербурга весьма важно. До сихъ поръ изъ эпохи, близкой къ основанію нашей столицы, извѣстно только одно описаніе, составленное очевидцемъ въ первое десятилѣтіе бытія Петербурга, изданное на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ, въ 1711 году. Переводъ этого описанія на русскомъ языкѣ былъ напечатанъ въ 1860 году подъ редакціею управленія Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ.

Сличеніе этихъ двухъ старинныхъ описаній можетъ представить много интереса. Нѣмецкій авторъ задался цѣлью систематически ознакомить своихъ соотчичей съ новымъ городомъ, который выросъ такъ скоро. Ничего подобнаго мы не найдемъ въ запискахъ члена польскаго посольства. Онъ отмѣчаетъ все въ томъ порядкѣ, какъ что видѣлъ; а видѣлъ онъ все, такъ какъ гостепріимный царь самъ возилъ посольство по Петербургу и его окрестностямъ.

На польскомъ памятникѣ вполнѣ отразилось слѣдствіе показыванія—авторъ не успѣваетъ даже разспросить о видѣнномъ, а тутъ его везутъ дальше. Кромѣ того, авторъ описываетъ цѣлый рядъ празднествъ, которыя были даны въ честь посла, или которыя пришлись во время его пребыванія; приводитъ постоянно слова, сказанныя царемъ по какому-либо случаю. При описаніи праздниковъ годовщины Полтавской битвы, онъ передаетъ рѣчь Стефана Яворскаго, иногда даже будто въ подлинныхъ выраженіяхъ, ломанымъ русскимъ языкомъ. Пріѣхавъ изъ Польши, гдѣ, въ царствованіе Августа II, былъ громадный безпорядокъ, авторъ остается въ восторгѣ отъ видѣннаго имъ въ С.-Петербургѣ.

Записки рѣзко раздѣляются на двѣ части. Въ первой—авторъ какъ бы пытался систематически описать Петербургъ, и принялся за это дѣло, несомнѣнно уже видѣвъ весь городъ. Доказательство этому можно видѣть въ томъ, что, описывая одинъ изъ невскихъ острововъ, онъ прибавляетъ: «на немъ строятъ домъ, въ который переведутъ Кунсткамеру—опишу ее ниже». Такъ можно говорить, имѣя уже готовый планъ. Вторая часть имѣетъ характеръ дневника. Тутъ авторъ, начиная съ 14-го іюня, описываетъ поденно все случившееся и видѣнное. На концѣ прибавилъ: «20-го сентября 1720 года, въ 9 часовъ пополудни».

Въ этотъ день посольство уже вернулось въ Польшу. Послѣднее извѣстіе изъ Петербурга получено 21-го (10-го) іюля 1720 года. Судя по этой припискѣ, можно было бы допустить, что описаніе составлено авторомъ на-досугѣ, по возвращеніи домой. Форма, однако, дневника, въ какую облечена вторая часть, заставляетъ предположить, что авторъ только привелъ въ порядокъ свои записки въ отмѣченное на рукописи число.

С. М. Пташицкій.

Краткое описаніе города Петербурга и совершившагося въ немъ въ 1720 году [1]).

Ладожскій каналъ.—Крѣпость.—Васильевскій островъ. — Ремесленники.—Фабрики.—Кунсткамера.—Лѣтній садъ. — Адмиралтейство.—Кронштадтъ.—Ораніенбаумъ.—Петергофъ.—Стрѣльна.—Похороны князя Долгорукаго.—Проповѣдь Яворскаго.—Царскія именины.—Царскій дворецъ.—Свадьба Румянцева.—Прощаніе у царицы.

Кто бы захотѣлъ описать Петербургъ какъ слѣдуетъ, тотъ долженъ бы быть тамъ до его основанія и видѣть, что прежде было на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь выстроенъ большой каменный городъ. По немъ протекаетъ широкая и глубокая рѣка Нева, съ своими рукавами. Городъ прорѣзываютъ широкіе каналы, по берегамъ которыхъ онъ равномѣрно расположился.

На этомъ мѣстѣ, какъ я узналъ, нѣкогда было 15 лачужекъ, въ которыхъ жили шведскіе рыбаки. Послѣ занятія этой мѣстности Москвою (Moscali), деревенька сожжена, и царь приказалъ на этомъ мѣстѣ построить маленькій домикъ о двухъ комнатахъ, въ которыхъ самъ жилъ. Этотъ домикъ стоитъ и теперь, покрытый черепицей, но безъ оконъ. Для лучшаго сохраненія, онъ обнесенъ заборомъ. Находится онъ на берегу рѣки, между сенатомъ (Collegium Senatorum) и дворцомъ Гагарина (Gagarynowym). Живя въ немъ, царь начерталъ планъ города, измѣрилъ берега рѣки, ея рукава и каналы. Городъ этотъ уже теперь великъ, и если царь еще поживетъ, то сдѣлаетъ изъ него громадину (machinę). По другой сторонѣ рѣки, на пути къ монастырю, была крѣпостца (fortalicium), гдѣ останавливались суда, шедшія въ море изъ Москвы черезъ Ладогу. Крѣпостца эта теперь уничтожена, а на

[1]) Рукопись библіотеки Оссолинскихъ, № 305, in folio, 239 — 257.

С. П.

ея мѣстѣ построены избушки средней руки и вѣтреныя мельницы. Теперь здѣсь многіе строятся.

Намъ разсказывали, что Ингрія прежде принадлежала Москвѣ. Когда же въ войнѣ съ поляками Москва сама не могла совладать съ ними, то пригласила на помощь шведовъ, которые, зайдя разъ въ московскую землю и не оказавъ ей никакой помощи, завладѣли страною и размѣстили въ крѣпостяхъ свои гарнизоны, заставили жителей платить подати и исполнять всякія повинности. Такимъ образомъ завладѣли большою страною до самаго моря.

Такъ какъ московскія суда, ходившія Волгою къ Ладожскому озеру, а отсюда Невою въ море и дальше, часто подвергались, и теперь еще подвергаются—крушенію на озерѣ, вслѣдствіе скрытыхъ подъ водою скалъ, то нынѣшній царь проводитъ теперь каналъ отъ Волги къ Невѣ, надъ которымъ неустанно работаютъ 40,000 людей. Если онъ окончитъ это предпріятіе—а осталось прорыть только нѣсколько миль—то принесетъ тѣмъ мѣстностямъ громадную пользу, такъ какъ теперь все дорого, вслѣдствіе худаго сообщенія.

Около Петербурга царь укрѣпилъ берега рѣки, устроилъ плотины и шлюзы, прорылъ каналы для того, чтобы лишняя вода, нагоняемая бурею съ моря, нашла куда расходиться:—еслибы этого не было, волны залили бы строенія. Шлюзы сверху покрыты досками, такъ что по нимъ можно ѣздить на лошади. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ болѣе широкимъ русломъ течетъ Нева и раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, которые расходятся въ разныя стороны. По берегамъ этихъ рукавовъ вколачиваютъ теперь сваи, въ иныхъ мѣстахъ берега ровняютъ; чтобы могли подходить суда, расширяютъ, поднимаютъ и углубляютъ дно, гдѣ понадобится.

Городъ этотъ разкинутъ на громадное пространство (spatium), гдѣ всякій сенаторъ, министръ и бояринъ долженъ имѣть дворецъ; иному пришлось выстроить и три, когда приказали. Счастливъ былъ тотъ, кому отведено сухое мѣсто; но, кому попалось болото и топь, тотъ порядкомъ нагрѣлъ себѣ лобъ, пока установилъ фундаментъ, вырылъ лѣсъ, такъ какъ, чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ почва низменнѣе и болѣе болотиста. Еще и теперь, хотя домы и отстроены, но они трясутся, когда около нихъ проѣзжаетъ экипажъ, а это—вслѣдствіе непрочнаго фундамента.

Эта часть уже имѣетъ видъ города: есть тамъ дома, шлюзы и громадныя строенія съ флигелями и всѣми удобствами. Далѣе по направленію къ Кронштадту немало еще мѣста, гдѣ уже начинаютъ строить, и гдѣ уже поселилось нѣсколько тысячъ мѣщанъ у самаго моря.

Есть здѣсь церкви, коллегіи, дворцы и такъ называемыя лавки (ławki), гдѣ можно все получить — это четыреугольное строеніе, въ которомъ, какъ по одну, такъ и по другую сторону, живутъ купцы. Дворцы—громадные каменные, съ флигелями, кухнями и удобствами; только они наскоро построены, такъ какъ при малѣйшемъ вѣтрѣ валятся черепицы; должно быть, худой матеріалъ, или построены зимою, такъ какъ здѣсь лѣто непродолжительно. Еще половина этого города не выстроена.

На этой сторонѣ Невы по берегамъ рѣки расположены дома, тянущіеся до царскихъ дворцовъ, которыхъ три: два лѣтнихъ и одинъ зимній. Сады красивы. Я слыхалъ отъ самого царя, который сказалъ намъ: «Если проживу три года, буду имѣть садъ лучше, чѣмъ въ Версалѣ у французскаго короля». И въ самомъ дѣлѣ, сюда привезена моремъ изъ Венеціи, Италіи, Англіи и Голландіи масса мраморныхъ статуй, колоннъ; даже цѣлая бесѣдка, изъ алебастра и мрамора, привезена изъ Венеціи для сада, расположеннаго у самой рѣки, между каналами. Здѣсь множество замѣчательныхъ вещей, бесѣдокъ, галлерей, насосовъ и удивительно красивыхъ деревьевъ. Со стороны рѣки около сада подведена каменная стѣна; къ рѣкѣ ведутъ галлереи (ganki), гдѣ можно сѣсть на ботикъ, галеру, яхту или буеръ, чтобы ѣхать на море или гулять по каналамъ и большой и широкой рѣкѣ. На рѣкѣ находится островъ, на которомъ строятъ дома, куда переведутъ Анатомію (Кунсткамеру). Анатомію опишу ниже.

На другомъ островѣ находится пороховой заводъ; на третьемъ, который называется «Васильевскій островъ», расположены дворцы лѣтній и зимній князя Меншикова (książęcia Mężyka), а также и другіе дома до самаго моря. Есть также мѣста, гдѣ строятъ корабли,—преимущественно въ адмиралтействѣ; тутъ находятся башни (beluardy) съ пушками, равно какъ и дома, въ которыхъ живутъ англичане и голландцы, строющіе корабли. Далѣе мѣсто, гдѣ строятъ галеры. Я слыхалъ отъ царя: —«У меня много кораблей, но я уменьшу число судовъ, и оста-

нется ихъ 30, на каждомъ по 100 пушекъ, да 200 галеръ, на каждой по 40 пушекъ». И въ самомъ дѣлѣ, этого у него уже слишкомъ много. Имѣются здѣсь большія четыреугольныя суда, на которыхъ перевозятъ корабли въ море, такъ какъ по этой рѣкѣ, а даже и по здѣшнему морю, не вездѣ могутъ ходить корабли, потому что во время бурь море засыпаетъ рѣки пескомъ. Съ этою цѣлью, миль на 7 отсюда, построена крѣпость, гдѣ останавливаются военные корабли. Галеры мнѣ нравятся, такъ какъ на нихъ можно ѣздить по водамъ, и то безопасно, какъ у берега, такъ по самому глубокому морю; притомъ ими можно управлять, какъ угодно и въ какую угодно сторону, а также стрѣлять въ непріятеля, вращаясь на мѣстѣ.

На другомъ берегу рѣки, противъ царскихъ дворцовъ, строятъ большой укрѣпленный замокъ. Посреди̇нѣ его находится церковь съ башнею, на которой помѣщены часы, играющіе французскіе куранты (kuranty); здѣсь вообще во дворцахъ и коллегіяхъ много такихъ часовъ, которые разыгрываютъ псалмы. Въ помянутомъ замкѣ множество пушекъ, и со стороны моря постоянно развѣвается красно-бѣлый флагъ. Здѣсь есть такой обычай: когда адмиральскій фрегатъ выйдетъ на воду подъ особеннымъ флагомъ, то должны выходить всѣ фрегаты—подъ страхомъ штрафа. Адмиральскій фрегатъ идетъ впереди, а всѣ прочіе идутъ за нимъ, не опережая его. На фрегатахъ обыкновенно находятся сенаторы, министры и другіе баре, которые веселятся при звукахъ музыки. Минуя одинъ другаго, пьютъ здоровье, стрѣляютъ изъ пушекъ и обязаны быть на водѣ до тѣхъ поръ, пока адмиралъ не причалитъ къ берегу. Въ этомъ мѣстѣ живетъ много ремесленниковъ—французовъ, англичанъ, голландцевъ и мануфактуристовъ другихъ національностей, которыхъ царь выписалъ для того, чтобы они учили русскихъ людей; для работъ у нихъ свой домъ.

Также здѣсь много зданій для корабельнаго провіанту, соленой рыбы, ветчины, муки; есть зданія съ конюшнями, гдѣ останавливаются конные полки, а также для пѣхоты, со всѣми удобствами. Есть зданія, гдѣ останавливаются гости, а для нихъ удобства и трактиры. По берегамъ, куда привозятъ хлѣбъ или провіантъ, устроены амбары; сюда немедля переносятъ привезенное съ кораблей. Выстроены также каменныя солодовни для пива—

для кораблей; пока пиво свѣжее, его не пьютъ—такъ оно горько; а горько потому, чтобы могло дольше стоять, не скиснувъ.

Неподалеку отъ царскихъ дворцовъ находятся зданія, выстроенныя въ квадратъ, для ремесленниковъ, которые строятъ фрегаты и яхты. Внутри сдѣланъ каналъ, куда на зиму приводятъ суда, чтобы ихъ не испортилъ ледоходъ. Въ другихъ зданіяхъ выдѣлываютъ пушки, колокола, чугунныя и желѣзныя мортиры; въ третьихъ—колесники дѣлаютъ лафеты и колеса для пушекъ. Есть также большія и длинныя строенія съ кузницами, гдѣ кузнецы выковываютъ всѣ принадлежности для пушекъ.

На другой сторонѣ рѣки, за дворцомъ князя Меншикова (Męży-ka), находится Французская улица, гдѣ живутъ одни ремесленники, какъ то: скульпторы, плотники, рабочіе, дѣлающіе фонтаны, а также и тѣ, которые выдѣлываютъ разныя вещи изъ олова и другихъ металловъ; но все это — для царя. Въ лавкахъ есть такса, по которой продаютъ всѣ предметы. Есть здѣсь также мѣха и товары изъ мѣди и желѣза; здѣсь много полотна, но оно узко, а между тѣмъ его здѣсь нужно много, такъ какъ стѣны и потолки обиваютъ полотномъ, мѣстами даже восченымъ; обиваютъ также полотномъ балконы и башни въ италіанскихъ садахъ, и даже заборы вокругъ садовъ. Ткани, даже весьма красивыя, привозятъ изъ Москвы.

На берегу Невки есть длинный, двухъ-этажный каменный домъ, въ которомъ шесть комнатъ внизу и столько же наверху. Съ одного берега до самаго дома проложенъ мостъ, на которомъ находится избушка и балконъ столярной работы. Въ каждой нижней комнатѣ этого дома есть 5 станковъ для выдѣлыванія полотна; въ угловыхъ же комнатахъ работаютъ столяры и токари, которые приготовляютъ станки, мычки, веретена, прялки, мотальницы, утки (cewki), челноки (łodki) и другіе снаряды. Въ комнатахъ верхняго этажа много женщинъ, подъ присмотромъ англичанки, которая наблюдаетъ за ихъ работами. Въ однѣхъ комнатахъ прядутъ, въ другихъ разматываютъ (motają), въ третьихъ наматываютъ (nawijają); здѣсь множество людей, есть и смотритель, который всѣмъ управляетъ.

На противоположной сторонѣ, на той же рѣкѣ, есть другое зданіе, гдѣ выдѣлываютъ крахмалъ; есть здѣсь мочильные чаны (przycierki), а также нѣсколько втулокъ (szpunt), по вы-

нутіи которыхъ вытекаетъ вода; вода, и при томъ весьма хорошая, проведена трубами и посредствомъ трубъ же отводится. На другой сторонѣ рѣки находится большая и широкая бѣлильня; здѣсь вырыты каналы, въ которыхъ мочатъ и поливаютъ полотно.

Есть здѣсь также два стрѣльбища, одно за Невою, за каменными солодовнями, другое за дворомъ (dworem) г. Головкина: тамъ учатъ стрѣлять изъ пушекъ, которыхъ въ каждомъ по десяти.

Рѣка Нева укрѣплена плотинами (szluzami), особенно одинъ берегъ, на разстояніи 12 миль до Шлиссельбурга, такъ что суда вездѣ могутъ причаливать къ берегу и сейчасъ выгружать то, что желаютъ. Деревьевъ сплавляютъ этою рѣкою громадное количество какъ въ городъ, такъ и на море къ различнымъ крѣпостямъ. Около города нельзя и розги срѣзать, хотя тамъ на пространствѣ нѣсколькихъ миль растетъ множество березы, пихты (smereczyny) и сосенъ, но это мелкое дерево. Дубъ, необходимый для постройки кораблей, яхтъ, фрегатовъ, галеръ, буеровъ, шлюпокъ и гондолъ, привозятъ рѣкою частію изъ Москвы. Все это царь имѣетъ, такъ что можетъ обойтись безъ вывоза изъ чужихъ странъ, и если еще найдетъ минералы, для чего уже выписалъ въ нынѣшнемъ году изъ Саксоніи рудокоповъ, то справедливо можно его будетъ назвать: владыка земли и моря (Dominus terrae et maris).

За городомъ, по направленію къ монастырю, стоитъ надъ Невою дворецъ, въ которомъ его величество царь показывалъ намъ Кунсткамеру (Anatomija), которую купилъ гдѣ-то за Голландіею, у какого-то славнаго заморскаго доктора. Докторъ собиралъ эти рѣдкости въ продолженіе 50-ти лѣтъ, а когда у него царь купилъ это собраніе за 12,000 червонцевъ, то ему уже было 72 года. Такъ какъ у него былъ одинъ сынъ пьяница, который не умѣлъ цѣнить этихъ рѣдкостей, то онъ предпочелъ продать тому, который этимъ воспользуется и съумѣетъ сохранить. Дворецъ этотъ, изъ котораго далеко видно, расположенъ на красивой равнинѣ. Черезъ сѣни съ балкономъ входишь въ комнату, въ которой множество склянокъ, разставленныхъ по шкафамъ. Въ этихъ склянкахъ сохраняются головки маленькихъ дѣтей, отъ одного до двухъ лѣтъ, и такъ хорошо сохраняются въ спиртѣ, что кажутся живыми. Иная смотритъ живыми глазами, какъ-буд-

то ничто не разрушило ихъ зрѣнія, хотя она стоитъ уже нѣсколько лѣтъ. Съ иныхъ чуть не брызжетъ живая кровь; гдѣ отрѣзана голова, тамъ кажется—будто кожа съ тѣломъ вчера отрѣзана. Въ другихъ склянкахъ сохраняются руки и ноги, на которыхъ видны жилы черезъ кожу, какъ-будто живую. Въ слѣдующей комнатѣ склянки съ образцами развитія человѣческаго плода, отъ перваго зародыша до полной зрѣлости плода [1]). Есть здѣсь различныя чудовища (monstra) какъ человѣческія, такъ и животныя, и другія рѣдкости; также чучела разныхъ животныхъ—слоновъ, ящерицъ, рыбъ, и высушенныя рыбы съ удивительными ртами. Немало здѣсь морскаго тростника, также громадное количество слоновой кости, которую привезли изъ греческаго государства, гдѣ нѣкогда воевалъ Александръ Великій, который, щадя людей, подвергалъ опасности слоновъ, которыхъ тамъ немало погибло.

Въ трехъ другихъ комнатахъ устроена весьма красивая библіотека; въ ней находятся старыя книги, имѣющія полторы тысячи лѣтъ, какъ высчитали отцы іезуиты; болѣе всего греческихъ. Есть также много книгъ, напечатанныхъ на славянскомъ языкѣ; другія сочиненія относятся къ военному искусству и содержатъ описаніе новыхъ изобрѣтеній — какъ осаждать города, замки и крѣпости; много такихъ сочиненій царь приказалъ напечатать для молодыхъ людей. Кромѣ того здѣсь находятся нѣмецкія библіи и много книгъ латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и русскихъ на нѣсколько тысячъ.

Также много хранится въ склянкахъ образцовъ животныхъ. Немало птицъ разнаго рода и цвѣта: страусы, красные аисты, ястребы, индѣйскіе вороны, попугаи трехъ родовъ, и много другихъ птицъ, которыхъ не умѣли намъ назвать. Показывали намъ разныхъ птичекъ—бѣлыхъ, красныхъ, голубыхъ, желтыхъ, которыя имѣли такой красивый цвѣтъ, что самъ царь ихъ цѣловалъ. Между ними были птички маленькія, какъ сверчокъ; другія же имѣли хвосты длиною въ два локтя [2]), сама же птица какъ палка, а когда летитъ, то немного распускаетъ хвостъ; сама голубая, хвостъ черный, а клювъ бѣлый. Были также красныя съ бѣлыми хвостами;

---

[1]) Здѣсь польскій издатель «Описанія» сокращаетъ подробное описаніе кунсткамеры и передаетъ разсказъ своими словами.

[2]) Локоть—польская мѣра, равняющаяся двумъ футамъ. С. П.

пухъ у нихъ такъ же нѣженъ и густъ, какъ у кошки; эта птица летаетъ небыстро. Были тамъ странныя мыши съ собачьими мордами и бабочки удивительной породы, которыя какъ растянутся, то величиной съ тарелку; цвѣтъ ихъ голубой, а на крыльяхъ красныя, бѣлыя и черныя капли. Видѣли мы также саранчу, про которую разсказываютъ, что Іоаннъ Креститель ею питался въ пустынѣ. Показывали намъ янтарь и разсказывали, какъ онъ родится: есть деревья, изъ вѣтвей которыхъ, когда ихъ солнце нагрѣетъ, стекаетъ смола въ морскую воду, гдѣ дистиллируется; въ янтарѣ были заключены мухи, пауки и другія нечистоты (makuły); такъ какъ янтарь, при образованіи, уже не выпуститъ того, что захватилъ, и, такимъ образомъ, растетъ отъ взаимнодѣйствія (per cooperationem) солнца и соленой воды; имѣетъ то свойство, что прилипаетъ, когда его нагрѣть. Было тамъ изображеніе (effigies) дикаго человѣка, котораго нашли неживымъ, съ двумя лодками. На одной лодкѣ были рыбы, копье и колчанъ со стрѣлами изъ морскаго тростника; тростники были суковаты, а копье широкое желѣзное; гдѣ это ему сдѣлали? Лука не было—вѣроятно, выпалъ, или вѣтеръ вырвалъ. На другой лодкѣ сидѣлъ самъ дикарь, и умеръ сидя. Платье его изъ странной пестро-желтой шкуры, съ рогами изъ еще болѣе странной кожи. Самъ онъ былъ малаго роста. Невозможно описать все видѣнное, такъ какъ пиша о многомъ забылъ, особенно о морскихъ предметахъ, рыбныхъ чешуяхъ, ракахъ и т. п.

Держатъ здѣсь пятнадцати-лѣтняго мальчика, который съ лица и головы весьма похожъ на обезьяну; на рукахъ и ногахъ у него только по два одинаковыхъ пальца, но не такіе, какіе долженъ имѣть человѣкъ. Мальчикъ этотъ своими пальцами жалъ руку царю.

Кунсткамеру намѣрены перевести въ домъ, который строятъ на островѣ за большимъ замкомъ; въ нынѣшнемъ помѣщеніи уже тѣсно, такъ какъ постоянно что-нибудь прибываетъ.

Есть также большіе дворцы, называемые коллегіями: въ одномъ принимаютъ заграничныхъ пословъ, второй—это сенатъ, третій—для совѣщаній по иностраннымъ дѣламъ, четвертый—collegium iustitiae, пятый—военная судебная коллегія; также коллегія сельская (pospolite wiejskie). При каждой коллегіи находятся еще отдѣльныя канцеляріи.

За царскими дворцами есть зданіе, гдѣ останавливается почта; тамъ же есть зданіе для птицъ, гдѣ продаютъ тетеревовъ, рябчиковъ, бѣлыхъ глухарей, большихъ и малыхъ утокъ, чирковъ; о названіяхъ другихъ не доспросишься; есть также въ клѣткахъ щеглеики, дрозды пѣвчіе.

На одной равнинѣ, которую нарочно оставили среди города, стоитъ одно только зданіе, назначенное для упражненія молодыхъ людей. Въ первыхъ числахъ іюня, по русскому календарю, собралось тамъ мальчиковъ тысячъ семь; угощали ихъ водкою и пивомъ; потомъ они дрались тамъ на-кулачки; бьются они за государево здоровье; иногда кой-кого и убьютъ. Въ томъ же зданіи помѣщена пара львовъ, отдѣльно самецъ и отдѣльно самка; есть также пантеры, рысь, леопардъ, морскіе коты, бѣлыя и сѣрыя обезьяны; въ другомъ мѣстѣ—бѣлые и черные медвѣди и выдѣланная слоновая шкура.

Праздновали мы царское рожденіе; послѣ церковной службы царь пригласилъ гостей и пословъ въ садъ и угощалъ ихъ въ галлереѣ. На водѣ стоялъ фрегатъ, убранный сверху до самой воды флагами; на немъ было 26 пушекъ, изъ которыхъ дѣлались залпы, когда провозглашалось царское здравіе; играли на трубахъ и валторнахъ; въ замкѣ стрѣляли изъ пушекъ. Послѣ обѣда отправились мы въ Итальянскій садъ, гдѣ видѣли разныя украшенія (galanterye), фонтаны и клумбы (kwatery), между которыми стояли большія суда изъ фарфора. Давали здѣсь въ разныхъ мѣстахъ много вина, а именно: шампанское, бургундское и др. Наставили столовъ, гдѣ только было можно. Садъ этотъ разбитъ всего 5 лѣтъ тому назадъ, но всякій долженъ согласиться, что не найдетъ того, что здѣсь есть, у величайшаго барина (papa) и по прошествіи 20-ти лѣтъ. Были въ этомъ саду пруды, обложенные каменною стѣною, по которымъ плавали индѣйскіе гуси, морскія утки и множество птицъ; устроена тамъ и голубятня, въ которой помѣщается 16 породъ голубей,—есть надъ ними и присмотрщикъ. Есть здѣсь и бѣлый аистъ—аиста въ этихъ краяхъ не встрѣтишь,—нѣсколько журавлей, дикій кабанъ, большой ежъ, на которомъ иглы длиною въ четверть (локтя). Второй садъ засаженъ фруктовыми деревьями,—въ немъ только галлереи и шпалеры. Такъ мы гуляли въ саду до одиннадцати часовъ ночи, пока не зажгли фейерверкъ; сожигали различные огни,

стрѣляли изъ пушекъ и пускали ракеты до двухъ часовъ пополуночи. Было здѣсь двое мужчинъ изъ Франціи и женщина изъ Лифляндіи (Inflant); мужчина, вышиною 4 аршина, шириною два локтя, ходилъ въ полусапожкахъ (ciżmy). Его жена, превышавшая мужа на четверть, была одѣта въ платье изъ камки, на которое пошло 82 аршина.

14-го іюня (1720 г.) пригласили насъ въ адмиралтейство, гдѣ насъ ожидалъ царь. Пройдя мостъ на каналѣ и ворота, мы вошли черезъ сѣни въ громадное помѣщеніе, гдѣ строятся корабли. Осматривали мы нововыстроенный большой красивый корабль, который въ будущее воскресенье будутъ спускать; отправились мы въ кузницу, выстроенную въ углу. Въ этой кузницѣ было 15 горновъ, и при каждомъ работало 15 кузнецовъ съ мастеромъ. Пять человѣкъ дѣлали брусы (sztaby) для кораблей; кромѣ обыкновенныхъ кузнечныхъ мѣховъ были и такіе, въ которые дуютъ мѣдными и желѣзными трубами. Оттуда мы прошли черезъ другой каналъ къ большому трехъэтажному дому, выстроенному въ видѣ треугольника на прусскій манеръ. Царь ходилъ съ нами по разнымъ магазинамъ (schowanie), находящимся въ этомъ зданіи; мы осматривали всѣ корабельныя принадлежности:—были тамъ канаты навосчепые, насмоленые, намазанные разнымъ жиромъ; нѣкоторые были толщиною въ половину человѣка, и всего этого въ 15-ти избахъ было такъ много, что не собрать на 500 возовъ; гвозди для прибивки досокъ лежали по угламъ большими кучами, а также якоря, топоры (багры) съ длинными рукоятками для задерживанія корабля и придвиганія одного къ другому; далѣе топоры другаго рода для работы, лопаты, молоты, буравы, долота большія и малыя, нѣсколько тысячъ фонарей, изъ которыхъ нѣкоторые были такъ громадны, что въ нихъ покойно можно было сидѣть; кожи для тушенія вброшенныхъ бомбъ, юфть, бѣленыя и небѣленыя полотна, холстъ, приготовленный для парусовъ. Жиръ былъ собранъ въ большихъ чанахъ, бочкахъ и фудерахъ (kufa). Также полно было всего и въ другихъ кладовыхъ, въ которыхъ сложены охотничьи ружья (flinta), карабины, петарды (szturmak), пистолеты, штыки, кортики (kordelasy), шпаги, портупеи (pendent), лѣтнія и зимнія рукавицы, большая масса башмаковъ, сапогъ, туфель, безчисленное множество полотняныхъ и шерстяныхъ шароваръ для матросовъ. Нѣсколько па-

лъ завалены были большимъ количествомъ тяжелаго какъ олово дерева, привезеннаго изъ Остъ-Индіи. Царь говорилъ, что еслибы у бояръ (его) было столько дерева, то ему хватило бы его на два года. Это дерево употребляютъ для выдѣлки колесъ, вращающихъ канаты, такъ какъ канатъ вращается на этомъ деревѣ съ такою же легкостью какъ по металлу; если же употребляютъ для этихъ колесъ желѣзо, то оно должно быть закаленнымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно распадется какъ точильный камень. Кромѣ того, тамъ лежало нѣсколько сотъ оловянныхъ корабельныхъ подсвѣчниковъ, ведеръ, рогожъ (cyndwek) еще болѣе, множество рѣшетъ, ситъ для муки, мисокъ, изъ которыхъ одной достаточно для семи солдатъ; щипцовъ, сальныхъ и восковыхъ свѣчъ. Въ нѣсколькихъ избахъ сложены были въ сундукахъ и развѣшены по стѣнамъ корзины, желѣзо, желѣзныя кольца, разныя ядра въ громадныхъ чанахъ; чаны эти въ видѣ длинныхъ скамеекъ изъ листовой латуни, раздвоенные по бокамъ, съ придѣланными трубами, въ которыя опускается ядро, и уже само идетъ на корабль. Всѣ ядра взвѣшены, и на нихъ весьма аккуратно отмѣченъ вѣсъ, въ чемъ насъ убѣдили произведенные опыты. Двѣ другія комнаты были наполнены мѣдью, взятою у шведовъ, и царь сказалъ послу, что шведы къ нему пожаловали. Передъ этими зданіями стоятъ большіе ящики, въ которыхъ много зарядовъ, гранатъ, желѣзныхъ ядеръ; въ другихъ мѣстахъ масса разноцвѣтной матеріи для хоругвей, значковъ, корабельныхъ флаговъ и т. п. Краска была собрана въ большомъ количествѣ бочекъ, а именно: лазуревая, красная и разныя другія, которыя добываютъ здѣсь въ Ингріи. Въ третьемъ этажѣ было приготовлено на восемьдесятъ тысячъ рублей парусовъ. Не всякій этому повѣритъ, но мы видѣли это своими глазами. Затѣмъ мы отправились въ галлерею, находящуюся въ среднемъ этажѣ, гдѣ адмиралъ Апраксинъ,—а это было въ пятницу,—подчивалъ насъ одними корабельными блюдами, т. е. копченой говядиной, сосисками, окороками, языками, морскими рыбами, а также масломъ, сыромъ, селедками, вареньемъ (powidła), солеными устрицами, лимонами, сладкими апельсинами, сухарями, осетрами; было нѣсколько блюдъ раковъ, но мелкіе. Давали пиво и полпиво холодное, такъ какъ здѣсь всюду много льда; на башнѣ въ это время играла музыка.

Посидѣвъ немного, мы отправились въ коллегіи, гдѣ было много молодежи. Столы покрыты зеленымъ сукномъ; на стѣнахъ развѣшены зеркала, чертежи, гравюры. Преподаватель (magister) объяснялъ военное искусство: какъ стрѣлять на корабляхъ, какъ управлять парусомъ, когда вода въ волненіи, и другія этого же рода искусства. Нельзя было объ этомъ подробно распрашивать потому, что мы только проходили, я едва услыхалъ о томъ, что здѣсь дѣлаютъ. Отсюда мы сошли къ каналу, въ которомъ стояло нѣсколько судовъ съ насосами, которые вгоняютъ воду въ длинный кожаный рукавъ, длиною въ нѣсколько саженъ, и снабженный, на концѣ, металлическимъ шприцемъ (sikawka), изъ котораго вода брызжетъ въ сторону, въ какую его направятъ. Примѣненіе этихъ судовъ тушить огонь, если бы такой—Боже упаси—занялся. Въ одной комнатѣ находится библіотека, въ которой содержатся книги, относящіяся исключительно къ искусству мореплаванія. Здѣсь были большіе запасы разнаго рода бумаги—бѣлой, сѣрой, черной, и также бумага для чертежей. Нѣсколько комнатъ были заняты постелями, назначенными для кораблей; готоваго платья разнаго цвѣта было на 24,000 человѣкъ, а также платье для 4,000 матросовъ.

Затѣмъ мы пошли черезъ каналъ въ другое зданіе, которое было такъ же длинно, какъ и первое, но только въ одинъ этажъ; здѣсь живутъ одни ремесленники, которые выдѣлываютъ корабельныя снасти; котельники, напримѣръ, дѣлаютъ котлы, котелки, противни (brytfany), мѣдные котлы; я видѣлъ тамъ столь большіе мѣдные котлы, раздѣленные внутри жестью, что въ нихъ можно было варить вмѣстѣ клецки (kluski) и кашу для 200 человѣкъ, такъ какъ на корабляхъ кухни не очень просторны, и запасъ дровъ на морѣ также не великъ. Были тамъ также скульпторы, столяры, токари, жестянщики, стекольщики, которые дѣлаютъ фонари, слесаря, чертежники, бочары, которые дѣлаютъ бочки, ушаты (węborki), т. е. ведра и другіе сосуды, по мѣрѣ надобности; цирюльники приготовляютъ мази и пластыри для ранъ; было около восьмисотъ портныхъ, работающихъ надъ парусами; у нихъ иголки длиною въ четверть, которыя они подпихивали наперстками, чтобы онѣ скорѣе шли; нитки у нихъ для этого толстыя, навосченыя, какъ дратва. Искусство ихъ шитья состоитъ въ томъ, чтобы канатъ, который пришиваютъ, не былъ длиннѣе

паруса, а также парусъ—каната, такъ какъ вѣтеръ вывернулъ бы его и много попортилъ бы.

Во второмъ углу столько же кузницъ и кузнецовъ; эти зданія совершенно равны какъ по числу людей, такъ и по мѣсту, ими занимаемому. Было тамъ зданіе большое и широкое на сваяхъ, въ два этажа, покрытое досками со стропильными переводами (wiązany); здѣсь приготовляютъ модели кораблей и дѣлаютъ ихъ измѣренія (dymensya), и ни одного корабля не станутъ строить, пока модель въ этомъ залѣ не выйдетъ хорошо. Внизу между сваями дѣлаютъ шлюпки для кораблей, мажутъ и красятъ; здѣсь достаточное количество работниковъ. Такъ какъ это зданіе стоитъ у самой рѣки, то спускаютъ шлюпки на воду, какъ-только окончатъ. Вечеромъ, когда сталъ идти дождь, мы отправились въ комнаты, гдѣ много было вина и пива и гдѣ начальникъ (magister) кораблей Головкинъ (Головинъ?) насъ угощалъ. Онъ носитъ постоянно золотой циркуль, украшенный драгоцѣнными камнями,—въ знакъ своего достоинства. Но все это дѣлается для церемоній: въ сущности, не онъ, а только самъ царь знаетъ толкъ въ этомъ; онъ только изрѣдка бываетъ у работниковъ. Царь назначилъ его начальникомъ (magistrem), и на каждомъ пиру сажаютъ его рядомъ съ царемъ, пьютъ его здоровье и дѣлаютъ гравюры съ его именемъ. Подарилъ ихъ онъ и намъ, полякамъ, которые были вмѣстѣ съ посломъ. Въ это время царь привсталъ и, кланяясь, налилъ вино, ходилъ и раздавалъ намъ всѣмъ рюмки, исполняя свою обязанность, такъ какъ, если бы не сдѣлалъ этого, то долженъ былъ бы уплатить штрафъ, точно также, если бы не выѣхалъ на воду, когда выѣзжаетъ адмиралъ, о чемъ мы выше уже писали.

16-го іюня (1720 г.), спускали корабль, подъ названіемъ «Сибирскій Орелъ». За женою посла царица прислала весьма дорогую шлюпку (kuszlatkę), обитую какъ снаружи, такъ и внутри зеленымъ бархатомъ. На ней было 12 гребцовъ, тринадцатымъ былъ шкиперъ; одѣты они были въ черный бархатъ и въ такія же шапки, но когда они гребутъ, то снимаютъ это платье, несмотря ни на вѣтеръ, ни на морозъ. Такое здѣсь обыкновеніе. Послѣ спуска корабля, угощали на немъ многихъ гостей и пословъ; по здѣшнему обычаю, играла музыка, и стрѣляли изъ пушекъ.

20-го іюня, приказано намъ ѣхать въ Кронштадтъ. Выслу-

шавъ обѣдню, мы отправились на кораблѣ, который присланъ былъ за господиномъ посломъ; корабль этотъ былъ весьма красивъ и чрезвычайно дорогъ; дѣлали его въ Англіи для прусскаго короля, и, по словамъ прусскаго посла, стоилъ онъ 40,000 рублей. Прусскій король подарилъ его царю вмѣстѣ съ 22-мя трехфунтовыми пушками. Наверху корабля, гдѣ находился посолъ съ женою, была комната, украшенная рѣзною работою и вся вызолоченная. Большихъ венеціанскихъ (weneckich) оконъ было девять, ставни покрыты малиновою камкою съ шелковыми поясами (pasmami), потолокъ и стѣны были покрыты тоже малиновою камкою и позументами, богато вышитыми золотомъ. Зеркалъ было множество; мраморный каминъ; принадлежности къ камину изъ латуни: щипцы, раздувальный мѣхъ, лопатка, клещи и щетки; полъ покрытъ ковромъ; двойная кровать тоже покрыта камкою съ позументами; постель вся бѣлая съ шитьемъ.

Въ первой комнатѣ втораго этажа стояло восемь кроватей на широкихъ скамьяхъ, на которыхъ днемъ сидятъ, а ночью спятъ. Устройство то же, что въ первой комнатѣ, съ тою разницею, что здѣсь все было покрыто голубою камкою, а на стѣнахъ развѣшено столько зеркалъ, сколько можно было ихъ помѣстить. Тюфяки изъ голубой камки прячутъ на ночь и вмѣсто нихъ даютъ полу-шелковые, а также одѣяло и вальки. Во второй комнатѣ, въ этомъ этажѣ, четыре кровати, покрытыя камкою лимоннаго цвѣта, тюфяки, занавѣсъ и зеркала. Въ этихъ комнатахъ на полу лежали ковры, но мы приказали ихъ снять, боясь попортить ихъ подковками отъ каблуковъ. Третья комната—шкипера, съ четырьмя кроватями, покрытыми полушелкомъ; были тамъ зеркала, сундуки, ящики и т. п. Однимъ словомъ, все какъ у перваго сенатора. Были также на этомъ кораблѣ столы, стулья, шахматы, шашки и иныя развлеченія (zabawy). Была также и кухня съ погребомъ и необходимыми помѣщеніями (schowanie); на ней варили для насъ всѣхъ, а насъ было слишкомъ 100 человѣкъ. Складъ пороха и ядеръ находился въ цейхгаузѣ. Было помѣщеніе и для матросовъ. На днѣ этого корабля находится 1,375 пудовъ свинцу, а каждый пудъ содержитъ въ себѣ 42 фунта.

Плыли мы цѣлый день; небо было безоблачное и ясное, почти что не было вѣтру. Во время пути стрѣляли изъ пушекъ; во время маневровъ (przy lawirowaniu) раздавались звуки трубъ и музыки,

бывшей на корабляхъ, шедшихъ вмѣстѣ съ нами. Я насчиталъ около двухсотъ буеровъ (bujarów), яхтъ, шлюбокъ и гондолъ. Когда адмиралъ бросилъ якорь, данъ былъ пушечный сигналъ для остановки всего флота. Остановились мы на разстояніи двухъ миль отъ Кронштадта и ночевали на морѣ. На слѣдующее утро, въ восемь часовъ—день былъ вѣтренный и туманный—пріѣхалъ къ намъ царь, министры Головкинъ, Шафировъ и нѣкоторые офицеры, которые сожгли въ Швеціи окрестности Або, а также и кронштадтскій комендантъ. Однимъ подали водку; царь выпилъ рюмку вина съ летучимъ масломъ (z olejkiem elixae proprietatis). Подали также окорока, языки и масло; выпивъ по нѣсколько стакановъ вина, мы пошли къ мѣсту, гдѣ построены были на сваяхъ двѣ широкія плотины (szluzy) изъ крѣпкаго дерева и желѣза. Множество было тамъ пушекъ; онѣ отстояли одна отъ другой почти на одну сажень. За плотинами стояли фрегаты, галеры, гальоты (galeony) и еще девять большихъ военныхъ кораблей; неподалеку отъ этого мѣста стояло еще семь красивыхъ большихъ военныхъ кораблей, на которыхъ было множество пушекъ. Проѣхавъ это мѣсто, мы направились далѣе и, наконецъ, остановились у острова Котлина, въ мѣстѣ, защищенномъ сваями и плотинами. Весь флотъ вошелъ туда же, но это мѣсто столь большое, что и три такіе флота могли бы тамъ помѣститься. Плотины, по направленію къ Балтійскому морю, густо обставлены пушками и габіонами (koszami). Царь, взявъ на свою шлюбку посла и его секретаря, отправился къ мѣсту, гдѣ выстроенъ Кронштадтъ. Поутру мы съ приставленными къ намъ офицерами отправились къ дому, въ которомъ живетъ комендантъ, а оттуда по плотинамъ вокругъ Кронштадта. Кронштадтъ построенъ на сваяхъ и камняхъ въ видѣ круга. Первый этажъ (piętro) снизу каменный, второй на прусскій манеръ, а третій деревянный. Пушекъ здѣсь много, и поставлены онѣ на такомъ мѣстѣ, что кораблю нельзя ихъ миновать, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ море слишкомъ мелко. Проѣздъ этотъ для большей безопасности иногда запираютъ цѣпями. Намъ было дано помѣщеніе на островѣ Котлинѣ, во дворцѣ князя Меншикова (Męźyka). Дворецъ этотъ громаденъ, въ три этажа, стоитъ на красивомъ проспектѣ. Комнаты обиты обоями; множество здѣсь зеркалъ и другихъ украшеній, какъ у князя; всѣ мы расположились въ этомъ

дворцѣ, а въ залѣ служились божественныя литургіи (msze święte). Въ субботу пригласили насъ въ каменный домъ, выстроенный нарочно для царя. Царь въ немъ живетъ, когда пріѣзжаетъ осматривать флотъ, такъ какъ ему не хочется ѣхать на островъ Котлинъ. Послѣ угощенія каждый изъ насъ еще въ тотъ же день вернулся на шлюбкѣ въ свою квартиру. На слѣдующій день, въ воскресенье, пригласили всѣхъ гостей, пріѣхавшихъ на этомъ флотѣ, къ адмиралу Апраксину, который угощалъ на своемъ кораблѣ всѣхъ пословъ, министровъ и гостей. Корабль этотъ военный, большой и широкій, снабженный 100 пушками, назывался «Анготъ». Нѣсколько часовъ спустя, вице-адмиралъ, т. е. самъ царь, пригласилъ всѣхъ на свой корабль къ ужину. Послѣ каждаго тоста производился залпъ изъ пушекъ; прежде всего подали вино, а у вице-адмирала надо было много пить. При этомъ стрѣляли заразъ изъ 30-ти пушекъ, такъ что даже корабль порядочно наклонился; ядро изъ одной пушки случайно разбило одну шлюбку; людей, къ счастью, спасли. Затѣмъ вице-адмиралъ представлялъ свой корабль, который называется «Лѣсной» (Leśnia); показывали намъ цейхгаузъ, входя куда, мы должны были снимать сапоги, чтобы не произвести огня подковками отъ каблуковъ; здѣсь было много пороху, пуль, бомбъ и каркасовъ (karkasów). На слѣдующій день, въ Ивановъ день, мы ходили съ царемъ на островѣ Котлинѣ по каналу, который рыли 4,000 нанятыхъ людей; каждому изъ нихъ платили за кубическую сажень по пяти рублей. Большихъ камней тамъ много, и, чтобы легче добыть ихъ, разбиваютъ кирками и желѣзными клинами, или разрываютъ порохомъ; кромѣ камней въ этомъ каналѣ немало хорошей глины, которую употребляютъ на выдѣлку кирпича и черепицы, и такимъ образомъ скоро строятъ каменныя дома. Послѣ божественной литургіи флотъ тронулся, и мы за нимъ отправились въ Ораніенбаумъ (do Ranimbowa), лежащій у моря, въ 4-хъ миляхъ отъ Кронштадта. Это дворецъ князя Меншикова (Mężyka). Въ дорогѣ мы обѣдали на кораблѣ, а причаливъ къ берегу, ожидали до пяти часовъ приказа; тогда пріѣхалъ отъ царя генералъ-адъютантъ Преображенскаго полка, Румянцевъ, съ донесеніемъ, что царь пришлетъ шлюбки, а если угодно прогуляться, то можно ѣхать во дворецъ сушею. Такимъ образомъ посолъ съ супругою и нами отправился. Остановились мы

у мосту, гдѣ насъ ожидали кареты; сѣвъ, мы подъѣхали къ Итальянскому саду, расположенному у самаго дворца; выйдя изъ кареты мы гуляли по саду. Этотъ садъ украшаютъ три фонтана, 46 различныхъ статуй, а также клумбы и галлереи. Вышли министры и развлекали посла; съ его женою бесѣдовала княгиня Любецкая, жена валашскаго господаря; насъ же пригласилъ къ себѣ гофмаршалъ (marszałek) князя и угощалъ холоднымъ виномъ, прямо со льда, и полупивомъ. Красивый это дворецъ; еще строятъ флигеля; по угламъ его церкви; здѣсь есть бани и пруды; воду въ нихъ доставляетъ рѣка, протекающая у замка. Въ этой рѣкѣ множество рыбы, особенно осетровъ, семги и форелей; все, что тогда поймали, отдали послу.

Изъ Ораніенбаума отправились мы въ Петергофъ, куда считаютъ двѣ мили. Прибыли туда въ 11 часовъ. Царь сѣлъ на нашъ корабль и провелъ насъ съ моря на кораблѣ по каналу, обложенному камнемъ и обсаженному деревьями до самаго дворца, построеннаго на горѣ. Когда мы высадились, насъ ввели во дворецъ, гдѣ были накрыты столы и играла музыка. Кушанья были отличныя и вина старыя.

Послѣ обѣда, вечеромъ, насъ пригласили въ другой дворецъ, построенный у самаго моря, который называется Монплезиръ. Царь ѣхалъ съ посломъ въ экипажѣ, выплетенномъ изъ морскаго тростника, и съ ними всѣ, кто могъ, прицѣпились. Экипажъ былъ запряженъ въ одну лошадь; вмѣсто колесъ были подложены катушки (wałki). Царица ѣхала съ женою посла и дамами по проспектамъ и тремъ садамъ до самаго дворца, гдѣ тоже были накрыты столы. Пили мы много до 10-ти часовъ ночи, послѣ чего царь отправился спать во дворецъ, а мы на корабль. На утро царь прислалъ, приглашая ѣхать въ Стрѣльну (Sterlimuza) и предлагая свои кареты, еслибы мы пожелали ѣхать сушею. Посолъ съ нами отправился сушею, а его жена поѣхала моремъ, такъ какъ и шлюбка была готова. Ѣхали мы по берегу моря, по горамъ до Стрѣльны, куда прибыли въ 10 часовъ къ обѣду. Отобѣдавъ, мы отправились къ мѣсту, гдѣ рѣку вводятъ въ другое русло, а послѣ пошли туда, гдѣ закладываютъ весьма большой дворецъ. Первый камень положилъ царь, второй посолъ, и мы, бывшіе тамъ, тоже положили камни. Царь провозгласилъ тостъ за скорое окончаніе постройки. По окончаніи церемоніи подали намъ 32

верховыхъ лошадей, убранныхъ въ разныя китайскія, прусскія и шведскія сѣдла и другаго рода сбрую, и мы поѣхали въ садъ Версаль, который довольно великъ и простирается до морскаго берега. Тутъ нѣсколько каналовъ, впадающихъ въ море, есть галлереи (ganki), аллеи, высаженныя липами, много фонтановъ, лабиринты и много красивыхъ предметовъ. У самаго берега оставлена сосновая роща для звѣрей, обведенная каналомъ. Тамъ было что̀ видѣть, и, пока мы объѣхали верхомъ, прошло нѣсколько часовъ. Изъ сада повелъ насъ губернаторъ въ лѣсъ, и тамъ на круглую площадку, отъ которой идутъ 12 просѣкъ въ разныя стороны. Царь намъ разсказывалъ, что одна просѣка тянется на 140 верстъ. Въ каждой просѣкѣ мы должны были выпить по рюмкѣ вина и стакану пива. Было этого вдоволь, такъ какъ за нами возили цѣлый погребъ. Оттуда мы проѣхали около полуторы польской мили къ другой круглой площадкѣ, гдѣ были три просѣки, уже нестоль длинныя. Отсюда мы направились къ другому саду, который теперь закладываютъ, а затѣмъ обратно въ Стрѣльну, гдѣ, выпивъ по рюмкѣ водки, простились съ царемъ. Царь отправился ночевать въ Петергофъ, мы же на море, на корабль.

Изъ Стрѣльны въ Петербургъ 4 мили. Выѣхали мы въ 4 часа утра обратно въ Петербургъ. Сначала былъ попутный вѣтеръ, но, когда мы вошли въ рѣку, вѣтеръ утихъ, такъ что мы едва тронулись съ мѣста. Когда мы пріѣхали къ адмиралтейству, съ нашего корабля выстрѣлили 9 разъ, а съ адмиралтейства намъ отвѣчали. Проходя мимо замка, мы выстрѣлили 15 разъ, а съ замка—31. Такимъ образомъ едва въ 10 часовъ ночи прибыли мы во дворецъ, а барка (galcon), на которой были наши вещи, едва прибыла на слѣдующій день въ 8 часовъ. Посолъ велѣлъ угостить шкипера (szyper); его казначей далъ шкиперу 10 червонцевъ, а матросамъ по три; шкиперу на баркѣ (galconie) пять червонцевъ, а матросамъ по одному; конюхамъ царскихъ лошадей, которыхъ у насъ было 32, далъ по три червонца [1]).

---

[1]) Непосредственно послѣ этого слѣдуетъ статья подъ заглавіемъ: «Царскій укоръ союзнымъ войскамъ, или сказка о журавлѣ». Издатель, не находя связи этого разсказа съ предъидущимъ, выпустилъ его. Кажется, нельзя не пожалѣть этого, принявъ во вниманіе цѣль посольства.

С. П.

Дня 26-го іюня (1720 г). Шведскаго посланника отправили изъ Петергофа. Дали ему 300 червонцевъ и три пары соболей. Царь возилъ шведа съ собою по морю и сушѣ, показывая свои крѣпости, построенныя на морѣ и у береговъ, а также флотъ, стоящій у Кронштадта. Показавъ все это, царь сказалъ:

«Твой государь—бѣднякъ (chudy pachołek), и напрасно оплачиваетъ шпіоновъ. Ты самъ видишь, что у меня есть. Моимъ посламъ, пріѣзжающимъ къ вамъ, завязываете глаза въ своихъ крѣпостяхъ, я же открыто показываю, что у меня, и не стыжусь ни моихъ крѣпостей, ни флота».

Кто не привыкъ къ морскому путешествію, особенно во время волненій на морѣ, тотъ не высидитъ внизу—развѣ на верху, на палубѣ. Многіе изъ насъ болѣли; мы лечились водкою и табакомъ. Послу царь прислалъ лекарство отъ морской заразы (zarazy). Воду невозможно пить, такъ какъ она сильно смердитъ, густа и желтовата. Гохландъ (Ochlant) лучше видѣть изъ Ораніенбаума, чѣмъ изъ Кронштадта, хотя до этого острова 16 миль. Корабли тамъ запасаются водою, выходя въ море, такъ какъ она здорова и хороша. На этомъ островѣ царь подарилъ своему дворянину Зборинскому (Zborzyński) 20 мужиковъ, которые за подать даютъ ему рыбу, сельди и кожи изъ тюленей.

Царь имѣетъ двадцать два милліона рублей дохода, изъ которыхъ платитъ войску, флоту и ремесленникамъ. Экстраординарныхъ доходовъ имѣетъ столько, сколько хочетъ и можетъ у кого взять. Провизъ (?) въ Петербургѣ составляетъ ежемѣсячно 9,000 рублей [1]).

Дня 6-го іюля. Померъ князь Долгорукій, имѣя 64 года; это родной братъ посла, который уже нѣсколько лѣтъ пребываетъ въ Польшѣ. Шестаго числа пригласили посла на похороны, вслѣдствіе чего въ 4 часа вечера мы отправились въ квартиру покойнаго. Двѣ комнаты были обиты флеромъ; художникъ снималъ съ покойнаго портретъ (malarz, który go kontrfektował); немало было митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ и разнаго другаго высшаго духовенства. Посолъ выразилъ соболѣзнованіе

---

[1]) Затѣмъ въ рукописи помѣщено описаніе Чернаго моря, но оно написано такъ неясно, что издатель вынужденъ былъ его оставить.

С. П.

архіерею Яворскому. Покойникъ лежалъ въ гробу, обитомъ малиновымъ бархатомъ, съ золотыми позументами. Саванъ былъ подвязанъ у шеи лентою; въ изголовьи выстлано какъ слѣдуетъ, тюфякъ покрытъ золотомъ наподобіе одѣяла. Около гроба стояло болѣе 12-ти офицеровъ, въ черныхъ плащахъ и траурномъ платьѣ, перепоясанные bowełnicami; свѣчъ въ зеркалахъ было 15, у гроба 8 въ подсвѣчникахъ, обтянутыхъ флеромъ. У гроба на длинной палкѣ (toporzysko) держали портретъ покойнаго и его гербы, завернутые во флеръ. Четыре гофмаршала (marszałek), съ траурными жезлами, вводили пріѣзжающихъ. Но царя мы ждали три часа; наконецъ онъ пріѣхалъ; подойдя, осматривалъ со свѣчею покойника, —здѣсь такой обычай, что друзья и кто хочетъ—осматриваютъ покойника. Затѣмъ сняли покрывало и закрыли гробъ, прибивъ къ бархату жестяную доску съ гербомъ.

Намъ, полякамъ, пристегивали къ шапкамъ bowełnice и каждому давали бѣлыя перчатки. Кто былъ одѣтъ въ трауръ, того благодарили, что былъ socius doloris. Посолъ и нѣкоторые изъ нашихъ были въ траурѣ.

Затѣмъ, послѣ обычныхъ отпѣваній, духовенство направилось съ гробомъ, по старшинству—на концѣ уже младшіе; не такъ, какъ у насъ, что епископъ идетъ послѣ всѣхъ.

Одинъ взялъ святую икону, чтобы отдать ее въ монастырь—такой здѣсь обычай послѣ каждаго покойника. Проводя покойника, все шествіе направилось къ морю. Ставъ у неукрѣпленнаго берега, толпа стала сходить по лѣстницѣ къ морю. Вдругъ лѣстница сломалась, и человѣкъ 30 упало въ воду съ высоты 116 (!?) аршинъ—упалъ адмиралъ Апраксинъ, адмиралъ Невскій (?), вице-канцлеръ Баторовъ (?), много офицеровъ и дамъ. Всѣхъ, однако, спасли, никто не потонулъ. Царь, оставивъ царицу, поѣхалъ въ монастырь; духовенство и друзья покойнаго пошли за покойникомъ; мы же вернулись во дворецъ, такъ какъ уже было около 8-ми часовъ. Погребальный кортежъ вернулся послѣ полуночи; сѣли кушать; подавали золотыя кольца и серебреныя ложки по тамошнему обычаю.

Дня 8-го іюля (нов. стиля, 28-го іюня ст. стиля) праздновали воспоминаніе полтавской побѣды. Въ церкви св. Трои-

цы, сначала царь молился со всѣми министрами, генералами и офицерами, а послѣ архіерей Яворскій сказалъ проповѣдь, на которой были и мы. Архіерей изложилъ, какъ царь искалъ мира съ королемъ шведскимъ чрезъ посредство польскаго короля, Англіи и Голландіи, и даже прямо чрезъ шведскихъ министровъ Пипера и Штенбека (Sztombok). «Но эта вздутая гидра не хотѣла предпринимать средствъ къ миру. Св. Іоаннъ пишетъ, что во снѣ видѣлъ змѣя (smoka) съ семью головами, который хотѣлъ сбросить своимъ хвостомъ сіяющія на небѣ звѣзды. Таято (tajato) бестія, этотъ-то хоботъ (chobot), который хотѣлъ похлонити[1]) россійское государство, сдушилъ Польшу, Жмудь, Литву и Саксонію, разрушилъ хорошіе города—Варшаву, Краковъ, Львовъ, Вильно, Торунь (Торнъ), однимъ словомъ—всѣ народы. Со своимъ ядомъ также нашелъ и на наше государство, расширилъ свое могущество, но великій государь скоро унялъ его гордость и выгналъ этотъ хоботъ со своихъ странъ и войско его взялъ въ неволю, и онъ, хотѣвшій овладѣть нашимъ россійскимъ государствомъ, потерялъ свое,—удавился своею жадностью, и, наконецъ, смерть задавила его. Когда (Коу) онъ взялъ великіе народы—Инфлянты (Лифляндію), Финляндію, Ингрію, Эстонію, Наталію (?), то потерялъ Ригу, Нермель (?), Ревель, Нарву, Ивангородъ, Ямбургъ, Копорье, Шлиссельбургъ, Розенбургъ, Ладогу. Удавился ты своею жадностью, наконецъ, удавила тебя смерть. Не намъ, Господи, не намъ, а Твоему имени да будетъ честь и слава».

Царь, поблагодаривъ архіерея за слово и поцѣловавъ его руку, отправился къ своимъ полкамъ, которые неподалеку отъ церкви стояли на большой равнинѣ. Передъ ними офицеры, по обыкновенію (wedle trybu) на коняхъ. Царь самъ командовалъ Преображенскимъ полкомъ, котораго состоитъ полковникомъ. Духовенство, выйдя изъ церкви съ крестнымъ ходомъ (processionaliter), отправилось въ палатку, гдѣ прежде пѣли евангелія и послѣ «Тебе Бога Хвалимъ» (Te Deum laudamus). Затѣмъ полки поочередно салютовали изъ ружей; послѣ стрѣляли

---

[1]) Авторъ дневника иногда приводитъ русскія выраженія, которыя мы оставляемъ въ той формѣ, въ какой находятся въ оригиналѣ.

С. П.

изъ пушекъ, которыя стояли среди полковъ, также производили залпы изъ замка. Галеры, на которыхъ эти полки пріѣхали, были убраны въ различные флаги. Былъ фрегатъ, похожій на бывшій въ день царскаго рожденія; на немъ развѣвались флаги.

Послѣ этого торжества поѣхали мы на угощеніе на галеру, и галеры поплыли къ Итальянскому саду; когда провозглашали тосты, то по обыкновенію палили изъ пушекъ. Пошли мы въ садъ, кто хотѣлъ—тотъ пилъ, а кто хотѣлъ—гулялъ. Затѣмъ царица съ дамами сѣла за ужинъ, на которомъ подавали только варенье и водку. Пила царица—и всѣ пили за послушаніе (pili za powinność), всѣ дамы вмѣстѣ съ супругою посла должны были пить. По всему саду носили ушатами водку и каждому давали пить изъ деревяннаго солдатскаго кубка. Когда посолъ, гуляя, въ сумеркахъ повстрѣчался съ царемъ, тотъ его повелъ опять къ ушату пить водку, но гренадеръ сказалъ: «кушалъ господинъ посолъ» [1]); поэтому царь пропилъ (?) къ послу рюмкою водки. Затѣмъ начался фейерверкъ на томъ же мѣстѣ, что и прежде; на фрегатѣ, на которомъ были флаги, всѣ мачты были украшены плошками, которыя горѣли до окончанія фейерверка. Былъ и транспарантъ съ надписью: безъ Божьей воли ничего не будетъ. Пускали ракеты изъ мортиръ, но теперь красивѣе чѣмъ прежде. Около часу по-полуночи всѣ возвратились домой, а царь, взявъ царицу, повелъ ее черезъ садъ въ другой дворецъ.

Дня 10-го іюля [2]). Наканунѣ царскихъ именинъ насъ пригласили явиться съ посломъ на слѣдующій день въ 11 часовъ. Посолъ отправилъ свой оркестръ къ капуцинамъ, недавно выписаннымъ изъ Италіи для миссіи вмѣстѣ съ двумя поляками реформатами [3]), и то на то мѣсто, гдѣ прежде были іезуиты. Такъ какъ было нѣсколько священниковъ и одинъ алтарь, то іезуиты отслужили обѣдню у посла. Затѣмъ отправились кареты сушею, а мы съ посломъ на баркѣ къ капуцинамъ, такъ какъ царь находился еще въ церкви св. Троицы. Тамъ мы ожидали, пока не былъ данъ пушечный сигналъ. Когда мы ѣхали во дво-

---

[1]) Слова оригинала.

[2]) Т. е. 30-го іюня ст. стиля.

[3]) Католическій монашескій орденъ реформатовъ. С. П.

рецъ, стрѣляли на галерахъ. Полки Преображенскій и Семеновскій, выстроенные въ карѐ передъ садомъ, стрѣляли подобно тому, какъ во время празднованія Полтавской побѣды. Посолъ поздравлялъ царя; потомъ сѣли за столъ. Во время тостовъ производились залпы изъ пушекъ. Въ три часа вышли мы въ Италіанскій садъ. Наши столы были заставлены виномъ, пивомъ, водкою и табакомъ; кто хотѣлъ—гулялъ, кто хотѣлъ—пилъ. Царь повелъ посла въ свой дворецъ, весьма красиво убранный различными китайскими обоями. Въ трехъ комнатахъ были бархатныя кровати, украшенныя позументами соотвѣтственно убранству комнаты. Множество зеркалъ и украшеній; полъ мраморный. У комнатъ кухня, стѣны которой покрыты фартуками, какъ комнаты въ иныхъ дворцахъ. Были въ ней насосы, шкафы для серебра и олова (супу). Одна комната на противоположной сторонѣ была наполнена токарными и слесарными инструментами—валами, тисками большими и малыми. Тамъ можно было найти всѣ инструменты, необходимые для самыхъ лучшихъ ремеслъ. Тогда какой-то мальчикъ дѣлалъ табакерку изъ слоновой кости. Показывалъ царь въ церкви люстру на девять свѣчъ изъ слоновой кости, висящую у великаго алтаря, которую царь сдѣлалъ своею рукою. Всякій долженъ былъ признать достоинство работы не только люстры, но также кораблей и судовъ новаго устройства; удивляются даже и тѣ, которые хорошо свѣдущи въ этомъ. Этотъ властелинъ умѣетъ приказать каждому ремесленнику, а это самое важное достоинство строителя. Въ этомъ монархѣ все заключается. Когда мы послѣ ходили по саду, то съ посломъ повстрѣчались люди, разносившіе водку ушатами; пришлось волей-неволей выпить, а вмѣстѣ съ нимъ и намъ. Множество тамъ было людей въ этотъ день царскаго ангела, такъ какъ всякій могъ придти, пить и гулять. Въ иныхъ мѣстахъ простыхъ людей не впускали. Такимъ образомъ мы забавлялись до 11 часовъ ночи, а хотя это позднее время и обыкновенно самое темное, но тамъ такъ еще было свѣтло, что можно было читать и писать. Послѣ 11-ти начался фейерверкъ, сначала на водѣ, гдѣ на рѣчномъ суднѣ поставленъ былъ транспарантъ съ русскою надписью: «хотя въ меня со всѣхъ сторонъ бьютъ, однако я возвышаюсь», по-бокамъ горѣли раковыя (rakowe) фигуры, пока не выгорѣли. Затѣмъ пускали ракеты:

однѣ стрѣляли въ воздухѣ, изъ иныхъ вылетали звѣзды, иныя же, падая въ воду, загорались съ великимъ трескомъ и шумомъ. Огни эти продолжались до часу ночи. Къ царицѣ подошли два кавалера съ однимъ юношею—съ прошеніемъ. Царица передала его секретарю и обѣщала все сдѣлать. Въ этотъ день царь велѣлъ выпустить изъ тюрьмы многихъ преступниковъ, многимъ офицерамъ далъ высшія почести. Поднесли царю въ этотъ день шесть молодыхъ дикихъ утокъ и двухъ гусей, которыхъ царь собственноручно пустилъ на воду.

Дня 14-го іюля. На слѣдующій день дали знать послу, что аудіенція и прощаніе назначены на слѣдующее воскресенье. Пришелъ также господинъ Бялошицкій, секретарь большой канцеляріи [1]), чтобы узнать, что̀ посолъ будетъ говорить во время аудіенціи: дали ему это на бумагѣ. Въ воскресенье, въ одиннадцать часовъ за посломъ пріѣхали на двухъ баркахъ два офицера: бригадиръ-маіоръ (brygadyer-major) Мамоновъ (Mamunow) съ капитанъ-поручикомъ Преображенскаго полка. Барка для посла была обита зеленымъ бархатомъ съ шитьемъ; барка для посольской свиты была такъ велика, что могла бы вмѣстить и 100 человѣкъ; гребцовъ было 24. Такъ отправился посолъ съ бригадиръ-маіоромъ, а нашъ секретарь самъ держалъ въ рукѣ царскую грамату. У сената стояли хоръ гренадеровъ и четыре хора Преображенскаго полка. На мосту встрѣтили посла секретари, а чѣмъ было ближе къ сенату, тѣмъ знатнѣе сановники выходили на-встрѣчу, и ввели посла въ сенатъ. Царя мы нашли сидящимъ на тронѣ подъ балдахиномъ изъ малиноваго бархата съ дорогимъ шитьемъ. Кресло тоже съ шитьемъ: орелъ и св. Петръ съ ключемъ. Царь всталъ и стоялъ, а посолъ прощался; врученную экспедицію опечатали. Ничего не отвѣтили, только вицеканцлеръ пригласилъ поцѣловать руку царя. Такимъ образомъ посолъ, затѣмъ секретари и всѣ цѣловали его руку. При этомъ соблюдается тотъ обычай—идя цѣловать, слѣдуетъ поклониться три раза, поцѣловавъ—также три раза и столько же—отходя.

---

[1]) Посолъ въ своемъ рапортѣ называетъ его Mr. Białoszycki—sécretaire pour les affaires de Pologne (Podoski. Teka. T. VI, p. 493). У Тейнера: Białoszycki secretario di S. M. Czariano. Mon. p. 523. С. П.

По прощаніи министры провожали посла до лѣстницы, другіе до самой барки. Во время выхода стрѣляли изъ пушекъ въ замкѣ, а такъ какъ замокъ вдали отъ сената, то для сигнала пускали ракеты. Сѣли въ барку также бригадиръ Мамоновъ (Mamunow) и другой офицеръ, и проводили посла до его дворца, гдѣ остались обѣдать. Потчивали ихъ пятилѣтнимъ венгерскимъ, провозгласили тосты за царя россійскаго государства, сенаторовъ, министровъ, добрый миръ и дружбу съ Рѣчью Посполитою.

Дня 20-го іюля. Была свадьба г. Румянцева, царскаго генералъ-адъютанта, бригадиръ-маіора Преображенскаго полка, съ дочерью министра и члена collegii iustitiae, Матвѣева (въ подлинникѣ ошибочно: Mamunow). Здѣсь обычай, что хотя у молодыхъ и есть родители, но они выбираютъ себѣ другихъ. На этотъ разъ отцомъ былъ царь, а царица матерью; вѣнчалъ царскій духовникъ. Угощеніе было въ верхнихъ залахъ почтоваго двора. Гдѣ сидѣлъ царь съ молодымъ, устроенъ былъ изъ малиноваго бархата балдахинъ, также и тамъ, гдѣ царица съ молодою, такъ какъ сидѣли они отдѣльно.

Послѣ обѣда всѣ пошли въ другую залу танцовать; впереди первый маршалъ, а было ихъ 12, и молодой долженъ былъ ихъ угощать (kontentować). Танцовали исключительно по-польски, такъ какъ французскіе танцы рѣдко употребительны. Начали танцы: царица съ царскимъ кавалеромъ, затѣмъ царь съ царицею. Маршалъ приказалъ подъ страхомъ штрафа, чтобы заразъ не танцовали болѣе трехъ паръ—и это соблюдалось.

Вечеромъ подали кареты и разные экипажи, въ которыхъ молодые должны были отправиться въ квартиру жениха, и тамъ предполагали кончать пить. Посолъ простился съ царемъ и уѣхалъ съ нами домой.

Дня 21-го іюля (1720 г.) назначена была аудіенція у царицы. Въ пять часовъ мы были въ лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ насъ въ первыхъ комнатахъ встрѣчали маршалы царицы, которая уже ожидала посла. Канцлеръ Головкинъ пригласилъ насъ поцѣловать руку, что сдѣлалъ посолъ, его жена и нѣкоторые изъ насъ. Послѣ этой церемоніи, посла вывели маршалы, а его жену двѣ дамы, разговаривавшія по-французски. Отсюда посла повезли на свадьбу. Жениха и невѣсту мы нашли за столомъ. Царица сидѣла выше,

а царь ниже; затѣмъ всѣ пошли въ другую залу на танцы. Зажгли тамъ по восьми свѣчъ въ окнѣ, а оконъ было восемь. Здѣсь такой обычай, что во время царскихъ праздниковъ—именинъ, свадьбы и т. п.—всѣ обязаны во всѣхъ дворцахъ и домахъ зажечь свѣчи, а передъ дворцами фонари; должно быть вездѣ свѣтло. Въ часъ ночи всѣ разъѣхались, каждый къ себѣ.

20-го сентября 1720 года,
въ 9 часовъ по-полудни.

ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ АНТОНОВИЧЪ

1740—1764 [1]).

III.

Мѣсто заточенія Іоанна Антоновича.—Заговоры въ его пользу.—Его убіеніе.—Рапорты Бередникова, Власьева и Чекина.—Письма Н. И. Панина, Г. Н. Теплова, И. И. Неплюева и Екатерины II.

Брауншвейгская фамилія прибыла въ Холмогоры 9-го ноября 1744 года. Въ силу высочайшей инструкціи, данной барону Н. А. Корфу, царственный узникъ былъ отдѣленъ отъ родителей и жилъ подъ неусыпнымъ надзоромъ, въ особомъ помѣщеніи, въ холмогорскомъ острогѣ. О времени перевоза его въ Шлиссельбургъ доныне нѣтъ точныхъ свѣдѣній. По словамъ Миниха, это произошло въ 1746 году, послѣ смерти Анны Леопольдовны; къ этому онъ прибавляетъ, будто Елисавета видѣла Іоанна въ Петербургѣ, въ домѣ графа Воронцова. Бантышъ-Каменскій относитъ это событіе къ 1756 году и мѣстомъ свиданія императрицы съ узникомъ называетъ домъ Ивана Ивановича Шувалова. О посѣщеніи Іоанна Антоновича Петромъ III, въ мартѣ 1762 года, свидѣтельствуетъ Сальдернъ [2]); но этотъ-же историкъ, передавая, Богъ-вѣсть изъ какихъ источниковъ зачерпнутый, разговоръ императора съ арестантомъ, изображаетъ послѣдняго человѣкомъ, пользовавшимся вполнѣ развитыми умственными способностями,—чему положительно нельзя вѣрить. Посѣщеніе императора имѣло для узника тѣ благія послѣдствія, что надзоръ за нимъ былъ ослабленъ, и содержаніе его было значительно улучшено. Сохранилось довольно вѣроятное преданіе, будто Петръ III имѣлъ намѣреніе и вовсе освободить Іоанна Антоновича: Екатерина II, по восшествіи своемъ на

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 497—508.

[2]) Saldern. Histoire de la vie de Pierre III. Metz, 1802, p. 62.

престолъ, признала необходимымъ, по отношенію къ Іоанну Антоновичу, возобновить о немъ прежнія распоряженія Елисаветы: запретила выводить его изъ каземата, говорить съ окружающими, читать, писать и вообще заниматься чѣмъ бы то ни было, что только служитъ къ развитію умственныхъ способностей. Караульнымъ офицерамъ дана была инструкція, въ которой, между прочимъ, постановлено было умертвить арестанта при малѣйшей попыткѣ его къ освобожденію [1]). Это безжалостное распоряженіе было слѣдствіемъ обнаруженнаго, въ сентябрѣ 1762 года, заговора въ пользу шлиссельбургскаго узника. Первоначально Екатерина II располагала значительно облегчить участь Іоанна Антоновича, сравнительно съ прежнимъ его положеніемъ. Намѣренія свои она выразила графу Н. И. Панину, въ слѣдующемъ письмѣ [2]):

«Мое мнѣніе есть, чтобъ.... изъ рукъ не выпускать, дабы всегда въ охраненіи отъ зла остался; только постричь нынѣ и перемѣнить жилище въ не весьма близкой и въ не весьма отдаленной монастырь, особливо въ такой, гдѣ богомолья нѣтъ, и тутъ содержать подъ такимъ присмотромъ, какъ и нынѣ еще справиться можно, нѣтъ ли посреди Муромскихъ лѣсовъ, въ Колѣ, или въ Новгородской епархіи такихъ мѣстъ».

По словамъ Бюшинга (IV, 532), въ годъ восшествія на престолъ Екатерины II, несчастный Іоаннъ былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ изъ Кексгольма, гдѣ находился по повелѣнію Петра III, и въ это именно время государыня полюбопытствовала видѣть узника. О свиданіи съ нимъ въ мѣстѣ заточенія Екатерина II упомянула и въ манифестѣ о восшествіи своемъ на престолъ. Это свиданіе могло происходить въ августѣ 1762 года, до открытія заговора Петра Хрущова, Семена, Ивана и Петра Гурьевыхъ, имѣвшаго цѣлію возведеніе на престолъ Іоанна Антоновича. Манифестъ объ этомъ заговорѣ послѣдовалъ, въ Москвѣ, 24-го октября 1762 года: смертный приговоръ виновнымъ императрица замѣнила публичнымъ ошельмованіемъ Петра Хрущова, Семена Гурьева, съ ссылкою ихъ въ Камчатку на вѣчное житье; лишеніемъ чиновъ и ссылкою въ Якутскъ на-вѣчно Ивана и Петра Гурьевыхъ и лишеніемъ чиновъ Алексѣя Хрущова, съ удаленіемъ его въ свои деревни для проживанія тамъ безвыѣздно. Этотъ нелѣпый заговоръ имѣлъ самыя гибельныя послѣдствія для Іоанна Антоновича: именно, послѣ него, императрица отмѣнила всѣ

[1]) М. И. Семевскій, Іоаннъ VI Антоновичъ «Отеч. Зап.». 1866 г., кн. VII, стр. 537).

[2]) Приводимъ его по необходимости, ради уясненія отношеній императрицы къ несчастному Іоанну. Письмо это было напечатано въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей» 1863 г., книга II, стр. 80, и въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества» 1871 г., томъ VII, стр. 537.

прежнія свои повелѣнія, клонившіяся къ облегченію участи невиннаго узника, и возобновила жестокія о немъ инструкціи приставникамъ, данныя при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ утѣшеніе родителю узника, принцу Антону Ульриху, императрица послала къ нему въ Холмогоры генералъ-маіора Александра Ильича Бибикова, снабженнаго особою секретною инструкціею, данною 17-го ноября того же 1762 года. Въ этой инструкціи, изложенной въ девяти пунктахъ, Бибикову препоручено было: предложить принцу избавленіе и возвратъ въ его отечество, куда, со временемъ, прибудутъ и его дѣти, которыхъ—«до тѣхъ поръ освободить не можемъ» (сказано было государынею) «пока дѣла наши государственныя не укрѣпятся въ томъ порядкѣ, въ которомъ они, къ благополучію имперіи нашей, новое свое положеніе теперь приняли». Далѣе сказано было:... «часто съ нимъ бывая и разговаривая, примѣчайте нынѣшнее разума его сложеніе, а особливо дѣтей его нравы и понятіе» (пунктъ 7-й)... «ежели придумаете къ ихъ лучшему въ житьѣ и безнужному въ чемъ-либо содержанію, то намъ объявить, возвратяся, имѣете» (пунктъ 8-й).

Разстаться съ дѣтьми герцогъ, какъ извѣстно, не пожелалъ; соображенія свои объ улучшеніи быта холмогорскихъ затворниковъ благороднѣйшій Бибиковъ, конечно, доложилъ императрицѣ — но и тутъ злая судьба, неутомимая гонительница брауншвейгской фамиліи, заставила Екатерину II отказаться отъ великодушныхъ своихъ намѣреній, касательно принца Антона Ульриха и дѣтей его.

Примѣръ Хрущевыхъ и Гурьевыхъ нашелъ подражателя въ лицѣ подпоручика Смоленскаго пѣхотнаго полка, Василія Яковлевича Мировича. Безумная мысль—свергнувъ Екатерину II съ престола, возвести на него освобожденнаго изъ темницы Іоанна Антоновича—казалась осуществимою несчастному сумасброду. Шлиссельбургскаго узника онъ, до его убіенія—никогда не видалъ въ глаза (обращаемъ особенное вниманіе читателя на это обстоятельство), объ умственныхъ его способностяхъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, будучи и самъ человѣкомъ весьма ограниченнаго ума. Хрущевы и Гурьевы—офицеры лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, имѣли, по словамъ одного изъ нихъ—до тысячи приверженцевъ; сообщниками Мировича, бѣднаго армейскаго офицера, былъ одинъ только товарищъ Ушаковъ, да небольшой отрядъ изъ 38-ми человѣкъ солдатъ, повиновавшихся ему какъ начальнику, но нимало не раздѣлившихъ его приверженности къ Іоанну Антоновичу, котораго Мировичъ мечталъ сдѣлать орудіемъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Въ отвѣтѣ Мировича графу П. И. Панину выразилась вся суть его побужденій.

«Для чего», спросилъ графъ—«предпринялъ ты такой злодѣйскій умыселъ?»—Для того, отвѣчалъ Мировичъ—чтобъ быть тѣмъ, чѣмъ ты сталъ!

Пользуясь отбытіемъ императрицы (20-го іюня 1764 года) изъ С.-Петербурга въ Лифляндію, Мировичъ рѣшился привести въ исполненіе мятежническій свой умыселъ, и, съ этой цѣлію, 3-го іюля не въ очередь, а за другаго офицера, пошелъ въ крѣпость въ караулъ... Въ ночь съ 4-го на 5-е число, ранивъ коменданта Бередникова и отдавъ его своимъ солдатамъ подъ караулъ, Мировичъ повелъ свою команду къ каземату Іоанна Антоновича. Мятежники открыли по гарнизоннымъ солдатамъ ружейный огонь, на который тѣ отвѣчали таковымъ же. Овладѣвъ пушкою, Мировичъ грозилъ открыть пальбу, если гарнизонъ не сдастся, а арестантъ, или государь, какъ называлъ его безумецъ, не будетъ освобожденъ. Тогда капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ, въ исполненіе данной имъ инструкціи—умертвили несчастнаго Іоанна Антоновича. Увидя трупъ того, на кого онъ возлагалъ блестящія свои надежды, Мировичъ почти безъ сопротивленія далъ арестовать себя.

Слѣдующій рядъ документовъ—заключаетъ всѣ подробности и послѣдствія шлиссельбургской катастрофы, 5-го іюля 1764 года.

КАПИТАНЪ ВЛАСЬЕВЪ—Н. И. ПАНИНУ.

Его высокопревосходительству и проч., Никитѣ Ивановичу Панину, отъ капитана Данилы Власьева, всепокорнѣйшій репортъ.

Всепокорнѣйше доношу вашему высокопревосходительству: сего іюля 4-го дня, послѣ полудня въ пятомъ часу, вышелъ я для прогулки въ крѣпости, и сошелся со мною находящійся въ Шлиссельбургской крѣпости караульный обер-офицеръ Смоленскаго пѣхотнаго полку и началъ мнѣ говорить: «смѣю-ль васъ просить?». И я ему на то сказалъ: «о чемъ?». И онъ мнѣ началъ говорить: «ежели дозволите мнѣ говорить и не погубите меня. Вѣдаю, что я отъ того погибнуть могу». И я, какъ оное отъ него услышавъ, и пришелъ въ великое недоумѣніе, и говорилъ ему: «говорите, что до меня вамъ касается; что-жъ противно регулу: то вы и сами знаете, что мы присяжные люди». И я ему о томъ знать не далъ, что во оное вступился (sic), а примѣтилъ изъ тѣхъ разговоровъ, что клонится до нашей коммисіи, и тѣмъ оное и покончилось. Капитанъ Данила Власьевъ.

ВЛАСЬЕВЪ И ЧЕКИНЪ—Н. И. ПАНИНУ.

Его высокопревосходительству и проч., отъ капитана Данилы Власьева и поручика Луки Чекина, всепокорнѣйшій репортъ.

Всепокорнѣйше доносимъ вашему высокопревосходительству, какъ сего іюля отъ 4-го числа, писанный мною всепокорнѣйшій репортъ, для отправленія вашему высокопревосходительству, я персонально г. полковнику Бередникову, послѣ полуночи во второмъ часу, вручилъ, и оный г. полковникъ, того-жъ часа, отправилъ съ нарочно посланнымъ при мнѣ. И я пошелъ къ своему мѣсту и еще до того не дошелъ, и вдругъ вскричали на гауптвахтѣ: «къ ружью!». И тотчасъ всѣмъ фронтомъ приступили къ нашему посту и начали палить изъ ружей. И поручикъ Чекинъ былъ весьма остороженъ, и какъ только услышалъ необычайный крикъ, и команду нашу уставилъ въ порядокъ. И по приступѣ непріятелей, окликавъ и воспрещая имъ не подходить; усмотря то, что непріятельски поступаютъ, приказалъ палить по нимъ изъ заряженныхъ пулями ружей. И я по верхней галереи, какъ возможно, пробравшись, спустился къ командѣ нашей, солдатамъ и поручикомъ на руки; тутъ-же съ самымъ усердіемъ обще съ поручикомъ Чекинымъ подкрѣпляли команду, и проводили къ лучшей безопасности, и отбили непріятелей. И потомъ тѣ-жъ непріятели и вторично на насъ наступать начали и уграживать, чтобъ мы имъ сдались. И мы со всею нашею возможностію стояли и оборонялись; и оные непріятели, видя нашу неослабность, взявъ пушку и зарядя, къ намъ подступили. И мы, видя оное, что уже ихъ весьма противъ насъ превосходная сила, имѣющагося у насъ арестанта обще съ поручикомъ умертвили. И больше видя свою совсѣмъ невозможность, принуждены были уступить свое мѣсто.

И такъ оные вдругъ къ намъ и взбѣжали и насъ обоихъ ухватили подъ-руки и хотѣли исколоть штыками, токмо находящійся офицеръ съ ними насъ колоть не приказалъ, и велѣлъ намъ показать арестанта. И какъ мы ему показали, который уже умре, то означенный офицеръ съ великимъ сердцемъ на насъ кричалъ и говорилъ: «какъ вы смѣли такого великаго человѣка погубить, и я васъ за то велю штыками исколоть!». Однако, напослѣдокъ сказалъ—что теперь пропалъ, «а вы счастливѣе меня, и колоть васъ не прикажу». И взявъ тѣло мертваго арестанта, и принесли на гауптвахту, и меня туда-жъ привелъ въ арестѣ. И по пробитіи утренней зори, приказалъ караульнымъ мертвому арестанту отдать честь съ полнымъ походомъ, и сказалъ имъ объ арестантѣ, что онъ былъ вели-

кій императоръ Иванъ Антоновичъ. И потомъ со всѣми команды своей солдатами цѣловался, и потомъ арестованъ; а мы изъ-подъ ареста послѣ того и освободились. Означеннаго-жъ арестанта тѣло нынѣ находится въ крѣпости, подъ охраненіемъ гарнизонной команды. И о вышеписанномъ, ваше высокопревосходительство, что повелите, на что имѣемъ ожидать отъ вашего высокопревосходительства ордера. И означенный-же офицеръ содержится въ крѣпости, подъ крѣпкимъ карауломъ гарнизонной команды. Капитанъ Данила Власьевъ. Поручикъ Лука Чекинъ. Іюля 5-го дня 1764 года.

Комендантъ Бередниковъ—Н. И. Панину [1]).

Отъ арміи полковника и шлиссельбургскаго коменданта, Ивана Бередникова, всепокорнѣйшій репортъ.

Сего числа, по-полуночи во второмъ часу, находящійся въ Шлюссельбургской крѣпости у безъимяннаго колодника, капитанъ Власьевъ, для отправленія вашему высокопревосходительству всепокорнѣйшаго репорта, въ квартирѣ у меня былъ, который, принявъ, я до вашего высокопревосходительства отправилъ съ сержантомъ санктпетербургскаго гарнизона, Яковомъ Иштиряковымъ; но стоящій въ оной крѣпости въ недѣльномъ карауле, Смоленскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Василій Яковлевъ сынъ Мировичъ, онаго Иштирякова въ крѣпостныхъ воротахъ одержалъ и весь вѣдѣнія его караулъ во фрунтъ учредилъ и приказалъ того фрунта всѣмъ военнослужащимъ заряжать ружья съ пулями; и какъ я услышалъ стукъ и заряженье (sic) ружей во фрунтѣ, вышелъ изъ квартиры своей и спросилъ, для чего такъ безъ приказу во фрунтъ военнослужащіе становятся и ружья заряжаютъ? Но какъ онъ, Мировичъ, услышалъ мое отъ него спрашиванье, прибѣгъ ко мнѣ, вооруженною рукою ударилъ меня прикладомъ ружья своего въ голову и пробилъ до кости черепа. При чемъ всѣмъ фрунтовымъ солдатамъ закричалъ: «это злодѣй, государя Іоанна Антоновича содержитъ въ крѣпости здѣшней подъ карауломъ! Возьмите его, мы должны умереть за государя!». Почему и тѣ фрунтовые солдаты закричали: «мы должны умереть!». И прихватя меня, при примкнутыхъ штыкахъ и обнаженныхъ тесакахъ, за фрунтъ отвели, угрожая мнѣ: «вотъ посиди, командиръ нашъ велѣлъ». И такъ

---

[1]) Этотъ рапортъ былъ въ печати, здѣсь же приводится, какъ дополненіе къ предъидущимъ и послѣдующимъ неизданнымъ документамъ.

въ арестѣ находился я до пятаго часа утра, въ которомъ не токмо имѣлъ пріятеля, но какъ злодѣй, сверхъ обыкновеннаго ихъ солдатскаго азарта, держанъ былъ приставленными ко мнѣ солдатами за все мое платье. И пока я содержался въ ихъ рукахъ, упоминаемый подпоручикъ Мировичъ двоекратно покушался, забравъ изъ фрунта и съ часовъ солдатъ, идти съ заряженными ружьями противъ караула гарнизонной команды, которая находилась въ вѣдомствѣ рѣченнаго господина капитана Власьева и поручика Чекина, гдѣ многими патронами съ пули стрѣлялъ; напротивъ того то-жъ и ему отвѣтствовано, и не усилясь, онъ, Мировичъ, съ командою своею стрѣляніемъ изъ ружей, взявъ изъ квартиры моей городовые ключи, отперъ большія ворота и ввезъ внутрь крѣпости съ бастіона съ своею командою и случившимися гарнизонными въ крѣпости на карауле артиллерійскими капраломъ и канонирами—одну шести-фунтовую пушку, которая и привезена была къ казармѣ, гдѣ содержится безъимянный колодникъ. А что уже при томъ происходило, за взятьемъ меня въ арестъ, видѣть я не могъ, но напослѣдокъ упоминаемый подпоручикъ привелъ съ собою въ арестѣ предъ фрунтъ капитана Власьева, и мертвое тѣло безъимяннаго колодника принесено командою его, гдѣ, по установленіи фрунта, со всѣми солдатами, окромѣ тѣхъ, которые при мнѣ находились, цѣловался, сказывая имъ, что это онъ одинъ погрѣшилъ, и барабанщику велѣлъ бить зорю утреннюю и потомъ полный походъ; при чемъ я, осмѣлясь, вскричалъ караульнымъ того полку унтеръ-офицеру и капраламъ, чтобъ они, не допуская его, Мировича, до меня, дабы онъ въ азартѣ, имѣвшеюся при немъ шпагою, не закололъ,—арестовали. Которые, послушавъ меня, тою-же самою минутою съ него, подпоручика, силою и шпагу сняли, и содержится онъ въ оной крѣпости подъ крѣпкимъ карауломъ команды гарнизонной. Напослѣдокъ принужденъ я былъ просить Смоленскаго пѣхотнаго полку господина полковника Римскаго-Корсакова, чтобы ко мнѣ въ необходимой мнѣ надобности былъ: который тогчасъ и съ секундъ-маіоромъ пріѣхалъ и мнѣ вспомоществовалъ и приказалъ того полку военнослужащимъ, которые въ крѣпости отчасти караулъ содержатъ, были во всемъ мнѣ послушны. При арестѣ-жъ вышеписаннаго (под)поручика Мировича, найдены мною у него манифесты, присяга и повелѣнія и живыя писанія (картинки?) руки его, которые, тако-жъ и отправленные, какъ выше значитъ, по-полуночи во второмъ часу репорты при семъ вашему высокопревосходительству всепокорнѣйше приношу. Полковникъ Иванъ Бередниковъ. Іюля 5-го дня 1764 года.

Н. И. Панинъ—Императрицѣ.

Сарское село.—Іюля 6-го дня 1764 г.

(Писано, вѣроятно, рукою Теплова). Всемилостивѣйшая государыня! Каковъ я получилъ репортъ сего утра въ 12-мъ часу изъ Шлюссельбурга отъ коменданта Бередникова, оный на высочайшее усмотрѣніе при семъ въ [оригиналѣ подношу и съ приложенными при немъ бумагами подъ литерали A, B, C, D, E, F; при чемъ также слѣдуютъ и два тутъ-же полученные особливые репорты отъ капитана Власьева и поручика Чекина вообще. Важность злодѣйства, предпринятаго и благополучно Божіимъ чуднымъ промысломъ на-вѣки тѣмъ-же самимъ пресѣченнаго, усмотрѣть соизволите изъ сихъ приложеній во всемъ пространствѣ. Какъ скоро я прочиталъ сіи бумаги, то первое мое попеченіе было, чтобъ возвращенною уже на мѣстѣ томъ тишиною вящше обнадежиться и оную утвердить. А какъ я по сему дѣлу никого другаго употребить не могъ, кромѣ статскаго дѣйствительнаго совѣтника Теплова, то я того-же часаославъ по него въ городъ, избралъ находящагося здѣсь при мнѣ пріѣзжаго изъ Польши курьеромъ подполковника Кашкина, яко такого человѣка, который, какъ вѣрностію, такъ и способностію, можетъ конечно наилучшими средствами все ему порученное исполнить, наипаче потому, что тамъ дѣло было хотя между самою малою командою, но армейскою, то и онъ, будучи армейскій офицеръ и безъ жалюзіи между солдатами, ихъ способнѣе въ порядокъ приведетъ. Чего ради я его сего момента туда и отправилъ. А каковые ордеры своеручные на первое время я далъ коменданту Бередникову и капитану Власьеву и поручику Чекину, для общаго съ нимъ, подполковникомъ, наставленія, съ оныхъ равномѣрно точныя копіи всеподданнѣйше подношу на высочайшее усмотрѣніе. Ваше императорское величество просвященнымъ вашимъ проницаніемъ сами усмотрѣть соизволите изъ всѣхъ открытыхъ бумагъ и обстоятельствъ, въ которыхъ только видно дѣйствіе одного сущаго злодѣя, что нѣтъ въ семъ предпріятіи пространнаго заговора, а дѣло произведено было отчаянною ухваткою, которое несказанно похвальною резолюціею капитана Власьева и поручика Чекина пресѣчено. Почему мое всеподданнѣйшее мнѣніе, что сіе дѣло, особливо, по полученіи извѣстія по пріѣздѣ туда Кашкина, о утвержденіи тамъ порядка и тишины, можетъ остаться безъ дальней опасности въ настоящемъ его положеніи, доколѣ вашему имп—му вел—ву угодно будетъ избрать высочайшую резолюцію, какъ слѣдствіе сего дѣла произвести: секретно-ли,

или публично. Равнымъ-же образомъ ваше имп—ое вел—во высочайше усмотрѣть соизволите, что я, сколько могъ, при принятіи моихъ мѣръ, старался сокращать время, чтобъ въ безъизвѣстности ничего не оставить, какъ и къ тайному дѣйствительному совѣтнику Неплюеву уже отозвался короткимъ письмомъ объ отысканіи чрезъ дивизіоннаго командира генерала князя Голицына и объ строгомъ заарестованіи великолуцкаго полку поручика Аполлона Ушакова, котораго имя своеручно нашлося подписано на приложеніи подъ литерою А. А теперь по отправленіи къ вашему величеству съ симъ курьера, возвращаю къ городъ статс. дѣйств. сов. Теплова, дабы онъ помянутому сенатору Неплюеву отъ меня словесно столько сказалъ о происшествіи сего дѣла, сколько ему по настоящему по теперешнему посту свѣдѣніе имѣть потребно на случай, если до него дойдетъ оттуда прямо о томъ извѣстіе, и тогда бы онъ въ состояніи былъ надежнѣйшія, въ согласіе тому, что отъ меня уже сдѣлано, мѣры принимать. Впрочемъ пребываю съ всеглубочайшимъ подобострастіемъ вашего имп. вел—ва всеподданѣйшій рабъ Н. Панинъ.

Н. И. Панинъ—комиданту Бередникову.

Царское Село, іюля 8-го дня 1764 г.

(Писано, повидимому, рукою Теплова). Высокоблагородный господинъ полковникъ и шлиссельбургскій комендантъ Бередниковъ! По полученіи сего благоволите мнѣ репортовать повседневно чрезъ нарочныхъ о состояніи колодника Мировича, увѣдомляя меня прямо въ Царское село, по дорогѣ Копорской, къ чему употребляйте изъ надежныхъ при васъ капраловъ и унтеръ-офицеровъ, которымъ давайте на проѣздъ деньги изъ оставшейся у васъ суммы. А при томъ увѣдомляйте меня и о состояніи также вашего гарнизона, все-ли въ оном тихо и порядочно происходитъ, и нѣтъ-ли между солдатами какихъ непристойныхъ разглашеній и разныхъ толкованій о происшедшемъ въ крѣпости вашей смятеніи. Впрочемъ единожды навсегда чрезъ сіе вамъ рекомендуется добрая дисциплина и всѣ предосторожности, дабы послѣ такого приключенія, которое недавно у васъ произошло, не могли между подлыми людьми у васъ разродиться какія вредныя начинанія, а отъ того и замѣшательствы. Чего ради о всякомъ и малѣйшемъ приключеніи пишите ко мнѣ повседневно, безъ упущенія съ обстоятельствомъ, ожидая на всякой случай отъ меня потребнаго наставленія, равно и о состояніи вашего здоровья, по причинѣ вашей раны. Пришлите притомъ ко мнѣ репортъ также

особливый о вашей командѣ гарнизонной, изъ какихъ она людей состоитъ, изъ одного-ли баталіона, или особливаго цѣлаго полка, и въ какомъ числѣ оный гарнизонъ теперь на-лицо состоитъ съ расходомъ онаго. Вашего высокоблагородія послушный слуга Н. Панинъ.

И. И. Неплюевъ—Н. И. Панину.

Санктпетербургъ, іюля 8-го дня 1764 г.

Милостивый государь мой! На послѣднее вашего высокопрев—ва симъ въ отвѣтъ служу, что извѣстный утопшій Аполлонъ Ушаковъ [1]), по справкѣ съ полковымъ журналомъ мѣсячнымъ, въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ, до послѣдней посылки, въ которой утонулъ, никуда отъ полку командированъ не бывалъ, кромѣ обыкновенныхъ въ городѣ карауловъ. Уповаю, что Григорій Николаевичъ (Тепловъ) о полученномъ здѣсь изъ Шлюссельбурга по артиллерійской командѣ репортѣ вашему высокопрев—ву доносилъ—и для лучшаго свѣдѣнія при семъ копію прилагаю.

Я курьера вчерась не отправилъ для того, чтобъ, по извѣстномъ здѣшнимъ командирамъ данномъ отъ меня наставленіи, увѣдать состояніе здѣшнее и съ обстоятельствомъ ея имп—му величеству донесть, яко то, главное, что ея величеству отъ меня вѣдать нужно. Впрочемъ здѣсь, съ помощію Божіею, все спокойно и благополучно обстоитъ, и хотя вѣдаютъ въ городѣ о происшедшемъ въ Шлюссельбургѣ, но никакихъ предосудительныхъ толкованій не слышно. Съ чѣмъ я сейчасъ и курьера отправилъ, а за тѣмъ, какъ и всегда, есмь съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію вашего высокопрев—ва всепокорный и должно-вѣрный слуга Иванъ Неплюевъ.

Того-же числа, въ вечеру.

Милостивый государь мой, Никита Ивановичъ! Вашему (высоко) превосходительству въ должности нахожу донесть объ извѣстномъ шлюссельбургскомъ происшествіи, хотя въ командахъ здѣсь спокойно, и никакихъ разглашеній не происходитъ; однако въ городѣ между народа, какъ не отъ одного мнѣ сказано, что о томъ происшествіи

---

[1]) Соумышленникъ Мировича, Аполлонъ Ушаковъ, командированный 25-го мая 1764 г. изъ Петербурга въ Смоленскъ, утонулъ до возмущенія.

исторически говорятъ все подробно, и о мертвомъ, и кто онъ таковъ— прямо, только безъ всякой вредной прибавки или разсужденія; но таковыхъ словъ воспрещать едва можно-ль, токмо смотрѣть, того не подтверждая, чтобъ были безвредны. О чемъ у меня всѣ командующіе пристойно наставлены, и въ предосторожность подтверждено, ежели что вредное увидятъ. Впрочемъ остаюсь, какъ и всегда, съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію, вашего высокопревосходительства всепокорно-должной слуга Иванъ Неплюевъ. Вручаю сіе къ отправленію Григорію Николаевичу (Теплову) не запечатанно, яко при немъ и писано.

Іюля 9-го числа 1764 г., по-полудни въ 1-мъ часу.

(Писано рукою Шишковскаго). Милостивый государь мой, Никита Ивановичъ! Почтеннѣйшее вашего высокопревосходительства письмо отъ 9-го числа сего мѣсяца я имѣлъ честь отъ Григорія Николаевича въ двѣнадцатомъ часу получить; что-жъ касается до извѣстнаго дѣла, то я вашему высокопревосходительству мнѣніе свое и князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій) чрезъ Григорія Николаевича открыли по случаю такому, какъ я въ письмѣ вашему высокопревосходительству вчерась изъяснилъ; а какъ ваше высокопр—ство болѣе въ семъ дѣлѣ самую точность знать изволите, да и единственно сіе отъ ея императорскаго величества ввѣрено вамъ, то потому отъ вашего высокопревосходительства соизволенія и усмотрѣнія и зависитъ; на основаніи чего приложеннаго отъ вашего высокопревосходительства полковнику Бередникову ордера никогда безъ точнаго вашего приказанія въ дѣйство не употреблю; впрочемъ здѣсь, за помощію Божіею, вездѣ и во всемъ спокойно и благополучно состоитъ, а я есмь съ особливымъ высокопочитаніемъ и преданностію пребуду вашего высокопревосходительства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Иванъ Неплюевъ.

Н. И. Панинъ—Императрицѣ.

Царское Село, 9-го іюля 1764 г.

(Собственноручно). Всемилостивѣйшая государыня! Его императорское высочество, при благости Господней, благополучно пребываетъ. Вчерашняго числа, въ вечеру, получилъ я отъ Ивана Ивановича

Неплюева письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, меня увѣдомляетъ, что въ городѣ хотя и вѣдалось о происшедшемъ въ Шлюсельбургѣ, но никакихъ предосудительныхъ толкованій не слышно, какъ ваше императорское вел—во сами то̀ пространнѣе всевысочайше усмотрѣть изволите изъ приложеннаго оригинала, подъ литерою А. Потомъ по-полуночи въ три часа, прислалъ онъ ко мнѣ Григорія Николаевича Теплова съ письмомъ, подъ литерою В, котораго содержаніе подтверждаетъ тишину, тѣмъ наипаче, что молва увѣряетъ и о смерти того фантома, для котораго злодѣйство начато было. Но при томъ Иванъ Ивановичъ приказалъ ему (Теплову) мнѣ словесно сказать:

«Еслибъ онъ былъ на моемъ мѣстѣ, то бы онъ, ни мало не мѣшкавъ, возмутителя Мировича взялъ въ Царское Село и въ скромномъ мѣстѣ пыткою изъ него вывѣдалъ о его сообщникахъ; или ежели бы сей арестантъ былъ въ его рукахъ, то бы онъ у него въ ребрахъ пощупалъ, съ кѣмъ онъ о своемъ возмущеніи соглашался; ибо-де нельзя надѣяться, чтобъ такой малый человѣкъ столь важное дѣло собою однимъ предпріялъ; а сіе-де мученіе нужно для того, чтобъ тѣ сообщники не скрылися».

У Теплова я спрашивалъ причины, для чего Иванъ Ивановичъ ко мнѣ сего не написалъ? Онъ отвѣтствовалъ, что онъ его и просилъ, чтобъ или письмомъ о томъ ко мнѣ отписалъ, или-бъ записку ему далъ, въ чемъ состоитъ его отъ меня требованіе; но Иванъ Ивановичъ ему сказалъ, что онъ отъ своихъ словъ не отречется; въ чемъ и ссылался на князя Александа Алексѣевича Вяземскаго, который при томъ былъ; и что для чего же бы мнѣ его словесному объявленію не повѣрить, когда онъ повѣрилъ вчерась такому же его объявленію, отъ меня ему сказанному, касательно до обстоятельствъ того дѣла. Въ заключеніе же всего и отдавъ ему помянутое выше ко мнѣ письмо, сказалъ, что онъ требуетъ, чтобъ только словесно мнѣ то̀ объяснилъ, а письменно не даетъ, и съ тѣмъ его отправилъ.

Я чрезъ Григорія Николаевича такъ же словесно отвѣтствовалъ Ивану Ивановичу, что, усмотря изъ всѣхъ обстоятельствъ, что предпріятіе сдѣлано однимъ фанатикомъ злымъ и, конечно, не имѣетъ большаго заговора,—оставилъ, сколько отъ меня зависѣло, дѣло онаго въ настоящемъ теперь положеніи до высочайшей резолюціи, съ тѣмъ, дабы вашему импер—му велич—ву свободнѣе было въ томъ опредѣлить точнѣйшее свое соизволеніе; а еслибы мнѣ показался такой скорый розыскъ необходимымъ, то-бъ и тогда я его просилъ оный произвесть; ибо здѣсь, и по моему состоянію, мнѣ его учинить никакъ невозможно. На письмо же его равнымъ письмомъ отвѣтство-

валъ, сколько теперь упамятовать могу, въ такой силѣ, что, мнѣ мнится, распространившаяся въ городѣ молва о смерти фантома служитъ къ большему обнадеживанію тишины. Но однако же, какъ все зависитъ главнѣйше отъ его собственнаго усмотрѣнія, то я и послалъ при ономъ письмѣ къ нему подъ открытою печатью ордеръ на имя коменданта Бередникова, чтобъ отдать арестанта Мировича тому, кто присланъ будетъ сообщить повелѣніе отъ него и князя Вяземскаго, какъ и въ прочемъ, касательно до настоящаго дѣла, все то исполнять, что отъ нихъ ему, Бередникову, приказывано будетъ.

На все вышеобъявленное получилъ я въ три часа по-полудни отъ Ивана Ивановича равномѣрно, здѣсь всеподданнѣйше приложенное письмо, подъ литерою С, и на оное также ему отвѣчалъ, что; какъ я самъ ничего приказывать не могу и не должень, такъ и учиненное отъ меня въ дѣлѣ разсмотрѣніе и потому тѣмъ наименѣе распорядокъ (что все ему отъ меня чрезъ Теплова сообщено), также отнюдь не можетъ препятствовать тѣмъ мѣрамъ и распоряженіямъ, которыя онъ предпріять заблагоразсудилъ къ утвержденію настоящей тишины, и о которыхъ я чистосердечно увѣренъ, что они будутъ всегда къ лучшему.

Сегодня Бередниковъ мнѣ репортуетъ, что въ его крѣпости караулъ состоитъ благополучно, и все спокойно; а для лучшаго всевысочайшаго усмотрѣнія, какимъ образомъ и подъ какими караулами арестантъ содержался, и равно, какія дальнѣйшія предосторожности къ тому тѣмъ распоряженіямъ съ числомъ разныхъ карауловъ,—всеподданнѣйше подношу о томъ его оригинальный ко мнѣ репортъ съ табелью. Что же касается до упомянутыхъ тутъ его обмороковъ, оные, надѣюся, больше склоняются, по извѣстному мнѣ его желанію, къ скорѣйшему исходатайствованію ему увольненія изъ службы, или перевода въ другое мѣсто, о чемъ онъ уже и прежде просилъ.

Впрочемъ пребываю съ всеглубочайшимъ подобострастіемъ вашего импер—го велич—ва всеподданнѣйшій рабъ Н. Панинъ.

При всей быстротѣ курьеровъ, совершавшихъ 563 версты разстоянія отъ С.-Петербурга до Риги въ самый кратчайшій срокъ, размѣнъ писемъ между Императрицею и Н. И. Панинымъ не соотвѣтствовалъ продолжительными промежутками важности дѣла, необходимой поспѣшности и безотлагательности распоряженій. Первое письмо, въ отвѣтъ на донесеніе Панина о шлиссельбургской катастрофѣ, Им-

ператрица Екатерина II писала изъ Риги 9-го іюля 1764 г. Вотъ это письмо [1]):

«Никита Ивановичъ! Я съ великимъ удивленіемъ читала ваши репорты и всѣ дивы, происшедшія въ Шлюссельбургѣ: руководствіе Божіе чудное и неиспытанное есть! Я къ вашимъ весьма хорошимъ распоряженіямъ инаго прибавить не могу, какъ только, что теперь надлежитъ слѣдствіе надъ винными производить безъ огласки и безъ всякой скрытности (понеже само собою оное дѣло не можетъ остаться секретно, болѣе двухсотъ человѣкъ имѣя въ немъ участіе).

«Безъимяннаго колодника велите хранить (т. е. хоронить) по христіанской должности въ Шлюссельбургѣ безъ огласки же. Мнѣ разсудилось, что если неравно искра кроется въ пеплѣ, то не въ Шлюссельбургѣ, но въ Петербургѣ, и весьма желала бы, чтобъ это не скоро до резиденціи дошло, а кой часъ дойдетъ до Петербурга, то уже надобно дѣло повести публично; и того ради велѣла заготовить указъ генералу-поручику той дивизіи Веймарну, дабы онъ слѣдствіе произвелъ, который вы ему отдадите; онъ же человѣкъ умный, и далѣе не пойдетъ, какъ ему повелѣно будетъ. Вы ему сообщите тѣ бумаги, которыя для его извѣстія надобны, а прочія у себя храните до моего прибытія; я весьма любопытна знать, арестованъ ли поручикъ Ушаковъ и нѣтъ ли болѣе участниковъ? Кажется, у нихъ планъ былъ. Сіе письмо, или нужное изъ онаго, покажите Веймарну, дабы оно служило ему въ наставленіе. Шлюссельбургскаго коменданта и вѣрныхъ офицеровъ и команду господинъ Веймарнъ имѣетъ обнадежить нашею милостію за ихъ вѣрность. Екатерина.

«Что здѣсь недостаточно, то имѣете исполнить, а я весьма спѣшу къ вамъ отправить курьера. Весьма, кажется, нужно смотрѣть, въ какой дисциплинѣ находится Смоленскій полкъ».

На другой же день новый курьеръ изъ Риги везъ въ Петербургъ слѣдующее:

Екатерина II — Н. И. Панину.

Рига, 10-го іюля 1764 года.

(Собственноручно). «Никита Ивановичъ! Не могу я довольно васъ благодарить за разумныя и усердныя ко мнѣ и къ отечеству мѣры, которыя вы взяли по шлюссельбургской исторіи. J'ai le coeur contrit

[1]) Письмо это см. въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», томъ VII, стр. 365.

quand je pense à cette affaire, et bien, bien de la reconnaissance pour les mesures que vous avez pris et auxquelles assurément il n'y a rien à ajouter. La Providence m'a donné un signe bien évident de sa grace en tournant cette entreprise de la façon dont elle est finie; quoique le mal soit coupé dans sa racine, cependant j'apprehende que dans une grande ville comme Pétersbourg, les bruits sourds ne fassent encore bien des malheureux; car ces deux misérables que Dieu a puni des menteries atroces, qu'ils ont écrit dans leur soit disant manifeste sur mon compte n'auront pas manqué (ou de moins il est à supposer) de semer leur venin; et je crois en avoir eu une preuve le jour de mon départ de Pétersbourg: une pauvre femme avait trouvée dans la rue une lettre de main contrefaite où il en était parlé; cette lettre fut remise au prince Wesemsky (sic) et elle est chez lui; il faudra questionner ces officiers, si ce sont eux qui l'ont écrite et répandue; je crains que le mal n'aye d'autre suite encore, car l'on dit cet Ушаковъ lie avec nombre de petites gens de la Cour; enfin il faut s'en remettre au soin du bon Dieu, qui voudra bien découvrir—je n'ose en douter—tout cet horrible attentat; je ne resterai ici pas une heure (de) plus que j'en aurai besoin, sans faire cependant paraître que je me hâte et je reviendrai à Pétersbourg où j'espère que mon retour ne contribuera pas peu à faire tomber toutes les calomnies sur mon compte. Вспомните также вранье того офицера, что̀ Соловьевъ привелъ; да съ великаго поста болѣе двѣнадцати подобныхъ было и всѣ о той матеріи. Велите пожалуй разсмотрѣть, не они ли тому причины были, хотя въ семъ письмѣ я къ вамъ съ крайнею откровенностію все то́ пишу, что въ голову пришло, но не думайте, чтобъ я страху предалась: я сіе дѣло не болѣе уважаю, какъ оно въ самомъ существѣ есть—сирѣчь дешператный и безразсудный coup (ударъ, т. е. отчаянная выходка), однакожъ надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачество распространялось; дабы, если возможно, разомъ пресѣчь и тѣмъ избавить отъ несчастія невинныхъ простяковъ. Радуюсь, что сынъ мой здоровъ, желаю и вамъ здравствовать. Екатерина».

«Стерегите, чтобъ Мировичъ и Ушаковъ себя не умертвили».

(Переводъ). «Сердце мое сокрушается при мысли о семъ дѣлѣ, и великая, великая благодарность вамъ за мѣры, вами принятыя, къ которымъ, вѣроятно, и прибавлять нечего. Провидѣніе явило мнѣ очевидный знакъ милости своей, давъ этому предпріятію оборотъ, который привелъ его къ окончанію; хотя зло пресѣчено на самомъ корнѣ, однако же опасаюсь, чтобы въ такомъ большомъ городѣ, каковъ Петербургъ, тайные слухи не погубили еще многихъ насчастныхъ; ибо сіи два презрѣнные Богомъ, наказанные за ихъ гнусныя лжи, написанныя въ ихъ такъ называемомъ манифестѣ на мой счетъ, не преминутъ (или,

по крайней мѣрѣ, такъ полагать должно) посѣять свой ядъ, и думаю, что доказательство тому было въ день моего отбытія изъ Петербурга: нищая нашла на улицѣ письмо, писанное поддѣльнымъ почеркомъ, въ которомъ говорилось объ этомъ; это письмо передано было князю Вяземскому, и оно у него. Надобно будетъ допросить этихъ офицеровъ, не ими ли оно было написано и распространено. Боюсь, чтобы зло не имѣло еще другаго послѣдствія, ибо, говорятъ, этотъ Ушаковъ въ связяхъ съ нижними придворными чинами; наконецъ надобно положиться на Божій промыслъ, которому угодно будетъ, въ чемъ не смѣю сомнѣваться, обнаружить вполнѣ это ужасное покушеніе. Я не останусь здѣсь ни часу долѣе того, сколько мнѣ будетъ нужно, не показывая однако и виду, что я тороплюсь, и возвращусь въ Петербургъ, гдѣ, надѣюсь, возвращеніе мое немало поспособствуетъ разсѣянію всѣхъ клеветъ на мой счетъ. (Далѣе по-русски)».

(Продолженіе слѣдуетъ).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРЯТИНСКІЙ

НА ЛѢВОМЪ ФЛАНГѢ КАВКАЗСКОЙ ЛИНІИ.

1851—1853.

Изъ записокъ М. Я. Ольшевскаго.

Записки Мелетія Яковлевича Ольшевскаго,—нѣкогда артиллериста, а потомъ офицера генеральнаго штаба, — ветерана кавказскаго, — представляютъ собою обширный и вполнѣ интересный трудъ, объемлющій четверть вѣка кавказской боевой лѣтописи съ 1841 г. по 1865 годъ. Г. Ольшевскій былъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ и завѣдывалъ штабомъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи (1849—1853 гг.), а затѣмъ къ 1853 году былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ. Въ бытность главою Кавказа кн. А. И. Барятинскаго, Ольшевскій занималъ постъ дежурнаго генерала кавказской арміи. Съ преобразованіемъ же штаба, Ольшевскій командовалъ дивизіями сперва на Кавказѣ потомъ внутри Россіи.

Пользуясь весьма обязательнымъ разрѣшеніемъ уважаемаго воина,—извлекаемъ изъ его Записокъ нѣсколько главъ, относящихся къ тому времени, когда на Кавказѣ однимъ изъ главныхъ дѣятелей явился кн. А. И. Барятинскій. Полагаемъ, что въ настоящее время, когда Россія лишилась въ лицѣ князя Александра Ивановича одного изъ доблестнѣйшихъ своихъ сыновъ—будетъ вполнѣ интересно прочитать этотъ отрывокъ изъ записокъ М. Я. Ольшевскаго.

Заговоривъ о Запискахъ М. Я. Ольшевскаго—отмѣтимъ здѣсь, что этотъ обширный трудъ исполненъ авторомъ въ 1865-мъ году и объемлетъ все время служенія Мелетія Яковлевича на Кавказѣ съ 1841 года по 1865 годъ включительно. Авторъ описываетъ только то, что̀ самъ видѣлъ, въ чемъ непосредственно участвовалъ. Такимъ образомъ, описаніе мѣстности, нравы жителей, обзоръ событій—преимущественно военныхъ, подробныя характеристики дѣй-

ствовавшихъ на Кавказѣ лицъ какъ первостепенныхъ, такъ и второстепенныхъ... —вотъ содержаніе этихъ мемуаровъ. Вообще этотъ обширный трудъ представляетъ собою вполнѣ интересный и полезный матеріалъ для исторіи Кавказа въ послѣдній періодъ борьбы Россіи съ горскими народами.

Ред.

I.

....Въ половинѣ марта 1851 года обнаружилось болѣзненное состояніе разсудка начальника лѣваго фланга Кавказской линіи, генерала Нестерова. Къ концу мѣсяца онъ уже—выражаясь словами солдатъ—«сильно чудилъ». За нимъ былъ учрежденъ самый бдительный, тайный надзоръ, и въ крайнемъ случаѣ рѣшено было употребить силу.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта на письмо мое, посланное съ особымъ нарочнымъ въ Тифлисъ къ начальнику главнаго штаба Коцебу, въ которомъ въ подробности было изложено болѣзненное состояніе Нестерова и выставлены были нѣкоторыя особенно рѣзкія его продѣлки. Наконецъ, нетерпѣливо ожидаемый отвѣтъ полученъ. Павелъ Евстафьевичъ Коцебу писалъ, что, по болѣзни Нестерова, главнокомандующій назначилъ управлять лѣвымъ флангомъ князя А. И. Барятинскаго, который немедленно и выѣзжаетъ изъ Тифлиса.

Князь Александръ Ивановичъ прибылъ въ Грозную вечеромъ, въ великій четвергъ. Явившись къ Нестерову, онъ объявилъ ему, что князь Воронцовъ желаетъ его немедленно видѣть и переговорить съ нимъ о чемъ-то важномъ. Петръ Петровичъ выѣхалъ изъ Грозной съ княземъ Барятинскимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ его проводитъ до Николаевскаго моста, откуда поѣдетъ въ Прикаспійскій край. На самомъ же дѣлѣ, онъ ночью возвратился въ Грозную и вступилъ въ управленіе флангомъ. Нестеровъ же, вмѣсто того, чтобы видѣться съ главнокомандующимъ, былъ отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и скончался въ полномъ разстройствѣ своего разсудка.

Прежде чѣмъ коснусь изложенія военныхъ дѣйствій и важныхъ происшествій, случившихся въ двухлѣтнее управленіе князя Барятинскаго лѣвымъ флангомъ, опишу его жизнь, привычки, наклонности и характеръ. Это я считаю необходимымъ сдѣлать собственно для того, чтобы представить его такимъ, ка-

нимъ онъ былъ въ дѣйствительности, а не такимъ, какъ на него многіе смотрѣли и ложно его понимали. Я считаю себя обязаннымъ это сдѣлать изъ уваженія къ личнымъ его качествамъ и достоинствамъ. Не знать князя Барятинскаго я не могъ, судя по тѣмъ близкимъ и долгимъ служебнымъ отношеніямъ, въ которыхъ я находился, какъ подчиненный.

Заисключеніемъ экстренныхъ случаевъ и болѣзни, что случалось въ то время довольно рѣдко, князь Барятинскій къ девяти часамъ утра былъ уже одѣтъ въ форменный сюртукъ, въ которомъ онъ и оставался до полуночи. Съ девяти часовъ начинались служебныя занятія и продолжались до двухъ часовъ. Въ то время являлся воинскій начальникъ, представлялись пріѣзжавшія въ Грозную, по служебнымъ или собственнымъ дѣламъ, разныя лица, начинались доклады, подписывались бумаги.

Желая все знать, князь Александръ Ивановичъ требовалъ, чтобы ему обо всемъ докладывалось; но длинныхъ докладовъ не любилъ. Въ первые дни моей съ нимъ службы, я, желая показать мою точность, знаніе дѣла и края, сначала являлся къ нему съ подробными докладами о каждомъ дѣлѣ; но, когда замѣтилъ его нетерпѣніе при нѣкоторыхъ изъ нихъ и что другіе онъ прерывалъ, переходя къ постороннему разсказу, я перемѣнилъ систему докладовъ. Самыя сложныя дѣла я старался выражать въ сжатомъ видѣ съ моимъ мнѣніемъ, и видѣлъ полный успѣхъ въ этомъ. Князь Барятинскій иногда не соглашался съ моимъ мнѣніемъ; иную бумагу оставлялъ безъ вниманія, прося перейти къ слѣдующей, или заводя разговоръ о постороннемъ предметѣ; иной же разъ, обладая хорошею памятью и зная край, о докладываемомъ предметѣ дѣлалъ самыя мѣткія и справедливыя замѣчанія, или разсказывалъ характеристику лица, о которомъ шла рѣчь. Если же случались такія бумаги, которыя, по важности, сложности или запутанности своего содержанія, требовали размышленія, или заставляли колебаться,—онъ оставлялъ ихъ у себя по нѣсколько дней. Такія бумаги онъ нѣсколько разъ перечитывалъ, требовалъ разныхъ справокъ и давалъ ихъ читать такимъ лицамъ, отъ которыхъ надѣялся получить полезный совѣтъ. Слѣдовательно, несмотря на нетерпѣливость своего характера, онъ былъ остороженъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ опасался быть опрометчивымъ или несправедливымъ. Такія бумаги возвращались имъ

лично исполнителю съ словеснымъ мнѣніемъ, безъ резолюцій и замѣтокъ, которыхъ онъ избѣгалъ какъ потому, что вообще не любилъ писать, такъ и потому, что зналъ—какого труда будетъ стоить, чтобы ихъ разобрать. И, дѣйствительно, много времени тратилось на то, чтобы прочесть его письмо или резолюцію, сдѣланныя имъ въ его отсутствіе—такъ почеркъ былъ мелокъ и буквы неясны, несмотря на ихъ грамматическую правильность [1]).

Въ два часа князь Барятинскій обѣдалъ. Къ этому времени собирались въ столовой лица, прибывшія въ Грозную по дѣламъ и приглашенныя къ обѣду, а равно чины, принадлежащіе къ управленію лѣваго фланга и къ штабу 20-й пѣхотной дивизіи; не исключаемы были и переводчики чеченскаго и татарскаго языковъ, полагаемые по штату при начальникѣ лѣваго фланга. Такимъ образомъ, за столъ садилось ежедневно не менѣе двадцати человѣкъ.

Обѣдъ состоялъ, по обыкновенію, изъ четырехъ блюдъ, сытныхъ, вкусныхъ, но неизысканныхъ. Вино, налитое въ графины, было кахетинское или крымское—южнаго берега.

Послѣ обѣда всѣ расходились, или оставались на часъ-другой немногіе, по приглашенію. Въ это время подавали кофе и ликеръ.

По вечерамъ, около восьми часовъ, домъ князя опять наполнялся. Кто являлся по дѣламъ службы, а кто, по приглашенію, для составленія партіи въ ералашъ или на билліардѣ; первые расходились послѣ чая, по окончаніи своихъ служебныхъ занятій; послѣдніе же оставляли князя послѣ ужина, иногда за-полночь. Тутъ же, по вечерамъ, дѣлались самыя спѣшныя распоряженія, и разсылались нарочные по разнымъ направленіямъ, въ тѣхъ случаяхъ, если отъ лазутчиковъ, являвшихся всегда съ наступленіемъ темноты, получались заслуживающія вниманія и вѣроятія свѣдѣнія о покушеніяхъ и намѣреніяхъ непріятеля. А въ то время были получаемы довольно часто такія свѣдѣнія, напри-

---

[1]) Знавшіе близко князя А. И. Барятинскаго весьма справедливо объясняютъ нелюбовь покойнаго князя къ письменнымъ резолюціямъ тѣмъ, между прочимъ, что онъ не желалъ ими слишкомъ стѣснять исполнителей. Князь всегда держался той мысли, что исполнитель если и долженъ дѣйствовать по указаніямъ, ему сдѣланнымъ, то, для пользы дѣла, не долженъ быть излишне стѣсненъ въ подробностяхъ исполненія.

Ред.

мѣръ, что непріятель намѣревается угнать скотъ у такого-то укрѣпленія, или напасть на жителей, занимающихся полевыми работами у такой-то станицы, или сдѣлать засаду противъ нашихъ войскъ, посланныхъ въ такой-то лѣсъ за дровами.

Изъ всего сказаннаго оказывается, что обыкновенная жизнь князя Александра Ивановича въ Грозной была, дѣйствительно, обыкновенная и не отличалась ни роскошью, ни стѣснительными требованіями. Даже въ формѣ было облегченіе, потому что всѣ окружающіе его приходили къ нему безъ шашекъ. Онъ жилъ какъ добрый начальникъ съ своими подчиненными, которыхъ желалъ видѣть—какъ можно чаще, а въ экстренныхъ случаяхъ—имѣть исполнителей возлѣ себя.

Ни обѣдъ, ни вечеръ не были обязательны—каждый могъ располагать ими по своему желанію. Но, какъ онъ всегда спрашивалъ о тѣхъ, которые рѣже являлись къ обѣду или по вечерамъ, но которыхъ, между тѣмъ, онъ желалъ видѣть чаще,—то каждый и старался избѣгать этихъ вопросовъ.

Во время зимнихъ экспедицій и, вообще, военныхъ дѣйствій противъ непріятеля, жизнь князя была еще проще, и онъ еще чаще видѣлся съ своими подчиненными. Самъ онъ помѣщался въ палаткѣ, подбитой сукномъ, и немного больше офицерской. Для столовой разбивалась калмыцкая кибитка, и то въ такомъ только случаѣ, если предполагалось оставаться на одномъ мѣстѣ не менѣе двухъ сутокъ. Въ ней обѣдали, ужинали и пили чай—походный штабъ и всѣ состоящіе при князѣ и приглашаемые имъ, такъ что иной разъ садилось за столъ до тридцати человѣкъ. Несмотря на это, не было ни тѣсноты для сидящихъ за столомъ, ни бѣготни и суеты для прислуги, потому что все приноровлено было самымъ практическимъ образомъ къ походной жизни, какъ основанной на опытѣ. Вмѣсто четыреугольныхъ столовъ, было устроено нѣсколько такихъ складныхъ въ аршинъ шириною столиковъ, которые, будучи приставлены къ рѣшетчатымъ бокамъ кибитки, составляли такой же внутренній кругъ, какъ и основаніе кибитки. Такимъ образомъ, всѣ сидящіе за столомъ были обращены лицомъ къ бокамъ кибитки, а спиною къ центру. Не было ни стекла, ни фарфора или фаянса, а для обѣда и ужина употреблялся походный серебреный сервизъ князя, сдѣланный въ Англіи, и сгорѣвшій въ 1856 году въ Тифлисѣ,

вмѣстѣ съ каравансараемъ Тамамшева, гдѣ онъ находился на сохраненіи.

За исключеніемъ щей или супа, прочія готовыя кушанья, которыхъ за обѣдомъ было три, а за ужиномъ два, заблаговременно ставились на столъ въ особенныхъ блюдахъ съ крышками и на канфоркахъ, подогрѣваемыхъ спиртомъ; по числу-же кушаньевъ, передъ каждымъ ставилось столько же мелкихъ тарелокъ, ножей и вилокъ.

При такой предварительной сервировкѣ стола, достаточно было двухъ или трехъ человѣкъ прислуги, которые разнесли бы супъ или щи, да убрали бы послѣ каждаго кушанья тарелки. А это избавляло не только отъ излишней толкотни прислуги въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи, какъ кибитка, но и двери были заперты, что̀, въ особенности, необходимо было соблюдать при сильномъ морозѣ и метели.

Все свободное отъ занятій время князь Александръ Ивановичъ любилъ проводить внѣ палатки, прогуливаясь съ кѣмъ-нибудь по лагерю или сидя у костра. Этому послѣднему удовольствію онъ, въ особенности, любилъ предаваться послѣ обѣда и въ сумерки до ужина. И въ это время частенько раздавался смѣхъ и хохотъ отъ разсказаннаго имъ самимъ, или кѣмъ-нибудь другимъ, анекдота, или остраго словца. А князь любилъ пошутить и мастерски умѣлъ поразсказать, и самый обыкновенный случай представить въ смѣшномъ или забавномъ видѣ.

Случалось, что призывались къ костру и пѣсенники, и что смѣхъ и хохотъ, выражаясь по-просту, происходили или отъ выкинутаго колѣнца ложечника плясуна, или отъ залихватскихъ пѣсенъ запѣвалы и всего хора. Случалось и такъ, что смѣхъ, хохотъ и пѣсни прерывались отъ полета пуль или просвистѣвшаго ядра, но не ради неожиданности, и тѣмъ болѣе страха, а оттого, что всякій ожидалъ приказанія или распоряженія начальника. Но такіе случаи, по опытности князя въ кавказской войнѣ, мало его безпокоили. Пошлетъ кого-нибудь изъ присутствующихъ узнать о случившемся—и все продолжается по-прежнему.

Перейду къ личнымъ военнымъ достоинствамъ князя Александра Ивановича Барятинскаго.

Его мужество и личная храбрость хорошо извѣстны всѣмъ тѣмъ, кто участвовалъ съ нимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ; для

тѣхъ же, кто его не зналъ, служатъ доказательствомъ—его раны. Первую тяжелую рану, въ животъ, онъ получилъ въ началѣ своей службы, вообще, и боевой на Кавказѣ. Это было въ 1834 году, когда предпринята была экспедиція къ Шапсугамъ, подъ начальствомъ Вельяминова [1]). Второй разъ онъ раненъ въ ногу при взятіи горы Азалъ-тау, въ экспедицію 1845-го года съ графомъ Воронцовымъ. Князь былъ хладнокровно,—распорядителенъ, предпріимчивъ и твердъ въ своихъ предположеніяхъ и намѣреніяхъ. Явнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ этому служитъ то, что войска, находившіяся подъ его начальствомъ, не были понапрасну тревожимы, или чтобы они подвергались частымъ безцѣльнымъ передвиженіямъ. Если же что-нибудь предпринималось, то оканчивалось всегда полнымъ успѣхомъ и пораженіемъ непріятеля—слѣдовательно, совершалось неторопливо и вполнѣ обдуманно. Примѣромъ служатъ: движеніе нашихъ войскъ на Автурскія поля въ іюнѣ 1851-го года, проходъ по Большой Чечнѣ въ 1852 году и занятіе Мичика въ 1853 году. Все это было совершено съ весьма незначительной для насъ потерей, но было важно въ смыслѣ потрясенія власти Шамиля [2]).

Князь Барятинскій, будучи предпріимчивъ и твердъ въ своихъ предположеніяхъ, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и остороженъ. Осторожность его, въ особенности, замѣтна была при распросахъ о той мѣстности, по которой нужно было проходить. Онъ хорошо зналъ на опытѣ, какія важныя препятствія представляетъ природа въ кавказской войнѣ, и сколь часто самыя лучшія соображенія разрушались объ эти преграды [3]). И такая осторожность тѣмъ болѣе замѣчательна, что отъ природы онъ былъ нетерпѣливъ.

Чтобы имѣть точныя свѣдѣнія о непріятелѣ и мѣстности,

---

[1]) Барятинскій глубоко уважалъ и по-своему боготворилъ Вельяминова; князь многое заимствовалъ изъ кавказской опытности этого замѣчательнаго дѣятеля и сподвижника Ермолова.

[2]) По мнѣнію многихъ сослуживцевъ кн. Барятинскаго—это были первые шаги князя Александра Ивановича на пути къ исполненію зрѣло обдуманнаго и всесторонне разработаннаго имъ плана совершеннаго покоренія восточнаго Кавказа.

[3]) Дѣйствительно умный военный человѣкъ,—говаривалъ кн. Барятинскій,—не долженъ дѣйствовать на-авось, безъ крайности. Ред.

нужно было не только имѣть вѣрныхъ лазутчиковъ и проводниковъ, но и умѣть ихъ хорошо распросить. Черезъ деньги достигалось первое, черезъ умѣнье—послѣднее. Слѣдствіемъ же соединенія и того и другаго въ одно цѣлое—былъ постоянный успѣхъ, во вредъ непріятелю. Во время двухъ-лѣтняго управленія князя Барятинскаго лѣвымъ флангомъ не было такого случая, гдѣ бы непріятель, хотя маломальски, торжествовалъ, а напротивъ несъ пораженія на каждомъ шагу. Если же Шамиль и началъ нравственно упадать во мнѣніи чеченцевъ, то именно съ этого времени.

Никто другой,—какъ князь Барятинскій свергнулъ Шамиля съ вершинъ Кавказа и заточилъ въ Калугу. Онъ былъ единственнымъ главнымъ дѣятелемъ въ умиротвореніи Кавказа. Но я вовсе не намѣренъ исключительно восхвалять князя Барятинскаго, и обращаюсь къ его слабостямъ и недостаткамъ, хотя, по истинѣ сказать, мнѣ не хотѣлось бы о нихъ говорить. Въ этомъ случаѣ, любовь и уваженіе къ человѣку, о которомъ я теперь говорю, борятся съ безпристрастіемъ и справедливостію, столь присущими тому историческому изданію, на страницахъ котораго помѣщаю я эти записки.

Будучи, по рожденію и воспитанію, аристократомъ, князь Александръ Ивановичъ—хотя старался отречься отъ привычекъ, слабостей и недостатковъ, укоренившихся вслѣдствіе воспитанія, но не могъ вполнѣ достигнуть этого. Такъ онъ часто говорилъ, что не любитъ маменькиныхъ сынковъ, бабушкиныхъ внучковъ и тетушкиныхъ племянничковъ, а покровительствуетъ чисто заслугамъ и уму; но, на дѣлѣ, не всегда такъ исполнялъ.

Князя Барятинскаго нельзя было назвать надменнымъ аристократомъ; пожалуй, онъ не былъ и большимъ гордецомъ; но онъ былъ самолюбивъ и слабъ къ лести, отъ чего люди вообще не изъяты. Выслушивалъ и правду, но только, если она не задѣвала его самолюбія. Въ этомъ отношеніи онъ даже былъ иногда мелоченъ. Его, иной разъ, задѣвали такія вещи, на которыя другой вовсе не обратилъ бы вниманія. А въ такихъ случаяхъ, своею важностію, невниманіемъ и холодностію умѣлъ озадачить и дать понять свое величіе и ничтожество того, которому онъ давалъ понять свое неудовольствіе. Князь никогда не обижалъ, а тѣмъ болѣе не оскорблялъ словами, потому что никогда не горячился

и не выходилъ изъ себя. Въ этомъ отношеніи онъ умѣлъ мастерски владѣть собою, и неудовольствіе его выражалось краснотой лица и нахмуреніемъ бровей. Къ чести князя необходимо также сказать, что онъ былъ незлопамятенъ; неудовольствіе и гнѣвъ скоро проходили и забывались имъ. Самолюбіе дѣлало его, иной разъ, некстати упрямымъ, напримѣръ, въ мнѣніяхъ своихъ о людяхъ. Составивъ себѣ хорошее или дурное мнѣніе о комъ-нибудь, онъ, хотя и видѣлъ, что ошибается, но не сознавался въ этомъ и продолжалъ обращаться по-прежнему, ласково и привѣтливо, или холодно и невнимательно.

Про князя Александра Ивановича говорилось много несправедливаго, незаслуженнаго и даже обиднаго. Одни говорили изъ зависти, другіе изъ неудовольствія, третьи изъ страсти поболтать и посплетничать. Такъ, напримѣръ, выставляли его лѣнивымъ сибаритомъ, дурнымъ администраторомъ. Но все это сущая ложь. Что онъ не былъ лѣнивъ, а тѣмъ болѣе не былъ сибаритомъ, это доказываютъ зимнія экспедиціи, продолжавшіяся по два и болѣе мѣсяца, и всегда производившіяся подъ личнымъ его начальствомъ. Жизнь его въ отрядѣ, какъ видно изъ сдѣланнаго выше очерка, была простая и обыкновенная, и если былъ излишекъ, то дѣлался не ради его личныхъ удобствъ, а для другихъ. Дѣятельность же его, напротивъ, была огромна. Онъ вставалъ очень рано; почти ежедневно по нѣсколько часовъ не сходилъ съ коня; а при большихъ движеніяхъ случалось, что и сутки проводилъ на сѣдлѣ; часто и продолжительно бесѣдовалъ онъ съ лазутчиками и проводниками, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда предпринималось что-нибудь рѣшительное. И при всемъ этомъ, не оставлялъ безъ вниманія текущихъ дѣлъ и переписки.

Князь Барятинскій многаго не понималъ въ администраціи, съ той точки зрѣнія, какъ мы привыкли смотрѣть на нее; а тѣмъ болѣе онъ не могъ быть рутинеромъ-бюрократомъ, что, по нашимъ понятіямъ, должно сосредоточиваться въ администраторѣ, и чѣмъ оцѣниваются его достоинства. Князь не умѣлъ пересмотрѣть и разобрать сложнаго дѣла, не могъ составить форменной бумаги, какъ истый бюрократъ, потому что это пріобрѣтается временемъ и практикой, а онъ никогда не занимался канцелярскимъ дѣломъ. Да и нужно-ли это знаніе въ высшихъ административныхъ инстанціяхъ? Не ошибаются-ли, наоборотъ,

тѣ государственные люди, которые часы проводятъ въ кабинетныхъ занятіяхъ надъ исправленіемъ бумагъ и разсмотрѣніемъ пустыхъ дѣлъ? Вѣдь черезъ это невольно упускаются изъ виду болѣе важныя дѣла. Такой администраторъ, который, изъ недовѣрія или изъ страсти къ бюрократизму, обращаетъ много вниманія на редакцію бумагъ и тому подобное,—болѣе вреденъ, нежели полезенъ. Онъ невольно отягощаетъ мелочами не только самого себя, но и другихъ. Для администратора достаточно яснаго взгляда на дѣло и правильнаго его направленія, а не мелочной, обидной провѣрки докладчика или щепетильнаго исправленія бумагъ. А князь не лишенъ былъ здраваго смысла и яснаго ума, въ особенности, что касалось военнаго дѣла. Онъ зналъ и понималъ край, непріятеля, быть и нужды солдатъ — лучше многихъ другихъ.

Князя Барятинскаго выставляли отъявленнымъ волокитой, нарушавшимъ спокойствіе и семейное счастіе своихъ подчиненныхъ, награждавшимъ мужей за женъ, утопавшимъ, ради женщинъ, въ оргіяхъ и удовольствіяхъ. Въ этомъ тоже мало правды. Странно было бы съ моей стороны, еслибы я силился доказать, что онъ не любилъ женщинъ, и что женщины, въ свою очередь, не любили его за его красоту, ловкость, любезность, щедрость. Но не было того, чтобы онъ растлѣвалъ нравы и порождалъ соблазнъ между своими подчиненными. Всѣ подчиненные, когда онъ былъ полковымъ командиромъ и начальникомъ лѣваго фланга, положительно засвидѣтельствуютъ, что не было такого скандальнаго случая, чтобы нарушено было имъ спокойствіе и семейное счастіе подчиненнаго, а слѣдовательно, не было причины награждать мужей за женъ. Такого сближенія съ подчиненными онъ не дозволилъ бы себѣ по гордости и самолюбію. Притомъ, мнѣ неразъ приходилось слышать отъ него самого, какъ имъ всегда обвинялся тотъ начальникъ, который замѣшивался въ женскихъ интригахъ съ подчиненными. Не было и того, чтобы онъ, ради женщинъ, предавался непомѣрнымъ удовольствіямъ. Изъ грозненскихъ дамъ у него никто не бывалъ.....

II.

Зимняя экспедиція 1852-го года не отличалась отъ двухъ экспедицій 1851-го года ни предварительнымъ заготовленіемъ въ Воздвиженской сѣна, продовольствія, снарядовъ и патроновъ, ни составомъ отряда по числу баталіоновъ, эскадроновъ, сотенъ и орудій. Зато измѣнились самыя дѣйствія. Отрядъ уже не ограничивается посылкой колоннъ изъ лагеря для рубки лѣса и отраженіемъ нападеній непріятеля во время такихъ работъ, а періодически переходитъ и самъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Простоявъ на Аргунѣ восемь сутокъ и произведя съ незначительной перестрѣлкой нѣсколько рубокъ, по направленію къ Шали и Герменчуку, отрядъ, 14-го января 1852 г., передвигается на Джалку, гдѣ еще нѣсколько дней продолжаетъ рубить лѣсъ впереди этой рѣки. Несмотря на такія дѣйствія, угрожающія населенію Большой Чечни, непріятель дерется слабѣе прошлыхъ лѣтъ. Сборъ его уже не такъ многочисленъ. Шамиль уже не ободряетъ чеченцевъ и тавлинцевъ своимъ присутствіемъ, не требуетъ отъ нихъ клятвъ на стойкое сопротивленіе и не грозитъ смертію, въ случаѣ пораженія. Черезъ лазутчиковъ извѣстно, что имамъ собирается прибыть въ Автуръ, но что еще не выѣзжалъ изъ Веденя. Можетъ быть, непріятель не такъ охотно дерется и потому, что зима суровая, менѣе 15° по Реомюру не бываетъ. И дѣйствительно, холодъ большой, но погода ясная, сухая. Русскій человѣкъ не боится морозовъ, если онъ одѣтъ тепло, да сытно ѣстъ. Солдаты же имѣютъ полушубки, ѣдятъ ежедневно говядину и часто пьютъ водку. Отрядъ расположенъ посреди лѣса,—слѣдовательно, пылаютъ частые и огромные костры. Вокругъ нихъ не только днемъ, но и ночью, смѣхъ, говоръ, потому что большой морозъ не позволяетъ оставаться долго въ палаткѣ. Будучи одѣтъ въ овчинное пальто, мѣховые сапоги и покрытъ енотовой шубой,—да и то, бывало, выбѣжишь раза два-три впродолженіе ночи погрѣться возлѣ костра. Гдѣ-же солдатику вылежать всю ночь въ полушубкѣ и шинели, но безъ теплыхъ сапогъ, и не прибѣгнуть къ отрадному, спасительному костру.

20-го января вечеромъ назначено было ночное движеніе пяти баталіонамъ кабардинцевъ и куринцевъ и двумъ ротамъ Эриванскаго

гренадерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Майделя [1]), всей кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Крюковскаго, и десяти орудіямъ. Всѣ эти войска должны были выступить на-легкѣ, съ патронными ящиками, имѣя по одной повозкѣ на роту, эскадронъ и сотню; продовольствія имѣть для людей и лошадей на двое сутокъ. Всѣ знали, что идемъ впередъ, но куда именно—неизвѣстно. — Передъ выступленіемъ, палатки всего отряда должны быть сняты, тяжести уложены, и остающіяся войска должны отступить на Аргунъ, гдѣ и расположиться лагеремъ на мѣстѣ, занятомъ отрядомъ шесть дней тому назадъ.

Въ десять часовъ отрядъ раздѣлился на двѣ части; бо́льшая его часть, подъ личнымъ начальствомъ князя Барятинскаго, переправилась чрезъ Джалку; меньшая же начала отступленіе къ Аргуну.

Наступленіе производилось къ Автуру и Гельдигену. Эти два аула, отстоящіе отъ Джалки верстахъ въ 15—20, принадлежали къ самымъ богатымъ и населеннымъ Большой Чечни. Притомъ, въ Автурѣ находились склады продовольствія для андійцевъ, гумбетовцевъ, салатовцевъ и другихъ тавлинскихъ или дагестанскихъ обществъ, собранныхъ Шамилемъ для защиты Чечни. Тутъ-же находились два орудія, изъ которыхъ непріятель изрѣдка пострѣливалъ, съ весьма дальней дистанціи, по войскамъ, высылавшимся на рубку лѣса. Сюда же ожидалось прибытіе изъ Веденя Шамиля. Слѣдовательно, занятіе и уничтоженіе этихъ двухъ ауловъ, въ особенности же Автура, было важно для насъ.

Проводникомъ былъ чеченецъ Бота, хорошо говорившій по-русски. Онъ былъ офицеромъ нашей милиціи, но въ 1844 году ушолъ къ Шамилю и былъ наибомъ Мичиковскимъ, а въ прошломъ году опять перешелъ къ намъ. Хотя, по такимъ его дѣйствіямъ, не слѣдовало бы ему довѣряться, но князь Барятинскій обласкалъ его, купилъ ему домъ въ Грозной, осыпалъ его деньгами, обѣщалъ не забыть его и въ будущемъ. И Бота вполнѣ оправдалъ себя, и былъ весьма полезенъ, не только въ настоящей зимней экспедиціи, но и въ будущемъ.

Движеніе отъ Джалки къ Автуру, по причинѣ мороза и знанія мѣстности Ботою, направлявшимъ такъ искусно войска, что

---

[1]) Нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, комендантъ Петропавловской крѣпости, баронъ Е. И. Майдель. Ред.

они обходили всѣ встрѣчавшіеся на пути хутора,—было открыто непріятелемъ на разсвѣтѣ, когда мы начали подходить къ Хулхулау. По правую сторону этой незначительной въ зимнее время рѣки, на огромномъ возвышенномъ плато, окайменномъ горами, покрытыми лѣсомъ, и былъ раскинутъ Автуръ.

Раздались сигнальные выстрѣлы и крики сторожевыхъ. Поднялась тревога въ аулѣ; женщины и дѣти спасались въ горы и лѣса; мужчины же спѣшили занять возвышенный правый берегъ Хулхулау. Но картечь разсѣяла эти толпы, и мы, съ самой незначительной потерей, заняли Автуръ и расположились въ немъ, не предавая его уничтоженію. Все имущество, за исключеніемъ унесеннаго жителями, находилось въ нашихъ рукахъ. Торопиться войскамъ истреблять сакли не было надобности, потому что имъ объявлено было, что они останутся тутъ ночевать, и все, что найдутъ въ нихъ, будетъ принадлежать имъ. Такъ какъ въ аулѣ найдено было много скота, куръ, кукурузы и проса, то пиръ готовился на славу.

Но князь Барятинскій не думалъ еще объ отдыхѣ. Цѣль движенія еще не была вполнѣ достигнута. Впереди находился еще Гельдигенъ, который отстоялъ въ пяти верстахъ отъ Автура. Дорога вела къ нему хотя перелѣсками, но ровная и хорошая.

Для движенія къ Гельдигену было назначено изъ каждаго баталіона по двѣ роты, половина кавалеріи и шесть орудій; прочія же войска остались занимать Автуръ.

Наступленіе къ Гельдигену, оставленному жителями немедленно по полученіи извѣстія объ участи, постигшей автурцевъ, преданіе его огню и обратное движеніе къ Автуру—все это было совершено, съ незначительной перестрѣлкой, впродолженіе четырехъ часовъ, такъ что къ полудню всѣ уже были въ Автурѣ, предаваясь полной роскоши, какую могъ представить богатый чеченскій аулъ. Солдаты наѣлись вдоволь говядины, баранины, куръ и пшенной каши. Лошадямъ тоже было раздолье, потому что кромѣ овса, взятаго изъ лагеря, было много сѣна и кукурузы.

Перестрѣлка велась самая незначительная. Автурцы, ошеломленные потерею своего аула и имущества, еще не опомнились. Тавлинцы же и жители ближайшихъ хуторовъ занимались устройствомъ заваловъ и батарей на пути нашего отступленія.

На разсвѣтѣ 21-го января 1852 г., весь Автуръ запылалъ, а

когда начало всходить солнце, то кавалерія съ четырьмя конными орудіями находилась въ движеніи, вверхъ по Хулхулау. Густыя толпы пѣшаго непріятеля—бѣгомъ, конные—вскачь, оставивъ завалы, устроенные верстахъ въ пяти отъ Автура, спѣшили въ ущелье, чтобы занять входъ въ него.

Встрепенулся и Шамиль, прибывшій наканунѣ вечеромъ и ночевавшій у своего наиба Талгика. Вѣдь по Хулхулаускому ущелью вела дорога къ Веденю, отстоящему отъ Автура въ 25-ти верстахъ. Раздались выстрѣлы изъ двухъ непріятельскихъ орудій. Огромныя массы непріятеля толпились спереди и съ правой стороны. Этого было достаточно, потому что намъ только нужно было отвлечь непріятеля отъ той дороги, по которой слѣдовало проходить. Такъ какъ движеніемъ кавалеріи желаемая цѣль была достигнута, а потому она начала быстро отступать, и когда присоединилась къ пѣхотѣ, то завалы были обойдены ею, а черезъ канавы переброшены мосты изъ бревенъ и досокъ, взятыхъ изъ Автура. Хотя непріятель поздно замѣтилъ, что онъ обманутъ и одураченъ, но гнѣвный и бѣснующійся Шамиль приказалъ своимъ наибамъ настойчиво преслѣдовать насъ кавалеріей.

Несмотря на то, что непріятель, устрашенный гнѣвомъ своего имама, рвался изъ всѣхъ силъ; несмотря на то, что онъ въ одномъ лѣсу успѣлъ предупредить насъ и, спѣшившись, съ остервененіемъ бросился въ шашки на наше лѣвое прикрытіе и арріергардъ,—мы возвратились въ лагерь къ тремъ часамъ съ небольшой потерей. Было три человѣка убитыхъ, да 25 раненыхъ.

По возвращеніи изъ Автура, отрядъ отдыхалъ впродолженіе шести дней, и только одинъ разъ была послана усиленная колонна на рубку лѣса за Джалку.

27-го января утромъ были отправлены въ Воздвиженскую всѣ тяжести и половина палатокъ. Съ наступленіемъ же вечера, приказано было снять и остальныя палатки и быть въ полной готовности къ движенію, имѣя съ собою на четыре дня продовольствія. Всѣ полагали, что двинемся впередъ.

«Нашъ князь хочетъ добраться до Шамиля. Вотъ знатная будетъ пожива, когда возьмемъ Ведень»—разсуждали между собою солдаты.

Но, вмѣсто движенія впередъ, отрядъ началъ переправляться чрезъ Аргунъ.

«Вишь ты, какъ князь то хитро-мудро дѣйствуетъ»—продолжали разсуждать солдаты; и тогда только увѣрились, что двигаются въ противуположную сторону отъ Большой Чечни, когда увидѣли знакомую имъ Гойтинскую просѣку.

Отрядъ, за исключеніемъ шести ротъ куринцевъ, своднаго линейнаго баталіона, двухъ донскихъ сотенъ и четырехъ орудій, отправленныхъ въ Воздвиженскую и Грозную съ палатками,—перейдя Гойтинскій лѣсъ, повернулъ налѣво къ горамъ. Здѣсь, по верховьямъ Гойты, Мартана, Рошни и Гехи, въ горныхъ и лѣсныхъ трущобахъ, находилось множество хуторовъ, въ совокупности составлявшихъ населеніе болѣе чѣмъ изъ 2-хъ т. семей.

Эти трудно-доступныя мѣста начали заселяться съ 1845 г., и, по мѣрѣ прорубки Гойтинскаго и Гехинскаго лѣсовъ, а также движенія нашихъ отрядовъ зимою съ 1846-го по 1848-й годъ, подъ начальствомъ Фрейтага и Слѣщова,—населеніе постоянно усиливалось новыми переселенцами изъ разныхъ ауловъ Малой Чечни и наконецъ дошло до настоящей цифры. Будучи защищено естественными преградами, это огромное населеніе жило тамъ безнаказанно, тогда какъ, въ свою очередь, оно часто безпокоило наши войска и мирныхъ чеченцевъ, жившихъ возлѣ укр. Урусъ-Мартанскаго, во время покосовъ, полевыхъ работъ и заготовленія дровъ. Небольшой гарнизонъ Урусъ Мартана не могъ быть для нихъ опасенъ.

Чтобы нанести рѣшительный и окончательный ударъ этому населенію, необходимо было занять одновременно все пространство между верховьями Гойты и Гехи. Но для этого недостаточно было однихъ войскъ нашего отряда, а потому князь Барятинскій согласился дѣйствовать одновременно съ барономъ Вревскимъ, бывшимъ въ то время начальникомъ Владикавказскаго военнаго округа. Баронъ Вревскій долженъ былъ дѣйствовать между Мартаномъ и Гехи, а нашъ отрядъ—между Гойтой и Мартаномъ.

Ночь, въ которую предпринято было движеніе къ верхнегойтинскимъ хуторамъ, хотя была менѣе морозна той ночи, въ которую совершалось движеніе къ Автуру, но она была непріятнѣе по холодному вѣтру и рѣдкому туману, походящему на мглу. Неразъ пробѣгала дрожь по тѣлу, и вообще было какъ-то непріятно. Чѣмъ ближе подвигались мы къ предмету дѣйствія, тѣмъ туманъ усиливался, а вѣтеръ стихалъ. Проводники нѣсколько разъ сбивались съ пути, войска должны были останавливаться.

Передъ разсвѣтомъ отрядъ остановился на возвышенности, но впереди ничего не было видно, хотя Бота увѣрялъ князя, что хутора находились передъ нами. Но вотъ началъ озаряться востокъ, а туманъ исчезать,—и впереди насъ представилось огромное гористое пространство, усѣянное множествомъ отдѣльныхъ саклей, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ срубленными деревьями, между которыми находились участки въ нѣсколько квадратныхъ саженъ, засѣваемые кукурузою.

Влѣво, гдѣ мѣстность была болѣе изрыта балками и оврагами, и гдѣ населеніе было гуще, направлены были, подъ начальствомъ полковника Майделя съ дивизіономъ горныхъ орудій, четыре баталіона. Кавалерія, съ однимъ баталіономъ и орудіями, была двинута, подъ начальствомъ Крюковскаго, вправо. Князь Барятинскій, съ двумя баталіонами, четырьмя орудіями и эскадрономъ драгунъ, остался на возвышеніи.

Четыре баталіона, посланные влѣво, исчезли въ балкахъ и оврагахъ, и только частая ружейная перестрѣлка и рѣдкіе орудійные выстрѣлы давали знать, что тамъ завязалось дѣло. Наконецъ, по удаляющимся выстрѣламъ можно было догадываться, что пѣхота быстро подвигается впередъ. И дѣйствительно, полковникъ Майдель дѣйствовалъ съ полнымъ успѣхомъ. Онъ съ быстротою и съ незначительною потерею, занялъ огромное пространство съ юго-восточной стороны, предавая все истребленію, потому что непріятель не хотѣлъ сдаваться, но сопротивлялся, а, слѣдовательно, умиралъ.

Совсѣмъ другимъ образомъ начались дѣйствія кавалеріи. Вмѣсто того, чтобы обскакать хутора съ западной стороны, по мѣстности довольно открытой и ровной, мы видимъ, что часть ея несется между хуторами, и что за нею, какъ бы въ догонку, летитъ другая, бо́льшая часть.

— Не быть добру—вскрикиваетъ князь, направляя на-перерѣзъ 2-й баталіонъ Эриванскаго гренадерскаго полка.

И дѣйствительно, слова князя, къ несчастію, оправдались. Черезъ нѣсколько минутъ прискакалъ съ извѣстіемъ переводчикъ Арцу, что Крюковской убитъ, и что много казаковъ перебито. Всѣ мы были поражены этою вѣстью; но болѣе всѣхъ былъ пораженъ князь не столько за отвѣтственность, сколько изъ любви и уваженія его къ Крюковскому.

— Драгуны, за мной!—крикнулъ онъ, ударяя плетью своего

коня. И драгуны, и всѣ окружающіе помчались за нимъ. Но когда мы прискакали къ тому мѣсту, гдѣ лежали тѣла Крюковскаго, подполковника Полозова и еще нѣсколькихъ казаковъ, то непріятеля уже не было, и не слышно было перестрѣлки; пылали только сакли, да валялось множество чеченскихъ труповъ. Эриванцы, драгуны и казаки отомстили за смерть своихъ собратій.

Этимъ печальнымъ эпизодомъ заключилось совершенное истребленіе верхне-гойтинскихъ хуторовъ, которые пылали повсемѣстно. Много погибло чеченцевъ, защищая своихъ женъ, дѣтей, имущество и жилища. Плѣнныхъ было мало, однѣ только женщины и дѣти, но скота и имущества захвачено достаточно. Неменѣе успѣшны были дѣйствія барона Вревскаго по Рошнѣ и Гехи. Несмотря на это, потеря наша, сравнительно съ другими дѣлами, была большая. Кромѣ Крюковскаго и Полозова, былъ убитъ сотникъ Дороховъ, виновникъ происшедшаго безпорядка, и 25 нижнихъ чиновъ—почти все казаки; да ранено до 80 человѣкъ—въ томъ числѣ наполовину казаковъ.

Сотникъ Владикавказскаго казачьяго полка, Дороховъ, былъ крайне заносчивъ, вспыльчивъ и раздражителенъ. Два раза былъ разжалованъ въ рядовые: одинъ разъ за дуэль, на которой убилъ своего товарища, а другой разъ за оскорбленіе начальника. Былъ хорошо образованъ и много читалъ. Съ Крюковскимъ онъ былъ на товарищеской ногѣ; не знаю только, по какимъ причинамъ они были такъ близки между собою. Дороховъ былъ начальникомъ ракетной команды при кавалеріи. Крюковской приказалъ ему выѣхать на близь-лежащую возвышенность и пустить по разнымъ направленіямъ нѣсколько ракетъ. Но когда онъ или не понявъ приказанія, или неумѣстно увлекаясь, скрылся за указаннымъ возвышеніемъ, то Крюковской, приказавъ подполковнику Полозову слѣдовать за нимъ съ двумя сотнями, поскакалъ за Дороховымъ; но, вмѣсто того, чтобы остановить его, попалъ подъ залпъ выстрѣловъ десятка чеченцевъ, засѣвшихъ въ саклѣ и за заборомъ,—и вмѣстѣ съ Полозовымъ и еще нѣсколькими казаками—палъ мертвымъ. Виновникъ же этого безпорядка, Дороховъ, былъ найденъ съ девятью казаками ввѣренной ему команды, въ полу-верстѣ далѣе, голымъ и обезображеннымъ.

Тѣло Крюковскаго было отвезено въ стан. Екатериноградскую, гдѣ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ, какъ командиръ Горскаго полка,

и было предано землѣ съ подобающею честію наказнаго атамана. Миръ праху твоему, добрый, честный и благородный человѣкъ!

На другой день отрядъ выступилъ изъ Урусъ-Мартана. Войска, принадлежащія къ составу воздвиженскаго гарнизона, направились въ эту крѣпость. Эриванцы, тенгинцы и навагинцы пошли прямымъ путемъ въ свои штабъ-квартиры на Сунженской линіи. Всѣ-же остальныя затѣмъ войска двинулись на отдыхъ въ Грозную. Но этотъ отдыхъ былъ непродолжителенъ. 1-го февраля 1852 г. отрядъ, въ составѣ восьми баталіоновъ кабардинцевъ, куринцевъ и сводnаго линейнаго дивизіона драгунъ, пяти сотенъ и четырнадцати орудій, переправившись чрезъ Аргунъ, не переходя Ханкале, у подножія восточной горы этого ущелья,—расположился лагеремъ на правомъ берегу этой рѣки, у бывшаго аула Берды-келя, съ тѣмъ, чтобы отъ него прорубиться на Джалку.

Главная причина, побудившая князя Барятинскаго избрать такое направленіе, была та, что это былъ кратчайшій путь къ Маюртупу и Мичику, слѣдовательно, пролегающій поперекъ всей Большой Чечни, притомъ болѣе удаленный отъ горъ и менѣе лѣсистый. Тутъ-же, между Джалкой и Аргуномъ, толпилось значительное населеніе, которое полезно было заставить, или принести намъ покорность, или удалиться въ горы. Кромѣ того расположеніе здѣсь отряда было выгодно и въ хозяйственномъ отношеніи, потому что Грозная, гдѣ находились главные военные и продовольственные склады и имѣлись огромные запасы сѣна, отстояла отъ Берды-келя только въ четырнадцати, а отъ Джалки въ двадцати верстахъ. Только Аргунъ, и то вначалѣ, когда не были сдѣланы спуски и устроены мосты черезъ нѣсколько его рукавовъ, представлялъ нѣкоторыя затрудненія въ сообщеніи. Идущая-же здѣсь чеченская арбяная дорога пролегала по мѣстности ровной и большею частію открытой.

Рубка лѣса сначала по Аргуну, а потомъ между этой рѣкой и Джалкой, производилась съ незначительной перестрѣлкой и преимущественно съ жителями окрестнаго населенія. Только нашъ Талгикъ съ значительной партіей и даже съ двумя орудіями покушался вначалѣ нѣсколько разъ препятствовать нашимъ работамъ. Но послѣ пораженія, нанесеннаго ему кабардинцами и нашей кавалеріей 8-го февраля, гдѣ онъ, будучи раненъ, едва не попался въ плѣнъ, и не были захвачены орудія, —прекратились и эти покушенія непріятеля.

А потому войска наши, не встрѣчая сопротивленія со стороны чеченцевъ, несмотря на свой уменьшенный составъ, работали очень успѣшно. Хотя лѣсу было истреблено много, но безъ малѣйшаго изнуренія для отряда, потому что давались частые отдыхи. Притомъ и погода стояла постоянно хорошая. Дни были солнечные, теплые, тихіе. По ночамъ морозъ простирался не свыше восьми градусовъ по Реомюру.

Доказательствомъ тому, какъ покойна была наша лагерная стоянка, и какъ прекрасна была погода,—служитъ то, что два раза на масляницѣ пріѣзжала, съ другими дамами, княгиня Воронцова къ своему мужу, командиру Куринскаго полка; чего нельзя было допустить прежде—и нестолько по тревожному положенію лагеря, сколько по холодному времени.

10-го февраля 1852 г., прибыли съ Сунженской линіи въ отрядъ два баталіона тенгинцевъ, съ своимъ полковымъ командиромъ, генералъ-маіоромъ Веревкинымъ. Вслѣдъ затѣмъ, прибыли въ отрядъ четыре сотни Гребенскаго, Моздокскаго и Горскаго полковъ.

Такое усиленіе отряда заставляло каждаго предполагать, что будетъ предпринято что-нибудь особенное. Эти толки росли и разнообразились, еще и потому, что въ отрядъ прибылъ дивизіонъ горныхъ орудій, а саперы занимались устройствомъ двухъ складныхъ мостовъ, отъ двухъ до трехъ саженъ длиною, и заготовленіемъ фашинъ. Но до 2-го марта отрядъ продолжалъ заниматься, по-прежнему, рубкой лѣса. Вечеромъ этого числа, отдано было приказаніе снять палатки и уложить всѣ тяжести. Восемь баталіоновъ кабардинцевъ, куринцевъ, тенгинцевъ, рота саперъ, дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ, шесть сотенъ линейныхъ казаковъ, шестнадцать орудій, въ томъ числѣ по дивизіону конныхъ и горныхъ,—должны были быть готовы къ выступленію съ полнымъ комплектомъ боевыхъ патроновъ и зарядовъ. Каждый солдатъ и казакъ долженъ былъ имѣть съ собою на четыре дня сухарей и по фунту вареной говядины. Каждая рота, эскадронъ и сотня должны были взять по одной порожней, но съ хорошею упряжью, повозкѣ и имѣть съ собою опредѣленное число носилокъ для раненыхъ и перевязочныя средства по положенію. Сверхъ того, на 50 транспортныхъ повозкахъ были уложены въ ящикахъ, привезенныхъ изъ Грозной, боевые заряды, патроны и ракеты, также два складныхъ моста для переправы черезъ канавы. Не была забыта походная

аптека и фирбантъ. Въ полночь всѣ означенныя войска, такимъ образомъ снаряженныя, выступили изъ лагеря и двинулись по просѣкѣ на Джалку. Остальныя, затѣмъ, войска, а именно: баталіонъ куринцевъ, сводный линейный баталіонъ, два орудія, двѣ сотни дунайскихъ и сотня донскихъ казаковъ, переправившись на разсвѣтѣ съ тяжестями черезъ Аргунъ, должны были прибыть въ Грозную.

Воинскому начальнику этой крѣпости предписывалось: тяжести кабардинцевъ отправить черезъ Николаевскій и Шелковаводскій мосты въ мѣста ихъ расположенія; ротные котлы съ недѣльной провизіей прочихъ войскъ направить, подъ особымъ прикрытіемъ, черезъ Брагуны и Умаханъ-юртъ, въ Куринское, съ тѣмъ, чтобы они прибыли туда не позже вечера другаго дня; палатки же и прочія тяжести этихъ послѣднихъ войскъ оставить въ Грозной до особаго распоряженія.

Сверхъ того, въ день выступленія отряда было послано особое предписаніе полковнику Бакланову въ Куринское. Ему предписывалось стянуть въ это укрѣпленіе изъ Герзель-аула и Хасавъ-юрта такое число войскъ, чтобы онъ могъ выступить за Мичикъ, когда получитъ о томъ особое приказаніе, съ своимъ донскимъ полкомъ, четырьмя конными орудіями, и ни въ какомъ случаѣ не менѣе, какъ съ шестью ротами пѣхоты.

Часа за два до разсвѣта мы переправились чрезъ Джалку, а съ восходомъ солнечнымъ, у аула Іомене, расположеннаго на канавѣ, проведенной изъ Хулхулау, той же самой рѣки, на которой находился и Автуръ,—завязалась первая перестрѣлка съ одиночными всадниками.

Цѣль этого движенія была, по-преимуществу, нравственная. Нужно было, наконецъ, доказать чеченцамъ, что наступило то время, когда мы можемъ пройти тамъ, гдѣ желаемъ, и что не помѣшаютъ этому никакія усилія и увѣренія Шамиля. Такъ онъ увѣрялъ чеченцевъ, что не пропуститъ русскихъ въ Большую Чечню черезъ Шалинскій лѣсъ. Также точно онъ утѣшалъ ихъ послѣ раззоренія Автура, что русскіе погибнутъ, если вторично перейдутъ Хулхулау. Въ утѣшеніе и успокоеніе чеченцевъ онъ напоминалъ имъ 1842-й и 1845-й годы. И легковѣрные чеченцы вѣрили ему. Но Шамиль дѣлалъ это собственно только для ободренія чеченцевъ; въ душѣ же сознавалъ, что ему не сладить съ русскими, потому что они, послѣ Ичкеринскаго и Даргинскаго походовъ, сдѣлались, въ свою оче-

редь, опытнѣе. Между тѣмъ, силы непріятеля отъ безпрерывныхъ и часто кровопролитныхъ боевъ постоянно слабѣли, тогда какъ наши не уменьшались, потому что постоянно пополнялись. Здѣсь, кстати, упомяну, прежде чѣмъ приступлю къ разсказу о двухъ-дневномъ проходѣ съ боемъ черезъ Большую Чечню,—объ отданномъ войскамъ княземъ Барятинскимъ особомъ приказаніи. Оно было основано какъ на сохраненіи большаго порядка въ войскахъ, такъ и на распоряженіи, сдѣланномъ самимъ Шамилемъ.

Приказаніе заключалось въ томъ, чтобы войска не занимались зажженіемъ, разореніемъ и грабежемъ сакель въ тѣхъ аулахъ, черезъ которые они будутъ проходить. «Грабежъ тѣмъ болѣе будетъ неумѣстенъ, прибавлялось въ приказаніи,—что сакли будутъ пусты, потому что Шамиль, послѣ разоренія Автура, приказалъ жителямъ ближайшихъ къ отряду ауловъ хранить все имущество въ лѣсахъ».

И дѣйствительно, это приказаніе Шамиля, существовавшее и прежде, послѣ разоренія Автура строго подтвердилось, и всѣ аулы, лежащіе по эту сторону Хулхулау, положительно были оставлены; да и по ту сторону этой рѣки нѣкоторые были брошены, а жители всѣхъ прочихъ были въ постоянной готовности къ спасенію въ близь-лежащіе лѣса. Слѣдовательно, разгромъ Автура навелъ немалый всеобщій страхъ на чеченцевъ. И дѣйствительно, положеніе Чечни было жалко и ужасно. Но что же дѣлать: послѣдствія войны всегда одинаково безчеловѣчны и жестоки.

Первая встрѣча съ Шамилемъ, заблаговременно намъ подготовленная, была на Хулхулау. На переправѣ черезъ эту небольшую горную рѣку, затруднившую насъ не быстротой и глубиной, но широтой ложа и еще болѣе многими канавами, была открыта перекрестная и, по обыкновенію, отдаленная пальба изъ четырехъ орудій. Завязалась и сильная ружейная перестрѣлка съ непріятелемъ, засѣвшимъ въ перелѣскахъ. Но переходъ былъ совершенъ съ незначительной потерей. Пѣшій непріятель былъ отброшенъ штыками; конный же, показавшійся въ значительномъ числѣ съ правой стороны, былъ опрокинутъ драгунами и казаками за Гельдигенъ.

Движеніе продолжалось. Но, не пройдя и двухъ верстъ отъ Хулхулау, отрядъ былъ остановленъ глубокой канавой, на которой не только были разобраны мосты, но и матеріалъ отъ нихъ

былъ унесенъ, а берега обрыты отвѣсно. Однако, два складные моста, уложенные на транспортныхъ повозкахъ, немедленно были перекинуты черезъ канаву для переѣзда орудій и повозокъ, а для перехода войскъ были устроены саперами спуски, и не болѣе какъ черезъ часъ отрядъ уже былъ по ту сторону канавы.

Въ это время гремѣла перестрѣлка со всѣхъ сторонъ; въ особенности, она была сильна въ арріергардѣ, гдѣ были куринцы, и въ лѣвомъ прикрытіи, занятомъ тенгинцами. Между тѣмъ непріятельскіе орудійные выстрѣлы пронизывали колонну и немало безпокоили фурлейтовъ и сидящихъ на повозкахъ раненыхъ, которыхъ значительно подбавилось.

У Кулишъ-юрта, что въ пяти верстахъ отъ Хулхулау, Шамиль, одновременно съ пѣхотой, засѣвшей въ лѣсу съ правой стороны, произвелъ нападеніе кавалеріей на авангардъ; но кабардинцы съ кавалеріей отразили его съ большимъ урономъ. Этимъ прекратился бой, такъ что остальныя семь верстъ до Маюртупа были пройдены съ ничтожной перестрѣлкой.

Маюртупъ, какъ и всѣ другіе аулы, мимо которыхъ намъ приходилось проходить, заблаговременно оставленный жителями, былъ занятъ нами съ наступленіемъ сумерекъ, безъ малѣйшаго сопротивленія. Здѣсь рѣшено было переночевать, и войска расположились вокругъ аула бивуакомъ.

Этотъ отдыхъ былъ необходимъ какъ для войскъ, такъ, въ особенности, для раненыхъ и контуженныхъ, которыхъ оказалось 52 человѣка; да сверхъ того, было убито 4 человѣка.

Эта потеря могла считаться небольшою, если принять во вниманіе, что съ девяти часовъ и до четырехъ по-полудни, на протяженіи четырнадцати верстъ, войска должны были постоянно драться и неразъ прокладывать себѣ путь штыками и картечью. Такую незначительную потерю надо отнести къ неторопливому слѣдованію войскъ, правильному направленію боковыхъ прикрытій, всегда идущихъ въ надлежащемъ разстояніи, хорошему выбору позицій для артиллеріи и своевременному употребленію въ дѣло кавалеріи.

Спустя часа три послѣ прихода въ Маюртупъ столь огромнаго числа незваныхъ гостей, въ немъ все поуспокоилось и притихло. Послѣ 36 часовъ, проведенныхъ безъ сна, и тридцативерстнаго похода, каждый нуждался въ отдыхѣ. Кто предавался сну въ саклѣ, кто подъ навѣсомъ, а кто возлѣ потухающаго ко-

стра. Успокоились напоенные, накормленные и перевязанные раненые. Только изрѣдка раздавались стоны, тяжело-раненыхъ и ампутированныхъ, которыхъ было человѣкъ съ двѣнадцать. Въ особенности страдалъ сотникъ конно-казачьей артиллеріи Чуксѣевъ, которому раздробило ядромъ ногу.

Но бодрствовали еще долго—князь Барятинскій и походный штабъ, собиравшій разныя свѣдѣнія и дѣлавшій распоряженія о пополненіи зарядовъ и патроновъ.

Александръ Ивановичъ бесѣдовалъ съ лазутчиками и проводниками, а болѣе всего совѣщался съ Ботою. Тутъ же, у него въ саклѣ, изготовлялось въ двухъ экземплярахъ предписаніе полковнику Я. П. Бакланову. Ему писалось, чтобы онъ съ тѣми войсками, о которыхъ упоминалось въ предписаніи, заблаговременно къ нему посланномъ, — двинулся за Мичикъ и, по первымъ выстрѣламъ, слѣдовалъ къ маюртупскому орѣшнику на соединеніе съ нами, у выхода изъ этого лѣса.

Предписаніе полковнику Бакланову заготовлялось въ двухъ экземплярахъ потому, что предполагалось послать въ укр. Куринское, отстоящее отъ Маюртупа верстахъ въ двадцати, двухъ надежныхъ чеченцевъ, разумѣется, за хорошую плату, по двумъ различнымъ направленіямъ. Это дѣлалось на всякій случай, для большей вѣрности. Еслибы не довелось доѣхать одному, то доѣдетъ другой. Но этого не случилось. Оба нарочные доѣхали до Куринскаго благополучно и своевременно, такъ что Баклановъ исполнилъ съ точностью все на него возложенное.

Ночлегъ въ Маюртупѣ, этомъ богатомъ и большомъ аулѣ, былъ проведенъ совершенно покойно. Ночь была хотя довольно холодная, но ясная. Чистое небо, озаренное лучами восходящаго солнца, предвѣщало такой же хорошій, теплый день, какъ и прошедшій. Съ разсвѣтомъ, безъ барабаннаго боя и трубныхъ звуковъ, войска начали выходить изъ аула и выстраиваться по обѣимъ сторонамъ Гудермеса, согласно составленной диспозиціи.

Вывезены были изъ аула перевязанные, напоенные чаемъ и накормленные раненые; а за ними везлись на отдѣльныхъ повозкахъ, которыхъ, по раздачѣ зарядовъ и патроновъ, было много свободныхъ,—и убитые, съ тѣмъ, чтобы ихъ предать вѣчному покою не на вражьей, а на своей землѣ. Наконецъ, выѣхалъ князь Барятинскій со штабомъ, а Маюртупъ не пылалъ, потому что

не приказано было его жечь. Маюртупъ безмолвствовалъ, и мы оставляли его, какъ бы прощаясь съ невидимыми существами, гостепріимно насъ угостившими—такъ было въ немъ покойно и тихо, когда выступилъ изъ него арріергардъ. Однако, каждый понималъ, что это затишье передъ боевой бурей. Черезъ лазутчиковъ князь Барятинскій зналъ, что Шамиль готовитъ намъ кровавый сюрпризъ за Гудермесомъ, въ Маюртупскомъ лѣсу, извѣстномъ по стойкому сопротивленію чеченцевъ еще со временъ Ермолова и Вельяминова.

«Если же русскіе не потерпятъ пораженія въ этомъ лѣсу, то мы ихъ поразимъ на Гонсолѣ и Мичикѣ»,—такъ снова обнадеживалъ Шамиль чеченцевъ.

Сообразно съ этими свѣдѣніями, по переправѣ черезъ Гудермесъ, текущій здѣсь въ крутыхъ берегахъ, и по подъемѣ на правый его берегъ, по довольно хорошей арбяной дорогѣ,—отрядъ двинулся въ Маюртупскій лѣсъ. Три баталіона куринцевъ, съ четырьмя орудіями, составляли авангардъ и лѣвое прикрытіе; два же баталіона тенгинцевъ, съ дивизіономъ горныхъ орудій, прикрывали справа. Этотъ лѣсъ начинался саженяхъ во ста отъ Гудермеса и тянулся версты на полторы. Тамъ, гдѣ росли большія чинары и дубъ, онъ былъ рѣдокъ; тамъ же, гдѣ росъ орѣшникъ, была чаща. Орѣшникомъ начинался и кончался лѣсъ; въ серединѣ же, гдѣ пролегала дорога, онъ былъ довольно рѣдокъ.

Куринцы и тенгинцы двинулись черезъ лѣсъ подъ непріятельскими выстрѣлами изъ четырехъ орудій, поставленныхъ на двухъ курганахъ, и, когда прикрытія окаймили съ обѣихъ сторонъ проходящую черезъ него дорогу, были двинуты повозки. Пальба изъ непріятельскихъ орудій, расположенныхъ на этотъ разъ довольно близко, участилась и была весьма мѣтка. Подгонять фурлейтовъ не было надобности, и переѣздъ повозокъ, несмотря на стоны и крики раненыхъ отъ толчковъ по корнямъ деревьевъ и частымъ выбоинамъ, былъ совершонъ весьма быстро къ авангарду, выходившему на чистое мѣсто, гдѣ уже ожидалъ Бакановъ, исполнившій въ точности данное ему приказаніе.

Еслибы съ такою же быстротою могъ пройти черезъ лѣсъ арріергардъ, состоявшій изъ двухъ баталіоновъ кабардинцевъ при 4 орудіяхъ, бывшій подъ начальствомъ барона Николаи,—и могли двигаться боковыя прикрытія, то мы совершили бы это движеніе съ самой незначительной потерей. Но огромныя массы пѣшаго

непріятеля ударили сначала на тенгинцевъ, а потомъ на кабардинцевъ въ то время, когда двинулся обозъ.

Разсчетъ чеченцевъ былъ тотъ, чтобы, прорвавъ цѣпи, ворваться въ середину, какъ это неразъ удавалось имъ прежде; однако, на этотъ разъ такой разсчетъ былъ совершенно неуспѣшенъ. Завязалась сильная перестрѣлка и рукопашная схватка у тенгинцевъ и кабардинцевъ. И тѣ и другіе молодецки выдержали напоръ непріятеля. Слѣдованіе кабардинцевъ черезъ лѣсъ перекатными цѣпями было превосходно; нужно было удивляться хладнокровію и стойкости, съ которыми встрѣчали непріятеля штыкъ и картечь заднихъ частей, когда переднія оставляли съ быстротою свои позиціи.

Хотя проходъ черезъ Маюртупскій лѣсъ удвоилъ нашу потерю, и, при томъ, раны большею частію были тяжелыя, но онъ былъ славенъ для насъ и унизителенъ для Шамиля, потому что снова сильно поколебалъ его во мнѣніи чеченцевъ.

«Да мы гораздо больше нанесли бы вреда русскимъ на ночлегѣ въ Маюртупѣ, нежели теперь»—говорили недовольные чеченцы.

Мы всѣ были рады соединенію съ Бакла новымъ. Мы радовались не усиленію нашего отряда семью ротами, шестью сотнями казаковъ и четырьмя орудіями, потому что и безъ того были самостоятельны и сильны, чтобы окончить предпринятый нами походъ черезъ Большую Чечню; но всѣ знали, что Баклановъ и многіе изъ его казаковъ знаютъ трудную мѣстность, по которой намъ оставалось пройти до Куринскаго,—если не лучше, то не хуже самого Боты. А на этомъ десяти-верстномъ разстояніи особенно трудными препятствіями считались Гонсолъ и Мичикъ.

О послѣдней изъ этихъ рѣчекъ я упоминалъ уже ранѣе, и еще подробнѣе буду говорить о ней ниже. Что же касается Гонсола, притока Мичика, то хотя онъ протекалъ въ еще болѣе отвѣсныхъ и высокихъ берегахъ нежели Мичикъ, но зато менѣе поросшихъ лѣсомъ. Слѣдовательно, обѣ эти рѣчки могли если не остановить, то затруднить наше движеніе.

Но переходъ черезъ Гонсолъ, противъ нашего ожиданія, былъ совершонъ безпрепятственно со стороны непріятеля. Были видны только огромныя его массы, тянувшіяся по подножію Черныхъ горъ отъ Маюртупа къ Мичику. По переправѣ черезъ Гонсолъ, около полудня, былъ данъ отдыхъ. Торопиться было нечего, потому что до Мичика оставалось не болѣе трехъ верстъ, да

столько же отъ Мичика до Куринскаго. Солдаты поѣли сухарей, съ чистой родниковой водицей, а у кого уцѣлѣла говядина, то тотъ полакомился и ею; полежали на рыхломъ и быстротающемъ отъ теплаго солнышка снѣгу. Кавалерія и артиллерія напоили и накормили своихъ лошадей остатками овса. Въ этотъ двухъ-часовой отдыхъ, значительная масса непріятельской кавалеріи собралась на ровномъ и открытомъ плато между Гонсоломъ и Мичикомъ. Съ движеніемъ отряда впередъ Бакланову приказано было произвести атаку кавалеріей. Два баталіона тенгинцевъ посланы для поддержки кавалеріи и на случай дѣла съ непріятельской пѣхотой, которая легко могла скрываться въ пересѣченныхъ мѣстахъ.

Атака была произведена со свойственною Бакланову смѣлостію и стремительностію, и непріятель былъ опрокинутъ и болѣе версты преслѣдуемъ драгунами, казаками и картечью изъ конныхъ орудій. Нѣсколько тѣлъ осталось на мѣстѣ атаки, и много лошадей бѣгало безъ сѣдоковъ. Эта молодецкая атака была причиной того, что Шамиль оборонялся на Мичикѣ весьма слабо и ограничился одной канонадой изъ орудій.

Наконецъ отрядъ, при лунномъ свѣтѣ, прибылъ въ Куринское и расположился бивуакомъ вокругъ этого укрѣпленія.

Первой заботой было удобно размѣстить и успокоить раненыхъ и контуженныхъ, которыхъ привезено было въ Куринское 143 человѣка; изъ нихъ треть—были ранены или сильно контужены ядрами и гранатами. Сверхъ того 12 человѣкъ было убито.

Потеря, какъ видите, очень небольшая, даже, можно сказать, ничтожная, если принять во вниманіе двухъ-дневный бой съ огромнымъ непріятелемъ. Да иной разъ взятіе аула обходилось намъ несравненно дороже, несмотря на то, что непріятеля было немного, да и орудій у него не было. Еще разъ повторяю, что это должно приписать обдуманному и неторопливому слѣдованію войскъ и своевременному и правильному употребленію ихъ въ бою.

Князь Барятинскій въ этомъ движеніи вполнѣ подтвердилъ свою опытность въ кавказской войнѣ и умѣнье управлять войсками во время боя. Каждый, начиная отъ старшаго подчиненнаго и до послѣдняго солдата, былъ увѣренъ, что съ княземъ не можетъ быть пораженія....

М. Я. Ольшевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХОСРОВ-МИРЗА

1813—1875.

(Читано въ Тифлисѣ, на Грибоѣдовскомъ вечерѣ, 28-го января 1879 года).

Исходя изъ того убѣжденія, что всякая личность, соприкасающаяся съ извѣстнымъ событіемъ въ жизни нашихъ именитыхъ соотечественниковъ, должна интересовать насъ собственною индивидуальностью, я посвящаю настоящую статью Хосров-мирзѣ, имя котораго такъ тѣсно связано съ воспоминаніемъ о роковой кончинѣ нашего незабвеннаго Александра Сергѣевича Грибоѣдова. Старожилы Петербурга и Москвы, нѣтъ сомнѣнія, еще не забыли прекраснаго юношу, пріѣзжавшаго смыть пятно, павшее на персидское правительство по-случаю «тегеранской катастрофы», и охотно познакомятся съ послѣдующею его судьбою, такъ грустно сложившеюся для него на родной почвѣ, благодаря искренней симпатіи къ нему русскаго правительства и общества.

Матеріалами при составленіи настоящаго очерка мнѣ служили: — кромѣ нѣкоторыхъ собственныхъ замѣтокъ, оффиціальные документы, вошедшіе въ VII-й томъ изданныхъ мною «актовъ кавказской археографической коммисіи» (1827 — 1831 гг.); біографія покойнаго Хосров-мирзы, составленная принцемъ Надир-мирзою; затѣмъ записки, веденныя мирзою Мустафа-Авшаромъ, сопровождавшимъ юнаго принца въ Петербургъ, и дипломатическая переписка между правительствомъ и нашими агентами въ Персіи.

Сколько мнѣ извѣстно, Хосров-мирза оставилъ послѣ себя дневникъ, но этимъ любопытнымъ документомъ завладѣлъ Наср-Эддинъ-шахъ, почему я, къ сожалѣнію, и не могъ имъ воспользоваться.

Ад. П. Берже.

Тифлисъ.

I.

Хосров-мирза.—Его молодость.—Тегеранская катастрофа.—Предположеніе Аббас-мирзы ѣхать въ Петербургъ.—Англійскія интриги.—Хосров-мирза назначается посланникомъ.—Его выѣздъ изъ Персіи и прибытіе въ Тифлисъ.—Составъ персидскаго посольства.

Хосров-мирза былъ по старшинству лѣтъ 7-й сынъ Аббас-мирзы [1]). Онъ родился въ Тавризѣ въ 1228 (1813) г. отъ Хурдэ-ханумъ, дочери Мамед-Яр-бека Туркменскаго. Проведя первые годы дѣтства въ гаремѣ, подъ надзоромъ матери, среди женщинъ и невольницъ, онъ на 7-мъ году порученъ былъ попеченію особаго дядьки, которымъ впослѣдствіи былъ избранъ Хусейн-Али-бекъ, а 9-ти или 10-ти лѣтъ онъ началъ свое образованіе подъ руководствомъ какого-то муллы или ахунда. Намъ неизвѣстны ближайшія подробности его научнаго образованія, но думаемъ, что онѣ не переходили за предѣлы обыкновенныхъ требованій, ограничивающихся поверхностнымъ знаніемъ арабскаго языка, навыкомъ сочинять хорошимъ слогомъ письма, близкимъ знакомствомъ съ національными поэтами и основательнымъ изученіемъ правилъ приличія. 16-ти, а иногда и 15-ти лѣтъ, юноша оканчиваетъ ученіе и поступаетъ на службу. Въ эту именно пору жизни вступаетъ на поприще и Хосров-мирза.

Несчастная катастрофа съ А. С. Грибоѣдовымъ, разыгравшаяся въ Тегеранѣ 30-го января 1829 года, едва было не нарушила нашихъ добрыхъ отношеній къ Персіи, хотя начать враж-

---

[1]) У Аббас-мирзы было всего 26 сыновей и 22 дочери. Сыновья: 1) Мамед-мирза, впослѣдствіи шахъ (1834—1848), 2) Бехрам-мирза, 3) Джехангир-мирза, 4) Бехмен-мирза, отдавшійся подъ покровительство Россіи и живущій нынѣ въ Карабагѣ, 5) Феридун-мирза, 6) Искендер-мирза, 7) Хосров-мирза, 8) Кахраман-мирза, 9) Ардешир-мирза, 10) Ахмед-мирза, 11) Джафар-Кули-мирза, 12) Мустафа-мирза, 13) Султан-Мурад-мирза, 14) Манучехр-мирза, 15) Ферхад-мирза, 16) Фируз-мирза, 17) Ханлар-мирза, 18) Бехадыр-мирза, 19) Мухаммед-Рахим-мирза, 20) Мехти-Кули-мирза, 21) Хамза-мирза, 22) Ходрым-мирза, 23) Лютф-Уллах-мирза, 24) Мухаммед-Керим-мирза, 25) Джафар-хан-мирза, и 26) Абдуллах-мирза. Собственно отъ Хурдэ-ханумъ—Аббасъ-мирза имѣлъ: Джехангир-мирзу, Хосров-мирзу, Ахмед-мирзу, Мустафа-Кули-мирзу, Мухаммед-Керим-мирзу, и дочь Нигяр-ханумъ, бывшую въ первомъ бракѣ за Авдулла-ханомъ Карагёзлу, а послѣ его смерти, за братомъ его, Мустафа-ханомъ. Нигяр-ханумъ жила близъ Хамадана, въ дер. Шуринъ, и, если не ошибаюсь, еще жива. Ад. В.

дебныя дѣйствія противъ этой державы, при тогдашней войнѣ съ Портою Оттоманскою и общемъ положеніи закавказскихъ областей,— признавалось почти невозможнымъ [1]). Но дѣло, какъ извѣстно, до разрыва не дошло; персидское правительство въ неистовомъ злодѣяніи оказалось непричастнымъ, и императоръ Николай призналъ достаточнымъ возмездіемъ оскорбленному достоинству Россійской имперіи, если шахъ, наказавъ преступниковъ, пришлетъ въ Петербургъ торжественное извиненіе черезъ одного изъ сыновей своихъ или Аббас-мирзы, въ сопровожденіи кого-либо изъ довѣренныхъ вельможъ [2]).

Съ этимъ именно порученіемъ думалъ сначала отправиться самъ Аббас-мирза, но пріѣздъ его былъ отклоненъ подъ видомъ необходимости его присутствія въ Тавризѣ для прекращенія буйствъ и предупрежденія происковъ враждебной ему партіи. Затѣмъ предполагалось возложить это порученіе на Мамед-мирзу, старшаго сына Аббас-мирзы, но и это назначеніе не состоялось, вслѣдствіе интригъ тогдашняго британскаго посланника, Макдональда. Наконецъ, выборъ палъ на Хосров-мирзу.

Переѣхавъ 2-го мая персидскую границу, онъ вступилъ въ Карабагъ и, сопровождаемый ген.-маіоромъ, кн. Абхазовымъ, тогдашнимъ начальникомъ мусульманскихъ провинцій, 30-го апрѣля, достигъ г. Елисаветополя. Свита Хосров-мирзы состояла изъ 140 чел., подъ вещами его находилось 300 лошадей и катеровъ. Послѣ короткаго отдохновенія, посольство продолжало путь, направляясь къ Тифлису. Около Краснаго-моста принцъ пересѣлъ въ высланный на-встрѣчу экипажъ, и, подъѣзжая къ грузинской столицѣ, былъ прежде другихъ привѣтствованъ полк. Верзилинымъ, затѣмъ полицеймейстеромъ и, наконецъ, ген. Остен-Сакеномъ. Достигнувъ города, Хосров-мирза отправился прямо къ гр. Паскевичу, который, послѣ недолгой съ нимъ бесѣды, лично его проводилъ въ открытомъ экипажѣ въ приготовленную для него квартиру, въ домѣ тифлисскаго военнаго губернатора. Здѣсь графъ сообщилъ принцу только-что полученное извѣстіе о разбитіи турокъ подъ Ахалцихомъ, кн. В. Ѳ. Бебутовымъ.

---

[1]) См. «акты», VII т., документъ подъ № 673.

[2]) Ibid., документъ подъ № 677. Ад. В.

«Радуюсь, сказалъ графъ,—что событіе это совпало съ днемъ вашего прибытія».

— Смѣю увѣрить в. с., возразилъ Хосров-мирза,—что въ Тавризѣ несравненно болѣе меня будутъ радоваться этой побѣдѣ.

На слѣдующій день принцу представились высшіе военные и гражданскіе чины въ городѣ.

Пользуясь пребываніемъ въ Тифлисѣ, Хосров-мирза не упустилъ случая осмотрѣть всѣ его достопримѣчательности, обративъ особенное вниманіе на арсеналъ, благородное училище и шелкомотальную фабрику иностранца Кастелла.

19-го мая, онъ посѣтилъ данный ген.-адъют. Стрекаловымъ въ честь его балъ, которому предшествовалъ великолѣпный фейерверкъ, а 21-го съ особеннымъ удовольствіемъ присутствовалъ на разводѣ наличныхъ въ городѣ войскъ.

Между тѣмъ графъ Паскевичъ еще за нѣсколько дней до того отправился въ турецкій походъ, приказавъ генералу Стрекалову ускорить выѣздъ персидскаго посольства изъ Тифлиса. Сопровожденіе до Петербурга было возложено на генералъ-маіора барона Ренненкампфа.

Передъ отъѣздомъ, Хосров-мирза сдѣлалъ прощальный визитъ графинѣ Паскевичъ, причемъ поднесъ ей двѣ прекрасныя шали, а сыну ея полное собраніе сочиненій персидскаго поэта Саади [1]).

Изъ сопровождавшихъ принца, съ нимъ отправились въ Россію:

Эмир-низамъ Мамед-ханъ, начальникъ регулярныхъ войскъ. Онъ родился въ Кирманшахѣ и происходилъ изъ старинной фамиліи, уважаемой въ Персіи и извѣстной какъ своимъ богатствомъ, такъ и множествомъ каравансараевъ, построенныхъ по трактамъ кирманшахскому, испаганскому и тегеранскому. Мамед-ханъ скончался въ 1842 году.

Мирза-Салехъ, статс-секретарь Аббас-мирзы.

Мирза-Масудъ, секретарь и главный переводчикъ Аббас-мирзы. Онъ довольно свободно объяснялся по-французски.

Мирза-Таги, род. въ 1808 г., въ Фераханѣ, впослѣдствіи извѣстный первый министръ при Наср-Эддин-шахѣ; убитъ въ 1852 г. въ Кашанѣ.

---

[1]) Графу Паскевичу и генераламъ Стрекалову и Раевскому подарены лошади. Ад. В.

Мирза-Мустафа-Авшаръ, сынъ Наср-Уллаха. Въ бытность мою въ 1853 году въ Персіи, онъ занималъ должность управляющаго дѣлами по сношенію съ иностранцами въ Адербейджанѣ.

Мирза-Баба, лейб-медикъ Хосров-мирзы; Хусейн-Али-бекъ, дядька принца; Мирза-Джафаръ, назырь (интендантъ); Мирза-Багиръ; Фазыл-ханъ; Али-Ашреф-бекъ, сундукдаръ (хранитель имущества); Мирза-Ага, муширифъ (контролеръ); Джафар-бекъ и Науруз-бекъ, пишхидметы (камер-юнкеры); 3 тюфенг-дара (лицо для посылокъ и исполненія порученій); секретный феррашъ (valet de pied); абдаръ (походный буфетчикъ); кехвечи (приготовляющій кофе и кальянъ); брадобрѣй, поваръ, шербет-даръ (придворный кондитеръ); водовозъ, хлѣбникъ, французъ Семино и 14 служителей.

Кромѣ генералъ-маіора барона Ренненкампфа, со стороны нашего правительства при посольствѣ находились: переводчикъ Шаумбургъ, поручикъ Визировъ, подпоручикъ Кашпаровъ, два фельдъегеря, два казака и 5 человѣкъ прислуги.

II.

Выѣздъ изъ Тифлиса.—Владикавказъ.—Пребываніе въ Пятигорскѣ. — Ставрополь.—Новочеркаскъ. — Коломенское. — Торжественный въѣздъ въ Москву.— Посѣщеніе Хосров-мирзою матери Грибоѣдова.—Осмотръ московскихъ достопримѣчательностей.—Выѣздъ.—Царское село.—Петергофъ.

Было 23-е мая. Погода стояла пасмурная. Дождь, начавшійся съ утра, скоро обратился въ ливень и продолжался до вечера. Ровно въ 6 часовъ по-полудни, Хосров-мирза сѣлъ въ экипажъ и по Военно-грузинской дорогѣ направился къ Владикавказу. Переѣздъ этотъ совершился не безъ приключеній. Между Даръяломъ и Ларсомъ, на дорогу выѣхала партія немирныхъ горцевъ, и можно себѣ представить страхъ, обуявшій персіянъ. Они до того потерялись, что едва не разбѣжались во всѣ стороны, еслибы только осуществить такое намѣреніе имъ не помѣшали мѣстность и собственные ихъ же вьюки, которыми была занята вся дорога. Скоро непріятель, однако же, былъ прогнанъ, и посольство благополучно достигло Владикавказа. Отсюда незначительная часть свиты возвратилась въ Тифлисъ, что особенно было пріятно генералу Ренненкампфу, такъ какъ избавляло его отъ лишнихъ хлопотъ и заботъ, неизбѣжныхъ при такой многочисленной свитѣ, осо-

бенно изъ персіянъ, вѣчно недовольныхъ и безмѣрно настойчивыхъ въ своихъ требованіяхъ. Въ этомъ смыслѣ особенно отличались Мирза-Салехъ и Мирза-Масудъ. То они высказывали неудовольствіе противъ излишней спѣшности генерала Ренненкампфа, торопившаго ихъ въ пути, то сѣтовали на недостаточность провизіи, то неудовольствіе ихъ обращалось на неудобство помѣщенія,—словомъ, самая изысканная предупредительность оказывалась безсильною противъ изобрѣтательной придирчивости сыновъ благополучнаго Ирана. Что касается самого Хосров-мирзы, то онъ не только держалъ себя вдали отъ всякой притязательности, но, наединѣ съ генераломъ Ренненкампфомъ, выражалъ ему искреннюю признательность за то, что онъ заставилъ эмир-низама выѣхать изъ Владикавказа, увѣряя его при этомъ, что, будучи чуждъ всякаго упорства и упрямства, онъ находится нерѣдко вынужденнымъ слѣдовать совѣтамъ эмира, причемъ постоянно долженъ скрывать истинныя свои намѣренія и желанія, которыя не всегда согласуются съ дѣлаемыми ему предложеніями.

Оставивъ 2-го іюня Владикавказъ, посольство въ 12-ти экипажахъ и 20-ти повозкахъ прослѣдовало черезъ Ардонскую станицу и, по присоединеніи къ нему около этого мѣста 40 чел. пѣхоты и 60 чел. казаковъ при 2-хъ орудіяхъ, а нѣсколько далѣе еще 40 чел. казаковъ при одномъ орудіи, направилось къ Урухскому редуту, куда прибыло въ сопровожденіи выѣхавшаго на-встрѣчу полковника Кучука-Джанхотова и бывшихъ съ нимъ 300 кабардинцевъ.

Не доѣзжая Георгіевска, Хосров-мирза свернулъ на Пятигорскъ. Здѣсь его встрѣтилъ начальникъ кавказской линіи, ген.-отъ-кавалеріи Эмануель, принявшій принца съ подобающею его званію почестью въ гостинницѣ, гдѣ для него были отведены лучшія комнаты. Въ честь ему давали балы и собранія, и вообще дѣлали все, для доставленія ему пріятнаго развлеченія.

Осмотрѣвъ всѣ источники и заведенія, онъ нѣсколько разъ купался въ дождевыхъ ваннахъ (предоставленныхъ на это время въ распоряженіе посольства) и хвалилъ ихъ прекрасное устройство. Желая осмотрѣть все заслуживающее вниманія, Хосров-мирза всходилъ даже на вершину Машука, гдѣ впослѣдствіи, по распоряженію ген. Эмануеля, былъ построенъ архитекторомъ

Бернадацци монументъ, съ слѣдующею на немъ собственноручною надписью принца [1]):

Добрая слава, оставляемая послѣ себя, лучше золотыхъ палатъ.

Любезный братъ! Міръ здѣшній не останется ни для кого;
Привяжись сердцемъ къ Создателю
И не полагайся на блага мірскія;
Ибо многихъ, подобныхъ тебѣ, Онъ сотворилъ и уничтожилъ.
Хосров-мирза, 1244 (1829) г.

Нынѣ не осталось и слѣдовъ памятника. (См. рисунокъ далѣе стр. 351).

Дальнѣйшій путь посольства лежалъ чрезъ Ставрополь и Новочеркаскъ. Торжественно принятый въ этомъ городѣ тогдашнимъ наказнымъ атаманомъ войска Донскаго, ген.-лейтенантомъ Кутейниковымъ, Хосров-мирза отказался, однако же, отъ всякихъ дальнѣйшихъ въ честь его овацій, такъ какъ пребываніе его въ Новочеркаскѣ совпало съ первыми днями мѣсяца мухаррема, во время котораго шіитамъ строго запрещены всякія увеселенія. У себя дома персіяне посвящаютъ его исключительно оплакиванію злосчастной участи любимаго ихъ имама Хусейна и его 72 сподвижниковъ и родственниковъ, что и послужило предметомъ тѣхъ религіозныхъ представленій, совершаемыхъ въ Персіи въ первые 10 дней мухаррема, которыя намъ напоминаютъ средневѣковыя христіанскія мистеріи запада или наши представленія при царевнѣ Софіи, происходившія подъ руководствомъ Симеона Полоцкаго.

Но, удаляясь всякаго участія въ увеселеніяхъ, Хосров-мирза знакомился съ городомъ и, между прочимъ, посѣтилъ дѣвичій институтъ, восхищался игрою и танцами дѣвицъ, изъ которыхъ одной даже сдѣлалъ подарокъ.

Не менѣе радушно принимали принца въ Воронежѣ (губернаторъ Адеркасъ) и во всѣхъ городахъ, лежавшихъ на пути слѣдованія его къ Москвѣ.

Въ Коломенскомъ Хосров-мирзу встрѣтилъ камергеръ Булгаковъ, а во дворцѣ, гдѣ онъ остановился, князь Юсуповъ. Пообѣ-

---

[1]) См. Ф. Конради: Разсужденіе объ искусственныхъ минеральныхъ водахъ, съ пріобщеніемъ новѣйшихъ извѣстій о кавказскихъ минеральныхъ источникахъ. Спб. 1831, стр. 168—169. Ад. В.

давъ здѣсь, онъ отправился къ древней столицѣ. При самомъ въѣздѣ въ городъ (14-го іюля въ 6½ ч. по-полудни), послѣдовалъ залпъ изъ орудій. Выйдя изъ кареты, онъ принялъ отъ оберполицеймейстера рапортъ о благосостояніи города, и затѣмъ началось торжественное шествіе принца по Москвѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

24 жандарма при офицерѣ, по два въ рядъ.

Взводъ жандармовъ съ обнаженными саблями.

Рота гренадеръ съ музыкой.

4 ѣздовыхъ верхами и 6 конюховъ.

8 заводныхъ лошадей въ богатомъ уборѣ.

Карета поручика Визирова и подпоручика Кашпарова.

Коляска и карета со свитою принца.

4 кареты, въ 6 лошадей цугомъ, для высшихъ сановниковъ посольства.

Карета ген. Ренненкампфа, камергера Булгакова и переводчика Шаумбурга.

Взводъ жандармовъ при офицерѣ.

8 камер-лакеевъ, по 4 съ каждой стороны.

Карета принца, въ 6 лошадей цугомъ; по сторонамъ оберполицеймейстеръ съ чинами полиціи и казаками; начальникъ взвода жандармовъ съ двумя жандармами и адъютантъ военнаго генералъ-губернатора.

Взводъ жандармовъ при офицерѣ и 60 казаковъ—замыкали шествіе.

На всемъ пути слѣдованія до Серпуховскихъ воротъ и далѣе, по Тверской, принцу были отдаваемы воинскія почести построенными въ этихъ мѣстахъ войсками, причемъ происходила пальба изъ орудій.

Поравнявшись съ домомъ ген.-губернатора, Хосров-мирза поручилъ переводчику Шаумбургу освѣдомиться о здоровьѣ князя Голицына и выразить ему желаніе скорѣйшаго свиданія. Чтобы не остаться въ долгу за такую любезность, князь тотчасъ же сошелъ къ принцу и въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ его за вниманіе.

Затѣмъ Хосров-мирза прослѣдовалъ къ дому графини Разумовской, гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе. У подъѣзда стоялъ почетный караулъ; здѣсь же принца встрѣтили ко-

мендантъ города и гражданскій губернаторъ съ членами городскаго управленія; при входѣ же во внутренніе покои—именитые московскіе купцы поднесли ему хлѣбъ-соль, а въ главной залѣ губернскій и уѣздный предводители дворянства привѣтствовали его съ благополучнымъ прибытіемъ. Нѣсколько спустя прибылъ князь Голицынъ.

На слѣдующій день, у Хосров-мирзы былъ общій пріемъ, а затѣмъ обѣдъ у ген.-губернатора.

Отдохнувъ отъ утомительнаго путешествія, Хосров-мирза прежде всего вспомнилъ о матери Грибоѣдова, несчастная судьба котораго вызвала его посольство. Скрывъ свое намѣреніе, онъ безъ всякаго предварительнаго извѣщенія отправился къ г-жѣ Грибоѣдовой, которая его встрѣтила, заливаясь горькими слезами. Глубоко тронутый ея несчастіемъ, принцъ въ самыхъ прочувствованныхъ словахъ выразилъ ей глубокую скорбь, которую причинила Фетх-Али-шаху и Аббас-мирзѣ смерть Александра Сергѣевича, причемъ употребилъ все стараніе утѣшить и успокоить ее въ невозвратной потерѣ единственнаго сына. Такое искреннее соболѣзнованіе къ положенію г-жи Грибоѣдовой, само собою разумѣется, сразу расположило москвичей въ пользу принца.

Слѣдующіе дни были посвящены осмотру достопримѣчательностей Москвы. Хосров-мирзу постоянно сопровождалъ кн. Юсуповъ. Въ оружейной палатѣ принца особенно заинтересовалъ матросскій костюмъ, который носилъ Петръ Великій въ Саардамѣ. Грубый матеріалъ и самый видъ наряда не могли не удивить сыновъ знойнаго Ирана, не умѣвшихъ согласовать такую вопіющую простоту съ величіемъ русскаго вѣнценосца. Когда же одинъ изъ членовъ посольской свиты, разсматривая костюмъ, засмѣялся, Хосров-мирза, бросивъ на него строгій взглядъ, замѣтилъ:

«Еслибы Петръ не носилъ этого костюма, русскіе не имѣли бы флота, и земля ихъ не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть».

17-го іюля Хосров-мирза посѣтилъ университетъ и вписалъ латинскими буквами свое имя въ особо-заведенную книгу для именитыхъ гостей. Вечеромъ того же дня, была устроена великолѣпная иллюминація на Тверской, которою принцъ, окруженный высшею аристократіей, долго любовался съ галлереи губернаторскаго дома. Было уже довольно поздно, когда онъ возвратился домой.

Около 20-го іюля посольство выѣхало въ Петербургъ, куда и прибыло послѣ непродолжительныхъ остановокъ въ Царскомъ селѣ и Петергофѣ [1]), гдѣ тогда находилась императорская фамилія. Изъ Петергофа до Петербурга Хосров-мирза совершилъ переѣздъ на пароходѣ.

III.

Прибытіе въ Петербургъ.—Аудіенція въ Зимнемъ дворцѣ.—Вторая аудіенція.—Долгъ Персіи. — Обѣдъ въ Елагинскомъ дворцѣ. — Милости императора Николая Персіи. — Отпускная аудіенція.—Награды.— Выѣздъ.

Пріемъ, ожидавшій Хосров-мирзу въ столицѣ, превзошелъ всякія ожиданія и ясно свидѣтельствовалъ, какъ легко мы прощаемъ всякія обиды и оскорбленія, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда ими затрогиваются національная честь и самолюбіе. Не вдаваясь во всѣ подробности пребыванія персидскаго посольства въ Петербургѣ, я упомяну здѣсь только о главныхъ обстоятельствахъ его миссіи.

Хосров-мирза прибылъ въ Петербургъ 4-го августа и тотчасъ же отправился въ приготовленный для него Таврическій дворецъ, славный въ нашихъ лѣтописяхъ блистательнымъ празднествомъ, устроеннымъ въ его стѣнахъ въ 1791 году княземъ Потемкинымъ въ честь обожаемой имъ государыни. По пути слѣдованія принцу были отдаваемы воинскія почести отъ выставленныхъ шпалерами 4-хъ эскадроновъ л.-гв. кавалергардскаго и 2-хъ баталіоновъ л.-гв. Семеновскаго и Павловскаго полковъ. При самомъ входѣ во внутренніе покои дворца, его встрѣтилъ обер-гофмаршалъ Нарышкинъ, а нѣсколько спустя пріѣхалъ петербургскій ген.-губернаторъ поздравить его съ счастливымъ прибытіемъ въ столицу.

---

[1]) Въ Царскомъ селѣ Хосров-мирза былъ привѣтствованъ гр. Потоцкимъ и остановился во дворцѣ, а въ Петергофѣ помѣстился въ Монплезирѣ, гдѣ его поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ кн. Волконскій. Въ Петергофѣ же принцъ впервые познакомился съ графомъ Нессельроде.

Ад. Б.

Вскорѣ по прибытіи Хосров-мирзы, возвратилась изъ Петергофа императорская фамилія, и послѣдовала торжественная аудіенція. Она была назначена на 12-е августа. Въ этотъ день обыкновенный караулъ во дворцѣ былъ умноженъ 3-мя баталіонами, изъ коихъ одинъ поставленъ предъ главною гауптвахтою на дворѣ, а другіе на площади, по обѣ стороны воротъ; въ сѣняхъ, на парадной лѣстницѣ и въ прихожихъ комнатахъ, начиная отъ передняго подъѣзда, съ большаго двора, до концертнаго зала, назначеннаго для камеры ожиданія, поставлены были шпалеры отъ л.-гв. коннаго и кавалергардскаго полковъ по 4 эскадрона; такой же шпалеръ—въ казачьей, арабесковой, бѣлой залѣ и портретной галлереѣ до кавалергардской комнаты. Въ георгіевской и тронной залахъ были помѣщены дворцовые гренадеры.

Ровно въ 10 часовъ утра, ген.-адъют., графъ Сухтеленъ, назначенный предводителемъ, отправился изъ Зимняго дворца въ посольскій домъ, гдѣ былъ встрѣченъ чиновниками посольской свиты, и въ первой комнатѣ самимъ Хосров-мирзою.

Послѣ обычнаго привѣтствія, они вышли изъ дворца; караулъ отдалъ честь съ музыкою, и шествіе открылось въ слѣдующемъ порядкѣ:

Дивизіонъ конной гвардіи съ обнаженными палашами, штандартомъ, трубами и литаврами.

Унтер-шталмейстеръ съ 2 берейторами; за нимъ 12 заводныхъ дворцовыхъ лошадей въ богатомъ уборѣ, кои ведены были конюхами одна за другой.

Четыре дворцовыя кареты для персидскихъ чиновниковъ.

Шесть дворцовыхъ ѣздовыхъ верхами, за ними 4 скорохода съ тростями, 2 камер-лакея, и 24 лакея, по два въ рядъ, пѣшіе.

Дворцовая богатая карета, въ которой сидѣлъ Хосров-мирза, а противъ него гр. Сухтеленъ; по обѣимъ сторонамъ кареты 4 лакея пѣшіе; 2 камер-пажа и 4 кавалерійскихъ офицера верхами, и въ заключеніе

Дивизіонъ кавалергардовъ.

При въѣздѣ посла на дворъ Зимняго дворца, стоявшій тамъ батальонъ отдалъ честь музыкой, и принцъ, при выходѣ изъ кареты, былъ встрѣченъ церемоніймейстеромъ, 2 камер-юнкерами, 2 камергерами и гофмейстеромъ; на верхней площадкѣ обер-це-

ремоніймейстеромъ, въ первой комнатѣ обер-гофмаршаломъ, проводившимъ его въ камеру ожиданія, гдѣ онъ былъ встрѣченъ обер-камергеромъ и обер-шенкомъ.

Послѣ нѣкотораго тамъ отдохновенія, во время котораго подавали кофе, дессертъ и шербетъ, Хосров-мирза прослѣдовалъ въ георгіевскую тронную залу, гдѣ передъ тономъ стоялъ императоръ Николай, и находилась вся царская фамилія, министръ императорскаго двора, вице-канцлеръ, гр. Нессельроде, члены государственнаго совѣта, члены сената, генералитетъ, штаб- и обер-офицеры гвардіи, а вправо отъ трона — весь сухопутный и морской главный штабъ.

По лѣвой сторонѣ залы, противъ императорской фамиліи, помѣстился дипломатическій корпусъ, а за нимъ—дамы и гражданскіе чины первыхъ 4-хъ классовъ; армейскіе штаб- и обер-офицеры и всѣ прочіе, имѣющіе пріѣздъ ко двору, собрались въ бѣлой галлереѣ; наконецъ купечество размѣстилось въ большой мраморной и аван-залѣ.

Хосров-мирза самъ несъ шахскую грамату. Вступивъ въ аудіенц-камеру, онъ сдѣлалъ первый поклонъ, посерединѣ—второй, гдѣ свита его остановилась на все время аудіенціи; затѣмъ, приблизясь на нѣсколько шаговъ къ государю, — третій поклонъ, послѣ котораго произнесъ слѣдующее:

«Могущественнѣйшій Государь Императоръ!

«Спокойствіе Персіи и священный союзъ между Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и великимъ обладателемъ Ирана, дражайшимъ моимъ повелителемъ и дѣдомъ, существующій, были противны духу зла. Сей воздвигъ въ Тегеранѣ толпу неистовую, совершившую въ началѣ текущаго года неслыханное злодѣяніе, жертвою коего сдѣлалась россійская миссія. Таковое злополучное происшествіе покрыло глубокимъ мракомъ скорби весь нашъ домъ и всѣхъ его вѣрно-подданныхъ. Ужаснулось праведное сердце Фехт-Али-шаха при мысли, что горсть злодѣевъ можетъ привести къ разрыву мира и союза между его высочествомъ и великимъ монархомъ Россіи.

«Онъ повелѣлъ мнѣ, внуку своему, поспѣшить въ столицу сей державы. Онъ увѣренъ, что гласъ мой, гласъ правды, обратитъ на себя милостивое вниманіе Вашего Императорскаго Величества и

содѣлаетъ незыблемою дружбу между двумя величайшими и могущественнѣйшими государями міра.

«О семъ мнѣ поручено именемъ могущественнаго моего повелителя просить Васъ, Великій Государь! Предайте вѣчному забвенію происшествіе, оскорбившее равно дворъ россійскій, какъ и дворъ персидскій; пусть познаетъ вселенная, что, и при самомъ ужасномъ случаѣ, два мудрые монарха откровенно объяснились, и всѣ недоумѣнія, всѣ подозрѣнія—исчезли, всему положенъ конецъ вожделѣннѣйшій.

«Наконецъ я, избранный для ходатайства по сему важному обстоятельству, признаю себя достигшимъ высочайшаго счастія, удостоясь предстать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и, исполнивъ волю прародителя моего, утвердить навѣки доброе согласіе между двумя народами, коихъ само Провидѣніе ведетъ къ взаимной непоколебимой дружбѣ».

По переводѣ этой рѣчи, Хосров-мирза вручилъ государю императору шахскую грамату, въ которой, между прочимъ, Фетх-Али-шахъ писалъ [1]):

«.....Грибоѣдовъ присланъ былъ полномочнымъ министромъ отъ Россійской державы, и былъ по сей причинѣ дорогимъ гостемъ нашего государства. Мы оказали ему такія почести и благорасположеніе, какихъ еще никого изъ посланниковъ не удостоивали; но враждебный рокъ судилъ ужасное происшествіе, коего описаніе стѣсняетъ сердце наше и исполняетъ насъ живѣйшею горестью. Всевѣдущему Богу извѣстно, сколько для насъ сіе происшествіе горестно и сколь оно насъ тронуло.

«Одинъ проницательный и блестящій умъ великаго Императора можетъ открыть намъ путь къ утѣшенію, успокоить сердце и свѣять пыль сомнѣнія, покрывшую лицо наше. Конечно, Вашему Величеству извѣстно, что никакой благоразумный человѣкъ никогда не могъ покуситься на подобное дѣло. Милосердый Боже! Возможно ли подозрѣвать, чтобы наши визири и вельможи взяли участіе въ семъ ужасномъ происшествіи въ то самое время, когда новый счастливый міръ, источникъ радости и благополучія, вѣн-

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 750—752.

чалъ желанія обѣихъ державъ. Хотя драка между людьми посланника и чернью, столь внезапно возникшая, что невозможно было оказать никакой помощи,—была причиною сего ужаснаго происшествія, однако же правительство наше предъ вашимъ покрыто пылью стыда, и лишь струя извиненія можетъ обмыть лицо онаго.

«Для приведенія къ благому концу сего ужаснаго дѣла и для испрошенія милостиваго прощенія, мы признали лучшимъ средствомъ отправить къ Вашему Величеству, съ симъ извинительнымъ письмомъ, возлюбленнаго внука нашего, эмир-задэ Хосровмирзу, вмѣстѣ съ высокостепеннымъ Мамед-ханомъ, однимъ изъ приближеннѣйшихъ и почтеннѣйшихъ вельможъ нашего двора, начальникомъ всего регулярнаго нашего войска.

«Отъ обширнаго ума великаго нашего благопріятеля, украшающаго вселенную, зависѣть будетъ принять милостиво или отринуть извиненіе.....

«Пришла пора опять скрѣпить
Союзъ пріязни снисхожденьемъ—
И все минувшее затмить
Благотворительнымъ забвеньемъ». (Саади).

Принявъ грамату, государь передалъ ее гр. Нессельроде который, положивъ ее на нарочно приготовленный столъ, отъ имени его величества отвѣчалъ:

«Его Императорское Величество повелѣваетъ мнѣ увѣрить ваше высочество въ томъ совершенномъ удовольствіи, съ коимъ онъ внималъ объясненіямъ вашимъ и изъявленію праведнаго сѣтованія отъ лица вашего государя. Движимый чувствами великодушными, его величество шахъ не могъ, конечно, безъ ужаса взирать на злодѣйство, имѣвшее цѣлью расторженіе дружескихъ связей между двумя державами, еще недавно примирившимися. Онъ ознаменовалъ сіе посольствомъ, вашимъ посольствомъ, долженствующимъ разсѣять всякую тѣнь, которая могла бы помрачить взаимныя сношенія Россіи съ Персіею послѣ происшествія столь плачевнаго.

«Да будетъ сіе увѣреніе принесено вами его величеству шаху; да будетъ онъ убѣжденъ вами въ непоколебимой волѣ Его Им-

ператорскаго Величества всегда сохранить миръ и утверждать узы дружбы и сосѣдственнаго согласія, благополучно возобновленныя въ Туркмен-чаѣ.

«Избраніе вашего высочества для сихъ изъясненій крайне пріятно Государю Императору. Вы благоволите въ семъ удостовѣриться тѣми чувствами, кои теперь изъявлены мною отъ имени Всемилостивѣйшаго моего Государя».

По выслушаніи этого отвѣта, его величество, взявъ Хосров-мирзу за руку, произнесъ:

«Я предаю вѣчному забвенію злополучное тегеранское происшествіе».

За симъ принцъ удостоился кратковременнаго разговора съ государемъ императоромъ въ особой комнатѣ, гдѣ всѣ сановники посольства тогда же были чрезъ него представлены его величеству. На этой приватной аудіенціи его величество замѣтилъ Хосров-мирзѣ негодованіе свое противъ двуличной политики персіянъ, позволившей имъ, въ самое время отправленія къ намъ его —Хосров-мирзы, производить въ Константинополѣ переговоры съ врагами нашими.

По выходѣ отъ государя, Хосров-мирза былъ приглашенъ въ малую тронную, гдѣ государыня стояла предъ послѣднею ступенью, статс-дамы и фрейлины по правую, а чины двора по лѣвую сторону трона. Вступивъ въ залу и сдѣлавъ три поклона, Хосров-мирза произнесъ:

«Я горжусь и считаю себя счастливѣйшимъ, что изъ числа персидскихъ принцевъ на мою долю выпало сдѣлаться извѣстнымъ Вашему Величеству и передать Вамъ, монархиня, все то уваженіе, которое его высочество шахъ питаетъ къ высочайшей особѣ вашей, какъ къ существу добродѣтельнѣйшему».

— Прибытіе вашего высочества въ русскую столицу, отвѣчала государыня,—послужило къ истинному моему удовольствію. Я радуюсь неизмѣнной дружбѣ Его Величества Императора, моего любезнѣйшаго супруга, къ царствующему въ Персіи дому. Передайте его высочеству шаху мой привѣтъ.

Съ представленіемъ Хосров-мирзы и его свиты наслѣднику окончилась аудіенція, продолжавшаяся всего два часа.

Возвращеніе посольства въ Таврическій дворецъ совершилось тѣмъ же порядкомъ.

На слѣдующій день, Хосров-мирза имѣлъ частную аудіенцію въ Елагинскомъ дворцѣ, на которой онъ главнымъ образомъ просилъ о сложеніи съ Персіи оставшихся неуплоченными двухъ куруровъ [1]) контрибуціи, условленныхъ въ Туркмен-чаѣ. На такое ходатайство ему было отвѣчено черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, что Россія, послѣ тегеранскаго событія, безъ того показала уже довольно умѣренности, что теперь, когда объясненія по означенному случаю едва приведены къ благополучному концу, не время думать о новыхъ снисхожденіяхъ; со всѣмъ тѣмъ, въ доказательство искренняго желанія не стѣснять персидское правительство, государь императоръ соизволяетъ отсрочить уплату означенныхъ куруровъ еще на 5 лѣтъ.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло о долгѣ Персіи, когда получены были письма кн. Н. А. Долгорукова, изъ которыхъ императоръ Николай съ удовольствіемъ извѣстился о мѣрахъ, принятыхъ въ Тегеранѣ для наказанія возмутителей, умертвившихъ нашу миссію. Не менѣе пріятно было видѣть постоянное, искреннее расположеніе къ намъ Аббас-мирзы. Въ уваженіе этого, а также и настойчивой слезной мольбы Хосров-мирзы, государь подарилъ Персіи одинъ куруръ, а уплату послѣдняго отсрочилъ на 5 лѣтъ.

Прошло около полуторы недѣли, послѣ аудіенціи 13-го августа, посвященныхъ визитамъ и разнаго рода удовольствіямъ столичной жизни, и—какъ срокъ этотъ ни былъ кратокъ, но Хосров-мирза уже успѣлъ обратить на себя общее вниманіе и сдѣлаться любимцемъ всѣхъ приходившихъ съ нимъ въ столкновеніе.

24-го августа онъ съ эмир-низамомъ, Мирза-Масудомъ и Мирза-Салехомъ, удостоился приглашенія къ высочайшему столу въ Елагинскій дворецъ. Явившись туда, гости представились ихъ величествамъ, причемъ Хосров-мирза поцѣловалъ руку государыни.

Разговоръ начался съ замѣчанія государя императора принцу: «Я слышалъ, что на вчерашнемъ концертѣ одна изъ здѣшнихъ красавицъ поразила твое сердце стрѣлою».

— Обстоятельство это, отвѣчалъ Хосров-мирза, — сообщено

---

[1]) Куруръ—2.000,000 р. с. Ад. В.

вашему величеству, вѣроятно, гр. Сухтеленомъ, но онъ передалъ его невполнѣ точно. Между нами была только рѣчь о глазахъ и бровяхъ, и я объяснилъ графу, что наши поэты сравниваютъ ихъ съ лукомъ и стрѣлою.

Перейдя въ сосѣднюю комнату, принцъ встрѣтилъ, между собравшимися въ ней лицами, нѣкоторыхъ знакомыхъ. Въ числѣ ихъ были дамы. Но едва только онъ успѣлъ сказать съ ними нѣсколько словъ, какъ-къ нему обратился государь:

— Ты все привѣтствуешь старухъ, и не обращаешь вниманія на дѣвицъ, съ которыми ты также знакомъ.

Принцъ обратился къ дѣвицамъ.

Нѣсколько минутъ спустя пошли къ столу. Хосров-мирза сѣлъ по лѣвую сторону государя, а Мирза-Масудъ, въ качествѣ переводчика, противъ его величества. Кушанья подавались въ одно время государю и принцу [1]).

Впродолженіе всего обѣда шла полная оживленная бесѣда, дышавшая тѣмъ высокимъ вниманіемъ государя къ гостю, которое не могло не оставить самаго глубокаго впечатлѣнія въ юномъ сердцѣ Хосров-мирзы. Не знаю, быть можетъ, мое предположеніе есть простая гипотеза, но позволяю себѣ думать, что именно расположеніе императора Николая и всего высшаго нашего общества къ принцу—послужило поводомъ къ тѣмъ свѣтлымъ, хотя и неосновательнымъ, расчетамъ его на Россію, которыми онъ обусловилъ образъ своихъ будущихъ дѣйствій, подготовившихъ ему безповоротно-грустное паденіе.

Но не однѣми милостями, лично обращенными къ Хосров-мирзѣ, государь думалъ скрѣпить дружескія отношенія Россіи къ Персіи. Желая послѣ торжественнаго оправданія, принесеннаго принцемъ отъ имени шаха, уничтожить немедленно всѣ опасенія, какія могли существовать въ умѣ сего монарха на счетъ нашихъ видовъ, онъ приказалъ, не дожидаясь отъѣзда персидскаго посольства изъ столицы, препроводить къ Фетх-Али-шаху отвѣтную дружественную грамату.

---

[1]) Во второй разъ принцъ былъ приглашенъ къ высочайшему столу въ Царскомъ селѣ. Ад. В.

Кромѣ того Персіи, какъ мы упомянули выше, былъ прощенъ одинъ изъ куруровъ, слѣдовавшихъ намъ по Туркмен-чайскому трактату.

Но, удовлетворяя главнымъ домогательствамъ Хосров-мирзы, ему было оказано снисхожденіе и въ просьбахъ второстепенной важности. Такъ, напримѣръ, Персіи было дозволено запастись изъ россійскихъ владѣній сукномъ для войскъ, кожевеннымъ товаромъ, кремнями, ядрами, холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Братъ Мирза-Бабы, врача принца, былъ принятъ на воспитаніе въ горный корпусъ.

Наконецъ, на отпускной аудіенціи, бывшей 6-го октября, посольство испытало новыя монаршія щедроты. Хосров-мирзѣ былъ пожалованъ, вмѣсто ордена, бриллiантовый орелъ, для ношенія на шеѣ, на голубой лентѣ, и бриллiантовое перо съ изумрудами, а эмир-низаму богатый кинжалъ, украшенный драгоцѣнными камнями, и орденъ Бѣлаго Орла; кромѣ того даны перстни:

Мирза-Масуду въ	6,400 р.
Мирза-Салеху	5,100 »
Мирза-Бабѣ	3,900 »
Хусейн-Али-беку.	1,000 »
Физил-хану	800 »

Денегъ подарено нѣкоторымъ лицамъ свиты 6,000 червонцевъ.

Разныхъ матерій и мѣховъ Хосров-мирзѣ и его свитѣ на	23,864 р. 75 к.
Стеклянныхъ, граненыхъ и золоченыхъ вещей поднесено принцу и его свитѣ, при посѣщеніи императорскаго стекляннаго завода, на	11,702 » 50 »
Фарфоровыхъ вещей, при посѣщеніи императорскаго завода, на	18,303 » —
Всего на . .	89,100 р. 25 к.

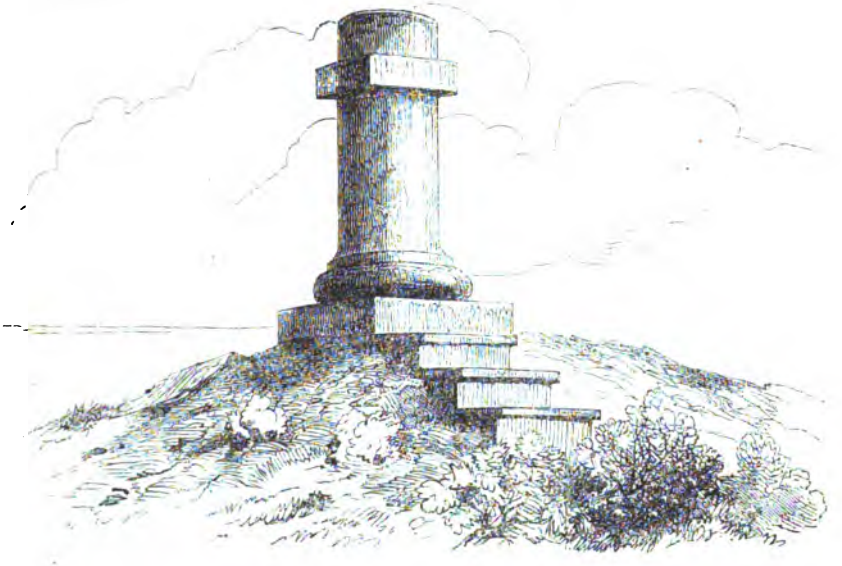
Французу Семинò пожалованъ орденъ св. Владиміра 4-й степени и секретный пенсіонъ въ 120 червонцевъ въ годъ.

Затѣмъ государь императоръ, не желая оставить безъ особеннаго знака своего вниманія полезное содѣйствіе Казвинскаго

принца Али-Наги-мирзы и каймакама Мирза-Абуль-Касима, при изгнаніи изъ Тегерана бунтовщиковъ, виновныхъ въ умерщвленіи нашей миссіи,—пожаловалъ: первому—брилліантовый перстень съ своимъ портретомъ при особомъ рескриптѣ, а второму—орденъ Бѣлаго Орла; министру же Казвинскаго принца—брилліантовый перстень съ своимъ вензелемъ [1]).

Послѣ аудіенціи 6-го октября, Хосров-мирза остался въ Петербургѣ еще 12 дней. Время это было посвящено прощальнымъ визитамъ и сборамъ къ отъѣзду, который былъ назначенъ на 18-е число.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Памятникъ на Машукѣ, въ воспоминаніе пребыванія Хосров-мирзы въ Пятигорскѣ.

Въ іюнѣ 1829-го года.

---

[1]) Генералу Ренненкампфу, коего попечительность и искусство по должности, ему порученной, удостоились полнаго высочайшаго одобренія, была пожалована государемъ императоромъ табакерка, украшенная алмазами съ шифромъ. **Ад. Б.**

Протретъ Хосров-мирзы,

Персидскаго принца.

Сообщенный нами при этой книгѣ «Русской Старины» портретъ Хосров-мирзы гравированъ на деревѣ въ Берлинѣ, при содѣйствіи извѣстнаго г. Брема.

Подлинникъ подаренъ мнѣ старымъ пріятелемъ моимъ Мирзою-Махмуд-ханомъ—персидскимъ генеральнымъ консуломъ въ Тифлисѣ и роднымъ братомъ нынѣшняго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ, Мирзы-Асад-Улихъ-хана.

Ад. П. Берже.

ВОСПОМИНАНІЯ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГОЛЫШЕВА.

III [1]).

Покупка земли.—Земскія власти и тѣлесныя наказанія.—Упраздненіе школы.—Дѣло о литографіи.—Основаніе братства.—Мои первыя изданія.—А. И. Артемьевъ.—Археологическій съѣздъ.—Старанія объ увольненіи изъ крестьянскаго общества.—Неудовольствія съ отцомъ.—Почетное гражданство.—Неистовства отца и судебное вмѣшательство.—Смерть отца.—Мои труды и пожалованныя мнѣ награды.—Заключеніе.

1864—1878.

Въ 1864 году отца моего съ должности старшины всетаки смѣстили; какъ онъ ни добивался, но выборъ большинствомъ шаровъ палъ на другаго, а на отца сдѣлали начетъ въ растратѣ 1,652 руб. 11½ коп. общественныхъ денегъ, чрезъ что завязалось опять большое тяжебное дѣло. Въ это время сосѣдъ мой, помѣщикъ, изъявилъ согласіе продать мнѣ землю—остатокъ въ 13 десятинъ 1,800 саженъ, за надѣломъ крестьянъ, рядомъ съ сл. Мстерою. Я употребилъ всѣ старанія, чтобы пріобрѣсти участокъ, и объяснилъ ему, что выстрою тутъ домъ, такъ какъ во Мстерѣ нашъ домъ былъ старъ и плохъ, и переселюсь сюда, окончательно вышедъ изъ общества. Соображенія эти были вѣрны. Положеніемъ 19-го февраля о выходѣ крестьянъ изъ общества—установлялось, чтобы крестьянинъ для этого пріобрѣталъ въ собственность землю, равняющуюся тремъ душевымъ надѣламъ [2]). Помѣщикъ согласился; я поѣхалъ къ нему въ Москву, гдѣ онъ временно находился,—заплатилъ деньги 650 руб. и запродажную запись сдѣлалъ на имя отца. Когда же помѣщикъ замѣтилъ—почему

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 753—772.

[2]) Въ слободѣ Мстерѣ надѣлъ земли составляетъ 1,800¾ саженъ на ревизскую душу, и этотъ участокъ не втрое, а даже въ 18 разъ болѣе существующаго въ оной надѣла. И. Г.

я такъ дѣлаю, я сказалъ, что это все-равно, не воображая и не подозрѣвая, что жизнь съ ея обстоятельствами можетъ измѣниться. Когда совершалась купчая крѣпость въ г. Вязникахъ, гдѣ мы были оба съ отцомъ моимъ, то онъ, во избѣжаніе платежа начета мірскихъ денегъ, пожелалъ, дабы не отбили эту землю, крѣпостной актъ сдѣлать на мое имя, чѣмъ былъ очень доволенъ помѣщикъ. Вскорѣ построили мы на этомъ участкѣ и домъ, куда я перешелъ жить, переведя сюда же и литографію, и книжную торговлю, такъ какъ здѣсь было болѣе удобствъ. Общество избрало-было меня въ какую-то должность учетчика, но я всѣми силами отъ этого отдѣлался. Мнѣ не хотѣлось вмѣшиваться въ общественныя дѣла, и въ этомъ мнѣ посодѣйствовалъ предводитель дворянства. Мнѣ крайне была непріятна служба отца и его частыя столкновенія: я боялся, что и мнѣ придется имѣть много непріятностей, такъ какъ, за принятіемъ первой должности, неминуемо послѣдуютъ другія, а у меня все-таки была одна затаенная мысль, одно желаніе: выйдти, какъ-нибудь изъ общества. Въ 1865 году, по представленію губернатора А. П. Самсонова, за труды по статистическому комитету, мнѣ пожалована была серебреная медаль на шею на станиславской лентѣ. Я былъ весьма радъ этой высочайшей наградѣ, ибо она освобождала меня отъ тѣлеснаго наказанія. У насъ много было примѣровъ по разнымъ крестьянскимъ мѣстечкамъ, что крестьяне, преслѣдуя кого-либо изъ своихъ собратьевъ, пріискивали какую-нибудь вину, а затѣмъ, по приговору волостнаго суда, наказывали его розгами [1]), чтобы оконча-

[1]) Газетныя извѣстія о подобныхъ случаяхъ появлялись въ то время довольно часто. Уже въ 1868 году, въ Рязанской губерніи, крестьянинъ И. М. Горшковъ, молодой человѣкъ, губернскій и уѣздный земскій гласный, членъ ревизіонной коммисіи и членъ коммисіи по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, дававшій много мнѣній по народному образованію, которыя печатались въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія—по приговору волостнаго суда, претерпѣлъ позорное тѣлесное наказаніе розгами («Сынъ Отеч.», № 43, 1868 г.). Въ томъ же 1868 году былъ и со мной небольшой случай, описанный корреспондентомъ Доброхотовымъ: «Низшія инстанціи доходятъ въ своемъ сибаритизмѣ просто даже до безобразія. Вотъ тому и примѣръ: недалеко отъ Вязниковъ проживаетъ нѣкто ***, состоящій членомъ-сотрудникомъ императорскаго русскаго географическаго общества, таковымъ же вольнаго экономическаго, московскаго археологическаго и дѣйствительнымъ членомъ мѣстнаго статистическаго комитета,—лицо, осчастливленное милостями почти всего царствующаго дома,—лицо, заявившее себя въ ученой литературѣ многими почтенными трудами.... Недавно этотъ господинъ былъ почти при смерти, и въ такомъ опасномъ состояніи получаетъ отъ сотскаго слѣдующій приказъ: «Сотскому NN. Предписывается тебѣ, съ полученія сего, немедленно выслать *** въ станъ канцеляріи моей, въ г. Вязники. Приставъ N». Неправда ли, огромнымъ

тельно опозорить и запятнать человѣка. Хотя лично у меня и не было никогда и никакихъ дѣлъ съ волостнымъ правленіемъ, но страхъ всетаки не оставлялъ меня въ покоѣ, и я съ негодованіемъ и возмущеніемъ читалъ въ газетахъ о разныхъ прискорбныхъ въ этомъ родѣ случаяхъ. По выходѣ отца изъ службы, и мои начинанія—воскресная школа съ библіотекой—стали, къ сожалѣнію моему, упадать. Ученики подвергались насмѣшкамъ, часто не находили сторожа, особенно въ зимнее время, отпереть зданіе, и, простоявъ по-пусту, должны были возвращаться домой. Отъ мѣстнаго новаго начальства, непріязненнаго къ отцу, не только не было поддержки, но, напротивъ, оно преслѣдовало эти учрежденія. Послѣ пятилѣтнихъ трудовъ, не видя никакой общественной или другой поддержки и помощи, я вынужденъ былъ оставить школьныя занятія. Одну часть библіотеки пожертвовалъ въ училище, а другую во вновь учрежденную благочинническую библіотеку.

Въ концѣ 1865 года, мнѣ снова пришлось пробыть около мѣсяца въ С.-Петербургѣ, по случаю закрытія литографіи и книготорговли. Причиною этого непріятнаго обстоятельства было то, что, 6-го апрѣля того же года, вышелъ новый законъ о печати, и послѣдовалъ особый циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ воспрещалась, по недостаточности полицейскаго надзора, выдача дозволеній на подобное производство въ селеніяхъ. Губернаторъ у насъ былъ новый, а дѣла этого рода производились тогда въ губернскомъ правленіи. Въ силу такого распоряженія, дозволеніе на книжную торговлю мнѣ не было выдано, а мѣстныя власти, воспользовавшись этимъ случаемъ, запретили не только торговлю книгами, но и литографію, существовавшую съ дозволенія министра [1]).

уваженіемъ пользуются у становыхъ приставовъ наши мужи науки? А дѣло, по которому онъ требовался къ становому — было ни болѣе ни менѣе какъ объявленіе рѣшенія какого-то мѣста по его торговымъ дѣламъ.... Это дѣйствительно было вѣрно: за самымъ пустымъ дѣломъ требовали чуть не силой, въ серьезно-больномъ положеніи, во время дурной осенней погоды, на 22 версты, — только для того, чтобы росписаться въ прочтеніи бумаги, — распоряженія по дѣламъ книжной торговли, которое не было срочнымъ, и тотъ же становой послѣ, въ свой пріѣздъ, объявилъ эту бумагу; а это просто была грубая придирка.

[1]) Довольно странное было опредѣленіе, по этому дѣлу, губернскаго правленія: «Такъ какъ литографія существуетъ съ разрѣшенія министра, то нѣтъ основанія прекращать производства работъ, а свидѣтельство на торговлю произведеніями печати не можетъ быть выдано». Въ примѣненіи къ дѣлу выходило: печатай сколько угодно, но продавать нельзя; книжная торговля существуетъ вмѣстѣ съ литографнымъ производствомъ народныхъ картинъ—и потому одно безъ другаго и существовать не могли. И. Г.

По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, я самое-первое отправился къ В. П. Безобразову—моему покровителю, который, какъ и всегда, и въ этомъ случаѣ принялъ во мнѣ самое живое участіе. Просьба моя отъ г. министра перешла въ главное управленіе по дѣламъ печати; здѣсь потребовалось поручительство извѣстныхъ лицъ за мою благонадежность, что̀ и было представлено. Затѣмъ послѣдовало разрѣшеніе на открытіе какъ литографіи, такъ и книжной торговли [1]). При этомъ литографическое заведеніе и книготорговля перешли сами собой на мое имя. Въ С.-Петербургѣ я съ особеннымъ удовольствіемъ посѣтилъ одно изъ засѣданій географическаго общества: видѣлся съ нѣкоторыми учеными, и былъ принятъ вообще съ большою благосклонностію. Тогда-же мнѣ удалось оказать немаловажную услугу и отцу. Когда его смѣнили съ должности старшины, я замѣтилъ въ немъ большую перемѣну: онъ постоянно былъ золъ, злился на все, хандрилъ... Надобно было предоставить ему какую-либо власть или занятіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и семейныхъ. Въ газетахъ вычиталъ я, обнародованныя 8-го мая 1864 года, основныя правила для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ, и, въ годъ выбытія его изъ должности, придумалъ отъ имени его основать православное братство, составилъ уставъ, который и былъ утвержденъ; отецъ былъ попечителемъ, я — дѣлопроизводителемъ; восхвалялъ въ печати достоинства и усердіе отца, описывая дѣятельность братства; тоже самое я дѣлалъ и во время его службы старшиной. Въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, мнѣ представился случай, по рекомендаціи особенно А. П. Самсонова, быть у секретаря ея величества государыни императрицы, П. А. Морица. Я представилъ ему описаніе Мстеры, съ литографированными рисунками, и просилъ оказать покровительство учрежденному братству. По докладу П. А. Морица, Государыня Императрица соизволила пожертвовать 150 руб. Впослѣдствіи присылки денежныя и книгами были почти ежегодно; къ не-

---

[1]) Когда было получено распоряженіе изъ С.-Петербурга, и я былъ, по возвращеніи, у губернатора—онъ мнѣ говорилъ, что ему было по совѣсти крайне непріятно прекращеніе моего производства но онъ самъ ничего не могъ сдѣлать. Губернаторомъ былъ П. А. Шатохинъ, который, чрезъ недолгое время губернаторства во Владимірѣ, застрѣлился въ Москвѣ, послѣ того какъ мнѣ въ видѣ исключенія, при особыхъ и высокихъ порукахъ въ благонадежности, при данномъ поручительствѣ, подписанномъ: академикомъ, дѣйств. статск. совѣт. В. П. Безобразовымъ, генералъ-лейт. А. П. Самсоновымъ (бывшимъ владимір. губернаторомъ), дѣйств. статск. совѣт. П. П. Семеновымъ, В. К. Ржевскимъ и В. Я. Фуксомъ, дано было дозволеніе. Мнѣ памятно также участіе въ этомъ дѣлѣ императорскаго географическаго общества: оно отозвалось обо мнѣ весьма лестно. И. Г.

счастію, въ нашемъ братствѣ возникали распри и непріятности, столкновенія съ мѣстнымъ начальствомъ, духовенствомъ, и т. д.; завелась масса дѣлъ, по странной привычкѣ отца къ дѣламъ и бумагамъ [1]). Черезъ пять лѣтъ, проведенныхъ мною въ качествѣ письмоводителя, я отказался отъ дальнѣйшаго участія. При всемъ томъ, отцу моему по этому учрежденію пожалованы были двѣ серебреныя медали для ношенія на груди. Отцу крайне было непріятно, что я прекратилъ заниматься дѣлами братства, и къ этому времени имѣлъ наградъ за свои литературные труды болѣе, нежели онъ. Хотя отецъ потомъ и сдѣлался церковнымъ старостой, но мои успѣхи возбуждали въ немъ чувство зависти. Я вошелъ въ частыя сношенія съ учеными обществами; предпринималъ съ научной цѣлью нѣкоторыя отдѣльныя изданія, перепечатывалъ изъ владимірскихъ изданій статьи въ отдѣльныя книжки и брошюры, и за это имѣлъ счастіе удостоиваться благодарностей и подарковъ отъ высочайшихъ особъ царствующаго дома и ученыхъ лицъ. Все это поощряло и радовало меня, побуждая къ дальнѣйшимъ трудамъ. Составленное мною исподволь, впродолженіе 2—3 лѣтъ, изданіе древностей Богоявленской церкви, съ 20-ю рисунками, встрѣчено было съ особеннымъ участіемъ любителями отечественной старины. Древніе предметы, собираемые мною, я разсылалъ въ музеи обществъ, руководствуясь тою мыслію, что большую коллекцію я не соберу, да она здѣсь и ни къ чему, а приношенія мои сохранятся въ музеяхъ и останутся какъ память обо мнѣ. Любовь къ старинѣ возрастала; я ничего не упускалъ изъ виду.

Въ 1866 году, меня избрали въ члены-корреспонденты московскаго археологическаго общества; въ 1867 году, у меня началась переписка съ покойнымъ А. И. Артемьевымъ, продолжавшаяся до самой его кончины. Его помощь и совѣты для меня незабвенны [2]). Въ 1869 году, я познакомился съ нимъ на первомъ московскомъ археологическомъ съѣздѣ, на выставкѣ котораго были многіе мои старинные предметы, подаренные въ музеи владимір. статист. комитета и москов. археологич. общества. На съѣздѣ я пробылъ около двухъ не-

---

[1]) До чего сильна была въ отцѣ страсть къ письменнымъ дѣламъ! Въ 1874 г., при общемъ пожарѣ, сгорѣлъ его старый домъ, имущество же было спасено все. У меня находился въ то время въ гостяхъ К. Н. Тихонравовъ; мы пошли навѣстить отца и пригласить къ себѣ. Застаемъ его за разборкою дѣлъ. «Слава Богу, все спасено! Я привожу въ порядокъ бумаги»—сказалъ онъ. Дѣйствительно, послѣ него остался цѣлый архивъ; но, впрочемъ, очень мало интереснаго, а болѣе всего судебныя дѣла, и пререканія съ раскольниками.

[2]) Воспоминаніе о А. И. Артемьевѣ и его со мной перепиской помѣщены въ изданіи «Древняя и Новая Россія» 1875 г., № 9, стр. 82. **И. Г.**

дѣль, и онъ остался для меня чрезвычайно памятнымъ. Съ чувствомъ особенной любознательности слушалъ я рѣчи ученыхъ, съ особеннымъ удовольствіемъ разсматривалъ старинные предметы выставки. Съѣздъ этотъ мнѣ представлялся какъ бы цѣлымъ рядомъ лекцій для изучающихъ и вообще занимающихся археологіей. Намъ съ К. Н. Тихонравовымъ [1]) вздумалось, въ воспоминаніе о съѣздѣ, сняться на фотографіи вдвоемъ. Когда дѣло дошло до поднесенія графу А. С. Уварову альбома съ портретами членовъ съѣзда, и мы отдали такую карточку, то насъ и назвали тогда «владимірскими близнецами». Хотя, во время этого съѣзда, я не участвовалъ на разныхъ пиршествахъ, обѣдахъ и вечерахъ, устраиваемыхъ для членовъ—сильныхъ міра сего, но онъ оставилъ во мнѣ пріятное впечатлѣніе, а бронзовая медаль въ память этого съѣзда сохраняетъ дорогое воспоминаніе. Наконецъ время приближалось. За десять лѣтъ моего участія въ статистическомъ комитетѣ, губернаторъ, ген.-лейт. В. Н. Струковъ, за мои труды меня любилъ. Я не пропускалъ ни одного засѣданія и собранія статистическаго комитета, пріѣзжалъ съ любовію на нихъ, читалъ свои статьи, привозилъ этнографическіе, промышленные и старинные предметы, которые съ большимъ любопытствомъ разсматривались членами, и по нимъ я дѣлалъ нужныя объясненія. Вмѣсто всякихъ наградъ, я просилъ, нельзя ли исходатайствовать мнѣ освобожденіе изъ крестьянъ; тѣмъ болѣе, что поговаривали выбрать меня въ общественную должность, въ званіе старшины [2]). Возможность испол-

[1]) На археологическомъ съѣздѣ изъ Владимірской губерніи были три лица: изъ Владиміра К. Н. Тихонравовъ и архитекторъ Н. А. Артлебенъ, а изъ крестьянскаго сословія вообще былъ только я одинъ.

[2]) Изъ общественныхъ должностей, по просьбѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ, въ 1875 году, я участвовалъ лишь въ дѣлахъ земства, и избранъ былъ уѣзднымъ и губернскимъ земскимъ гласнымъ. Къ сожалѣнію, я видѣлъ, въ три года, однѣ каверзы и безпощадныя хищенія изъ народныхъ денегъ, что производило неотрадное впечатлѣніе. По земству мной представлено было нѣсколько проектовъ, которые напечатаны въ журналахъ собранія: о мѣрахъ прекращенія пожаровъ, о льготахъ для офеней по торговлѣ, объ улучшеніи ночныхъ карауловъ по селеніямъ, объ учрежденіи рисовальныхъ классовъ въ мѣстностяхъ иконописной промышленности, объ улучшеніи народныхъ училищъ прибавкой содержанія учителямъ. Послѣдній докладъ какъ-то прошелъ съ успѣхомъ, и учителямъ, вмѣсто 180 р. въ годъ, жалованье возвышено на 250 руб.; другіе же доклады прошли почти безслѣдно: заправляющіе земствомъ не любятъ у насъ, если имъ указываютъ что нужно сдѣлать; не любятъ, если починъ, хотя и добраго дѣла, принадлежитъ не имъ; не терпятъ, если имъ внушаютъ, и—на собраніяхъ, особенно уѣздныхъ, достаточно двухъ-трехъ словъ какого-либо служащаго воротилы-земца, не согласиться съ предложеніемъ—и не спросятъ другихъ гласныхъ, какъ уже услышите произнесеніе: «собраніе постановило....»—тѣмъ и кончается вопросъ.

И. Г.

нія, какъ я думалъ, состояла въ томъ, что, по прошествіи девяти лѣтъ со времени уничтоженія крѣпостнаго права, я, какъ живущій на своей усадьбѣ, могъ бы получить увольнительное свидѣтельство; затѣмъ приписаться на-время въ мѣщане, а потомъ удостоиться званія личнаго почетнаго гражданина, по примѣру шуйскаго мѣщанина, В. А. Борисова, который за многолѣтніе труды въ 1858 году, по этому же комитету, былъ возведенъ въ это званіе. Ходатайствовать о переходѣ моемъ въ почетное гражданство было тѣмъ затруднительнѣе, что право это предоставлялось лишь городскому сословію, но не крестьянскому. Одна статья «въ положеніи о крестьянахъ» дѣлала мнѣ сильнѣйшій тормазъ и приводила въ отчаяніе. По пріѣздѣ изъ Владиміра, послѣ годичнаго собранія статистическаго комитета, я сообщилъ отцу о моемъ предположеніи и о намѣреніи перечислиться въ городское сословіе. Надобно замѣтить, что уже до этого случая отецъ мой началъ меня преслѣдовать, за мои усиленныя умственныя занятія. Исподволь, мало по малу, изъ моего магазина онъ сталъ переводить торговлю къ себѣ въ домъ, потомъ сталъ обирать арендныя деньги съ доходовъ на моей землѣ, возвышенныхъ мною до 300 руб. въ годъ; денегъ мнѣ не давалъ, часто дрался.... Вмѣсто прежней любви ко мнѣ, онъ выказывалъ ненависть; дѣлалъ самыя злыя насмѣшки, упрекалъ меня, что я ничего не дѣлаю и не работаю въ заведеніи, какъ чернорабочій; живу бариномъ: въ ученую знать пустился, и проч., и проч. Я часто плакалъ; темныя мысли бродили въ головѣ; исхода не предвидѣлось. Тяжела была моя семейная обстановка. Мои сестры пользовались слабостью отца, его любовью слушать всевозможныя сплетни, наговаривали ему на меня и подливали масла на огонь. Отецъ, вслѣдствіе наговоровъ, выказывалъ все болѣе и болѣе суровости и ярости ко мнѣ. Когда я попросилъ его согласія на мое увольненіе изъ общества, онъ на-отрѣзъ отказалъ, объявивъ, что дастъ согласіе только въ томъ случаѣ, если я подпишу ему купленную землю [1]). Я понялъ, что

[1]) Много было тогда случаевъ, что родители, не давая своего согласія на увольненіе изъ обществъ, обязывали дѣтей большими требованіями, хотя бы сынъ былъ вполнѣ послушенъ и преданъ родителямъ, и послѣдніе имѣли хорошія средства. Я знаю, въ одномъ сосѣднемъ селѣ, одинъ молодой человѣкъ, который хорошо служилъ въ Сибири, пожелалъ перечислиться туда; отецъ сначала на все изъявилъ согласіе, но, когда сынъ началъ объ этомъ хлопотать, и все было готово, оставалось лишь получить увольнительное свидѣтельство, тогда отецъ его объяснилъ свое требованіе, чтобы онъ далъ ему 2,000 руб. Сынъ какъ-то закабалилъ себя, досталъ эти деньги, отдалъ отцу, былъ уволенъ изъ общества, перечислился въ Сибирь, но недолго прожилъ отъ такого потрясенія и—умеръ. Въ г. Шуѣ, купеческій сынъ П. И. Гундобинъ (умеръ 35 лѣтъ, 3-го марта 1871 г.) состоялъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ и владимірскаго статистическаго комитета, занимался разными изслѣдованіями, и приносилъ въ даръ музеямъ

онъ хочетъ оставить меня ни съ чѣмъ, или просто прогнать безъ ничего. Я вооружился терпѣніемъ до незабвеннаго мнѣ 1871 года. К. Н. Тихонравовъ, въ моей печальной обстановкѣ, утѣшалъ меня и обнадеживалъ.

Родительскія гоненія усилились. За всякой копѣйкой я долженъ былъ униженно обращаться къ отцу, улучая минуты, когда это сдѣлать. Сапожнику-ли за починку, портному-ли за удѣлку—за каждой бездѣлицей я долженъ былъ посылать съ записками къ отцу. Выдавая деньги, онъ прибавлялъ къ нимъ наставленія или насмѣшки. Помню, какъ мнѣ было тяжело и непріятно: когда негдѣ было взять копѣйки, я приходилъ къ нему просить денегъ, а онъ, съ ехидной улыбкой, поручалъ моей сестрѣ: «дайте Ивану мѣдныхъ»—1 руб., 2 или 3 руб., въ которыхъ потомъ я долженъ былъ дать отчетъ.

22-го февраля 1871 года, было назначено годичное собраніе статистическаго комитета. Я составилъ отчетъ за десять лѣтъ моего сотрудничества, написалъ докладную записку губернатору, В. И. Струкову, въ которой просилъ войти въ мое безвыходное положеніе и употребить ходатайство объ освобожденіи меня изъ крестьянскаго званія. Я словесно объяснилъ, что отецъ на увольненіе мое изъ общества—согласія своего не даетъ. В. И. Струковъ обѣщалъ сдѣлать все, что можно. Когда я прощался послѣ засѣданія, онъ какъ-то особенно пожалъ мнѣ руку со словами: «будьте покойны!». К. Н. Тихонравова я убѣдительно просилъ, чтобы онъ извѣщалъ меня по этому дѣлу. По пріѣздѣ домой, мнѣ пришла счастливая мысль—послать при письмѣ г-ну министру внутреннихъ дѣлъ и свои сочиненія, какія до этого времени вышли. Въ мартѣ (11-го числа) послѣдовало представленіе губернатора объ исходатайствованіи мнѣ званія личнаго почетнаго гражданина. Колеблясь между надеждою и отчаяніемъ, я считалъ минуты.... 20-го апрѣля, неожиданно пріѣхалъ К. Н. Тихонравовъ и остановился въ домѣ отца. Я немедленно поспѣлъ увидѣться съ нимъ, полагая, что онъ завернулъ мимоѣздомъ. «Неизвѣстно ли чего изъ Петербурга?»—спросилъ онъ меня. Я отвѣчалъ, что ничего, кромѣ письма отъ В. П. Безобразова, изъ котораго вижу, что дѣло мое едвали возможно. Потолковавъ съ добрый часъ, я сталъ приглашать г. Тихонравова къ себѣ въ домъ. Здѣсь онъ вручилъ мнѣ оффиціальное увѣдомленіе губернатора о томъ, что по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ меня званіемъ личнаго почетнаго гражданина!... При этомъ г. Тихонравовъ объяснилъ, что именно губернаторъ и отпустилъ его лично передать мнѣ это дорогое извѣстіе.

много предметовъ и книгъ. Отъ семейныхъ неудовольствій онъ оставилъ родину, уѣхалъ въ Рыбинскъ, гдѣ и скончался. Некрологъ его помѣщенъ въ № 15, «Владимір. Губерн. Вѣдом.», 1871 г. И. Г.

Не помню, въ какомъ состояніи я тогда находился! Какъ ребенокъ, со слезами бросился я обнимать г. Тихонравова; жена моя залилась слезами; всѣ знакомые порадовались моему счастію... Одинъ только отецъ весьма сухо отнесся къ радостной вѣсти.

Дня черезъ два я собрался вмѣстѣ съ г. Тихонравовымъ ѣхать во Владиміръ—лично благодарить губернатора. Тутъ отецъ не выдержалъ себя: не далъ мнѣ на дорогу денегъ, задурилъ и нанесъ при этомъ оскорбленіе г. Тихонравову. У женниной родни я досталъ на проѣздъ, и явился съ чувствомъ сердечной благодарности къ губернатору. Изъ С.-Петербурга я получилъ нѣсколько писемъ съ поздравленіями просвѣщенныхъ лицъ, которымъ я былъ извѣстенъ; именно: отъ А. И. Артемьева, барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена, Н. Я. Дубенскаго и др. Вскорѣ послѣдовали, по высочайшему повелѣнію, распоряженія объ исключеніи меня изъ крестьянъ сл. Мстеры и о причисленіи къ г. Вязникамъ.

IV.

При равнодушіи родныхъ къ моей радости, отецъ не унимался. На каждомъ шагу я у него былъ безъ вины виноватъ. Досадуя на мое освобожденіе, послѣдовавшее безъ согласія общества и помѣщика, самое же главное—помимо его родительской воли; отецъ поставилъ меня, еще болѣе прежняго, въ самое трудное положеніе. Прекратилъ окончательно торговлю въ моемъ магазинѣ; товаръ перевезъ въ свой домъ, буйствовалъ, бранился, издѣвался, что почетный гражданинъ сидитъ безъ копѣйки у себя въ домѣ: у отца де имѣлъ хорошій столъ, а въ своемъ домѣ ѣстъ плохо. Такое мученье возрастало съ каждымъ днемъ. Отецъ домогался, чтобы я подписалъ ему свое имущество—землю, и, не видя успѣха, старался достигнуть этого крутыми мѣрами. Случалось, что и дрался. Обѣщалъ разныя непріятности, не давалъ спокойно заниматься. Когда онъ заставалъ меня за перомъ, то я немедленно убиралъ съ глазъ свои тетради. Къ моимъ литературнымъ занятіямъ относился съ самой неприличной его лѣтамъ насмѣшкой, говоря, что отъ такихъ занятій я только раззорю его; что никакой пользы въ нихъ нѣтъ, какъ и отъ меня самого, и т. д. Наконецъ, силъ моихъ не стало. Улучивъ удобную минуту, я повѣдалъ обо всемъ сосѣду, помѣщику Е. И. Протасьеву, занимавшему въ то время должность мироваго судьи. Онъ уже зналъ о моемъ положеніи, нерѣдко бывая въ моемъ домѣ; зналъ также, что отецъ мой все дѣлаетъ изъ зависти и самодурства. Небезъизвѣстна ему была и любовь моего родителя къ кляузнымъ дѣламъ. Е. И. Протасьевъ присовѣтовалъ съѣздить во Вла-

димиръ—поговорить съ прокуроромъ окружнаго суда, хорошимъ моимъ знакомымъ, Н. А. Трохимовскимъ. Я заготовилъ на-память изложеніе обстоятельствъ и замѣтокъ. 10-го августа ко мнѣ изъ С.-Петербурга пріѣхалъ съ супругой, проѣздомъ съ нижегородской ярмарки, Л. Н. Майковъ, о которомъ еще раньше писалъ мнѣ А. И. Артемьевъ. Утромъ, въ этотъ день, я было занялся этими бумагами, какъ въ Мстерѣ сдѣлался небольшой пожаръ. Второпяхъ я не успѣлъ спрятать моихъ замѣтокъ, которыя хранились у меня въ сундукѣ. Вернувшись съ пожара, я встрѣтилъ дорогихъ гостей, душевно имъ обрадовался и занялся съ ними. Мы прокатились въ Мстеру, осмотрѣли нѣкоторыя иконописныя заведенія и древности храма. Я совершенно забылъ о своихъ бумагахъ. Вечеромъ поѣхалъ съ женой провожать гостей, до желѣзной дороги, за 15 верстъ. На первый поѣздъ опоздали, а потому остались до отбытія почтоваго, въ 12 часовъ ночи. Въ пріятной бесѣдѣ время пролетѣло незамѣтно. Возвращаясь обратно въ 2 часа утра, вижу въ моемъ кабинетѣ огонь. Отецъ, ночевавшій всегда въ своемъ домѣ, за отъѣздомъ нашимъ на этотъ разъ остался у меня, и я угадалъ, что онъ отыскалъ мои бумаги! Онъ перебралъ все, что у меня было; ни одна бумага не осталась нетронутою; самую же главную, заготовленную для прокурора, онъ взялъ къ себѣ, и вмѣстѣ съ нею крѣпостной актъ на землю. Со злой усмѣшкою однако сказалъ мнѣ, что ничего не взялъ у меня, а только однѣ владимірскія бумаги—съ тѣмъ и отправился въ свой домъ. Всю ночь я провелъ въ тревогѣ. Я сообразилъ, что все между нами должно быть кончено. Съ этого дня, отецъ мой весь заработокъ въ литографіи и по раскраскѣ картинъ—бралъ себѣ, также уносилъ все, что ему вздумается. Я составилъ новую записку, и въ сентябрѣ поѣхалъ во Владиміръ, подъ предлогомъ получить присланное изъ сената свидѣтельство на почетное гражданство. Здѣсь я объявилъ Н. А. Трохимовскому всѣ свои обстоятельства; оставилъ у него изложеніе дѣла. Такъ какъ отецъ мой всѣ письма, присылаемыя на мое имя съ почты, распечатывалъ и прочитывалъ раньше меня, то я просилъ переслать отвѣтъ чрезъ посредство сосѣда, мироваго судьи. Черезъ нѣсколько времени отвѣтъ съ заключеніемъ былъ полученъ. Мировой судья употребилъ всѣ домашнія мѣры къ соглашенію, побудилъ отца отказаться отъ преслѣдованія меня своей властью, оставить самоуправство и меня въ покоѣ. Захваченное имъ право торговли подъ моимъ именемъ было мнѣ возвращено, также и крѣпостной актъ на землю. Совѣтовали мнѣ при этомъ взять или отобрать отъ него товаръ моего заведенія на хорошую сумму; но отецъ упросилъ, чтобы оставили ему. Я сдѣлалъ всякую уступку: не только не взялъ товара, но и ничего;

одна его домашняя подписка о невмѣшательствѣ въ мои домашнія и хозяйственныя распоряженія—прекратила наши столкновенія. При этомъ отецъ долго не успокоивался и хотѣлъ преслѣдовать меня, но губернскія власти вразумили, что во всемъ виноватъ онъ, а потому мы и остались—каждый при своемъ. Онъ завелъ отдѣльную свою торговлю, по которой я оказывалъ ему всякое содѣйствіе. На первыхъ порахъ денегъ у меня не было, но добрые люди дали въ займы, а другіе открыли кредитъ по производству заведенія и по книжной торговлѣ; я сталъ вести расчетливую жизнь, и хотя не имѣлъ денегъ, но имѣлъ душевное спокойствіе. 1871-й годъ сразу меня избавилъ отъ двухъ тяжелыхъ гнетовъ: крестьянскаго и семейнаго. Не къ чести отца замѣчу, что онъ всетаки, и послѣ умиротворенія, косвенно старался мнѣ вредить, чтобы запятнать мое имя; писалъ моимъ знакомымъ и покровителямъ съ самой неблагопріятной стороны. Ему конечно не вѣрили, зная ближе обстоятельства, зная ложь и притворство, къ которымъ онъ прибѣгалъ. Губернскія власти относились къ нему несовсѣмъ благосклонно, и онъ еще больше потерялъ свой вѣсъ. Когда приближался часъ его кончины, и я, въ теченіе недѣли болѣзни, каждый день посѣщалъ отца, тогда совѣсть въ немъ заговорила. На смертномъ одрѣ онъ созналъ свои ошибки, и каждый разъ, предъ моимъ уходомъ, говорилъ только одно и то же: «прости меня Христа-ради».

Богъ съ нимъ... я обязанъ ему воспитаніемъ въ Москвѣ, онъ мнѣ указалъ дорогу. Его испортила властолюбивая служба съ молодыхъ лѣтъ, избаловало тщеславіе и испортили годы съ его незавидной семейной обстановкой.

Дѣтьми Богъ меня не наградилъ. Я рѣшился приблизить къ себѣ постороннихъ лицъ, чтобы направлять по своему пути и чтобы они заимствовали у меня полезное занятіе. То былъ крестьянскій сынъ сл. Мстеры, И. М. Тюнинъ (мой племянникъ), который и напечаталъ нѣсколько статеекъ [1]), и крестьянскій сынъ сл. Холуя, Н. В. Сивковъ [2]) (который былъ у меня рисовальщикомъ по заведенію). Къ сожалѣнію, мои старанія и заботы не оправдались: послѣ нѣсколь-

[1]) Статьи, шедшія чрезъ меня, во «Владимірскихъ Губернск. Вѣдомост.», помѣщены слѣдующія: 1, Обычай подавать тайную милостыню въ сл. Мстерѣ (№ 48, 1862 г.); 2, Средство истреблять мышей въ сл. Мстерѣ (№ 30, 1870 г.); 3, О народномъ образованіи при фабрикѣ купца Демидова (№ 7, 1871 г.); 4, Семикъ въ сл. Мстерѣ (№ 27, того же года); 5, Производство машиннаго льнопряденія на фабрикѣ купца Демидова (№ 10, 1872 г.).

[2]) Его статьи: 1, Производство плащаницъ въ сл. Холуѣ (№ 11, 1871 г.); 2, Полководье въ сл. Холуѣ и народное преданіе о старикѣ сѣдлѣ. (№ 15, 1874 г.).

И. Г.

кихъ попытокъ, питомцы мои не пошли далѣе. Особенно заботился я о моемъ племянникѣ; изъ него не было пути: въ молодыхъ лѣтахъ, въ 1876 г., онъ утонулъ, купаясь хмѣльной. Одинъ только, бывшій тогда купцомъ, Н. Г. Добрынкинъ, по моему предложенію избранный въ члены статистическаго комитета, былъ прилежнымъ дѣятелемъ. Къ моимъ археологическимъ и другимъ изслѣдованіямъ относились весьма сочувственно; статьи изъ владимірскихъ изданій перепечатывались столичными журналами, а также неоднократно читались въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ [1]).

Съ чувствомъ глубочайшей признательности и понятнаго самодовольства упомяну о высокомъ вниманіи, которымъ въ разное время осчастливили меня особы императорской фамиліи. Въ 1868 году ген.-адъют. К. Н. Посьетъ онъ имени его императорскаго высочества В. К. Алексѣя Александровича выразилъ мнѣ сочувствіе и благодарность его высочества за нѣкоторыя поднесенныя мною изданія. Въ 1869 году, за личное поднесеніе, на Владимірской станціи желѣзной дороги, Его Императорскому Высочеству, Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу, древнихъ панагій и своихъ сочиненій, удостоенъ подарка золотыми часами, и за представленный экземпляръ изданія древностей Богоявленской церкви—денежной награды въ 50 руб. Отъ великихъ князей: Владиміра Александровича—брилліантовый перстень съ изумрудомъ и золотые часы, Алексѣя Александровича—фотографическій портретъ съ соб-

[1]) Въ періодъ съ 1861 года, со времени избранія меня членомъ статистическаго комитета, по 1878 годъ—помѣщено въ его изданіяхъ и Губернскихъ Вѣдомостяхъ моихъ статей:

По статистикѣ и этнографіи	108
Исторіи и археологіи.	43
Современной хроникѣ	107
Старинныхъ актовъ, бывшихъ неизвѣстными. .	80
Итого	338.

Для музея статистическаго комитета принесено въ даръ: старинныхъ вещей, рисунковъ, этнографическихъ предметовъ и своихъ сочиненій—84; и 28 литографированныхъ рисунковъ для изданій комитета въ 6,400 экземплярахъ. Въ московское археологическое общество—64 разныхъ предметовъ, въ географическое—47, и съ 1871 года, съ учрежденія метеорологической коммиссіи, доставляются ежегодно наблюденія надъ грозою. Послѣ избранія московскимъ археологическимъ обществомъ, въ 1870 году московское общество любителей духовнаго просвѣщенія избрало меня въ дѣйствительные члены, въ 1877 году императорское русское с.-петербургское археологическое общество въ члены-сотрудники. Принималъ также участіе, хотя не лично, въ трудахъ третьяго археологическаго съѣзда; но лично, равно какъ и на другихъ съѣздахъ, на которыя я имѣлъ честь быть приглашеннымъ, по своимъ матеріальнымъ соображеніямъ, къ сожалѣнію я не могъ быть. И. Г.

ственноручной подписью и большой серебреный вызолоченный кубокъ съ подносомъ и надписью; отъ великихъ князей Сергія и Павла Александровичей—фотографическіе кабинетные портреты, за ихъ подписями.

Въ 1870 году, графъ Ѳ. П. Литке отъ имени Государя Великаго Князя Константина Николаевича выразилъ мнѣ признательность Его Высочества.

По представленіи мѣстнаго начальства за неслужебныя мои отличія по статистическому комитету, мнѣ были пожалованы двѣ серебреныя медали для ношенія на шеѣ, на станиславской и анненской лентахъ, а по министерству народнаго просвѣщенія, за 11-ти-лѣтнее усердіе къ народному образованію и за пожертвованія на этотъ предметъ, по представленію архіепископа Антонія, бывшаго предсѣдателя губернскаго училища совѣта,—удостоенъ награжденія, уже въ званіи почетнаго гражданина, золотою медалью, для ношенія на шеѣ на станиславской лентѣ.

Лестные отзывы ученыхъ обществъ—о моихъ посильныхъ трудахъ—и отечественной печати о моихъ изданіяхъ—значительно содѣйствовали и содѣйствуютъ донынѣ поддержкѣ во мнѣ силъ и неослабнаго прилежанія.

Первую пору отдѣльныя мои изданія печаталъ я въ самомъ небольшомъ количествѣ отъ 50 до 200 экземпляровъ. Я считалъ ихъ нестоющими вниманія, сознавая свою неученость. Благосклонныя къ нимъ отношенія ученаго міра приписывалъ я снисхожденію къ самоучкѣ-крестьянину. Впослѣдствіи критическіе отзывы о трудахъ моихъ, напечатанные въ нашихъ историческихъ изданіяхъ, пробудили во мнѣ сознаніе, что и я, человѣкъ простой и неученый, могу приносить посильную пользу русской наукѣ. Въ этомъ сознаніи и въ пламенной любви къ родинѣ—моя сила.

Позволяю себѣ закончить мои воспоминанія замѣткой о концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ—о той порѣ, когда мнѣ суждено было появиться на свѣтъ Божій. Сказанное авторомъ какъ нельзя лучше живописуетъ то, недавно минувшее время («Отеч. Записки», № 4, 1877 г. Изъ памятной книжки г. Иванова):

«Эти года для обыкновенной русской толпы были самымъ глухимъ, самымъ мертвымъ временемъ. Все, что родилось и провело въ эти годы свое дѣтство, все это—какъ бы ни былъ ребенокъ даровитъ отъ природы—было близко къ потерѣ сознанія человѣческаго достоинства, съ дѣтства переполнялось всѣми сортами трусости, пріучалось боязливо мыслить, чувствовать, и вообще отвыкало отъ аппетита какъ-нибудь поступать, какъ-нибудь дѣйствовать. Не шевелиться—хоть и мечтать; не показать виду, что думаешь; не показать виду, что не боишься: —вотъ что выработали эти годы въ русской толпѣ. Надо постоянно бояться—

это корень жизненной правды; все остальное можетъ быть, но можетъ и не быть, да и не нужно всего этого остальнаго: еще наживешь хлопотъ—вотъ что тогда носилось въ воздухѣ, угнетало толпу, отшибало у нея умъ и охоту думать.

«Семья, въ которой я росъ, была именно такая угнетенная носившимся въ воздухѣ молотомъ: «еще наживешь хлопотъ». Семья.... Вѣчное, безпрерывное безпокойство пропитало всѣ взаимныя отношенія и всѣ общественныя связи, всѣ мысли, всѣ дни и ночи, мѣсяцы и годы, начиная съ минуты пробужденія, переходя черезъ весь день и не покидая ночью.... Какъ-будто кто предсказалъ всѣмъ членамъ этой семьи (а такихъ семей—вся тогдашняя русская толпа), что, въ концѣ концовъ, ей предстоитъ гибель, и какъ-будто камень этого сознанія лежалъ у всѣхъ на душѣ. Съ этимъ камнемъ молились Богу, привозя въ домъ чудотворную икону; съ этимъ камнемъ родили дѣтей и хоронили ихъ; съ этимъ камнемъ шли на службу, принимали гостей, шли сами въ гости. Увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить, не было ни у кого—напротивъ, именно эта то увѣренность и была умерщвлена въ толпѣ... Всѣ простые, обыкновенные люди не жили—«мыкались», или просто «кормились», но не жили. Какъ-только начинаю себя помнить—чувство какой-то виновности, какого-то тяжелаго преступленія уже тяготѣетъ надо мной. Такъ дѣйствовала на меня эта унылая, мертвая атмосфера, созданная потерявшими смыслъ и аппетитъ жизни людьми—что я еще семи или осьми лѣтъ чувствовалъ этотъ самый камень на сердцѣ, который чувствовали всѣ мои родственники, всѣ мои сверстники. Въ церкви я былъ виноватъ предъ всѣми этими угодниками, образами, паникадилами; въ школѣ я былъ виноватъ передъ всѣми, начиная со сторожа—куда!—съ вѣшалки, на которую вѣшалъ свою шинель; на улицѣ каждая собака (мнѣ казалось такъ) только и ждала моего появленія, чтобъ меня если не совсѣмъ съѣсть, то непремѣнно укусить. Мальчики, запускавшіе змѣй, казались мнѣ отверженными Богомъ, одержимыми злымъ духомъ, порожденіемъ дьявола—такъ казалась громадна ихъ дерзость. Какъ не бояться будочника, который только и смотритъ, чтобы схватить и утащить тебя неизвѣстно куда? Словомъ: атмосфера, въ которой я росъ, была полна страховъ, была полна впечатлѣніями непріятныхъ и непривѣтливыхъ лицъ, непріятныхъ и непривѣтливыхъ отношеній, угрозъ, безпрестанныхъ, невѣдомо откуда и какъ, но во множествѣ являющихся огорченій. Все, что я ни видѣлъ вокругъ себя, все какъ бы отказалось отъ самого себя и только заботилось о томъ, чтобы не погибнуть, точно было ввержено въ какую-то пропасть... «Пропадешь»! носилось надо всѣми мнѣ близкими: «пропадешь, если посмѣешь чего-нибудь захотѣть самъ, если самъ что-нибудь позволишь себѣ... Хватай невѣсту-то! покуда можно... а то пропадешь!». И человѣкъ хваталъ урода, отъ котораго спивался... «Хватай мѣсто... останешься безъ мѣста, пропадешь!». И художникъ, талантливый человѣкъ—«хваталъ» мѣсто попа, почтальона—и спивался... Ни одной свѣтлой точки не было на горизонтѣ. «Пропадешь»—кричали небо и земля, воздухъ и вода, людъ и звѣри... И все ежилось и бѣжало отъ бѣды—въ первую попавшуюся нору».

Все здѣсь сказанное вполнѣ справедливо относительно того времени, когда все это такъ въ дѣйствительности происходило, существовало, было и жило!...

Бывшій крестьянинъ **И. А. Голышевъ.**

Сл. Мстера, 1878 г.

ИННОКЕНТІЙ,

Архіепископъ Херсонскій и Таврическій [1]).

Письма къ Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу.

1852 г.

Ваше Императорское Высочество! Благопочтительнѣйше представляя Вашему Высочеству продолженіе отвѣтовъ моихъ на вопросы, касательно нѣкоторыхъ невразумительныхъ мѣстъ нашего церковнаго молитвенника, первѣе всего долгомъ почитаю просить о великодушномъ благоснисхожденіи къ медленности моей въ доставленіи сихъ отвѣтовъ, причиною чего была болѣзнь правой моей руки, долго не позволявшая мнѣ взяться за перо и, такимъ образомъ, лишившая меня удовольствія исполнить священную для меня волю Вашу, какъ можно скорѣе. Успокоиваю себя только тѣмъ, что, среди Вашихъ непрерывныхъ и разнообразныхъ путешествій, Вамъ было не до занятія моими слабыми строками.

Вашему Высочеству между прочимъ угодно было обратить особенное вниманіе на замѣчаніе мое объ отношеніи у насъ магометанства къ господствующей религіи: почитаю за долгъ изъясниться предъ Вами о семъ предметѣ со всею откровенностію, хотя нѣкоторыя изъ мыслей моихъ покажутся, можетъ быть, слишкомъ жалобными.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI и XXIII, и изд. 1879 г., томъ XXIV и XXV, стр. 189—204.

Крымъ купленъ, какъ извѣстно, цѣною русской крови, неразъ обливавшей его отъ Перекопа до Керчи, и, слѣдовательно, жители его, какъ побѣжденные, не имѣютъ никакихъ правъ на особыя преимущества: но, несмотря на это, татаре крымскіе пользуются у насъ доселѣ такими отличіями и льготами, какихъ не имѣетъ въ нашемъ краю ни одинъ русскій поселянинъ: они не платятъ подушной подати, не обязаны рекрутскою повинностію, не подлежатъ помѣщичьему праву въ той мѣрѣ, какъ нашъ бѣдный крестьянинъ, и проч. [1]). Такой неестественный избытокъ правъ у народа дикаго и побѣжденнаго предъ его побѣдителями—невольно приводитъ въ удивленіе и русскихъ, и самихъ татаръ, такъ что ни тотъ, ни другой не знаютъ, чѣмъ изъяснить такое неравенство, и предаются: первый—ропоту и неудовольствію на свое родное правительство, послѣдній—надменности, презрѣнію имени русскаго, отвращенію отъ русской вѣры и тайнымъ надеждамъ на будущую политическую независимость. Справедливость требовала бы, чтобы, по крайней мѣрѣ, магометанинъ, по переходѣ въ христіанство, сохранялъ прежнія права свои; но и сего нѣтъ. Нынѣ онъ сдѣлался христіаниномъ, а съ завтрашняго дня начинаетъ подлежать почти всѣмъ обязанностямъ нашего простолюдина. При такомъ положеніи вещей—многіе-ли изъ магометанъ рѣшатся оставить свою вѣру, съ коею соединено столько гражданскихъ преимуществъ, когда и безъ того переводъ въ христіанство сопряженъ для него съ тяжкимъ отреченіемъ отъ всего, чѣмъ Алкоранъ такъ сильно льститъ страстямъ и плотоугодію человѣческому?

Къ сему должно прибавить крайне затруднительное положеніе обращающихся татаръ среди русскихъ общинъ, къ коимъ ихъ обыкновенно приписываютъ, и кои окружены у насъ магометанскими аулами. И языкъ, и обычаи долго мѣшаютъ обращеннымъ слиться съ новыми единовѣрующими, между тѣмъ какъ прежніе, преслѣдуя его всѣми способами, въ то же время искушаютъ его терпѣніе примѣромъ своей плотоугодной жизни.

Все это могло бы быть безъ труда устранено назначеніемъ для обращающихся магометанъ для поселенія особой казенной

---

[1]) А самъ татаринъ, дослужившись въ арміи до извѣстныхъ чиновъ, можетъ дѣлаться надъ тысячью православныхъ христіанъ господиномъ съ полнымъ правомъ помѣщика!!! Архіеп. Иннокентій.

земли, въ коей еще столько избытка, что ее доселѣ продолжаютъ, къ сожалѣнію, отдавать иностраннымъ колонистамъ. Но сего доселѣ не сдѣлано. Вообще на обращеніе татаръ къ христіанству никогда не было обращаемо ни малѣйшаго вниманія: хотя дѣло это первой важности — не только въ отношеніи къ церкви, но и къ государству, по сознанію самихъ губернаторовъ таврическихъ.

Подобная, крайне горькая для насъ неудобность въ дѣйствованіи на иновѣрцевъ срѣтила насъ недавно по отношенію къ колонистамъ нѣмецкимъ. Нѣкоторые изъ нихъ начали было обращаться въ православіе—и что же? Вмѣсто того, чтобы ободрить таковыхъ и хотя чѣмъ-либо показать имъ, что мы рады ихъ религіозному соединенію съ нами,—по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, ихъ тотчасъ лишали всѣхъ правъ, коими они пользовались дотолѣ какъ колонисты, и кои, какъ извѣстно, простираются весьма далеко. Такимъ образомъ, за переходъ изъ лютеранства въ православіе, перешедшіе—въ православной Россіи—подвергнуты лишенію правъ состоянія, то есть такому наказанію, коему подвергаются обыкновенно не иначе, какъ по суду и только за тяжкія преступленія!...

Въ основаніи подобныхъ законовъ и распоряженій, очевидно, лежитъ та мысль и убѣжденіе, что для государства все равно, какую бы кто ни исповѣдывалъ вѣру, только бы исполнялъ хорошо обязанности вѣрноподданнаго. Но возможно-ли это послѣднее для еврея и магометанина, когда противнаго тому требуетъ самая его вѣра? Доколѣ еврей будетъ ожидать своего царя Мессію (а онъ всегда будетъ ожидать его, доколѣ онъ еврей), дотолѣ, сколько бы ни давалъ онъ присягъ, для него нѣтъ на землѣ царя, котораго онъ не долженъ былъ бы оставить и презрѣть, коль скоро ему сказали, и онъ повѣритъ, что его Мессія пришелъ и явился. Доколѣ мусульманинъ не откажется отъ Алкорана, дотолѣ онъ всегда будетъ смотрѣть не въ Москву и Петербургъ, а въ Мекку, и преклоняться съ благоговѣніемъ предъ падишахомъ турецкимъ, который, въ его понятіи, есть преемникъ Магомета и тѣнь Аллаха.

Судя по сему, вообще не безполезно было бы обозрѣть внимательно нашъ законодательный кодексъ, въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ изображены права господствующей религіи въ сравненіи съ пра-

вами вѣроисповѣданій иностранныхъ и не-христіанскихъ. Я совершенно увѣренъ, что при семъ сличеніи окажется, что религія господствующая во многихъ случаяхъ остается при одномъ титулѣ и прозваніи, а дѣйствительными правами пользуются вѣроисповѣданія иностранныя и даже не-христіанскія, къ униженію и вреду первой. То есть, въ нашемъ отечествѣ повторяется то, что̀ нѣкогда произошло въ домѣ отца вѣрующихъ—Авраама, когда Агарь-раба начала брать верхъ надъ Саррою—его супругою (Быт. XXI, 9—12).

Такое положеніе дѣла тѣмъ страннѣе, что продолжается въ благополучное царствованіе монарха, который, кромѣ множества другихъ великихъ дѣлъ, уже давно стяжалъ себѣ и святую славу вѣнценоснаго покровителя и распространителя церкви православной.

Излагая такимъ образомъ мысли и чувства свои предъ Вашимъ Высочествомъ, я увѣренъ, что прозорливая мудрость Ваша не припишетъ ихъ какой-либо раздражительности или страсти къ прозелитизму и пропагандѣ: перомъ моимъ, какъ и сердцемъ, водитъ одна искренняя любовь къ престолу и отечеству, для коихъ вѣра православная была и есть краеугольнымъ камнемъ силы и величія, котораго не могутъ затмить никакіе искусственные контрафорсы самой оборотливой политики.

Засимъ, призывая отъ всей души на Васъ и Августѣйшую супругу Вашу благословеніе Божіе, съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и всецѣлой преданности, за священный долгъ почитаю быть Вашего Императорскаго Высочества преданнѣйшимъ слугою, Иннокентій архіепископъ херсонскій.

PS. Присемъ слѣдуетъ томъ «Записокъ Одесскаго Общества древностей», въ коемъ помѣщено описаніе древняго путешествія въ Крымъ, съ пророчествомъ о будущей судьбѣ его. Списокъ примѣчательнѣйшихъ книгъ по русской духовной литературѣ будетъ также скоро представленъ.

Одесса, 20-го іюня 1852 года.
Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю
Константину Николаевичу.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

I. [1])

Метрическая запись.—Дѣтство.—Тяжба.—Въ лицеѣ.—Первые шаги въ жизни.—Колосова.—Суевѣріе.—А. П. Кернъ.—Ссылка.

1799—1820.

Въ метрическихъ книгахъ московской Богоявленской церкви на Елоховѣ, за 1799 годъ, находится слѣдующая запись [2]):

«Мая 27-го, во дворѣ коллежскаго регистратора Ивана Васильева Шварцова, у жильца его маэора (sic) Сергія Львовича Пушкина родился сынъ Александръ и крещенъ 8-го іюня. Воспріемникъ былъ графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ; кума, мать означеннаго Сергія Пушкина, вдова Ольга Васильевна Пушкина».

Эта запись во всѣхъ пунктахъ противорѣчитъ свидѣтельству самого Пушкина, будто онъ родился 26-го мая въ день Вознесенія. Впослѣдствіи говорилъ онъ близкимъ ему лицамъ, что въ этотъ великій праздникъ съ нимъ совершались многія важныя событія во все продолженіе его жизни. Такъ, между прочимъ, въ день Вознесенія (15-го мая 1830 г.) онъ былъ помолвленъ съ Натальею Николаевною Гончаровой; вѣнчанъ съ нею (18-го февраля 1831 года) въ Москвѣ въ церкви Вознесенія, на Никитской. Онъ имѣлъ намѣреніе построить въ псковской своей деревнѣ церковь Вознесенія, особенно чествуя этотъ праздникъ. Александръ Юреевичъ Пушкинъ (въ статьѣ: «для

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г. томъ XXIV.

[2]) Эта выписка изъ метрическихъ книгъ Богоявленской церкви сообщена Серг. Ѳедор. Цвѣтковымъ, студентомъ московской духовной семинаріи.

біографіи Пушкина» Москвитянинъ 1852 г. № 24, стр. 23) говоритъ, что Сергѣй Львовичъ, по переселеніи въ Москву, нанялъ домъ княженъ Щербатовыхъ, близъ Нѣмецкой слободы, подлѣ самаго Яузскаго моста, не переѣзжая его къ Головинскому дворцу. Самъ Александръ Сергѣевичъ, проживая въ Москвѣ въ 1826 и 1827 годахъ, проѣзжая со знакомыми своими по Молчановкѣ, говорилъ, что родился на этой улицѣ, въ приходѣ Николы на Курьихъ-Ножкахъ, но дома указать не могъ. Домъ Шварцова (вѣроятно Шварца?), показанный въ записи метрической книги Богоявленской церкви на Елоховѣ, находился, по свидѣтельству старожиловъ, на углу Нѣмецкой улицы и Аптекарскаго переулка. Нынѣ, на мѣстѣ этого дома находятся дома, принадлежащіе купцамъ Щаповымъ и Макаровымъ.

Точное указаніе въ записи мѣста рожденія Пушкина искупаетъ ея погрѣшность въ опредѣленіи дня его рожденія. Причину этой погрѣшности легко объяснить тѣмъ, что Пушкинъ родился, быть можетъ, въ позднюю вечернюю пору, и молитва его родительницѣ была дана на слѣдующій день, т. е. въ пятницу, 27-го мая.

Родители поэта, Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна, занимая видное положеніе, любили свѣтъ и часто выѣзжали въ общество. Заботы о воспитаніи Александра въ его младенчествѣ прилагала его бабушка, Марья Алексѣевна Ганнибалъ, жившая въ домѣ у зятя. Изъ ея устъ младенецъ слышалъ первые разсказы о старинѣ и семейныя преданія о предкахъ поэта, любимцахъ Петра Великаго: о его арапѣ, Абрамѣ, и о Ржевскомъ, въ домѣ котораго часто бывалъ преобразователь. Та же бабушка выучила будущаго поэта русскому чтенію и письму. Няня Пушкина, Арина Родіоновна, впослѣдствіи воспѣтая своимъ питомцемъ и Языковымъ, была представительницею милаго, роднаго типа истинной русской няни, теперь уже вымершаго. Мастерица разсказывать сказки, хорошо знакомая со всѣми нашими народными повѣрьями, умѣвшая всегда кстати приправить бойкую рѣчь пословицами, Арина Родіоновна много способствовала развитію въ младенцѣ-Пушкинѣ его любви ко всему родному, той любви, которую не могло искоренить въ немъ дальнѣйшее воспитаніе на попеченіи учителей-иностранцевъ.

До семилѣтняго возраста, Пушкинъ, по свидѣтельству старшей его сестры, Ольги Сергѣевны (впослѣдствіи г-жи Павлищевой), былъ толстый, молчаливый и неповоротливый мальчикъ, предпочитавшій бесѣды съ бабушкой гулянью и бѣганью. Однажды Надежда Осиповна взяла его съ собою гулять. Не въ силахъ будучи поспѣвать за нею, ребенокъ отсталъ и усѣлся отдыхать посреди улицы. Замѣтивъ, что на него смотрятъ изъ оконъ сосѣдняго дома и смѣются, онъ под-

нялся и сказалъ: «ну, нечего скалить зубы!». На седьмомъ году въ немъ стали обнаруживаться признаки отрочества: рѣзвость и шаловливость, и въ это-же время съ рукъ бабушки и няни онъ перешелъ на попеченіе гувернеровъ и учителей. Законоучителемъ дѣтей Пушкиныхъ былъ извѣстный своими проповѣдями Александръ Ивановичъ Бѣликовъ [1]); онъ-же обучалъ исторіи, географіи и началамъ ариѳметики. Изъ иностранныхъ учителей, учительницъ, гувернеровъ и гувернантокъ, въ домѣ Пушкиныхъ, во время дѣтства Александра Сергѣевича, смѣнили другъ друга: неизбѣжная принадлежность барскаго дома начала XIX столѣтія, французскій эмигрантъ, графъ Монфоръ, музыкантъ и живописецъ; Русселo-поэтъ; нѣкто Шедель; за ними—г-жа Лоржъ, учительница нѣмецкаго языка, миссъ Белли—англійскаго и г. Шиллеръ—русскаго. Который-то изъ двухъ учителей-французовъ особенно запечатлѣлся въ памяти Пушкина и послужилъ ему впослѣдствіи типомъ для созданія дядьки-француза въ «Капитанской Дочкѣ». По причинѣ частой смѣны учителей, занятія дѣтей Сергѣя Львовича нарушались перерывами; при всемъ томъ Александръ Сергѣевичъ и сестра его отлично ознакомились съ французскимъ языкомъ. По отзывамъ графа Сен-При (Saint-Priest) слогъ французскихъ писемъ Пушкина сдѣлалъ-бы честь любимому французскому писателю. Съ итальянскимъ языкомъ будущій поэтъ освоился также еще въ дѣтствѣ; за то англійскимъ владѣлъ не совсѣмъ свободно, а нѣмецкаго не любилъ.

Посѣщеніе гостиныхъ князя Ив. Дм. Трубецкаго, графа Д. П. Бутурлина, Ник. Мих. Сушкова и нѣкоторыхъ другихъ, также танцовальныхъ вечеровъ Іогеля, должно было, по мнѣнію родителей Александра Сергѣевича, довершить его свѣтское образованіе.

Мальчикъ былъ остроуменъ и находчивъ. Такъ, однажды, Ив. Ив. Дмитріевъ, подшучивая надъ оригинальнымъ типомъ лица Пушкина и его кудрявыми волосами, сказалъ: «какой арабчикъ!»—За то не рябчикъ!—откликнулся десятилѣтній правнукъ Ганнибала. Рѣзма удачная, сама по себѣ; но и отвѣтъ не менѣе находчивъ, если вспомнимъ, что Ив. Ив. Дмитріевъ былъ рябой.

Упомянувъ объ Ив. Ив. Дмитріевѣ, одномъ изъ тогдашнихъ корифеевъ отечественной словесности, мы должны замѣтить, что домъ Сергѣя Львовича посѣщали въ Москвѣ многія изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей. Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій и К. Н.

---

[1]) Впослѣдствіи былъ священникомъ Маріинскаго института и умеръ лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Онъ перевелъ съ французскаго «Духъ Массильона» (1808 и 1822) и составилъ катихизисъ (1818). П. К.

Батюшковъ были связаны узами самой короткой пріязни какъ съ отцомъ будущаго поэта, такъ и съ его дядею, Васильемъ Львовичемъ, въ свое время довольно извѣстнымъ стихотворцемъ. Изъ прочихъ родственниковъ фамиліи Пушкиныхъ—Алексѣй Михайловичъ переводилъ Мольера, Александръ Юрьевичъ—писалъ стихи. Болѣе или менѣе звучный языкъ поэзіи коснулся слуха Пушкина еще въ его младенческихъ лѣтахъ; страсть къ чтенію и того болѣе способствовала развитію его поэтическаго дарованія. Библіотека его отца была составлена изъ лучшихъ произведеній преимущественно французской словесности, также и древнихъ классиковъ въ переводѣ на французскій языкъ. Пушкинъ-мальчикъ, кромѣ Корнеля, Расина, Мольера, «Генріады» Вольтера, и множества романовъ, прочелъ всего Плутарха, Иліаду и Одиссею въ переводѣ Битобэ. Развитію воображенія геніальнаго мальчика немало способствовали также домашніе спектакли, до которыхъ Сергѣй и Василій Львовичи были великіе охотники. Первыя попытки нашего великаго поэта въ стихосложеніи (на французскомъ языкѣ) были импровизаціи цѣлыхъ комедій, въ которыхъ онъ являлся и авторомъ, и актеромъ. Публикою была старшая его сестра Ольга Сергѣевна. Однажды она освистала комедію брата «Штукарь» (Escamoteur), однакоже юный авторъ не только не обидѣлся, но даже написалъ самъ на себя «эпиграмму». Въ то же время (по воспоминаніямъ Ольги Сергѣевны Павлищевой) онъ пробовалъ писать басни; десяти лѣтъ отъ роду, начитавшись «Генріады», написалъ цѣлую ирои-комическую поэму пѣсняхъ въ шести: «la Tolyade» (Толіада), героемъ которой былъ карликъ короля Дагобера, самый-же сюжетъ состоялъ въ битвѣ карликовъ съ карлицами. Гувернантка, перехвативъ тетрадку съ поэмою, передала ее гувернеру Шеделю, жалуясь, что Alexandre потому и уроковъ не знаетъ, что занимается подобнымъ вздоромъ. Шедель, прочитавъ первыя строки, расхохотался: обиженный десятилѣтній поэтъ расплакался и бросилъ свою поэму въ печь. По отзывамъ Ольги Сергѣевны, братъ ея особеннымъ прилежаніемъ не отличался: полагаясь на свою счастливую память, онъ никогда не затверживалъ уроковъ, а повторялъ ихъ за сестрою, когда ее спрашивали. Нерѣдко учитель спрашивалъ его перваго, и тѣмъ ставилъ въ тупикъ. Ариѳметика казалась ему недоступною, и онъ часто надъ первыми четырьмя правилами, особенно надъ дѣленіемъ, заливался горькими слезами.

Кругъ знаменитыхъ писателей въ домѣ отца, домашніе спектакли, пользованіе прекрасною библіотекою, все это были, конечно, благопріятныя условія для развитія зачатковъ поэзіи въ душѣ геніальнаго ребенка; но зачатки эти, безъ сомнѣнія, заглохли бы безъ соприкосно-

венія съ живою природою и ея красотами. Хотя Москва до пожара 1812 года отличалась патріархальною, такъ сказать, сельскою внѣшностью, все же она была «городомъ». Ея палисадники, сады и бульвары—болѣе произведенія искусства, нежели природы. Жизнь Пушкина въ городскихъ стѣнахъ отдаляла его отъ впечатлѣній родной природы до семилѣтняго возраста. Въ 1806 году, бабушка Марья Алексѣевна купила у генеральши Тиньковой небольшое подмосковное сельцо Захарово, куда семейство Пушкиныхъ, послѣ того, переѣзжало на лѣто.

О времени пребыванія въ Захаровѣ, въ памяти Пушкина сохранился анекдотъ, который онъ впослѣдствіи разсказывалъ Павлу Воиновичу Нащокину. Въ домѣ Пушкиныхъ, въ Захаровѣ, жила больная ихъ родственница, молодая помѣшанная дѣвушка. Полагая, что ее можно вылечить испугомъ, родные, проведя рукавъ пожарной трубы въ ея окно, хотѣли обдать ее внезапною душью. Она, дѣйствительно, испугалась и выбѣжала изъ своей комнаты. Въ это время Пушкинъ возвращался съ прогулки, изъ рощи.—Mon frère,—закричала помѣшанная,—on me prend pour un incendie! (Братецъ, меня принимаютъ за пожаръ!)

— Не за пожаръ, а за цвѣтокъ!—отвѣчалъ Пушкинъ.—Вѣдь и цвѣты въ саду поливаютъ изъ пожарной трубы.

Въ праздничные дни семейство Пушкиныхъ ѣздило къ обѣднѣ въ сосѣднее село Вязему, вотчину князей Голицыныхъ. Построеніе его церкви съ оригинальною колокольнею и большой прудъ относятся къ временамъ Бориса Годунова. Это имя, вмѣстѣ съ церковнымъ благовѣстомъ, запало въ память Пушкина еще въ дѣтствѣ.....

Въ 1811 году, поступленію Пушкина въ императорскій царскосельскій лицей предшествовало одно непріятное, семейное обстоятельство, которое нанесло существенный ущербъ и убыль родовому имѣнію Надежды Осиповны, тому самому «Михайловскому» (Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда), съ которымъ неразлучны воспоминанія о Пушкинѣ-изгнанникѣ. Вотъ два документа, относящіеся къ этому дѣлу [1]), по денежному взысканію роднаго дяди съ племянницы и невѣстки. Они знакомятъ насъ отчасти и съ характеромъ отца нашего великаго поэта.

Ордеръ правящему должность Псковскаго губернскаго прокурора.

Провіантскаго штата коммиссіонеръ 7-го класса, Сергѣй Пушкинъ, прислалъ ко мнѣ просьбу, въ которой объясняетъ, что по представленному ко

[1]) Сообщены редакціи «Русской Старины»—Г. К. Рѣпинскимъ, въ 1874 г.

взысканію отъ дяди жены его, Петра Ганнибала, заемному письму въ 3 т. рублей, данному отъ тестя просителева, по коему уже уплачено 2 т. рублей, Опочецкій уѣздный судъ описалъ все ихъ, Пушкиныхъ, имѣніе, состоящее въ 200 душахъ съ господскимъ домомъ и со всѣми усадьбами, оцѣнивъ годныхъ въ рекруты во 100 рублей, другихъ въ 75 и 40, а 45-ти-лѣтнимъ и никакой не положивъ цѣны,—я рекомендую вамъ доставить мнѣ немедленно обстоятельное о семъ дѣлѣ свѣдѣніе, между-же тѣмъ настоять, гдѣ слѣдуетъ, по должности вашей, чтобы женѣ просителя оказана была законная защита. (Подписано) Иванъ Дмитріевъ. Сентября 22-го дня 1811 года.

Министру юстиціи. Рапортъ съ донесеніемъ объ описи за долги Пушкиной имѣнія.

Во исполненіе предписанія вашего превосходительства минувшаго сентября 22-го числа, за № 5552, о доставленіи свѣдѣнія по настоящимъ моимъ по дѣлу, производящемуся въ Опочецкомъ уѣздномъ судѣ, провіантскаго штата 7-го класса коммисіонера Сергѣя Пушкина, о взысканіи дяди жены его, Петра Ганнибала, заемнымъ письмомъ денегъ, и объ описи уѣзднымъ судомъ всего ихъ, Пушкиныхъ, имѣнія. Изъ производящагося въ Опочецкомъ уѣздномъ судѣ дѣла явствуетъ, что при прошеніи отъ господина генералъ-маіора Петра Ганнибала представлены были два заемныя письма, данныя отъ покойнаго морской артиллеріи капитана Іосифа Ганнибала, 1-е въ 3000, а 2-е въ 845 рублей; — засимъ, за уплатою по послѣднему 600 рублей, достальныхъ 3245 руб. о взысканіи съ имѣнія покойнаго Іосифа Ганнибала, состоящаго въ Опочецкомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Михайловскомъ съ деревнями; или съ его наслѣдницъ: жены покойнаго Іосифа Ганнибала, Маріи, и дочери, Надежды Пушкиной; почему и предписано отъ уѣзднаго—нижнему земскому суду указомъ, съ управляющаго имѣніемъ наслѣдницъ покойнаго Іосифа Ганнибала 3245-ти руб. съ рекамбіо и произвесть, взыскать и прислать въ тотъ судъ; а въ случаѣ несостоянія платежа, то описавъ на толикую сумму изъ недвижимаго ихъ имѣнія и учиня опись съ оцѣнкою, доставить въ тотъ судъ; по которому былъ отправивши земскаго суда членъ и, по пріѣздѣ на мѣсто поданнымъ на имя его управляющій вотчиною, поручикъ Игнатьевъ, объясненіемъ объявился, что отъ довѣрительницъ его, покойнаго Іосифа Ганнибала жены, Маріи, и дочери, Надежды Пушкиной, денегъ не имѣетъ и доходовъ съ той вотчины въ сборѣ не состоитъ, почему тѣмъ засѣдателемъ, при благородномъ свидѣтелѣ, прапорщикѣ Андреѣ Затепленскомъ, въ сельцѣ Михайловскомъ господскому имѣнію, дворовымъ людямъ и въ деревняхъ крестьянамъ, всего мужеска 23-мъ и женска 25-ти душамъ, помянутая опись и оцѣнка учинена; и все оное имѣніе оцѣнено въ 3242 руб. и въ уѣздный судъ доставлено; послѣ чего г-нъ генералъ-маіоръ Ганнибалъ, при прошеніи, представилъ присланное къ нему отъ племянницы его, Надежды, и мужа ея, Пушкина, письмо, коимъ просили его, Ганнибала, по

неимѣнію у нихъ въ наличности денегъ, потерпѣть короткое время; но онъ, Ганнибалъ, просилъ о взысканіи, по тѣмъ, представленнымъ отъ него, заемнымъ письмамъ, вышеозначенной суммы, которое дѣло въ минувшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ 26-го числа рѣшено и тѣмъ судомъ опредѣлено, какъ изъ представленнаго въ тотъ судъ при прошеніи отъ г-на Ганнибала письма къ нему присланнаго явствуетъ, что къ заплаты (sic) денегъ въ наличности не имѣютъ, то о продажѣ съ публичнаго торга отъ него имѣнія въ Псковское губернское правленіе представить съ представленіемъ описи съ оцѣнкою, но по оному исполненія еще не учинено;—но господина-жъ Пушкина жалоба вашему превосходительству изъясненная вовсе справедливости не заслуживаетъ; поелику отъ него по тѣмъ частнымъ письмамъ платежа 2000 р. по дѣлу не видно; слѣдовательно не за 1000 р., а за 3245 руб. не 200 душъ описано, а 23—мужска и женска 25 душъ изъ имѣнія жены его въ сельцѣ Михайловскомъ, съ деревнями, землею и съ имуществомъ; уѣздному-же суду извѣщать Пушкиныхъ по сему дѣлу нужды не настояло, потому, какъ имѣя судъ въ виду, со стороны ихъ повѣреннаго и управляющаго ихъ вотчиною, поручика Игнатьева, а тѣмъ болѣе, что бывъ онѣ уже объ ономъ извѣстны, какъ видно изъ представленнаго отъ господина Ганнибала, писаннаго тѣми Пушкиными къ нему письма (что и видимо ихъ, Пушкиныхъ, одна клевета и напрасное затрудненіе начальства въ перепискахъ) [1]). О чемъ вашему превосходительству честь имѣю покорнѣйше донести. № 547. октября 13-го дня 1811 года.

Разсказъ о далеко не великодушномъ поступкѣ дѣдушки, Петра Абрамовича Ганнибала, конечно, надолго сохранился въ семействѣ Надежды Осиповны, и это семейное преданіе осталось небезъизвѣстно Пушкину. По выпускѣ изъ Лицея, ѣдучи въ Михайловское, онъ дружелюбно посѣтилъ двоюроднаго дѣда: дѣла старика были тогда очень разстроены, и онъ сильно «придерживался рюмочки.»

19-го октября 1811 года, Пушкинъ поступилъ въ Лицей, въ тотъ же день открытый императоромъ Александромъ I. Здѣсь двѣнадцатилѣтній юноша сблизился со своими сверстниками, изъ которыхъ почти всѣ пріобрѣли впослѣдствіи громкую, хотя и весьма разно, родную извѣстность. То были: князь А. М. Горчаковъ (нынѣ канцлеръ россійской имперіи), покойные: М. А. Корфъ, баронъ А. А. Дельвигъ, В. К. Кюхельбекеръ, И. И. Пущинъ, Корсаковъ, Данзасъ, Масловъ, Матюшкинъ и др., впослѣдствіи воспѣтые Пушкинымъ въ его «лицейскихъ годовщинахъ». Матеріалы для исторіи почти шестилѣтняго пребыванія Пушкина въ Лицеѣ (съ

[1]) Слова, замкнутыя въ скобкахъ, зачеркнуты въ черновомъ спискѣ. П. К.

19-го октября 1811 по 10-е іюня 1817 года) составляютъ чуть не цѣлую библіотечку.

«Безмятежно разцвѣталъ» поэтъ, но при какихъ великихъ міровыхъ событіяхъ! Громы Бородинской битвы, пожаръ Москвы, гибель Наполеоновскихъ полчищъ на снѣжныхъ поляхъ Россіи, въ ледяныхъ волнахъ Березины; борьба всей Европы съ ея «развѣнчаннымъ кумиромъ», трехсуточная битва подъ Лейпцигомъ; вступленіе Александра въ Парижъ; бой при Ватерлоо, заточеніе Наполеона на островъ св. Елены, Вѣнскій конгрессъ и перемежевка всей Европы колѣнопреклоненной предъ Александромъ... Всѣ эти событія юноша-поэтъ переживалъ пламенной душой.

Добрый товарищъ, Пушкинъ ладилъ со всѣми «однокашниками», но далеко не сочувственно относился къ начальству. Онъ воспѣлъ Куницына и холоднымъ молчаніемъ обошелъ Егора Антоновича Энгельгардта [1]), этого благороднаго, искренняго друга лицеистовъ, ихъ добраго педагога, въ стѣнахъ Лицея, постояннаго и заботливаго за нихъ ходатая, когда они разстались съ ихъ alma mater. Почему доброе, юношеское сердце Пушкина не лежало къ достойному любви и уваженія Энгельгардту? вопросъ невполнѣ еще разрѣшенный; но вотъ подлинный разсказъ самого покойнаго Егора Антоновича, объ одномъ эпизодѣ изъ жизни Пушкина, о которомъ донынѣ умалчиваютъ біографы нашего поэта [2]).

Въ недѣлю разъ, иногда и чаще, въ домѣ Егора Антоновича бывали вечернія собранія, на которыя, кромѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ, директоръ Лицея приглашалъ воспитанниковъ. Послѣднимъ полнѣйшая свобода вмѣнялась въ непремѣнную обязанность, и для развлеченія къ ихъ услугамъ были всѣ возможныя удобства: книги, ноты, рисунки, краски, карандаши, музыкальные инструменты и т. д. Каждый забавлялся, чѣмъ ему было угодно. Помимо доставленія лицеистамъ самаго нравственнаго и назидательнаго развлеченія, Энгельгардтъ, приглашая ихъ на свои вечера, имѣлъ въ виду пріученіе молодыхъ людей къ хорошему обществу и обхожденію въ кругу

---

[1]) Родился въ Ригѣ 12-го августа 1775 г., скончался въ С.-Петербургѣ 15-го января 1862 г. Письма его къ В. К. Кюхельбекеру были напечатаны въ «Русской Старинѣ», изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 362—364, 365—368, 369—371, 372—374, 375—377.

[2]) Этотъ разсказъ, впрочемъ довольно странный, слышали мы отъ покойнаго Константина Андреевича Ш т о р х а, бывшаго лицеиста одного изъ первыхъ выпусковъ, послѣ Пушкина. Въ печати же—именно въ интересной монографіи В. П. Гаевскаго—отношенія Пушкина къ Энгельгардту разсказаны подробнѣе и проще, и, кажется, вѣрнѣе (напр. о племянницѣ Энгельгардта).

благовоспитанныхъ дамъ и дѣвицъ. Дельвигъ и Кюхельбекеръ были частыми посѣтителями вечеровъ Энгельгардта; Пушкинъ очень рѣдкимъ; наконецъ, года за два до выпуска, онъ и вовсе прекратилъ свои посѣщенія, предпочитая имъ гулянье по саду, или чтеніе. Это огорчало Егора Антоновича, какъ хозяина и какъ воспитателя. Какъ-то во время рекреацій, когда Пушкинъ сидѣлъ у своего пульта, Энгельгардтъ подошелъ къ нему и, со свойственною, всегдашнею лаской, спросилъ Пушкина: за что онъ сердится? Юноша смутился и отвѣчалъ, что сердиться на директора не смѣетъ, не имѣетъ къ тому причинъ и т. д. «Такъ вы не любите меня»,—продолжалъ Энгельгардтъ, усаживаясь подлѣ Пушкина—и тутъ же, глубоко прочувствованнымъ голосомъ, безъ всякихъ упрековъ, высказалъ юному поэту всю странность его отчужденія отъ общества, въ которомъ онъ, по своимъ любезнымъ качествамъ, можетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ. Пушкинъ слушалъ со вниманіемъ, хмуря брови, мѣняясь въ лицѣ; наконецъ, заплакалъ и кинулся на шею Энгельгардту.

— Я виноватъ въ томъ,—сказалъ онъ:—что до сихъ поръ не понималъ и не умѣлъ цѣнить васъ!

Добрый Энгельгардтъ самъ расплакался и, какъ юноша, радовался раскаянію Пушкина, его отреченію отъ напускной мизантропіи и былъ въ восторгѣ при мысли видѣть у себя въ скоромъ времени милаго гостя. Они разстались—довольные другъ другомъ: Энгельгардтъ вышелъ изъ класса, а Пушкинъ остался у пульта. Минутъ черезъ десять, Егоръ Антоновичъ вернулся къ нему, желая что-то сказать; но лишь-только вошелъ, Пушкинъ поспѣшно спряталъ какую-то бумагу подъ доску и, замѣтно, смѣшался.

— Вѣроятно, стишки?—шутливо спросилъ Энгельгардтъ.—Покажите, если не секретъ?

Пушкинъ, переминался, прикрывая доску рукою.

— Отъ друга танться не слѣдуетъ...—продолжалъ Энгельгардтъ, тихонько подымая доску пульта и доставая изъ него листъ бумаги: на этомъ листѣ былъ нарисованъ его портретъ въ каррикатурѣ, и было набросано нѣсколько строкъ очень злой эпиграммы, почти пасквиля.

Спокойно отдавая Пушкину эту злую шалость его музы, Егоръ Антоновичъ сказалъ:

— Теперь понимаю, почему вы не желаете бывать у меня въ домѣ. Не знаю только, чѣмъ могъ я заслужить ваше нерасположеніе.

Поэтъ не принималъ участія и въ семейномъ праздникѣ у Энгельгардта, по случаю перваго выпуска воспитанниковъ императорскаго Лицея: актъ происходилъ 10-го іюня 1817 года, а на другой же день Пушкинъ мчался въ свое родное «Михайловское».

Первые три года по выпускѣ изъ Лицея были ознаменованы знакомствомъ Пушкина со многими изъ литераторовъ и изъ свѣтскихъ людей, нѣсколькими произведеніями, печатными и рукописными, обличавшими могучій талантъ будущаго свѣтила русской поэзіи,—и многими шалостями, навлекшими на него неудовольствія со стороны высшихъ властей. Самыми искренними доброжелателями Пушкина, при вступленіи его въ свѣтъ и на литературное поприще, принимавшими въ немъ живѣйшее, родственное участіе, были: Н. М. Карамзинъ, князь П. А. Вяземскій, В. А. Жуковскій, А. И. Тургеневъ, Н. И. Гнѣдичъ, А. Н. Оленинъ, Н. Н. Раевскій, Ѳ. Н. Глинка.... Почтенные члены литературнаго общества «Арзамасъ», несмотря на молодость Пушкина, приняли его въ свой кругъ, давъ прозвище «Сверчка». За остроуміе, любезность его любили многіе; нѣкоторые побаивались; приверженцы классицизма косились на «мальчика», въ которомъ угадывали будущаго преобразователя отечественной поэзіи. Онъ же, скрѣпя сердце, былъ принужденъ воскурять ѳиміамъ классикамъ, восхищаться произведеніями не только Ив. Ив. Дмитріева или Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, но даже и дядюшки, Василья Львовича. Театръ Пушкинъ любилъ страстно.....

Величавый геній Корнеля и нѣжная до приторности муза Расина не возбуждали въ Пушкинѣ того «обязательнаго» восторга, съ которымъ приверженцы классицизма привѣтствовали Сида, Ѳедру, Эсѳирь, Гоѳолію. Восхищаясь игрою Семеновой, Пушкинъ былъ болѣе чѣмъ несправедливъ къ ея соперницѣ Александрѣ Михайловнѣ Колосовой (впослѣдствіи Каратыгиной). Дружба съ П. А. Катенинымъ, отдававшимъ должную справедливость высокому дарованію прекрасной артистки, не воспрепятствовала Пушкину въ минуту досады написать на Колосову слѣдующую эпиграмму:

Все плѣняетъ насъ въ Эсѳири:
Упоительная рѣчь,
Поступь важная въ порфирѣ,
Кудри черныя до плечъ;
Голосъ нѣжный, взоръ любови....
Набѣленная рука,
Размалеванныя брови
И широкая нога! [1])

[1]) Эти стихи донынѣ нигдѣ не были напечатаны. Мы записали ихъ со словъ самой Александры Михайловны Каратыгиной, сохранившей ихъ донынѣ въ своей прекрасной, неизмѣнной памяти. Разсказы о Пушкинѣ, безъ сомнѣнія, займутъ многія страницы въ воспоминаніяхъ нашей заслуженной артистки.

Впослѣдствіи, эти незаслуженныя колкости поэтъ искупилъ прелестными стихами, присланными Катенину изъ Кишинева («Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ»), своимъ незабвеннымъ для нашей заслуженной артистки знакомствомъ и самою милою пріязнью къ ней и ея высоко-талантливому супругу (покойному Василію Андреевичу Каратыгину). Вышеприведенные стихи относятся къ 1819—1820 годамъ.

Пушкинъ, какъ извѣстно, имѣлъ слабость къ картамъ, холостымъ пирушкамъ и былъ склоненъ къ расточительности, возраставшей соразмѣрно скупости его почтеннаго родителя. Самая расточительность сына была, можетъ быть, слѣдствіемъ скупости отца. Какъ-то гуляя со знакомыми на катерѣ, по Невѣ, и восхищаясь прозрачностью водной поверхности, Пушкинъ, при Сергѣѣ Львовичѣ, бросилъ въ Неву нѣсколько полуимперіаловъ, любуясь блескомъ золотыхъ монетъ, упадавшихъ въ глубину. Какую страшную пытку долженъ былъ вытерпѣть при этомъ его родной Гарпагонъ!... Съ годами, особенно послѣ женитьбы своей, поэтъ совершенно остепенился и безъ сожалѣнія разстался съ увлеченіями молодости. Изъ всѣхъ человѣческихъ слабостей, лишь одна была неразлучна съ его душою: слабость эта—суевѣріе. Было ли оно привито къ нѣй съ дѣтства, или развилось вслѣдствіе страсти къ картамъ, но Пушкинъ вѣрилъ во многія народныя примѣты и всегда робко обходилъ ихъ шутками, безпощадными ко многимъ другимъ, какъ бы неприкосновеннымъ предметамъ; питалъ особенное уваженіе къ изумрудному перстню, почитая его за талисманъ, съ которымъ не разстался и на смертномъ одрѣ. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (характеристика Татьяны, ея сонъ), въ «Капитанской Дочкѣ» (сонъ героя романа, Гринева), въ «Мѣдномъ Всадникѣ», въ «Пиковой Дамѣ»—великій поэтъ ввелъ сверхъестественный элементъ съ видимымъ къ нему сочувствіемъ. Слѣдующій эпизодъ изъ его собственной жизни, впослѣдствіи разсказанный его братомъ, Львомъ Сергѣевичемъ, и А. Н. Вульфомъ [1]), служитъ подтвержденіемъ, что суевѣріе поэта не лишено было основанія.

Въ 1818 году, въ Петербургѣ, славилась умѣньемъ гадать на картахъ какая-то старуха-нѣмка, г-жа Кирхгофъ [2]). Заинтересованный разсказами о ея предсказаніяхъ, Пушкинъ съ Всеволожскимъ вздумалъ отправиться къ ворожеѣ. Когда они вошли къ ней, г-жа Кирхгофъ обратилась прямо къ Пушкину, говоря, что онъ человѣкъ

---

[1]) Разсказъ А. Н. Вульфа былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изд. третье, томъ I, стр. 582.

[2]) Въ самомъ имени гадальщицы было нѣчто зловѣщее; на нѣмецкомъ языкѣ Kirchhof—значитъ: кладбище. П. К.

замѣчательный, и, въ короткихъ словахъ, очень вѣрно разсказала ему его прошедшую жизнь; къ этому она прибавила: «сегодня вы будете имѣть разговоръ о службѣ и черезъ письмо получите неожиданныя деньги». Затѣмъ, какъ бы прозирая въ глубину будущаго, ворожея сказала: «Du wirdst zwei Mal verbannt sein; Du wirdst der Abgott deiner Nation werden; vielleicht wirdst Du sehr lange leben... Doch, in deinem 37 Jahre fürchte dich vor einem weissen Menschen, einem weissen Rosse, oder einem weissen Kopfe» [1]).

Первая, маловажная часть предсказанія сбылась въ тотъ же вечеръ: возвратясь домой, онъ нашелъ письмо съ деньгами отъ лицейскаго своего товарища Корсакова; это былъ карточный долгъ по давнему проигрышу. Черезъ нѣсколько дней, въ театрѣ, Пушкинъ встрѣтилъ А. Ѳ. Орлова, который убѣждалъ его не оставлять службы при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и не переходить въ гусары (о чемъ передъ этимъ у Пушкина была рѣчь съ П. Д. Киселевымъ); если же и поступить въ военную службу, то уже лучше въ конную гвардію. Предсказанія г-жи Кирхгофъ произвели на Пуш-

---

[1]) Переводъ: «Ты будешь два раза въ изгнаніи; сдѣлаешься кумиромъ своихъ соотечественниковъ; можетъ быть, проживешь долго... Однакоже на 37 году жизни берегись бѣлаго человѣка, бѣлаго коня, или бѣлой головы».

Къ этому преданію о гадальщицѣ Кирхгофъ не можемъ не присоединить разсказа, слышаннаго нами отъ одной (нынѣ умершей) близкой родственницы князя Шаховскаго. «Недѣли за двѣ до 14-го декабря 1825 года, у князя были въ гостяхъ графъ М. А. Милорадовичъ и А. И. Якубовичъ. Въ то же время къ князю пришла старушка-нѣмка, мастерица гадать въ карты. Сидя съ нами, дѣвицами, у чайнаго стола, она, по нашей просьбѣ, гадала, предсказывая каждой изъ насъ разныя разности. Нашъ говоръ привлекъ въ столовую графа Милорадовича. Онъ, шутя, припугнулъ ворожею, сказавъ, что ее вышлетъ съ жандармами изъ столицы; потомъ, попросилъ разложить ему карты, бросивъ ей на столъ 25-ти-рублевую ассигнацію. Гадальщица повиновалась и затѣмъ объявила, что не смѣетъ сказать графу его будущаго, изъ боязни его испугать. Это разсмѣшило его, и онъ настойчиво требовалъ отвѣта. Тогда ворожея попросила его выйдти съ нею въ другую комнату. Графъ исполнилъ ея желаніе: она что-то долго говорила ему и возвратилась къ намъ, видимо взволнованная. Немного погодя, въ столовую вошли графъ, Якубовичъ и князь Шаховской. По настоятельнымъ требованіямъ Якубовича, ворожея гадала и ему и точно также по секрету, въ сосѣдней комнатѣ, сказала Якубовичу, что ему вышло въ картахъ. Между тѣмъ, мы всѣ приступили къ графу, прося, чтобы онъ объявилъ намъ, что ему сказала ворожея. Онъ смѣясь сказалъ: «вообразите, mesdames, колдунья сказала мнѣ, что черезъ двѣ недѣли я буду убитъ!». Якубовичъ возвратился съ лицомъ мрачнѣе обыкновеннаго. Князь и графъ спросили, не предсказано-ли и ему что-нибудь подобное? «Еще хуже»,— отвѣчалъ Якубовичъ,—«но я никому этого не скажу».

кина глубокое впечатлѣніе, и онъ, впослѣдствіи, часто припоминалъ ихъ.

Въ 1819 году, въ Петербургъ пріѣхала, вмѣстѣ съ мужемъ и отцомъ, Анна Петровна Керн и была представлена родной своей теткѣ, Елисаветѣ Марковнѣ Олениной, гостиная которой, какъ извѣстно, была, по любезности хозяевъ и избранному кругу гостей — первою въ столицѣ [1]). Многіе аристократическіе дома, конечно, превосходили домъ Олениныхъ блескомъ и роскошью, но каждый изъ нихъ могъ позавидовать кругу знакомства, состоявшаго изъ представителей міра ученаго, литературнаго и художественнаго, соединенныхъ, какъ бы, въ одну дружную семью. «Алексѣй Николаевичъ Оленинъ»,—говоритъ нашъ заслуженный художникъ Ѳ. Г. Солнцевъ въ своихъ «воспоминаніяхъ» («Русская Старина» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 619—620), —«не любилъ садиться обѣдать безъ постороннихъ лицъ. Онъ былъ чрезвычайно общительный и гостепріимный человѣкъ. Гостей у него постоянно было очень много: художники, литераторы, офицеры Семеновскаго, Измайловскаго и Конногвардейскаго полковъ, разныя извѣстныя лица; наконецъ, чуть-ли не всѣ сколько-нибудь замѣчательные иностранцы, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, непремѣнно бывали у Алексѣя Николаевича. О количествѣ гостей, посѣщавшихъ семейство Оленина, можно судить по тому, что на дачѣ Алексѣя Николаевича, Пріютино, за пороховыми заводами, находилось 17 коровъ, а сливокъ никогда недоставало. Гостить у Олениныхъ, особенно на дачѣ, было очень привольно.... Каждый могъ заниматься чѣмъ угодно. Какъ на дачѣ, такъ и въ Петербургѣ, игра въ карты у Олениныхъ никогда почти не устраивалась, развѣ въ какомъ-нибудь исключительномъ случаѣ; зато всегда, особенно при Алексѣѣ Николаевичѣ, велись очень оживительные разговоры. А. Н. Оленинъ никогда не просилъ гостей-художниковъ рисовать, а литераторовъ читать свои произведенія; какихъ-либо подарковъ или поднесеній ни отъ кого не принималъ. Несмотря на глубокую ученость Алексѣя Николаевича, при немъ всѣ держали себя свободно».....

Вотъ что разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Анна Петровна Керн [2]).

«Въ мой пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1819 году, я встрѣтила Пушкина въ домѣ тетки моей Олениной. Отецъ меня представилъ Крылову, Гнѣдичу, и я видѣла Карамзина, съ его гордой, даже над-

---

[1]) Въ обширномъ собраніи П. А. Ефремова портретовъ русскихъ людей—есть интересный портретъ Е. М. Олениной.

[2]) «Русская Старина», 1870 г., изданіе третье, томъ I, стр. 235.

менной супругой. Нѣкто сказалъ, когда вошли Карамзинъ и жена его въ залу, гдѣ разыгривались шарады: «oui, c'est là m-me Карамзинъ, on le voit à sa morgue!» (Да, это точно г-жа Карамзина, это видно по ея горделивой осанкѣ). Больше я ихъ не видала; она была первою любовью Пушкина. Всѣ знаютъ, что онъ пожелалъ получить ея благословеніе передъ смертью. Я думаю, онъ никого истинно не любилъ, кромѣ няни своей и потомъ сестры.

«Я встрѣтила Пушкина и не замѣтила его: мое вниманіе было поглощено шарадами, которыя тогда разыгрывались, и въ которыхъ участвовали Крыловъ, Плещеевъ и другіе. Не помню, за какой-то фантъ, Крылова заставили прочитать одну изъ его басенъ. Онъ сѣлъ на стулъ по серединѣ залы; мы всѣ столпились вкругъ него, и я никогда не забуду, какъ онъ былъ хорошъ, читая своего «Осла»! И теперь еще мнѣ слышится его голосъ и видится его разумное лицо и комическое выраженіе, съ которымъ онъ произнесъ:

«Оселъ былъ самыхъ честныхъ правилъ!»

«Въ чаду такого очарованія мудрено было видѣть кого-бы то ни было, кромѣ виновника поэтическаго наслажденія, и вотъ почему я не замѣтила Пушкина. Но онъ вскорѣ далъ себя замѣтить. Во время дальнѣйшей игры, на мою долю выпала роль «Клеопатры», и, когда я держала корзинку съ цвѣтами, Пушкинъ, вмѣстѣ съ братомъ Ал. Полторацкимъ, подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ на корзинку и, указывая на брата, сказалъ: Et c'est sans doute monsieur qui fera l'aspic? (А этотъ господинъ безъ сомнѣнія будетъ представлять аспида?) Я нашла это дерзкимъ, ничего не отвѣтила и ушла.

«Послѣ этого мы сѣли ужинать. У Олениныхъ ужинали на маленькихъ столикахъ, безъ церемоній и, разумѣется, «безъ чиновъ». Да и какіе могли быть чины тамъ, гдѣ просвѣщенный хозяинъ цѣнилъ и дорожилъ только науками и искусствами? За ужиномъ Пушкинъ усѣлся съ братомъ моимъ позади меня и старался обратить на себя мое вниманіе льстивыми возгласами, какъ напримѣръ: «Est-il permis d'être aussi jolie? (Позволительно-ли быть такой хорошенькой?) Потомъ завязался между ними шутливый разговоръ о томъ, кто грѣшникъ и кто нѣтъ; кто будетъ въ аду и кто попадетъ въ рай. Пушкинъ сказалъ брату:

«— Во всякомъ случаѣ, въ аду будетъ много хорошенькихъ, тамъ можно будетъ играть въ шарады. Спроси у m-me Кернъ, хотѣла-ли бы она попасть въ адъ?

«Я отвѣчала очень серьезно и нѣсколько сухо, что въ адъ не желаю.

«— Ну, какъ же теперь, Пушкинъ?—спросилъ братъ.

«— «Je me ravise (отдумалъ!)»,—отвѣтилъ поэтъ—«я въ адъ не хочу, хотя тамъ и будутъ хорошенькія женщины».

«Вскорѣ ужинъ кончился, и стали разъѣзжаться. Когда я уѣзжала и братъ сѣлъ со мной въ экипажъ, Пушкинъ стоялъ на крыльцѣ и провожалъ меня глазами...»

Послѣ этой первой встрѣчи прошло шесть лѣтъ. Анна Петровна увидѣла Пушкина вторично, въ Тригорскомъ, въ іюнѣ 1825 года.

Политическія движенія въ Европѣ: революціонное броженіе умовъ, карбонари въ Италіи, Союзъ Добродѣтели (Tugendbund) въ Германіи; возстанія въ Неаполѣ, въ Сардиніи, въ Испаніи; убіеніе Августа Коцебу Карломъ Лудвигомъ Зандомъ (23-го марта 1819 года)—измѣнили направленіе идей императора Александра I.... Откровенно высказывая политическія свои убѣжденія встрѣчному и поперечному, Пушкинъ имѣлъ неосторожность, на масляной 1820 года, показывать, въ театрѣ, знакомымъ своимъ портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго [1]). Эта выходка разгнѣвала правительство и рѣшила судьбу поэта: признали необходимымъ его убрать. Приводимъ относящійся къ этому времени разсказъ Ѳ. Н. Глинки.

«Разъ утромъ выхожу я изъ своей квартиры (на Театральной площади) и вижу Пушкина, идущаго ко мнѣ на-встрѣчу. Онъ былъ, какъ и всегда, бодръ и свѣжъ; но обычная (по крайней мѣрѣ, при встрѣчѣ со мною) улыбка не играла на его лицѣ, и легкій оттѣнокъ блѣдности замѣчался на щекахъ.

«— Я къ вамъ.

«— А я отъ себя!

«И мы пошли вдоль площади. Пушкинъ заговорилъ первый.

«— Я шелъ къ вамъ посовѣтоваться. Вотъ видите: слухъ о моихъ и не моихъ (подъ моимъ именемъ) піэсахъ, разбѣжавшихся по рукамъ, дошелъ до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька (Никита) объявилъ, что приходилъ въ квартиру какой-то неизвѣстный человѣкъ и давалъ ему пятьдесятъ рублей, прося дать ему почитать моихъ сочиненій и увѣряя, что скоро принесетъ ихъ назадъ. Но мой вѣрный старикъ не согласился, а я взялъ да и сжегъ всѣ мои бумаги.

---

[1]) Карлъ-Фердинандъ, герцогъ Беррійскій (duc de Berri), второй сынъ графа д'Артуа (впослѣдствіи Карла X) и принцессы Каролины неаполитанской, родился въ 1778 г., убитъ Лувелемъ (род. 1783), мастеровымъ сѣдельщикомъ, 2-го февраля 1820 г. Убійца былъ казненъ въ томъ-же году.

«При этомъ разсказѣ я тотчасъ узналъ Фогеля [1]) съ его продѣлками.

«Теперь,—продолжалъ Пушкинъ, немного озабоченный, — меня требуютъ къ Милорадовичу! Я знаю его по публикѣ, но не знаю, какъ и что будетъ и съ чего съ нимъ взяться?.. Вотъ я и шелъ посовѣтоваться съ вами.....

«Мы остановились и обсуждали дѣло со всѣхъ сторонъ. Въ заключеніе я сказалъ ему:

«Идите прямо къ Милорадовичу, не смущаясь и безъ всякаго опасенія. Онъ не поэтъ; но въ душѣ и рыцарскихъ его выходкахъ—у него много романтизма: его не понимаютъ [2])! Идите и положитесь безусловно на благородство его души: онъ не употребитъ во зло вашей довѣренности.

«Тутъ, еще поговоривъ немного, мы разстались: Пушкинъ пошелъ къ Милорадовичу, а мнѣ путь лежалъ въ другое мѣсто».

Часа черезъ три самъ графъ Милорадовичъ разсказалъ Ѳ. Н. Глинкѣ о свиданіи своемъ съ Пушкинымъ:

— Знаешь, душа моя, у меня сейчасъ былъ Пушкинъ. Мнѣ вѣдь велѣно взять его и забрать всѣ его бумаги; но я счелъ болѣе деликатнымъ пригласить его къ себѣ и ужъ отъ него самого вытребовать бумаги. Вотъ онъ и явился, очень спокоенъ, со свѣтлымъ лицемъ, и, когда я спросилъ о бумагахъ, онъ отвѣчалъ: «графъ, всѣ мои стихи сожжены; у меня ничего не найдется на квартирѣ! Но если вамъ угодно, все найдется здѣсь (указалъ пальцемъ на свой лобъ). Прикажите подать бумаги, я напишу все, что̀ когда-либо написано мною (разумѣется, кромѣ печатнаго) съ отмѣткою: что̀ мое и что̀ разошлось подъ моимъ именемъ». Подали бумаги. Пушкинъ сѣлъ и писалъ, писалъ... и написалъ цѣлую тетрадь.... Вотъ она, полюбуйся! Завтра я отвезу ее государю. А знаешь-ли? Пушкинъ плѣнилъ меня своимъ благороднымъ тономъ и манерою обхожденія.

До истребованія бумагъ отъ Пушкина и до доклада графа Милорадовича, участь поэта была предрѣшена: нѣкоторыя лица изъ приближенныхъ къ императору упомянули о ссылкѣ, или о заточеніи Пушкина въ Соловецкій монастырь... Смягченію участи его много способствовало, какъ увидимъ, ходатайство Е. А. Энгельгардта, Н. М. Карамзина, Н. И. Гнѣдича, А. Н. Оленина и П. Я. Чаадаева.

---

[1]) Извѣстный въ то время шпіонъ и сыщикъ, въ особенности по политическо-литературнымъ дѣламъ.

[2]) Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, въ чинѣ полковника гвардіи состоялъ по высочайшему повелѣнію при генералъ-губернаторѣ по особымъ порученіямъ.

Приводимъ разсказъ Ѳ. Н. Глинки со словъ графа Милорадовича о его докладѣ императору:

— Я вошелъ къ государю со своимъ сокровищемъ, подалъ ему тетрадь и сказалъ: «здѣсь все, что разбрелось въ публикѣ, но вамъ, государь, лучше этого не читать». Государь улыбнулся на мою заботливость. Потомъ я разсказалъ подробно, какъ у насъ дѣло было. Государь слушалъ внимательно и наконецъ спросилъ: «А что-же ты сдѣлалъ съ авторомъ?»—Я? Я объявилъ ему отъ имени вашего величества прощеніе!—Тутъ мнѣ показалось, что государь слегка нахмурился. Помолчавъ немного, съ живостью сказалъ: «не рано-ли?». Потомъ, еще подумавъ, прибавилъ: «ну, коли ужъ такъ, то мы распорядились иначе: снарядить Пушкина въ дорогу, выдать ему прогоны и, съ соотвѣтствующимъ чиномъ и съ соблюденіемъ возможной благовидности, отправить его на службу на югъ!»

Это рѣшеніе было однако-же еще неокончательное. Принимая въ Пушкинѣ участіе, какъ въ бывшемъ воспитанникѣ Лицея, императоръ пожелалъ посовѣтоваться съ Егоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ. Встрѣтивъ его въ царскосельскомъ саду, государь пригласилъ его пройтись съ собою и, во время прогулки, сказалъ:

— Пушкина надобно сослать въ Сибирь. Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла.

Въ отвѣтѣ Энгельгардта выразилось все благородство души этого рѣдкаго человѣка.

«Воля вашего величества; но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодаго человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, государь, лучше вразумитъ его!»

Н. М. Карамзина о заступничествѣ просили самъ Пушкинъ и П. Я. Чаадаевъ. Первый, со слезами, разсказалъ свои обстоятельства, просилъ совѣта и помощи, покорно выслушалъ дружескіе упреки и наставленія. «Можете-ли вы, по крайней мѣрѣ»,—сказалъ ему Карамзинъ—«обѣщать мнѣ, что впродолженіе года не напишите ничего, противнаго правительству? Иначе я выйду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи». Пушкинъ далъ слово. Карамзинъ просилъ императрицу Марію Ѳеодоровну о смягченіи участи юнаго поэта. П. Я. Чаадаевъ, кромѣ Карамзина, просилъ о пред-

стательствѣ у государя князя Васильчикова; Гнѣдичъ со слезами умолялъ Оленина о томъ-же... Удаленіе Пушкина въ южную Россію, сравнительно съ прежними намѣреніями высшей власти, могло считаться милостью.

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, у Калинкина моста, въ домѣ Клокачева (впослѣдствіи, сенатора Трофимова). Изъ этого дома проводили Александра Сергѣевича до Царскаго села его лицейскіе товарищи, баронъ А. А. Дельвигъ и М. Л. Яковлевъ. Видъ на проѣздъ, выданный Пушкину вмѣстѣ съ прогонами изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, былъ помѣченъ 5-мъ числомъ мая 1820 года. Если поэтъ выѣхалъ на слѣдующій день, 6-го мая (что почти несомнѣнно, такъ какъ онъ прибылъ въ Екатеринославъ 16-го или 17-го мая), то выходитъ, что выѣздъ Пушкина изъ Петербурга послѣдовалъ въ день Вознесенія, для него столь знаменательный.

К. П. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БУНТЪ ВЪ СТАРОЙ-РУСѢ ВЪ 1831 г.

Разсказъ очевидца.

Находясь въ 1831 году на службѣ въ поселенномъ баталіонѣ 3-го Карабинернаго полка, я былъ откомандированъ въ городъ Старую-Русу, для занятій въ штабѣ 2-й гренадерской дивизіи. Повсемѣстно свирѣпствовавшая въ то время холера, съ наступленіемъ жаровъ, усилилась до такой степени, что городомъ овладѣла паника, и никакія предохранительныя мѣры, въ видѣ окуриванія, не только не успокоивали жителей, но были причиной распространенія слуховъ, что окуриваніе отравляетъ народъ. Впослѣдствіи случилось такъ, что окуриваніе послужило основаніемъ старо-русскому бунту.

За городомъ находились казармы рабочаго баталіона. Онъ состоялъ изъ мастеровыхъ, на обязанности коихъ было обстраивать городъ, и, поэтому, кромѣ непосредственныхъ своихъ начальниковъ, они подчинялись еще инженеръ-капитану Кролю, подъ руководствомъ котораго производилась постройка. Вотъ эти-то казармы, вечеромъ 10-го іюля, наканунѣ Ольгина дня, вздумали окуривать. Для этого вывели солдатъ на дворъ, затопили печи; когда же закрыли трубы, то на горячія уголья бросили какой-то составъ, отъ котораго произошелъ чадъ до такой степени удушливый, что всякій изъ солдатъ, входившій въ казармы—терялъ сознаніе, и его выносили на дворъ. Это дало поводъ къ толкованію между солдатами, что ихъ отравляютъ. Поднялся шумъ, на который изъ города явилась толпа мѣщанъ, принявшая въ немъ участіе. Тогда солдаты окончательно вышли изъ повиновенія, бросились на своихъ начальниковъ и—начало бунта совершилось.

Въ это время я былъ у всенощной. Выходя изъ церкви, я былъ удивленъ необычайнымъ шумомъ въ городѣ, гдѣ-то вдали. Изъ любопытства я пошелъ по направленію, откуда раздавался шумъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я встрѣтилъ толпу мѣщанъ въ рубашкахъ; она шла по-

схваченъ, и, поэтому, мнѣ не только не отпустили лошадей, но и посовѣтовали не показываться на улицу. Неизвѣстно, сколько дней мы находились бы въ такомъ ужасномъ положеніи, еслибъ одному переодѣтому офицеру не удалось добраться до лагеря. Начальникъ лагеря, генералъ-маіоръ Леонтьевъ, узнавъ о буйствѣ въ городѣ, немедленно отправилъ туда, на подводахъ, маіора Ясинскаго съ баталіономъ карабинеровъ, а чрезъ сутки вступилъ и самъ съ остальными войсками. Маіоръ Ясинскій до разсвѣта прибылъ къ городской заставѣ. Его окликнулъ караульный часовой рабочаго баталіона. Ясинскій приказалъ караулу идти въ казармы, что̀ и было исполнено безъ малѣйшаго прекословія со стороны рабочихъ солдатъ. Потомъ Ясинскій двинулся на городскую площадь, гдѣ находилась главная гауптвахта, тоже занятая рабочими солдатами. Еще баталіонъ не успѣлъ выстроиться противъ гауптвахты, какъ поднялась страшная сумятица между офицерами, находившимися подъ арестомъ на гауптвахтѣ. Ничего не зная о приходѣ въ городъ Ясинскаго и заслышавъ въ темнотѣ, что предъ гауптвахтой происходитъ какое-то движеніе, офицеры эти, представили себѣ, что, вѣрно, пришелъ ихъ конецъ, съ крикомъ выскочили на платформу и тѣмъ, въ свою очередь, встревожили солдатъ Ясинскаго, которые вообразили, что на нихъ идутъ солдаты рабочаго баталіона, и поэтому та часть солдатъ Ясинскаго, которая уже выстроилась предъ гауптвахтой, по командѣ своего капитана, приложилась и выстрѣлила, въ суетѣ забывъ снять чехлы съ курковъ, и, только благодаря этой оплошности, не послѣдовало залпа. Ясинскій, приказавъ рабочимъ удалиться въ свои казармы, принялся водворять порядокъ въ городѣ. Прежде всего онъ послалъ патруль на квартиры офицеровъ, о которыхъ было извѣстно, что они, по обязанности службы, должны находиться въ городѣ,—чтобы узнать, живы-ли они. Такой патруль, подойдя рано утромъ къ дверямъ моей квартиры, сталъ стучать. Не спавъ въ предшествующую ночь, на вторую ночь я заснулъ, но стукъ въ двери заставилъ меня встать и спросить—кто стучится. Узнавъ о цѣли прибытія патруля, я былъ очень радъ его появленію, и немедленно вышелъ съ нимъ на улицу. Не зная Ясинскаго и не принадлежа къ его командѣ, я одакожъ явился къ нему. Ясинскій нуждался въ офицерахъ, и былъ доволенъ моимъ приходомъ.

Молва объ убійствѣ дворянъ въ городѣ быстро перешла въ округа военныхъ поселеній, и тамъ тоже началось избіеніе чиновныхъ людей, послѣ чего поселяне отправляли всѣхъ изувѣченныхъ въ городъ на подводахъ, для суда. Немногимъ удалось спасти свою жизнь въ одеждѣ крестьянина или солдата.

Генералъ Леонтьевъ, по прибытіи въ городъ съ нѣсколькими баталіонами и артиллеріею, размѣстилъ ихъ бивуакомъ на площадяхъ, а патрульнымъ вмѣнено было въ обязанность, при встрѣчахъ съ подозрительными личностями, находящіеся при нихъ узлы съ вещами отбирать и приносить на главную гауптвахту. Вещи эти складывались въ одинъ уголъ, и набралось ихъ, всякаго рода, весьма много. Пославъ донесеніе государю и запретивъ поселянамъ являться въ городъ, генералъ Леонтьевъ исключительно предался караульной службѣ и за всякую ошибку офицера выражался очень рѣзко. Подобное обращеніе я на себѣ испыталъ. Мнѣ случилось стоять въ карауле, въ отдаленной части города. Была смѣна часовыхъ, и караулъ не приведенъ былъ еще къ окончательному расчету, какъ появился генералъ передъ гауптвахтой, нашелъ расчетъ невѣрнымъ и, узнавъ изъ разговора со мной, что во время бунта я находился въ городѣ, сказалъ: «жаль, что васъ не убили!».

Двѣ недѣли стояли солдаты на площадяхъ, подъ сильнымъ солнечнымъ зноемъ; все это время Леонтьевъ ждалъ приказанія изъ Петербурга; но приказаніе не приходило, какъ узнали впослѣдствіи—потому, что донесеніе къ государю было на дорогѣ перехвачено поселянами. Въ то время резервные баталіоны состояли большею частію изъ кантонистовъ, т. е. изъ сыновей поселянъ. Эти послѣдніе чрезъ депутатовъ просили генерала дозволить имъ повидаться съ своими сыновьями. Леонтьевъ, не зная о перехватѣ своего донесенія, продержавъ солдатъ, въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга, двѣ недѣли на каменной мостовой и, вѣроятно, желая сдѣлать имъ что-нибудь пріятное,—дозволилъ просимое свиданіе. Поселяне конечно не преминули сообщить своимъ сыновьямъ, какая рѣзня происходитъ въ округахъ, а сыновья, въ свою очередь,—заявить, въ какомъ тяжеломъ положеніи они находятся. Эти то переговоры и были причиной того, что поселянамъ удалось совершить великія злодѣйства. Двухнедѣльное бездѣйствіе довело какъ начальниковъ, такъ и солдатъ до апатіи. Только поселяне не дремали. Они собрались въ большомъ числѣ, пѣшіе и конные, и появились на петербургскомъ шоссе, по направленію къ городу. Но, чтобы попасть въ городъ, надо было перейти мостъ, на которомъ стояло одно орудіе съ прикрытіемъ изъ взвода пѣхоты. За мостомъ находилась площадь, вся обстроенная казенными домами. На эту площадь, по предварительно-секретному приказанію, въ случаѣ нападенія поселянъ на городъ, всѣ части войскъ, расположенныя въ разныхъ мѣстахъ въ городѣ, должны были немедленно собраться. Такимъ образомъ составилась порядочная сила съ артиллеріею, но она не была употреблена противъ поселянъ, постепенно

приближавшихся къ мосту. Командиръ батареи, капитанъ Грязновъ, просилъ дозволенія у генерала Леонтьева разогнать поселянъ ядромъ или картечью. На это Леонтьевъ отвѣчалъ: «а что скажетъ государь?», и, находясь подъ такимъ настроеніемъ духа, велѣлъ отвезти орудіе назадъ. Какъ-только поселяне увидѣли, что мостъ сдѣлался свободнымъ, бросились къ нему, ворвались на площадь, и первымъ ихъ дѣломъ было кинуться на генерала Леонтьева, который въ это время стоялъ въ глубинѣ одной колонны. Они безпрепятственно вывели генерала на середину площади, сняли съ него шляпу съ бѣлымъ перомъ и эполеты и, въ виду всего воинства, начали его бить. Одинъ изъ поселянъ, надѣвъ на себя вещи генерала, расхаживалъ около колоннъ, а другіе подходили къ солдатамъ и предлагали имъ выдать тѣхъ изъ офицеровъ, которыми они недовольны. Поселяне забрались въ дома, окружающія площадь, и изъ оконъ выбрасывали все—что попадалось. Въ одной изъ комнатъ они встрѣтили генерала Эмме и выбросили его изъ втораго этажа, чѣмъ причинили ему сильныя увѣчья. Генералъ Эмме былъ командиръ бригады, которая находилась въ дѣйствующей арміи, въ Царствѣ Польскомъ, и по болѣзни оставался въ Старой-Русѣ. Своевольство поселянъ, не встрѣчая преграды, дошло до того, что они вынесли столъ, поставили его на площадь и посадили за столъ съ письменными принадлежностями Леонтьева и другихъ изувѣченныхъ, которыхъ привели изъ разныхъ частей города, и заставляли ихъ писать, какую сумму денегъ они получили отъ поляковъ, чтобы отравлять народъ. Въ день нападенія поселянъ на городъ, я стоялъ въ караулѣ, на площади, гдѣ находились присутственныя мѣста. Къ барріеру занимаемой мною гауптвахты прискакала толпа поселянъ, звѣрски взглянула на меня и солдатъ, которые стояли со мной за сошками, держа ружья у ноги, и, не сказавъ ни слова, толпа эта такъ-же быстро изчезла, какъ и появилась. Поселяне ворвались въ городъ часа въ три по-полудни и буйствовали до шести часовъ вечера. Впродолженіе всего этого времени, они рыскали по городу, хватали всѣхъ—кого имъ вздумалось, изъ квартиръ, даже изъ военнаго госпиталя. Такимъ образомъ, вторично былъ взятъ старшій врачъ военнаго госпиталя, Богородскій, и убитъ. Еще въ первый день бунта, т. е. 10-го іюля, толпа народа ворвалась въ квартиру Богородскаго, который находился въ кругу своей семьи, состоявшей изъ жены и шестерыхъ дѣтей,—вывела его на площадь, избила и потомъ заковала и посадила въ арестантскую полицейскаго управленія. Когда я, явившись къ маіору Ясинскому, по его предложенію, вступилъ въ караулъ на цѣлую недѣлю безсмѣнно, то мнѣ было заявлено, что арестованный и закованный докторъ проситъ меня зайти

къ нему. Я немедленно отправился къ Богородскому, и въ ту же минуту приказалъ какому-то артиллерійскому кузнецу снять кандалы, что̀ и было исполнено, послѣ усиленной работы. Испытавъ на себѣ, какъ ненадеженъ домашній пріютъ въ смутное время, Богородскій, по освобожденіи своемъ, не рѣшился возвратиться домой, а отправился въ военный госпиталь, полагая, что изъ этого убѣжища его не возьмутъ, но, чрезъ двѣ недѣли, онъ вторично, какъ сказано выше, былъ взятъ и убитъ.

Въ теченіе трехъ часовъ поселяне потѣшались надъ своими жертвами въ виду военной силы, но никто изъ начальниковъ не рѣшался положить предѣлъ этой безпримѣрной исторіи. И вотъ, наконецъ, одному изъ фейерверкеровъ батареи капитана Грязнова наскучило смотрѣть на расправу поселянъ. Этотъ великодушный человѣкъ, по собственному своему побужденію, а не по приказанію, взялъ отъ орудія правило, подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли жертвы изверговъ-поселянъ, и сказалъ этимъ послѣднимъ, приподнявъ надъ ихъ головами правило: «довольно вамъ потѣшаться, расходитесь, а въ противномъ случаѣ я васъ разгоню вотъ чѣмъ!». Вслѣдствіе ли утомленія, или вслѣдствіе внезапнаго сознанія своего преступленія, только поселяне немедленно стали расходиться. И вотъ, по уходѣ ихъ, представилась слѣдующая картина. Большая площадь, окруженная домами съ выбитыми окнами, съ разбросанными вещами, со столомъ, за которымъ сидятъ чуть-живыя разныя лица, а кругомъ площади баталіоны въ полномъ вооруженіи и батарея артиллеріи. Фактъ прискорбный, и едвали въ исторіи найдется ему подобный. Когда поселяне разошлись, баталіоны, по распоряженію начальника отряда, заняли тѣ мѣста, гдѣ стояли прежде. Въ то же время принесли генерала Леонтьева на рогожѣ въ домъ полицейскаго управленія и положили въ пустую комнату на полъ. Часа черезъ два, я съ капитаномъ Грязновымъ пошелъ навѣстить генерала. Онъ лежалъ на соломѣ, ничѣмъ не прикрытый, и на лицѣ его были синяки. Капитанъ Грязновъ сказалъ: «какъ жаль, что ваше превосходительство не дозволили мнѣ стрѣлять». На это генералъ отвѣчалъ: «теперь и я вижу, что надо было стрѣлять!». Въ часъ ночи явился ко мнѣ на гауптвахту деньщикъ генерала и объявилъ, что Леонтьевъ скончался, что мундиръ у него есть, но панталонъ нѣтъ, и потому просилъ, какъ бы ихъ добыть. Я указалъ ему на уголъ, гдѣ валялись разныя вещи, принесенныя патрулемъ, и тамъ найдены были панталоны. Вскорѣ по уходѣ деньщика, мнѣ вздумалось взглянуть на умершаго генерала. По темной лѣстницѣ, я съ трудомъ добрался до комнаты, гдѣ лежалъ генералъ, когда я навѣстилъ его съ Грязновымъ, и вдругъ вижу, что генералъ

стоитъ одѣтый въ мундиръ и шевелитъ пальцами на груди, а передъ нимъ на полу горитъ сальный огарокъ, воткнутый въ бутылку. Я былъ озадаченъ этимъ явленіемъ, однако-жъ, всматриваясь въ фигуру генерала, я замѣтилъ, что изъ-за его спины высунулась голова деньщика, который поставилъ на ноги умершаго генерала и обхватилъ его сзади для того, чтобы удобнѣе было застегнуть мундиръ на всѣ девять пуговицъ.

Со смертію Леонтьева безначаліе въ городѣ было полное. Полиціи не существовало; военные же частные начальники вращались только около своихъ частей, и никто изъ баталіонныхъ командировъ не принималъ на себя обязанности старшаго начальника. Въ такомъ положеніи прошли цѣлыя сутки, какъ вдругъ, часу въ шестомъ вечера, прискакалъ въ городъ фельдъегерь для занятія во дворцѣ квартиры генералъ-маіору Микулину. Вслѣдъ за фельдъегеремъ прибылъ и Микулинъ; онъ состоялъ тогда въ свитѣ его величества и былъ комендантомъ императорской главной квартиры. Посылая его въ г. Старую-Русу, государь приказалъ всѣ войска, находящіяся въ городѣ, включая и рабочій баталіонъ, привести въ г. Гатчино, на высочайшій смотръ. Только впослѣдствіи намъ сдѣлалось извѣстно, что главная задача для Микулина состояла не въ смотрѣ, а въ томъ, чтобы цѣликомъ былъ выведенъ изъ города рабочій баталіонъ и доставленъ въ Кронштадтъ, гдѣ надъ нимъ назначенъ былъ судъ, подъ предсѣдательствомъ генерала Клейнмихеля, и поэтому резервные баталіоны служили только маскировкой, безъ чего невозможно было бы доставить въ Кронштадтъ рабочій баталіонъ—виновника старо-русскаго бунта. Государь приказалъ генералу Микулину не возвращаться безъ рабочаго баталіона; слѣдовательно, порученіе было очень серьезное, и генералу Микулину удалось выполнить его въ точности. Ему надо было всѣхъ насъ удивить внезапностію своихъ распоряженій и не дать времени опомниться. Для этого онъ тотчасъ же, по пріѣздѣ своемъ, велѣлъ всѣмъ баталіонамъ, также и рабочему—построиться въ колонны и ожидать его прихода. Все встрепенулось; даже депутаты отъ города приготовились встрѣтить генерала хлѣбомъ-солью, но Микулинъ, объяснивъ представителямъ города рѣзкимъ и обличительнымъ словомъ всю гнусность поведенія жителей во время бунта, прогналъ депутатовъ. Прибывъ къ баталіонамъ, генералъ прочиталъ высочайшій приказъ о томъ, что Микулинъ назначается начальникомъ всѣхъ войскъ, находящихся въ Старой-Русѣ, и что ему поручается представить эти войска въ Гатчино, на высочайшій смотръ. Послѣ чтенія приказа, въ ту же минуту первая колонна выступила

съ площади въ походъ безъ всякаго предварительнаго приготовленія; черезъ часъ выступила другая колонна, и такимъ же порядкомъ выступили всѣ колонны; только послѣдняя колонна была нѣсколько задержана, и выступила съ разсвѣтомъ. Колонна эта состояла изъ карабинеровъ, рабочаго баталіона, артиллеріи и дивизіона уланъ, прибывшихъ къ этому времени. Колонна вышла изъ города подъ личнымъ начальствомъ генерала Микулина, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди взводъ уланъ, за ними карабинеры, потомъ рабочій баталіонъ, за нимъ карабинеры, артиллерія и взводъ уланъ, а по обѣимъ сторонамъ колонны, начиная отъ головы до хвоста, тоже уланы. Съ начала похода никто не обратилъ вниманія на составъ колонны и распредѣленіе ея въ пути, но потомъ осмотрѣлись, и въ рабочемъ баталіонѣ стали говорить, что ихъ ведутъ подъ конвоемъ. Однакожъ день прошелъ благополучно, а на ночь колонна расположилась на большой дорогѣ, при какихъ-то сараяхъ. Генералъ Микулинъ постоянно находился при колоннѣ и всю ночь бодрствовалъ. На другой день колонна слѣдовала уже не въ прежнемъ порядкѣ. На этотъ разъ рабочій баталіонъ шелъ впереди карабинеровъ, и, вслѣдствіе этого перемѣщенія, солдаты рабочаго баталіона уже не говорили, что ихъ ведутъ подъ конвоемъ. Во время привала пріѣхалъ фельдъегерь и подалъ генералу Микулину пакетъ. Въ ту же минуту колонна стала въ ружье, взяла на караулъ, и Микулинъ прочиталъ высочайшій манифестъ о рожденіи великаго князя Николая Николаевича.

Когда колонна прибыла въ с. Сиворицы, близъ г. Гатчино, то было объявлено, что въ селѣ отведены квартиры только для резервныхъ баталіоновъ, а уланамъ, артиллеріи и рабочему баталіону квартиры назначены въ г. Ораніенбаумѣ. Такая новость, послѣ большаго перехода, не понравилась рабочему баталіону: онъ надѣялся на отдыхъ, а ему приказываютъ немедленно слѣдовать далѣе по назначенію. Все это было устроено генераломъ Микулинымъ, конечно, съ умысломъ. Цѣль его была: большимъ переходомъ, во время жары, утомить рабочій баталіонъ и заставить его желать только прибытія на квартиры. По приходѣ въ г. Ораніенбаумъ, колонна взяла направленіе къ гати; уланы, подойдя къ ней, отъѣхали въ сторону, а рабочій баталіонъ продолжалъ путь по гати, все усиливая шагъ, чтобы скорѣе достигнуть цѣли, не обращая вниманія на мѣстность, ему совершенно незнакомую. Когда же весь баталіонъ вступилъ на гать, то послѣдніе ряды, замѣтивъ, что сзади ихъ никто не идетъ, оглянулись и увидѣли, что при входѣ на гать стоятъ орудія, снятыя съ передковъ; тогда рабочій баталіонъ нѣсколько заволновался, но уже

было поздно, такъ какъ голова колонны вступила на пристань, у которой стояло нѣсколько перевозныхъ судовъ, и на каждое судно стали сажать по сту человѣкъ и немедленно отправлять въ Кронштадтъ. Убѣдясь въ невозможности оказать сопротивленіе, рабочій баталіонъ живо присмирѣлъ и покорился своей участи, видя, что онъ окруженъ съ трехъ сторонъ водою, а съ четвертой ожидала его картечь.

Такимъ образомъ труды генерала Микулина увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и Анна 1-й степени была ему наградой. Вскорѣ состоялся высочайшій смотръ, на который резервные баталіоны явились въ большомъ смущеніи, послѣ старо-русскихъ событій, и, въ ожиданіи отвѣтственности, со страхомъ думали о будущемъ. Его величество, объѣхавъ войска, вызвалъ офицеровъ впередъ и сказалъ: «въ безпорядкахъ, происшедшихъ въ Старой-Русѣ, я васъ не виню—виновать одинъ бывшій вашъ начальникъ!». И тутъ же приказалъ всѣхъ баталіонныхъ командировъ представить къ слѣдующему чину.

Г. Царское село. Сообщ. Н. Ш. Матвѣевъ.

Живая женщина, врытая въ землю

въ 1730 г.

Въ Брянскѣ, въ канцелярію воеводскаго правленія доношеніе.

Сего 1730 года, августа 21-го дня, въ Брянскѣ, на площади, вкопана была въ землю крестьянская жонка Ефросинья за убійство до смерти мужа сѣ. И сего, сентября, 22-го дня, оная жонка, вкопанная въ землю, умре.

О семъ доноситъ Брянской канцеляріи воеводскаго правленія караульной капралъ Игнатій Колосьевъ. Къ сему доношенію подъячій Степанъ Лаврентьевъ, вмѣсто караульнаго капрала Игнатія Колосьева, по его прошенію, руку приложилъ.

Помѣта: Отдать къ повытью и сообщить къ дѣлу, а показанную умершую жонку, вынявъ изъ окопу, похоронить, и въ колодничьемъ списку подъ именемъ ея отмѣтить, и въ Севскъ въ провинціальную канцелярію о томъ репортовать.

Подполковникъ Василій Камышинъ. Приписалъ Андрей Богдановъ.

Помѣта: № 804. Подано сентября 22-го дня 1730 году, записавъ въ реэстръ.

Г. Брянскъ. Сообщ. А. И. Скиндеръ.

Суворовъ.

(Изъ записокъ французскаго эмигранта, маркиза Марсильяка: отзывъ его о Суворовѣ).

Характеръ этого полководца, военное поприще котораго представляетъ рядъ успѣховъ, былъ изображенъ многими писателями. Повторять въ подробности ихъ сужденія—значило бы—принять на себя роль компилятора, а потому ограничусь разсказомъ нѣкоторыхъ особенностей его жизни, которыхъ я самъ былъ свидѣтелемъ: онѣ докажутъ, что выказанныя имъ странности происходили отъ тонкаго политическаго расчета, принятаго съ тою цѣлью, чтобы внушить удивленіе суевѣрному народу, бывшему тогда во младенчествѣ цивилизаціи. Чрезъ завѣсу этихъ странностей, которыми онъ усѣивалъ свою частную и общественную жизнь, нетрудно было разгадать человѣка геніальнаго, одареннаго сильнымъ характеромъ.

Суворовъ обладалъ глубокими свѣдѣніями въ наукахъ и литературѣ. Онъ любилъ выказать свою начитанность, но только передъ тѣми, коихъ считалъ способными оцѣнить его свѣдѣнія. Онъ отличался точнымъ знаніемъ всѣхъ европейскихъ крѣпостей, во всей подробности ихъ сооруженій, а равно всѣхъ позицій и мѣстностей, на которыхъ происходили знаменитыя сраженія. Онъ говорилъ много о себѣ и о своихъ военныхъ подвигахъ; по его словамъ: «человѣкъ, совершившій великія дѣла, долженъ говорить о нихъ часто, чтобы возбуждать честолюбіе и соревнованіе своихъ слушателей». Обладая военнымъ геніемъ, онъ судилъ о дѣйствіяхъ съ высшей точки зрѣнія. Мнѣ часто доводилось слышать отъ него слѣдующія сужденія: «получивъ повелѣніе императора—принять начальство надъ арміей, я спрашиваю у него—какими землями онъ желаетъ овладѣть? Затѣмъ, соображаю мой планъ дѣйствій такимъ образомъ, чтобы вторгнуться въ непріятельскую страну по возможности съ различныхъ сторонъ многими колоннами. При встрѣчѣ съ непріятелемъ, я его опрокидываю: это дѣло солдатское; полководецъ же, составляя планъ дѣйствій, не долженъ ограничивать его атакою какой-либо позиціи. Непріятель, сторожа существенно какой-либо важный пунктъ, будетъ обойденъ съ фланга и даже съ тыла, и, для противодѣйствія вторженію въ его страну, долженъ раздробить свои силы».

Суворовъ обѣдалъ въ семь часовъ утра, и никто изъ нашихъ гастрономовъ не похвалилъ бы его обѣда, состоявшаго изъ нѣсколькихъ незатѣйливыхъ мясныхъ, либо рыбныхъ блюдъ; а вмѣсто пирожнаго, подавали простую кашу (riz à la Cosaque)—отвратительное кушанье, которое находили превосходнымъ изъ уваженія къ фельдмаршалу, подчивавшему имъ усердно своихъ гостей. Таковъ былъ парадный столъ, послѣ котораго почти всегда приходилось снова обѣдать. Серебреныхъ приборовъ не было, по крайней мѣрѣ, въ походѣ. Обѣдъ былъ временемъ отдыха и привѣтливыхъ бесѣдъ хозяина, говорившаго много, но, вслѣдъ затѣмъ, тотчасъ уходившаго на отдыхъ; постелью ему служила связка соломы, на которую онъ ложился, завернувшись въ свой походный плащъ. Соснувъ часа два, фельдмаршалъ занимался довольно долго, въ пять часовъ снова обѣдалъ—но уже одинъ, потомъ ложился и спалъ опять два часа, и, наконецъ, проводилъ ночь частью въ трудѣ, частью на отдыхѣ.

По выступленіи русскихъ войскъ изъ Швейцаріи, Суворовъ отвелъ ихъ въ Линдау. Когда маркизъ Марсильякъ оставилъ тамъ нашу армію, чтобы возвратиться въ Англію, послѣдніе къ нему слова фельдмаршала, на прощанье, были: «скажите его высочеству, графу д'Артуа, что Аннибалъ и Суворовъ переходили Альпы».

Сообщ. **М. И. Богдановичъ.**

Эпизодъ изъ осады Варны въ 1828 году.

Послѣ напечатанія статьи подъ заглавіемъ «Воспоминанія объ осадѣ крѣпости Варны и участіе въ ней императора Николая Павловича въ 1828 году», бывшій адъютантъ графа Бенкендорфа, Павелъ Матвѣевичъ Толстой, находившійся временно въ распоряженіи генерала Бистрома на южной сторонѣ, доставилъ мнѣ нѣкоторыя словесныя объясненія, которыя по ихъ значенію я считаю долгомъ не оставлять въ безгласности.

Прибывъ по высочайшему повелѣнію въ южный отрядъ вечеромъ 17-го сентября, вскорѣ послѣ отбытія ген.-адъютанта Сухозанета, ротмистръ Толстой[1]) нашелъ генерала Бистрома крайне взволнованнымъ и безпокойнымъ. Твердо убѣжденный, что предположенная атака турецкаго укрѣпленнаго лагеря на высотахъ Куртепе не можетъ обѣщать успѣха, генералъ Бистромъ въ эту же ночь отправилъ ротмистра Толстаго къ Государю на корабль «Парижъ» съ порученіемъ въ точности передать Его Величеству тѣ-же слова, которыя были высказаны генералъ-адъютанту Сухозанету, а именно, что онъ готовъ идти на приступъ простымъ солдатомъ, но слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность.

Выслушавъ это донесеніе, Государь приказалъ тотчасъ же позвать къ себѣ Дибича и, въ присутствіи Толстаго, строго сказалъ ему: «Вы все видите въ розовомъ цвѣтѣ, и вы одни будете отвѣчать мнѣ за послѣдствія завтрашняго дѣла!».

Повелительный тонъ, которымъ произнесены были эти слова, побудилъ Дибича просить разрѣшенія—лично отправиться къ отряду генерала Бистрома, гдѣ дѣйствительно и находился онъ во все время боя 18-го сентября, наблюдая изъ редута за дѣйствіями войскъ.

Что произошло между Государемъ и Дибичемъ, по возвращеніи послѣдняго—осталось неизвѣстнымъ, и хотя несчастный исходъ сраженія 18-го сентября могъ бы, казалось, поколебать довѣріе къ нему Государя, но этого однакоже не послѣдовало. Лично же, сколько извѣстно, Государь сознавалъ вполнѣ несоотвѣтственность данныхъ повелѣній для атаки, и, движимый великодушнымъ, истинно рыцарскимъ чувствомъ, написалъ собственноручно къ генералу Бистрому письмо, содержаніе котораго осталось до сихъ поръ въ та!

А. И. Веригинъ.

---

[1]) Впослѣдствіи флигель-адъютантъ, нынѣ въ отставкѣ.

в Крещатикъ и въ СПБ., Малая Садовая, № 4.

Памятная книжка Якутской области на 1871-й годъ. 3-е изд. Якутскаго областнаго статистическаго комитета. 184 стр., съ таблиц. Спб. 1877. Б.

Число изданій этой книжки показываетъ, что она обратила на себя вниманіе и дѣйствительно представляетъ интересъ въ историко-этнографическомъ отношеніи. Статьи, вошедшія въ нее, раздѣлены на два отдѣла: 1) матеріалы для исторіи, статистики и географіи и 2) статистическія и справочныя свѣдѣнія за 1870 годъ. Въ первый отдѣлъ вошли слѣдующія статьи: Медико-историческій обзоръ Верхоянскаго округа, И. Пѣтухова (5—93); брачное право у якутовъ, Д. Павлинова (94—121); замѣтки о коневодствѣ въ Якутской области, В. Гольмана (122—137); о покоренія казаками Якутской области и составѣ Якутскаго казачьяго полка, Н. Латкина (138—184). Для насъ имѣютъ значеніе собственно вторая и четвертая изъ нихъ, хотя и въ остальныхъ двухъ мы находимъ нѣсколько интересныхъ бытовыхъ чертъ (какъ жестокій способъ умерщвленія лошадей, находящійся въ связи съ обычаемъ жертвоприношенія и т. п.). Статья о брачномъ правѣ составлена, главнымъ образомъ, по мѣстнымъ матеріаламъ (по изданіямъ Сибир. отд. Геогр. общества; по свѣдѣніямъ, собраннымъ исправниками для Якутскаго статистич. комитета; по разсказамъ инородческихъ начальниковъ и личнымъ наблюденіямъ автора), а для изученія юридической стороны брака, матеріаломъ служили подлинныя архивныя дѣла инородныхъ управъ. Послѣдняя статья представляетъ историческій очеркъ за XVII—XIX вв. Во второмъ отдѣлѣ находимъ разнаго рода статистическія свѣдѣнія (о населеніи, скотоводствѣ, поступленіяхъ, фабрикахъ, заводахъ, учебныхъ заведеніяхъ и т. п.) и, между прочимъ, вѣдомость о добычѣ и промыслѣ пушнины, и полученномъ золотѣ на пріискахъ Ленскаго и Киренскаго округовъ въ 1869—1870 г.

Вс. Михневичъ. Историческіе этюды русской жизни. Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи. С.-Петербургъ 1879 г. II+359 въ 8 д. л. Цѣна 2 р. 25 к.

Судя по заглавію книги, «Очерки исторіи музыки въ Россіи» составляютъ первый томъ обширнаго труда, предпринятаго г. Михневичемъ. Его разсказы объ исторіи отечественной музыки чужды сухости, читаются легко и невольно запечатлѣваются въ памяти читателя. Авторъ повѣствуетъ о пяти періодахъ развитія русской музыки, которые имъ озаглавлены: «До-христіанская старина. — Византійско - московская тишина. — Шпильманская хитрость изъ за моря. — Опереточный вѣкъ.—Кавосъ и его время». Слѣдовательно періодъ Глинки, Даргомыжскаго, Сѣрова и ихъ преемниковъ будетъ предметомъ историческихъ изслѣдованій г. Михневича въ послѣдующихъ томахъ «Историческихъ этюдовъ русской жизни». Желая успѣха вполнѣ добросовѣстному и интересному труду автора, отмѣтимъ лишь, какъ намъ кажется, немаловажный пробѣлъ въ его «Очеркѣ», именно, авторъ обошелъ молчаніемъ наше церковное пѣніе. Въ культурно-общественномъ отношеніи оно было немаловажно въ нашемъ отечествѣ; имена Березовскаго, Дехтярева, Бортнянскаго, Турчаninова, Львова,—имѣютъ неотъемлемыя права занять видныя мѣста въ исторіи русской музыки. Просматривая періодъ Екатерининскаго царствованія, мы не нашли также упоминанія о любви къ музыкѣ кн. Потемкина, о его покровительствѣ Березовскому, о его намѣреніи основать музыкальную академію въ Кременчугѣ. Соперничество Березовскаго съ итальянцемъ Сарти, борьба русскаго таланта съ иностраннымъ—тоже эпизодъ не малозначущій въ исторіи русской музыки; но и о немъ авторъ «Очерка» сохранилъ молчаніе.—«Указатель источниковъ» (304 заглавія), приложенный въ концѣ книги, свидѣтельствуетъ о трудолюбіи даровитаго автора и глубокомъ его вниманіи къ предмету его историческаго изслѣдованія. Здѣсь замѣтимъ, что въ числѣ множества источниковъ, которыми пользовался авторъ при составленіи «Очерка», мы не нашли весьма обстоятельной монографіи А. Н. Весловскаго: «Музыка у славянъ»—напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1866 года (томы LXII и LXIII). Въ заключеніе повторимъ—книга г. Михневича достойна вниманія каждаго просвѣщеннаго любителя отечественной исторіи, какъ по интересу своего предмета, такъ и по своему, вполнѣ литературному, изложенію.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины", на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46.** Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова,** на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ" помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: изданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ. — VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, записки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектантскіе.—Замѣтки и записки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа. IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ слѣд. изд. журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

Издат.-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ десятый. ІЮЛЬ. 1879 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Императоръ Іоаннъ Антоновичъ**, 1764 г. Главы IV—V. (Окончаніе) 493

II. **Маріинская колонія питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома.** Основаніе колоніи.—Сводки паръ для браковъ.—Водвореніе въ Смоленской губерніи.—Мѣстные правители.—Челобитчики къ императору Александру I и императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.—Переселеніе въ Саратовскую губ.—Домашніе распорядки. — Безшабашное житіе.—Положеніе о питомцахъ.—Дѣтушки.—Недоимки.—Управляющіе и управляемые.—Главы I—IV 457

III. **Хосровъ-Мирза**, персидскій принцъ, 1813—1875 гг. Историко-біографическій очеркъ. Состав. и сообщ. Ад. П. Берже. (Окончаніе). 401

IV. **Кн. Александръ Ивановичъ Барятинскій**—на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, 1851—1853 гг. Изъ записокъ М. Я. Ольшевскаго. (Окончаніе) . 415

V. **Польское возстаніе въ 1863-мъ году.**—Записки Н. В. Берга. Глава V. Назначеніе Муравьева генер.-губернаторомъ сѣверо-западной Россіи.—Характеристика Муравьева.—Революціонный комитетъ въ Варшавѣ.—«Проектъ уничтоженія Берга».—Убійство Минишевскаго.—Революція въ Жондѣ. — Рядъ убійствъ.—Обзоръ организаціи жонда и всѣхъ подвѣдомыхъ ему учрежденій и револ. трибуналовъ 515

VI. **Донъ и донцы въ прежнее и нынѣшнее время** (Окончаніе) . 437

VII. **Дѣло объ убитомъ глухомъ тетеревѣ**, 1825 г. Сообщ. А. С. Лашкевичъ 565

VIII. **Библіографическій листокъ** новыхъ книгъ. Состав. В. С. И—въ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Александра Сергѣевича ПУШКИНА** въ 1827 г., самый точный снимокъ съ гравюры профессора Н. И. Уткина, геліографически воспроизведенный г. **СКАМОНИ** въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г., 1876 г., 1877 г., 1878 г. и 1879 г., цѣна по **восьми** руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерингофскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1879.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXIII. Спб. 1878 г., 734 стр. Ц. 3 р.

Весь настоящій томъ Сборника занятъ письмами императрицы Екатерины II къ Гримму (1774—1796). Фридрихъ Мельхіоръ Гриммъ принадлежалъ къ кругу энциклопедистовъ; жилъ въ Парижѣ и состоялъ «литературнымъ корреспондентомъ» при нѣкоторыхъ иностранныхъ дворахъ, интересовавшихся въ то время новостями въ области французской литературы; а съ 1766 г. къ нимъ присоединяются Фридрихъ II и Екатерина II. Въ 1773 г. Гриммъ посѣтилъ Петербургъ, причемъ сблизился съ Екатериною II и затѣмъ вступилъ съ нею въ интимную переписку, къ которой принадлежатъ изданныя теперь письма императрицы. По оставленіи Парижа въ 1792 г., онъ былъ назначенъ русскимъ посланникомъ въ нижне-саксонскихъ владѣніяхъ, а потомъ резидентомъ въ Гамбургъ. Къ сожалѣнію, весьма немного сохранилось писемъ самого Гримма (кажется, пока найдено до 40), которыя предполагается издать въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ Сборника, а между тѣмъ безъ нихъ многія мѣста въ письмахъ Екатерины II представляются неясными; тѣмъ болѣе, что какъ политическіе дѣятели того времени и обстоятельства, такъ и нѣкоторыя изъ окружавшихъ ее лицъ—упоминаются подъ вымышленными именами или аллегорическими названіями (напр. Manman - Марія-Терезія; Hérode—Фридрихъ II; marchands drapiers—англичане; purée de pois, soupe aux pois—дипломація и дипломаты; Passgänger—иноходцы—бездарные министры; St.-Nicolas—гр. Н. П. Румянцевъ, и т. д). Опасаясь за откровенность своей переписки, Екатерина нѣсколько разъ просила Гримма предать ее огню; но онъ позаботился сохранить эти письма и, какъ полагаютъ, распорядился, чтобъ послѣ его смерти они были доставлены въ руки великаго князя Александра Павловича, и они дѣйствительно найдены въ государ. архивѣ. Письма императрицы то посылались почтою (причемъ она часто издѣвается надъ любопытствомъ почтовыхъ чиновниковъ), то посредствомъ курьеровъ. Къ изданію они приготовлены и снабжены примѣчаніями академикомъ Я. К. Гротомъ, который, кромѣ того, помѣстилъ обстоятельную статью объ этой перепискѣ въ XXXIV

послѣдней,—похожи на дневникъ, въ которомъ авторъ непринужденно отдаетъ своему собесѣднику отчетъ въ переживаемыхъ имъ событіяхъ, впечатлѣніяхъ и занятіяхъ, высказываетъ свои взгляды на лица и дѣла, свои житейскія и политическія правила, свои намѣренія и надежды. Екатерина сама замѣчаетъ, что никогда и никому не писала подобныхъ, откровенныхъ, писемъ, и заявляетъ, что они не могутъ быть изданы до истеченія, по крайней мѣрѣ; ста лѣтъ.

Письма и бумаги Екатерины вообще занимаютъ видное мѣсто въ коллекціи матеріаловъ, изданныхъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Настоящая переписка дополняетъ ея корреспонденцію съ г-жами Жоффренъ и Бьельке (въ X и XIII т. Сборника), а еще прежде (т. II) тамъ же была помѣщена и записка самого Гримма, въ которой онъ излагаетъ исторію своихъ сношеній съ императрицею Екатериною.

О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Соч. М. Бережкова. Спб. 1875. 267. Ц. 1 р. 50 к.

Отъ времени до времени историко-филологическій факультетъ Спб. университета сталъ издавать Записки, въ которыхъ помѣщено уже нѣсколько отдѣльныхъ трудовъ. Къ числу ихъ принадлежитъ и означенное выше сочиненіе. Наша литература давно нуждалась въ подобномъ изслѣдованіи, въ особенности послѣ новыхъ матеріаловъ, накопившихся за послѣднее время. Въ предисловіи авторъ даетъ обзоръ трудовъ и источниковъ по настоящему вопросу, а въ слѣдующихъ семи главахъ разсматриваетъ: 1) торговлю на Руси въ до-ганзейскую эпоху, преимущественно арабскую торговлю; 2) торговыя сношенія Новгорода съ Готами и нѣмецкимъ купечествомъ на Готландѣ въ XII вѣкѣ; 3) нѣмецкую колонизацію въ прибалтійскомъ краѣ; 4) ганзейскій дворъ въ Новгородѣ; 5) торговлю Новгорода съ Ганзою; 6) торговыя сношенія и договоры Новгорода въ XIII—XV вв.; 7) закрытіе нѣмецкаго двора въ Новгородѣ (при Иванѣ III). По поводу послѣдняго обстоятельства авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, объясняющее и основную точку зрѣнія его на разсматриваемый предметъ: «Мы не можемъ согласиться съ исторіографомъ Карамзинымъ, говоритъ онъ, что будто закрытіемъ двора Иванъ Васильевичъ

Пис. О. Кипренской. 1817. *Грав. Н. Уткинъ.*

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1879 г.

Дозволе[illegible] С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 8 Іюня 1879 г. ГЕЛІОГР. ВЪ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУД. БУМАГЪ

ХОСРОВ-МИРЗА.

1813—1875.

IV[1]).

Прибытіе въ Москву.—Воронежъ.—Вечеръ у Хосров-мирзы.—Новочеркаскъ.—Ставрополь.—Обѣдъ и балъ у ген. Эмануеля.—Тифлисъ.—Торжественный въѣздъ въ Тавризъ.

Вполнѣ счастливый, съ свѣтлыми надеждами на будущее, покинулъ Хосров-мирза императорскую резиденцію. Онъ возвращался на родину по знакомой уже дорогѣ, встрѣчая вездѣ, какъ со стороны гражданскихъ властей, такъ и войска, по тракту его слѣдованія,—почести, установленныя по положенію для великихъ князей императорскаго россійскаго дома.

Первую, болѣе продолжительную остановку онъ имѣлъ въ Москвѣ, откуда выѣхалъ 6-го ноября, и затѣмъ въ Воронежѣ. За два дня до выѣзда отсюда, онъ устроилъ у себя дѣтскій маскарадъ, а 26-го, желая отплатить знакомымъ ему дамамъ за доброе къ себѣ расположеніе и гостепріимство, пригласилъ ихъ на вечеръ, на которомъ, послѣ пѣнія дѣвицы Таубе, устроилъ разныя игры, принявъ въ нихъ самъ дѣятельное участіе. Послѣ полуночи былъ сервированъ ужинъ, кончившійся тостами за здоровье государя императора и Фетх-Али-шаха.

Оставивъ Воронежъ 27-го ноября и переночевавъ въ г. Павловскѣ, Хосров-мирза продолжалъ путь до Казанской станицы, гдѣ его встрѣтилъ ген. Адреяновъ. До этого мѣста посольство ѣхало на саняхъ, далѣе же—на колесахъ.

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 333—353.

1-го декабря оно прибыло въ Новочеркаскъ. Узнавъ здѣсь о болѣзни ген. Кутейникова, Хосров-мирза немедленно отправилъ къ нему своего врача Мирза-Бабу—освѣдомиться о его положеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразить крайнее сожалѣніе, что собственное нездоровье и утомленіе лишаютъ его возможности явиться лично.

На слѣдующій день посольство выѣхало въ Аксай, откуда Хосров-мирза отправилъ въ Новочеркаскъ въ подарокъ ген.-лейтенанту Иловайскому саблю въ признательность за обязательное предложеніе ему въ своемъ домѣ помѣщенія въ оба проѣзда.

5-го декабря принцъ достигъ Ставрополя, гдѣ радушно былъ принятъ ген. Эмануелемъ, у котораго онъ и остановился.

На слѣдующій день праздновалось тезоименитство государя. По этому случаю ген. Эмануель далъ обѣдъ, а вечеромъ балъ, на которомъ принцъ, вслѣдствіе легкаго нездоровья, оставался недолго. 7-го числа онъ любовался домашнимъ спектаклемъ, устроеннымъ дѣтьми хозяина, а на слѣдующій день выѣхалъ въ Тифлисъ, избѣгая, по возможности, продолжительныхъ остановокъ въ дорогѣ.

Наконецъ, 17-го января 1830 года, онъ оставилъ грузинскую столицу, и, спустя почти мѣсяцъ, имѣлъ 15-го февраля торжественный въѣздъ въ Тавризъ [1]).

Такъ кончилось посольство Хосров-мирзы.

V.

Положеніе Хосров-мирзы по возвращеніи въ Персію. — Несогласіе между сыновьями Аббас-мирзы. — Хосров-мирза въ Хорасанѣ. — Онъ начальникомъ Ак-Дербента. — Пріѣздъ въ Мешедъ и Себзеваръ. — Бѣгство. — Пріѣздъ въ Тегеранъ. — Неудовольствіе шаха. — Хосров-мирза добивается аудіенціи у шаха.

Милости, которыми императоръ Николай осыпалъ Хосров мирзу, и расположеніе къ нему русскихъ были хорошо извѣстны въ Персіи и на первыхъ же порахъ поставили его въ глазахъ народа выше прочихъ сыновей Аббас-мирзы. Такое положеніе

---

[1]) На проѣздъ, содержаніе и отправленіе персидскаго посольства до Петербурга—израсходовано:

11,350 р. 27 к. с., 15,131 р. асс. и 1,049 черв.

На обратное слѣдованіе изъ Тифлиса до персидской границы.

8,730 р. 44 к. с., 7,937 р. асс. и 4,602 черв.

А всего:

20,080 р. 71 к. с., 23,068 р. асс. и 5,651 черв. **Ад. В.**

свое, какъ нельзя лучше, сознавалъ и самъ Хосров-мирза. Возвратившись на родину, благосклонно принятый и щедро награжденный Фетх-Али-шахомъ, онъ тотчасъ-же сталъ себя держать необыкновенно гордо и надменно, не только въ отношеніи приближенныхъ его отца, но даже родныхъ братьевъ. Такое поведеніе Хосров-мирзы, само собою разумѣется, создало ему немало враговъ. Въ числѣ послѣднихъ были и родные его братья, между которыми еще до того образовались двѣ, враждебныя другъ другу, партіи: во главѣ одной стоялъ Мамед-мирза, старшій сынъ Аббас-мирзы; представителемъ другой былъ Джехангир-мирза, считавшій себя по личной храбрости выше остальныхъ. Къ послѣдней партіи примкнулъ и Хосровъ; ей-же тайно сочувствовалъ каймакамъ Мирза-Абуль-Касимъ, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ на Аббас-мирзу и отличавшійся столько же упрямствомъ и жадностью къ деньгамъ, сколько безнравственностію и безмѣрнымъ честолюбіемъ. Персія дрожала при одномъ его имени и глубоко его ненавидѣла. Враждебныя отношенія между сыновьями Аббас-мирзы не только не умѣрялись, но, напротивъ, все усиливаясь, не предвѣщали ничего добраго въ будущемъ.

Въ 1831 году Аббас-мирза оставилъ Тавризъ и отправился въ восточныя провинціи Персіи, чтобы, какъ онъ писалъ государю императору, «стереть нечистый прахъ мятежа съ лица того края». Но не успѣлъ онъ еще кончить тамошнихъ дѣлъ, какъ былъ вызванъ въ Испагань, гдѣ въ то время находился шахъ. Воспользовавшись этимъ свиданіемъ, Аббас-мирзѣ удалось, между прочимъ, осуществить свою завѣтную мечту: заручиться согласіемъ шаха на походъ въ Хорасанъ. Экспедеціею этою онъ думалъ отдалить свое возвращеніе въ Адербейджанъ и, на случай смерти отца, возраставшую слабость котораго онъ видѣлъ,—имѣть готовое войско въ Иракѣ, для обезпеченія за собою престола. Пробывъ нѣсколько времени въ Испагани, онъ двинулся съ войсками, прибывшими къ нему изъ Кермана, на Кашанъ, а оттуда, оставивъ въ сторонѣ Кумъ и Тегеранъ, вышелъ на хорасанскую дорогу, въ сел. Хоръ. Одновременно съ этимъ движеніемъ, Хосров-мирзѣ, управлявшему тогда Керманомъ, было приказано съ оставшимися въ этомъ городѣ и въ Ездѣ войсками двинуться, черезъ Систанскія степи, на соединеніе съ отцомъ.

Говорятъ, что Хосров-мирзѣ, во время хорасанской экспеди-

ціи, удалось оказать весьма важныя услуги правительству и лично Аббас-мирзѣ. Вѣроятно, въ воздаяніе за эти отличія, онъ былъ назначенъ начальникомъ Ак-Дербента. Но, послѣ нѣкотораго тамъ пребыванія, онъ предпринялъ поѣздку въ Мешедъ, имѣвъ случай разбить по дорогѣ Текейскую конницу, несравненно сильнѣйшую противъ его свиты. Въ Мешедѣ находился въ то время Мамед-мирза. Хосровъ, никогда не любившій старшаго брата, старался относиться къ нему и на этотъ разъ съ полнымъ невниманіемъ. Послѣдствіемъ этого было то, что едва Хосров-мирза прибылъ въ Себзеваръ, гдѣ онъ надѣялся быть тѣмъ же, чѣмъ былъ въ Ак-Дербентѣ, какъ послѣдовалъ приказъ Мамед-мирзы на имя Кахраман-мирзы учредить надъ непокорнымъ принцемъ строгій надзоръ, не лишая его, впрочемъ, должнаго уваженія и подобающихъ его происхожденію почестей.

Глубоко оскорбленный такимъ распоряженіемъ, Хосров-мирза рѣшился бѣжать. Съ этою цѣлью онъ выразилъ однажды желаніе отправиться на загородную прогулку. Не имѣя достаточныхъ причинъ воспретить такое невинное развлеченіе, Кахраман-мирза далъ согласіе, но, въ предупрежденіе всякихъ случайностей, сообщилъ Хосров-мирзѣ, что онъ лично будетъ ему сопутствовать съ 400 туркменцевъ. Для большей же осторожности, секретнымъ образомъ распорядился расковать его лошадь, не имѣвшую себѣ подобной въ цѣломъ улусѣ. Когда всѣ собрались, Хосров-мирза, ничего не подозрѣвая, сѣлъ на своего вѣрнаго коня и выѣхалъ за городъ. Отдалившись на нѣкоторое разстояніе отъ Себзевара, онъ началъ джигитовать, бросаясь то въ одну, то въ другую сторону, какъ бы испытывая быстроту своего скакуна, но всегда возвращался къ свитѣ, дѣлая видъ, что не таитъ никакого умысла. Продолжая снова эти упражненія, онъ вдругъ подскакиваетъ къ Кахраману и спрашиваетъ:

«Братъ, три да четыре сколько?»

— Девять,—отвѣчалъ обидѣвшійся Кахраманъ.

«И прекрасно... ну, такъ поминай же, какъ меня звали!»— крикнулъ ему Хосровъ, и, съ послѣднимъ словомъ, пришпоривъ коня, понесся по направленію къ Тегерану.

Свита бросилась было его догонять, но не достигла, по выраженію персіянъ, и взвившейся пыли, укрывшей за собою уносившагося Хосрова.

Черезъ 10 часовъ онъ уже достигъ Бостама, откуда, послѣ недолгаго отдыха, направился къ шахской резиденціи.

Появленіе Хосров-мирзы въ Тегеранѣ тотчасъ же сдѣлалось извѣстнымъ Фетх-Али-шаху, который до того остался недоволенъ поведеніемъ внука, что отказался его принять. Но всегда находчивый Хосровъ и на этотъ разъ съумѣлъ выйти изъ затрудненія. Разсказываютъ, что онъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости:

Убѣдившись, что всѣ его старанія добиться аудіенціи у шаха остаются тщетны, онъ обратился за ходатайствомъ къ родному дядѣ Али-Кули-мирзѣ, лицу весьма вліятельному при дворѣ.

«Если,—сказалъ онъ,—тебѣ удастся устроить мнѣ свиданіе съ шахомъ, то, клянусь Аллахомъ и святыми имамами, я отблагодарю тебя за эту услугу такою драгоцѣнностью, какой не создастъ себѣ и самое пылкое воображеніе. Я привезъ ее изъ Петербурга, храню ее какъ лучшее достояніе въ жизни, и если рѣшаюсь разстаться съ нею, то только изъ глубочайшей признательности къ тебѣ».

Такая убѣдительная рѣчь произвела свое дѣйствіе, а тѣмъ болѣе на Али-Кули-мирзу, человѣка въ высшей степени корыстолюбиваго и жаднаго. Долго изыскивалъ онъ средство угодить племяннику. Мысль эта не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью. Наконецъ, послѣ долгихъ и настойчивыхъ убѣжденій, ему удалось склонить Фетх-Али-шаха принять Хосрова. Происшедшее между ними свиданіе кончилось благополучно и не безъ важныхъ послѣдствій для послѣдняго.

Между тѣмъ прошло нѣсколько дней послѣ аудіенціи, и Хосровъ, повидимому, забылъ о своемъ обѣщаніи. Тогда Али-Кули-мирза рѣшился самъ напомнить ему о долгѣ.

—Я твоя жертва, отвѣчалъ Хосровъ,—ты свѣтъ моихъ очей и перлъ моей души. Клянусь, сто разъ клянусь головою средоточія вселенной, что никакія превратности этого тлѣннаго міра не заставятъ меня измѣнить данному тебѣ слову. Обѣщанная драгоцѣнность будетъ въ твоей власти, но помни, что я могу передать ее, по самому ея свойству, въ такомъ только тайномъ мѣстѣ, куда не проникаетъ ни взоръ смертнаго, ни лучъ деннаго свѣта.

Услышавъ такія слова, Али-Кули-мирза, послѣ нѣкотораго раздумья, избралъ мѣстомъ херамханэ, т. е. гаремное отдѣленіе, куда и предложилъ Хосрову явиться ночью, въ условный часъ.

Сказано и сдѣлано. Наступила ночь; въ городѣ царила глубокая тишина, только изрѣдка нарушаемая окликами сторожевыхъ сорбазовъ. Али-Кули-мирза съ напряженнымъ вниманіемъ поджидалъ поздняго гостя. Въ это время кто-то легко стукнулъ въ ворота. Хозяинъ впустилъ Хосрова. Перешептавшись, они тихо и осторожно направились въ назначенное мѣсто. Прошло нѣсколько минутъ. Хосровъ молчалъ; Али-Кули-мирза притаилъ дыханіе: послышался легкій звукъ, похожій на скрипъ, и въ одинъ мигъ комната освѣтилась. Въ рукахъ Хосрова оказалась коробка обыкновенныхъ сѣрныхъ спичекъ, въ то время еще не вошедшихъ въ употребленіе въ Персіи.

—На, возьми эту драгоцѣнность,—обратился онъ къ Али-Кули-мирзѣ. Теперь она твоя, но заклинаю тебя хранить ее такъ же тщательно, какъ я ее хранилъ.

Сказавъ это, Хосровъ изчезъ, а Али-Кули-мирза долго еще стоялъ съ разинутымъ отъ удивленія ртомъ, пока не очнулся, и, пристыженный, не удалился размышлять наединѣ объ этомъ странномъ случаѣ.

Между тѣмъ разсказанное происшествіе мало-по-малу сдѣлалось гласнымъ, возбуждая общій говоръ и смѣхъ среди тегеранскаго населенія.

VI.

Смерть Аббас-мирзы.—Сынъ его Мамед-мирза объявляется наслѣдникомъ престола.—Хосров-мирза въ Тавризѣ.—Обѣдъ у наслѣдника.—Арестъ и заключеніе Хосров-мирзы и Джехангир-мирзы въ Ардебильскую тюрьму.—Неудовольствіе Фетх-Али-шаха.

1833-й годъ близился къ исходу. Въ Тегеранѣ уже нѣсколько дней носились настойчивые слухи о тяжкой, безнадежной болѣзни Аббас-мирзы. Вдругъ огласилось, что наслѣдника не стало: онъ скончался 10-го октября въ Мешедѣ. Извѣстіе это какъ громомъ поразило престарѣлаго шаха и такъ разстроило его и безъ того надорванное здоровье, что возбудило весьма серьезныя опасенія за собственную его жизнь. И дѣйствительно, Фетх-Али-шахъ лишился въ Аббас-мирзѣ не только лучшаго сына, но и единственнаго друга, безотчетную его любовь къ которому и преданность не могли измѣнить ни время, ни обстоятельства. Но про-

шаго возвратить было невозможно, а потому онъ, какъ бы въ вознагражденіе себя за понесенную утрату, перенесъ чувства своего расположенія къ покойному—на старшаго его сына Мамед-мирзу, котораго тотчасъ же вызвалъ изъ Хорасана. Вскорѣ по прибытіи его въ Тегеранъ, онъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола, помимо безчисленныхъ дядей, родныхъ сыновей Фетх-Али-шаха. Облеченный въ это званіе, Мамед-мирза вскорости отправился въ Тавризъ—резиденцію наслѣдниковъ каджарскихъ вѣнценосцевъ, куда за нимъ, по приказанію шаха, послѣдовалъ и Хосров-мирза.

По прибытіи на мѣсто, Мамед-мирза, стоявшій, какъ упомянуто выше, во главѣ одной изъ партій, на которыя раздѣлились его братья, снова, и болѣе прежняго, предался свойственному ему религіозному либерализму. Изъ лицъ—однихъ съ нимъ убѣжденій и ему близкихъ—особенно выдавались: Хаджи-мирза-Агаси, впослѣдствіи извѣстный первый министръ Персіи; Наср-Уллах-Ардебильскій, позже садр-уль-мемаликъ (глава духовенства), и Мирза-Назар-Али Казвинскій, главный докторъ наслѣдника.

Отношенія же братьевъ противной партіи къ Мамед-мирзѣ остались прежнія. Болѣе другихъ, въ своей ненависти къ нему, отличались—Джехангир-мирза и Хосров-мирза, избѣгавшіе всегда и вездѣ даже титуловать его валіахдомъ, т. е. наслѣдникомъ. Тѣмъ не менѣе, высокое положеніе, занятое старшимъ ихъ братомъ въ государствѣ, обязывало обоихъ принцевъ соблюдать въ отношеніи его знаки внѣшняго приличія и при извѣстныхъ случаяхъ даже являться къ нему на поклонъ. Съ послѣднею именно цѣлью прибылъ въ Тавризъ Джехангир-мирза, въ то время правитель Хоя и Урміи, и остановился въ собственно ему принадлежащемъ саду Баги-Сефа, куда тогда же пересилился и Хосров-мирза.

Что касается каймакама Мирза-Абуль-Касима, сторонника противной наслѣднику партіи, то онъ съ кончиною Аббас-мирзы былъ поставленъ въ самое щекотливое положеніе. Но, будучи столько же уменъ, сколько хитеръ, онъ тотчасъ же перемѣнилъ политику, думая и заботясь лишь объ обезпеченіи своего будущаго положенія. Вотъ почему онъ, предъ самымъ выѣздомъ изъ Тегерана, зная безпокойный характеръ Джехангир-мирзы и Хосров-мирзы, заручился разрѣшающимъ фирманомъ шаха, въ слу-

чаѣ какихъ движеній и безпокойствъ въ Адербейджанѣ, заарестовать названныхъ принцевъ, какъ главныхъ виновниковъ открывшихся безпорядковъ, не лишая ихъ, впрочемъ, подобающихъ почестей. Имѣя въ рукахъ такое сильное орудіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ доказательство какъ бы того, насколько онъ мало солидаренъ съ противной наслѣднику партіей, а также для вящшаго убѣжденія его въ своей преданности, каймакамъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости:

Онъ посовѣтовалъ Мамед-мирзѣ пригласить Джехангира и Хосрова на обѣдъ, устроивъ его въ Баги-Мешэ, одномъ изъ садовъ, вдали отъ центра города. Не подозрѣвая никакого умысла, оба брата приняли приглашеніе, боясь отказомъ навлечь на себя открытое неудовольствіе наслѣдника, который легко могъ счесть то за личное оскорбленіе. Когда же, по окончаніи обѣда, Джехангиръ и Хосровъ отправились въ одну изъ боковыхъ комнатъ павильона для отдыха, они вдругъ увидѣли себя окруженными двумя ротами Урмійскаго полка, отрѣзавшими имъ всѣ пути къ выходу. Спустя нѣкоторое время ихъ отправили въ Ардебиль подъ конвоемъ ста всадниковъ и трехъ ротъ сорбазовъ, подъ начальствомъ Мир-Казим-хана Талышинскаго, зятя Аббас-мирзы, и тамъ заключили въ тюрьму, съ порученіемъ надзора за ними Бехмен-мирзѣ, тамошнему правителю и родному брату Мамед-мирзы.

О такихъ распоряженіяхъ своихъ адербейджанское начальство тотчасъ же донесло въ Тегеранъ, объясняя ихъ тайными замыслами Джехангир-мирзы и Хосров-мирзы—произвести возмущеніе противъ мѣстной администраціи, съ цѣлью низверженія наслѣдника. Но едва только заарестованіе принцевъ сдѣлалось извѣстнымъ шаху, какъ послѣдовалъ строжайшій выговоръ за подобное самоуправство, съ приказаніемъ немедленнаго освобожденія заключенныхъ. Повелѣніе это, однако же, осталось неисполненнымъ, такъ какъ каймакамъ, написавъ извиненіе, ходатайствовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, объ отсрочкѣ въ освобожденіи принцевъ до окончательнаго успокоенія будто бы встревоженнаго и возбужденнаго населенія Адербейджана.

Пока происходила эта переписка, Фетх-Али-шахъ успѣлъ прибыть въ Испагань, гдѣ онъ скоро опасно заболѣлъ. Несмотря, однако же, на свое тяжкое положеніе, онъ не забывалъ постиг-

шей его внуковъ участи и, повидимому, сильно тревожился за ихъ безопасность. Вотъ почему онъ, вслѣдъ за полученіемъ послѣдняго донесенія каймакама, вторично приказалъ Аллах-Яр-хану снова потребовать безотлагательнаго освобожденія Джехангира и Хосрова, съ донесеніемъ въ 10-ти-дневный срокъ объ исполненіи его воли. Получивъ такое категорическое предписаніе, Мамед-мирзѣ оставалось исполнить его безъ всякой проволочки. Но тутъ случилось обстоятельство, лишившее принцевъ послѣдней надежды на свободу.

VII.

Смерть Фетх-Али-шаха.—Безпорядки въ Персіи.—Мамед-шахъ вступаетъ на престолъ.—Интриги каймакама противъ Джехангир-мирзы и Хосров-мирзы.—Шахъ даетъ приказаніе ослѣпить принцевъ.

Быстро развивавшаяся болѣзнь Фетх-Али-шаха имѣла на этотъ разъ печальный исходъ: онъ скончался въ Испагани, 8-го октября 1834 года, т. е. спустя годъ послѣ смерти Аббас-мирзы. Тѣло его тогда же было перевезено въ Кумъ, гдѣ и предано землѣ возлѣ любимаго сына.

Со смертью Фетх-Али-шаха Персія была обречена на большіе безпорядки и полнѣйшее безначаліе, что, впрочемъ, повторяется въ этомъ государствѣ при каждомъ новомъ воцареніи. Въ устахъ персіянъ даже сложилось особое выраженіе «шахъ-ёльди», въ переводѣ—«шахъ умеръ», которое пріурочивается именно къ этому времени внутреннихъ несогласій и неурядицъ. Поводомъ къ нимъ всегда служатъ соперничество между многими претендентами на престолъ и совершенная неизвѣстность народа—кому достанется корона. Въ данномъ случаѣ претендентами явились сыновья покойнаго шаха, которыхъ у него было около 60. Такъ, въ Тегеранѣ заявилъ свои права Зилли-Султанъ (Али-шахъ), Хусейн-Али-мирза въ Ширазѣ, гдѣ кромѣ его возсталъ Хасан-Али-мирза; Мамед-Кули-мирза въ Мазандеранѣ, и пр. При такомъ положеніи дѣлъ, само собою разумѣется, сообщеніе между городами, по случаю грабежей и убійствъ, сдѣлалось опаснымъ: между Тегераномъ и Испаганомъ, а въ особенности между послѣднимъ городомъ и Ширазомъ—нападали Бахтіарцы; по дорогѣ

изъ Тегерана до Тавриза безчинствовали кочующія племена, разворившія Казвинъ. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока законный наслѣдникъ Мамед-мирза, поддержанный Россіею и Англіею, не восторжествовалъ надъ возмутившимися дядями и, по прибытіи въ Тегеранъ, не утвердился на престолѣ.

Не входя здѣсь въ дальнѣйшія подробности всѣхъ мѣръ, принятыхъ молодымъ шахомъ къ водворенію общаго порядка и спокойствія, причемъ многіе принцы, лишившись своихъ мѣстъ, были заарестованы, сосланы и даже ослѣплены, я обращусь къ двумъ братьямъ Мамед-мирзы, отправленнымъ изъ Тавриза въ заточеніе, въ то еще время, когда Фетх-Али-шахъ доживалъ послѣдніе дни въ Испагани.

Арестъ и ссылка Джехангира и Хосрова въ Ардебиль не удовлетворили каймакама. Заискивая расположеніе новаго шаха, для упроченія своего вліянія на дѣла государства, и какъ бы въ вящшее оправданіе своего прежняго поведенія, онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ новымъ, болѣе энергическимъ мѣрамъ. Въ находчивости и хитрости недостатка у него не было. Онъ началъ съ того, что въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ представилъ опасность, угрожающую Персіи, въ случаѣ освобожденія принцевъ. Убѣдить въ этомъ Мамед-шаха было тѣмъ легче, что самъ онъ, помня прежнія интриги и отношенія братьевъ, вполнѣ былъ увѣренъ, что, съ занятіемъ настоящаго высокаго положенія, должны усилиться съ ихъ стороны нерасположеніе къ нему и ненависть. Въ особенности же опасался онъ Хосров-мирзы. Зная милостивое расположеніе къ нему императора Николая и сочувствіе, пріобрѣтенное со стороны русскихъ, онъ видѣлъ въ немъ опаснаго соперника, который при всякомъ удобномъ случаѣ не только оказалъ бы ему сильную оппозицію, но даже отнялъ бы и самую корону. Это-то, главнымъ образомъ, несправедливое подозрѣніе и побудило Мамед-шаха поддаться убѣжденіямъ Мирза-Абуль-Касима, въ свою очередь желавшаго устраненія всякаго вліянія принцевъ на шаха, и потому еще, что оба они, какъ люди вполнѣ посвященные въ его тайны, рано или поздно могли ихъ обнаружить, и тѣмъ подготовить его собственное паденіе. Въ предупрежденіе такого, весьма возможнаго, будущаго, съ одной стороны, а съ другой, желая воспользоваться видимой довѣрчивостью шаха, онъ убѣдилъ его лишить зрѣнія ардебильскихъ затворни-

ковъ и сослать ихъ въ одну изъ внутреннихъ провинцій государства, гдѣ они будуть совершенно парализованы въ своихъ дѣйствіяхъ противъ верховной власти.

Шахъ согласился на предложенную мѣру и поручилъ ея осуществленіе своему ферраш-баши [1]), Измаил-хану Караджадагскому.

VIII.

Пребываніе принцевъ въ ардебильской тюрьмѣ.—Гаданіе Хосров-мирзы.—Ослѣпленіе его и Джехангир-мирзы.—Разсказъ сорбаза.—Ссылка принцевъ.—Пріѣздъ Хосров-мирзы въ Тегеранъ.—Его кончина.—Его семейство.—Внѣшность Хосров-мирзы.—Убіеніе каймакама Мирза-Абуль-Каспия.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ Хосров-мирза и Джехангиръ томились въ ардебильской тюрьмѣ. Въ полной неизвѣстности о томъ, что происходило за стѣнами ихъ мрачнаго пріюта,—они тѣмъ менѣе могли что-либо знать о козняхъ противъ нихъ каймакама. Да и что отъ того пользы, когда ничего нельзя было предпринять въ свое оправданіе? Въ этомъ мучительномъ и безпомощномъ состояніи, при полномъ отсутствіи какого-либо сообщества и обмѣна мыслей, узники погружались въ глубокую тоску и уныніе. А вокругъ все точно вымерло.... Только крики муэззиновъ, съ высоты минаретовъ призывавшихъ въ урочные часы дня правовѣрныхъ къ молитвѣ, а ночью оклики тюремной стражи, достигая ихъ слуха, нарушали эту мертвящую тишину и безмолвіе. А время все шло.... съ трудомъ прожитый день смѣнялся безсонной ночью, которой, казалось, не было предѣла; а если иногда, съ первымъ лучемъ утренняго свѣта, бывало и западетъ въ сердца ихъ надежда на скорую свободу, то это оказывалось одною мечтою, подобною призраку, безслѣдно исчезающему въ пространствѣ.

Въ устахъ народа сохранился слѣдующій разсказъ:

Говорятъ, что однажды—это было въ глухую ночь—Хосров-мирза, по склонности человѣка дознаваться будущаго таинственными средствами, взялъ сочиненія Хафиза, служащія въ Персіи

[1]) Начальникъ постельничихъ. Ад. В.

оракуломъ, и, на случайно раскрытой страницѣ, прочелъ слѣдующіе, доставшіеся ему два стиха:

زمان خوشدلی دریاب دریاب

که دایم درصدف گوهر نباشد

Лови, лови часы наслажденья, ибо не вѣченъ жемчугъ въ своей раковинѣ.

Роковое предзнаменованіе тяжело и болѣзненно отозвалось въ душѣ Хосрова. Онъ закрылъ книгу, легъ и погрузился въ глубокое раздумье. Такъ прошелъ часъ, другой....

Вдругъ послышался мѣрный шорохъ. Хосров-мирза вздрогнулъ. Въ комнату вошелъ Измаил-ханъ, шахскій феррашъ-баши. Не говоря ни слова, онъ развернулъ фирманъ, которымъ ему повелѣвалось ослѣпить обоихъ братьевъ. Принцевъ объялъ ужасъ. Но прежде, чѣмъ они могли прійти въ себя, бывшій при этой сценѣ сорбазъ бросился на Хосров-мирзу, крѣпко сжалъ его въ объятіяхъ, и призванный палачъ совершилъ безчеловѣчную операцію. Съ этихъ поръ внѣшній міръ закрылся для Хосрова и—закрылся навсегда. Та же участь постигла Джехангира, который въ это время былъ боленъ и—послѣ ослѣпленія внушилъ серьезныя опасенія за свою жизнь.

Когда все было кончено, сорбазъ, участвовавшій въ казни, сообщилъ слѣдующій любопытный случай:

Во время движенія Хосров-мирзы въ Хорасанъ, одинъ изъ сорбазовъ его отряда, слѣдуя черезъ какую-то деревню, отнялъ у крестьянина арбузъ. Обиженный обратился за такое самоуправство съ жалобою къ принцу. Хосровъ потребовалъ виновнаго и, разобравъ дѣло, приказалъ лишить его глаза. Сорбазъ былъ молодъ и замѣчательно хорошъ собою.

—Принцъ,—обратился онъ къ Хосрову,—побойся Аллаха! неужели ты за одинъ арбузъ хочешь лишить меня глаза? Сжалься, и знай, что я связанъ любовью съ дѣвушкой, которая оттолкнетъ меня, если ты прикажешь меня изувѣчить.

Едва только онъ произнесъ эти слова, какъ въ ноги принцу бросается другой сорбазъ, родной братъ виновнаго.

«Прикажи,—умоляетъ онъ,—лишить меня обоихъ глазъ, но пощади брата».

Однако Хосровъ остался непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи, и сорбазъ лишился глаза.

По странной случайности оказалось, что братъ наказаннаго сорбаза былъ самъ разскащикъ, участвовавшій въ ослѣпленіи принца.

Спустя нѣкоторое время послѣ описанной экзекуціи, обоихъ принцевъ отправили, съ прочими братьями [1]) отъ одной матери, въ Тусирганъ, близь Хамадана, гдѣ имъ были отведены пахатныя и пастбищныя земли, въ обезпеченіе ихъ существованія. Они помѣстились тамъ съ семействами въ особый замокъ, отданный въ исключительное ихъ владѣніе.

Принцы жили тамъ почти безвыѣздно. Во время пребыванія моего, въ 1855 году, въ Тегеранѣ, разсказывали, что Хосров-мирза, въ царствованіе Мамед-шаха, пріѣзжалъ къ нему съ какою-то просьбою. Когда объ этомъ доложили шаху, онъ отвѣчалъ: «дѣлайте все, что онъ потребуетъ; но, Бога ради, не показывайте мнѣ брата!».

Въ другой разъ, уже при Наср-Эддин-шахѣ, онъ пріѣзжалъ въ Тегеранъ съ жалобою на Сейф-Уллах-мирзу, губернатора Хамадана. Послѣднему тогда же было приказано не тревожить Хосров-мирзу.

Хосров-мирза скончался 21-го рамазана 1292 (1875) года, въ Хамаданѣ, 62-хъ лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ Корбелаѣ.

Послѣ него остались—сынъ Мамед-Али-мирза, отъ временной жены, уроженки Хамадана, и дочь Шюхре-и-Афакъ (знаменитость міра), отъ дочери извѣстнаго Мамед-Али-мирзы, правителя Керманшахскаго и опаснаго соперника Аббас-мирзы. Шюхре-и-Афакъ вышла за Мамед-Мехти-мирзу, сына Тахмасиб-мирзы, и живетъ въ Хамаданѣ.

Въ одномъ изъ №№ «Journal de St.-Pétersbourg» за 1829 годъ,

---

[1]) Ихъ было 5 братьевъ: Джехангир-мирза родился 1226 (1811) года, Хосров-мирза, Ахмед-мирза, Мустафа-Кули-мирза и Мухаммед-Керим-мирза. Прежде другихъ умеръ Джехангир-мирза. Онъ собрался было ѣхать въ Мекку, но, заболѣвъ на дорогѣ, былъ привезенъ въ Тавризъ, гдѣ и скончался. **Ад. В.**

Хосров-мирза описывается такъ: «онъ былъ средняго роста, строенъ, имѣлъ очаровательные глаза и необыкновенно пріятную улыбку; держалъ себя съ достоинствомъ, обладалъ живостью въ разговорѣ, и былъ замѣчательно привѣтливъ въ обхожденіи».

Этимъ исчерпывается весь или почти весь запасъ свѣдѣній о Хосров-мирзѣ, безъ сомнѣнія, достойномъ лучшей участи, чѣмъ та, которая выпала на его долю. Но если ему суждено было вынести на себѣ весь ужасъ необузданнаго деспотизма, то въ сердцахъ соотечественниковъ онъ навсегда оставилъ неизгладимые слѣды глубокаго къ себѣ расположенія и сострадавія. Это-то общее къ нему сочувствіе, какъ нельзя краснорѣчивѣе, выразилось при неожиданномъ извѣстіи, что не стало и каймакама, главнаго виновника его несчастія. Мирза-Абуль-Касимъ былъ убитъ въ Тегеранѣ, 14-го іюня 1835 года, по повелѣнію того же Мамед-шаха; имѣніе его взято въ казну, а семейство арестовано и отправлено въ Фераханъ, за исключеніемъ жены, родной сестры Аббас-мирзы, которой сохранили имущество и подобающія ея званію почести [1]).

Персія радостно привѣтствовала и торжествовала смерть каймакама, и кровавыми буквами внесла имя его въ историческую свою лѣтопись....

Тифлисъ.

Ад. П. Берже.

---

[1]) У каймакама было два сына: Мирза-Мамедъ и Мирза-Али. Ад. Б.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРЯТИНСКІЙ

НА ЛѢВОМЪ ФЛАНГѢ КАВКАЗСКОЙ ЛИНІИ.

1852—1853.

Изъ записокъ М. Я. Ольшевскаго.

III [1]).

Еще лѣтомъ 1852 г., передъ наступленіемъ покоса, было рѣшено княземъ Барятинскимъ, что будущая зимняя экспедиція будетъ производиться на Мичикѣ. По этой причинѣ въ Куринскомъ было заготовлено много экстреннаго сѣна. Въ это же укрѣпленіе къ концу года было свезено продовольствіе на два мѣсяца для 10-ти т. человѣкъ; туда же доставленъ былъ изъ Грозной и Хасавъ-юрта комплектъ готовыхъ боевыхъ зарядовъ на двадцать орудій и патроновъ по числу десяти баталіоновъ.

Зимнія военныя дѣйствія должны были начаться не позже половины января; а потому, 10-го числа, въ Куринскомъ сосредоточилось собственно для дѣйствій, не считая гарнизона этого укрѣпленія, девять баталіоновъ, дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ, шесть сотенъ казаковъ и двадцать шесть орудій.

Князь Барятинскій съ этими войсками, на разсвѣтѣ 12-го января, двинулся къ Исти-су, гдѣ, поднявшись на Качалыковскій хребетъ по арбяной дорогѣ, расположился лагеремъ на западной покатости у бывшаго аула Хаби-Шавдана.

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 307—332.

Переходъ черезъ хребетъ и занятіе лагернаго мѣста для отряда совершились съ незначительной перестрѣлкой и безъ потери для насъ. Хаби-Шавданъ, примыкавшій къ лѣвому фасу широкораскинутаго лагеря, отстоялъ отъ Мичика версты на полторы, и находился отъ просѣки, уширеніемъ которой наши войска занимались въ 1850 году, верстахъ въ пяти.

Все разстояніе между лагеремъ и Мичикомъ было покрыто или густымъ орѣшникомъ, или остатками садовъ и сухаго бурьяна, росшаго на поляхъ, принадлежавшихъ жителямъ бывшаго здѣсь аула. Со всѣхъ же прочихъ сторонъ лагерь былъ окруженъ горами, глубокими оврагами и густымъ строевымъ лѣсомъ, преимущественно же чинаромъ и дубомъ. По оврагу, находящемуся съ лѣвой или южной стороны, протекалъ небольшой ручей Хаби-Шавданъ, именемъ котораго назывался и существовавшій здѣсь аулъ. Кромѣ того, здѣсь же находилось много родниковъ чистой, хорошей воды.

Коснусь причинъ, почему описываемая зимняя экспедиція была предпринята на Мичикъ, и почему путемъ дѣйствія было избрано это новое направленіе, а не старая дорога и просѣка.

Главная причина, побудившая князя Барятинскаго предпринять эту экспедицію на Мичикъ, была та, что пространство между этой рѣкой и Гудермесомъ было гуще населено сравнительно съ другими мѣстами Большой Чечни, и что мичиковцы часто безпокоили Кумыкскую плоскость своимъ хищничествомъ. А потому надо было заставить ихъ или переселиться въ наши предѣлы, или уйти въ горы. Если же князь не двинулся на Мичикъ по старой просѣкѣ, а, избравъ новое направленіе, расположился на Хаби-Шавданѣ, то этимъ руководили его своего рода благоразумныя соображенія.

Двинувшись по старой просѣкѣ, иначе нельзя было расположиться лагеремъ, какъ на Мичикѣ, потому что между этой рѣкой и Куринскимъ не было воды. Положимъ, что неожиданное занятіе Мичика и обошлось бы намъ безъ потери, но сообщеніе наше было бы небезопасно. Гористая же и лѣсистая мѣстность по ту сторону Мичика подвергала бы нашъ отрядъ постояннымъ тревогамъ и безнаказаннымъ выстрѣламъ изъ непріятельскихъ орудій. Притомъ, и вода въ Мичикѣ могла быть попорчена непріятелемъ, къ чему неразъ онъ прибѣгалъ, когда мы стояли ла-

геремъ, въ прошломъ году, на Бассѣ. Тогда какъ расположеніемъ у Хаби-Шавдана не только устранялись всѣ эти препятствія, но и былъ обойденъ Гонсолъ, впадавшій въ Мичикъ лѣвѣе лагеря. Между тѣмъ, отрядъ держалъ непріятеля постоянно въ угрожающемъ положеніи, будучи расположенъ лагеремъ и на этой позиціи. Первымъ дѣломъ отряда была вырубка лѣса позади лагеря и устройство по-возможности лучшаго и удобнаго сообщенія съ Куринскимъ, откуда доставлялось все продовольствіе,—что и было достигнуто въ самое короткое время. Потомъ занялись уничтоженіемъ лѣса вправо и влѣво отъ лагеря.

Все это совершалось безпрепятственно, или съ самой ничтожной перестрѣлкой, мало причинявшей намъ вреда. Притомъ, и погода намъ благопріятствовала. Морозовъ сильныхъ, такихъ какъ въ прошломъ году, не было, а между тѣмъ, не было большихъ и частыхъ тумановъ. Дни, большею частію, были теплые, солнечные. По ночамъ холодъ не превышалъ десяти градусовъ. Отрядъ вполнѣ пользовался всѣми хозяйственными удобствами лагерной зимней стоянки.

Противъ нашего лагеря, за Мичикомъ, былъ собранъ многочисленный непріятель, состоявшій, по-прежнему, изъ чеченцевъ и тавлинцевъ.

Прибывшій изъ Веденя Шамиль, черезъ нѣсколько дней по нашемъ расположеніи на Хаби-Шавданѣ, былъ, противъ обыкновенія, ласковъ и привѣтливъ съ чеченцами. Въ бесѣдахъ съ ними, утѣшалъ ихъ и обѣщалъ помочь имъ отъ претерпѣнныхъ ими раззореній и лишеній, если только они будутъ его слушаться и исполнять его приказанія. При этомъ не упустилъ случая попрежнему увѣрять ихъ, что онъ не дозволитъ русскимъ перейти Мичикъ, если чеченцы храбро и стойко поддержатъ его.

И чеченцы, обвороженные небывалымъ ласковымъ обращеніемъ Шамиля, предали забвенію всѣ прошлыя невзгоды, и были убѣждены въ справедливости его словъ.

«Нѣтъ, русскіе не могутъ перейти Мичикъ»,—говорили они, глядя на его высокіе и отвѣсные берега, которые, притомъ, были обрыты во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представлялась малѣйшая возможность къ переправѣ. Сверхъ того, чтобы занять умы чеченцевъ и заставить ихъ еще болѣе увѣриться въ невозможности

перехода черезъ Мичикъ, Шамиль заставлялъ ихъ по ночамъ на лѣвомъ берегу строить завалы и земляныя укрѣпленія. Находившійся за Мичикомъ, противъ нашего лагеря, аулъ Гурдали былъ занятъ Шамилемъ, его сыномъ Кази-Магометомъ, приближенными и мюридами.

Намъ простымъ глазомъ хорошо было видно, какъ Шамиль, пренебрегая на этотъ разъ даже этикетомъ, выходилъ на саклю для бесѣды съ собиравшимся народомъ, но всегда не одинъ, а окруженный нѣсколькими изъ своихъ мюридовъ съ вынутыми изъ чахловъ винтовками. Намъ слышны были раздававшіеся въ честь его привѣтственные выстрѣлы. Даже разъ видно было въ зрительную трубу, какъ на томъ возвышеніи, на которомъ въ прошломъ году нанесено было Баклановымъ пораженіе непріятелю, училась кавалерія съ 4-мя орудіями, изъ которыхъ производилась пальба по лагерю и войскамъ, высылаемымъ впередъ и влѣво для вырубки орѣшника и садовъ.

Стрѣльба по лагерю была рѣдкая и почти для насъ безвредная. Только разъ, кажется, въ праздникъ Срѣтенія Господня, во время служенія литургіи въ походной церкви, огромный наметъ которой служилъ постоянною цѣлью для непріятеля, пролетѣвшее надъ головами молящихся ядро, при паденіи своемъ, убило одного куринца, да другаго сильно контузило.

Зато непріятель ниразу не оставлялъ въ покоѣ войскъ, высылаемыхъ впередъ лагеря и влѣво, на Мичикъ, для вырубки орѣшника и садовъ, а равно, когда дѣло дошло до разрушенія заваловъ, начиная отъ впаденія Гонсола, вверхъ по Мичику.

Разскажу при этомъ о случившемся со мною происшествіи въ одну изъ такихъ рубокъ орѣшника и садовъ. 18-го февраля, въ то время, когда полковникъ Бажановъ съ двумя баталіонами тенгинцевъ и четырьмя орудіями выступилъ уже изъ лагеря на работу, лазутчики дали знать о намѣреніи непріятеля, пробравшагося въ верховья Мичика, сдѣлать нападеніе на рабочихъ. Поэтому я былъ посланъ княземъ Барятинскимъ предупредить объ этомъ полковника Бажанова и осмотрѣть работы.

Лошадь, на которой я поѣхалъ, была недавно куплена, весьма горяча и непривычна къ выстрѣламъ. Передавъ Бажанову все, что нужно было, я поѣхалъ впередъ. Въ это время летитъ ядро

и въ нѣсколькихъ шагахъ дѣлаетъ рикошетъ. Лошадь моя дѣлаетъ огромный прыжокъ въ сторону, попадаетъ въ яму передними ногами, и я, отброшенный отъ нея на нѣсколько шаговъ, падаю безъ чувствъ на землю.

Въ моментъ моего паденія, всѣ окружающіе думали, что я убитъ, но когда подняли и осмотрѣли меня, то убѣдились, что, кромѣ ушиба на щекѣ, нѣтъ другаго поврежденія, нѣтъ и сильной контузіи, отъ которой я могъ бы умереть.

Между тѣмъ, проходитъ нѣсколько минутъ, а я нахожусь въ безчувственномъ состояніи. Успѣлъ прискакать изъ лагеря докторъ Добротинъ, видѣвшій мое паденіе, и готовился уже пустить кровь; но въ это время я началъ говорить.

Спрашиваю: гдѣ мы? Мнѣ отвѣчаютъ, что на Мичикѣ. Ничего не помню—нѣтъ сознанія. Такъ прошло еще нѣсколько секундъ. Наконецъ, я пришолъ въ полное сознаніе и дошолъ до лагеря безъ предлагаемой мнѣ помощи, положительно отказавшись отъ настоянія докторовъ пустить мнѣ кровь.

Я былъ на-волосъ отъ смерти, и, признаюсь, пріятно такъ умирать, потому что такая смерть мгновенна, нечувствительна и безъ малѣйшихъ страданій. Я остался невредимъ и годенъ для дальнѣйшей службы. Конь же мой, виновникъ моего паденія и причина этого разсказа и разсужденія, поступилъ въ число неспособныхъ, потому что вывихнулъ себѣ правую ногу....

....Февраль мѣсяцъ 1852-го года приходилъ къ концу, а съ нимъ вмѣстѣ оканчивались рубка лѣса и разрушеніе завало̀въ вверхъ по Мичику, къ старой просѣкѣ.

Шамиль, по-прежнему, жилъ въ Гурдали и, по-прежнему, показываясь на саклѣ, бесѣдовалъ съ чеченцами, и они еще болѣе утвердились въ томъ мнѣніи, что мы не можемъ перейти Мичикъ, а слѣдовательно, сдѣлались самонадѣяннѣе, хвастливѣе—характеристичная черта всѣхъ мусульманскихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что отрядъ покойно продолжалъ стоять лагеремъ на Хаби-Шавданѣ, пользуясь, по-прежнему, всѣми удобствами лагерной зимней стоянки. Только заготовленіе въ большомъ количествѣ складныхъ лѣстницъ, отъ двухъ до трехъ саженъ длиною, а также фашинъ и туровъ,—распространяли говоръ по отряду, что предстоитъ скорое взятіе Мичика.

Наступило 27-ое февраля—день новаго торжества князя Барятинскаго, новаго униженія Шамиля, новаго окончательнаго разочарованія и бѣдствій чеченцевъ.

Съ вечера полковникъ Бакановъ получилъ приказаніе отъ князя выступить изъ Куринскаго съ десятью сотнями казаковъ, эскадрономъ драгунъ, двумя баталіонами куринцевъ и шестью орудіями, по старой просѣкѣ, съ такимъ разсчетомъ во времени, чтобы на разсвѣтѣ быть за Мичикомъ.

Чтобы сохранить это движеніе въ возможной тайнѣ и чтобы даже передвиженіе войскъ не могло породить какихъ-либо толковъ и преждевременныхъ предположеній,—25-го февраля, то есть, за день до перехода черезъ Мичикъ, было отправлено шесть ротъ куринцевъ, эскадронъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ и два орудія, какъ очередныя для мытья въ банѣ. Утромъ же, наканунѣ штурма, выступила изъ отряда колонна за провіантомъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ и двухъ сотенъ казаковъ. Донской же полкъ Бакланова и 4 конно-казачьихъ орудія и до того времени, большею частію, находились въ укрѣпленіи Куринскомъ и на посту Карасинскомъ.

Переходъ черезъ Мичикъ съ меньшею для насъ потерею и нанесеніе непріятелю, по-возможности, сильнаго пораженія—зависѣли, единственно, отъ скрытнаго и неожиданнаго появленія Бакланова за Мичикомъ. Если онъ будетъ открытъ до перехода черезъ эту рѣку, то орудійные выстрѣлы въ его колоннѣ будутъ служить сигналомъ къ движенію всего отряда за Мичикъ. Въ такомъ случаѣ, онъ будетъ служить отвлеченіемъ для штурмующихъ войскъ, подъ личнымъ предводительствомъ князя Барятинскаго.

Если же Бакланов, съ ввѣренными ему войсками, достигнетъ Мичика, незамѣченный непріятелемъ, то, начавъ переправу черезъ эту рѣку, онъ долженъ извѣстить объ этомъ черезъ особаго нарочнаго, посланнаго кратчайшимъ путемъ.

Успѣхъ обходнаго движенія Бакланова былъ желаемый. Онъ не былъ открытъ непріятелемъ по эту сторону Мичика. Этому способствовалъ, отчасти, небольшой туманъ, а главное, небрежность и безпечность караульныхъ чеченцевъ, которые спали и были захвачены живьемъ безъ выстрѣла.

Между тѣмъ, въ отрядѣ на Хаби-Шавданѣ, за исключеніемъ

одного баталіона и сотни казаковъ, оставляемыхъ въ лагерѣ, на разсвѣтѣ все было готово къ наступленію.

Артиллерійскія лошади запряжены, драгунскія осѣданы, три баталіона кабардинцевъ и эриванскій гренадерскій баталіонъ снабжены штурмовыми лѣстницами, фашинами, турами, лопатами и кирками. Эти четыре баталіона съ дивизіономъ горныхъ орудій назначались, собственно, для перехода черезъ Мичикъ, у того мѣста, гдѣ впадаетъ въ него Гонсолъ.

Десять орудій съ двумя баталіонами тенгинцевъ и эскадрономъ драгунъ должны были расположиться по Мичику, правѣе штурмующей колонны и немедленно открыть пальбу по аулу Гурдали, а также обстрѣливать все пространство до Мичика. Когда штурмующія войска переправятся черезъ Мичикъ, то артиллерія направляетъ свои выстрѣлы сообразно съ дѣйствіемъ этихъ войскъ, стараясь обстрѣливать все впереди ихъ находящееся пространство. Тенгинцы же должны немедленно приступить къ устройству переправы противъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ будутъ расположены. Съ нетерпѣніемъ ожидалось извѣстіе отъ Бакланова. Наконецъ, оно получено, и войска выступили изъ лагеря по диспозиціи.

Невполнѣ разсѣявшійся туманъ скрывалъ наше движеніе изъ лагеря, а слѣдовательно, способствовалъ успѣху. Артиллерія съ тенгинцами и драгунами двинулась къ Мичику прямо; штурмующая колонна влѣво, къ устью Гонсола. Князь Барятинскій со штабомъ находился при кабардинцахъ.

Загремѣли наши орудія вправо, начался спускъ и эскалада лѣваго берега Мичика кабардинцами.

Въ это время непріятель не оставался въ бездѣйствіи. Когда Баклановъ началъ переправляться черезъ Мичикъ, а мы выступать изъ лагеря, въ непріятельскомъ станѣ раздались два орудійныхъ выстрѣла, которые были сигналомъ къ общей тревогѣ. Непріятельская кавалерія начала собираться, между Гонсоломъ и Мичикомъ, противъ Бакланова, пѣхота—занимать Гонсолъ и Мичикъ. Орудія сначала были двинуты за кавалеріей; но, потомъ, по приказанію Шамиля, были отвезены назадъ, и оставались все время въ совершенномъ бездѣйствіи.

Бакланову легко было сладить съ непріятельской кавалеріей, потому что въ то время, когда она собралась въ значительномъ числѣ, переправа черезъ Мичикъ приходила къ концу. Произве-

денная имъ атака раздѣлила непріятеля на двѣ части, и тѣ, которые попали въ уголъ между Гонсоломъ и Мичикомъ, были или изрублены, или, большею частію, расшиблись, бросаясь съ крутого берега въ Гонсолъ.

Непріятельская пѣхота, поражаемая ядрами и гранатами изъ десяти орудій слѣва и картечью изъ четырехъ горныхъ орудій съ фронта, не выдержала и отступила къ Гурдали, и только сотня-другая чеченцевъ, засѣвшая за завалами, въ изгибахъ Мичика, поражала выстрѣлами кабардинцевъ, спускавшихся въ эту рѣку и эскаладировавшихъ лѣвый ея берегъ. Но и эти смѣльчаки обратились въ бѣгство, когда увидѣли пораженіе своей кавалеріи.

По окончаніи труднаго перехода черезъ Мичикъ кабардинцевъ и эриванцевъ и по соединеніи съ куринцами и казаками Бакланова, разъѣзжавшаго, на страхъ врагамъ, въ овчинномъ тулупѣ и мохнатой папахѣ,—произведено было наступленіе; но непріятеля уже не было ни въ Гурдали, ни въ лѣсу, находящемся позади этого аула.

Онъ собрался у подножія Черныхъ горъ, но, съ движеніемъ нашимъ туда, поспѣшилъ скрыться въ лѣсъ.

Хотя это было явнымъ доказательствомъ, какъ велики были его страхъ и пораженіе, однако, преслѣдовать его по лѣсистымъ горамъ было бы неблагоразумно и безцѣльно, тѣмъ болѣе, что у насъ было много дѣла на Мичикѣ. На этой рѣкѣ необходимо было устроить хорошія переправы, на что требовались не часы, а дни. Тѣмъ болѣе, князь не хотѣлъ ограничиться только уже начатыми тремя переѣздами, а устроить еще два—одинъ у бывшаго аула Мазлагаша, а другой на Гонсолѣ. Всѣ эти работы производились въ продолженіе двухъ недѣль и совершенно безпрепятственно со стороны непріятеля.

12-го марта, отрядъ оставилъ Хаби-Шавданъ и Мичикъ, и войска разошлись по своимъ штабъ-квартирамъ веселыми, довольными и съ самой незначительной потерей. Было только 4 убитыхъ, да 65 раненыхъ, въ томъ числѣ 18 человѣкъ было ранено при занятіи Мичика.

И такъ Шамиль, выражаясь по-персидски, еще разъ «наѣлся грязи», — выраженіе, которое такъ любилъ Хаджи-Баба,—и на этотъ разъ больно много.

Всѣ его надежды на удержаніе чеченцевъ рушились однимъ ударомъ въ нѣсколько часовъ, и если бы не восточная война, то положительно, можно сказать, что Чечня принесла бы намъ безусловную покорность, а съ нею и покореніе восточнаго Кавказа совершилось бы нѣсколькими годами ранѣе. Правда, можетъ быть, это покореніе не было бы столь славно. Можетъ быть, Шамиль не жилъ бы у насъ плѣнникомъ, потому что онъ, униженный не только въ глазахъ чеченцевъ, но терявшій свою власть и между жителями Дагестана, собирался оставить Ведень, и намѣревался пробраться тайкомъ въ Турцію.

Положительно было извѣстно, что въ Веденѣ заготовлялось много вьючныхъ лошадей, и что часть имущества, болѣе драгоцѣннаго, была отправлена въ Технуцалъ, вскорѣ послѣ возвращенія или, правильнѣе сказать, бѣгства Шамиля съ Мичика. Онъ поспѣшно уѣхалъ оттуда не столько изъ опасенія нашего преслѣдованія, сколько изъ боязни раздраженныхъ чеченцевъ.

IV.

Съ 1850 по 1853 годъ, въ продолженіе трехъ-лѣтняго пребыванія моего на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, кромѣ описанныхъ зимнихъ экспедицій, происходили непродолжительныя лѣтнія движенія и дѣйствія нашихъ войскъ. Они преимущественно состояли въ уничтоженіи засѣянныхъ непріятельскихъ полей и заготовленнаго сѣна, въ разореніи ауловъ и въ противодѣйствіи покушеніямъ непріятеля нападать на нашъ скотъ и жителей, занимавшихся полевыми работами. Такія покушенія въ особенности часто предпринимались чеченцами въ 1851 году.

Но описывать каждое изъ нихъ было бы безцѣльно и безполезно, тогда какъ очеркъ главныхъ покушеній непріятеля и противодѣйствій имъ съ нашей стороны, полагаю, будетъ не только не безъинтересенъ, но еще болѣе охарактеризуетъ образъ войны, веденный нами съ чеченцами. А потому здѣсь разскажу только: о движеніи въ 1851 году на герменчукскія и автурскія поля, о быстромъ сосредоточеніи и движеніи войскъ къ Назрану, въ іюнѣ 1852-го года, о пораженіи непріятеля въ октябрѣ того-же года на Сунжѣ и о истребленіи ханхальскихъ хуторовъ.

Наступательное движеніе на герменчукскія и автурскія поля,

находящіяся между Джалкой и Хулхулау, было предпринято княземъ Барятинскимъ въ ночь съ 27-го на 28-е іюня, единственно съ цѣлію уничтоженія огромныхъ посѣвовъ проса и кукурузы.

Движеніе это замѣчательно по быстротѣ сосредоточенія войскъ, а также скрытности и скорости исполненія, отчего, преимущественно, зависѣлъ успѣхъ каждаго предпріятія въ кавказской войнѣ. Неожиданное появленіе у предмета дѣйствія и быстрое отступленіе по достиженіи цѣли—вотъ чѣмъ долженъ былъ руководиться начальникъ въ подобнаго рода предпріятіяхъ; несоблюденіе же этихъ правилъ увеличивало безъ пользы наши потери.

Въ этомъ случаѣ и то и другое было соблюдено во всей точности, а потому цѣль движенія достигнута съ самой незначительной для насъ потерей. По цѣли своего назначенія, отрядъ, преимущественно, долженъ былъ состоять изъ кавалеріи, потому что она скорѣй могла уничтожить кукурузу и вытоптать просо. Поэтому предписано было—въ ночь 25-го іюня, командиру Гребенскаго полка, барону Розену, со всѣмъ полкомъ и двумя конными орудіями, къ вечеру 27-го числа прибыть въ Грозную, занявъ кордонъ льготными казаками и двумя сотнями Кизлярскаго полка. Отъ командира Моздокскаго полка были вытребованы къ тому же времени три сотни съ двумя же конными орудіями.

Въ полночь съ 27-го на 28-е іюня 1851 г., князь Барятинскій выступилъ изъ Грозной совершенно на-легкѣ, съ девятью сотнями и дивизіономъ конныхъ орудій, прибывшими съ Терской линіи, и двумя сотнями дунайскихъ казаковъ, шестью ротами и двумя орудіями, принадлежавшими къ составу гарнизона этой крѣпости.

Всѣ эти войска, по переходѣ черезъ Ханкале, направились къ той переправѣ черезъ Аргунъ, гдѣ въ зимнюю экспедицію былъ расположенъ лагеремъ чеченскій отрядъ.

Несмотря на огромную воду и сильное теченіе Аргуна, во время переправы черезъ который опрокинуто одно орудіе,—переходъ отряда черезъ эту рѣку совершился благополучно, и на разсвѣтѣ послѣдовало соединеніе, на Шалинской просѣкѣ, съ двумя баталіонами куринцевъ, четырьмя орудіями и тремя сотнями донскихъ казаковъ, прибывшихъ по предварительно-сдѣланному распоряженію изъ крѣпости Воздвиженской, подъ начальствомъ полковника Серебрякова.

Движеніе до Герменчука хотя совершалось по мѣстности зна-

комой, но она представлялась намъ теперь въ иномъ, болѣе прекрасномъ, живописномъ видѣ. Мы привыкли ее видѣть съ обнаженными, обледенѣлыми деревьями, съ полями и пастбищами, покрытыми толстымъ слоемъ снѣга. Теперь же она представлялась намъ зеленѣющимъ лѣсомъ, съ плодами на фруктовыхъ деревьяхъ, и полями, поросшими тучной, высокой и цвѣтистой травой. Съ переходомъ же черезъ Джалку и съ минованіемъ нашего укрѣпленія, выстроеннаго генераломъ Галоффѣевымъ въ 1840 году, когда онъ стоялъ здѣсь съ отрядомъ, вскорѣ послѣ возстанія чеченцевъ,—мы вступили въ огромное пространство высокой кукурузы и густаго зеленѣющагося проса.

Такъ какъ это пространство было предметомъ нашего дѣйствія, то кавалерія была послана впередъ для уничтоженія полей, а пѣхота съ артиллеріей расположились на удобныхъ мѣстахъ для прикрытія кавалеріи и къ противодѣйствію непріятелю, открывшему насъ при переправѣ черезъ Джалку и теперь съ поспѣшностію собиравшемуся изъ Автура и другихъ ближайшихъ ауловъ.

Когда кукуруза была порублена шашками казаковъ, а просо вытоптано ихъ лошадьми, то князь Барятинскій двинулся съ войсками вправо на мезеинскія поля. По уничтоженіи здѣсь, такимъ же порядкомъ, посѣянныхъ, въ огромномъ количествѣ, проса и кукурузы, отрядъ вышелъ на Аргунъ къ Атагинской переправѣ. Здѣсь переправилась только одна кавалерія, пѣхота-же съ артиллеріей, взятыя изъ Грозной, были направлены на Возвиженскій мостъ, единственно по той причинѣ, чтобы не подвергать ее безъ надобности случайнымъ опасностямъ, потому что и здѣсь, какъ и на утренней переправѣ, нужно было плыть нѣсколько саженъ.

Переправлять же пѣхоту на казачьихъ лошадяхъ, какъ это было сдѣлано утромъ, было бы грѣшно, да и опасно по утомленію лошадей, тѣмъ болѣе, что оставалось до Грозной не менѣе двадцати верстъ; тогда какъ ни одинъ изъ казаковъ, прибывшихъ съ Терека, не сдѣлалъ, въ продолженіе полутора сутокъ, менѣе восьмидесяти верстъ, а были и такія части, которыя въ 36 часовъ сдѣлали болѣе ста верстъ, напримѣръ, тѣ изъ гребенскихъ казаковъ, которымъ пришлось ѣхать изъ станицъ Шелковой и Новогладковской.

Это движеніе стоило намъ самой незначительной потери. У насъ было ранено только девять человѣкъ, несмотря на то, что непріятель, при переходѣ нашемъ съ автурскихъ на мезе-

инскія поля, собрался въ весьма большомъ числѣ и дрался съ отчаяніемъ,—тогда какъ чеченцы понесли несравненно бо́льшую потерю. Кромѣ раненыхъ, у нихъ были и убитые, потому что они неразъ попадали подъ нашу картечь.

Но они не отказались бы и отъ бо́льшихъ жертвъ, еслибы могли спасти свои поля, съ истребленіемъ которыхъ тысячи семействъ лишались пропитанія. Мѣра жестокая, но необходимая въ войнѣ съ горцами. Какъ бы жестоки мѣры ни были, но, если онѣ клонятся во вредъ непріятеля, должны, безъ колебанія, приводиться въ исполненіе:

Уничтоженіе хлѣбныхъ посѣвовъ заставляло чеченцевъ, скорѣе другихъ мѣръ, покоряться намъ, переселяясь въ наши предѣлы, причемъ имъ оказывалось пособіе и деньгами, и хлѣбомъ, отпускаемымъ изъ нашихъ провіантскихъ складовъ. Слѣдовательно, за жестокимъ наказаніемъ слѣдовала и милость для покорныхъ и покаявшихся; кромѣ того, съ истребленіемъ посѣвовъ и запасовъ сѣна, Шамиль лишался возможности имѣть въ сборѣ тавлинцевъ, призываемыхъ имъ зимою для защиты Чечни, что̀ оказалось и на самомъ дѣлѣ, потому что сборъ непріятеля въ зимнюю экспедидицію 1852-го года былъ замѣтно менѣе противъ предшествовавшихъ двухъ зимъ.

Въ началѣ іюня 1852-го года, Шамиль съ огромнымъ скопищемъ, простиравшимся до 5—6 тысячъ конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ и тавлинцевъ, пройдя скрытно по горамъ, вто́ргся въ Владикавказскій военный округъ.

Это вторженіе было предпринято имъ съ двоякою цѣлью: чтобы, во первыхъ, возстановить противъ насъ галашевцевъ, карабулакъ, ингушей и назрановцевъ, и, во вторыхъ, поднять себя во мнѣніи своихъ подвластныхъ, въ особенности же чеченцевъ, довѣріе которыхъ къ нему, послѣ блестящаго нашего движенія черезъ всю Большую Чечню, сильно было поколеблено.

Шамиль, будучи въ сношеніи съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ лицъ этихъ обществъ, былъ сильно увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія. Онъ питалъ себя надеждой не только о взятіи Нестеровскаго, Назрана и разграбленіи станицъ по Сунжѣ, но мечталъ о занятіи Джераховскаго укрѣпленія на Военно-грузинской дорогѣ, а можетъ быть, и самаго Владикавказа.

О сборѣ непріятеля и приготовленіяхъ Шамиля князь Барятинскій и баронъ Вревскій заблаговременно знали, но только неизвѣстно было, куда непріятель двинется. Шамиль могъ съ одинаковою быстротой и неожиданностію появиться на Кумыкской плоскости, у Стараго юрта, даже на Терекѣ и на Сунженской линіи, и даже возлѣ Назрана и Владикавказа. Хотя послѣдніе два пункта находились отъ Веденя далѣе прочихъ, но гористая и лѣсистая мѣстность способствовала движенію. Притомъ извѣстно было, кромѣ начальства, и другимъ, что Шамиль находится въ сношеніи съ назрановскими старшинами. А потому очень естественно было, если больше вниманія было обращено на Владикавказскій округъ, нежели на лѣвый флангъ.

Князь Барятинскій и баронъ Вревскій, жившіе между собою очень дружно, что̀ случалось въ то время между начальниками-сосѣдями очень рѣдко, положили помогать другъ другу, въ чемъ и нельзя было сомнѣваться по рыцарской честности обоихъ.

На лазутчиковъ нельзя было въ это время полагаться, но только не потому, что нельзя было имѣть вѣрныхъ лазутчиковъ, а оттого, что имъ неизвѣстны были намѣренія и предпріятія Шамиля. Горецъ вообще, а чеченецъ въ особенности, за хорошія деньги продастъ не только соотчича, но не пожалѣетъ брата и отца. Примѣровъ тому немало, несмотря на то, что Шамиль подвергалъ лазутчиковъ самымъ неистовымъ и ужаснымъ наказаніямъ. Не только сами лазутчики, уличаемые, подозрѣваемые въ сношеніяхъ съ русскими, наказывались смертію, но отвѣтчиками были ихъ родители и родственники, въ особенности, если они были достаточные люди. Тогда къ преступленію объ измѣнѣ примѣшивалась и корысть наибовъ и мюридовъ. Такъ въ Автурѣ былъ раздавленъ доскою, положенною на грудь, на концы которой насѣло по нѣсколько человѣкъ, братъ ушедшаго къ намъ лазутчика. Въ Герменчукѣ были выколоты глаза отцу за подозрѣніе сына въ сношеніяхъ съ русскими.

Лазутчикамъ невсегда можно было вѣрить, собственно потому, что они могли не знать намѣреній и предположеній Шамиля, который былъ остороженъ и скрытенъ въ военныхъ предпріятіяхъ, если не болѣе, то не менѣе самого князя Барятинскаго. А это было тѣмъ болѣе для насъ опасно, что онъ, находясь въ центральномъ положеніи, могъ дѣйствовать во всѣ стороны по

радіусамъ, тогда какъ мы могли противодѣйствовать ему по окружностямъ, часто слишкомъ удаленнымъ отъ центра.

Въ такихъ предпріятіяхъ Шамиля лазутчики могли быть полезны только съ того времени, когда непріятель, выступивъ съ мѣста сбора, находился въ движеніи къ предмету дѣйствія. Но и здѣсь надо было быть весьма осторожнымъ и свѣрять извѣстія одного лазутчика съ другимъ. Вѣдь Шамиль могъ двинуться по одному направленію и измѣнить его; могъ послать въ одну сторону слабѣйшую, а съ сильнѣйшей двинуться въ другую—однимъ словомъ, употреблять такія же хитрости противъ насъ, какія мы употребляли противъ него, т. е. платить тою же монетою.

А потому у князя Барятинскаго, кромѣ нѣсколькихъ партій лазутчиковъ, содержались такіе одиночные лазутчики, разумѣется за большую плату, которые, отдѣлясь скрытно изъ партіи во время самаго движенія, прискакивали лично къ князю въ Грозную, или передавали своимъ роднымъ и друзьямъ о направленіи, принятомъ Шамилемъ. Такимъ же образомъ получено было Александромъ Ивановичемъ свѣдѣніе 17-го іюня о движеніи Шамиля въ Владикавказскій округъ. Немедленно были посланы нарочные съ предписаніями по четыремъ различнымъ направленіямъ: въ Воздвиженское, къ князю Воронцову—о направленіи въ Грозную шести ротъ, двухъ сотенъ и четырехъ орудій; въ Хасавъ-юртъ, къ барону Николаи—о направленіи, въ Грозную же, черезъ Умаханъ-юртъ и Тепли-кичу,—двухъ баталіоновъ, трехъ сотенъ и четырехъ орудій, гдѣ и оставаться въ составѣ гарнизона впредь до приказанія; въ Червленную, къ барону Розену—о движеніи трехъ сотенъ прямымъ путемъ отъ Николаевской переправы на ст. Михайловскую; въ Науръ, командиру Модзокскаго полка—о направленіи трехъ сотенъ въ Михайловскую же.

При этомъ считаю необходимымъ добавить, что всѣ означенныя лица были предварены, что потребованныя отъ нихъ войска должны быть въ полной готовности и немедленно должны быть двинуты туда, куда будетъ указано по полученіи дополнительнаго предписанія. Пятый нарочный былъ посланъ къ барону Вревскому. Ему писано: «такъ какъ Шамиль положительно двинулся въ ввѣренный ему округъ,» то войска лѣваго фланга немедленно двигаются вверхъ по Сунжѣ и къ 4-му іюня соберутся возлѣ Назрана въ числѣ трехъ баталіоновъ, десяти орудій и десяти сотенъ каза-

ковъ, дальнѣйшее же дѣйствіе которыхъ будетъ зависѣть отъ движенія непріятеля. Черезъ двое сутокъ, если окажется нужнымъ, прибудутъ еще два баталіона съ четырьмя орудіями».

На разсвѣтѣ 2-го іюня 1852 г. князь Барятинскій выступилъ изъ Грозной съ шестью ротами, двумя сотнями и четырьмя орудіями, приказавъ и войскамъ, долженствующимъ прибыть того же числа вечеромъ изъ Воздвиженской, слѣдовать за нимъ. По прибытіи на ночлегъ въ ст. Михайловскую, тамъ уже были найдены шесть сотенъ Моздокскихъ и Гребенскихъ казаковъ. На разсвѣтѣ 3-го числа прибылъ туда же и эшелонъ изъ Воздвиженской.

4-го іюня, въ день, указанный въ отзывѣ къ барону Вревскому, князь Барятинскій, со всѣми означенными войсками, былъ расположенъ уже лагеремъ у Назрана.

Это укрѣпленіе, построенное въ тридцатыхъ годахъ, взамѣнъ находившагося по-близости Преграднаго Стана, имѣло цѣлію наблюдать за назрановцами и ингушами и обезпечивать сообщеніе съ Моздокомъ черезъ Малую Кабарду. Оно находилось въ 24-хъ верстахъ отъ Владикавказа и состояло изъ каменныхъ высокихъ стѣнъ, фланкируемыхъ башнями, и форштадта, обнесеннаго земляным валомъ, съ положенною на верхъ колючкою. На вооруженіи находилось до 12-ти разныхъ калибровъ орудій. Кавказскій линейный № 8-й баталіонъ составлялъ постоянный гарнизонъ этого укрѣпленія. Назранъ нѣсколько разъ подвергался серьезнымъ нападеніямъ Шамиля и его сподвижника Ахверды Магомы. Въ 1856-мъ же году это укрѣпленіе штурмовали сами возмутившіеся назрановцы, которые дорого поплатились за таковую дерзость.

Шамиль, въ тотъ день, когда войска лѣваго фланга имѣли ночлегъ въ Михайловской, прибылъ въ Галашки, и, узнавъ, что дорога въ Назранъ и до Владикавказа занята барономъ Вревскимъ, а по Сунжѣ двигается князь Барятинскій, направился черезъ Джерахъ на Военно-грузинскую дорогу. Но когда узналъ, что и тамъ сосредоточены два баталіона съ четырьмя орудіями, то ограничился тѣмъ, что, взявъ подать съ галашевцевъ и обязавъ ихъ клятвой въ вѣрности, въ злобѣ возвратился въ Ведень и распустилъ недовольныхъ тавлинцевъ, а въ особенности чеченцевъ, по домамъ. При этомъ онъ приказалъ чеченскимъ наибамъ, какъ можно чаще, безпокоить русскихъ на покосахъ, въ лѣсу, отгонять скотъ и нападать на жителей, занимающихся полевыми

работами. Разрѣшилъ даже, по праву имама, дѣлать такія же нападенія на мирныхъ чеченцевъ, не признающихъ его власти, а покоряющихся гяурамъ. Угрожалъ этимъ же и тѣмъ чеченцамъ, которые имѣютъ намѣреніе перейти къ русскимъ.

1-го октября 1852-го года было получено свѣдѣніе отъ надежныхъ лазутчиковъ о намѣреніи непріятеля угнать скотъ грозненскихъ жителей, и что по этому случаю наибъ Талгикъ, по предоставленному ему Шамилемъ праву, собираетъ огромную партію со всей Чечни. На другой день эти свѣдѣнія подтвердились. Однимъ же мазуномъ, т. е. пятисотеннымъ, бывшимъ тоже у насъ лазутчикомъ, утромъ 2-го октября, были доставлены вотъ какія подробныя распоряженія, сдѣланныя Талгикомъ по случаю этого нападенія:

Весь сборъ раздѣляется на три части. Небольшая партія, состоящая человѣкъ изъ ста лучшихъ наѣздниковъ, переправившись скрытно черезъ Сунжу у Алдовъ, что съ западной стороны Грозной, бросится на скотъ и, не обращая вниманія на прикрытіе, погонитъ его къ Нефтянкѣ и далѣе къ Чертугаевской переправѣ на Сунжѣ. Другая партія отъ 200 до 300 худоконныхъ покажется изъ Ханкале, собственно для отвлеченія, одновременно съ той партіей, которая бросится на скотъ со стороны Алдовъ. Она будетъ держаться отъ крѣпости внѣ пушечнаго выстрѣла. Главный же сборъ, состоящій изъ конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ, будетъ скрываться въ лѣсу, по обѣимъ сторонамъ Сунжи, на Чертугаевской переправѣ, что на половинномъ разстояніи между Грозной и Тепликичу, и будетъ дѣйствовать по обстоятельствамъ противъ грозненскаго гарнизона.

Изъ этого оказывается, какъ хороши были соображенія, руководившія Талгикомъ, и распоряженія, сдѣланныя имъ къ овладѣнію грозненскимъ скотомъ. Не имѣвши объ нихъ предварительныхъ свѣдѣній черезъ лазутчиковъ, легко было увлечься той партіей, которая должна была показаться изъ Ханкале, направить туда подвижной резервъ и большую часть гарнизона и тѣмъ безнаказанно отдать въ руки непріятеля весь скотъ, а слѣдовательно, предоставить ему полное торжество и раззореніе грозненскихъ жителей. Но князь Барятинскій, имѣя свѣдѣнія о покушеніи непріятеля на грозненскій скотъ и вполнѣ вѣря имъ,

потому что онъ имѣлъ эти свѣдѣнія отъ такого лазутчика, который неоднократно оправдывалъ его довѣріе, — потребовалъ отъ него извѣстія, хотя за часъ до нападенія на скотъ, о подтвержденіи всѣхъ сдѣланныхъ Талгикомъ распоряженій. Если же все исполнится такъ, какъ онъ извѣститъ, то за это получитъ 150 рублей.

Согласно со свѣдѣніями, доставленными лазутчикомъ-мазуномъ, были сдѣланы слѣдующія распоряженія.

Скотъ, по-прежнему, выгнанъ на пастьбу, но только немного по-позже, не такъ далеко отъ крѣпости, и подъ большимъ прикрытіемъ. Вмѣсто слабой роты и одного орудія, обыкновенно высылаемыхъ въ прикрытіе, назначено двѣ роты съ орудіемъ, да скрыта была въ ближайшей балкѣ сотня дунайскихъ казаковъ. Начальнику прикрытія приказано было расположиться съ ротами и орудіемъ на Алханъ-юртовской дорогѣ и наблюдать за Сунжей къ Алдамъ; скотъ держать по-близости этой дороги, не дозволяя ему далеко расходиться. При появленіи непріятеля, встрѣтить его огнемъ изъ орудія и пѣхоты, не оставляя своего мѣста; когда же онъ, прискакавъ въ то мѣсто, гдѣ будетъ находиться скотъ, начнетъ гнать его, то дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы не дозволить ему угнать скотъ по тому направленію, по которому онъ сдѣлалъ нападеніе, т. е. къ Алдамъ. Дунайцы должны были содѣйствовать въ этомъ пѣхотѣ, дѣйствуя противъ непріятеля холоднымъ оружіемъ.

Съ выгономъ скотины на пастьбу, всѣ остальныя затѣмъ войска грозненскаго гарнизона были въ полной готовности. Три роты куринцевъ съ однимъ орудіемъ предположено было направить, на перерѣзъ непріятелю, на Нефтянскую башню, къ Чертугаевской переправѣ. Сотня грозненскихъ казаковъ, сотня дунайцевъ, баталіонъ и два орудія, переправившись черезъ Сунжу, какъ можно поспѣшнѣе, тамъ, гдѣ будетъ удобнѣе, должны были спѣшить къ Чертугаевской переправѣ по правому берегу.

Въ третьемъ часу, когда у князя оканчивался обѣдъ, прискакавшій отъ мазуна, закутанный въ башлыкъ, но намъ знакомый чеченецъ далъ знать о скоромъ нападеніи на скотъ, и что Талгикъ не измѣнилъ сдѣланныхъ имъ распоряженій.

Все приготовилось по первому выстрѣлу къ движенію. Наконецъ, раздался сигнальный выстрѣлъ, съ батареи противъ Ханкале, по непріятелю, показавшемуся изъ этого ущелья. Вслѣдъ за

этимъ, послышались сигнальные выстрѣлы съ западной батареи и съ Нефтянской башни о появленіи непріятеля со стороны Алдовъ и на Чертугаевской переправѣ.

Князь Барятинскій, приказавъ мнѣ находиться при войскахъ, направляемыхъ, на перерѣзъ, на Нефтянскую башню, и дѣйствовать съ ними рѣшительно противъ непріятеля, переправившагося на эту сторону Сунжи,—самъ направился къ тѣмъ войскамъ, которыя должны были дѣйствовать по правому берегу, въ тылъ непріятелю.

Всѣ распоряженія были своевременны и совершенно согласовались съ дѣйствіями непріятеля, а потому успѣхъ былъ самый блестящій. Не воспользовавшись ничѣмъ, непріятель потерпѣлъ огромное пораженіе. Много убитыхъ было у него по эту сторону Сунжи, въ особенности на Чертугаевской переправѣ, гдѣ сильно пострадала, отъ картечнаго и ружейнаго огня, та партія, которая бросилась на скотъ со стороны Алдовъ и гнала его до Нефтянки.

Но окончательное пораженіе непріятелю было нанесено, на правомъ берегу Сунжи, тѣми войсками, которыми лично управлялъ князь Барятинскій. Кромѣ множества раненыхъ, въ числѣ которыхъ находился и самъ Талгикъ, до 300 тѣлъ осталось на мѣстѣ боя, погибшихъ отъ ядеръ, картечи, пуль, шашекъ и пикъ. Много лошадей, оружія и одежды было набрано казаками и мирными чеченцами грозненскихъ ауловъ. Намъ же это пораженіе стоило 4-хъ легко-раненыхъ, да нѣсколько убитыхъ и раненыхъ нашими ядрами и гранатами коровъ и быковъ.

12-го декабря 1852-го года были истреблены хутора, гнѣздившіеся въ глубокихъ и лѣсистыхъ балкахъ Ханкальскаго ущелья, а жители въ числѣ 480-ти душъ обоего пола, со скотомъ и имуществомъ, приведены плѣнными въ Грозную и поселены на жительство между чеченцами, живущими у этой крѣпости двумя аулами. Ханкальское ущелье, находящееся въ восьми верстахъ отъ Грозной, составляютъ двѣ горы, довольно высокія, продолговатыя и поросшія строевымъ лѣсомъ. Восточная гора образуетъ обрывистый лѣвый берегъ Аргуна, между аулами Бердыкель и Большой Чечень; западная же составляетъ своими отлогостями правый берегъ Гойты, впадающей въ Сунжу верстахъ въ трехъ выше Грозной. Ханкальское ущелье пріобрѣло историческую из-

вѣстность съ 1806 года, когда командующій войсками на Кавказской линіи генералъ Булгаковъ, желая проникнуть вглубь Чечни, встрѣтился тутъ съ главною массою чеченскаго населенія и, послѣ значительной потери, принужденъ былъ возвратиться обратно.

Въ Ханкале же, въ 1818 году, генералъ Ермоловъ имѣлъ кровавый бой съ огромнымъ сборищемъ чеченцевъ, перекопавшихъ дно ущелья глубокимъ рвомъ и засѣвшихъ за высокимъ валомъ. Но Алексѣй Петровичъ, овладѣвъ этимъ окопомъ и расположившись съ своей ставкой на курганѣ, называемомъ и по настоящее время Ермоловскимъ, не двинулся впередъ до тѣхъ поръ, пока не вырубилъ на ружейный выстрѣлъ дремучій лѣсъ и тѣмъ не сдѣлалъ свободнымъ проходъ въ Чечню на будущее время. Еще въ 1844 году, въ Ханкале раздавались непріятельскіе орудійные выстрѣлы по нашимъ транспортнымъ колоннамъ, перевозившимъ провіантъ и военные запасы изъ Грозной въ строившуюся въ томъ году крѣпость Воздвиженскую, и неразъ привозились десятки раненыхъ непріятельскими ядрами и осколками гранатъ. Но съ построеніемъ крѣпости Воздвиженской и послѣ молодецкихъ зимнихъ поисковъ, произведенныхъ, по разнымъ направленіямъ, оставленнымъ тамъ подвижнымъ резервомъ, а главное—послѣ прорубки Гойтинской и Гехинской просѣкъ—Ханкальское ущелье утратило свое прежнее значеніе, и въ немъ только по-временамъ раздавались выстрѣлы изъ засадъ по нашимъ войскамъ, посылаемымъ туда изъ Грозной за дровами и строевымъ лѣсомъ, для разныхъ построекъ.

Такія засады устраивали какъ сами жители хуторовъ, гнѣздившихся въ глубокихъ и лѣсистыхъ балкахъ, которыми въ особенности была изрыта часть восточной горы ущелья, обращенной къ Аргуну, такъ и собиравшіяся въ этихъ балкахъ и хуторахъ непріятельскія партіи. Укрывавшіяся здѣсь партіи чеченцевъ нападали также на грозненскихъ жителей, занимавшихся полевыми работами, и на выгоняемый на пастьбу ихъ скотъ. Такія нападенія чеченцы могли производить изъ Ханкальскаго ущелья, съ большимъ успѣхомъ, предпочтительно передъ другими мѣстами, потому что, кромѣ скрытаго и внезапнаго нападенія, они могли имѣть отъ жителей ханкальскихъ хуторовъ самыя положительныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ Грозной. Иногда случа-

лось, что перехватывались нарочные, посылаемые изъ Грозной въ Воздвиженскую и обратно.

Изъ этого очерка оказывается, что такое близкое сосѣдство ханкальскихъ хуторовъ было весьма вредно для Грозной, въ особенности въ то время, когда ея жители начали заниматься хлѣбопашествомъ въ большихъ размѣрахъ; а потому неудивительно, если князь Барятинскій обратилъ на нихъ свое вниманіе съ первыхъ дней вступленія въ управленіе лѣвымъ флангомъ. Если же истребленіе ханкальскихъ хуторовъ замедлилось въ исполненіи, то лѣтомъ, когда лѣсъ покрытъ листомъ, такого рода предпріятія, какъ сопряженныя съ большими потерями, княземъ безъ крайней надобности не предпринимались; зима же 1851—1852 годовъ сначала прошла въ приготовленіяхъ, а потомъ и въ совершеніи самой экспедиціи въ Большой Чечнѣ, продолжавшейся болѣе двухъ мѣсяцевъ. Притомъ князь охотнѣе совершалъ подобнаго рода предпріятія въ сильные морозы, потому что зналъ по опыту, что чеченцы во время сильныхъ морозовъ становились безпечнѣе и даже дрались съ меньшимъ мужествомъ и отвагой. Поэтому для истребленія ханкальскихъ хуторовъ была избрана половина декабря, когда морозы доходили до 15 градусовъ.

11-го декабря со срочной оказіей [1]) было послано предписаніе командующему войсками въ крѣпости Воздвиженской, полковнику Ляшенко, выступить ночью, съ 2 баталіонами, 2 сотнями казаковъ и 4 орудіями, къ Ханкале, и у входа въ ущелье, повернувъ колонну направо и пройдя версты полторы по направленію на аулъ Большой Чечень, остановить пѣхоту съ артиллеріей, а самому съ казаками прибыть часа за два до разсвѣта къ Ермоловскому кургану, для полученія личныхъ приказаній. Все это было исполнено полковникомъ Ляшенко въ точности, и когда онъ прибылъ къ кургану, то нашелъ тамъ князя съ шестью ротами, тремя сотнями и четырьмя орудіями.

---

[1]) Подъ оказіями вообще разумѣлись особыя колонны, съ которыми отправлялись проѣзжающіе, пересылалась корреспонденція, перевозился провіантъ и разные другіе предметы. Такія оказіи были срочныя, то есть назначаемыя въ извѣстные дни, и экстренныя—по мѣрѣ надобности; кромѣ того были оказіи сквозныя и встрѣчныя; послѣднія состояли въ томъ, что колонны выступали одновременно съ противуположныхъ пунктовъ и сходились на опредѣленныхъ мѣстахъ. Между Грозной и Воздвиженской такими пунктами соединенія колоннъ былъ Ермоловской курганъ. М. О.

Объяснивъ полковнику Ляшенко цѣль ночной экспедиціи, князь Барятинскій отдалъ ему слѣдующее приказаніе:

1) Одну роту куринцевъ съ двумя орудіями оставить на высотахъ, находящихся впереди того мѣста, гдѣ остановлена пѣхота, а другую расположить по-полувзводно между этими высотами и ауломъ Большой Чечень; въ нѣкоторомъ же разстояніи позади этой послѣдней роты расположить по-полусотенно казаковъ, съ тѣмъ, чтобы они производили между собою разъѣзды и перехватывали всѣхъ чеченцевъ, намѣревающихся спастись бѣгствомъ; и

2) съ прочими шестью ротами и двумя орудіями, двинувшись на Большой Чечень, занять обрывистый берегъ Аргуна и стараться войти въ связь съ полковникомъ Берсеневымъ, который съ пѣхотой и двумя горными орудіями, прибывшими изъ Грозной, долженъ охватить хутора со стороны этой крѣпости; казаки же съ двумя орудіями, занимая Ермоловскій курганъ, будутъ производить разъѣзды до высотъ, занятыхъ ротой куринцевъ.

«Надѣюсь, что ханкальцы не окажутъ большаго сопротивленія, когда узнаютъ отъ чеченцевъ, посланныхъ мною, что они окружены войсками со всѣхъ сторонъ.—Постарайтесь, Михаилъ Васильевичъ, исполнить возлагаемое на васъ порученіе до разсвѣта, и я ручаюсь за полный успѣхъ»—прибавилъ князь, протягивая Ляшенкѣ руку.

Первые выстрѣлы раздались со стороны, обращенной къ Грозной; это, какъ оказалось, были выстрѣлы сторожевыхъ чеченцевъ. Спустя же минутъ десять, послышалась сначала рѣдкая, а потомъ учащенная ружейная перестрѣлка; раздалось даже нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. Но пальба вскорѣ прекратилась, а вслѣдъ затѣмъ начали выходить по разнымъ направленіямъ къ нашимъ войскамъ женщины и дѣти.

Ханкальцы, узнавъ отъ посланныхъ къ нимъ чеченцевъ, что они окружены со всѣхъ сторонъ войсками, немедленно прекратили перестрѣлку и только просили о помилованіи. И они были помилованы. Имъ приказано было вывозить на арбахъ и выносить на себѣ по ближайшимъ дорогамъ свое имущество, потому что ихъ жилища будутъ преданы огню. Къ полудню собралось къ Ермоловскому кургану 480 душъ обоего пола, 82 арбы, нагруженныя имуществомъ, и до 250 овецъ и козъ. Конныхъ

было только четырнадцать хаҳкальцевъ. На арбахъ лежали два убитыхъ и сидѣло восемь раненыхъ.

И у насъ оказалось четыре раненыхъ куринца изъ колонны полковника Ляшенко—потеря ничтожная, въ сравненіи съ успѣхомъ предпріятія. А чему слѣдуетъ приписать такой успѣхъ, какъ не вѣрному плану, быстротѣ и непроницаемой тайнѣ, съ которой была совершена экспедиція? И званіе генералъ-адъютанта было вполнѣ заслуженной наградой князю Барятинскому.

Этимъ заключаю мой разсказъ вообще о лѣвомъ флангѣ и, въ особенности, о военныхъ дѣйствіяхъ и покушеніяхъ непріятеля, въ управленіе краемъ князя Барятинскаго, по причинѣ назначенія его, по окончаніи зимней экспедиціи на Мичикѣ, начальникомъ главнаго штаба. Онъ со славой и торжествомъ оставилъ Грозную, передавъ своему преемнику, генералъ-маіору барону Врангелю, состояніе дѣлъ на лѣвомъ флангѣ въ блестящемъ положеніи.

Повторяю еще разъ, что Чечня была сильно потрясена. Шамиль былъ униженъ многими нанесенными ему пораженіями. Чеченцы столько же боялись его, сколько и ненавидѣли, за тѣ несчастія и бѣдствія, отъ которыхъ онъ не въ силахъ былъ ихъ избавить, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотѣлъ и упустить ихъ изъ-подъ своей власти.

М. Я. Ольшевскій.

ДОНЪ И ДОНЦЫ

въ прежнее и нынѣшнее время

(изъ дорожныхъ записокъ кавказскаго офицера).

1877 г.

III [1]).

Донскіе атаманы съ 1680-го по 1879-й годъ.—Печатныя сказанія объ исторіи Дона и донскаго казачества.—Чернышевъ и Сухоруковъ.

Съ 1680 по 1709 г. на Дону были атаманами: Фролъ Минаевичъ Минаевъ. Самойло Лаврентьевъ, Иванъ Семеновъ, Илья Григорьевъ, Лукьянъ Максимовъ, Акимъ Филипьевъ, Кондратій Булавинъ, Илья Зерщиковъ.

Въ этотъ 28-ми-лѣтній періодъ времени, донцы вполнѣ показали себя вѣрными произнесенной ими присягѣ въ вѣрноподданствѣ россійскому государю: они усердно являлись всюду, куда указывала его воля, оставляли даже по его востребованіямъ самую месть туркамъ, татарамъ и калмыкамъ за разграбленіе ими донскихъ городковъ во время отсутствія казаковъ на царскую службу; а когда царь заключилъ съ Польшею миръ и дозволилъ донцамъ отомстить ихъ врагамъ, то эта месть донцовъ нѣсколько лѣтъ пламенѣла и на берегахъ Анатоліи, и въ Крыму, и на Кубани, и на Терекѣ. Этой мести положилъ конецъ 1700-й годъ—заключеніемъ 30-ти-лѣтняго мирнаго договора Россіи съ Турцею. Черезъ пять лѣтъ послѣ заключенія этого договора, донцы проявили высокій подвигъ неиз-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 709—730; томъ XXV, стр. 173—188.

мѣнной вѣрности государю: они не только не вняли «прилестнымъ письмамъ» возмутившихся астраханскихъ стрѣльцовъ, но схватили присланныхъ отъ нихъ возмутителей, заковали и представили въ Москву, а сами поспѣшили въ Царицынъ и Черный яръ на помощь русскимъ мѣстнымъ властямъ, за что Петръ I и удостоилъ войско Донское пожалованіемъ похвальной граматы, знамени и другихъ клейнодовъ.

Изъ названныхъ выше восьми атамановъ этого 28-ми-лѣтняго періода времени, Фролъ Минаевъ былъ замѣчательнѣйшимъ: въ теченіе сорока лѣтъ онъ занималъ высшія начальственныя мѣста въ средѣ донцовъ; твердость и благоразуміе его распоряженій снискали ему общую любовь и уваженіе казаковъ до того, что они повиновались ему безусловно; онъ заслужилъ и особенное, личное расположеніе къ себѣ Петра Великаго совѣтами при двукратныхъ осадахъ царскими войсками Азова; онъ вполнѣ понималъ и горячо сочувствовалъ просвѣщеннымъ стремленіямъ великаго монарха къ преобразованію Россіи; ему обязанъ Донъ началомъ своей гражданственности и умягченіемъ нравовъ; онъ первый на Дону допустилъ въ обществѣ присутствіе женщинъ; ему первому изъ донскихъ атамановъ правительство стало прибавлять къ имени и отчество—чему подалъ примѣръ самъ Петръ Великій, всегда, при пріемѣ Минаева, цѣловавшій его въ голову и сажавшій близъ себя.

Совершенно иную извѣстность въ донской исторіи получилъ другой, того же періода, атаманъ Кондратій Булавинъ: онъ, будучи станичнымъ атаманомъ Бахмутскаго городка, поднялъ бунтъ за отнятіе въ казну тамошнихъ солеварней; разослалъ возмутительное воззваніе во всѣ донскіе городки «стать за домъ Пресвятыя Богородицы, за истинную христіанскую вѣру и за святыя апостольскія церкви, дабы утвердить прежнія обыкновенія, какъ у дѣдовъ и отцовъ были»; собралъ вооруженную толпу въ 20 тыс. человѣкъ; разбилъ вышедшаго противъ него съ вѣрными казаками войсковаго атамана, Лукьяна Максимова; устремился потомъ на Черкаскъ; обманомъ овладѣлъ этимъ главнымъ городкомъ войска, захватилъ войсковаго атамана и казнилъ его, а одного изъ лучшихъ старшинъ, Ефрема Петрова, не побоявшагося укорять Булавина въ клятвопреступничествѣ и въ пагубѣ своей родины, мучительски удавилъ; причемъ предалъ смерти многихъ жителей Черкаска, а дома ихъ и имущества велѣлъ разграбить. Послѣ всѣхъ этихъ неистовствъ и звѣрствъ, убійцы провозгласили въ Черкаскѣ предводителя своего, Булавина, войсковымъ атаманомъ; но недолго торжествовалъ этотъ злодѣй: Петръ I, тотчасъ же по полученіи извѣстія о бунтѣ и злодѣйствахъ Булавина, послалъ про-

тивъ него до 20 тыс. человѣкъ регулярнаго войска[1]); противъ царскихъ войскъ выступили и шайки мятежниковъ, но потерпѣли пораженіе; а оставшіеся въ Черкаскѣ вѣрные казаки, избравъ войсковымъ атаманомъ Илью Зерщикова, окружили подъ его предводительствомъ домъ, въ которомъ находился Булавинъ со своими ближними, чтобы взять его живьемъ; но, когда злодѣй собственноручно убилъ нѣсколькихъ наступавшихъ на него казаковъ, то были подвезены пушки, и начали громить домъ ядрами. Тогда Булавинъ, потерявъ надежду на побѣгъ, убилъ самъ себя изъ пистолета.

Съ 1709 по 1713 годъ. Изъ историческихъ актовъ неизвѣстно—кто былъ избираемъ въ эти года въ атаманы.

Съ 1713 по 1715 годъ. Петръ Рамазановъ.

Въ 1715-мъ году. Максимъ Кумшацкій.

Въ 1716-мъ году. Максимъ Фроловъ.

Съ 1716 по 1723 годъ. Василій Фроловичъ Фроловъ.

Съ 1723 по 1735 годъ. Андрей Ивановичъ Лопатинъ.

Съ 1735 по 1738 годъ. Иванъ Ивановичъ Фроловъ.

Василій Фроловъ, Андрей Лопатинъ и Иванъ Фроловъ были уже опредѣлены русскимъ правительствомъ «съ оставленіемъ на должности безъ перемѣны, до указу».

Покореніемъ Азова Петръ I перемѣнилъ все положеніе дѣлъ въ средѣ донскихъ казаковъ: съ этого времени прекращены ихъ морскіе наѣзды на владѣнія султана и крымскаго хана; съ этого времени всѣ распоряженія о военныхъ ихъ дѣйствіяхъ производятся уже не рѣшеніями «войсковаго круга», а отъ верховной власти; войско Донское посылаетъ своихъ казаковъ въ россійскую армію уже въ опредѣленномъ составѣ полковъ; во внутреннемъ управленіи донскаго края постепенно вводятся благоустройство и порядокъ, и самые нравы и обычаи донцовъ начинаютъ съ этого времени дѣлаться болѣе и болѣе гражданственными.

Въ теченіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ донскіе казаки участвовали въ рядахъ русскихъ войскъ: противъ шведовъ—въ 1708 и 1709 годахъ—подъ Лѣснымъ и Полтавой; въ 1711 и 1713 годахъ—противъ турокъ; въ 1717 г.—противъ кубанскаго султана, Бахты-Гирея; 1722—1727 гг.—противъ персіянъ; въ 1733 г.—противъ кубанцевъ и калмыковъ; въ 1734 г.—противъ поляковъ; 1735—1739 гг.—противъ крымцевъ, турокъ и ногайскихъ татаръ.

Изъ числа трехъ вышеназванныхъ атамановъ, Василій Фроло-

---

[1]) См. письма Петра I-го о булавинскомъ бунтѣ къ азовскому губернатору И. А. Толстому. «Русская Старина», изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 144—150.

вичъ Фроловъ, — сынъ знаменитаго сподвижника Петра Великаго, Фрола Минаевича, — отличался большими воинскими способностями, дававшими ему во многихъ походахъ самые счастливые успѣхи надъ непріятелемъ. Императоръ Петръ удостоивалъ его особыми милостями своими и, даже, пожаловалъ ему свой портретъ, украшенный алмазами.

Съ 1738 по 1753 годъ. Данило Ефремовичъ Ефремовъ.

Онъ первый былъ назначенъ войсковымъ атаманомъ высочайшею волею, и съ 1738 года, донынѣ, назначеніе въ эту должность совершается уже императорскою властію. Онъ же первый изъ донскихъ старшинъ получилъ, при назначеніи его атаманомъ, чинъ генералъ-маіора, а въ послѣдствіи времени пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника.

Въ 15-ти-лѣтнее атаманство Дан. Ефр. Ефремова донскіе казаки жили мирною жизнью, не имѣя никакихъ военныхъ тревогъ, кромѣ участія только нѣсколькихъ своихъ полковъ въ войнѣ со Швеціею и кромѣ высылки мелкихъ своихъ отрядовъ на защиту собственныхъ жилищъ отъ хищничества сосѣднихъ народовъ.

Будучи еще старшиною, Данило Ефремовичъ пріобрѣлъ глубокое уваженіе своихъ соотечественниковъ умомъ и отважностію на войнѣ. По его умѣнью, и калмыцкій ханъ, Дондукъ-Омбо, ушедшій было кочевать за Кубань, возвратился въ предѣлы Россіи и принялъ русское подданство со всѣмъ своимъ народомъ.

Съ 1753 по 1772 годъ. Степанъ Даниловичъ Ефремовъ.

Во время его атаманства 16 тыс. донцовъ участвовали въ Семилѣтней войнѣ и, подъ командою своего знаменитаго походнаго атамана, Краснощокова, отличались въ битвахъ — при Егерсдорфѣ, Цорндорфѣ и при взятіи Берлина. Потомъ 21 тыс. донцовъ подвизались въ Польшѣ — противъ конфедератовъ, а также въ Крыму — при покореніи его Россіи, за Днѣстромъ — противъ турокъ, и на Кубани — противъ черкесовъ.

Въ 1772 и 1773 годахъ. Василій Акимовичъ Машлыкинъ.

Въ 1773 и 1774 годахъ. Семенъ Никитичъ Сулинъ.

Въ эти три года атаманства Машлыкина и Сулина, донцы продолжали находиться при арміяхъ нашихъ противъ турокъ; на Дону же не было никакихъ особыхъ событій; но въ 1774 году все населеніе Дона было поражено извѣстіемъ о злодѣйствахъ одного изъ соотечественниковъ своихъ, Пугачева, принявшаго имя умершаго императора Петра III и увлекшаго обѣщаніями освобожденія отъ крестьянства и отъ всякихъ податей массы простаго народа къ возстанію противъ правительства и къ неистовствамъ противъ властей и помѣщиковъ. Нѣсколько полковъ донцовъ направлены были тогда

противъ этого злодѣя и дѣятельно участвовали въ истребленіи его шаекъ и въ захватѣ самого Пугачева.

Съ 1775 по 1797 годъ. Генералъ отъ кавалеріи, Алексѣй Ивановичъ Иловайскій.

Въ этотъ 22-хъ-лѣтній періодъ въ войскѣ Донскомъ послѣдовало много улучшеній къ его пользѣ. Такъ: 1) въ войскѣ учреждено гражданское правительство, сообразное съ общимъ гражданскимъ управленіемъ во всей имперіи, и самое военное устройство этого войска улучшено; причемъ донскіе старшины, избиравшіеся «войсковымъ кругомъ» только на походное время, но не имѣвшіе внѣ этого времени никакихъ чиновъ, получили соотвѣтственные ихъ выборному званію чины: командовавшіе въ походѣ полками—объявлены въ штаб-офицерскихъ чинахъ, а есаулы и сотники—признаны обер-офицерами; 2) высочайше повелѣно выбрать изъ именитыхъ людей Дона 65 казаковъ, для службы при дворѣ императрицы; 3) войсковому атаману позволено имѣть при себѣ одинъ полкъ, которому именоваться «Атаманскимъ»; 4) значительно увеличено отъ казны жалованье войску Донскому, деньгами и хлѣбомъ.

Въ этотъ же періодъ, донскіе казаки доблестно участвовали въ пораженіи Суворовымъ бѣжавшихъ за Кубань ногайскихъ татаръ; потомъ, въ войну съ турками—въ покореніи Очакова, въ Рымникской побѣдѣ, въ штурмѣ Измаила и въ пораженіи румелійскаго сераскира, подъ Мачиномъ. По окончаніи войны съ Турціею, донцы, подъ предводительствомъ Суворова, направлены въ Польшу, для наказанія революціонеровъ за злодѣйское избіеніе русскаго гарнизона въ Варшавѣ. Во всю эту кампанію донцы неутомимо подвизались во всѣхъ битвахъ нашихъ войскъ съ войсками польскими, взяли въ плѣнъ Костюшку и принимали участіе въ знаменитомъ штурмѣ Праги.

Въ атаманство Иловайскаго, донцы оказали еще одну важную услугу государству: въ 1793 году, они, по повелѣнію императрицы, выслали изъ своей среды три тысячи казачьихъ семействъ на Кубанскую линію, для заселенія ея надежнымъ воинственнымъ племенемъ отъ вторженія въ наши предѣлы горскихъ закубанскихъ народовъ [1]).

Съ 1797 по 1801 годъ. Генералъ отъ кавалеріи, Василій Петровичъ Орловъ.

Въ атаманство Орлова, всѣ чины войска Донскаго сравнены съ чинами арміи; такимъ образомъ исчезло существовавшее до того времени на Дону равенство лицъ, несмотря на заслуги и достоинства.

---

[1]) См. интересныя Записки Ивана Мигрона объ этомъ переселеніи изъ донскихъ казаковъ. «Русская Старина», изд. 1879 г., томъ XXIII, стр. 1—32.

Въ это же атаманство, донцы, подъ начальствомъ походнаго атамана Денисова, совершили съ Суворовымъ славную кампанію противъ французовъ, въ Италіи и Швейцаріи, и, подъ начальствомъ самого войсковаго атамана Орлова, предпринимали поголовный, всего своего войска, походъ въ Индію; но, вскорѣ послѣ переправы чрезъ Волгу, были возвращены въ дома свои.

Съ 1801 по 1818 годъ. Генералъ отъ кавалеріи, графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

Атаманство Платова составляетъ блистательную страницу въ военной исторіи войска Донскаго: донскіе полки участвовали во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Россіею въ періодъ 1805—1815 гг.—съ турками, французами и со всѣми разнонародными полчищами Наполеона I. Во всѣхъ этихъ войнахъ донцы заслужили удивленіе Европы по всей предпріимчивости, безстрашію и успѣхамъ надъ непріятелемъ. Въ отечественную войну 1812 г., на одномъ пути преслѣдованія французовъ отъ Малоярославца до Ковно, донцы, бывшіе, подъ личнымъ только начальствомъ самого атамана Платова, взяли 13 знаменъ, болѣе 500 пушекъ, несмѣтные обозы, и полонили 50 тысячъ непріятельскихъ войскъ. Конечно, при такой отважности, и сами донскіе казаки не могли не потерпѣть сильнаго урона: изъ 40 тысячъ донцовъ, воевавшихъ противъ Наполеона въ 1812, 1813 и 1814 гг., возвратилось на родину только 12 тыс. человѣкъ. Императоръ Александръ I, въ похвальной граматѣ своей войску Донскому за упомянутый трехлѣтній періодъ, назвалъ донцовъ «недремлющимъ окомъ арміи». Даже Наполеонъ, пылавшій гнѣвомъ на этихъ неутомимыхъ губителей его полчищъ, не могъ не отдать имъ должной справедливости, сказавши, что «онъ не знаетъ лучшихъ легкихъ войскъ, какъ казаки».

Съ 1818 по 1821 годъ. Генералъ-лейтенантъ, Андріянъ Карповичъ Денисовъ. Сподвижникъ Суворова въ Италіи, котораго знаменитый полководецъ нашъ называлъ «ты, Карповичъ, чудо-богатырь»,—въ годину нашествія Наполеона I, оставался на Дону, вмѣсто Платова, войсковымъ наказнымъ атаманомъ; дѣятельно готовилъ тамъ новые донскіе полки на помощь Платову и выслалъ въ Тарутинскій лагерь еще 26 полковъ съ 8-ю орудіями донской конной артиллеріи. Въ однихъ и тѣхъ же рядахъ этихъ 26 полковъ были и убѣленные сѣдиною дѣды, и юные внуки ихъ Назначенный послѣ смерти гр. Платова войсковымъ атаманомъ, Денисовъ дѣятельно занялся устройствомъ благосостоянія своихъ соотечественниковъ, и, разумно сознавъ многіе недостатки въ существовавшихъ тогда законоположеніяхъ о Донскомъ войскѣ, вредно отзывавшіеся на домашнемъ бытѣ казаковъ,

откровенно высказалъ передъ верховнымъ правительствомъ необходимость начертанія для Дона болѣе точныхъ и сообразныхъ съ современными потребностями края законовъ, дабы прекратить всякій произволъ мѣстныхъ властей. Вслѣдствіе этого представленія, высочайше повелѣно составить на Дону особый комитетъ для проектированія новаго положенія о войскѣ Донскомъ; но затронутые интересы многихъ вліятельныхъ лицъ края создали Денисову враговъ; ихъ интриги, соединясь съ самолюбіемъ и своенравіемъ присланнаго въ комитетъ членомъ, генерала Чернышева, очернили Денисова предъ императоромъ, и Денисовъ внезапно отрѣшенъ отъ должности, въ 1821 году.

Съ 1821 по 1827 годъ. Генералъ-лейтенантъ, Алексѣй Васильевичъ Иловайскій.

Одинъ изъ героевъ 1812 года, Алексѣй Васильевичъ Иловайскій, назначенный послѣ Андріяна Карповича Денисова войсковымъ атаманомъ, подвергся той же участи, какъ и предшественникъ его: тѣ же интриги мѣстныхъ вліятельныхъ лицъ и то же самолюбіе сильнаго человѣка, Чернышева, создали и его паденіе: онъ былъ обвиненъ въ превышеніи власти, въ допущеніи злоупотребленій по управленію краемъ, и преданъ суду.

Такъ, оба эти атамана, Денисовъ и Иловайскій, умерли въ забытьи, обвиненные, но не обличенные въ справедливости обвиненія и не оправданные отъ него.

Съ 1827 по 1836 годъ: Генералъ отъ кавалеріи, Дмитрій Ефимовичъ Кутейниковъ.

Кутейниковъ извѣстенъ былъ какъ храбрый офицеръ въ войнѣ съ турками, веденной при Суворовѣ, а потомъ какъ предпріимчивый генералъ съ донскими полками въ отечественную войну, и обязанъ своимъ назначеніемъ въ должность войсковаго атамана знакомству своему съ Чернышевымъ въ 1812 году; но администрація, вообще, для него была чужда, и потому его атаманство прошло, для внутренней жизни донскаго края, безцвѣтно и, даже, съ нѣкоторыми попытками на возвращеніе къ прежнимъ, устарѣвшимъ нравамъ и обычаямъ. Однакожъ, въ періодъ атаманства Кутейникова, донцы съ честію и отличіемъ подвизались противъ персіянъ, турокъ и въ усмиреніи польскаго мятежа 1831 года. Въ этотъ же періодъ совершились и два важныя событія: всемилостивѣйшее назначеніе (въ 1827 году) атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ Государя Наслѣдника Цесаревича, и дарованіе войску Донскому (въ 1835 году) новаго—составленнаго по почину атамана Денисова—закона: «Положеніе объ управленіи войска Донскаго».

Со времени назначенія атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ Госу-

даря Наслѣдника Цесаревича, войсковымъ атаманамъ этихъ войскъ присвоено названіе—войсковыхъ наказныхъ атамановъ.

Съ 1836 по 1848 годъ. Генералъ отъ кавалеріи Максимъ Григорьевичъ Власовъ.

Приводя въ исполненіе (чрезъ двухъ, нарочито посланныхъ сенаторовъ) новое «Положеніе» для войска Донскаго, верховное правительство сознало необходимость имѣть для этого важнаго дѣла болѣе дѣятельнаго атамана, и потому, вмѣсто Кутейникова, назначенъ Власовъ. Замѣчательный воинъ въ отечественную войну, на Кубани и въ усмиреніи польскаго мятежа 1831 года, а также надежный администраторъ по проявленному уже имъ опыту управленія Донскимъ войскомъ въ 1830 году, во время болѣзни Кутейникова, въ то время, когда почти весь донской край какъ пожаромъ охватила страшная тогда по своей новости и еще неразгаданности—холера, Власовъ неутомимо занялся устройствомъ Дона по новому закону, и вполнѣ достигъ желаемыхъ результатовъ: въ 12-ти-лѣтнее его атаманство посѣянныя имъ плодотворныя сѣмена успѣли уже видимо взойти на всѣхъ отрасляхъ умственной, экономической и общественной жизни донскихъ казаковъ, но внезапная смерть, отъ холеры, пресѣкла, въ 1848 году, жизнь маститаго начальника края среди поѣздки его на осмотръ 2-хъ гвардейскихъ и 16-ти армейскихъ донскихъ полковъ, командировавшихся въ Австрію, на усмиреніе венгерскаго возстанія.

Въ періодъ атаманства Власова войско Донское посѣтили, въ 1837 году, императоръ Николай I и Наслѣдникъ Цесаревичъ—нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, причемъ, императоръ Николай Павловичъ, въ «войсковомъ кругу», подъ сѣнію жалованныхъ войску Донскому знаменъ и въ присутствіи всѣхъ чиновъ войска, вручилъ Августѣйшему Атаману «перначъ»—знакъ атаманской власти.

Нельзя также не упомянуть и о томъ, что, принятыми благоразумными мѣрами, Власову удалось, въ 1845 году, спокойно и успѣшно исполнить высочайшую волю императора Николая Павловича о высылкѣ съ Дона тысячи казачьихъ семействъ, для заселенія Сунженской линіи, на Кавказѣ—что возбуждало большія опасенія при извѣстной, патріархальной привязанности донцовъ къ своей родинѣ.

Съ 1848 по 1862-й годъ. Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ.

Онъ первый атаманъ изъ лицъ не-донскаго происхожденія. Въ его атаманствованіе войско Донское жило мирною жизнію и, не имѣя никакихъ военныхъ командировокъ, кромѣ очередной службы, на Кавказѣ, въ Польшѣ, въ Петербургѣ и въ Финляндіи, спокойно развивало свой домашній бытъ. Во время атаманства Хомутова устроены: дво-

рецъ августѣйшаго атамана въ Новочеркаскѣ; желѣзная дорога отъ Грушевскихъ каменноугольныхъ копей до станицы Аксайской; новочеркаскій водопроводъ и городской общественный садъ, а также станціонные дома на главномъ почтовомъ пути края, и окончена каменная дамба между Аксайскою и Ольгинскою станицами.

Это же атаманство Хомутова имѣло громадное вліяніе на развитіе въ войскѣ Донскомъ общественной жизни.

Съ 1862 по 1866 годъ. Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, графъ Павелъ Христофоровичъ Граббе.

Въ атаманство этого маститаго воина, съ Дона было командировано, въ 1863 году, нѣсколько полковъ, для усмиренія новаго возстанія въ Польшѣ, и войско Донское удостоено, въ 1864 году, посѣщеніемъ его императорскаго высочества, покойнаго Цесаревича, Николая Александровича.

Съ 1866 по 1868 годъ. Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, Александръ Львовичъ Потаповъ.

Потаповъ все двухлѣтіе своего атаманства посвятилъ неутомимымъ трудамъ на улучшеніе администраціи края.

Съ 1868 по 1874 годъ. Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, Михаилъ Ивановичъ Чертковъ.

Въ этотъ шестилѣтній періодъ, чрезъ войско Донское проложены три рельсовые пути: воронежско-ростовскій, грязе-царицынскій и харьковско-азовскій; а также открыты на Дону судебныя, мировыя и нотаріальныя учрежденія. Все это благодѣтельно повліяло на весь бытъ донскаго края.

Въ атаманство Черткова войско Донское удостоено было посѣщенія, въ 1868 году, августѣйшаго атамана, государя Наслѣдника Цесаревича, Александра Александровича, и супруги его, государыни Цесаревны, Маріи Ѳеодоровны; а въ 1870 году состоялось знаменательное для донскаго края торжество празднованія трехсотлѣтняго юбилея существованія войска Донскаго. Торжество это осчастливлено также присутствіемъ на немъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны. Къ юбилейному торжеству пожаловано войску знамя, и объявлена монаршая милость всѣмъ безпомѣстнымъ донскимъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ о дарованіи имъ въ вѣчную собственность бывшихъ дотолѣ срочныхъ земельныхъ участковъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ 1871 году, войско Донское было удостоено и посѣщеніемъ его самимъ Государемъ Императоромъ.

Съ 1874 года—донынѣ—состоитъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, Николай Александровичъ Краснокутскій.

Первое печатное сказаніе о донцахъ составилъ въ прошломъ столѣтіи нѣкто г. Ригельманъ; но оно носитъ характеръ частныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ изустныхъ разсказовъ донскихъ старожиловъ. Второе печатное изданіе о донцахъ — есть «Исторія донскихъ казаковъ», составленная въ первой четверти нынѣшняго столѣтія уроженцемъ Дона, А. Г. Поповымъ; но эта «исторія» скорѣе должна носить названіе «басни» со стороны исторической критики. Третье печатное извѣстіе о донцахъ издано въ 1834 году, Г. Влад. Броневскимъ, также подъ названіемъ «Исторія Донскаго войска». Это, третье печатное изданіе о донцахъ заслуживаетъ бо́льшаго уваженія по собраннымъ авторомъ болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о происхожденіи донцовъ и объ ихъ воинской дѣятельности съ начала появленія ихъ на берегахъ Дона до нашихъ временъ; но и «исторія» Г. Броневскаго имѣетъ много историческихъ неточностей. За нѣсколько лѣтъ предъ появленіемъ «исторіи» Броневскаго, донской казакъ, В. Д. Сухоруковъ, помѣстилъ, въ одномъ изъ тогдашнихъ сборниковъ, именно въ «Русской Старинѣ», изд. 1824 г., весьма интересную по полнотѣ, правдивости и живости разсказа статью о нравахъ и обычаяхъ донскихъ казаковъ. Этотъ же образованный донецъ имѣлъ возможность представить правительству о необходимости составить вѣрную исторію о своихъ соотчичахъ; правительство вняло этому представленію и разослало нѣсколько способныхъ донскихъ офицеровъ въ различные отечественные архивы собрать все, что́ найдется въ нихъ о донцахъ. Розысканія увѣнчаны полнымъ успѣхомъ, и даровитому перу Сухорукова было поручено — составить, на основаніи розысканныхъ историческихъ актовъ, такъ долго желаемую точную исторію Донскаго войска. Трудъ Сухорукова быстро подвигался и являлъ уже несомнѣнныя доказательства блестящаго исполненія, какъ вдругъ, неожиданно, вся работа по этому труду, въ 1827 году, остановилась: главный ея распорядитель и самъ талантливѣйшій дѣятель, Сухоруковъ, по особому распоряженію высшаго начальства, командированъ на службу въ отдѣльный кавказскій корпусъ. Такъ дѣло составленія «точной» исторіи войска Донскаго и осталось брошеннымъ на долгое время. Самые историческіе акты, собранные въ архивахъ, переданы въ донской статистическій комитетъ, и онъ, въ 1869 и 1872 годахъ, издалъ 1-й и 2-й томы «Историческаго описанія земли войска Донскаго» (отъ появленія казаковъ на берегахъ Дона въ 1549 г. до 1708 года).

О Сухоруковѣ въ Новочеркаскѣ разсказывали мнѣ, что этотъ талантливый человѣкъ былъ вполнѣ оцѣненъ ген.-ад. Чернышевымъ, въ бытность его на Дону предсѣдателемъ «комитета объ устрой-

ствѣ Донскаго войска»; но, когда, впослѣдствіи, Чернышевъ, уже управляющій военнымъ министерствомъ, открылъ, что Сухоруковъ писалъ атаману Иловайскому протесты противъ нѣкоторыхъ не соотвѣтствовавшихъ пользамъ казачьяго быта пунктовъ, проектированныхъ означеннымъ комитетомъ законоположеній,—то Чернышевъ изобрѣлъ политическое обвиненіе своему бывшему любимцу, и, вслѣдствіе того, Сухоруковъ былъ посланъ въ кавк. отд. корпусъ, на службу въ донскихъ полкахъ. Чрезъ два года потомъ, Чернышевъ получилъ извѣстіе, что Сухоруковъ, оказавшій военные подвиги противъ персіянъ и турокъ, награжденъ главнокомандующимъ, гр. Паскевичемъ-Эриванскимъ,—чиномъ и двумя орденами; это извѣстіе до того взбѣсило мстительнаго Чернышева, что онъ снова распорядился перевести Сухорукова съ Кавказа въ Донской полкъ, служащій въ Финляндіи; а когда Сухоруковъ и тутъ заслужилъ особое вниманіе тогдашняго командующаго войсками въ Финляндіи, генерала Теслева, то Чернышевъ, въ 1833 году, выслалъ Сухорукова изъ Финляндіи снова на Кавказъ. Чрезъ два года по возвращеніи въ новомъ полку съ Кавказа на родину, въ 1838 году, Сухоруковъ умеръ, измученный нравственными страданіями.

IV.

Прошлое Дона.—Атаманъ графъ Платовъ.—Древній Черкаскъ—нынѣ станица Старочеркаская—и ея историческія достопримѣчательности.

«Нынѣшніе войсковые атаманы наши, да и всѣ нынѣшніе порядки у насъ—далеко уже не то, что было въ прежнія времена»,—говорилъ мнѣ одинъ старикъ-казакъ. «Теперь атаманъ войсковой не можетъ и рубля издержать изъ войсковыхъ капиталовъ безъ журнальнаго опредѣленія областнаго правленія; не можетъ приказать и высѣчь какого-нибудь дряннаго казачишку безъ суда надъ нимъ, или безъ приговора станичнаго сбора; а въ прежнія времена все было нипочемъ для такого важнаго лица, какъ войсковой атаманъ: сказалъ кто-нибудь передъ нимъ не такъ, какъ должно—«сѣки его!»; показался ему чей-либо отвѣтъ грубымъ—«въ Грузію его на двѣ перемѣны!». А вошло атаману въ голову дать какой-нибудь праздникъ, или рысталище—«взять изъ войсковыхъ суммъ сколько нужно!». Вотъ какъ было прежде! Войсковые атаманы тогда распоряжались общественными войсковыми капиталами, какъ собственными деньгами, да и отчетовъ никакихъ и никому не отдавали. Отъ Платова министры два года требовали отчетовъ обо всемъ войскѣ, а онъ упорно молчалъ,

да еще обижался—«зачѣмъ требуютъ отчетъ? Что же это,—не вѣрятъ мнѣ—что ли?».—А каковы были рѣшительность и произволъ тогдашихъ атамановъ въ распоряженіяхъ по войску!... Разскажу вамъ, для примѣра, хоть одинъ случай: въ 1814 году, послѣ взятія Парижа, графъ. Платовъ послалъ изъ этого города, съ радостнымъ извѣстіемъ о взятіи его, курьеромъ въ Новочеркаскъ, Атаманскаго полка офицера П. Молодой человѣкъ, отдавши наказному атаману Денисову привезенныя имъ депеши, вздумалъ пощеголять въ родномъ своемъ городѣ по-парижски: надѣлъ фракъ, круглую шляпу, взялъ въ руку тросточку, наставилъ на глаза лорнетку, и отправился такимъ франтомъ въ знакомые дома, съ визитомъ. Недолго довелось ему, однакожъ, показывать на Дону парижскія моды! Въ то время Платовъ, для скорѣйшаго сообщенія съ Дономъ, велѣлъ разставить отъ самаго Парижа до Новочеркаска пикеты, по нѣскольку конныхъ казаковъ на каждомъ.... и вотъ, чрезъ эти пикеты, получаетъ войсковая канцелярія предписаніе знаменитаго своего атамана: «дошло-де до его свѣдѣнія, что Атаманскаго полка офицеръ П., прибывши изъ Парижа курьеромъ на Донъ, помѣшался въ умѣ и—является въ новочеркаскіе дома и ходитъ по улицамъ города въ какомъ-то странномъ, неприличномъ для донскаго казака, одѣяніи; а потому предлагаю—посадить этого офицера въ домъ умалишенныхъ». Что и исполнено.

«Просидѣлъ, бѣдняга, среди дѣйствительно помѣшанныхъ, что-то около года,—да послѣ того сталъ точно будто помѣшанный: заговаривается, самъ съ собою говоритъ вслухъ; идетъ по улицѣ, да оглядывается на всѣ стороны, и, испугавшись неизвѣстно чего, вдругъ побѣжитъ—словно уходитъ отъ кого, преслѣдующаго его. Такъ и скороталъ весь свой вѣкъ, несчастный! А изъ-за чего онъ пострадалъ такъ ужасно?—Изъ-за безвреднаго фанфаронства, обычнаго молодости; теперь бы, за этакую вину, посадили офицера на гауптвахту, на какія-нибудь сутки—и только!»

Изъ разсказовъ почтеннаго казака узналъ я также, что въ нынѣшнее время Донъ страдаетъ тяжелымъ недугомъ—болѣе и болѣе увеличивающимся обѣдненіемъ казачьяго населенія,—что обѣдненіе это есть слѣдствіе современнаго настроенія всѣхъ народовъ жить съ бо́льшими противу прежняго удобствами въ отношеніи жилищъ, стола и всей домашей обстановки,—что и донскіе казаки не избѣгли пучины этого всеувлекающаго потока времени. Прежде они довольствовались патріархальною обстановкою своего быта, а теперь такой бытъ уже не удовлетворяетъ ихъ.—и въ семейства простыхъ воиновъ стала прокрадываться роскошь въ одеждѣ, въ пищѣ и проч., и проч. А между тѣмъ у казака средства къ жизни

не только не увеличились, но еще уменьшились, съ уменьшеніемъ земель для коневодства, скотоводства и хлѣбопашества; цѣны же на всѣ жизненныя потребности все съ каждымъ годомъ увеличиваются, да къ этому еще надобно прибавить частые на Дону неурожаи, падежи скота. Изъ всего вышесказаннаго выходитъ тотъ результатъ, что прежде были только рѣдкіе случаи «неимущихъ» казаковъ, т. е. не могущихъ собственными средствами выдти на службу во всей воинской исправности, а теперь—въ числѣ вышедшихъ въ дѣйствующую противу турокъ армію 20 донскихъ полковъ второй очереди, едвали не половина людей сидитъ на лошадяхъ, купленныхъ на счетъ войсковыхъ или станичныхъ капиталовъ, а также вооруженныхъ и обмундированныхъ на тѣ же капиталы, хотя и съ обязательствомъ возврата этихъ денегъ впослѣдствіи; но эта уплата долга «въ послѣдствіи времени» ляжетъ тяжкимъ бременемъ на семейства должниковъ, и имъ неминуемо предстоятъ многолѣтнія страданія отъ крайней скудости даже въ потребностяхъ дневнаго существованія.

Въ бесѣдахъ съ казаками я услышалъ нѣсколько замѣчаній о томъ, что бы требовалось сдѣлать для пользъ государственныхъ въ самомъ служебномъ и домашнемъ быту донскихъ казаковъ. Напримѣръ: 1) разсуждая, что теперь правительству нашему, вѣроятно, придется помышлять о всяческомъ увеличеніи морскихъ силъ своихъ, мнѣ было сказано—«почему бы не формировать матросовъ на флотъ и изъ донскихъ казаковъ, тогда какъ казаки береговыхъ рыболовныхъ станицъ (Манычской, Старочеркаской, Аксайской, Александровской, Гниловской, Елисаветовской и Новониколаевской) слывутъ замѣчательными мореходцами; полвѣка тому назадъ изъ этихъ станицъ ходили казаки-мореплаватели, на собственныхъ торговыхъ судахъ, въ Константинополь, въ Ливорно и въ Марсель съ грузомъ пшеницы, не говоря уже о множествѣ историческихъ военныхъ наѣздовъ донцовъ, за двѣсти лѣтъ, въ ихъ ничтожныхъ челнахъ, на берега Анатоліи и подъ самыя стѣны Царьграда. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что воинственный и отважный духъ донцовъ, а также и ихъ извѣстная въ опасныхъ случаяхъ находчивость — показали бы блистательные результаты и на поприщѣ морской службы, тѣмъ болѣе, если наборъ матросовъ дѣлать у нихъ преимущественно изъ охотниковъ». 2) Такъ какъ донцы составляютъ исключительно войско конное, обязанное снаряжаться на государственную службу собственными, домашними средствами, и нести ее на пригодныхъ для всякихъ трудовъ лошадяхъ мѣстной породы, то слѣдовало бы принять болѣе дѣятельныя, болѣе дѣй-

ствительныя мѣры, не только къ сохраненію этой породы лошадей, но и къ увеличенію числительности ихъ въ донскомъ краѣ— о чемъ, еще въ 1837 году, покойный императоръ Николай Павловичъ отдалъ войсковому начальству настоятельное приказаніе, замѣтивъ, въ тогдашнее посѣщеніе свое донскаго края, признаки упадающаго тамъ коннозаводства, и при этомъ изволилъ произнести слѣдующія слова: «донскіе казаки — это центавры нынѣшнихъ временъ; если у нихъ не будетъ лошадей, то у насъ и казаковъ не будетъ!». «А между тѣмъ,—говорили мнѣ донцы—въ настоящее время, съ каждымъ годомъ, числительность лошадей донской породы все уменьшается, и хотя существуютъ законоположенія о содержаніи въ станицахъ плодовыхъ конныхъ табуновъ, но законоположенія эти крайне недостаточны, не вполнѣ практичны, да и исполненіе ихъ требуетъ далеко бо́льшаго, энергическаго надзора, иначе нельзя не опасаться, что дѣйствительно придетъ время, когда донцы не найдутъ у себя лошадей для казачьяго фронта, и такая катастрофа тяжело отзовется для нашихъ армій, «недремлющимъ окомъ» которыхъ во всѣ войны были неустающіе ни отъ какихъ движеній конные донскіе полки». 3) По мнѣнію многихъ донцовъ—слѣдовало бы войсковому начальству принять также какія-либо серьезныя и практическія мѣры для облегченія выходящимъ на службу казакамъ средствъ пріобрѣтенія мундирныхъ и амуничныхъ вещей не такъ дорого, какъ приходится имъ это теперь, вслѣдствіе корыстолюбивой алчности продавцевъ.

. . . . . .

Отъ Новочеркаска, до древняго Черкаска, 25 верстъ. Дорога туда идетъ сначала по лѣвому берегу р. Аксая, а потомъ чрезъ переѣзжаемыя въ бродъ рѣчки Каранчъ и Василёвъ, и входитъ въ улицы знаменитаго Черкаска у церкви Спаса Преображенія.

Въ старину, этотъ древній городъ Донскаго войска, былъ обширенъ, многолюденъ и, по тогдашнему, сильно укрѣпленъ. Въ немъ были удобныя на р. Дону пристани, и производилась значительная торговля. Онъ былъ окруженъ стѣной и десятью «раскатами» (бастіонами). На раскатахъ стояло сто пушекъ. Въ городъ вело — четверо воротъ большихъ и десять малыхъ. Теперь сохранились, съ одной стороны города, остатки каменной стѣны. Съ прочихъ сторонъ города стѣны были деревянныя, въ два забора, набитыя внутри землей, брусья которыхъ вверху заострены. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, со стороны рѣки Дона, былъ сверхъ того высокій, острый «тынъ» (палисадъ). Древній Черкаскъ вмѣщалъ въ себѣ одиннадцать ста-

ницъ, въ числѣ которыхъ одна была татарская. Дома въ городѣ были большею частію деревянные, построенные на сваяхъ и сдвинутые очень тѣсно одинъ къ другому, отчего городъ неразъ былъ опустошаемъ пожарами, отъ которыхъ и городская «пороховая казна» взлетала на воздухъ. Отъ одного подобнаго взрыва образовалось даже озеро, до сихъ поръ существующее. Еще больше, чѣмъ отъ огня, древній Черкаскъ терпѣлъ отъ воды: его низменная и прорѣзанная рукавами Дона (по здѣшнему названію «протоками») мѣстность подвергалась наводненію. Въ иные годы, весь городъ и всѣ его окрестности бывали залиты весеннею водою. Словомъ, древній Черкаскъ былъ настоящій городъ воиновъ, обрекшихъ себя на борьбу не только съ хищными сосѣдями, но и съ самими стихіями, среди своей мирной, домашней жизни. Однако-жъ, несмотря на случайныя невзгоды и отъ огня, и отъ воды, древній Черкаскъ былъ и весьма оживленнымъ средоточіемъ обширнаго края и его рынкомъ: его пристани всегда были покрыты судами, его площади кипѣли народомъ. Сюда сходились ногаи, калмыки и русскіе торговые люди изъ Воронежа, Бѣлгорода, Валуекъ, Ливенъ, Ельца, Оскола. Здѣсь пристававали турецкія и московскія посольства съ своими богатыми и многочисленными свитами. Здѣсь, наконецъ, сходились казаки съ Днѣпра, съ Терека, съ Яика. Пестрота одеждъ и боевыхъ доспѣховъ, появлявшихся на площадяхъ города, была неизобразимая. Здѣсь-то царь Петръ I, во время азовскаго похода, встрѣтилъ молодца, который прогуливъ даже рубаху съ плечъ и сидѣлъ въ задумчивости на боченкѣ, опершись на свою винтовку. «Отчего же ты не сбылъ скорѣе ружье, чѣмъ рубаху?»—спросилъ царь. «Сбыть ружье казаку не пригоже,—отвѣчалъ отвага,—съ ружьемъ я и службу царскую отбуду, и шелковую рубаху добуду!» Отвѣтъ полюбился государю. Онъ нашелъ въ немъ цѣлую характеристику казачества, и тогда же пожаловалъ войску Донскому гербъ, который представлялъ сидящаго на боченкѣ казака, обнаженнаго до пояса и поднявшаго надъ головою ружье. Это было въ 1709 году, и петровскій гербъ существовалъ до 1775 года, когда замѣнилъ его другой, изображающій скачущаго оленя, раненаго стрѣлой. Этотъ послѣдній гербъ замѣненъ въ 1805 году теперешнимъ гербомъ войска Донскаго. Щитъ нынѣшняго герба раздѣленъ поперекъ на двѣ части: всю верхнюю часть занимаетъ вылетающій двуглавый орелъ государственнаго герба; нижняя же часть образуетъ четыре треугольника, изъ которыхъ въ двухъ (верхнемъ и нижнемъ) изображены жалованные Донскому войску, Петромъ I, атаманскіе клейноды — перначъ, насѣка и такъ называемый соболевъ

хвостъ; а въ остальныхъ двухъ треугольникахъ—съ одной стороны—рѣка Донъ, и на берегу ея крѣпость, съ другой — нѣсколько скрещенныхъ казачьихъ пикъ, увѣнчанныхъ лавровыми вѣнками.

Отъ прошлаго въ Старочеркаскѣ остались одни преданія, да кое-гдѣ жалкія руины; все знатное, все зажиточное стараго Черкаска перешло въ новый городъ; здѣсь остались только бѣдныя семейства обитателей стараго Черкаска, да четыре каменныя церкви, которыя богатствомъ своихъ украшеній свидѣтельствуютъ о славномъ быломъ нынѣшней Старочеркаской станицы.

Первая и замѣчательнѣйшая изъ этихъ четырехъ церквей — есть соборный храмъ Воскресенія Господня. Онъ построенъ въ началѣ XVIII столѣтія, по плану Петра I, пожертвовавшаго на него деньги, желѣзо, нѣкоторую утварь и два колокола. Стиль этого собора византійскій, но вмѣсто пяти, онъ имѣетъ девять куполовъ. Низъ соборнаго храма опоясанъ широкимъ, крытымъ корридоромъ, подъ которымъ устроены подвалы съ желѣзными запорами: здѣсь когда-то хранились войсковые склады. Высокая плитовая паперть ведетъ въ западныя двери церкви. Въ придверіи большая доска, съ надписью, что, въ первой половинѣ XVII вѣка, казаки, изнуряемые военными трудами «азовскаго сидѣнья», произнесли обѣтъ построить въ своемъ городѣ храмъ Господу Богу, если Онъ поможетъ имъ отсидѣться отъ непріятеля и увидѣть свою родину,—что они достославно отсидѣлись и возвратились въ свой городъ, но замедлили выполнить данный обѣтъ Богу, и подверглись лютой моровой язвѣ,—что язва эта прекратилась, когда они начали строить деревянную церковь, которая два раза была выстроена и два раза сгорѣла (въ 1670 и 1689 гг.), и, что, наконецъ, на мѣстѣ деревянной выстроена нынѣшняя каменная, сооруженіе которой продолжалось четырнадцать лѣтъ, отъ 1705 до 1719 года. Внутренность этого храма чрезвычайно величественна. Въ верхней части ея, со всѣхъ сторонъ, кромѣ алтарной, устроены хоры. Окна, даже въ верхнихъ ярусахъ храма, снабжены желѣзными ставнями. Иконостасъ весь рѣзной, изображающій виноградныя лозы съ гроздіями, и отъ низу до верху покрытъ массивными серебреными окладами образовъ. Трое царскихъ вратъ сдѣланы изъ серебра, а на вратахъ лѣваго алтаря самые образа писаны по серебру чернью, превосходной работы. Привѣшенное къ главному куполу большое мѣдное паникадило (люстра), въ пять ярусовъ огней, замѣчательно тѣмъ, что добыто казаками въ Азовской крѣпости, въ 1637 году. Изъ древнихъ иконъ соборнаго храма есть двѣ, весьма заслуживающія вниманія: Пресвятой Богородицы и св. Іоанна Богослова; обѣ писаны еще въ

XVI столѣтіи, въ Вѣнѣ. Богатство алтаря въ сосудахъ, крестахъ, оправахъ евангелій и въ другой священной утвари—вполнѣ отвѣчаетъ наружному великолѣпію иконостаса. Есть тутъ, между прочимъ, небольшой ручной крестъ, цѣнимый въ десять тысячъ рублей сер.—онъ весь блеститъ алмазами. Есть также серебреный ковшъ, съ портретомъ императрицы Елисаветы Петровны. Но что особенно удивляетъ посѣтителя этого соборнаго храма, это—имѣющаяся, въ числѣ его церковныхъ книгъ, русская грамматика, напечатанная уставомъ, въ Москвѣ, въ 1648 году, и изложенная въ вопросахъ и отвѣтахъ. Странно, что эта праматерь россійскихъ грамматикъ сохранилась въ средѣ воинственнаго народа, бывшаго во времена ея изданія народомъ далеко не грамотнымъ! Не есть ли это предзнаменованіе Дону высокой будущности въ области просвѣщенія! Соборный храмъ древняго Черкаска богатствомъ украшеній своихъ свидѣтельствуетъ о высокихъ военныхъ подвигахъ донцовъ, такъ какъ приношенія въ него,—да и во всѣ церкви донской земли,—дѣлались по бо́льшей части отъ добычъ меча и вслѣдствіе обѣтовъ въ трудныя минуты на полѣ военномъ. Въ окладахъ иконъ и въ другой утвари Старочеркаскаго соборнаго храма заключается серебра болѣе 50 пудовъ и золота до 20-ти фунтовъ. Во всѣхъ же четырехъ церквахъ древняго Черкаска—серебра болѣе 100 пудовъ, золота болѣе $^1/_2$ пуда, жемчугу 25 фунтовъ и драгоцѣнныхъ камней (алмазовъ, изумрудовъ, яхонтовъ и пр.) до 4600 штукъ. А сколько истребили еще пожары! Сколько взялъ Новочеркаскъ! Онъ взялъ даже и большой колоколъ, оглашавшій нѣкогда тихія воды Дона до самаго Азова. Старожилы стараго Черкаска разсказываютъ, что когда увозили этотъ колоколъ въ новый городъ, то жители провожали его съ воплями рыданій, какъ новгородцы свой вѣчевой колоколъ.

Но, буду продолжать свой разсказъ о соборномъ храмѣ древняго Черкаска.

У паперти его лежатъ желѣзныя двери и петли отъ воротъ Азовской крѣпости, взятой Донцами въ 1637 году. На стѣнѣ этой же паперти сдѣланы металлическія замѣтки большихъ наводненій стараго Черкаска. Эти замѣтки показываютъ, что тихій-Донъ подтопляетъ, въ нѣкоторые годы, самый соборъ, и тогда уже не остается ни одной пяди сухой земли на площади, занимаемой городомъ. Такихъ высокихъ водъ намѣчено пять: тарака́новская—1740, краснощоковская—1786, чернышевская—1820, сунженская—1845 и венгерская—1849 года. Каждое наводненіе совпадало съ какимъ-нибудь замѣчательнымъ событіемъ въ Донскомъ краѣ, и потому оно въ памяти народной удерживается подъ именемъ этого событія. Такъ, тарака́новская вода получила свое имя

отъ присланнаго правительствомъ на Донъ генерала Тараканова по дѣламъ войска Донскаго; краснощоковская получила это наименованіе отъ того, что тѣло умершаго славнаго донскаго витязя, Краснощокова, оставалось безъ погребенія почти два мѣсяца за ненахожденіемъ тогда въ Черкаскѣ ни лоскута сухой земли для могилы; чернышевская случилась въ годъ открытія на Дону комитета, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Чернышева; сунженская въ годъ отправленія донскихъ семействъ на р. Сунжу, для образованія тамъ поселенной боевой линіи, и венгерская—въ годъ венгерскаго похода донскихъ полковъ.

Есть въ соборѣ стараго Черкаска еще историческій памятникъ: у самаго входа въ церковь, на правой сторонѣ дверей, виситъ толстая желѣзная цѣпь, которою былъ прикованъ, въ 1671 году, (схваченный атаманомъ Корниліемъ Яковлевымъ) Стенька Разинъ, предъ отправленіемъ его въ Москву на расправу. Надъ этой цѣпью совершено было особенное молебствіе, съ водосвятіемъ, дабы не дѣйствовалъ на нее волшебный наговоръ. Стенька слылъ колдуномъ, летавшимъ по воздуху и плававшимъ по водѣ; по этому тогдашніе войсковые старшины боялись, что простая цѣпь не удержитъ его; они даже опасались и помѣстить его въ обыкновенной тюрьмѣ, потому что ему стóило только начертить уголькомъ на стѣнѣ лодку да приложить къ ней руку—тотчасъ онъ очутится на Волгѣ; паперть же церковная, какъ мѣсто священное, недоступна для нечистой силы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тяжелой цѣпи Разина вставленъ въ церковную стѣну надгробный камень его противника, атамана Яковлева: Яковлевъ былъ похороненъ у старой деревянной церкви, и когда закладка нынѣшняго собора коснулась его могилы, то лежавшій на ней памятникъ сняли и вправили въ стѣну каменнаго собора, на вѣчныя времена; равнымъ образомъ и Стенька былъ прикованъ къ дверямъ старой деревянной церкви, но цѣпь его помѣстили у дверей нынѣшняго собора, для назиданія потомству—такая судьба ожидаетъ всякаго подобнаго злодѣя.

Въ глубокомъ раздумьи стоялъ я передъ этими двумя памятниками; въ мысляхъ моихъ промелькнула вся историческая картина буйной вольности казацкой. Та эпоха выдѣляетъ изъ казацкой среды двѣ разудалыя личности; но—какъ различны пути обѣихъ личностей! Одной изъ нихъ, Ермаку Тимофѣевичу, встрѣтились Строгановы—онъ свернулъ съ преступной дороги, твердо пошелъ по пути чести, и пріобрѣлъ себѣ почетное мѣсто въ отечественной исторіи. Для другой разудалой личности, для Стеньки Разина, не было Строгановыхъ; въ Астра-

хани сидѣли воеводы, лакомыя только «для поминковъ»; говорятъ, что одинъ изъ этихъ воеводъ началъ тянуть со Стеньки шубу; Стенька отдалъ ее, но сказалъ: «возьми шубу, да не было бы въ ней шуму»... И дѣйствительно шумъ слышенъ былъ на полцарства!...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собора стоитъ высокая каменная колокольня. Оттуда чудный видъ! Вблизи—дома погружены въ зелень; вдали, къ сѣверу—высота, на которой сидитъ Новочеркаскъ; верстахъ въ шести отъ стараго города—зеленѣютъ валы брошенной крѣпости, возведенной въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, а на западѣ, въ семи верстахъ отъ города—обозначается небольшимъ лѣсомъ урочище Монастырское, куда, въ прежнія времена, удалялись одинокіе, состарѣвшіеся, или искалѣченные въ бояхъ казаки, доживать свой вѣкъ въ землянкахъ. Они были и отшельники, и стражи своей метрополіи. Двѣсти лѣтъ тому назадъ это урочище залито было кровью: изъ морскаго набѣга на Крымъ, на Анатолію, возвращались донцы съ богатою добычею и плѣномъ. Уже вечерѣло, когда они причалили свои струги къ берегу родной рѣки, у Монастырскаго урочища. Не хотѣлось побѣдителямъ, чрезъ позднее прибытіе въ свой главный городъ, утерять почетную себѣ встрѣчу: они рѣшились переночевать у своихъ старцевъ, на Монастырскомъ урочищѣ, а въ городъ послали сказать, что они прибыли съ похода и что придутъ въ городъ на утро. Весело зашумѣлъ Черкаскъ: и жены, и отцы, и братья бросились въ урочище, съ боченками вина и меда; разложили большіе костры и начали пировать—все перепилось и заснуло мертвымъ сномъ; но, передъ разсвѣтомъ, нагрянули басурманы на спящій казацкій станъ и, всѣхъ, кто былъ въ немъ, перерѣзали. Съ тѣхъ поръ, въ субботу сырной недѣли, каждый годъ, дѣлается изъ Стараго Черкаска крестный ходъ въ Монастырское урочище, и правится тамъ панихида по убіеннымъ.

Вторая церковь стараго Черкаска—это бывшая церковь дома войсковаго атамана, Ефремова, а теперь мѣстнаго женскаго монастыря, основаннаго въ 1836 году позднѣйшею наслѣдницею фамиліи Ефремовыхъ. Монастырь этотъ имѣетъ отъ основательницы своей зе́мли и денежный капиталъ. Въ стѣнахъ монастыря нынѣ уже до двухсотъ иночествующихъ.

Бывшая домовая церковь атамановъ Ефремовыхъ, а нынѣ монастырская, построена въ половинѣ прошлаго столѣтія и щедро надѣлена драгоцѣнною утварью. Въ ней есть древнія иконы греческаго писанія. Серебреное паникадило (люстра) сдѣлано изъ чаши и кубковъ, бывавшихъ на столахъ атамановъ Ефремовыхъ въ торжествен-

ные дни. Есть въ этой церкви и священническія облаченія, сдѣланныя изъ жалованныхъ атаманскихъ кафтановъ.

Въ двухъ прочихъ, приходскихъ церквахъ (св. апостоловъ Петра и Павла и Преображенія Господня), построенныхъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, кромѣ дорогихъ окладовъ на иконахъ и утвари, особенную достопримѣчательность составляютъ нѣсколько древнихъ иконъ и книги, печатанныя при патріархахъ: Іосифѣ—1630 г., Іоасафѣ—1639 г. и Іоакимѣ—1687 г. Одна икона, Богоматери, привезена въ 1594 г., изъ Аѳонской обители; а другая, Іоанна Крестителя, взята казаками въ Азовской крѣпости, въ 1696 году.

ПИТОМЦЫ МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА,

ПОСЕЛЕНЦЫ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ Саратовской губерніи есть поселеніе питомцевъ московскаго Воспитательнаго Дома, называемое Маріинскою колоніею. Такого поселенія нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Изъ первыхъ поселенцевъ теперь осталось въ живыхъ всего четыре человѣка (изъ 62), а потому скоро исчезнетъ память обо всемъ, бывшемъ съ ними, а между тѣмъ исторія ихъ небезынтересна. Я живу между питомцами болѣе 30-ти лѣтъ. Многое я слышалъ о нихъ отъ очевидцевъ: чиновниковъ, духовенства и самихъ питомцевъ, а многому я былъ очевидцемъ самъ. Мнѣ извѣстно, что есть три лица въ живыхъ, которые должны знать больше моего о первоначальномъ бытѣ питомцевъ и могли бы, поэтому, сообщить свѣдѣнія—много полнѣе моихъ; но лица эти не заявили ничѣмъ даже о собственномъ ихъ существованіи, и я увѣренъ, что ни слова не скажутъ и о питомцахъ. Поэтому я рѣшился передать печати то, что мнѣ извѣстно о питомцахъ Маріинской колоніи, имѣя въ виду, въ особенности, поколѣнія самихъ питомцевъ. А такъ какъ настоящіе жители поселенія—дѣти, внучата и правнучата первыхъ поселенцевъ—ничего не знаютъ о Воспитательномъ Домѣ, не знаютъ, гдѣ воспитывались ихъ предки, когда, кѣмъ и на какія средства открытъ Воспитательный Домъ:—то я нашелъ не лишнимъ напомнить главнѣйшіе факты изъ исторіи учрежденія Воспитательнаго Дома въ Россіи.

I.

Въ 1763 году генералъ-поручикъ Иванъ Ивановичъ Бецкій, послѣ путешествія по Европѣ, подалъ докладъ государынѣ императрицѣ Екатеринѣ II объ учрежденіи въ Москвѣ дома для найденныхъ и оставленныхъ родителями дѣтей, по примѣру тѣхъ, какіе онъ видѣлъ, во время путешествія, въ Голландіи, Франціи, Италіи и др. государствахъ. Докладъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе тайнымъ совѣтникамъ и сенаторамъ: князю Якову Петровичу Шаховскому, графу Никитѣ Ивановичу Панину и Мениху. Мнѣніе ихъ и докладъ Бецкаго 26-го августа были высочайше

утверждены, и 1-го сентября послѣдовалъ высочайшій манифестъ объ учрежденіи въ Москвѣ Воспитательнаго Дома. По проекту полное управленіе Домомъ ввѣрялось главному попечителю, знатной и въ особой милости у императрицы состоящей особѣ. Кромѣ главнаго попечителя учреждался Опекунскій Совѣтъ, который долженъ составлять шесть опекуновъ, или совѣтниковъ опекунства, также изъ знатныхъ персонъ, и которому поручался Воспитательный Домъ во всѣхъ отношеніяхъ. Сверхъ того, для собиранія подаяній, по всему государству и за границей, а преимущественно для надзора и защиты вышедшихъ изъ заведенія питомцевъ, назначались попечители и попечительницы изъ знатныхъ же особъ духовныхъ и свѣтскихъ. Лицамъ, кои принимали на себя званіе попечителей и попечительницъ, Опекунскій Совѣтъ высылалъ благодарный видъ, гдѣ говорилось: «вы, благодѣтельствующій попечитель, воспріявшій на себя званіе сіе, по единому сердцу вашему добродѣтельному, дѣломъ самымъ соотвѣтствовать вознамѣрились имени сему. Собраніе опекуновъ, по установленію своему, за долгъ почитаетъ поднести листъ сей, въ знакъ свидѣтельствованія своего къ вамъ признанія и попеченія таковыхъ, которымъ милосердая наша Екатерина II, императрица Всероссійская, къ незабвенію на вѣчные роды имени своего, по вѣрѣ къ Богу и по любви къ отечеству, Домъ особливый устроила и щедротами своими наградила. Ваше имя въ книгѣ архивной уже на вѣки». А сохраняемый листъ сей, по подписаніи главнымъ попечителемъ и опекунами и приложеніи большой печати Воспитательнаго Дома, отдавался, или отсылался особамъ, принявшимъ на себя званіе попечителей, или попечительницъ. Имена попечителей и попечительницъ положено было записывать въ особую книгу, въ память потомству. Учинившихъ же знатное подаяніе имѣть потреты въ Воспитательномъ Домѣ.

Указомъ, даннымъ правительствующему сенату 26-го августа, повелѣно: «оному жалованную грамату на права и преимущества Воспитательному Дому, по государственной формѣ заготовя, поднесть къ подписанію ея величества, а учрежденному главному попечителю объявить, чтобы онъ, съ помощію Божіею, приступилъ къ начинанію сего богоугоднаго дѣла».

Главнымъ попечителемъ и «представителемъ у престола монархини былъ избранъ ею Иванъ Ивановичъ Бецкій. Государыня повелѣла, чтобы всѣ данныя имъ инструкціи и наставленія частныя имѣли ту же силу непоколебимости, какую имѣетъ высочайше конфирмованное учрежденіе вдовьей, сохранной и ссудной казенъ, не представляя, впрочемъ, сего никому изъ имѣющихъ быть послѣ него главныхъ

попечителей, и чтобы по немъ никакая власть, безъ особой монаршей воли, отмѣнить ихъ не могла».

Св. синодъ въ 20,000 экземплярахъ разослалъ по государству увѣщанія «содѣйствовать благому начинанію императрицы, соизволившей какъ для созиданія, такъ и для содержанія Воспитательнаго Дома, отъ собственно своихъ комнатныхъ доходовъ, удѣлить значительную сумму, коей, въ семъ подвигѣ благотворенія, послѣдовалъ и государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ». Для бо́льшаго убѣжденія синодъ приводилъ въ примѣръ новгородскаго митрополита Іова, устроившаго до десяти «сиропитательницъ», въ которыхъ содержалось до 3,000 сиротъ обоего пола; въ каковомъ богоугодномъ дѣлѣ принималъ участіе и самъ императоръ Петръ Первый» [1]).

Ломоносовъ, по этому случаю, писалъ:

Блаженство общества вседневно возрастаетъ, —
Монархиня труды къ трудамъ соединяетъ:
Стараясь о добрѣ великихъ намъ отрадъ,
О воспитаніи печется младыхъ чадъ;
Дабы, что въ отчествѣ оставленно, презрѣнно,
Пріобрѣло сему сокровище безцѣнно.
И чтобъ изъ тяжкаго для общества числа
Воздвигнуть съ нравами похвальны ремесла.
Рачители добра грядущему потомству!
Внемлите съ радостью грядущему питомству:
Похвально дѣло есть убогихъ призирать,
Сугуба похвала для пользы воспитать;
Натура то гласитъ, повелѣваетъ вѣра.
Внемлите важности монаршаго примѣра —
Екатерина васъ предводитъ въ честь сей,
Спѣшите щедростью, какъ вѣрностью, за ней!

Въ разныхъ мѣстахъ были поставлены кружки для сбора подаяній съ надписями: «благочестивая и человѣколюбивая монархиня наша, Екатерина Вторая, храняй заповѣдь Божію, устрои домъ, для воспитанія младенцевъ, со Христомъ изрече имъ слово евангельское: и вы живи будете».

---

[1]) Указомъ отъ 4-го ноября 1714 г. велѣно «для зазо́рныхъ младенцевъ, которыхъ жены и дѣвки рождаютъ беззаконно, при церквахъ, гдѣ пристойно, сдѣлать госпитали—въ Москвѣ мазанки, а въ другихъ городахъ деревянные; а для воспитанія ихъ избрать искусныхъ женъ, съ платою имъ за то по 3 руб. въ годъ и хлѣба по полуосминѣ въ мѣсяцъ, а младенцамъ на содержаніе давать по 3 деньги на день», коихъ въ 1726 г. въ Москвѣ и губерніи, за отсылкою въ монастыри, состояло на-лицо 440, да при нихъ кормилицъ 120. Силу сего повелѣнія Петра Великаго подтвердила Екатерина I, въ указѣ отъ 3-го марта 1726 года.

По высочайше утвержденному плану и фасаду зданіе Воспитательнаго Дома предположено было произвесть въ пять апартаментовъ, для помѣщенія четырехъ возрастовъ дѣтей обоего пола, по 4,000 человѣкъ въ каждомъ отдѣленіи, и съ отдѣльными, для обоихъ половъ, церквами. При Домѣ предположено устроить мастерскія, оранжереи, теплицы, цвѣточный садъ съ парниками и грядками, фруктовый садъ, скотный и птичій дворы, для обученія воспитанницъ хозяйству и домоводству, а также водопроводы и фонтаны съ чистой водой.

Но планъ этотъ главнымъ надзирателемъ найденъ недостаточнымъ, и потому имъ представленъ Опекунскому Совѣту новый, несравненно обширнѣйшій проектъ, который найденъ Совѣтомъ наилучшимъ, «какъ для сего великолѣпнаго виду, такъ и для всеобщаго его авантажнаго положенія». По вычисленію архитектора Бланке, на всѣ постройки требовалось до 500,000 р.

Для Воспитательнаго Дома императрица пожертвовала 100,000 р. единовременно и ежегодно по 50,000 р. отъ собственныхъ своихъ комнатныхъ доходовъ. Наслѣдникъ великій князь Павелъ Петровичъ назначилъ каждогодно по 20,000 р. Изъ собственной вотчины, Тульской губ., Епифановскаго уѣзда, с. Бобрика, государыня приказала каждогодно отпускать: ржаной муки 200 и гречневой крупы 50 четвертей. Демидовъ вложилъ въ сохранную казну до 100,000 р. Многіе изъявили желаніе ежегодно вносить опредѣленную сумму съ имѣній, пенсій и, даже, жалованья. Такъ, въ книгѣ благотвореній, первымъ значится Бестужевъ-Рюминъ, отчислившій изъ получавшагося имъ пенсіона—20,000 р.—въ пользу Воспитательнаго Дома—3,000 р., Минихъ—1,000 р., Разумовскій—3,000 р. и другіе. Демидовъ произвелъ построекъ на 100,000 р. Каждый мѣсяцъ, каждый день ознаменовывался значительными пожертвованіями. Люди всѣхъ званій и состояній наперерывъ старались выразить свою готовность благому дѣлу.

Опекунскій Совѣтъ имѣлъ право выбивать медали и раздавать ихъ сдѣлавшимъ особенно значительныя пожертвованія. Бестужевъ-Рюминъ, Разумовскій, Орловъ и мн. другіе получили золотыя, новгородскій митрополитъ Димитрій—одну серебреную и двѣ бронзовыя медали. Онѣ раздавались при благодарственномъ свидѣтельствѣ благодѣтельствующимъ Воспитательному Дому, за подписью главнаго попечителя и опекуновъ. Кромѣ того, Опекунскій Совѣтъ имѣлъ право награждать: дворянинъ, дававшій ежегодно до 600 р., имѣлъ право участвовать въ собраніяхъ Опекунскаго Совѣта; лица другихъ званій, кромѣ крѣпостнаго, награждались чиномъ «камерира отъ кол-

легіи»; за единовременныя пожертвованія, не менѣе 1,000 р.—чиномъ «коллежскаго комисара» (колл. регистр.); сдѣлавшихъ же пожертвованія деревнями, домами и т. под.—портреты развѣшивались въ Воспитательномъ Домѣ, и, кромѣ того, положено поминать имена благотворителей въ церквахъ Воспитательнаго Дома при молитвахъ,—при жизни—о здравіи, по смерти—о упокоеніи. За всѣмъ тѣмъ положено было имена благотворителей вписывать въ особую книгу въ память потомству. Книги эти, для вписыванія именъ и подаяній, лежали всегда раскрытыми. Этимъ, вѣроятно, хотѣли выразить, что всѣ сословія готовы жертвовать на это доброе дѣло.

Бо́льшая часть пожертвованій поступала отъ петербургскаго дворянства. Нѣкоторыя лица, по предложенію Бецкаго, приняли на себя обязанности попечителей и попечительницъ, и даже воспитаніе приносимыхъ младенцевъ. Почему 1-го октября 1770 г. устроенъ новый Воспитательный Домъ съ названіемъ: петербургское отдѣленіе моск. Воспитательнаго Дома. Подъ эту постройку отведенъ запасный Смольный дворъ.

Всѣ сочувствовали устройству Воспитательнаго Дома и, въ особенности, какъ мы уже сказали, жители Петербурга. Но москвичи смотрѣли на это дѣло равнодушно. Первый опекунъ Похвиснев, въ письмѣ къ главному попечителю, горько жалуется на это равнодушіе какъ присутственныхъ мѣстъ, такъ и частныхъ лицъ, и, въ особенности, на алчность къ деньгамъ и корыстолюбіе подрядчиковъ.

Чтобы усилить средства Воспитательнаго Дома, высочайше повелѣно: отдѣлять въ его пользу 4-ю часть сбора съ публичныхъ позорищъ, т. е. съ комедій и оперъ, которыя тогда давались въ большомъ театрѣ, за Красными воротами,—съ баловъ и всякихъ игрищъ. Такимъ образомъ менѣе, чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ, съ 20-ти публичныхъ позорищъ, даваемыхъ итальянцами въ Москвѣ, собрано 2,000 р. Всего же собрано 80,833 р.

Кромѣ того, государыня, лично въ сенатѣ, повелѣла отдать, въ пользу Воспитательнаго Дома, оставшееся въ конторѣ конфискацій, послѣ продажи, имущество нѣкоторыхъ лицъ, какъ-то: графовъ—генералъ-фельдмаршала Миниха, кабинетъ-министровъ Остермана и Головкина, оберъ-гофъ-маршала Левенвольда, президента коммерцъ-коллегіи Менгдена и Шемберга.

Изъ присланнаго подробнаго списка имуществу этихъ лицъ видно, что имущество графовъ Ивана и Андрея Остермановъ оцѣнено въ 25 р. 84 к. Имущество это состояло, большею частію, изъ поѣденной мышами и молью и погнившей маскерадной ветоши. Нѣкоторыя вещи оцѣнены въ 10, 8, 5, 3, 2 и даже 1 к.

Такими и всѣми другими, зависящими отъ правительства, средствами устроенъ былъ московскій Воспитательный Домъ.

Въ 1764 г., 21-го апрѣля, начался пріемъ младенцевъ. Въ этотъ день принесено 19 младенцевъ обоего пола, найденныхъ, незадолго до открытія Воспитательнаго Дома, у разныхъ приходскихъ церквей въ самой столицѣ и въ ближайшихъ къ ней деревняхъ, изъ коихъ нѣкоторые были уже крещены, а другіе окрещены въ Воспитательномъ Домѣ.

Первые двое изъ принесенныхъ младенцевъ наречены были августѣйшими именами, дѣвочка Екатериною, мальчикъ Павломъ, по имени цесаревича. Въ приносной книгѣ 1764 г., подъ 21-мъ числомъ апрѣля, замѣчено такъ: «№ 1. Екатерина, по крестномъ отцѣ Алексѣева, найдена въ приходѣ Богоявленія. № 2. Павелъ, по крестномъ отцѣ Петровъ, найденъ въ Нѣмецкой слободѣ». Младенцы эти вскорѣ померли.

Въ день открытія Воспитательнаго Дома было кормлено до 1,000 человѣкъ нищихъ. День открытія праздновался и впослѣдствіи ежегодно, но тогда уже милостыню раздавали дѣти-питомцы. Точно также, въ этотъ день, ежегодно, «для узнанія сокровенныхъ погрѣшностей и состоянія всѣхъ служащихъ», вмѣнено было священнику въ обязанность, по окончаніи литургіи, прочитать всѣмъ предстоящимъ въ церкви слѣдующее: «всякому, кто имѣетъ что-нибудь объявить на пользѣ и къ исправленію сего учрежденія, кто можетъ въ чемъ пособить, кто примѣтитъ злоупотребленіе, кто причину имѣетъ къ жалобѣ на своихъ начальниковъ,—напоминается, чтобы, по окончаніи экзаменовъ, въ первомъ собраніи Опекунскаго Совѣта, доносили о томъ краткими представленіями письменными. Нѣтъ никому, въ семъ случаѣ, опасности, потому что всякому можно представленія подавать запечатанныя, или присылать оныя чрезъ кого-угодно. Имя представляющаго только гг. совѣтникамъ опекунства извѣстно, а отъ прочихъ вовсе утаено будетъ».

Опекунскому же Совѣту вмѣнено было въ обязанность, руководствуясь особою *прозорливостію*, остерегаться, чтобы невинныхъ не подвергать подозрѣнію, а еслибы кѣмъ, отъ простоты и невѣжества, поданы были ложныя и неосновательныя обвиненія, то доносителя не *предавать злобѣ*, объ имени его *молчать*, а ему *самому втайнѣ сказать* то, что онъ ошибся и, вообще, присемъ, какъ и всегда, оказывать болѣе человѣколюбія, нежели строгости (Ген. план. Ч. II, гл. 2, § 2).

Со дня открытія Воспитательнаго Дома дѣтей стали приносить туда всѣ, кому только хотѣлось. Приносили туда дѣйствительно

брошенныхъ; приносили матери своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей; приносили бѣдняки законнорожденныхъ; приносили солдаты и солдатки законнорожденныхъ мальчиковъ, чтобъ избавить ихъ отъ солдатчины; приносили и помѣщичьи крестьяне. Въ сороковыхъ годахъ я засталъ въ Маріинской колоніи немало стариковъ-солдатъ и солдатокъ, жившихъ при своихъ дѣтяхъ — питомцахъ Воспитательнаго Дома. Въ Воспитательномъ Домѣ не спрашивали, откуда и чей младенецъ, и принимали всѣхъ. Случалось, что дѣтей привозили и въ каретахъ. Многіе, и о такихъ уже непремѣнно, справлялись, подъ какимъ № записывался младенецъ въ книгу. Часто, по праздникамъ, въ Воспитательный Домъ являлись лица, приносившія дѣтямъ, подъ извѣстнымъ №, конфекты, наряды и подарки кормилицамъ; а иные прямо кормилицѣ и ребенку называли себя отцемъ или матерью, и слѣдили за ними. Нѣкоторыя матери, чтобъ не затерять изъ виду ребенка, выжигали на тѣлѣ знаки; другія вѣшали на шею съ крестомъ косточку (поселенный впослѣдствіи въ селѣ Александровскомъ Маріинской кол. крестьянинъ Романъ Вас. Бѣлый имѣлъ на груди шрамъ, знакъ креста; Ив. В. Посконный до смерти, — доживши до внучатъ, носилъ на шнурѣ креста косточку). Знатные отцы и матери направляли дѣтей своихъ въ высшія учебныя заведенія. Бывали и такіе случаи: мать идетъ въ Воспитательный Домъ и нанимается въ кормилицы. Чрезъ нѣсколько дней, пока испытываютъ молоко ея, приносятъ и ея ребенка. Она изъявляетъ желаніе кормить его, не сказывая, конечно, что это ея ребенокъ. И такимъ образомъ кормитъ собственнаго ребенка, и получаетъ за кормленіе по 5 р. въ мѣсяцъ. Я зналъ одну старуху-солдатку, жившую въ селѣ Константиновскомъ при сынѣ, которая говорила, что она сама была и кормилицею его.

Вскорѣ въ Воспитательный Домъ нанесено было столько дѣтей, что содержать кормилицъ стало трудно. Дѣтей стали раздавать по деревнямъ. Приходитъ женщина, испытываютъ ея молоко и отпускаютъ ей ребенка. Ставилось непремѣннымъ условіемъ, чтобы своего ребенка у нея не было; но бабы умѣли какъ-то обманывать, и брали чужихъ, имѣя своего. Тогда, конечно, свой питался грудью, а чужой — соской. Для надзора за дѣтьми имѣлись объѣздчики-чиновники, которые обязаны были нѣсколько разъ въ мѣсяцъ свидѣтельствовать всѣхъ дѣтей, воспитываемыхъ по подмосковнымъ деревнямъ. Но случалось и такъ, что мамка истощеннаго и коряваго питомца припрячетъ, а чистаго и здороваго своего покажетъ. Такія продѣлки чинить было тѣмъ удобнѣе, что надзиратели не ходили по домамъ, а приказывали десятскимъ созывать бабъ въ одно извѣстное мѣсто.

Иная крестьянка, черезъ годъ—два, возьметъ кормить другаго, а тамъ третьяго, и, такимъ образомъ, у нѣкоторыхъ собиралось человѣкъ по 5-ти и даже болѣе. За ребенка до 7 лѣтъ воспитательницы получали по 5-ти р. въ мѣсяцъ, а далѣе по 2 р. Воспитатели и воспитательницы имѣли право питомцевъ, какъ собственныхъ дѣтей, посылать на фабрики и получали за нихъ жалованье. Нѣкоторые взрослые питомцы получали съ фабрикъ рублей по 25-ти въ мѣсяцъ, но денегъ, конечно, не видѣли. Воспитатели страшно злоупотребляли своимъ правомъ. Подростковъ надзиратели и сами испытывали, и брали въ Москву. Оказавшихся способными оставляли въ Москвѣ и обучали грамотѣ. Питомцы, съ отличными дарованіями и прилежаніемъ, поступали и въ высшія учебныя заведенія. Между прочими, нѣкто Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ былъ докторомъ и нѣсколькихъ орденовъ кавалеромъ. Онъ во всю жизнь свою служилъ докторомъ въ вѣдомствѣ Воспитательнаго Дома и постоянно состоялъ при питомцахъ, сперва въ Смоленской губерніи, а потомъ въ Маріинской колоніи. Многіе вышли въ чиновники, топографы (кажется, преимущественно), учителя музыки, школьные учителя, фельдшера и пр. Оказавшихся, по испытаніи въ Москвѣ, малоспособными отсылали обратно на мѣсто жительства. Есть и теперь питомцы, напримѣръ, Захаръ Лукьяновъ, села Маріинскаго (не изъ первыхъ поселенцевъ), который жалуется на свою горькую мужичью судьбу. Его взяли было, говоритъ онъ, въ Москву, стали учить; онъ лучше другихъ понималъ все, но воспитатели пріѣхали, настращали его, что его станутъ больно бить въ школѣ, и велѣли ему притвориться непонимающимъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Въ школѣ съ нимъ побились-побились, да и отослали въ деревню.

Изъ питомцевъ временъ Екатерины многіе сдѣлались чиновниками, а большинство—просто мужиками.

II.

Въ двадцатыхъ годахъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ угодно было дать питомцамъ осѣдлость. Въ одно время собрали всѣхъ парней и дѣвицъ изъ подмосковныхъ деревень въ подмосковное подворье Воспитательнаго Дома. Всѣхъ помѣстили въ одномъ домѣ, раздѣлявшемся широкимъ корридоромъ. Въ одну половину помѣстили парней, въ другую дѣвицъ. За мужчинами наблюдали надзиратели, за дѣвицами надзирательницы. Такъ жили они недѣли три. Въ это время они безпрестанно встрѣчались въ корридорѣ, играли на дворѣ, гуляли вокругъ двора и, вообще, знакомились. Нѣкоторые тутъ

же согласились другъ съ другомъ на бракъ. Но нѣкоторыя дѣвицы, жившія въ хорошихъ домахъ въ Москвѣ горничными, совсѣмъ не хотѣли идти замужъ ни за одного изъ этихъ мужиковъ. Къ такимъ-то именно несчастнымъ всего болѣе и приставали уроды-парни. Недѣли черезъ три пріѣхалъ опекунъ и велѣлъ всѣмъ выстроиться, въ корридорѣ, въ двѣ шеренги,—въ одну женихамъ, въ другую дѣвушкамъ-невѣстамъ, и приказалъ женихамъ выбирать себѣ невѣстъ, начиная съ крайняго. Парень указывалъ на дѣвушку и говорилъ: я вотъ эту возьму! Дѣвушку подводили къ нему и, потомъ, обоихъ отводили въ сторону. Иной уродъ укажетъ на красавицу-барышню,—хорошо одѣтую горничную. Та закричитъ, замашетъ руками: не хочу, не хочу, не пойду замужъ ни за кого, хочу остаться дѣвицей!.. Опекунъ начиналъ уговаривать ее. Если видѣлъ, что пара дѣйствительно неподходящая, то оставлялъ ее, а если ему казалось, что пара подходящая, то, просто, безъ церемоніи, въ пинкй, подтащатъ къ жениху,—и дѣлу конецъ. Многіе изъ такихъ убѣжали уже изъ Маріинской колоніи и пропали безъ вѣсти. Многіе пожелали жениться на дочеряхъ своихъ воспитателей, или односельцевъ. Опекунскій Совѣтъ, въ такомъ случаѣ, закрѣплялъ за женихомъ все хозяйство его тестя. Многіе питомцы, какъ полагаютъ и они сами, женились на родныхъ своихъ сестрахъ. Всѣ, напримѣръ, считали Пименовыхъ, въ селѣ Александровскомъ, родными братомъ съ сестрой. Они, дѣйствительно, удивительно были похожи другъ на друга, даже по характеру. Всѣ же питомцы до сихъ поръ,—до третьяго и четвертаго рода,—имѣютъ какой-то особый, типичный оттѣнокъ: всѣ они блѣднолицы, сложенія далеко не крѣпкаго, а многіе имѣютъ и унаслѣдованныя болѣзни: чахотку и даже подагру. Свѣжаго, крѣпкаго, какъ наши сосѣди тамбовцы и пензяки, съ медвѣжьей силой и неповоротливостью,—въ питомцахъ не увидите ни одного. Всѣ они необыкновенно довѣрчивы, просты, добры и безъ малѣйшей хитрости. Питомца узнаете изъ тысячи человѣкъ.

Вскорѣ послѣ женитьбы, передъ масляною, питомцевъ отправили въ Смоленскую губернію, въ село Гареново, въ имѣніе, отобранное за долги у помѣщика Тутчина, Опекунскимъ Совѣтомъ. Здѣсь была хорошая барская усадьба, съ большимъ садомъ и множествомъ построекъ. Все имѣніе Тутчина, съ крестьянами, коихъ было до 500 душъ, и землею, отошло въ вѣдѣніе Совѣта. Питомцевъ размѣстили по крестьянамъ-старожиламъ. Спрашиваешь, бывало: что вы ѣли тамъ,—у старожиловъ? «Что? Мякинный хлѣбъ. Глотаешь-глотаешь, бывало, насилу проглонешь. Ну, а потомъ привыкли, ничего, ѣшь». Питомцы, какъ-то особенно, саркастически, говаривали о гареновъ-

скомъ мякинномъ хлѣбѣ, когда теперь, въ Саратовской губерніи, у нихъ полны амбары пшеницы. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Гареново и старожилы, и питомцы принялись за вырубку лѣса и приготовленія къ постройкамъ. Весною начали строить имъ дома, по образцу аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Въ дома помѣстили женатыхъ, съ правами и названіемъ хозяевъ; но къ нимъ придали по парню и дѣвицѣ, мальчику и дѣвочкѣ. Парень и дѣвица назывались товарищами, мальчикъ и дѣвочка—малолѣтками. Впрочемъ, товарищи, большею частію, были женатые. На каждый домъ отведено было по 4 десятины земли въ каждомъ полѣ, т. е. 12 дес., и луга; дано по 4 лошади, 4 коровы, 10 овецъ и баранъ, 10 куръ и пѣтухъ, упряжь будничная и праздничная, и все, до малѣйшей, даже самой пустой, вещи, въ родѣ зеркальца и мыльца. Дома построены были скоро. До сбора съ полей хлѣба имъ выдавали по 2 п. ржаной муки въ мѣсяцъ и по 10 ф. крупы, по 1 ф. говядины и по 1 ф. масла въ день на человѣка. По уборкѣ хлѣба выдача порціоновъ прекратилась, но, зато, при недостаткѣ своего, выдавалось казенное.

Въ Гареновѣ было устроено свое особое управленіе: управляющій, бухгалтеръ, писаря, докторъ, фельдшера и полиція. Управленіе во всемъ знало исключительно только Опекунскій Совѣтъ. Мѣстныя власти должны были только содѣйствовать распоряженіямъ гареновскаго управленія и приводить ихъ въ исполненіе. Гареново составляло маленькое, независимое отъ смоленскихъ властей, королевство, и, въ добавокъ, эти власти были обязаны исполнять всѣ его требованія, которыя были иногда, просто, прихотями.

Первымъ управляющимъ въ Гареновѣ былъ Димитрій Александровичъ Хрущевъ, женатый на Софьѣ Алексѣевнѣ, урожденной Саблиной. Докторомъ былъ Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ, изъ питомцевъ. Хрущевъ хотѣлъ завести аракчеевскіе порядки, а питомцы, между тѣмъ, были для этого народъ совсѣмъ неподходящій: питомцы, жившіе подъ Москвою въ домахъ своихъ воспитателей, очень немного занимались хозяйствомъ и хлѣбопашествомъ. Всѣ, почти, они были фабричными. Здѣсь сразу имъ велѣли и землю пахать, и удобрять ее; и себя, и домашній скотъ, и птицу кормить, и за домомъ и хозяйствомъ смотрѣть, и на казну лѣсъ рубить и возить, и кирпичъ дѣлать, и пр. и пр. Вольному, беззаботному фабричному, никогда не жавшему и не думавшему о хозяйствѣ, не имѣвшему о немъ понятія, не имѣвшему на это дѣло ни здоровья, ни привычекъ,—трудно было сразу приняться за все. Съ фабрики его, буквально, пустили въ темный лѣсъ, и онъ потерялъ голову, не зная за что и какъ приняться. У него, поневолѣ, валилось все изъ рукъ. Хрущевъ, между

тѣмъ, тоже сразу, хотѣлъ сдѣлать ихъ образцовыми хозяевами. Ѣдетъ питомецъ въ поле получасомъ позже, какъ велѣно, хотя-бы-то на свою работу,—пóрка; ѣдетъ изъ поля, и соха въ грязи,—пóрка; идетъ мужикъ по улицѣ, кафтанъ не подпоясанъ, шапка сидитъ неловко—пóрка; донесетъ надсмотрщикъ, что лѣниво работалъ на себя или на казну,—это все равно,—пóрка; неопрятно одѣтымъ пришелъ въ праздникъ въ церковь, или не пришелъ вовсе,—пóрка. Сиволапымъ, по выраженію питомцевъ, старожиламъ, непривыкшимъ къ чистотѣ въ одеждѣ, доставалось еще больше. Но розги и зуботрещины, вообще, въ то время, были дѣломъ обыкновеннымъ; тутъ было другое дѣло, котораго молодые поселенцы переносить уже не могли. Придетъ Хрущевъ въ домъ, застанетъ хозяина дома, оттузитъ его, прогонитъ на работу, прогонитъ товарку и малолѣтковъ, и останется въ домѣ хозяйничать.... И теперь крестьянина Ф. Ѳ. К. зовутъ сыномъ Хрущева.

Рубка лѣсу, возка, пилка, выдѣлка кирпича,—все, нужное для постройки питомскихъ домовъ, питомцы и старожилы должны были дѣлать сами. Кромѣ своихъ и казенныхъ работъ, они должны были дѣлать общественныя запашки. Имъ, по выраженію питомцевъ, не давалось отдыху ни днемъ, ни ночью. Такъ жили они три года.

Въ 1825 году чрезъ Гареново проѣзжалъ императоръ Александръ Павловичъ. Крестьяне, старожилы и питомцы рѣшились жаловаться государю. Передъ днемъ пріѣзда государя Хрущевъ велѣлъ въ амбарахъ нѣсколькихъ крайнихъ домовъ забить досками закрома, оставить вмѣстимости на вершокъ и засыпать казеннымъ хлѣбомъ. И стали закрома амбаровъ казаться сверху до низу засыпанными хлѣбомъ! Велѣлъ зажарить два гуся и двѣ курицы и отдать ихъ въ два крайніе дома. Изъ своего же дома прислалъ три большихъ хлѣба и деревянную солоницу. При въѣздѣ государя въ Гареново крестьяне встрѣтили его, при концѣ села, съ хлѣбомъ-солью. Хлѣбъ и соль были хрущевскіе. Когда государь вышелъ изъ кареты, то крестьяне упали на колѣна и хотѣли, было, жаловаться. Государь спросилъ: что значитъ, что они стали на колѣна? Саблинъ и Бибиковъ, хорошо знавшіе, что крестьяне хотятъ жаловаться, но не желавшіе безпокоить государя, доложили, что крестьяне ужъ очень рады его величеству, и дѣлаютъ ему честь. Государь пошелъ въ первый домъ, и крестьяне не успѣли сказать ему ни слова. У воротъ перваго дома, куда пошелъ государь, стояли хозяева съ хлѣбомъ-солью и жаренымъ гусемъ. Государь пошелъ въ домъ; въ домѣ было чисто, а на столѣ стояли хлѣбъ-соль и жареная курица. Государь пошелъ въ амбаръ,—амбаръ полонъ хлѣба. Осмотрѣвши весь домъ, государь пошелъ въ слѣдующій домъ. Но жареные гусь и курица

перелетѣли уже туда,—хозяинъ и этого дома встрѣчалъ съ хлѣбомъ-солью и жареным гусемъ; на столѣ и здѣсь лежала та же курица, амбаръ и здѣсь былъ полонъ хлѣба. Государь пошелъ въ третій,—хлѣбъ, гусь и курица туда же. Крестьяне стояли на улицѣ возлѣ кареты. Кучеръ государя Илья Ивановъ спрашиваетъ ихъ:

— Который вашъ управляющій-то?

— Вотъ этотъ, толстый-то.

— А ужъ и плутъ же, говорятъ, онъ!

— Мы хотѣли было жаловаться на него государю, да насъ не допускаютъ.

— Падайте на колѣна, кричите!

При выходѣ государя изъ третьяго дома, крестьяне опять упали на колѣна и закричали: ваше величество!

Но государь сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ церковь. При выходѣ государя изъ церкви крестьяне опять упали на колѣна, закричали, но государь не обратилъ вниманія, и поѣхалъ въ домъ къ Хрущеву. Крестьяне пошли къ дому Хрущева; но лица, бывшія въ свитѣ государя, оттуда ихъ прогнали. Крестьяне собрались у дороги, на проѣздѣ государя. При проѣздѣ его, они опять упали на колѣна, но государь, полагая, что они отдаютъ ему честь, поклонился, и проѣхалъ. Проѣхавши саженъ 200, кучеръ доложилъ государю, что крестьяне становились на колѣна затѣмъ, что хотѣли жаловаться, но что ихъ не допустили. Государь приказалъ остановиться. Сейчасъ къ нему собрались всѣ. Государь, обратившись къ крестьянамъ, сказалъ: «дайте мнѣ одного, съ которымъ я могъ бы говорить, а прочіе всѣ молчите». Вышелъ старожилъ. Государь спросилъ его:

«За кѣмъ лучше жить,—за мной, или за бариномъ?»

— За бариномъ, ваше величество, жить было лучше.

«Почему?»

— Тамъ мы работали только три дня, а теперь мы не знаемъ себѣ и праздниковъ; казенными работами насъ замаяли, себѣ нѣтъ времени ни посѣять, ни убрать; управляющій, за дѣло и безъ дѣла, сѣчетъ и пр.

Бывшій при этомъ Бибиковъ доложилъ государю, что крестьяне строятъ дома себѣ же, и поэтому они работаютъ на себя же, а не кому другому. Государь сказалъ на это, что «на постройку домовъ ассигнована сумма, крестьяне же должны заниматься только своимъ хозяйствомъ». Въ это время подбѣгаетъ жена Хрущева, падаетъ на колѣна и говоритъ: «Ваше величество! Мужъ мой никого пальцемъ не тронулъ, мужики говорятъ на него напрасно!...». Государь:—«Уйди прочь, не твое тутъ дѣло!», и, обратившись къ крестьянамъ, ска-

залъ: «хорошо, дѣти, я разберу это дѣло!». И поѣхалъ. Крестьяне: «ага, наша взяла!...». Бросились въ домъ Хрущева, переломали двери, перебили окна, зеркала, мебель... и хотѣли избить Хрущева. Жена Хрущева, въ это время беременная, испугалась, упала и... умерла. По распоряженію Саблина, въ эту же ночь, была вызвана военная команда. Солдатамъ велѣно было войти въ Гареново такъ, чтобъ никто ихъ не замѣтилъ, и стать у всѣхъ дверей и оконъ, чтобъ никто изъ крестьянъ не могъ уйти. Утромъ всѣхъ ихъ арестовали. Утромъ же явились изъ окрестныхъ деревень понятые, навезли кандаловъ, веревокъ, колодокъ и розогъ, и пріѣхалъ князь Еламовъ(?) для производства слѣдствія. Всѣхъ арестованныхъ повели въ домъ Хрущева, во второй этажъ. Въ той комнатѣ, куда ввели ихъ, посрединѣ, на столѣ, лежали: 25 р. денегъ, десятокъ яблоковъ, новый шелковый платокъ и три пары розогъ. Слѣдователь и Саблинъ стали допытываться, кто зачинщикъ бунта. «Тотъ,—говорили они,—кто укажетъ намъ главнаго бунтовщика, получитъ вотъ эти деньги и подарки; если же не выдадите его, то мы всѣхъ васъ поголовно пересѣчемъ. Дайте намъ одного умнаго человѣка, съ которымъ мы могли бы говорить, и который высказалъ бы, чѣмъ недовольны вы».

— Вы его въ острогъ посадите?

«Нѣтъ, честное вамъ слово!»

Мужики указали на Андрея В. Гузова и Василья Былинку. Ихъ увели внизъ къ допросу. Чрезъ нѣсколько времени Саблинъ приходитъ и говоритъ: «дайте еще кого-нибудь; тѣ безтолковы», между тѣмъ какъ Гузовъ и Былинка были одни изъ самыхъ толковыхъ. «Нѣтъ,—говорятъ крестьяне,—сперва возвратите намъ Гузова и Былинку, тогда мы дадимъ вамъ другихъ». Послѣ многихъ толковъ, мужиковъ вывели на площадь, окружили въ нѣсколько рядовъ солдатами и понятыми; по указанію Хрущева, человѣкъ двадцать пять заковали въ кандалы и отправили въ острогъ; прочимъ-же набили колодки, перевязали назадъ руки и съ понятыми отправили пѣшкомъ, по разнымъ деревнямъ, верстъ за 15—20, съ крѣпкимъ наказомъ стеречь ихъ и никуда не отпускать до новаго распоряженія. Но крестьяне знали, что, чѣрезъ три дня, должна проѣзжать государыня. Имъ, во что бы то ни стало, хотѣлось подать ей прошеніе, которое благодѣтели ихъ къ вечеру имъ уже настрочили. Нѣкоторымъ, дѣйствительно, удалось уйти. Ихъ розыскивали по всѣмъ мѣстамъ, днемъ обошли всѣ гумна, лѣсъ и болота, ночью шарили съ фонарями, но никто не попался, потому что сами искавшіе имъ сочувствовали. Курибскій, напр., сутки лежалъ подъ кустомъ среди болота, а другія сутки въ овинѣ, не ѣвши и не пивши, съ проше-

ніемъ, выжидая проѣзда государыни. Не доѣзжая до Гаренова верстъ пять, государыня должна была перемѣнять лошадей. Питомцы бросились съ прошеніемъ туда, но она не приняла его, сказавши, что это не ея дѣло. Подававшіе прошеніе прицѣпились къ задкамъ экипажей свиты государыни и доѣхали до Гаренова. При выходѣ ея изъ церкви они опять просили, было, принять ихъ прошеніе, но государыня и здѣсь отказала. Въ самомъ Гареновѣ, между тѣмъ, у каждой двери дома, у каждого окна стояло по понятому изъ окрестныхъ деревень, затѣмъ, чтобы никто изъ жившихъ въ домахъ не смѣлъ взглянуть въ окно и кричать государынѣ. Понятымъ было приказано бить въ рыло всякую бабу, которая вздумала бы глядѣть или кричать. На другой день, по проѣздѣ государыни, всѣхъ, разосланныхъ по деревнямъ, возвратили, но отосланные въ острогъ сидѣли тамъ съ полгода.

Вскорѣ Хрущева замѣнилъ Егоръ Карловичъ Лоде. Хотя онъ поролъ крестьянъ, и не меньше, чѣмъ Хрущевъ, но, по крайней мѣрѣ, питомцевъ не посылали на казенныя работы. Въ Гареновѣ онъ управлялъ года три. Какъ при Хрущевѣ, такъ и при Лоде—порядки были аракчеевскіе. И Хрущевъ, и Лоде недобрую память оставили о себѣ въ питомцахъ!

Императрица Марія Ѳеодоровна, покровительствовавшая питомцамъ, желала улучшить бытъ ихъ, и нашла возможнымъ переселить ихъ въ Саратовскую губернію.

Въ 1826 г., 16-го марта, государю императору Николаю Павловичу поднесенъ былъ докладъ о переселеніи питомцевъ, съ проектомъ, сообразнымъ мѣстнымъ положеніямъ о ихъ будущей жизни. На докладѣ государь собственноручно написалъ: «предполагаемое новое заведеніе нахожу весьма полезнымъ и подающимъ надежду упрочить благосостояніе воспитанниковъ Воспитательнаго Дома; нужныя съ Моей стороны распоряженія съ симъ же вмѣстѣ предписываются» [1]).

Дѣло переселенія начато покупкою земли. Лоде былъ посланъ въ Саратовскую губернію отыскивать удобную для поселенія землю. Онъ осмотрѣлъ все пространство отъ Саратова до Царицына. Ему непремѣнно хотѣлось поселить недалеко отъ Саратова и, главное, Волги. По указанію купца Хахалина, торговавшаго скотомъ и снимавшаго у города Саратова степи подъ свои гурты, Лоде остановилъ свое вниманіе на этихъ степяхъ. Земля, назначенная гор. Саратовомъ въ продажу, состояла изъ двухъ участковъ—безлѣснаго и лѣснаго, отстоящихъ одинъ отъ другаго верстъ на 35. Первый состоялъ изъ 21,912 дес., второй изъ 1,166 дес. Въ нихъ неудобной земли было 2,928

[1]) Стат. описаніе Саратовской губерніи, состав. Леопольдовъ.

дес. За каждую десятину безлѣснаго участка заплачено по 22 р. и лѣснаго по 27 р. Первый стоитъ 482,064 р., второй 31,482 р., оба-же вмѣстѣ 513,546 р. Довольно много было лѣсу и въ такъ называемомъ безлѣсномъ участкѣ. Въ такъ называемомъ Кругломъ, на нынѣшнемъ № 1, и по оврагамъ, гдѣ теперь с. Николаевское, было много лѣсу— и дотого крупнаго, что онъ годился въ крестьянскую избу въ стѣну. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, въ то время, былъ хорошій лѣсъ, теперь или остался одинъ кустарникъ, или, просто, засѣвается хлѣбъ. Въ лѣсномъ участкѣ были дубы по 5 четвертей въ діаметрѣ. Теперь едва можно найти въ четверть. Около с. Николаевскаго не осталось даже признака, что тутъ, когда-то, былъ крупный лѣсъ. Все теперь превратилось въ голую степь.

Въ 1828 году высланы въ саратовскую городскую думу отъ московскаго Опекунскаго Совѣта билеты сохранной казны, и земля поступила въ вѣдѣніе Воспитательнаго Дома [1]).

Въ то время населеніе было рѣдкое, степи привольныя, настоящаго хозяина, такъ какъ земля была всего города, не было. Степи сдавались въ аренду скотопромышленникамъ, для пастбищъ гуртовъ скота, а для нихъ ничего не значило, если въ арендуемыхъ ими нѣсколькихъ тысячахъ десятинъ недоставало 300—400 десятинъ. При томъ, не только арендаторы, но и сами хозяева не знали количества своей земли. Даже теперь, черезъ 50 лѣтъ, Саратовъ не можетъ привести въ извѣстность владѣемыхъ имъ земель; а тогда, за 50 лѣтъ назадъ, никто объ этомъ и не думалъ. Ближайшіе-же помѣщики свое дѣло знали. Помѣщикъ Угримовъ захватилъ всю лучшую часть западной границы. На западной границѣ, съ сѣвера на югъ, течетъ маленькая рѣчка, впадающая въ рѣчку Идолгу. Рѣчка эта считалась границею между городскими землями и землею Угримовыхъ. На правомъ берегу рѣчки стояла д. Карамышка и барская усадьба. Угримовы перенесли половину деревни на лѣвый берегъ, на городскую землю, построили господскій домъ, развели садъ и захватили до 300 дес. хорошаго лѣсу. Теперешніе, такъ называемые карамышинскіе лѣса, поэтому, должны бы были принадлежать теперь питомцамъ, какъ бывшіе саратовскіе. При покупкѣ Опекунскимъ Совѣтомъ земли

---

[1]) Въ пятидесятыхъ годахъ Саратовъ потребовалъ отъ Оп. Совѣта долгъ. Оп. Совѣтъ сдѣлалъ докладъ государю Николаю Павловичу. На докладѣ государь написалъ—не помню теперь буквально что, но мысль государя такова: съ уплатою Саратову долга, не подорвется-ли въ своихъ средствахъ Оп. Совѣтъ? Такой вопросъ государя Саратовъ принялъ за прямой себѣ отказъ, требованій болѣе не возобновлялъ, и деньги за Опекунскимъ Совѣтомъ остались.

у Саратова, конечно, нужно было возобновить межи. Для этого нашли нужнымъ прибѣгнуть не къ планамъ, а къ памяти старожиловъ-стариковъ. Старики пошли по степи, за ними пошелъ плугъ, и навсегда закрѣпилъ межи. Теперь, если посмотрѣть на границу с. Николаевскаго и участки № 1, прилегающіе къ д. Карамышкѣ, то невольно бросается въ глаза несообразность. Идя по межѣ, вы дѣлаете самые фантастическіе уклоны, подъ различными углами. Линія ломается, иногда, саженяхъ на 10-ти, чего, конечно, при огромныхъ участкахъ, быть не могло ни коимъ образомъ. При этомъ вы, опять невольно, замѣтите, что всѣ лучшія мѣста обойдены и въ питомскую дачу не попали. Такъ или иначе, но земля была куплена.

На купленной землѣ предполагалось поселить столько питомцевъ, чтобы на каждую душу приходилось по 15 дес.

На купленной землѣ одно, довольно высокое мѣсто при большой тамбовско-саратов. дорогѣ, вблизи р. Идолги, понравилось Лоде. Но мѣсто это было съ оврагами, лѣсомъ и небольшимъ болотомъ. Лоде вздумалось построить тутъ первое поселеніе и сдѣлать его центромъ другихъ, послѣдующихъ поселеній. Лоде вырубилъ по оврагамъ лѣсъ, засыпалъ ихъ и выровнялъ мѣсто. Приходившееся посреднѣ болото спустилъ и засыпалъ мусоромъ строившагося впослѣдствіи дома. На западной сторонѣ с. Николаевскаго (нынѣшняго), по оврагу, былъ, вплоть до карамышинскаго лѣсу, крупный строевой лѣсъ; между нынѣшнимъ домомъ священника и домомъ крестьянина Ѳ. Е. Цыганова былъ глубокій оврагъ и, тоже, съ лѣсомъ. Вверху этого оврага былъ такой родникъ, что на немъ могла стоять небольшая водяная мельница. Все это вырублено, вычищено, засыпано и выровнено. Родникъ находился вверху, и заваливать его не было нужды; но онъ, во-первыхъ, протекалъ черезъ селеніе и портилъ улицу, а во-вторыхъ, его нашли, впослѣдствіи, опаснымъ для здоровья. Въ 100 неболѣе саженяхъ отъ него устроена общественная, казенная рига и гумно. Начальство, опасаясь, чтобы питомцы, работавшіе въ ригѣ и вспотѣвшіе, не простудились, напившись ключевой воды,—засыпало эту драгоцѣнность, оставивши жителей съ соленными колодцами и тухлой водой въ рѣчкѣ. Спустя лѣтъ 20, много было попытокъ отыскать родникъ этотъ, но вода не найдена. Вѣроятно онъ, далеко отъ прежняго выхода, принялъ другое направленіе. Въ прежнее время лѣсу дотого было много въ этихъ мѣстахъ, что онъ служилъ притономъ разбойникамъ. Есть преданіе, что въ концѣ, на западной сторонѣ с. Николаевскаго, гдѣ теперь нѣтъ и признаку лѣса, былъ большой лѣсъ, и тутъ жилъ разбойникъ Кувыканъ. Съ поселеніемъ д. Карамышки, Кувыканъ ушелъ въ глубь лѣса. У него была большая

шайка и построено нѣсколько избъ. Когда Кувыкана убили, и шайка разбрелась, на это мѣсто пришли переселенцы изъ Рязанской губерніи и образовали деревню Кувыку, отстоящую теперь отъ с. Николаевскаго на 3 версты и имѣющую населенія до 180 домовъ. Западный конецъ этой деревни и теперь зовутъ рычами, или рычевкой, какъ людей не мѣстнаго происхожденія и сходныхъ съ мордвою. Лѣсу, гдѣ теперь д. Кувыка, нѣтъ и признака. Но я засталъ стариковъ, которые указывали мнѣ на мѣста, гдѣ были глубокія озера и лѣсъ, и гдѣ, въ то время, стояли уже крестьянскіе дома. Въ недавнее время, на томъ мѣстѣ, гдѣ преданіе указываетъ первоначальное пребываніе Кувыкана, рылись ямы для кирпичнаго завода, и въ одномъ мѣстѣ найдены человѣческія кости. Этотъ случай подтверждаетъ преданіе. Все это нейдетъ къ моему очерку о питомцахъ, но воспоминанія былаго наводятъ грусть, и воспоминанія эти невольно ложатся подъ перо. Грустишь, конечно, не о Кувыканахъ, а о томъ, что люди, изъ благодатной мѣстности, ухитрились сдѣлать голую, безводную степь, лѣтомъ выжигаемую солнцемъ, а зимою дающую полную волю ураганамъ.

Лоде сдѣлалъ подряды на всѣ постройки. Высланъ былъ инженеръ итальянецъ, фамиліи котораго я теперь припомнить не могу. Главными подрядчиками были Китаевъ, Шеинъ, Давыдовъ и Мельниковъ. Инженеръ былъ взяточникъ и страшная каналья. На каменныхъ постройкахъ онъ бралъ взятки даже съ возчиковъ кирпича. Съ кирпичнаго завода кирпичъ отпускался непремѣнно цѣлый, и если дорогою, или при складкѣ, возчикъ разобьетъ хоть одинъ кирпичъ, то инженеръ бралъ штрафъ, по 1 р. 50 к. асс. На работы онъ выходилъ дня черезъ 3—4 и даже рѣже. А работа была спѣшная, рабочихъ было множество, и въ день укладывали большія стѣны. Приходитъ инженеръ, находитъ невѣрность кладки и велитъ разламывать. На кладкѣ одного только восьмерика церкви разорились три подрядчика, разорились и всѣ остальные, а ихъ перебывало немало.

Однажды инженеръ увидѣлъ, что въ кирпичъ, въ глину, попало немного земли. Бѣжитъ, какъ бѣшеный, къ Лоде. Тотъ: «кучеръ, кучеръ! Лошадей, скорѣй! Бери больше съ собой розогъ!». (Кучеръ этотъ, Степанъ Плотниковъ, и теперь здравствуетъ). Подрядчикомъ по кирпичному дѣлу былъ купецъ Рѣшетовъ. Прискакали. Лоде выскочилъ изъ коляски и закричалъ:

«Какъ ты.... смѣлъ!.. Я запорю тебя!»

— Вы не смѣете, я купецъ.

«Не смѣете? Купецъ? А знаешь ли ты, кто я!? Я посланъ отъ самого царя!.... Розогъ!»

Рѣшетовъ испугался и улепетывать, было, въ степь, но его догнали и задали страшную порку. Послѣ этого онъ бросилъ работу. Подрядчикъ на поставку желѣза, купецъ Мельниковъ, впослѣдствіи, подарилъ въ церковь икону Воскресенія Христова, набранную, преимущественно, изъ горнаго хрусталя, очень хорошей работы. Икона эта и теперь въ церкви.

При Лоде построенъ домъ для управляющаго и большой четырехъэтажный домъ для помѣщенія служащихъ, какъ-то: доктора, бухгалтера, письмоводителей, двоихъ фельдшеровъ, ветеринара, эконома, коновала, акушерки, а также аптеки, больницы, на 30 кроватей, и мелкихъ служащихъ. Тутъ же была устроена домовая церковь. На томъ мѣстѣ, гдѣ предположено было построить церковь, какъ я сказалъ уже, было небольшое болото. Лоде спустилъ воду, засыпалъ мусоромъ и заложилъ церковь. Лоде жилъ въ колоніи всего три года, и церковь отстроена уже при Кнорре. Въ тотъ же годъ, какъ окончена была работа по церкви, она была отштукатурена и внутри вся окрашена малиновою краскою. Тотчасъ по окраскѣ, приглашенъ былъ преосвященный Іаковъ для освященія. На освященіе народу набралось множество. Непросохшая еще церковь, во время освященія, такъ вспотѣла, что вся краска сползла со стѣнъ кусками въ нѣсколько пудовъ. Кромѣ того, глина для кирпича бралась съ солонцеватой мѣстности. Отъ этихъ двухъ причинъ штукатурка не держится на ней и до сего времени. Дало почувствовать себя и болото. Церковь дала трещины по всѣмъ угламъ, крыльца осѣлись, а двѣ желѣзныя двери совсѣмъ не отворяются. Холодъ и сырость всегда невыносимые. Рѣдкій проходитъ великій постъ, чтобы изъ говѣвшихъ кто-нибудь не простудился и не померъ. Топить—нѣтъ средствъ. Вообще же церковь: большая, свѣтлая и красивая дотого, что она сдѣлала бы честь даже столицѣ. Для поддержанія ея питомцы освобождены высочайше отъ всѣхъ обыкновенныхъ взносовъ навсегда. Постройка церкви стоитъ 32,404 р. $70^3/_4$ к.

По обѣ стороны большаго дома построено по одному дому въ два этажа, тоже каменные. Въ одномъ, вверху, жили брандмейстеръ и учитель школы; низъ отапливался, и тамъ помѣщались пожарные инструменты; въ другомъ—помѣщеніе для школы и мастерскія. На восточной и западной сторонахъ—деревянные дома для причта. На случаи пожаровъ, крестьяне, впослѣдствіи, постоянно держали поочереди наготовѣ 4 лошади. Построены были 4 бани, двѣ мужскія и двѣ женскія; построена кузница, складочный и запасный магазины, водяная мельница и слесарня. Впослѣдствіи, когда построено было нѣсколько селеній, то на большомъ домѣ устроена была высокая каланча, гдѣ

постоянно находился сторожъ и наблюдалъ за всѣми селеніями. Въ случаѣ пожара, сторожъ давалъ знать, и пожарная команда скакала туда. Ниже каланчи стоялъ большой гербъ, съ изображеніемъ пеликана, питающаго дѣтей, съ подписью внизу: «и вы живи будете». Позади дома управляющаго посажено чернолѣсье и заведенъ фруктовый садъ, съ теплицею и парниками. Дома крестьянъ построены въ одну улицу. Между каждыми двумя домами широкій проулокъ; два дома составляютъ кварталъ; два дома имѣютъ въ срединѣ, по улицѣ, такой же величины амбаръ, раздѣленный внутри на двѣ половины, для обоихъ домовъ. На каждые 10 домовъ—колодезь. Всѣ вообще постройки колоніи произведены необыкновенно добросовѣстно. Нельзя увидѣть нигдѣ, не только у зажиточнаго крестьянина, но даже и у помѣщика старыхъ временъ и купца, такой прочной постройки, какъ постройки питомцевъ. Тамъ, гдѣ нужно было положить вершковую доску, положена полубрусина. Желѣзные крючья, петли, болты и пр. все это такой толщины, что—еслибъ были тоньше, даже больше половины того, и то было бы совершенно достаточнымъ. Нельзя требовать лучшихъ построекъ: по прочности, онѣ, въ полномъ смыслѣ слова, образцовыя. Улицы широкія; по обѣимъ сторонамъ, вдоль улицы, вымощены кирпичемъ бульвары; по обѣимъ сторонамъ бульваровъ посажены березы и липы.

Къ пріѣзду питомцевъ щепу и мусоръ подобрали, улицу вымели, все очистили; крупную щепу сложили кучами во дворы, для топлива; наемными рабочими, нѣмецкими колонистами, посѣяны пшеница, рожь, овесъ и просо. Наняты: кузнецы, слесаря, бондари, колесники, портные, сапожники и плотники. Учреждена вспомогательная касса, при которой, кромѣ денегъ, имѣлись: масло, соль, мыло, сальныя свѣчи, деготь, колеса, топоры, косы, серпы и проч. вещи, необходимыя въ хозяйскомъ быту.

Лоде построилъ село Николаевское и 12 дворовъ села Александровскаго.

III.

Когда все было готово для водворенія, смоленскимъ питомцамъ велѣно было продавать все свое имущество, кромѣ домовъ и лошадей. Весною 1830 года они тронулись на новое жительство. Но это не было обыкновенное переселеніе крестьянъ—нѣтъ, ихъ провожали: докторъ, брандмейстеръ (мѣстный полицеймейстеръ), письмоводитель, экономъ и мѣстныя власти полиціи. Это было торжественное шествіе. Впереди обоза сновали сотскіе и десятскіе, за ними ѣхали чиновники, сзади—питомцы. Всякому встрѣчному сотскіе махали и кричали: прочь, ворочай въ сторону, питомцы ѣдутъ! А питомцы сидятъ и важничаютъ. Гареновское переселеніе состояло изъ 62-хъ семействъ, при нихъ были «товарищи» и «малолѣтки». Въ хорошую погоду они останавливались за селомъ или городомъ, въ дурную имъ очищали квартиры. Въ дорогѣ имъ выдавались кормовыя деньги, по 60 к. на человѣка, считая тутъ и дѣтей. 13-го іюня 1830 года питомцы пріѣхали. На границѣ ихъ новой земли ихъ встрѣтилъ Лоде со всѣмъ новымъ штатомъ служащихъ, бухгалтеромъ, письмоводителями, экономомъ. Всѣ выѣхали за 3 версты къ такъ-называемому нынѣ Кочкарю. Встрѣтили ихъ честь-честью, хлѣбомъ-солью. Лоде и всѣ чиновники со всѣми перецѣловались и поздравили съ благополучнымъ пріѣздомъ. Дома означены были нумерами, и нумеръ былъ прибитъ къ воротамъ. Тутъ же брошены были жеребья, и Лоде каждаго хозяина ввелъ въ домъ и поздравилъ съ новосельемъ. Всѣ печи были вытоплены, и въ каждомъ домѣ былъ приготовленъ обѣдъ. Самый домъ былъ полонъ всѣмъ. Для хозяина привезено было и уложено въ домѣ: топоры, пилы, аксы, косы, серпы, долота, буравчики, пешни, ломы, клещи, молотки и пр. и пр.; на дворѣ: телѣги будничныя, рабочія, телѣжки праздничныя, будничная и праздничная упряжь, плуги, веревки и пр. и пр. Для хозяйки: кадки, боченки, бочки, корыта, сита, рѣшета, чугуны, горшки, ухваты, сковороды, сковородники, 100 иголъ, мотокъ нитокъ, кусокъ мыла, гребень и зеркальце. Словомъ—имъ, самымъ дѣломъ, говорилось: уберись, умойся, причешись и посмотрись! Нельзя встрѣтить въ самомъ богатомъ крестьянскомъ домѣ и половины того, что дано было питомцамъ. Имъ даны также 4 коровы, 10 овецъ съ бараномъ и 10 куръ съ пѣтухомъ.

На другой день по пріѣздѣ, имъ выдана мѣсячная пропорція: по 2 п. ржаной муки, по 10-ти ф. крупъ и по 3 р. денегъ на человѣка. Кромѣ того, выдавалось, въ теченіе всего года, ежедневно:

по 2 ф. мяса и по 1 ф. масла, въ скоромные дни—коровьяго, а въ постные—коноплянаго, на каждое лицо, въ томъ числѣ и на дѣтей, даже грудныхъ.

Всего вдоволь, работы никакой, а давали даже деньги. И питомцы, отъ полученія до новаго полученія, только пили. Хотя въ положеніи о питомцахъ сказано было: «питейные дома запрещаются въ поселеніяхъ питомцевъ на вѣчныя времена», но д. Кувыки всего въ 3-хъ верстахъ—это первое, а во-вторыхъ, никто не могъ запретить пить, да никто и не запрещалъ пить привезенное оттуда, или ѣхать пить туда,—и питомцы пили безобразно.

Первая полевая работа, которую питомцамъ пришлось производить, былъ покосъ ковыля. Но Саратовскихъ ковылей, въ полтора аршина вышины и крѣпче тростника, они не только не кашивали, но и не видывали. Одна артель, въ 16 человѣкъ, двѣ недѣли маялась надъ нимъ, и накосила всего возовъ 7. Въ первое же лѣто пріѣхалъ князь Гагаринъ, для освидѣтельствованія поселенія. Питомцы явились къ нему съ жалобами на ковыль. Гагаринъ посмѣялся, и велѣлъ косить поемные луга. И теперь, по этому случаю, смѣются надъ первыми поселенцами: «вы всѣмъ недовольны, на васъ никто не угодитъ! Вы на ковыль подавали Гагарину просьбу». Для того, чтобы пріучить питомцевъ пахать новыя земли плугами, наняты были нѣмецкіе колонисты въ руководители, на каждые 10 дворовъ по нѣмцу. Сами руководители состояли подъ управленіемъ одного, называвшагося головой. Питомцамъ выданы были конные троичные плуги. Гагаринъ, чтобы заохотить питомцевъ къ хозяйству, говорилъ: «вотъ вамъ мать ваша, государыня Марія Ѳеодоровна, сколько купила земли-то! Куда ни взгляни, вездѣ ваша земля, глазомъ не окинешь! Все ваше, работайте и благодарите ее». Такъ какъ постройка колоніи была спѣшная, то многія деревья по бульвару засохли, въ первое же лѣто. Лоде, чтобы показать Гагарину товаръ лицомъ, передъ пріѣздомъ его послалъ гонцовъ впередъ на нѣсколько станцій, чтобы тѣ скакали и извѣстили о часѣ пріѣзда Гагарина. Какъ-только гонцы прискакали и извѣстили, что князь пріѣдетъ завтра, Лоде сію минуту послалъ въ лѣсъ нарубить березокъ; натыкали ихъ вдоль бульвара, какъ это дѣлается на Троицу,—и зазеленѣло все село! Гагаринъ всѣмъ остался доволенъ, пробылъ всего два дня, и березокъ на его пріѣздъ стало. На другой день по его отъѣздѣ, ихъ, разумѣется, повыдергали.

Я говорилъ, что нѣмецкіе колонисты, передъ пріѣздомъ питомцевъ изъ Смоленской губерніи, посѣяли имъ хлѣбъ. Хлѣбъ этотъ питомцы должны были убрать сами. Изъ сжатаго хлѣба имъ дозволили

взять по 4,000 сноповъ ржи, пшеницы и овса и по 1,000 сноповъ проса. Остальное они убрали въ казенный магазинъ на продовольствіе служащимъ, и на тотъ случай, еслибы кому пожелалось посѣять больше.

На слѣдующій годъ питомцы села Николаевскаго посѣяли хлѣбъ для себя, сколько хотѣли, по 12-ти саж. отъ двора на казну и по 4 дес. для имѣвшихся поселиться вновь въ с. Александровскомъ питомцевъ, т. е. они приготовили своимъ будущимъ товарищамъ хлѣбъ, какъ приготовили имъ самимъ нѣмцы. Новые переселенцы, въ свою очередь, приготовляли посѣвы своимъ послѣдующимъ поселенцамъ. Учителя-нѣмцы переходили отъ однихъ учениковъ къ другимъ. Поучивши пахать всѣхъ вновь прибывавшихъ питомцевъ по году, нѣмцы отправились домой.

На другой годъ питомцамъ с. Николаевскаго выдали по 15 деревъ яблонь и по нѣсколько ягодныхъ кустовъ, для посадки между кварталами. Садовъ этихъ, однакожъ, никто не поддержалъ, хотя мѣста эти и до сихъ поръ зовутся садка̀ми.

На другой же годъ пріѣхалъ опекунъ Арсентьевъ. Онъ и потомъ ѣздилъ почти каждый годъ. И кн. Гагаринъ, и Арсентьевъ, и др. опекуны, всѣ выходили къ питомцамъ въ полной формѣ—въ мундирахъ со звѣздами. Арсентьевъ имѣлъ обыкновеніе ходить между рядами крестьянъ и спрашивать: всѣмъ ли они довольны, не обижаетъ ли ихъ управляющій, не имѣютъ ли въ чемъ нужды? «Помните,—говаривалъ онъ имъ,—что матушка Марія Ѳеодоровна не оставитъ васъ и все дастъ вамъ, что̀ вамъ нужно. Вотъ она сколько земли-то дала вамъ, и все это ваше,—ваше собственное». Всѣ—и свое, и пріѣзжее начальство—толковали имъ, что вся земля подарена имъ навѣчно. Нужно, значитъ, только было приложить стараніе. Но земля эта была не смоленская. Нужно было поднимать ее воловыми малороссійскими плугами, а ихъ не только не было у нихъ,—они даже и не видывали, какъ пашутъ на волахъ, и что̀ это за плуги. Поэтому управляющіе отдавали крестьянамъ ближайшей деревни Кувыки пахать степи и пользоваться за это первымъ посѣвомъ; оборотъ пахали уже питомцы. Даже сами питомцы выбирали землю, гдѣ и сколько хотѣли, отдавали пахать кувыкскимъ крестьянамъ, а сами брали часто уже третій хлѣбъ. Иногда, не спрашивая управляющаго, отдавали года на три исполу. Управляющіе же имѣли въ виду только заохотить къ посѣву, какъ бы ни производился этотъ посѣвъ. Кувыкскіе старожилы—народъ продувной. Они не довольствовались и этимъ, и простота-питомцы приплачивали еще имъ деньгами.

При Лодэ построено селеніе Николаевское и 12 дворовъ с. Але-

ксандровскаго; потомъ, при Кнорре, еще 38 двор. въ с. Александровскомъ и с. Маріинское; далѣе построены сс. Константиновское и Михайловское. Во всѣхъ по 50 домовъ. Всѣ деревни назывались селеніями, а всѣ послѣднія вмѣстѣ—Маріинскою колоніею. Всѣ селенія носятъ имена царствовавшихъ лицъ. Отъ главнаго селенія, Николаевскаго, проложены были дороги, построены хорошіе мосты, уровнено полотно дороги и поставлены поверстные пестрые столбы. Въ каждомъ селеніи построены двухъэтажные деревянные, обложенные камнемъ дома, въ которыхъ вверху помѣщались сельскій учитель и школа, а внизу брандмейстеръ и пожарные снаряды. Помѣщенія, гдѣ находились бочки съ водою, трубы, веревки и пр., зимою отапливались. Были построены вездѣ, какъ и въ Николаевскомъ, по двѣ общественныя бани.

Въ каждомъ домѣ были: хозяинъ и хозяйка, товарищъ и товарка—мужъ и жена—и мальчикъ съ дѣвочкою—малолѣтки. Хозяинъ былъ хозяиномъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; прочіе были его работниками, или, вѣрнѣе, его крѣпостными рабами. Земля новая, земли вдоволь, четыре даровыхъ работника, домъ полонъ всего, чего недостанетъ—дадутъ, податей никакихъ, всѣ полевыя и домашнія работы отправляли товарищи и малолѣтки. Что оставалось дѣлать хозяевамъ? Пить!... И они пили, пили и пили... Вѣчно праздные и вѣчно пьяные съ высокимъ о себѣ мнѣніемъ, хозяева обращались съ товарищами и малолѣтками заносчиво и безсмысленно-безчеловѣчно. Хозяинъ обыкновенно приказывалъ: «ты, товарищъ, ступай, паши тамъ-то и спаши вотъ сколько... а ты, товарка, иди туда-то! Вы, пострѣлята-малолѣтки, ступайте туда-то!..». Самому же ему недоставало терпѣнія и взглянуть-то не только на то, какъ работаютъ, но и на то, гдѣ работаютъ,—гдѣ сѣется его пшеница, и пр. Хозяинъ приказывалъ, значитъ, тѣ должны дѣлать. Прикажетъ, а самъ идетъ къ брату (питомцы звали другъ друга братьями) пьянствовать. Наконецъ хлѣбъ обмолоченъ и ссыпанъ въ амбаръ. На ихъ тогдашнее счастіе, а вѣрнѣе—горе, на новыхъ земляхъ хлѣбъ родился великолѣпный. Лошади у питомцевъ, вообще, были отличныя; но, кромѣ рабочихъ, у каждаго непремѣнно было по рысаку. Хозяинъ приказывалъ: «къ завтраму насыпать пять возовъ пшеницы, я ѣду въ городъ». До свѣта товарищи (мужъ и жена) и малолѣтки приготовятъ телѣги, насыпятъ хлѣба, приготовятъ все нужное къ отъѣзду и запрягутъ ему лошадь въ хорошенькую телѣжку. Товарищъ подъузцы подводитъ къ крыльцу лошадь, а малолѣтокъ идетъ докладывать: «хозяинъ! все готово!». Хозяинъ съ хозяйкой выходятъ на крыльцо, видятъ, что все готово, садятся въ телѣжку; малолѣтокъ отворяетъ ворота, и хозяинъ во всю мочь пускаетъ своего рысака. За нимъ потянется его обозъ. Въ Са-

ратовѣ хозяинъ развернулся во всю русскую ширь: пропилъ весь хлѣбъ, недостало—пошла туда же и лошадь. Пропивши все, пріѣзжаетъ домой полуживой, оборванный, растрепанный, въ грязи... Староста докладываетъ управляющему, что Ворона-де пропилъ и хлѣбъ, и лошадь. «Ахъ, онъ!... Взять его въ трубную подъ арестъ, на три дня, на хлѣбъ да на воду!» (трубная—это теплая и чистая большая комната, гдѣ стояли пожарныя трубы). Просидитъ Ворона три дня, и пойдетъ опохмѣляться; а управляющій разсуждаетъ; «какъ же теперь Ворона будетъ съ четырьмя лошадьми? Вѣдь этакъ и хозяйство разстроится. Купить ему лошадь на казенный счетъ!». И Ворона зажилъ по-прежнему. Вздумается хозяину куда-нибудь поѣхать,—къ обѣднѣ, или въ другую деревню къ брату,—обычнымъ порядкомъ ему подводятъ къ крыльцу лошадь. Одинъ изъ работниковъ докладываетъ, что лошадь готова, другой отворяетъ ворота. Какое бы ни было время года и какая бы ни была погода: вьюга, метель, дождь, или жара,—малолѣтокъ долженъ былъ стоять у воротъ и дожидаться возвращенія хозяина. Хозяину, можетъ-быть, вздумается воротиться съ дороги, а можетъ-быть, вмѣсто церкви, по дорогѣ, завернуть въ кабакъ и пропьянствовать тамъ до ночи, а можетъ-быть, придется захватить и ночки:—малолѣтокъ хоть замерзни, хоть тресни отъ жары, а у воротъ стой, чтобы было кому встрѣтить хозяина. Дѣло немыслимое, невозможное, чтобы хозяина никто не встрѣтилъ, чтобы никто не помогъ сойти ему съ телѣжки и не припялъ тотчасъ лошади! Пьяный хозяинъ развалится на кровати и оретъ: «малолѣтки! что ноги говорятъ?». Тѣ съ подобострастіемъ подходятъ и цѣлуютъ ноги. «А ты, товарищъ, что рука говоритъ?». Тотъ съ женой подходятъ и цѣлуютъ руки. Все это похоже на сказку; но я пишу историческій очеркъ, не выдумывая ни полуслова. Впослѣдствіи, когда товарищи и малолѣтки были отобраны отъ хозяевъ, я много разъ бывалъ свидѣтелемъ упрековъ хозяевамъ отъ бывшихъ товарищей. Бывало и такъ: смѣняется лошадьми—магарычъ; смѣняется коровами—магарычъ; смѣняется пѣтухами—четверть ведра водки магарыча. Больше мѣняться нечѣмъ. Давай, говоритъ одинъ, мѣняться товарищами! Начнется оцѣнка, чей и почему лучше или хуже, и улаживается придача; условились и идутъ къ управляющему за дозволеніемъ смѣняться товарищами. Ни одинъ управляющій не обращалъ вниманія на эту мѣну, и, обыкновенно, мѣна утверждалась. Тутъ пойдетъ попойка уже на недѣлю, а пожалуй, и больше. Товарищей и малолѣтковъ хозяева считали, просто, своими крѣпостными. Такое понятіе укоренилось въ нихъ, по всей вѣроятности, потому, что управляющіе, по первой жалобѣ хозяина, пороли товарищей, по выраженію питомцевъ, «сколько влѣ-

зетъ». На самомъ же дѣлѣ, по смыслу положенія о питомцахъ, всѣ питомцы были равны между собою. Старшіе по лѣтамъ, а потому болѣе опытные въ хозяйствѣ, считались хозяевами; младшіе по лѣтамъ и не занимавшіеся хозяйствомъ самостоятельно—давались имъ подъ ихъ руководство; дѣти, отъ 7 лѣтъ, вмѣсто того, чтобы подмосковные воспитатели посылали ихъ на фабрики, посылались сюда, для пріученія къ хозяйству, и они впослѣдствіи должны были сдѣлаться тоже хозяевами. «Товарищи» безпрекословно, рабски исполняли всѣ безсмысленныя требованія хозяевъ для того, чтобы заслужить хорошій о себѣ отзывъ и скорѣе, по этому, самимъ угодить на хозяйство. Сдѣлавшись «хозяевами», товарищи ничуть не дѣлались лучше своихъ бывшихъ хозяевъ, по отношенію къ товарищамъ и малолѣткамъ, а пожалуй, даже жесточе ихъ мудровали надъ малолѣтками. Бывало, иной колотитъ и приговариваетъ: «а, ты плакать! Нѣтъ, насъ N. билъ, да и плакать не велѣлъ!». Нельзя было встрѣтить нигдѣ несчастнѣе этихъ несчастныхъ сиротъ. Полунагіе, голодные и избитые они несли самыя непосильныя, тяжелыя работы. О нравственности ихъ совсѣмъ никто не думалъ. Нельзя не отнестись, только, съ должною похвалою къ бывшему тогда священнику И. А. Росницкому, который много потрудился для поддержанія ихъ нравственности, дѣлалъ все, что только могъ. Управляющіе не обращали ни на что вниманія, а сельскіе учителя, непремѣнно тоже изъ питомцевъ и всѣ холостые, были распространителями разврата, и развратa самаго гнуснаго. Въ школы, обыкновенно, ходили до обѣда мальчики, послѣ обѣда дѣвочки. Но что тамъ дѣлалось въ эти времена дня,—дай Богъ, чтобъ преданія объ этомъ не перешли въ грядущія поколѣнія...

Несмотря на это безшабашное житье, питомцы всегда были, и остались до сихъ поръ, чрезвычайно простымъ и добрымъ народомъ. Не имѣя кровнаго родства, они всегда цѣплялись за всякое родство духовное. Выкормленные, напримѣръ, одною мамкою, они считались и до сихъ поръ считаются родными братьями. Былъ докторъ И. Я. Яковлевъ, о которомъ я говорилъ уже, и въ с. Николаевскомъ крестьянинъ, по фамиліи Фуфай. Ихъ кормила одна кормилица, и они считались родными братьями. Такіе братья зовутся «молочными братьями». Яковлевъ имѣлъ нѣсколько орденовъ. Въ праздникъ, бывало, братья подопьютъ, обоймутся, да, въ артели съ другими мужиками, ходятъ по улицѣ и дерутъ пѣсни. Спросишь, бывало: «да какъ же вы братья то?»—«Какъ же! Насъ кормила одна мамка, мы молочные братья». Нынѣ даже, когда у многихъ переженаты давно внучата, кумовья—первая родня. Однажды, говоря съ ними о пьян-

ствѣ, я указалъ, до какого безобразія доходятъ пьяные. Разчувствовались мужики и отвѣчаютъ: «что и говорить! Пьяный—чего не сдѣлаешь, пьяный—кума роднаго выругаешь!». Значитъ, бо́льшаго грѣха и выдумать нельзя,—изъ грѣховъ грѣхъ. Иногда слышишь: «къ празднику надо въ городъ съѣздить, вѣдь родня съѣдется».—Да кто же у тебя родня то? «А какъ же! Кумовья съ своей родней». Родня эта сцѣпляется такъ: положимъ, что гостей ждетъ Петръ. У Петра крестилъ Иванъ. Это родной кумъ. Жена Иванова тоже, конечно, родня. Иванъ крестилъ у Тихона... Ну и ѣдутъ всѣ съ семьями къ Петру. Если у Ивана и Тихона есть женатые сыновья, то тащатъ къ Петру и сватьевъ. И такимъ образомъ тащится человѣкъ 20 и больше. Все это грустный отголосокъ сиротства, одиночества.

Податей питомцы не платили никакихъ. Ихъ заставляли только, и то по-немногу, убирать мусоръ отъ новыхъ построекъ, возить дрова для отопленія квартиръ чиновниковъ и засѣвать общ. запашки по 12-ти саж. отъ двора. Чистить и ровнять даже ихъ собственныя улицы высылались крестьяне постороннихъ селеній, иногда верстъ изъ-за 20-ти. Забавно, бывало, смотрѣть: издалека пріѣхавшій мужикъ ровняетъ дорогу, мететъ улицу, а питомецъ стоитъ у своихъ воротъ и приказываетъ: «вонъ тамъ еще сровняй, принеси, вотъ у воротъ засыпь!». Дровъ вывозилось по 5-ти саженъ со двора въ казну, а себѣ—сколько хотѣли.

Въ 1835 г. питомцамъ нарѣзали земли по 30-ти дес. и отдали въ ихъ пользованіе поемные луга—до 1,500 дес. Съ этого года съ нихъ стали брать подати по 60 р. асс. (17 р. 72 к. с.). Въ этотъ счетъ, 60 р., имъ велѣно было доставлять для казенныхъ лошадей по 60 пуд. сѣна, полагая по 30 к. асс. за пудъ, такъ что они платили по 30 р. асс. (8 р. 57 к.) деньгами и по 60 п. сѣна: Года черезъ два сѣна стали брать по стогу, и выбирался лучшій стогъ. Сѣно отвозилось на казенное гумно. Я забылъ сказать, что, кромѣ рабочихъ и разъѣздныхъ лошадей, имѣлось шесть случныхъ жеребцевъ, на казенной конюшнѣ.

По милости государыни и начальствовавшихъ, питомцы и составили о себѣ такое мнѣніе: «мы царскія дѣти, земля вся наша. Если землю и отдаютъ теперь въ аренду, то это только потому, что мы не управимся съ ней, но что арендныя деньги будутъ беречься для насъ же». Такое мнѣніе явилось, вѣроятно, потому, что капиталъ отъ сдачи земель названъ запаснымъ капиталомъ Маріинскаго общества. Питомцы отовсюду видѣли однѣ только самыя изысканныя милости и вниманіе. Государыня, въ рескриптахъ своихъ, называла ихъ не иначе, какъ дѣтушками, а потому и начальство смотрѣло на

нихъ, какъ на что-то необыкновенное, особенное, не какъ на прочихъ смертныхъ, и баловало ихъ, хотя, порою, и безъ всякой вины жестоко пороло ихъ. Но отпороть, въ то время, было дѣломъ совсѣмъ обыкновеннымъ. Мнѣ привелось читать одинъ рескриптъ государыни Маріи Ѳеодоровны такого рода: «если кто изъ питомцевъ, или служащихъ въ вѣдомствѣ Воспитательнаго Дома, найденъ будетъ въ городѣ пьянымъ, въ безобразномъ видѣ, или валяющимся на улицѣ, то полиція не имѣетъ права таковаго брать въ часть, а должна отвести его на питомское подворье, дабы заведеніе моихъ дѣтушекъ отличить отъ всѣхъ другихъ заведеній». Ну, и случилось однажды, при управляющемъ Михаилѣ Николаевичѣ полковникѣ Хрущевѣ, такъ: питомецъ, крестьянинъ села Николаевскаго, Яковъ Гавриловъ напился пьянымъ до того, что валялся на улицѣ. Полиція подобрала его и засадила въ 3-ю часть. Питомцы, бывшіе въ Саратовѣ, пришли въ неистовство. Скачутъ къ Хрущеву и, по дорогѣ, кричатъ: «питомца въ часть взяли, питомца въ часть взяли!». Все питомство разсвирѣпѣло, и все, и всѣ поднялись, какъ будто самъ Мамай пришелъ войной и хочетъ передушить ихъ всѣхъ. По улицѣ бѣготня, крикъ, неистовство, чуть не до истерики: «питомца въ часть взяли, Якова Г—ва въ часть взяли!...». Ну, пожаръ, да и только! Хрущевъ, къ несчастію, былъ страшно вспыльчивъ. Скачетъ въ Саратовъ, вбѣгаетъ въ часть и—дежурнаго квартальнаго надзирателя бацъ кулакомъ въ рыло!... «Какъ ты.... смѣлъ взять въ часть?! Знаешь, кого ты держишь въ части!... Я тебя въ Сибирь сошлю!...» И ничего, какъ будто такъ и быть подобало.

Питомцы страшно пьянствовали, но и начальство ихъ жило, какъ говорится, на широкую ногу. Гости изъ Саратова и кутежъ чуть не каждый день—круглый годъ. Особенно любилъ кутнуть, и кутнуть по-русски, на-распашку, Григорій Терентьевичъ Быстряковъ. Селеніе Николаевское стоитъ на большой дорогѣ; отъ него, ближе къ Саратову, въ трехъ верстахъ—д. Кувыка. Тамъ стоялъ кабакъ при дорогѣ на площади. Быстрякову однажды пришла въ голову блажь развернуться и кутнуть во всю ширь. Онъ велѣлъ заложить 16 троекъ, посѣли всѣ—и свои, и гости, и отправились въ Кувыку. На площади, около кабака, поставили тройки кругомъ, разостлали ковры,—и пошла во всю ивановскую!... Но, говорятъ, въ это время, кто-то проѣхалъ изъ петербургскихъ, и Быстрякову былъ потомъ нагоняй. Въ другой разъ Быстряковъ, въ разгулѣ съ своими сослуживцами, вздумалъ отправиться къ мѣстному своему священнику. Ему это тѣмъ болѣе хотѣлось, что священникъ былъ человѣкъ совсѣмъ

непьющій и самыхъ строгихъ правилъ. У него то, какъ бы наперекоръ природѣ, Быстрякову и хотѣлось потѣшить свою душеньку. Подчиненные усадили своего начальника на столъ, обставили бутылками и стаканами и, на головахъ, понесли черезъ улицу и черезъ площадь въ домъ къ священнику, съ приличнымъ, конечно, торжеству пѣніемъ. Священникъ запрятался, было, но его отыскали и усадили за столъ. Несмотря, однакожъ, на такія дурачества, Быстряковъ былъ однимъ изъ самыхъ умныхъ и дѣятельныхъ управляющихъ. Отрезвиться—ему нужно было двѣ минуты. Сядетъ, бывало, за столъ, облокотится, положитъ на руки голову и, чрезъ двѣ минуты, какъ ни въ чемъ не бывало. Однажды, во время кутежа, ему докладываютъ, что пріѣхалъ опекунъ. Быстряковъ пошелъ въ кабинетъ, посидѣлъ утерся мокрымъ полотенцемъ, надѣлъ мундиръ и—встрѣтилъ какъ слѣдуетъ. Послѣ сильнаго кутежа и двухминутнаго отдыха, онъ въ состояніи былъ писать, и писать, по-обыкновенію, и много, и дѣльно. Однажды при немъ пріѣзжаетъ опекунъ Арсентьевъ. Я уже говорилъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе ходить по рядамъ мужиковъ и спрашивать, каковъ управляющій и довольны ли они имъ. Предъ тѣмъ, какъ Арсентьеву выходить къ мужикамъ, Быстряковъ и говоритъ ему: «ваше превосходительство имѣете обыкновеніе спрашивать мужиковъ, каковы управляющіе и довольны ли они ими. Если это вашему превосходительству угодно будетъ спрашивать и теперь обо мнѣ, то потрудитесь прежде принять отъ меня вотъ это прошеніе объ отставкѣ. Я не могу допустить, чтобы мой начальникъ унижалъ меня предъ моими подчиненными и, вдобавокъ, мужиками». Арсентьевъ наговорилъ ему кучу любезностей, прошенія не принялъ, но зато ни тутъ, ни въ слѣдующіе свои пріѣзды болѣе не спрашивалъ мужиковъ объ управляющемъ. Вѣнчаться питомцы должны были спрашивать дозволенія у управляющихъ. Приходитъ, иногда, вдовый питомецъ къ Быстрякову за дозволеніемъ. Быстряковъ и кричитъ женѣ: «Даша, Даша!» Та входитъ, думая, что ее зовутъ за дѣломъ. Быстряковъ обращается къ питомцу: «дуракъ! Казнись, глядя на меня. Вотъ я съ ней 20 лѣтъ маюсь, тебѣ же Господь послалъ милость,—умерла жена, а ты самъ лѣзешь въ омутъ». Жена засмѣется, плюнетъ и уйдетъ. Докторъ И. Я. Яковлевъ имѣлъ экономку, которая, живши у него, родила троихъ дѣтей. Самъ онъ былъ холостой. Быстряковъ, разсорившись съ Яковлевымъ, велѣлъ сослать ее. Послѣ многихъ ссоръ экономка ушла. Яковлевъ впалъ въ отчаяніе и, потомъ, безумство. Жилъ онъ въ большомъ, нынѣшнемъ училищномъ, домѣ. Въ безпамятствѣ выбѣжитъ ночью и кри-

чить: «Матреша, Матреша!» И побѣжитъ въ поле. За нимъ стали наблюдать и не спускали съ него глазъ. Однажды онъ вырвался и бросился въ колодезь, но его успѣли удержать. Дня три спустя онъ схватилъ бритву и перерѣзалъ себѣ горло. Бывшій при немъ лакей его бросился и не далъ дорѣзаться. Рану зашили; Яковлевъ выздоровѣлъ успокоился самъ и усыпилъ бдительность другихъ. Но однажды, мѣсяца черезъ три, входитъ къ нему лакей и находитъ его перевѣсившимся черезъ диванъ, мертвымъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Говорили, что послѣ него много осталось денегъ, и ими воспользовался прежде другихъ прибѣжавшій Z.

IV.

Судорожная торопливость, нетактичность и непрактичность Опекунскаго Совѣта высказывались и тогда еще, при началѣ поселенія, а впослѣдствіи—и во всемъ, на каждомъ шагу его дѣйствій. Въ 1764 г., 21-го апрѣля, въ первый же день по открытіи Воспитательнаго Дома, было принесено 19 младенцевъ. Въ теченіе 100 лѣтъ, въ обоихъ Воспитательныхъ Домахъ—петербургскомъ и московскомъ—ихъ принесена, вѣроятно, не одна сотня тысячъ (если въ петербургскомъ принимается нынѣ—при другихъ совсѣмъ порядкахъ—до 700 ч.); облагодѣтельствована же такъ, какъ облагодѣтельствованы питомцы Маріинской колоніи, только самая микроскопическая частица, сперва 62, а потомъ еще 198, всего 260 семействъ. Опекунскій Совѣтъ какъ бы не зналъ объ ихъ предшественникахъ и объ ихъ послѣдующемъ наплывѣ. Облагодѣтельствована крошечная частица—и облагодѣтельствована до невѣроятныхъ размѣровъ. Изъ питомцевъ сдѣлали такихъ счастливыхъ крестьянъ, какихъ не было и не будетъ въ Россіи. Но въ этомъ благодѣяніи положены были сѣмена самой горькой, самой несчастной ихъ участи,—такой опять, какой не было и не будетъ въ Россіи, исключая, конечно, бывшаго крѣпостничества. Въ положеніи о питомцахъ сказано: «льгота дается питомцамъ на 12 лѣтъ, считая со времени ихъ водворенія; въ сіе время они изъяты будутъ отъ всѣхъ общественныхъ повинностей; по истеченіи же коихъ они должны вступить въ права казенныхъ крестьянъ. Рекрутскую повинность должны нести по истеченіи 40 лѣтъ». Стало быть, питомцы, черезъ 12 лѣтъ, должны были сдѣлаться такими же мужиками, какъ и всѣ русскіе мужики. А стало быть, и квартальный надзира-

тель, получившій плюху отъ Хрущева, черезъ 5—6 лѣтъ послѣ того, могъ того же Якова Гаврилова не только взять въ часть, но и отпороть его тамъ, какъ ему было бы угодно. Къ чему же всѣ эти милости?! Въ главномъ пунктѣ поселенія, въ с. Николаевскомъ, построенъ огромный четырехъэтажный домъ, съ двумя, по сторонамъ, двухъэтажными каменными домами; построены службы, погреба, риги, молотильный сарай, каменный магазинъ; построенъ домъ управляющему, съ двумя по бокамъ флигелями, каретникомъ, конюшней, погребами; разведенъ садъ; устроено особое управленіе съ большимъ штатомъ служащихъ, не имѣвшее сношенія съ мѣстною властію ровно ни въ чемъ и имѣвшее даже свою полицію. И все это на 12 лѣтъ! Въ самыхъ, повидимому, пустыхъ мелочахъ, и тутъ видна непрактичность. Напримѣръ, устроены общественныя бани. Баня,—это, на берегу рѣки, двѣ огромныя избы, подъ одною крышею и съ одними сѣнями. Мужчины, женщины и дѣвушки раздѣваться должны были вмѣстѣ, мыться врозь, а одѣваться опять вмѣстѣ. При казенныхъ дровахъ, при казенномъ баньщикѣ и по приказу начальства, топить общественныя бани было возможно; но соглашеніе цѣлаго селенія на приноску дровъ, на носку воды, на топку и пр.—немыслимо. Два дома составляли одинъ «кварталъ». Между ними былъ построенъ одинъ большой амбаръ, раздѣленный внутри перегородкою для обоихъ хозяевъ. Пока все было ново, дѣло цѣло; но какъ обветшало, и пошла неурядица: у одного хозяина хлѣба полонъ амбаръ, а у другаго нѣтъ ничего; тотъ свою сторону покроетъ, а этотъ нѣтъ, и гноитъ и свое, что̀ есть, и чужое. Пришлось потомъ изъ одного большаго дѣлать два маленькихъ. Но и тутъ хлопотъ было немало: одинъ хочетъ ломать, а другой говоритъ: «погоди, мнѣ теперь не до амбара». Самое хозяйство было таково: хозяинъ развелъ лишній десятокъ овецъ, двѣ-три коровы,—его, на первый разъ, управляющій награждаетъ похвальнымъ листомъ; усугубилъ стараніе, или, проще—напоилъ лишній разъ старосту и брандмейстера,—его представляютъ Опекунскому Совѣту, и оттуда высылается образъ въ серебреной ризѣ въ 20—30 р. Хозяйка прикажетъ лишній разъ товаркѣ подмыть полъ, посыпать у крыльца песочкомъ, разведетъ лишній десятокъ куръ:—Опекунскій Совѣтъ высылаетъ ей крестъ на долгой серебреной цѣпи шириною въ полвершка, который она должна была носить поверхъ раскинутаго по плечамъ шелковаго платка, какъ орденъ. Самый крестъ—длиной вершка въ полтора и формою похожъ на тѣ, какіе носятъ и нынѣ малороссіянки. Хозяина и хозяйку поощряли всѣми средствами. Но какъ-скоро хозяинъ умиралъ, то хозяиномъ

дѣлалось другое лицо и, большею частію, тотъ самый «товарищъ», который, можетъ быть, дня за два—за три до смерти хозяина, цѣловалъ его руки и съ женою валялся въ ногахъ у хозяйки. Въ тотъ же день,—въ день смерти хозяина, товарища утверждали хозяиномъ, и прежняя, нѣсколько часовъ только тому назадъ, бывшая хозяйкою, должна была тотчасъ уходить изъ дома съ дѣтьми своими, хотя бы ихъ была цѣлая куча,—куда знаетъ и кто ее приметъ. Изъ хозяйства она не имѣла права взять ни даже одной горсти хлѣба или чего-нибудь подобнаго. Бывали случаи, что бывшій работникъ, а теперь полный хозяинъ, тотчасъ же доказывалъ своей бывшей хозяйкѣ то, что его кулаки говорили:—выталкивалъ ее въ шею со всѣми дѣтьми ея,—тотчасъ. Анна Ермолаева Бредушкина, по смерти мужа, должна была тотчасъ уйти изъ дому, съ тремя мальчиками и дѣвочкой, и скитаться по чужимъ угламъ. Долго уже спустя, Хрущевъ, выстроилъ ей, изъ стараго лѣсу, на задахъ маленькую избеночку. Однажды только, въ проѣздъ высокопоставленнаго лица, управляющій Хрущевъ и сопровождавшій эту особу Еламовъ доложили ей о бѣдственномъ состояніи Бредушкиной, и ей велѣно было выдать 115 р. и положить въ банкъ до возраста дѣтей. Чрезъ 10 уже лѣтъ дѣти ея случайно получили опять хозяйство. Въ с. Михайловскомъ лѣтъ 7 хозяйничалъ нѣкто Константинъ Даниловъ. Человѣкъ онъ былъ хорошій и хозяйствовалъ хорошо. Но на него однажды пожаловался управляющему Маркусу одинъ крестьянинъ деревни Кувыки, Иванъ Питерскій,—негодяй отпѣтый. Маркусъ ѣдетъ въ Михайловское, застаетъ К. Данилова на гумнѣ и приказываетъ ему прямо съ гумна идти въ с. Николаевское въ «товарищи» къ Николаю Онисимову. Послѣ пришла его жена. Ему не дозволили взять изъ дому ровно ничего. Какъ должны были смотрѣть «хозяева» на свое хозяйство при такихъ порядкахъ? Они должны были пользоваться настоящей минутой, не заботясь о будущемъ? Такъ они и дѣлали. А поэтому, при всѣхъ огромныхъ ихъ средствахъ, въ хозяйствѣ ихъ прибавилось немного, и это немногое-то далеко не у всѣхъ. А что всего хуже, такъ это то, что они до сихъ поръ легко относятся къ хозяйству, и это перешло въ потомство ихъ.

Всѣ постройки произведены чрезвычайно прочно. Нужныхъ и ненужныхъ построекъ—пропасть. Управляющіе имѣли право дѣлать все, что хотѣли. Вздумается, напримѣръ, ему обрыть селеніе канавами, или поновить старыя около гуменъ и огородовъ,—онъ производитъ работы и доноситъ Опекунскому Совѣту, что онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать то-то, что и сдѣлалъ, употребивши на это столько-то. Опекун-

скій Совѣтъ обыкновенно утверждалъ расходъ. Опекунскій Совѣтъ потратилъ такимъ образомъ сотни тысячъ; онъ о благодѣтельствовалъ питомцевъ; но это облагодѣтельствованіе было такого рода: питомцы, по истеченіи 12-ти лѣтъ, должны были перейти въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, сдѣлаться изъ «царскихъ дѣтушекъ» такими же смиренными мужиками, какъ и всѣ русскіе мужички; должны подчиниться управленію окружныхъ начальниковъ, ихъ помощниковъ, волостныхъ правленій и сельскихъ расправъ, надзору исправниковъ, становыхъ приставовъ и сотскихъ; управляющій же, со всѣмъ своимъ многочисленнымъ штатомъ, долженъ былъ убраться снова подъ крышшко Опекунскаго Совѣта, оставивши на произволъ судьбы всѣ многочисленныя, огромныя и дорогія постройки, какъ ни къ чему уже болѣе ненужныя. Чрезъ 12 лѣтъ питомцы должны были сдѣлаться государственными крестьянами и, наравнѣ съ ними, платить всѣ повинности; но и Опекунскій Совѣтъ не хотѣлъ такъ дешево для питомцевъ раздѣлаться съ ними. Съ государственными общими повинностями и Опекунскій Совѣтъ накладывалъ на нихъ свою руку, и руку крайне тяжелую: въ проектѣ говорится: «и Воспитательный Домъ долженъ обложить ихъ, съ своей стороны, податью отъ себя». Какъ велика должна быть эта «подать», въ проектѣ этого не сказано, но не сказано, по всей вѣроятности, потому, что Опекунскій Совѣтъ не зналъ и самъ, сколько будетъ израсходовано на нихъ. Но, тѣмъ не менѣе, питомцы должны были уплачивать Опекунскому Совѣту всѣ его расходы. А это на 260 домовъ легло бы не маленькою цифрою. Изъ неплатящихъ ничего,—счастливѣйшихъ,—изъ нихъ готовили черезъ 12 лѣтъ двойныхъ плательщиковъ. Что же было бы тогда съ ними, когда они теперь, будучи уже государственными крестьянами, безъ платежа Опекунскому Совѣту, платятъ среднимъ числомъ по 60 р. с. съ двора?! Выходило, что они, дѣти, внуки и правнуки ихъ въ дальніе роды обязывались уплачивать за когда-то и для чего-то построенные дома, но теперь брошенные, разваливающіеся и ровно ни къ чему не годные. Послѣдніе управляющіе дѣйствительно и предполагали или сдать всѣ постройки подъ какую-нибудь, хотя бы табачную, фабрику, или, проще, сломать и распродать кирпичъ. Но, къ счастію питомцевъ, министерство взяло ихъ себѣ и устроило сперва учебную ферму, а потомъ марінинское земледѣльческое училище. Такимъ образомъ, то, что земледѣльческое училище существуетъ въ с. Николаевскомъ, есть случайность.

Судьбу, ожидавшую питомцевъ, знали всѣ, но только не знали

ея тѣ, кому нужно было знать болѣе другихъ—сами питомцы. Они только жили, ѣли, пили, считали себя не-на-шутку дѣтушками матушки Маріи Ѳеодоровны и—никого и ничего болѣе знать не хотѣли. Каждый годъ пріѣзжали опекуны, и каждый какъ бы обязанностію своею считалъ толковать имъ: «живите, дѣти; все матушка Марія Ѳеодоровна дала вамъ, все ваше». А такія внушенія понять было нетрудно, и питомцы поняли. А между тѣмъ, конечно, и князь Гагаринъ, и всѣ остальные опекуны хорошо знали, что въ положеніи о питомцахъ говорилось: «на купленной у гор. Саратова землѣ поселить питомцевъ, надѣлить ихъ по 30-ти десятинъ, а остальную отдавать въ оброчное содержаніе». Стало быть, не все питомское. И не нашлось опять добраго человѣка, который сказалъ бы имъ это!

При постройкѣ крестьянскихъ домовъ большое вниманіе обращено было на красоту. Два, напримѣръ, дома составляютъ кварталъ; но случалось, что одинъ домъ пришлось строить на возвышенности, а другой въ лощинѣ. Инженеръ и выводилъ для послѣдняго фундаментъ сажени въ полторы, тогда какъ у сосѣдняго дома онъ всего въ двѣ четверти. Зато, если смотрѣть издали, то у всѣхъ домовъ коньки ровные, что̀ придавало недурной видъ. И здѣсь никто не подумалъ тогда, что за лишній кирпичъ и за лишнюю работу придется со временемъ расплачиваться потомкамъ будущихъ поселенцевъ.

Въ сс. Александровскомъ и Маріинскомъ улицы шириною около 300 саженъ. Въ Маріинскомъ, напримѣръ, одинъ порядокъ дворовъ состоитъ изъ 24 домовъ, напротивъ него другой—изъ 26, а площадь улицы занимаетъ 50 десятинъ. Въ с. Александровскомъ площадь улицы еще шире. И никто не подумалъ тогда, что за эту, ни къ чему не годную землю, придется платить. Теперь за эти улицы платится пока только по 20 к. за десятину; но нѣтъ сомнѣнія, что цѣна платы повысится.

Вездѣ, а въ особенности въ сс. Николаевскомъ и Константиновскомъ, столько нарыто канавъ, позади дворовъ, во всевозможныхъ направленіяхъ, что невольно удивится всякій и никакимъ образомъ не доберется толку, зачѣмъ и для чего это изрыто. Онѣ дѣйствительно и тогда, когда ихъ рыли, не были нужны, а теперь и совсѣмъ заброшены и только портятъ выгонное поле. А между тѣмъ все рылось на шею питомцевъ. И не выискалось доброй души пожалѣть ихъ!

Всматриваясь въ положеніе о питомцахъ, не можешь надивиться его странностямъ. Въ русскомъ царствѣ хотѣли устроить какое-то особое царство: питомецъ, напримѣръ, имѣлъ право жениться только

на питомкѣ, вдова или дѣвица выдти за-мужъ только за питомца же. И это опять, прошу припомнить, только на 12 лѣтъ! И вышло такъ: многія дѣвицы, изъ малолѣтокъ, въ свое время не были взяты въ замужество никѣмъ, по перечисленіи же въ вѣдомство министерства, онѣ, устарѣвшими уже въ крестьянскомъ смыслѣ, т. е. лѣтъ 25-ти, вышли за крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна звала ихъ «дѣтушками», и начальство такъ и тащило ихъ въ родню и совершенно исключительное положеніе. По пріѣздѣ, напримѣръ, изъ Гаренова, первому родившемуся въ с. Николаевскомъ ребенку Лоде велѣлъ дать имя Николай. Это—Николай Гусевъ, здравствующій и теперь. Впрочемъ, нельзя не отдать чести питомцамъ: они до сихъ поръ съ благоговѣніемъ чтутъ имя императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ разговорахъ они не иначе называютъ ее, какъ матушка Марія Ѳеодоровна, а въ поминаніяхъ объ усопшихъ, во всѣхъ положительно, первою значится императрица Марія Ѳеодоровна.

Въ 1848 г. черезъ колонію проѣзжалъ министръ госуд. имущ. Киселевъ. Изъ колоніи онъ долженъ былъ ѣхать въ Саратовъ. Верстахъ въ семи отъ с. Николаевскаго, въ полѣ, собрались товарищи и малолѣтки подать ему прошеніе объ отпускѣ ихъ на волю отъ хозяевъ. Какъ только они увидѣли карету министра, то всѣ упали на колѣна. Министръ испугался и хотѣлъ было воротиться, но кучеръ, знавшій въ чемъ дѣло, сказалъ ему, что это за-люди. Киселевъ принялъ ихъ просьбу. Въ скоромъ времени всѣ были отпущены на свободу и разошлись въ разныя стороны. Хозяева остались безъ работниковъ. Вотъ тутъ-то и началась ихъ горькая доля! Отцамъ, всегда работавшимъ слегка, и дѣтямъ лѣтъ въ 17, не работавшимъ совсѣмъ,— пришлось работать. На большее ихъ горе, въ этомъ же году произведена была новая нарѣзка земли. Прежде надѣлъ бывалъ данъ на цѣлое селеніе, и питомцы уравнивали землю и дѣлили ее между собою; а теперь то же количество земли раздѣлено подворно, раздѣлено на круги по 6 д., и каждому кругу сдѣлана особая оцѣнка. Очень много такихъ случаевъ, что земля по оцѣнкѣ значится хорошею, а между тѣмъ она изъ самыхъ плохихъ, платить же за нее приходится какъ за лучшую. Налогъ на землю утроился. И пришлось питомцамъ работать, и работать и на себя, и на платежъ податей,— и работниковъ отняли.... Пошли недоимки.

Я говорилъ, что когда питомцы пропивали лошадей, то управляющіе покупали имъ. Имъ покупали и лошадей, и коровъ и тогда, когда скотъ умиралъ отъ заразы. Не нашлось тогда добраго человѣка, который сказалъ бы имъ, на какія средства покупается все это!

Питомцы думали, что все это имъ дарится, но на самомъ-то дѣлѣ все это покупалось на счетъ того, кому покупалось, и по книгамъ управленія вносилось имъ въ кредитъ. Такимъ образомъ, къ началу пятидесятыхъ годовъ недоимки накопилось 6,161 р.

Лѣсной участокъ отстоитъ отъ с. Николаевскаго на 35, а отъ Александровскаго и другихъ—слишкомъ на 40 верстъ. Съ самаго начала поселенія питомцы обязаны были возить по 5 куб. саженъ отъ двора для отопленія казенныхъ домовъ. И при хорошемъ порядкѣ вывезти 5 куб. саженъ не легко, а при безурядицѣ еще труднѣе; при той же неурядицѣ, какая была, въ особенности, при управляющемъ Ремлингенѣ, дѣло это было совсѣмъ обременительно: 1) За дровами посылалось тогда, когда видѣли, что дровъ оставалось мало: вешняя-ли пашня, дожди-ли, сѣнокосъ или жнитво, снѣжные-ли завалы или метели,—наряжаютъ ѣхать, и поѣзжай.... Зимою дерево нужно было сперва откопать изъ-подъ сугробовъ, срубить, очистить и вытаскивать на себѣ? 2) Всѣхъ домохозяевъ было 260. Стало быть, питомцы должны были вывозить каждогодно по 1,300 куб. саженъ. Такого количества не сжечь. Но дѣло въ томъ, что вывозили-то не всѣ 260 домохозяевъ. Въ лѣсъ ѣздили только тѣ, кто посмирнѣе и у кого особенно хорошія лошади; безлошадные и зубастые сидѣли дома. Людямъ безотговорочнымъ приходилось тяжко. Дровами, бывало, обложатъ всю сѣверную сторону селенія, отъ одного конца до другаго, а къ концу года ихъ недоставало. Дѣло въ томъ, что ихъ не кралъ только лѣнивый. Прежде другихъ, конечно, крали тѣ, кто не возилъ. Караульныхъ не имѣлось. Управляющіе хорошо знали, что дрова крадутъ, но они разсуждали такъ: «мужики привезли, мужики раскрали, мужики же и привезутъ опять,—ну, и пусть ихъ крадутъ». Но красть могли только крестьяне с. Николаевскаго, а возили-то всѣ. Питомцы, по подмосковной памяти, любили ѣздить въ извозъ. Наличные крестьяне, оставшіеся дома, вывозили дрова и за нихъ, и, разумѣется, безплатно, по приказу управляющихъ. Возка дровъ, поэтому, обременяла питомцевъ страшно.

Управляющій N. N. въ товариществѣ съ помѣщикомъ ближайшей деревни, полковникомъ Зеленко и управляющимъ саратовской случной конюшни Мезенкампфомъ, задумалъ сѣять хлѣбъ и табакъ на казенныхъ (бывшихъ питомскихъ) участкахъ, отданныхъ уже тогда въ аренду. Своихъ денегъ N. N. не имѣлъ, поэтому онъ и вздумалъ пуститься на штуки: не вкладывая и своихъ денегъ, и удерживая у себя компанейскія, — поля обрабатывать питомцами. Сколько было засѣваемо хлѣба—этого никто не зналъ, но извѣстно,

что посѣвъ былъ большой. Питомцамъ объявили, что посѣвы казенные, и они работали, какъ на барщинѣ. Посѣвы были тамъ, гдѣ теперь казенная ферма, и потому для деревни Константиновки и Михайловки, въ 5-ти и 10-ти верстахъ, было очень обременительно, даже по разстоянію. Ослушанія не допускались и наказывались строго. Надобно имѣть, при этомъ, въ виду, что Ремлингенъ сталъ сѣять хлѣбъ тогда, когда питомцамъ прибавился земельный налогъ и были отобраны товарищи и малолѣтки, а вывозка дровъ производилась тѣмъ же безпорядкомъ. Кромѣ этого Ремлингенъ заставлялъ сѣять и убирать хлѣбъ для крестьянъ бѣдныхъ, хотя бы они были отъявленные пьяницы и лѣнтяи, а такихъ оказалось немало.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ АНТОНОВИЧЪ

1740—1764.

IV [1]).

Возвращеніе императрицы.—Проекты манифеста и указы сенату.—Казнь Мировича.—Указъ Смоленскому полку.—Иностранный памфлетъ.—Свидѣтельства иностранцевъ.

Согласно своему намѣренію, императрица Екатерина II не спѣшила возвратомъ въ Петербургъ: она выѣхала изъ Риги 15-го іюля 1764 г., въ исходѣ шестаго часа вечера, и совершала путь съ остановками (à petites journées); 21-го числа она прибыла въ Гостилицы, гдѣ оставалась до 23-го іюля; отсюда выѣхала въ Нетергофъ, а 25-го іюля, въ шесть часовъ вечера, происходилъ торжественный въѣздъ Екатерины въ столицу. Восторгъ народа, по отзывамъ газетъ, былъ необычайный и неописуемый. Въ теченіе шестнадцати дней, послѣ полученія императрицею перваго извѣстія о «шлюссельбургской исторіи», она ежедневно писала къ Панину, князю Вяземскому, Неплюеву, получая и отъ нихъ извѣстія о ходѣ этого важнаго дѣла. Хотя императрица, въ вышеприведенномъ второмъ письмѣ отъ 10-го іюля, и говорила Н. И. Панину, что сумасбродная выходка Мировича нимало ее не смущаетъ, однако же изъ послѣдующихъ писемъ явствуетъ, что императрица, входя во всѣ подробности производства слѣдствія, наблюдала за нимъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Не могло быть иначе, тѣмъ болѣе, что покушеніе Мировича, по собственному счету государыни, было уже тринадцатое въ четырехмѣсячный промежутокъ времени; каждый изъ этихъ злыхъ умысловъ казался Екатеринѣ отпрыскомъ обширнаго заговора, участниками котораго могли быть

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 497—508; т. XXV, стр. 291—306.

и офицеры гвардіи, и нѣкоторые изъ вельможъ. Братья Орловы, по ненависти ихъ къ княгинѣ Дашковой, пытались уже очернить ее въ глазахъ императрицы, яко-бы Дашкова—участница въ заговорѣ Мировича. Изъ писемъ Екатерины II, написанныхъ ею съ 10-го по 25-е іюля 1764 г. нелишнимъ считаемъ привести слѣдующія выдержки, лично до Мировича относящіяся:

(11-го іюля, Панину). Хотя по вашимъ примѣчаніямъ съ основаніемъ видится, будто у Мировича сообщниковъ нѣтъ, однако полагаться не можно на злодѣя...

(16-го іюля). Я прочла календарь и записки онаго злодѣя, изъ которыхъ единомышленныхъ не видится, но только изъ одного листа видно, что онъ меня убить хотѣлъ, а чтобъ они по Петербургу неразглашали свои намѣренія, тому кажется вѣрить не можно, по неже съ святой недѣли много о семъ происшествіи почти точные доносы были, которые моимъ неуваженіемъ презрѣны.'

(18-го іюля, Неплюеву). Осторожность вашу не иначе какъ похвалить могу, что вы за Мировичами приказали безъ огласки подсматривать; однако если дѣло не дойдетъ до нихъ, то арестовать ихъ не для чего, понеже пословица есть: «братъ мой, а умъ свой».

(22-го іюля, Панину). Братъ вашъ, у котораго Мировичъ былъ адъютантомъ, сказываетъ про него, что онъ лжецъ и безстыдный человѣкъ и великій трусъ.

Еслибы иностранные «писатели»: Кастера, Сальдернъ, Гельбичъ и слишкомъ многіе другіе—читали отзывы Екатерины II о Мировичѣ, они призадумались-бы, прежде нежели написать гнусныя сказки, будто императрица сама комплотировала съ Мировичемъ, дабы путемъ его попытки къ освобожденію Іоанна Антоновича дать поводъ приставникамъ безнаказанно умертвить несчастнаго узника. Смерть его не была необходимостью для блага и спокойствія Россіи.... Изъ всѣхъ приведенныхъ уже нами выше документовъ, вполнѣ достовѣрныхъ, несомнѣнно, что не было никакой надобности погасить жизнь несчастнаго существа, уже лишеннаго разума, уже носившаго въ своемъ организмѣ начало разрушенія. Далѣе мы подробнѣе поговоримъ о вымыслахъ иностранцевъ, не заслуживающихъ ни малѣйшаго довѣрія.

Тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ, императрица занялась составленіемъ манифеста о шлиссельбургской катастрофѣ [1]). Первоначальная его редакція, на французскомъ языкѣ была слѣдующая:

---

[1]) Этотъ манифестъ въ русскомъ переводѣ, помѣченный 17-мъ числомъ августа 1764 г., напечатанъ въ «Полномъ Собраніи Законовъ», томъ XVI,

Проэктъ манифеста часть котораго писана императрицею своеручно; другая неизвѣстною рукою: объ учрежденіи уголовнаго суда надъ Васильемъ Мировичемъ:

(Рукою императрицы). Lorsque les voeux unanimes de tous Nos fidèles sujets, par la volonté de Dieu, Nous placèrent sur le thrône de Russie, Nous trouvâmes encore en vie le prince Jean né du mariage du prince Antoine Brunswic-Wolfenbuttel et de la princesse Anne de Mecklenbourg, lequel, étant encore à la mamelle, fut illegitimement (comme il est connu de tout le monde) designé Empereur sur le thrône de la Russie, et, par les décrets de la Providence, détroné pour toujors dans cette même enfance, et le sceptre héréditaire passa à la fille de Pierre le Grand, Notre très chère tante reposant en Dieu l'Impératrice Elisabeth Petrowna. Nos premiers soins à Notre avénement, après avoir rendu de justes actions de grâce au ciel, fûrent, selon l'humanité, qui nous est naturelle, de soulager, autant que faire se pourrait, le sort malheureux dès son enfance, de ce prince, détroné par la volonté du Tout-Puissant. Nous nous proposâmes de la voir, Nous même pour connaître quels soulagemens selon son caractère et l'éducation qu'on lui avait donné ci-devant—Nous pourrions lui procurer. Nous fûmes touchés de voir, qu'outre un béguayment incommode pour lui-même et presqu'incompréhensible aux autres, il était absolument privé de la raison et de la compréhension humaine. Tous ceux, qui se trouvèrent alors avec Nous, ont vu, combien Notre coeur en fut rempli de sentiment d'humanité et de pitié. Et en même temps, convaincu qu'il ne Nous restait pour ce prince malheureux dès sa naissance, d'autre aide, que de le laisser là, où il était, et de lui donner le contentement qu'il était en état de recevoir. Ensuite de quoi Nous donnâmes Nos ordres, quoique son état le priva d'y être sensible, ne connaissant ni les gens, ni ne distinguant le bien d'avec le mal, ni ne pouvant, par la lecture, adoucir sa satisfaction, et ne mettant toute sa félicité que dans la confusion des idées qui

---

№ 12,228. Другой манифестъ о винахъ Мировича находится тамъ же подъ № 12,241 и означенъ 12-го сентября того же 1764 г. При проектѣ манифеста на французскомъ языкѣ помѣщены слѣдующія хронологическія справки, писанныя неизвѣстною рукою:

Le Prince Jean naquit le 8 d'août 1740.

» » » fut déclaré Héritier du thrône le 10 d'octobre.

L' impératrice Anne mourut le 17 d'octobre; le lendemain ce prince par un manifeste fut déclaré Empereur.

Т. е.: принцъ Іоаннъ родился 8-го августа 1740 г.; объявленъ наслѣдникомъ престола 10-го октября.

Императрица Анна скончалась 17-го октября; на другой день этотъ принцъ манифестомъ былъ объявленъ императоромъ.

le privait de la raison. Pour éviter que par des vues particulières quelque malintentionné n'éprouva de troubler en ce malheureux prince, ou le repos public, Nous ordonnâmes de lui donner une garde sûre et de mettre auprès de lui deux honnêtes et fidèles officiers de garnison, le capitaine Wlassieff et (le) lieutenant Tchekin, lesquels par leur longs services militaires méritaient récompense, et ayant usé leur santé et leur bien au service, un emploi tranquille. Il était recommandé à ces deux officiers d'avoir tous les soins imaginables de lui. Avec toutes ces précautions il nous a été impossible d'empêcher un mal [et une méchanceté désespèrée, telle qu'un scélérat vient de faire éclore au mépris de sa vie à Schlusselbourg par une entreprise qui fait frémir. Un sous-lieutenant du régiment d'infanterie de Smolensk, ukraïnien de nation, nommé Wassili Mirowitz, petit-fils du premier rebelle qui suivit Mazeppa, et, comme l'on voit, parjure par le sang, ayant passé sa vie dans la débauche, la dissipation et le desordre, et s'étant par là privé des moyens permis de parvenir avec honneur à la fortune; à la fin perdit de vue la loi de Dieu et le serment de fidélité qu'il nous avait prêté, ne connaissant que par un simple écho le nom du prince Jean et bien moins encore les facultés de son corps et de son âme, se proposa pour bût, par tels moyens que ce fût, et quelque sanglant que devint le tumulte pour le public, de l'élever pour faire son propre bonheur. (Писано другою рукою): Pour l'exécution de cet attentat, aussi impie que dangereux pour le repos public et désespèré pour lui même, il pria, dans le temps de Notre voyage en Livonie, qu'on l'envoya, quoique ce ne fut pas son tour, faire la garde, qui se change tous les huit jours dans la forteresse de Schlusselbourg et la nuit du 4 au 5 du mois passé, à deux heures après minuit, il éveilla sa principale garde, la rangea de front et ordonna de charger à balle. Le commandant de la forteresse Beredni kof, ayant entendu du bruit, sortit de son quartier, et en demanda la raison à Mirovitz lui-même; mais au lieu de réponse ce rebelle lui donna avec son fusil renversé un coup sur la tête, la blessa et le fit arrêter. Puis mena avec beaucoup de fureur son monde, attaquer à coups de feu le peu de monde, qui gardait le prince Jean; mais ceux-ci, qui se trouvaient sous les ordres des deux officiers ci-dessus nommés, les reçurent tellement que le désespèré rebelle Mirowitz fut obligé de se retirer. Par la singulière disposition de la Providence, qui veille à la conservation du monde, il y avait pendant cette nuit un brouillard fort épais, qui, joint à la situation intérieure de cette forteresse, fit, qu'on n'a trouvé personne blessé, ni tué. Le peu de reussite de cette première entreprise, ne put retenir cet ennemi public de continuer son projet de rebellion:

son. désespoir extrême lui ingéra de faire ammener d'un bastion un canon avec ses munitions nécessaires ce qui fut bientôt fait. Les ci-dessus nommés, capitaine Wlassief et lieutenant Tchekin, voyant devant eux une force, à laquelle ils ne pouvaient résister, et un plus grand malheur inévitable (si celui qui leur était confié, venait à être délivré) par les flots de sang innocent, qu'il en conterait à la patrie dans des troubles pareils, prirent entr'eux la résolution d'assurer le repos public en finissant les jours de ce prince malheureux dès sa naissance.

Ils réflechirent, outre cela, que si l'extrême témérité de ce furieux parvenait à leur ôter leur arrestant, ils pourraient subir la sévérité des loix—ils tuèrent le prince, oubliant la crainte de s'exposer aux tourments et à recevoir la mort d'un ennemi désespéré. Celui-ci fut si frappé de ce coup, que voyant devant lui le cadavre et qu'il était cause de sa mort, qu'il reconnût au moment même sa témérité et son crime et en marque son repentir devant ses propres soldats, lesquels quelques heures auparavant il avait, en abusant de la discipline, mal-mené si criminellement. Ce fut alors que les officiers, qui avaient finalement terminé cette rébellion, conjointement avec le commandant, s'assurèrent du rebelle, ramenèrent les soldats á leur devoir et envoyèrent leurs rapports de ce, quoique malheureux événement, mais qui par la disposition du ciel a détourné un plus grand malheur encore, à Notre conseiller privé actuel et sénateur Panin sous les ordres duquel ils se trouvaient. Ce sénateur envoya pour le premier moment Notre lieutenant, colonel de l'armée Kaschkin, avec des ordres pour retablir la tranquillité et le bon ordre sur le lieu, et Nous envoya un courrier avec le détail des circonstances. Ensuite de quoi Nous ordonnâmes á Notre lieutenant, général de la division de Pétersbourg Weimarn de se transporter sur le lieu et de faire des informations nécessaires, lesquelles étant finies, il vient de Nous remettre les demandes, réponses, témoignages, convictions et confessions.

Nous, y ayant vu la grandeur du crime, combien il intéresse la Patrie entière et le repos public; Nous envoyons toute cette affaire à Notre Sénat, lui ordonnant ensemble avec le Synode d'inviter les trois premières classes et les présidents de tous les collèges, écouter cette affaire du lieutenant-général Weimarn, lequel en a poursuivi les informations, et de prononcer la sentence selon les loix de l'Empire et après qu'elle sera signée de tous, de Nous la remettre pour que Nous la confirmions.

При окончательной редакціи текстъ этого манифеста 17-го августа былъ нѣсколько измѣненъ, въ чемъ можно убѣдиться при

сличеніи его съ прилагаемымъ переводомъ предъидущаго французскаго текста.

Когда единодушныя желанія всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, волею Божіею, возвели насъ на россійскій престолъ, мы обрѣли еще въ живыхъ принца Іоанна, рожденнаго отъ брака принца Антона Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго и принцессы Анны Мекленбургской, который будучи еще грудным младенцемъ былъ незаконно (какъ всѣмъ извѣстно) назначенъ императоромъ на россійскій престолъ и волею Провидѣнія низведенъ съ онаго навсегда, въ томъ же младенческомъ возрастѣ, и наслѣдственный скипетръ перешелъ дочери Петра Великаго, возлюбленной теткѣ нашей, въ Бозѣ почивающей императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Первою заботою при восшествіи нашемъ, по воздаяніи благодарственныхъ моленій Всевышнему, было, по природному намъ человѣколюбію, облегчить, насколько сіе возможнымъ представлялось, участь сего отъ рожденія несчастнаго принца, волею Всемогущаго—съ престола низведеннаго. Мы положили самоочно видѣть его, чтобы вѣдать, какія облегченія—согласно его нраву и данному первоначально воспитанію, могли ему доставить. Мы были тронуты, видя, что кромѣ косноязычія, ему самому затруднительнаго и почти невразумительнаго другимъ, онъ рѣшительно былъ лишенъ разума и смысла человѣческаго. Всѣ, бывшіе тогда съ нами, видѣли, сколько сердце наше было преисполнено чувства человѣчества и жалости. Въ тоже время, убѣдясь, что намъ инаго, въ помощь сему несчастно-рожденному принцу, сдѣлать не оставалось, какъ оставить его тамъ, гдѣ онъ находился, и дать то довольство, которое онъ принять былъ въ состояніи. Вслѣдствіе чего нами даны были повелѣнія, хотя состояніемъ своимъ онъ и лишенъ былъ способности сіе чувствовать, не зная людей, не отличая добраго отъ худаго, не умѣя чтеніемъ книгъ облегчать свое положеніе, а за едино блаженство себѣ почиталъ смущеніе мыслей, разума его лишавшихъ. Во избѣжаніе того, чтобы изъ личныхъ видовъ, какой злоухищренный не покусился смущать сего несчастнаго принца, или спокойствіе общественное, мы повелѣли приставить къ нему надежный караулъ, и опредѣлить къ нему двухъ честныхъ и вѣрныхъ гарнизонныхъ офицеровъ: капитана Власьева и поручика Чекина, кои, за долговременную воинскую службу, награжденія заслуживали и, истощивъ здоровье и имущество свое на службѣ — мѣста спокойнаго. Симъ двумъ офицерамъ препоручено было прилагать о немъ всѣ елико вообразимыя попеченія. При всѣхъ сихъ предосторожностяхъ, намъ было невозможно воспрепятствовать злу низости отчаянной, которыя явилъ нынѣ съ отчаяніемъ живота своего въ Шлиссельбургѣ нѣкій злодѣй умысломъ своимъ, въ содраганіе приводящимъ. Подпоручикъ пѣхотнаго Смоленскаго полка, именемъ Василій Мировичъ, украинскій уроженецъ, внукъ перваго мятежника, за Мазепою послѣдовавшаго, и, какъ видно, по крови клятвопреступникъ, проведя жизнь свою въ распутствѣ, мотовствѣ и безпорядкѣ и тѣмъ лишивъ себя дозволительныхъ средствъ къ честному достиженію благосостоянія,—утратилъ наконецъ изъ виду законъ Божій и присягу, на вѣрность намъ принесенную: зная тожмо по-наслышкѣ имя принца Іоанна и еще того менѣе его способности тѣлесныя и душевныя, возъимѣлъ цѣлію своею — какими бы то ни было средствами и какъ бы ни былъ кровопролитенъ мятежъ — возвести его (на престолъ) собственнаго счастія своего ради. (Слѣдующее писано другой рукою). Для приведенія

въ исполненіе сего злодѣйскаго умысла, одинаково богопротивнаго и опаснаго для спокойствія общественнаго и для него самого отчаяннаго, онъ просилъ во время путешествія нашего въ Лифляндію, дабы его послали, хотя то и не была ему очередь, въ караулъ, еженедѣльно смѣняемый въ Шлиссельбургской крѣпости, и въ ночь съ 4-го на 5-е число минувшаго мѣсяца, въ два часа по полуночи, разбудивъ главныхъ стражей, выстроилъ ихъ во фрунтъ и велѣлъ заряжать ружья боевыми патронами. Комендантъ крѣпости Бередниковъ, услышавъ шумъ, вышелъ изъ своей квартиры и спросилъ о причинѣ онаго, самого Мировича; но, вмѣсто отвѣта, сей мяжежникъ нанесъ ему прикладомъ ружья ударъ въ голову, ранилъ и велѣлъ арестовать. Потомъ съ великою яростію повелъ своихъ солдатъ на атаку ружейнымъ огнемъ малаго числа стражей, охранявшихъ принца Іоанна; но сіи послѣдніе, бывшіе подъ командою двухъ вышеупомянутыхъ офицеровъ, встрѣтили ихъ такъ, что отчаянный мятежникъ Мировичъ былъ принужденъ ретироваться. По чудесному предопредѣленію Промысла, который блюдетъ надъ сохраненіемъ вселенной, въ эту ночь былъ весьма густой туманъ, который, купно со внутреннимъ расположеніемъ этой крѣпости, былъ причиною, что не оказалось ни раненыхъ, ни убитыхъ. Неудача сего перваго покушенія не остановила сего общественнаго врага въ продолженіи имъ мятежнаго предпріятія: крайнее отчаяніе внушило ему велѣть стащить съ бастіона пушку съ необходимыми снарядами, что вскорѣ было исполнено. Вышеупомянутые капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ, въ виду силы, которой не имѣли возможности противиться, и еще того большаго и неизбѣжнаго бѣдствія (еслибы довѣренный ихъ охраненію освобожденъ былъ) отъ потоковъ неповинной крови, при подобныхъ возмущеніяхъ къ прискорбію отечества проливаемыхъ, рѣшили между собою обезпечить общественное спокойствіе прекращеніемъ жизни сего принца, отъ рожденія (несчастнаго).

«Кромѣ того, они разсудили, что буде крайняя дерзость сего пступленнаго возможетъ исторгнуть у нихъ арестанта, то они могутъ подвергнуться всей строгости законовъ: они умертвили принца, позабывъ страхъ быть преданными истязаніямъ и смерти отъ отчаяннаго врага. Оный, симъ ударомъ, только былъ пораженъ, что, видя предъ собою трупъ, а себя причиною его смерти, въ ту же минуту сознался свою дерзость и преступленіе и изъявилъ раскаяніе предъ своими солдатами, коихъ, за нѣсколько часовъ передъ симъ, злоупотребляя дисциплиною, злобно велъ къ преступленію. Тогда офицеры, окончательно прекратившіе сей мятежъ, купно съ комендантомъ, арестовали мятежника, призвали солдатъ къ соблюденію ихъ долга и отправили свои репорты о семъ, хотя и злосчастномъ происшествіи, но которое, по небесному промышленію, отклонило другое, еще того большее несчастіе,—нашему тайному дѣйствительному совѣтнику и сенатору Панину, подъ начальствомъ котораго находились. Оный сенаторъ, на первый случай, послалъ нашего арміи подполковника Кашкина, съ ордерами къ возстановленію тишины и добраго порядка на мѣстѣ, и отправилъ къ намъ курьера съ подробностями обстоятельствъ. Вслѣдствіе чего мы повелѣли нашему генералъ-поручику петербургской дивизіи Веймарну отправиться на мѣсто для отобранія необходимыхъ свѣдѣній, по окончаніи котораго онъ препроводилъ къ намъ вопросы, отвѣты, свидѣтельскія показанія, увѣщанія и признанія.

«Видя изъ оныхъ великость преступленія, насколько оное соприкасается всего отечества и спокойствія общественнаго, мы отсылаемъ все сіе дѣло въ

нашъ сенатъ, повелѣвая ему, купно съ синодомъ, пригласить особъ первыхъ трехъ классовъ и президентовъ всѣхъ коллегій, къ выслушанію сего дѣла генералъ-поручика Вейсарна, по оному слѣдствіе производившаго, и произнести сентенцію согласно законамъ имперіи и, по подписаніи оной всѣми присутствующими, доложить намъ на утвержденіе».

Отрывокъ проекта манифеста (указа сенату?) о Мировичѣ, писанный княземъ Я. П. Шаховскимъ по повелѣнію императрицы.

«Что оной злодѣй низвергнуть меня съ россійскаго престола устремлялся, за то я не оскорбляяся, его прощаю, и прошу за то ему не мстить, понеже онъ не меня, но того прогнѣвлялъ, которой своими божескими судьбами на престолъ меня возвелъ, и, видя мою невинность, отъ всѣхъ коварныхъ сѣтей меня сохраняетъ. А съ какими я тщаніями и ко всѣмъ вѣрноподданнымъ доброжелательствами, оною, порученною мнѣ отъ Бога, государствованія должность исполнять стараюсь, и какой цѣны то для меня стоитъ, всякой справедливость любящій гражданинъ незнать можетъ. Что-же оной злодѣй всей имперіи нашей бѣдственныя потрясенія учинить, и несчастливому жребію многихъ гражданъ подвергнуть хотѣлъ, о томъ я сердечно соболѣзную и во удовольствіе вашего и всѣхъ моихъ вѣрно-подданныхъ оскорбленія, по прошенію вашему, онаго злодѣя оставляю въ вашей власти». (Смот. прилож. къ зап. Шаховскаго, изд. «Рус. Стар.» 1872 г. стр. 243).

Послѣ многократныхъ допросовъ, Мировичъ, признанный виновнымъ въ государственной измѣнѣ, сентенціею сената былъ приговоренъ къ смертной казни—четвертованіемъ. Императрица смягчила этотъ жестокій приговоръ, присудивъ виновнаго къ обезглавленію. Прочіе преступники, сообщники Мировича, въ числѣ шестидесяти двухъ, по степени виновности раздѣленные на категоріи, были наказаны шпицрутенами и батогами — большею частію нещадно— и сосланы въ каторгу, или въ отдаленныя команды и гарнизоны. Распредѣленіе наказаній было слѣдующее: капралы—Андрей Креневъ, Николай Осиповъ, Абакумъ Мироновъ—къ 10,000 палокъ и ссылкѣ въ работу вѣчно. Солдаты: Яковъ Писковъ— 12,000 палокъ и вѣчная каторга; Матвѣй Босовъ, Козьма Дитятевъ— 10,000 палокъ и ссылка въ работу вѣчно. Барабанщикъ Исаія Анофріевъ, флейщикъ Михаилъ Кагуринъ; солдаты: Ѳедоръ Паршинъ, Василій Третьяковъ, Дементій Дураковъ, Михайло Совцовъ, Осипъ Живулинъ, Герасимъ Кузнецовъ, Иванъ Ноздринъ, Василій Тарасовъ, Емельянъ Кононовъ, Миронъ Агутовъ, Фролъ Осиповъ,

Емельянъ Хомяковъ, Михайло Бѣлый, Михаилъ Креницкій, Григорій Сидоровъ, Муртаза Мирязевъ, Кочневъ, Киреевъ, Березинъ, Фофановъ, Волковъ, Родіоновъ, Плоховъ, Шмелевъ, Краснощековъ, Григорьевъ, Шеватинъ, Денисовъ, Князевъ, Ульяновъ, Ефимовъ, Кусковъ, Акатовъ, Горшининъ, Кузьминъ, Тюлковъ—по жеребью четыремъ человѣкамъ дать по 1,000 шпицрутеновъ, прочимъ по 5,000 (500?), и и всѣхъ на вѣкъ опредѣлить солдатами въ дальнія команды. Рядовые: Кобелевъ, Николаевъ, Тарасовъ, Маракасовъ, Кузовлевъ, Симоновъ, Багрыщевъ, Поповъ, Гончаровъ, — разослать въ дальнія команды. Фурьеръ Лебедевъ—разжаловать вѣчно въ солдаты въ дальній городъ. Артиллерійскій капралъ—Коркинъ: дать 3,000 шпицрутеновъ, разжаловать вѣчно въ гандлангеры и съ канонерами Серковымъ, Ивановымъ, гандлангерами: Стрѣлковымъ и Павловымъ—сослать въ дальнія команды. Придворный лакей Касаткинъ—высѣчь батогами и отослать солдатомъ въ дальнюю команду. Подпоручикъ Семенъ Чефаридзевъ—лишить всѣхъ чиновъ, выдержать въ крѣпостномъ казематѣ шесть мѣсяцевъ и солдатомъ опредѣлить въ дальніе полки. Канцелярист Михайловъ и сержантъ Иштиряковъ—признаны невинными и оставлены безъ наказанія.

Надежда на помилованіе не покидала Мировича до послѣдней его минуты; восходя на эшафотъ, онъ озирался во всѣ стороны, ожидая вѣстника о пощадѣ его жизни... Но казнь свершилась, въ среду 15-го сентября 1764 года. Единственный печатный оффиціальный документъ, дошедшій до насъ объ этой казни—слѣдующее объявленіе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 75-й, пятница, сентября 17-го дня, 1764 года):

«Третьяго дня, то есть 15-го числа сего мѣсяца, предъ полуднемъ, надъ бывшимъ подпорутчикомъ (sic) Мировичемъ, о котораго бунтовщицкомъ и измѣнническомъ предпріятіи въ Шлюссельбургской крѣпости въ народъ уже объявлено, состоявшимся прошедшаго августа 17-го дня ея императорскаго величества манифестомъ, на Петербургскомъ острову, на обжорномъ рынкѣ, по заключенной отъ бывшаго въ правительствующемъ сенатѣ генеральнаго собранія сентенціи, совершилась экзекуція, а именно: отсѣчена ему, при многочисленномъ собраніи народа, голова, а тѣло его ввечеру сожжено купно съ эшафотомъ. Бывшимъ-же у него въ командѣ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, которые имъ, Мировичемъ, къ возмутительному его предпріятію были соглашены и подговорены, учинено того же дня, отчасти здѣсь, отчасти при стоящемъ въ Шлюссельбургѣ-жъ полку, тѣлесное наказаніе, прогнаніемъ сквозь строй; послѣ чего разосланы они

по разнымъ отдаленнымъ гарнизонамъ, а заключенная надъ сими злодѣями сентенція того-жъ числа публикована печатными указами».

Въ послѣдній разъ имя Мировича было упомянуто въ напечатанномъ во всеобщее свѣдѣніе («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 92, вторникъ, 16-го ноября) манифестѣ слѣдующаго содержанія:

«Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссійская и проч. и проч. и проч.

«Арміи нашей пѣхотному Смоленскому полку всемилостивѣйше объявляемъ:

«Мы, по правосудію Нашему ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, не можемъ безъ чувствительнаго Намъ сожалѣнія понимать, сколь великое уныніе навели Смоленскому полку бывшій того-же полка офицеръ, бунтовщикъ Мировичъ, и команда, стоящая съ симъ злодѣемъ въ Шлюссельбургской крѣпости на караулѣ, черезъ свою измѣну, Намъ и Отечеству внедавнѣ оказанную: но какъ преступленіе, учиненное злосердіемъ одного, не можетъ вредить другихъ, никакого участія въ томъ не имѣвшихъ, то Мы, вѣдая, сколь храбро во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ сей полкъ по нашимъ регуламъ военнымъ всегда поступалъ, и сколь исправно онъ нынѣ соблюдаетъ дисциплину военную, восхотѣли оный обнадежить нынѣ, какъ и всегда, Нашею императорскою милостію, вслѣдствіе чего и повелѣваемъ, что-бъ отнюдь никто никогда не дерзалъ онаго порицать сею Мировичскою измѣною; а ежели кто противно сему учинитъ, и въ томъ изобличенъ будетъ, тотъ, яко преступникъ сего высочайшаго повелѣнія, не избѣгнетъ Нашего гнѣва и достойнаго за то наказанія. Екатерина. (М. П.). Дано въ С.-Петербургѣ, государствованія Нашего въ третье лѣто, сентября 10-го дня 1764 года. Печатано при сенатѣ, ноября 6-го».

Весь ходъ Шлиссельбургскаго дѣла, во всѣхъ подробностяхъ, былъ извѣстенъ посламъ и полномочнымъ министрамъ иностранныхъ державъ, находившимся при нашемъ дворѣ, о чемъ, помимо оффиціальныхъ донесеній своимъ кабинетамъ, они сообщили имъ много свѣдѣній, собранныхъ подъ рукою. Нѣкоторые изъ нихъ высказывали особыя догадки, предположенія о косвенномъ участіи правительственныхъ лицъ въ заговорѣ Мировича, но никто не дерзалъ такъ открыто нападать на императрицу, какъ то́ не замедлили сдѣлать иностранные памфлетисты и біографы убіеннаго принца. Изъ массы этихъ памфлетовъ особенно замѣчателенъ одинъ, напечатанный въ Лондонѣ въ 1765 году.

Этотъ памфлетъ, озаглавленный: Собраніе докуметовъ, отно-

сящихся до смерти принца Ивана [1]) и т. д., состоитъ изъ небольшой въ 8-ю д. л. брошюрки въ 31 страницу и заключаетъ въ себѣ: перепечатку, на французскомъ языкѣ, манифеста 17-го августа 1764 года (стр. 1—10); Замѣтки свободнаго англичанина [2]) на вышеприведенный манифестъ (стр. 11—15); Отвѣтъ русскаго, не-свободнаго, черезъ-чуръ свободному англичанину [3]) (стр. 16—25); Замѣтки нѣмецкаго путешественника (стр. 26—31). «Свободный англичанинъ», яростно нападая на русскую императрицу, называетъ ее единственной виновницей убіенія принца Іоанна, предавшей въ руки палачей несчастнаго Мировича, дѣйствовавшаго яко-бы по желанію Екатерины II. Не довольствуясь этой клеветой, англичанинъ высказываетъ опасенія за жизнь цесаревича Павла Петровича, который, по мнѣнію памфлетиста, можетъ пасть жертвою властолюбія своей матери. Отвѣтъ русскаго отличается сдержанностью: фактически опровергая клевету, возводимую на его государыню, онъ обращаетъ общественное вниманіе на дерзкаго памфлетиста, скрывшаго свое имя и вполнѣ заслуживающаго призыва на судъ. Упоминая о тупоуміи принца Іоанна, въ чемъ при посѣщеніи его вполнѣ убѣдились и императоръ Петръ III, и вельможи, его сопровождавшіе,—русскій говоритъ: «Иванъ не былъ рожденъ, чтобы царствовать. Между его колыбелью и престоломъ возникла непреодолимая преграда. И по какому праву могъ-бы онъ имѣть притязанія на престолъ? За отсутствіемъ своихъ правъ, какія добродѣтели могъ бы онъ заявить? Обиженный природою, лишенный способности мыслить, могъ ли онъ взять скипетръ, который былъ бы только бременемъ для его слабости, или вѣрнѣе—игрушкою, орудіемъ его слабоумныхъ забавъ и бѣдствій народа многочисленнѣйшаго въ Европѣ [4])».

Строгій, приличный тонъ «отвѣта», проникнутаго справедливымъ

---

[1]) Récueil de pièces concernant la mort du prince Iwan etc. A Londres aux depens de la compagnie 1765, petit in 8°, 31 pages.

[2]) Remarques d'un anglais libre.

[3]) Réponse d'un russe qui n'est pas libre, à un anglais qui l'est un peu trop.

[4]) «Iwan n'était pas né pour régner. Tout éleva d'abord entre le thrône et le berceau de ce prince une barrière inaccessible. Et de quel droit pouvait-il y prétendre? Avait-il au défaut de ses titres quelques vertus à produire? Déshérité par la nature, privé de la faculté de penser, pouvait-il se charger d'un sceptre qui n'eût été que le fardeau de sa faiblesse, ou plutôt l'instrument de ses jeux imbécilles et des malheurs de la nation la plus nombreuse de l'Europe?»

негодованіемъ, но чуждаго рѣзкихъ выходокъ противъ личности памфлетиста, самый слогъ статьи—обличаютъ, что она написана рукою женщины, и мы, можетъ быть, не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что отвѣтъ былъ написанъ или княгинею Е. Р. Дашковой, или самою Екатериною. Нападки «англичанина» были вдвойнѣ оскорбительны какъ государынѣ, такъ и матери; онѣ не могли пронестись безслѣдно мимо слуха императрицы.

«Замѣтки нѣмецкаго путешественника», занимающія послѣднія пять страницъ брошюры, отличаются безпристрастнымъ обсужденіемъ вопроса объ убіеніи принца Іоанна, съ легкой примѣсью иронія. Нѣмецъ полагаетъ, что причиною слабоумія Іоанна были не врожденные физическіе недостатки, не наслѣдственность, но отсутствіе воспитанія и долговременное заточеніе. Ту же участь,—говоритъ онъ, готовила царевна Софія Алексѣевна малолѣтнему Петру Великому, стараясь пустыми забавами отвлекать его отъ занятій науками; и Петръ отупѣлъ бы неминуемо, еслибы о его умственномъ развитіи не заботился Лефортъ. Затѣмъ, построчно разбирая манифестъ, нѣмецъ указываетъ на тотъ, по его мнѣнію, промахъ, будто-бы въ немъ сказано, что причинами отстраненія отъ престола и убіенія Іоанна Антоновича было его «косноязычіе»... «Но если убивать всѣхъ косноязычныхъ,—замѣчаетъ онъ,—то многимъ не поздоровится. И зачѣмъ было убивать несчастнаго? Пользуясь густымъ туманомъ, приставники могли его тайно вывести изъ крѣпости; тутъ же могли скрыть его».

Не останавливаясь надъ клеветами Сальдерна, Кастеры и прочихъ иностранцевъ, не приводимъ фантастическихъ подробностей о дѣлѣ Мировича и изъ біографіи Теплова, находящейся въ книгѣ Гельбига: «Русскіе временщики» (Die Russische Günstlinge).

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Великолѣпный карусель, данный Екатериною II на Царицыномъ лугу, и вслѣдъ затѣмъ торжественный въѣздъ въ Петербургъ турецкаго посла, осенью того же 1764 года, изгладили изъ памяти жителей столицы впечатлѣніе, произведенное на нихъ казнью Мировича и тяжкими истязаніями его несчастныхъ и почти невинныхъ сообщниковъ.

При скудости документальныхъ данныхъ, относящихся до Брауншвейгскаго семейства, нельзя не дорожить и малѣйшими письменными замѣтками современниковъ о немъ и о несчастномъ Іоаннѣ Ан-

тоновичѣ. Въ бумагахъ Ассебурга находится слѣдующая записка на французскомъ языкѣ, набросанная имъ вскорѣ послѣ убіенія шлиссельбургскаго узника, или, можетъ быть, послѣ свиданія съ нимъ Екатерины II, при которомъ Ассебургъ могъ присутствовать:

«Іоаннъ былъ очень бѣлокуръ, даже рыжъ, роста средняго, очень бѣлъ лицомъ, съ орлинымъ носомъ, большими глазами, и заикался. Разумъ его былъ поврежденъ; онъ говорилъ, что Іоаннъ умеръ, а онъ же самъ—Святый Духъ. Онъ возбуждалъ къ себѣ состраданіе; одѣтъ былъ худо...»

О намѣреніяхъ Екатерины II, относительно облегченія участи членовъ Брауншвейгской фамиліи, Ассебургъ писалъ датскому двору слѣдующія, на французскомъ языкѣ, сообщенія:

7-го января 1766 г.

«Со времени восшествія на престолъ Екатерины II, она и ея министръ (гр. Н. И. Панинъ?), одушевляемые состраданіемъ къ судьбѣ принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго, рѣшились возвратить ему свободу, присоединивъ къ этой милости и содержаніе, приличное его рожденію и тому высокому посту, который онъ занималъ въ Россіи. Печальное событіе, совершившееся въ минувшемъ году съ Іоанномъ, утвердило Е. И. В—во въ принятомъ ею рѣшеніи, и оно, быть можетъ, уже было бы приведено въ исполненіе, еслибы, съ одной стороны, не считали себя вынужденными принимать величайшія предосторожности, извлекая принца и его семейство изъ-подъ гнета забвенія и тѣхъ бѣдствій, которыя тяготѣли надъ ними, въ теченіе 25 лѣтъ, и еслибы, съ другой—самъ принцъ обнаруживалъ болѣе желанія избавиться отъ ссылки, которую онъ, вслѣдствіе привычки, или по своимъ соображеніямъ, предпочитаетъ готовящейся ему свободѣ. Я знаю, несомнѣнно, что смягченіе участи принца—вопросъ важный и серьезный: ему назначаютъ ежегодно по 24,000 руб. и половину этой суммы каждому изъ его дѣтей, если онъ согласится принять предложенія императрицы, мѣняя теперешнее грустное жилище на любой изъ городовъ герцогства Брауншвейгскаго, который пожелаетъ избрать для своего мѣстопребыванія».

Февраль 1766 г.

«Офицеръ, посланный отъ императрицы къ несчастному принцу Антону Ульриху Брауншвейгскому въ Колу (?) Архангельской губерніи, донесъ, что этотъ принцъ, привыкшій къ своему заточенію, боль-

ной и упавшій духомъ, отказался отъ предлагаемой ему свободы, не прося ни о чемъ иномъ, какъ о лучшемъ помѣщеніи и о снабженіи его серебреною посудою. Дворъ повелѣлъ, чтобы посуда и мебели были ему доставлены и чтобы положеніе его было улучшено, насколько это будетъ возможно».

V.

Преданія о Кексгольмскомъ узникѣ.—Замѣтка о ложныхъ слухахъ, въ разныя времена распространявшихся въ народѣ.—Мировичъ въ юности.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 года (томъ XV, стр. 218) напечатана слѣдующая замѣтка, сообщенная А. А. Чумиковымъ:

«Въ отчетѣ финляндскаго общества «Древностей» нашли мы слѣдующій загадочный случай, сообщенный почтмейстеромъ Гренквистомъ: «императоръ Александръ I, посѣтивъ въ августѣ 1802 года Кексгольмъ, приказалъ упразднить въ немъ крѣпость и при этомъ самъ, лично, освободилъ изъ нея какую-то личность, которая была заключена въ ней около 30-ти лѣтъ и принадлежала къ такъ называемымъ «безъименнымъ». Кто могла быть эта личность?».

Вопросъ этотъ не остался безъ отвѣта, и намъ тогда же, въ 1876 году, были сообщены Н. П. Авенаріусомъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о Кексгольмскомъ узникѣ:

— Въ XXV томѣ Исторіи профессора Соловьева (стр. 160) находится извѣстіе, подтверждающее разсказы иностранцевъ объ отправленіи Іоанна Антоновича въ Кексгольмъ. Екатериною II, на другой же день ея воцаренія, 29-го іюня 1762 года, данъ былъ маіору Силину слѣдующій указъ изъ Петергофа: «Вскорѣ по полученіи сего имѣете, ежели можно, того же дня, а по крайней мѣрѣ на другой день, безъименнаго колодника, содержащагося въ Шлюссельбургской крѣпости подъ вашимъ смотрѣніемъ, вывезти сами изъ оной въ Кексгольмъ; а въ Шлюссельбургѣ, въ самой оной крѣпости, очистить внутренней крѣпости самые лучшіе покои и прибрать, по крайней мѣрѣ, по лучшей опрятности, которые приготовивъ содержать до указу». 4-го іюля, Силинъ донесъ изъ деревни Мордя, лежащей въ 30 верстахъ отъ Шлюссельбурга, что ихъ разбило бывшею на озерѣ бурею, и они, съ арестантомъ, находятся въ означенной деревнѣ, въ ожиданіи другихъ судовъ изъ Шлюссельбурга, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Кексгольмъ. Затѣмъ г. профессоръ Соловьевъ говоритъ, что Іоаннъ былъ отвезенъ обратно въ Шлюссельбургъ въ прежнее помѣщеніе, приготовленное, было, для Петра III. Такимъ образомъ

пребываніе Іоанна Антоновича въ Кексгольмѣ подтверждается двумя русскими документами: указомъ Екатерины II—Силину и донесеніемъ послѣдняго императрицѣ; о возвращеніи же его въ Шлюссельбургъ никакихъ оффиціальныхъ документовъ покуда еще не обрѣтено.

Въ монографіи г. профессора Брикнера [1]) упоминается о пребываніи Іоанна въ Кексгольмѣ, на основаніи свидѣтельства трехъ иностранныхъ писателей. По словамъ Кастейры [2]): «Петръ III (желая облегчить участь Іоанна) пока довольствовался отправленіемъ его въ Кексгольмъ, находившійся (?) гораздо ближе къ Петербургу нежели Шлюссельбургъ» [3]). Гельбигъ разсказываетъ, что по смерти Петра III Іоаннъ на нѣсколько недѣль былъ отправленъ въ Кексгольмъ и затѣмъ возвратился въ свою прежнюю тюрьму въ Шлюссельбургѣ. Наконецъ авторъ біографіи Іоанна, у Бюшинга (VI, 532), также говоритъ о тайномъ перевозѣ Іоанна на короткій срокъ въ Кексгольмъ, въ первое время царствованія Екатерины II. «При отсутствіи документальныхъ данныхъ объ этомъ дѣлѣ»—замѣчаетъ и Брикнеръ—«вопросъ о пребываніи Іоанна въ 1762 году въ Кексгольмѣ долженъ пока оставаться открытымъ».

Документальныя данныя приведены нами выше, и кромѣ того между кексгольмскими старожилами донынѣ сохранились преданія даже и не о временномъ нахожденіи Іоанна Антоновича, а о проживательствѣ его въ Кексгольмѣ до временъ Александра I. Поводомъ къ этимъ сомнительнымъ догадкамъ былъ «безъимянный узникъ», освобожденный въ 1802 году, по высочайшему повелѣнію. Преданія, собранныя Н. П. Авенаріусомъ, суть слѣдующія:

1) Покойный его родитель разсказывалъ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія у своихъ родственниковъ въ Кексгольмѣ онъ видалъ тамъ (въ крѣпости, или въ иномъ какомъ мѣстѣ, того не упомнитъ) высокаго сѣдаго старика, который, по словамъ мѣстныхъ жителей, былъ никто иной, какъ Іоаннъ Антоновичъ. Оффиціальное имя старика было «Безъимянный», а настоящее (?) произносилось подъ величайшимъ секретомъ.

2) Одинъ кексгольмскій уроженецъ на вопросъ Н. П. Авенаріуса

---

[1]). Іоаннъ Антоновичъ, стр. 75—76.

[2]) Кастера, I, 137.

[3]) Можетъ быть «бывшій» Кексгольмъ, или, вѣрнѣе сказать, небывалый, построенный Кастерою: настоящій же Кексгольмъ находится отъ Петербурга въ 147 верстахъ, а Шлюссельбургъ въ 60, т. е. почти въ два съ половиною раза ближе Кексгольма.

о «Безъимянномъ» далъ не только утвердительный отвѣтъ, что все имъ слышанное отъ отца его—сущая правда, но добавилъ еще, что императоръ Александръ I (въ 1802 году?) посѣтилъ «Безъимяннаго» въ Кексгольмской крѣпости, говорилъ съ нимъ наединѣ и позволилъ ему ходить съ караульнымъ по городскимъ улицамъ.

Послѣ того, Н. П. Авенаріусъ, чрезъ посредство генералъ-маіора Гр—мы, получилъ отъ брата его, кексгольмскаго почтмейстера В. Ѳ. Гренквиста, дальнѣйшій рядъ преданій, собранныхъ на мѣстѣ о таинственномъ узникѣ Кексгольмской крѣпости:

3) Старый отставной чиновникъ, занимавшій общественную должность въ Кексгольмѣ съ 1819 по 1826 годъ, несмотря на свои преклонныя лѣта (около 80-ти), вполнѣ сохранившій умственныя способности, разсказалъ г. Гренквисту слѣдующее:

«Въ царствованіе императрицы Екатерины II, къ коменданту Кексгольмской крѣпости, при секретномъ предписаніи, былъ присланъ арестантъ Безъимянный и заключенъ въ верхнемъ этажѣ крѣпостной башни на островѣ «Слось» (вѣроятно отъ нѣмецкаго Schluss или шведскаго slot). Въ маленькой комнатѣ этой башни онъ оставался безвыходно слишкомъ тридцать лѣтъ, и только въ 1802 году, при посѣщеніи Кексгольма императоромъ Александромъ I, былъ выпущенъ на свободу. Съ этого времени онъ поселился въ предмѣстьи, ходилъ свободно по улицамъ, но безъ права выѣзда изъ города. Въ 1819, или въ началѣ 1820 года, Безъимянный иногда посѣщалъ разсказчика; чаще всего приходилъ по праздникамъ «съ поздравленіемъ»; охотно угощался водкой, виномъ и пищей; не отказывался и отъ небольшаго денежнаго вспомоществованія; одѣвался бѣдно и просто, но выражался языкомъ человѣка образованнаго. Умѣлъ хорошо писать, но говорилъ только по-русски. Онъ былъ росту средняго, тѣлосложенія крѣпкаго; лицо имѣлъ благообразное, черты правильныя; борода и волосы у него были длинные и сѣдые, прилично причесанные и приглаженные. Лицо его было нѣсколько обезображено тѣмъ, что у него не было ноздрей. Но по словамъ его, недостатокъ этотъ былъ не искусственный, а природный; къ тому же и на лицѣ у него не было и малѣйшихъ слѣдовъ позорныхъ клеймъ, которыя при вырываніи ноздрей налагались на преступниковъ. При всей своей словоохотливости, обнаруживавшейся, въ особенности, послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина, Безъимянный чрезвычайно осторожно обходилъ вопросъ о своемъ прошедшемъ, говоря, что далъ государю честное слово —молчать, и что тайна его пойдетъ съ нимъ въ могилу. Безъимянный пользовался общей любовью городскихъ жителей; въ особенности бла-

говолилъ къ нему тогдашній винный откупщикъ Сидоровъ, выдававшій ему ежемѣсячно по 10 руб. (ассигн.). Кексгольмскіе жители, по секрету, передавали другъ другу, что Безъимянный никто иной, какъ Мировичъ, пытавшійся освободить Іоанна Антоновича изъ Шлиссельбургской крѣпости. Безъимянный умеръ въ Кексгольмѣ ранѣе 1826 года, имѣя отъ роду свыше 80 лѣтъ.

4) Одна старушка, которой нынѣ болѣе 80 лѣтъ, разсказывала со словъ своей матери слѣдующее: Безъимянный былъ средняго роста; борода и волосы были у него темнорусыя; лицо продолговатое; носъ длинный; цвѣтъ лица бѣлый и необыкновенно нѣжный, «какъ хлопчатая бумага»; черты благородныя; глаза каріе; весь обликъ мужественный и съ тѣмъ вмѣстѣ привѣтливый. Онъ содержался въ крѣпостной верделинкѣ (равелинѣ). Мать разсказчицы учила его чесать и прясть шерсть. Это было до 1802 года. По освобожденіи Безъимяннаго изъ крѣпости, онъ жилъ (по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время) у прикащика Александро-Невской лавры, которому принадлежали кексгольмскія тони (или заколы) на островѣ, неподалеку отъ устья рѣки Вуоксы, впадающей въ Ладожское озеро. Стѣсняясь называть его «Безъимяннымъ», жители прозвали таинственнаго узника Никифоромъ Пантелеичемъ. Онъ умеръ въ Кексгольмѣ и похороненъ на тамошнемъ православномъ кладбищѣ. На содержаніе его выдавались отъ казны кормовыя деньги, подобно тому, какъ это дѣлалось для вдовы и дѣтей Пугачева. По словамъ разсказчицы, Безъимянный любилъ читать «божественныя книги». Отъ него же самого мать разсказчицы слышала, какъ онъ однажды въ Петербургѣ обѣдалъ съ какими то генералами, и когда, несмотря на постный день (29-го августа: день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, въ просторѣчіи Ивана Постника), подали на столъ мясныя блюда, то онъ приказалъ ихъ убрать, и они немедленно замѣнены были постными кушаньями. На вопросъ слушательницы, кто же онъ таковъ, что его приказаніе могло имѣть такую силу, Никифоръ Пантелеичъ, или Безъимянный, отвѣчалъ: «Впредь не спрашивать; кто я—не подобаетъ знать». Когда его заключили въ верделинкѣ, все ему казалось знакомымъ: постель, окно, дверь, люкъ на полу, подъ которымъ протекала вода... «Мнѣ»—говорилъ онъ—«все это снилось уже цѣлыхъ семь лѣтъ сряду».

5) Одинъ пожилой кексгольмскій житель слышалъ отъ своей матери, недавно умершей на 90-мъ году жизни, что Безъимянный жилъ сначала на верделинкѣ, затѣмъ въ башнѣ.

6) Одна старушка, часто видавшая Безъимяннаго въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, говоритъ, что онъ былъ крѣпкаго сложе-

нія, невысокаго роста, важнаго вида; брови имѣлъ густыя и дугообразныя; носъ длинный и острый; цвѣтъ лица блѣдный, восковой прозрачности.

7) Другая почтенныхъ лѣтъ жительница Кекгольма разсказываетъ, что у Безъимяннаго ноздрей не было. Въ бытность его еще въ заключеніи, жители, по праздникамъ, приносили ему пироги. Получивъ свободу, онъ посѣщалъ дома многихъ горожанъ; дѣти его любили и, радуясь его приходу, окружали его съ криками: «Безъимянный идетъ!».

8) Наконецъ, самъ В. Ѳ. Гренквистъ смутно припоминаетъ, что Безъимянный заходилъ въ домъ его родителей позавтракать.

Всѣ эти преданія о таинственномъ кексгольмскомъ узникѣ ведутъ къ двумъ догадкамъ — или, что Безъимянный былъ никто иной, какъ оставшійся въ живыхъ Іоаннъ Антоновичъ, или, что это былъ помилованный Мировичъ.

Первое изъ этихъ предположеній, по своей шаткости и ребяческому легковѣрію—не заслуживаетъ и опроверженія. Оно допускаетъ возможность замѣны Іоанна Антоновича другимъ арестантомъ, которому Чекинъ и Власьевъ перерѣзали горло, выдавъ его трупъ Мировичу, вмѣсто трупа несчастнаго принца? Спора нѣтъ, что Власьевъ и Чекинъ съ одинаковымъ хладнокровіемъ могли зарѣзать и кого-либо другаго вмѣсто Іоанна, но какъ примирить здравый разсудокъ съ той мыслію, что въ Шлиссельбургѣ содержались арестанты, предназначенные «на убой», по усмотрѣнію тюремщиковъ. Подобное безобразіе существуетъ, развѣ, въ Турціи, а у насъ могло быть только при Иванѣ Грозномъ, но не въ царствованіе Екатерины II... Впрочемъ, положимъ, что вмѣсто Іоанна Антоновича былъ убитъ другой арестантъ, а принца заточили въ Кексгольмѣ: какъ же могло случиться, что Іоаннъ изъ слабоумнаго и косноязычнаго превратился въ здравомыслящаго, грамотнаго и разговорчиваго.... Бѣлизна лица слишкомъ недостаточное доказательство тому, чтобы Безъимянный могъ быть Іоанномъ Антоновичемъ: блѣдность кожи — неизбѣжное слѣдствіе продолжительнаго заточенія человѣка въ темной кельѣ. Однимъ словомъ, чтобы признать Безъимяннаго за Іоанна Антоновича, приходится здравому смыслу сдѣлать слишкомъ тяжкія уступки наивному легковѣрію.

Второе предположеніе: будто Безъимянный былъ Мировичъ—опять допускаетъ замѣну одного лица другимъ—да еще на эшафотѣ... Если, по словамъ Гельбига, Кастеры, Сальдерна и другихъ иностранцевъ, Теплову удалось подкупить Мировича сложить голову на плаху, то едвали подъ стать Мировичу отыскался бы другой охотникъ идти

на эшафотъ вмѣсто его. Впрочемъ Гельбигъ говоритъ, что Мировичъ «послѣ своей смерти» убѣдился въ вѣроломствѣ палачей... стало быть, ожилъ? Поводомъ къ предположенію, будто онъ былъ замѣненъ другимъ лицомъ, могло послужить то обстоятельство, что трупъ казненнаго вмѣстѣ съ эшафотомъ былъ сожженъ; это сожженіе могло наводить на мысль: точно-ли Мировичъ, а не другой кто, вмѣсто его, былъ обезглавленъ.

Догадки относительно Кексгольмскаго узника будутъ ближе къ правдѣ, если допустимъ—1-е, что Безъимянный былъ жертвою какой-нибудь юридической ошибки, сознаніе въ которой было слишкомъ щекотливо для правительства; или, 2-е, что онъ былъ однимъ изъ побочныхъ братьевъ Іоанна Антоновича, которые, по свидѣтельству историковъ, были у принца Антона Ульриха (можетъ быть, даже и отъ Бины Менгденъ). Наконецъ—3-е, не вѣрнѣе-ли признать въ Безъимянномъ какого-нибудь ересіарха, начальника раскольничьей секты въ родѣ Селифанова, Шилова, Семыкина или Капустина? Раскольниками разныхъ толковъ, при воцареніи Александра I, были переполнены казематы и Динаминда, и Шлиссельбурга, и Кексгольма. Изъ нихъ многіе были освобождены по высочайшему повелѣнію.

Во всякомъ случаѣ, преданія о Кексгольмскомъ узникѣ, къ которымъ примѣшаны имена Іоанна Антоновича и Мировича, любопытны, во первыхъ, какъ проявленія народнаго сочувствія къ несчастному узнику Іоанну; во вторыхъ—какъ доказательство склонности нашего народа ко всему чудесному и таинственному. Пылкое и впечатлительное воображеніе простаго народа съ давнихъ временъ обладало, въ одинаковой степени, и склонностью, и способностью къ измышленію разсказовъ о таинственныхъ «политическихъ призракахъ». Разсказы эти, появлявшіеся всегда послѣ кончины вѣнценосцевъ, или особъ близкихъ къ престолу, изъ столицъ распространялись по всѣмъ концамъ Россіи, или, наоборотъ—изъ отдаленныхъ окраинъ имперіи достигали до Петербурга и до Москвы, проникая даже и въ образованные классы общества. Въ подтвержденіе нашихъ словъ приводимъ четыре примѣра слуховъ, ходившихъ въ народѣ и, въ свое время, нашедшихъ немало легковѣрныхъ.

Послѣ кончины императора Петра III, разнеслась молва, будто государь не умеръ, но неизвѣстно куда скрылся. Черезъ одиннадцать лѣтъ живымъ подтвержденіемъ этой нелѣпой молвы явился—самозванецъ Пугачевъ, выдававшій себя за покойнаго императора.

Въ первые годы воцаренія Александра I, въ низшихъ классахъ столичнаго населенія, злонамѣренными людьми были распространены

нелѣпые слухи, будто-бы императоръ Павелъ I не умеръ.... Ту же глупую сказку повторили и послѣ кончины Александра I: утверждали, будто онъ невѣдомо—куда скрылся изъ Таганрога; что въ гробу, вмѣсто тѣла императора, привезенъ трупъ какого-то солдата; по другимъ—кукла. Въ подтвержденіе этой нелѣпости ссылались на то обстоятельство, что гробъ покойнаго государя не былъ открытъ для публики ни въ Казанскомъ соборѣ, ни въ крѣпости.

Послѣдній слухъ въ этомъ же родѣ разнесся въ столицѣ при погребеніи цесаревича Константина Павловича, въ 1831 году, скончавшагося, какъ извѣстно, отъ холеры. Гроба съ тѣломъ покойнаго не открывали въ Петропавловскомъ соборѣ по той весьма понятной и уважительной причинѣ, что цесаревичъ скончался отъ эпидеміи. Этого было слишкомъ достаточно, чтобы выдумать нелѣпую сказку, будто цесаревичъ живъ, а подъ его именемъ похороненъ одинъ изъ его адъютантовъ, умершій отъ холеры; самъ же Константинъ Павловичъ заключенъ въ крѣпость. Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ бытность пишущаго эти строки въ одномъ изъ частныхъ учебныхъ заведеній, одинъ изъ его товарищей, мальчикъ лѣтъ тринадцати, сынъ артиллерійскаго генералъ-маіора, разсказывалъ—ссылаясь, будто слышалъ это отъ своего отца,—что «цесаревичъ Константинъ Павловичъ, нынѣ уже дряхлый сѣдой старецъ (время разсказа относится къ 1843 году), живетъ въ крѣпости, въ особомъ, одному коменданту извѣстномъ помѣщеніи». Ту же нелѣпую сказку въ 1853 году повторялъ слышавшему ее отставной гвардейскій солдатъ и на всѣ возраженія отвѣчалъ настойчиво, что «знаетъ это отъ вѣрныхъ людей и отъ командировъ, которые видѣли Константина Павловича своими собственными глазами». Слухи эти, благодаря ихъ очевидной нелѣпости, въ большинствѣ случаевъ недолговѣчны; но проживи одинъ изъ подобныхъ вымысловъ около сотни лѣтъ, пріобрѣти онъ колоритъ народнаго преданія—и, можетъ быть, историкъ надъ нимъ призадумается и задастся вопросомъ, надъ рѣшеніемъ котораго не стоитъ и времени тратить. Однимъ изъ таковыхъ кажется намъ и возбуждаемый преданіями вопросъ о кекскольмскомъ узникѣ.

Въ дополненіе біографическихъ свѣдѣній о дѣтствѣ и юности виновника убіенія Іоанна Антоновича, приводимъ слѣдующую замѣтку, сообщенную намъ почтеннымъ протоіереемъ о. А. Сулоцкимъ [1]).

[1]) Она была напечатана въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1871 г., № 26, стр. 168 и слѣд., но, по рѣдкости и недоступности ихъ для большинства читателей, едвали имъ извѣстна.

Въ Тобольскѣ, въ половинѣ XVIII столѣтія, находилась, такъ называемая, «нѣмецкая» школа нѣкоего Сильвестровича.

Какого званія и какого чина или состоянія былъ до ссылки въ Сибирь этотъ Сильвестровичъ—неизвѣстно. Неизвѣстно также и то, когда именно и за что Сильвестровичъ былъ сосланъ, какое онъ имѣлъ имя и какая была до 1750 или 1751 года его фамилія. Пока намъ извѣстно объ немъ только то, что онъ былъ (русскій) нѣмецъ, по вѣрѣ лютеранинъ и человѣкъ религіозный, образованный, тихаго характера и болѣзненный. Извѣстно еще объ этомъ тобольскомъ учителѣ изъ ссыльныхъ, что онъ какимъ-то образомъ, несмотря на свой протестантизмъ, познакомился съ прибывшимъ въ декабрѣ 1749 года въ Тобольскъ ученымъ и ревностнымъ до обращенія сибирскихъ инородцевъ въ христіанство, митрополитомъ Сильвестромъ, и, по убѣжденію его, оставивъ лютеранство, принялъ православіе; причемъ изъ уваженія и благодарности къ своему просвѣтителю, а съ тѣмъ вмѣстѣ, быть можетъ, и воспріемнику, перемѣнилъ свою родовую, нѣмецкую фамилію на фамилію Сильвестровичъ, составленную на малороссійскій ладъ отъ имени своего просвѣтителя [1]).

Чтобы не жить въ праздности, чтобы не изнывать отъ тоски въ постигшемъ несчастіи, а можетъ быть и изъ желанія быть полезнымъ молодымъ людямъ г. Тобольска и ихъ родителямъ, или для снисканія себѣ пропитанія, Сильвестровичъ рѣшился посвятить себя на чужбинѣ педагогической дѣятельности, завелъ въ Тобольскѣ «нѣмецкую» школу, въ которой и училъ молодыхъ дворянъ сибиряковъ, будущихъ офицеровъ и чиновниковъ—нѣмецкому языку [2]), музыкѣ, математикѣ и другимъ предметамъ. Въ 1750 году въ его школѣ училось 8 человѣкъ, въ томъ числѣ двое молодыхъ Андреевыхъ и третій Василій Мировичъ [3]), о которомъ далѣе у насъ и будетъ рѣчь.

Фамилія этого питомца Сильвестровича показываетъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ ближайшихъ своихъ предковъ, не былъ изъ природныхъ Сибиряковъ. И дѣйствительно, Василій Мировичъ

---

[1]) Митрополитъ Сильвестръ, правившій тобол. наствою 6 лѣтъ, родомъ былъ изъ Малороссіи, учился въ кіевской академіи, до архіерейства служилъ миссіонеромъ среди магометанъ и язычниковъ Казанской, Симбирской и Нижегородской губерній и ректоромъ казанской семинаріи. Фамилія его была Гловатскій.

[2]) Двоихъ молодыхъ дворянъ Александра и Ивана Андреевыхъ онъ въ 1750 г. взялся выучить нѣмецкому языку въ совершенствѣ за 150 рублей.

[3]) Все доселѣ сказанное о Сильвестровичѣ и частію о Мировичѣ основано на Домов. лѣт. ученика Сильвестровича и соученика Мировича, капитана Ив. Андреева: «Чтен. въ Общ. ист. и древ. Рос.» 1870 г., кн. 4, смѣсь, стр. 67.

происхожденіемъ былъ изъ Малороссіи. Дѣдъ его, за участіе (въ 1708 и 1709 гг.) въ измѣнѣ Петру Великому Мазепы, былъ лишенъ тамъ имѣнія (помѣстьевъ). и сосланъ на житье въ Сибирь, а отецъ его по имени Яковъ, прибывшій въ Сибирь съ своимъ отцомъ въ малолѣтствѣ, въ 40—50-хъ годахъ прошедшаго столѣтія, служилъ въ чинѣ капитана въ одномъ изъ расположенныхъ въ то время въ западной Сибири армейскихъ полковъ. Въ школѣ Сильвестровича Василій Мировичъ отличался предъ товарищами способностями, шелъ быстрѣе всѣхъ ихъ и выучился между прочимъ хорошо говорить по-нѣмецки и играть на скрипкѣ, а у отца, или у кого-нибудь другаго изъ малороссовъ—на народномъ малороссійскомъ инструментѣ—бандурѣ; но при этомъ былъ страшный забіяка, былъ мальчикъ дурныхъ наклонностей и худыхъ правилъ, такъ что подъ конецъ началъ дѣлать и учителю своему большія досады и выказывать грубости. Сильвестровичъ, несмотря на всѣ старанія исправить его, ничего не могъ съ нимъ сдѣлать, и это тѣмъ болѣе, что самъ онъ былъ человѣкъ больной, чахоточный.

По выходѣ въ 1750 г. изъ сильвестровичевой школы, Василій Мировичъ, какъ уже юноша взрослый, по обычаю многихъ дворянъ своего времени, въ томъ же 1750 г., вступилъ въ Нашебургскій пѣхотный полкъ, а съ нимъ въ слѣдующемъ 1751 году выступилъ въ Россію.

Дальнѣйшая судьба его изложена въ приведенныхъ выше историческихъ документахъ.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

VI [1]).

Когда произошло весьма важное распоряженіе относительно Царства Польскаго: присланъ помощникъ и совѣтникъ намѣстнику, имѣвшій замѣнить его въ теченіе извѣстнаго времени,—взоры всѣхъ, принимавшихъ въ этомъ участіе, невольно обратились на Литву, гдѣ управлялъ В. И. Назимовъ, не хотѣвшій видѣть очень многаго, что творилось вокругъ него, еще и потому, что онъ былъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, личнымъ свидѣтелемъ, до чего можетъ дойти чрезмѣрное усердіе и стародавніе пріемы слѣдственныхъ коммисій и самихъ высшихъ властей края. Онъ боялся, какъ Богъ-знаетъ чего, надѣлать подобныхъ ошибокъ, никого не слушалъ, выгораживалъ господъ «Жвирждовскихъ», когда на нихъ указывали, какъ на главныхъ руководителей движенія, люди весьма солидные и достойные довѣрія; отъ этого безпорядки въ управляемомъ имъ краѣ шли съ каждымъ часомъ дальше и дальше.

Несмотря на угрозу литовскаго комитета варшавскому жонду «сидѣть спокойно, если возстаніе вспыхнетъ раньше ожидаемаго срока», Литва поднялась, и банды появились тамъ въ разныхъ пунктахъ одновременно съ бандами Царства. Въ Ковенской губерніи громче всѣхъ другихъ раздавалось имя тамошняго воеводы Сѣраковскаго, принявшаго названіе Доленги [2]).

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 179—246; 397—428; 589—620. XXV, стр. 55—88.

[2]) Въ польскомъ языкѣ существуетъ слово niedołęga—неловкій, нерасторопный человѣкъ. Dołęga образовано очень просто—отнятіемъ отъ niedołęga частицы nie, и значитъ, стало быть, ловкій. Но слова такого нѣтъ. **Н. В.**

Въ Гродненской губерніи болѣе всего говорили о воеводѣ Онуфріи Духинскомъ, о начальникахъ бандъ: Траугутѣ, Кобылянскомъ, Левандовскомъ.

Въ Могилевской губерніи слышнѣе всѣхъ было имя воеводы Жвирждовскаго [1]).

Въ Виленской, Витебской и Минской губерніяхъ было также неспокойно; видимо, что-то готовилось; въ обществѣ громко называли имена измѣнившихъ намъ поляковъ.

Въ Петербургѣ долго не вѣрили прилетавшимъ, время отъ времени, неяснымъ слухамъ о литовскихъ безпорядкахъ. Оффиціальныхъ-же донесеній не было. Бой подъ Сѣмятичами сочтенъ былъ дѣломъ бандъ Царства Польскаго, такъ какъ Сѣмятичи лежатъ всего-на-все въ 10-ти верстахъ отъ границы послѣдняго.

Вдругъ, въ началѣ апрѣля 1863 г., получено было извѣстіе, что помѣщики Витебской губерніи, графъ Платеръ и Моль, напали, недалеко отъ Динабурга, подъ дер. Креславкой, на транспортъ съ оружіемъ и, безъ сомнѣнія, отбили-бы его, еслибъ только крестьяне тѣхъ мѣстъ не явились на помощь незначительному прикрытію и не перехватали пановъ [2]). Это было уже почти въ центрѣ сѣверо-западнаго края и не Богъ-знаетъ какъ далеко отъ Петербурга. Туже минуту былъ посланъ на мѣсто дѣйствія цѣлый уланскій полкъ, и наряжено слѣдствіе, которое, при безпорядочномъ управленіи краемъ, при заговорѣ противъ насъ массы чиновниковъ, отчасти полиціи и жандармовъ, представило фактъ въ извращенномъ видѣ: «будто-бы это ничто иное, какъ возмущеніе раскольниковъ противъ помѣщиковъ, угрожающее рѣзнею въ родѣ Галиційской, въ 1846 году».

Шефъ жандармовъ, князь Долгоруковъ, сбитый съ толку донесеніями виленскаго окружнаго жандармскаго генерала Гильдебрандта, испросилъ, 16-го апрѣля ст. ст., повелѣніе отправить въ Витебскую губернію войско и особаго генерала, отъ шефа жандармовъ, «для усмиренія старообрядцевъ».

Министръ государственныхъ имуществъ, А. А. Зеленый, въ вѣдѣніи котораго находились старообрядцы, вечеромъ 16-го апрѣля, исходатайствовалъ отмѣну повелѣнія о командированіи генерала отъ

---

[1]) Приготовлялся къ инженерному училищу у Степанова вмѣстѣ съ Траугутомъ.

[2]) Если вѣрить Ратчу, это нападеніе было устроено въ связи съ операціями Сѣраковскаго, имѣвшаго намѣреніе взять Динабургъ и потомъ произвести всеобщее возстаніе въ сѣверо-западномъ краѣ. (Свѣдѣнія, т. I, стр. 203—204). Н. В.

шефа жандармовъ, такъ какъ это совсѣмъ не ихъ дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ испросилъ повелѣніе предоставить ему, министру государственныхъ имуществъ, принять мѣры къ прекращенію безпорядковъ, какіе-бы они тамъ ни были.

Вслѣдствіе этого былъ посланъ въ Динабургъ состоящій въ вѣдѣніи министра государственныхъ имуществъ генералъ-лейтенантъ Дмитовскій, съ предоставленіемъ ему правъ военнаго начальника возмущенной мѣстности.

На другой день, 17-го апрѣля (день рожденія Государя Императора), на маломъ выходѣ въ дворцовой церкви, только и говорили что о динабургскомъ происшествіи. Бывшаго тамъ же Михаила Николаевича Муравьева спросили: «слышали вы, что случилось въ Динабургѣ?». Муравьевъ отвѣчалъ, что «слышалъ»; что «этого надо было ожидать отъ западныхъ губерній, въ особенности, отъ Ковенской». На это сказано, что «посланъ туда полкъ», и что «скоро все будетъ прекращено». На это Муравьевъ возразилъ, что «едвали», что онъ «лучше многихъ знаетъ этотъ край», что «фамиліи, замѣшанныя въ динабургскомъ дѣлѣ, участвовали также и въ возстаніи 1830—1831 годовъ» [1]).

На этомъ разговоръ и кончился.

Въ высшихъ петербургскихъ сферахъ стали говорить о необходимости отозвать Назимова изъ Литвы, утверждая, что перемѣна системы управленія въ Царствѣ (если таковая задумана) должна послѣдовать и въ западныхъ губерніяхъ одновременно; что дѣйствовать иначе нельзя; что перемѣна управленія въ одномъ какомъ-либо изъ этихъ пунктовъ, а въ другомъ оставленіе старыхъ порядковъ,—есть прямой nonsens. Тогда-же шли совѣщанія о разныхъ военныхъ и политическихъ мѣрахъ относительно всего сѣвернаго прибрежья, отъ Свеаборга до прусской границы, для чего былъ вызванъ въ Петербургъ, между-прочими, Муравьевъ-Карскій.

25-го апрѣля онъ былъ у Государя Императора.

Въ то же самое время явился фельдъегерь къ брату его, Михаилу Николаевичу, съ приглашеніемъ во дворецъ.

---

[1]) М. Н. Муравьевъ былъ гродненскимъ губернаторомъ, послѣ взятія Варшавы въ 1831 году; потомъ, въ 1832, назначенъ военнымъ губернаторомъ Минска. Н. В.

Онъ отправился немедля и нашелъ въ аванъ-залѣ канцлера, князя Горчакова, у котораго спросилъ: «не знаетъ ли онъ, зачѣмъ его можетъ требовать Государь Императоръ?».

— Государь Императоръ хочетъ, кажется, переговорить съ вами о дѣлахъ западныхъ губерній,—отвѣчалъ Горчаковъ.

Не прошло пяти минутъ, какъ Муравьевъ-Карсскій вышелъ отъ Государя и сказалъ брату, что «Его Величество его требуетъ».

Муравьевъ вошелъ. . . . . .

Надо знать, что въ это время уже были получены нашимъ правительствомъ остерегающія ноты отъ первыхъ державъ: Англіи, Франціи и Австріи [1]).

---

[1]) Пришли въ Петербургъ 17-го и 18-го апрѣля ст. ст. Текстъ ихъ можно видѣть во всѣхъ повременныхъ газетахъ, напр., въ «Journal de St.-Pétersbourg», отъ 3-го мая 1863 г.

Къ затрудненіямъ нашимъ въ Царствѣ присоединилась тогда же подача въ отставку массой членовъ варшавскаго государственнаго совѣта (вслѣдствіе слуха, основаннаго на какомъ-то циркулярѣ, что «крестьянамъ разрѣшено вязать бунтующихъ помѣщиковъ»). Говорятъ, намѣстникъ спросилъ по телеграфу: «какъ быть въ такомъ случаѣ?». Отвѣтъ былъ: «уволить!».

Тогда уволены (въ теченіе марта и апрѣля 1863): Яковъ и Михаилъ Левинскіе, Францискъ Венглинскій, графъ Леопольдъ Полетилло, Александръ Курцъ, графъ Казиміръ Старженскій, Владиславъ Грушецкій, Іосафатъ Бржозовскій, Матвѣй Розенъ (еврейскаго закона), графъ Владиславъ Малаховскій, Карлъ Козловскій, Эразмъ Рожицкій и секретарь-референтъ канцеляріи государственнаго совѣта, Викторъ Столыгво. (Dzien Powszechny. 1863, №№ 75, 108, 127, 129). Потомъ подалъ въ отставку и архіепископъ Фелинскій. Ему предложено объясниться съ Велепольскимъ. Велепольскій сказалъ, что «такой порывъ пастыря показываетъ только солидарность его съ овцами».

Фелинскій отправился въ замокъ и послѣ объясненія, былъ уволенъ отъ званія члена государственнаго совѣта. Одновременно съ нимъ, уволенъ помѣщикъ Эдмундъ Ставискій, главный редакторъ адреса къ Государю Императору, въ Февралѣ 1861 г., и адреса помѣщиковъ къ графу Замойскому, въ сентябрѣ 1862 г. Н. В.

Всѣ министры и шефъ жандармовъ составили, по особому повелѣнію, комитетъ, куда М. Н. Муравьевъ былъ приглашенъ для совѣщаній, какъ будущій генералъ-губернаторъ западнаго края. Въ два дня все кончилось: министры не спорили, но было замѣтно, что нѣкоторые не раздѣляютъ убѣжденій Муравьева. 28-го апрѣля ст. ст., Муравьевъ представилъ нѣкоторыя соображенія по управленію западнымъ краемъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ расширенія своихъ правъ. На это послѣдовало Высочайшее соизволеніе.... 1-го мая ст. ст., было отдано въ приказахъ о назначеніи Муравьева генералъ-губернаторомъ шести сѣверо-западныхъ губерній; однако онъ оставался въ Петербургѣ до 12-го мая, пріискивая людей, совѣщаясь съ министрами и являясь съ докладами къ Его Величеству, для чего Муравьевъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Царское Село [1]).

Муравьевъ уѣхалъ въ Вильну.

Что былъ за человѣкъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ—извѣстно всякому, слѣдившему за нашею административно-политическою жизнью послѣднихъ дней. Довольно взглянуть на его фотографическую карточку, чтобъ составить себѣ понятіе объ его свойствахъ и характерѣ.

Когда заслонишь мундиръ на карточкѣ Ермолова—выйдетъ левъ.

Сдѣлайте тоже самое съ карточкой Муравьева—выйдетъ бульдогъ.

Никогда не помѣщающій у себя никакихъ рисунковъ англійскій «Times» счелъ тогда нелишнимъ, при одномъ номерѣ,—помѣстить большой политипажъ Муравьева, нѣсколько усиленно воспроизводящій черты этого рѣдкаго типа, дабы познакомить съ нимъ Европу.

. . . . . .

. . . . . .

....должно однако, въ концѣ концовъ, признать, что именно такой человѣкъ нуженъ былъ въ ту минуту, чтобы разрубить узелъ, который руками не развязывался. Дѣла были страшно запутаны.

Читатели увидятъ ниже, изъ открытыхъ для насъ случайно тайнъ жонда, что такое устроилось, по части революціонныхъ дѣлъ, въ Варшавѣ и краѣ.....

---

[1]) Всѣ подробности, относящіяся до назначенія Муравьева генералъ-губернаторомъ, изложены въ его з а п и с к ѣ, носящей такое заглавіе: «Объ управленіи и усмиреніи Сѣверо-Западнаго мятежа 1861 года». Въ концѣ поставлено: «4-го апрѣля 1866 г., С.-Петербургъ» (день злодѣйскаго покушенія Каракозова). Записка эта составлена безъ всякаго знанія литературныхъ пріемовъ, съ поминутными прыжками въ сторону, ненужными повтореніями одного и того же, и отсутствіемъ хронологическаго порядка. За всѣмъ тѣмъ она—любопытный историческій матеріалъ и не можетъ быть обойдена историкомъ возстанія 1863 года. Н. В.

(Муравьевъ до его назначенія въ Вильну былъ крайне нелюбимъ). Но раздраженіе противъ хаоса, въ какомъ находилось Царство и сѣверо-западныя губерніи,—противъ безчисленныхъ, ежеминутныхъ оскорбленій, какимъ подвергалась честь русскаго имени, русской власти и всего русскаго—было такъ велико, что все въ Россіи (за самыми малыми исключеніями) рукоплескало верховной власти послѣ такого назначенія, инстинктивно предчувствуя необходимый поворотъ назадъ, въ противуположную сторону. Легко было предвидѣть, что если система управленія въ Литвѣ радикально измѣнится, то же самое должно неизбѣжно послѣдовать и въ Царствѣ.

Никто не способенъ забывать такъ скоро (все недоброе) въ прошломъ у человѣка, избравшаго другую дорогу, или..... оказавшагося пригоднымъ,—какъ забываютъ русскіе. У насъ это идетъ даже дольше, чѣмъ слѣдуетъ: не только забываютъ прошлое, но начинаютъ находить въ настоящемъ подобнаго человѣка то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ: кадятъ, восторгаются, пересаливаютъ въ похвалахъ и въ поклоненіи. То же случилось и въ отношеніи общества къ Муравьеву: весьма некрасивое прошедшее его было мгновенно забыто, какъ бы не существовало. Тѣ же самые люди, которые читали незадолго передъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ памфлетъ кн. П. В. Долгорукова о служебныхъ похожденіяхъ Михаила Николаевича [1]), спѣшили теперь всячески заявить ему свое сочувствіе. Недавно (еще всѣми нелюбимый, въ высшей степени не популярный) Муравьевъ, этотъ горячій и упорный противникъ освобожденія крестьянъ съ землею,—сталъ получать нѣжныя, симпатическія письма и иконы! Первый написалъ ему ободряющее письмо московскій митрополитъ Филаретъ и послалъ притомъ образъ архистратига Михаила [2]). Даже Н. А. Некрасовъ, протестовавшій всю жизнь противъ грубости нравовъ и своеволія, написалъ Муравьеву (немного позже, именно въ апрѣлѣ 1866 г.) дифирамбъ!

Исторія всѣхъ увлеченій Муравьевымъ кончилась тѣмъ, что въ Вильнѣ, при новомъ православномъ храмѣ на Большой улицѣ, передѣланномъ (уже при Кауфманѣ) изъ католическаго собора, явилась особая часовня архистратига Михаила, въ память управленія кра-

---

[1]) Біографическій очеркъ, князя Петра Долгорукова, въ №№ 13, 14, и 15 «Будущности» 1861 г. Черезъ два года потомъ, въ 1863 г., напечатано то же самое по-французски, въ изданіи того же лица: «Le Véridique», № 5, стр. 190—241. Наконецъ, въ 1864 г., вышла въ Лондонѣ отдѣльная брошюра, по-русски, подъ заглавіемъ: «Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ».

[2]) Смотри письмо Митрополита Филарета къ Муравьеву, въ приложеніи.

Н. В.

емъ Михаила Николаевича! Легко понять, что, при такомъ настроеніи всей Россіи, новый генералъ-губернаторъ далеко не встрѣтилъ на своемъ пути тѣхъ препятствій, какихъ опасался въ Петербургѣ. Управлять ввѣреннымъ ему краемъ такъ, какъ ему хотѣлось, было нетрудно.... Кого задумалъ смѣнить — тотъ летѣлъ, что̀ называется, кувыркомъ. Враги и недоброжелатели его (тогда весьма небольшая кучка, кто ни въ какую пору не измѣнялся къ нему въ своихъ чувствахъ) притихли и попрятались.

. . . . . .

Все въ Литвѣ затрещало изъ конца въ конецъ. Многія банды разсѣялись сами собою, какъ дымъ [1]). Другія перешли въ Царство [2]). Начальники нашихъ литовскихъ отрядовъ сдѣлались вдвое энергичнѣе, и совершенно измѣнили систему дѣйствій, когда Муравьевъ, въ одномъ изъ первыхъ-же приказовъ по войскамъ, объявилъ имъ, что онъ «Кавказа» устраивать въ западныхъ губерніяхъ не позволитъ [3]).

Нашлись и такіе начальники отрядовъ, которые систему разрушенія и преслѣдованія всякихъ малыхъ и большихъ безпорядковъ перенесли за черту принятыхъ Европою въ подобныхъ случаяхъ мѣръ. Къ такимъ принадлежали, между прочими, генералъ Я. П. Бакла-новъ [4]) и N. N. Онъ сжегъ однажды двѣ деревни, и землю, гдѣ онѣ стояли, велѣлъ вспахать; а жители, лишенные всего, пошли — куда глаза глядятъ.

Въ Царствѣ Польскомъ, жондъ народовый, соединивъ въ одно всѣ силы страны, начиналъ «rządzić» какъ настоящее правительство, дѣлалъ, можно сказать, удивительныя вещи, но красные безумцы были имъ недовольны: они требовали чего-то еще бо́льшаго. «При томъ (положеніи), въ какомъ находилась высшая власть,—говорили они,—при той небрежности, съ какою ведутся, въ большинствѣ случаевъ, военныя дѣйствія,—и при томъ настроеніи Европы, какое выработалось: дѣла возстанія могли-бы идти гораздо шибче, но ихъ постоянно тормозятъ вкравшіеся въ народную организацію черезъ-

---

[1]) Однимъ изъ первыхъ казненъ въ Вильнѣ, на Торговой площади, ксендзъ Станиславъ Ишора, 22-го мая ст. стиля 1863 г. Казнено по приговорамъ, утвержденнымъ Муравьевымъ, всего 240 лицъ (оффиціальныясвѣдѣнія).

[2]) Гиллеръ говоритъ, что «всеобщее стремленіе бандъ изъ Литвы въ Царство началось въ іюнѣ 1863» (I, 206).

[3]) Намекъ на способъ дѣйствій отрядныхъ начальниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго. Н. В.

[4]) См. Записки Я. П. Бакланова въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., томъ III, стр. 1—15; томъ IV, стр. 154—161.

чуръ большой массой бѣлые. Довольно одного того, что всѣми дѣлами завѣдуетъ изъ Парижа Чарторыскій!... Деньги собираются вяло и лѣниво.... кто знаетъ: можетъ быть, готовится тихомолкомъ новая реакція.... Зачѣмъ-нибудь Кроненбергъ да ѣздитъ къ Велепольскому,—Кроненбергъ, имѣющій несомнѣнныя связи съ жондомъ!.. Весьма можетъ статься, что жондъ, проснувшись въ одно прекрасное утро, увидитъ въ улицахъ совсѣмъ не то, что́ было наканунѣ. Ему скажутъ, что совершились кое-какія необходимыя перемѣны—и заставятъ молчать, подъ страхомъ выдачи всѣхъ его членовъ правительству головою. Произойдетъ неожидаемая никѣмъ катастрофа, въ родѣ той, какую устроили тѣ-же бѣлые, подготовивъ такъ-же искусно, тихомолкомъ, и приведя въ исполненіе свою бѣлую диктатуру—и жондъ народовый долженъ будетъ повѣрить, что все прошедшее, всѣ эти невѣроятные труды, жертвы и борьба—были нелѣпымъ сномъ.... Пожалуй, «конгрессувка» что-нибудь и получитъ.... одна «конгрессувка»..... а затѣмъ дѣла пойдутъ, какъ угодно Велепольскому [1]).

Такъ размышлявшіе демагоги гнѣздились тогда главнѣйшимъ образомъ въ канцеляріи начальника города и отчасти въ повстанской полиціи. Ядро ихъ собиралось на совѣщанія и просто-запросто поболтать о томъ,—о семъ, покутить, распить десятокъ-другой бутылокъ «венгржина»—въ разныхъ пунктахъ города, но чаще всего на Долгой улицѣ, у Осипа Наржимскаго [2]), подлѣ 3-го цыркула. Тутъ бывали: сенатскій меценасъ (по-нашему—адвокатъ высшаго разряда) Петръ Кобылянскій, аптекарь Стронскій, братья Эразмъ и Эдуардъ Кокосинскіе, молодой необузданный крикунъ Гликзелли (Glixelli); помощникъ начальника города, тоже очень молодой парень, недавній студентъ кіевскаго университета, Владиміръ Лемпке, и помощникъ одного изъ членовъ народнаго правительства, Иванъ Верницкій. Вся эта шайка анархистовъ сносилась постоянно съ такими-же ухорями Кракова, которые собирались преимущественно у извѣстнаго нечистаго духа описываемаго нами возстанія, Игнатія Хмѣленскаго, и возбуждали противъ жонда тамошнее общество. Къ нимъ принадлежали: разбитый подъ Мѣховымъ отставной краковскій воевода, Аполинарій Куровскій (имѣвшій постоянный «зубъ» противъ жонда, какъ человѣкъ затертый въ то время, когда всячески

---

[1]) По мотивамъ Авейде—IV, 119—120,—и другимъ источникамъ.

[2]) Первое его явленіе на сцену см. въ моихъ «Запискахъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», стр. 192. Н. В.

помогали возвышаться Лангевичу и другимъ, возводя ихъ въ высшіе чины и посылая имъ лишнія средства), ксендзъ Котковскій, Владиславъ Вага, Ауфшлягъ и какой-то Трояцкій, котораго позже подозрѣвали въ сношеніяхъ съ австрійскою полиціею [1]).

Весь этотъ народъ и ихъ друзья, которыхъ было довольно, только и говорили о перемѣнѣ жонда и придумывали къ этому способы.... между тѣмъ усилили терроръ въ Краковѣ и Варшавѣ, что́ было сдѣлать нетрудно, такъ какъ въ распоряженіи многихъ чиновъ народной организаціи, въ обоихъ этихъ городахъ, состояло по-нѣсколько штилетниковъ: стоило только мигнуть, zrobić obstalunek («заказъ»—какъ тогда выражались)—и жертва падала.

Жондъ народовый, не имѣя достаточныхъ силъ для воспрепятствованія такимъ безпорядкамъ, поневолѣ смотрѣлъ на все сквозь пальцы. Анархія дѣлала—что́ хотѣла. Кто ей не нравился, того убирали (sprzątali) безъ всякой церемоніи.

Когда графъ Бергъ, побуждаемый нѣкоторыми лицами въ Царствѣ, а также и письмами изъ Россіи—перемѣнить роль наблюдателя на дѣйствительнаго помощника высшей власти, тѣни—на человѣка съ мясомъ и костями,—сдѣлалъ подъ-рукою нѣсколько полицейскихъ распоряженій такого рода, отъ которыхъ поляки давнымъ-давно отвыкли [2]):—красные анархисты варшавской городской организаціи рѣшили, нисколько не сносясь съ жондомъ, убрать, sprzątnąć, этого человѣка, во что́ бы то ни стало, какимъ-нибудь энергическимъ способомъ. Но такъ какъ Бергъ, по занимаемому имъ посту, находился въ исключительныхъ, неудобныхъ для штилетниковъ условіяхъ: жилъ въ домѣ при монетномъ дворѣ, за желѣзной рѣшеткой, гдѣ у воротъ помѣщалась гауптвахта, вѣчно полная солдатами; у крыльца опять стояли солдаты съ ружьями и никого, безъ особеннаго распоряженія, не пропускали; пѣшкомъ онъ никогда не ходилъ; одинъ, безъ свиты и адъютантовъ, нигдѣ не появлялся:—то пхнуть его кинжаломъ, какъ всякаго другаго, въ каждую данную минуту, было нельзя. Надлежало подумать да и подумать о способѣ уничтоженія такого лица, а потому составленъ былъ въ городской орга-

---

[1]) Гиллеръ говоритъ прямо, что въ Краковѣ существовала «Komissja do obalenia Rządu Narodowego». Къ ней принадлежали всѣ упомянутыя лица, «столь-же безтолковые, какъ и самолюбивые недотроги. Они задерживали оружіе, посылаемое въ отряды, перехватывали деньги и производили другіе безпорядки». (I, 20, примѣчаніе).

[2]) Краковская газета «Czas» помѣстила, 16-го апрѣля н. ст., 1863, корреспонденцію изъ Варшавы, гдѣ говорится уже, что «czuć rękę Berga» (чувствуется Бергова рука). Н. В.

низаціи особый «проектъ уничтоженія графа Берга» (projekt sprzątnięcia Hrabiego Berga), подробности котораго неизвѣстны. Извѣстно только, что «уничтоженіе» замышлялось издали, посредствомъ ручныхъ гранатъ.

Одинъ изъ мелкихъ чиновниковъ повстанской полиціи, Павелъ Ляндовскій [1]), получилъ приказаніе помощника начальника города, Лемпке, заказать на казенномъ чугунно-литейномъ заводѣ, на Сольцѣ, нѣсколько десятковъ гранатъ, подъ названіемъ «ретортъ для аптеки Кирхшмита въ Кіевѣ». Ляндовскій отправился на Солецъ и сдѣлалъ явный заказъ. Литейщики знали, конечно, что̀ это за реторты, вылить—вылили, но только 20, да и тѣ контролеръ работъ Эпплеръ приказалъ снова бросить въ горнъ, какъ-бы неудавшіяся, и, когда другой повстанскій полиціантъ, Доминикъ Красускій (ремесломъ каменьщикъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ игравшій роль скульптора въ Сувалкахъ) [2]), явился на заводъ за полученіемъ «заказаннаго тогда-то» — ему отвѣчали, что «еще не готово, потому что не знаютъ, какой именно величины должны быть отверстія въ ретортахъ». Тогда отправился на заводъ самъ Лемпке и сдѣлалъ новый, тайный заказъ гранатъ. Его ослушаться не смѣли и отлили вскорѣ около ста штукъ, которыя въ теченіе недѣли (къ 7-му мая н. ст.) были доставлены нѣсколькими рабочими завода въ кофейню Пильцовой, на Краковскомъ предмѣстьѣ, гдѣ онѣ хранились нѣкоторое время подъ замкомъ; а послѣ перенесены Доминикомъ Красускимъ и племянникомъ его, Ричардомъ Рутковскимъ, въ домъ Шванценбаха, на улицѣ Александрія, № 2,271, въ квартиру сестеръ милосердія: Ванды-Леокадіи Езерской, Елисаветы Соткевичъ и Генрихи Бабицкой [3]). На этомъ, покамѣстъ, затѣи красныхъ анархистовъ по дѣлу покушенія противъ графа Берга, по неизвѣстнымъ причинамъ, остановились....

Вниманіе террора сосредоточилось на другомъ лицѣ, уже извѣстномъ читателямъ секретарѣ Велепольскаго, Минишевскомъ, который былъ заподозрѣнъ въ шпіонствѣ: въ разыскиваніи, посредствомъ своихъ многочисленныхъ знакомствъ и связей, ядра безпорядковъ—членовъ жонда народоваго и ихъ главныхъ помощниковъ. Говорили

---

[1]) Молодой человѣкъ 20 лѣтъ, сынъ варшавскаго доктора, бывшій воспитанникъ варшавской медико-хирургич. академіи.

[2]) См: «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV стр. 611.

[3]) Показанія разныхъ лицъ въ дѣлѣ: «о покушеніи противъ графа Берга». Въ квартирѣ упомянутыхъ сестеръ милосердія находилась канцелярія Лемпке, какъ помощника начальника города, и жилъ онъ самъ. Н. Б.

даже, будто-бы кое-что было имъ указано, и по этому поводу произведены внезапныя ревизіи и аресты. Тутъ никакихъ длинныхъ церемоній не было и никакихъ проектовъ не писали, а просто-за-просто былъ сдѣланъ «заказъ»—obstalunek: pріисканы два расторопные штилетника, и имъ приказано «wysztyletować» Минишевскаго, гдѣ и какъ случится. Штилетники ходили за своею жертвой довольно долго. Напасть на Минишевскаго было трудно, такъ какъ онъ постоянно отправлялся изъ дому не одинъ, носилъ въ карманѣ револьверъ, а въ рукахъ увѣсистую, суковатую трость, и былъ, кромѣ того, самъ по себѣ чрезвычайно дюжъ и силенъ.

Такія безплодныя путешествія за нимъ надоѣли штилетникамъ и они рѣшились сдѣлать нападеніе на галлереѣ квартиры своей жертвы, на Римарской, въ домѣ подъ № 4,713, куда Минишевскій выходилъ временами въ халатѣ, не имѣя, разумѣется, при себѣ никакого оружія. Здѣсь засѣли они, утромъ 2-го мая н. ст., въ укрытомъ мѣстѣ, и, когда Минишевскій показался, выскочили и нанесли ему три жестокіе удара въ шею, въ сердце и въ грудь, послѣ чего онъ упалъ, не вскрикнувъ, и сейчасъ же испустилъ духъ. А штилетники спокойно спустились съ галлереи и сказали замѣченному ими въ воротахъ полиціанту: «подите наверхъ, тамъ кому-то сдѣлалось дурно!» [1]).

Полиціантъ побѣжалъ.... произошла суматоха. Дворъ дома, гдѣ жилъ Минишевскій, мгновенно осадила толпа. Даже передъ воротами, когда ихъ заперла полиція, бродили цѣлый день кучи любопытныхъ. Большинство объясняло себѣ убійство тѣмъ, что «покойный писалъ противъ поляковъ». Такъ это и распространилось въ публикѣ [2]).

---

[1]) Полиціантъ говорилъ, что «прошедшіе мимо него люди смотрѣли пристально и объяснялись между собою на неизвѣстномъ ему языкѣ, какъ-бы на французскомъ.

Въ брошюрѣ: La Vérité sur l'insurrection polonaise de 1863 par un ex-chef insurrectionnel. Paris 1869; стр. 67, — сказано, будто бы «каждому изъ этихъ лицъ дано по 125 рублей». Позже политическія убійства обходились жонду гораздо дешевле. Гиллеръ увѣряетъ, что «Минишевскій убитъ по распоряженію низшихъ полицейскихъ властей варшавской революціонной организаціи» (II, 48).

[2]) Въ день смерти Минишевскаго напечатана была во «Всеобщемъ Дневникѣ» (Dziennik Powszechny) 1863, № 101, статья его: «Rewolucjoniści i Patrycjusze w Narodzie». Внизу стояла замѣтка: «autor niniejszego artykułu, dzisiaj rano przez niewiadomego dotąd skrytobójcę zamardowany został».—Кажется было совершенно ясно, что «за эту статью» Минишевскій убитъ быть никоимъ образомъ не могъ, такъ какъ онъ былъ убитъ раньше ея появленія въ свѣтъ, между тѣмъ, очень многіе въ Варшавѣ твердили, что онъ «убитъ именно за эту статью!» Такъ бываютъ тупы и несообразительны всѣ руководимые страстью.

Н. В.

Вдовѣ Минишевскаго было назначено, по ходатайству Велепольскаго, единовременное пособіе въ 1,000 рублей, обращенное послѣ въ пожизненную пенсію. Минишевская сначала отказывалась отъ этого, вслѣдствіе угрозъ со стороны революціонныхъ властей, но послѣ приняла [1]).

Вслѣдъ за Минишевскимъ пало еще нѣсколько жертвъ. Все это приписывалось въ городѣ жонду. Нѣкоторые изъ его членовъ, знавшіе очень хорошо, кѣмъ производятся возмутительные безпорядки, могущіе возстановить общественное мнѣніе Европы противъ народныхъ правителей Царства Польскаго, находили, что нужно непремѣнно положить этому предѣлъ: уничтожить анархистовъ тѣмъ же безцеремоннымъ способомъ, къ какому они, то и дѣло, прибѣгаютъ, устраняя— sprzątając — людей, которые имъ не нравятся. Пошли объ этомъ въ жондѣ весьма серьезные толки; придумывались способы, какъ избавиться отъ лицъ, несомнѣнно вредящихъ правильному ходу дѣлъ возстанія. Анархисты почуяли грозящую имъ опасность — и повели контрмину.

Выше было сказано, что печати жонда хранились у Верницкаго, давнымъ-давно преданнаго анархистамъ и зачастую кутившаго вмѣстѣ съ ними. Взять у него печати было нетрудно. Главная печать жонда, какою скрѣплялись всѣ важнѣйшіе документы, очутилась въ рукахъ Лемпке, который приставилъ послѣ этого надежнаго штилетника къ рѣщику Тыцу, рѣзавшему всѣ печати жонда, чтобы онъ какъ-нибудь не вырѣзалъ новой, точно такой же печати. Затѣмъ составлена изъ разныхъ враговъ народнаго правительства «тайная комиссія городской организаціи» [2]), которая отправила въ жондъ довѣренныхъ лицъ: Верницкаго, Лемпке, Станислава Ольшанскаго и Гавелкевича, съ порученіемъ «потребовать сдачи всѣхъ тайнъ и документовъ». Нечего и говорить, что эти господа не забыли взять съ собою достаточное количество штилетниковъ.

Жондъ, захваченный врасплохъ, лишенный главной своей печати, безъ которой былъ какъ безъ рукъ, не сталъ нисколько сопротивляться. Сдача документовъ произведена была въ совершенной тишинѣ. Только одинъ Авейде рѣшился спросить у Верницкаго

---

[1]) См. письмо Минишевской къ президенту города по этому поводу, въ приложеніи.

[2]) Гиллеръ называетъ ее «Komissja Nadzorcza», съ правомъ неограниченнаго veto. Въ ней были, по его словамъ, безтолковые люди: M. S. i G. (I, 224, примѣчаніе). Онъ же говоритъ, что краковскіе анархисты хотѣли прибыть въ Варшаву и просто-за-просто перебить членовъ жонда, всѣхъ до одного, но Малиновскій спасъ ихъ (II, 226). Н. В.

ироническимъ тономъ: «кто-жъ будетъ править возстаніемъ?». Верницкій назвалъ какихъ-то пять человѣкъ—и солгалъ, потому что не зналъ именъ новыхъ, подготовленныхъ вождями заговора членовъ будущаго народнаго правительства.

Оно составилось изъ слѣдующихъ лицъ (жондъ третьяго состава): меценасъ Петръ Кобылянскій; чиновникъ бывшей коммисіи народнаго просвѣщенія, Генрихъ Бонковскій; судебный чиновникъ, Эразмъ Малиновскій, и купецъ Владиславъ Квятковскій [1]). Послѣднему было поручено также исправленіе должности начальника города. Секретаремъ и вмѣстѣ пятымъ членомъ новаго жонда сдѣланъ неизбѣжный во всѣхъ жондахъ Авейде, человѣкъ обладавшій рѣдкой памятью, знавшій исторію всѣхъ жондовъ, отношенія между партіями, помнившій номера всѣхъ важныхъ бумагъ, пролетъ всякой мухи черезъ Варшаву и что она жужжала.

Кобылянскій, какъ старшій лѣтами и званіемъ, какое носилъ въ городѣ, сталъ сразу разыгрывать роль предсѣдателя въ новомъ жондѣ, и на первомъ же засѣданіи (въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая по н. ст.) объявилъ товарищамъ, что «считаетъ необходимымъ, прежде всего, ввести «уставъ Бобровскаго». Вслѣдъ затѣмъ, вмѣстѣ съ Авейде, написалъ прокламацію къ народу и декретъ объ учрежденіи революціонныхъ трибуналовъ, что было тогда же отпечатано въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и разослано всюду, въ самомъ началѣ іюня н. ст. [2]).

Этимъ все кончилось. Бездарность новыхъ членовъ жонда и постоянное вмѣшательство во всѣ его распоряженія коммисіи, которая совершила переворотъ и затѣмъ должна была сейчасъ же закрыться, но не закрывалась, составляя Status in Statu,—произвели очень скоро во всемъ повстанскомъ управленіи краемъ хаосъ. Нигдѣ не получалось никакихъ предписаній, а также и денегъ на разные расходы. Воеводства не знали, что подумать. Многіе изъ служившихъ народному дѣлу въ провинціяхъ предположили, что жондъ захваченъ полиціею, или по какимъ-нибудь обстоятельствамъ бѣжалъ. Дѣйствія бандъ до того были парализованы молчаніемъ высшей власти края, отсутствіемъ всякой помощи и совѣтовъ, что многія изъ нихъ спѣшили укрыться за границу и ждать тамъ, что будетъ дальше.

Въ это время повстанскаго безначалія и смутъ случилось извѣстное похищеніе весьма значительной суммы денегъ изъ варшавскаго

---

[1]) Такъ, по словамъ Авейде. Гиллеръ вмѣсто послѣдняго ставитъ Франциска Добровольскаго (I, 224, примѣчаніе). Н. В.

[2]) См. въ приложеніяхъ.

губернскаго казначейства, бывшимъ кандидатомъ петербургскаго университета, Александромъ Вашковскимъ, человѣкомъ юркимъ и рѣшительнымъ до невѣроятности и столько же честолюбивымъ, однимъ изъ тѣхъ польскихъ революціонеровъ, которымъ главное начальство, диктаторство—снится съ самыхъ пеленъ.

Вашковскій началъ свою службу возстанію въ іюнѣ 1862 г., простымъ десятникомъ. Въ августѣ того же года, сдѣланъ былъ сотникомъ и дальше никакъ не двигался, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Стараясь всѣми силами обратить на себя вниманіе высшихъ повстанскихъ властей и занять положеніе, болѣе соотвѣтственное его талантамъ и образованію, Вашковскій, въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 года, при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, похитилъ изъ землемѣрнаго отдѣла правительственной коммисіи доходовъ и имуществъ (z Komissyi Rządowéj Przychodów i Skarbu, z Wydziału Pomiarów) 52 огромныхъ карты Царства Польскаго, которыя и были тотчасъ разосланы по воеводствамъ, а похитителю, что̀ называется, никто и спасиба не сказалъ за это, потому что и въ повстанской службѣ, какъ и вездѣ, нужна протекція, чтобы кто-нибудь тамъ, вверху, замолвилъ слово, подтолкнулъ. У Вашковскаго не было такого человѣка между народными правителями края. И послѣ геройскаго похищенія картъ онъ оставался тѣмъ же неважнымъ чиновникомъ, тѣмъ же сотникомъ, какихъ было множество, какими были, между прочимъ, разные посторонные ремесленники изъ литографовъ, портныхъ, парикмахеровъ, даже сапожниковъ, не проходившихъ не только университетскаго, но и никакого курса.

Больно было человѣку развитому и со способностями тереться между такимъ народомъ, не зная опредѣленно, когда будетъ этому конецъ. Гордость не позволяла ему забѣгать передъ людьми, которыхъ онъ считалъ никакъ не выше себя. Въ концѣ апрѣля по н. ст. (1863 г.), его однако замѣтили и подвинули впередъ, сдѣлавъ помощникомъ начальника отдѣленія въ городской организаціи (Wydziałowego w Organizacyi Administracyjnéj Miejskiéj), но, Боже, туда-ли рвались мечты его!!.. Когда явился декретъ жонда Кобылянскаго о революціонныхъ трибуналахъ, Вашковскій воспользовался этимъ: преклонилъ на свою сторону нѣсколько чиновниковъ коммисіи финансовъ и съ помощію ихъ выкралъ изъ казначейства огромныя суммы [1]), но передать ихъ

[1]) Похищено всего-на-все, въ три пріема, 6-го, 7-го и 9-го іюня н. ст. 3,600,000 рублей, изъ коихъ 3,087, 500 рублей въ заставныхъ листахъ, 470,000 руб. кредитными билетами Имперіи и Царства и 42,000 золотою монетою (8,500 штукъ полуимперіаловъ). Подробности похищенія см. въ приложеніи.

Н. В.

жонду, котораго непрочность ясно видѣлъ—не рѣшился, а спряталъ все похищенное у кого-то изъ своихъ друзей [1]).

Катастрофа, ожидаемая Вашковскимъ и многими прозорливыми чинами народной организаціи, разразилась надъ жондомъ анархистовъ черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ они начали править возстаніемъ. Начальники отдѣленій городской организаціи, пригласивъ Авейде и Маевскаго (только-что выпущеннаго изъ цитадели) на квартиру директора повстанскихъ типографій, Вагнера, объявили имъ, что «безпорядочное управленіе новаго жонда, точнѣе—диктаторство Лемпке, Верницкаго и Гликзелли, при совершенной неспособности Кобылянскаго и его товарищей, привело дѣла возстанія въ крайнее разстройство, а потому необходимо всѣхъ этихъ господъ устранить и выбрать новыхъ правителей».

Авейде и Маевскій, по краткомъ совѣщаніи съ начальниками отдѣленій и еще кое-съ-кѣмъ изъ высшихъ чиновъ организаціи, рѣшили пригласить въ члены новаго жонда (4-го состава): тогдашняго гражданскаго начальника краковскаго воеводства, Владислава Голембергскаго; гейдельбергскаго студента Станислава Кржеминскаго; архитектора Осипа Яновскаго; инженера Осипа Грабовскаго, и сами вошли въ этотъ жондъ членами. Прежніе же члены жонда 3-го состава, сознавая сами свою неспособность и безсиліе, удалились молча и спокойно. Только одинъ Кобылянскій продолжалъ воображать себя великимъ администраторомъ и весьма удивился, что его не оставили, при новомъ переворотѣ, хоть простымъ членомъ жонда. Желая чѣмъ-нибудь отмстить тріумфаторамъ, онъ передалъ печати народнаго правительства въ руки бывшей коммисіи, которая затѣяла изъ-за этого съ новыми властями борьбу, «переполненную, по словамъ Авейде, такою грязью, что одно воспоминаніе объ этомъ долго потрясало всю его внутренность».

Наконецъ, печати были завоеваны—и все пошло своимъ порядкомъ. Коммисія, повидимому, также смирилась и какъ бы закрылась, но

---

[1]) Въ показаніяхъ своихъ Вашковскій говоритъ, что всѣ деньги отдалъ Сигизмунду Лясковскому, Wydziałowemu Wydziału 3-go тогдашней городской организаціи. Н. В.

Вотъ что сообщаетъ онъ о самомъ процессѣ похищенія: «Внѣшнія двери въ кассу со двора, у которыхъ стоялъ часовой, когда я входилъ за деньгами, были всякій разъ отворены настежъ, и я вовсе не зналъ, что ключъ отъ этихъ дверей находится на гауптвахтѣ и что ихъ можно отворять иначе, какъ этимъ ключемъ, взявъ при этомъ ефрейтора. Если это и дѣлалось вообще, то надо предположить, что такіе порядки были устранены людьми, которые имѣли право входить въ кассу». (Точный переводъ съ польскаго). Н. В.

въ сущности работала тайкомъ противъ одержавшихъ побѣду, ненавистныхъ для нея личностей, и приготовила мало-по-малу, вмѣстѣ со своими краковскими друзьями, второй coup d'état, о которомъ будетъ разсказано ниже. Болѣе дальновидные и рѣшительные члены (между прочимъ Авейде) совѣтовали товарищамъ распорядиться смирившимися анархистами безъ всякой церемоніи, но жондъ 4-го состава былъ слишкомъ бѣлъ для этого: оставилъ господъ Лемпке, Верницкаго и Гликзелли съ братіей въ покоѣ — и послѣ сильно раскаявался.

Новые члены народнаго правительства распредѣлили между собою занятія слѣдующимъ образомъ: Маевскій взялъ на себя завѣдываніе административною и финансовою частями, Голембергскій — военныя и заграничныя дѣла, Кржеминскій — прессу, Авейде — дѣла провинцій, Яновскій сдѣланъ статсъ-секретаремъ. На мѣсто начальника города приглашенъ секретарь Литвы, Вацлавъ Пржибыльскій, съ оставленіемъ въ прежней должности. А вялому и малоспособному Зенковичу, при устраненіи его, обѣщано перемѣщеніе на первую видную вакансію, которая откроется [1]).

Скрытые Вашковскимъ милліоны поступили тогда въ народную кассу. Кредитные билеты и монета оставлены для различныхъ расходовъ въ краѣ, а заставные листы отправлены въ учрежденную немного позже парижскую «коммисію погашенія народнаго долга». Потомъ часть ихъ перебралась въ Лондонъ [2]).

Чиновники коммисіи финансовъ, Станиславъ Яновскій и Станиславъ Гебда, какъ наиболѣе помогавшіе Вашковскому совершить похищеніе казенныхъ милліоновъ, среди бѣла дня,—получили нѣкоторое вознагражденіе и уѣхали за границу [3]). Послѣ этого жондъ приступилъ къ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ—къ управленію возстаніемъ. Дабы не показать краю, что въ высшихъ областяхъ организа-

---

[1]) Черезъ мѣсяцъ онъ былъ назначенъ начальникомъ города Львова, въ восточной Галиціи.

[2]) Наше правительство сейчасъ же огласило въ газетахъ утраченные номера и начало за границей процессъ съ владѣльцами этихъ бумагъ, который тянулся очень долго и не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Деньги эти пропали для насъ точно такъ же, какъ и кредитные билеты и монета.

[3]) Сколько именно имъ дали—неизвѣстно, но обѣщано было по 3,600 рублей на человѣка, а вознымъ: Бельчинскому, Тышковскому и Колтуновскому, которые должны были помогать Вашковскому лично:—выносить мѣшки и пачки на улицу,—по 4,000 рублей каждому. Двое изъ нихъ бѣжали за границу, а третій (Колтуновскій) зарѣзался. Н. В.

ціи происходили потрясенія, измѣнившія систему управленія, новый жондъ продолжалъ начатое Кобылянскимъ: ввелъ, прежде всего, въ дѣйствіе декретъ о революціонныхъ трибуналахъ—сформировалъ «трибуналъ Варшавскій», членами коего были: меценасъ варшавскаго сената, Витольдъ Мошинскій, въ качествѣ предсѣдателя; бывшій студентъ московскаго университета Александръ Павло́вскій и сапожникъ Матвѣй Пенѣнжекъ, какъ простые члены [1]). Прокуроромъ къ нимъ назначенъ бывшій студентъ московскаго университета, Игнатій Косинскій, обязанностію коего было составлять обвинительные акты.

Жондъ наро́довый требовалъ отъ трибунала, чтобы онъ, по возможности, урегулировалъ старую, небрежную форму уничтоженія (sprzątnięcia) вредныхъ возстанію личностей; чтобы это не дѣлалось кое-какъ, по фантазіи кого-либо изъ высшихъ полицейскихъ властей, располагавшаго штилетниками, а производилось правильно, на основаніи законныхъ постановленій. До сихъ поръ рѣшалъ судьбу подозрительныхъ личностей начальникъ полиціи Карло́вичъ, никого не спрашиваясь, или спрашиваясь очень рѣдко: теперь приказано ему составлять предварительно списки такимъ лицамъ и представлять ихъ на разсмотрѣніе трибунала. Дѣлалось ли это, Богъ вѣсть....

Первое засѣданіе варшавскаго революціоннаго трибунала происходило въ концѣ іюня по н. ст., въ квартирѣ Мошинскаго, на Подвалѣ, гдѣ грекó-уніатская (нынѣ православная) церковь. Слѣдующія затѣмъ засѣданія были—когда у Мошинскаго, когда у Павло́вскаго, на Медовой улицѣ, въ зданіи апелляціоннаго суда; или, наконецъ, на Долгой, въ домѣ коммисіи юстиціи, гдѣ жилъ обыкновенно главный директоръ [2]).

---

[1]) Иные считаютъ предсѣдателемъ варшавскаго революціоннаго трибунала Петра Кобылянскаго. «Пенѣнжекъ, человѣкъ необыкновенно простой и плохо образованный, принятъ въ трибуналъ, по объясненію Авейде, единственно для оппозиціи излишеству юридическихъ формальностей. Къ тому же, какъ знавшій Варшаву и ея жителей вдоль и поперекъ, онъ могъ быть полезенъ товарищамъ указаніями, при рѣшеніи столь важнаго вопроса, какъ жизнь и смерть гражданъ». Что̀ касается до правъ жонда на кару смертію, Гиллеръ разсуждаетъ объ этомъ такъ: «kara smierci jest złem, ale złem w pewnych razach koniecznym, którego bardzo rzadko używać należy; jeżeli jednakże inne Rządy mają prawo ją wykonywać, smiesznem jest odmawianie tego prawa Rządowi Narodowemu» (I, 265). Н. В.

[2]) Замѣтимъ квартиры, которыя занимали высшіе чины организаціи или учрежденія жонда въ Варшавѣ. Падлевскій, какъ говорили, жилъ подлѣ своего бывшаго начальника, генерала Шварца; Авейде—въ домѣ ордината Замойскаго, на Жабей улицѣ; Наржимскій—рядомъ съ 3-мъ цыркуломъ, на

Что тамъ творилось, объ этомъ нѣтъ нигдѣ опредѣленныхъ свѣдѣній. Произнесъ ли трибуналъ хоть одинъ смертный или какой-либо другой приговоръ?... [1]). Жертвы однакоже падали, или получали жестокія раны кинжалами.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ убитъ юнкеръ Ерличъ, за поддѣлку печати народнаго правительства и сборъ денегъ по фальшивымъ квитанціямъ въ свою пользу [2]). Потомъ убитъ, 4-го іюля н. ст., чиновникъ Ѳома Ратайскій, на Огродовой улицѣ. 12-го іюля н. ст., раненъ кинжаломъ въ бокъ и въ руку ревировый дозорецъ Генрихъ Градовскій. 24-го іюля н. ст., убитъ полицейскій дозорецъ Бялый, близъ Повонзковскаго кладбища.

Это были жертвы повстанскаго правосудія, опубликованныя въ газетахъ, но сколько въ то же время пало жертвъ безвѣстныхъ, о комъ ходили только глухіе, неопредѣленные слухи!... [3]). Что касается провинціальныхъ революціонныхъ трибуналовъ—объ нихъ почти ничего неизвѣстно. Говорили, будто-бы въ Островскихъ лѣсахъ, Плоцкаго воеводства, стояла какая-то изба, носившая названіе революціоннаго трибунала, гдѣ засѣдало нѣсколько членовъ, подъ предсѣдательствомъ нѣкоего Неялтовскаго, который осудилъ на смерть около 80-ти человѣкъ. Бывавшіе тамъ утверждали, что «сначала, какъ приведутъ, сидишь въ ямѣ дня два-три; потомъ потребуютъ въ избу,

---

Долгой улицѣ; Лемпке—у сестеръ милосердія, почти монахинь (имѣющихъ въ Варшавѣ свою особую форму: сѣрое платье—habit—и бѣлый, съ большими крыльями, чепецъ). Засѣданія революціоннаго трибунала происходили подлѣ церкви, или въ зданіи русскаго правительственнаго учрежденія, или тамъ, гдѣ квартировалъ главный директоръ коммиссіи юстиціи. Во всѣхъ этихъ пунктахъ полиціи и въ голову не приходило искать чего-либо подозрительнаго, или было не такъ удобно.

[1]) Онъ могъ также осуждать на изгнаніе изъ края (см. его атрибуціи въ прилож.). Привлеченные впослѣдствіи къ отвѣту слѣдственной коммиссіею, члены варшавскаго революціоннаго трибунала ото всего отперлись.

[2]) Убитъ въ винномъ погребѣ Кіаса, который находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь начинается скверъ Краковскаго предмѣстья, если идти отъ намѣстниковскаго палаца къ замку. Трупъ Ерлича, забитый въ доски, стоялъ всю ночь, припертый къ дому, гдѣ произошло убійство, и никто на это не обратилъ вниманія.

[3]) Тогдашній варшавскій губернаторъ, Рожновъ, сказывалъ автору, что къ нему однажды принесли мѣшокъ съ костями его агента, мелко-на-мелко переломанными. Онъ выражался даже—«мѣшечекъ».

Всего-на-все у Рожнова убито семь агентовъ, имена которыхъ остались для публики неизвѣстными. Два изъ нихъ были начальниками отдѣленія.

Н. В.

гдѣ судятъ двое. Участь приведеннаго рѣшается быстро: либо повѣсятъ тутъ же, на деревѣ,—либо только посѣкутъ и отпустятъ» [1]).

За границей революціонные трибуналы существовали только въ Краковѣ и во Львовѣ [2]).

Нѣкоторые изъ служившихъ въ повстанской организаціи 1863 г. считали революціонные трибуналы ничѣмъ инымъ, какъ только мистификаціей, подражаніемъ декоративнымъ ужасамъ Венеціанской республики.....

Когда дѣло съ трибуналами такъ или иначе уладилось, т. е. хвостъ «устава Бобровскаго» началъ кое-какъ вилять и крутиться въ воздухѣ,—жондъ принялся за осуществленіе и другихъ частей чудовища, предназначеннаго воевать съ законнымъ правительствомъ—не на животъ, а на смерть.

Все, что представляло до сихъ поръ неясный обликъ такъ-называемыхъ отдѣловъ или департаментовъ жонда, по разнымъ отраслямъ занятій (департаментовъ, начавшихъ жить еще до майскаго coup d'état) [3]), дошло теперь до своего возможно полнаго и лучшаго выраженія.

«Не буду оспаривать,—говоритъ Авейде,—что нѣкоторыя подробности нашихъ учрежденій покажутся забавными, но только такое устройство было единственно возможнымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ» [4]). Какое жъ это было устройство?

Департаменты были сформированы на основаніи особыхъ для каждаго уставовъ, опредѣляющихъ ихъ составъ, предметы занятій, порядокъ дѣлъ, сношенія и т. п. Общія начала этихъ уставовъ таковы: каждый департаментъ состоялъ изъ директора, дѣлопроизводителей или референтовъ, число коихъ было не вездѣ одинаково, смотря по количеству занятій департамента,—и двухъ секретарей. Всѣ они, за исключеніемъ втораго секретаря, назначались народнымъ

---

[1]) Разсказано автору въ Плоцкой губерніи.

[2]) Авейде, IV, 198.

[3]) Болѣе всѣхъ проявлялъ жизни департаментъ внутреннихъ дѣлъ, благодаря способностямъ и энергіи одного изъ референтовъ (дѣлопроизводителей), Рафаила Краевскаго.

[4]) IV, 137. Въ іюлѣ и августѣ 1863, жондъ народовый собирался на квартирѣ Авейде, на Жабей улицѣ; потомъ у Рупрехта, въ редакціи «Польской Газеты», на Даниловичовской улицѣ; у Сивинскаго, на Вейской, въ д. графа Августа Замойскаго; у меценаса Петра Кобылянскаго, на Свентоюрской, и наконецъ у одного доктора, подъ видомъ больныхъ, пришедшихъ за совѣтомъ. Въ отсутствіе доктора принималъ этихъ больныхъ Рупрехтъ. (Показанія Даниловскаго и Авейде). Н. В.

правительствомъ, а этотъ послѣдній самимъ департаментомъ. Предметы занятій распредѣлялись по отдѣленіямъ или секціямъ, изъ коихъ каждая находилась въ завѣдываніи особаго чиновника. Первый секретарь не имѣлъ никакой секціи и завѣдывалъ канцеляріею и внутреннимъ порядкомъ департамента. Въ его рукахъ были контроль и журналъ входящихъ и исходящихъ дѣлъ; ему вѣрялись занятія, относившіяся къ секціямъ; наконецъ, на немъ лежали сношенія департамента съ другими существовавшими въ Варшавѣ революціонными учрежденіями. Второй секретарь былъ помощникомъ перваго. На практикѣ онъ чаще всего занимался перепискою бумагъ и служилъ разсыльнымъ (Galopen). Порядокъ дѣлъ департамента былъ слѣдующій: всѣ дѣла, поступавшія черезъ директора или черезъ перваго секретаря, разсматривались и рѣшались въ ежедневныхъ коллегіальныхъ засѣданіяхъ всѣхъ членовъ департамента, за исключеніемъ втораго секретаря. Исполненія состоявшимся рѣшеніямъ были изготовляемы каждымъ членомъ у себя на дому. Всякое рѣшеніе и вообще переписка и документы скрѣплялись печатью департамента, находившеюся въ рукахъ директора [1]). Если же документы имѣли силу рѣшенія или предписанія народнаго правительства, то скрѣплялись еще печатью статсъ-секретаря. Сношенія департамента съ разными революціонными властями производились слѣдующимъ образомъ: съ народнымъ правительствомъ или непосредственно, черезъ директора, который передавалъ рапорты одному изъ членовъ народнаго правительства, смотря по свойству дѣла, и получалъ отъ него приказанія; или же письменно (напримѣръ при представленіи проектовъ, декретовъ, инструкцій и т. п.) черезъ статсъ-секретаря. Сношенія между департаментами производились только посредствомъ ихъ первыхъ секретарей, лично и письменно. Сношенія департаментовъ съ начальникомъ города происходили при посредствѣ перваго секретаря съ одной стороны и нарочно назначаемаго агента съ другой. Наконецъ письменныя сношенія департаментовъ съ воеводскими властями производились исключительно при посредствѣ статсъ-секретаря. Директоръ же отъ своего лица сносился съ ними только по его собственному усмотрѣнію. Права департаментовъ были двоякія: нѣкоторыя дѣла департаментъ могъ рѣшать самъ по себѣ, съ обязанностію лишь докладывать народному правительству о своемъ рѣшеніи; о другихъ же, болѣе важныхъ дѣлахъ, дѣлалъ представленія.

---

[1]) Это была небольшая овальная печать, безъ гербовъ, съ надписью вокругъ: «народное правительство, департаментъ такой-то». Н. В.

Никакихъ назначеній въ должности департаментъ дѣлать не имѣлъ права [1]).

Первымъ департаментомъ явился на свѣтъ самый важный: департаментъ внутреннихъ дѣлъ.

Во главѣ его стоялъ нѣкоторое время судья варшавскаго гражданскаго трибунала, Лагуна [2]). Онъ правилъ должность директора департамента, съ половины апрѣля по н. ст. до половины іюля. Затѣмъ директоромъ департамента внутреннихъ дѣлъ назначенъ одинъ изъ дѣлопроизводителей, Рафаилъ Краевскій, о коемъ упомянуто выше. При немъ референты департамента, которыхъ было четыре, раздѣлили между собою занятія по 8-ми воеводствамъ—два воеводства на референта. Этими референтами сначала были: Станиславъ Кршеминскій, Игнатій Косинскій, Іосифъ Наржимскій и Романъ Жулинскій. Потомъ, при переходѣ этихъ лицъ въ другія мѣста, департаментъ внутреннихъ дѣлъ устроился, со стороны сношеній съ воеводствами, такъ: дѣлами по краковскому и сандомірскому воеводствамъ занимался самъ директоръ Краевскій. По мазовецкому и калишскому—сотрудникъ «Польской Газеты» Генель. По люблинскому и подлясскому—секретарь въ управленіи варшавско-вѣнской желѣзной дороги, Евгеній Дунинъ. По плоцкому и августовскому—подписарь суда варшавской исполнительной полиціи, Ѳома Буржинскій. Секретаремъ департамента внутреннихъ дѣлъ былъ сначала Иванъ Банземеръ, потомъ студентъ главной школы, Густавъ Папроцкій [3]).

Военный департаментъ сформировался къ началу іюля по н ст. такъ: директоромъ его былъ Евгеній Качковскій, бывшій до тѣхъ поръ помощникомъ Осипа Яновскаго [4]). Первымъ референтомъ у него, какъ бы начальникомъ штаба, былъ Иванъ Галензовскій, въ организаціи Янъ Голянскій, или просто Янъ, не-то Игнатій Голковичъ [5]). Вторымъ референтомъ военнаго департамента

---

[1]) Авейде, IV, 137—139.

[2]) Тотъ самый, о которомъ было упомянуто въ IV главѣ, при описаніи студенческой панихиды въ костелѣ св. Екатерины—профессоръ петербургскаго университета.

[3]) Составлено по запискамъ Авейде и по разнымъ оффиціальнымъ документамъ.

[4]) См. начало IV-й главы, «Русская Старина» изд. 1879 г., томъ XXV.

[5]) Обращаемъ вниманіе читателей на заглавныя буквы всѣхъ этихъ именъ и фамилій: онѣ постоянно однѣ и тѣ же, дабы не измѣняли меткѣ на бѣльѣ. Къ послѣдней фамиліи Галензовскаго — Голковичъ — впослѣдствіи такъ привыкли, что считали ее настоящею фамиліею этого лица. Вымышленное имя и фамилія Сигизмунда Падлевскаго имѣли тѣ же условія. (Zygmunt Padlewski—Zenon Poliński). Н. В.

былъ Матвѣй Гралевскій, въ организаціи просто Матвѣй (Maciéj). Референтомъ по секціи врачей былъ одинъ изъ профессоровъ медицинскаго факультета Главной Школы. Военнымъ агентомъ считался помѣщикъ Рогалинскій, въ организаціи эффенди (вслѣдствіе восточной его физіономіи). Секретаремъ былъ Болеславъ Малиновскій, въ организаціи Малина, или Война. Интендантомъ былъ аптекарь Стронскій. Къ тому же департаменту принадлежалъ купецъ Кремке, въ завѣдываніи котораго находились варшавскія мастерскія жонда, по части заготовленія оружія. Ему же поручено было образовать въ Варшавѣ особую коммисію вооруженія въ родѣ литтихской, но, кажется, это не достигнуто [1]).

Финансовый департаментъ устроенъ былъ помѣщикомъ Діонисіемъ Скаржинскимъ, который набиралъ своихъ чиновниковъ лично, по кондитерскимъ, кофейнямъ и огрудкамъ. Долѣе всѣхъ онъ ухаживалъ за казначеемъ польскаго банка, Ѳомою Ильницкимъ, человѣкомъ немолодымъ, у котораго каждый шагъ былъ математически разсчитанъ и размѣренъ, дабы какъ-нибудь не разрушить общихъ счетовъ съ жизнію. Проработавъ извѣстное число часовъ въ банкѣ, Ильницкій шелъ домой обѣдать; потомъ, подремавъ, отправлялся въ кондитерскую Конти «paczarną kawę i grę szachów». На другой день было тоже самое, какъ двѣ капли воды. Выбить его изъ этой колеи, вставить въ жизнь его что-либо лишнее—было неимовѣрно трудно. Скаржинскому пришлось выпить съ нимъ не одну чашку «чернаго кофе» и не разъ «съиграть въ шахматы», пока дѣло уладилось. Зато, взявшись быть повстанскимъ казначеемъ, Ильницкій исправлялъ эту обязанность съ такимъ же рвеніемъ, какъ и въ банкѣ, если только еще не съ бо́льшимъ. Такъ какъ жондъ имѣлъ къ нему полное довѣріе, то разрѣшилъ помѣстить народную кассу у него на квартирѣ. Референтомъ по письменной части былъ здѣсь Карлъ Рупрехтъ, человѣкъ тоже испытанной честности. Референтомъ по контрольной части былъ бухгалтеръ администраціи шоссейныхъ дорогъ, Іосифъ Точискій [2]). Въ должность контролера народнаго займа

---

[1]) Въ одномъ слѣдственномъ дѣлѣ есть свѣдѣніе о жалованьѣ главныхъ чиновъ военнаго департамента, собственно деньгахъ, выдававшихся этимъ лицамъ на дружки и омнибусы: Качковскій бралъ когда 50, когда 75 рублей въ мѣсяцъ; Галензовскій отъ 50 до 60 рублей; Эффенди отъ 50 до 100; Гралевскій отъ 45 до 60; секретарь Малина 75 рублей.

[2]) Участвовалъ въ возстаніи 1846 г. и сосланъ былъ въ арестанскія роты, въ Устькаменгорскѣ (Гиллеръ, IV, 73). Потомъ воротился по амнистіи 1856 г. Н. Б.

назначенъ (въ концѣ іюля по н. ст., тотчасъ послѣ выдачи декрета о народномъ займѣ въ 21 милл. злотыхъ) вышеупомянутый бухгалтеръ одного торговаго дома въ Варшавѣ, Генрихъ Воль. Секретаремъ былъ также извѣстный читателямъ, Викторъ Зоммеръ, а по выѣздѣ его за границу, въ августѣ 1863 г., студентъ главной школы, Сигизмундъ Суминскій. Наконецъ (уже при Траугутѣ) —Артуръ Гольдманъ. Собирался этотъ департаментъ сначала у Зоммера, а потомъ у Скаржинскаго. За полученіемъ денегъ, откуда бы онѣ ни поступали въ народную кассу, секретарь финансоваго департамента отправлялся въ секретаріатъ (учрежденіе, которое будетъ описано подробно ниже) и тамъ принималъ ихъ отъ статсъ-секретаря. Отпускъ денегъ Ильницкимъ производился не иначе, какъ по особому предписанію жонда, которое передавалось секретарю финансоваго департамента въ секретаріатѣ. Имѣя такое предписаніе, финансовый департаментъ снабжалъ своего секретаря ассигновкой на полученіе денегъ въ казначействѣ. Получивъ ихъ, секретарь снова отправлялся въ секретаріатъ и тамъ передавалъ ихъ секретарю того департамента, или городскаго отдѣленія, коему выдача предназначалась.

Бумаги, поступавшія въ финансовый департаментъ, можно, главнѣйшимъ образомъ, отнести къ тремъ категоріямъ: 1) просьбы, касающіяся податей. 2) требованія коммисарами или другими чинами организаціи денегъ. 3) отчеты разныхъ лицъ въ израсходованіи полученныхъ ими суммъ [1]).

Департаментъ прессы состоялъ нѣкоторое время въ завѣдываніи прежняго начальника этой части, Эдуарда Сивинскаго, по увѣренію Авейде: неслишкомъ дѣятельнаго и небольшихъ способностей человѣка; а потомъ перешелъ къ секретарю Литвы и вмѣстѣ начальнику города Варшавы, Вацлаву Пршибыльскому, знакомому съ занятіями этого рода, такъ какъ онъ былъ довольно долго сотрудникомъ редактора «Виленскаго Курьера», Киркора [2]). Референтами

---

[1]) Эти послѣднія, по словамъ референта по контрольной части, Точискаго (впослѣдствіи директора финансоваго департамента), представлялись, большею частію, въ такомъ запутанномъ видѣ, что правильный контроль былъ совершенно невозможенъ.

[2]) Который объ немъ впрочемъ неособенно высокаго мнѣнія. Въ «Roczniku Tow. historyczno—literackiego w Paryżu» (Poznań, 1879, стр. 382) пребываніе Вацлава Пршибыльскаго въ Вильнѣ, во время генералъ-губернаторства Назимова, описано весьма-несимпатичными красками. Чтобы войти въ расположеніе высшей власти края, онъ писалъ и печаталъ въ «Виленскомъ Курьерѣ» стихи не только въ честь Государя, но и въ честь генералъ-губернатора, его супруги, ихъ салоновъ, баловъ и т. п. Но тамъ-же сказано, что, «приложивъ

его были: уже извѣстный читателямъ студентъ Владиславъ Богуславскій; чиновникъ дипломатической канцеляріи намѣстника, Радоминскій и одинъ изъ сотрудниковъ «Польской Газеты», Вагнеръ, оставшійся по-прежнему директоромъ всѣхъ повстанскихъ типографій [1]).

Департаментъ иностранныхъ дѣлъ, или заграничный, находился (съ конца іюня мѣсяца по н. ст.) въ завѣдываніи секретаря варшавскаго городскаго совѣта, Генриха Краевскаго, и сибиряка Гервазія Гзовскаго [2]). Послѣдній считался первымъ секретаремъ департамента. Втораго секретаря здѣсь не было, а былъ только переписчикъ. Кромѣ того временами работалъ въ томъ же департаментѣ членъ народнаго правительства Големберскій.

Былъ еще департаментъ провинцій, гдѣ директоромъ состоялъ членъ народнаго правительства, Авейде, имѣя помощниками: секретарей Литвы и Руси, Пршибыльскаго и Добецкаго, Гиллера (до назначенія его секретаремъ заграничнаго агента жонда, Скорупки) и молодаго галиційскаго помѣщика, графа Козебродскаго. Эти лица должны были имѣть своихъ помощниковъ, но не имѣли. Одинъ только Пршибыльскій, будучи обремененъ занятіями по должности начальника города, заставлялъ иногда кого-то исправлять свои обязанности по званію секретаря Литвы.

Наконецъ учрежденъ такъ называемый секретаріатъ, имѣвшій своихъ референтовъ и секретарей. Къ числу его занятій относились: 1) веденіе Контроля и журнала всей переписки народнаго правительства. 2) посредничество между народнымъ правительствомъ и подчиненными ему властями. Статсъ-секретарь принималъ всѣ рапорты и бумаги, адресованные на имя жонда, и отправлялъ отвѣты жонда и департаментовъ, куда слѣдовало. Для этого онъ долженъ былъ знать всѣ, болѣе или менѣе, необходимые адресы [3]). 3) заготовленіе

свои способности къ революціонной дѣятельности, Пршибыльскій явился неслыханно-ловкимъ и отважнымъ агитаторомъ и слугою жонда, какъ-будто-бы это была его настоящая дорога. Его находчивость въ изобрѣтеніи разныхъ хитрыхъ мелочей въ сложной машинѣ Тайнаго управленія городомъ была поистинѣ изумительна». (Стр. 383).

[1]) Типографіи помѣщались, бо́льшею частію, въ двухъ домахъ каждая: въ одномъ пунктѣ набирали, а въ другомъ печатали. Наборщиками и печатниками были обыкновенно люди, знакомые съ этимъ дѣломъ—работники частныхъ типографій, которыхъ Вагнеръ склонивъ на свою сторону, приводилъ у себя на дому къ присягѣ: «служить вѣрой и правдой жонду народовому и не измѣнять тайнѣ». Имъ платили около 30 рублей на человѣка въ мѣсяцъ.

[2]) Принадлежалъ къ заговору Свентокршисцевъ и былъ сосланъ въ каторжную работу, въ 1840 году. Воротился по амнистіи 1856 года. Н. В.

[3]) Пріемъ и взаимная передача всего существенно важнаго, иначе сказать: -ношенія жонда съ департаментами и департаментовъ между собою—происхо-

нужныхъ печатей. Съ этихъ поръ рѣщики могли дѣлать печати не иначе, какъ только по письменному разрѣшенію статсъ-секретаря. 4) выборъ курьеровъ и доставленіе паспортовъ, не только революціонныхъ, но и законныхъ, правительственныхъ. Послѣдніе были, смотря по обстоятельствамъ, двухъ сортовъ: фальшивые и настоящіе. 5) въ вѣдѣніи статсъ-секретаря находились всѣ сообщенія: желѣзныя дороги и почты, какъ обыкновенная, такъ и обывательская. Желѣзными дорогами и обыкновенными, правительственными почтами управляли особые коммисары революціоннаго правительства, а обывательскою почтою—одинъ изъ референтовъ секретаріата. Всякія перемѣны въ этой послѣдней зависѣли отъ департамента внутреннихъ дѣлъ. Пользоваться ею можно было только съ дозволенія и при посредствѣ статсъ-секретаря. (На практикѣ, это, какъ и многое другое, безпрестанно нарушалось.) 5) наконецъ статсъ-секретарь присутствовалъ на засѣданіяхъ народнаго правительства, завѣдывалъ собственною его канцеляріею, прикладывалъ къ разнымъ бумагамъ одну изъ двухъ хранившихся у него печатей: революціоннаго правительства, или свою, статсъ-секретарскую. Изъ лицъ, служившихъ въ секретаріатѣ, извѣстны: Иванъ Лавцевичъ, Антонъ Розманитъ, Ольшанскій и Войцѣховскій. Антонъ Розманитъ, какъ видѣли выше, управлялъ экспедитурой, помѣщавшейся въ каморкѣ при винно-бакалейномъ магазинѣ его брата, Франциска, на Новомъ Свѣтѣ [1]). Теперь, вслѣдствіе увеличившейся переписки жонда съ воеводствами и несравненно бо́льшаго количества печатныхъ изданій (кои также подлежали разсылкѣ), экспедитура была перенесена на другую, просторную квартиру «на Лясоцкомъ» [2]), которую одинъ изъ очевидцевъ описываетъ такъ: «Двѣ комнаты, бюро, столикъ и два кресла. На полу кучи газетъ: Niepodległość, Ruch, Wiadomości Poliryczne, Wiadomości z pola bitwy и другія; военные уставы, въ переплетахъ и безъ нихъ; воззванія къ народу, бланки: жонда, начальника города, разныхъ департаментовъ: войны, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и т. д. На бюро множество мѣдныхъ печатей для разныхъ народныхъ властей внутри

дили посредствомъ особаго сборнаго пункта всѣхъ секретарей, куда являлся въ извѣстномъ часу, ежедневно, и статсъ-секретарь. Этимъ пунктомъ была аудиторія профессора Венедикта Дыбовскаго, въ зданіи Главной Школы, у воротъ, ведущихъ на Обозную улицу. Для обыкновенныхъ же разсылокъ, съ чѣмъ бы то ни было, употреблялись галопены.

[1]) Франциск Розманитъ былъ также однимъ изъ начальниковъ отдѣленій въ городской организаціи. Н. В.

[2]) Огромный домъ съ нѣсколькими флигелями, на Долгой улицѣ.

края [1]), сургучъ, стеариновыя свѣчи, картузная бумага для конвертовъ, перья и чернила».

Кромѣ всего сказаннаго, относившагося прямо къ жонду и его департаментамъ, въ городѣ было учреждено нѣсколько такъ называемыхъ пріемныхъ конторъ (около шести), при надежныхъ и вѣрныхъ возстанію купеческихъ магазинахъ, коихъ владѣльцы принимали на свою отвѣтственность безопасность лица, являвшагося туда по какому-либо случаю, а также и безопасность всего, что онъ доставлялъ: пакетовъ, писемъ, рапортовъ и т. п. Тутъ же записывался и адресъ прибывшаго съ пакетомъ. Особые люди (галопены статсъ-секретаря) обходили всѣ пріемныя конторы по крайней мѣрѣ два раза въ день и собирали оставленное тамъ разными лицами. Статсъ-секретарь, пересмотрѣвъ это, записывалъ въ журналъ и передавалъ, по возможности немедля, первымъ секретарямъ департаментовъ, что кому слѣдовало. Отвѣты на всѣ бумаги передавались обратнымъ порядкомъ, черезъ галопеновъ-же, въ конторы. Въ случаѣ особенной спѣшности, курьеръ получалъ отвѣтъ прямо изъ секретаріата. Если были необходимы еще и личныя объясненія, то посланнаго направляли къ указанному статсъ-секретаремъ лицу. Несмотря на такой, повидимому, сложный порядокъ, отвѣтъ въ воеводство отправлялся обыкновенно не позже какъ по истеченіи 24 часовъ послѣ полученія вопроса.

Почты и желѣзныя дороги:—варшавско-вѣнская и варшавско-бромбергская (с.-петербургская менѣе) находились тогда въ полномъ распоряженіи народнаго правительства. Онѣ перевозили безпрекословно не только огромные пакеты и тюки, но и людей, цѣлыми десятками, хотя бы безпаспортныхъ; пересылали небольшія телеграфическія депеши, писанныя условнымъ ключемъ, доставшимся отъ бѣлыхъ, и другимъ, изобрѣтенія князя Владислава Чарторыскаго. Изрѣдка пересылалось по желѣзнымъ дорогамъ и оружіе. Такъ, напримѣръ, доставлено оружіе въ батальонъ «Варшавскихъ дѣтей» Жихлинскаго, въ мазовецкое воеводство, и въ кавалерійскую банду Баера [2]).

---

[1]) Въ императорской публичной библіотекѣ хранится тетрадь со снимками разныхъ печатей возстанія 1863 г.: ихъ числомъ около 700, но это далеко не всѣ, бывшія въ употребленіи организаціи. Н. В.

[2]) По словамъ Здислава Янчевскаго, оружіе, покупаемое въ Ліежѣ, направлялось на Потсдамъ, подъ Берлиномъ, къ оружейнымъ фабрикантамъ явно. Здѣсь агенты жонда (ajenci Broni) принимали его и упаковывали, какъ сахаръ, красное вино, прованское масло, полотно, металлическія издѣлія, и посылали за границу, давая большія взятки прусскимъ чиновникамъ на желѣзной дорогѣ и въ таможняхъ. Съ границы оружіе отправлялось ночью частями черезъ такъ называемыхъ szwarcowników, иначе: szmuglerów или defraudantów—крестьянъ, не-то просто по желѣзной дорогѣ, въ машинномъ отдѣленіи,

Почти одновременно съ образованіемъ департаментовъ (собственно въ іюнѣ), урегулирована какъ слѣдуетъ и почтовая часть. Сами чиновники желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ станцій написали уставъ, какъ производить разсылку всего, доставляемаго жондомъ—и этотъ уставъ былъ утвержденъ народнымъ правительствомъ.

На желѣзныхъ дорогахъ учреждена по этому уставу, такъ названная коммуникаціонная организація, имѣвшая свою центральную власть, какъ кажется, изъ 5-ти членовъ. Эта организація состояла въ вѣдѣніи и зависимости секретаріата, чрезъ посредство одного изъ его референтовъ, который носилъ названіе коммисара коммуникаціи (имъ былъ Ольшанскій). Обыкновенныя конныя почты составили свою особую организацію, немного отличавшуюся отъ организаціи желѣзныхъ дорогъ. Онѣ точно также зависѣли отъ секретаріата, входя съ

тщательно укрытое; также: въ двойныхъ днахъ вагоновъ, въ желѣзныхъ несгораемыхъ шкафахъ, между двойными стѣнками, либо въ стѣнахъ омнибусовъ и другихъ большихъ экипажей, которые шли въ Варшаву изъ Вѣны. Многое, несмотря на всѣ эти хитрости, было захватываемо, а что проходило, то стоило дорого: штуцеръ, купленный въ Ліежѣ за 40 франковъ, обходился рублей въ 40 или даже и болѣе по доставкѣ. Изъ 30 тысячъ штуцеровъ, купленныхъ Александромъ Гуттри, ни одинъ не прибылъ въ банду. Часть задержана пруссаками, часть захвачена русскимъ правительствомъ.

Экстраординарные агенты жонда покупали оружіе гдѣ случится: въ Торнѣ, Бромбергѣ, Бреславлѣ, Каттовицахъ, съ доставкой до границы, болѣе или менѣе по слѣдующимъ цѣнамъ: штуцеръ 20 рублей, палашъ отъ 4 до 5 рублей. Перевозъ штуцера черезъ границу обходился въ 3 рубля, палаша въ 1 рубль; центнеръ пороху стоилъ отъ 50 до 60 рублей, тысяча пистоновъ—5 рублей. Эта закупка была вѣрнѣе ліежской. Янчевскій считаетъ, что всего-на-все куплено 76,000 штуцеровъ; изъ нихъ 44,000 захвачено пруссаками и австрійцами; остальные 32,000 перевезены въ Царство Польское, но при этомъ задержано русскими властями около 15—16,000 штукъ. Гиллеръ же увѣряетъ, что Пруссія и Австрія захватили у нихъ до 70,000 штурцеровъ, кромѣ сабель, палашей, пистолетовъ, револьверовъ, косъ и аммуниціи, всего-на-все вооруженія на стотысячную армію (I, 275, примѣчаніе). Онъ говоритъ также, что одно время даже правительство Виктора Эммануила захватывало оружіе, идущее въ русскую Польшу (II, 276). Въ Куявахъ, въ августовскомъ воеводствѣ, и на Подлясьѣ, по словамъ Гиллера, множество хлоповъ разбрелось изъ бандъ по домамъ единственно за недостаткомъ оружія (II, 280). Гиллеръ сильно жалуется на неловкость агентовъ, занимавшихся закупкой оружія (II, 276—277). А жондъ жаловался постоянно на прусскихъ фабрикантовъ, которые будто-бы доставляли оружіе не того достоинства, какъ подряжались. Бывали якобы случаи, что фабрикантъ, отправивъ какое-нибудь, никуда негодное оружейное старье, давалъ знать прусской полиціи: она захватывала—неизвѣстно что, а фабрикантъ былъ предъ жондомъ правъ, и требовалъ уплаты денегъ какъ бы за хорошее оружіе. Н. В.

нимъ въ сношенія при посредствѣ особаго почтоваго коммисара. Здѣсь не было центральной власти, а былъ просто-за-просто революціонный директоръ правительственныхъ почтъ [1]).

Городская организація получила также съ этого времени болѣе совершенную и практическую форму, вступила въ иной фазисъ существованія, подъ управленіемъ расторопнаго начальника, Вацлава Першибыльскаго, главною мыслію котораго было: «идти между жителями Варшавы вглубь и вдаль, до послѣднихъ слоевъ и закоулковъ, дабы захватить всѣ существующія въ городѣ силы». Потомъ: «исключить изъ занятія городской организаціи все, до нея не касающееся; добиться, чтобы члены городской организаціи сами ничѣмъ не располагали и не завѣдывали (какъ это было до сего времени), а служили-бы только въ помощь жонду и учрежденіямъ, непосредственно съ нимъ связаннымъ». Наконецъ: «городская организація должна была всемѣрно располагать общественное мнѣніе Варшавы въ пользу возстанія и поддерживать духъ народа въ одинаковомъ патріотическомъ настроеніи». Всѣ эти задачи Першибыльскій преслѣдовалъ, насколько хватало силъ, и до нѣкоторой степени достигъ желаемаго. Что касается состава тогдашней городской организаніи, въ него входили: 1) Администрація организаціи, или городская организація. собственно такъ называемая. 2) Военные организаторы. 3) Повѣрочная коммисія (Komissja Weryfikacyjna). 4) Главный опекунскій совѣтъ (Ogólna Rada Opiekuńcza). 5) Полиція и жандармы.

Городская организація, собственно такъ называемая, слагалась изъ пяти начальниковъ отдѣленій, называемыхъ радными (Radny), коихъ назначало народное правительство, по представленію начальника города. Ближайшіе помощники радныхъ назывались лавниками (ławnik), по причинѣ дѣленія каждаго изъ пяти отдѣленій городской организаціи на 5 округовъ или лавъ (ława); только въ одномъ отдѣленіи было 6 округовъ,—оттого всѣхъ округовъ или лавъ въ городѣ считалось не 25, а 26. Всѣ лавники назначались самими радными, исключая одного перваго, который, въ отсутствіи раднаго, заступалъ его мѣсто. Этого лавника назначалъ самъ начальникъ города. Далѣе, каждая лава дѣлилась на 6 и болѣе секцій, до 10, во главѣ которыхъ стояли секціонные начальники, назначаемые радными, по представленію лавниковъ.

Всѣхъ чиновъ городской организаціи было такимъ образомъ до двухъ тысячъ человѣкъ, такъ что каждая улица, даже каждый десятокъ-другой домовъ—имѣли своего начальника, который наблю-

[1]) Авейде, IV, 137—185. Н. Б.

далъ за всѣмъ въ нихъ происходившимъ и дѣлалъ соотвѣтственныя своимъ наблюденіямъ распоряженія.

Повѣрочная коммисія была учреждена вслѣдствіе жалобъ со стороны вносившихъ подати (по декрету отъ 8 марта н. ст. 1863) на несоразмѣрность распредѣленія ихъ и различные безпорядки, происходившіе прямо отъ сборщиковъ. Она должна была разсматривать эти жалобы, состоя подъ общимъ контролемъ одного изъ референтовъ финансоваго департамента.

Главный опекунскій совѣтъ возникъ въ помощь остававшимся иногда безъ всякаго пропитанія семействамъ лицъ, ушедшихъ въ банды, убитыхъ, сосланныхъ... Эти семейства, еще до учрежденія совѣта, поручались исключительно призору женскихъ пятерокъ, появившихся вскорѣ послѣ вооруженнаго возстанія, въ видѣ особой женской организаціи. Въ срединѣ 1863 года, женскія пятерки размножились, въ Варшавѣ и внутри края, до такой степени, что главныя руководительницы, дамы высшаго круга или высшей интеллигенціи, потеряли имъ счетъ. Явилось множество женскихъ комитетовъ, не знавшихъ одинъ о другомъ; а потому завести въ нихъ общій порядокъ, урегулировать приходъ и расходъ собираемыхъ ими денегъ—было рѣшительно невозможно. Болѣе другихъ были извѣстны въ Варшавѣ два женскихъ комитета: г-жи Паулины Краковъ и г-жи Северины Прушакъ.

Главный опекунскій совѣтъ (основанный во второй половинѣ іюня по н. ст., 1863) возстановилъ до нѣкоторой степени порядокъ въ женскихъ пятеркахъ Варшавы. Членами его были женщины, числомъ пять, а предсѣдателемъ—ветеранъ 1830 года. Въ завѣдываніи совѣта состояло 26 окружныхъ опекунскихъ совѣтовъ города (по числу 26 округовъ, или лавъ), гдѣ членами были тоже женщины, по пяти въ каждомъ совѣтѣ. Всякая женщина-лавникъ имѣла своего агента, который собиралъ свѣдѣнія о людяхъ, нуждающихся въ помощи, на пространствѣ одной лавы, или округа. Если добровольныя пожертвованія не удовлетворяли всѣмъ потребностямъ инаго округа, то начальникъ города выдавалъ особое вспомоществованіе отъ себя, изъ народной кассы. Внутри края подобныя учрежденія никогда не были приведены въ правильную систему.

Полиція мало измѣнилась къ тому времени, сравнительно съ тѣмъ, что оставилъ въ наслѣдство Карловичу прежній начальникъ полиціи, Ковальскій. Составъ ея былъ таковъ: начальникъ (Карловичъ) [1]), три инспектора (Массонъ, Стемпковскій и Адольфъ

[1]) Былъ до марта 1863 г. надокружнымъ 2-го округа полиціи, тогда какъ первымъ округомъ завѣдывалъ Мечиславъ Дормановскій, уѣхавшій въ мартѣ

Неньковскій) и 13 надзирателей или коммисаровъ, изъ коихъ каждый имѣлъ по нѣскольку помощниковъ: агентовъ и разсыльныхъ (галопеновъ). Кромѣ того, полиціи обязаны были всячески помогать вся организація и особо учрежденные жандармы. Поэтому начальникъ полиціи имѣлъ постоянныя сношенія съ начальникомъ города (которому подавалъ ежедневные рапорты), съ начальникомъ жандармовъ и присутствовалъ на совѣщаніяхъ радныхъ. Каждый полицейскій коммисаръ находился въ сношеніяхъ съ двумя лавниками. Наконецъ, всѣ полицейскіе чины организаціи должны были всемѣрно сближаться съ чиновниками разныхъ присутственныхъ мѣстъ законнаго правительства, добывать отъ нихъ всякаго рода свѣдѣнія и требовать, въ случаѣ надобности, помощи. Полиція имѣла всѣ необходимыя для возстанія бланки и поддѣльныя печати главнѣйшихъ присутственныхъ мѣстъ. Между прочимъ, въ ея распоряженіи находилась характеристическая печать паспортнаго отдѣленія оберъ-полицеймейстера, имѣвшая видъ старой, избитой печати, какъ самый подлинникъ. Полиція доставляла жонду копіи съ разныхъ бумагъ законнаго правительства, обыкновенныхъ и секретныхъ. Полиція обладала тайной свободнаго и безпрепятственнаго прохода и проѣзда во всѣ заставы; могла доставать паспорты изъ управленія оберъ-полицеймейстера для проѣзда внутрь края и въ Россію, а равно и заграничные изъ канцеляріи намѣстника [1]), съ такими примѣтами, какія требовались Наконецъ, находила способы выправлять всевозможные легитимаціонные документы, въ надлежащей формѣ, дабы данное лицо могло считаться, по книгамъ правительственной полиціи, постояннымъ жителемъ Варшавы. Всѣ лица, служившія въ повстанской полиціи, бо́льшею частію не получали никакого содержанія. Оно отпускалось лишь нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ, и тѣмъ полицейскимъ служителямъ, кои не имѣли средствъ проживать въ Варшавѣ. Штатъ постоянныхъ издержекъ полиціи никогда не перевышалъ 1,500 рублей въ мѣсяцъ [2]).

1863 г. въ Вильну устраивать тамъ повстанскую полицію наподобіе варшавской, а мѣсто его въ Варшавѣ занялъ какой-то Броніславъ (Дескуръ, позже арестованный въ Вильнѣ одновременно съ Дормановскимъ?), а послѣ Броніслава, куда-то скрывшагося, секційный коммисаръ 1-го надокруга, почтовый аппликантъ, Викентій Шувальскій, который также уѣхалъ въ Вильну. Вотъ когда очистилось мѣсто начальника полиціи для Карло́вича.

[1]) До учрежденія генералъ-полицеймейстерства (1864) заграничные паспорты выдавала канцелярія намѣстника. Потомъ ихъ выдавалъ генералъ-полицеймейстеръ. По уничтоженіи этой должности, выдача паспортовъ всякаго рода стала производиться паспортнымъ отдѣленіемъ оберъ-полицеймейстера. Н. В.

[2]) Свѣдѣнія изъ записокъ Авейде. По другимъ: начальникъ полиціи, на содержаніе агентовъ, курьеровъ, типографіи и высылку неблагонадежныхъ

Экстренные расходы шли только на взятки (na łapówkę) кому-либо изъ лицъ законнаго правительства [1]).

Послѣднимъ учрежденіемъ этого періода времени были: жандармы, или такъ называемая народная стража (Straż Narodowa), по уставу и инструкціямъ директора военнаго департамента, Качковскаго. Въ Варшавѣ они составляли эскадронъ въ 250 человѣкъ, или около того, безъ всякаго оружія, исключая секціи штилетниковъ (Sztyletników), сюда же принадлежавшей. Жандармы получали по 50 коп. на человѣка въ сутки.

Начальникъ ихъ, Павелъ Ляндовскій, считался въ чинѣ майора и состоялъ въ непосредственной зависимости отъ начальника города.

Обязанности жандармовъ заключались въ томъ, чтобы прислуживать, чѣмъ придется, всѣмъ властямъ организаціи, перевозить и переносить куда—потребуется все необходимое для какихъ бы то ни было цѣлей революціоннаго правительства; смотрѣть за мастерскими, поставляющими что-либо въ банды, и кромѣ того нести обыкновенную полицейскую службу. Секція штилетниковъ, имѣвшая начальникомъ особаго офицера, исполняла смертные приговоры трибунала [2]).

Всѣми этими учрежденіями начальникъ города управлялъ посредствомъ собственной своей канцеляріи (Bióro przyboczne), которая слагалась изъ нѣсколькихъ десятковъ чиновниковъ, между коими иные дежурили тамъ постоянно, когда одинъ, когда два, а когда и болѣе вдругъ. Къ такимъ принадлежали: агенты начальника города, называвшіеся секретарями, которыхъ назначеніе было: сноситься съ департаментами, съ секретаріатомъ, съ революціоннымъ трибуналомъ и другими органами заговора въ Варшавѣ. Изъ лицъ, принад-

---

лицъ изъ Варшавы, имѣлъ въ мѣсяцъ 1,500 рублей. Въ августѣ 1863 г., выдано имъ однимъ жандармамъ-штилетникамъ 1,800 руб. Помощнику начальника полиціи и коммисарамъ отпускалось въ мѣсяцъ каждому по 50 рублей. На тайныхъ агентовъ выходило около 200 рублей въ мѣсяцъ. На чиновниковъ русскихъ учрежденій 500 рублей въ мѣсяцъ. Моллеръ говоритъ, что «по бюджету отеля Lambert истрачено на русскую полицію, шпіоновъ и журналистику въ 1863 году—2,000,000 франковъ». (Situation de la Pologne, стр. 222).

[1]) За свѣдѣніе изъ штаба русскихъ войскъ платилось всякій разъ 45 рублей.

[2]) По Устимовичу: команда убійцъ состояла по штату изъ 200 человѣкъ и дѣлилась на 4 части, имѣвшія своихъ начальниковъ. Ими были:

1-й части—чиновникъ варшавско-вѣнской желѣзной дороги, Мстиславъ Дунинъ.

2-й—студентъ варшав. мед.-хир. академіи, Францъ Орловскій.

3-й—бывшій чиновникъ Наполеонъ Дембинскій.

4-й—сначала студентъ мед.-хир. академіи, Станиславъ Гинтеръ, а потомъ Эдуаръ Ляндовскій (Стр. 102). Н. В.

длежавшихъ къ канцеляріи начальника города, Авейде называетъ только двухъ: Владислава Сабовскаго, редактора тогдашней подпольной газеты «Правда» (Prawda) и меценаса Петра Кобылянскаго, носившаго названіе юрисконсульта (Radca Prawny).

VII.

Главнѣйшими распоряженіями жонда за іюнь, іюль и частію августъ 1863 г. были слѣдующія:

Департаментъ внутреннихъ дѣлъ составилъ новый административный уставъ и инструкцію, опредѣлявшіе точнѣе прежняго обязанности гражданскихъ воеводскихъ властей и ихъ отношенія къ властямъ военнымъ. Число референтовъ уѣзднаго присутствія увеличено этимъ уставомъ до пяти человѣкъ, равно увеличено и число окружныхъ, соразмѣрно обширности того или другаго уѣзда; эти окружные снабжены особыми печатями. Наконецъ, установлены должности начальниковъ приходовъ и деревенскихъ старшинъ, т. е. солтысовъ. Въ личномъ составѣ гражданскихъ воеводскихъ начальниковъ тоже произошли перемѣны. Прежде всего, на мѣсто Големберскаго (когда этотъ послѣдній сдѣланъ членомъ жонда) призванъ помѣщикъ Мечиславъ Хвали богъ. Другія перемѣны высшихъ начальниковъ въ воеводствахъ (послѣдовавшія въ концѣ іюня и въ началѣ августа по н. ст.) подробно неизвѣстны.

По распоряженію военнаго департамента сдѣлано слѣдующее:

Военнымъ начальникомъ (иначе воеводою) въ краковское воеводство назначенъ бывшій офицеръ нашихъ войскъ, Сигизмундъ Хмѣленскій, братъ Игнатія [1]), а главнокомандующимъ въ краковское и сан-

---

[1]) Сигизмундъ Хмѣленскій родился тамъ же, гдѣ и братъ его: въ деревнѣ Барчонца, сандомірскаго воеводства. Первое воспитаніе получилъ онъ въ одномъ изъ русскихъ кадетскихъ корпусовъ, откуда перешелъ въ артиллерійское училище, а потомъ поступилъ въ генеральный штабъ. Въ манифестаціонный 1861 годъ, умѣлъ, вмѣстѣ со многими военными поляками, перебраться на службу въ Царство Польское; въ 1862 г. попросился въ отставку, но не получилъ ея и бѣжалъ за границу. Жилъ въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ въ придунайскихъ княжествахъ, ожидая взрыва. Когда вспыхнуло возстаніе, Хмѣленскій отправился въ Царство Польское черезъ Австрію, но былъ схваченъ австрійскими властями и посаженъ въ Оломуцъ. Освободясь оттуда, въ апрѣлѣ 1863 г., онъ явился въ Краковѣ и сформировалъ конную банду, съ которою перешелъ, въ маѣ мѣсяцѣ, границу, въ Мѣховскомъ уѣздѣ, и поступилъ подъ начальство бывшаго своего товарища по воспитанію (въ

домірское воеводства—бывшій кавказскій офицеръ, графъ Іосифъ Гауке, принявшій, по гербу, прозвище Босака [1]). Воеводой въ люблинское воеводство назначенъ генералъ графъ Валигурскій; въ подлясское—Мартынъ Бореловскій, подъ именемъ Лелевеля. Начальникомъ надъ обоими этими воеводствами (люблинскимъ и подлясскимъ) сдѣланъ нашъ драгунскій офицеръ, Михаилъ Гейденрейхъ, прозвищемъ Крукъ (воронъ), по сходству съ этой птицей цвѣтомъ волосъ и складомъ лица [2]). Потомъ, въ числѣ выдающихся дѣйствій военнаго департамента было «возобновленіе сношеній съ Мирославскимъ». Это произошло вслѣдствіе настоянія его варшавскихъ друзей, болѣе всего Маевскаго [3]), который никакъ не хотѣлъ думать, что Мирославскій—человѣкъ пропавшій для возстанія безвозвратно. Еще во время борьбы жонда съ анархистами, Маевскій, Хмуржинскій и другіе пріятели неудавшагося диктатора указывали на Мирославскаго, какъ на единственное спасеніе, какъ на пугало всякой реакціи, и совѣтовали членамъ павшаго народнаго правительства, для увеличенія числа своихъ сторонниковъ, обѣщать партіи Мирославскаго: открыть поле его дѣятельности, какъ только анархисты будутъ подавлены. Это было обѣщано, и, когда побѣда совершилась, жондъ, еще недостаточно твердо стоявшій на ногахъ, побоялся не

артиллерійскомъ училищѣ) Конрада Блащинскаго, извѣстнаго въ возстаніи подъ именемъ Бончи. (См. глава I, стр. 184, примѣчаніе). Позже дѣйствовалъ какъ самостоятельный начальникъ банды въ краковскомъ и сандомірскомъ воеводствахъ.

[1]) Племянникъ военнаго министра, графа Маврикія Гауке, погибшаго въ первый день возстанія 1830 года. Подробности о Гауке-Босакѣ будутъ сообщены ниже.

[2]) По поводу назначенія Крука начальникомъ двухъ воеводствъ, Авейде дѣлаетъ слѣдующую замѣтку: «Первоначально Крукъ былъ назначенъ помощникомъ Лелевеля (Zastępcą), когда этотъ послѣдній, не дождавшись транспорта съ оружіемъ изъ Галиціи, отправился за нимъ самъ и оставилъ воеводство безъ военнаго начальника. По возвращеніи его на мѣсто, въ іюнѣ мѣсяцѣ, онъ и Валигурскій были подчинены Круку, который выказалъ въ самое короткое время чрезвычайную распорядительность и расторопность. «Лелевель-Бореловскій, недавній колодезный мастеръ, снесъ довольно легко такое подчиненіе; но графъ Валигурскій, старый артиллеристъ 1830 года, позже маіоръ шведской службы и, наконецъ, генералъ временъ Лангевича, нашелъ подчиненіе капитану для себя обиднымъ. Жонду дотого надоѣли эти «генералы», что Валигурскому было просто-за-просто написано, чтобы онъ или повиновался Круку во всемъ, или вышелъ въ отставку. Тогда только онъ присмирѣлъ и пересталъ жаловаться» (IV, стр. 149, примѣчаніе).

[3]) Гиллеръ добавляетъ еще какого-то W. G. Н. В.

сдержать слова, и отправилъ Хмуржинскаго (въ самомъ началѣ іюля по н. ст.) съ письмомъ къ Мирославскому, гдѣ спрашивалъ: «не хочетъ-ли онъ принять участіе въ революціи, и если хочетъ, то какая бы служба была для него болѣе удобна и пріятна?».

Мирославскій отвѣчалъ, что «онъ согласенъ служить, если жондъ народовый назначитъ его генеральнымъ организаторомъ народнаго возстанія, начальникомъ всѣхъ заграничныхъ легіоновъ, военнымъ министромъ въ предѣлахъ и за предѣлами русскаго захвата и главнымъ вождемъ, какъ скоро таковой потребуется въ предѣлахъ сказаннаго захвата. Жондъ народовый долженъ выслать, въ такомъ случаѣ, въ полное распоряженіе Мирославскаго 12.000,000 злотыхъ польскихъ (1.800,000 рублей) и дать право на ассигнованіе суммъ, кои обяжется выплатить, въ количествѣ не менѣе 6.000,000 злотыхъ (900,000 рублей). Кромѣ того, должна послѣдовать безотлагательная смѣна польскаго комитета въ Парижѣ. Жондъ народовый назначитъ своимъ уполномоченнымъ за границей господина N. и передастъ въ его распоряженіе 4,000,000 злотыхъ польскихъ (600,000 рублей). Если, въ случаѣ смерти этого лица, или по другимъ какимъ-либо обстоятельствамъ, необходимо будетъ назначить другаго уполномоченнаго, то жондъ обязуется не дѣлать этого безъ соглашенія съ Мирославскимъ. Жондъ народовый долженъ состоять изъ пяти слѣдующихъ членовъ (имена). Временно, вмѣсто послѣдняго, засѣдаетъ S. W., уполомоченный Людвика Мирославскаго. Жондъ народовый назначаетъ имъ пять помощниковъ, которыхъ утверждаетъ Мирославскій. Никакая перемѣна въ народномъ правительствѣ не можетъ имѣть мѣста безъ согласія со стороны Мирославскаго».

Въ заключеніе Мирославскій выговаривалъ себѣ право «жить гдѣ вздумается».

Жондъ отвѣчалъ ему, отъ 16-го августа н. ст. 1863 г., за № 1625, что «всѣхъ этихъ условій исполнить никакъ не можетъ», и предложилъ свои. Денегъ не послалъ нисколько. Мирославскій нѣкоторое время не отвѣчалъ ни слова. Но потомъ (въ сентябрѣ) на все согласился, и былъ назначенъ «главнымъ заграничнымъ организаторомъ возстанія», съ обязанностію: закупать оружіе, формировать за границею отряды и находить для нихъ субалтернъ-офицеровъ [1]).

Пока происходили эти совѣщанія съ Мирославскимъ, военный департаментъ учредилъ должности воеводскихъ и уѣздныхъ организа-

---

[1]) Dokumenta Urzędowe do dziejów Organizacyi jeneralnéj Powstania Narodowego, w latach 1863 i 1864. Paryż, 1874, стр. 8, 45, 49.—Historja powstania, Гиллера, I, 226. Н. В.

торовъ, а въ Варшавѣ—городскаго организатора и окружныхъ. Жондъ утвердилъ все это, но, за неимѣніемъ на сказанныя мѣста соотвѣтствующихъ лицъ, не только многіе изъ уѣздовъ, но даже и нѣкоторыя воеводства оставались до конца возстанія безъ организаторовъ.

Организаторомъ города Варшавы былъ сдѣланъ помощникъ начальника города, Владиміръ Лемпке. Въ помощники ему данъ помѣщикъ Августовской губерніи, Іосифъ Петровскій. Обязанностію Лемпке было формировать новыя банды изъ жителей Варшавы и высылать въ воеводства транспорты съ одеждой, обувью, сѣдлами и т. п. предметами, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ принять въ свое завѣдываніе всѣ варшавскія мастерскія. Такъ какъ въ Варшавѣ нельзя было найти достаточнаго количества разныхъ вещей, необходимыхъ для бандъ, то Лемпке сталъ сноситься съ заграничными фабрикантами, а въ концѣ іюня отправилъ въ Люттихскую коммисію вооруженія Здислава Янчевскаго, съ 75-ю тысячами рублей, но Янчевскій, какъ кажется, ничего не доставилъ [1]).

Медицинская часть передана особымъ постановленіемъ военнаго департамента въ руки «медицинской коммисіи», состоявшей изъ трехъ членовъ и секретаря, гдѣ предсѣдателемъ былъ одинъ изъ профессоровъ Главной Школы. Эта «коммисія» имѣла даже свою печать. Съ конца іюля по н. ст. явились воеводскіе врачи, какъ надсмотрщики за ходомъ медицинской службы во ввѣренной наблюденію каждаго изъ нихъ территоріи. Кромѣ того, возложена обязанность на всѣхъ врачей Царства Польскаго подавать немедленную помощь раненымъ по первому призыву начальника какой-либо партіи, или гражданскихъ властей мѣстной организаціи [2]). Выданы инструкціи объ устройствѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ каждаго воеводства небольшихъ лазаретовъ; сдѣланъ запасъ походныхъ аптекъ и хирургическихъ инструментовъ. Сверхъ всего этого, въ распоря-

---

[1]) Авейде.—О самомъ Лемпке онъ отзывается такъ: «Лемпке правилъ свою должность усердно и былъ весьма полезенъ жонду, несмотря на безпрерывныя столкновенія съ разными лицами, по своему строптивому и безпокойному характеру. Счеты его, представляемые начальнику города, были, по словамъ послѣдняго, верхомъ точности и аккуратности».

[2]) Нерѣдко наши отряды ловили въ бандахъ такихъ врачей, но такъ какъ они тутъ же ревностно предлагали услуги и нашимъ раненымъ военнымъ чинамъ, то преслѣдованія, бо́льшею частію, не было. Въ бандѣ Зейфрида, 17-го апрѣля ст. ст. 1863 года, генералъ Костанда захватилъ извѣстнаго профессора Главной Школы, Ипполита Корженевскаго (ум. въ концѣ декабря 1878 г., въ Петербургѣ). Н. В.

женіи коммисіи всегда находилось нѣсколько врачей и фельдшеровъ, готовыхъ, по первому требованію, немедля ѣхать въ любой повстанскій лагерь.

Наконецъ, образованы внутри края партіи провинціальныхъ жандармовъ, отчасти по уставу Качковскаго, отчасти по уставамъ мѣстныхъ организацій [1]). По уставу Качковскаго, въ каждомъ уѣздѣ должна была сформироваться партія жандармовъ въ 30 человѣкъ, подъ начальствомъ одного офицера. Гдѣ требовали условія мѣстности, или какія-либо другія обстоятельства, тамъ жандармы были конные и вооруженные. Они получали отъ своего начальства лошадь и оружіе (ружье, пистолетъ и сабля). Въ другихъ мѣстахъ они были пѣшіе и безъ всякаго вооруженія. И тѣ, и другіе не имѣли никакой опредѣленной формы, а ходили въ чемъ придется, сливаясь съ обыкновенными жителями. И тѣ, и другіе получали по 30 коп. на человѣка въ сутки [2]). Главная обязанность провинціальныхъ жандармовъ состояла въ полицейской службѣ и исполненіи всѣхъ приказаній начальника уѣзда. Они же наблюдали за безопасностью приготовленій всего, что̀ нужно было при формированіи бандъ: перевозили и переносили, куда нужно, оружіе, одежду и другіе предметы, необходимые повстанскому солдату; смотрѣли за мастерскими и т. п. Когда отрядъ былъ сформированъ, жандармы заботились о предоставленіи ему безопаснаго помѣщенія въ предѣлахъ уѣзда, гдѣ они состояли на службѣ. Жандармы собирали для начальника отряда разныя нужныя ему свѣдѣнія; провожали отрядъ изъ одной мѣстности въ другую, а въ иныхъ воеводствахъ даже и сами формировали отряды, дѣйствуя при этомъ терроромъ. Они же, наконецъ, исполняли приговоры провинціональныхъ революціонныхъ трибуналовъ.

Къ важнѣйшимъ распоряженіямъ финансоваго департамента за это время относится «декретъ о внутреннемъ народномъ займѣ, въ 21 милліонъ злотыхъ польскихъ (три милліона сто пятьдесятъ ты-

---

[1]) Въ Плоцкой губерніи и кое-гдѣ въ другихъ мѣстностяхъ, жандармы явились раньше этого времени, по иниціативѣ тамошнихъ коммисаровъ.

[2]) Жандармы Маріампольскаго уѣзда, Августовской губерніи, носили, нѣсколько позже, особую форму: бѣлую чамарку, такую же конфедератку, темныя брюки и высокіе сапоги. Вооруженіе ихъ состояло изъ двухъ пистолетовъ и сабли. Нѣкоторые изъ нихъ были такъ неосторожны, что снялись за границей въ своей жандармской формѣ, и были, вслѣдствіе этого, переловлены нашимъ уѣзднымъ начальникомъ. Н. В.

сячъ рублей), во всѣхъ земляхъ прежней Польши». Этотъ заемъ для людей со средствами былъ принудительный (pożyczka przymusowa). Тогда же было постановлено: если заемъ пойдетъ хорошо, то увеличить его до 40 милліоновъ злотыхъ польскихъ (6,000,000 рублей), сдѣлавъ только добровольнымъ для всѣхъ жителей вообще. Зато распространить подписку во всѣхъ слояхъ населенія, даже въ самыхъ бѣднѣйшихъ [1]). Дабы принудить всѣхъ людей со средствами вносить въ народную кассу назначенныя жондомъ суммы, секретарь финансоваго департамента, Воль, предложилъ выпустить декретъ, коимъ, въ случаѣ отказа какого-либо богатаго человѣка взять извѣстное количество облигацій, запрещалось всѣмъ его должникамъ, подъ страхомъ личной отвѣтственности, платить ему долги, а судамъ и адвокатамъ вчинать, по жалобамъ такихъ преступныхъ кредиторовъ, иски.

Этотъ декретъ былъ отпечатанъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, единственно «для показыванія нѣкоторымъ лицамъ». Они читали его втихомолку и уплачивали требуемыя суммы, иногда довольно серьезныя. Такъ, напримѣръ, банкиру Леопольду Кроненбергу навязали народныхъ облигацій на 75 тысячъ рублей, а ординату Замойскому на 150 тысячъ рублей, и они выплатили все это до копѣйки [2]). Впрочемъ, вполнѣ успѣшный сборъ денегъ ограничился только однимъ Царствомъ Польскимъ. Литва и Русь не взяли ни одной облигаціи. Познань и Галиція очень мало.

---

[1]) Декретъ о сказанномъ займѣ былъ выданъ еще въ маѣ 1863 г., но описанныя замѣшательства въ жондѣ воспрепятствовали его исполненію. Дѣло пошло въ ходъ надлежащимъ образомъ только въ іюлѣ 1863 г. При этомъ учреждены двѣ коммисіи погашенія народнаго долга: одна явная, за границей, изъ трехъ членовъ: Чарторыскаго, Орденги и Галензовскаго; а другая тайная, въ Варшавѣ, изъ разныхъ банкировъ, и выданы двойныя облигаціи: однѣ, временныя, въ Варшавѣ, безъ всякихъ подписей и фамилій; другія постоянныя, за границей, съ подписями и фамиліями. Первыя должны были впослѣдствіи замѣниться вторыми. Контроль всей операціи представлялъ неимовѣрныя трудности: все должно было происходить въ тайнѣ, чтобы фамиліи жертвователей не попались какъ-нибудь законной полиціи. Между тѣмъ необходимо было вести двойныя книги: въ Варшавѣ и въ Парижѣ, такъ какъ, будто бы, это была одна и та же книга. Несмотря, однакоже, на такія неудобства, повидимому, непримѣнимыя къ практикѣ, заемъ состоялся. Въ концѣ іюля по н. ст. 1863 г., въ кассѣ жонда оказался уже милліонъ рублей (Авейде). Упоминутый здѣсь Орденга, по имени Іосифъ, умеръ недавно, 7-го мая н. ст. 1879, въ Краковѣ. Некрологъ его (довольно безцвѣтный) можно видѣть въ «Познанскомъ Дневникѣ» 1879 г., №№ 114—117.

[2]) Авейде, IV, 169. Н. В.

Было, кромѣ того, у финансоваго департамента намѣреніе заготовить за границею «революціонные банковые билеты, на сумму 50 милліоновъ злотыхъ польскихъ, и ими вытѣснить, мало-по-малу, изъ употребленія русскія бумажныя деньги въ краѣ». Для поощренія же курса сказанныхъ билетовъ предположено отчеканить, тоже за границей, особую революціонную монету, на два милліона злотыхъ польскихъ (300,000 рублей). Но этотъ проектъ остался только проектомъ [1]).

По департаменту прессы былъ проектъ «прибрать къ рукамъ всѣ подпольные листки и дать имъ болѣе серьезное и практическое направленіе: дѣлать предостереженія (какъ это бываетъ въ иныхъ европейскихъ государствахъ) и послѣ перваго предостереженія закрывать изданіе»; но ничего съ этой стороны не достигнуто. Жондъ сдѣлалъ десятокъ-другой предостереженій разнымъ листкамъ—и тѣмъ все кончилось [2]). Закрыть ни одного изданія ему не удалось. Неодобряемыя газеты продолжали выходить, мѣняя поминутно названія, и каждая думала, что только она дѣлаетъ свое дѣло какъ надо. Иныя исчезали за неимѣніемъ средствъ, но никакъ не по приказанію жонда. Другія открывала правительственная полиція. Болѣе серьезными періодическими изданіями тайныхъ типографій, за то

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Приводимъ, для образца, одно изъ предостереженій жонда: именно предостереженіе 10-му номеру «Правды», напечатанное въ 11-мъ номерѣ этой газеты:

«Народное правительство, департаментъ прессы, № 497—46. Редакціи политическаго листка «Правда». Политическій листокъ «Правда» помѣстилъ въ 10-мъ своемъ номерѣ статью подъ названіемъ: «Польское возстаніе и дипломатія». Такъ какъ сказанная статья, препятствуя правильному ходу и дѣйствію нравственныхъ и физическихъ силъ народа, подрываетъ чрезъ это основныя начала возстанія, кои были оглашены декретомъ отъ 22-го января; кромѣ того, листокъ «Правда», неточною и невѣрною оцѣнкой дипломатическихъ отношеній къ намъ нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, неоднократно поселялъ тревогу въ умахъ; вслѣдствіе этого департаментъ прессы дѣлаетъ редакціи этого листка первое предостереженіе, которое должно быть напечатано въ ближайшемъ номерѣ листка».

«Варшава, 2-го іюля 1863 г.».

Газета замѣчаетъ отъ себя, что «напечатала это предостереженіе жонда съ прискорбіемъ и неохотно».

Довольно такого замѣчанія, чтобы видѣть отношенія подпольной прессы къ жонду. Н. В.

время, можно считать Dziennik Narodowy (редакторъ Генелли); Prawda (редакторъ Сабовскій); Dzwon Duchowny; Polska; Niepodległość.

Послѣдняя была «оффиціальной газетой жонда» и имѣла видъ опрятнаго европейскаго листка, печатавшагося на бѣлой бумагѣ и хорошимъ шрифтомъ. Тотъ же видъ имѣла и «Правда».

Что̀ касается подкуповъ заграничной прессы—это предоставлялось князю Чарторыскому. Что̀ именно онъ сдѣлалъ и какія суммы истратилъ—осталось неизвѣстнымъ. Жондъ народовый спеціально на это не послалъ Чарторыскому ни копѣйки; но просто статьи, безъ всякой за ихъ помѣщеніе платы, посылались «департаментомъ прессы» въ разныя заграничныя газеты. Такъ, Сивинскій, въ концѣ іюня по н. ст., вошелъ въ сношенія съ берлинскою «National-Zeitung», которая согласилась охотно помѣщать въ своихъ столбцахъ все, что̀ будетъ сообщаемо. Гиллеръ писалъ постоянно статьи для Краковскаго «Часа». Въ особенности былъ извѣстенъ эффектнымъ описаніемъ битвъ.

Важнѣйшими дѣйствіями заграничнаго департамента было пополненіе состава дипломатическихъ агентовъ народнаго правительства, бо́льшею частію по рекомендаціи князя Владислава Чарторыскаго. Ими въ то время были: Въ Лондонѣ—Цвѣрчакевичъ [1]). Въ Вѣнѣ—графъ Леонъ Скорупка. Въ Стокгольмѣ—князь Константинъ Чарторыскій [2]). Въ Константинополѣ—Владиславъ Іорданъ. Въ Бухарестѣ—Глюкъ. Въ Яссахъ—Сигизмундъ Милковскій. Въ Швейцаріи—графъ Владиславъ Платеръ. Кромѣ того, въ Женевѣ былъ зависимый отъ Платера агентъ Юліанъ Гружевскій. Въ Италіи—Іосифъ Орденга. Въ Вашингтонѣ—Калусовскій.

Содержаніе этихъ агентовъ обходилось жонду въ 16 тысячъ франковъ или около того ежемѣсячно [3]). Сношенія ихъ съ заграничнымъ

---

[1]) Князь Владиславъ Чарторыскій рекомендовалъ на это мѣсто старшаго сына графа Андрея Замойскаго, Владислава.

[2]) Временно былъ на этомъ мѣстѣ секретарь князя Владислава Чарторыскаго, Калинка, написавшій позже любопытную книгу: Ostatnie dnie Rzeczy pospolitéj Polskiéj. Кромѣ того, писалъ статьи въ «Revue de deux Mondes», нелишенныя интереса. **Н. В.**

[3]) Авейде, IV, 179.—Гиллеръ, II, 215, примѣчаніе. По словамъ послѣдняго, Милковскій былъ сербскимъ агентомъ жонда. Въ іюлѣ 1863 г., постановлено назначить къ этимъ агентамъ секретарей, которымъ передать сношенія съ обществомъ тѣхъ государствъ, гдѣ они будутъ находиться. Въ особенности же на нихъ возлагалась борьба съ разными оппозиціями и революціонерами вредныхъ для жонда оттѣнковъ. Они же должны были наблюдать за

департаментомъ жонда происходили не иначе, какъ черезъ посредство главнаго уполномоченнаго агента въ Парижѣ, т. е. князя Владислава Чарторыскаго и только его рапорты направлялись въ Варшаву. Обратно: приказанія департамента кому-либо изъ агентовъ шли также черезъ Чарторыскаго. Для этого служили телеграфы и курьеры; чаще всего—курьеры французскаго консула. Авейде разсказываетъ, что однажды такой «двойной курьеръ» едва не попался въ руки законной полиціи. Наканунѣ его отъѣзда, когда въ сумкѣ его лежали уже депеши французскаго консула и жонда народоваго, полиція нагрянула въ Европейскую гостинницу, съ цѣлью произвести ревизію у всѣхъ проживающихъ тамъ лицъ не-русскаго происхожденія. Пришли и къ французскому курьеру, но онъ не допустилъ ревизіи и просилъ дать знать Велепольскому. Дали знать: Велепольскій приказалъ оставить въ покоѣ [1]).

Что̀ именно сдѣлано упомянутыми заграничными агентами жонда—осталось неизвѣстнымъ.

Пресса (въ особенности французская) точно была возбуждена противъ насъ. Устраивались разныя демонстраціи... Кромѣ того, Авейде упоминаетъ о предложеніи Чарторыскаго «основать народный флотъ, хотя изъ самаго малаго количества судовъ, дабы добиться отъ Европы скорѣйшаго признанія Польши воюющею стороною, ибо, по буквѣ морскихъ законовъ, если флагъ новорождающагося государства появится въ моряхъ и выгрузитъ что-либо на свой берегъ, то флагъ этотъ признается государствами правительственнымъ флагомъ націи, которой онъ принадлежитъ» [2]). Но жондъ, послѣ жестокаго фіаско экспедиціи Лакинскаго [3]), отвергъ этотъ проектъ, какъ непрактическій

дѣйствіями агентовъ, которые, будучи преимущественно бѣлыми, не всегда вели себя согласно взглядамъ заговора и отличались болтливостью. Но эта затѣя кончилась назначеніемъ только двухъ секретарей: въ Вѣну—Гиллера и въ Стокгольмъ—кандидата московскаго университета Оскульскаго.

[1]) Авейде. IV, 181, примѣчаніе. Авторъ жилъ въ это время въ европейской гостинницѣ и лично видѣлъ суету полиціи передъ номеромъ французскаго консула.

[2]) Чарторыскій, передавая объ этомъ жонду, ссылался на поддержку французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Друенъ де-Люи, которому будто бы принадлежала здѣсь и самая инціатива (Авейде, IV, 183).

[3]) См. главу IV, стр. 61.—Довольно подробныя свѣдѣнія къ этой экспедиціи можно найти въ разсказѣ самого Лапинскаго, Powstańcy na morzu, помѣщенномъ въ «Газетѣ Народовой» (Gazeta Narodowa) 1878, №№ 200—227.

Н. В.

Въ провинціяхъ происходило тогда слѣдующее:

Послѣ арестованія Муравьевымъ, въ началѣ іюня, Оскерки, Франца Далевскаго и Еленскаго, составлявшихъ виленское отдѣленіе жонда, управленіе возстаніемъ на Литвѣ перешло въ руки Малаховскаго, Калиновскаго (бывшаго дотолѣ гроднеискимъ коммисаромъ) и Гейштора. Они образовали новую организацію, которая, несмотря на всѣ атаки муравьевской полиціи, держалась нѣсколько мѣсяцевъ. Ссоры этихъ лицъ между собою и съ уполномоченнымъ въ Литвѣ агентомъ жонда, Дюлораномъ, старавшимся играть роль выше той, которая ему предоставлялась уставомъ,—принудили народное правительство вызвать послѣдняго для объясненій въ Варшаву [1]), а на его мѣсто отправить Авейде.

Прибывъ въ Литву 8-го августа ст. ст., подъ именемъ купеческаго прикащика Людвига Шмита [2]), Авейде нашелъ повстанскія дѣла тамошняго края въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что совѣщанія его съ высшими лицами литовской организаціи могли происходить только на протестантскомъ кладбищѣ. Потомъ Авейде былъ арестованъ, а вскорѣ затѣмъ рушилась и вся литовская организація...

На Руси прежде всего оказалось расположеніе къ революціонному движенію въ нѣсколькихъ украинскихъ уѣздахъ (въ маѣ 1863) и то лишь между интеллигентною молодежью и дворовыми людьми.

Студенты кіевскаго университета отправились въ ночь, съ 8-го на 9-е мая н. ст., въ Радомышльскіе лѣса, для соединенія съ возстаніемъ этого уѣзда, по слухамъ значительно обнаружившимся, хотя на дѣлѣ этого ие было. 21 человѣкъ отдѣлились оттуда, съ золотыми граматами, въ Васильковскій уѣздъ, на двухъ телѣгахъ, и трое верхомъ. Народъ встрѣчалъ ихъ вездѣ недружелюбно; а въ деревнѣ Соловьевкѣ, Радомышльскаго уѣзда, они были окружены крестьянами и перебиты всѣ до одного топорами и чѣмъ попало [3]).

Слухъ объ этомъ мгновенно распространился по всей Руси—и

---

[1]) Дѣло Дюлорана разсматривалось варшавскимъ революціоннымъ трибуналомъ, который «оставилъ его въ подозрѣніи».

[2]) Авторъ имѣлъ въ рукахъ паспортъ Авейде на имя Шмита: онъ былъ настоящій, законный, выданный изъ канцеляріи варшавскаго оберъ-полицеймейстера Левшина и имъ подписанный.

[3]) Гиллеръ, II, 99—104. Н. В.

революціонное движеніе поджало тамъ хвостъ. Организація Руси, руководимая помѣщикомъ Соколовскимъ, сильно разстроилась. Только въ іюлѣ мѣсяцѣ помѣщикъ Хамецъ привелъ тамошнія повстанскія дѣла кое въ какой порядокъ: пополнилъ составъ административныхъ властей, сталъ собирать деньги и приступилъ къ изданію подпольной газеты на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ Walka (борьба). Полковникъ Эдмундъ Ружицкій, будучи назначенъ, послѣ пораженія Высоцкаго подъ Радзивиловымъ [1]), начальникомъ всѣхъ галиційско-малороссійскихъ бандъ, потребовалъ отъ народнаго правительства 200 тысячъ рублей, которые и были ему высланы [2]) (по крайней мѣрѣ не менѣе 150 тысячъ), но банды, сформированныя имъ, не имѣли никакого успѣха.

Этому самому Ружицкому, въ августѣ 1863 года, жондъ народовый (по испытаніи всевозможныхъ мирныхъ средствъ къ соглашенію своихъ дѣйствій съ мятежнымъ львовскимъ комитетомъ Сапѣги) приказалъ разогнать непокорныхъ силою и учредить въ восточной Галиціи отдѣлъ жонда, отвѣчающій взглядамъ Варшавы.

Въ Познани дѣла возстанія, послѣ бѣгства Гуттри и Дзялынскаго [3]), шли довольно плохо. Лончинскій и Богуславъ Лубинскій, старавшійся играть роль главнаго начальника, не могли управиться съ разстроенной организаціей, а потому жондъ народовый приказалъ (въ концѣ іюня мѣсяца) своему краковскому коммисару, Станиславу Франковскому, отправиться въ Познань, на ревизію тамошнихъ организаціонныхъ дѣлъ, и исправить, что̀ найдетъ нужнымъ.

Франковскій написалъ жонду, что «исправлять въ познанской организаціи нечего, а надо все перестроить съизнова»—на что̀ получилъ сейчасъ же уполномочіе, и, удаливъ Лубинскаго, создалъ, съ помощію лицъ, имъ же пріисканныхъ, новую познанскую организацію, облеченную въ глубочайшую тайну, съ такъ-называемымъ «вели-

---

[1]) Въ письмѣ къ Падлевскому изъ жонда, отъ 27-го марта 1863 года, помѣщенномъ выше («Русская Старина», томъ XXIV, стр. 619), сказано, что «Высоцкій хочетъ служить въ воинскихъ рядахъ»: онъ дѣйствительно вскорѣ затѣмъ собралъ довольно большую банду въ восточной Галиціи, вторгся съ нею въ Царство и жестоко разбитъ подъ сказаннымъ мѣстечкомъ.

[2]) Авейде, IV, 193.

[3]) Гиллеръ, II, 9 и далѣе. О бѣгствѣ графа Дзялынскаго было сказано выше. Гуттри арестованъ въ началѣ іюня 1863 г., но скоро отпущенъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, къ морскимъ ваннамъ, въ Остенде. По возвращеніи оттуда въ октябрѣ 1863 г., онъ былъ снова арестованъ. Кромѣ того австрійцы арестовали Куржину и Сапѣгу, которые также бѣжали. Н. В.

копольскимъ комитетомъ» во главѣ. До этой организаціи прусская полиція никогда не могла добраться.

Все охватилъ заговоръ и шелъ, въ важнѣйшей его части, въ Царствѣ Польскомъ, съ каждымъ часомъ, «въ глубь и въ даль, до послѣднихъ слоевъ и закоулковъ»—какъ хотѣлъ Вацлавъ Першибыльскій.

. . . . . .

Все слушалось и трепетало жонда. Чего захотѣлъ жондъ, надо было непремѣнно исполнить, а иначе было плохо. Напримѣръ, жондъ требовалъ, чтобы ни одна газета не говорила о театральныхъ представленіяхъ (развлекавшихъ и потѣшавшихъ однихъ москалей и шедшихъ въ разрѣзъ съ общимъ траурнымъ настроеніемъ мѣстныхъ жителей, которые въ театръ тогда вовсе не ходили), и ни одна газета не смѣла объ этомъ пикнуть, даже правительственный «Всеобщій Дневникъ» [1]). Жондъ требовалъ, чтобы никто въ Варшавѣ и по другимъ городамъ Царства не носилъ обыкновенныхъ европейскихъ шляпъ, называемыхъ по-польски «цилиндрами»,—и никто не носилъ ихъ, ни поляки, ни русскіе, а всѣ ходили въ поярковыхъ шляпахъ съ большими полями и въ фуражкахъ разнаго покрою. «Цилиндра» даже нельзя было найти тогда ни въ одномъ шляпномъ магазинѣ всей Польши (1772). А попробовалъ бы кто-нибудь нарушить чѣмъ-либо постановленія жонда о траурѣ, надѣть хоть только яркія, бросающіяся въ глаза перчатки—увидѣлъ бы, какъ бы его пропекли разные служители тайнаго правительства на любой улицѣ! [2])

---

[1]) Авторъ лично испыталъ это. Редакція «Всеобщаго Дневника» (Dziennika Powszechnego), просмотрѣвъ его статью о театрахъ, въ концѣ іюля 1863 г., написанную, разумѣется, по-польски, и не заключавшую въ себѣ ничего рѣзкаго и нецензурнаго, напротивъ однѣ похвалы артистамъ и дирекціи,—предложила ему отправиться къ маркизу Велепольскому: «если онъ прикажетъ, то напечатаютъ!». Авторъ ходилъ, для любопытства, и по другимъ редакціямъ. Разумѣется, вездѣ былъ отказъ, то грубый, то мягкій. Особенно нѣжно и учтиво отказала «Польская Газета». Н. В.

[2]) Вотъ еще нѣсколько приказовъ жонда: постановленіемъ отъ 8-го іюня н. ст. возбранялось принимать должности уволенныхъ отъ службы по политическимъ подозрѣніямъ. Декретомъ отъ 21 іюня н. ст. запрещалось, на нѣкоторое время, ѣздить по варшавско-петербургской желѣзной дорогѣ, а телеграфамъ пересылать депеши. Постановленіемъ отъ 27-го іюня н. ст. запрещено принимать должности возныхъ и секвестраторовъ. Постановленіемъ отъ 30-го

Однимъ только русскимъ дамамъ дозволялось немного нарушать трауръ: носить, вмѣсто черныхъ, темнолиловыя платья, но и тѣхъ прозвали за это коханками Фелинскаго (по сходству цвѣта ихъ одежд съ фіолетовыми сутанами высшихъ духовныхъ лицъ Польши).

Въ особенности любопытное и невѣроятное зрѣлище представлялъ въ это время Саксонскій садъ, въ хорошій воскресный или вообще праздничный день, между часомъ и тремя, а также около пяти-шести часовъ вечеромъ, когда варшавяне имѣютъ обыкновеніе выходить на «спацеръ»: массы женщинъ, въ глубокомъ траурѣ, въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ манжетахъ, съ постнымъ выраженіемъ лицъ, двигались какъ тѣни, уподобляясь монастырю, выпущенному настоятельницей погулять. Само собою разумѣется, что и мужчины были при этомъ во всемъ черномъ, какъ монахи; иные съ бѣлой оторочкой по воротникамъ сертуковъ и чамарокъ. Кто повѣритъ: даже куклы дѣтей были въ траурныхъ платьяхъ! Обручи сердо были непремѣнно обвиты черною тесьмою по бѣлому. Требовалось, чтобы и тутъ не выступалъ, не кричалъ ярко какой-нибудь-нетраурный цвѣтъ. Если у кого-либо изъ дамъ сидѣлъ на шляпкѣ цвѣтокъ, онъ былъ тоже траурный. Въ окнахъ женскихъ модныхъ магазиновъ также не смѣли показаться никакія другія матеріи, кромѣ траурныхъ: бѣлыхъ, черныхъ и сѣрыхъ. Цвѣты продавались только траурные: сѣрыя и черныя розы, астры, лилеи съ бѣлыми усами и другими добавленіями, сдѣланныя иногда весьма изящно и со вкусомъ [1]).

Если кто-нибудь изъ поляковъ выѣзжалъ куда бы то ни было, ему слѣдовало непремѣнно освѣдомиться, какъ смотритъ на это народное правительство, хочетъ оно этого, или не хочетъ? Равно—нельзя было не выѣхать, если народное правительство этого требовало.

Бывали случаи, когда не только поляки, но и русскіе не знали, что̀ именно дѣлать?

Разсказываютъ такую исторію: у одного офицера, въ проѣздъ его черезъ Сандоміръ, въ серединѣ 1863 года, украли лошадь. Онъ подалъ просьбу въ мѣстный судъ, но не только не послѣдовало ника-

---

іюня н. ст. учреждены народные паспорты, для выѣзда куда бы то ни было. Декретомъ отъ 25-го августа н. ст. лишены правъ всѣ чины исполнительной полиціи, слѣдственной коммиссіи и т. п. Декретомъ отъ 31-го августа н. ст. запрещено вносить всякаго рода подати законному правительству.

[1]) Все это авторъ видѣлъ много разъ собственными глазами. Въ городѣ говорили тогда, что лучшіе цвѣты присылаютъ изъ Парижа. Н. В.

кого распоряженія—напротивъ, подавшій просьбу получилъ секретное приглашеніе отъ повстанскаго начальника города «взять просьбу свою назадъ, подъ страхомъ новыхъ непріятностей».

Офицеръ пошелъ въ судъ и разсказалъ свое затруднительное положеніе: «законное правительство не помогаетъ; повстанское грозитъ, ни съ того ни съ сего, новыми непріятностями!».

— Вы сдѣлали ошибку,—отвѣчалъ спокойнымъ и серьезнымъ тономъ судья:—подали просьбу не тому правительству!

«Какъ не тому?»

— Не тому: вамъ слѣдовало подать просьбу польскому правительству, а вы подали русскому!

«Да гдѣ же это польское правительство? польскій уѣздный судъ города Сандоміра?»—спросилъ офицеръ.

— Здѣсь же, въ этой самой комнатѣ,—отвѣчалъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ судья:—перемѣните только заголовокъ и подайте просьбу мнѣ же! Увѣряю васъ, что вы непремѣнно выиграете ваше дѣло, потому что вы совершенно правы.

Офицеръ, дѣлать нечего, послушался совѣта,—можетъ быть, просто изъ любопытства: перемѣнилъ заголовокъ просьбы, и лошадь была ему возвращена въ тотъ же самый день.

Разсказываютъ еще, что пріѣхалъ въ Варшаву какой-то помѣщикъ хлопотать объ освобожденіи сына, попавшаго въ цитадель. Помѣщикамъ запрещалось въ то время пребывать въ Варшавѣ долѣе извѣстнаго срока, а потому пріѣзжій получилъ вскорѣ приглашеніе повстанскаго начальника города «выѣхать обратно въ свою деревню». Между тѣмъ хлопоты о сынѣ еще не дали желаемаго результата. Что было дѣлать?

Обѣдая разъ, за общимъ столомъ [1]), въ Европейской гостинницѣ, помѣщикъ передалъ довольно громко окружающимъ его пріятелямъ свои затрудненія. Какой-то вовсе незнакомый ему человѣкъ, сидѣвшій тутъ же, вслушавшись въ разговоръ, сказалъ: «ступайте въ Саксонскій садъ и сядьте на скамейку въ аллеѣ вздоховъ [2]), гдѣ

---

[1]) Онъ стоялъ въ большой залѣ, во всю ея длину, на право отъ входа, у оконъ, смотрящихъ на площадку, и бывалъ иногда полонъ, во время табльдота, во второмъ часу дня. Тутъ авторъ, обѣдая почти ежедневно, когда жилъ въ Варшавѣ, слыхалъ разные анекдоты о мелкихъ и крупныхъ событіяхъ города и края, передаваемые обѣдавшими свободно, безъ всякаго стѣсненія, во все горло. Н. В.

[2]) Саксонскій садъ имѣетъ разныя аллеи, имена которыхъ извѣстны мѣстнымъ жителямъ Варшавы: въ срединѣ идетъ главная аллея (aleja Główna). Налѣво

будетъ побольше молодаго народу, съ физіономіями, о которыхъ толковать намъ долго нечего: заговорите вслухъ о вашемъ дѣлѣ: увидите, что́ будетъ!».

Помѣщикъ отправился, и сдѣлалъ все такъ, какъ ему совѣтовалъ незнакомецъ: скамейка, послѣ того, какъ онъ разсказалъ вслухъ свое дѣло, вдругъ опустѣла; остался на ней только одинъ человѣкъ, который предложилъ помѣщику «подать объ этомъ просьбу народному правительству».

— Да гдѣ же находится это правительство?—спросилъ помѣщикъ.

«Вамъ этого совсѣмъ не нужно знать,—отвѣчалъ собесѣдникъ:—подайте просьбу мнѣ, здѣсь же, въ Саксонскомъ саду, на этой же самой скамейкѣ!».

Помѣщикъ сходилъ въ Европейскую гостинницу, гдѣ жилъ,—написалъ просьбу, воротился въ садъ и отдалъ ее молодому человѣку.

«Теперь ступайте домой и ждите отвѣта часа черезъ два».

Черезъ два часа постучались въ дверь номера, который занималъ помѣщикъ; просунулась рука и передала «разрѣшеніе жонда остаться въ Варшавѣ до окончанія своихъ дѣлъ».

Былъ еще такой случай: изъ одного дома пропалъ дворникъ. Когда онъ воротился, его спросили: «гдѣ ты былъ? Тебя тутъ нѣсколько разъ спрашивали!».

— Что же, что спрашивали: я былъ у начальства.

«У какого начальства!»

— На Красинской площади: сбирали насъ съ цѣлой Варшавы.

«Кто же сбиралъ?»

— Говорю:—начальство: сотники, десятники! [1]).

Вотъ еще разсказъ изъ тѣхъ же дней.

Послѣ іюньскаго декрета о выпускѣ облигацій внутренняго займа, принудительнаго для всѣхъ жителей Царства со средствами, была наложена значительная сумма и на маркиза Велепольскаго. Такъ какъ лично съ него стребовать эту сумму было трудно, то придумали слѣдующій маневръ:

если входишь въ садъ съ Саксонской площади,—идетъ аллея вздоховъ (aleja Westchnień), наиболѣе тѣнистая и любимая публикой. За нею, налѣво вверхъ, къ тому мѣсту, гдѣ фруктовая лавка,—аллея литераторская (aleja Literacka), иначе: аллея получающихъ пенсію (aleja Emerytów). Первая направо отъ главной—аллея любви (aleja Miłości). Наконецъ, отдаленная, около забора, отдѣляющаго Саксонскій садъ отъ брюлевскаго палаца (была на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Новая улица)—аллея отчаянія (aleja Rozpaczy).

[1]) Разсказано автору намѣстникомъ, графомъ Бергомъ. Н. В.

Двое молодыхъ людей, весьма приличныхъ на видъ, съ надлежащимъ письменнымъ уполномочіемъ отъ жонда, подошли однажды къ каретѣ маркизы Велепольской, когда она стала въ нее садиться, выйдя изъ Кармелитскаго костела, что́ на Краковскомъ предмѣстьѣ, и объявили ей, что «на ея супругѣ и на ней лежитъ такое-то взысканіе, что его слѣдуетъ непремѣнно уплатить: иначе маркизу не оставятъ въ покоѣ,—ей нельзя будетъ нигдѣ показаться въ публикѣ и бывать въ церкви».

Маркиза просила назначить «день, часъ и мѣсто». Было назначено: она явилась туда лично и уплатила требуемыя деньги.

Все это однакожъ разсказы, которыхъ нельзя подтвердить ничѣмъ оффиціальнымъ, ничѣмъ печатнымъ. Услышавъ это, могутъ замѣтить: «Se non è vero, è ben trovato!». Но вотъ фактъ, въ которомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, который подтверждается нѣсколькими неоспоримыми доказательствами,—другими фактами, закрѣпленными печатью.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 года, французскій купецъ Розе, извѣстный нашему посольству въ Парижѣ и оттуда рекомендованный намѣстнику, взялся доставить изъ дипломатической канцеляріи послѣдняго, депеши въ Берлинъ и Парижъ. Какъ всегда бываетъ, при этихъ депешахъ пошли и частныя письма отъ разныхъ высокихъ лицъ и ихъ женъ. Были письма, между прочимъ, отъ супруги намѣстника и отъ супруги гофмейстера Хрептовича къ ихъ знакомымъ за границей.

Жондъ народовый узналъ объ этомъ несовсѣмъ подробно: ему донесли, «что тогда то отправляется изъ Варшавы господинъ въ мѣховой шапкѣ (которую Розе носилъ постоянно вслѣдствіе головныхъ болей), и при немъ, или при его женѣ, будутъ депеши отъ намѣстника».

Вслѣдствіе этого было дано предписаніе извѣстнымъ лицамъ на варшавско-бромбергской желѣзной дорогѣ: «осмотрѣть господина въ мѣховой шапкѣ, .гдѣ это будетъ удобнѣе, и всѣ бумаги и письма, какія при немъ или женѣ его окажутся, доставить народному правительству».

Когда поѣздъ остановился въ Александровѣ, вооруженные люди пошли по вагонамъ, спрашивая: «гдѣ тутъ господинъ въ мѣховой шапкѣ?».

Розе, смекнувъ, что его ищутъ, передалъ незамѣтно депеши сидящей съ нимъ рядомъ женѣ, но она выдала себя неестественнымъ, испуганнымъ выраженіемъ лица: ревизоры народнаго правительства пригласили ее въ особую комнату и подробно осмотрѣли. Жондъ народовый удержалъ у себя только депеши, а письма супруги намѣстника переслалъ обратно нераспечатанными, кромѣ двухъ, ко-

торыя были отправлены по назначенію. Одно изъ нихъ было адресовано Алиціи, дочери королевы Викторіи. Письма г-жи Хрептовичъ оглашены въ «Часѣ» [1]).

Порча желѣзныхъ дорогъ, съ разными цѣлями, производилась, по предписанію народнаго правительства, а иногда и безъ всякихъ предписаній, мѣстными революціонными властями, довольно часто.

Въ апрѣлѣ 1863 г. была испорчена варшавско-вѣнская желѣзная дорога, между Скерневицами и Петроковымъ, въ трехъ мѣстахъ, единственно затѣмъ, чтобы заставить начальника главнаго штаба, г.-л. Минквица, проѣхать изъ-за границы на почтовыхъ лѣсами, гдѣ хотѣли его арестовать, а потомъ размѣнять. Минквицъ избѣгъ ареста только потому, что ближайшій къ мѣстамъ, гдѣ онъ долженъ былъ неизбѣжно проѣхать, отрядъ Зейфрида, соблюдая интересы Мирославскаго, не рѣшился оставить занятой имъ позиціи и не выслалъ, по требованію комисара краковскаго воеводства, Станислава Франковскаго, въ извѣстный пунктъ людей [2]).

..... Всѣ сословія дѣлались часъ отъ часу невыносимѣе, высокомѣрнѣе, смотрѣли на насъ не то, что какъ на равныхъ себѣ во всѣхъ отношеніяхъ, а даже какъ на низшихъ. Въ особенности стали важны въ обращеніи съ кѣмъ-угодно высшіе слои населенія. Архіе-

---

[1]) Гиллеръ, II, 67.

[2]) Авейде. Тамъ есть замѣчаніе генерала Минквица, гдѣ онъ сѣлъ въ тегѣгу и сколько проѣхалъ на почтовыхъ лѣсами совершенно одинъ.

Подобная порча желѣзныхъ дорогъ и нерѣдко дѣлаемые повстанцами выстрѣлы по вагонамъ заставили мѣстныя власти на Литвѣ и въ Царствѣ посылать впереди всякаго поѣзда, на разстояніи версты, особый локомотивъ, въ которомъ помѣщалось сорокъ человѣкъ солдатъ съ заряженными ружьями. Такой локомотивъ, называвшійся курьеромъ, отчасти провѣрялъ дорогу, все-ли на ней благополучно; отчасти былъ страхомъ для стрѣляющихъ повстанцевъ. Но шалости все-таки производились: повстанцы, скрытые въ кустахъ, пропустивъ курьера, сдергивали съ мѣста, особо-придуманнымъ механизмомъ, заранѣе развинченные рельсы: поѣздъ съѣзжалъ въ сторону, а иногда подвергался и крушенію, а шалуны скрывались въ лѣсной чащѣ. Дабы устранить такіе безпорядки, Муравьевъ приказалъ, въ подвѣдомственномъ его управленію краѣ, вырубить лѣсъ по обѣимъ сторонамъ проходившихъ тамъ желѣзныхъ дорогъ, на 50 саженъ. Часть срубленнаго лѣса пошла на постройку бараковъ съ частоколами, въ видѣ бойницъ, для помѣщенія тамъ небольшихъ гарнизоновъ вблизи важнѣйшихъ станцій; остальное же отдано крестьянамъ, которые рубили лѣсъ. Позже сдѣлано тоже самое и въ Царствѣ. Намѣстникъ Бергъ, разсказывая объ этомъ автору, закончилъ словами: «никогда не прощу себѣ этой глупости!». Было-ли это искренно—сказать трудно. Н. В.

пископъ, уже довольно популярный, выказывалъ, что ни день, болѣе и болѣе сопротивленія, когда къ нему обращались правительственныя власти по поводу какихъ-либо неумѣренныхъ демонстрацій въ костелахъ, излишнихъ, не установленныхъ никакими церковными правилами процессій и молебствій. Письмо его къ Государю, несмотря на честное слово, данное имъ Намѣстнику, что оно никому не будетъ извѣстно,—явилось въ парижскомъ «Монитерѣ» и стало потомъ ходить, въ отдѣльныхъ оттискахъ, по Варшавѣ. Намѣстникъ замѣтилъ автору, чтобы онъ былъ послѣ этого какъ-можно осторожнѣе. Но Фелинскій не хотѣлъ ничего слушать. Онъ былъ весь на сторонѣ движенія, съ мальчиками, съ цѣлымъ краемъ. Когда казнили, 12-го іюня н. ст., ксендза Конарскаго, за разные беззаконные поступки во время пребыванія его въ бандахъ, Фелинскій послалъ къ главному директору коммисіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ—протестъ, исполненный рѣзкихъ жалобъ на безправіе русскихъ властей [1]). Этого законное правительство вынесть не могло, и отравило Фелинскаго въ Петербургъ, откуда по высочайшему повелѣнію Фелинскій высланъ въ Ярославль, гдѣ онъ и донынѣ находится.

Ссылка архіепископа вызвала нѣсколько демострацій. Администраторъ діецезіи, ксендзъ суффраганъ Ржевускій, наложилъ на городъ трауръ: не звонили въ колокола и даже грозили снова запереть костелы. Когда графъ Бергъ встрѣтилъ гдѣ-то Ржевускаго и сказалъ ему, что «было бы лучше не мѣшать Бога въ политику»—Ржевускій будто бы отвѣчалъ:

— «Богъ настолько Богъ, чтобы не забывать Его и въ политикѣ».

Тѣмъ временемъ, какъ все описанное происходило, прибыли въ Петербургъ новыя ноты первенствующихъ державъ, уже заключавшія въ себѣ прямыя указанія, «какимъ образомъ возстановить спокойствіе въ центрѣ Европы, столь для всѣхъ желанное и необходимое». Европейская пресса требовала перемирія и выставляла его условія въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Полнѣйшая и общая автономія. 2) Народное представительство, которое принимаетъ участіе въ мѣстномъ законодательствѣ и обладаетъ истекающими отсюда средствами контроля. 3) Назначеніе поляковъ въ публичныя должности такимъ образомъ, чтобы устроилась особая, народная администрація, возбуждающая довѣріе. 4) Полная и совершенная свобода совѣсти и уничтоженіе ограниченій, касающихся исполненія католическихъ обрядовъ. 5) Исключительное употребленіе польскаго языка, какъ оффиціаль-

[1]) Можно видѣть въ книгѣ: «Wspomnienia o Zygm. Feliński», стр. 217—221. Въ «Exposé de la Situation», стр. 44—46. Н. В.

наго, въ администраціи, судопроизводствѣ и воспитаніи. 6) Введеніе правильнаго и законнаго взиманія рекрутской повинности.

Это подняло еще болѣе кредитъ возстанія. Все вмѣстѣ указывало правительству на необходимость обратиться къ крутымъ мѣрамъ.

. . . . . .

Н. В. Берхъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо митрополита Филарета къ Муравьеву.

«Было слышно и видно, что многодѣятельная государственная служба вашего превосходительства потребовала наконецъ облегченія, дабы часть должностнаго труда была замѣнена долею покоя. Но, какъ скоро царское слово васъ воззвало на защиту и умиротвореніе отечества, вы забыли потребность облегченія и покоя; не колеблясь, приняли на себя бремя, требующее крѣпкихъ силъ и неутомимой дѣятельности; нашли новую силу въ любви къ царю и отечеству. Вѣрные сыны царя и отечества узнали о семъ съ радостію и надеждою. Ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ отечества, ваше имя—побѣда. Господь силъ да совершитъ ваше дѣло правды и дѣло мира. Да пошлетъ тезоименнаго вамъ небеснаго архистратига, да идетъ предъ вами съ мечемъ огненнымъ и да покрываетъ васъ щитомъ небеснымъ. Съ сими мыслями и желаніями препровождаю вамъ, вмѣстѣ съ симъ, въ благословеніе икону святаго архистратига Михаила».

II.

Декретъ жонда народоваго объ учрежденіи революціонныхъ трибуналовъ.

«Жондъ народовый, признавая необходимымъ дать соотвѣтственное направленіе политическо-революціонному судопроизводству, постановляетъ:

Статья 1. Во всякомъ уѣздѣ и, независимо отъ него, въ городѣ Варшавѣ учреждаются революціонные трибуналы.

Статья 2. Юрисдикція уѣздныхъ революціонныхъ трибуналовъ будетъ распространяться только на тотъ уѣздъ, въ которомъ состоитъ трибуналъ. Варшавскому революціонному трибуналу будутъ подсудны всѣ жители Варшавы и предмѣстій, безъ всякаго изъятія.

Статья 3. Власть революціонныхъ трибуналовъ не распространяется на военныхъ, состоящихъ на дѣйствительной народной службѣ, для которыхъ существуютъ отдѣльные военные суды.

Статья 4. Всякій революціонный трибуналъ будетъ слагаться изъ предсѣдателя и двухъ членовъ. Приговоры будутъ постановляемы по большинству голосовъ.

Статья 5. По представленію правительственныхъ коммисаровъ, жондъ самъ назначитъ во всякій уѣздный трибуналъ предсѣдателя и двухъ присяжныхъ судей. Назначеніе членовъ революціоннаго трибунала будетъ зависѣть непосредственно отъ жонда.

Статья 6. При каждомъ революціонномъ трибуналѣ будетъ состоять, по назначенію жонда народоваго, прокуроръ. Въ Варшавѣ жондъ народовый назначитъ прокуроромъ одного изъ кандидатовъ, избранныхъ городскою рево-

люціонною организаціею города. Прокуроръ есть публичный обвинитель, и на обязанности его лежитъ, сверхъ того, наблюденіе за точнымъ исполненіемъ приговоровъ трибунала. Революціонные трибуналы будутъ постановлять приговоры на точномъ основаніи уголовнаго кодекса и уголовнаго судопроизводства, утвержденныхъ жондомъ одновременно съ симъ декретомъ».

«Варшава, 2-го іюня 1863 года».

(На печати): «Жондъ народовый. Равенство, свобода, независимость».

Декретъ жонда объ аттрибутахъ революціонныхъ трибуналовъ.

Всѣ обыватели края, со дня распубликованія настоящаго декрета, подчиняются, въ политическихъ преступленіяхъ, дѣйствію слѣдующаго уголовнаго закона. Жондъ народовый постановляетъ:

§ 1. Всѣ дѣйствія, направленныя къ ослабленію дѣятельности жонда народоваго, къ уничтоженію революціоннаго движенія, и вообще всѣ поступки, вредящіе дѣлу отчизны,—будутъ считаться государственными преступленіями.

§ 2. Революціонные трибуналы будутъ подвергать виновныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ слѣдующимъ наказаніямъ: смертной казни, лишенію чести, соединенному съ опубликованіемъ приговора въ газетахъ, и, наконецъ, изгнанію изъ мѣста жительства и даже изъ предѣловъ края, на время болѣе или менѣе продолжительное.

Примѣненіе къ дѣйствію одного изъ поименованныхъ наказаній будетъ зависѣть отъ степени заявленной противъ обвиняемыхъ и доказанной вины. Въ случаѣ невозможности привести въ исполненіе смертный приговоръ, осужденный лишается покровительства закона.

§ 3. Принимается за основаніе, что каждый обыватель края имѣетъ право обвинять другаго путемъ доносенія. Исключеніе изъ этого правила допускается только въ слѣдующихъ случаяхъ:

Коммисары жонда народоваго; какъ военные, такъ и гражданскіе начальники воеводствъ и чиновники, служащіе въ Варшавѣ, будутъ предаваемы суду по квалификаціонному постановленію жонда народоваго.

Уѣздные начальники будутъ подвергаемы суду по обвиненіямъ, заявленнымъ противъ нихъ коммисарами жонда. Производство судебныхъ слѣдствій возлагается на революціонные трибуналы. Всякій обвиняемый имѣетъ право защищаться.

§ 4. Приговоры будутъ публиковаться въ газетахъ.

«Варшава, 2-го іюня 1863 года».

(На печати:) «Жондъ народовый. Равенство, свобода, независимость».

III.

Похищеніе Вашковскимъ денегъ изъ казначейства.

Вашковскій задумалъ похитить деньги изъ варшавскаго губернскаго казначейства около апрѣля 1863 года. Это была мысль неслыханно-дерзкая, не приходила въ голову никому изъ членовъ организаціи красныхъ. «Мы не допускали, говоритъ Авейде,—чтобы измѣна въ чиновничьемъ мірѣ простиралась въ то время такъ далеко... Еслибъ только мы сочли возможнымъ достать деньги изъ главнаго казначейства, мы бы устроили все дѣло гораздо разумнѣе и хитрѣе: захватили бы все, до послѣдней копѣйки, и заранѣе приняли бы необходимыя мѣры для скорѣйшаго размѣна билетовъ кредитнаго общества (listów zastawnych) и для отправленія денегъ за границу». (IV, 132—133).

Вашковскій дѣйствовалъ совершенно одинъ. Онъ явился, въ маѣ мѣсяцѣ, съ какой то бумагой, яко-бы отъ жонда народоваго, въ квартиру казначея

Станислава Яновскаго, когда у него былъ контролеръ Станиславъ Гебда, и сталъ требовать отъ нихъ помощи для похищенія хранившихся въ казначействѣ суммъ, необходимыхъ возстанію какъ воздухъ, говоря, что «иначе все разрушится, всѣ понесенные дотолѣ тяжкіе труды обратятся въ ничто».

Яновскій и Гебда отказали на-отрѣзъ, несмотря ни на какія мольбы и угрозы Вашковскаго, но, тѣмъ не менѣе, были потрясены сценой объясненія съ этимъ энергическимъ, отчаяннымъ и краснорѣчивымъ малымъ. Черезъ нѣсколько дней въ нихъ произошелъ поворотъ мыслей въ другую сторону. Очищеніе кассы на пользу возстанія стало казаться для нихъ возможнымъ, а картина одураченія москалей представлялась очень соблазнительной...

Предчувствовалъ что ли такую перемѣну въ этихъ лицахъ Вашковскій, или узналъ объ ихъ новомъ настроеніи отъ кого-либо изъ знакомыхъ—только, разъ, когда они опять сидѣли вечеромъ вмѣстѣ, вбѣжалъ къ нимъ, растрепанный, съ распятіемъ въ рукахъ, и во имя польскаго Бога сталъ требовать ихъ помощи вторично, говоря, что «ихъ отказъ будетъ равняться измѣнѣ дѣлу народнаго освобожденія, предпринятаго цѣлымъ краемъ,—измѣнѣ народу, его вѣрѣ и преданіямъ!».

На этотъ разъ Яновскій и Гебда подались. Вашковскій сказалъ имъ, что ему нужны «только ключи отъ кассы, хотя на нѣкоторое время, и два-три возныхъ». Ключи были тутъ же выданы, и трое возныхъ взялись, за извѣстное вознагражденіе, помогать.

Ознакомясь хорошо съ мѣстностью, гдѣ хранились деньги, Вашковскій явился туда, въ сопровожденіи возныхъ, 6-го іюня н. ст., передъ присутствіемъ, въ видѣ чиновника казначейства; часовой, стоявшій у дверей, пропустилъ ихъ всѣхъ, несмотря на то, что при нихъ не было ефрейтора. Похищенная сумма была вынесена въ сѣни лѣваго флигеля казначейства, обыкновенно пустыя. Тутъ стояла дружка, въ которой сидѣлъ никому неизвѣстный господинъ: онъ принялъ деньги, въ мѣшкахъ и пачкахъ, и уѣхалъ.

По окончаніи присутствія, въ тотъ же самый день, Вашковскій съ возными проникъ въ кладовую, тѣмъ же способомъ опять—и похитилъ еще нѣсколько мѣшковъ и пачекъ.

7-го іюня н. ст., не ходили въ кладовую совсѣмъ. Но 8-го числа снова явились и взяли сколько-то мѣшковъ и пачекъ.

Послѣднее похищеніе совершилось 9-го іюня н. ст.

Дальнѣйшія прогулки въ кладовую были невозможны потому, что интендантство потребовало выдачи изъ казначейства какой-то серьезной суммы. Казначейство, въ первую минуту, отказало, ссылаясь на недостачу денегъ. Интендантъ потребовалъ настойчиво во второй разъ. Тогда Гебда и Яновскій куда то скрылись... Казначейство было обревизовано, и, когда пропажа обнаружилась, назначена комиссія для разслѣдованія всего дѣла.

Говорили послѣ, будто бы въ этомъ похищеніи участвовали, кромѣ Гебды и Яновскаго, и другія, высшія лица.

Въ показаніяхъ Вашковскаго, исторія похищенія была, какъ кажется, разсказана со всѣми подробностями, но эти листы кѣмъ-то отрѣзаны, и вмѣсто нихъ пришиты какіе-то другіе, исписанные его же рукой, но небрежно и какъ бы неохотно, по принужденію. Тамъ ничего нѣтъ, кромѣ того, что мы разсказали читателямъ. Часть показаній Вашковскаго ѣздила въ Лондонъ; авторъ видѣлъ и эту часть въ портфелѣ нашего англійскаго консула: и тамъ ничего нѣтъ.

Н. В. Верга.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

№ 739. Дѣло, по донесенію хозяйственнаго отдѣленія управленія дома графа Л. И. Салогуба, о глухомъ тетеревѣ.

Началось 20-го іюня 1825-го года.
Рѣшено 18 года.
На листахъ.

«20-го іюня 1825 г.» № 739.

УПРАВЛЕНІЕ
ДОМА
ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА
ГРАФА ЛЬВА ИВАНОВИЧА
САЛОГУБА.

Отдѣленіе хозяйственное.

Столъ IV.

19-го іюня 1825-го года.

№ 3751.

О глухомъ тетеревѣ.

Его высоко-графскому сіятельству, графу Льву Ивановичу

Всеподданнѣйшее донесеніе.

Сего числа крестьянинъ вашего сіятельства Трифонъ Абрамовъ, изъ давнихъ лѣтъ занимающійся птичею охотою, принесъ въ даръ для стола вашего сіятельства глухаго тетерева, имъ застрѣленнаго; хозяйственное отдѣленіе, имѣя счастіе донести о семъ вашему сіятельству, будетъ ожидать на сей предметъ начальническаго вашего предписанія.

Управляющій управленіемъ: Андреянъ Зиновьефъ.
Правитель отдѣленія: Макаръ Сидаравъ.

Резолюція: «Крестьянину Трифону Абрамову за усердіе его выдать полтину; а глухаго тетерева по надлежащему отдать на ледникъ, впредь до моего повеленія». «Графъ Левъ Салогубъ».

«20-го іюня 1825.»

«21-ва іюня».

ДОМЪ
ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА
ГРАФА
ЛЬВА ИВАНОВИЧА
САЛОГУБА.

Канцелярія.

Столъ 2-й
Исполнительный.

20-го іюня 1825 года.
№ 3911-й.

На № 3751-й.

Главнаго управленія дома его сіятельства отдѣленію хозяйственному.

На поступившій докладъ сего отдѣленія, отъ 19-го іюня за № 3751, его сіятельство графъ Левъ Ивановичъ изволилъ положить собственноручную резолюцію, каковая въ подлинникѣ, для надлежащаго исполненія, у сего препровождается.

Домашній секретарь: Ефимъ Зарубинъ.

1825 года, іюня 21-го дня. Середа.

Въ общее присудствіе главнаго управленія дома его сіятельства графа Льва Ивановича Салогуба присудствующіе прибыли:

Управляющій управленіемъ, отставной коллежскій архиваріусъ, Андреянъ Тимофеевичъ Зиновьевъ, въ 6-мъ часу по полуночи.

ПРАВИТЕЛИ ОТДѢЛЕНІЙ:

Хозяйственнаго: Макаръ Сидоровъ.
Музыкальнаго: Антонъ Ефремовъ.
Гардеробнаго: Селивестръ Кузьминъ.
Казначейскаго: Потапъ Андрѣевъ.
Полицейскаго: Ефимъ Обдеришинъ.
Контрольнаго: Егоръ Щетневъ.

} По полуночи въ 5-мъ часу.

СЛУШАЛИ:

№ 3911. Отношеніе собственной канцеляріи его сіятельства графа Льва Ивановича Салогуба отъ 20-го іюня, за № 3911-мъ, при коемъ препровождается въ отдѣленіе хозяйственное собственноручная его сіятельства резолюція, воспослѣдовавшая на докладъ онаго отдѣленія отъ 19-го іюня, за № 3751, касательнаго глухаго тетерева, при-

несеннаго отъ усердія крестьянина Трифона Абрамова къ столу его сіятельства, имъ застрѣленнаго; а въ резолюціи его сіятельства изображено: «крестьянину Трифону Абрамову за усердіе его выдать полтину; а глухаго тетерева по надлежащему отдать на ледникъ, впредь до моего приказанія». Подлинное подписалъ «графъ Левъ Салогубъ».—Почему общее присудствіе, по взаимному между собою полюбовному и долговремянному разсужденію, опредѣлило: 1) о исполненіи графской резолюціи донести его сіятельству; 2) хозяйственному отдѣленію отнестись въ отдѣленіе казначействъ о немедленной выдачѣ крестьянину Трифону Абрамову пятидесяти копѣекъ, за усердіе его сіятельствомъ ассигнованныхъ, по записаніи ихъ въ расходъ по документу; 3) дома его сіятельства клюшницѣ Феклѣ Варфоломеевой послать ордеръ (и посланъ) о храненіи на ледникѣ глухаго тетерева впредь до особаго приказанія его сіятельства, по тщательномъ сбереженіи оной птицы, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности; 4) подлинную птицу, вышеозначеннаго глухаго тетерева, свѣсивъ на безмѣнъ въ общемъ присудствіи, записать вѣсъ оной въ заведенную на сей предметъ приходную книгу; 5) о всѣмъ вышереченномъ составить журналъ, и поднести къ общему присудствующихъ подписанію.

Управляющій: Андреянъ Зиновьефъ.
Макаръ Сидарафъ.
Антонъ Ефремовъ.
Сѣливерстъ Кузминъ.
Потапъ Андреефъ.
Ефимъ Обдеришинъ.
Егоръ Щетневъ.

Письмоводитель: отставной канцелярист Прохоръ Крюкинъ.

УПРАВЛЕНІЕ
ДОМА
ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА
ГРАФА ЛЬВА ИВАНОВИЧА
САЛОГУБА.

Отдѣленіе хозяйственное.

Столъ 2-й
Исполнительной.

21-го іюня 1825 года.
№ 3754.

«Получено 21-го іюня 1825.»

Въ отдѣленіе казначейства его высокографскаго сіятельства.

Благоволитъ оное казначейство по собственноручной резолюціи его сіятельства графа Льва Ивановича, въ 20-й день сего іюня воспослѣдовавшей, выдать крестьянину Трифону Абрамову за принесеннаго имъ для стола его сіятельства глухаго тетерева денегъ пятьдесятъ копѣекъ, и записать въ расходъ по документу.

Правитель отдѣленія: Макаръ Сидарафъ.

21-го іюня 1825 года.
№ 3755.

О храненіи, впредь до приказанія его сіятельства, глухаго тетерева.

Изъ отдѣленія хозяйственнаго.

Дома его сіятельства клюшницѣ Феклѣ Варфоломеевой

ордеръ.

Въ слѣдствіе собственноручной его сіятельства резолюціи на докладѣ сего отдѣленія, въ 20-й день сего іюня воспослѣдовавшей, и по опредѣленію, въ общемъ присудствіи управленія дома его сіятельства состоявшемуся, имѣешь ты препровождаемаго при семъ глухаго тетерева хранить по принадлежности на ледникѣ впредь до особаго приказанія его сіятельства, и въ случаѣ малѣйшаго поврежденія онаго доносить отдѣленію. Въ противномъ случаѣ подвергнешь себя гнѣву его сіятельства и строжайшему наказанію.

Правитель отдѣленія: Макаръ Сидарафъ.

ДОМЪ
ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА
ГРАФА
ЛЬВА ИВАНОВИЧА
САЛОГУБА.

Канцелярія.

Столъ 2-й
Исполнительной.

28 іюня 1825 года.
№ 3958-й.

Главнаго управленія дома его сіятельства отдѣленію хозяйственному.

Его сіятельство графъ Левъ Ивановичь изволилъ приказать завтрашній день, по случаю праздника святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а вмѣстѣ и розговѣнья, приготовить къ обѣденному столу его сіятельства глухаго тетерева, принесеннаго въ даръ отъ усердія крестьянина Трифона Абрамова, въ 19-й день іюня, и по резолюціи его сіятельства хранящагося на ледникѣ. Почему хозяйственное отдѣленіе не оставитъ на сей предметъ сдѣлать заблаговремянно надлежащее распоряженіе.

Домашній секретарь: Ефимъ Зарубинъ.

1825-го года, іюня 28 дня. Середа.

Въ общее присудствіе главнаго управленія дома его сіятельства графа Льва Ивановича Салогуба присудствующіе прибыли:

Управляющій управленіемъ, отставной коллежскій архиваріусъ, Андреянъ Тимофѣевичъ Зиновьевъ, въ 5-мъ часу пополудни.

ПРАВИТЕЛИ ОТДѢЛЕНІЙ.

Хозяйственнаго: Макаръ Сидоровъ.
Музыкальнаго: Антонъ Ефремовъ.
Гардеробнаго: Селиверстъ Кузминъ.
Казначейскаго: Потапъ Андреевъ.
Полицейскаго: Ефимъ Обдеришинъ.

} Въ 4-мъ часу по полудни.

СЛУШАЛИ:

№ 3958. Отношеніе собственной канцеляріи его сіятельства графа Льва Ивановича Салогуба, отъ 28-го іюня, за № 3958, коимъ извѣщаетъ хозяйственное отдѣленіе, что его сіятельство приказать словесно изволилъ: «Завтрашній день по случаю праздника святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а вмѣстѣ и розговѣнья, приготовить къ обѣденному столу его сіятельства глухаго тетерева, принесеннаго въ даръ отъ усердія крестьянина Трифона Абрамова, въ 19-й день іюня, и по резолюціи его сіятельства хранящагося на ледникѣ впредь до особаго приказанія». А по справкѣ въ хозяйственномъ отдѣленіи оказалось: означенный тетеревъ, принесенный въ даръ крестьяниномъ

Трифономъ Абрамовымъ, записанъ по отдѣленію въ приходную книгу, въ статью подъ № 429-мъ, и ордеромъ хозяйственнаго отдѣленія отъ 21-го іюня, за № 3755, отданъ по принадлежности на ледникъ подъ сохраненіе клюшницы его сіятельства Феклы Варфоломеевой. А потому общее присудствіе, по взаимномъ полюбовномъ между собою разсужденіи, опредѣлило: 1) Предписать означенной клюшницѣ Феклѣ Варфоломеевой, ордеромъ хозяйственнаго отдѣленія, о выдачѣ реченнаго тетерева на кухню его сіятельства для изготовленія. 2) Таковымъ же ордеромъ предписать главному кухмистеру его сіятельства, Кирилѣ Симонову, о изготовленіи къ завтрешнему обѣденному столу его сіятельства того тетерева въ видѣ жаренаго, осыпавъ для большія сласти разными пряными кореньями и зеліемъ; подтвердивъ ему Симонову при томъ, дабы онъ имѣлъ крайнѣе наблюденіе, дабы означенная птица была изготовлена по вкусу его высокографскаго сіятельства, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, строжайшей отвѣтственности. 3) По приходной книгѣ хозяйственнаго отдѣленія означеннаго тетерева, яко убывшаго для изжаренія, изключить; и 4) Подлинный журналъ представить къ подписанію присудствующихъ.

Управляющій: Андреянъ Зиновьефъ.
Макаръ Сидарафъ.
Антонъ Ефремовъ.
Сѣливерстъ Кузминъ.
Потапъ Андреефъ.
Ефимъ Обдеришенъ.
Письмоводитель: отставной канцеляристъ Прохоръ Крюкинъ.

Дополненіе къ журналу 28 іюня.

Правитель котрольнаго отдѣленія, Егоръ Щетневъ, сего числа не присудствовалъ, понеже за неумѣренное употребленіе горячихъ напитковъ во время двухъ прошедшихъ базаровъ, по приказанію его сіятельства, высѣченъ розгами, и находится въ смирительномъ домѣ полицейскаго отдѣленія, впредь до особаго повеленія его сіятельства.

Управляющій: Андреянъ Зиновьефъ.
Макаръ Сидарафъ.
Антонъ Ефремовъ.
Сѣливерстъ Кузминъ.
Потапъ Андреефъ.
Ефимъ Обдеришенъ.
Письмоводитель: отставной канцеляристъ Прохоръ Крюкинъ.

28-го іюня 1825 года.

№ 3813.

О выдачѣ главному кухмистеру его сіятельства глухаго тетерева для изготовленія.

Изъ отдѣленія хозяйственнаго.

Дома его сіятельства клюшницѣ Феклѣ Варфоломеевой

ордеръ.

Домашняя канцелярія его сіятельства графа Льва Ивановича отъ сего числа, за № 3958, извѣщаетъ сіе отдѣленіе, что его сіятельство словесно приказать изволилъ: «хранящагося по принадлежности на ледникѣ глухаго тетерева, препровожденнаго къ тебѣ для храненія при ордерѣ, за № 3755, завтрашній день, по случаю праздника святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а вмѣстѣ и розговѣнья, приготовить къ обѣденному столу его сіятельства».

Въ слѣдствіе сего предписывается тебѣ, клюшницѣ, вышеозначеннаго тетерева главному кухмистеру его сіятельства Кирилѣ Симонову подъ росписку его для изготовленія выдать и по приходной книгѣ, у тебя имѣющейся, въ расходъ изключить.

Правитель отдѣленія: Макаръ Сидарафъ.

28-іюня 1825 года.

№ 3814.

О изготовленіи къ обѣденному столу его сіятельства, въ 29-й день сего іюня, глухаго тетерева.

Изъ отдѣленія хозяйственнаго.

Дома его сіятельства главному кухмистеру Кирилѣ Симонову

ордеръ.

Домашняя канцелярія его сіятельства графа Льва Ивановича отъ сего числа, за № 3958, извѣщаетъ сіе отдѣленіе, что его сіятельство словесно приказать изволилъ: «хранящагося на ледникѣ глухаго тетерева, по приходной книгѣ въ семъ отдѣленіи числящагося подъ статьей 429-ю, принесеннаго въ даръ отъ усердія крестьянина Трифона Абрамова, въ 19-й день іюня,—завтрашній день, по случаю праздника святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а вмѣстѣ и розговѣнья, приготовить къ обѣденному столу его сіятельства.

Почему и имѣешъ ты, кухмистеръ, изготовить онаго тетерева въ видѣ жаренаго, осыпавъ разными пряными кореніями и зеліемъ; имѣя при томъ крайнѣе наблюденіе, дабы означенная птица была изготовлена по вкусу его высокографскаго сіятельства, подъ опасеніемъ за неисполненіе строгой отвѣтственности. Клюшницѣ же дома его сіятельства дано на сей предмѣтъ особое предписаніе.

Правитель отдѣленія: Макаръ Сидарафъ.

«По вход. № 9563» «28-го іюня».

Главнаго управленія дома его сіятельства графа Льва Ивановича, въ отдѣленіе хозяйственное.

Главнаго кухмистера его сіятельства, Кирила Симонова

репортъ.

Сего числа, во исполненіе почтеннѣйшего ордера хозяйственнаго отдѣленія за подписаніемъ Макара Сидорыча, отъ сегожъ числа, за № 3814, пущеннаго, отправился я на ледникъ его сіятельства для полученія отъ клюшницы Феклы Варфоломеевны глухаго тетерева для изготовленія къ завтрешнему обѣденному столу его сіятельства; но, разсматривая онаго тетерева, нашолъ, что оный уже крайнѣ сгнилъ, и испущаетъ вельми смрадный запахъ, а частію поврежденъ мышами, какъ-то, около крыльевъ, и лапки отгрызены; почему, находя себя въ невозможности высокографское его сіятельства повеленіе выполнить, симъ почтеннѣйше хозяйственному отдѣленію и репортую.

Главной кухмистеръ его сіятельства: Кирила Симанафъ.

Сч. отъ 28-го іюня 1825 года. № 245.

«О таковомъ черезвычайномъ приключеніи донести ево сіятилству графу Льву Иванычу».

«Макаръ Сидарафъ».

«29-го іюня 1825 г.»

УПРАВЛЕНІЕ
ДОМА
ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА
ГРАФА ЛЬВА ИВАНОВИЧА
САЛОГУБА.

Отдѣленіе хозяйственное.

Столъ IV.

21-го іюня 1825 года.

№ 3819.

О гніеніи глухаго тетерева.

Его высокографскому сіятельству, графу Льву Ивановичу!

Всеподданнѣйшее донесеніе.

Во исполненіе словеснаго приказанія вашего сіятельства, вчерашняго числа канцеляріею вашего сіятельства сему отдѣленію обьявленнаго, предписано было главному кухмистеру вашего сіятельства Кирилѣ Симонову о изготовленіи сего числа къ обѣденному столу вашего сіятельства глухаго тетерева, принесеннаго въ даръ вашему сіятельству отъ усердія крестьянина вашего сіятельства Трифона Абрамова, въ 19-й день сего мѣсяца, и въ слѣдствіе резолюціи вашего сіятельства по принадлежности хранящагося на ледникѣ подъ непосредственнымъ надзоромъ клюшницы вашего сіятельства Феклы Варфоломеевой.

Но нынѣ означенный кухмистеръ вашего сіятельства, Кирила Симоновъ, за № 245, рапортомъ сему отдѣленію донесъ, что, осматривая вышеписаннаго тетерева, нашолъ, что оный уже крайнѣ сгнилъ и испускаетъ отъ себя вельми смрадный запахъ, а частію поврежденъ мышами, какъ-то, около крыліевъ, и лапки отгрызены; почему считаетъ себя въ невозможности высокографское вашего сіятельства повелѣніе выполнить.

Хозяйственное отдѣленіе главнаго управленія дома вашего сіятельства о таковомъ чрезвычайномъ произшествіи имѣетъ счастіе донести вашему сіятельству, и на сей предметъ остается во ожиданіи высокографской вашего сіятельства резолюціи.

Управляющій управленіемъ: Андреянъ Зиновьефъ.
Правитель отдѣленія: Макаръ Сидарафъ.

Резолюція: «Подозрѣваю злоупотребленіе; а потому приказываю чиновнику особыхъ порученій, Игнашкѣ Скорохвату, произвести строжайшее слѣдствіе; обще съ членомъ медицынскаго отдѣленія, цирюльникомъ Гришкою; и что открыто ими будетъ, о томъ со всею подробностію мнѣ донести».

«29-го іюня 1825». «Графъ Левъ Салогубъ».

Примѣчаніе. На этомъ оканчивается дѣло о глухомъ тетеревѣ, доставленное намъ въ подлинникѣ А. С. Лашкевичемъ, изъ г. Новозыбкова, Черниговской губерніи. Въ свою очередь г. Лашкевичъ получилъ это интересное «производство» изъ собранія бумагъ покойнаго Н. П. Бороздны, добывшаго это дѣло въ Рязанской губерніи. По цвѣту бумаги и водянымъ клеймамъ, по почеркамъ и цвѣту чернилъ—все дѣлопроизводство о глухомъ тетеревѣ несомнѣнно принадлежитъ 1825-му году, но дѣйствительно-ли таковые порядки имѣли мѣсто въ помѣщичьемъ быту, или это остроумная шутка лица, возмущеннаго бюрократическими порядками правительственныхъ канцелярій и департаментовъ въ былое время и осмѣявшаго ихъ, для кружка своихъ знакомыхъ, въ цѣломъ рядѣ сочиненныхъ бумагъ, написавъ и подписавъ ихъ различными почерками, подобравъ разную бумагу, и проч.—сказать трудно. Впрочемъ, что въ средѣ помѣщиковъ были лица, переносившія въ управленіе своими вотчинами бюрократическіе распорядки тѣхъ канцелярій, гдѣ они до своей отставки служили, это несомнѣнно; объ этомъ, между прочими, свидѣтельствуетъ Гоголь, художественною кистью своею обрисовавшій, во второй части «Мертвыхъ Душъ»,—Кошкарева, помѣщика, создавшаго у себя нѣсколько канцелярій и управленій, и утопавшаго въ «бумажномъ производствѣ» созданныхъ имъ коммиссій и комитетовъ. Ред.

ОПЕЧАТКИ и ОШИБКИ

въ XXIV-мъ томѣ «Русской Старины».

Стр. 593. 4-я строка сверху, напечатано: установлявшій—читай: устранявшій.

Ошибки въ «указателѣ личныхъ именъ» къ XXIV тому:

Стр. 7. Напечатано: Вашковскій, нач. польск. банды—слѣдуетъ: красный повстанецъ.

» 12. . . . . Даниловскій, нач. польск. банды, — читай:—чл. жонда, студентъ.

» — . . . . . Дзялынскій, гр. нач. польск. отр.—читай: управлялъ Бѣлою партіей въ Познани.

» 15. . . . . Зегржда, предв. польск. банды:—читай: революц. гражд. управленія плоцк. воевода.

» 18. . . . . Качковскій, нач. польск. банды—читай: директ. воен. деп. жонда.

» 20. . . . . Крашевскій, нач. польск. банды—читай:—писатель, редакт. «Польск. Газеты».

» 21. . . . . Куржина, секрет., нач. польск. банды—читай:—секрет. Мирославскаго.

» 32. . . . . Пыркотъ, нач. банды, 1863 г.—читай: Пыркошъ.

» — . . . . . Ракузе, маіоръ, 1863 г.—читай: Ракуза.

» 36. . . . . Сѣраковскій (Доленго)—читай: Доленга.

» 39. . . . . Хршановскій, Леонъ, нач. польск. банды—читай:—глава краковскаго Бѣлаго комитета.

» 42. . . . . Щепанскій, нач. польск. банды — читай:—глава Красной партіи въ западной Галиціи.

Въ XXV-мъ томѣ «Русской Старины»:

Стр. 159 строка 9 снизу: напечатано: Репинскій—читай: Репнинскій.

» 161 — 16 сверху — — Бузеа — Бузео.

» 162 — 5 снизу — — Терешецъ — Теремецъ.

» 164 пять строкъ сверху до словъ «но послѣ....» напечатаны вдвойнѣ, эти строки уже помѣщены въ концѣ 163-й страницы.

» 165 — 6 снизу: пропущены слова «времени, пока бригъ «Меркурій» сталъ среди эскадры на якорь. Послѣ чего эскадра, взявъ для усиленія абордажныхъ средствъ Камчатскій полкъ, пустилась крейсировать, съ цѣлью» и т. д.

» 172 — 9 сверху: напечатано: на каждаго...—читай: всѣмъ въ сложности.

тѣлъ поправить, что въ порывѣ досады онъ разрушилъ благое дѣло вѣковъ, къ обоюдному вреду Ганзы и Россіи и къ противности его собственному всегдашнему старанію быть въ связи съ образованною Европою. Напротивъ, поступокъ великаго князя съ нѣмецкими купцами показываетъ, что онъ хотѣлъ сноситься съ этою Европой безъ тѣхъ препятствій, какія представлялись со стороны Ганзы и лифляндскихъ городовъ; онъ хотѣлъ отучить Ганзу вмѣшиваться на будущее время въ политику и принимать сторону его враговъ Швеціи и Ордена; его намѣреніемъ отнюдь не было превращеніе торговли нѣмцевъ въ Новгородѣ: онъ предлагалъ только торговать тамъ по его княжеской волѣ, и конечно не могъ обращать вниманія на такія отжившія права нѣмцевъ, какъ право безпошлинной торговли. Наконецъ основаніе Ивангорода и война со шведами, веденная около Выборга тотчасъ по закрытіи двора, ясно показываютъ, что Иванъ Васильевичъ стремился стать твердой ногой при морѣ: это то же завѣтное стремленіе, которое продолжалъ его грозный внукъ и которое наконецъ осуществилъ ихъ геніальный потомокъ Петръ В.» (263).

Необходимо замѣтить, что движеніе противъ монополій Ганзы началось почти одновременно и въ другихъ странахъ—въ Германіи, Швеціи и Англіи. Въ послѣдней оно закончилось въ 1598 г. закрытіемъ нѣмецкаго двора въ Лондонѣ, которое сопровождалось почти такими же явленіями, какъ и въ Новгородѣ.

Къ сочиненію приложенъ алфавитный указатель именъ, относящихся преимущественно къ торговлѣ и промышленности.

Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ. П. А. Соколовскаго. Спб. 1878. Ц. 1 р. 70 к.

Экономическій бытъ древней Россіи у насъ изслѣдованъ менѣе другихъ сторонъ жизни русскаго населенія того времени. Недавно авторъ посвятилъ очеркъ ему, подъ заглавіемъ: «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи»; а теперь представилъ новый трудъ въ томъ же [illegible] тѣ, посвященный экономическому изученію восточной Россіи въ XV—XVI вв. Въ [illegible] его (I—VII) авторъ знакомитъ съ различными классами крестьянскаго населенія; далѣе слѣдуетъ обзоръ—повинностей крестьянъ и формъ землевладѣнія, съ очеркомъ быта инородцевъ (гл. VII и VIII). Въ главахъ IX, X, XI и XII излагается колонизація юго-восточныхъ степей и Поволжья до конца XVII в. въ связи съ экономическимъ положеніемъ крестьянскаго населенія въ этотъ періодъ и очеркомъ быта донскихъ казаковъ. Впрочемъ историческій очеркъ колонизаціи сравнительно менѣе обработанъ, несмотря на новые труды и матеріалы, появившіеся въ послѣднее время.

«Въ исторіи экономическаго быта XV—XVII вѣкамъ принадлежитъ рѣшающее значеніе, говоритъ авторъ. Въ продолженіе ихъ рыболовство и охота замѣняются земледѣліемъ, которое повсемѣстно становится господствующимъ занятіемъ. Формы владѣнія и пользованія землей получили въ названномъ періодѣ тотъ видъ, который въ главнѣйшихъ чертахъ онѣ сохраняютъ и въ наше время. Тогда совершилась раздача земель въ частное владѣніе, и установились отношенія между земледѣльцами и землевладѣльцами на основаніяхъ половничества, оброка и издѣльной повинности... Экономическій бытъ крестьянства въ Московскомъ государствѣ предъ введеніемъ крѣпостнаго права находился въ переходномъ состояніи къ худшей степени. Причины упадка народнаго благосостоянія заключались не въ свойствахъ природы и не въ физическихъ и умственныхъ качествахъ народа, а исключительно въ условіяхъ государственнаго быта. Упадокъ этотъ начался съ того времени, когда, съ развитіемъ помѣстной и податной системъ, русскій крестьянинъ былъ превращенъ въ тяглую единицу. Свободное развитіе народа на общинныхъ началахъ сдѣлалось, вслѣдствіе положенія тягла, невозможнымъ, и народу приходилось поступиться своими вѣковыми обычаями. Но отказаться отъ самыхъ коренныхъ основъ своего міровозрѣнія онъ, очевидно, не могъ безъ борьбы, и крестьянство «стремится различными способами уклониться отъ подчиненія все возрастающимъ требованіямъ государства». Съ этимъ связывается колонизаціонное движеніе русскаго населенія. Таковы главныя черты разсматриваемаго труда.

В. И.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины", на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46.** Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова,** на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ" помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа. IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣд. изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ десятый. АВГУСТЪ. 1879 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Калкское побоище.** Историческій очеркъ Д. И. Иловайскаго. . . 691

II. **Арсеній Мацѣевичъ,** митрополитъ Ростовскій. Историко-біографическій очеркъ. Состав. профессоръ В. С. Иконниковъ. Главы IV—V 577

III. **Воспоминанія В. А. Дзюбенко.** Полувѣковая гражданская служба на Кавказѣ, 1829—1876 гг. Главы I—IV 637

IV. **Марінская колонія питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома.** Глава V. (Окончаніе). Перечисленіе въ государственные крестьяне.—Смута въ колоніи 1851—1852 гг.—Милости и тяготы.—Своеобразный управитель Реммингенъ.—Введеніе положенія о питомцахъ.—Постой.—Слѣдственная коммисія.—Ночныя бесѣды.—Выборное начальство.—Распродажа имущества.—Выселеніе питомцевъ . 609

V. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ,** 1799—1837 гг. Письма его къ брату и родными, 1820—1824 гг. 671

VI. **Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.**—Приложенія къ Запискамъ Н. В. Берга. . . 707

VII. **Очерки, разсказы и замѣтки:** 1) Амвросій Орнатскій, епископъ Пензенскій. Сообщ. Г. Мѣшковъ (729). 2) Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г. Разсказъ священника-очевидца (731). 3) Іринархъ Ивановичъ Введенскій въ 1849 г. Сообщ. П. Гусевъ (739). 4) Дѣло при Игнатьевѣ въ 1863 г. Сообщ. А. Брунеръ (745). 5) О портретѣ бывшаго вице-президента Академіи Художествъ гр. Ѳ. П. Толстаго (754).

VIII. **Замѣтки о новыхъ книгахъ:** Акты кавказской археограф. коммисіи, изд. подъ редакціею Ад. П. Берже. (747) Аму и Узбой, брошюра изд. въ Самарѣ. Замѣтка М. И. Веневскова (753).

IX. **Библіографическій листокъ.** Состав. профес. В. С. Иконниковъ (на обертѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ графа **Ѳедора Петровича Толстаго,** художника-медальера-скульптора-живописца, † 1873 г., рисовалъ съ портрета, писаннаго Зарянко, художникъ К. О. Брожъ, гравировалъ въ Ницѣ акад. Л. А. Сѣряковъ.—II. Указатель личныхъ именъ къ XXV тожѣ «Русской Старины».

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г., 1876 г., 1877 г., 1878 г. и 1879 г., цѣна по **восьми** руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 60—1.

1879.

VIII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го августа.

Лекціи по исторіи русскаго законодательства. П. Д. Бѣляева, орд. проф. импер. моск. унив. Москва. 1879 г. 728 стр. Ц. 3 р.

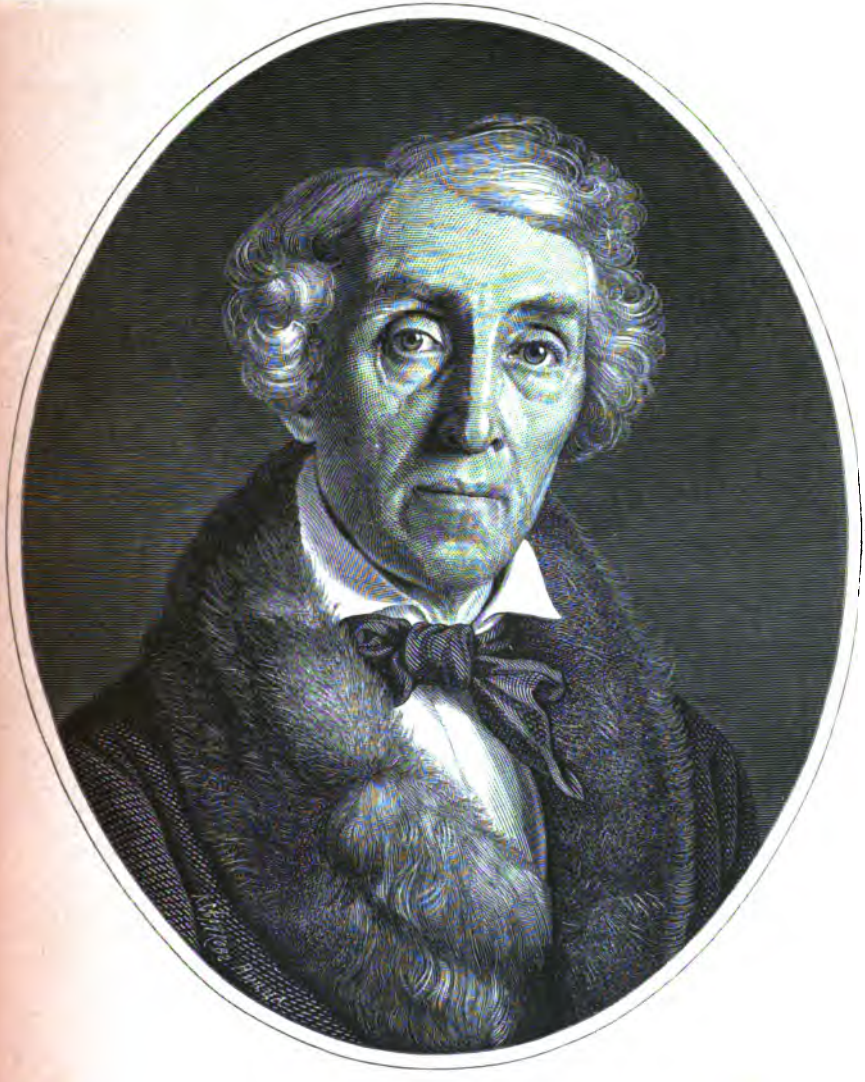
Настоящая книга издана на основаніи собственноручныхъ тетрадей автора и студентскихъ записокъ; она—плодъ многолѣтнихъ трудовъ профессора, извѣстнаго въ печати множествомъ отдѣльныхъ изслѣдованій (между прочимъ: «Крестьяне на Руси», статей, предисловій къ историческимъ и юридическимъ памятникамъ, помѣщенныхъ въ массѣ ученыхъ и періодическихъ изданій, какъ «Чтенія Моск. Общ. ист.», «Временникъ» того же Общ., «Рус. Бесѣда», «Москвитянинъ», «Журн. мин. нар. просв.», «Изв. Ак. Наукъ», «Записки русс. географ. и археолог. общ.», «Архивъ Калачова», «Русск. Вѣст.», «Библ. для Чтенія», «Прав. Обозр.», «Изв. моск. унив.» и пр. и пр.),—бывшаго редактора «Временника моск. общ. ист.» (25 книгъ) и издатели «Литовскаго Статута» въ трехъ редакціяхъ (тамъ же). Автору же принадлежитъ мысль изложить русскую исторію въ видѣ исторіи отдѣльныхъ земель (Псковъ, Новгородъ, Полоцкъ и т. д., 4 тома). Полный перечень его трудовъ попытался недавно составить профес. кіев. унив. Владимірскій-Будановъ, въ своей рецензіи на книгу Бѣляева—попытка тѣмъ болѣе необходимая, что у насъ нерѣдко смѣшиваютъ труды И. Д. Бѣляева съ сочин. Ильи Бѣляева, иногда писавшаго по однимъ и тѣмъ же вопросамъ (напримѣръ о Стоглавѣ).

Прочитывая лекціи покойнаго Бѣляева, невольно вспоминаешь нѣкоторыя изъ его прежнихъ изслѣдованій (какъ, напримѣръ, о древнемъ бытѣ славянъ и русскихъ, о поземельномъ владѣніи въ московск. госуд. и т. п., помѣщ. во «Временникѣ моск. общ. ист.»). Исторію русскаго законодательства авторъ раздѣляетъ на четыре періода: 1) до-христіанскій; 2) до Судебника Ивана III (раздѣляемый монгольскимъ игомъ на два отдѣла); 3) до Уложенія царя Алексѣя, и 4) до изданія Свода Законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ слѣдитъ за исторіею управленія, состояніемъ общества и исторіей отдѣльныхъ классовъ. Впрочемъ послѣдній періодъ изложенъ относительно сокращеннѣе и съ меньшимъ стараніемъ. Несмотря, однако, на постоянное обращеніе автора къ матеріаламъ и на несомнѣнное знакомство его даже съ неизданными источниками, онъ не различаетъ строго историческихъ данныхъ отъ памятниковъ народнаго творчества, лишь бы подтверждали любимую мысль. Нерѣдко встрѣчаются очевидные недосмотры въ самомъ обращеніи съ матеріаломъ, даже въ весьма крупныхъ фактахъ: такъ, напримѣръ, авторъ утверждаетъ категорически, что ямской приказъ впервые встрѣчается при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (стр. 501), а между тѣмъ ему не могла быть неизвѣстною царская грамота отъ 29-го окт. 1582 г. въ Кириллов монастырь (акты экспед., I, № 317), въ которой прямо говорится объ этомъ приказѣ. Вообще, неточностей, произвольныхъ опредѣленій и пропусковъ немало въ изданныхъ лекціяхъ, и потому скорѣе можно согласиться съ рецензентомъ этого курса, проф. Будановымъ («Унив. изв.» 1879 г., № 6), нежели съ почтеннымъ издателемъ, полагающимъ, что этотъ курсъ можетъ сдѣлаться руководствомъ по исторіи русскаго права. Въ такомъ случаѣ, необходимо было бы сдѣлать, по крайней мѣрѣ, требуемыя поправки. Болѣе существенныя изъ нихъ указаны въ той же рецензіи. Тѣмъ не менѣе, нельзя не принести благодарности за изданіе самаго труда и не пожалѣть также изданія, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ сочиненій Бѣляева, многія изъ которыхъ недоступны, по причинѣ малодоступности изданій, въ которыхъ они были помѣщены, а другія давно сдѣлались библіографическою рѣдкостью.

Изданіе лекцій покойнаго И. Д. Бѣляева имѣетъ свою цѣну. «Онѣ, какъ справедливо выразился тотъ же рецензентъ,—во многомъ выясняютъ предъ нами одно изъ главнѣйшихъ направленій русской образованности текущаго столѣтія», т. е. направленія славяно-фильскаго. Такимъ образомъ настоящій трудъ автора, главнымъ образомъ, имѣетъ значеніе историческое, а не практическое.

И. И. Неплюевъ и Оренбургъ. Біографическо-историческій очеркъ В. Н. Витевскаго. 537 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Расколъ въ Уральскомъ войскѣ



ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ,

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ,

род. 1789, ум. 1873 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1879 г.

ВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 25 АПРѢЛЯ 1879 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМА

АРСЕНІЙ МАЦѢЕВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

IV [1]).

Уже позднѣйшія распоряженія императрицы Елисаветы вызывали опасенія и неудовольствіе въ средѣ духовной іерархіи. Продолжительное управленіе крестьянъ духовнаго вѣдомства учрежденіями, то стоявшими внѣ этого вѣдомства, то хотя и подчиненными ему, но сохранявшими до извѣстной степени свѣтскій характеръ,—пріучило самихъ крестьянъ смотрѣть на себя, какъ на освобожденныхъ отъ непосредственнаго подчиненія архіереямъ и монастырямъ. Называя себя «заопредѣленными», они считали, что духовнымъ властямъ вовсе нѣтъ до нихъ никакого дѣла, а потому нерѣдко оказывали полное неповиновеніе и отказывались исполнять требуемыя работы или нести другія повинности, а въ крайности обращались съ жалобами на духовныхъ правителей въ синодъ и свѣтскія учрежденія. Замѣчательно также, что подобное настроеніе, въ средѣ монастырскихъ крестьянъ, проявилось именно въ то время, когда, вслѣдствіе распоряженій Елисаветы Петровны, въ началѣ ея царствованія, крестьяне снова были подчинены духовенству [2]). Но уже въ 1757 году, въ засѣданіи конференціи, въ которомъ присутствовала сама императрица, были сдѣланы существенныя измѣненія въ администраціи монастырскихъ имуществъ; такъ, управленіе ими было передано,

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 731—752; томъ XXV, стр. 1—34.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. XIII, № 10,168. **В. И.**

вмѣсто монастырскихъ служекъ, штабъ и оберъ-офицерамъ; самыя имѣнія были положены въ помѣщичьи оклады, и въ такомъ размѣрѣ велѣно было собирать доходы на монастыри, но съ тѣмъ, чтобы на нихъ расходовалось не болѣе положеннаго по штатамъ, а остальная сумма не употреблялась бы иначе какъ съ разрѣшенія императрицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало распоряженіе о сборѣ съ монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ денегъ для содержанія отставныхъ, которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вовсе не собирали, и впредь эти деньги собирать ежегодно. Сумма, собранная за прошлые годы, назначена была на устройство инвалидныхъ домовъ, а остатокъ отъ нея долженъ былъ храниться въ банкѣ и опредѣлялся на расходы по этой статьѣ [1]).

О впечатлѣніи, произведенномъ этими распоряженіями на духовенство, можно судить по письму извѣстнаго Амвросія Зертисъ-Каменскаго къ Арсенію Мацѣевичу [2]). Посѣтивши незадолго передъ тѣмъ Арсенія въ Ростовѣ, Амвросій благодаритъ его «за Авраамле угощеніе и напутствованіе» и высказываетъ свое мнѣніе, по поводу разсужденія Арсенія о настоящемъ вопросѣ, копію съ котораго онъ вручилъ Амвросію при свиданіи. «По довольному мною о данной мнѣ копіи вашей разсужденію, усмотрѣлъ я,—пишетъ онъ,—что коль свято и полезно оное написано, однакъ не уповательно, чтобъ тое другимъ, гдѣ надлежитъ, было представлено. Ибо натурально можно разсудить, что никто своихъ пороковъ на себя не отваживается объявлять; да еще предъ такимъ, кой имѣетъ власть за оныя истязывать. А хотя-бъ и къ другому кому написать, только за равночестіе или за снисходительство, желаемаго успѣха нельзя получить. И такъ! понеже надобныхъ отъ присутствія (конечно въ синодѣ) забыкли отдалять, и чрезъ то думаютъ, что въ случаѣ не могутъ пособить, то непремѣнно нужда надлежитъ въ С.-Петербургъ съѣздить кому-нибудь изъ насъ такому, который бы о всемъ обстоятельно и дѣльно представить могъ. Законоправильныя причины тому слѣдующія: 1) отвратить нынѣшнее належащее объ насъ учрежденіе; 2) избавленіе сдѣлать отъ львоименитаго су-

[1]) Ibid. XIV, № 10,765.

[2]) Ученикъ кіевской, львовской и московской академій, а съ 7-го ноября 1757 г.—епископъ переяславскій. В. И.

постата, который ни ѣстъ, ни спитъ, но того ищетъ, какъ бы насъ, аки пшеницу, разсѣять и все желаемое ему въ помѣшательство привесть; 3) исходатайствовать на вдовствующія епархіи настоящихъ пастырей, а не азіатскихъ выходцевъ и аѳонскихъ прелазатаевъ [1]), за какое опущеніе намъ ожидать неминуемаго гнѣва Божія, на страшномъ же судѣ отвѣта; 4) посѣтить съ Павломъ святымъ братію нашу, уповающую, и въ напатствующихъ случаяхъ отраду и руку помощи подать имъ; 5) показать должность и ревность пастырскую, сколь она объ общемъ церковномъ добрѣ попечительна, и, гдѣ надобно, неупустительна». Для этой цѣли Амвросій совѣтуетъ Арсенію исходатайствовать черезъ графа Разумовскаго разрѣшеніе «высокомонаршія очи видѣть» и въ то же время отклоняетъ отъ себя эту честь, какъ «послѣдняго въ числѣ братіи своей», тѣмъ болѣе, что онъ недавно былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ «съ крайнимъ изнуреніемъ для всего общества потрудился и неоднократно самъ и черезъ другихъ утруждалъ». Онъ заявляетъ, что онъ поспѣшилъ оставить Петербургъ между прочимъ потому, что «нечѣмъ себя содержать», а иначе пришлось бы «послѣднюю копѣйку истратить».... «Того ради,—продолжаетъ Амвросій,—по святости и по старости, и по другимъ превосходнымъ дарованіямъ, якоже на Матѳія, такъ паде жребій сей на ваше преосвященство; безъ ласкательства и безъ подлога сія пишу; предъ Богомъ бо и предъ вашимъ преосвященствомъ свидѣтельствуюсь, что тамъ васъ подъ сіе время вмѣсто новоявленнаго чудотворца пріимутъ и во сладость о всемъ послушаютъ: причина сему не токмо у насъ сдѣсь, но и тамъ отличное объ васъ мнѣніе.... Знаю, что ваше преосвященство изволите отрекаться и старостью, и слабостью, или медлительнымъ тамо прожитіемъ: неужели Флавіанъ святый помоложе и покрѣпче васъ былъ, который, для взволновавшейся Антіохіи, и чрезъ моря, и зимою въ Царьградъ потрудился? Кольми же вашему преосвящен-

---

[1]) Амвросій, безъ сомнѣнія, разумѣлъ здѣсь Антонія, царевича Карталинскаго, католикоса Грузіи, съ 23-го ноября 1757 г. архіепископа владимірскаго, отпущеннаго въ Грузію въ декабрѣ 1762 г. (списки Ю. Толстаго, стр. 13 и 80); а также, можетъ быть, недавнія похожденія въ Россіи мелетійскаго епископа Анатолія Мелеса, о которомъ см. біографическій очеркъ Н. И. Григоровича, «Русскій Архивъ» 1870 г., 689—743. В. И.

ству для неповинной всей церкви отъ сего спасительнаго труда отказываться сожалительно... Вѣдаю я, что ваше преосвященство нескоро на сіе пристать изволите, по причинѣ келейныхъ подвиговъ вашихъ; но сами лучше меня изволите знать, что въ подобныхъ случаяхъ всѣ древніе богоподвижники пустыни свои оставлять, затворы отверзать и молчанія на представительства премѣнять, для приведенія въ благосостояніе святыхъ церквей, никогда не отрекались, и по вѣрѣ своей все получали» [1]).

Можно, однако, полагать, что ходатайство «черезъ высокографское сіятельство» все-таки ослабило силу новаго закона; такъ какъ, уже въ 1762 году, императоръ Петръ III, подтверждая это постановленіе, настаивалъ «на дѣйствительномъ исполненіи его и примѣненіи» безъ всякаго изъятія, самымъ дѣломъ. Мало этого, онъ требовалъ, чтобы не только его собственный указъ, но и экстракты изъ протоколовъ конференціи (бывшей при Елисаветѣ) по дѣлу о монастырскихъ имуществахъ «были для всѣхъ учинены извѣстными» [2]). Вотъ почему это дѣло всею своею тяжестью обрушилось на память Петра III, какъ виновника такой жестокой мѣры; а между тѣмъ его распоряженія представляли только повтореніе или дальнѣйшее развитіе того, что̀ уже было выработано русскимъ законодательствомъ въ періодъ отъ Петра Великаго до Елисаветы включительно; только по своей настойчивости и болѣе рѣзкой постановкѣ вопроса, они напоминали скорѣе пріемы перваго, нежели послѣдней. А насколько такая форма представлялась опасною даже для людей, извѣстныхъ своею рѣшительностью и сочувствіемъ къ этому дѣлу, вполнѣ оправдываемому здравою политикою,—можно видѣть изъ признанія «тайнаго секретаря» Петра III, Д. В. Волкова. «Что жъ до внутреннихъ дѣлъ надлежитъ,—пишетъ онъ,—то главные моихъ трудовъ суть три: 1) о монастырскихъ вотчинахъ; 2) о тайной канцеляріи, и 3) пространный указъ о коммерціи. На первый поступалъ я тѣмъ охотнѣе, что и дѣло казалось мнѣ справедливѣе, и радъ я былъ случаю—воздать должную хвалу памяти покойной государыни императрицы. Но, по несчастью,

---

[1]) «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862 г., II, 22—24. Письмо помѣчено 13-мъ января 1758 года.

[2]) П. С. З., XV, 11,441. Указъ отъ 16-го февраля 1762 г. В. И.

перепорчена въ сенатѣ совсѣмъ вся сія исторія» [1]). Такъ писалъ Волковъ вскорѣ послѣ переворота, находясь въ опалѣ, а потому вполнѣ понятно, что онъ старался оправдаться въ дѣлѣ церкви, защитницею правъ которой выступила въ своемъ манифестѣ Екатерина II. Но если признаніе Волкова искренно, то оно показываетъ, что и самъ Волковъ не думалъ идти далѣе желаній Елисаветы, а постановленія Петра III, состоявшіяся при участіи сената въ болѣе рѣшительномъ смыслѣ, находилъ и смѣлыми, и опасными....

Такимъ образомъ, уже 4-го января 1762 г. всѣ дѣла, касавшіяся злоупотребленій по монастырскимъ имуществамъ, были переданы въ особую коммисію, учрежденную Елисаветою [2]); а 7-го февраля, будучи въ сенатѣ, императоръ распорядился о немедленномъ исполненіи постановленія Елисаветы, «дабы, по рѣшенному толь справедливо и предусмотрительно дѣлу, въ совѣтованіяхъ и сношеніяхъ не тратить напрасно время». Результатомъ этого настоянія былъ указъ 16-го февраля, требовавшій исполненія постановленій Елисаветы Петровны, «дабы монашествующихъ, яко сего временнаго житія отрекшихся, освободить отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возобновлялся указъ «славныя памяти государя Петра Великаго», о непостриженіи въ монастыри безъ особливыхъ именныхъ указовъ, для исполненія «во всемъ его содержаніи и силѣ» [3]). Спустя же двѣ недѣли, синодъ получилъ новый указъ, которымъ воспрещалось строить въ партикулярныхъ домахъ церкви, «ибо не умноженіе,—говорится въ немъ,—но благочиніе и содержаніе оныхъ полезно». Указъ этотъ, написанный весьма искусно, мотивировалъ настоящее распоряженіе тѣмъ, что «великое число» домашнихъ церквей, построенныхъ въ Петербургѣ, лишаетъ благолѣпія общенародные соборы и церкви [4]); но, несмотря на то, что онъ былъ вполнѣ согласенъ съ духомъ Регламента Петра Великаго, онъ былъ истолкованъ впослѣдствіи такъ, какъ будто бы

---

[1]) Письмо Волкова къ Г. Г. Орлову, въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ IX, 479—489. Біографическія свѣдѣнія о Волковѣ въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ IX, 163—174.

[2]) П. С. Законовъ, т. XV, № 11,396.

[3]) П. С. Зак. XV, № 11,441.

[4]) Іb. II, 460. **В. И.**

виновники его помышляли о совершенномъ разворенiи церквей, и дѣйствительно разворяли ихъ. «И такимъ образомъ,—читаемъ въ томъ же обвиненiи,—православными владычествовать восхотѣлъ, перво всего начавъ истреблять страхъ Божiй, писанiемъ святымъ опредѣленный началомъ премудрости» [1]). Однако, вскорѣ послѣ этого, какъ своими распоряженiями о церковныхъ имуществахъ, такъ и другими постановленiями по церковному управленiю, Екатерина II доказала, что она не могла идти инымъ путемъ, кромѣ того, какой былъ проложенъ ея предшественниками, и что, въ случаѣ уклоненiя отъ него, она готова была карать нарушителей своихъ требованiй даже болѣе чувствительно, чѣмъ это сообразно было съ ея собственными философскими взглядами. Но возвратимся къ нашему разсказу.

Дѣло, возбужденное при Елисаветѣ, несмотря на свою опасность, не могло оставаться безъ движенiя. Уже въ мартѣ 1762 г. церковныя имущества были поручены вѣдѣнiю коллегiи экономiи, учрежденной въ Москвѣ, и ея конторѣ—въ Петербургѣ. Духовныя лица были отрѣшены отъ управленiя ими и замѣнены штабъ и оберъ-офицерами; монастырскiе и архiерейскiе крестьяне освобождались отъ бывшихъ до сихъ поръ оброковъ, вмѣсто которыхъ съ нихъ былъ опредѣленъ денежный взносъ, наравнѣ съ дворцовыми и казенными крестьянами, а земли, которыя они обработывали прежде на архiереевъ и монастыри, были отданы въ ихъ распоряженiе. Сборъ съ оброчныхъ статей и угодiй, предоставляемыхъ желающимъ, и взносъ съ крестьянъ—должны были впредь поступать въ коллегiю экономiи. Въ распредѣленiи самыхъ суммъ положено было руководствоваться постановленiями Петра Великаго, но духовнымъ властямъ были назначены значительные по тому времени штаты: такъ, архiереямъ: новгородскому, с.-петербургскому и московскому—опредѣлено было выдавать по 5000 р. с., остальнымъ 23 архiереямъ по 3000 р., архiереямъ же, засѣдавшимъ въ синодѣ, добавлялось сверхъ того по 2000 р.; на содержанiе семинарiй (въ 26 епархiяхъ) было положено 78,000 р. Монастыри были раздѣлены на три класса, причемъ содержанiе ихъ настоятелямъ, сравнительно съ положенiемъ Петра Великаго, также увеличено (150—500 р.), а прочимъ монахамъ опредѣле-

[1]) П. С. Законовъ, № 11,582. В. И.

но жалованье. Дѣла, возникшія до того, между крестьянами и духовными владѣльцами, велѣно было прекратить, за исключеніемъ дѣлъ о смертоубійствѣ; но всѣ поборы, взятые съ крестьянъ духовными управителями сверхъ положеннаго, велѣно было взыскать съ послѣднихъ и возвратить крестьянамъ; офицерамъ же, назначеннымъ для управленія въ монастырскія вотчины, было опредѣлено жалованье, «дабы, безъ всякихъ къ крестьянству приметокъ и отягощенія, порядочно должности свои отправляли», и десятая часть «отъ приращенія», если умножатъ доходы съ оброчныхъ статей и отъ всего, «кромѣ крестьянъ, безъ наималѣйшаго имъ отягощенія». Остатки отъ суммъ, собранныхъ съ имуществъ, по-прежнему, предназначались на содержаніе богадѣленъ и инвалидовъ [1]).

Такая настойчивость, со стороны правительства, ручалась за быстрое исполненіе новыхъ мѣръ. О приведеніи ихъ въ исполненіе, губернаторы и воеводы обязаны были доносить коллегіи экономіи. И когда открылись въ псковской епархіи поборы съ крестьянъ, то императоръ немедленно распорядился изслѣдовать это дѣло [2]). Штелинъ утверждаетъ, что императоръ самъ принималъ весьма близкое участіе въ проектѣ о церковныхъ имуществахъ, разсматривалъ его въ своемъ кабинетѣ и дѣлалъ на него свои замѣчанія [3]).

Вполнѣ понятно, что тѣ, къ кому относились эти мѣры, не могли равнодушно смотрѣть на все совершавшееся вокругъ нихъ. Сохранился весьма характеристическій документъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ хозяйственно велась монастырская экономія.

---

[1]) Полн. Собр. Зак., XV, № 11,486 и дополнит. ук. отъ 1-го апрѣля, № 11,498. Въ это время въ монастыряхъ содержалось 1358 отставныхъ офицеровъ и солдатъ, которымъ производилось жалованья въ годъ 12,464 р. и 3,333 четв. хлѣба.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 11, 493 (ук. 4-го апрѣля). При этомъ было подтверждено—объявить о строжайшемъ выполненіи изданнаго закона, чтобы «съ крестьянъ во всѣхъ епархіяхъ никакихъ сборовъ не чинить, посланныхъ же отъ духовныхъ властей для взысканія—изъ тѣхъ вотчинъ выслать». Дѣйствительно, сенатъ поспѣшилъ обнародовать указъ по этому предмету (указъ 6-го апрѣля, № 11,498).

[3]) По словамъ Штелина, въ проектѣ этого манифеста между другими доводами были приведены и слова Евангелія: «взгляните на птицы небесныя; онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы» и пр. Записки Штелина, въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. исторіи», 1866, IV, смѣсь, 103. В. И.

Актъ этотъ принадлежитъ одному изъ небольшихъ монастырей сѣверо-восточной Россіи, именно Угличскому Николо-улейминскому, и относится ко времени, предшествовавшему указанной коренной реформѣ монастырскаго быта. Такъ, по ревизіи, бывшей въ 1744 году, этому монастырю принадлежали: село Дуброво и село Нефедьево съ деревнями и пустошами; въ нихъ разночинцевъ, крестьянъ и бобылей считалось 1,579 душъ; у монастыря было стоялыхъ мериновъ 25, кобылъ 19, жеребенковъ 8, жеребятъ 4, коровъ 11, телицъ 2, быкъ 1, телятъ 8, овецъ 26, ягнятъ приплодныхъ, ярочекъ и барашковъ 24, козелъ 1. Наличнаго хлѣба было: ржи 463 четв. и 3 четверика, овса 84 четв. и 5 четериковъ, ячменя 12 четвертей. Слѣдующая же запись монастырскаго казначея (составл. въ 1761 г.) знакомитъ насъ съ подробностями самаго хозяйства. Въ ней читаемъ:

«Копали въ монастырѣ подъ всякой овощь въ монастырскихъ огородахъ гряды, по три дня, по сту человѣкъ на день. При томъ копаніи, для возки навозу, въ одинъ день, подводъ имѣлось двадцать. Огребали въ монастырѣ щепы одинъ день съ подводами 376; орали, подъ яровой хлѣбъ, пашню одинъ день на 752 подводахъ; боронили одинъ день на 376 подводахъ; пахали яровую пашню одинъ день на 752 подводахъ; обирали, въ монастырскихъ поляхъ и пустошахъ, покосъ пѣшіе одинъ день 376 человѣкъ; возили въ монастырскія поля съ монастырскихъ дворовъ навозъ одинъ день на 752 подводахъ; при нихъ наметывальщиковъ имѣлось одинъ же день 376 человѣкъ; орали подъ паръ монастырскую пашню одинъ день на 752 подводахъ; боронили 376 человѣкъ; косили, въ монастырскихъ поляхъ и пустошахъ, пять дней по 376 человѣкъ на день, пѣшіе; гребцовъ имѣлось по тому же числу на день; метальщиковъ въ стоги съ подводами по 188 на день, да пѣшихъ по тому же числу на день; пахали озимную подъ рожь одинъ день на 376 подводахъ; боронили по тому же числу; жали въ монастырскомъ полѣ рожь пѣшіе одинъ день 1128 чел; жали монастырской же яровой всякой хлѣбъ одинъ день 1128 чел.; возили ржаные и яровые снопы два дни по 376 подводъ на день; молотили монастырскую рожь и ярь по 8 овиновъ на день 60 утръ; а на утро бываетъ молотильщиковъ съ подводами по 16; да пѣшихъ по 80 на день; рубили въ монастырь про монастырскій расходъ капусту 10 дней, по 30 чело-

вѣкъ; варили про монастырскій расходъ квасъ 10 варь, по 4 дни варь, по 4 человѣка на день; варили же про монастырскій расходъ пива 6 варь, по 6 дней варь, по 4 человѣка на день; возили на монастырскій конюшенный и скотный дворъ, въ разныя времена, изъ монастырскаго гумна, ржаную солому въ 12 дней, по 30 подводъ на день; возили изъ монастырскихъ полей и пустошей на конюшенный и скотный дворы сѣна, въ разныя времена, 5 дней, по 376 подводъ на день; свозили съ конюшеннаго и скотнаго дворовъ, съ плоскихъ навѣсовъ, снѣгъ одинъ день, на 376 подводахъ; набивали монастырскіе три погреба снѣгомъ одинъ день, на 376 подводахъ; возили изъ монастырскихъ лѣсовъ на всякія починки бревна, тесъ и слеги, въ разныя числа, по 50 подводъ на день и больше; и того бываетъ въ годъ по 752 подводъ; для всякаго монастырскаго деревяннаго строенія вновь, и старой починки пѣшіе, въ разныя времена, по 30 человѣкъ на день и больше; и того бываетъ въ годъ по 752 человѣкъ; да при томъ строеніи бываетъ для возки изъ костровъ бревенъ, по 10 подводъ на день и больше, и того по 94 подводы въ годъ; и того вышеописанныхъ работниковъ въ 1761 г. во всякихъ монастырскихъ работахъ, въ разныя времена, въ годъ имѣлось съ подводами 11,398, да нѣшихъ 14,540» [1]).

Нельзя не замѣтить, что освобожденіе крестьянъ отъ вотчинной власти духовенства, съ указанными льготами и поземельнымъ надѣломъ, имѣетъ гораздо болѣе права на вниманіе, нежели послѣдовавшее при Екатеринѣ II отобраніе церковныхъ имуществъ, самое назначеніе которыхъ не соотвѣтствовало надлежащей цѣли. Вотъ почему, въ возникшемъ затѣмъ крестьянскомъ движеніи могло сложиться мнѣніе, что секуляризація церковныхъ имуществъ при Петрѣ III была началомъ освобожденія крестьянъ отъ тяжкой зависимости,—мысль, съ которою пришлось уже бороться преемницѣ Петра III, такъ прекрасно разсуждавшей о человѣческихъ правахъ крѣпостнаго крестьянина, какъ «персоны» [2]).

[1]) «Ярослав. Епарх. Вѣдомости» 1864 г., № 3, стр. 27—28.

[2]) См. интересное замѣчаніе Екатерины II (собственноручное) на мнѣнія нѣкоторыхъ членовъ «комиссіи Уложенія», у Соловьева, XXVII, примѣч. 74. О крестьянскомъ движеніи при Екатеринѣ II—статьи В. И. Семевскаго въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Старинѣ» 1876 и 1877 годовъ.

Вѣрная оцѣнка законодательства Екатерины II относительно крестьянъ сдѣлана И. Д. Бѣляевымъ въ соч. «Крестьяне на Руси», М. 1860, 317—321. **В. И.**

Но если мѣра Петра III могла вызвать величайшій восторгъ у представителя тогдашней европейской публицистики—Вольтера, то она, съ другой стороны, какъ громомъ поразила ту часть духовенства, къ которой непосредственно относилась. Иностранные резиденты, бывшіе тогда въ Петербургѣ, считали необходимымъ сообщить объ этомъ неудовольствіи своимъ правительствамъ; но послѣднее еще усиливалось распоряженіемъ Петра III о привлеченіи къ рекрутской повинности дѣтей священниковъ [1]), хотя оно было только повтореніемъ постановленій, изданныхъ въ прежнее время. Замѣчательно, что и теперь во главѣ недовольныхъ дѣйствіями правительства, относительно церковныхъ имуществъ, является тотъ же Арсеній; къ нему-то обращаются съ своими заявленіями противники реформы. Мы не будемъ называть эту партію «патріотическою», какъ дѣлаютъ это нѣкоторые писатели по данному вопросу, опирающіеся въ своихъ историческихъ приговорахъ на авторитетъ Стурдзы, а потому обличающіе и г. Соловьева въ недостаткѣ «должнаго освѣщенія фактовъ» [2]). Мы ограничимся только изложеніемъ этихъ послѣднихъ.

Вотъ что писалъ Арсенію, въ іюнѣ 1762 г., московскій митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, также родомъ малороссъ: «Бодрый и великодушный архіерей Божій! Истинный благодѣтель мой! Съ принятія вожделѣннаго вашего письма прошедшаго мая 30-го дня, съ Ростова отпущеннаго, въ которомъ ваше преосвященство братскую свою любовь объявляете, не малую я радости возъимѣлъ причину, увѣдомившись изъ онаго и о здравіи вашего преосвященства. Что же касается до упомянутой въ писаніи вашего преосвященства печали, nunc, non solum vestram sanctitatem, sed omnes nos dolenda ista tetigit metamorphosis, quae vitam nostram ad gemitus et dolores ducit. И за оную вашего святительства братскую любовь, какъ въ воспоминовеніе меня у престола Божія, такъ и въ прочемъ являемую, благодаря, поклонъ мой и взаимное въ желаніи вашему преосвященству всѣхъ благосчастливыхъ сукцессовъ искренне мое братское свидѣтельствую усердіе, пребывая навсегда

---

[1]) Депеша англійскаго посла Кейта: La cour de la Russie, il y a cent ans, 184.

[2]) Напримѣръ, авторъ статьи объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ въ «Русской Старинѣ» 1876 г., книга IV-я (г. Н. И. Барсовъ). В. И.

тимъ (тѣмъ), какъ всеусердный мой изображаетъ каламусъ истинные наружности отъ сердечнаго афекта»... [1]).

Другое письмо того же Тимоѳея къ Арсенію знакомитъ уже съ результатомъ распоряженій Петра III и отношеніемъ къ происшедшей реформѣ самихъ монастырскихъ крестьянъ, которымъ, подъ владычествомъ духовныхъ управителей, какъ видно, жилось не особенно привольно. «Августа 1-го дня принялъ я писаніе вашего преосвященства всеприятно,—пишетъ Тимоѳей.—Въ коемъ объявленныя, въ прошедшемъ времени послѣдовавшія несчастныя приключенія читалъ не безъ сожалѣнія. Въ (У) насъ въ отдаленныхъ только мѣстахъ такимъ образомъ поступлено, и скотъ по описи весь взятъ. А въ Москвѣ сихъ наглостей не видѣли. Лошади, хотя всѣ описаны, однакъ, и понынѣ не отобраны и остались подъ вѣдѣніемъ нашимъ. Но и намъ сія отрада не велика, ибо съ другой стороны не безъ жалости видѣть можно, что въ вотчинахъ, отъ тѣхъ же нашихъ крестьянъ, невозвратныя подѣланы разоренія, лѣса порублены, сѣно наличное расхищено, мелкій скотъ и птицы индѣ прежде описи еще побраны, а индѣ при описи искоренены, въ прудахъ рыба выловлена. И какія только вообразить можно, подѣлали какъ при описи бывшіе офицеры, такъ и сами крестьяне опустошенія. Да

---

[1]) Переписка Арсенія, захваченная во время его ареста при Екатеринѣ II, хранится въ архивѣ синода (Соловьевъ, XXV, примѣч. 143) при его дѣлѣ и была издана отчасти въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи» (1862), отчасти въ «Днѣ» 1864 г. (№ 39). Вновь она напечатана г. Барсовымъ въ «Русской Старинѣ» 1876 г., томъ XV. Латинскія фразы въ письмахъ къ Арсенію были переведены «синодальнымъ переводчикомъ» Григоріемъ Полетикой, переводъ котораго также присоединенъ къ дѣлу. Приведенное здѣсь мѣсто передается такъ: «Нынѣ не токмо вашу святыню, но и всѣхъ насъ печальная сія тронула перемѣна, которая жизнь нашу ведетъ къ воздыханіямъ и болѣзнямъ». Противъ этого мѣста рукою митрополита Тимоѳея написано на полѣ: «in patientia nostram servemus animam: pro omni Supremo Regi Regum at Domino Dominantium devote ac magnanimo de flammantibus praecordiis agendae sunt gratiae. Sit de merito digni vivendo pervenimus» (въ переводѣ: «Въ терпѣніи стяжимъ душу нашу. За все вышнему царю царствующихъ и Господу господствующихъ благоговѣйно и великодушно благодарить должно. До сего дожили мы по заслугамъ нашимъ»).

Письмо это, помѣченное іюнемъ 1762 года («День», 1864 г., № 39, стр. 8), неправильно отнесено Н. И. Барсовымъ ко времени Екатерины II, такъ какъ, очевидно, оно передаетъ впечатлѣніе, произведенное на высшее духовенство реформою Петра III. В. И.

и при Москвѣ въ Черкизовскомъ моемъ прудѣ не однажды описатели дерзостно рыбу ловили, однако, не одиножды за то и смѣняемы были. Въ такихъ-то смутительныхъ обстоятельствахъ одна только суть отрадою—надежда»—надежда, безъ сомнѣнія, на близкую перемѣну, которая должна была произойти съ вступленіемъ на престолъ Екатерины II (письмо отъ 2-го августа 1762 года [1]).

Возникшее, вслѣдствіе распоряженій Петра III, неудовольствіе духовенства должно было усилиться и вслѣдствіе другихъ причинъ. Еще 26-го марта синоду былъ данъ слѣдующій указъ: «Уже съ давняго времени, къ нашему неудовольствію, а къ общему соблазну, примѣчено, что приходящіе въ синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики, по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ, обыкновенно безъ всякаго рѣшенія, къ тѣмъ же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ синодѣ или не исполняется существительная онаго должность, или же, и того хуже, дѣлается одна только потачка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ были препровождены въ синодъ челобитныя, по которымъ не состоялось рѣшенія съ 1754 г., несмотря на именные указы по этимъ дѣламъ. Затѣмъ въ томъ же указѣ говорится: «мы видимъ, какія тому причины могутъ быть поводомъ; но оныя соблазнительнѣе еще самаго дѣла. Кажетея, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ синоду чрезъ сіе стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить

---

[1]) На полѣ, въ концѣ этого письма, сдѣлана приписка: «Spes alit aliquando aliter agit. Spes mutat discordia fratrum» (Надежда питаетъ и когда иначе поступаетъ. Надежду перемѣняетъ несогласіе братій), а къ нему приложена слѣдующая записочка: «Diphtongum, ex duabus vocalibus in unum coalescentem, in varias dividere, discensu suo nostrates in unum non habitantes, vocales. Superi clementissimi de nostra, in possidendis ruribus calamitate adjuvent propituis (Двогласную букву, составляемую изъ двухъ гласныхъ, на разныя гласныя буквы раздѣлили несогласіемъ своимъ наши несогласно живущіе. Всеблагій Богъ да поможетъ намъ въ бѣдствіи нашемъ возвращеніемъ въ наше владѣніе деревень»). В. И.

и не только по сим двум челобитным немедленно рѣшеніе сдѣлать, но и всегда по подобным здѣсь же рѣшить, нашим императорским словом чрез сіе объявляя, что малѣйшее нарушеніе истины наказется как злѣйшее государственное преступленіе, а сей указ не токмо для всенароднаго извѣстія напечатать, но в синодѣ к настольным указам присовокупить» [1]).

Приведенный акт был только вѣрным изображеніем дѣйствительности, общія черты которой нам уже извѣстны; но подобный способ обращенія императора к духовенству мог возбуждать новыя опасенія в средѣ послѣдняго, а между тѣм новое правительство далеко не отличалось необходимою в подобных случаях прочностію. Несмотря на это, дѣятельность правительства в означенном направленіи оставалась неизмѣнною до конца. Она напоминала собою, до извѣстной степени, строгое и послѣдовательное развитіе церковной реформы Петра Великаго. Смѣлыя мысли Духовнаго Регламента в свое время производили неменьшую сенсацію в противниках реформы, но послѣдующія постановленія Петра I о монашествѣ, сопровождавшіяся неменѣе откровенными заявленіями о его жизни, представляли необходимое дополненіе к Регламенту; а его распоряженія о церковном благочиніи отличались даже весьма рѣзкими замашками. Тѣм не менѣе, в это время синод был уже таким строгим исполнителем воли преобразователя, что даже сенаторы считали нужным заявить, что от разворенных часовен валяется множество крестов и глав, отчего народ соблазняется, и что крестных ходов можно было не запрещать; а если синодальным членам нѣт времени совершать их, то для этой цѣли можно было опредѣлить свободных лиц из духовенства. Указ синоду 1724 г. о том, чтобы послѣдній озаботился составить краткое изложеніе ученія вѣры, причем были бы строго отдѣлены основныя положенія вѣроученія от преданій и позднѣйших толкованій, и обращено главное вниманіе

[1]) Этот указ хранится в государственном архивѣ (Соловьев, XXV, 80 и примѣч. 63), но в послѣднее время напечатан дважды: сначала в «Русской Старинѣ», издан. 1872 г. (том VI, 567—68), а потом у Соловьева (loc. cit.). В Полное Собраніе Законов, как и многіе акты, имѣющіе историческое значеніе (напр. манифест Екатерины II, от 6 іюля 1762 г., относящійся к Петру III), он не вошел. В. И.

на нравственную сторону жизни,—показываетъ, что реформа не должна была ограничиваться однимъ административнымъ порядкомъ. Извѣстно также, что Петръ Великій не побоялся сдѣлать распоряженіе «о собраніи римскаго, лютеранскаго и кальвинскаго катехизисовъ и прочія книгъ церковныхъ дѣйствъ», переводѣ ихъ на славянскій языкъ и напечатаніи для общаго свѣдѣнія. Подобные факты могли подавать надежду и Петру III на осуществленіе его намѣреній; но быстрый крутой поворотъ, замѣченный уже въ первыхъ его дѣйствіяхъ, при склонности самого императора къ протестантизму, долженъ былъ производить иное впечатлѣніе не только на духовенство, но и на ближайшую къ нему среду; тѣмъ болѣе, что его прежнее поведеніе далеко не отличалось необходимою сдержанностью [1]). Такимъ образомъ въ дѣйствіяхъ императора скоро усмотрѣли «намѣреніе перемѣнить совершенно религію»; по словамъ же Болотова, эти дѣйствія наиболѣе возбуждали ропотъ и негодованіе въ народѣ. «Между тѣмъ, —говоритъ Болотовъ,—онъ призвалъ однажды къ себѣ первенствующаго архіерея (новгородскаго) Димитрія Сѣченова и приказалъ ему, чтобы въ церквахъ оставлены были только иконы Спасителя и Богородицы, а другихъ бы не было; также чтобы священники обрили бороды и носили платье, какъ иностранные пасторы. Нельзя изобразить, какъ изумился этому приказанію архіепископъ Димитрій. Этотъ благоразумный старецъ не зналъ, какъ и приступить къ исполненію такого неожиданнаго повелѣнія, и усматривалъ ясно, что государь имѣлъ намѣреніе перемѣнить православіе на лютеранство. Онъ принужденъ былъ объявить волю государеву знатнѣйшему духовенству, и, хотя дѣло на этомъ до времени остановилось, однако произвело во всемъ духовенствѣ сильное неудовольствіе, содѣйствовавшее потомъ очень много перевороту» [2]). Поведеніе же императрицы въ это время, по сло-

[1]) Говорятъ, что, будучи великимъ княземъ, онъ выражалъ свое расположеніе къ духовенству, во время богослуженія, неприличными жестами. Mémoires de la princesse Dachkoff, I, 41.

[2]) Записки Андрея Тимофеевича Болотова, изданная редакціей «Рус. Ст.», II, 171—173.

Вѣроятно, къ указаннымъ выше обстоятельствамъ относится слѣдующая записка Петра III извлеченная А. М. Лазаревскимъ изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго графу А. С. Уварову, конца XVIII в., слѣдующаго содержанія:

В. И.

вамъ другаго очевидца, составляло совершенную противоположность: «Никто усерднѣе ея не выполнялъ обязанностей относительно покойной императрицы, предписываемыхъ греческимъ духовенствомъ»—говоритъ Бретейль. «Духовенство и народъ были этимъ очень тронуты. Она строго выполняла праздники, посты, все, къ чему императоръ относился легкомысленно» [1]). Такимъ образомъ, неудовольствіе духовенства противъ императора вскорѣ сообщилось народу. Въ депешѣ къ Фридриху II, отъ 25 мая, Гольцъ, между прочимъ, писалъ: «Духовенство, повергнутое въ отчаяніе указомъ, изданнымъ въ началѣ царствованія, по которому оно лишилось всѣхъ своихъ имѣній, подало императору представленіе на русскомъ и латинскомъ языкахъ, жалуясь въ немъ на насиліе и странныя дѣйствія, причиненныя этимъ указомъ, поступковъ, которыхъ оно не могло ожидать даже отъ варварскаго правительства, а теперь вынуждено терпѣть ихъ отъ правительства православнаго, и это тѣмъ печальнѣе, что духовныя лица терпятъ такое насиліе потому только, что они суть служители Божіи. Эта бумага, подписанная архіепископами и значительнымъ числомъ духовныхъ лицъ, составлена въ самомъ сильномъ тонѣ. Это скорѣе протестъ противъ государя, чѣмъ просьба къ нему. Донесенія, полученныя вчера и третьяго дня, отъ воеводъ отдаленныхъ областей, свидѣтельствуютъ о стараніи духовенства возбудить народъ противъ государя. Въ донесеніяхъ говорится, что духъ мятежа и неудовольствія до того усилился, что воеводы не зна-

---

«1) Чтобъ дать волю во всѣхъ законахъ (вѣроисповѣданіяхъ), и какое у кого ни будетъ желаніе, то не совращать.

«2) Принять вообще всѣхъ западныхъ и чтобъ ихъ не имѣли въ поруганіи и проклятіи.

«3) Уреченные посты вовсе прекратить и чтобъ не почитать въ законъ, но въ произволство.

«4) О грѣсѣ прелюбодѣйномъ не имѣть никому осужденія, ибо и Христосъ не осуждалъ.

«5) Всѣхъ вашихъ здѣшнихъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ причислить моему державству, а вмѣсто ихъ мое собственное на жалованье дать.

«6) Чтобъ дать волю во всякихъ моихъ мѣрностяхъ (мѣропріятіяхъ), и что ни будетъ отъ насъ впредь представлено, не препятствовать».

Въ концѣ замѣчено. «Такое мнѣніе было дано и собственною рукою его подписано и въ синодъ представлено іюня 25 дня 1762 году» («Русскій Архивъ», 1871 г. столбецъ 2055). В. И.

[1]) La cour de la Russie, 188. Ср. Записки Дашковой, гл. III.

ютъ, какія мѣры предпринять, и потому требуютъ наставленій отъ правительства». [1]). Есть указаніе, что Арсеній Мацѣевичъ посылалъ отъ себя протестъ противъ распоряженій Петра III, который привелъ будто-бы императора «въ великій азартъ», но рѣшенія по этому дѣлу постановлено не было [2]). По другому же извѣстію, Димитрій Сѣченовъ за свой протестъ былъ удаленъ, однако вскорѣ опять возвращенъ на свое мѣсто, изъ страха передъ народнымъ неудовольствіемъ [3]). Подобные факты не могли быть забыты, когда переворотъ совершился.

V.

Въ приговорѣ новаго правительства прежнему порядку, на первомъ планѣ стояли обвиненія за нарушеніе церковныхъ уставовъ. «Законъ нашъ православный греческій первѣе всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона» [4]),—читаемъ въ манифестѣ, составленномъ Тепловымъ по прибытіи Екатерины II въ Петербургъ; а спустя недѣлю былъ объявленъ въ сенатѣ новый обвинительный манифестъ, въ которомъ заявлялось, что Петръ III «коснулся перво всего древнее православіе въ народѣ искоренять своимъ самовластіемъ, оставивъ своею персоною церковь Божію и моленіе, такъ что когда добросовѣстные изъ его подданныхъ, видя его иконамъ непоклоненіе и къ церковнымъ обрядамъ презрѣніе или паче ругательство, приходя въ соблазнъ, дерзнули ему о томъ напомянуть, съ подобострастіемъ въ осторожность,—то едва могли избѣгнуть тѣхъ слѣдствій, которыя отъ самовольнаго, необузданнаго и никакому человѣческому суду не подлежащаго властителя произойти бы

[1]) Депеши Гольца, извлеченныя изъ государственнаго архива въ Берлинѣ Г. В. Есиповымъ, напечатаны въ прилож. (№ XV) къ соч. П. К. Щебальскаго: «Политическая система Петра III», стр. 58.

[2]) Матеріалы объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, въ «Чтен. Моск. Общ. исторіи» 1862 г., II, 18. Впрочемъ это извѣстіе, какъ увидимъ ниже, не подтверждается.

[3]) Castéra. Histoire de Cathérine II, t. II, 273.

[4]) Полное Собраніе Законовъ, № 11,582. **В. И.**

могли. Потомъ началъ помышлять и о раззореніи самыхъ церквей....» [1]) Въ промежуткѣ этихъ двухъ заявленій, Екатерина распорядилась уже, чтобы сенатъ имѣлъ разсужденіе о духовенствѣ, какъ бы ему учинить «удовольствіе къ его содержанію». Но духовенство, не дожидаясь какого-нибудь неопредѣленнаго рѣшенія, поспѣшило само подать прошеніе объ отдачѣ ему во владѣніе вотчинъ, а императрица передала это прошеніе (5 іюля) на обсужденіе сената, съ тѣмъ, чтобы послѣдній представилъ ей по настоящему дѣлу свое мнѣніе. Затѣмъ, 9 іюля 1762 г., Екатерина повелѣла распечатать домовыя церкви, закрытыя въ предшествовавшее царствованіе.

Чтобы оцѣнить впечатлѣніе, произведенное на духовенство первыми дѣйствіями Екатерины, намъ необходимо снова обратиться къ перепискѣ уже извѣстныхъ намъ духовныхъ лицъ. Такъ, узнавъ о перемѣнѣ въ судьбѣ бывшаго Елисаветинскаго канцлера, графа А. П. Бестужева-Рюмина, призваннаго къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, Арсеній Мацѣевичъ поспѣшилъ (12 іюля) написать ему о дѣлѣ, столь интересовавшемъ духовную іерархію «Не надлежало бы мнѣ утруждать теперь ваше высокографское сіятельство просьбою,—пишетъ онъ,—однако крайняя нужда влечетъ, яко за отобраніемъ нынѣ отъ дома архіерейскаго и отъ монастыря вотчинъ, приходится съ голоду умирать, понеже хлѣбъ у насъ весь былъ по вотчинамъ въ житницахъ, а при себѣ, въ самомъ домѣ архіерейскомъ, не держанъ, кромѣ какъ только на пищу молотый. А какъ указъ застигъ, то воевода ростовскій тотчасъ по всѣмъ вотчинамъ житницы опечаталъ, и скотъ, и птицы описавши, въ свою команду взялъ, оставивъ меня со всѣмъ духовенствомъ и мірскими служителями безъ пропитанія, и не токмо будетъ ѣсть нечего, когда смолотое и лежавшее въ сушилахъ пріѣдимъ, но и литургіи святой служить нечѣмъ и некому—всѣ принуждены идти съ нищими въ міръ. Всепокорно прошу показать милость къ домамъ Божіимъ, дабы стараньемъ вашимъ возвращены вотчины были по-прежнему. Лошадей хотя малое

[1]) Собраніе манифестовъ и указовъ Екатерины II 1762—1763 гг., изд. при Сенатѣ, въ 1764 г. весьма рѣдкое изданіе. (Есть экз. у М. П. Семевскаго). В. И.

число очень оставлено у насъ, да и тѣхъ будетъ нечѣмъ кормить: не жаль того, что лошади у насъ, всѣ, съ кобылицами и малыми жеребятами, нарочнымъ полковникомъ, изъ военной коллегіи присланнымъ, отобраны и въ Петербургъ сведены, только жаль того, что заводъ, отчасти славный въ государствѣ, совсѣмъ переведенъ и отъ насъ не въ прислугу высоко-монаршей власти, но какъ бы за вину нѣчто конфискованное отобрано».

Но и въ этомъ случаѣ сказалось больное мѣсто Арсенія, неразъ боровшагося противъ воеводъ въ Сибири и не ладившаго съ ними въ Ростовѣ. Обращаясь съ такимъ важнымъ ходатайствомъ къ Бестужеву, онъ спѣшилъ принести при этомъ и свою личную просьбу: «Въ Ростовѣ у насъ воеводою надворный совѣтникъ Петръ Протасьевъ: не возможно-ли постараться его отсюда перемѣнить» [1]).

И переписка между русскими іерархами за это время, какъ видно, оживилась. Почти одновременно съ этимъ письмомъ Арсеній успѣлъ уже получить письмо отъ своего друга Крутицкаго (бывшаго Переяславскаго) архіепископа Амвросія (отъ 15 іюля 1762 г.), слѣдующаго содержанія: «За отеческое ваше писаніе много благодарствую, отъ усердія моего поздравляю общею радостью со вступленіемъ ея величества на всероссійскій престолъ. Слава Богу, что мы всѣ отъ мысленнаго нга избавленіе получили, а теперь, какъ изъ манифеста изволите усмотрѣть, къ сентябрю мѣсяцу просимъ и ваше преосвященство къ намъ въ Москву пожаловать и намъ о извѣстномъ дѣлѣ помогать, а паче въ богоугодныхъ своихъ къ Богу молитвахъ о томъ напомянуть, которымъ и самого себя препоручаю» [2]). Письмо митрополита Тимоѳея, съ выраженіемъ надежды на скорую перемѣну въ ихъ общемъ дѣлѣ, намъ уже извѣстно. Такъ какъ въ сентябрѣ должна была совершиться коронація Екатерины въ Москвѣ, то этимъ объясняется и назначенный Амвросіемъ терминъ съ приглашеніемъ Арсенія принять участіе въ общемъ

---

[1]) Въ государственномъ архивѣ. Напечатано въ «Днѣ» 1862 г., № 16, стр. 3, статья Соловьева, и въ Исторіи Россіи, XXV, 146—147.

[2]) «День», 1864 г., № 39, стр. 8, сообщ. Н—въ. В. И.

совѣщаніи. Пока же представители іерархіи не замедлили открыто заявить свое сочувствіе вступленію Екатерины II на престолъ. Димитрій Сѣченовъ, первенствующій членъ синода, приглашалъ ее возсѣсть на престолъ предковъ, какъ «защитницу отечества и благочестія». «...Видѣла,—говорилъ онъ далѣе,—матерь свою—св. церковь бѣдствующую и озлобляемую, восхотѣла отъ страха и вредныхъ перемѣнъ избавить; не допустила отечеству прійти въ наглое расхищеніе, въ горесть и воздыханіе; не дала Россіи быть отъ супостатовъ въ посмѣхъ, въ стыдъ и поношеніе». По его словамъ, одно сожалѣніе о страждущихъ церкви и отечествѣ побудило Екатерину на такой подвигъ; и на медаляхъ, выбитыхъ въ честь этого торжества, были сдѣланы изображенія, символически представлявшія избавленіе «православія и отечества» отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій съ многозначительною надписью: «За спасеніе вѣры и отечества» [1]).

Екатерина платила духовенству тою же монетою. Сохранилась весьма интересная записка ея (за время пребыванія въ Москвѣ) къ секретарю Елагину о недозволеніи на придворной сценѣ представленій языческаго характера, какъ противныхъ христіанской нравственности. «Россія,—пишетъ она,—бывъ просвѣщена святымъ крещеніемъ, тому слишкомъ 1000 лѣтъ назадъ (sic), не можетъ въ XVIII вѣкѣ приносить, и то еще въ домѣ ея благочестивыя императрицы, жертвы богамъ римской республики, которыхъ она не знала, бывъ погружена и въ идолопоклонничество. Я, когда сюжеты вообще суть того вѣка, когда идоламъ приносили жертвы, страдаю всегда, видя то на театрѣ, хотя иногда для костюма того избѣгнуть не можно. И того ради я желаю, чтобы прологъ весь («непостижимость судьбы») былъ оставленъ» [2]). Такой отзывъ императрицы о языческихъ представленіяхъ, съ юныхъ лѣтъ воспитывавшейся на Вольтерѣ, получаетъ въ нашихъ глазахъ особенное значеніе. Дѣйствительно, когда, вскорѣ по восшествіи на престолъ Екатерины, разсматривалось въ сенатѣ дѣло о допущеніи въ Россію евреевъ, и всѣ

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 157—160.

[2]) «Сборникъ русскаго историческаго общества», VII, 156. В. И.

сенаторы были согласны на это, за исключеніемъ князя Одоевскаго, напомнившаго императрицѣ резолюцію императрицы Елисаветы («отъ враговъ христовыхъ не желаю интересной прибыли»), то Екатерина, какъ она сама разсказываетъ, «затруднилась, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, изъявить свое согласіе», а распорядилась отложить самое дѣло [1]). «Надо замѣтить,—пишетъ она,—что еще не прошло недѣли со вступленія на престолъ Екатерины; она возведена была на оный для обороны православнаго закона; ей приходилось имѣть дѣло съ народомъ благочестивымъ, съ духовенствомъ, которому еще не возвращены были его имѣнія, и которое, вслѣдствіе этой дурно принаровленной мѣры, не знало, чѣмъ ему пробавляться. Умы, какъ всегда случается послѣ переворота, столь великаго, находились въ сильномъ волненіи. Начать свое царствованіе допущеніемъ евреевъ—вовсе не было средствомъ къ успокоенію умовъ, объявить его вреднымъ—было тоже невозможно... Такъ-то не рѣдко случается, что недостаточно быть просвѣщенну, имѣть наилучшія намѣренія и даже власть исполнить ихъ. И тѣмъ не менѣе умное поведеніе часто подвергается безразсуднымъ толкамъ» [2]). Точно также, спустя нѣкоторое время (6-го сентября 1763), она обратила вниманіе на появленіе въ обществѣ соблазнительныхъ книгъ. «Слышно,—писала она,—что въ академіи наукъ продаютъ такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ и россійской націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ напримѣръ, Эмиль Руссо, Меморіи Петра III, письма жидовскія по французскому и много подобныхъ», и, подъ страхомъ конфискаціи ихъ, она запретила продажу подобныхъ книгъ, причемъ поручила цензуру книгъ, выписываемыхъ изъ-за границы, академіи наукъ и московскому университету [3]).

---

[1]) Полное Собраніе Зак., т. XI, № 8,840. Первое дозволеніе евреямъ селиться въ Россіи и притомъ только въ Новорос. краѣ—было дано 16-го ноября 1769 г. (П. С. Зак., № 13,383).

[2]) «Рус. Архивъ», 1865 г. Разсказъ Екатерины II о своемъ царствованіи, стр. 492—494.

[3]) «Сборникъ русскаго историческаго общества», VII, 318. **В. И.**

Но, при вступленіи на престолъ Екатерины II, ея политическіе идеалы уже вполнѣ сложились. Вотъ что писала она въ одной изъ своихъ записокъ, относящейся еще къ предшествовавшему времени: «Не слѣдуетъ дѣлать ничего безъ правилъ и разума, ни руководить себя предразсудками; уважать вѣру, но никакъ не давать ей вліяніе на государственныя дѣла; изгонять изъ совѣта все, что отзывается фанатизмомъ, и извлекать, по возможности, пользу изъ всякаго положенія для блага общественнаго—это есть основаніе китайской имперіи, самой прочной изъ всѣхъ извѣстныхъ въ свѣтѣ» [1]). «Я часто читала,—говоритъ она далѣе,—что прежде въ католическихъ странахъ многіе изъ свѣтскихъ владѣли церковными доходами. Я удивляюсь, что государи были довольно дурными политиками, допустивъ уничтоженіе этого обычая соборами». Но та школа, которую ей пришлось пройти при дворѣ Елисаветы Петровны, пріучила Екатерину къ извѣстной сдержанности въ отношеніяхъ, которой она охотно подчинялась вопреки собственнымъ желаніямъ. Разсудочное направленіе ума Екатерины какъ нельзя болѣе гармонировало съ этою необходимостью примѣняться къ данному положенію вещей и сдерживало слишкомъ смѣлые порывы ея фантазіи. «Счастливъ тотъ,—замѣчаетъ она въ той же запискѣ,—кто не допускаетъ себя увлечь въ этомъ вихрѣ». Она рано привыкла не довѣряться людямъ и въ то же время поддерживать въ нихъ увѣренность въ ея расположеніи. «Поздравляю себя съ рождающеюся милостью ко мнѣ, но я должна въ ней сомнѣваться, несмотря на увѣренія и подарки, которые будутъ мнѣ дѣлать. Однако, это не должно мнѣ мѣшать дѣйствовать такъ, какъ будто я считала эту милость за дѣйствительную.... Я слишкомъ молода, чтобы сдѣлаться любимицею, но я должна дѣлать такъ, какъ будто думаю быть таковою». Свой политическій идеалъ она охарактеризовала въ тѣхъ же наброскахъ слѣдующимъ образомъ: «Снисходительность, примирительный духъ властителя сдѣлаютъ болѣе,

---

[1]) Ссылка на политич. исторію Бальфельда, т. II, гл. 15, стр. 311. «Сборникъ русскаго историческаго общества», VII. 97—98. **В. И.**

чѣмъ милліоны законовъ, а политическая свобода даетъ душу всему. Часто лучше вдохновлять къ преобразованіямъ, чѣмъ приказывать о нихъ» [1]). Между тѣмъ какъ Петръ III, даже во время погребенія императрицы Елисаветы, не могъ сдержать своего обычнаго настроенія духа, Екатерина обращала на себя общее вниманіе строгимъ выполненіемъ установленнаго ритуала, а мы видѣли уже, какъ строго соблюдала она предписанія церкви. Но, спустя нѣсколько лѣтъ, она писала уже г-жѣ Жоффренъ: «Въ молодости я также по временамъ предавалась богомольству и была окружена богомольцами и ханжами; нѣсколько лѣтъ тому назадъ (т. е. при Елисаветѣ), нужно было быть или тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду (не думайте, однако, что я была въ числѣ этихъ послѣднихъ: я никогда не лицемѣрила и ненавижу этотъ порокъ). Теперь богомоленъ только тотъ, кто хочетъ быть богомольнымъ; никому не мѣшаютъ дѣйствовать какъ угодно» (отъ 15-го января 1766 г.) [2]).

Такимъ образомъ понятія о власти уже вполнѣ созрѣли у Екатерины задолго до того, когда ей пришлось самой властвовать... По вступленіи на престолъ, она величала себя, въ письмахъ къ Вольтеру, «главою греческой церкви», которой духовная власть должна подчиниться безусловно. Этотъ взглядъ вполнѣ гармонировалъ съ философскими воззрѣніями XVIII вѣка, проповѣдывавшаго просвѣщенный деспотизмъ тамъ, гдѣ возникала борьба съ церковью и средневѣковыми преданіями. Съ другой стороны, развязка вопроса о монастырскихъ имуществахъ при Екатеринѣ II лучше всего показываетъ, какъ далека была она отъ того рѣшенія этого вопроса, на какое надѣялось духовенство по отреченіи отъ престола Петра III, и что рѣшеніе его въ смыслѣ, предпринятомъ послѣднимъ, было вполнѣ въ духѣ времени. Мало этого: на самый протестъ по этому вопросу Екатерина посмотрѣла не иначе, какъ на противодѣйствіе свѣтской

---

[1]) «Сборникъ русскаго историч. общества», VII, 98—101.
[2]) Ibid., I, письма Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ, 282.

В. И.

власти, и въ такомъ именно смыслѣ старалась объяснить, черезъ оракуловъ общественнаго мнѣнія Западной Европы, суровость собственнаго приговора надъ виновникомъ возникшей борьбы.

Мы видѣли, какъ отнеслась Екатерина къ просьбѣ духовенства о возвращеніи церковныхъ имѣній; а 16-го іюля 1762 г. сенатъ представилъ уже докладъ по этому дѣлу. Въ докладѣ предлагалось: 1) имѣнія духовенству возвратить; 2) собирать со всѣхъ крестьянъ, кромѣ семигривеннаго подушнаго оклада, по рублю, причемъ 50 коп. должны идти въ казну, на содержаніе инвалидовъ, и 50 к. въ пользу архіереевъ, монастырей и т. п.; 3) управленіе крестьянами ввѣрить не монастырскимъ служкамъ, а выборнымъ или старостамъ. Затѣмъ, сенатъ имѣлъ общую конференцію съ синодомъ, въ которой архіереи объявили, что они довольны первымъ пунктомъ и согласны относительно третьяго; но противъ втораго нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Аѳанасій, епископъ тверской—сдѣлали замѣчаніе, что налогъ на крестьянъ будетъ тягостенъ, а сборъ 50 к. на монастыри и семинаріи недостаточенъ. Онъ предлагалъ возвратиться къ рѣшенію синода, состоявшемуся при Елисаветѣ, т. е. чтобы духовенство вносило ежегодно въ казну по 300,000 р., а сборъ на архіереевъ и монастыри былъ предоставленъ ихъ собственному усмотрѣнію. Съ этимъ мнѣніемъ согласились Гедеонъ псковской и Веніаминъ петербургскій, но Палладій рязанскій и Димитрій новгородскій (Сѣченовъ) присоединились къ мнѣнію сената. При этомъ послѣдній предложилъ учредить коммисію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которая составила бы штаты для монастырей, архіерейскихъ домовъ и семинарій [1]).

Такимъ образомъ дѣло о церковныхъ имуществахъ снова затянулось, духовенство оставалось безъ опредѣленнаго содержанія, обреченное на невѣрныя надежды, а правительство было поставлено въ весьма затруднительное положеніе, которое ясно видно изъ слѣдующей записки Екатерины къ графу А. П. Бестужеву-Рюмину: «Прошу васъ,—писала она,—приложенныя бумаги разсмотрѣть и мнѣніе ваше написать; дѣло въ томъ, коммисію

---

[1]) Журналы сената, въ Ист. Рос., соч. Соловьева, XXV, 148.

В. И.

ли учинить нынѣ, не отдавая деревень духовнымъ, или отдавать ли нынѣ, а послѣ сдѣлать коммисію. Въ первой бумагѣ написано отдавать, а въ другой только, чтобы они вступили во владѣніе до коммисіи. Пожалуй, помогай совѣтами [1])». Слѣдовательно, не напрасно обращался къ Бестужеву и самъ Арсеній, такъ какъ эти совѣты клонились въ пользу послѣдняго мнѣнія. Спустя четыре дня (12-го августа), уже состоялся именной указъ о возвращеніи движимыхъ и недвижимыхъ имѣній духовенству, объ устраненіи отъ завѣдыванія ими коллегіи экономіи и удаленіи изъ церковныхъ вотчинъ, посланныхъ для управленія офицеровъ. Интересны нѣкоторыя подробности этого указа:

«Прилагая матернее наше стараніе о учрежденіяхъ и дѣлахъ. до благополучія имперіи нашей касающихся,—читаемъ въ немъ,—равномѣрно оное прилагаемъ и объ отрѣшеніи нововведенныхъ въ бывшее предъ симъ правленіе непорядковъ и неполезныхъ установленій; изъ числа тѣхъ почитаемъ мы отнятіе изъ вѣдомства духовнаго чина деревень и прочихъ имѣній, тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ, что оное учинено безъ всякаго предъидущаго порядка и разсмотрѣнія: кажется надобность состояла именно въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ имѣнія, а чтобы осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ и какъ для церкви и духовнаго чина безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не думано». Но тотъ же указъ соединяетъ владѣніе вотчинами съ обязательнымъ для духовенства употребленіемъ церковныхъ богатствъ на школы, благотворительныя учрежденія и другія общественныя потребности. Даже самую мысль объ отобраніи имуществъ онъ связываетъ съ существовавшими злоупотребленіями. «Не имѣемъ мы намѣренія и желанія присваивать себѣ церковныя имѣнія,—читаемъ далѣе,—но только имѣемъ данную намъ отъ Бога власть предписывать законы о лучшемъ ихъ употребленіи во славу Божію и пользу отечества. И для того намѣрены мы въ совершенство привести учрежденіе всего духовнаго штата сходственно съ узаконеніями церковными, которымъ слѣдовалъ дѣдъ нашъ,

---

[1]) «Сборникъ рус. истор. общ.», VII, 135, и «День» 1862, № 16, стр. 3.
В. И.

императоръ Петръ Великій, учредя на то особенную изъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ коммисію». Въ то-жевремя синоду и сенату повелѣвалось всѣ имѣнія отдать снова въ управленіе духовенства, распечатать опечатанные при Петрѣ III деньги и хлѣбъ; уничтожить коллегію экономіи, учрежденную для управленія имѣніями; возстановить прежній сборъ въ пользу духовенства; удалить изъ вотчинъ недавно посланныхъ офицеровъ и возвратить духовенству право распоряжаться вотчинными доходами, согласно съ Регламентомъ и указами, соблюдая однако и отчетность въ расходахъ. Что же касается крестьянъ, то имъ предписывалось повиноваться духовнымъ властямъ и нести установленныя подати, а въ случаѣ ихъ сопротивленія, сенату поручалось смирять ихъ, на основаніи существующихъ гражданскихъ законовъ [1]).

Ясно, что въ этомъ указѣ заявлялось опредѣленное намѣреніе навсегда отказаться отъ опасной попытки Петра III, и возстановлялись, въ нѣсколько смягченной формѣ, порядки временъ Петра Великаго, а монастырскимъ крестьянамъ, какъ это было сдѣлано и относительно помѣщичьихъ, также опредѣленно заявлялось намѣреніе преслѣдовать всякое сопротивленіе существующему порядку. Такое заявленіе казалось тѣмъ необходимѣе, что въ то время уже обнаружилось движеніе въ средѣ крестьянъ, недовольныхъ своимъ положеніемъ и ожидавшихъ полнаго освобожденія [2]). Замѣчательно, однако, что въ царствованіе Петра III волненія происходили собственно между помѣщичьими и фабричными крестьянами, а не церковными [3]), а изъ дальнѣйшихъ распоряженій Екатерины II (указъ 8-го января 1763 г.) можно видѣть, что указъ 12-го августа послужилъ именно поводомъ къ безпорядкамъ и въ средѣ церковныхъ крестьянъ [4]). Такъ, 12-го декабря 1762 г., сенатъ читалъ уже, въ присутствіи императрицы, донесеніе, что 8,539 душъ крестьянъ не дали подписки въ томъ, что они будутъ повиноваться монастырскимъ властямъ; а въ од-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 11,643.
[2]) «Сбор. рус. истор. общ.», VII, 188—196.
[3]) Соловьевъ, XXV, 22—24.
[4]) Полн. Собр. Законовъ, XVI, № 11,730. В. И.

ной изъ своихъ записокъ Екатерина прямо говоритъ, что заводскихъ крестьянъ въ явномъ возмущеніи было 49,000 чел., помѣщичьихъ же и монастырскихъ до 150,000 [1]), причемъ изъ этого числа болѣе 100,000 приходилось на долю послѣднихъ [2]). Монастырскіе крестьяне отказывались отъ уплаты рублеваго оброка и работы—и оказывали полное сопротивленіе властямъ, вслѣдствіе чего правительство должно было напомнить первымъ о повиновеніи, а послѣднимъ внушить, чтобы они крестьянъ своихъ держали въ надлежащемъ порядкѣ и послушаніи, не взыскивая съ нихъ ничего лишняго и не принуждая ихъ ни къ какимъ работамъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ для экономіи [3]).

Переѣздъ двора въ Москву (1-го сентября 1762 г.) и послѣдовавшее затѣмъ торжество коронаціи отдалили на нѣкоторое время дѣйствія коммисіи по устройству церковныхъ имуществъ; но зато волненія крестьянъ вызвали, съ одной стороны, необходимость смягченія въ прежнихъ распоряженіяхъ, а съ другой, несомнѣнно повліяли на мнѣнія самой коммисіи, такъ какъ въ то же время относительно заводскихъ крестьянъ былъ поставленъ уже вопросъ о замѣнѣ ихъ вольнонаемными людьми [4]). И сама Екатерина, въ одной изъ своихъ записокъ, говоритъ, что, вслѣдствіе учрежденія коллегіи экономіи, въ вѣдѣніе которой были снова переданы монастырскіе крестьяне,—«непослушаніе ихъ однимъ разомъ пресѣклось» [5]); а въ письмѣ къ Вольтеру, отъ 11-го августа 1765 г.,

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 171 и «Сенатъ въ началѣ царствованія Екатерины II», «Древн. и Нов. Рос». 1875 г., тетрадь первая.

[2]) «Русская Старина», томъ XIV, 587. Письмо Екатерины къ Вольтеру.

[3]) П. Собр. Законовъ, т. XVI, № 11, 730. На основаніи указа 8-го января, нѣкоторые полагали, что «духовенству не быть въ покоѣ». Заслуживаетъ при этомъ вниманія, отношеніе къ церковному вопросу дворянства. По словамъ одного корреспондента Арсенія, «дворянство необузданное забыло, что умереть а помнитъ, что надлежитъ править и владѣть вотчинами не духовенству, а дворянству». Письмо Ярославцева. «Рус. Старина», 1876, томъ XV, 730.

[4]) «Сборн. рус. истор. общ.», VIII. Инструкція Екатерины II князю Вяземскому, 188—195.

Впрочемъ, еще 29-го марта 1762 г., послѣдовалъ указъ, чтобы «къ фабрикамъ и заводамъ деревень съ землями и безъ земель покупать не дозволять, а довольствоваться вольнонаемными по паспортамъ за договорную плату людьми». № 11,490.

[5]) «Русскій Архивъ» 1865 г., 485. В. И.

она писала: «люди, подвластные церкви, страдая нерѣдко отъ жестокихъ притѣсненій, къ которымъ еще болѣе способствовали частыя перемѣщенія ихъ духовныхъ, возмутились въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны, и при моемъ вступленіи на престолъ ихъ было болѣе ста тысячъ подъ ружьемъ. Вотъ почему я, въ 1762 г., выполнила планъ—совершенно измѣнить управленіе имѣніями духовенства и опредѣлить доходы лицъ этого сословія» [1]).

Только въ концѣ ноября (29-го) 1762 г. состоялось учрежденіе коммисіи, которая должна была находиться подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императрицы. Членами ея были назначены: новгородскій митрополитъ Димитрій, с.-петербургскій архіепископъ Гавріилъ, переяславскій епископъ Сильвестръ; графъ Иванъ Воронцовъ, князь Александръ Куракинъ, князь Сергѣй Гагаринъ, оберъ-прокуроръ св. синода—князь Алексѣй Козловскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Тепловъ. Въ руководство ей были даны: Духовный Регламентъ и указы Петра Великаго, «такъ какъ ничего лучшаго уже опредѣлить намъ не возможно», говоритъ Екатерина въ своей инструкціи. Коммисія должна была распредѣлить доходы съ церковныхъ имѣній: 1) на содержаніе архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей; 2) на учрежденіе училищъ, и 3) на учрежденіе инвалидныхъ домовъ [2]). Ближайшими совѣтниками императрицы въ этомъ дѣлѣ были: тотъ же графъ Бестужевъ-Рюминъ, къ которому и она, и противники реформы, прибѣгали за содѣйствіемъ, и князь Я. П. Шаховской, елисаветинскій оберъ-прокуроръ синода, который несмотря на все покровительство Елисаветы духовенству, неразъ вступалъ въ неравную борьбу съ членами синода за права свѣтской власти. Теперь ему поручено было заняться разработкою столь труднаго дѣла. И вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: «хотя и похвалюся, но ей! по истинѣ, что еще не было тогда на театрѣ въ услугахъ недавно вступившей на престолъ нашей монархини кромѣ

---

[1]) «Русская Старина», томъ XIV, 587 и «Oeuvres de Voltaire», édition Berochot, t. LXII, p. 411.

[2]) Полн. Собр. Закон., XVI, № 11,716. **В. И.**

меня, ни знатока, ни старателя, о представленіи съ доказательствами къ полезному учрежденію онаго о церковныхъ имѣніяхъ, долголѣтно тянувшагося и отъ многихъ происковъ запутаннаго дѣла». Онъ заявляетъ, что манифестъ о монастырскихъ вотчинахъ составленъ на основаніи его бумагъ, «и тотъ-то есть началомъ тѣхъ съ духовныхъ вотчинъ въ государственную сумму доходовъ, которыхъ, за расходами на духовныхъ персонъ и на продовольствіе нѣсколькихъ тысячъ инвалидныхъ офицеровъ и солдатъ, каковымъ прежде дачъ не бывало, еще на государственные расходы болѣе милліона въ казну каждый годъ нынѣ приходитъ» [1]).

Въ новомъ актѣ правительства была уже высказана мысль, что возвращеніе имуществъ духовенству было допущено на время, пока «составляется къ лучшему успѣху новое и болѣе полезное узаконеніе». Сославшись далѣе на права самодержавной власти, Екатерина говоритъ, что на ней поэтому лежитъ обязанность заботиться о дѣлахъ церкви, «чтобы совѣсть наша не отягчена была сокрушеніемъ, когда мы, видя нестроеніе, оставимъ оное безъ исправленія». Такъ, еще со времени Петра Великаго, правительство хлопочетъ о заведеніи школъ для духовенства и народа, но до сихъ поръ, спустя 40 лѣтъ, и народъ, и духовенство, остаются въ прежнемъ невѣжествѣ. Церковное имущество тогда только употребляется цѣлесообразно, когда оно идетъ на строеніе церквей, содержаніе духовенства, устройство благотворительныхъ заведеній, но какой великій соблазнъ бываетъ, если оно расточается на временныя житейскія попеченія, вопреки своему назначенію. Здѣсь императрица снова выражаетъ намѣреніе слѣдовать Регламенту и указамъ Петра Великаго, и требуетъ привести свѣдѣнія объ имуществахъ въ надлежащій порядокъ. На этомъ основаніи, коммисія должна была прежде всего: 1) составить подробныя описи всѣмъ вотчиннымъ имѣніямъ и крестьянамъ церковныхъ учрежденій; 2) собрать свѣдѣнія о степени плодородія ихъ земель, ихъ разстояніи отъ большихъ городовъ и портовыхъ рѣкъ, объ ихъ удобствахъ въ хозяйственномъ отношеніи; 3) составить при-

[1]) Записки князя Я. П. Шаховскаго, изданныя ред. «Русской Старины», стр. 192—194. В. И.

мѣрную форму для инструкціи вотчиннымъ управителямъ; 4) по составленіи описей, положить каждую деревню, сообразно съ ея условіями, на оброкъ или на земледѣліе; 5) по опредѣленіи денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ церковныхъ учрежденій, составить для всѣхъ ихъ такіе штаты, чтобы содержаніе ихъ было беззазорное и безсоблазненное, и представить штаты на высочайшее утвержденіе. Далѣе, коммисіи поручалось составить проекты содержанія церквей, духовныхъ училищъ, число которыхъ предполагалось увеличить,—благотворительныхъ заведеній и пенсій, соединенныхъ съ орденами. Завѣдываніе церковными доходами предполагалось снова поручить духовной экономической коллегіи, подъ дирекціею двухъ или трехъ знатныхъ особъ. Повторивъ наконецъ желаніе, чтобы церковное имущество употреблялось на пользу благочестія и народа, императрица прибавляетъ: «ибо мы собственной въ томъ никакой пользы не ищемъ, и не намъ, но имени Божію, служить стараемся» [1]).

Но, хотя правительство ставило для коммисіи въ образецъ порядки Петра Великаго, оно допускало и другой исходъ въ рѣшеніи этого вопроса; такъ, въ той же инструкціи мы читаемъ, что коммисіи предоставляется «власть или нашему мнѣнію послѣдовать, или что лучше еще и благоугоднѣйше къ пользѣ народной придумать». Очевидно Екатерина находилась въ данномъ случаѣ межъ двухъ огней, будучи вынуждена, съ одной стороны, удовлетворить настояніямъ духовенства, а съ другой, принимать въ разсчетъ волненіе крестьянъ, недовольныхъ духовнымъ управленіемъ. Поэтому она должна была осторожно идти къ той цѣли, которая такъ ясно представлялась ей съ философской и политической точки зрѣнія; считая же церковныя имущества государственными, она должна была и защиту ихъ, въ интересахъ духовной іерархіи, представлять не иначе, какъ стремленіемъ къ опасному двоевластію. Впрочемъ, въ тогдашнемъ синодѣ она не могла опасаться серьезной оппозиціи. Правда, составъ высшей іерархіи при Екатеринѣ напоминалъ еще, до извѣстной степени, прежнее время. Въ интересахъ улучшенія церковной администра-

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ, XVI, № 11,716. В. И.

ціи, Петръ Великій сталъ вызывать на высшія іерархическія мѣста людей, воспитывавшихся въ южно-русскихъ школахъ и кіевской академіи; но, за исключеніемъ Ѳеофана Прокоповича, эти іерархи, начиная съ самого блюстителя патріаршаго престола, далеко не оправдали надеждъ Петра. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе традиціи и взаимнаго покровительства, число ихъ въ русской церкви значительно возросло; а расположеніе къ нимъ Елисаветы Петровны, вслѣдствіе ея личныхъ симпатій къ малорусскому элементу, дало имъ господствующее значеніе въ церковномъ управленіи, такъ что даже понадобился особый указъ, разрѣшавшій представлять на высшія духовныя должности и великороссовъ [1]. Вслѣдствіе этого, при вступленіи Екатерины II на престолъ, синодъ представлялъ еще смѣшанное собраніе. Во главѣ его стоялъ Димитрій Сѣченовъ, воспротивившійся, было, при Петрѣ III секуляризаціи церковныхъ имуществъ и чуть не лишившійся за то своего мѣста. Послѣ этого онъ смѣло поддерживалъ права Екатерины на престолъ, удостоился отъ нея послѣ коронаціи званія митрополита и 1000 душъ крестьянъ. Такимъ образомъ самолюбіе этого іерарха было польщено, и онъ, отъ сихъ поръ, является лицомъ вполнѣ преданнымъ Екатеринѣ. Нѣсколько позже, въ своихъ письмахъ къ Вольтеру, Екатерина неразъ упоминаетъ о немъ въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ, заставляя преклоняться предъ нимъ и такого противника духовной іерархіи, какимъ былъ фернейскій философъ. «Димитрій митрополитъ новгородскій,—пишетъ она,—не гонитель и не фанатикъ [2]). Въ предписаніяхъ Алексѣя нѣтъ ни одного правила, которому бы онъ не вѣрилъ, котораго бы не призналъ и не сталъ проповѣдывать, еслибъ было полезно и нужно: онъ совершенно отвергаетъ предположеніе двухъ властей. Нѣсколько разъ подавалъ онъ мнѣ примѣры, о которыхъ я могла бы сказать вамъ, и если-

---

[1]) «Чтенія Моск. Общества исторіи», 1861 г., кн. III.

Интересный примѣръ борьбы между великорусскимъ и малорусскимъ элементами въ это время, даже въ средѣ братіи Троицкой лавры, представляетъ случай, разсказанный въ воспоминаніяхъ Снегирева, «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 534—536.

[2]) Мы знаемъ однако дѣйствія Д. Сѣченова въ нижегородской епархіи.

В. И.

бы не боялась наскучить, то написала бы ихъ на особомъ листкѣ. Недавно эта духовная особа доказала еще чувства свои, которыя вамъ извѣстны. Нѣкто перевелъ книгу и принесъ къ нему; архіепископъ совѣтовалъ не выпускать ее, потому что она содержитъ правила, утверждающія двѣ власти» [1]). Затѣмъ идутъ люди, также вышедшіе изъ великорусскихъ училищъ, какъ: Гедеонъ Криновскій (епископъ псковской), Гавріилъ Кременецкій, переведенный Екатериною изъ Казани въ Петербургъ, на мѣсто Веніамина Пуцекъ-Григоровича, учившагося въ Кіевѣ [2]). Прочіе члены, какъ Крутицкій архіепископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, хорошо извѣстный намъ по своимъ отношеніямъ къ Арсенію; московскій митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, родомъ малороссъ, человѣкъ престарѣлый, даже невполнѣ усвоившій русскій языкъ, и тверской епископъ Аѳанасій Вальховскій (родомъ изъ Полтавы), заявившій, было, въ конференціи голосъ въ защиту правъ духовенства,—были люди неопасные, какъ и членъ синода, архимандритъ Мисаилъ [3]). Но ученые великороссы усердно выдвигаютъ теперь впередъ своихъ учениковъ и сторонниковъ, каковы: Иннокентій Нечаевъ, Гавріилъ Петровъ, Платонъ Левшинъ, которыхъ Екатерина ставитъ въ примѣръ просвѣщенныхъ іерарховъ въ своемъ возраженіи на книгу аббата Шаппа [4]).

Нѣкоторые изъ членовъ іерархіи (Тимоѳей, Амвросій, Сильвестръ) не сочувствовали лично предпринятой реформѣ, выска-

---

[1]) Письма къ Вольтеру, стр. 13—24.

[2]) Гедеонъ любилъ пожить въ свое удовольствіе. Будучи еще архимандритомъ Троицкой лавры, онъ прославился своею роскошью: его гардеробъ съ шелковыми и бархатными рясами занималъ цѣлую комнату; онъ носилъ шелковые чулки и башмаки, бриліантовыя пряжки которыхъ стоили до 10,000 р. О немъ говорили: Гедеонъ нажилъ милліонъ. Однажды, во время прогулки, онъ нарочно столкнулъ въ воду извѣстнаго Платона, тогда еще молодаго архимандрита, а потомъ отдарилъ его двумя лучшими рясами, причемъ далъ ему такой совѣтъ «никогда не сердись, когда шутитъ съ тобою начальникъ для испытанія твоего характера». Снегиревъ, «Р. Арх.» 1866 г., 536—537. Находясь при дворѣ, въ качествѣ проповѣдника, Гедеонъ вполнѣ сжился съ этою сферою. См. Чтенія по исторіи русской церкви въ царствованіе Екатерины II, «Правосл. Собѣсѣд.» 1875 г., № 2.

[3]) Знаменскій, ibid., № 2, стр. 133. Ср. 106—121.

[4]) Антидотъ Екатерины II, въ сборникѣ «XVIII-й вѣкъ», т. IV, 332.

В. И.

зывали свои жалобы въ перепискѣ, наконецъ заявляли другъ другу о необходимости противодѣйствовать всякому посягательству на ихъ права; но открыто дѣйствовать они не рѣшались. Несмотря однако на такое отсутствіе личной иниціативы въ средѣ членовъ іерархіи и опасность въ веденіи этого дѣла, которую сознавали и правительство, и духовенство,—нашлось лицо, которое рѣшилось поднять свой голосъ въ защиту правъ церкви и открыто поставить вопросъ о ихъ неприкосновенности, опираясь притомъ въ своей защитѣ на прерогативы и значеніе духовной власти.

То былъ Арсеній Мацѣевичъ.

Г. Кіевъ. В. С. Иконниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИТОМЦЫ МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА,

ПОСЕЛЕНЦЫ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

V [1]).

Въ народѣ сталъ ходить говоръ, что имъ гораздо лучше быть государственными крестьянами, чѣмъ питомцами.

Шесть человѣкъ: Николай Онисимовъ, Андрей Гузовъ и Иванъ Николаевъ изъ с. Николаевскаго, Иванъ Савельевъ изъ с. Александровскаго и др., ежегодно ѣздившіе въ Москву съ извозомъ, послали изъ Москвы прошеніе, отъ имени всѣхъ питомцевъ, министру государственныхъ имуществъ о принятіи ихъ въ свое вѣдомство. Объ этой подачѣ никто изъ питомцевъ не зналъ и такого перечисленія никто не желалъ, хотя и толковали о немъ. Тѣ, кто подавалъ министру прошеніе, держали дѣло это ото всѣхъ въ секретѣ. Питомцевъ перечислили въ вѣдомство министерства, сократили штатъ служащихъ, подчинили палатѣ государственныхъ имуществъ; но питомцамъ этого не говорили, и они, по-прежнему, считали себя питомцами, съ правами питомцевъ. Отъ прежняго штата служащихъ оставили: управляющаго, письмоводителя, доктора, фельдшера и школьнаго учителя. А чтобъ дома не пропадали, открыта образцовая, какъ ее называли тогда, ферма, первыми учениками которой были питомцы изъ малолѣтковъ. Весь штатъ служащихъ оставленъ собственно для фермы, а управляющій, въ отношеніи къ питомцамъ, былъ не болѣе какъ окружный начальникъ. Впрочемъ питомцы видѣли только, что служащихъ стало меньше, но что служащіе—чиновники—существуютъ для нихъ, а они—все тѣ же питомцы, какъ и были.

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 457—492.

Въ 1849 году, осенью, получено было министерское распоряженіе, чтобы въ уплату недоимокъ (6,161 р.) производить общественную запашку. Ремлингенъ почему то, боясь возмущенія, скрывалъ отъ нихъ и это. Долги были не на всѣхъ крестьянахъ. Весною 1850 г. Ремлингенъ приказываетъ старостамъ выслать всѣхъ крестьянъ пахать на участокъ № 1, самый дальній ото всѣхъ деревень. Крестьяне, привыкшіе къ безпрекословному повиновенію, поѣхали. Александровскимъ, маріинскимъ и константиновскимъ крестьянамъ нужно было ѣхать чрезъ с. Николаевское. Случайно передъ селеніемъ всѣ съѣхались вмѣстѣ. Въ это время, тоже случайно, встрѣчаются съ ними ѣхавшіе изъ Саратова крестьяне-питомцы—Андрей Мироновъ и Александръ Гавриловъ, изъ с. Константиновскаго. «Куда вы ѣдете съ плугами?»—спрашиваютъ Мироновъ и Гавриловъ.—Пахать на № 1.—«Кто велѣлъ, кому пахать, есть ли приказъ отъ Опекунскаго Совѣта?...» И пошелъ гамъ!... Отстегнули лошадей и послали гонцовъ во всѣ концы: «не ѣздить пахать!» Всѣ разъѣхались по домамъ. На другой день мужики собрались къ Ремлингену спросить, что это за запашка? Въ первый разъ въ жизни питомцы услышали, что пособіе давалось имъ не даромъ, что на нихъ есть долги! Сильно это смутило ихъ и опечалило. Тѣ, за кѣмъ не состояло долгу, говорили: «за что же мы будемъ работать, когда за нами долговъ нѣтъ?». Имъ отвѣтили, что тутъ круговая порука. Какая же порука, когда никто не только не поручался, но даже никто не зналъ, что есть долги? Имъ отвѣтили, что министръ велѣлъ—и надобно дѣлать. Одни изъ тѣхъ, за коими считались долги, говорили: «мы завтра принесемъ всѣ недоимки»; другіе обѣщались уплатить въ теченіе года. Но имъ сказали, что министръ приказалъ ѣхать—и паши. Крестьяне не знали, что и дѣлать. Александровскіе крестьяне говорятъ: «намъ ѣхать 12 верстъ: стоитъ ли терять рабочій день изъ 7-ми саженъ работы?». Михайловскіе и Константиновскіе: «намъ ѣхать по 14-ти верстъ.... Вѣдь можетъ же случиться такъ, что съ вечеру нарядятъ на работу, а утромъ пойдетъ дождь... мы пріѣдемъ на работу, а насъ пошлютъ назадъ,—день и совсѣмъ пропадетъ. И такихъ пропащихъ дней можетъ случиться много. Если уже нельзя не пахать, то дозвольте намъ дѣлать запашки—каждому селенію въ своихъ общественныхъ поляхъ; мы согласны отдѣлять каждый, даже въ собственномъ полѣ, 7 саж. и убирать въ пользу казны». Ремлингенъ сказалъ, что «министръ приказалъ дѣлать запашки общественныя», т. е. всѣмъ обществомъ, а потому и дробить онъ не можетъ; что они должны ѣхать пахать всѣмъ обществомъ, въ одномъ мѣстѣ. Крестьяне сказали: «это намъ прямое разоренье; такъ работать мы не согласны!»—и разошлись. Пахать не

поѣхали; не поѣхали пахать и на поля Ремлингена. Питомцы тотчасъ поѣхали въ Саратовъ и подали прошеніе губернатору. А Ремлингенъ написалъ управляющему палатою государственныхъ имуществъ. Губернаторъ переслалъ прошеніе Ремлингену и потребовалъ разъясненія дѣла; а управляющій палатою, нѣкто Ходзинскій, пріѣхалъ самъ. Ходзинскій собралъ крестьянъ, вышелъ къ нимъ въ сюртукѣ, тогда какъ питомцы привыкли видѣть начальство въ мундирахъ и со звѣздами,—да и крикнулъ на нихъ: «какъ вы...»—да по-русски и хватилъ... Питомцы: «къ намъ почетные опекуны пріѣзжали, да звѣздъ то не скидали, а ты кто такой?». А сзади кто-то и крикнулъ: «это лихачевскій (Лихачевъ,—помѣщикъ ближайшей деревни) псарь!». Ходзинскій взбѣленился, разругалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, и ушелъ. Разошлись и крестьяне. Ходзинскій говоритъ Ремлингену: «напишите мнѣ, что крестьяне бунтуютъ». Тотъ говоритъ:—да, можетъ быть, еще какъ-нибудь дѣло уладится.—«Вы напишите мнѣ, такъ себѣ, просто, только для памяти». Ремлингенъ написалъ формально, что крестьяне не слушаются и пахать не поѣхали. Ходзинскій донесъ министру, что крестьяне бунтуютъ и не слушаютъ ни управляющаго Ремлингена, ни его. Питомцы послали прошеніе министру; министръ переслалъ его губернатору Кожевникову. Ремлингенъ созываетъ крестьянъ и говоритъ: «вы подавали прошеніе губернатору,—вотъ оно; оно переслано ко мнѣ же. По-вашему сдѣлать нельзя». Едвали успѣлъ Ремлингенъ объяснить дѣло губернатору, какъ пріѣзжаетъ самъ онъ съ прошеніемъ, поданнымъ питомцами министру—созываетъ крестьянъ, говоритъ имъ, что прошеніе ихъ министръ прислалъ ему, и что онъ пріѣхалъ разобрать дѣло. Послѣ того, какъ призывалъ ихъ Ремлингенъ, до пріѣзда Кожевникова,—прошло всего дней пять. Кожевниковъ сталъ, было, разбирать дѣло, но крестьяне не стали и слушать его. Они видятъ одно: подали прошеніе губернатору, губернаторъ возвратилъ его Ремлингену; подали министру, онъ прислалъ его губернатору, а губернаторъ отдалъ опять Ремлингену. Стало быть, Ремлингенъ всѣхъ задарилъ. Нужно, стало быть, послать ходоковъ къ министру, а пожалуй, и къ самому царю. Сколько ни бился съ ними Кожевниковъ,—питомцы твердятъ одно: «мы подавали прошеніе вамъ, вы наше прошеніе отослали сюда же, къ Александру Александрычу (Ремлингену); подали министру, и онъ прислалъ его сюда же. Стало быть, нашу жалобу не принимаютъ. Насъ пытать нечего, въ прошеніяхъ все прописано. Спрашивайте теперь Александра Александрыча. Что въ прошеніяхъ прописано, то мы и теперь скажемъ». Губернаторъ уѣхалъ. Питомцы снарядили ходоковъ въ Петербургъ. Отправлены были Бѣловъ и Шуваликъ. Черезъ мѣсяцъ

Бѣловъ пишетъ: «Братцы! Наше дѣло выгораетъ (т. е. идетъ въ нашу пользу). Вышлите денегъ въ Пензу на куща NN». Выслали денегъ. Мѣсяца черезъ два являются Бѣловъ и Шувалинъ. «Что, какъ?» Оказалось, что ходоки доходили только до Пензы, жили все время на постояломъ дворѣ одного куща и пьянствовали. Питомцы собрались въ стѣнъ, призвали туда ходоковъ и порѣшили, было, живьемъ зарыть ихъ въ землю. Ужъ не знаю, какимъ чудомъ спаслись они. Послѣ долгихъ толковъ порѣшили снова послать опять Бѣлова и еще съ кѣмъ-то, имени его теперь не припомню. На этотъ разъ Бѣловъ дошелъ уже до Москвы, и воротился опять ни съ чѣмъ. Послали Никифора и Варлама-малолѣтка (бывшіе малолѣтки звались малолѣтками во весь свой вѣкъ). Эти дошли до министра Киселева. Министръ принялъ ихъ ласково и обѣщалъ имъ сдѣлать все что возможно.

«Я сдѣлаю,—говоритъ,—вамъ все, что вамъ хочется, только не безпокойте государя. Есть ли у васъ деньги, чтобъ дойти домой?».

И далъ имъ 30 руб. Приходитъ Никифоръ и Варламъ и говоритъ:

— Всѣхъ управляющій задарилъ! Министръ говоритъ: «что хотите, все вамъ сдѣлаю. Вѣкъ останетесь питомцами». «И далъ намъ денегъ, только лишь бы мы не ходили къ царю. Мы хотѣли идти къ царю, и къ царю насъ не допускаютъ. Всѣ задарены.

Вскорѣ пріѣзжаетъ Струковъ для разслѣдованія дѣла. На дѣло онъ взглянулъ глазами Ремлингена и нашелъ, что крестьяне виноваты во всемъ, что они причиною всѣхъ безпорядковъ. У крестьянъ онъ только спрашивалъ, кто подбиваетъ ихъ къ бунту. Крестьяне, конечно, говорили, что они желаютъ всѣ одного и подговорщиковъ у нихъ нѣтъ. Ремлингенъ сказалъ ему, что главный зачинщикъ—Шувалинъ, что у него въ домѣ по ночамъ бываютъ сборища и пишутся просьбы. Струковъ ночью пошелъ въ домъ Шувалина (въ с. Николаевскомъ), сдѣлалъ обыскъ, нашелъ черновыя прошенія и набѣло переписанное новое прошеніе министру; бумаги отобралъ, Шувалина, тотчасъ же ночью, отправилъ въ острогъ, а на другой день уѣхалъ и самъ. Питомцы повѣсили головы. Что дѣлать?—думаютъ они. Надо идти къ самому царю. И отправили Тараса Нефедова и Кузьму Алексѣева. Изъ Петербурга Кузьма Алексѣевъ пишетъ: «пошелъ я къ государынѣ, иду на крыльцо, а государыня сходитъ съ крыльца. Я упалъ на колѣна. Государыня спрашиваетъ меня: «ты что, мужичекъ, кто ты такой?». Я говорю, что я питомецъ изъ Саратовской губерніи. А государыня и говоритъ: «какъ питомецъ? Зачѣмъ же ты по-мужицки одѣтъ? Питомцы должны ходить по-барски, вотъ—какъ мы ходимъ. Васъ тамъ обкрады-

ваютъ, а намъ никто не доноситъ; управляющій вашъ всѣхъ здѣсь задарилъ. Ступай съ Богомъ, все будетъ по-вашему». Получивши это письмо, питомцы возликовали. Но письмо это, почти тотчасъ, было отыскано и взято; губернаторъ отнесся къ петербургской полиціи; тамъ розыскали Кузьму и, въ кандалахъ, переслали въ саратовскій острогъ.

Чрезъ нѣкоторое время получается распоряженіе министра: «такъ какъ крестьяне запашку считаютъ для себя обременительною, то оставить ее». Объявляютъ крестьянамъ. Крестьяне: «вотъ оно что! Уперлись, такъ и запашки нѣтъ. Да ее министръ то и не велѣлъ дѣлать. Это все Ремлингенъ выдумалъ. Еслибъ министръ велѣлъ, то онъ тогда такъ и сказалъ бы, что министръ велѣлъ, а то тогда не говорилъ ничего, а какъ дошло до министра, то и все кончено». Между тѣмъ министръ вошелъ съ докладомъ къ государю о недоимкѣ. Государь повелѣлъ недоимку сложить. Объявляютъ крестьянамъ, что государь простилъ имъ недоимку. Загудѣли питомцы пуще прежняго: «такъ вотъ оно что, братцы! Какъ дошло дѣло до царя, такъ и недоимку сложили! Да ея и не было! Все это обманъ. Царь просто пишетъ: какая тамъ такая за питомцами недоимка? Нѣтъ за ними никакой недоимки!—Такъ зачѣмъ же мы дрова то возимъ? Не поѣдемъ». И не поѣхали. Возка дровъ дѣйствительно должна была прекратиться тотчасъ по перечисленіи питомцевъ въ вѣдомство министерства; но ихъ заставляли возить. Теперь они не поѣхали. Ремлингенъ доноситъ департаменту. Министръ дѣлаетъ распоряженіе: «отъ вывозки дровъ крестьянъ освободить и производить ее воспитанниками фермы». Объявляютъ питомцамъ. Взбаламутились питомцы еще пуще прежняго: «За что же мы, братцы, возили 20-ть-то лѣтъ?! Вотъ какъ дошло дѣло до министра, такъ и не велѣлъ возить. Значитъ, насъ заставляли возить, а деньги брали себѣ! Подавать надо министру, чтобъ выдали намъ деньги за дрова за всѣ 20 лѣтъ. А землю то зачѣмъ отнялъ у насъ Шемберъ (арендаторъ Штейнбергъ)? Землю матушка Марья Ѳеодоровна купила намъ. Нынѣ сама государыня Кузьмѣ сказала, что мы должны жить, какъ господа живутъ: всю землю должны сдавать, а сами работать не должны: должны жить землей. Государыня Александра Ѳедоровна Кузьмѣ сказала, что насъ грабятъ». Теперь осталось три невыполненныхъ желанія: оставить ихъ навсегда питомцами, отдать, какъ въ первые годы, всю землю и заплатить имъ за вывозку дровъ за 20 лѣтъ. И пошли въ Питеръ ходоки за ходоками! Но ни одинъ изъ нихъ не доходилъ до Петербурга. Всѣ только брали деньги и, гдѣ-нибудь, въ родѣ Пензы—пьянствовали.

Въ это время произошло много диковинокъ. За всю неурядицу эту прежде всѣхъ поплатились Ремлингенъ и служившіе при новоиспеченной фермѣ. На собственныхъ посѣвахъ Ремлингена хлѣбъ уродился плохой; питомцы работать оне пошли, не пошли и за деньги; нужно было нанимать рабочихъ издалека, на хозяйскомъ продовольствіи, а его у Ремлингена приготовлено не было; компаніоны,—Зеленко и Мезенкампфъ,—паевъ не внесли; хлѣбъ съ полей питомцы стали красть. Слѣдовательно, во чтобы то ни стало, нужно было хлѣбъ убирать. Онъ, дѣйствительно, одинъ, безъ помощи компаніоновъ, убралъ весь хлѣбъ. Но только... всадилъ туда всѣ, имѣвшіяся у него казенныя деньги. Отчетность же тогда была совсѣмъ не та, какъ нынѣ, и денегъ дозволялось держать на рукахъ много. Ремлингенъ и имѣлъ возможность имѣть ихъ много. Всѣ арендаторы земельныхъ участковъ вносили арендныя деньги ему, и крестьяне вносили свои подати ему же. Всѣ, служившіе при фермѣ, и остались безъ жалованья. Кто немного покрупнѣе, тотъ, мѣсяца черезъ три, получалъ по-немногу, а безгласная мелочь, въ родѣ прачекъ, столяровъ не получала цѣлый годъ. Обмолоченный хлѣбъ свозили въ маріинскія общественныя бани; но оттуда весь его покрали. Дровъ заготовить не успѣли. Въ ужасную метель послали ферманцевъ (учениковъ фермы) рубить и вывозить дрова. Тѣ проплутали, перемерзли и пропадали съ недѣлю. Въ это время Ремлингенъ изрубилъ и сжегъ общественную баню и мельничную избу. Служившіе при фермѣ были, буквально, и холодны, и голодны. Ремлингенъ, вообще, былъ оригиналъ, во многихъ отношеніяхъ. По примѣру истыхъ нѣмцевъ, онъ любилъ хвастаться незнаніемъ русскаго языка, и всегда писалъ вѣрнѣе, чѣмъ говорилъ. Памяти у него не было ни на полкопѣйки. Ему, напримѣръ, вздумается приказать николаевскому старостѣ Степану Толстому очистить завтра около конюшни; а въ это время константиновскій староста докладываетъ, что крестьянинъ Бобулька, пьяный, избилъ жену; плотникъ тутъ же говоритъ, что нужно лѣсу, за лѣсомъ ѣхать михайловскимъ. Ремлингенъ и пишетъ карандашемъ на стѣнѣ, въ своемъ кабинетѣ: «позвать Степана Толстаго, Бобулька избилъ жена, позвать михайловскаго старосту». Такими замѣтками у него были исписаны, буквально, всѣ стѣны. Является староста Степанъ Толстый, мужичинище здоровенный, неуклюжій, толстый и говорившій густымъ басомъ. Докладываютъ, что пришелъ староста Степанъ Толстый.

— Ты что?

— Да къ вашей милости.

— Зачѣмъ?

— Да я не знай зачѣмъ.

— Чтожъ, тебя послалъ чтоль кто?

— Да вонъ Карла (лакей).

— Ты посылалъ?—обращается онъ къ лакею.

— Вы приказали прислать его.

Отправляется Ремлингенъ въ кабинетъ и ищетъ на стѣнахъ, зачѣмъ былъ позванъ Степанъ Толстый, а самъ въ полголоса, про себя, бормочетъ: Степанъ Толстый, Степанъ Толстый... А Степанъ Толстый стоитъ противъ отворенной двери кабинета и ухмыляется. Нашелъ Александръ Александровичъ замѣтку, да забылъ, зачѣмъ звалъ; подумаетъ-подумаетъ, да сквозь зубы и процѣдитъ: «приди завтра!». Докладываютъ: Бобулька пришелъ! Александръ Александровичъ пойдетъ на стѣнѣ искать Бобульку. Нашелъ: Бобулька избилъ жена. Выходитъ: «тебя избила жена? Ахъ, ты дуракъ! Да ты бы самъ ее! Мужика побилъ баба; хорошенько ее!». Бобулька каналья... «Что дѣлать, Александръ Александровичъ! Грѣхъ такой ужъ, куда ужъ мнѣ бить!». И пойдетъ Бобулька, фыркая въ рукавъ. При такихъ исторіяхъ, бывало, едва удерживаешься отъ хохоту.

Я говорилъ, что, при началѣ поселенія питомцевъ, вдоль всего селенія Николаевскаго были посажены деревья въ четыре ряда. Ко временамъ Ремлингена они выросли по четверти аршина въ діаметрѣ, и видъ селенію былъ великолѣпный.

Не упомню теперь хорошенько, но, кажется, въ 1849 году, пріѣзжаетъ директоръ департамента сельскаго хозяйства, А. И. Левшинъ. Смотря на деревья, Левшинъ спрашиваетъ Ремлингена: не трудно ли крестьянамъ поддерживать деревья? «Да, ваше превосходительство, очень трудно». И надругой же день, по отъѣздѣ Левшина, велѣлъ порубить всѣ деревья и повыкопать корни. Черезъ годъ Левшинъ пріѣзжаетъ опять. Какъ увидѣлъ, что все оголено, такъ и ахнулъ. Первымъ словомъ Левшина, при встрѣчѣ съ Ремлингеномъ, было: «Александръ Александровичъ! Гдѣ деревья то?».—Ваше превосходительство изволили сказать, что крестьянамъ трудно—я и велѣлъ порубить. Возможно ли рубить, когда въ степи каждый кустъ дорогъ?...» Но ужъ не воротишь.—Есть пословица: на кого Богъ, на того и добрые люди. Такъ случилось и съ Ремлингеномъ. Открыта ферма; ученикамъ должно было читаться сельское хозяйство; обязанность эта возложена на управляющихъ фермою. Но, въ случаѣ не имѣнія ими спеціальной къ тому подготовки, обязанность эта возлагалась на ихъ помощниковъ, съ платою имъ изъ средствъ управляющихъ, по взаимному ихъ соглашенію. Всѣ помощники были изъ горецкихъ студентовъ. На Маріинскую ферму поступилъ помощникомъ А. З. Марковскій. Отъ Ремлингена

онъ потребовалъ, было, вознагражденія 150 р. въ годъ. Но вскорѣ сжалился надъ нимъ и не взялъ ничего. Не такъ повелъ дѣло ветеринарный врачъ М. М. Бурковъ. Онъ потребовалъ лучшаго содержанія скота. Ремлингенъ, наперекоръ, ухудшилъ. Весною, въ пашню, Бурковъ подаетъ рапортъ, что всѣ рабочіе волы больны и употребляемы въ работу быть не могутъ. Завязалась и затянулась переписка. И Ремлингену, и Буркову непріятностей были кучи; но все это кончилось тѣмъ, что Буркова перевели на Самарскую ферму.

Бывшій въ то время управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ Карцевъ и окружные начальники, сперва Златогорскій, а потомъ Шепфъ, безпрестанно пріѣзжали къ крестьянамъ съ увѣщаніями исполнить требованія начальства—подчиниться вѣдѣнію министерства государственныхъ имуществъ. Станутъ окружные толковать съ крестьянами, а крестьяне свое. Окружные, непривыкшіе ни къ какимъ противорѣчіямъ, деспотически обращавшіеся съ прочими казенными крестьянами и грабившіе ихъ, не могли выносить противорѣчій и возраженій питомцевъ, и самыя бесѣды ихъ состояли скорѣе въ приказаніяхъ, чѣмъ въ разъясненіи дѣла. Поэтому, какъ только кто-нибудь изъ крестьянъ начнетъ доказывать свои права и излагать свои требованія, окружный раскричится: «молчать! Бунтовщикъ! взять его!». И несчастнаго сей же часъ везутъ въ острогъ. Однажды пріѣзжаетъ Златогорскій и начинаетъ говорить крестьянамъ. Тѣ молчатъ. «Слышите, что говорятъ вамъ?» Молчатъ. Златогорскій обращается къ одному: «слышишь?». Молчитъ. Златогорскій къ другому, къ третьему..... разозлился, а крестьяне стоятъ, смотрятъ на него, не моргнувъ, и молчатъ. Въ забавномъ положеніи былъ Златогорскій; а надобно знать, что это былъ человѣкъ нетерпящій ни малѣйшихъ противорѣчій. Наконецъ крестьяне, натѣшившись надъ нимъ, говорятъ: «да какъ же съ вами говорить-то, когда вы каждаго, кто говоритъ, берете въ острогъ». Златогорскій побожился, что онъ никого не тронетъ, и дѣйствительно никого больше не бралъ.

Питомцы никакъ не хотѣли сдѣлаться государственными крестьянами, но Златогорскій донесъ управляющему палатою Карцеву, что они, пожалуй, уже согласны. Однажды и пріѣзжаютъ: Карцевъ, Златогорскій, помощникъ его В. Д. Пипинъ, исправникъ Муратовъ и становой приставъ Скурыдинъ—открыть сельскую расправу и заставить крестьянъ сдѣлать выборъ сельскихъ начальниковъ. Собрали крестьянъ на площадь къ церкви и долго толковали съ ними. Крестьяне и слушать не хотятъ. Тутъ же стоятъ и бабы, и ребятишки. Наконецъ крестьяне согласились, пошли въ домъ, назначенный для

сельской расправы. Какъ увидѣли это бабы—и заголосили: «куда вы, куда вы?!.. Не ходите, не ходите!.». Мужики задумались и остановились. Бабы видятъ, что ихъ беретъ, да и принялись орудовать посвоему: та схватитъ мужика за шиворотъ, другая хватитъ взашей..... крикъ, визгъ!.. Мужики видятъ, что бабья сила—сила великая, что съ бабой ничего не подѣлаешь... постояли—постояли, да и пошли молча по домамъ.

Немного спустя пріѣзжаетъ губернаторъ Кожевниковъ. Кромѣ Карцева и др. чиновниковъ съ нимъ были два жандармскихъ офицера; всѣхъ же ихъ было человѣкъ 15. Дѣло было зимою. Созвали крестьянъ, и губернаторъ прочиталъ имъ «положеніе о питомцахъ»:

«Господину министру государственныхъ имуществъ.

«Разсмотрѣвъ докладъ вашъ о новомъ устройствѣ Маріинской колоніи, учрежденной въ 1828-мъ году изъ питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома, повелѣваемъ:

1-е. Для сближенія поселянъ колоніи съ сословіемъ, къ которому они принадлежатъ, названіе питомцевъ отмѣнить и наименовать ихъ государственными крестьянами. 2-е. Изъ существующихъ нынѣ пяти селеній съ выселкомъ образовать Маріинское сельское общество, съ причисленіемъ онаго къ ближайшей волости саратовскаго округа. 3-е. Всѣ тѣ семейства бывшихъ товарищей и малолѣтковъ, которыя понынѣ не имѣютъ хозяйства, или изъ числа настоящихъ хозяевъ, по нерадѣнію или безнравію,—должны быть удалены изъ Маріинскаго общества и приселены къ многоземельнымъ селеніямъ Саратовской и сосѣднихъ съ нею губерній. 4-е. Настоящаго состава Маріинскаго общества (по 50 дворовъ въ каждомъ и выселки изъ 10 дворовъ) не увеличивать и новыхъ не заводить, а къ отведеннымъ каждому селенію и выселку землямъ, по 30 десятинъ на дворъ, прирѣзать въ запасъ, на случай увеличенія народонаселенія, пятую часть; затѣмъ изъ земель излишнихъ часть отдѣлить подъ ферму, а остальныя отдавать въ оброчное содержаніе впредь до распоряженія оными по усмотрѣнію. 5-е. Сохраненіе семейныхъ участковъ или раздѣлъ отведенныхъ селеніямъ и выселку земель по душамъ, полагая на каждую по 8 десятинъ удобной и 1 десятинѣ лѣса,—предоставить мѣстному управленію съ утвержденія министра государственныхъ имуществъ. 6-е. Дарованныя въ 1828 году колоніи: а) льготу отъ рекрутства на 40 лѣтъ, со времени водворенія каждаго семейства, и б) освобожденіе навсегда отъ питейныхъ домовъ и выставокъ—сохранить для Маріинскаго общества безъ измѣненія; равномѣрно, сохранить для семействъ, поселенныхъ въ выселкѣ, въ 1849 г. основанномъ, 12-ти-лѣтнюю льготу отъ казенныхъ повинностей; прочихъ же, водворенныхъ въ 5 селеніяхъ, съ минованіемъ для нихъ таковой 12-ти-лѣтней льготы, подчинить въ отношеніи государственныхъ, земскихъ и общественныхъ повинностей и наполненія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ,—одинаковымъ съ государственными крестьянами обязанностямъ. 7-е. Малолѣткамъ и товарищамъ, выселяемымъ изъ Маріинскаго общества въ многоземельныя селенія Саратовской и смежныхъ съ нею губерній, предоставить, согласно нашему повелѣнію 16 марта 1828 года, 40-ка-лѣтнюю льготу отъ рекрутства и 12-ти лѣтнюю отъ исправленія казенныхъ повинностей, считая оба сіи срока отъ водворенія каждаго въ свой

домъ; а надѣлъ землями и обложеніе оброкомъ, по минованіи льготныхъ лѣтъ, производить на одинаковомъ со старожилами положеніи. 8-е. Учебную ферму сохранить; но количество отведенной подъ оную земли ограничить такою пропорціею, которую сами воспитанники могутъ обработывать. 9-е. Расходы на содержаніе фермы, по утвержденному нами 26 мая 1847 года штату, а также издержки на окончательное устройство Маріинскаго общества и на предстоящія изъ онаго выселенія—употреблять изъ запаснаго капитала, въ который обращать, по-прежнему, доходы съ земель и оброчную поземельную подать съ крестьянъ Маріинскаго общества; о расходахъ же и остаткахъ сего капитала представлять намъ ежегодно отчетъ. 10-е. Для облегченія крестьянъ при новомъ устройствѣ Маріинскаго общества, числящуюся на нихъ недоимку, накопившуюся со времени нахожденія колоніи въ вѣдомствѣ московскаго Опекунскаго Совѣта и составлявшую—по минувшій сентябрь мѣсяцъ, 6,161 руб. сер., сложить, а остальную, сколько таковой будетъ состоять по 1-е января 1852 года, разсрочить съ того времени на 10 лѣтъ, по равной части въ каждомъ году».

«Николай».

«С.-Петербургъ, ноября 12 дня 1851 года».

«При подписаніи сего указа Его Императорскому Величеству благоугодно было пояснить 4-й пунктъ онаго тѣмъ, что воспрещеніе новыхъ водвореній хозяйствами относится токмо къ питомцамъ Воспитательнаго Дома, которые уже за симъ принимаемы и поселяемы быть не должны».

«Вѣрно: министръ государственныхъ имуществъ, генералъ-адъютантъ графъ П. Киселевъ».

Дѣло было зимой. Всѣ, начиная съ Карцева и кончая мужикомъ, стояли безъ шапокъ, а губернаторъ Кожевниковъ въ фуражкѣ. Прочитавши «положеніе», Кожевниковъ обращается къ крестьянамъ и спрашиваетъ ихъ слышали, что повелѣлъ вамъ государь?».

— Слыхать-то слыхали, ваше губернаторское благородіе, что вы читали, да только не знаемъ, отъ царя ли это?

Крестьяне хорошо знали, что губернатору нужно говорить—ваше пр—во, но захотѣлось, просто, поглумиться: мы-де мужики, народъ темный, почемъ мы знаемъ, какъ звать.

«Какъ не знаете, отъ царя ли? Видите: печатное!»

— Да видѣть-то—мы все видимъ, и видимъ, что печатное, да вѣдь у васъ и въ Саратовѣ печатаютъ. Мало ли чего печатнаго.

«Вамъ говорятъ, что отъ государя. Развѣ мы можемъ свое называть царскимъ?!»

— А коли царское, такъ вѣдь царское-то читаютъ—шапочки-то, скидаютъ!

Кожевниковъ, видимо, страшно сконфузился. Онъ не нашелся на это сказать ничего; онъ только крякнулъ и проговорилъ сквозь зубы своимъ густымъ басомъ: «лошадей!».

А мужики: «ну, вотъ оно и вышло, что наша правда! Ступайте-ка голубчики, гдѣ были! Съ Богомъ, братцы; да еще то и не ѣздите!»

Дѣйствительно, всѣ тотчасъ уѣхали. Мужики вполнѣ остались увѣренными, что ихъ все обманываютъ.

Вскорѣ пріѣзжаетъ въ Маріинское селеніе, въ каретѣ, нѣкто г. Гороховъ, бывшій недавно передъ этимъ управляющимъ саратовской казенной палаты. Созываетъ крестьянъ и говоритъ: «я—пензенскій губернаторъ и посланъ къ вамъ внушить вамъ..., такъ какъ вы своего губернатора не слушаете....» Но, на бѣду, нѣкоторые крестьяне знали его лично, и... г. Гороховъ ударилъ отъ нихъ съ полнѣйшимъ срамомъ. Горохова къ крестьянамъ никто не посылалъ и не могъ послать, какъ человѣка и другаго министерства, и состоявшаго уже въ отставкѣ. Онъ поѣхалъ, было, просто, за крестикомъ.

Не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ, губернаторъ, съ тѣми же чиновниками, пріѣхалъ опять; но, на этотъ разъ, съ нимъ пріѣхало и нѣсколько солдатъ съ розгами. Созвали въ большой домъ крестьянъ, призвали священника, заставили его прочитать «положеніе о питомцахъ», т. е. то самое, что̀, передъ этимъ пріѣздомъ; читалъ имъ самъ губернаторъ,—велѣли сдѣлать внушеніе и увѣрить, что это «положеніе» отъ государя.

Крестьяне говорятъ: «то, что̀ батюшка прочиталъ, это мы уже слышали. Вы докажите только намъ, что это отъ царя, тогда и дѣлу конецъ. Тогда дѣлайте съ нами, что̀ хотите».

— Доказать?.... розогъ!!

Положили первымъ крестьянина села Михайловскаго, Герасима Ѳедорова. Онъ былъ увѣренъ, что если онъ сдастся, то сдадутся за нимъ и всѣ; если же устоитъ, то устоятъ и всѣ,—и рѣшился умереть, но не сдаваться. Священникъ ушелъ. Стали сѣчь, и сѣкли ужасно! вполнѣ ужасно!—не торопясь.

Губернаторъ велѣлъ остановиться и спрашиваетъ:

«Будешь повиноваться?»

— Ѣшь, собака, мое тѣло, пей мою кровь, а слушать тебя не буду!

«Ну-ко, хорошенько, еще!»

Еще вложили штукъ 100. Губернаторъ опять спрашиваетъ: «будешь ли слушаться?». Герасимъ опять, лежа, отвѣчаетъ: «ѣшь, песъ, мое тѣло, рви меня на клочки, а слушать тебя не буду!». Нѣсколько разъ останавливались сѣчь и спрашивали, но Герасимъ—одно и тоже. Наконецъ его, за-мертво, оттащили въ сторону. Принялись за другаго, за третьяго... Крестьяне ожесточились, и рѣшились умереть всѣ, но не поддаваться. Пересѣчено было множество, но повиноваться ни-

кто не согласился. Сѣченыхъ развезли по домамъ. Тотчасъ же пріѣзжаютъ изъ села Михайловскаго за священникомъ, пріобщить засѣченнаго, умирающаго Бориса Иванова. Дорогой кучеръ и говоритъ священнику: «эхъ, кабы Богъ далъ—Борисъ померъ! Сейчасъ бы къ царю, что питомца засѣкли!». Подъѣзжаютъ... у воротъ народу пропасть, дворъ и изба биткомъ набиты, что и пройти трудно. Священникъ входитъ, всѣ разступились. Больной встаетъ, оборачивается спиной къ священнику, поднимаетъ рубашку и стонетъ: «по-ля-ди-ко, ба-тюш-ка, какъ ме-ня из-би-ли!». Дѣйствительно, это была не человѣческая спина, а говядина!—«Причасти меня!». Борисъ высѣченъ ужасно, но священникъ видѣлъ, что онъ настолько еще здоровъ, что за жизнь его опасаться нельзя. Притомъ онъ хорошо зналъ, что нужно крестьянамъ. Какъ ни жаль чужой шкуры, а своя, все-таки, дороже: тутъ можно запутаться въ дѣло. Отъ мужиковъ отдѣлаться, вѣроятно, какъ-нибудь будетъ можно, а отъ губернатора нелегко. Притомъ священникъ зналъ, что прихожане имѣютъ къ нему полное уваженіе и довѣріе, и говоритъ: «жаль мнѣ тебя, другъ мой, что ты такъ пострадалъ; но я вижу, что ты настолько еще здоровъ, что въ жизни твоей опасаться нельзя. Господь дастъ, ты скоро поправишься. Недѣльки черезъ двѣ я тебя пріобщу, изволь, а теперь какая исповѣдь—ты такъ встревоженъ?».

— Нѣтъ, причасти, а то я умру!

«Не бойся, другъ мой, не умрешь!»

Мужики закричали въ одинъ голосъ:—причасти, батюшка, онъ умретъ. Причасти—мы сейчасъ прошеніе къ царю, что засѣкли.

«Подать прошеніе вы можете и безъ причастія. А я пріобщать неопасно-больнаго не могу».

— Нѣтъ, причасти, безъ васъ намъ не повѣрятъ.

«Не могу, братцы. Пріобщать изъ-за просьбы—дѣло нехристіанское. Такъ нельзя. Подайте лошадь!»

Мужики загородили выходъ.

«Неужто вы думаете, что можно заставить меня пріобщать силой? Когда нужно, вы знаете хорошо, что я ѣзжу къ вамъ и по ночамъ пріобщать, а теперь не могу. Лошадь!».

Священникъ пошелъ изъ избы, мужики нехотя разступились. На дворѣ гамъ, бабы орутъ, мечутся! Лошадь прибрана, и ворота заперты... Дѣло выходило дрянь! Вѣдь этакъ, чего добраго, достанется и батюшкинымъ бокамъ, да и съ косточками! Священникъ принялъ, насколько былъ въ состояніи, самый хладнокровный видъ и говоритъ: «лошадь!». Всѣ умолкли. «Лошадь!» Молчатъ. «Вамъ говорю я: лошадь!» Подвели лошадь, но безъ кучера. Священникъ сѣлъ въ сани, взялъ

возки и сказалъ: «отворите ворота!». Не отворяютъ. Одинъ изъ крестьянъ вскрыгнулъ въ сани, взялъ возки и закричалъ: «отворяй! Развѣ вы не слышите, что батюшка говоритъ?». Ворота отворились.... Ну, и досталось же, вдогонку, отъ дѣтушекъ батюшкѣ!—«И съ господами то вмѣстѣ, и продалъ-то ихъ», и чего-то—чего не накричали! Бабы задали ругань здоровую! Но изъ мужчинъ никто не сдѣлалъ ни малѣйшаго оскорбленія. Они только хотѣли упросить, но не оскорбляя.

Сѣченьемъ губернаторъ не достигъ ничего, но крестьяне ожесточились до крайней степени. Тутъ только молодой священникъ увидѣлъ, что значитъ ожесточенная масса народа. Священника заподозрили въ сообществѣ съ господами, т. е. съ мѣстнымъ начальствомъ. Онъ говорилъ поученія каждый праздникъ; а въ это время сталъ направлять всѣ свои поученія о повиновеніи властямъ. Мужики и говорятъ: «коль попъ и въ церкви говоритъ о господахъ, такъ не-трогъ—однѣ бабы къ нему и ходятъ». И ни одинъ не ходилъ цѣлый годъ, тогда какъ питомцы и были, и до сихъ поръ—народъ весьма ревностный къ церкви. Къ священнику они необыкновенно почтительны. Нынѣ даже ни одинъ пьяный не пройдетъ мимо его дому; шапки скидаютъ издали; говорятъ съ нимъ непремѣнно безъ шапокъ. Такъ было и прежде. Въ это же время идетъ, бывало, священникъ по улицѣ; у воротъ стоитъ крестьянинъ: не сниметъ шапки и отворотится. Священникъ очень хорошо знаетъ, что крестьянинъ видѣлъ его и почему отворотился, и говоритъ ему: «здравствуй, Ѳедоръ Петровичъ! Иль не видѣлъ, что я иду?». Крестьянинъ нехотя снимаетъ шапку и говоритъ: «я не видѣлъ васъ».

У питомцевъ до сихъ поръ въ обыкновеніи, на св. Пасху, ходить священнику съ иконами по домамъ прихожанъ служить молебны. Носящіе иконы называются богоносцами. Крестьяне села Михайловскаго общимъ совѣтомъ и положили платить попу за молебенъ по семишнику (2 коп.). Приходятъ съ иконами въ первый домъ; хозяинъ, Терентій Дорофеевъ, даетъ 20 к. и говоритъ тихонько: «вотъ вамъ, батюшка, двугривенный, только не говорите никому. У насъ на сходѣ положили давать вамъ по семишнику». Приходятъ во второй дворъ—3 к., въ третій—5. Священникъ и говоритъ богоносцамъ: «ступайте съ иконами домой, въ Николаевское». Не успѣли богоносцы сдѣлать и пяти шаговъ, какъ сбѣжались всѣ крестьяне. Они всѣ глядѣли въ окна и наблюдали, будетъ ли попъ ходить.

— Что вы, батюшка, что вы не хотите ходить у насъ?

— Зачѣмъ вы, братцы, сговорились давать мнѣ по семишнику?

Еслибы у васъ не было денегъ и вы давали бы мнѣ по семишнику, тогда я ничего не сказалъ бы вамъ, и сталъ бы ходить. Но кольскоро вы сговорились, то ходить я не буду.

— Эй, братцы! Давать батюшкѣ, что̀ слѣдуетъ! Если кто не дастъ—отпоремъ на сходѣ!

— За что вы, братцы, сердитесь на меня? Развѣ я въ чемъ виноватъ?

— Нѣтъ, батюшка, вы ни въ чемъ не виноваты. Виновато начальство, да и сами глупы—далеко залѣзли. Пожалуйте, батюшка, будьте покойны, все будетъ, какъ слѣдуетъ.

И дѣло пошло своимъ порядкомъ.

Чѣмъ больше начальство домогалось покорности, тѣмъ сильнѣе возрастала непокорность. Крестьяне ожесточились противъ всѣхъ. Они почитали только царя и себя,—«забитыхъ царскихъ дѣтей». Питомцы и прежде почитали себя царскими дѣтьми, а теперь, въ горѣ, тѣмъ болѣе. Они, дѣйствительно, почитали себя, по ихъ выраженію, третьимъ поколѣніемъ: царь, наслѣдникъ и они. Въ это время идетъ, напр., одинъ ночью по улицѣ; съ нимъ встрѣчается другой.—«Кто идетъ?» Царскій сынъ! «Ну, здравствуй!» И поцѣлуются.....

Вдова Анна Ермолаева Бредушкина—Марѳа Посадница своего рода—въ селѣ Михайловскомъ—была вхожа въ домъ письмоводителя Т. П. Бѣднякова. Тотъ ей однажды и говоритъ: «зачѣмъ не говорите ничего управляющему, а все подаете прошенія, то къ губернатору, то къ министру? Прошенія вѣдь ваши къ намъ же присылаютъ, чтобы мы сдѣлали по нимъ распоряженія». Бредушкина побѣжала домой, собрала сходъ и кричитъ: «всѣ закуплены управляющимъ! Всѣ прошенія наши у него въ рукахъ!». И пошла сумятица. Бѣдняковъ трухнулъ не на шутку. Но дѣло обошлось безъ большихъ хлопотъ. Только Бѣдняковъ, послѣ того, не сталъ уже принимать ее въ домъ.

Въ началѣ 1852 г., и именно великимъ постомъ, прислали солдатъ, въ каждый домъ по солдату.

Къ несчастію питомцевъ, все,—и милости, и строгости,—служили ко вреду ихъ. Такъ, хоть бы теперь: во всѣ селенія и въ каждый домъ поставили по солдату. Эта мѣра, всегда и вездѣ, считается одною изъ худшихъ мѣръ для крестьянъ. Солдаты всегда обращаются съ крестьянами грубо и тѣмъ скорѣе заставляютъ ихъ повиноваться. Здѣсь случилось наоборотъ. Солдаты сразу поняли, что имъ гораздо лучше жить въ деревнѣ, пить даровую водку и ѣсть яичницы, нежели каждый день хватать зуботрещины, въ ученьи, на плацу въ городѣ, и, чѣмъ дольше они будутъ жить, тѣмъ лучше это для нихъ.

Жить же они должны до тѣхъ поръ, пока крестьяне придутъ въ совершенное повиновеніе. Солдаты и толковали крестьянамъ: «держитесь своего, ваше дѣло правое». Чѣмъ больше солдаты поддѣлывались къ крестьянамъ, тѣмъ лучше ихъ содержали и больше поили виномъ. Иной кавалеръ и начнетъ размазывать, что онъ «и въ Туретчинѣ былъ, и въ Персіи былъ; и въ Нѣметчинѣ былъ, и Расею всю скрозь шесть разъ прошелъ»; что много онъ видѣлъ питомскихъ и селъ, и городовъ: всѣ «питомцы какъ господа живутъ, лишь получаютъ денежки, да погуливаютъ». Слушаешь, бывало, такіе пересказы и говоришь: «что вы слушаете этихъ мошенниковъ? Они нарочно васъ съ толку сбиваютъ, чтобы вы ихъ больше поили, да подольше бы пожить у васъ».—Нѣтъ, N. N., вы послушайте-ка Ѳедора Маркыча Бѣлоусова, онъ ундеръ. Какъ начнетъ разсказывать, гдѣ онъ бывалъ, да что видалъ,—такъ ужасти! Его всѣ солдаты зовутъ «дядинькой». О солдатахъ крестьяне составили высокое мнѣніе. Что станешь, бывало, говорить, а тебѣ и отвѣчаютъ: «нѣтъ, солдаты-то вотъ говорятъ не то; солдатъ присягу принималъ, онъ не совретъ». Многіе изъ нихъ перекумились и даже переженились. Наконецъ военное начальство догадалось, что христолюбивые воины дурятъ, что они только дѣло портятъ, и стало переводить ихъ изъ деревни въ деревню чрезъ каждую недѣлю. Но дѣло этимъ не поправилось.

Спустя мѣсяцъ по приходѣ солдатъ, пріѣхала слѣдственная коммисія, состоящая изъ шести человѣкъ, для производства слѣдствія. Главными дѣятелями ея были: М. Д. Пипинъ и чиновникъ особыхъ порученій губернатора, N. N. Мѣстный священникъ былъ приглашенъ въ качествѣ увѣщателя. Священникъ, помощникъ управляющаго А. З. Марковскій и ветеринарный врачъ М. М. Бурковъ, хорошо знавшіе питомцевъ, говорили чиновникамъ, чтобы непремѣнно надѣли мундиры, когда призовутъ; но чиновники съ насмѣшкой отвѣчали: «это съ мужиками-то вы хотите заставить насъ церемониться? много чести!». Пипинъ, долго бывшій, до того, въ Саратовскомъ уѣздѣ окружнымъ начальникомъ и привыкшій смотрѣть на мужиковъ какъ на свиней, даже обидѣлся. Созвали крестьянъ. Чиновники вышли къ нимъ. Губернаторскій чиновникъ N. N., человѣкъ еще молодой, принялъ начальственную позу и крикнулъ имъ: «вы бунтуете, не повинуетесь начальству! Мы пріѣхали произвести слѣдствіе. Кто изъ васъ главные бунтовщики, кто подбиваетъ васъ, чтобъ вы не повиновались?». Питомцы, бывшіе московскіе фабриканты и видѣвшіе начальство покрупнѣе этихъ господъ, хорошо знали, какъ нужно держать себя передъ начальствомъ; но тутъ, тотчасъ же, стали, кто бокомъ, а кто

и спиной, и показали, вообще, полнѣйшее невниманіе. N. N. и сконфузился, и обидѣлся.

— Слышите, что говорятъ вамъ?—крикнулъ онъ.

— Да мы не знаемъ, кто вы.

— Я чиновникъ особыхъ порученій господина начальника Саратовской губерніи, N. N.!

— А я чиновникъ Z. Z.!

— Ну, а меня-то вы, думаю, знаете,—Пипинъ, М. Д.!

— А я.....

И такимъ боразомъ отрекомендовались всѣ. А питомцы: «коль вы за дѣломъ пріѣхали, и вправду чиновники, такъ должны быть въ мундирахъ. А то—почемъ знать, кто вы такіе? Въ такихъ-то спортукахъ много ходятъ, а кто ихъ знаетъ, кто они такіе». Сзади кто-то и крикнулъ: «это любовцевскіе повара!» (Любовцевъ—ближайшій помѣщикъ, хлѣбосолъ, имѣвшій пропасть поваровъ, что питомцы, конечно, знали). Другой крикнулъ ему: «а можетъ—лихачевскіе?». Чиновники ужасно сконфузились и повернулись, чтобы идти въ квартиру. Мужики разразились самымъ задушевнымъ хохотомъ. Лакей Пипина тотчасъ поскакалъ за мундирами. Утромъ чиновники вышли въ мундирахъ, прицѣпили и значки, у кого они были. Питомцы вытянулись въ струнку и говорятъ: «вотъ теперь мы видимъ, что вы чиновники, и извольте спрашивать насъ, что вамъ нужно». Шесть недѣль производилось слѣдствіе. Многіе тотчасъ же, послѣ допроса, взяты были въ острогъ. Питомцы видятъ, что на ихъ доводы не обращаютъ никакого вниманія, стали ходить къ священнику, по ночамъ, за совѣтами. Приходятъ человѣкъ десять и говорятъ: «батюшка! Вы насъ знаете. Вы каждый день бываете при допросахъ и слышите, что говоримъ мы и что говорятъ намъ. Вотъ вамъ бумаги, посмотрите: съ такого-то взяты двойныя подати, такой-то вывезъ тройную пропорцію дровъ; въ «положеніи» нѣтъ, чтобъ мы пахали на казну, а мы пахали 20 лѣтъ; матушка Марья Ѳеодоровна купила и отдала всю землю питомцамъ».... Приходилъ народъ отборный, бывшіе москвичи,—народъ чистый, ловкій, умный и великолѣпно, отчетливо говорившій, невольно внушавшій къ себѣ уваженіе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, озлобленный до крайнихъ предѣловъ. Нужна была только маленькая искра, чтобы все взорвалось, какъ порохъ. Священникъ хорошо понималъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Скажи онъ: «да, братцы, вы правы»,—сію минуту не осталось бы въ живыхъ ни одного чиновника и ни одного солдата. Скажи онъ: «вы неправы»,—тотчасъ же убили бы его. Большаго возбужденія, въ какомъ находились питомцы, быть не могло. Одно неосторожное слово,—и смерть, или ему, или

сотнямъ другихъ. Очень много было такихъ дѣлъ, гдѣ питомцы совершенно были правы и гдѣ начальство совершенно виновато, гдѣ и гг. слѣдователи сильно кривили душой. Но не меньше было и такихъ, гдѣ виноваты были питомцы. Что тутъ было дѣлать? Священникъ держался такого мнѣнія, что если двое ссорятся, то непремѣнно оба виноваты, но только одинъ больше виноватъ, а другой меньше. Чтобы не надѣлать бѣдъ, онъ и примѣнилъ это правило въ разсужденіяхъ съ депутатами. Прежде всего нужно употребить всѣ силы, чтобъ не показать и признака внутренняго волненія, и стараться, чтобы и депутаты были покойны и довольны. Представляютъ, напримѣръ, случай, гдѣ явно (и дѣйствительно) виноваты слѣдователи. Нужно было находить такую сторону, въ этомъ дѣлѣ, гдѣ виноваты и питомцы,—развить это и кончить тѣмъ, что виноваты и тѣ, и другіе. Въ другомъ дѣлѣ нужно было оправдать и тѣхъ, и другихъ. И, такимъ образомъ, вертится, какъ на горячихъ угольяхъ, до свѣта!.. На разсвѣтѣ всѣ уходятъ довольными и благодарными. Онъ бьется съ ними цѣлую ночь, и ждетъ—не дождется: когда пройдетъ эта ужасная ночь. Наконецъ ушли, и священникъ перекрестился, какъ никогда, можетъ быть, не крестился до того времени! Священникъ хорошо также зналъ, что у чиновниковъ слѣдственной коммисіи всюду разосланы шпіоны, которые слѣдятъ за всѣмъ и за всѣми; что имъ уже извѣстно, что отборные изъ питомцевъ всю ночь пробыли въ его домѣ,—что чиновники знали это, но, конечно, не могли знать, о чемъ онъ толковалъ съ ними; могли почесть его первымъ подстрекателемъ къ бунту и почтить его честію перваго кандидата на «отдаленныя мѣста». Но уходѣ депутатовъ священникъ излагалъ всю ночную бесѣду на бумагѣ и утромъ вручалъ ее коммисіи, а та тотчасъ же, съ нарочнымъ, отправляла къ губернатору. Можетъ быть, кто-нибудь укоритъ священника и за недостатокъ стойкости и прямоты въ ночныхъ бесѣдахъ? Но пусть тотъ самъ представитъ себя на его мѣстѣ: тутъ были не игрушки, а дѣло жизни, или жизней!.. На слѣдующую ночь тѣ же или такіе же посѣтители, такія же бесѣды, такія же заявленія коммисіи и такіе же гонцы къ губернатору. И эта исторія, изъ ночи въ ночь и изо дня въ день, цѣлый мѣсяцъ! Днемъ священникъ долженъ былъ находиться при коммисіи, а ночью толковать съ питомцами. Отъ внутреннихъ волненій и отъ безсонныхъ ночей онъ пришелъ въ совершенное обезсиленіе.

Однажды утромъ священникъ идетъ въ коммисію, его останавливаютъ и говорятъ: «батюшка! Вы за насъ должны бы заступаться, а вы все на насъ!». Священникъ отвѣчаетъ: «я, братцы, всегда заступался за васъ и не могу не заступаться, по тому даже одному,

что въ этомъ моя личная польза: богаты вы—богатъ буду и я; разворятъ васъ—разворюсь и я. Но не могу же васъ оправдывать во всемъ: во многомъ виноваты и вы. Это говорю я вамъ и въ церкви, и у васъ въ домахъ, и у себя, когда вы приходите ко мнѣ за совѣтомъ; но теперь мое начальство велѣло мнѣ выяснить вамъ ваши ошибки и при вашихъ начальникахъ». Потолковавъ въ этомъ родѣ, священникъ отправился въ коммисію. Мужики на улицѣ долго толковали. Явились въ коммисію—узнать нельзя: держать себя дерзко, отвѣчаютъ грубо, а нѣкоторые и совсѣмъ говорить не хотятъ. Что за причина, думаютъ всѣ? Побились-побились, и отпустили всѣхъ до послѣобѣденныхъ засѣданій. Какъ-только пришелъ священникъ домой, къ нему прибѣгаетъ церковный сторожъ Николай Николаевъ: «батюшка! Вы что утромъ говорили мужикамъ, какъ они остановили васъ на улицѣ?».—А что?—«Мужики говорятъ: «держитесь братцы! Священникъ сказалъ, чтобъ мы держались, что наше дѣло правое, а что онъ говоритъ намъ потому только, что ему велитъ говорить его начальство».—Ну, думаетъ священникъ, проболтался... Не нужно было говорить словъ: велитъ начальство. Сейчасъ же написалъ заявленіе и послѣ обѣда подалъ коммисіи, объяснивши, что было говорено, и какъ перетолкованы слова. Члены коммисіи говорятъ: «помилуйте, батюшка, развѣ мы не знаемъ васъ?!».—Знаете или нѣтъ, это все равно, а заявленіе привяжите къ дѣлу. Послѣ этого священникъ вышелъ къ крестьянамъ, объяснился съ ними, и дѣло опять пошло по-прежнему.

У питомцевъ много жило отставныхъ чиновниковъ, которые подзадоривали ихъ, строчили просьбы и имѣли переписку съ такими же въ Петербургѣ. О каждомъ правительственномъ распоряженіи, прежде, чѣмъ оно придетъ въ Саратовъ, питомцы уже знали впередъ. Точно также они тотчасъ узнавали о каждомъ распоряженіи саратовскаго начальства и иногда успѣвали подавать прошенія въ Петербургъ прежде, чѣмъ распоряженіе было приведено въ исполненіе. Дѣльцы эти днемъ ютились по деревнямъ, на гумнахъ въ соломѣ, а ночью орудовали. Какъ ни старались чиновники изловить хоть одного, но—такъ и не удалось. Только, бывало, чуть шелохнутся чиновники—изъ Николаевскаго скачутъ гонцы во всѣ деревни. Пріѣзжаетъ кто-нибудь въ деревню: тамъ былъ сейчасъ сходъ, но теперь уже все въ порядкѣ, всѣ по домамъ и за работой, а присяжный народъ, солдаты, клянутся, что схода не было ни днемъ, ни ночью, и что постороннихъ людей ни души нѣтъ.

Въ началѣ сентября 1852 г. питомцы получили изъ Петербурга увѣдомленіе, что Государь утвердилъ мнѣніе министра государственныхъ

имуществъ сослать въ Сибирь, цѣлыми семействами, главныхъ бунтовщиковъ. Ремлингенъ получилъ предписаніе составить имъ списокъ. Кто были главными бунтовщиками и подстрекателями, этого не только не зналъ Ремлингенъ, но не знали и сами питомцы: они всѣ были равны, что впослѣдствіи и доказалось. Но Ремлингенъ руководствовался такимъ правиломъ: кто богаче, тотъ вліятельнѣе въ обществѣ, тотъ больше и кричитъ,—значитъ, тотъ и бунтовщикъ. И составилъ списокъ на 48 человѣкъ, самыхъ богатыхъ.

Къ 14-му сентября въ с. Николаевское присланы изъ Саратова еще 2 роты солдатъ, 50 человѣкъ казаковъ и 25 конныхъ жандармовъ и изъ окрестныхъ селъ 700 человѣкъ понятыхъ. 14-го сентября пріѣхалъ губернаторъ Кожевниковъ, управляющій палатою государственныхъ имуществъ Карцевъ, два жандармскихъ офицера, чиновники при губернаторѣ и управляющемъ, исправникъ Муратовъ и становой приставъ Скурыдинъ,—всѣхъ опять человѣкъ 15,—чтобы взять главныхъ бунтовщиковъ. Губернаторъ призываетъ въ домъ Ремлингена священника и говоритъ: «мы должны взять главныхъ бунтовщиковъ. А какъ крестьяне перечислены уже въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ и должны имѣть свое сельское управленіе, то остальные должны избрать изъ среды себя старостъ, добросовѣстныхъ, сборщиковъ податей и прочихъ служащихъ. Передъ выборомъ, такъ какъ эти выборы въ первый разъ въ ихъ жизни, нужно отслужить молебенъ. Поэтому я пригласилъ васъ попросить отслужить его, когда это будетъ нужно, и прошу васъ быть готовымъ».

На площади, около церкви, разлеглись понятые, кучками разсѣлись солдаты, а чины полиціи поскакали во всѣ концы съ приказами крестьянамъ явиться тотчасъ въ село Николаевское. Но оказалось, что ни одного мужика, ни въ селѣ Николаевскомъ и ни въ одной деревнѣ не было дома. Въ домахъ были однѣ бабы, да ребятишки, а мужики скрылись неизвѣстно куда. Долго разыскивали и наконецъ дознали, что всѣ мужики ушли въ степь, въ оврагъ (гдѣ теперь прудъ фермы)—принимать присягу не выдаваться и не выдавать. Крестьяне поставили на бугру икону: каждый клалъ земной поклонъ, прикладывался къ иконѣ и ѣлъ комъ земли, въ знакъ того, что онъ скорѣе рѣшится дать себя живымъ закопать въ землю, чѣмъ поддаться, или выдать другаго. Приставъ Скурыдинъ отправился къ нимъ, но мужики не пошли. Скурыдинъ доложилъ Кожевникову, тотъ послалъ его въ другой разъ. Въ другой разъ Скурыдинъ сказалъ, что если они не пойдутъ, то солдаты изобьютъ ихъ женъ и дѣтей, заберутъ въ острогъ, а деревни сожгутъ. Мужики двинулись. Жалованныя Опекунскимъ Совѣтомъ иконы у каждаго

были за пазухою. Иконы были взяты въ той увѣренности, что, при царской наградѣ, ихъ никто не посмѣетъ тронуть. Всѣхъ домохозяевъ было 260 человѣкъ и около того товарищей и малолѣтковъ. Мужики пришли въ Николаевское на площадь къ церкви. Тотчасъ ихъ окружили конные жандармы и казаки. Большимъ кругомъ, въ нѣсколько рядовъ, стали солдаты; за ними, тоже въ нѣсколько рядовъ, понятые. Офицеры скомандовали солдатамъ зарядить ружья и, на глазахъ крестьянъ, тѣ зарядили. Николаевское, какъ я неразъ уже говорилъ, стоитъ на большой дорогѣ, народу ѣдетъ множество.—проѣзду не стало, и все это сдвинулось. Набѣжало бабъ, ребятишекъ... Народу было—тысячи. Губернатору сказали, что его хотятъ убить, хотя объ этомъ никто и не думалъ. Поэтому онъ торжественно, подъ конвоемъ въ два ряда солдатъ съ ружьями «на плечо», сопутствуемый всѣмъ штатомъ чиновниковъ, вышелъ къ крестьянамъ. Губернаторъ прочелъ распоряженіе о выселеніи и списокъ главныхъ бунтовщиковъ. Изо всѣхъ крестьянъ повиновались только старосты: села Николаевскаго—Степанъ Толстый, села Михайловскаго – Семенъ Терентьевъ, села Александровскаго—Хрисанфъ Николаевъ, села Маріинскаго—Арсеній Григорьевъ и Константиновскаго—Савинъ Ивановъ. Старосты стояли возлѣ губернатора. Губернаторъ спросилъ крестьянъ: «кто изъ васъ Иванъ Петровъ? (записанный первымъ въ спискѣ бунтовщиковъ) Выходи!» Тѣ, кои значились въ спискѣ, мгновенно были втиснуты въ средину, а мужики сцѣпились, подъ плечо, рука съ рукою, и составили непроницаемую массу. Губернаторъ спросилъ старостъ: который Иванъ Петровъ? Тѣ указали. Губернаторъ крикнулъ солдатамъ: «взять его!» Человѣкъ десять бросились къ нему, но мужики слились. Пришлось пробивать дорогу къ Ивану Петрову прикладами, и били, конечно, гдѣ попало, ужасно! Мы, какъ посторонніе зрители, стояли на высокомъ крыльцѣ церкви, шагахъ въ 30-ти. Наконецъ солдаты добрались до Ивана Петрова, и вцѣпились. Но въ него вцѣпилось рукъ тридцать мужичьихъ—и не даютъ. Солдаты рвутъ къ себѣ, мужики къ себѣ. Несчастнаго Ивана Петрова вытаскиваютъ на головы къ мужикамъ. Солдаты рвутъ за плечи, за руки, за волосы, за бороду, бьютъ кулаками и прикладами, бьютъ тѣхъ, которые держатъ... Мужики не даютъ. Иванъ Петровъ уже не помнитъ, что съ нимъ дѣлается,—онъ весь избитъ и изорванъ, его ломаютъ во всѣ стороны и враги, и защитники онъ давно готовъ отдаться куда-угодно, но въ него вцѣпились десятки рукъ, и не пускаютъ... Но, наконецъ, солдаты вытащили его черезъ головы побитыхъ защитниковъ. Въ крови, избитаго, изорваннаго, въ лохмотьяхъ, совсѣмъ обезображеннаго и едва живаго, его подтащили

къ губернатору. Нелишнимъ нахожу сказать, что Иванъ Петровъ былъ мужчина высокаго росту, умный и красавецъ собой. Сейчасъ его распоясали, связали кушакомъ руки назадъ, усадили на телѣгу и, съ вооруженнымъ казакомъ, отправили въ острогъ. Я забылъ сказать, что было приготовлено 48 подводъ для арестуемыхъ. Принялись за Ивана Николаева. И опять та же самая исторія!.. Потомъ за Николая Панфамирова—и та же исторія... Избиты и искалѣчены всѣ до невозможности. Каждаго выдернутаго связывали и съ вооруженнымъ казакомъ отправляли тотчасъ,—прежде чѣмъ примутся калѣчить другаго. Предосторожность—вооруженный казакъ—была совершенно излишняя: на дорогѣ отбивать арестанта было некому, питомцы были всѣ въ Николаевскомъ, а самъ арестантъ былъ не въ силахъ не только бѣжать, но и, просто, сидѣть какъ слѣдуетъ. Каждаго, скорѣе, нужно было провожать съ фельдшеромъ, чѣмъ съ казакомъ. И такъ повыдергали до послѣдняго. Питомцы сдержали свою клятву: едва держась на ногахъ сами, не выдавали безъ борьбы до послѣдняго, хотя хорошо могли уже видѣть, что эта борьба не имѣла смысла и въ самомъ началѣ, а къ концу и тѣмъ болѣе. И такъ главныхъ бунтовщиковъ взяли, остались одни неглавные! Но представьте, что это за люди—оставшіеся! Это куча мужиковъ, человѣкъ около 500, осунувшаяся, полуумная, оборванная, растрепанная, вся въ крови и въ какомъ-то опьяненіи и недсумѣвающая, что̀ съ ней было сейчасъ, и что̀ будетъ дальше! Въ сторонѣ стоитъ другая, такая же куча, человѣкъ въ 50, тоже оборванная, растрепанная, въ крови, но бодрая и охорашивающаяся — это доблестные воины, завоевавшіе 48 бунтовщиковъ. Какъ-только увезли послѣдняго изъ главныхъ бунтовщиковъ, губернаторъ крикнулъ: «въ церковь, къ молебну!». Мужики встрепенулись. Никто не догадался сказать мужикамъ до этого, что̀ будетъ значить этотъ молебенъ,—что онъ не больше какъ молебенъ передъ выборомъ сельскаго начальства; между тѣмъ мужики подумали, что ихъ заставятъ теперь принимать «присягу на государственныхъ крестьянъ», т. е. крестьяне подумали, что ихъ теперь заставятъ отказаться отъ питомскихъ правъ, согласиться сдѣлаться государственными крестьянами и, въ знакъ полнаго на то согласія, принять присягу. Но похоронить навѣчно, для себя и дѣтей своихъ, права и льготы питомцевъ они и не думали. Они давно уже рѣшились умереть за нихъ—и неразъ, какъ и сейчасъ, доказали это. На слова губернатора они не двинулись съ мѣста. Солдаты погнали ихъ прикладами. Да, солдаты прикладами погнали крестьянъ въ церковь молиться Богу!.. И кого погнали? Обезображенную, изуродованную, оборванную, всю въ крови и обез-

смысленную толпу—и... молиться Богу!.. Хорошо это было дѣлано, или нѣтъ, разсуждать—не моего ума дѣло, но смотрѣть на все это было больно. Я совершенно увѣренъ, что объясни имъ, какъ слѣдуетъ, зачѣмъ велятъ идти имъ въ церковь,—они пошли-бы безпрекословно; но ихъ, кажется, хотѣли, просто, переломить, поставить на своемъ—и больше ничего. И будто не могло обойтись безъ этой грустной церемоніи—молебна?.. Въ церковь погнали... Но представьте себѣ ту картину, когда гонятъ стадо овецъ въ воду: переднія не идутъ, упираются, падаютъ, а заднихъ бьютъ и напираютъ на нихъ. Мужики рванутся въ сторону, но имъ тотчасъ загородятъ дорогу и погонятъ назадъ; рванутся въ другую,—ихъ погонятъ и оттуда, и все это кулаками по рылу и прикладами гдѣ—попало! Кровь ручьями полилась снова! А сзади: ребятишки визжатъ, бабы кричатъ, зашумѣли и понятые!.. Но, къ счастію, понятыхъ скоро уняли. Бабы не выдержали и принялись работать: кто кирпичемъ, кто полѣномъ, кто чѣмъ—попало,—все полетѣло въ чиновниковъ и солдатъ. Исправнику Муратову досталось больше всѣхъ: осколкомъ кирпича его сшибли съ ногъ и до крови процибли голову. Вокругъ губернатора и другихъ была большая куча солдатъ. Крестьянъ совсѣмъ измяли. Наконецъ обхватили крѣпкимъ кольцомъ изъ солдатъ и вдвинули въ церковь. Какъ-только священникъ подошелъ къ аналою, чтобъ служить молебенъ, всѣ—и мужики и бабы—закричали: «убейте всѣхъ насъ здѣсь, а присягать не будемъ»—и упали всѣ на землю. Долго пришлось священнику ходить между лежавшими и говорить имъ, что это не присяга, что это будетъ молебенъ предъ выборомъ добросовѣстныхъ и старостъ, что льготные питомскіе годы прошли уже давно и что они, хотятъ-ли или не хотятъ, а государственными крестьянами быть должны..... Губернаторъ глядѣлъ и молчалъ. Мужики встали. Въ двѣ-три минуты отслуженъ былъ молебенъ; губернаторъ и чиновники подошли ко кресту, но мужики стоятъ. Немало опять пришлось говорить съ ними священнику. Наконецъ одинъ подходитъ, съ выраженіемъ отчаянной рѣшимости, крестится и говоритъ: «ну, что моей душѣ ни будетъ, я подойду». За нимъ подошли и остальные. Какъ-только подошли, всѣ подступили къ священнику: «батюшка! Заступись хоть ты за насъ! Насъ теперь забьютъ».

— Братцы! За что же васъ станутъ бить? Вотъ васъ били, когда вы не слушались; теперь, когда вы будете слушаться, васъ никто не тронетъ, я вамъ порукой.

«Нѣтъ, теперь насъ забьютъ».

Священникъ подходитъ къ губернатору и говоритъ: «ваше превосходительство! Увѣрьте ихъ, что вы не тронете ихъ». Губернаторъ

подходитъ къ мѣстной (въ иконостасѣ) иконѣ Спасителя и говоритъ: «вотъ вамъ икона святая порукой, что я не трону васъ!».

Губернаторъ немного поговорилъ съ крестьянами и ушелъ, за нимъ ушли чиновники и солдаты; священникъ пошелъ въ алтарь снять облаченіе, но народъ не выходилъ. Какъ-только священникъ вышелъ изъ алтаря на амвонъ, чтобъ идти домой, весь народъ подступилъ къ нему и завопилъ: «зачѣмъ ты пустилъ губернатора въ церковь? Ты заперъ бы церковь, да и ушелъ; тебѣ губернаторъ не начальникъ, твой начальникъ архіерей!..».

— Что же, васъ повезли въ острогъ, а мнѣ впереди васъ ѣхать?

— Твой начальникъ архіерей; губернаторъ тебѣ ничего не можетъ сдѣлать! Подай намъ золотыя граматы нашей матушки Маріи Ѳеодоровны, онѣ лежали въ церкви на престолѣ, ты ихъ господамъ продалъ!...

— Да вы видѣли ихъ? Говорите: кто видѣлъ золотыя граматы Маріи Ѳеодоровны на престолѣ? въ алтарь вы всѣ ходите?

— Видалъ—не видалъ, это все равно,—онѣ тамъ были.

— Нѣтъ, не все равно... Но дальше говорить и доказывать не дали: поднялся крикъ, бабы заголосили, всѣ кричали, махали руками, дошли до неистовства! Кажется, все перекипѣвшее зло хотѣли выместить на священникѣ. Но бабы... охъ, бабы-бабы! Совсѣмъ, было, разорвали. Одна баба, стоявшая впереди съ ребенкомъ на рукахъ, глядитъ на него, тычетъ рукой въ глаза священнику и голоситъ: «батюшка, Ванюшка! Погубилъ тебя песъ-отъ, погубилъ, голубчикъ мой, погубилъ!». Ужъ нечего грѣха таить: дѣтушки задали батюшкѣ встряску! Измѣни онъ, хоть на волосъ, своему хладнокровію, или уйди въ алтарь, только-бъ ему и жить. Лежать бы ему, праведному Захаріи, между церковію и алтаремъ. Чудомъ какимъ-то спасся онъ, что его не разорвали. Но онъ стоялъ такъ, какъ-будто дѣло шло не объ немъ, какъ-будто онъ былъ совсѣмъ постороннимъ зрителемъ. Хотя въ душѣ у него совсѣмъ не такъ было покойно, хотя онъ каждое мгновеніе ждалъ, что вотъ-вотъ кто-нибудь хватитъ. Всѣ неистовствовали, а ихъ было около 2,000 человѣкъ! Но, однакоже, никто не тронулъ пальцемъ. Наконецъ, мало-по-малу, успокоились и ушли.

На другой день, по взятіи, такъ называемыхъ, главныхъ бунтовщиковъ, должны были быть взяты въ острогъ ихъ семейства. Семейнымъ дозволено было, въ ночь, продать все свое имущество, кромѣ домовъ. Вотъ тутъ-то кумоньки и явились на помощь. Иной голоситъ: «ма-туш-ки ку-муш-ки! Вѣдь у тебя все пойдетъ за-безцѣнокъ, все такъ пропадетъ,—давай я все продамъ исподоволь и вышлю тебѣ деньги—куда напишешь», а самъ, смотришь, натеръ глаза лукомъ.

Нѣкоторыя успѣли кое-что за-безцѣнокъ продать, а другія все оставили кумонькамъ. Но у этихъ кумоньковъ такъ все и пропало. Нѣкоторые кумоньки захватили дома по два и по три. Можно-бъ указать, кто глаза натиралъ лукомъ, чтобъ вызвать слезы, и на тѣхъ, кои, несмотря на многія письма сосланныхъ, не выслали имъ ни гроша; но Господь суди ихъ, а не я!

Все, что ни дѣлалось съ несчастными, по самому рожденію, питомцами, и добраго, и худаго,—все служило ко вреду ихъ. За возмутительное письмо, присланное изъ Петербурга Кузьмой Алексѣевымъ, опредѣлено прогнать его сквозь строй. Наказать велѣно было на мѣстѣ жительства, чтобъ крестьяне знали, что то, что писалъ онъ имъ, было ложно, и какъ наказываютъ за ложныя, возмутительныя письма. Изъ острога его привезли въ селеніе Николаевское. Исправляющему должность управляющаго, А. З. Марковскому, и офицеру, командовавшему солдатами, не хотѣлось срамить несчастнаго, заблуждавшагося мужика и наказывать его на площади, среди селенія, по которой безпрестанно проѣзжаютъ тысячи народу, и они нашли лучшимъ наказать его позади селенія, за нынѣшнимъ училищнымъ магазиномъ. При этомъ офицеръ шепнулъ солдатамъ, чтобы били легче. Какъ-только Кузьму провели одинъ разъ, мужики и заорали: «вотъ видите, братцы, какъ насъ обманываютъ! Еслибъ наказывать-то въ самомъ дѣлѣ велѣлъ царь, то не стали бы прятать по гумнамъ (мѣсто это позади гуменъ), а наказывали бы на площади. А то они боятся, какъ бы тамъ кто не проѣхалъ да не донесъ царю, что питомца наказывали. Да и бить-то стали бы не такъ. Офицеръ Кузьмѣ не братъ, ему нечего жалѣть его». Офицеръ испугался, да и крикнулъ солдатамъ: «ну-ко, ребята, проберите хорошенько!» Дѣйствительно, послѣ этого и пробрали! Кузьма былъ наказанъ такъ, какъ, вѣроятно, немногихъ наказываютъ.

Всѣ, и самые обыкновенные, случаи питомцы перетолковывали въ свою пользу. Вскорѣ по взятіи главныхъ бунтовщиковъ, Ремлингенъ, послѣ кратковременной болѣзни, померъ. Пріѣхалъ пасторъ, совершилъ обрядъ погребенія въ его квартирѣ; заколотили гробъ и отвезли на кладбище. И скорая смерть, и то, что заколотили гробъ,—произвели много толковъ. Одни говорили, что онъ принялъ яду, боясь, чтобъ царь не повѣсилъ его за питомцевъ, другіе же—что гробъ забитъ пустой, а что самъ онъ бѣжалъ.

Я говорилъ, что Ремлингенъ поступилъ безумно, когда составлялъ списокъ главныхъ бунтовщиковъ, записавши туда самыхъ богатыхъ. Онъ думалъ, что оставшіеся будутъ говорить: коли богатыхъ не пожалѣли, то насъ не пожалѣютъ и вовсе,—и смирятся. Но оказа-

лось, что бѣдняки заговорили: «богатымъ было что̀ жалѣть, а намъ все равно, вези—куда хочешь. Бунтовали и въ Гареновѣ, а какъ царь узналъ, такъ далъ и земли, и всего еще больше того, что̀ тамъ было. Такъ и теперь: еще не знай, что́ будетъ, когда царь-то узнаетъ!» И стали собираться всѣ поголовно. Причиною къ такой поголовщинѣ, между прочимъ, послужило и то, что хотя губернаторъ и служилъ молебенъ предъ выборомъ старостъ, а старостами-то поставили отставныхъ солдатъ. Эти инвалиды должны были жить у крестьянъ до тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ не смирятся,—съ жалованьемъ 120 р. въ годъ. Въ то время у насъ продавались: пшеница по 40 к. асс. ($11^1/_2$ к.) за пудъ, рожь 20 к. (7 к.), овесъ 1 р. 75 к. (50 к.) за четверть, говядина по $10^1/_2$ к. (3 к.), баранина по 2 к. ($^1/_2$) к. за фунтъ. Стало быть, солдату съ жалованьемъ 35 р. асс., съ начальническою властію и, конечно, со взятками,—была широкая масляница. Ихъ личная польза заставляла ихъ раздражать крестьянъ, и потомъ, доносить и выставлять ихъ бунтовщиками, чтобъ дольше жить между ними. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Мелкихъ случаевъ было множество, но я скажу про одинъ, болѣе другихъ, выдающійся. На храмовой праздникъ Покровъ (1-го октября), когда пьяны и мужики, и бабы, въ с. Маріинское пріѣзжаетъ староста-солдатъ изъ с. Николаевскаго. Онъ приходитъ въ одинъ домъ и спрашиваетъ хозяйку дома, гдѣ ея мужъ. А мужъ ея былъ отправленъ обществомъ въ Петербургъ подавать прошеніе, вмѣстѣ съ другими одиннадцатью крестьянами. Та отвѣчаетъ, что она не знаетъ, гдѣ теперь ея мужъ. Солдатъ расходился: «бунтовщики, царю не покоряетесь, начальства не знаете!...» Хозяйка была баба озарная. Въ это время она держала на рукахъ ребенка,—швырнула имъ въ солдата, выбѣжала на улицу, да и заорала: «солдатъ ребенка убилъ, солдатъ ребенка убилъ! Батюшки, заступитесь!» Заступились бы, конечно, за всякую, а тутъ убитъ ребенокъ х о д о к а! Мигомъ сбѣжались пьяные мужики—видятъ, что ребенокъ валяется и зѣваетъ,—да и ну—чѣмъ и во что̀ попало! Одинъ изъ болѣе благоразумныхъ видитъ, что дѣло плохо, побѣжалъ за бывшимъ старостой Арсеніемъ Григорьевымъ, чтобы тотъ отнялъ. Тотъ прибѣжалъ и закричалъ: «братцы! Что вы гдѣ бьете его! Ведите его къ рѣчкѣ, да тамъ его и валяйте!» Взялъ и вывелъ его на улицу и поставилъ къ воротному столбу. На глазахъ сотенъ народу никто тронуть его не посмѣлъ. Между тѣмъ Арсеній тихонько велѣлъ скорѣе подать лошадь. Какъ-только подали лошадь, солдатъ бросился на нее и поскакалъ въ Николаевское. Одиннадцать человѣкъ мужиковъ бросились за нимъ верхомъ вдогонку. На поймѣ,

недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь находится водяная мельница, одинъ крестьянинъ с. Идолги молотилъ хлѣбъ. Въ этомъ мѣстѣ мужики догнали солдата и приняли не въ кулаки, а уже въ цѣпы... Полуживаго повезли назадъ въ Маріинское—добивать. Везутъ солдата по селенію; народу, и все пьянаго, пропасть. Кто-нибудь подходитъ къ солдату и спрашиваетъ: «ты знаешь, какъ меня зовутъ?». Солдатъ знаетъ и стонетъ: «знаю—Петръ Иванычъ».—Нѣтъ, я не Петръ Иванычъ, а Митрій Митричъ,—и бацъ кулакомъ въ рыло. Такъ и другой, и пятый, и десятый. Но пока еще не довезли его до назначеннаго мѣста, выискался одинъ добрый и вліятельный человѣкъ, уговорилъ мужиковъ отложить это дѣло до завтра и взялъ его къ себѣ на руки, съ клятвою, что сбережетъ его; но ночью отвезъ его въ Николаевское. Впослѣдствіи этихъ одиннадцать человѣкъ прогнали сквозь строй, а многихъ другихъ перепороли. Вообще, отношенія солдатъ-старостъ къ крестьянамъ и крестьянъ къ солдатамъ—были таковы.

За первымъ вывозомъ въ Сибирь потянулись и остальные. Грустно-тяжело было смотрѣть, какъ мужичекъ, убитый горемъ, стоитъ передъ домомъ на улицѣ и сколачиваетъ свою телѣжку для дальней и невѣдомой дороги; а жена, или тоже въ слезахъ, или озлобленная, натягиваетъ холстину на обручи, чтобы сдѣлать что-нибудь похожее на кибитку, чтобы пріютить своихъ дѣточекъ отъ дождя и непогоды! Рядомъ съ нимъ сосѣдъ—тоже, рядомъ и дальше—тоже. Спросишь, бывало: «куда вы, братцы, собираетесь? Вѣдь добрые люди пахать ѣдутъ».

— Ну, и пусть ихъ пашутъ, кому надо, а намъ ужь не пахать, а напашемъ, такъ не сжать.

«Да, васъ вѣдь, братцы, никто не трогаетъ, и живите себѣ, какъ жили. Тутъ вы все за-безцѣнокъ продадите. А куда ушлютъ, того вы и сами не знаете. Можетъ быть, туда, гдѣ земли-то нѣтъ, одни лѣса да болота, а народъ все чужой. И теперь, и дорогой разоритесь, и тамъ надобно будетъ все покупать, а на что покупать? Такъ и пропадете».

— Государева земля не клиномъ сошлась. Вездѣ люди живутъ. У насъ и здѣсь ни отецъ, ни мать: намъ все равно, вези куда хочешь.

Только первое выселеніе, послѣ побоища, было насильственное: остальные выселились всѣ по доброй волѣ. Мѣстное начальство всѣ силы употребляло, чтобъ остановить крестьянъ, но они не хотѣли и слушать. Не слушали и никакихъ приказаній. Остаться пожелали очень немногіе. Нѣкоторые, проѣзжая мимо дому священника, заходили къ нему проститься и, послѣ его убѣжденій, ворочались назадъ; другіе возвращались, не доѣзжая до Саратова. Но, по выѣздѣ изъ

Саратова—возвращаться уже не дозволялось. Въ Саратовѣ составлены были окончательные списки и назначены пункты переселенія. Изъ 260 выѣхало 195. Происходили раздирающія душу сцены, когда разставались родители съ выданными въ замужество дочерьми, прощаясь на вѣки! Сколько воплю, сколько плачу, сколько потрясающихъ душу рыданій! Тяжело было смотрѣть, особенно, когда хорошо знаешь, что все это народъ—добрый, честный, простой и приведенный лишь въ заблужденіе.

Всѣ они разселены были по Тобольской, Пермской и, преимущественно, Вятской губерніямъ, но такъ, что не поселено вмѣстѣ и двухъ семействъ.

Опустѣвшіе дома замѣщены товарищами и малолѣтками. А такъ какъ товарищей и малолѣтковъ было больше, чѣмъ домовъ, то бездомовыхъ причислили къ обществу саратовскихъ мѣщанъ. Всѣмъ водвореннымъ выдали пособія 20 р. безвозвратно и 20 р. съ возвратомъ. Одни брали по 20, другіе по 40 р. Но съ бравшихъ по 40 рублей—20 не взыскивали, такъ они и остались за ними. Имъ дали 12-тилѣтнюю льготу отъ повинностей. Люди, работавшіе прежде на хозяевъ изъ-подъ палки, а потомъ ходившіе по работникамъ и кучерамъ, теперь стали хозяевами. Пока пользовались льготными годами, хозяйство еще шло, но когда эти года миновали, то, по крайней мѣрѣ на половину, хозяева эти оказались очень плохими. Все, что казалось имъ лишнимъ—а лишнимъ казалось имъ все, кромѣ избы—они тотчасъ стали продавать на уплату податей и жечь все безъ милосердія. Человѣкъ, не строившійся на свои трудовыя деньги и получившій все даромъ, не зналъ и цѣны вещамъ. Хорошій заборъ или лѣстницу изъ полубрусинъ онъ или рубилъ на дрова, или продавалъ забезцѣнокъ. По миновании льготныхъ лѣтъ, многіе стали продавать дворовыя постройки на уплату податей. Въ первый годъ продастъ конюшню, во второй—амбаръ, въ третій—заборы, сѣни... Нѣкоторые остались съ одной—единственной избой. Недостанетъ хлѣба—уѣдутъ къ кувыкскимъ крестьянамъ. Тѣ на свою руку никогда не клали охулки: дастъ муки и пшена рубля на три, да и возьметъ кругъ (въ 6 десятинъ) земли. Бились-бились такіе хозяева, и стали продавать все хозяйство — и домъ, и землю, лишь-бы жить, какъ птица небесная. Посторонній крестьянинъ покупалъ: домъ со всѣми постройками (а нѣкоторые уберегли почти всѣ постройки), навсегда, и землю, на 12 лѣтъ,—за 100 и много-много за 150 р., тогда какъ одинъ домъ стоилъ 400—500 р. Хозяинъ этотъ радъ, что избавился отъ обузы работать и снискивать подати, что онъ опять сталъ вольной птицей, да еще съ капиталомъ, какого ему сроду не приводилось и во снѣ ви-

дѣть. Своимъ однообщественникамъ-хозяевамъ, не довольствовавшимся своимъ надѣломъ, или дѣтямъ, отдѣлявшимся отъ семействъ отцовъ, —они продавали за эту цѣну и дома, и земли навсегда. Во Владимiровкѣ и с. Маріинскомъ два дома съ землей навѣчно проданы даже по 25 р. только. Теперь цѣна нѣсколько повысилась, и дома продаются рублей по 300, хотя цѣна эта далеко не нормальная. Въ настоящее время такіе плохіе хозяева всѣ повывелись: изъ питомцевъ остались только хорошіе, а тѣ замѣнились прибывшими изъ другихъ обществъ. Нельзя не сказать къ чести крестьянъ, что между ними есть очень хорошіе хозяева, засѣвающіе десятинъ по 100 и имѣющіе рабочихъ лошадей штукъ по 15—18.

Г. Саратовъ

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ДЗЮБЕНКО.

Полувѣковая служба за Кавказомъ.

1829—1876.

Печатая на страницахъ «Русской Старины» «Воспоминанія В. А. Дзюбенко», мы пополняемъ пробѣлъ въ «кавказской литературѣ» нашего изданія. Донынѣ статьи, до Кавказа относившіяся, касались исключительно тамошней боевой жизни и военной службы; теперь по «Воспоминаніямъ В. А. Дзюбенко» читатели имѣютъ возможность ознакомиться со службою гражданскою и со всѣми измѣненіями, которымъ подвергалась административная часть въ областяхъ закавказскихъ съ 1829-го по 1876-й годъ, т. е. въ теченіе почти полувѣка.

Авторъ «воспоминаній» медленно возвышаясь по ступенямъ гражданской чиновной іерархіи, ограничивается скромною точкою зрѣнія исполнительнаго подчиненнаго, довольствуясь тѣснымъ кругозоромъ, ограниченнымъ личными его отношеніями къ начальствующимъ лицамъ. Перо автора, изощренное составленіемъ дѣловыхъ бумагъ, чуждо притязаній литературныхъ. Характеристику бывшихъ своихъ начальниковъ авторъ очерчиваетъ, основываясь на личныхъ своихъ отношеніяхъ къ нимъ; степени ихъ доброты или благорасположенія къ автору служатъ ему мѣриломъ ихъ душевныхъ качествъ. Съ другой стороны, герои Эриванн, Дарго, Карса и Гуниба, по ихъ неопытности въ гражданскихъ дѣлахъ, возбуждаютъ въ авторѣ чувство недоумѣнія, и онъ, не безъ иронін, приводитъ случаи промаховъ военныхъ генераловъ въ совершенно чуждой для нихъ бюрократической сферѣ.

Анекдоты, приводимые авторомъ, не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ своей правдивости; они многими чертами дополняютъ характеристику Паскевича, Головина, Воронцова и Муравьева... Нѣкоторые факты въ простодушномъ разсказѣ автора, безъ всякихъ толкованій и поясненій, говорятъ сами за себя. Напоминаемъ читателямъ, что «Воспоминанія В. А. Дзю-

бенко» не исторія; его отзывы о правителяхъ Кавказа, въ особенности похвалы, расточаемыя нѣкоторымъ изъ нихъ—не приговоръ потомства; но они составляютъ полезный матеріалъ для исторіи Кавказа—ихъ можно назвать документальными свидѣтельскими показаніями (pièces justificatives) для суда исторіи и потомства.

Согласно правилу—разъ и навсегда нами принятому—печатая «воспоминанія», мы оставляемъ во всей неприкосновенности собственныя мнѣнія автора, предоставляя, съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ, страницы «Русской Старины» его сослуживцамъ и современникамъ для ихъ возраженій и опроверженій. **Ред.**

I.

Путевыя впечатлѣнія отъ Полтавы до Тифлиса.—Тифлисъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.—Начало службы.—Ревизія сенаторовъ кн. Кутайсова и Мечникова.—Холера.—Графъ Паскевичъ Эриванскій и турчанка.—Докладъ чиновника Пилипейки.—Понюшка табаку изъ табакерки Ермолова.

1829—1831.

Памятенъ мнѣ 1829-й годъ, годъ пріѣзда моего на Кавказъ. У меня съ 15 лѣтъ начала кружиться голова отъ различныхъ разсказовъ о Грузіи и о преимуществахъ тамошней службы,—и вотъ, едва исполнилось мнѣ 17 лѣтъ, какъ я рѣшился осуществить мечты моего дѣтства. Пославъ куда-слѣдуетъ просьбу о желаніи служить за Кавказомъ, я былъ вызванъ туда вмѣстѣ съ другими тремя товарищами. Когда наступило время отъѣзда, нужно было много мужества, чтобы не тронуться горькими слезами старушки-матери моей, видѣвшей во мнѣ единственную опору для поддержанія разстроеннаго хозяйства. Мать измышляла всѣ средства для отклоненія моего намѣренія, но, несмотря на всѣ ея убѣжденія, я всетаки остался непоколебимъ, и, получивъ отъ казны небольшое пособіе, 13-го іюня 1829 года отправился съ товарищами въ путь, сначала на обывательскихъ, а потомъ на почтовыхъ.

Слѣдуя чрезъ Новомосковскъ и Ростовъ, не безъ нѣкоторыхъ опасеній переправились мы на каикѣ чрезъ рѣку Донъ, тогда въ большомъ разливѣ отъ половодья; переѣхали мы землю войска Донскаго и, наконецъ, достигли Кавказской линіи. Тутъ представилась новая, невиданная нами картина: на разстояніи каж-

дыхъ пяти верстъ казачьи пикеты и безпрестанно встрѣчавшіеся вооруженные всадники; это, какъ мы узнали послѣ, были, такъ называемые, казачьи разъѣзды. Ихъ устраивали на четырехъ высокихъ столбахъ, въ видѣ голубятни, покрытой камышомъ, гдѣ, на самой верхней части, всегда находился часовой для постояннаго наблюденія за шайками горцевъ; остальные же конные казаки, не менѣе трехъ человѣкъ на каждомъ пикетѣ, готовы были, при первой опасности, дать сигналъ слѣдующимъ пикетамъ, выстрѣлами, или, ночью, посредствомъ особыхъ соломенныхъ маяковъ. Разъѣздныя команды и дистанціонные начальники смущали насъ и наводили страхъ своими разсказами и предупрежденіями объ угрожавшей опасности со стороны горцевъ. Подъ такимъ тревожнымъ настроеніемъ мы добрались до города, или, скорѣе, до укрѣпленія, Георгіевска, замѣчательнаго только по убійственному тогда климату и по кладбищу «коллежскихъ ассесоровъ» [1]),—а потомъ и до станицы Екатериноградa. Это былъ послѣдній пунктъ, куда мы могли слѣдовать по собственному усмотрѣнію; отсюда же начинался иной порядокъ движенія, то есть—подъ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ, которое называлось «оказіей» и назначалось одинъ только разъ въ недѣлю. Дождавшись опредѣленнаго дня, мы, не безъ тревожнаго состоянія, въ числѣ многихъ другихъ проѣзжавшихъ, поступили въ распоряженіе начальника «оказіи», состоявшей изъ сотни казаковъ и человѣкъ 50-ти регулярнаго войска, при двухъ орудіяхъ,—и, такимъ образомъ, отправились по живописной, хотя и опаляемой знойнымъ солнцемъ, кабардинской мѣстности до города Владикавказа. Пространство, кажется, очень невелико, всего верстъ 100, но мы тащились чуть-ли не трои сутки, изнуренные безпрестанными тревогами и всевозможными неудобствами во время приваловъ и ночлеговъ,

---

[1]) Въ былое время стремились на службу на Кавказъ изъ внутреннихъ губерній титулярные совѣтники, привлекаемые соблазнительною льготою получить за пріѣздъ вожделѣнный чинъ коллежскаго ассесора, который тогда служащимъ внутри Россіи давался не иначе какъ по экзамену. Ѣхали на Кавказъ, большею частію, люди нетрезвой жизни, или испытавшіе какое-либо горе или несчастіе, а изъ молодежи, по преимуществу, сорванцы отчаянные. Бывало, такой субъектъ получитъ двойные прогоны и, не въ зачетъ, полугодоваго оклада жалованья, всю дорогу кутитъ, и, очень естественно, многіе, при такой безобразной жизни, пріѣхавъ въ жаркій климатъ, заболѣвали и умирали.

В. Д.

иногда подъ открытымъ небомъ, почти по необитаемой мѣстности, несмотря на плодородіе ея почвы [1]). Владикавказъ, расположенный у Кавказскихъ предгорій,—нынѣ довольно красивый областной городъ, значительно обязанный своимъ устройствомъ генералъ-адъютанту графу Лорисъ-Меликову,—тогда представлялъ небольшое укрѣпленіе съ ничтожнымъ количествомъ пушекъ; въ немъ было незначительное число деревянныхъ или турлучныхъ [2]) хижинъ, построенныхъ, по правую сторону рѣки Терека, женатыми и отставными нижними чинами, и единственный духанъ, замѣнявшій собою и гостинницу, и жалкій пріютъ для проѣзжавшихъ.

Не помню хорошо—по отсутствіи-ли тогда почтоваго сообщенія, или вслѣдствіе экономическихъ соображеній, во избѣжаніе значительныхъ расходовъ—мы пріискали вольныхъ извозчиковъ до Тифлиса, и, дня чрезъ два, отправились на двухъ парно-конныхъ, неуклюжихъ телѣжкахъ въ дальнѣйшій путь. Часа черезъ два по выѣздѣ изъ Владикавказа, намъ представилось гигантское ущелье, ведущее въ глубину Кавказскихъ горъ, куда мы въѣхали съ восторженнымъ удивленіемъ. Достигнувъ другаго ущелья, Дарьяльскаго, я былъ невыразимо пораженъ величіемъ картины: ужасающія возвышенности, съ горными потоками по обрывистымъ стремнинамъ; громадные каменные обрывы, кучами наваленные на проѣзжей дорогѣ; отвѣсныя скалы, угрожающія новымъ паденіемъ:—все это, въ связи со свистомъ вѣтра, бушеваніемъ и рокотомъ Терека и дождевыми тучами съ раскатомъ грома и молніею, сверкавшей почти у подножія горъ,—невольно вызывало чувства благоговѣнія и ужаса.

Начиная отъ Дарьяла, по всему протяженію Военно-грузинской дороги, обитаетъ осетинская раса отдѣльными небольшими поселками или аулами. Многіе, если не большая часть изъ этого племени—обращены уже въ православіе; но, не имѣя ни лѣсовъ, ни удобствъ для достаточнаго хлѣбопашества, ни промысловыхъ

---

[1]) Теперь тамъ проходитъ желѣзная дорога, и раскинуто по дорогѣ и въ сторонѣ отъ нея нѣсколько большихъ русскихъ селеній, находящихся въ цвѣтущемъ положеніи.

[2]) Турлукъ—особый способъ постройки хатъ, на манеръ малороссійскихъ мазанокъ. В. Д.

или ремесленныхъ занятій, кромѣ небольшаго скотоводства, да иногда перевозки черезъ горы тяжестей,—всѣ они очень бѣдны, всегда невозмутимы, услужливы и неприхотливы; очень падки до крѣпкихъ напитковъ, хотя никогда не напиваются до безчувствія. Въ 1836 году случилось мнѣ быть въ ихъ аулахъ, и, признаюсь, я былъ пораженъ незатѣйливостію ихъ обстановки: ничтожная жилая лачужка, сложенная кое-какъ изъ булыжнаго камня, а нерѣдко изъ древесныхъ горбылей и плетня, безъ пола и безъ всякихъ приспособленій, съ круглымъ отверстіемъ на потолкѣ и единственнымъ чугуннымъ или мѣднымъ котелкомъ, прикрѣпленнымъ у самаго отверстія къ потолочной перекладинѣ и спущеннымъ до самаго пола—вотъ все богатство осетина. Сидя около разведеннаго огня или около котелка, нагрѣваемаго не дровами, а травяными и различными кореньями, онъ тутъ же и спитъ, никогда не раздѣваясь, подъ охраной одной бурки или войлока, не взирая ни на какіе холода или метели, постоянно тамъ свирѣпствующія.

Миновавъ эту грозную, живописную и величественную дарьяльскую мѣстность, мы благополучно достигли Казбека, вѣчно покрытаго снѣгомъ; потомъ переѣхали Крестовую и Гутъ-гору, и, наконецъ, съ большимъ трудомъ и при помощи осетинъ, спустились, почти по отвѣсному, весьма длинному и опасному Квишетскому перевалу, у подошвы котораго находилось управленіе горскаго окружнаго начальника, составлявшее часть управленія закавказской или грузинской территоріи; затѣмъ, дня чрезъ два, именно 19-го іюля 1829 года, около полудня, въ самый полуденный зной, мы были уже въ Тифлисѣ, ровно чрезъ мѣсяцъ и 6 дней со времени выѣзда нашего изъ моей родины—мѣстечка Бѣликъ, Полтавской губерніи.

Непривѣтливъ и неотраденъ показался намъ Тифлисъ какъ по своей азіатской физіономіи, такъ и по внутреннему его расположенію. Здѣсь было все: и ловкіе мошенники, и дерзкіе воры, и отчаянные головорѣзы, и несмѣтное количество духановъ, или, вѣрнѣе сказать, всякихъ непозволительныхъ притоновъ, недоставало только самаго главнаго, именно—чистаго воздуха, необходимой опрятности; никакихъ гигіеническихъ условій для того, чтобы пользоваться самыми главными удобствами жизни.

Главное населеніе Тифлиса, простиравшееся тогда до 30-ти

тысячъ душъ [1]), было сосредоточено на небольшомъ пространствѣ, по правому берегу рѣки Куры, начиная отъ Мухранскаго моста (улица) до Петхаина (церковь), или до Бебутовской улицы, а оттуда по прямой линіи до Банныхъ воротъ (татарская часть города) включительно; въ ширину—отъ Куры до большаго Салалакскаго оврага, тогда очень смраднаго (нынѣ уже закрытаго). Теперь это составляетъ одну изъ лучшихъ, прохладныхъ, въ знойные дни, и здоровыхъ частей города, гдѣ живетъ по-преимуществу туземная и чиновная аристократія. Внѣ этого пространства находился только домъ главноуправлявшаго Грузіею, съ большимъ при немъ садомъ. Рядомъ съ нимъ зданіе главнаго штаба, да двѣ-три частныя постройки; затѣмъ, близь того мѣста, гдѣ нынѣ устроенъ княземъ Барятинскимъ Александровскій садъ, инженерное помѣщеніе съ какою-то казармою, на мѣстности, называемой Саперною слободкою. Все же остальное пространство, занимаемое нынѣ Тифлисомъ, было пустыремъ, съ огромными кладбищами. Они были на мѣстѣ Александровскаго сада и Чавчавадзевской гостинницы.

Скученный такимъ образомъ городъ, гдѣ помѣщались какъ присутственныя мѣста, такъ и всѣ служащіе, былъ переполненъ зловоніемъ и міазмами, присущими всѣмъ мѣстностямъ, населеннымъ грязнымъ, неряшливымъ азіатскимъ людомъ, хотя и совершающимъ, по закону Магомета, обычный намазъ (омовеніе), но въ сущности никогда не моющимся какъ слѣдуетъ. Теперь, послѣ 79-ти лѣтъ, протекшихъ со времени принятія Грузіи подъ покровительство Россіи, тамошніе жители нисколько не стали опрятнѣе, не усвоили себѣ ничего лучшаго. Грузинъ, или армянинъ, часто носитъ свою чоху (верхняя одежда особаго покроя), рубашку и нижнее платье—до износу, такъ что иногда случается видѣть человѣка съ однимъ воротникомъ вмѣсто рубашки. Подходить страшно не только къ простому туземцу, но иногда и къ кому-нибудь выше его стоящему. Даже туземныя барыни, франтихи по наружности, разодѣтыя въ шелкъ и бархатъ, грязны до невѣроятія. Слѣдствіе неряшества—эпидемическія болѣзни самаго злокачественнаго свойства, особенно въ средѣ

[1]) Теперь около 62-хъ тысячъ душъ. В. Д.

новопріѣзжихъ личностей,—были весьма обыкновенны. Ежедневный наплывъ свѣжихъ силъ изъ внутреннихъ губерній до того наполнялъ больничное помѣщеніе, существовавшее по лѣвую сторону рѣки Куры за нѣмецкою колоніею, что оно не могло бы удовлетворять всѣмъ потребностямъ, еслибы не поддерживалось своего рода равновѣсіе, и каждый день не отправлялось изъ больницы на вѣчный покой извѣстное количество жертвъ.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, мы остановились на открытомъ воздухѣ, близь зданія присутственныхъ мѣстъ, не зная гдѣ пріютиться; пришлось тутъ и переночевать, отдавшись на съѣденіе мошекъ и другихъ безчисленныхъ насѣкомыхъ. На другой день, по совѣту свѣдущихъ лицъ, я отправился заявить о себѣ въ квартирную коммисію (квартиры назначались отъ города). Тамъ, мужчина небольшаго роста, сухопарый, желтый какъ лимонъ, словомъ—плюгавый на видъ, по фамиліи Е....въ, изъ армянъ, запальчиво обратился ко мнѣ съ такими словами, коверкая ихъ на свой ладъ: «что нада! Какой квартыръ? нэтъ квартыра, ступай братъ!». «Какой ты мнѣ братъ!—сказалъ я ему,—а квартира должна быть, не оставаться же мнѣ на площади». Такое нелюбезное обхожденіе этого грубаго человѣка вынудило меня отправиться къ полиціймейстеру. Тогда занималъ эту должность гусарскій маіоръ, или подполковникъ, Николай Богдановичъ Рейтеръ, человѣкъ чрезвычайно симпатичный. Выслушавъ мою просьбу, онъ приказалъ полицейскому офицеру сказать депутату Е....ву, что если въ тотъ послѣдній же день не назначитъ намъ квартиры, то онъ помѣстить всѣхъ насъ въ собственномъ его, депутата, домѣ. Это приказаніе подѣйствовало на Е....ва, и мы немедленно получили билетъ на занятіе одной комнаты въ домѣ князя Палаванова. Съ какимъ восторгомъ прочитали мы билетъ, гдѣ было выраженіе: «князя». Шутка сказать—въ домѣ князя! вотъ то-то заживемъ! —думали мы. Не то оказалось на дѣлѣ. Какой-то оборвышъ изъ туземцевъ, въ качествѣ разсыльнаго, повелъ насъ по довольно шумной улицѣ, гдѣ сновалъ торговый людъ, и, не доходя Сіонскаго собора, повернулъ налѣво въ глухой переулокъ, откуда спустился почти до рѣки Куры, и тамъ указалъ намъ не то хлѣвъ, не то напросто вырытую подъ косогоромъ—довольно большую нишь, сырую, темную, смрадную, но, по крайней мѣрѣ, съ наружною дверью; наверху ея было какое-то деревянное строеніе для ду-

хана. Съ ужасомъ мы спустились въ эту нору. Обстановка ея навела на насъ страшное уныніе, такъ что одинъ изъ насъ рѣшился, было, даже возвратиться на родину, а дѣлать нечего, надобно было отпустить извозчиковъ. Скрѣпя сердце, перенесли мы въ эту берлогу свой незатѣйливый багажъ; купили нѣсколько вязанокъ сѣна, уложили его на земляномъ полу, прикрыли войлоками и тѣмъ покончили блистательную меблировку своей квартиры въ великолѣпномъ княжескомъ домѣ. На другой день, разсчитавшись съ извозчиками, явились въ исполнительную экспедицію, куда и были зачислены на службу. Вскорѣ по прибытіи, я трудно заболѣлъ горячкою. Въ это время, благодаря случаю, нашелся добрый землякъ, Яковъ Григорьевичъ Ивченко, занимавшій въ Тифлисѣ хорошее служебное положеніе; по ходатайству его, намъ была отведена другая квартира, состоявшая изъ одной комнаты, хотя также незавидная, но, по крайней мѣрѣ, въ лучшей части города. Избавясь отъ тяжкой болѣзни, я, при первой возможности, принялся за службу въ экспедиціи суда и расправы, т. е. въ уголовной и гражданской палатѣ, куда былъ приглашенъ предсѣдателемъ ея Ильинскимъ на должность столоначальника.

Въ началѣ 1830 года прибыли въ Тифлисъ два сенатора: графъ Кутайсовъ и оберъ-берггауптманъ Мечниковъ, для ревизіи всѣхъ присутственныхъ мѣстъ края, съ значительнымъ штатомъ и съ неменьшимъ, какъ водится, предубѣжденіемъ противъ чиновниковъ, особенно со стороны ближайшихъ контролирующихъ лицъ. Сильно все переполошилось и засуетилось; наступило время усленнаго, изнурительнаго труда, дотого усиленнаго и усидчиваго, что мнѣ нерѣдко приходилось буквально по цѣлымъ суткамъ не спать.

Съ приближеніемъ лѣта 1830 года, когда несовершенно еще была прекращена чума въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ, угрожавшая большими бѣдствіями всему Закавказью,—показались въ Тифлисѣ признаки эпидемической холеры, принявшей, въ іюлѣ мѣсяцѣ, ужасающіе размѣры, такъ что всѣ присутственныя мѣста были закрыты, сенаторы прекратили занятія и сами удалились внутрь Россіи. Выѣхалъ также и графъ Паскевичъ-Эриванскій, тогда главноуправляющій въ краѣ.

Трудно описать печальное, потрясающее душу положеніе,

происходившее отъ ежедневныхъ внезапныхъ, безчисленныхъ жертвъ, въ которомъ находилось тогда все городское населеніе. Простонародье долго крѣпилось, тщетно прибѣгало къ различнымъ мѣрамъ собственнаго изобрѣтенія, и, въ концѣ концовъ, точно по уговору, ринулось бѣжать въ разныя, болѣе или менѣе отдаленныя, окрестныя мѣста. Въ короткое время Тифлисъ совершенно опустѣлъ; осталось только небольшое число военныхъ, нѣсколько полицейскихъ, человѣкъ 10 бѣдняковъ-чиновниковъ, въ томъ числѣ я и мой сотоварищъ Щербина, и, кажется, одинъ хлѣбопекъ (пурникъ), задержанный полиціей противъ его желанія. Большая часть домовъ и садовъ оставались безъ всякаго присмотра. Наше ежедневное и единственное убѣжище составлялъ громадный и богатый садъ грузинской царевны Ѳеклы, простиравшійся чуть-ли не отъ той мѣстности, которая противъ калитки Ботаническаго сада, до самаго Салалакскаго ущелья. Мы гуляли по садамъ и распоряжались всѣми плодами безпрепятственно; когда же наступала ночь, то вой голодныхъ собакъ, пронзительный визгъ кошекъ, а особенно мрачный, однообразный звукъ филиновъ—наводили на насъ раздирающее душу уныніе.

Не буду распространяться ни о послѣдствіяхъ сенаторской ревизіи, доведенной до конца уже послѣ прекращенія холеры, ни о тѣхъ несчастныхъ семействахъ, которыя, перейдя въ другія мѣстности, ради своего спасенія отъ холеры, постигнуты были тамъ еще большимъ бѣдствіемъ, и должны были возвратиться на прежнее жительство въ городъ:—считаю, однакожъ, умѣстнымъ упомянуть нѣсколькими словами о главноуправлявшемъ въ краѣ.

Пылкій до раздражительности, всегда энергичный, гдѣ неизбѣжно требовалось личное его участіе, графъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ-Эриванскій не любилъ заниматься и мало занимался гражданскою частію, а всецѣло посвящалъ себя военнымъ дѣламъ и почти всегда находился въ походахъ противъ непріятеля. Не мнѣ судить о военныхъ его доблестяхъ [1]). Упомяну лишь мимоходомъ объ одномъ забавномъ происшествіи изъ походной его жизни, слышанномъ мною отъ очевидца.

[1]) См. о немъ: «Русская Старина», изд. 1872 г., т. VI, стр. 501—537; изд. 1874 г., т. XI, стр. 99—114. В. Д.

Въ 1829 году, во время лагерной стоянки нашихъ войскъ близъ Баязета, одной молодой турчанкѣ почему-то очень полюбился солдатскій бытъ; приученная сынами Марса, она начала часто посѣщать лагерь и цѣлые дни проводила въ обществѣ солдатъ, гдѣ легко затвердила нѣсколько русскихъ словъ нецензурнаго пошиба, не понимая ихъ значенія. Спустя нѣкоторое время, неожиданно пріѣхалъ въ лагерь Паскевичъ. Все зашевелилось; засуетилась и турчанка. Когда подъѣхалъ экипажъ главнокомандующаго, она, прорвавшись чрезъ толпу, смѣло подошла къ графу и, протянувъ руку, громко сказала ломанымъ языкомъ: «давай деньги!». Графъ, всегда щедрый, на этотъ разъ, вѣроятно, хотѣлъ пошутить, вынулъ изъ кошелька и далъ ей небольшую серебреную монету. «Ахъ ты....»—отозвалась турчанка, прибавивъ къ этому крѣпкое непечатное слово,—«такой большой баринъ, а далъ такую маленькую монету, а?...». Графъ расхохотался, взялъ горсть червонцевъ и высыпалъ ей въ руку. «Вотъ молодецъ»,—закричала она, и скрылась въ толпѣ.

Это—одно забавное происшествіе; а вотъ другое, инаго свойства. Въ одинъ непрекрасный день, когда графъ Паскевичъ, находясь въ Тифлисѣ, былъ чѣмъ-то очень возмущенъ, нужно было поднести къ подписи его нѣсколько бумагъ, весьма экстреннаго содержанія. Въ канцеляріи думали-гадали, что дѣлать, и порѣшили просить чиновника по особымъ порученіямъ Пилипейко, чтобы онъ взялъ на себя трудъ доложить бумаги графу. Пилипейко, хохолъ въ полномъ смыслѣ, громаднаго роста и съ обычнымъ малороссійскимъ акцентомъ, хотя пользовался довѣріемъ графа, но, зная настроеніе его, уклонялся, утверждая, что онъ не подпишетъ; наконецъ, послѣ настоятельныхъ убѣжденій, взялъ бумаги и отправился. Войдя въ кабинетъ, съ бумагами подъ-мышкой, и видя, что графъ весьма раздраженъ, онъ остановился у самыхъ дверей кабинета, съ цѣлію, въ крайнемъ случаѣ, дать тягу или, какъ говорится, стрекача на попятный дворъ.

— Что тебѣ надо?!—гнѣвно закричалъ на него Паскевичъ.

— Бумагы къ подписаную принісъ, ваше сіятельство,—выговорилъ Пилипейко.

Мгновенно подбѣжалъ къ нему графъ, выхватилъ у него изъ-подъ-мышки бумаги, началъ раскидывать ихъ по полу, топча

ногами и приговаривая: «Вотъ тебѣ бумаги, вотъ тебѣ бумаги—понимаешь?».

— Понимать-то—понимаю, якъ-то не понять,—отвѣчалъ Пилипейко громко, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и раздвинувъ на обѣ стороны свои длинныя руки:—а хібажъ я неправду казавъ, що не підпыше, такъ ні-таки—иды Пилипейку, у тебе дескать підпыше; отъ-тоби чортового батько—и підпысавъ, та-ще и пороскидавъ!!

Эти простыя слова какъ-бы магически подѣйствовали на Паскевича. Онъ вдругъ остылъ и сказалъ уже мягко, безъ раздраженія: «Вотъ ты долгалъ, что не подпишу,—давай ихъ сюда!». Пилипейко поспѣшно собралъ бумаги съ полу, положилъ на столъ, и графъ подписалъ все, не читая ничего.

Говоря о Паскевичѣ-Эриванскомъ, я вспомнилъ, кстати, одинъ, довольно извѣстный, въ свое время, случай, происшедшій съ предмѣстникомъ его Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ.

Наивный малороссъ, довольно пожилыхъ лѣтъ, по фамиліи, кажется, Волынскій, много лѣтъ занимавшій скромную должность архиваріуса уѣзднаго суда, не находилъ возможности ни содержать большую свою семью, ни возвратиться на родину. Ему присовѣтовали единственный путь—обратиться за помощью къ Алексѣю Петровичу; при этомъ дано было и наставленіе, въ какихъ словахъ онъ долженъ былъ выразить просьбу свою. Онъ послѣдовалъ совѣту, началъ зубрить сочиненную просьбу, начинавшуюся словами: «Ваше высокопревосходительство, войдите въ мое бѣдное положеніе, и т. д.». Затвердивъ это вступленіе, онъ, послѣ долгихъ колебаній, наконецъ, рѣшился идти къ Ермолову. Алексѣй Петровичъ, занимаясь въ своемъ кабинетѣ, куда доступъ былъ свободный для всѣхъ служащихъ, всегда сидѣлъ въ большомъ волтеровскомъ креслѣ, спиной ко входной двери, такъ что стоявшее передъ нимъ зеркало могло отражать всякаго входившаго въ кабинетъ, и онъ, заглянувъ въ зеркало, или тотчасъ, смотря по личности, или чрезъ нѣсколько времени, оборачивался къ вошедшему. Малороссъ, подойдя на цыпочкахъ къ кабинету и безпрестанно повторяя заученную рѣчь, съ замираніемъ сердца отворилъ дверь. Ермоловъ, увидѣвъ въ зеркалѣ мелкаго чиновника, продолжалъ писать, а тотъ все стоялъ и твердилъ заученныя слова. Вдругъ Ермоловъ, съ поднятыми на лбу сѣдыми какъ

лунь, но густыми волосами и широкою грозною физіономіею, поворачивается на своемъ трескучемъ креслѣ, держа въ рукѣ открытую табакерку. Какъ-только малороссъ взглянулъ на него, котораго никогда прежде близко не видѣлъ,—такъ все въ памяти его перепуталось; а подойдя ближе, только могъ выговорить: «Ваше.... Ваш.... йрин.... умн...!!!». Когда же послѣдовалъ вопросъ: —что тебѣ нужно?—то, увидѣвъ въ рукѣ Ермолова открытую табакерку, выговорилъ: «ничего, ва-ше вы-со-ко-пре-во-схо-ди-тельство, тільки табачку понюхать». Ермоловъ протянулъ ему табакерку, и онъ, взявъ дрожащею рукою щепоть табаку, началъ осторожно отступать «заднимъ ходомъ», а потомъ, отворивъ дверь, такъ побѣжалъ, что даже не замѣтилъ встрѣтившагося ему полиціймейстера. Впослѣдствіи, Ермоловъ, узнавъ чрезъ полиціймейстера въ чемъ дѣло, далъ этому бѣдняку средства выѣхать изъ Тифлиса, къ крайнему его изумленію, потому что онъ, какъ самъ говорилъ, ожидалъ, по меньшей мѣрѣ, ссылки въ Сибирь «за понюшку табаку».

Управленіе графа Паскевича было непродолжительно. Въ 1831 году, во время польскаго возстанія, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующею арміею и намѣстникомъ Царства Польскаго, гдѣ пожалованъ титуломъ князя Варшавскаго, а на мѣсто его, въ томъ же году, прибылъ генералъ-адъютантъ баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ 1-й.

II.

Баронъ Г. В. Розенъ.—Дѣло о подложныхъ документахъ.—Характеристика и дѣятельность барона Розена.—Патріархъ Іоанесъ и дѣло о 1,000 червонныхъ.—Усмиреніе мятежа въ Кубанской провинціи.—Пріѣздъ императора Николая Павловича въ Закавказскій край.—Баронъ Ганъ.—Флигель-адъютантъ князь Дадіанъ.—Маіоръ Ляховъ.—Смерть барона Розена.

1831—1838.

Къ крайнему сожалѣнію, до сихъ поръ немногое извѣстно о времени управленія Закавказскимъ краемъ барона Розена—этого дѣятеля, замѣчательнаго по своему высокому образованію, по обширному уму, по необыкновенной памяти и по своимъ гуманнымъ принципамъ.

Вступленіе барона Григорія Владиміровича въ должность не

замедлило ознаменоваться двумя очень важными событіями. Первымъ былъ секретный доносъ—о существованіи въ Тифлисѣ шайки дѣлателей фальшивыхъ грузинскихъ царскихъ граматъ не только на княжескія (тавадскія) званія, но и на различныя казенныя и частныя имѣнія; вторымъ—открытіе противоправительственнаго заговора.

По обоимъ дѣламъ послѣдовало чрезвычайно много арестовъ, даже лицъ, высоко стоявшихъ по своему положенію. Надобно было видѣть, какъ человѣчно смотрѣлъ баронъ Розенъ на эти дѣла, хотя важныя по своему значенію, но происшедшія отъ легкомыслія и увлеченія участниковъ, особенно послѣднее изъ нихъ. Строгимъ слѣдователемъ по дѣлу о заговорѣ былъ присланный изъ Петербурга генералъ К. В. Чевкинъ [1]). Что касается до перваго дѣла, т. е. о фальшивыхъ граматахъ, то ему нельзя было не дать серьезнаго характера, сначала слѣдственнымъ порядкомъ, по которому привлечено было къ отвѣтственности до 120 человѣкъ; въ числѣ ихъ находились: Шароевы, Шадиновы, Шайковы, Гургинбеговы, Мариамановы, Абессаломовы и Захарбеговы (всѣ искатели княжествъ),—а потомъ судебнымъ, чрезъ особую смѣшанную судную коммисію, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Байкова. Въ эту коммисію, 16-го января 1834 года, былъ командированъ я, для усиленныхъ занятій при составленіи подробной записки и проекта рѣшенія по этому дѣлу, заключавшему въ себѣ болѣе 20-ти тысячъ листовъ. Труды коммисіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ: было осуждено къ лишенію правъ и въ ссылку не болѣе 4 человѣкъ, главныхъ зачинщиковъ, дѣятелей и коноводовъ; остальные приговорены: или къ полицейскому надзору, или къ одному подозрѣнію, а всѣ открытые документы и печати преданы уничтоженію.

Вскорѣ по рѣшеніи этого дѣла, именно въ іюлѣ 1834 года, меня перевели на службу въ канцелярію главноуправлявшаго въ Грузіи. Съ удовольствіемъ вспоминаю время службы моей въ канцеляріи главноуправлявшаго въ Грузіи, среди образованной молодежи, какъ напримѣръ: графъ Ржевусскій, князь Лобановъ-Ростовскій, г. Корсаковъ и др., подъ главнымъ и ближайшимъ начальствомъ самого барона Григорія Владиміровича. Тогда

---

[1]) См. «Русская Старина», изд. 1877 г., т. XIX, стр. 1—22. В. Д.

же, нѣкоторое время, состоялъ на службѣ въ канцеляріи довольно еще юный, но чрезвычайно любезный, обязательный и пріятный въ обращеніи, князь Леванъ Ивановичъ Меликовъ, нынѣ генералъ-адъютантъ. Баронъ Розенъ былъ труженикъ, какихъ мало. Онъ читалъ всѣ сколько-нибудь серьезныя входящія и исходящія за его подписью бумаги, много собственноручно писалъ, просиживая напролетъ цѣлыя ночи; ни одна самая обыкновенная бумага не проходила, чтобы онъ ее не исправилъ или не прибавилъ чего-нибудь дѣльнаго, глубоко-осмысленнаго [1]); всѣхъ чиновниковъ зналъ не только по фамиліямъ и ихъ служебнымъ способностямъ, но даже по почеркамъ. Несмотря на доброту его сердца, къ нему, однако, нелегко было идти съ докладомъ; бывало, душа уходитъ въ пятки, когда предстоитъ докладъ: читаешь, перечитываешь, обдумываешь всѣ стороны дѣла, а все-таки баронъ иногда сдѣлаетъ такой вопросъ, или выскажетъ такое замѣчаніе, отъ котораго станешь въ тупикъ.

Не могу не привести двухъ случаевъ, бывшихъ со мною. Одинъ торговецъ, изъ армянъ, подалъ барону жалобу на ахалцыхскаго областнаго начальника (тогда Ахалцыхъ былъ областнымъ городомъ), не пропускавшаго въ Тифлисъ купленныя просителемъ въ Турціи маслины; это было въ исходѣ великаго поста, когда названный товаръ наиболѣе требуется, и купецъ могъ понести значительные убытки. Взглянувъ на эту жалобу сочувственно, я тотчасъ заготовилъ предписаніе о немедленномъ пропускѣ маслинъ, и понесъ бумагу къ подписи.

— Вздоръ ты, братецъ, написалъ,—сказалъ баронъ.

— Мнѣ кажется, ваше высокопревосходительство, иначе нельзя написать, какъ въ такомъ смыслѣ,— почтительно отвѣчалъ я.

— Говорю тебѣ, что ты написалъ эту бумагу на-фуфу, безъ справки,—замѣтилъ баронъ, а потомъ, подумавъ, добавилъ:—назадъ тому три года, въ январѣ или февралѣ.... нѣтъ, въ январѣ мѣсяцѣ, была у меня большая переписка по этому предмету съ министромъ Канкринымъ; дѣло должно быть у Подорожко. а вѣдь извѣстно, что все, что попадетъ въ руки Подорожко—и со свѣчей не отыщется (чиновникъ онъ былъ весьма хорошій,

---

[1]) Въ этомъ легко убѣдиться изъ архивныхъ дѣлъ главнаго управленія съ 1831 по 1838 годъ. В. Д.

но очень безпечный); пойди, посмотри у него опись, отыщи дѣло, и оно тебѣ покажетъ, какъ слѣдуетъ поступить.

Дѣйствительно, по указанію барономъ времени, безъ затрудненія я отыскалъ дѣло въ шкафу Подорожко, и разрѣшеніе дано было не въ пользу жалобщика, по важнымъ причинамъ.

Молодой, лѣтъ 25-ти, армянинъ, какъ оказалось, большой пройдоха, составилъ, отъ имени одного изъ епископовъ въ Индіи (?), къ армянскому патріарху въ Эчміадзинѣ подложное письмо, въ которомъ, назвавъ подателя своимъ роднымъ племянникомъ, просилъ выдать ему на счетъ епископа 1,000 червонцевъ, если тотъ будетъ нуждаться. Патріархъ,—кажется, Іоанесъ (это было въ 1837 году),—прочитавъ письмо, немедленно удовлетворилъ просьбу, но съ тѣмъ вмѣстѣ сообщилъ о выдачѣ денегъ въ Индію епископу. Пройдоха-армянинъ отправился въ Тифлисъ, и, какъ водится, закутилъ на деньги, легко ему доставшіеся; а между тѣмъ послѣдовалъ отъ епископа отвѣтъ, что у него племянника никогда не было, и что письма къ патріарху онъ не писалъ. Тогда патріархъ, сознавая свою опрометчивость, формально обратился къ барону Розену съ просьбой о поступленіи съ виновнымъ по законамъ. Баронъ призвалъ меня и, отдавая письмо патріарха, приказалъ тотчасъ заготовить бумаги, какъ слѣдуетъ по закону. Чтобы не замедлить дѣла составленіемъ подробнаго предписанія, я приготовилъ его на имя тифлисскаго полиціймейстера, съ препровожденіемъ подлиннаго письма патріарха и съ порученіемъ арестовать обвиняемаго, допросить и отправить, за карауломъ, къ начальнику Армянской области для сужденія—по мѣсту сдѣланнаго преступленія. День былъ субботній; приношу къ подписи.

— Что ты написалъ?—спросилъ баронъ.

Читаю бумагу.

— Ты направляешь дѣло такъ, что, пока его розыщутъ, да соберутся отправлять,—онъ пронюхаетъ и улизнетъ или теперь же, или, пожалуй, съ дороги;—тогда ищи вѣтра въ полѣ. Напиши не полиціймейстеру, а губернатору—и секретно, чтобы тотчасъ отыскать армянина и посадить его въ тюрьму, и тутъ же, т. е. въ Тифлисѣ, предать суду; для этого послать губернатору копію съ патріаршей бумаги.

Возникъ споръ юридическій; я прочиталъ статью закона, гдѣ ясно говорится, что всякое преступленіе должно быть судимо и

наказуемо тамъ, гдѣ оно учинено. Разгнѣвался баронъ сильно и, доказывая, что еще неизвѣстно, гдѣ именно сдѣланъ армяниномъ подлогъ: въ Эриванской области, или въ Тифлисской губерніи, гдѣ патріархъ также иногда пребываетъ,—приказалъ сію минуту исполнить все, безъ разсужденій.

Заготовить и переписать предписаніе губернатору было нетрудно, но писать тогда же копію въ пять листовъ—оказалось физически невозможнымъ, такъ какъ была уже ночь подъ воскресеніе, когда ни одного писаря нельзя было отыскать. Что дѣлать? Я рѣшился отложить переписку до утра, и, прійдя рано утромъ, отправился къ барону съ однимъ предписаніемъ. Подписавъ его, онъ спросилъ: «а копія готова?»—Готова,—отвѣчалъ я не безъ страха. «Такъ-ли?.. Ну, хорошо, отправить сейчасъ и мнѣ доложить»,—сказалъ онъ. Сердце у меня замерло; прибѣжавъ въ канцелярію и не найдя ни одного писаря, сталъ я самъ переписывать, и въ четверть часа копія была готова, но какъ готова? Разумѣется, съ значительными пропусками, и, слѣдовательно, вышла такая копія, изъ которой ничего нельзя было понять; я разсчитывалъ, что на другой день будетъ написана и послана другая копія. Занеся отпускъ въ исходящую и разносную книги, и запечатавъ конвертъ, я отправилъ его по адресу, а самъ пошелъ и доложилъ объ исполненіи приказанія. «Хорошо»,—сказалъ баронъ, а между тѣмъ, усомнясь въ возможности такъ скоро написать копію съ 5-ти листовъ, послалъ особаго чиновника, именно Михаила Васильевича Дмитревскаго, принести ему разносную книгу; книга была принесена; онъ удивился и, позвавъ меня, ласково сказалъ: «Ну, счастливъ ты, а я имѣлъ твердое намѣреніе посадить тебя подъ арестъ, за то что ты отложилъ мое приказаніе до другаго дня; теперь ты загладилъ свою вину; я погорячился, не сердись на меня, старика».

Время управленія барона Розена было не Богъ-вѣсть какъ велико—всего съ небольшимъ 6 лѣтъ. Въ такой короткій срокъ много-ли можно было сдѣлать тамъ, гдѣ между туземнымъ населеніемъ не существовало ни симпатіи къ русскому народу, ни стремленія къ образованію,—гдѣ преобладало полное невѣжество и совершенное отсутствіе пониманія русской рѣчи и гдѣ, наконецъ, главнѣйшая доля заботъ правителя края удѣлялась мѣрамъ къ устраненію постоянныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ не-

урядицъ, особенно при упорной, кровопролитной борьбѣ съ горскими племенами?

При всемъ томъ баронъ создалъ въ Тифлисѣ громадное каменное помѣщеніе, помѣстивъ въ немъ губернскую гимназію, вмѣсто существовавшаго тогда ничтожнаго пансіона, куда туземцы неохотно отдавали дѣтей своихъ, даже за денежное вознагражденіе, которое иногда производилось имъ отъ правительства, съ цѣлью пріохотить къ ученію. Онъ же открылъ правильное почтовое сообщеніе на нѣкоторыхъ главнѣйшихъ трактахъ края, съ устройствомъ станціонныхъ помѣщеній и троичной ѣзды, о чемъ, до того времени, никто за Кавказомъ не имѣлъ даже понятія, а вся казенная корреспонденція, какъ и служебныя командировки, производилась посредствомъ верховыхъ казачьихъ лошадей, и не иначе какъ при вооруженномъ прикрытіи.

Между тѣмъ, нельзя было не видѣть, какихъ усиленныхъ заботъ стоило ему преслѣдовать два весьма важные вопроса: одинъ о разъясненіи поземельныхъ правъ ахчевыхъ и тапныхъ владѣльцевъ Ахалцыхской провинціи; а другой—о приведеніи въ надлежащую точность чрезвычайно запутанныхъ поземельныхъ доходовъ, упадавшихъ на часть казны натурою, съ мулькодарскихъ и тіульныхъ имѣній Эриванской области. По первому вопросу хотя были приняты самыя энергическія мѣры, но окончательнаго рѣшенія, по сложности и неясности предмета, весьма долго не могло состояться въ смыслѣ: что должно разумѣть подъ словами ахчи и тапы [1]). Что же касается втораго вопроса, то онъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: посредствомъ составленія подробной облагательной табели и значительнаго увеличенія доходовъ казны, безъ малѣйшаго неудовольствія со стороны земледѣльческаго населенія и даже частныхъ собственниковъ [2]).

---

[1]) Сколько мнѣ извѣстно, при турецкомъ правительствѣ слово ахча разумѣлось какъ денежная единица. Ахча есть мѣдная монета, составляющая $^1/_{30}$ часть русской копѣйки; 10 ахчей составляютъ одну турецкую монету, подъ названіемъ: «пара»; 40 паръ составляютъ «курушъ», а курушъ заключаетъ въ себѣ 5 рублей серебромъ. В. Д.

[2]) При персидскомъ правительствѣ тіульное право составляло пожизненное полученіе съ извѣстной деревни той части произведеній земли, которая должна поступать въ казну—кажется, $^7/_{30}$. Право это, по усмотрѣнію начальства, могло быть совершенно прекращено за смертію получателя, и могло также, по особой милости, переходить къ наслѣдникамъ, но не иначе какъ

Въ 1836 году, неожиданно вспыхнулъ въ Кубинской провинціи бунтъ, угрожавшій принять значительные размѣры по всей окраинѣ. Увѣренный, какъ начальникъ опытный, что броженіе возникло не изъ злой воли, а по легкомыслію и невѣжеству нѣкоторыхъ личностей высшаго сословія, баронъ былъ крайне опечаленъ ихъ положеніемъ. Недолго думая, онъ рѣшился употребить одно нравственное свое вліяніе и достигъ полнаго успѣха подавить безпорядокъ не только въ короткое время, но и безъ особенныхъ потрясеній.

Въ мусульманскихъ провинціяхъ были конфискованы въ казну значительныя недвижимыя имѣнія удалившихся за границу измѣнниковъ, а оставшіяся здѣсь семейства бѣглецовъ находились дотого въ жалкомъ положеніи, что были лишены всякой возможности къ существованію. Вслѣдствіе убѣдительнаго представленія своего, баронъ успѣлъ исходатайствовать высочайшее соизволеніе на возвращеніе, въ большинствѣ случаевъ, не только имѣній, но и полученныхъ съ нихъ казною доходовъ.

Во все время его управленія, канцелярія у него была очень небольшая; расходовъ на нее производилось весьма немного; наградъ никогда никакихъ не существовало, за весьма рѣдкими исключеніями (помню, что двумъ чиновникамъ, и то за походъ съ барономъ, во время войны съ горцами, именно: Козаченко и Крылову, были пожалованы ордена Станислава 3-й степени; это были такія рѣдкія награды, которымъ чуть не всѣ тифлисскіе чиновники завидовали); но движеніе дѣлъ было быстрое: все кипѣло, остановки въ дѣлахъ,—по крайней мѣрѣ, серьезныхъ—не было; народъ замѣтно сталъ привыкать къ порядкамъ и къ возможному ознакомленію съ различными улучшеніями какъ въ отношеніи промышленности, такъ и сельскаго хозяйства,—словомъ, былъ спокоенъ и доволенъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени.

пожизненно. Мулькодарское же право имѣетъ значеніе потомственнаго пользованія произведеніями съ урожая, въ количествѣ $^4/_{30}$. Но могутъ-ли мулькодары быть собственниками и въ особенности распорядителями самой земли—это остается вопросомъ, даже при существованіи высочайшаго рескрипта 6-го декабря 1846 года, по смыслу котораго—права утверждены только за тѣми, которые, въ извѣстное время, обладали землями; а такими обладателями едвали можно считать тѣхъ, которые были только получателями мульки, чрезъ посредство своихъ серкеровъ. В. Д.

Въ 1837 году получено было извѣстіе о путешествіи государя императора Николая Павловича по Закавказскому краю. Въ началѣ октября того года баронъ Розенъ встрѣтилъ его величество на берегу Чернаго моря, въ укрѣпленіи Редутъ-Кале, куда въ то время былъ чрезвычайно трудный, почти непроѣзжій, колесный путь. Оттуда государь, въ сопровожденіи барона, изволилъ прибыть, чрезъ Ахалцыхъ и Эривань, въ Тифлисъ, не выразивъ нигдѣ неудовольствія, несмотря на трудность пути, постоянное дождливое время, невылазную грязь и неизбѣжныя остановки. Въ самый пріѣздъ государя, находился въ Тифлисѣ членъ государственнаго совѣта, баронъ Ганъ, съ большимъ штатомъ чиновъ, для составленія проекта преобразованія всего гражданскаго управленія за Кавказомъ. Неизвѣстно, вслѣдствіе-ли служебныхъ пререканій, или частныхъ столкновеній, происшедшихъ съ самолюбивымъ барономъ Ганомъ, или по особому какому случаю,—на другой день пріѣзда государя въ Тифлисъ, его величеству сдѣлалось извѣстнымъ о существованіи важныхъ злоупотребленій въ Эриванскомъ полку, которымъ, къ несчастію, командовалъ зять барона Розена, флигель-адъютантъ полковникъ князь Дадьянъ. Вслѣдствіе сего, по высочайшему повелѣнію, тогда же былъ командированъ въ штабъ-квартиру полка, расположенную въ урочищѣ Манглисъ,—состоявшій при его величествѣ флигель-адъютантъ князь Васильчиковъ, для ближайшаго удостовѣренія, на мѣстѣ, въ справедливости дошедшихъ до государя слуховъ. Произведенное княземъ Васильчиковымъ въ однодневный срокъ дознаніе оказалось не въ пользу командира полка. Никто ничего не зналъ, и даже никому въ голову не приходило о какихъ бы то ни было угрожающихъ потрясеніяхъ; пронесся только слухъ, что на Александровской площади назначенъ большой царскій смотръ войскамъ. Народъ повалилъ туда массами; пошелъ и я. Часовъ въ 9 утра государь пріѣхалъ на сборный пунктъ, сидя въ коляскѣ рядомъ съ барономъ Розеномъ, какъ-будто бы грустный, чѣмъ-то недовольный. По окончаніи смотра, его величество изволилъ выразить одобреніе только начальнику артиллеріи, генералу Козлянинову, а потомъ, когда послѣдовалъ вызовъ штабъ и оберъ-офицеровъ на середину, государь, быстро взглянувъ на всѣ стороны и увидѣвъ Дадьяна, сказалъ строго нѣсколько словъ, не дошедшихъ до моего слуха. Вслѣдъ затѣмъ, возвысивъ голосъ,

громко произнесъ: «снять съ него аксельбанты, какъ съ недостойнаго носить званіе моего флигель-адъютанта». Исполненіе немедленно послѣдовало чрезъ тифлисскаго военнаго губернатора, Михаила Григорьевича Брайко, видимо растерявшагося. Взявъ изъ рукъ Брайко аксельбанты, государь произнесъ: «Въ Бобруйскъ! преступныхъ наказываю, а достойныхъ награждаю. Баронъ Розенъ [1]),—обратился его величество къ сыну Григорія Владиміровича:—жалую тебя моимъ флигель-адъютантомъ»—и передалъ ему аксельбанты. Старикъ Розенъ, поражонный неожиданностью, грустный, печальный, подошелъ къ государю и поцѣловалъ его руку. Затѣмъ, его величество, въ томъ же экипажѣ, вмѣстѣ съ Розеномъ, изволилъ отправиться для обозрѣнія различныхъ учрежденій. Вечеромъ того же дня, государь императоръ изволилъ принять отъ дворянства и купечества балъ, гдѣ оставался, однакожъ, 1½ часа, пройдя съ двумя или тремя дамами польскій.

Возвращаясь съ бала, государь въ передней сдѣлалъ полиціймейстеру маіору Ляхову какой-то вопросъ; тотъ, изнуренный почти трехъ-суточными заботами, безъ сна, съ раскраснѣвшимися глазами, не понялъ хорошо словъ императора, и доложилъ что-то невпопадъ; изъ этого послѣдовало заключеніе, что онъ не трезвъ, и на другой день отданъ былъ приказъ объ исключеніи его изъ службы. Впослѣдствіи дѣло разъяснилось, и Ляхову возстановлены всѣ служебныя его права. На другой день государь изволилъ выѣхать изъ Тифлиса, въ сопровожденіи барона Розена.

При выѣздѣ изъ города, на спускѣ съ Верейской возвышенности, на крутомъ поворотѣ, надъ большимъ оврагомъ, по неопытности кучера, лошади круто повернули, отчего опрокинулся экипажъ, хотя, благодаря Бога, безъ всякихъ послѣдствій, но и не безъ угрожавшей опасности, сильно испугавшей всѣхъ сопровождавшихъ императора. На этомъ мѣстѣ поставленъ прекрасный памятникъ изъ гранитнаго камня, съ большимъ наверху крестомъ и съ надписью на гранитѣ: «живый въ помощи вышняго» и т. д.

---

[1]) Въ толпѣ послышалось, будто государь закричалъ: «розогъ» и, что баронъ началъ цѣловать руки и просить о помилованіи. Повсемѣстнымъ толкамъ, по этому нелѣпому искаженію, между простолюдинами, не было конца.
В. Д.

Тяжело было положеніе барона Розена по отбытіи изъ края государя императора. Зять его отправленъ въ Бобруйскъ; все его семейство въ невыразимомъ горѣ [1]); самъ онъ, разстроенный до глубины души, едва держался на ногахъ. Дадьяна судили. Судъ нашелъ его виновнымъ и приговорилъ къ тяжкому наказанію; государь, впрочемъ, значительно смягчилъ приговоръ, по уваженію къ службѣ барона, и именно—отмѣнилъ ссылку на поселеніе.

Дадьянъ не правъ—судя по приговору; но составляетъ-ли онъ исключеніе? Едвали можно съ увѣренностію сказать утвердительно; тогда подобные порядки входили въ плоть и кровь полковыхъ командировъ и даже всякихъ командировъ. Во всякомъ случаѣ, баронъ Григорій Владиміровичъ, при его честной натурѣ, никогда не могъ помыслить о какомъ бы то ни было потворствѣ, не совмѣщавшемся съ его понятіями; за это можно поручиться всѣмъ, что̀ есть святаго. Въ непродолжительномъ времени его служебная карьера разстроилась; одновременно разстроилось и его здоровье. Назначенный, въ званіи полнаго генерала и генералъ-адъютанта, не болѣе какъ сенаторомъ, онъ не перенесъ душевнаго потрясенія, былъ пораженъ параличемъ—и умеръ.

III.

Е. А. Головинъ.—Обвалъ Арарата.—А. Ф. Десимонъ.—П. П. Тимофѣевъ.—Казнь татарина.—Новые штаты.—Назначеніе А. И. Нейдгардта.—Его любовь къ опрятности.—Неопытный генералъ и ловкій дѣлецъ.

1838—1845.

На мѣсто барона назначенъ былъ генералъ отъ инфантеріи Евгеній Александровичъ Головинъ, человѣкъ довольно уже пожилой. Онъ прибылъ въ Тифлисъ 19-го марта 1838 года. Угрюмый, недоступный, всегда какъ-будто недоспавшій и недовольный, притомъ же строгій педантъ,—онъ наводилъ на подчиненныхъ только страхъ и непріятное чувство.

Первое время его управленія осуществилось весьма печальнымъ событіемъ, происшедшимъ лѣтомъ 1840 года. Въ самый

[1]) Въ числѣ членовъ этого семейства находилась молоденькая, умненькая, бойкая, лѣтъ 12-ти дѣвочка, по имени Пашенька, впослѣдствіи извѣстная игуменья Митрофанія. В. Д.

зной, около 5-ти часовъ пополудни, внезапно и, конечно, неожиданно, такъ какъ никакихъ атмосферныхъ явленій не замѣчалось, — послѣдовалъ въ Тифлисѣ такой сильный, подземный толчокъ, съ шумомъ и колебаніемъ почвы, что я невольно пошатнулся и едва удержалъ равновѣсіе. Стоявшій на столѣ стаканъ чаю опрокинулся; каменный, довольно ветхій домъ, въ которомъ была моя квартира, затрещалъ такъ, какъ-будто угрожалъ разрушеніемъ. Испуганный столь необыкновеннымъ происшествіемъ, я выскочилъ на улицу, гдѣ стекался уже народъ со всего околотка въ большомъ смятеніи. Всѣ молились, колокола звонили, женщины и дѣти голосили, ожидая какого-то страшнаго бѣдствія, и долго никто не возвращался въ свои жилища. Къ счастію, ни удара, ни колебанія не повторилось, и кончилось все однимъ страхомъ. Впослѣдствіи оказалось, что за 280 верстъ отъ Тифлиса, именно въ Эриванской губерніи, съ довольно возвышенной мѣстности Арарата, рухнула громадная масса каменной отвѣсной скалы, подъ которою, съ незапамятныхъ временъ, было расположено большое, весьма зажиточное армянское селеніе Ахуры. Все это селеніе, въ числѣ 1,000 душъ, съ бывшимъ тамъ монастыремъ и многочисленными монахами, сдѣлалось жертвою ужасной катастрофы, отголосокъ которой отразился даже въ Тифлисѣ. Въ 1862 году, чрезъ 22 года послѣ происшествія, случилось мнѣ быть на этой страшной могилѣ, на которой, изъ огромныхъ валуновъ, образовалась цѣлая гора, не оставившая и малѣйшихъ слѣдовъ того, чтобы тамъ могло когда-либо существовать селеніе.

Нерадостна была эта кровавая вѣсть для генерала Головина, человѣка нечуждаго нѣкоторыхъ предразсудковъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы облегчить, по крайней мѣрѣ, положеніе тѣхъ деревень, которыя, по близкому своему нахожденію отъ мѣста происшествія, болѣе или менѣе потерпѣли бѣдствіе. У него ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ былъ Андрей Францовичъ Десимонъ, котораго всѣ любили и уважали за его деликатное, простое обращеніе и готовность помогать всякому — словомъ и дѣломъ. Но единственнымъ докладчикомъ и вліятельнымъ лицомъ по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ былъ директоръ канцеляріи Павелъ Петровичъ Тимофѣевъ, вышедшій изъ мелкоты, чуть-ли не изъ кутейниковъ, человѣкъ не безъ смысла,

хотя безъ всякаго образованія, но практически понимавшій суть всякаго дѣла.

Мнѣ случилось только одинъ разъ, по порученію директора, быть съ докладомъ у генерала Головина. Въ городѣ Эривани одинъ молодой татаринъ занялъ у другаго, такого же возраста, мусульманина нѣсколько рублей, и уклонялся отъ платежа. Кредиторъ, потерявшій терпѣніе, встрѣтивъ должника днемъ на площади и не разсуждая долго, самовольно, съ насиліемъ, снялъ съ него какое-то верхнее платье, въ обезпеченіе удовлетворенія своей претензіи. Этому поступку, по жалобѣ обиженнаго, былъ данъ характеръ грабежа; возникло военно-судное производство, поступившее съ сентенціею судной коммисіи на конфирмацію главноуправлявшаго. Я изложилъ обстоятельно сущность дѣла и, приготовивъ конфирмацію, переписанную набѣло, въ которой былъ оставленъ пробѣлъ для опредѣленія наказанія собственною рукою главноуправлявшаго,—поднесъ къ подписи, полагая, что онъ назначитъ за самоуправство наказаніе розгами—не болѣе. Головинъ, выслушавъ все, взялъ перо и, не говоря ни слова, поморщившись—написалъ: «повѣсить». Изумленный такимъ опредѣленіемъ наказанія, я счелъ долгомъ доложить, что, по существующимъ законамъ, за подобныя преступленія смертная казнь не полагается. «Не ваше дѣло разсуждать»,—строго отозвался онъ,—«извольте исполнить безпрекословно; я знаю, что дѣлаю». Татаринъ былъ повѣшенъ, къ большому смущенію мѣстнаго населенія, по доходившимъ слухамъ. Можетъ быть, генералъ Головинъ имѣлъ свои основанія, чтобы навести страхъ, такъ какъ подобныя казни повторались довольно часто и въ другихъ мѣстностяхъ, особенно въ разбойничьемъ Казахскомъ участкѣ; тѣмъ не менѣе, взгляды его не достигали своей цѣли, ибо разбойники нисколько не уменьшались, а нерѣдко появлялись даже значительными организованными шайками.

Въ то время, когда генералъ Головинъ вступилъ въ управленіе краемъ, баронъ Ганъ тамъ не находился. Вскорѣ по пріѣздѣ его туда, приступлено было къ общему преобразованію гражданскаго управленія. Выработанный по послѣднему случаю проектъ штатовъ, съ возвышенными окладами и довольно значительными измѣненіями административныхъ раздѣленій, ихъ порядковъ и обязанностей лицъ служащихъ,—высочайше утвержденъ 10-го апрѣля 1840 года.

Со введеніемъ новыхъ штатовъ, былъ я назначенъ ассесоромъ учреждавшейся тогда палаты государственныхъ имуществъ, которая открыта въ исходѣ декабря того же 1840 года. Насъ всѣхъ назначенныхъ членовъ палаты приводили къ присягѣ въ присутствіи главноуправлявшаго Головина. Недолго оставался я ассесоромъ: скоро былъ утвержденъ совѣтникомъ хозяйственнаго отдѣленія, куда послѣдовалъ такой наплывъ изъ разныхъ учрежденій неоконченныхъ дѣлъ стараго времени, что я поставленъ былъ въ невозможность избѣгнуть застоя, при ограниченныхъ канцелярскихъ средствахъ. Между тѣмъ баронъ Ганъ выѣхалъ; безъ него, вслѣдствіе оказавшихся повсемѣстно безпорядковъ, особенно на далекихъ окраинахъ, какъ, напримѣръ, въ Гуріи, Елисуйскомъ владѣніи и Закатальскомъ округѣ,—послѣдовали существенныя преобразованія: нѣкоторыя гражданскія должности обращены были по-прежнему въ управленіе военное; всѣ попечители государственныхъ имуществъ, съ ихъ помощниками и канцеляріями, упразднены; права самой палаты государственныхъ имуществъ, особенно по защитѣ интересовъ казны, такъ ограничены, что она сдѣлалась не болѣе какъ передаточною инстанціею; такъ продолжалось до пріѣзда осенью 1842 года военнаго министра, князя Александра Ивановича Чернышева и статсъ-секретаря Позена. Съ прибытіемъ ихъ, по особому высочайшему уполномочію, состоялись новыя измѣненія въ порядкѣ управленія: директоръ Тимофѣевъ былъ смѣненъ, а вскорѣ затѣмъ, именно въ началѣ 1843 года, назначенъ и на мѣсто Головина генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ Александръ Ивановичъ Нейдгардтъ, принявшій управленіе далеко не въ цвѣтущемъ состояніи.

Болѣзненный, въ высшей степени раздражительный, нетерпѣливо-безпокойный, но строго во всемъ правдивый и крайне бережливый въ расходахъ, Нейдгардтъ, съ одной стороны, неуклонно стремился дать быстрое движеніе дѣламъ по всѣмъ частямъ управленія, а съ другой—главнѣйшее вниманіе обращалъ на чистоту и опрятность не только въ учебныхъ заведеніяхъ, но и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ. Нельзя не отдать полной справедливости постояннымъ его заботамъ, хотя онѣ, по своей непрактичности, не достигали и не могли достигнуть желаемой

цѣли, потому что еженедѣльныя, чуть не ежедневныя требованія подробныхъ вѣдомостей о движеніи дѣлопроизводства—безполезно отнимали много времени и много лучшихъ силъ, необходимыхъ для болѣе серьезныхъ занятій.

Во всѣхъ заведеніяхъ первымъ у него дѣломъ было заглянуть въ кухонную обстановку. Однажды замѣтилъ онъ въ гимназической кухнѣ нарѣзанные куски хлѣба для раздачи къ обѣду воспитанникамъ. Послѣдовалъ вопросъ: «сколько полагается каждому лицу хлѣба?».—Фунтъ съ чѣмъ-то,—отвѣчалъ экономъ-нѣмецъ. «Свѣсить»,—приказалъ Нейдгардтъ. Свѣсили: не оказалось противъ нормы 5-ти золотниковъ. «На гауптвахту»,—закричалъ онъ.—Помилуйте, это немного, ваше высокопревосходительство!

«Ну, такъ немного и посидишь,—только два дня».

Въ то время, когда, за отсутствіемъ управляющаго палатою, я исправлялъ его должность, неожиданно прибылъ въ присутствіе генералъ Нейдгардтъ. Обозрѣвъ внимательно комнаты и потолки, онъ, въ присутственной камерѣ, остановилъ взглядъ на зерцалѣ и спросилъ: «это что̀ такое?».

— Зерцало,—отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, вотъ это̀ что̀ такое?—сказалъ онъ, указывая на стекло, покрывавшее одну сторону зерцала: подъ стекломъ оказалась околѣвшая муха, съ раздвинутыми посерединѣ стекла крылушками.

— Муха, ваше высокопревосходительство....—отозвался я, нѣсколько сконфузившись.

— То-то муха,—а вотъ пойдите въ любую казарму и посмотрите, найдется-ли что-нибудь подобное, хотя тамъ находятся солдаты, а здѣсь совѣтники.—Потомъ, взглянувъ на нѣкоторые поземельные планы, тѣмъ и кончилъ обозрѣніе, выразивъ, однакожъ, неудовольствіе, очень меня тревожившее.

При Нейдгардтѣ состоялъ директоромъ канцеляріи Сергѣй Ѳедоровичъ Васильковскій и особо начальникъ гражданскаго управленія, генералъ-лейтенантъ Г.... Первый, какъ человѣкъ съ образованіемъ, хотя по природѣ довольно грубоватый и упрямый, былъ большимъ труженикомъ. Главнѣйшія достоинства послѣдняго составляли: высокій станъ и генеральскіе эполеты.

Не могу не привести одного случая съ генераломъ Г.... Раз-

несся слухъ, что онъ недоволенъ дѣйствіями палаты государственныхъ имуществъ и намѣренъ произвесть строгую ревизію этого учрежденія. Намъ—чиновникамъ—было извѣстно, что онъ не понимаетъ гражданскихъ порядковъ, и потому въ голову никому не приходило особенно приготовляться, да, признаюсь—мы и не думали, чтобы ревизія могла состояться. Однако, онъ явился въ палату.

— Какія тутъ у васъ есть дѣла?—спрашиваетъ у одного изъ чиновниковъ.

— Всякія есть, ваше превосходительство; вотъ—изволите видѣть, всѣ шкафы переполнены дѣлами; какое прикажете вамъ подать?

— Подайте мнѣ какое-нибудь,—приказалъ онъ.

Чиновнику, съ которымъ онъ говорилъ, какъ-разъ попалось подъ руку громадное дѣло, составлявшее, въ теченіе цѣлаго года, пустую, текущую канцелярскую переписку. Чиновникъ поднесъ дѣло и доложилъ:

— Вотъ все какія у насъ дѣла.

— Въ чемъ же оно заключается?

— Здѣсь очень много предметовъ,—отвѣчалъ чиновникъ, и давай высчитывать все, что только приходило ему на мысль и что даже не входило въ кругъ обязанностей палаты, напримѣръ: и содержаніе почтовыхъ станцій, и высылка бѣглыхъ имеретинцевъ, и конфискація измѣнническихъ имѣній, и проч., и проч.

— Да, нехорошо, нехорошо, что такія важныя дѣла залеживаются; надѣюсь, что они всѣ будутъ кончены въ скорѣйшемъ времени,—отозвался онъ и, послѣ обозрѣнія помѣщенія, вышелъ.

Чрезъ недѣлю, встрѣтивъ чиновника, представлявшаго ему дѣла въ палатѣ, генералъ Г.... спросилъ его:

— Ну, въ какомъ положеніи теперь ваши дѣла?

Тотъ почтительно и безъ малѣйшей запинки отвѣчалъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ ваше превосходительство изволили произвесть строгую ревизію и сдѣлали важныя указанія, смѣло можно сказать, дѣла пошли какъ нельзя лучше.

Ему это очень понравилось, и онъ удостоилъ чиновника даже пожатія руки.

Такъ все шло за Кавказомъ, безъ опредѣленной мысли, безъ

всякой системы, при отсутствіи самыхъ необходимыхъ служебныхъ познаній, и въ сущности не выходило ничего, кромѣ траты денегъ и безполезнаго истребленія бумаги,—до назначенія намѣстникомъ кавказскимъ князя Воронцова.

IV.

Князь М. С. Воронцовъ.—Командировка въ Ново-Баязетскій уѣздъ.—С. В. Сафоновъ.—Новое назначеніе.—Дѣятельность князя М. С. Воронцова.—Кавказское общество сельскаго хозяйства.—Кавказскіе агрономы.—Посѣвъ шелковичныхъ червей.—Дѣло Копьева.—Опасное рукопожатіе.—Генералъ З....ій.—М. П. Щербининъ.—Увольненіе князя М. С. Воронцова.

1845—1855.

Нѣтъ сомнѣнія, что князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, по своей служебной дѣятельности и по своей громадной популярности, займетъ въ исторіи не одну страницу. Скажу только то, что лично мнѣ извѣстно за время его управленія Кавказомъ.

Какъ теперь помню, 25-е марта 1845 года, день прибытія въ Тифлисъ князя Воронцова, вмѣстѣ съ супругою его Елисаветою Ксаверіевною. Торжество было полное: весь городъ, съ амкарами, національною музыкою и амкарскими значками,—встрѣтилъ ихъ далеко за городскою чертою. Въ самомъ городѣ, кромѣ великолѣпной иллюминаціи, всѣ лавки и магазины были убраны дорогими коврами и матеріями,—словомъ, восторгамъ не было конца.

На другой день послѣ пріѣзда князя Воронцова, былъ назначенъ у него пріемъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Довольно большой залъ въ домѣ, занимаемомъ намѣстникомъ, былъ переполненъ явившимися на пріемъ, такъ что съ трудомъ можно было увидѣть князя. Высокій станъ, покрытая сѣдинами голова, умное, какъ-будто улыбающееся лицо, ласковыя симпатичныя манеры—произвели на всѣхъ отрадное впечатлѣніе, на меня въ особенности. Ну, думалось мнѣ, если и теперь не пойдутъ здѣсь дѣла хорошо, то, значитъ, грузинскій царь правду сказалъ, что «пока не отыщется мѣсто, гдѣ кѣмъ-то зарыта свиная голова,—никакія силы не въ состояніи установить за Кавказомъ порядокъ управленія».

Пока князь Михаилъ Семеновичъ всматривался въ дѣла и зна-

комился съ порядками управленія, мнѣ дано было экстренное порученіе отправиться въ Александропольскій уѣздъ для раскрытія злоупотребленія, состоявшаго въ несвоевременномъ снабженіи магазиновъ провіантомъ, отчего, по случаю наступившаго зимняго времени, неудобнаго для транспортировки, войска поставлены были въ большое затрудненіе. Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ по исполненіи этого порученія, какъ неожиданно получилъ я предписаніе, за подписью самого князя: немедленно произвесть строжайшее слѣдствіе въ Ново-Баязетскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи, надъ участковымъ засѣдателемъ Тархановымъ (изъ армянъ) о безпримѣрномъ будто-бы его лихоимствѣ, какъ жаловалось все общество Гокчинскаго участка.

Ново-Баязетскій уѣздъ, расположенный въ мѣстности, весьма суровой въ зимнее время, населенъ, большею частію, армянами, выходцами изъ персидскаго города Адербейджана, не имѣющими никакого понятія объ удобствахъ жизни; они занимаютъ плодородныя земли, много продаютъ хлѣба и другихъ произведеній, но живутъ грязно, скупо, скаредно, отказывая себѣ въ самыхъ необходимыхъ насущныхъ потребностяхъ, и всегда стараются пріобрѣтать деньги звонкою монетою и—чѣмъ новѣе, т. е. блестящѣе, монета, тѣмъ охотнѣе, даже платятъ за нее съ возвышеніемъ нарицательной цѣны. Скопленныя деньги они закапываютъ въ землю и, въ свободное время, въ кругу своей полунагой семьи, забавляются какъ развлеченіемъ—устройствомъ изъ скопленныхъ золотыхъ и серебреныхъ монетъ различныхъ пирамидъ, а потомъ опять прячутъ въ избранныя хранилища. Мнѣ разсказывалъ одинъ изъ нихъ же, уже нѣсколько обрусѣвшій армянинъ, что въ Баязетскомъ уѣздѣ зарыто въ землѣ денегъ болѣе милліона рублей.

Отправившись въ Ново-Баязетскій уѣздъ, болѣе 4-хъ мѣсяцевъ трудился я надъ порученнымъ мнѣ казуснымъ дѣломъ, при всевозможныхъ лишеніяхъ и неудобствахъ, среди полудикаго населенія, обитающаго въ подземельяхъ вмѣстѣ съ домашними животными. Накопилось большое производство и не безъ успѣха по нѣкоторымъ важнымъ пунктамъ. Удостоенный личной благодарности князя за этотъ трудъ, я радовался, что могъ заслужить такое вниманіе. Вышло, однакожъ, не такъ, какъ мнѣ воображалось: Тархановъ, надъ которымъ производимо было слѣдствіе,

оказался родственникомъ армянскаго патріарха Нарсеса, лица сильнаго. Ничего не зная, я неосторожно правдиво доложилъ князю Михаилу Семеновичу о результатахъ дѣла. Къ несчастію, при этомъ находился назначенный уже на мѣсто Васильковскаго, директоромъ канцеляріи намѣстника, Степанъ Васильевичъ Сафоновъ, которому почему-то очень не понравился мой откровенный докладъ. Когда, по приказанію князя Михаила Семеновича, была составлена мною подробная записка и принесена, вмѣстѣ съ дѣломъ, къ Сафонову, то онъ принялъ меня очень нелюбезно, чтобы не сказать—грубо.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ меня повелительнымъ, надменнымъ тономъ, и какъ бы недовольный.

«Мнѣ, лично отъ васъ, ничего не угодно, — отвѣчалъ я, едва сдерживая себя:—угодно только исполнить извѣстное вамъ приказаніе князя»—и тутъ же положилъ ему на столъ все дѣло съ запиской.

Сафоновъ, схвативъ это дѣло, сердито бросилъ его на окно.

Послѣ этого случая, стало меня преслѣдовать какое-то недоброе предчувствіе, которое не замедлило осуществиться: 27-го сентября 1847 года, прочиталъ я приказъ о переводѣ меня, безъ моего вѣдома, изъ палаты государственныхъ имуществъ, совѣтникомъ въ грузино-имеретинское, нынѣ тифлисское, губериское правленіе, гдѣ было большое накопленіе и запущеніе дѣлъ, требовавшихъ особенной дѣятельности. Дѣлать было нечего, волей-неволей приходилось покориться своей участи. Я утѣшился только тѣмъ, что въ то время въ Тифлисѣ занималъ должность военнаго губернатора генералъ-маіоръ Сергѣй Николаевичъ Ермоловъ, человѣкъ прямой и честный. Скоро онъ обратилъ на меня вниманіе, и я сталъ пользоваться полнымъ его довѣріемъ. Къ сожалѣнію, Сергѣй Николаевичъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не обладалъ достаточнымъ современнымъ тактомъ, и скоро потерпѣлъ крушеніе: онъ былъ переведенъ внутрь Россіи, кажется, въ Витебскую губернію.

Между тѣмъ, князь Михаилъ Семеновичъ, облеченный большою властью, сталъ твердою ногою на ту почву, которая повсемѣстно требовала радикальной обработки: онъ обратилъ вниманіе на чистоту и опрятность городовъ; на возвышеніе и улучшеніе положенія нѣкоторыхъ лучшихъ княжескихъ родовъ, давъ

имъ матеріальную поддержку и приличное значеніе; устроилъ въ Тифлисѣ замѣчательное театральное зданіе и тротуары съ значительными посадками деревьевъ, закрылъ смрадную и вредную Салалакскую канаву, простиравшуюся въ центрѣ города до Мухранскаго моста; исходатайствовалъ учрежденіе закавказскаго «приказа общественнаго призрѣнія», въ видахъ предоставленія возможности землевладѣльцамъ освободиться отъ раззоренія ихъ ростовщиками [1]); создалъ по лѣвую сторону рѣки Куры, на грязной мѣстности, гдѣ была деревня Куки,—особое, довольно красивое пригородье, съ весьма цѣнными постройками, тянущееся теперь почти на двухъ-верстное пространство; закрылъ палаты государственныхъ имуществъ, съ возложеніемъ обязанностей ихъ на губернскія правленія; образовалъ изъ Грузино-Имеретинской и Каспійской губерній—четыре губерніи, именно: Тифлисскую, Эриванскую, Шемахинскую (нынѣ Бакинскую) и Кутаисскую; неослабно преслѣдовалъ мысль о народномъ образованіи, объ улучшеніи садоводства, огородничества и, вообще, сельскаго хозяйства, для чего постоянно и, большею частью, на собственныя деньги выписывалъ прививки облагороженныхъ деревъ и сѣмена. Наконецъ, замѣтивъ, что отрасль эта развивается медленно, по непонятливости, лѣни и равнодушію населенія, сформировалъ «общество сельскаго хозяйства». Общество это, возникшее не само собой, какъ это обыкновенно дѣлается, когда въ данной мѣстности интеллигентные хозяева чувствуютъ потребность сходиться для обмѣна мыслей,—явилось, къ сожалѣнію, учрежденіемъ, такъ сказать, искусственнымъ. Князь Воронцовъ это хорошо понималъ; но онъ хотѣлъ, создавая сельско-хозяйственное общество, во главѣ котораго, на первое время, сталъ самъ, какъ президентъ,—вызвать въ мѣстныхъ хозяевахъ жизнь и дѣятельность. Онъ думалъ, что сельско-хозяйственныя улучшенія за Кавказомъ привьются такъ же скоро, какъ они привились въ Новороссійскомъ

---

[1]) Впрочемъ, ожиданія князя, въ этомъ отношеніи, не достигли цѣли, потому что всѣ земле-и садо-владѣльцы, соблазнившись небольшими процентами, бросились занимать изъ «приказа» значительныя суммы, подъ залогъ своихъ имѣній, употребляя занятыя деньги, большею частію, непроизводительно, и въ настоящее время дошли до полной неоплатности, за весьма немногими исключеніями; а «приказъ» поставленъ въ затрудненіе вслѣдствіе высокой оцѣнки имѣній и по неявкѣ желающихъ покупателей. В. Д.

краѣ, благодаря «обществу сельскаго хозяйства Южной Россіи», тоже имъ созданному; но вышло иначе: «кавказское общество сельскаго хозяйства», просуществовавъ много лѣтъ, не успѣло почти ничего сдѣлать ни при немъ, ни послѣ него, съ такимъ непонятливымъ населеніемъ страны.

Для характеристики восточнаго человѣка приведу два случая. Князь Воронцовъ приказалъ устроить при «кавказскомъ обществѣ сельскаго хозяйства» — «сѣменное депо», изъ котораго хозяева могли получать, за самую умѣренную плату, разныя сельско-хозяйственныя сѣмена, съ наставленіемъ, какъ ихъ разводить. Въ засѣданіяхъ «общества», собиравшихся, первое время послѣ открытія онаго, во дворцѣ намѣстника,—онъ, съ неподдѣльнымъ любопытствомъ и вниманіемъ, разспрашивалъ землевладѣльцевъ о ходѣ ихъ хозяйствъ, объ урожаяхъ, о результатахъ разведенія разныхъ растеній, сѣмена которыхъ были выписываемы часто по указанію князя. Въ то время всѣ домогались быть принятыми въ члены этого общества, но не ради дѣла, или любви къ дѣлу—нѣтъ! Самое дѣло было на послѣднемъ планѣ. Поступленіе въ члены сельско-хозяйственнаго общества удовлетворяло, нѣкоторымъ образомъ, мишурному тщеславію и чванству грузинъ и армянъ,—чванству, присущему восточнымъ человѣкамъ—бывать во дворцѣ намѣстника, говорить съ нимъ и потомъ разсказывать съ важностію въ своемъ кружкѣ, что я-де-былъ у намѣстника въ засѣданіи. Нужно было хоть однажды видѣть, какъ, бывало, послѣ засѣданія у князя Воронцова, члены «общества сельскаго хозяйства» изъ туземцевъ выходятъ на подъѣздъ его дома и тамъ стараются оставаться какъ можно долѣе, въ виду проходящей по Головинскому проспекту публики, чтобы показать себя и порисоваться.

Однажды въ засѣданіи князь Воронцовъ спросилъ, не обращаясь особенно ни къ кому, а въ видѣ общаго вопроса,—какъ удалась цвѣтная капуста, сѣмена которой были розданы членамъ общества «безплатно». Глубокое молчаніе. Но вотъ встаетъ одинъ изъ присутствовавшихъ, князь Д. Д. О.... и говоритъ, что никуда не годится это растеніе; что онъ развелъ, было, ее у себя, но потомъ стравилъ буйволами, потому что она въ пищу человѣку не пригодна. Удивленный князь Воронцовъ разспрашиваетъ о подробностяхъ и получаетъ въ отвѣтъ, что капуста эта «совсѣмъ

некруглая, какъ надо быть, а больная, туда-сюда пошелъ». Это значитъ, что цвѣтная капуста, какъ непохожая на кочанную, никуда не годится, по тогдашнимъ понятіямъ мѣстнаго населенія, и ее нашли пригодною только для кормленія буйволовъ.

Князь А.... купилъ въ «сѣменномъ депо» «общества сельскаго хозяйства» пудъ сѣмянъ кормовой травы—люцерны (іонжа, по-мѣстному) и въ то же время фунтъ яичекъ шелковичнаго червя. Разспросивъ въ депо, какъ сѣять іонжу и какъ обращаться съ яичками для лучшаго сбереженія ихъ до времени наступленія выкормки, онъ отдалъ покупки своему старостѣ, разсказавъ посвоему, какъ и что дѣлать. Когда наступило лѣто, землевладѣлецъ полюбопытствовалъ узнать у старосты о результатахъ посѣва іонжи и выкормки шелковичныхъ червей. Каково же было его удивленіе, когда онъ узналъ, что староста распорядился яички шелковичнаго червя посѣять, а сѣмена іонжи хотѣлъ оживить и кормить ихъ шелковичнымъ листомъ,—но ничего, разумѣется, не вышло изъ этого. Староста рѣшилъ, что нововведеніе господина его никуда не годится.

При всѣхъ, однако же, затрудненіяхъ, князь Воронцовъ не уклонялся отъ своей задачи. Всегда невозмутимый, проницательный, дѣятельный, онъ былъ доступенъ, ласковъ, внимателенъ ко всему, а если замѣчалъ или открывалъ какія-нибудь уклоненія отъ порядка, то хладнокровно налагалъ на виновнаго всесильную свою руку, несмотря ни на какое лицо. Такъ, былъ случай съ однимъ полковымъ командиромъ, именно съ полковникомъ Копьевымъ [1]), который провелъ у князя вечеръ съ танцами, въ полномъ весельи, и, откланиваясь, удостоился даже пожатія руки хозяина; а когда пришелъ въ свою квартиру, то былъ арестованъ и посаженъ на гауптвахту, съ назначеніемъ надъ нимъ слѣдствія (мнѣ неизвѣстны въ подробности основанія этого дѣла, но общая молва утверждала, что тутъ играла роль интрига, съумѣвшая ловко ввести князя въ ошибку—относительно Копьева, пользовавшагося общимъ уваженіемъ). Лица, служившія въ Тифлисѣ во время намѣстничества князя Воронцова, встрѣчали его иногда довольно поздно вечеромъ, одного, прогуливавшагося инкогнито по городу. Во время этихъ прогулокъ, онъ ко всему

[1]) См. «Русская Старина», изд. 1873 г., т. VII, стр. 533—548.

прислушивался, а на другой день, неожиданно, являлось какое-нибудь полезное распоряженіе. Чуть-ли не такимъ же путемъ открылъ онъ въ Тифлисѣ большую шайку воровъ и мошенниковъ, промышлявшихъ безнаказанно, подъ покровительствомъ и при участіи одного изъ полицейскихъ чиновниковъ. Его и уважали, и боялись,—особенно боялись тѣ, которые удостоивались пожатія руки, имѣя въ виду примѣръ на Копьевѣ. Однажды, во время поѣздки по краю, случилось князю быть въ какомъ-то отдаленномъ укрѣпленіи, гдѣ находился большой военный госпиталь. Обозрѣвъ госпиталь во всей подробности, онъ нашелъ его въ хорошемъ состояніи и, обратясь къ смотрителю, выразилъ ему благодарность, а съ тѣмъ вмѣстѣ, протянулъ ему руку; тотъ, испугавшись до крайности и пряча свою руку, палъ на колѣна, прося помиловать его, какъ бѣднаго человѣка, обремененнаго большимъ семействомъ. Князь едва-замѣтно улыбнулся, спросивъ:—въ чемъ же онъ проситъ помилованія, когда все у него въ порядкѣ?

«Говорятъ, ваше сіятельство, что когда вы подадите кому-нибудь руку, то это значитъ— пропалъ человѣкъ»,—отозвался бѣднякъ, со слезами на глазахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ князь,—я вами доволенъ и искренно благодарю, а въ доказательство поздравляю съ будущею наградою.

Тогда только испуганный смотритель пришелъ въ нормальное положеніе.

Князь Воронцовъ, при всѣхъ многосложныхъ заботахъ своихъ по обширному управленію, никогда не пренебрегалъ тѣми случайностями, которыя выдавались въ служебномъ мірѣ личными заслугами и способностями. Такимъ образомъ было остановлено и постоянно поддерживалось благосклонное его вниманіе на одномъ изъ областныхъ начальниковъ, именно генералѣ З....мъ, человѣкѣ хотя нѣсколько оригинальномъ, но дѣятельномъ и нелишенномъ природнаго остроумія, особенно на малороссійскомъ нарѣчіи. З....ій вполнѣ чувствовалъ расположеніе къ себѣ князя, и, дѣйствительно, былъ преданъ ему до обожанія, по крайней мѣрѣ, наружно; но самъ, какъ начальникъ двуличный, не менѣе капризный и лукавый, не пользовался ни любовью, ни искреннимъ уваженіемъ со стороны своихъ подчиненныхъ.

Къ удовольствію большинства служившихъ при князѣ Ворон-

цовѣ, мѣсто Сафонова занялъ Михаилъ Павловичъ Щербининъ, человѣкъ доступный, весьма разумный, высокообразованный, трудолюбивый, чрезвычайно вѣжливый и добрый. Я никогда не былъ къ нему близокъ и, можетъ быть, во всю мою службу, встрѣчался съ нимъ не болѣе трехъ разъ и то на самое короткое время; но было бы несправедливо не помянуть его добрымъ словомъ. Со вступленіемъ его въ должность, дѣла по управленію пошли быстрѣе, направленіе ихъ стало благотворнѣе, безъ натяжекъ, безъ криводушія и безъ всякихъ измышленій.

Такое положеніе дѣлъ было непродолжительно. Князь Воронцовъ сталъ замѣтно слабѣть здоровьемъ; онъ уѣхалъ на продолжительное время въ отпускъ; управленіе краемъ временно было поручено генералу Реаду; М. П. Щербининъ переведенъ сенаторомъ. Въ началѣ 1855 года сдѣлалось извѣстнымъ, что князь М. С. Воронцовъ покидаетъ край навсегда. Намѣстникомъ кавказскимъ назначенъ генералъ отъ инфантеріи Николай Николаевичъ Муравьевъ 1-й.

Петербургъ. В. А. Дзюбенко.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

II [1]).

Письма и его замѣтки.

1820—1824.

За весь періодъ времени 1820—1824 гг. Пушкинымъ написаны къ брату его, Льву Сергѣевичу, слѣдующія письма [2]):

Кишеневъ 24-го сентября 1820 года [3]).

Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ съ подробными разсказами. Начинаю съ яицъ Леды. Пріѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенью. Генералъ Раевской, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 371—388.

[2]) Изъ собранія писемъ А. С. Пушкина къ его брату Льву неоднократно дѣлаемы были выдержки его біографами, поэтому нѣкоторыя письма почти на память знаютъ почитатели великаго поэта. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ все собраніе этихъ писемъ было напечатано почти совершенно въ безвѣстномъ изданіи «Библіографическихъ записокъ» 1859 г., сверхъ того невполнѣ и крайне неисправно, то мы считаемъ полезнымъ воспроизвести ихъ съ дополненіями и поправками, тщательно провѣренными П. А. Ефремовымъ по списку, находящемуся въ его собраніи книгъ и рукописей.

[3]) Левъ Сергѣевичъ въ это время былъ еще въ пансіонѣ.

Ред.

(ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ Кавказскимъ водамъ; лѣкарь, который съ ними ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на щастливой путь—я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю вылѣчился. 2 мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впроччемъ купался въ теплыхъ кисло-серныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальномъ разстояньи другъ отъ друга въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ; ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи—любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ Геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ извезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои—излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ—и можетъ быть сбудется для насъ химерической планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками; вѣчно верьхомъ; вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженая пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны, но не льзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа—они готовы напасть на извѣстнаго Русскаго Генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ Черноморскихъ и Донскихъ казакахъ—теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я—на ближней горѣ посереди кладбища увидѣлъ я груду камней, утесовъ грубовыѣченныхъ—замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это,

древнее ли основаніе башни—не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ почти сравнившійся съ землею—вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то Французъ присланъ изъ Петербурга для розысканій—но ему не достаетъ ни денегъ, ни сведеній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керча пріѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ—и подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, не далеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый человѣкъ, но имѣетъ большія сведенія объ Крымѣ, сторонѣ важной и запущеной. Отъсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію [1]), которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали Татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, щастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посереди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ Героя, славу Русскаго войска; я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нѣжели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался—щастливое полуденное небо; прелестный край; природа удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго. Будешь ли ты со мной? скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. Покрайнѣй мѣрѣ пиши ко мнѣ—благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію – доброй, умной старушкою—къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, по-

[1]) Эта элегія: «Погасло дневное свѣтило».

веселиться ее милымъ болтаньемъ и сказками; но влюбиться въ нее безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ..... Русскимъ безвѣстную.....[1]) я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ. Все ли еще они въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны, нужны! прости. Обними же за меня Кюхеб. (Кюхельбекера) и Дельв(ига)—Видишь ли ты иногда молодаго Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братьи. Пушкинъ.

(Кишиневъ) 27-го іюня (1821 года).

Брату.—Здраствуй Левъ, не благодарю тебя за письмо твое. по тому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь—я называю дѣльнымъ все, что касается до тебя. Пиши ко мнѣ покамѣсть я еще въ Кишеневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ по русски, потому что, слава Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду русскую Азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость не поэтъ): пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности; что такое сотвореніе міра Милонова? что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ С. О. прошлаго года?[2]) кто на нихъ? «Черная шаль» тебѣ нравится—ты правъ, но ее чортъ знаетъ какъ напѣчатали. Кто ее такъ напѣчаталъ? пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его, братски, скажи ему, что онъ славная душа и что я люблю его, какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидиться съ Всеволожскимъ[3])—и возьми у него на мой щетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими друзьями—экземпляров(ъ) 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его[4]), Овошникову его[5]), Лампу его[6])—и все елико друга моего. Поцелуй, если увидишь, Юрьева

---

[1]) Пропуски въ рукописи.

[2]) «Сынъ Отечества» 1820 года, часть LXIV. Вопросы эти написаны были гвардейскимъ офицеромъ Дмитріемъ Петровичемъ Зыковымъ, по поводу «Руслана и Людмилы».

[3]) Никитою Всеволодовичемъ.

[4]) Буквы V. C. P.—Veuve Cliquot Pontchartrain, и буквы L. D.—марки винъ: первыя—шампанскаго-клико, вторыя—шато-икема. Столъ и превосходный погребъ Н. В. Всеволожскаго славились въ высшемъ кругу тогдашняго петербургскаго общества.

[5]) Кордебалетную танцовщицу.

[6]) Общество, собиравшееся у Н. В. Всеволожскаго, называлось обществомъ «Зеленой Лампы».

и Мансурова—пожелай здравія Калмыку [1])—и напиши мнѣ обо всемъ. Пришли мнѣ «Тавриду»—Боброва. Vale. Твой братъ А.

(Приписка): Сестрѣ.—Etes-vous de retour de votre voyage? avez-vous visité de nouveau les souterrains, les chateaux, les cascades de Narva? celà vous a-t-il amusé? aimez-vous toujours vos promenades solitaires? quels sont vos chiens favoris? avez-vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? qu'est-ce qui vous amuse? Que lisez-vous? Avez-vous revu la voisine Anette Voulf? Montez-vous à cheval? quand revenez-vous à Petersbourg? que font les Korf? êtes-vous mariée? êtes vous prête à l'être? doutez-vous de mon amitié? bonjour, ma bonne amie [2]).

Въ сентябрѣ того же года Пушкинъ писалъ Н. И. Гречу:

Кишиневъ 21-го сентября (1821 года).

Извините, любезный нашъ Аристархъ, что опять безпокою васъ письмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе—доставьте письмо здѣсь прилагаемое брату моему; молодой человѣкъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ С. О. (Сынѣ Отечества) мое посланіе къ Чадаеву; ужъ эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится [3]): оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral; оно прямо Русское и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано Глупца Философа; зачѣмъ глупца? Стихи относятся къ Американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое на щетъ моего же письма—видно не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо.

---

[1]) Калмыкъ слуга Всеволожскаго. Онъ на вечерахъ «желалъ здравія» опьянѣвшимъ.

[2]) Переводъ. «Возвратилась ли ты изъ своего путешествія? посѣщала-ли опять нарвскіе подземелья, замки, водопады? позабавило ли это тебя? любишь ли ты по-прежнему свои уединенныя прогулки? какія у тебя любимыя собачки? помнишь ли трагическую смерть Омфалы и Бизара? чѣмъ забавляешься? что читаешь? видѣлась ли опять съ своей сосѣдкой Анетой Вульфъ? ѣздишь ли верхомъ? когда возвратишься въ Петербургъ? что подѣлываютъ Корфы? не замужемъ ли ты? готова ли на это? Не сомнѣваешься ли въ моей дружбѣ? прощай, мой добрый другъ».

Нѣкоторые біографы, пользовавшіеся выписками изъ этихъ писемъ, ошибочно относятъ это письмо, писанное въ 1821 году—къ 1822 году.

[3]) Стихъ: «Вольнолюбивыя надежды оживимъ»—понынѣ не вошелъ въ это стихотвореніе и не напечатанъ даже въ послѣднемъ изданіи Исакова.

Дельвигу и Гнедичу пробовалъ я было писать—да они и въ усъ не дуютъ. Чтобъ это значило? Если просто забвенье, то я имъ не пѣняю: забвенье—естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго; я бы и самъ ихъ забылъ, если бы жилъ съ Эпикурейцами, въ Эпикурейскомъ кабинетѣ и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся, или разочли, что письмы ихъ мнѣ не нужны—такъ плохо.

Хотѣлъ—было я прислать вамъ Отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать, хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною 800 стиховъ; стихъ шириною 4 стопы, разрѣзано на 2 пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался. Vale. Пушкинъ.

Кишиневъ 24-го генваря 1822 года.

[Брату].—Сперва хочу съ тобою побраниться; какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо, ты не московская кузина. Во вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки—ты или не хочешь или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ—жалѣю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустынѣ не доходитъ ни одинъ дружній голосъ—что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію—и это состояніе несносно. Письмо—гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ—не дошло до тебя – это меня бѣситъ—я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней—тогда дѣла пойдутъ иначе. Ты говоришь что Гнѣдичъ на меня сердитъ, онъ правъ – я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой—но у меня шла голова кругомъ. Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать—и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему «Плѣнника». Къ тому же ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать свою выгоду; а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума. Спроси у Дельвига, здоровъ ли онъ, все ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ—каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи, напечатай ихъ въ «Сынѣ» (безъ подписи и безъ ошибокъ). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую ради Христа не разпускай, въ ней каждой стихъ—правда.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,

Другой за деньги; понимаю.
Другой за то, что былъ Французъ;
Клеонъ—умомъ ее страшася,
Дамисъ—за то, что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На Каченовскаго:

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя. Твой другъ Демьянъ.

Кишиневъ 21-го іюля.

[Брату].—Ты на меня дуешься, милый; не хорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ, ни слова тебѣ не скажу—мнѣ безъ тебя скучно.—Что ты дѣлаешь? въ службѣ ли ты? пора, ей Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери—если упустишь время, послѣ будешь тужить—въ русской службѣ должно непремѣнно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ нибудь когда нибудь; слѣдственно разочти—тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. А я тебѣ говорю: служи—ученіе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда, какъ В. И. Ковловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе.—Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

Скажи мнѣ—выросъ ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? что ты дѣлаешь, что пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чедаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ: И сплетней разбирать игривую затѣю; я получилъ отъ него полу-кислое письмо; онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина. Пиши мнѣ новости литературныя; что мой «Русланъ»? [1]) не продается? не запретила ли его цензура? дай знать. Если же Сленинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? а мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Бестужева? [2]) читалъ ли ты мои стихи

[1]) «Русланъ и Людмила» былъ изданъ въ отсутствіе Пушкина. Разрѣшеніе цензора И. Тимковскаго дано было 15-го мая 1820 года.

[2]) Говорится о приготовлявшейся въ печати «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г.

ему посланные? что «Плѣнникъ»? радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ П. Б. дѣла есть. Не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть не льзя; уничтожь это вранье. Что Жуковскій и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ. Бываешь ли ты у Карамзина? отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь—и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Вильгельмъ? [1]) есть ли объ немъ извѣстія? прощай.

Отцу пишу въ деревню.

(Приписка къ сестрѣ). Ma bonne et chère amie, je n'ai pas besion de vos lettres pour me rassurer sur votre amitié, mais elles me sont uniquement nécessaires comme quelque chose qui vient de vous. Je vous embrasse et je vous aime—amusez-vous et mariez-vous. [2])

(Изъ Кишинева 1822).

На прошедшей почтѣ—(виѳовать: съ Долгорукимъ)—я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ—во первыхъ о службѣ. Еслибъ ты пошелъ въ военную—вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ Гвардію тебѣ не за чѣмъ; служить 4 года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой нибудь полкъ корпуса Раевскаго—скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ Гвардію—Раевской или Киселевъ—оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка, дѣло идетъ о жизни.—Теперь, моя радость, поговорю о себѣ—явись отъ меня къ Никитѣ Всеволож(с)кому—и скажи ему, чтобъ онъ, ради христа, погодилъ продавать мои стихотворенія до будущаго года.—Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣла(ла) мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы—само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить. Въ посланіи къ Ов. (Овидію) перемѣни такимъ образомъ:

---

[1]) Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. Тогда онъ находился въ Тифлисѣ и состоялъ на службѣ при канцеляріи А. П. Ермолова (см. «Русская Старина», изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 343).

[2]) Переводъ. «Добрый и милый другъ мой, мнѣ нѣтъ надобности въ твоихъ письмахъ, чтобъ быть увѣреннымъ въ дружбѣ твоей, но они нужны мнѣ единственно какъ вещь, отъ тебя присланная. Обнимаю тебя и люблю. Веселись и выходи за мужъ».

Ты самъ дивись Назонъ, дивись, судьбѣ превратной,
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ... И проч.

Къ стати о стихахъ: то, что я читалъ изъ Ш. Уз. (Шильонскаго Узника) прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха Орлеанской Д. Но, актеры, актеры! 5 стоп(ные) стихи безъ риѳмъ требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюда драммо-торжественный ревъ Глухо-рёва. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена? Господь защити и помилуй — но боюсь.—Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми у Жуковскаго билетъ для 1-го представленія на мое имя. Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ Миѳологіей и Героизмомъ—славяно-русскими стихами, цѣликомъ взятыми изъ Іеремія [1]). Что бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ—но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? Ода къ Ерм(олову) лучше, но стихъ: «такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ.....» слишкомъ уже Греческой. Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: «страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный толпами стремиться въ храмъ священный.—Зри, Боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ—цѣль(ъ) трудъ многимъ людямъ принадлежащій» [2]) и проч. Справься объ этихъ стихахъ у Б. Дельв(ига). Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. «Б. изъ Рима» не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ мила [3]). Вообще мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза нѣжели стихи—онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости—слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (т. е. Плетневу, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ Гёте. П.

---

[1]) «Олимпійскія игры», стихотв. Кюхельбекера, были написаны въ Тифлисѣ, въ 1822 г., а напечатаны впослѣдствіи въ «Мнемозинѣ» 1825 г., часть IV, стр. 96.

[2]) Нѣчто подобное было напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1823 г. (часть LXXXIV, стр. 128).

[3]) Въ «Сынѣ Отечества» 1821 г. (№ VIII) было напечатано стихотвореніе П. А. Плетнева «Батюшковъ изъ Рима», въ которомъ говорилось, что поэтъ вдали отъ родины и друзей утратилъ вдохновеніе. Тогда у Батюшкова уже обнаруживались признаки душевнаго его недуга (письма Батюшкова къ Гнѣдичу были напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изд. третье, томъ I, стр. 559—564; изд. 1871 г., томъ III, стр. 208—236. Письмо съ протестомъ Б. противъ Плетнева, находящееся у насъ, будетъ также напечатано въ продолженіи переписки Батюшкова).

Mon père a eu une idée lumineuse—c'est celle de m'envoyer des habit—rappelez la lui de ma part [1]).

Еще слово—скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ присылалъ сукина Сына Отечества 2-ю половину года. Можетъ вычесть что стоитъ изъ своего долга.

Милый мой—у васъ пишутъ—что лучь денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго [2]). Это не Хвостовъ написалъ—вотъ что меня огорчило—что дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ?

Нескромность Льва Сергѣевича поставила Пушкина въ весьма щекотливое положеніе передъ П. А. Плетневымъ: содержаніе письма сдѣлалось ему извѣстнымъ, и онъ написалъ къ Пушкину посланіе. Вотъ что́ писалъ Пушкинъ брату:

6-го октября 1822 года.

Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. За чемъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами. Вся моя ссора съ Толстымъ [3]) происходитъ отъ нескромности К. Шаховскаго. Впрочемъ посланіе Плетнева, можетъ быть первая его піэса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ..... [4]) на будущей почтѣ отвѣчу ему.

---

[1]) У отца блестящая мысль—прислать мнѣ платье; напомни ему о ней отъ меня.

[2]) Дума К. Ѳ. Рылѣева, напечатанная въ «Сынѣ Отечества» 1822 г., № 23, стр. 130:

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникалъ,
Скользя по сводамъ, лучъ денницы
И ужасъ мѣста озарялъ.

См. «Русская Старина» 1872 г., изданіе второе, томъ V, стр. 277—279.

[3]) Графъ Ѳ. И. Толстой, прозванный «американцемъ». Ссора Пушкина едва не довела его до дуэли. Готовясь къ ней, онъ былъ убѣжденъ, что останется живъ. «Толстой черноволосый—говорилъ онъ—а ворожея сказала, что мнѣ грозитъ опасность отъ бѣлокураго». Въ «Русской Старинѣ» была напечатана замѣтка о гр. Ѳ. И. Толстомъ и нѣкоторыя на нее опроверженія; изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 334—336; томъ XXIII, стр. 718.

[4]) Въ подлинникѣ нѣсколько словъ оторвано.

Скажи мнѣ, мидый мой, шумитъ ли мой «Плѣнникъ»? a-t-il produit du scandale, пишетъ мнѣ Orlof,—voilà l'essentiel [1]). Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характера «Плѣнника»; онъ для нихъ созданъ, душа моя; я журналовъ не получаю, такъ потрудись, напиши мнѣ ихъ толки—не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.

Я карабкаюсь и можетъ быть явлюсь у васъ. Но не прежде будущаго года быть мнѣ, на мѣстѣ; Жуковс(кому) я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; Министру я писалъ – онъ и въ усъ не дуетъ. О други, Августу мольбы мои несите [2]), но Августъ смотритъ Сентябремъ! Къ стати: получено ли мое посланіе къ Овидію? будетъ ли напѣчатано? что Бестужевъ? жду календаря его [3]). Я бы тебѣ и послалъ новые стихи, да лѣнь. Прощай, милый А. П.—Кишиневъ.

Другъ мой, попроси И. В. Сленина—чтобъ онъ за вычетомъ остальнаго долга, прислалъ мнѣ 2 экз. Людмилы, 2 экз. Плѣнника, одинъ Шильонскаго узника, книгу Греча – и Цертелева древнія стихотворенія—поклонись ему отъ меня.

Пушкинъ журилъ брата за его привычку пестрить свои посланія французскими фразами, между тѣмъ самъ писалъ своей сестрѣ постоянно по-французски, точно такъ же, какъ и слѣдующее письмо къ брату, заключающее наставленія молодому человѣку на порогѣ свѣта, въ который тотъ готовился вступить [4]).

(Брату).—Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me paraît préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va decider pour longtems de votre réputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup. Ne les jugez pas par votre coeur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible. C'est le moyen de se tenir en garde contre les petits préjugés et les petites passions, qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

---

[1]) Надѣлалъ ли онъ скандала—это самое главное!

[2]) Изъ «Посланія къ Овидію» (см. сочиненія А. С. Пушкина, изданіе Анненкова, 1855 года, томъ II, стр. 301—304).

[3]) Альманахъ: «Полярная Звѣзда»—на 1823 годъ.

[4]) При переводѣ мы старались сохранить сжатость слога подлинника, придерживаясь, по возможности, равносильныхъ русскихъ выраженій. Этого мы не замѣтили въ отрывкахъ, напечатанныхъ въ новѣйшихъ біографіяхъ Пушкина.

Soyez froid avec tout le monde: la familiarité nuit toujours; mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aise de vous avilir au moment où l'on s'y attend le moins.

Point de petits soins, défiez-vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des autres par eux mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la pluspart des tous est une perfidie.—Point de protection, car elle asservie et dégrade.

J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'égard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18 siècle. A l'égard de celle que vous aimerez je souhaite de tout mon coeur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offence volontaire; peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permetteront pas de briller ne tâchez pas de pailler vos privations, affectez plutôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité vous rendent ridicules et méprisables.

N'empruntez jamais, souffrez plûtôt la misère: croyez, qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude ou l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Ces principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez-vous les adopter sans jamais y être cotraint. Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra couter à ma vanité, mais ce n'est pas ce qui m' arreterait lorsqu'il s'agit de l'interêt de votre vie.

Переводъ. «Ты въ тѣхъ лѣтахъ, когда должно думать о предстоящемъ поприщѣ; я объяснилъ тебѣ причины, по которымъ военное кажется мнѣ предпочтительнѣе прочихъ. Во всякомъ случаѣ, твое поведеніе должно надолго опредѣлить твою репутацію и, можетъ быть, счастіе.

Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Начинай всегда съ того, чтобы думать о нихъ какъ можно хуже: немногимъ ошибешься. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое считаю благороднымъ и добрымъ и которое, вдобавокъ, еще и молодо; презирай ихъ самымъ вѣжливѣйшимъ образомъ. Это средство предохраняетъ отъ маленькихъ предразсудковъ и страстишекъ, съ которыми столкнешься при своемъ вступленіи въ свѣтъ.

Будь холоденъ со всѣми: фамильярность всегда вредитъ; особенно же остерегайся отъ подобнаго обхожденія съ вистами, какъ бы они тебя къ тому ни вызывали. Они очень скоро превзойдутъ тебя и будутъ очень рады унизить тебя, когда этого всего меньше ожидаешь.

Никогда, никакой угодливости; чуждайся уступчивости, на которую можешь быть способенъ: люди ея не понимаютъ и весьма охотно сочтутъ за низость, всегда довольные случаемъ судить о другихъ по самимъ себѣ.

Никогда не принимай благодѣяній. Благодѣяніе, въ большинствѣ случаевъ, коварство.—Избѣгай покровительства, ибо оно подчиняетъ и унижаетъ.

Хотѣлъ бы я предостеречь тебя отъ обольщеній дружбы, но у меня не хватаетъ духу черствить твою душу въ пору ея сладчайшихъ мечтаній. Все, что я могъ бы сказать тебѣ относительно женщинъ, было бы совершенно безполезно. Замѣчу только, что чѣмъ менѣе любятъ женщину, тѣмъ вѣрнѣе обладаніе ею. Но такое наслажденіе прилично старой обезьянѣ 18-го вѣка. Относительно той, которую полюбишь, желаю тебѣ, отъ всего сердца, обладать ею.

Никогда не забывай обиды умышленной; поменьше словъ, или вовсе безъ нихъ, и никогда не мсти оскорбленіемъ за оскорбленіе.

Если состояніе, или обстоятельства твои не позволятъ тебѣ блистать, не старайся скрывать своихъ лишеній, обнаруживай лучше другую крайность: цинизмъ суровостью своею дѣйствуетъ внушительно на легкомысленность мнѣнія, тогда какъ маленькія плутни тщеславія сдѣлаютъ тебя смѣшнымъ и презрѣннымъ.

Никогда не бери взаймы, терпи лучше нужду: повѣрь, что она вовсе не такъ ужасна, какой ее изображаютъ, особенно въ сравненіи съ увѣренностью въ возможности видѣть себя безчестнымъ, или быть признатымъ за безчестнаго. Эти правила, предлагаемыя тебѣ мною, почерпнуты изъ собственнаго тяжкаго опыта. Желаю, чтобы ты принялъ ихъ, безъ понужденія къ тому когда-либо. Они могутъ избавить тебя отъ дней мученій и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; недешево она обойдется моему самолюбію, но это не остановитъ меня, если дѣло коснется счастія твоей жизни.

(Кишиневъ. Зима 1823 года).

Душа моя, какъ перевести по Руски: bévues?—должно бы издавать у насъ журналъ: Révue des Bévues [1])—мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную денницу Рылѣева, его же Гербъ Россійской на вратахъ Византійскихъ [2]) (во время Олега, Герба Рускаго не было—а двуглавый орелъ есть Гербъ Византійской и значитъ раздѣленіе Имперіи на Зап. и Вост.—у насъ же онъ ничего не значитъ). Повѣришь ли, мой милый, что не льзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ

[1]) Обзоръ недосмотровъ (или недоглядокъ).

[2]) Въ думѣ К. Ѳ. Рылѣева «Олегъ» поэтъ говоритъ объ изображеніи на щитѣ Олега герба Россіи. Этотъ анахронизмъ не могъ ускользнуть отъ зоркаго, критическаго взгляда Пушкина.

bévues, поговори объ этомъ съ нашими да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишешь, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи ради Христа Ж. (Жуковскому) чтобъ онъ продиктовалъ Якову [1]) строчки три на мое имя.—Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ онъ изъ ума шутитъ. Дельвигу поклонъ, Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. Видишь ли ты Тургеневыхъ и Карамзина?

Чѣмъ тебя поподчивать? вотъ стихи Θ. Глинкѣ:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой
Великодушный Гражданинъ!
Пускай Судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ;
Онѣ ничтожны—если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ, покажи ихъ Глинкѣ; обними его за меня и скажи ему, что онъ все таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра.

(По сгибу письма надпись: Брату).

30-го января 1823 г.

Благоразумный Левинька! Благодарю за письмо—жалѣю, что прочія не дошли.—Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами—и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ черкешенк(ѣ) Истоминой [2]), за которой я когда-то волочился подобно Кавказскому плѣннику. Бестужевъ прислалъ мнѣ «Звѣзду»—эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю что Баратынскій поскупился—я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? душа

---

[1]) Камердинеръ Жуковскаго.

[2]) Дидло изъ «Кавказскаго Плѣнника» составилъ балетъ, въ которомъ роль черкешенки исполняла Истомина.

моя, и «Русланъ» и «Плѣнникъ» и Noël [1]) и все дрянь въ сравненіи съ ними.—Ради Бога люби двѣ звѣздочки [2]), онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. Мечта воина привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной Коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской Канцеляріи.—Эта «Мечта» напечатана съ ошибочнаго списка—призванье вмѣсто взыванье; тревожныхъ думъ, слово употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, но которое по руски ничего не значитъ; воспоминаніе и брата и друзей стихъ трогательный, а въ Звѣздѣ простой, плоской. Но все это не бѣда; были бы деньги. Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи—это была моя цѣль. Въ отношеньи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ пріятели и еще не ссорились за мальчика. Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку—

«Увы, напрасно ждалъ тебя женихъ печальный [3])

и проч.—непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнассѣ.—Дельвигъ, Дельвигъ! пиши ко мнѣ и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя—добился ты наконецъ до точности языка—единственной вещи, которой у тебя не доставало: en avant! marche.

Пріѣхалъ ли царь? впрочемъ это я узнаю прежде, чемъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву—тамъ увидишь ты моихъ друзей—напомни имъ обо мнѣ; также и родинѣ моей, которая впрочемъ мало заботится о судьбѣ племянника, находящагося въ опалѣ. Можетъ быть они правы—да и я невиноватъ.

Прощай, душа моя! если увидимся, то-то запалую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что Кюхельбекерно [4]) мнѣ на чужой сторонѣ; а гдѣ Кюхель...?

---

[1]) Noël—по-французски: рождественскій кантъ, а также народная пѣсенка на какое-нибудь событіе. Пушкинъ назвалъ этимъ именемъ свою рукописную шутку: «Узнай народъ Россійскій». Она была напечатана въ наше время въ одномъ изъ заграничныхъ сборниковъ.

[2]) Пушкинъ подписался ** подъ стихотвореніями: «Къ Овидію» и «Мечта воина», напечатанными въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 года.

[3]) Стихъ изъ «Тарентинской Дѣвы». Гнѣдича («Полярная Звѣзда» на 1823 г., стр. 181).

[4]) Т. е. тоскливо, скучно. Это слово Пушкинъ впервые употребилъ въ эпиграммѣ отъ имени Жуковскаго на своего друга:

«За ужиномъ объѣлся я,
«Да Яковъ заперъ дверь оплошно,
«Такъ было мнѣ, мои друзья,
«И Кюхельбекерно и тошно!»

Ты мнѣ пишишь объ N. N. en voilà assez (довольно объ этомъ). Assez, такъ, assez; а я все при своемъ мнѣніи.

Ты не приказываешь жаловаться на погоду—въ Августѣ мѣсяцѣ—такъ и быть—а вѣдь непріятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется. Прощай еще разъ.

Одесса 25-го августа 1823 года.

Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ, я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу—я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу.—Ресторація и Италіянская Опера напомнили мнѣ старину и ей Богу обновили мнѣ душу—между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ.—Кажется и хорошо—да новая печаль мнѣ сжала грудь—мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей.—Пріѣхалъ въ Кишеневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически—и выѣхавъ оттуда навсегда—о Кишеневѣ я вздохнулъ.—Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ Европейскому образу жизни—впрочемъ я нигдѣ не бываю, кромѣ въ Театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малой, да иногда вретъ—напр. онъ пишетъ въ П. Б. письмо, гдѣ говоритъ между прочимъ обо мнѣ: Пуш(кинъ) открылъ мнѣ немедленно свое сердце и porte-feuille, любовь... и пр.—фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ «Бахчисарайскаго Фонтана» (новой моей поэмы) сказавъ, что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы - помогите!—Здѣсь еще Раичъ. Знаешь ли ты его? будетъ Родзянка—предатель—жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему, что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней Цензурѣ; ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти; хоть я знаю Законъ Божій и 4 первыя правила—но служу и не по волѣ своей—и въ отставку идти невозможно. Все—и всѣ меня обманываютъ—на кого же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ. На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить—не хочу и полно—крайность можетъ довести до крайности.—Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію—хоть письмы его очень любезны. Это напоминаетъ

мнѣ П-бургъ—когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы я бралъ извощика отъ Аничк. моста, онъ вѣчно бранился за 80 к. (которыхъ вѣрно бъ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги). Прощай, душа моя—у меня хандра—и это письмо не развеселило меня.

Одесса 25-го августа.

Такъ и быть я Вяземскому пришлю Фонтанъ—выпустивъ любовный бредъ—а жаль!

(Одесса. Начало 1824 года).

Такъ какъ я дождался оказіи, то и буду писать тебѣ спустя рукава. N. Раевской здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; за чемъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ повидаться со мною? денегъ не было? послѣ бы сочлись—а иначе Богъ знаетъ когда сойдемся. Ты знаешь, я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его М—ровъ и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно—писать прямо на его имя—такому-то въ З. Д., что напротивъ П. К., не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ трынъ-трава, братцы! [1]) Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться. Русская слава можетъ льстить какому нибудь В. Козлову которому льстятъ и Петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantais-tu? (Но зачѣмъ же ты пѣлъ?) на сей вопросъ Ламартина отвѣчаю—я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лѣкарь моритъ—за деньги, за деньги, за деньги—таковъ я въ наготѣ моего цинизма. Плетневъ пишетъ мнѣ, что «Бахч. фонт.» у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей Славѣ! благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! остается узнать, разкупиться ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; по это бездѣлица—поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня тошнитъ съ досады—на

[1]) Изъ стихотворенія: «Ахъ, гдѣ тѣ острова и пр.».

что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость—долго ли этому быть? къ стати о гадости—читалъ я Ѳедру Лобанова—хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина—перо вывалилось изъ рукъ—и объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи Г. Расина. Voulez-vous découvrir la trace de ses pas —

надѣешься найти
Тезея жаркой слѣдъ, иль темные пути...

М. его въ рифму! вотъ какъ все переведено. А чемъ и держится Иванъ Ивановичь Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеры «Федры» верхъ глупости и ничтожества въ изобретеніи—Тезей ничто иное, какъ первый Мольеровъ рогачъ; Иполитъ, le superbe, le fier Hypolyte—et même un peu farouche (величавый, гордый Иполитъ и даже немного дикій), Иполитъ, суровый Скиѳской выблядокъ—ничто иное, какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный —

D'un mensonge si noir... и проч. [1])

Прочти всю эту хваленую тираду и удостовѣришься что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица—сравни его съ рѣчью молодаго любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умовъ. А Терамонъ аббатъ и сводникъ—vous même où seriez vous etc... (вы сами, гдѣ были бы вы и проч)...—вотъ глубина глупости! Съ Рылѣевымъ мирюсь: «Войнаровской» полонъ жизни [2]). Что Кюхля? Дельвигу буду писать, но если не успѣю, скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева «Олега вѣщаго» и напечаталъ. Можетъ быть я ему пришлю отрывки изъ «Онѣгина»; это лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его—онъ ожидалъ отъ меня Романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ, а порядочно не разчухалъ.

(Одесса) 1-го апрѣля 1824 года.

Вотъ, что пишетъ ко мнѣ Вяземской:

«Въ Благон. («Благонамѣренномъ») читалъ я, что въ какомъ то ученомъ обществѣ читали твой «Фонтанъ» еще до напечатанія. На что это похоже и въ П. Б. ходятъ тысячи списковъ съ него—кто же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю, и проч.».

Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? вѣдь ты взялъ свои

[1]) «Столь черной ложью» и т. д.—монологъ изъ Федры.

[2]) См. «Русская Старина» изданіе 1871 г., томъ III, стр. 210 и слѣд.

3000 руб.— а тамъ хоть трава не расти.—Все такъ, но жаль, если книгопродавцы въ первой разъ поступившіе по Европейски, обдернутся и останутся въ накладкѣ—да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все—друзьямъ моей Славы—чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри какъ бы съ голоду не околѣть, а они кричатъ слава! видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: напиши мнѣ какъ «Фонтанъ» расходится—или запишусь въ Гр. Хвостовы и самъ разкуплю половину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Булгаринъ хуже Воейкова—какъ можно печатать партикулярныя письма—мало ли что мнѣ приходитъ на умъ въ дружеской перепискѣ а имъ бы все и печатать—это разбой [1]); рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глупо ругай или глупо хвали меня—мнѣ все равно—ихъ не въ грошъ не ставлю а публику почитаю на равнѣ съ книгопродавцами—пусть покупаютъ и врутъ что хотятъ.

Письмо это доставитъ тебя(ѣ) Синявинъ [2]) адъют(антъ) Гр. Воронцова, славнѣйшій малой, мой пріятель; онъ доставитъ тебѣ обо мнѣ всѣ свѣдѣнія, которыхъ только пожелаешь.—Мнѣ сказывали что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенной счетъ да въ сопровожденіи жандарма. Пиши мнѣ. Не ты, ни отецъ ни словечка не отвѣчаете мнѣ на мои элегическіе отрывки—денегъ не шлете—а подрываете мой книжный торгъ—куда хорошо.

(Адресъ на оборотѣ): Льву Сергѣевичу Пушкину у Обуховскаго моста, домъ Полторацкаго.

(Одесса) 13-го іюня (1824 года).

Ты спрашиваешь моего мнѣнія на щетъ Булгаринскаго вранья—чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что нибудь о «Сѣверныхъ цвѣтахъ»—выдутъ ли и когда выдутъ? Съ перемѣною Министерства ожидаю и перемѣны Цензуры. А жаль... la

[1]) Булгаринъ напечаталъ въ «Литературныхъ Листкахъ» (1824 года, часть I, № 4, стр. 147) по поводу «Бахчисарайскаго Фонтана» отрывокъ изъ частнаго письма Пушкина.

[2]) Ив. Григ. Сенявинъ былъ впослѣдствіи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

coupe était pleine (чаша переполнялась). Бируковъ и Красовской не въ терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ ли онъ Бахчис. фонтанъ изъ уваженія къ святыни Академическаго словаря и неблазно составленному слову водометъ? Шутки въ сторону, ожидаю добра для литературы вообще, и посылаю ему лобзаніе не яко Іуда-Арзамасецъ, но яко Разбойникъ-Романтикъ. Попытаюсь толкнуться къ вратамъ цензуры съ первою главой или пѣснью «Онѣгина». Авось пролѣзетъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ «Онѣгинѣ»—скучно, душа моя. Въ другой разъ когда нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другаго рода. Неприятности всякого рода; скучно и пыльно. Сюда пріѣхала кн. Вѣра Вяземская, добрая и милая баба—но мужу былъ бы я больше радъ. Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мнѣ нужны. Продай на годъ «Кавк. плѣн.» за 2000 р. кому бишь? вотъ перемѣны:

«И путникъ оживаетъ—и плѣнникъ. Остановлялъ онъ долго взоръ—вперялъ онъ любопытный взоръ. И упоительнымъ мечтамъ—и упоительнымъ. Не много.... ей дней—ночей—ради Бога—прощай».

(На оборотѣ штемпель почтамта: «Одесса, 13-го іюня 1824». По бокамъ письма черновой набросокъ строфы изъ «Онѣгина»: «Я помню море предъ грозою»—глава первая, строфа XXXIII).

Черезъ семнадцать дней послѣ этого письма (30-го іюля 1824 г.) Пушкинъ высланъ изъ Одессы въ Псковскую губернію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАЛКСКОЕ ПОБОИЩЕ [1]).

Высокія равнины Средней Азіи издревле служили колыбелью кочевыхъ народовъ турецкаго и монгольскаго корня; первые занимали западную часть этихъ равнинъ, а вторые—восточную или, такъ называемую, степь Гоби. Между тѣмъ какъ турецкіе народы находились подъ вліяніемъ мусульманской цивилизаціи Передней Азіи, монгольскіе испытывали непосредственное вліяніе Китая. Знаменитая Каменная Стѣна, какъ извѣстно, мало достигала своей цѣли. Кочевники не только прорывались черезъ нее и грабили китайскія области, но иногда завоевывали самую страну и возводили на престолъ Китая собственныя династіи, которыя, въ свою очередь, обновляли могущество имперіи и налагали дань на своихъ степныхъ соплеменниковъ. Такъ, въ XII вѣкѣ надъ всею сѣверною половиною Китая господствовало манджурское племя Ніучей, которые держали въ своей зависимости значительную часть монголовъ. Но, по обыкновенію, завоеватели подчинялись вліянію гораздо болѣе цивилизованнаго хотя-бы покореннаго народа, принимали его нравы, образъ жизни, и утрачивали нѣкоторыя племенныя черты, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивали свою дикую энергію и воинственность.

Родиной того монгольскаго племени, изъ котораго вышли наши завоеватели, была горная окраина степи Гоби, лежащая за Байкаломъ, орошаемая Ингодою, Онономъ, Керлономъ и дру-

---

[1]) Изъ второй части Исторіи Россіи Д. И.

гими источниками Амура, обильная лѣсомъ и пастбищами. Племя это, подобно другимъ монголо-татарскимъ кочевникамъ, дѣлилось на разныя части или кочевья, такъ называемые—юрты, улусы, орды и т. п. Всякая орда имѣла свои знатныя семьи или сословія благородныхъ (нойоны, беки), а также и свой княжескій или владѣльческій родъ, изъ котораго выбирались ханы. Власть ханская была ограничена сеймомъ или собраніемъ знатныхъ, которое созывалось въ важныхъ случаяхъ и называлось курилтаемъ. Этотъ курилтай выбиралъ самихъ хановъ или подтверждалъ ихъ наслѣдственныя права. При такомъ политическомъ строѣ, умный, энергичный ханъ часто могъ сосредоточить въ своихъ рукахъ неограниченную власть надъ своимъ племенемъ. Подобный ханъ, не довольствуясь собственнымъ удѣломъ, нерѣдко налагалъ дань на сосѣднихъ хановъ, силою отнималъ у нихъ часть подданныхъ, или ловкою политикой переманивалъ ихъ въ свою орду. Вслѣдствіе того, въ степи иногда слагалась довольно могущественная монархія, которая могла выставить многіе десятки тысячъ вооруженныхъ людей, и тогда она становилась страшною для ближнихъ осѣдлыхъ государствъ. Но рѣдко такое могущество переживало своего основателя. Со смертію его, оно дѣлилось между братьями или сыновьями, а потомъ падало въ ихъ междоусобіяхъ. Но вообще постоянное занятіе охотою, почти безпрерывныя мелкія войны между ханами и частые набѣги на сосѣдей, ради добычи,—развивали и поддерживали тѣлесную крѣпость и воинственный духъ монгольскихъ племенъ. При этомъ у ихъ предводителей вырабатывались иногда замѣчательно хитрый, острый умъ, находчивость и умѣнье пользоваться обстоятельствами для достиженія своихъ цѣлей.

Подобно всѣмъ основателямъ великихъ монархій или родоначальникамъ знаменитыхъ династій, Чингизъ-ханъ не имѣетъ недостатка въ баснословныхъ преданіяхъ, которыми позднѣйшіе мусульманскіе лѣтописцы (татарскіе и персидскіе) украсили его происхожденіе и подвиги. Напримѣръ, въ числѣ его предковъ упоминаютъ нѣкоего Огузъ-хана, который, будучи еще грудным ребенкомъ, проявилъ себя ревностнымъ мусульманиномъ, а потомъ, сдѣлавшись ханомъ, покорилъ многіе народы. Далѣе повѣствуютъ о ханшѣ, по имени Алангоа, которая, оставшись вдовою, отъ солнечнаго свѣта родила трехъ сыновей; младшій

изъ нихъ былъ предкомъ Чингизъ-хана. Отецъ послѣдняго, Есукай-Багадуръ, отличался храбростію и предпріимчивостію; почему онъ успѣлъ соединить подъ своею властію многіе сосѣдніе роды и поколѣнія, такъ что ему платило дань отъ тридцати до сорока тысячъ семействъ. Чингизъ-ханъ родился около 1160 года по Р. Х. и получилъ имя Ţемуджина. Тѣ же баснословныя сказанія прибавляютъ, что онъ явился на свѣтъ съ кускомъ запекшейся крови въ сжатой рукѣ, и что нѣкто при этомъ случаѣ предсказалъ ему будущую славу и завоеваніе всего міра.

Темуджину было только тринадцать лѣтъ, когда скончался его отецъ. Большая часть родовъ, подвластныхъ Есукай-Багадуру, воспользовалась смертью послѣдняго, отказалась платить дань его сыну—и откочевала отъ его юрта. Не довольствуясь тѣмъ, мятежники нападали на его кочевья, отгоняли скотъ, брали плѣнниковъ и вообще вели съ нимъ обычныя между сосѣдями войны. Для молодаго Темуджина начался долгій періодъ различныхъ испытаній и превратностей судьбы. Неразъ въ войнахъ съ сосѣдними племенами онъ терпѣлъ неудачи, измѣны, различныя обиды, и попадалъ въ руки враговъ, отъ которыхъ избавлялся почти чудеснымъ образомъ. Зато въ теченіе этого періода закалились его характеръ и мужество; развились его изобрѣтательный умъ и военный геній, вмѣстѣ съ холодною разсчетливою свирѣпостью. Есть извѣстіе, что нѣсколько лѣтъ онъ пробылъ у Ніучей, въ Китаѣ, и воспользовался тѣмъ временемъ, чтобы познакомиться съ зрѣлою гражданственностію Китайскаго народа, а въ особенности изучить тамъ разные пріемы военнаго искусства, болѣе усовершенствованные чѣмъ у дикихъ кочевниковъ, сильныхъ только своею конницею и своимъ искусствомъ стрѣлять изъ лука; въ чемъ они упражнялись съ дѣтскихъ лѣтъ. Одинъ современный ему китайскій лѣтописецъ изображаетъ Темуджина человѣкомъ непохожимъ по наружности на другихъ монголовъ, людей неуклюжихъ, съ короткими ногами, съ плоскимъ скуластымъ лицомъ и тупымъ носомъ, съ узкими, далеко разставленными глазами, безъ верхнихъ рѣсницъ, съ рѣдкими волосами на бородѣ и усахъ. Онъ, напротивъ, отличался очень высокимъ ростомъ, большимъ лбомъ и длинною бородою. Вѣроятно, какъ и прочіе монголы, онъ носилъ волосы на китайскій образецъ, т. е. обритые на передней части головы, съ длинной косой на затылкѣ.

Вотъ одна изъ тѣхъ баснословныхъ превратностей, которыя постигали будущаго грознаго завоевателя—въ молодости, на его родинѣ. Разъ враждебное племя Тайджигутовъ напало на кочевье Темуджина и его братьевъ—и потребовало отъ ихъ матери выдачи только его одного. Темуджинъ спрятался въ недоступной пещерѣ, на берегахъ рѣки Онона; провелъ тамъ девять сутокъ безъ пищи и питья. Наконецъ онъ вышелъ изъ своего убѣжища, рѣшивъ, что, если ему суждено умереть,—на то есть воля Тенгри (или неба, почитаемаго монголами за верховное божество). Подстерегавшіе враги схватили его, отвезли въ свое кочевье и заключили въ оковы, а на шею, сверхъ того, надѣли деревянную колодку. Одна старая женщина сжалилась надъ молодымъ плѣнникомъ—и подложила ему кусокъ войлока на плечи, чтобы колодка неслишкомъ ихъ терла. Случилось, что Тайджигуты справляли большой праздникъ и до-пьяна напились кумысу. Темуджинъ разбилъ ножныя оковы, ударилъ ими своего сторожа и, убѣжавъ, спрятался въ болотѣ. Враги искали его; но тутъ одинъ изъ ихъ же племени, замѣтивъ его въ водѣ, послалъ искавшихъ въ другую сторону. Онъ же потомъ спряталъ его у себя въ возу съ овечьей шерстью, а когда обманутые сыщики удалились, далъ ему быструю кобылицу, и Темуджинъ благополучно воротился въ свое кочевье. Такимъ образомъ, во время неудачъ и превратностей счастья, онъ всегда находилъ людей, которые помогали ему избавляться отъ опасности. Щедростію и ласкою онъ умѣлъ привлечь къ себѣ сердца и приготовить многихъ союзниковъ, которые способствовали его возвышенію.

Темуджину было уже за сорокъ лѣтъ, когда долгая, настойчивая борьба съ разными препятствіями и обстоятельствами увѣнчалась, наконецъ, полнымъ успѣхомъ, и судьба сдѣлалась постоянно къ нему благосклонна. Тайджигуты соединились съ нѣкоторыми племенами, когда-то отложившимися отъ Темуджина, и пошли на него съ большимъ войскомъ. Онъ собралъ всѣ подвластные себѣ тринадцать родовъ, расположилъ ихъ одинъ подлѣ другаго, въ видѣ кольца, и мужественно встрѣтилъ непріятелей. Упорная битва окончилась полнымъ ихъ пораженіемъ. Семьдесятъ тайджигутскихъ бековъ, захваченныхъ въ плѣнъ, Темуджинъ велѣлъ бросить въ семьдесятъ кипящихъ котловъ. Большая часть побѣжденныхъ родовъ признали надъ собой его власть. Затѣмъ

послѣдовалъ рядъ удачныхъ войнъ съ другими монголо-татарскими ханами; число подвластныхъ ордъ начало быстро возрастать. Въ этихъ войнахъ вѣрнымъ его союзникомъ былъ старый Ванъ-ханъ или начальникъ сильнаго племени Кераитовъ, по имени Тулуй, много обязанный его отцу Есукай-Багадуру. Помогая другъ другу, Темуджинъ и Ванъ-ханъ неразъ одолѣвали враждебные имъ союзы другихъ хановъ. Однако, побуждаемый своимъ сыномъ, который завидовалъ возраставшему могуществу Темуджина, старикъ впослѣдствіи разорвалъ союзъ и затѣялъ междоусобіе. Оно окончилось пораженіемъ и смертью Тулуя и его сына; а племя Кераитовъ подчинилось побѣдителю. Теперь Темуджинъ уже не имѣлъ болѣе соперниковъ между монгольскими ханами. Въ 1203 году онъ созвалъ большой курилтай на богатыхъ пастбищами берегахъ Керлона, угостилъ собравшихся роскошнымъ пиромъ и заставилъ провозгласить себя верховнымъ ханомъ монгольскихъ ордъ. Рядомъ съ знаменемъ своего рода, состоявшимъ изъ четырехъ конскихъ хвостовъ, онъ развернулъ другое, изъ девяти хвостовъ яка или дикаго буйвола, по числу девяти монгольскихъ колѣнъ. Тутъ же, по словамъ преданія, одинъ вѣщій человѣкъ (конечно, шаманъ) объявилъ народу, будто онъ посланъ самимъ небомъ возвѣстить, что Темуджину предназначено овладѣть вселенной и что отнынѣ онъ долженъ называться Чингизъ-ханомъ. (По нѣкоторымъ толкованіямъ—«великій ханъ»).

Обширныя завоеванія быстро послѣдовали одно за другимъ. Постепенное подчиненіе западныхъ или турко-татарскихъ ордъ привело Чингизъ-хана въ столкновеніе съ Гуръ-ханомъ; такой титулъ носилъ тогда владѣтель Кара-Китая или Восточнаго Туркестана. Послѣдній былъ завоеванъ. Затѣмъ подчинены Уйгуры, самое образованное изъ турецкихъ племенъ, обитавшее въ Алтайскихъ горахъ. (Отъ нихъ монголы заимствовали азбуку). Потомъ подверглось разгрому царство Тангутское, лежавшее въ южной Монголіи, сопредѣльное Китаю. При этихъ завоеваніяхъ Чингизъ-хану помогали не только его военный геній и многочисленность войска, но еще болѣе—умѣнье пользоваться взаимною враждою, ошибками или неспособностью сосѣднихъ государей. Соединивъ подъ своею властію большую часть монголо-татарскихъ и турко-татарскихъ кочевниковъ Средней Азіи, Чингизъ обратилъ оружіе на Китай, т. е. на сѣверную его половину или имперію манджур-

скихъ Ніучей, которыхъ династія называлась Кинъ; государь ихъ носилъ титулъ Алтунъ-хана. Китайское правительство, безпечно допустившее быстрое возрастаніе Чингизова могущества, вдругъ потребовало отъ него прежде платимой дани. Отсюда возникла упорная война. Темуджинъ проникъ за Каменную Стѣну, и внесъ опустошеніе внутрь имперіи. Ніучи, уже успѣвшіе утратить отчасти свой воинственный духъ, не могли противустать въ открытомъ полѣ, а защищались въ укрѣпленныхъ городахъ, которые явились въ началѣ неприступными для монголовъ, какъ исключительно коннаго войска. Но тутъ же они научились искусству брать эти города, отчасти долгимъ обложеніемъ и голодомъ, отчасти—усвоивъ себѣ стѣнобитныя машины, умѣнье дѣлать подкопы и другіе осадные пріемы, употреблявшіеся въ Китаѣ. Взявъ и разграбивъ какой-нибудь городъ и подступая къ другому, монголы выставляли обыкновенно плѣненныхъ жителей впереди своего войска и принуждали ихъ исполнять разныя осадныя работы. Такимъ образомъ защитникамъ приходилось бросать стрѣлы и другіе метательные снаряды въ своихъ несчастныхъ соотечественниковъ, что конечно ослабляло мужество первыхъ. Борьба съ сильной имперіей однако была нелегка. Чингизъ-ханъ предпринималъ нѣсколько походовъ въ Китай, прежде нежели ему удалось овладѣть столицей Пекиномъ и поколебать владычество Ніучей. Полное завоеваніе этой имперіи было окончено уже при его преемникѣ. Въ борьбѣ съ Китаемъ монголамъ помогли, въ особенности, его внутреннія неустройства, какъ-то: убійство и сверженіе государей ихъ соперниками, измѣна нѣкоторыхъ военачальниковъ, нелюбовь китайскаго населенія къ своимъ манджурскимъ завоевателямъ и проч. Всѣми этими обстоятельствами монгольскій ханъ умѣлъ искусно воспользоваться; кромѣ того, въ союзу противъ имперіи Киновъ онъ привлекъ Сунговъ, властителей другой, южной, части Китая.

Во время этой борьбы вниманіе Темуджина частію было отвлечено въ иную сторону, т. е. на западъ, войною съ другимъ могущественнымъ государемъ Азіи, именно съ Магометомъ, султаномъ Ховарезма или югозападнаго Туркестана. Магометъ оружіемъ расширилъ свое царство съ одной стороны—до береговъ Каспійскаго моря, а съ другой—до рѣки Инда, и завладѣлъ большею частію Персіи. Въ началѣ турецкій султанъ и монгольскій

ханъ заключили между собою дружескій и торговый договоръ. Но надменный Магометъ не оцѣнилъ Чингизова могущества, и легкомысленно нарушилъ договоръ: онъ отказался удовлетворить хана за монгольскій караванъ, разграбленный въ турецкихъ владѣніяхъ, и за убійство Чингизовыхъ пословъ. Отсюда возникла жестокая война, покрывшая пепломъ и сотнями тысячъ труповъ многія цвѣтущія дотолѣ страны, въ особенности область Амударьи, средоточіе Магометова царства. И тутъ Чингизъ-ханъ ловко воспользовался обстоятельствами для борьбы съ непріятелемъ, въ особенности взаимною враждою султана и багдадскаго халифа Аль-Нассира. Халифатъ находился уже въ полномъ упадкѣ, и Магометъ вздумалъ подчинить его своей верховной власти. Тогда халифъ самъ началъ возбуждать противъ него монгольскаго завоевателя. Въ имперіи Магомета одна часть жителей слѣдовала суннитскому толку, другая шіитскому. Султанъ покровительствовалъ послѣднему; поэтому халифъ вооружалъ противъ него суннитскихъ подданныхъ, чѣмъ увеличивалъ разладъ въ Хоарезмской имперіи, и безъ того составленной изъ разнообразныхъ, чуждыхъ другъ другу, народовъ. Уже при самомъ началѣ войны, Магометъ оказался слабѣе своего противника въ открытомъ полѣ, а потому такъ же, какъ и китайскій государь, принужденъ былъ ограничиться защитою укрѣпленныхъ городовъ. Чингизъ-ханъ и его сыновья прошли опустошительнымъ потокомъ по непріятельской землѣ. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, города одинъ за другимъ падали въ руки монголовъ; причемъ одна часть способныхъ носить оружіе обыкновенно присоединялась къ войску побѣдителей, а другая безъ пощады истреблялась, или обращалась въ рабство. Такъ пали, между прочимъ, славившіеся своею торговлею и мусульманскою образованностію: Бухара, Ходжентъ, Самаркандъ, Балхъ, Ургенчъ, Мервъ, Гератъ и др. Истребляя жителей или забирая ихъ въ плѣнъ, чтобы съ корнемъ вырвать всякую возможность сопротивленія и бунта на будущее время, Чингизъ-ханъ приказывалъ щадить только художниковъ и ремесленниковъ, какъ людей для него полезныхъ. Ужасъ, наведенный звѣрствомъ и непобѣдимостью монголовъ, немало способствовалъ ихъ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Многіе города сдавались на ихъ милость, признавая безполезнымъ всякое сопротивленіе.

Видя измѣну вассальныхъ владѣтелей и тѣснимый монголами, Магометъ, съ остатками своего войска и двора, отступалъ изъ одной области въ другую. Для его преслѣдованія Чингизъ отрядилъ двухъ своихъ лучшихъ полководцевъ, Джебе-Нойона и Субудай-Багадура, съ нѣсколькими десятками тысячъ конницы. Тогда начались — съ одной стороны — дѣятельная погоня, а съ другой — стараніе спастись отъ плѣна быстрыми переходами то въ ту, то въ другую сторону. Наконецъ султанъ бросился къ берегамъ Каспійскаго моря, въ отдаленную область Мазандеранъ. Но и сюда скоро явились его неутомимые преслѣдователи. Удрученный горемъ и болѣзнію, Магометъ спасся на одинъ каспійскій островъ, гдѣ и скончался (1221 г.), назначивъ своимъ преемникомъ старшаго сына Джелаль-эд-дина. Этотъ мужественный, предпріимчивый государь на нѣкоторое время поддержалъ упорную борьбу съ грознымъ ханомъ и даже одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ монголами; но онъ уже не могъ спасти Ховарезмской имперіи, которая была въ конецъ опустошена и совершенно завоевана.

Помянутое преслѣдованіе монголами султана Магомета пріобрѣло важное значеніе въ русской исторіи: съ нимъ связано первое нашествіе этихъ варваровъ на Русь. Во время этого преслѣдованія, Джебе-Нойонъ и Субудай-Багадуръ далеко углубились на западъ, въ прикаспійскія страны, и вошли въ область Адербейджанъ. По смерти Магомета, они получили отъ Чингизъ-хана, вмѣстѣ съ подкрѣпленіями, разрѣшеніе идти изъ Адербейджана далѣе на сѣверъ, чтобы воевать страны, лежащія за Каспіемъ и Ураломъ, особенно турецкій народъ Кипчаковъ или Кумановъ Половцы. Полководцы перешли рѣки Араксъ и Куръ, вторглись въ Грузію, разбили грузинское войско — и направились къ Дербенту. У владѣтеля Шемахи они взяли десять проводниковъ, которые должны были указать имъ пути черезъ Кавказскія горы. Варвары отрубили одному изъ нихъ голову, съ угрозою поступить такъ же съ другими, если они не поведутъ войско лучшими путями. Но угроза произвела противуположное дѣйствіе. Проводники улучили минуту и убѣжали въ то именно время, когда варвары вошли въ невѣдомыя для нихъ горныя тѣснины. Межъ тѣмъ, извѣщенные объ этомъ нашествіи, нѣкоторые кавказскіе народы, въ особенности Аланы и Черкесы (Ясы и Касоги — русскихъ

лѣтописей), соединясь съ отрядомъ Половцевъ, заняли окрестные проходы и окружили варваровъ. Послѣдніе очутились въ весьма затруднительномъ положеніи. Но Джебе и Субудай были опытные, находчивые предводители. Они послали сказать половцамъ, что, будучи ихъ соплеменниками, не желаютъ имѣть ихъ своими врагами. (Турко-татарскіе отряды составляли большую часть отправленнаго на западъ войска). Къ своимъ льстивымъ рѣчамъ посланцы присоединили богатые дары и обѣщаніе раздѣлить будущую добычу. Вѣроломные половцы дались въ обманъ, и покинули своихъ союзниковъ. Татары одолѣли послѣднихъ и выбрались изъ горъ на сѣверную сторону Кавказа. Тутъ, на степныхъ равнинахъ, они уже свободно могли развернуть свою конницу, и тогда начали грабить и разворять вежи самихъ половцевъ, которые, полагаясь на заключенную дружбу, разошлись по своимъ кочевьямъ. Они такимъ образомъ получили достойное возмездіе за свое вѣроломство.

Тщетно половцы пытались противиться; они постоянно терпѣли пораженія. Татары распространили ужасъ и раззореніе до самыхъ предѣловъ Руси или до, такъ называемаго, «половецкаго вала», который отдѣлялъ ее отъ степи. Въ этихъ битвахъ пали знатнѣйшіе ханы Кипчака—Данилъ Кобяковичъ и Юрій Кончаковичъ, бывшіе въ свойствѣ съ русскими князьями и носившіе, какъ видимъ, русскія имена. Оставшійся старѣйшимъ между ханами, Котянъ, съ нѣсколькими другими, бѣжалъ въ Галичъ, къ зятю своему Мстиславу Удалому, и началъ молить его о помощи. Не таковъ былъ галицкій князь, чтобъ отказываться отъ ратнаго дѣла, чтобы не помѣряться съ новымъ, еще неиспытаннымъ врагомъ.

Наступила зима. Татары расположились провести ее въ южныхъ половецкихъ кочевьяхъ. Они воспользовались зимнимъ временемъ и для того, чтобы проникнуть на Таврическій полуостровъ, гдѣ взяли большую добычу, и, въ числѣ другихъ мѣстъ, раззорили цвѣтущій торговлею городъ Сугдію (Судакъ).

Между тѣмъ, по просьбѣ Мстислава Мстиславича, южнорусскіе князья собрались на сеймъ въ Кіевѣ, чтобы общимъ совѣтомъ подумать о защитѣ Русской земли. Старшими князьями здѣсь были три Мстислава: кромѣ Удалаго, кіевскій великій

князь Мстиславъ Романовичъ и черниговскій Мстиславъ Святославичъ. За ними, по старшинству, слѣдовалъ Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій. Вѣроятно тутъ же присутствовалъ и четвертый Мстиславъ (Ярославичъ), прозваніемъ Нѣмой, старшій изъ князей волынскихъ; по крайней мѣрѣ, онъ участвовалъ потомъ въ ополченіи. Былъ тутъ и Котянъ съ своими товарищами.

Половецкіе ханы неотступно просили русскихъ князей вмѣстѣ съ ними ополчиться противъ татаръ, и приводили такой доводъ: «если не поможете намъ, то мы будемъ избиты сегодня, а вы завтра». Просьбы свои они подкрѣпляли щедрыми подарками, состоявшими изъ коней, верблюдовъ, рогатаго скота и красивыхъ плѣнницъ. Одинъ изъ хановъ, по имени Бастый, во время сейма принялъ крещеніе. Самымъ усерднымъ ихъ ходатаемъ явился конечно Мстиславъ Удалой. «Лучше встрѣтить враговъ въ чужой землѣ, нежели въ своей—говорилъ онъ.—Если мы не поможемъ половцамъ, то они, пожалуй, передадутся на сторону татаръ, и у тѣхъ будетъ еще болѣе силы противъ насъ». Наконецъ онъ увлекъ все собраніе; рѣшенъ былъ общій походъ. Князья разъѣхались, чтобы собрать свои полки и сойтись вмѣстѣ на условленныхъ мѣстахъ. Послали также просить помощи у великаго князя владиміро-суздальскаго, Юрія Всеволодовича. Онъ не отказалъ, и отправилъ на югъ суздальскую дружину съ племянникомъ своимъ Васильком Константиновичемъ Ростовскимъ. Посылали и къ рязанскимъ князьямъ, но тѣ, неизвѣстно почему, не подали никакой помощи.

Походъ въ степи, по обычаю, открылся весною, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Главное сборное мѣсто, во время такихъ походовъ, находилось у правобережнаго городка Заруба и, такъ называемаго, Варяжскаго острова. Здѣсь производилась переправа черезъ Днѣпръ, на пути изъ Кіева въ Переяславль, который лежалъ тутъ же по-близости, на другой сторонѣ. Конница приходила сюда сухопутьемъ, а пѣхота приплывала на судахъ. По словамъ лѣтописи, судовъ набралось столько, что воины переходили по нимъ какъ по суху съ одного берега на другой. Здѣсь собрались князья кіевскіе, смоленскіе, черниговскіе, сѣверскіе, волынскіе и галицкіе, каждый съ свою дружиною. Сюда же, къ русскимъ князьямъ, явились послы отъ татарскихъ военачальниковъ.

Послѣдніе провѣдали о сильной рати, и попытались, по своему обычаю, ловкими переговорами разъединить союзниковъ.

— Слышали мы,—говорили послы,—что вы идете на насъ; мы же земли вашей не занимали, городовъ и селъ вашихъ не трогали, и пришли не на васъ, а на половцевъ, нашихъ холоповъ и конюховъ. Возьмите съ нами миръ: у насъ нѣтъ съ вами рати. Слышали мы, что половцы и вамъ много зла творятъ. Мы ихъ бьемъ отсюда, и если они къ вамъ побѣгутъ, то бейте ихъ отъ себя и забирайте ихъ имущество.

Хитрость, употребленная съ половцами въ Кавказскихъ горахъ, безъ сомнѣнія, была уже извѣстна русскимъ князьямъ. Послѣдніе не только не хотѣли слушать льстивыхъ татарскихъ рѣчей, но и, вопреки всѣмъ обычаямъ, по наущенію половцевъ, велѣли умертвить самихъ пословъ. Отъ Заруба ополченіе, держась праваго берега, двинулось далѣе къ югу и прошло пороги. Между тѣмъ галицкая пѣхота, подъ начальствомъ двухъ воеводъ—Юрія Домамирича и Держикрая Володиславича, (если вѣрить лѣтописцу) на тысячѣ ладьяхъ, спустилась внизъ по Днѣстру, въ море; потомъ поднялась вверхъ по Днѣпру, миновала Олешье и остановилась около пороговъ на устьѣ рѣчки Хортицы, на броду у протолчи, гдѣ и встрѣтилась съ войскомъ, шедшимъ сверху. Пришла и главная рать половецкая. Все соединенное ополченіе едва ли не простиралось до ста тысячъ ратниковъ. И оно заключало въ себѣ цвѣтъ Русскаго племени.

Во второй разъ явились татарскіе посланцы и сказали: «Вы послушались половцевъ, пословъ нашихъ умертвили и идете противъ насъ; а мы васъ ничѣмъ не трогали; пусть разсудитъ насъ Богъ». На этотъ разъ пословъ отпустили.

Межъ тѣмъ, услыхавъ о близости передовыхъ татарскихъ отрядовъ, Даніилъ Романовичъ Волынскій и другіе молодые князья, въ сопровожденіи Юрія Домамирича, поспѣшили съ легкою дружиною перебраться черезъ рѣку и поскакали въ степь, чтобы посмотрѣть на невиданныхъ дотолѣ враговъ. Воротясь въ станъ, молодежь разсказывала, что татары смотрятъ людьми самыми простыми, такъ что «пуще» (хуже) половцевъ. Но опытный въ военномъ дѣлѣ Юрій Домамиричъ утверждалъ, что это добрые ратники и хорошіе стрѣлки. Онъ уговаривалъ князей не терять времени

и спѣшить выходомъ въ поле. Навели мосты изъ ладей, и войска начали переправу на лѣвый берегъ Днѣпра. Однимъ изъ первыхъ переправился Мстиславъ Удалой; съ передовымъ отрядомъ онъ ударилъ на сторожевой полкъ непріятельскій, разбилъ его, далеко гнался за нимъ и захватилъ много скота. Татарскій воевода Гемябекъ спрятался, было, въ одномъ изъ тѣхъ могильныхъ кургановъ, которыми такъ изобилуютъ наши южныя степи,—но былъ найденъ. Половцы выпросили его у Мстислава—и убили. Поощренные этою побѣдою, русскіе князья смѣло углубились въ степи, слѣдуя обычнымъ Залознымъ путемъ, который велъ къ Азовскому морю. Татары отступали, и только сторожевые отряды, время отъ времени, затѣвали мелкія стычки. Послѣ осьми или девятидневнаго степнаго похода, русская рать приблизилась къ берегамъ Азовскаго моря. Здѣсь татары остановились и выбрали удобное для себя мѣсто за рѣчкою Калкою (притокъ Калміуса).

Первые успѣхи и отступленіе татаръ усилили и безъ того существовавшую у русскихъ людей увѣренность въ своихъ силахъ и нѣкоторую безпечность: они начали свысока относиться къ непріятелю, который, очевидно, уступалъ имъ и числомъ, и вооруженіемъ. Но единодушіе князей, по обыкновенію, было непродолжительно; уже во время похода возникли—соперничество и разныя пререканія. Общаго начальника не было, а было нѣсколько старшихъ князей, и каждый изъ нихъ распоряжался своими полками отдѣльно, мало справляясь съ другими. Состояніе русской рати и ея слабыя стороны, по всей вѣроятности, не укрылись отъ такихъ опытныхъ, искусныхъ военачальниковъ, каковы были Джебе и Субудай, получившіе большой навыкъ воевать и управляться съ самыми разнообразными народами. Недаромъ они провели зиму въ половецкихъ кочевьяхъ, и безъ сомнѣнія нашли возможность развѣдать все, что имъ нужно было знать по отношенію къ Руси и ея вождямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дарами, ласками и обѣщаніями они постарались найти перебѣжчиковъ и измѣнниковъ, какъ это дѣлали въ другихъ странахъ. По крайней мѣрѣ, наша лѣтопись упоминаетъ о вольной дружинѣ русскихъ Бродниковъ, которые съ воеводою своимъ Плоскиней оказались на Калкѣ въ Татарскомъ ополченіи. Осо-

бенно много перевѣтчиковъ нашлось вѣроятно между половцами. Рѣшаясь принять битву, татарскіе воеводы болѣе всего разсчитывали вѣроятно на русскую рознь—и не ошиблись.

Главнымъ виновникомъ бѣдствія явился тотъ самый Мстиславъ Удалой, который всю свою жизнь провелъ въ ратныхъ дѣлахъ и пользовался тогда на Руси славою перваго героя. Нѣтъ сомнѣнія, что собравшіеся князья признали бы временно его старшинство и подчинились бы его предводительству, еслибы онъ сколько-нибудь обладалъ политическимъ смысломъ и твердостью характера. Но этотъ самонадѣянный рубака не только не озаботился какими-либо военными предосторожностями, а напротивъ, считая татаръ вѣрною добычею своего меча, опасался, чтобы кто другой не отнялъ у него славу побѣды. Къ тому же, въ самую рѣшительную минуту, онъ съумѣлъ очутиться въ какой-то распрѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ Мстиславомъ Романовичемъ Кіевскимъ. Не предупредивъ послѣдняго, Удалой, очевидно, ведшій передовую или сторожевую рать, переправился за Калку съ галицко-волынскими полками и отрядомъ половцевъ, и началъ наступать на татаръ, выславъ впереди себя Яруна съ половцами и своего зятя Даніила Романовича съ волынцами. Татары, закрываясь плетеными изъ хвороста щитами, мѣтко поражали стрѣлами наступавшихъ. Русскіе бодро продолжали нападеніе. Особенно отличился при этомъ Даніилъ Романовичъ; онъ врубился въ толпы враговъ и сгоряча не чувствовалъ раны, которую получилъ въ грудь. Вмѣстѣ съ нимъ ратоборствовалъ другой изъ молодыхъ князей, Олегъ Курскій. Одинъ изъ волынскихъ воеводъ (Василько Гавриловичъ), сражавшійся впереди, былъ сбитъ съ коня. Двоюродный дядя Даніила Романовича, Мстиславъ Нѣмой, думалъ, что это упалъ его племянникъ; несмотря на свои преклонныя лѣта, онъ бросился къ нему на выручку—и также началъ крѣпко поражать враговъ. Побѣда казалась уже близка. Но вдругъ татары стремительно ударили на половцевъ; послѣдніе не выдержали ихъ натиска, бросились назадъ на русскіе полки и привели ихъ въ замѣшательство. Искусный врагъ улучилъ минуту, чтобы, не давъ времени опомниться, нанести полное пораженіе галичанамъ и волынцамъ. А когда они обратились въ бѣгство, татары напали на другіе русскіе отряды, еще

не успѣвшіе выстроиться для битвы, и громили ихъ по частямъ. Остатки разбитаго ополченія побѣжали назадъ къ Днѣпру.

Это бѣдствіе совершилось 31-го мая 1223 года.

Одна часть татарскаго войска пустилась преслѣдовать бѣгущихъ, а другая осадила великаго князя кіевскаго Мстислава Романовича. Послѣдній является вторымъ, послѣ галицкаго князя, виновникомъ пораженія. Не видно, чтобы онъ пытался поддержать значеніе своего старѣйшаго стола и водворить единодушіе въ русскомъ ополченіи. Напротивъ, есть извѣстіе, что, надѣясь на собственный полкъ, онъ предавался безпечности и похвалялся одинъ истребить враговъ. Онъ расположился на возвышенномъ каменистомъ берегу Калки и, огородивъ свой станъ телѣгами и кольями, три дня отбивался здѣсь отъ нападенія татаръ. Варвары прибѣгли къ обычному своему коварству. Они предложили великому князю дать за себя окупъ и мирно удалиться съ своимъ полкомъ. Воевода бродниковъ Плоскиня на крестѣ присягнулъ въ исполненіи договора. Но—едва кіевляне покинули укрѣпленный станъ, какъ татары ударили на нихъ и произвели безпощадное избіеніе. Мстиславъ Романовичъ и находившіеся при немъ два младшіе князя были задушены и брошены подъ доски, на которыхъ начальники варваровъ расположились для обѣда. Лѣтописцы говорятъ, что однихъ кіевлянъ погибло на Калкѣ до десяти тысячъ;—такъ велико было наше пораженіе.

Татары, отряженные для преслѣдованія бѣгущихъ, также успѣли избить много народу и кромѣ того шесть или семь князей; въ томъ числѣ палъ Мстиславъ Черниговскій. Остатокъ его полка спасся съ его племянникомъ Михаиломъ Всеволодовичемъ (впослѣдствіи замученнымъ въ Ордѣ). Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій во время бѣгства успѣлъ собрать вокругъ себя нѣсколько тысячъ человѣкъ, отбился отъ враговъ и ушелъ за Днѣпръ. Главный виновникъ бѣдствія, Мстиславъ Удалой, также успѣлъ достигнуть днѣпровской переправы, вмѣстѣ съ Мстиславомъ Нѣмымъ и Даніиломъ Романовичемъ; послѣ чего онъ велѣлъ жечь и рубить ладьи, чтобы не дать возможности татарамъ перейти на другой берегъ. Жители нѣкоторыхъ пограничныхъ городовъ думали умилостивить варваровъ и выходили къ нимъ навстрѣчу

со крестами, но подвергались избіенію. Варвары однако не стали углубляться въ предѣлы Руси, а повернули назадъ въ Половецкую степь. Затѣмъ они направились къ Волгѣ, прошли по землѣ Камскихъ болгаръ, которымъ также успѣли нанести большое пораженіе, и, Уральскими степями, обогнувъ Каспійское море, воротились въ Азію, къ своему повелителю. Такимъ образомъ, монгольскіе завоеватели на опытѣ извѣдали состояніе Восточной Европы и тѣ пути, которые вели въ нее. И этимъ опытомъ они не замедлятъ воспользоваться.

А между тѣмъ—какъ воспользовались тѣмъ же опытомъ русскіе князья? подумали-ль они о томъ, чтобы на будущее время принять болѣе дѣйствительныя мѣры для защиты Руси? Нисколько. Тѣ же—безпечность и самонадѣянность, которыя предшествовали Калкскому пораженію, и послѣдовали за нимъ. Бѣдствіе это не нарушило обычнаго теченія русской жизни и междукняжескихъ отношеній, съ ихъ мелкими распрями и спорами о волостяхъ. Татары скрылись въ степяхъ, и русскіе думали, что случайно-грянувшая гроза пронеслась мимо. Современный лѣтописецъ наивно замѣтилъ, что варваровъ этихъ «никто хорошо не знаетъ, какого они племени и откуда пришли. Только премудрые мужи развѣ вѣдали, которые въ книгахъ начитаны: одни называли ихъ татарами, другіе таурменами, третьи печенѣгами; иные считали ихъ тѣмъ самымъ народомъ, который, по словамъ Меѳодія Патарскаго, былъ загнанъ Гедеономъ въ пустыню между востокомъ и сѣверомъ, а передъ кончиною свѣта явится и поплѣнитъ всю землю отъ востока до Евфрата, Тигра и до Понтскаго моря». До какой степени русскіе политики того времени мало знали о великихъ переворотахъ, совершавшихся въ глубинѣ Азіатскаго материка, и какъ мало опасались за будущее Русской земли,—показываютъ слова того же современнаго суздальскаго лѣтописца о Василькѣ Константиновичѣ Ростовскомъ. Этотъ князь опоздалъ съ своей сѣверной дружиной: когда онъ достигъ Чернигова, сюда пришла вѣсть о Калкскомъ побоищѣ. Суздальцы поспѣшили вернуться домой, и лѣтописецъ весьма радуется такому благополучному возвращенію князя. Простодушный книжникъ конечно не предчувствовалъ, какая гроза собиралась надъ самой Суздальской Русью и какая мученическая кончина отъ рукъ тѣхъ же варва-

ровъ ожидала Василька! Слова и тонъ этого лѣтописца служатъ отголоскомъ и самаго сѣверно-русскаго общества, посреди котораго онъ жилъ. Только впослѣдствіи, когда татары наложили свое тяжелое ярмо, наши старинные книжники болѣе оцѣнили несчастное Калкское побоище и начали украшать его нѣкоторыми сказаніями, напримѣръ, о гибели семидесяти русскихъ богатырей, въ томъ числѣ Добрыни Златаго-Пояса и Алеѣсандра Поповича съ его слугою Торопомъ.

Москва. Д. И. Иловайскій.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ

въ 1863—1864 гг.[1])

Приложенія къ Запискамъ Н. В. Берга.

Въ предъидущей книгѣ «Русской Старины» (томъ XXV, стр. 564—566) мы уже помѣстили нѣкоторые документы, какъ оправдательные матеріалы къ Запискамъ Н. В. Берга, извлеченные имъ изъ разныхъ мѣстныхъ правительственныхъ архивовъ съ разрѣшенія покойнаго фельдмаршала Берга.

Въ настоящей книгѣ «Русской Старины» приводимъ еще нѣсколько таковыхъ матеріаловъ и ими перерываемъ теченіе разсказа составителя «Записокъ», дабы полнѣе была картина общаго хода излагаемыхъ имъ событій.

Полнота эта, между прочимъ, именно достигается приложеніемъ хотя нѣкоторыхъ, возможныхъ въ настоящее время къ обнародованію, документовъ, непосредственно къ тѣмъ главамъ «Записокъ», на которыхъ таковыя основаны.

Въ слѣдующей книгѣ нашего изданія мы помѣщаемъ продолженіе труда Н. В. Берга—разсказъ о ходѣ вооруженнаго возстанія и борьбы съ нимъ, его подавленія, и окончательное замиреніе края въ 1864—1865 гг., во время намѣстничества покойнаго фельдмаршала Ѳ. Ѳ. Берга. Изд.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 179—246; 397—428; 589—620; томъ XXV, стр. 55—88; 515—566.

IV. Число лицъ, содержавшихся подъ арестомъ въ Плоцкомъ Военномъ Отдѣлѣ съ начала принимали тамъ

		Дворянъ.
1	Отдано въ военную службу	55
2	Выслано въ Псковскую губернію	16
3	Въ Сибирь	86
4	Въ каторгу	42
5	Въ арестантскія роты	3
6	Казнено	4
7	Выслано въ Имперію подъ надзоръ полиціи	28
8	Выслано въ Имперію на время безпорядковъ	3
9	Выдержано въ казематахъ	8
10	Отдано подъ надзоръ полиціи съ увольненіемъ на прежнія мѣста жительства	86
11	Оставлено въ подозрѣніи	16
12	Подвергнуто денежному штрафу	110
13	Вмѣнено арестъ въ наказаніе	23
14	Освобождено на поручительства	17
15	Освобождено невинныхъ	228
16	Наказано тѣлесно	—
17	Добровольно явилось и прощено	144
18	Выслано за границу съ воспрещеніемъ въѣзда	—
19	Водворено на землѣ Государственныхъ Имуществъ	2
20	Передано въ другіе Отдѣлы	6
21	Передано Гражданскимъ властямъ	3
22	Скрывающихся	181
23	Убитыхъ и умершихъ въ госпиталяхъ	11
24	О коихъ дѣла остались на 1865 г.	—
25	Бывшихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, но о коихъ въ алфавитныхъ спискахъ не указано конфирмаціи	—
26	Бывшихъ въ плѣну	—
	Всего	1072
	Кромѣ того содержалось подъ арестомъ въ Плоцкомъ Отдѣлѣ съ 1 января по 1 сентября 1865 г.	—

Составилъ 24-го пѣхотнаго Сибир

1863 по 1865 г., а также и скрывающихся, откуда видно, какія именно сословія и лица участіе въ возстаніи.

Ксендзовъ.	Шляхты.	Мѣщанъ.	Крестьянъ.	Офицеровъ.	Солдатъ.	Отпускныхъ.	Евреевъ.	Иностранцевъ.	Женщинъ.	Неизвѣстныхъ.	ИТОГО.
—	37	322	201	—	1	12	4	1	—	22	655
1	130	145	419	—	—	—	8	10	—	33	762
11	34	29	62	—	—	3	3	10	2	3	243
14	46	43	147	1	9	29	6	15	1	2	355
1	35	114	168	—	4	—	4	70	—	7	406
—	6	14	10	3	11	3	—	4	—	3	58
9	8	3	4	—	1	1	—	10	2	—	66
—	2	3	25	—	—	—	—	1	—	2	36
—	2	1	1	—	1	—	—	1	—	—	14
5	27	63	88	—	—	—	8	3	7	3	290
4	5	9	15	—	—	—	2	1	—	2	54
3	69	15	29	—	—	—	45	4	8	5	288
1	37	40	107	—	—	4	9	—	2	6	229
2	39	35	90	—	—	1	2	1	—	3	190
16	115	269	598	—	—	16	61	15	9	49	1376
—	2	13	22	—	—	—	6	—	—	—	43
—	273	372	1869	—	—	—	9	—	—	423	3090
—	—	—	—	—	—	—	—	101	—	—	101
1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
1	2	6	8	—	—	3	2	1	—	4	33
—	2	2	16	—	—	—	4	2	1	3	33
21	91	150	123	3	8	14	24	16	4	660	1295
1	4	8	10	4	1	1	—	3	—	38	81
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	18	18
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	25
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
91	1067	1656	4012	11	37	87	197	269	36	1311	9746
—	—	—	—	—	—	—	—	--	—	1058	1058

ского полка поручикъ **Завадскій.**

V.

«Народное правительство, отдѣленіе иностранныхъ дѣлъ, № 3857. Въ Варшавѣ, 6 декабря 1863 г. Дипломатическому агенту въ Парижѣ, гражданину князю Владиславу Чарторыскому.

«По полученіи депеши отъ 11 и 12 ноября сего года, за № 29 и 30, народное правительство приказало прежде всего изготовить депешу, по поводу рѣчи императора Наполеона и конгресса, и таковую отправило къ князю подъ.... [1]). Соглашаясь со многими мыслями и выраженіями въ сообщенномъ княземъ проектѣ, народное правительство находило-бы умѣстнымъ сократить помѣщенный въ этомъ проектѣ историческій эпизодъ, коего мысль, можетъ быть, не всѣ-бы раздѣлили одинаково, а также и литературныя цитаты, не идущія къ оффиціальному документу, который на этотъ разъ долженъ быть въ особенности сжатъ и выразителенъ, чтобы всѣми читаться и производить впечатлѣніе. Что̀ касается содержанія, народное правительство считало-бы всего болѣе необходимымъ распространиться о рѣчи императора, какъ поворотѣ къ принципамъ, для всего человѣчества священнымъ, а для насъ по-преимуществу спасительнымъ. Тонъ проекта, касательно дѣйствій предполагаемаго конгресса, вышелъ черезъ-чуръ рѣзкимъ. Упоминаніе «replaitages sans règle morale» — оскорбительнымъ, почти угрожающимъ, что̀ нашему положенію нисколько не соотвѣтствуетъ. Рѣшительное требованіе представительства Польши на конгрессѣ, высказанное въ то время, когда еще неизвѣстно, соберется-ли на самомъ дѣлѣ конгрессъ,—только-бы затруднило дѣйствія императора, а врагамъ нашимъ послужило-бы оружіемъ противъ насъ и противъ конгресса. Нечего и думать о непосредственномъ представительствѣ Польши на конгрессѣ раньше, какъ по окончаніи войны. Но всетаки, можетъ быть, намъ придется предъявить такія требованія, единственно для того, чтобы парализовать дѣйствія нашихъ враговъ на конгрессѣ, если-бы онъ собрался. Позволительно было-бы предполагать, что одна Франція можетъ насъ поддержать съ этой стороны, хотя для того, чтобы не дать нашимъ противникамъ кончить дѣла ничѣмъ;—потому желательно, чтобы князь постарался войти въ сношенія съ г. Мейдингесомъ. Только съ подобными требованіями можно выступить не иначе, какъ при поддержкѣ Франціи, вслѣдствіе чего въ депешѣ этотъ предметъ обойденъ, съ тѣмъ чтобы имѣть въ резервѣ возможность выдвинуть его впередъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Намъ нельзя ни коимъ образомъ отзываться о конгрессѣ оскорбительно и высказывать сомнѣнія объ его дѣйствительности; не наше дѣло выставлять на видъ непрактичность мысли императора: пусть это сдѣлаютъ за насъ наши враги. Что конгрессъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, кончится ничѣмъ—это извѣстно императору Наполеону лучше всѣхъ; но если императоръ отнесся къ этому дѣлу до такой степени серьезно—и намъ неловко третировать этого иначе. Съ другой стороны, условное

---

[1]) Въ подлинникѣ (который авторъ имѣлъ въ своихъ рукахъ) здѣсь пустое мѣсто, слова на два. Н. В.

принятіе Европой мысли о конгрессѣ представляется народному правительству правдоподобнымъ. Еслибы онъ собрался, враги наши постараются конечно распорядиться такъ, чтобы его работы не повели ни къ чему. А чтобы конгрессъ не принесъ намъ вреда, на это есть два способа дѣйствія съ нашей стороны: вопервыхъ, упомянутое уже выше требованіе представительства Польши на конгрессѣ; во вторыхъ, предложеніе мысли о перемиріи. Послѣднее указано въ депешѣ отъ 20 ноября, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что мы сочли-бы конгрессъ засадой, еслибъ насъ и безъ того не истребляли самымъ жестокимъ образомъ. Но эта мысль не высказана окончательно съ той цѣлію, чтобы оставить себѣ лазейку какъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, такъ и на будущее время. Въ такой торжественный мигъ народному правительству представляется неудобнымъ пройти молчаніемъ то мѣсто рѣчи императора, гдѣ говорится насчетъ обоюдныхъ злоупотребленій. Нѣтъ надобности упоминать, до какой степени горько было намъ встрѣтиться съ такимъ замѣчаніемъ императора, конечно вызваннымъ разными политическими соображеніями. А такъ-какъ, въ сущности, не можетъ быть и рѣчи о сравненіи нашихъ злоупотребленій съ русскими, то мы сочли неприличнымъ пропустить это мѣсто рѣчи, признавая такимъ образомъ до нѣкоторой степени правоту взглядовъ императора. Со своей стороны мы сдѣлаемъ все, отъ насъ зависящее, печатнымъ словомъ, письменно и всякаго рода дѣйствіями, дабы упредить, по возможности, злоупотребленія. Не остановимся даже, въ крайнемъ случаѣ, передъ самыми энергическими средствами, когда этого потребуетъ печальная необходимость. Желательно, чтобы дѣятельность народнаго правительства съ этой стороны была, насколько можно, выставлена на видъ европейской прессой.

«Настоящее положеніе возстанія удовлетворительно, если принять въ разсчетъ неслыханно-трудныя условія, въ какихъ оно дѣйствуетъ, и необычайныя страданія народа. Народное правительство имѣетъ всѣ причины надѣяться, что зиму возстаніе переживетъ. Несомнѣнно и то, что бѣшенство русскихъ превзойдетъ всякую мѣру, и нанесенныя намъ зимою пораженія отзовутся бѣдственно на будущихъ судьбахъ нашего отечества. Извѣстно, что теперь нѣтъ для насъ безопасности нигдѣ, кромѣ военнаго стана. Ежедневныя непрестанныя ссылки людей массами истощаютъ жизненныя силы края. Ждемъ новаго рекрутскаго набора, въ родѣ январскаго. Говорятъ, возьмутъ до 20,000 человѣкъ. Собираются также приступить къ конфискаціи недвижимыхъ имуществъ въ массѣ и къ высылкѣ землевладѣльцевъ. Все это наполняетъ сердца наши горечью, хотя и не останавливаетъ жертвъ. По крайней мѣрѣ, вѣрно то, что еслибъ страшныя бѣдствія края и безпримѣрное варварство русскихъ приблизили-бы сколько-нибудь серьезное вмѣшательство Франціи въ наши дѣла—это было-бы весьма во-время. Кажется, что Россія и Пруссія смотрятъ теперь довольно-благосклоннымъ окомъ на собраніе конгресса, но въ сущности этимъ прикрывается дьявольская политика, которую ведутъ здѣсь разные русскіе офицеришки (Ptaporszczycy Moskiewscy). Она заключается въ томъ, чтобы весь правый берегъ Вислы подчинить управленію Муравьева и громить за-одно съ Литвою и Русью, а лѣвый берегъ отдать пруссакамъ. Въ настоящую минуту русскіе либералы хлопочутъ о соединеніи плоцкаго и августовскаго воеводствъ, и, кажется, это имъ удастся. Извѣстно, какъ распоряжается Муравьевъ въ августовскомъ, какъ арестуетъ и ссылаетъ массами, возмущаетъ крестьянъ, вводитъ русскія учрежденія и готовитъ безчислен-

ными секвестрами разворенie краю. На эту политику и ужасающія явленія князь не оставитъ обратить особенное вниманіе французскаго правительства. У насъ никто не задумывается передъ жертвами, только всѣ говорятъ, что если Польша и будетъ, такъ будетъ—для земли, воды и неба, а ужъ никакъ не для людей. Мы не навязываемся съ просьбами о помощи, но, и не роняя своего достоинства, можемъ всетаки указать на грозящія краю опасности. Сверхъ всякаго рода бѣдствій, необходимо ожидать, что борьба не прекратится, и, можетъ быть, чѣмъ хуже будетъ въ краѣ, тѣмъ долѣе протянется эта борьба. Нельзя не обратить вниманія Франціи, что если она не поспѣшитъ съ помощью, то найдетъ только однѣ развалины нашего отечества и бѣснующихся на пепелищѣ его нашихъ враговъ: все это слѣдуетъ выставить въ приличномъ, никого не унижающемъ тонѣ, но, тѣмъ не менѣе, съ соотвѣтственною дѣлу точностію.

«Что касается положенія народнаго правительства относительно края, оно должно пріобрѣтать все болѣе и болѣе силы и вліянія, какъ-скоро однажды стало на твердыя ноги. Готовность приносить жертвы—та же самая; довѣріе не ослабѣваетъ. Въ настоящую минуту дѣятельность народнаго правительства ознаменовала себя тѣмъ, что оно произвело реформы въ городской организаціи. Поняли наконецъ, что источникъ безтолковой и вредной агитаціи находится въ Варшавѣ и оттуда разливается по всему краю, парализуя тамъ спокойныя и полезныя для дѣла нашего работы. Поняли, вмѣстѣ съ тѣмъ, и то, что насильственная реформа не достигла-бы цѣли, а подала-бы только поводъ къ новой безтолковой агитаціи, которую слѣдовало опрокинуть единственно посредствомъ ея-же несостоятельныхъ свойствъ. Но покамѣсть это совершилось—нужно было смотрѣть нѣкоторое время на ея злоупотребленія сквозь пальцы. Вотъ чѣмъ слѣдуетъ объяснить кое-какіе безпорядки, имѣвшіе мѣсто уже при функціонаніи настоящаго народнаго правительства. Только тогда, когда анархія созрѣла вполнѣ и дала гибельные для нашего дѣла плоды, можно было положить ей предѣлъ рѣшительнымъ движеніемъ противъ нея и съ надеждой на лучшую будущность. Такъ именно и произошло. Народное правительство, выждавъ удобную минуту, произвело реформу въ городской организаціи. Нѣсколько безтолковыхъ и теперь уже безсильныхъ крикуновъ взываютъ къ реакціи, но противъ нихъ вопіетъ не только несостоятельность ихъ собственныхъ, до сего времени, поступковъ, но и нѣкоторыя личныя, некрасивыя ихъ свойства, болѣе всего—злоупотребленіе общественнымъ довѣріемъ, при исполненіи разныхъ должностей.

«Нынѣ городская организація находится подъ управленіемъ людей испытаннаго характера и добрыхъ патріотовъ. Поэтому народное правительство полагаетъ, что насколько было во власти человѣческой устранить безсмысленную и вредную агитацію, которая надѣлала намъ такъ много вреда, настолько народнымъ правительствомъ это сдѣлано. Будущее покажетъ, былъ-ли въ самомъ дѣлѣ какой толкъ въ этой тихой, укрытой работѣ. Народное правительство имѣетъ всѣ права надѣяться на самые благіе результаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ требовать поддержки и довѣрія со всѣхъ сторонъ—имѣетъ право желать этого, ибо глубоко убѣждено, что такая поддержка и довѣріе даромъ не пропадутъ. Что касается распоряженій народнаго правительства, оно требуетъ, чтобы таковыя были исполняемы со всею точностію, безъ малѣйшихъ съ чьей-либо стороны измѣненій.

«Частыя перемѣны въ личномъ составѣ, на что князь жалуется въ по-

слѣдней депешѣ, происходятъ отчасти вслѣдствіе разгрома, хорошо князю извѣстнаго, отчасти нужны были для устраненія безпорядковъ, какіе имѣли у насъ мѣсто. Такъ-какъ народное правительство знаетъ весьма хорошо ситуацію и свои силы, то и дѣлаетъ перемѣны соотвѣтственно этому, а если необходимость такихъ перемѣнъ невсегда понятна для отдѣльныхъ личностей, это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что отдѣльныя личности не владѣютъ тайнами, доступными народному правительству. Народное правительство можетъ завѣрить князя и всѣхъ, кого это интересуетъ, что въ выборѣ лицъ оно дѣйствуетъ осторожно и осмотрительно, какъ равно и тогда, когда замѣняетъ одно лицо другимъ.

«Переходя къ одиночнымъ явленіямъ, народное правительство свидѣтельствуетъ, что нечего бояться какихъ-либо замѣшательствъ на Востокѣ, по причинѣ перемѣны агентовъ. Іорданъ получилъ отъ турецкихъ властей увольненіе отъ службы и потребованъ сюда, какъ человѣкъ намъ нужный. На его мѣсто назначенъ постояннымъ агентомъ гражданинъ Окша. Что касается генерала Эдм. Р. [1])—миссія его исключительна и временна, и основывается по-преимуществу на его военной опытности и знаніи Кавказа. Народное правительство не думаетъ также, чтобы можно было бояться дурныхъ послѣдствій отъ миссіи гражданина Г. Л., въ Римѣ, миссіи совершенно неизбѣжной, по причинамъ, которыя въ подробности излагать здѣсь неудобно. Народное правительство надѣялось, что Великій Князь Константинъ Николаевичъ окажетъ гражданину Л. свою поддержку въ исполненіи порученія, возложеннаго нами на сего послѣдняго, насчетъ чего мы писали къ Великому Князю.

«Замѣчанія о положеніи дѣлъ народнаго правительства и объ исполненіи его предписаній (какъ о томъ выше упомянуто) князь благоволитъ сообщить гражданамъ: Галенз., Орд. [2]) и К. А они пусть сообщатъ другимъ, кому знать о томъ не мѣшаетъ, сдѣлавъ, разумѣется, при этомъ соотвѣтственныя исключенія и комментаріи.

«Народное правительство узнало съ большимъ удовольствіемъ о полезныхъ работахъ г-на М. В., въ видахъ объясненія нашего дѣла англійской прессѣ. Князь не оставитъ выразить г-ну В. признательность народнаго правительства и вмѣстѣ желаніе, чтобы онъ не ослабѣвалъ въ своемъ трудѣ и на будущее время. Отчетъ Парижскаго отдѣленія прессы (Wydziału drukowego Ajencyi Rządzkiéj) народное правительство также одобряетъ.

«Признавая вполнѣ совершенную необходимость указанныхъ княземъ расходовъ на телеграфическія депеши, народное правительство симъ уполномачиваетъ князя получать на это ежемѣсячно изъ коммиссіи народнаго долга по 2.000 франковъ (или менѣе, по мѣрѣ надобности), сверхъ бюджета агентуры.

«Что до оглашенія французской депеши отъ 28 октября—это было необходимо, конечно, не затѣмъ, чтобы устранить клеветы (на это сослались только для вида), а затѣмъ, чтобы поддержать колеблющееся народное правитель-

---

[1]) По всѣмъ вѣроятностямъ: Эдмундъ Ружицкій.

[2]) Вѣроятно: Северину Галензовскому и Іосифу Орденгѣ.

Н. В.

ство и показать, что оно ничуть не отступило отъ такъ принциповъ, которые обезпечиваютъ для него довѣріе цѣлой націи.

«Въ объясненіяхъ по поводу оглашенія депеши отъ 15 августа, народное правительство не нашло ссылки на нѣкоторыя существенно-важные пункты. Народное правительство вовсе не думаетъ вести съ этой стороны полемику, и мысли свои, касательно этого, какъ кажется, достаточно ясно высказало. Что литовскіе адресы были раньше чѣмъ нужно опубликованы, этому причиной литовскій отдѣлъ, который желалъ доставить такою публикаціей облегченіе народной совѣсти. Оригиналы приказано переслать за границу, но это сопряжено теперь съ неимовѣрной трудностью, по причинѣ распоряженій, послѣдовавшихъ со стороны русскихъ властей вслѣдъ за оглашеніемъ адресовъ.

«Получилъ-ли князь шифрованное предостереженіе отъ 26 октября?

«Касательно г-жи Завадской и г-на Фейдау, давно поручено полиціи навести надлежащія справки. Легко понять, какъ трудно въ настоящее время дѣлать всякаго рода справки. Одно не подлежитъ сомнѣнію, судя по свѣдѣніямъ, собраннымъ отовсюду, что извѣстіе, помѣщенное въ газетѣ «Независимость» (Niepodległość)—вполнѣ вѣрно, а Завадская имѣетъ дурную политическую репутацію еще со временъ Паскевича. Такъ или этакъ, во всякомъ случаѣ, письмо г. де-Калона (de Calonne) было до такой степени непристойно, что, по мнѣнію народнаго правительства, князю даже и принимать его въ такой формѣ не слѣдовало. Подробности этого дѣла будутъ сообщены.

«На адресы изъ Хельсца будетъ доставленъ отвѣтъ. Жаль, что эти адресы, хоть въ копіи, не сообщены народному правительству.

«Nation» пишетъ, что народное правительство уже не пользуется послушаніемъ, напротивъ—встрѣчаетъ пассивное сопротивленіе. Эти фальшивыя извѣстія нужно-бы опровергнуть.

«Дошло до насъ, въ настоящую минуту, будто-бы «Constitutionnel» помѣстилъ какую-то невыгодную для насъ корреспонденцію, но благопріятную для Россіи. Просимъ князя увѣдомить насъ, что это такое?

«Русскіе посланники закупили въ редакціяхъ разныхъ газетъ автографы статей о Польшѣ, а теперь захвачены здѣсь разныя письма нашихъ гражданъ и даже судебные приговоры: сличаютъ почерки. Нужно имѣть это въ виду на будущее время, принять предосторожности и въ архивахъ агентуръ.

«Изъ рапорта полномочнаго коммисара Галиціи видно, что въ Парижѣ не получено до сихъ поръ увѣдомленіе объ увольненіи народнымъ правительствомъ генерала Мирославскаго въ отставку, 8-го минувшаго ноября. Увѣдомленіе это было въ свое время послано съ тѣмъ, чтобы коммисія народнаго долга потребовала отъ генерала отчетъ въ израсходованныхъ имъ суммахъ, равно и остатки этихъ суммъ, а правительственный коммисаръ К. Р. отобралъ у него правительственную печать. Мы не имѣемъ также отчетовъ коммисіи вооруженія въ Ліежѣ, которые она должна была представить коммисіи народнаго долга.

«Въ заключеніе просимъ князя слѣдить сколь возможно внимательнѣе за N.N., который, какъ извѣстно, хлопочетъ о чемъ-то въ Вѣнѣ, вмѣстѣ съ Сигизмундомъ Велепольскимъ, а теперь отправляется въ Баденъ-Баденъ, и, какъ говорятъ, не безъ цѣли. Въ Австріи, между прочимъ, оба эти господина старались войти въ сношенія кое съ кѣмъ изъ галиційской шляхты, дабы вліять

черезъ нее на остальную шляхту края. Вообще, это дѣло покамѣстъ темное, но мы надѣемся, что князь отыщетъ способы разоблачить недостойныя интриги и объяснитъ все это народному правительству. Отсюда также приняты мѣры разузнать съ этой стороны что можно. Просимъ не употреблять прежнихъ ключей, бывшихъ въ ходу до сентября, такъ какъ здѣсь эти ключи недняхъ куда-то затерялись: какъ-бы они не попали въ руки нашихъ враговъ?».

(L. S.)

Печать отдѣленія иностранныхъ дѣлъ.

(L. S.)

Большая печать народнаго правительства.

VI.

Письмо Софьи Минишевской къ Велепольскому.

«Ваше сіятельство! 2-го мая получила я увѣдомленіе отъ его сіятельства Сигизмунда Велепольскаго, что правительство назначило мнѣ, въ единовременную выдачу, 1.000 рублей сер. и въ то же время представило меня къ пожизненной пенсіи такого-же размѣра.

«Кратковременная служба моего мужа не даетъ мнѣ, согласно съ существующими узаконеніями, права на полученіе пенсіи: стало быть, назначенное мнѣ вознагражденіе есть ничто иное, какъ расплата за его голову. Вы поймете, конечно, что такого вознагражденія, ни пожизненнаго, ни единовременнаго, я принять не могу, и прошу сдѣлать соотвѣтственно сему зависящее отъ васъ распоряженіе.

«Тяжкая болѣзнь не позволила мнѣ изложить всего этого раньше.

«Варшава, 15-го мая 1863 года».

«Софья Минишевская».

На вопросъ редакціи «Русской Старины»: откуда авторъ «Записокъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ» заимствовалъ переписку жонда съ Чарторыскимъ и другіе документы, вошедшіе въ упомянутое сочиненіе,—онъ отвѣчалъ:

«Переписка жонда съ Чарторыскимъ, это оффиціальные, правительственные документы, попавшіе въ мои руки по распоряженію намѣстника графа Берга. Ихъ перехватили на пути въ Парижъ, и они потому не были никогда у Чарторыскаго, если только жондъ не послалъ ихъ вторично. Первое письмо, отъ 15 августа 1863 г., досталось мнѣ въ русскомъ переводѣ, который былъ сдѣланъ для меня однимъ моимъ пріятелемъ, офицеромъ Прусскаго полка, капитаномъ Казинымъ. Къ сожалѣнію, я не оставилъ для себя, на всякій случай, копіи съ оригинала и потому въ концѣ замѣчено, что «подлинника авторъ въ рукахъ не имѣлъ». Но сомнѣній въ этомъ документѣ быть не можетъ. Сочинить этого нельзя. Переводъ Казина я нѣсколько исправилъ. Второе письмо, отъ 6 декабря 1863 г., я нашелъ при слѣдственномъ дѣлѣ Траугута и его

министровъ, и перевелъ лично. Потому и говорю въ припискѣ: «подлинникъ былъ у автора въ рукахъ».

«Письмо Бобровскаго къ Лангевичу я нашелъ въ печатномъ видѣ, въ краковской брошюрѣ «Wtył» (назадъ!) — и также перевелъ самъ. Вообще, переводы документовъ сдѣланы вездѣ мною лично, исключая трехъ случаевъ, когда я не могъ достать подлинниковъ. Это оговариваю въ текстѣ.

«Письма Бобровскаго и кого-то изъ жонда къ Падлевскому, равно и приказы послѣдняго, были захвачены, съ разными другими бумагами, частію при бѣгствѣ его изъ дома Рейха, частію при арестованіи, и хранятся въ архивѣ плоцкаго военнаго отдѣла. Все это я разсматривалъ, бывши въ Плоцкѣ въ 1865 г., и списалъ что нужно своей рукой».

Сообщ. Н. В. Вергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АМВРОСІЙ ОРНАТСКІЙ,

Епископъ Пензенскій и Саранскій.

Прочитавши въ «Русской Старинѣ», изд. 1879 г. (томъ XXIV, стр. 159, 366 и 368) разсказы о преосвященномъ Иринеѣ, епископѣ Пензенскомъ и Саранскомъ, бывшемъ потомъ, въ теченіе съ небольшимъ года, архіепископомъ Иркутскимъ и Нерчинскимъ, и найдя въ одномъ изъ нихъ извѣстіе о выходкѣ, сдѣланной, будто-бы, имъ при просьбѣ пензенскаго полицеймейстера объ исправленіяхъ по архіерейскому дому, ко времени прибытія въ Пензу императора Александра I-го,—я считаю нелишнимъ исправить неточность въ отношеніи лица, сдѣлавшаго эту выходку, такъ какъ помѣщенный въ статьѣ разсказъ, ни въ какомъ случаѣ, къ преосвященному Иринею относиться не можетъ.

Императоръ Александръ I посѣтилъ Пензу 30-го августа 1824 г., т. е. тогда, когда преосвященный Ириней, въ санѣ архимандрита, былъ еще въ Кишиневѣ; епископомъ же въ Пензѣ былъ въ то время преосвященный Амвросій, первый этого имени (Орнатскій). Это былъ человѣкъ страннаго, строптиваго и неуживчиваго характера, ни съ кѣмъ, начиная съ губернатора Лубяновскаго, не ладившій и ни кѣмъ въ Пензѣ за то не любимый.

Я лично зналъ и преосвященнаго, и полицеймейстера, коллежскаго совѣтника Демьяна Петровича Путяту, о которомъ идетъ рѣчь и котораго въ Пензѣ всѣ уважали, какъ человѣка добраго и честнаго; но онъ имѣлъ наружность непріятную, будучи косъ и курносъ. Бывши съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, я нѣсколько разъ слышивалъ отъ него самого разсказъ о выходкѣ преосвященнаго, и вотъ что онъ мнѣ передавалъ:

Когда онъ, по приказанію губернатора, явился къ преосвященному Амвросію просить о поправкахъ по архіерейскому дому, преосвященный, несмотря на очевидную необходимость, не хотѣлъ того исполнить. Г. Путята возразилъ, что безобразіе по городу, нетерпимое ни въ какое время, въ виду прибытія государя, еще меньше можетъ быть допущено; а преосвященный, улыбаясь, спросилъ его съ насмѣшкою: «а куда же губернаторъ дѣнетъ твое-то безобразіе?». Вотъ весь разговоръ—онъ былъ коротокъ. Несмотря на протекшіе съ тѣхъ поръ слишкомъ 54 года, разсказъ г. Путяты остался живо запечатлѣннымъ въ моей памяти, тѣмъ больше, что эпизодъ этотъ, не бывши ни для кого тайною, переходилъ тогда, какъ говорится, изъ устъ въ уста по всему городу. Въ такомъ видѣ случай этотъ помѣщенъ въ моей собственной

автобіографіи, остающейся пока въ рукописи и написанной въ 1870 г., гдѣ, между прочимъ, есть и подробное описаніе пребыванія въ Пензѣ въ Бозѣ почившаго императора.

Во время пребыванія государя въ Пензѣ, преосвященный Амвросій дозволилъ себѣ и другую выходку: 31-го августа, когда государь, въ 6 часовъ утра, изволилъ отправляться для смотра войскъ 2 пѣхотнаго корпуса, который весь собранъ былъ въ Пензу, то, лишь-только коляска его величества подана была къ подъѣзду, преосвященный, въ полномъ облаченіи, съ духовенствомъ, крестомъ, хоругвями и иконами, выступилъ изъ собора навстрѣчу, хотя такой парадъ и не былъ угоденъ государю, о чемъ преосвященный былъ предваренъ. Чтобы остановить процессію, посланы были—сперва полицейскій чиновникъ Васильевъ, а потомъ полицеймейстеръ Путята; но преосвященный тогда только возвратился въ соборъ, когда настоялъ на томъ покойный графъ Дибичъ (тогда баронъ), прибывшій на мѣсто. Этому я самъ былъ свидѣтелемъ.

1-го сентября, въ квартирѣ государя, въ губернаторскомъ домѣ, былъ парадный обѣдъ, къ которому, кромѣ свиты и генералитета, были приглашены губернаторъ, губернскій предводитель и другія лица; но преосвященный Амвросій приглашенъ не былъ. Онъ оставилъ епархію, въ исходѣ 1825 г., и поселился въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, гдѣ и скончался 27-го декабря 1827 г.

Эпизодъ этотъ есть и въ «Запискахъ лейбъ-медика Тарасова», помѣщенныхъ, въ 1872-мъ году, въ «Русской Старинѣ» (два изд.). Заключающійся въ нихъ разсказъ объ этомъ случаѣ обставленъ такими подробностями, которыхъ, на самомъ дѣлѣ, не было; почтенный авторъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ вовлеченъ въ заблужденіе разсказчиками новостей, которые, какъ часто случается въ дѣйствительности, прибавляютъ кое-что и отъ себя. Сверхъ того, г. Тарасовъ въ «Запискахъ» этихъ говоритъ о генералѣ Саккенѣ, какъ о корпусномъ командирѣ; между тѣмъ, князь, а тогда графъ—Саккенъ былъ главнокомандующимъ въ арміи, а командиромъ бывшаго въ Пензѣ корпуса былъ генералъ отъ инфантеріи, князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ.

Что касается до анекдота о преосвященномъ Иринеѣ, который, благословляя флигель-адъютанта, произнесъ, будто-бы, слова, помѣщенныя на стр. 368 февральской книжки: я полагаю, что и они приписаны ему неправильно. Задолго до прибытія его въ Пензу, еще въ дѣтствѣ моемъ, я слыхивалъ этотъ анекдотъ, но дѣйствующими лицами были въ немъ гусарскій офицеръ и приходскій священникъ; да и слуховъ о томъ въ Пензѣ не было, даже и въ отношеніи къ преосвященному Амвросію.

Почетный членъ казанскаго университета, пензенскій старожилъ,

Григорій Мѣшковъ.

БУНТЪ ВЪ ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЕНІЯХЪ ВЪ 1831 г.

Разсказъ священника-очевидца.

18-го числа истекшаго іюля въ 12-мъ часу дня, состоящій подъ судомъ 1-го Карабинернаго полка штабсъ-капитанъ Лелонгъ, сказалъ мнѣ, что военные поселяне этого округа возмутились и собираются во 2-й поселенной ротѣ, почему тотчасъ поспѣшилъ я туда, въ намѣреніи совѣтами и увѣщаніями удержать ихъ въ предѣлахъ должнаго порядка. При входѣ въ роту встрѣтился я съ генералъ-маіоромъ Волковымъ и прочими чиновниками строительной части, стоявшими подлѣ его квартиры, куда въ то же время верхомъ прибылъ и командиръ этой роты, маіоръ Манштейнъ, и сказалъ, что въ его ротѣ нѣтъ никакого возмущенія, а примѣтно, что поселяне собираются на лугу противъ роты; туманъ и мгла, бывшіе въ тотъ день, препятствовали видѣть вдаль. Почему я и обратился на тотъ лугъ, гдѣ, примѣтивъ многихъ поселянъ, занимавшихся работами, или стоявшихъ кучками человѣкъ отъ 3-хъ до 5-ти, я подходилъ ко всѣмъ, которые были близко къ дорогѣ, и, не давая имъ замѣтить, что уже знаю о ихъ замыслѣ, старался изъ разговоровъ ихъ узнать что-нибудь объ ихъ намѣреніи; но, ничего не замѣчая изъ словъ ихъ и нигдѣ не видя большихъ скопищъ, начиналъ уже сомнѣваться въ истинѣ слуховъ о возмущеніи.

Пройдя такимъ образомъ почти половину луга, встрѣтилъ я двухъ незнакомыхъ мнѣ неслужащихъ инвалидовъ, со слезами на глазахъ, которые, на вопросъ мой о причинѣ ихъ плача, отвѣчали:

— Судилъ Богъ за грѣхи наши дожить намъ до несчастныхъ временъ: вездѣ моръ, бунты и проч.

И, на дальнѣйшіе вопросы мои, объявили мнѣ, что поселяне съ луга побѣжали уже толпами во 2-ю поселенную роту.

Желая непремѣнно встрѣтить ихъ, я устремился въ прямомъ направленіи въ 4-е отдѣленіе этой роты, и только-что успѣлъ сту-

пить на улицу, какъ буйственныя толпы, съ ужаснымъ крикомъ и шумомъ, встрѣтились со мною. Остановивъ ихъ и успокоивъ нѣсколько шумъ и крикъ, я спрашивалъ о причинѣ ихъ смятенія. На что они отвѣчали:

— Намъ уже недостаетъ терпѣнія сносить долѣе какія-то утѣсненія отъ начальства, и потому мы рѣшились, во что бы то ни стало, истребить всѣхъ своихъ командировъ.

Когда же я напомнилъ имъ, что, возставъ противъ своихъ начальниковъ, они возстаютъ противъ самого государя, поставившаго надъ ними послѣднихъ,—что они забыли Бога, нарушаютъ присягу, утвержденную цѣлованіемъ креста и евангелія: — они отвѣчали:

— Мы за государя готовы положить свои головы и всегда повиновались начальству, доколѣ оно не посягало на жизнь нашу; теперь осталось намъ жить только три дня, по прошествіи которыхъ всѣ должны умереть отъ яду, ибо имъ отравлены всѣ колодези и ручьи, откуда мы брали воду; когда мы уѣзжаемъ на полевыя работы, фельдфебели и десяточные унтеръ-офицеры ходятъ по нашимъ домамъ и всыпаютъ ядъ въ квасъ и запасенную дома воду; даже хлѣбъ въ поляхъ опрысканъ ядомъ; а все это дѣлаетъ начальство, подкупленное поляками.

Послѣ доказательствъ, съ моей стороны, что начальники, истребивъ своихъ подчиненныхъ, не будутъ имѣть надъ кѣмъ начальствовать, а деньги безъ людей не имѣютъ никакой цѣны, и подозрѣнія ихъ тѣмъ менѣе достойны вѣроятія, что до сего времени въ цѣломъ округѣ, слава Богу, все благополучно,—многіе изъ поселянъ 2-й и 4-й ротъ начали колебаться и даже готовы были идти обратно, какъ вдругъ рядовые хозяева 1-й поселенной—Александръ Жалоба, Федоръ Цупковъ и 2-й поселенной—Герасимъ Власовъ, закричавъ: «полно слушать его, ребята: онъ самъ членъ полковаго комитета, потому и защищаетъ начальство. Что начато—надобно кончить!», — опять возмутили всѣхъ и пошли впередъ. Хотя я нѣсколько разъ и останавливалъ ихъ послѣ и старался внушить имъ, сколько буйство ихъ можетъ быть пагубно для нихъ самихъ, но, при каждой изъ этихъ остановокъ, тѣ же самые три злодѣя и тѣми же словами вновь возмущали поселянъ. Прибывъ такимъ образомъ въ полковой штабъ, они прежде всего устремились къ квартирѣ подполковника Форафонтова, крича съ звѣрствомъ: «Форафонтова сюда!».

Когда я напомнилъ имъ, что они же сами отзывались всегда о Форафонтовѣ, какъ о добромъ и разсудительномъ начальникѣ, который никогда не обижалъ ихъ напрасно, а всегда пекся объ ихъ

выгодахъ, — они отвѣчали: «онъ точно былъ таковъ, но прежде, а нынѣ хочетъ уморить насъ».

А какъ Форафонтова въ это время не было уже дома, то они двинулись къ полковой гауптвахтѣ, у которой встрѣчены были содержавшимися на оной офицерами—Архангелогородскаго полка капитаномъ Гине и 1-го Карабинернаго штабсъ-капитанами Лелонгомъ и Оловянниковымъ, которые также старались внушить имъ, что они поступаютъ противъ всѣхъ воинскихъ артикуловъ и уставовъ; но ничто не помогало.

Увидѣвъ караульнаго офицера, штабсъ-капитана Ладвенина, и призвавъ его къ себѣ въ толпу, спрашивали: не знаетъ-ли онъ чего-нибудь объ ядѣ? Когда послѣдній сталъ увѣрять ихъ, что ничего не знаетъ, то рядовой хозяинъ Герасимъ Власовъ первый ударилъ его кулакомъ по киверу, а прочіе подхватили его, подняли на воздухъ, сорвали эполеты и его же шарфомъ завязали ему назадъ руки. Когда я, несмотря на крикъ позади меня: «берите священника», хотѣлъ продраться сквозь толпу къ штабсъ-капитану Ладвенину, нѣкоторые изъ поселянъ, схвативъ меня сзади за платье, вытащили изъ толпы, сказавъ, чтобы я на-время удалился. Между тѣмъ другіе побѣжали къ квартирѣ архитектора VIII класса Максимова и, вытащивъ его на улицу, били кому чѣмъ попало; причемъ замѣтилъ я, что 4-й поселенной роты рядовой хозяинъ Венедиктъ Ивановъ буйствовалъ болѣе всѣхъ. Когда я, не смѣя взойти въ толпу въ пылу ихъ бѣшенства, старался уговаривать стоявшихъ позади, чтобы они защищали невинныхъ, то они отвѣчали, что ихъ самихъ бьютъ за это, и что именно рядоваго 2-й поселенной роты Мануила Елисѣева жестоко избили за то, что онъ вступился за архитектора Максимова.

Въ то же время водили по штабу комиссіонера Родзиковскаго, съ завязанными назадъ руками, били аудитора Федорова, коновальскаго ученика Александра Ефремова; кто именно буйствовалъ при этомъ болѣе прочихъ, въ толпѣ и суматохѣ замѣтить я не могъ. Видя, что нѣтъ возможности дѣйствовать на нихъ словами, я приказалъ благовѣстить къ вечернѣ, дабы хотя церковнымъ звономъ нѣсколько подѣйствовать на нихъ, и, проходя мимо толпы въ церковь, внушалъ имъ, что завтра воскресный день, и чтобы они, вмѣсто того, чтобъ день этотъ осквернять буйствомъ и звѣрствомъ, шли въ церковь и прибѣгли къ Господу Богу съ молитвою; но они, не отвѣчая мнѣ ни слова, отворотились отъ меня и пошли изъ полковаго штаба во 2-ю поселенную роту. Когда я, отслужа вечерню, показался въ толпѣ ихъ, тотчасъ былъ встрѣченъ рядовыми Жалобою и Цуцковымъ и

нѣкоторыми другими, которыхъ въ толпѣ и темнотѣ примѣтить не могъ, —съ укоризнами и угрозами, для чего удерживалъ ихъ во 2-й поселенной ротѣ и на дорогѣ изъ нея въ полкой штабъ, чѣмъ и далъ время всѣмъ командирамъ ихъ удалиться изъ округа. А когда я отвѣчалъ имъ, что удерживалъ ихъ не для того, чтобы дать время другимъ укрыться, но для того, чтобы внушить имъ ихъ обязанности, удержать отъ злодѣйствъ, за которыя должны дать отвѣтъ Богу и государю,—то Жалоба укорялъ меня за то, что когда-то, въ числѣ прочихъ членовъ, подписанъ и мною журналъ полковаго комитета, по которому онъ наказанъ за проступки. Тогда я, обратясь къ прочимъ, сказалъ:

— Изъ всего шума замѣчаю я, что цѣль возмущенія есть—имѣть случай отомстить начальству, каждому свои личности.

Послѣ того, оттѣснивъ отъ меня Жалобу, сказали мнѣ, что штабсъ-капитанъ Ладвенинъ, аудиторъ Федоровъ и фельдшеръ Аѳанасьевъ признались, что начальство точно хотѣло отравить ихъ ядомъ; признаніе это дали они на бумагѣ, и теперь было нужно, чтобы священникъ это засвидѣтельствовалъ. Видя этихъ несчастныхъ страдальцевъ, а съ ними вмѣстѣ архитекторовъ VIII класса—Максимова и Крылова, варварски избитыхъ и брошенныхъ въ канаву, едва живыхъ, —не находя въ мнимыхъ признаніяхъ ихъ никакого признанія и замѣтивъ изъ разговоровъ ихъ, что они кромѣ этого не имѣютъ ничего для избавленія себя отъ дальнѣйшаго истязанія, —я подписалъ эти признанія. Потомъ, съ большимъ трудомъ, упросилъ ихъ перенести избитыхъ куда-нибудь въ домъ, почему и отнесены одни въ квартиру генералъ-маіора Волкова, а другіе въ ближайшую поселенскую квартиру. Въ то время прислалъ за мною генералъ Волковъ, жизнь котораго была также въ крайней опасности. Тутъ пробылъ я до 2-го часа ночи, выходя нѣсколько разъ къ толпѣ и увѣряя ихъ, что генералъ пишетъ донесеніе къ государю императору, гдѣ всѣми силами старается испросить имъ прощеніе; неуспокоивъ ихъ этимъ нѣсколько, я отправился домой.

Поутру 19-го числа, послѣ утрени, опять прибылъ я во 2-ю поселенную роту, откуда еще скопище не расходилось. Тутъ мнѣ тотчасъ объявили, что теперь-то они узнали точно, что ихъ хотѣли отравить, для чего и приготовлено въ магазинѣ 500 кулей муки, смѣшанной съ ядомъ, изъ числа которыхъ отпущено нѣсколько вчерашняго числа въ Бронницкій госпиталь, гдѣ сдѣланъ опытъ надъ свиньею, которая, поѣвши муки, тотчасъ издохла. На вопросъ мой, видѣли-ли это они сами, — отвѣчали, что они слышали отъ достовѣрныхъ людей. Зная по опыту, что всѣ таковые нелѣпые слухи принимаются ими за несомнѣнные, я совѣтовалъ имъ, выбравъ нѣсколькихъ человѣкъ, на

которыхъ они полагаются, и назначивъ съ ними именно 4-й поселенной роты унтеръ-офицера Тюрина, послать освидѣтельствовать принятую въ госпиталь муку, что ими и было сдѣлано. Но посланные, возвратясь оттуда, объявили, что въ мукѣ нѣтъ ничего сомнительнаго, потому что, сколько они ни дѣлали опытовъ и надъ свиньями, и надъ курами, — всѣ остались живы.

Чтобы отклонить ихъ отъ самоуправства и буйства, я старался склонить ихъ къ скорѣйшему отправленію отъ себя депутатовъ въ С.-Петербургъ, а до возвращенія ихъ, избрать, хотя изъ среды себя, начальниковъ. Послѣ этого я отправился для служенія литургіи, а въ это время случился пожаръ въ 1-й поселенной ротѣ, отъ котораго сгорѣло нѣсколько сѣнныхъ сараевъ. Когда я услышалъ, что вину пожара приписываютъ укрывшимся офицерамъ—съ цѣлью во время суматохи имѣть случай пробраться изъ округа, то тотчасъ поспѣшилъ къ нимъ и увѣрилъ ихъ, что причина тому, если не собственная неосторожность хозяевъ, то непремѣнно злодѣйства бездѣльниковъ изъ среды ихъ самихъ, которые для отмщенія какого-нибудь личнаго оскорбленія избрали это смутное время безначалія.

Убѣдясь истиною моихъ словъ, они просили меня принять надъ ними начальство; на что я согласился только съ тѣмъ, чтобы они сверхъ того избрали, въ каждой ротѣ, или даже въ каждомъ капральствѣ, старшинъ изъ тѣхъ поселянъ, которые или вовсе не участвовали въ возмущеніи, или, по крайней мѣрѣ, менѣе прочихъ,—на что и они были согласны. А между тѣмъ, опасаясь, чтобы какіе-либо бездѣльники, пользуясь тѣмъ временемъ, не расхитили казеннаго интереса, они просили меня осмотрѣть всѣ мѣста, гдѣ хранятся казенныя вещи, и запечатать своею печатью, что мною было сдѣлано вмѣстѣ съ членами ротныхъ комитетовъ.

Возвращаясь оттуда, я замѣтилъ, что расхищаютъ квартиру штабсъ-кап. Аркинова, поспѣшилъ туда, схватилъ троихъ изъ мастеровыхъ этого полка, именно, кузнеца Чугреева и плотниковъ Ломова и Юдина; отобралъ отъ нихъ похищенныя ими вещи, и какъ ихъ, такъ и оставшіяся отъ расхищенія—приказалъ перенести въ свою квартиру. Причемъ рядовой Жалоба и бывшіе тутъ другіе поселяне говорили, что они замѣтили многихъ въ этомъ грабежѣ; въ числѣ хищниковъ былъ одинъ изъ членовъ ротнаго комитета 1-й поселенной роты. Потомъ, написавъ записки, разослалъ я ихъ въ каждую роту: 1) чтобы, для отвращенія несчастныхъ случаевъ, подобныхъ случившемуся въ тотъ день въ 1-й поселенной ротѣ, военные поселяне учредили въ ротахъ караулы, особенно на заднихъ улицахъ; 2) чтобы никто не смѣлъ оскорблять чѣмъ-либо, на кого имѣютъ подозрѣніе въ отравѣ, а приводили бы таковыхъ на гауптвахту въ полковой штабъ. Это было принято всѣми ротами съ радостію, кромѣ 1-й поселенной.

Послѣ вечерни замѣтилъ я, что поселяне все еще толпятся во 2-й поселенной ротѣ близъ квартиры ген. Волкова, поспѣшилъ туда для освѣдомленія, и, узнавъ, что собирались для избранія старшинъ, старался я отъ оставшихся еще нѣкоторыхъ изъ 2-й и 4-й ротъ выѣдать о расположеніи духа прочихъ. Поселяне объявили, что 1-я рота все еще ищетъ случая убить ген. Волкова; а когда я доказывалъ имъ, что такъ какъ они доселѣ еще не запятнали себя подобными злодѣяніями, не обагрили рукъ своихъ кровію начальниковъ, о чемъ уже донесено государю императору, то могутъ еще ожидать себѣ помилованія предъ прочими; а напротивъ, убійствомъ генерала, они нанесутъ несказанное оскорбленіе монарху, себя же достойно подвергнутъ жестокому наказанію:—то они поклялись, что прежде умрутъ сами, но не допустятъ убить генерала, и условились между собою, чтобы, въ случаѣ нападенія 1-й поселенной роты на домъ генерала, приставленный къ нему караулъ отъ 2-й поселенной роты удержалъ ихъ подъ видомъ собранія всего баталіона, а между тѣмъ дать знать 4-й поселенной ротѣ, которая тотчасъ прибудетъ, и вмѣстѣ со 2-ю прогонятъ злодѣевъ кольями.

Поутру 20-го числа всѣ почти поселяне 2-й поселенной роты собрались въ церковь къ утрени; по окончаніи послѣдней, увѣщаніями своими, старался я обратить ихъ къ раскаянію въ ихъ заблужденіи. Выходя изъ церкви, замѣтилъ я, что рядовой хозяинъ Герасимъ Власовъ съ нѣкоторыми помощниками, подлѣ полковой гауптвахты, приступаетъ къ штб.-кап. Мелхеному, который, скрывавшись въ лѣсу двое сутокъ, пришелъ самъ на гауптвахту, едва живой отъ голода, холода и усталости; я послалъ за старшиною 2-й поселенной роты, который тотчасъ разогналъ ихъ. Въ то же время жена комисіонера Родзиковскаго прислала ко мнѣ, прося защиты противъ бездѣльниковъ, требующихъ отъ нея ключей отъ шкафовъ и комодовъ; прибывъ туда, я захватилъ двухъ помощниковъ 2-й поселенной роты № 67—Ѳедота Кузьмина и 64—Ивана Ефремова, привелъ ихъ на гауптвахту и приказалъ старшинамъ наказать ихъ, въ примѣръ другимъ; старшины тутъ же жестоко наказали ихъ розгами. Тогда, казалось, все приходило въ надлежащій порядокъ; къ обѣднѣ опять собрались почти всѣ поселяне 2-й поселенной роты, а послѣ обѣдни, по просьбѣ ихъ, отправленъ пророку Иліѣ молебенъ; причемъ, примѣтивъ многихъ изъ нихъ раскаивающихся со слезами въ своихъ заблужденіяхъ, старался я словами апостола Іакова: «аще кто въ васъ заблудитъ отъ пути истины, и обратитъ кто его, да вѣсть, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти», на литургіи въ тотъ день читанными, старался внушить, что долгъ

христіанина есть не только самому беречься отъ грѣха, но и ближняго своего, при всякомъ случаѣ, вразумлять и удерживать отъ преступленія. Слезы умиленія и раскаянія еще болѣе увѣрили меня въ прочности водворяющагося спокойствія.

Но только-что поселяне разошлись по домамъ, какъ состоящій при церкви унт.-офицеръ Голозулинъ объявилъ мнѣ, въ то время какъ я потреблялъ святые дары, что изъ округа Короля Прусскаго полка пріѣхалъ, на верховой офицерской лошади, одинъ поселянинъ съ обнаженною саблею и требуетъ отъ поселянъ нашего округа, чтобы они непремѣнно убили священника, ген. Волкова, а потомъ и другихъ, кого имъ будетъ надобно; если же они этого не сдѣлаютъ, тогда придутъ къ нимъ поселяне Прусскаго и Графскаго полковъ и перебьютъ ихъ самихъ, и что онъ успѣлъ уже набрать себѣ толпу изъ поселянъ деревни Рышева и 1-й поселенной роты.

Не желая допустить ихъ до осквернения убійствомъ храма Божія и вмѣняя себѣ въ священную обязанность умереть, если это будетъ необходимо, для спасенія другихъ; призвавъ со слезами Господа Бога въ помощь, въ полномъ облаченіи, съ животворящимъ крестомъ въ рукахъ, съ вѣрою и надеждою въ сердцѣ,—потекъ я во срѣтеніе варваровъ. Встрѣтивъ этого изверга, идущаго изъ дома полковаго комитета, въ толпѣ подобныхъ ему злодѣевъ, съ ружьями и обнаженными саблями, и укоривъ его въ непочтеніи къ святынѣ, принудилъ, противъ воли его, снять имѣвшуюся на немъ офицерскую каску и обнажить закрытую козырькомъ ея разбитую свою рожу. На мой вопросъ, какую онъ имѣетъ здѣсь надобность, онъ отвѣчалъ, что посланъ отъ округовъ прусскаго и графскаго показать нашимъ поселянамъ, какъ надобно поступать со своими начальниками. Тогда я старался вразумить составлявшихъ его толпу поселянъ, что въ тѣхъ округахъ, учинившихъ неслыханныя злодѣянія, вѣрно ожидаютъ уже примѣрнаго за нихъ наказанія; что потому то теперь стараются вовлечь и ихъ въ подобныя преступленія, чтобы и они отвѣчали съ ними за-одно.

Въ то время унт.-офицеръ 3-й поселенной роты Шатыгинъ говорилъ мнѣ:

— Вѣдь и ты зналъ, что насъ хотятъ отравить ядомъ, и ты такой же членъ полковаго комитета?

И на отрицательный отвѣтъ мой продолжалъ:

— Еслибы приняться за тебя, подобно какъ поступлено съ священникомъ Императора Австрійскаго полка, тогда бы ты объявилъ обо всемъ, что умышляли вы въ комитетѣ.

А рядовой той же роты Иванъ Алексѣевъ, когда я, отнимая у него обнаженную саблю, спрашивалъ, для чего онъ съ саблею,

—вырвалъ ее у меня и, поднявъ надъ моею головою и помахивая ею, отвѣчалъ: «вотъ для чего!».

Видя, что ихъ звѣрство и остервененіе болѣе и болѣе усиливаются, я вознамѣрился остановить ихъ рѣшимостію и сказалъ:

— Если вамъ хочется непремѣнно убить кого-нибудь, то я, сейчасъ только причастившійся святыхъ таинъ, за всѣхъ предлагаю вамъ жизнь мою, въ полномъ упованіи получить отъ Господа мученическій вѣнецъ; только жалѣю о томъ, что вы сдѣлаетесь моими мучителями.

Тогда они остановились, а я, пользуясь ихъ нерѣшимостію, старался доказать собиравшимся поселянамъ 2-й поселенной роты, выставивъ на видъ пьяное и разбитое лицо и изорванный кафтанъ пріѣхавшаго изверга,—что онъ или бѣжалъ отъ наказанія за какое-нибудь ужасное преступленіе, учиненное имъ въ своемъ округѣ, или думаетъ, возмутивъ ихъ, воспользоваться грабежемъ. А когда произошла объ немъ распря между поселянами 2-й поселенной роты и его сообщниками, то онъ и въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкоторыми изъ послѣднихъ, пошелъ грабить по домамъ начальниковъ. Примѣтивъ это, поселяне 2-й и 4-й ротъ—Данила Никитинъ и Парфенъ Семеновъ, которые, узнавъ обо всемъ, пріѣхали для защиты генерала,—схватили возмутителя, отобрали отъ него награбленныя вещи, именно: три серебреныя ложки, серебреный темлякъ, жилетъ и патронташъ, а самого его прогнали изъ округа обратно.

Послѣ того никакихъ особенныхъ происшествій въ округѣ не происходило, смятеній и буйства замѣтно не было, возмутительныхъ слуховъ никто не разсѣвалъ; но 21-го числа 1-й поселенной роты неслужащій инвалидъ Никита Арефьевъ встрѣтился со мною въ полковомъ штабѣ и, на вопросъ мой, куда идетъ?—отвѣчалъ:

— Я слышалъ, будто-бы, съ отправляющимися, по требованію начальства, въ Новгородъ поселянами, намѣренъ уѣхать изъ округа и ген. Волковъ; поэтому я иду уговорить ихъ, чтобы они не позволяли ему выѣзжать изъ округа въ каретѣ, потому что я знаю вѣрно, что изъ прочихъ округовъ всѣхъ господъ повели въ кандалахъ, за конвоемъ и пѣшихъ: пусть и нашъ генералъ отправленъ будетъ съ такою же церемоніею.

Не внимая никакимъ доказательствамъ о нелѣпости слышаннаго, онъ пошелъ къ отправлявшимся, внушилъ имъ эти нелѣпые слухи и тѣмъ удержалъ въ тотъ день ген. Волкова. 22-го числа съ поручикомъ Абирковымъ объѣхалъ по всѣмъ ротамъ, и ни въ одной изъ нихъ ни малѣйшаго мятежа замѣтно не было. Поселяне были въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ изволилъ ихъ видѣть въ тотъ день его сія—во, ген.-адъютантъ графъ Орловъ.

Старшій священникъ **Василій Лукинскій**.

ИРИНАРХЪ ИВАНОВИЧЪ ВВЕДЕНСКІЙ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЕГО ЖИЗНИ

1849 г.

I.

Двадцать три года прошло послѣ смерти Ир. Ив. Введенскаго, талантливаго переводчика на русскій языкъ такихъ геніальныхъ англійскихъ беллетристовъ, какъ Диккенсъ и Тэккерей,—честнаго педагога, съумѣвшаго перевоспитать часть военной молодежи 50-хъ годовъ въ тѣхъ идеяхъ, которыя покойный считалъ истинными и благороднымн. Несмотря на замкнутую, кабинетную жизнь ученаго, Введенскій вполнѣ заслуживаетъ имени, смѣемъ сказать, общественнаго дѣятеля. Скромно, безъ шуму, этотъ дѣятель стоялъ на форпостѣ русской мысли, которая тогда только еще завоевывала себѣ настоящее свое мѣсто въ ряду русскаго общества. Въ то время всякое проявленіе истинно-общественной службы не обходилось безъ борьбы, безъ страданія; и то и другое Введенскій переносилъ въ избыткѣ, иногда отступалъ и клалъ оружіе передъ неодолимымъ врагомъ, но только для того, чтобы, чрезъ промежутокъ времени, опять двинуться впередъ и занять прежнюю позицію. Много силъ, много желѣзной энергіи вложено было имъ въ эту борьбу, часто безполезную, но всегда необходимую. Ему на долю пришлась только битва; успѣхъ и слава достались другимъ. Наканунѣ лучшихъ условій жизни, Введенскій погибъ какъ мученикъ труда. Все то, чего онъ такъ жадно желалъ, пришло тогда, когда онъ уже гнилъ въ землѣ. Правда, что и тѣ, которые пережили Введенскаго, испытали много разочарованій и обмановъ, но у нихъ былъ и періодъ ликованія, періодъ счастія. Лавровый вѣнокъ иногда зависитъ отъ шальной, мимо ушей свистящей пули.

Оттого ли, что занятія Введенскаго не имѣли блестящей внѣшней стороны, или потому, что сразу же послѣ его смерти начался бурно-

стремительный періодъ [1]) литературы и жизни русскаго народа, выдвинувшій цѣлую фалангу болѣе замѣтныхъ дѣятелей:—во всякомъ случаѣ, имя Иринарха Ивановича осталось въ тѣни; оно мало извѣстно читающей и мыслящей публикѣ.

II.

Въ 1857 году, Г. Е. Благосвѣтловъ написалъ талантливо составленную біографію Введенскаго, и она осталась единственнымъ матеріаломъ для знакомства съ этой благородной личностью. Въ этой біографіи, въ которой составитель пользовался краткими набросками самого Введенскаго, отведена бо́льшая часть дѣтству и юности Иринарха Ивановича; этотъ періодъ его жизни довольно ясенъ, и о немъ я не стану упоминать въ моей настоящей замѣткѣ.

Въ 1871 году, въ «Русской Старинѣ» появилось коротенькое письмо пресловутаго Ф. Ф. Вигеля 1849-го года къ Н. С. Алексѣеву, на которое редакція справедливо посмотрѣла какъ на доносъ. Между тѣмъ, обстоятельства самаго дѣла, причины и слѣдствія доноса остались темны, такъ какъ это былъ только намекъ на одинъ изъ эпизодовъ дѣятельности Введенскаго. Вотъ этотъ-то эпизодъ и намѣрены мы освѣтить, пользуясь случайной находкой письма Иринарха Ивановича, относящагося къ этому дѣлу, и отчасти руководясь разсказами лицъ, хорошо знавшихъ покойнаго.

III.

Доносъ Вигеля помѣченъ 28-мъ апрѣля 1849 года. Время, какъ видите, подходящее ко всевозможнымъ инсинуаціямъ; время самое выгодное для очерненія даже и невиннаго человѣка. Вигель сознаетъ самъ, что «привлечь его (Введенскаго) къ отвѣтственности была бы совершенная несправедливость», но... «онъ преподаетъ въ павловскомъ и другихъ корпусахъ: не жалко ли будетъ оставить такую отраву среди возрастающаго юношества?.... И какъ про это не знаетъ генералъ Ростовцевъ?» [2]). Вигель бросалъ камнями очень ловко, и такое обвиненіе, дѣйствительно, могло бы повести къ печальнымъ результатамъ; однако Иринархъ Ивановичъ, какъ мы знаемъ, вышелъ изъ своего критическаго положенія оправданнымъ.

---

[1]) Такъ называется въ исторіи нѣмецкой литературы періодъ Шиллера и Гёте (Sturm und Drang Periode). Такъ мы рѣшились сравнить съ нимъ періодъ нашей русской жизни съ 1856 и до 1866 года.

[2]) Впослѣдствіи, когда Я. И. Ростовцевъ ближе узналъ Введенскаго, они вмѣстѣ бесѣдовали по цѣлымъ часамъ. Говорятъ, что Введенскій много толковалъ съ Ростовцевымъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. **П. Г.**

Введенскій занималъ должность преподавателя русской словесности въ Дворянскомъ полку, съ 24-го сентября 1842 года [1]). Семь лѣтъ усиленныхъ трудовъ, плодотворной педагогической дѣятельности— могли бы повести за собой тяжкія испытанія. Но ударъ не попалъ въ цѣль. Вигель опоздалъ своимъ нападеніемъ. Интрига противъ честнаго учителя велась, какъ можно предполагать, далеко прежде, чѣмъ Вигель надумался сдѣлать свое интересное сообщеніе.—«Одинъ Веденскій, поповичъ, говорятъ, съ чрезвычайнымъ умомъ» былъ уже извѣстенъ начальству Дворянскаго полка довольно хорошо. 28-го апрѣля Вигель строчилъ свой доносъ, а еще 5-го апрѣля инспекторъ Дворянскаго полка уже получилъ письменное оправданіе и объясненіе на всѣ клеветы и подкопы отъ самого Ир. Ив. Введенскаго. Этотъ-то въ высшей степени интересный документъ, представляющійся какъ бы публичной исповѣдью Введенскаго, и находится въ нашихъ рукахъ. Я нашелъ его въ бумагахъ покойнаго генералъ-лейтенанта Д. М. Павловскаго († 27-го февраля 1875 г.), бывшаго инспектора Дворянскаго полка.

IV.

Привожу здѣсь самое письмо:

«Ваше превосходительство! При всѣхъ усиліяхъ разгадать сущность взведеннаго на меня обвиненія или подозрѣнія, я никакъ не могу его объяснить доступными для меня средствами. Кажется, впрочемъ, обвиняютъ или подозрѣваютъ меня въ какомъ-то либерализмѣ, или злонамѣренномъ распространеніи мнѣній, противныхъ существующему ходу вещей. На это честь имѣю объяснить вашему превосходительству:

«Во первыхъ, въ положеніи наставника юношества, ввѣреннаго мнѣ высшимъ начальствомъ, я считаю дѣломъ недобросовѣстнымъ и даже безчестнымъ распространять между молодыми людьми такія мнѣнія, которыя, въ какомъ бы ни было отношеніи, могутъ противорѣчить предписаніямъ высшей власти, удостоившей меня своимъ довѣріемъ.

«Во вторыхъ, еслибы даже и было у меня желаніе распространять какія-нибудь мнѣнія, противныя существующему ходу вещей, то я не могъ бы привести въ исполненіе это желаніе по той простой причинѣ, что, при своемъ положеніи ученаго труженика, я не имѣю и не могу имѣть подобныхъ мнѣній. Принявъ на себя обязанность преподавать молодымъ людямъ русскую словесность во всемъ ея объ-

[1]) Записная книжка инспектора классовъ Дворянскаго полка. П. Г.

емѣ, я поставилъ для себя цѣлію изучить этотъ предметъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Перечитавъ все, что написано по этому предмету на русскомъ языкѣ, я въ то же время, со всѣмъ усердіемъ, изучалъ памятники древней и новой русской литературы, сличая ихъ, сколько позволяли средства, съ тѣми первоначальными источниками, откуда они взяты. Плодомъ этого изученія, соединеннаго, во многихъ случаяхъ, съ истиннымъ самоотверженіемъ, была мысль—сообщить своей наукѣ историческое направленіе, которое одно только, по моему убѣжденію, можетъ быть плодотворнымъ для молодыхъ людей. Подъ вліяніемъ этой мысли, я, до настоящаго времени, разработалъ нѣкоторые отдѣлы «Теоріи Словесности» и, между прочимъ—«Трактатъ объ эпической поэзіи», отлитографированный для моихъ учениковъ въ нынѣшнемъ году. При этомъ, само собою разумѣется, я не смѣлъ отступать отъ предложенной программы, тѣмъ болѣе, что, въ сущности дѣла, она не противорѣчила моему образу мыслей. Когда, между тѣмъ, въ нынѣшнемъ году изданы были «Наставленія господина начальника штаба», мнѣ пріятно было убѣдиться, что мнѣнія мои относительно методы изложенія русской словесности совершенно сообразны съ тѣми предписаніями, которыя изложены въ книгѣ, заслужившей Высочайшее одобреніе. Между тѣмъ, продолжая разработывать памятники новѣйшей русской литературы, я постепенно пришелъ къ мысли относительно обширнаго вліянія, какое, въ послѣднее время, англійскіе писатели оказали на русскую литературу. Подъ вліяніемъ этой мысли, я предложилъ себѣ задачу—опредѣлить отношеніе англійской литературы къ русской, и въ то же время изучить англійскихъ писателей XVIII и XIX вѣковъ. Трудность задачи не испугала меня. Въ половинѣ 1847 года, тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, я принялся изучать англійскій языкъ, и плодомъ этого изученія былъ, прежде всего, переводъ мой огромнаго диккенсова романа «Домби и Сынъ», который былъ напечатанъ въ «Современникѣ» за 1848 годъ. Затѣмъ, едва окончивъ этотъ трудъ, я перевелъ и напечаталъ романъ Купера «Дирслэйеръ» и послѣднюю повѣсть Диккенса. Продолжая заниматься этими переводами, я въ то же время написалъ десятка два оригинальныхъ критическихъ статей по обзору англійской и русской литературъ, такъ что всего, въ послѣдніе два года, я напечаталъ до трехъ тысячъ страницъ.

«Если къ этому, ваше превосходительство, присоедините мои постоянныя занятія по службѣ въ Дворянскомъ полку и артиллерійскомъ училищѣ, мою женитьбу въ прошломъ году и мои семейныя несчастія, отчасти вамъ извѣстныя,—то будетъ, я полагаю, совершенно очевиднымъ, что я принадлежу къ числу тѣхъ тружениковъ

науки, которые живутъ и могутъ только жить въ своемъ ученомъ кабинетѣ, среди своей семьи. Никакія связи, никакія общества и даже почти никакія знакомства не существуютъ для меня. Затворникъ въ полномъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ этого слова, я провожу свое время или въ классной залѣ между учениками, или въ своемъ кабинетѣ, съ перомъ или книгою въ рукахъ, отъ ранняго утра до глубокой ночи.

«Какъ же и по какому поводу люди, подобные мнѣ, могутъ быть заподозрѣны въ злонамѣренномъ либерализмѣ?! Не подозрѣній ожидалъ я за свои неутомимые труды и за то плодотворное направленіе, которое я, первый между преподавателями русской словесности, сообщаю своей наукѣ...

«Еслибы еще я былъ преподавателемъ политической науки, такое обвиненіе могло бы, по крайней мѣрѣ, имѣть какой-нибудь смыслъ; но здѣсь, когда дѣло идетъ о добросовѣстномъ ученомъ изслѣдованіи памятниковъ русской литературы, я никакъ не могу постигнуть смысла такого обвиненія или доноса. Спору нѣтъ, зловредныя мнѣнія могутъ быть распространяемы независимо отъ какой бы то ни было науки; но такое предположеніе, въ отношеніи ко мнѣ, опять будетъ имѣть характеръ клеветы, и при томъ дурно разсчитанной клеветы, именно потому, что, по своему образу жизни и занятій, я не могъ составить для себя такихъ мнѣній. Ни политика, ни религія—не входятъ въ область моей науки, а у меня нѣтъ ни времени, ни средствъ заниматься посторонними предметами. Впрочемъ, предположивъ даже для себя полную возможность слѣдить за ходомъ политическихъ предметовъ,—я глубоко убѣжденъ, мой образъ мыслей ни въ какомъ случаѣ не былъ бы въ разладѣ съ коренными началами развитія жизни русскаго народа. Тотъ долженъ быть глупецъ, или человѣкъ злонамѣренный, не любящій Россіи, кто желаетъ для своего отечества перемѣнъ, подобныхъ тѣмъ, которыя обуреваютъ въ настоящее время западную Европу. Что касается до преподавателя русской словесности, онъ очень хорошо знаетъ, что русская литература, со времени Петра Перваго, одолжена главнѣйшимъ образомъ своими успѣхами просвѣщенному содѣйствію и вниманію правительства. Я не могу думать о Ломоносовѣ, не думая въ то же время о Елисаветѣ, бывшей источникомъ его вдохновеній; съ именемъ Державина, въ моемъ воображеніи, соединяется державное имя великой Екатерины, безъ которой Россія не имѣла бы и великаго поэта; безъ Александра Благословеннаго отечество наше не имѣло бы «Исторіи Государства Россійскаго», точно также какъ Пушкинъ не совершилъ бы и половины своихъ трудовъ, еслибы не былъ по-

ощряемъ Высочайшимъ вниманіемъ къ его таланту. Все это для меня—факты ясные, осязательные, которыхъ не можетъ не видѣть моя наука, и которые современемъ будутъ изложены въ моей «Исторіи русской литературы», какъ скоро буду имѣть средства ее напечатать.

«Впрочемъ еще разъ: я не постигаю сущности доноса, взведеннаго противъ меня; но, во всякомъ случаѣ, объявляю, что этотъ доносъ—клевета, гнусная, безсмысленная клевета, которая могла быть только выдумана слѣпой злобой, или, что гораздо вѣроятнѣе, мелкою завистію. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою, Ир. Введенскій».

«Апрѣля 5-го 1849».

V.

Тяжело было Введенскому писать это оправданіе [1]). Мы предоставляемъ читателю перечувствовать рядъ угнетающихъ, страшныхъ мыслей, которыя терзали мозгъ этого человѣка, когда онъ обдумывалъ и писалъ свою защиту. Тѣмъ не менѣе, разъ онъ рѣшился стать въ такое положеніе, какое онъ рисуетъ въ своемъ письмѣ,—начальство могло быть увѣрено, что Иринархъ Введенскій сдержитъ свое слово. Несомнѣнно, что Введенскій былъ прогрессистомъ: его тянуло къ тѣмъ идеямъ, которыя, въ то время, волновали всю европейскую интеллигенцію, но онъ не выходилъ ни разу изъ предѣловъ теоріи, его умъ не увлекался слишкомъ страстными порывами. Потому-то онъ и считалъ нечестнымъ обманывать молодежь несбыточными надеждами, потому-то онъ и не примыкалъ къ партіи дѣйствія. Позже, Введенскій постоянно придерживался своей политики, высказанной въ письмѣ отъ 5-го апрѣля 1849 года. Въ 50-хъ годахъ, посѣтивъ Англію, Иринархъ Ивановичъ сдѣлалъ визитъ Чарльзу Диккенсу и—не заглянулъ къ эмигрантамъ. Разъ давъ честное слово, Введенскій никогда не измѣнялъ ему.

Поѣздка въ Англію, между прочимъ, была послѣдней вспышкой энергіи Введенскаго. Интересуясь историческими памятниками Лондона, онъ употреблялъ бинокль, что и подѣйствовало убійственно на его и безъ того ослабѣвшее зрѣніе.

Сообщ. П. Гусевъ.

Февраль 1876.

---

[1]) Разсказываютъ, что Иринархъ Ивановичъ плакалъ въ кабинетѣ инспектора Дворянскаго полка. Кто не пойметъ и не оправдаетъ этой слабости? П. Г.

Дѣло при деревнѣ Игнацевѣ

въ 1863 г.

Въ Запискахъ г. Берга о «Польскомъ возстаніи въ 1863 году» («Русская Старина», изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 69—70) обсуждаются дѣйствія мои по командованію Калишскимъ военнымъ отдѣломъ. О дѣйствіяхъ этихъ говорится весьма поверхностно, не принимая въ соображеніе ни тѣхъ средствъ, которыя были въ моемъ распоряженіи, ни обстоятельствъ края,—притомъ, преимущественно, на основаніи слуховъ и невѣрныхъ данныхъ [1]), почему я не считаю нужнымъ объ этой части Записокъ входить въ особыя объясненія; но авторъ, на стр. 69 и 70, говоря о дѣлѣ при Игнацевѣ, дѣлаетъ обо мнѣ произвольныя заключенія и упрекаетъ въ нерѣшительности, что̀ не считаю возможнымъ оставить безъ объясненій.

На ночлегѣ, при движеніи изъ Коло, узнавъ отъ жителей, что Тачановскій остановился въ лѣсу, южнѣе Сампольно, я сообщилъ генералу Краснокутскому, что если онъ будетъ двигаться прямо, то встрѣтитъ съ фронта Тачановскаго, а я уже возьму его въ тылъ, съ Сампольнской дороги. Движеніе моего отряда было замедлено потому, что я нашелъ въ одномъ мѣстѣ мостъ сломаннымъ, долженъ былъ идти обратно и сдѣлать обходъ, чтобы продолжать движеніе по принятому направленію. Подойдя съ отрядомъ къ лѣсу, примыкающему къ дорогѣ съ лѣвой стороны, и предполагая, по полученнымъ мною ночью свѣдѣніямъ, что Тачановскій съ своей бандой въ этомъ лѣсу, я вдругъ услышалъ пушечные выстрѣлы впереди, съ правой стороны дороги. Оказалось, что Тачановскій занялъ позицію въ опушкѣ лѣса при деревнѣ Игнацевѣ, сѣвернѣе того пункта, гдѣ онъ мною предполагался. Я взялъ немедленно двѣ роты, находившіяся въ головѣ колонны, и два эскадрона гусаръ и поспѣшилъ на выстрѣлы, приказавъ остальнымъ войскамъ слѣдовать въ томъ же направленіи. Прибывъ на позицію и обозрѣвъ ее, я нашелъ ее весьма сильною, и огонь въ особенности былъ частый изъ самой деревни Игнацева. Находя, что одна фронтальная атака будетъ сопряжена съ большою потерею людей, я, оставивъ генералу Краснокутскому двѣ роты и гусаръ, самъ отправился навстрѣчу войскъ, чтобы сдѣлать соот-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ, что маіоръ Нелидовъ посланъ былъ мною, между тѣмъ какъ Влоцлавскій уѣздъ былъ отдѣленъ отъ Калишскаго отдѣла еще въ январѣ 1863 года. А. В.

вѣтственныя распоряженія. Изъ войскъ моего отряда я направилъ 4 роты во флангъ непріятеля, 4 роты при орудіяхъ оставилъ въ резервѣ, изъ которыхъ еще одна рота потомъ послана также была въ распоряженіе генерала Краснокутскаго, и одну роту оставилъ при вагенбургѣ. Направленныя во флангъ роты не могли переправиться чрезъ топкій, болотистый ручей, прямо противъ фланга позиціи, и, отыскивая переправу, пошли вверхъ по ручью, но онъ вездѣ протекалъ въ топкомъ болотѣ, и только, когда колонна достигла мельничной плотины, она начала переходить ручей. Между тѣмъ загорѣлась деревня Игнацево, генералъ Краснокутскій атаковалъ позицію и овладѣлъ ею. Банда Тачановскаго бѣжала, преслѣдуемая генераломъ Краснокутскимъ до Сампольна; а та часть банды, которая бросилась по направленію на Слупцы, была преслѣдуема обходною колонною.

Я не беру на себя судить о моихъ распоряженіяхъ, но, во всякомъ случаѣ, въ нихъ не было нерѣшительности, въ которой упрекаетъ меня авторъ.

Что касается до приказанія мнѣ подать въ отставку, то подобнаго приказанія я никогда не получалъ, нахожусь непрерывно на службѣ 46 лѣтъ и въ отставкѣ ни разу не былъ.

Въ заключеніе я нахожу необходимымъ присовокупить, что, изложивъ всѣ обстоятельства дѣла такъ, какъ они были въ дѣйствительности, я затѣмъ ни въ какую полемику по этому предмету вступать не желаю и не буду.

Генералъ-отъ-инфантеріи А. Брунцеръ.

Іюня 26-го 1879 г.

ЗАМѢТКИ О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Акты, собранные Кавказскою Археографическою Коммисіею. Архивъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго. Томъ VII. Изданъ подъ редакціею предсѣдателя д. ст. сов. Ад. П. Берже. Тифлисъ, типографія Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго. 1878, въ большой листъ, XI + 994 стр. въ два столбца; два хромо-литографированные фронтисписа и три портрета.

Въ апрѣлѣ текущаго 1879 года исполнилось пятнадцать лѣтъ со времени основанія Кавказской Археографической Коммисіи; первый томъ издаваемыхъ ею «актовъ» вышелъ въ свѣтъ въ 1866 году, —седьмой появился въ 1878: среднимъ числомъ приходится по два года на изготовленіе къ печати каждаго тома этого монументальнаго изданія, по обилію и важности матеріаловъ—драгоцѣннаго, по безукоризненному изяществу могущаго смѣло соперничать съ изданіями заграничными. Читатель, избалованный изданіями Фирмена Дидо или Генриха Плона —въ Парижѣ, Брокгауза или Пэйна—въ Лейпцигѣ, не повѣритъ глазамъ, читая на заглавныхъ листахъ «актовъ», что печатаются они въ полуазіатскомъ Тифлисѣ, что портреты—совершенство литографическаго искусства—исполнены г. Дюстердикомъ, въ художественной литографіи Томсона, въ томъ-же Тифлисѣ, въ которомъ недалеѣ, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ, не только иллюстрированныя, но маломальски опрятныя изданія были немыслимы.

Всегда и съ живѣйшимъ сочувствіемъ относясь къ изданію «кавказск. актовъ»—«Русская Старина» представила своевременно критическіе обзоры первыхъ шести томовъ [1]).

Однако-же, въ виду обширности изданія, историческаго значенія печатаемыхъ «актовъ»; въ виду трудности задачи, которую Кавказская Археографическая Коммисія такъ дѣятельно и успѣшно разрѣшаетъ, благодаря разумной и цѣлесообразной программѣ—считаемъ необходимымъ обзору седьмаго тома ея предпо-

[1]) Обзоры первыхъ пяти томовъ были напечатаны въ «Русской Старинѣ», изданія 1873 г., томъ VIII, на оберткѣ октябрьской книги. Первой части шестаго тома (статья М. П. Щербинина)—изд. 1874 г., томъ XI, на оберткѣ декабрьской книги. Рецензія (его-же) о второй части шестаго тома напечатана въ изд. 1876 г., томъ XV (стр. 225—234). Кромѣ того, на оберткѣ апрѣльской книги 1874 года была помѣщена библіографическая замѣтка о трудѣ Ад. П. Берже: «Кавказъ въ археологическомъ отношеніи». (Тифлисъ, 1874 г., въ 16 д. л., 91 стр.) Постоянные читатели «Русской Старины» безъ всякихъ напоминаній хорошо знакомы со многими статьями и сообщеніями нашего многоуважаемаго сотрудника.

слать бѣглый очеркъ содержанія первыхъ шести томовъ.

Архивъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго содержитъ въ себѣ 128,000 дѣлъ въ 877 переплетенныхъ томовъ. Эту громаду документовъ Комиссія расположила на три періода: 1-й—отъ 1801 до 1816 г., т. е. до вступленія А. П. Ермолова въ управленіе Грузіею; 2-й—время управленія Ермолова (1816—1827); 3-й—съ 1827 года по настоящее время. Въ шести томахъ, донынѣ изданныхъ, напечатаны акты и документы, относящіеся до двухъ первыхъ періодовъ. Въ составъ перваго тома вошли жалованныя граматы (гуджары) грузинскихъ царей, фирманы персидскихъ шаховъ и прочіе документы на восточныхъ языкахъ; за ними слѣдуютъ акты, относящіеся ко второй половинѣ XVIII столѣтія по 1802 г. (времена управленія Кнорринга до смѣны его княземъ Ціціановымъ. Второй томъ посвященъ документамъ эпохи управленія князя П. Д. Ціціанова (1802—1806). Третій томъ—время управленія графа И. В. Гудовича (1806—1809). Четвертый—время А. П. Тормасова (1809—1811). Пятый—періодъ предшественниковъ Ермолова (съ сентября 1811 года по исходъ 1816 года), именно маркиза Паулуччи и генерала Ртищева. Въ шестомъ томѣ читатель находитъ документальную исторію Кавказа времени его управленія незабвеннымъ Ермоловымъ. Кромѣ карты Кавказа, плановъ Асландузскаго брода и крѣпости Ленкорана—въ шести томахъ «актовъ» помѣщены были портреты: Кнорринга, кн. Ціціанова, гр. Гудовича, Тормасова, маркиза Паулуччи, Ртищева, Котляревскаго, Ермолова, царя Георгія XII, царевичей: Давида Георгіевича, Ираклія I, Іоанна, Вахтанга, Антонія, Парнаяза, Теймураза, Баграта, Александра Иракліевича; царицы Даріи, царевны Анны; митрополита Феофилакта. При появленіи первыхъ пяти томовъ мы выражали нѣкоторое сѣтованіе на громадный размѣръ фоліантовъ; но это замѣчаніе ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что при иномъ объемѣ, напримѣръ, въ 8 д. л., Коммиссіи вмѣсто одного тома пришлось-бы издавать ихъ нѣсколько[1]). Донынѣ вышедшіе шесть томовъ въ большой листъ составили-бы не менѣе ста книгъ въ 8 д. л., объемомъ до двадцати печатныхъ листовъ каждая; портреты и карты составляли-бы отдѣльный атласъ, неудобный какъ для пересылки по почтѣ, такъ и для храненія въ библіотекахъ. Но справедливѣе того сѣтовать на ограниченное число печатаемыхъ экземпляровъ (не болѣе двухсотъ), по причинѣ весьма понятной: по недостатку потребителей вообще, по недостаточности средствъ людей, занимающихся изученіемъ отечественной мѣстной исторіи (Кавказа). Люди, обладающіе денежными средствами—относятся къ ученымъ изданіямъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ; люди образованные и просвѣщенные, въ большинствѣ случаевъ—небогаты. Между тѣмъ цѣна каждаго тома «актовъ» относительно дешева, такъ какъ подобное изданіе для частной книгопродавческой спекуляціи положительно невозможно.

Обозрѣваемый нами седьмой томъ заключаетъ въ себѣ акты и документы, относящіеся ко времени управленія Кавказомъ графа И. Ѳ. Паскевича-Эриванскаго (съ 1827 по 1831 годъ). Они знакомятъ насъ во всѣхъ подробностяхъ съ дѣятельностью преемника Ермолова, во всѣхъ ея отрасляхъ и частяхъ—гражданской, военной, духовной, финансовой и промышленной[2]).

---

[1]) Для примѣра возьмемъ второй томъ «актовъ», содержащій въ себѣ 1238 страницъ въ два столбца. Изъ нихъ каждая соотвѣтствуетъ 4 стр. въ 8 д. л., слѣдовательно въ 1238 стр. заключается 372 печатныхъ листа въ 16 стр. каждый, или 18 книгъ, въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

[2]) Изъ множества документовъ, относящихся до Ермолова и напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», можемъ указать на цѣлый рядъ писемъ (1826—1827), подъ об-

Четырехлѣтній періодъ управленія Паскевича раздѣленъ на семнадцать отдѣловъ, заключающихъ въ себѣ 932 документа: 1) Гражданская часть; 2) Колонисты въ Грузіи; 3) Духовная часть; 4) Военная часть; 5) Осетія; 6) Западное Закавказье; 7) Восточное Закавказье; 8) Армянская область; 9) Дагестанъ; 10) Персія; 11) Турція; 12) Каспійское и Черное моря; 13) Туркменія; 14) Кавказская линія; 15) Кавказская область; 16) Астраханская губернія; 17) Статистическія и другія свѣдѣнія. (Прибавленія. Алфавитный указатель).

Время командованія графа Паскевича на Кавказѣ продолжалось съ небольшимъ четыре года. Въ апрѣлѣ 1831 года онъ былъ отозванъ въ Польшу, а въ августѣ состоялось назначеніе на его мѣсто барона Григорія Владиміровича Розена. До пріѣзда послѣдняго краемъ управлялъ ген.-адъютантъ Никита Петровичъ Панкратьевъ. Возвращаясь изъ Грузіи въ Россію, графъ Дибичъ, встрѣтивъ на Кавказской линіи генерала Сабанѣева, сказалъ ему: «послѣ того порядка, въ какомъ послѣ Ермолова находился край, и того Екатерининскаго и Суворовскаго духа, которымъ Паскевичъ заставилъ одушевленнымъ войско, было легко пожинать лавры».—Эти слова, правдивыя по отношенію къ Ермолову, не умаляютъ заслугъ Паскевича, время командованія котораго (какъ сказано въ предисловіи къ седьмому тому «актовъ») «должно быть причислено къ одной изъ особенно интересныхъ и блестящихъ эпохъ русскаго владычества на Кавказѣ». Списокъ сотрудниковъ и сподвижниковъ Паскевича заключаетъ въ себѣ свыше пятидесяти именъ, между которыми находимъ: кн. В. О. Бебутова, К. Х. Бенкендорфа 2-го, И. Г. Бурцова, А. И. Красовскаго 1-го, Н. Н. Муравьева, барона Д. Е. Остенъ-Сакена, Н. П. Панкратьева, Н. Н. Раевскаго, І. А. Реутта, Н. М. Сипягина, гр. П. П. Сухтелена, Г. А. Эмануэля, князя Г. Е. Эристова... «Быстро смѣнявшіяся событія, современныя пребыванію здѣсь (въ Тифлисѣ) графа Паскевича, обусловили громадность и сложность той переписки, изъ которой въ Архивѣ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго образовалось около 2760 дѣлъ и томовъ. Изъ этого обширнаго матеріала, разсмотрѣннаго со всею тщательностью и дополненнаго необходимыми свѣдѣніями изъ мѣстнаго архива окружнаго штаба, составленъ оконченный нынѣ (седьмой) томъ, доведенный до исхода 1831 года, т. е. до пріѣзда въ Тифлисъ ген.-адъютанта барона Г. В. Розена». Вступивъ въ управленіе краемъ, графъ Паскевичъ обратилъ особенное вниманіе: 1) на разнообразіе и самую организацію управленія; 2) на неопредѣлительность правъ и обязанностей начальствующихъ лицъ; 3) на смѣшеніе законовъ россійскихъ съ грузинскими и обычаями мусульманъ, и 4) на неуравнительность въ податяхъ и безпорядки финансоваго управленія.

Въ виду уясненія и прекращенія открывшейся подѣлки фальшивыхъ царскихъ документовъ на княжеское и дворянское достоинства, учреждена была особая коммисія.

Благоустройство Тифлиса, основаніе богоугодныхъ и учебныхъ заведеній, изданіе первой газеты «Тифлисскія Вѣдомости»—были предметами первыхъ заботъ графа Паскевича. По горному вѣдомству были произведены многія развѣдки и изысканія въ разныхъ округахъ Кавказа и Закавказья; введенъ европейскій тарифъ въ черноморскихъ портахъ Закавказья; утверждено положеніе о таможенномъ управленіи и о карантинахъ. Было обращено вниманіе на винодѣліе, шелководство и сельское хозяйство. Двѣ ученыя экспедиціи академиковъ: Паррота (въ 1829 г.) и Купфера—составляютъ эпоху въ лѣтописи географическихъ открытій на Кавказѣ. Подвиги нашего оружія во

щимъ заглавіемъ: Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ (См. «Р. С.», изд. 1872 г., томъ V, стр. 706—726; томъ VI, стр. 39—69, и стр. 243—280).

время персидской и турецкой кампаній—незгладимы въ памяти потомства... но имя Паскевича никогда не затмитъ имени Ермолова въ лѣтописяхъ Кавказа.

Громадный фоліантъ седьмаго тома «актовъ» подобно своимъ предшественникамъ не можетъ, конечно, быть предметомъ праздпаго любопытства, или привлечь вниманіе охотника до легкаго чтенія; зато историкъ найдетъ въ немъ цѣлый рудникъ драгоцѣннѣйшихъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ наукъ политическихъ, военныхъ и частію естественныхъ. Нижеслѣдующій обзоръ отчасти облегчитъ изысканія любознательному читателю, желающему ознакомиться съ содержаніемъ седьмаго тома «актовъ».

Изъ 180 документовъ перваго отдѣла (Гражданская часть, стр. 1—232) особенно любопытны:—Отношеніе ген.-адъютанта Сипягина къ министру внутреннихъ дѣлъ (отъ 28-го іюня 1827 г.) объ учрежденіи въ Тифлисѣ: больницы для бѣдныхъ, дома умалишенныхъ, домовъ: рабочаго, воспитательнаго и родильнаго; о построеніи мукомольныхъ мельницъ и о водоснабженіи города (№ 5). Въ дѣлѣ устройства рабочаго дома для размотки шелка принялъ особенное участіе купецъ Кастелла, предлагавшій занять этою работою до 200 арестантовъ. Государь императоръ, соизволяя на то, изволилъ дать собственноручно слѣдующее повелѣніе: «Согласенъ; вмѣстѣ съ тѣмъ составить уставъ оному рабочему дому, обратя особое вниманіе на улучшеніе ихъ нравственности и чтобы не вышло изъ онаго развратнаго дома». (№№ 8, 11, 14, 18). Отношенія и рапорты гр. Паскевича: о медленности въ дѣлопроизводствѣ въ присутственныхъ мѣстахъ (№ 10), о вознагражденіи бѣднѣйшихъ жителей, потерпѣвшихъ отъ вторженія персіянъ (№ 15); объ изданіи «Тифлисскихъ Вѣдомостей» (№ 16); о межеваніи (№ 22); о богоугодныхъ заведеніяхъ (№№ 25, 32); объ умолчаніи въ «Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ» объ «обстоятельствахъ политическихъ» (№ 34), —которыя «неудобно было-бы объявлять по всему государству, слѣдовательно, по всей Европѣ». Всеподданнѣйшій рапортъ гр. Паскевича (№ 35) отъ 16 мая 1829 г. о злоупотребленіяхъ въ гражданскомъ управленіи и о дѣятельности покойнаго ген. Сипягина (стр. 18—21). Рапортъ ст. сов. Завилейскаго о ежегодномъ обревизованіи присутственныхъ мѣстъ и обнаруженныхъ въ нихъ злоупотребленіяхъ (стр. 23—27). Объ акцизномъ сборѣ съ выдѣлываемыхъ въ Тифлисѣ винъ и водокъ (№ 43, стр. 27—30). Финансовое описаніе закавказскихъ провинцій (стр. 33—35). О гражданскомъ управленіи Грузіи (№ 47, стр. 35—39). О фальшивыхъ актахъ на дворянство (№№ 50, 54, 57, 66, 68, стр. 41—62): любопытный эпизодъ исторіи нашего владычества на Кавказѣ. Документы, касающіеся учебной части (стр. 62—69), даютъ самое ясное понятіе о плачевномъ состояніи учебныхъ заведеній и о мѣропріятіяхъ гр. Паскевича къ ихъ улучшенію (стр. 62—69). «Горная часть»: рапорты и докладныя записки горныхъ чиновниковъ: Воскобойникова, Реутта, Карпинскаго и др.—заслуживаютъ вниманія геолога, медика и финансиста. Помимо описанія рудниковъ, каменноугольныхъ копей, нефтяныхъ источниковъ и минеральныхъ водъ, въ этомъ отдѣлѣ важныя свѣдѣнія о ходячей монетѣ Грузіи и Закавказья (стр. 69—118). Слѣдующіе за тѣмъ отдѣлы: «Карантинно-таможенная часть и торговля» и «Сельское хозяйство и промышленность» (стр. 120—215) обилуютъ весьма любопытными документами; между ними особенно замѣчательны: «свѣдѣнія о персидской торговлѣ», «записки» камеръ-юнкера Пельчинскаго (стр. 183—191) и иностранца Моренаса (умершаго отъ холеры 25-го октября 1830 года). Эта личность для насъ новая, совершенно невѣдомая; а между тѣмъ—какая даровитая, способная, достойная сохраниться въ памяти потомства. Записки Моренаса съ приложеніями къ нимъ (стр. 191—212) написаны такимъ языкомъ и до того любопытны, что читаются съ удовольствіемъ,

подобно разсказамъ Беккера, или Ливингстона. Эти документы, какъ самостоятельная статья, могли-бы сдѣлать честь любому литературному журналу.

Отдѣлъ «Медицина» (стр. 215—232) помимо научнаго интереса заключаетъ въ себѣ любопытные матеріалы для исторіи чумы и перваго появленія въ Россіи эпидемической холеры въ 1830 году.

Въ отдѣлѣ «Духовная часть» вниманіе читателя особенно привлекутъ документы, относящіеся до армянскаго духовенства (стр. 251—311). Переписка архіепископа Нарсеса съ Паскевичемъ, письма къ нему-же патріарха Ефрема—проливаютъ яркій—хотя и весьма невыгодный—свѣтъ на характеристику обоихъ армянскихъ іерарховъ и на ихъ двусмысленныя отношенія къ правительству. Письмо индійскихъ армянъ къ Нарсесу (стр. 266—268), Историческая записка о патріархахъ армянскаго престола въ Эчміадзинѣ (стр. 270—274), наконецъ—цѣлый рядъ оффиціальныхъ документовъ—содержатъ въ себѣ неистощимый источникъ свѣдѣній объ особенностяхъ богослуженія, о нравахъ и обычаяхъ армянскаго духовенства.

Въ отдѣлѣ «Военная часть» особенно любопытны: журналъ особаго комитета о переселеніи 80,000 малороссійскихъ казаковъ на границу Персіи (стр. 319—324), рапортъ князя Циціанова (отъ 2-го сентября 1804 года) о геройской смерти полковника Монтрезора; документы, относящіеся до учрежденія грузинской милиціи и до случаевъ мятежей по поводу этого учрежденія. Проектъ образованія секретной военной полиціи въ Кавказскомъ краѣ.

Слѣдующіе за симъ двѣнадцать отдѣловъ заключаютъ въ себѣ 613 документовъ, распредѣленныхъ по различнымъ областямъ Кавказа и государствъ, ему сопредѣльныхъ. «Записка надв. сов. Чиляева о горскихъ народахъ на Военно-грузинской дорогѣ» знакомитъ съ бытомъ воинственныхъ племенъ, такъ долго и такъ отчаянно отстаивавшихъ свою независимость. Рапорты и донесенія военныхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, отношенія Паскевича къ военному министру, его всеподданнѣйшія докладныя записки государю императору даютъ возможность читателю прослѣдить весь ходъ постепеннаго умиротворенія Осетіи (стр. 347—385), Западнаго Закавказья, Восточнаго Закавказья, Армянской области и Дагестана (стр. 386—539). Особенно интересны документы, относящіеся до нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Персіею. Въ нихъ весьма часто встрѣчается незабвенное для Россіи имя Грибоѣдова. Изъ таковыхъ особенно важны, какъ матеріалы для его біографіи: отношеніе Паскевича къ графу Нессельроде (отъ 13-го апрѣля 1827), въ которомъ герой Эривани свидѣтельствуетъ о заслугахъ Грибоѣдова и ходатайствуетъ объ увеличеніи ему оклада жалованья. Донесеніе Грибоѣдова о его свиданіи съ Аббасмирзою (стр. 553—560). Предписаніе ему отъ Паскевича касательно рѣдкихъ восточныхъ рукописей (стр. 582). Инструкція, данная Грибоѣдову 1-го мая 1828 г. для руководства во время пребыванія при тегеранскомъ дворѣ въ качествѣ полномочнаго министра (стр. 622—624); депеши Грибоѣдова (на французскомъ языкѣ къ гр. Нессельроде (стр. 652—654); его отношенія къ гр. Паскевичу (655—657; 659—670). Письма и рапорты, относящіеся до кроваваго дѣла убіенія Грибоѣдова—отъ Макдональда (стр. 670—671), отъ над. сов. Амбургера (671—672), и цѣлый рядъ документовъ о томъ-же (стр. 673—726). Особенно любопытно донесеніе тит. сов. Мальцова—очевидца роковой катастрофы 30-го января 1829 г. Чтеніе этихъ документовъ приводитъ къ тому заключенію, что если на правительство Фетх-Али-шаха падаетъ неизгладимое пятно въ дѣлѣ убіенія Грибоѣдова, то брызги его крови пятнаютъ также и лѣтописи англійской дипломатіи, такъ какъ этому убійству очевидно не было чуждо англійское посольство. Ни льстивыя письма Фетх-Али-шаха и Аббас-мир-

зы, ни поѣздка въ Петербургъ Хосровмирзы не вознаградили Россію за ея неоцѣненную утрату. Интересъ документовъ, касающихся страдальческой кончины творца «Горя отъ ума», не отнимаетъ однако-же значенія отъ прочихъ актовъ, относящихся до военныхъ подвиговъ графа Паскевича и до дипломатическихъ нашихъ сношеній съ персидскимъ дворомъ. Какой обильный запасъ матеріаловъ для будущаго историка войны Россіи съ Персіею! Сухость нижеслѣдующаго перечня документовъ выкупается ихъ историческою важностью. Таковы всеподданнѣйшіе рапорты Паскевича: отъ 17-го мая 1827 года, о смерти шаха персидскаго (№ 507, стр. 542); отъ 7-го іюля 1827 г., о побѣдѣ при ручьѣ Джеванбулакѣ; отъ 28-го августа, о прибытіи ген. Красовскаго въ Эчміадзинъ (стр. 561); о взятіи Аббасабада (стр. 562); отъ 21 сентября—объ осадѣ и покореніи Сардар-абада (стр. 563—564); отъ 3-го октября—о взятіи Эриванн (стр. 564—567); отъ 29-го октября о взятіи Тавриза и переговорахъ съ персіянами (стр. 569—573); отъ 5-го января 1828 года о сомнительности переговоровъ и измѣненіи въ отношеніяхъ шаха къ Россіи (стр. 583—585). Письма Паскевича къ Фетх-Али-шаху и Аббас-мирзѣ; записка (Грибоѣдова) о переселеніи армянъ въ предѣлы Россійской имперіи (стр. 642—644).

Замѣтимъ, что главная сущность многихъ изъ этихъ документовъ исчерпана почтеннымъ редакторомъ «актовъ» Ад. П. Берже въ его любопытныхъ монографіяхъ о Грибоѣдовѣ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ»: «А. С. Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ 1818—1827 г.» (изд. 1874 г. Томъ XI, стр. 276—303). «А. С. Грибоѣдовъ, дѣятельность его какъ дипломата 1827—1829». (См. тамъ-же, стр. 516—534, 746—765. Изд. 1876. Томъ XVII, стр. 727—758). Донесеніе А. С. Грибоѣдова о поѣздкѣ въ персидскій лагерь въ 1827 г. (см. «Р. С.», изд. 1873. Томъ VII, стр. 799—814. Статья, сообщенная редакціи изъ бумагъ Н. В. Кукольника и Ѳ. В. Булгарина. «Изслѣдованіе объ убіеніи А. С. Грибоѣдова», монографія Ад. П. Берже (См. «Р. С.», изд. 1872 г. Томъ VI, стр. 163—207).

Вообще отдѣлъ «Персія» въ седьмомъ томѣ «актовъ» любопытнѣйшій и самый обширный; простирается далеко за хронологическій предѣлъ, предначертанный программою: послѣдній документъ конченъ 13 числомъ ноября 1831 года, когда графъ Эриванскій уже былъ всемилостивѣйше награжденъ званіемъ князя Варшавскаго.

Отдѣлъ «Турція» можно назвать дневникомъ побѣдъ Паскевича и подвиговъ нашего оружія съ 26-го мая 1828 по 29-е сентября 1829 г. Всеподданнѣйшіе рапорты графа Паскевича: изъ лагеря при Карсѣ (стр. 748—752) о взятіи крѣпостей: Карса, Поти, Ахалцыха, Ахалкалакъ, Баязета, съ покореніемъ всего пашалыка; о подвигахъ Муравьева и Бурцова (стр. 787—790), о пораженіи турецкой арміи при селеніи Каимлы и при урочищѣ Милли-дюзѣ; о взятіи Эрзерума (стр. 798—802) и т. д. Документы, касающіеся переселенія изъ Турціи христіанъ (стр. 833—851)—драгоцѣнный матеріалъ для исторіи «восточнаго вопроса».

Въ отдѣлѣ «Кавказская область» замѣчательно дѣло «шотландскихъ миссіонеровъ» (стр. 930—944), прилагавшихъ самое дѣятельное стараніе объ освобожденіи рабовъ и улучшеніи быта колонистовъ.

Въ составъ послѣдняго отдѣла, озаглавленнаго: «Статистическіе и другіе свѣдѣнія», вошли документы, не подходящіе подъ рубрики предыдущія. Нѣкоторые изъ нихъ особенно любопытны по своему анекдотическому характеру. Такъ напримѣръ, ген.-адъют. Сипягинъ особымъ предложеніемъ исполнительной экспедиціи требуетъ предать суду тифлисскаго гражданина Захарбегова за его дерзкій отвѣтъ ротмистру Рейтеру. Въ чемъ-же заключалась эта грубость? Рейтеръ объявилъ Захарбегову, что въ Тифлисѣ полезно было бы учредить магистратъ, въ уѣздныхъ городахъ ратуши, даже «думу»... На это Захарбеговъ «отвѣтствовалъ насмѣшливымъ тономъ, что

дума на ихъ языкѣ значитъ курдючье сало»... На этотъ каламбуръ, конечно сальный, но нисколько не оскорбительный, Рейтеръ обидѣлся.

Слѣдующіе два документа (стр. 954—955)—интересные вклады въ исторію отечественной литературы. 12-го мая 1829 г. ген.-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ донесъ ген.-адъютанту Стрекалову:

«Извѣстный стихотворецъ, отставной чиновникъ X класса, Александръ Пушкинъ, отправился въ мартѣ мѣсяцѣ изъ С.-Петербурга въ Тифлисъ, а какъ по Высочайшему Е. И. В. повелѣнію состоитъ онъ подъ секретнымъ надзоромъ, то, по приказанію е. с. (гр. Паскевича), имѣю честь донести о томъ в. прев—ву и покорнѣйше прошу не оставить распоряженіемъ вашимъ о надлежащемъ надзорѣ за нимъ по прибытіи его въ Грузію» [1]).

Ген.-ад. Стрекаловъ отнесся къ ген.-адъютанту Бенкендорфу:

«Почтеннѣйшимъ отношеніемъ отъ 1-го числа настоящаго октября мѣсяца (1829 г.) в. высокопр—во, изволите требовать отъ меня увѣдомленія, по чьему позволенію извѣстный стихотворецъ Александръ Пушкинъ предпринялъ путешествіе изъ Тифлиса въ Эрзерумъ?

«И. д. начальника штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса, ген.-м. баронъ Остенъ-Сакенъ увѣдомилъ меня по приказанію главнокомандующаго въ минувшемъ маѣ о путешествіи, предпринятомъ г. Пушкинымъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ Закавказскій край, и просилъ меня по прибытіи его въ Грузію имѣть за нимъ надлежащій секретный надзоръ.

«Имѣя въ виду Высочайшее Е. И. В. повелѣніе о состояніи Александра Пушкина подъ надзоромъ правительства, я, кромѣ предписанія тифлисскому гражданскому губернатору наблюдать за его поведеніемъ, лично обращалъ на образъ его жизни надлежащее вниманіе. Путешествіе же изъ Тифлиса въ Эрзерумъ произведено имъ по дозволенію графа Паскевича, изъясненному въ предписаніи его ко мнѣ отъ 8-го іюня, № 194.

«Въ концѣ августа г. Пушкинъ возвратился въ Тифлисъ, откуда по прошествіи нѣсколькихъ дней отправился въ Москву. Передъ отъѣздомъ его изъ Грузіи, я счелъ нужнымъ тогда-же увѣдомить о томъ московскаго военнаго ген.-губернатора и сообщилъ ему Высочайшее государя императора повелѣніе о состояніи Александра Пушкина подъ секретнымъ надзоромъ правительства».

«Алфавитный указатель», приложенный въ концѣ седьмаго тома «актовъ», вполнѣ облегчаетъ справки біографическія. Три портрета (графа Паскевича, Аббасмирзы и царевича Юлона Иракліевича), рисунки заголовковъ—исполнены съ прежнимъ совершенствомъ, которому рѣзко противорѣчатъ виньетки (culs-de-lampe) на оборотѣ нѣкоторыхъ страницъ: онѣ довольно безобразны. Впрочемъ это мелочи; есть одинъ недостатокъ, болѣе существенный, умолчать о которомъ было-бы излишне, особенно послѣ того, какъ мы отдали должную справедливость превосходному изданію «актовъ»... Этотъ недостатокъ заключается въ отсутствіи переводовъ при депешахъ и рапортахъ, писанныхъ на французскомъ языкѣ. Переводы эти могли-бы быть помѣщены въ приложеніи.

Аму и Узбой. Брошюра неизвѣстнаго автора. Самара, 1879 г.

Вопросъ объ устройствѣ водянаго пути изъ Европы въ Среднюю Азію есть вопросъ «историческій» для Россіи и по его великой политической и экономической важности, и въ томъ смыслѣ, что онъ занимаетъ видное мѣсто въ русской исторіи. Еще до Петра I многіе западоевропейцы хлопотали объ установленіи торговыхъ связей Европы съ Среднею Азіею черезъ Россію, именно, черезъ Каспійское море съ его притоками; вели-

[1]) Вслѣдствіе этого донесенія ген.-ад. Стрекаловъ предписалъ тифлисскому губернатору, отъ 14 мая, по прибытіи Пушкина, обратить на поведеніе его строгое вниманіе и доносить секретно объ образѣ его жизни.

кій же Императоръ, съ свойственными ему шириною взгляда и энергіею характера, не только оцѣнилъ важность средне-азіатскаго водянаго пути, но и пробовалъ рѣшить задачу объ его устройствѣ практически, возстановленіемъ теченія Амударьи по Узбою въ Балханскій заливъ. Давъ, по этому поводу, въ 1716 г., при отправленіи Бековича-Черкасскаго въ Хиву, особый наказъ, онъ писалъ изъ Либавы: «Господамъ сенату съ лучшаю ревностію сіе дѣло какъ наискоряя отправить, понеже зѣло нужно». Теперь, черезъ полтора вѣка послѣ кончины Петра I, мы возобновляемъ его планы и, быть можетъ, успѣемъ наконецъ ихъ осуществить. Двѣ ученыя экспедиціи 1879-го года направлены въ закаспійскій край и продолжаютъ тамъ дѣло, которымъ такъ усердно занимались: въ 1873 г.—Глуховской, въ 1874 г.—спутники Столѣтова, въ 1871—76 гг.—Стеблицкій, въ 1876—78 гг.—Петрусевичъ; и замѣтимъ, что одна изъ этихъ экспедицій—1879 года—частная: это свидѣтельствуетъ, что люди дальновидные и патріотическіе перестаютъ у насъ всѣ заботы о нуждахъ націи возлагать на правительство. По-видимому, одному изъ участниковъ этой послѣдней экспедиціи принадлежитъ и брошюра, названіе которой выписано выше. Она доказываетъ въ авторѣ большую начитанность, знакомство съ географіею Средней Азіи и вполнѣ ясное разумѣніе важности разсматриваемаго предмета, подкрѣпляемое знаніемъ его исторіи. Для историка Россіи за наше время она современемъ послужитъ хорошимъ матеріаломъ; современники же найдутъ въ ней много данныхъ для обсужденія вопроса, который теперь занимаетъ не только Россію, но и опять почти всю Европу, какъ въ XVI вѣкѣ. Извѣстный предприниматель разныхъ грандіозныхъ построекъ, Лессепсъ, еще въ 1875 г. подавалъ цѣлый проектъ по устройству средне-азіатскихъ водяныхъ путей, а за нимъ этотъ же предметъ занимаетъ и занимаетъ досель важнѣйшіе органы европейской мысли и слова, такъ что даже, напр., въ скромномъ женевскомъ географическомъ обществѣ все относящееся къ нему сообщается и выслушивается такъ же сочувственно, какъ, напр., сообщенія о Панамскомъ каналѣ, о наводненіи части Сахары и т. п.

М. И. Венюковъ.

Женева.

Портретъ графа Ѳ. П. Толстаго,

род. 1783 г., † 13-го апрѣля 1873 г.

«Русская Старина» въ теченіе послѣднихъ лѣтъ такъ много отвела страницъ разсказамъ и замѣткамъ о графѣ Ѳедорѣ Петровичѣ Толстомъ, а также его собственнымъ воспоминаніямъ и письмамъ[1]), что ея читателямъ, безъ сомнѣнія, будетъ интересно имѣть при нашемъ изданіи одинъ изъ лучшихъ его портретовъ.—Оригиналъ портрета знаменитаго медальера-скульптора-живописца, по званію—вице-президента Императорской Академіи Художествъ, а по разносторонности и глубинѣ художественнаго таланта—воплощеніе всей этой Академіи,—писанъ извѣстнымъ, въ свое время, портретистомъ Зарянко. Гравюра, приложенная къ XXV-му тому «Русской Старины», исполнена въ Ниццѣ, на деревѣ, по рисунку К. О. Брожа,—другомъ нашимъ, даровитымъ гравёромъ-академикомъ Л. А. Сѣряковымъ. Ред.

---

[1]) См., между прочимъ, «Записки гр. Ѳ. П. Толстаго» «въ Русской Старинѣ», изд. 1873 г., томъ VII, стр. 24 и 123. Тамъ-же подробный отчетъ о его художественной дѣятельности—стр. 517. Некрологъ: тамъ-же, стр. 731. Разсказы гр. Ѳ. П. Толстаго объ эпохѣ Александра I-го—1815—1825 гг., и письмо о пребываніи Николая I-го въ Римѣ въ 1845 г., см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 93—116; 369—380; 496, 498.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ XXV томѣ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1879 г.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.

А.

Аббас-мирза, персидс. наслѣд. принцъ, р. 1782 † 1833 г., 334—348; 402—414.

Абиржовъ, поруч., 1831 г., 738.

Абрамовичъ, 85.

Абхазовъ, кн., ген.-маіоръ, 1829 г., 335.

Августъ II, король польскій, 1720 г., 104, 263, 264, 285.

Авейде, Оскаръ, членъ польск. жонда; ссылка на «Зап. о польск. возстаніи 1863 г.», 57—62; упом.: 522—551.

Авенаріусъ, Н. П., ссылка на сообщ. имъ свѣдѣнія о Кексгольмс. узникѣ, 506—508.

Аделунгъ, ссылка на соч: «Обозрѣніе путешественник. по Россіи до 1700 г.», 208.

Адержасъ, ворон. губернат., 1829 г., 339.

Адрейновъ, генер., 1829 г., 401.

Алабинъ, Петръ Вдм. Сообщ. копіи съ писемъ И. И. Бутурлина къ женѣ и дочери, 1714—1715 гг., съ примѣчаніями къ нимъ, 151—158; замѣтки изъ своего «Дневника»: Польскій поэтъ Трембецкій и еврейскій ученый Исаакъ Беръ Левензонъ, 219—230.

Александра-Ѳеодоровна, имп-ца, р. 1798 † 1860 г., 347, 348, 612, 613.

Александръ I, императ., р. 1777 † 1825 г Пребываніе въ Пензѣ, 1824 г., 729, 730. Упом.: 219, 377, 378, 385—387, 442, 443 467, 506—512.

Александръ II, императ., р. 1818 г., 67, 360, 444, 445, 517, 518, 563, 707, 713.

Александръ Александровичъ, вел. кн., наслѣдникъ-цесаревичъ, р. 1845 г., 364, 445.

Алексѣевъ, Кузьма, крест.-поселен. Саратов. гб., 1849 г., 612, 613.

Алексѣевъ, Н. С., 1849 г., 740.

Алексѣй Александровичъ, вел. кн., р. 1850 г., 364.

Али-Кули-мирза (братъ Фетх-Али-шаха), 1830 г., 405, 406.

Али-Наги-мирза, казвинскій принцъ, 1839 г., 351.

Алъ-Нассиръ, багдадскій халифъ, 697.

Амвросій (Орнатскій), еписк. пензенс. и саранс., 1824 г., † 1827 г., 729, 730.

Андреевъ, Ив., капит., 1751 г., 513.

Анна Іоанновна, имп-ца, р. 1693 † 1740 г., 5, 6, 8, 27, 455.

Анна Леопольдовна, принцесса Брауншвейгъ-Люнебургская, правительница Россіи, р. 1718 † 1746 г., 6, 7, 15, 291, 498.
Анненковъ, генер., 1863 г., 715.
Аннони, гр-ня, 81, 84.
Антоній, царевичъ Карталинс., католикосъ Грузіи, 1757 г., 579.
Антоній, архіепископъ, 365.
Антонъ-Ульрихъ, герц. Брауншвейгъ-Люнебургскій, р. 1714 † 1774 г., 293, 498, 505, 510.
Апраксинъ, гр., Өед. Матв., ген.-адм., чл. верховн. тн. сов., р. 1661 † 1728 г., 134, 151, 250, 258, 275—284.
Арина Родіоновна, няня А. С. Пушкина, 372, 384.
Арсеній Мацѣевичъ (въ мірѣ Александръ), митропол. ростовс., р. 1697 † 1765 г., 1—34, 212, 577—608.
Арсентьевъ, опек. питомц. Московс. Воспит. Дома, 1830 г., 478, 484.
Артемьевъ, А. И., 1867 г., 353, 357—362.
Артлебенъ, Н. А., архитект., 358.
Артюховъ, капит. генер. штаба, 81.
Архиповъ, штб.-кап., 1831 г., 735.
Арцу, переводчикъ, 1852 г., 322.
Ассебургъ, бар., тн. сов., датс. посланн. при русс. дворѣ, р. 1724 г., 505.
Аустинъ, 1863 г., 523.
Аѳанасій (Вальховскій), еписк. тверс., 1762 г., 599, 607.
Аѳанасьевъ, фельдш., 1831 г., 734.

Б.

Бабицкая, Генриха, сестра милосерд., 1863 г., 524, 532.
Баеръ, нач. польс. банды, 1863 г., 540.
Бажановъ, полковн., 1852 г., 418.
Байковъ, ген.-лейт., 1834 г., 649.
Баллановъ, Яковъ Петр., полковн., впослѣд. ген.-лейт., 1863 г., р., 1809 г., 326—332; 418—422; 521.
Ванземеръ, Иванъ, 1863 г., 59, 535.
Баратынскій, Евгеній Абрамов., поэтъ. † 1844 г., 678, 679, 684.
Барбоша, донс. казакъ, 1579 г., 183.
Барсовъ, Никл. Ив., проф., 1, 16, 23, 26, 28, 31, 34.
Барсуковъ, Н. П., ссылка на изд. имъ трудъ о Строевѣ, 214; упом. 218.
Бартеневъ, Максимъ, 1709 г., 251.
Барятинскій, кн., Алсд. Ив., начальн. лѣваго фланга Кавказс. линіи, 1851—1853 г., впослѣд. фельдмарш., р. 1814 † 1879 г., 307—332; 415—436, 642.
Баторовъ, вице-канцл., 1720 г., 284.
Батюшковъ, Конст. Никл., писат., р. 1788 † 1854 г., 374, 678—684.
Бахъ, поруч., 1863 г., 68.
Бебутовъ, кн., Вас. Осипов., ген-инф., † 1858 г., 335.
Безобразовъ, В. П., тайн. сов., акад., секр. Импер. Географ. Общ., 1861 г., 356, 360.
Белли, г-жа, учит-ца англ. яз., 373.
Бельчинскій, 1863 г., 530.
Бенкендорфъ, гр., Алсд. Христоф., ген.-адъют., р. 1783 † 1844 г., 80, 400.
Бергъ, Алсд. Ѳедор., нынѣ русс. генер. консулъ въ Лондонѣ, 77.
Бергъ, Григорій, ген.-инф., 77.
Бергъ, Густавъ Ѳедор., 77.
Бергъ, Максъ, отставн. гусар. ротмст., 77.
Бергъ, Никл. Вас. Записки его: «Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.», главы IV—VII, 55—88; 515—566; 707—728.
Бергъ, гр., Ѳед. Ѳед., финляндс. ген.-губернат., впослѣдс. ген.-фельдмарш., намѣстн. Царства Польскаго, р. 1794 †1874 г., 76—88, 517—524; 560—563; 727.
Вередниковъ, Ив., полковн., шлиссельбургс. комендантъ, 1764 г., 291—304; 496, 499.
Верже, Адольфъ Петр., предсѣд. Кавказс. археографич. Коммиссіи. Составилъ и сообщ. историко-біографич. очеркъ «Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.», 333—352; 401—414; упом. 747—753.
Вернадацци, архитект., 339.
Вересневъ, полковн., 1852 г., 435.
Вестужевъ-Рюминъ, гр., Алексѣй Петр., госуд. канцл., р. 1693 † 1766 г., 460, 593, 594, 599, 603.
Вестужевъ Алсд. Алсд. 1822 г., 678, 681, 684.
Вехмен-мирза, 1833 г., 408.
Вецкій, Ив. Ив., ген.-поруч., камерг., р. 1704 † 1795 г., 457—461.

Вибиковъ, Алсд. Ильичъ, ген.-маіоръ, 1762 г., 293.
Вибиковъ, 1825 г., 467, 468.
Вистромъ, Карлъ Ив., ген.-адъют., 1828 г., 171, 400.
Благосвѣтловъ, Г. Е., ссылка на составленную имъ біографію Введенскаго, 740.
Бланкъ, архитект., 1763 г., 460.
Блащинскій, Конрадъ (Бонча), нач. польс. банды, 1863 г., 547.
Бобровскій, Стефанъ, членъ народн. жонда; † 1863 г., 56—60, 728.
Богдановичъ, Модестъ Ив., воен. писат. Собщ. «Изъ запис. франц. эмигранта, маркиза Марсильяка», отзывъ его о Суворовѣ, 399—400.
Богдановъ, Андрей, 1739 г., 398.
Богородскій, старшій врачъ старорусс. воен. госпиталя, † 1831 г., 394, 395.
Богуславскій, Владиславъ, студентъ, 1863 г., 59, 538.
Водянскій, Осипъ Максимов., проф. московс. унив., р. 1808 † 1877 г., 205—218.
Вокъ, ландратъ, 1811 г., 78.
Вокъ, Тимофей Егор., гусарс. полковн. 1811 г., 78.
Волдырь, Никита, атам. войс. Донс., 1594 г., 184.
Волотовъ, Андрей Тимоф., р. 1738 † 1833 г.; ссылка на его «Записки», 47, 49, 214—218, 590.
Волотовъ, В. А., 214—217.
Вонковскій, Генрихъ, чл. польс. жонда, 1863 г., 527.
Вонольди, Ахиллесъ, членъ польс. комитета, 1863 г., 62.
Вореловскій, Мартынъ, см. **Лелевель**.
Ворисовъ, В. А., шуйскій мѣщан., 1858 г., 359.
Воронина, Н. П., ссылка на собраніе его бумагъ, 575.
Вота, чеченецъ-проводникъ, 1852 г., 318, 322, 329, 331.
Воуръ, ген.-поруч., 1709 г., 253.
Врайко, Мих. Григор., тифл. воен. губернат., 1837 г., 656.
Бранденбургскій курфюрстъ. 1720 г., 263.
Вранницкій, гр., Ксаверій, чл. польс. комитета, 1863 г., 62.
Врекленъ, маіоръ, 1709 г., 139, 254—258.
Вржозовскій, Іосафатъ, чл. варш. госуд. сов., 1863 г., 518.
Врикнеръ, Адольфъ Густ., проф.; ссылка на его монографію, 507.
Врожъ, К. О., художн. Рисовалъ портр. проф. О. М. **Водянскаго**, 1, и портр. гр. Ѳ. П. **Толстаго**, 577.
Вроневскій, 1820 г., 673.
Вруннеръ, А., ген.-отъ-инфан., бывш. начальн. Калишск. воен. отдѣла, 1863 г., 63—70; замѣтка его: «Дѣло при дер. Игнацевѣ», 745—746.
Вулавинъ, Кондратій Аѳанас., атам. Донс. казач. войска, 1708 г., 134, 135, 251, 437—439.
Вулгаковъ, генер., командующ. войсками на Кавказс. линіи, 1806 г., 433.
Вулгаковъ, камергеръ, 1829 г., 339, 340.
Вулгаковъ, Макарій, ссылка на «Исторію кіевс. академіи», 4.
Вулгаринъ, Ѳаддей Венедикт., писат., р. 1789 † 1859 г., 179, 206, 689.
Буржинскій, Ѳома, 1863 г., 535.
Буржовъ, М. М., ветерин. врачъ, 1849 г., 615, 616, 623.
Бутурлина, Анна Ив., въ замуж. **Головина**, 151—158.
Бутурлина, Марѳа Тимофѣевна, рожд. Савелова, 151—158.
Бутурлинъ, гр., Дмт. Петр., 373.
Бутурлинъ, Ив. Ив., ген.-аншефъ, р. 1661 † 1738 г. Письма его къ женѣ и дочери, 1714—1715 гг., 151—158.
Бутурлинъ, Ѳедоръ Емельяновичъ, воевода гор. Углича, 1715 г., 155, 156.
Быстряковъ, Григор. Терент., 483, 484.
Вѣднякинъ, Т. П., письмоводит., 622.
Вѣлелюбскій, инженеръ, 1862 г., 178.
Вѣликовъ, Алсд. Ив., законоучит., 373.
Вѣловъ, крест.-питомецъ Воспит. дома Сарат. гб., 1849 г., 611, 612.
Вѣлогужевъ, полков. команд., 1824 г., 160.
Вѣляевскій, поруч., † 1828 г., 165.
Вѣляевъ, И. Д., профессоръ, ссылка на изд. «Временникъ», 210.
Вялошицкій, секрет. большой канцеляріи, 1720 г., 288.
Вялый, полиц. дозорецъ, † 1863 г., 532.

В.

Вага, Владиміръ, 1863 г., 523.
Вагнеръ, директ. повстанск. типографій, 1863 г., 59, 529, 538.
Валигурскій, гр., генер., люблинс. воевода, † 1863 г., 75, 547.
Ванатовичъ, Варлаамъ, архіеп. кіевс., 1726 г., 4, 5.
Ванъ-ханъ, монгольс. ханъ, въ XII в., 695.
Варнгагенъ фонъ-Энзе, офиц. австр. служ., съ 1813 г. капит. русс. службы, 1819 г. прусс. послан. при баденс. дворѣ; ссылка на его «Дневникъ», 86.
Варунъ-Секретъ, И. Л. Сообщ. свои «Воспоминанія, 1823—1860 гг.», 159—172.
Васильевъ, Наумъ Васил., атам. войс. Донс., 1641 г., 186.
Васильевъ, пензенс. полиц. чиновн., 1824 г., 730.
Васильковскій, Серг. Ѳедор., директ. канц. закавказ. управл., 1843 г., 661, 665.
Васильчиковъ, кн..... 1820 г., 388.
Васильчиковъ, кн., фл.-адъют., 1837 г., 655.
Васильчиковъ, кн. П. А. ссылка на его книгу «Землевладѣніе и земледѣліе», 246.
Вашковскій, Александръ, бывш. кандид. с.-пб. унив., 1863 г., 528—530, 565, 566.
Введенскій, Иринархъ Ив., проф., † 1856 г., 739—744.
Вейде, генер., 1706 г., 141.
Веймарнъ, ген.-поруч., 1764 г., 304, 497—500.
Велепольскій, маркизъ, гр. **Гонзаго-Мышковскій**, начальн. гражд. управл. въ Варшавѣ, 1862 г., 88, 518, 522, 524. 554, 557, 560, 726, 727.
Велико-Гатосъ, князь, Ив. Данилов., 1697 г., 103.
Вельяминовъ, Алексѣй Алексдр., ген.-лейт., нач. Кавказс. области, 1834 г., † 1838 г., 313, 330.
Вельяминовъ, Лука, вальдмейстеръ, 46.
Венглинскій, Францискъ, чл. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 518.
Веніаминъ (Пуцекъ-Григоровичъ), еписк. с.-пб., 1762 г., 599, 603, 607.
Веревкинъ, ген.-маіоръ, 1852 г., 325.
Вервилинъ, полковн., 1829 г., 335.
Веригинъ, А. И. Сообщ. «Эпизодъ изъ осады Варны въ 1828 г.», 400.
Вернацкій, Иванъ, 1863 г., 59, 522, 526—530.
Вигель, Ф. Ф., дс. тн. сов., управл., департ. духовн. дѣлъ иностр. исповѣд., р. 1786 † 1856 г., 740, 741.
Визировъ, поруч., 1829 г., 337, 340.
Вилинскій, 85.
Виницкій, Ѳома, 1863 г., 59, 75.
Виртембергскій, князь, 1709 г., 253.
Витгенштейнъ, гр., Петръ Христоф., ген.-фельдмарш., р. 1768 † 1843 г., 225.
Витсенъ, 1697 г., 108.
Вишневецкій, гетманъ, 1705 г., 138.
Владимировъ, маіоръ, 1863 г., 71.
Владиміръ Александровичъ, вел. кн., р. 1847 г., 364.
Власовъ, Герасимъ, рядовой-хозяинъ, 1831 г., 733, 736.
Власовъ, Максимъ Григор., ген.-отъ кавал., войс. наказн. атам., 1836—1848 г., † 1848 г., 181, 444.
Власьевъ, Данила, капит., убійца принца Іоанна Антоновича, 1764 г., 291—298; 496—499.
Воейковъ, Алсд. Ѳедор., писат., р. 1779 † 1839 г., 674, 683—689.
Воейковъ, Семенъ, атам. войс. Донс., 1584 г., 183.
Возницынъ, Прокофій, 1697 г., 108, 109.
Возницынъ, дворянинъ, 1730 г., 28, 29.
Войцѣховскій, чиновн. революц. секретаріата, 1863 г., 539.
Волковъ, Дмт. Вас., тайн. секрет. Петра III, р. 1718 † 1785 г., 580, 581.
Волковъ, ген.-маіоръ, 1831 г., 731—738.
Волконскій, кн., Петръ Мих., ген.-адъют., мн-ръ двора, р. 1776 † 1852 г., 81, 342.
Воловскій, Людвигъ, членъ польс. комитета, 1863 г., 62.
Волынскій, архиваріусъ тифл. уѣзд. суда, 647, 648.

Волъ, Генрихъ, секрет. польс. финанс. деп., 1863 г., 59, 537, 551.
Воронцова, гр.-ня, Елисавета Ксаверіевна, 1845 г., 663.
Воронцовъ, гр., Артемій Ив., 1799 г., 371.
Воронцовъ, гр., Иванъ, 1762 г., 603.
Воронцовъ, кн., Мих. Сем., кавказс. намѣстн., ген.-фельдм., р. 1781 † 1856 г., 86, 308, 313, 325, 428, 637, 663—670, 686.
Врангель, бар., ген.-маіоръ, 1853 г., 436.
Вревскій, бар., пач. владикавказс. военн. округа, 1852 г., 321, 323, 427—429.
Всеволожскій, Никита Всеволод., 1820 г., 381, 674, 679.
Вульфъ, Алексѣй Никол., 381.
Вырембовскій, Юліанъ, 1863 г., 56.
Высоцкій, Петръ, 1863 г., 58, 556.
Вышомірскій, капит., 1863 г., 75.
Вяземская, кнг., Вѣра, 1824 г., 690.
Вяземскій, кн. Алсд. Алексѣев., ген.-прокур., р. 1727 † 1793 г., 301—303, 493.
Вяземскій, кн., Петръ Андр., писат., р. 1792 † 1878 г., 380, 689, 690.

Г.

Гавелковичъ, 1863 г., 526.
Гавріилъ (Кременецкій), еписк. спб., 1762 г., 603, 607.
Гагаринъ, 1720 г., 265.
Гагаринъ, кн., Серг. Вас., дс. тн. сов., шталмейст., 1762 г., † 1782 г., 603.
Гагаринъ, кн., 1830 г., 477, 478, 489.
Гагемейстеръ, полков., 1863 г., 67.
Гаевскій, В. П., 378.
Гайнау, ген. австр. службы, 1849 г., 86.
Галензовскій, Иванъ, чл. коммисіи погаш. польс. народн. долга, 1863 г., 535, 536, 551, 725.
Галензовскій, Северинъ, докт., офиц. генер. штаба, 1863 г., 59, 62.
Галоффѣевъ, генер., 1840 г., 425.
Гамолтонъ, ген. шведс. служ., 1709 г., 253.
Ганецкій, генер., 1863 г., 61.
Ганнибалъ, Абрамъ Петр., ген.-маіоръ (арапъ, любимый деньщикъ Петра Вел.), 372.
Ганнибалъ, 1811 г., Іосифъ, 376.
Ганнибалъ, Марія Алексѣевна, 1799 г., 372, 375.
Ганнибалъ, Петръ Абрамовичъ, ген.-маіоръ, 1811 г., 376, 377.
Ганъ, бар., чл. госуд. сов., 1837 г., 648, 655—660.
Герасимовичъ, типографщ., 1863 г., 59.
Гауке, Іосифъ, кавказ. офиц., 1863 г., 547.
Гауке, графъ, Маврикій, воен. мн-ръ, † 1830 г., 547.
Гебда, Станиславъ, контрол. варшавс. губерн. казначейс., 1863 г., 530, 566.
Гедеонъ (Криновскій), еписк. псковс., 1762 г., 599, 607.
Гейденрейхъ, Михаилъ, офиц., нач. люблинс. и подлясск. воеводст., 1863 г., 547.
Гейшторъ, 1863 г. 555.
Гельбигъ, писат.; ссылка на: «Die Russische Günstlinge», 494, 504, 507—510.
Гемерлинъ, секрет. перв. мн-ра шведс. 1709 г., 253.
Генель, сотрудн. «Польской Газеты», 1863 г., 535.
Генске, полк. саксонс. служ., 1705 г., 139.
Герценъ, Алсд. Ив., ссылка на его статью «Пароходъ Вардъ-Джаксонъ», 61.
Гзовскій, Гервазій, 1863 г., 538.
Гиллеръ, Агаѳонъ; ссылка на его «Записки о польск. возстаніи», 56—61, 75, 521—547.
Гильдебрандтъ, виленс. окружн. жандарм. генер., 1863 г., 516.
Гильфердингъ, А. Ѳ., ссылка на его соч. 91—97.
Гине, капит., 1831 г., 733.
Гинтеръ, Станиславъ, студ. варш. мед.-хирур. акад., 1863 г., 545.
Гирсъ, радзивиловс. комендантъ, 1813 г., 224.
Гликзельи, 1863 г., 522, 529, 530.
Глинка, Ѳед. Никол., полковн., 1820 г., 380, 385—387, 684.
Глищинскій, помѣщ., 1863 г., 70.
Глѣбовъ, Досиѳей, 27.
Глюкъ, бухарестс. агентъ польс. жонда, 1863 г., 553.
Гнѣдичъ, Никл. Ив., писат., 1820 г., 380—388, 676, 680, 685.
Годебскій, 1863 г., 62.

Голембергскій, Владиславъ, чл. польск. жонда, 1863 г., 529, 530, 538, 546.

Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн., Мих. Илар., фельдмарш., р. 1745 † 1813 г., 80.

Голицынъ, кн., генер., 1764 г., 299.

Голицынъ, кн., ген.-поруч., 1709 г., 253.

Голицынъ, кн., Алексѣй Борисов., вице-канцл., 1697 г., 103, 108.

Голицынъ, кн., Дмт. Мих., тн. сов., сенат., чл. верх. тайн. сов., р. 1665 † 1738 г., 103.

Голицынъ, кн., Пт. Алексѣев., сенат., архангельс. губернат., 1714 г., 151, 157.

Голицынъ, кн., московс. ген.-губернат., 1829 г., 340, 341.

Головинъ, Евгеній Алексдр., ген.-инф., главноуправл. Закавк. краемъ, 1838 г., 637, 657—660.

Головинъ, гр., Ив. Алексѣев., 1697 г., 103.

Головинъ, Ив. Мих., адмир., 1697 г., † 1738 г., 104.

Головкинъ, гр., Гавр. Ив., государст. канцл., р. 1660 † 1734 г., 154, 270, 277, 279, 289.

Головинъ, гр., Мих. Гавр., дс. тн. сов., каб.-мн-ръ, † 1755 г., 461.

Головушкинъ, унт.-офиц., 1831 г., 737.

Голышевъ, Алсд. Кузьм., бывш. бургомистръ слоб. Мстера, впослѣдс. волостн. старшина, р. 1805 † 1871 г., 353—363.

Голышевъ, Ив. Алсд., почетн. гражд., археологъ, р. 1838 г. Сообщ. свои «Воспоминанія», 353—366.

Гольдманъ, Артуръ, 1863 г., 537.

Гончарова, Натал. Никол., въ замуж Пушкина, 1831 г., 371.

Горбовъ, полковн., 1705 г., 138.

Горбуновъ, Ив. Вед. Сообщ. «Журн. путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи, въ 1697 — 1699 г., веденный состоявш. при велик. посольствѣ русскомъ къ владѣтелямъ разн. странъ Европы», 101—132.

Горловъ, полковн., 1846 г., 87.

Гороховъ, управл. Саратовс. казен. палат., 1852 г., 619.

Горчаковъ, кн., Алсд. Мих., нынѣ канцлеръ, 377, 517, 711—719.

Горчаковъ, кн., Андр. Ив., ген. отъ инф., 1824 г., 730.

Горшковъ, И. М., крестьян., уѣздн. земс. гласный, 1868 г., 354.

Граббе, гр., Пав. Христоф., ген.-адъют., наказн. атам. войс. Донс., 1862 — 1866 г., 445.

Грабовскій, гр., Адамъ, камергеръ прусс. двора, 1863 г., 57.

Грабовскій, Осипъ, инженеръ, чл. польс. жонда, 1863 г., 529.

Градовскій, Генрихъ, ревировый дозорецъ, 1863 г., 532.

Гралевскій, Матвѣй, 1863 г., 536.

Грановскій, Тимоф. Никол., проф. москов. унив., 206.

Грейгъ, Алексѣй Самуилов., адмир. черноморс. флота, 1828 г., 165.

Гренквистъ, В. Ѳ., кексгольмскій почтмст., 506, 508, 510.

Гречъ, Никл. Пв., писат., р. 1787 † 1867 г., 179, 180, 206, 671—675, 683.

Грибоѣдова, Нина Алексдр., рожд. княж. Чавчавадзе, † 1857 г., 337, 341.

Грибоѣдовъ, Алсд. Серг., ст. сов., полномоч. мн-ръ при персидс. дворѣ, писат., р. 1795 † 1829 г., 333, 334, 341, 345, 679.

Григорій XVI, папа Римскій, 1831 г., 61.

Григоровичъ, В. И., проф., 1848 г., 210, 212.

Григорьевъ, Илья, атам. войс. Донс. 1685 г., 437.

Гриневичъ, капит., 1828 г., 162.

Гружевскій, Юліанъ, агентъ польск. жонда, 1863 г., 553.

Грушецкій, Владиславъ, чл. варш. госуд. сов., 1863 г., 518.

Грязновъ, капит., 1831 г., 394, 395.

Гундобинъ, П. Ив., купечес. сынъ, † 1871 г., 359.

Гурьевъ, Иванъ, 1762 г., 292, 293.

Гурьевъ, Петръ, 1762 г., 292, 293.

Гурьевъ, Семенъ, 1762 г., 292, 293.

Гусевъ, П. Сообщ. замѣтку: «Иринархъ Ивановичъ Введенскій, эпизодъ изъ его жизни, 1849 г.», 739—744.

Гусейн-паша, турецк. военачальн., 1828 г., 164.
Гуттри, Александръ, познанс. помѣщ., 1863 г., 62, 541, 556.

Д.

Дадіанъ, кн., полкв., фл.-адъют., 1837 г., 648, 655—657.
Далевскій, Францъ, 1863 г., 555.
Даль, Вздм. Ив., писат., † 1872 г., 81.
Данзасъ, 1811 г., 377.
Даниловскій, членъ жонда, студентъ, 1863 г., 56.
Даскаловъ, археол., 97.
Дашкова, кн-ня, Екат. Роман., рожд. Воронцова, р. 1743 † 1810 г., 494, 504, 590, 591.
Дашковъ, Георгій, архіер. ростовск., 1716 г., 27.
Дверницкій, 1831 г., 169.
Дебальменъ, орловс. и курс. ген.-губернат., 42.
Дегенфельдъ, австр. мн-ръ, 1863 г., 73.
Дельвигъ, бар., Антонъ Антонов., писат., р. 1798 † 1831 г., 377, 379, 388, 674—689.
Дельвигъ, бар., инжен., 1862 г., 178.
Дембинскій, Наполеонъ, бывш. чиновн., 1863 г., 545.
Демидовъ, 1763 г., 460.
Денисовъ, Адріанъ Карповичъ, ген.-маіоръ, наказн. атам. войс. Донс., 1818—1821 г., 442, 443, 448.
Деснмонъ, Андрей Францов., 1838 г., 657, 658.
Дескуръ, 1863 г., 544.
Джафар-бекъ, 1829 г., 337.
Джелаль-эд-динъ, турецк. султанъ, 1221 г., 698.
Джехангир-мирза, персид. принцъ, р. 1811 г., 403—412.
Дзюбенко, Вас. Аф. Сообщ. свой «Воспоминанія, 1829—1876 г.», 637—670.
Дзялынская, гр-ня, Марія, въ замуж. гр-ня **Замойская**, 1863 г., 63.
Дзялынскій, гр., Иванъ, 1863 г., 62—65, 70, 556.
Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 † 1831 г., 83, 165, 168, 400, 730.
Димитрій, митропол. новгор., 1763 г., 460
Длотовскій, ген.-лейт., 1863 г., 517.
Дмитревскій, Мих. Васил., 1834 г., 652.
Дмитріевъ, Ив. Ив., писат., дс. тн. сов., р. 1760 † 1837 г., 373, 376.
Добецкій, Маріанъ, 1863 г., 59, 538.
Добровольскій, Францискъ, 1863 г., 527.
Добротинъ, докт., 1852 г., 419.
Доброхотовъ, корреспонд., 1868 г., 354.
Добрынкинъ, Н. Г., купецъ, 364.
Долгорукій, кн....., 265, 283. р. 1656, † 1720 г.
Долгорукій, кн., Вас. Андр., ген.-адъют., шефъ жандарм., 1863 г., р. 1804 г., 516, 519.
Долгорукій, кн., Вас. Вздм., маіоръ, 1708 г., 145—150.
Долгорукій, кн., Михаилъ Владим., 1715 г., 154.
Долгорукій, кн., Н. А., 1829 г., 348.
Долгорукій, кн., П. В., ссылка на «Россійскую Родословн. Книгу», 133; упом. 520.
Долгорукій, кн., Серг. Мих., впослѣдс. ген.-маіоръ, † 1763 г., 155.
Долгорукій, кн., Юрій, 1707 г., 142.
Долгорукій, кн., Вздм. Мих., 1697 г., 103.
Долгоруковъ кн., Григ. Ѳедор., 1697 г., (дипломатъ), 103, 104.
Домбровскій, Броніславъ, 1848 г., 85.
Дометти, А. К., генер., 1831 г., 169.
Дормановскій, Мечиславъ, 1863 г., 543, 544.
Дороховъ, сотникъ, † 1852 г., 323.
Древновскій, 1863 г., 68.
Дриновъ, ссылка на соч. «Заселеніе Балканс. полуострова славянами», 91, 92.
Друэнъ-де-Люи, франц. мн-ръ иностр. дѣлъ, 1863 г., 554, 721.
Дубенскій, Н. Я., 361.
Дунинъ, Евгеній, 1863 г., 535.
Дунинъ, Мстиславъ, чиновн. варш.-вѣнс. жел. дор., 1863 г., 545.
Духинскій, Онуфрій, воевода Гродненс. губ., 1863 г., 516.

Дыбовскій, Венедиктъ, проф. варшавс. унив., 1863 г., 539.
Дымманъ, маіоръ, 1863 г., 67.
Дюлоранъ, агентъ пол. жонда, 1863 г.,555.

Е.

Езеранскій, Антоній, военн. начальн. люблинс. воеводства, 1863 г., 55, 73—75.
Езерская, Ванда-Леокадія, сестра милосердія, 1863 г., 524, 532.
Екатерина I, имп-ца, р. 1684 † 1727 г., 4, 459.
Екатерина II, имп-ца, р. 1729 † 1796 г.; казенные крестьяне 1762—1796 г., 35—54; 231—248; основаніе Москов. Воспит. Дома, 1763 г., 457—464. Письма къ Н. И. Панину 1764 г., 304—306; манифестъ, данный пѣх. Смоленс. полку, 1764 г., 502. Упом.: 10—33, 219, 291—304, 493—510, 582—607.
Елагинъ, Ив. Перфил., дс. ст. сов., об.-гофмейст. и сенат., писат., р. 1725 † 1796 г., 595.
Еленскій, 1863 г., 555.
Елисавета Петровна, имп-ца, р. 1709 † 1761 г., 6—33, 291—293, 453, 495, 498, 577—606.
Ерешильдъ, контръ-адмир. шведс. службы, 1714 г., 152.
Ермичъ, юнкеръ, † 1863 г., 532.
Ермакъ Тимофѣевичъ, ат. войс. Дон., 1579 г., † 1584 г., 183.
Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген. отъ арт., р. 1777 † 1861 г., 313, 330, 433, 638, 647, 648, 672.
Ермоловъ, Серг. Никл., ген.-маіоръ, исправл. должн. тифл. воен. губерн., 1847 г., 665.
Есугай-Багадуръ, монгольскій ханъ, † 1173 г., 693—695.
Ефремовъ, Данило Ефремов., тн. сов., атам. войс. Донс., 1753 г., 440—455.
Ефремовъ, Петръ Алсд., ссылка на его собраніе портретовъ 383; его копія писемъ Пушкина, 671.
Ефремовъ, Степанъ Данил., атам. войс. Донс., 1772 г., 440.

Ж.

Жвирждовскій, воевода Могилевс. губ. 1863 г., 516.
Жигулинъ, Василій, атам. войс. Донс., 1591 г., 183.
Жихлинскій, 1863 г., 540.
Жоффренъ, г-жа, 1766 г., 598.
Жуковскій, Васил. Андр., писат., род. 1788†1852 г., 373, 380, 678, 679, 683, 684.
Жулинскій, Романъ, 1863 г., 59, 535.

З.

Завадская, г-жа, 1863 г., 726.
Завадскій, капит., 1863 г., 71, 75.
Завадскій, поруч., 1865 г., 709.
Заинъ-Виттенштейнъ, полковн., фл., адъют., 1863 г., 64.
Замойскій, гр., Августъ, 1863 г., 533.
Замойскій, гр., Владиславъ, 1863 г., 63, 518, 531, 551, 553.
Зандъ, Людвигъ, убійца Августа Коцебу, 1819 г., 385.
Зарайскій, инж.-капит., 1863 г., 71.
Зарянко, живописецъ, писалъ портр. гр. Ѳ. П. Толстаго, 754.
Зборинскій, дворянинъ, 1720 г., 283.
Зейфридъ, воен. начальн. мазовецкаго воевод., 1863 г., 63—68, 549, 562.
Зеленко, полковн., 1849 г., 491, 614.
Зеленый, А. А., мн-ръ государс. имущ., 1863 г., 516—519.
Зенковичъ, Титъ, начальн. гор. Львова, 1863 г., 59, 530.
Зертисъ-Каменскій, Амвросій, бывшій еписк. переяславс., 1762 г., 33, 578, 594, 607.
Зерщиковъ, Илья, атам. войск. Донск., 1709 г., 437, 439.
Златогорскій, окруж. начальн., 1849 г., 616.
Змаевичъ, вице-адмир., 1715 г., 157.
Зоммеръ, Викторъ, 1863 г., 59, 537.
Зотовъ, Никита Моисеевичъ, князь-паша, бывшій учитель Петра Вел., 1715 г., 153.
Зубрицкій, Денисъ, писат., 206, 208.
Зыковъ, Дмит. Петр., офиц., 1820 г., 674.

И.

Ибрагим-паша, турец. коменд., 1829 г., 166.
Иванов, Илья, кучеръ имп. Александра I, 1825 г., 468.
Иванов, Н. А., проф. казан. унив., 206.
Ивченко, Яковъ Григор., 1829 г., 644.
Игнатьевъ, поруч., 1811 г., 376, 377.
Измаил-ханъ Караджадагскій, начал. постельничихъ, 1834 г., 411, 412.
Иконниковъ, Вадм. Степ., проф. кіевс. унив. Сообщ. историко-біограф. очеркъ «Арсеній Мацѣевичъ», гл. II—V, 1—34. 577—608. Библіограф. листокъ: отзывы о новыхъ книгахъ (на оберткѣ книгъ V—VIII).
Иловайскій, Алексѣй Васил., ген.-лейт., наказн. атам. войс. Донс., 1821—1827 г., 402, 443, 447.
Иловайскій, Алексѣй Ив., атам. войс. Донс., 1775—1799 г., 441.
Иловайскій, Д. И. Статьи его: «Къ вопросу о болгарахъ», 89—100. «Калкское побоище», 691—706.
Ильинскій, предс. тифл. угол. и гражд. палаты, 1829 г., 644.
Ильницкій, Ѳома, казначей польс. банка, 1863 г., 536, 537.
Инзовъ, докт., 1820 г., 672, 686.
Иннокентій, архіеп. херсонс. и тавр., извѣстный проповѣдн., р. 1800 † 1857 г. Переписка его съ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, 1852 г., 189—204; 367—370.
Ириней (Нестеровичъ), еписк. пензенс. и саранс., впослѣдст. иркутс., 1831 г., † 1864 г., 729, 730.
Истомина, артистка, 1823 г., 684.
Ишора, Станиславъ, ксендзъ, † 1863 г., 521.
Иштиряковъ, Яковъ, сержантъ, 1764 296, 501.

І.

Іоакимъ, ростовс. архіеп., 11.
Іоаннъ IV Грозный, царь, род. 1530 † 1584 г., 183.
Іоаннъ Антоновичъ, имп., род. 1740 † 1764 г., 291—306, 493—511.
Іоасафъ, раскольникъ, 1733 г., 5.
Іоаникій, патріархъ, 1837 г., 648, 651.
Іовъ, митропол. новгор., 1714 г., 459.
Іорданъ, Владиславъ, константинопольс. агентъ польс. жонда, 1863 г., 553, 725.
Іоркъ, фонъ-, поруч., 1828 г., 162.

К.

Кабанъ, Василій, атам. войск. Донск., 1596 г., 184.
Казанецкій, маіоръ, † 1863 г., 75.
Казарскій, капит.-лейт., 1828 г., 165.
Кази-Магометъ, старшій сынъ Шамиля, 1852 г., 418.
Казинъ, офиц., 1863 г., 727.
Калиновскій, гродненс. коммис., 1863 г., 555.
Каллиграфъ, Вадм., ректъ. яросл. семинаріи, † 1760 г., 29—31.
Калусовскій, въ Америкѣ, агентъ польс. жонда, 1863 г., 554.
Кальe, Эдмундъ, 1863 г., 64, 68.
Камреръ, маіоръ, 1829 г., 166.
Камышинъ, Василій, подполк., 1730 г., 398.
Канкринъ, гр., Егоръ Франц., ген.-инф., мн-ръ финанс., † 1845 г., 650.
Карамзинъ, Никл. Мих., исторіографъ, р. 1766 † 1826 г., 373, 380—387, 678, 684.
Каратыгинъ, Вас. Андр., артистъ, род. 1802 † 1853 г., 381.
Карловичъ, начальн. варшавск. революц. полиціи, 1863 г., 531, 543, 544.
Карцевъ, управл. палатою госуд. имущ., 1852 г., 616, 617, 627.
Карлъ XII, кор. шведс., 104, 167, 253.
Карлъ-Фердинандъ, герц. Беррійскій (duc de Berri), р. 1788 † 1820 г., 385.
Карръ, Николай, капит., 1758 г., 45, 46.
Кастелла, тифл. фабрик., 1829 г., 336.
Кастера, писат., 494, 504, 507, 510.
Катенинъ, Пав. Алекс., драмат. писат., р. 1792 † 1853 г., 380, 381, 674, 677.
Каторжный, Иванъ, атам. войс. Донс., 1633 г., 186, 187.
Кахраман-мирза, перс. принцъ, 1829 г., 334, 404.
Качеповскій, Мих. Трофим., проф. моск.

унив., издат. «Вѣстн. Европы», † 1842 г., 206, 677.
Качковскій, Евгеній, инженеръ, 1863 г., 59, 535, 536, 545, 550.
Кашкинъ, подполковн., 1764 г., 298, 497, 499.
Кашпаровъ, подпоруч., 1829 г., 337, 340.
Квятковскій, Владиміръ, куп., чл. польс. жонда, 1863 г., 527.
Квятковскій, Осипъ, 1863 г., 62.
Кейтъ, англ. послан., 586.
Кентржинскій, В., директ. инст. Оссолинскихъ во Львовѣ, 263, 264.
Кернъ, Анна Петр., во втор. замужест. Марлова-Виноградская, 371, 383, 385.
Кикинъ, Александръ, 1697 г., 108.
Киневичъ, Іероннмъ, чл. народ. жонда, 1863 г., 59.
Киркоръ, редакт. «Виленск. курьера», 537.
Кирхгофъ, г-жа, предсказ., 1818 г., 381, 382
Киселевъ, гр., Пав. Дмт., ген.-адъют., мн-ръ госуд. имущ., р. 1788 † 1872 г., 382, 490, 619—627.
Кишкинъ, Иванъ, атам. войска Донск. 1584 г., 183.
Клейнмихель, гр., Петръ Андр., ген.-адъют., главноуправ. путями сообщ., 396.
Климентъ XI, папа Римскій, 1707 г., 104.
Кобылянскій, Петръ, нач. польс. банды 1863 г., 516—546.
Ковальскій, бывш. начальн. варшавск. полиціи, 1863 г., 543.
Кожевниковъ, сарат. губернат., 1849 г., 613—633.
Коваченко, чиновн., 1836 г., 654.
Ковебродскій, галиційс. помѣщ., 1863 г., 538.
Ковелло, Яковъ, 1863 г., 59.
Козловскій, кн., Алексѣй, об.-прокуроръ, 1762 г., 603.
Козловскій, Карлъ, чл. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 518.
Козловъ, В. И., 1823 г., 677, 686, 687.
Козлянинновъ, ген.-артил., 1837 г., 655.
Козьминъ, 1765 г., 237.
Кокосинскій, Эдуардъ, 1863 г., 522.
Кокосинскій, Эразмъ, 1863 г., 522.
Колоссова, Александра Мих., въ замуж. Каратыгина, артистка, 371, 380.
Колосьевъ, Игнатій, капр., 1730 г., 398.
Колтуновскій, 1863 г., 530.
Колыско, Болеславъ, предвод. повстанц. въ Литвѣ, 1863 г., 61.
Кольцо, донс. казакъ, 1579 г., 183.
Конарскій, ксендзъ, † 1863 г., 563.
Константинъ Николаевичъ, вел. кн., р. 1827 г. Письма къ нему Иннокентія, архіеп. херсонскаго и таврическаго, 1852 г., 189—204; 367—370; унон. 365, 727.
Константинъ Павловичъ, цесарев., вел. кн., р. 1779 † 1831 г., 226, 512.
Конюскевичъ, Павелъ, еписк. тобол., 32.
Копьевъ, Юрій Алексдр., полковн., фл.-адъют., команд. грузинс. гренад. полка, 663, 668, 669.
Корело, Андрей, атам. войс. Донс., 1603 г., 184, 185.
Корженевскій. Ипполитъ, проф. Главной Школы, 1863 г., † 1878 г., 549.
Коркинъ, капр., 1764 г., 500.
Корниловичъ, 687, 688.
Корсаковъ, 1811 г., 377, 382.
Корсаковъ, 1834 г., 649.
Корфъ, гр., Модестъ Андр., 1811 г., 377.
Корфъ, бар., Нинл. Андр., камергеръ и ген.-полицеймейст., 1744 г., р. 1710 † 1766 г., 291.
Косинскій, Игнатій, бывш. студ. моск. унив., прокур. варшавс. революц. трибунала, 1863 г., 531, 535.
Констанда, ген.-лейт., 1863 г., 65—70, 549.
Котелянскій, Л. О., писат., † 1879 г.; ссылка на «Очеркъ подворной Россіи», 241.
Котковскій, ксендзъ, 1863 г., 523.
Коцебу, Августъ, † 1819 г., 385.
Коцебу, Пав. Евстаф., начальн. главн. штаба на Кавказѣ, 1851 г., 308.
Кошелевъ, бывш. воронежс. вице-губернаторъ, 46.
Краевскій, Генрихъ, секрет. варш. городс. сов., 1863 г., 538.
Краевскій, Рафаилъ, 1863 г., 59, 533, 535.
Краковъ, Паулина, нач.-ца женс. варш. комит., 1863 г., 543.
Красноцутскій, Никл. Алсд., ген.-лейт.

наказн. атам. войс. Донс., 1874 г., 68—70; 445; 745—746.
Краснолуцкій, помѣщ., † 1863 г., 75.
Краснощековъ, походн. атам., 1770 г., 440, 454.
Красовскій, генер., 1831 г., 169.
Красовъ, ген.-маіоръ, 1706 г.. 141.
Красуцкій, Доминикъ, каменьщикъ, 1863 г., 524.
Крейцъ, генер., 1828 г., 171.
Кумшацкій, Максимъ, атам. войс. Донс., 1715 г., 439.
Кремке, купецъ, 1863 г., 536.
Креневъ, Андрей, капр., 1764 г., 500.
Кржеминскій, Станиславъ, чл. польс. жонда, 1863 г.. 529, 530, 535.
Кроликъ, Ѳеофилъ, іеродіаконъ, 13.
Кроль, инжен.-капит., 1831 г., 389.
Кроненбергъ, Леопольдъ, варшавс. банкиръ, 1863 г., 522, 551.
Кропотовъ, полковн., 1708 г., 145.
Круликовскій, Леонъ, 1863 г., 62.
Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ, р. 1768 † 1844 г., 383, 384.
Крыловъ, архитект., 1831 г., 734.
Крыловъ, чиновн., 1836 г., 654.
Крюковской, ген., наказн. атам., † 1852 г., 318—324.
Кудрявцевъ, А. Е., 218.
Кудрявцевъ, Никита, 1707 г., 143.
Кузнецовъ, суконный фабрикантъ, 51,
Кукольникъ, Несторъ Васил., писат., 179—182.
Кульчицкій, Владиславъ, папскій камергеръ, римс. агентъ польс. жонда, 1863 г., 61.
Кумани, адмир., 1828 г., 163, 164.
Куникъ, А. А., акад., ссылка на его «Розысканія», 94—100.
Куницынъ, 378.
Куракинъ, кн., Александр., 1762 г., 606.
Куракинъ, кн., Борисъ Ив., дс. тн. сов., рус. посолъ при франц. дворѣ, 1697 г., р. 1677 † 1727 г., 103, 104.
Куржина, 1863 г., 556.
Куровскій, Аполлинарій, 1863 г., 522.
Курцъ, Александръ, чл. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 518.
Кутайсовъ, гр., сенат., 1830 г., 638, 644.
Кутейникова, Дмит. Ефимов., ген.-отъ кав., наказн. атам. войс. Донс., 1827—1836 г., 339, 402, 443, 444.
Кучумъ-Джанхотовъ, полковн., 1829 г., 338.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карлов., писатель, декабр., р. 1797 † 1846 г., 377—379, 674, 678, 679, 685.

Л.

Лаврентьевъ, Самойло, атам. войс. Донс. 1683 г., 437.
Лаврентьевъ, Степанъ, подъячій, 1730 г. 398.
Лавцевичъ, Иванъ, чиновн. революц. секретаріата, 1863 г., 59, 539.
Лагаркронъ, генер. шведс. службы, 1709 г., 253.
Лагуна, судья варш. гражд. трибунала, 1863 г., 535.
Ладыжинъ, штб.-кап., 1831 г., 733, 734.
Ламинскій, 1863 г., 554.
Ламошъ, ссылка на его статью «Сельская община въ Олонецкой губ.», 244.
Ламбровичъ, ротн. команд., 1824 г., 159.
Лангевичъ, Маріанъ-Мельхіоръ, диктат. польск. бандъ, 1863 г., р. 1827 г., 56—75; 523, 728.
Ласковъ, Александръ, 1863 г., 60.
Лашкевичъ, А. С. Сообщ. «Дѣло объ убитомъ глухомъ тетеревѣ, 1825 г.», 567—575.
Лебедевъ, маіоръ, 1828 г., 165.
Левандовскій, нач. польс. банды, 1863 г., 516.
Левенвольдъ, гр., Карлъ-Рейнгольдъ, об.-гофмарш., † 1758 г., 461.
Левенгауптъ, гр., генер. шведс. службы, 1708 г., 147—149.
Левензонъ (Исаакъ), Авраамъ-Веръ, еврейскій ученый и поэтъ, р. 1789 † 1878 г., 223—230.
Левизъ, ген.-лейт., 1812 г., 79.
Левинскій, Михаилъ, чл. варш. государ. сов., 1863 г., 518.
Левинскій, Яковъ, чл. варш. госуд. сов.. 1863 г., 518.

Левшинъ, А. И., директ. департ. сельск. хоз., 1849 г., 615.
Левшинъ, Платонъ, митрополит. моск., 33.
Лелевель (Бореловскій), колодезн. мастеръ, нач. польс. банды, 1863 г., 72, 73, 547.
Леонтій, штб.-кап., 1831 г., 731, 733.
Лемике, Владим., студ., помощн. начальн. гор. Варшавы, 1863 г., 522—532, 549.
Леонтьевъ, ген.-маіоръ, † 1831 г., 392—396.
Леопольдовъ, А., ссылка на составл. имъ «Статист. описаніе Саратов. губ.», 470.
Лефортъ, Петръ, 1697 г., 108.
Лефортъ, Францъ Яковл., адмир., любимецъ Петра Великаго, 108, 109, 504.
Лещинскій, Станиславъ, король польскій, 104.
Лещинскій, Филоѳей, митрополит., 8.
Лидіенфельдъ, 77, 78.
Лисецкій, А. Г., полк. ком., 1824 г., 159.
Литвицкій, 1863 г., 75.
Литке, гр., Ѳед. Петр., адм., р. 1797 г., 365.
Липинъ, полковн., 1829 г., 168.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Яковъ Ив., † 1732 г., 103.
Лобановъ-Ростовскій, кн., 1834 г., 649.
Лоде, Егоръ Карлов., управл. колоніей питомн. Моск. Воспит. Дома, 1825 г., 470—480.
Ломоносовъ, Мих. Вас., акад., писат., р. 1711 † 1765 г., 4, 459.
Лопатинскій, Ѳеофилактъ, ректор. моск. акад., 1712 г., 3, 17, 18, 20, 26.
Лопатинъ, Андрей Ив., атам. войс. Донс., 1735 г., 439.
Лопухина, Аксинья Ѳедор., † 1699 г., 104.
Лоранъ, 1863 г., 68.
Лоржъ, г-жа, учит-ца нѣмец. яз., 373.
Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Таріеловичъ, нынѣ ген.-адъют., р. 1825 г., 640.
Лубяновскій, пенз. губернат., 1824 г., 729.
Лувель, убійца герц. Беррійскаго, мастеровой сѣдельщикъ, р. 1783 г., казненъ 1820 г., 385.
Лукинскій, Василій, старшій свящ. Сообщ. разсказъ «Бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г.», 731—738.
Лукьяновъ, Захаръ, питом. Москов. Воспит. Дома, 464.
Лыкошинъ, 237.
Любецкая, кн-ня, 1720 г., 281.
Любецкій, валаш. господарь, 1720 г., 281.
Ляндовскій, Павелъ, бывш. воспитан. варшавс. мед.-хир. акад., начальн. варш. народн. стражи, 1863 г., 56, 524, 545.
Ляндовскій, Эдуардъ, 1863 г., 545.
Ляпунъ, атам. войс. Донс., 1566 г., 183.
Ласковскій, Сигизмундъ, 1866 г., 529.
Лятошевичъ, Серапіонъ, еписк. вологодс., 32.
Ляховъ, маіоръ, тифл. полицмс., 1837 г., 648, 656.
Ляшенко, Мих. Вас., полковн., 1852 г., 434—436.

М.

Маевскій, чл. польс. жонда, 1863 г., 529 530, 547.
Мазепа, гетманъ малоросс., 1708 г., 149, 253.
Майдель, бар., Е. И., полковн., 1852 г., впослѣдств. ген.-адъют., комендантъ Петропавловской крѣпости, 318, 322.
Майковъ, Л. Н., 362.
Макдональдъ, англ. послани. при персидс. дворѣ, 1829 г., 335.
Максимовичъ, Тимофей, черниговс. архимандр., 1740 г., 7.
Максимовъ, Лукьянъ, атам. войс. Донс., 1690 г., 437, 438.
Максимовъ, архитект., 1831 г., 733, 734.
Мамушевъ, В. В., проф. варшавс. унив., ссылка на его критику «Исторіи болгаръ», 89—91; ссылка на его статью: «Станиславъ Трембецкій», 219.
Малаховскій, гр., Владиславъ, чл. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 56, 58, 518, 555.
Малиновскій, Болеславъ, 1863 г., 536.
Малиновскій, Платонъ, архіеп. московс., 1753 г., 28.
Малиновскій, Эразмъ, чл. польс. жонда, 1863 г., 59, 526, 527.
Мальчевскій, начальн. польс. отряда, 1863 г., 56.
Мамед-мирза, персидс. принцъ, впослѣдс. шахъ, 1834 г., 335, 403—414.

Мамоновъ, бригадиръ-маіоръ, 1720 г., 288, 289.
Маниосъ, маіоръ, старорусскій полицей-мейст., † 1831 г., 390.
Мансуровъ, 1820 г., 675.
Манштейнъ, маіоръ, 1831 г., 731.
Марія Ѳеодоровна, имп.-ца, р. 1759 † 1828 г., 387, 464, 470, 478, 489, 490.
Марія Ѳеодоровна, вел. кн.-цесаревна, р. 1847 г., 445.
Марковскій. А. З., 1849 г., 615, 623, 632.
Марсильякъ, франц. эмигрантъ, 399, 400.
Мартемьяновъ, Исай, атам. войс. Донс., 1633 г., 185.
Мархвинскій, 1863 г., 56.
Масловъ, 1811 г., 377.
Масловъ, унт.-офиц., 1828 г., 161.
Матвѣевъ, Андрей Артамоновъ., членъ иностр. коллегіи, 1720 г., 289.
Матвѣевъ, Н. Е. Сообщ. разсказъ очевидца «Бунтъ въ Старой-Русѣ, 1831 г.», 389—398.
Матюшкинъ, 1811 г., 377.
Машлыкинъ, Вас. Акимов., атам. войс. Донс., 1773 г., 440.
Мевесъ, ген. отъ артил., † 1831 г., 390.
Мевенкампфъ, 1849 г., 491, 614.
Мейдингесъ, 1863 г., 722.
Меленецкій, нач. польс. банды, †1863 г., 64.
Меликовъ, кн., Леванъ Ив., 1834 г., нынѣ ген.-адъют., 650.
Менгденъ, бар., президъ. коммерцъ-коллегіи, 461.
Менгденъ, Бина, 511.
Меншиковъ, кн., Алсд. Данил., генералиссимусъ, р. 1673 † 1729 г., 138, 140, 253, 269, 279.
Метцель, инжен.-капит., 221.
Мечниковъ, сенат., об.-берггауптманъ, 1830 г., 638, 644.
Миклашевскій, полковн., 1742 г., 9.
Микулинъ, ген.-маіоръ, 1831 г., 396, 397, 398.
Милковскій, Сигизмундъ, агентъ польс. жонда въ Сербіи, 1863 г., 553.
Миллеръ, поруч., 1828 г., 162.
Милорадовичъ, гр., Мих. Андр., ген.-инф., † 1825 г., 382, 386, 387.
Минаевъ, Фролъ Минаевичъ, атам. войс. Донс., 1680 г., 437—440.
Минихъ, гр., Бурхардъ-Христофоръ, ген.-фельдмарш., р. 1683 † 1767 г., 291, 457, 460, 461.
Минишевская, Софья, 1863 г., 526, 727.
Минишевскій, секрет. маркиза Велепольскаго, † 1863 г., 524—526.
Минквицъ, ген.-лейт., 1863 г., 562.
Мирза-Абуль-Касимъ, каймакамъ персидс., 1829 г., † 1835 г., 351, 403—414.
Мирза-Баба, лб.-медикъ Хосров-мирзы, 1829 г., 337, 350, 402.
Мирза-Масудъ, секрет. и главный переводч. Аббас-мирзы, 1829 г., 336, 338, 348, 349.
Мирза-Махмуд-ханъ, персидск. генеральн. консулъ въ Тифлисѣ, 352.
Мирза-Мустафа-Авшаръ, 1829 г., 337.
Мирза-Назар-Али Казвинскій, главн. докт. наслѣдн. персидс., 407.
Мирза-Салехъ, ст.-секрет. Аббас-мирзы, 1829 г., 336, 338, 348, 350.
Мирза-Таги, перв. мн-ръ въ Персіи, р. 1808 † 1852 г., 336.
Мировичъ, Вас. Яковл., подпоруч., покушавшійся освободить Іоанна Антоновича, казненъ 1764 г., 293—305; 493—514.
Мироновъ, Абакумъ, капр., 1764 г., 500.
Мирославскій, Людвигъ, диктаторъ, 1863 г., 55, 63—68, 547, 548, 726.
Мисаилъ, архим., чл. синода, 1762 г., 607.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, р. 1596 † 1645 г., 185—188.
Молчановъ, 1820 г., 674.
Моль, помѣщ. Витебс. губ., 1863 г., 516.
Монфоръ, гр., французс. эмигрантъ, 373.
Морицъ, П. А., секретарь Императрицы Маріи Александровны, 356.
Мосальскій, 1851 г., 179.
Мошинскій, Витольдъ, предсѣд. варшавс. революц. трибунала, 1863 г., 531.
Муравьевъ, лейтен., 1736 г., 5.
Муравьевъ, гр., Михаилъ Никл., ген.-инф., ген.-губерн. въ Западномъ краѣ, 1863 г., р. 1796 † 1866 г., 517—520; 555, 562, 564, 714, 715, 723.
Муравьевъ, Никл. Никл., ген.-адъют.,

кавказск. намѣстн., р. 1793 † 1866 г., 517, 518, 637, 670.
Муратовъ, саратовс. исправн., 1852 г., 616, 627, 630.
Мѣдниковъ, полковн., 1863 г., 70—76.
Мѣшковъ, Григорій, почетн. чл. казанс. унив. Сообщ. замѣтку «Амвросій Орнатскій, епископъ пензенскій и саранскій», 729, 730.

Н.

Надир-мирза, персидс. принцъ; ссылка на составлен. имъ біографію принца Хосров-мирзы, 333.
Назимовъ, Влади. Ив., ген.-адъют., виленс. ген.-губернат., р. 1802 † 1874 г., 515, 517, 537.
Наполеонъ III, имп. француз., 1863 г., 722.
Нарѣжинскій, Іосифъ, чл. польс. жонда, 1863 г., 522, 531, 535.
Нарсесъ, армянс. патріархъ, 1845 г., 665.
Нарышкинъ, об.-гофмарш., 1829 г., 342.
Наср-Уллах-Ардебильскій, глава персидс. духовенства, 407.
Наср-Эддинъ, персидс. шахъ, 333, 413.
Нащокинъ, Пав. Воиновичъ, 375.
Нейдгардтъ, Алекс. Ив., ген.-адъют., главноуправл. Закавказ. краемъ, 1843 г., 657, 660, 661.
Некрасовъ, донской казакъ, 1708 г., 134, 250.
Некрасовъ, Никл. Алексѣев., поэтъ, писат., р. 1821 † 1877 г., 520.
Нелидовъ, маіоръ, 1863 г., 64, 65.
Неофитъ, іеромонахъ, 1722 г., † 1727 г., 18.
Неплюевъ, Ив. Ив., дс. тн. сов., сенат., 1764 г., 291—302; 493, 494.
Нессельроде, гр., Карлъ Вас. (Карлъ-Робертъ), канцл., р. 1780 † 1862 г., 342, 344, 346.
Нестеровъ, Петръ Петр., ген., нач. лѣваго фланга Кавказс. линіи, † 1851 г., 308.
Неялтовскій, предсѣд. плоцк. революц. трибунала, 1863 г., 532.
Николаи, баронъ, 1852 г., 330, 428.
Николай I, императ., р. 1796 † 1855 г. Пріемъ персидскаго принца Хосров-мирзы, 1829 г., 344—347; пріѣздъ въ Закавказс. край, 1837 г., 655—657; указъ П. Д. Киселеву, 1851 г., 617, 618; упом. 82, 86, 226, 229, 335, 348—351, 390—398, 400—410, 444, 450, 470, 471, 611—627, 732—736.
Николай Николаевичъ-Старшій, вел. кн., р. 1831 г., 397.
Новиковъ, Никл. Ив., мартин., писат. † 1816 г., 232.
Ное, де -, подполковн. франц. службы, 1863 г., 63.
Носъ, Иванъ, атаманъ войск. Донск., 1593 г., 183.

О.

Оборскій, Людвигъ, нач. польс. банды, 1863 г., 64—68.
Оголинъ, маіоръ, 1863 г., 73, 74.
Одоевскій, кн., 1762 г., 596.
Ожша, 1863 г., 725.
Оленина, Елисав. Марк., † 1838 г., 383.
Оленинъ, Алексѣй Никол., през. Академіи Худож., † 1842 г., 380—388.
Оловянишниковъ, штб.-кпт., 1831 г., 733.
Ольшанецкій, Станиславъ, 1863 г., 526, 539, 541.
Ольшевскій, Милетій Яковлев. Изъ записокъ его: «Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, 1851—1853 гг.», 307—332; 415—436.
Ораковскій, подполковн., 1863 г., 69.
Орденга, Іосифъ, членъ польс. революц. комитета, 1863 г., † 1879 г., 62, 551, 553, 725.
Орловскій, Францъ, студ. варш. мед.-хир. акад., 1863 г., 56, 545.
Орловъ, гр., Алексѣй Ѳедор., ген.-адъют., † 1861 г., 382, 738.
Орловъ, Вас. Петр., ген. отъ кавал. атам. войс. Донс., 1797—1801 г., 441.
Орловъ, кн., Григ. Григор., ген.-фельдцейхмст., р. 1734 † 1783 г., 460, 581.
Орловъ, Мих. Ѳедор., 1820 г., 674, 683, 684.
Осиповъ, Николай, капр., 1764 г., 500.
Оскерка, 1863 г., 555.

Осмульскій, кандид. московс. универс., 1863 г., 554.
Оссолинскіе, ссылка на ихъ библіотеку во Львовѣ, 263, 265.
Остенъ-Сакенъ, генер., 1829 г., 335.
Остенъ-Сакенъ, бар., Ѳ. Р., 361.
Остерманъ, гр., Андрей Ив., дс. тн. сов., кабин.-мн-ръ и ген.-адм., р. 1686 † 1747 г., 461.
Остерманъ, гр., Ив. Андр., госуд. канцл., президн. колл. иностр. дѣлъ, р. 1725 † 1811 г., 461.
Остроумовъ, ссылка на соч. «Наблюденія надъ поземельн. отношеніями крестьянъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Устюжскаго и Тотемскаго уѣзд.», 240.

П.

Павелъ I, императ., р. 1754 † 1801 г., 459, 460.
Павелъ Александровичъ, велик. кн., р. 1860 г., 365.
Павловскій, Александръ, бывш. студ. моск. унив., чл. варш. революц. трибунала, 1863 г., 531.
Павловскій, Д. М., ген.-лейт., инспект. Дворянс. полка, 1849 г., † 1875 г., 741—744.
Павловъ, атам. войс. Донс., 1544 г., 183.
Павловъ, лейтен., 1736 г., 5.
Падлевскій, Сигизмундъ, плоцкій революц. воевода, † 1863 г., 55, 531, 728.
Палладій, архіеп. рязанс., 1762 г., 599.
Панинъ, гр., Никита Ив., дс. тн. сов., сенат., воспитат. вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 † 1783 г., 291—306; 457, 493—497.
Панинъ, гр., Петръ Иван., ген.-аншъ., р. 1721 † 1789 г., 494, 497, 499, 505.
Паскевичъ, гр-ня, 1829 г., 336.
Паскевичъ, кн., Варшавскій, Ив. Ѳед., фельдмарш., † 1856 г., 83—86; 335, 336, 447, 561, 563, 637—647, 726.
Пахомій, еписк. тамбовск., 32.
Пашковъ, Егоръ, 1708 г., 144.
Пекарскій, П. П., академ., 101.
Пелепелицынъ, царс. посолъ, 1580 г., 183.
Пёнёнжекъ, Матѣй, чл. варшавс. революц. трибунала, 1863 г., 70, 531.
Пеньковскій, Адольфъ, 1863 г., 544.
Пересвѣтовъ, Петръ, капит., 1708 г., 146, 252.
Петрашкевичъ, Осипъ, 1863 г., 62.
Петровскій, Іосифъ, помѣщ., 1863 г., 549.
Петровъ, Осипъ Петр., атам. войс. Донс., 1641 г., 186—188.
Петровъ, проф. моск. унив., ориентал., 94.
Петръ I, имп., р. 1672 † 1725 г., Письма его къ Ив. Андр. Толстому, 1703—1712 гг., 136—150, 249—261; указъ о наградахъ Петру Андр. Толстому, 1718 г., 261, 262. Упом. 2—27, 101—128, 152—158, 263—290, 372, 428, 454, 459, 581—604.
Петръ III, императ., р. 1728 † 1762 г., 291, 292, 503—511, 580—600.
Пилипейко, чиновн. особ. поруч., 1839 г., 638, 646, 647.
Пипперъ, гр., первый мн-ръ шведс., 1709 г., 253, 285.
Пирлингъ, М. Д., помощн. сарат. окруж. нач., 1849 г., 616, 623, 624.
Писморскій, 1708 г., 145.
Питиримъ, митрополи., 1734 г., 18.
Платеръ, гр., Владиславъ, пвейц. агентъ польск. жонда, 1863 г., 516, 553.
Платовъ, гр., Матв. Ив., ген. отъ кавал., наказн. атам. войска Донс., основат. гор. Новочеркаска, р. 1751 † 1818 г., 177, 178, 442, 447, 448.
Плетневъ, Петръ Александр., писат., 1822 г., 679—687.
Плещеевъ, Ѳедоръ, 1697 г., 108.
Плещеевъ, 384.
Погодинъ, Мих. Петр., акад., р. 1800 † 1875 г., 101, 218.
Подорожно, 1834 г., 650, 651.
Позенъ, ст.-секрет., 1842 г., 660.
Полетилло, гр., Леопольдъ, чл. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 518.
Половцевъ, А. А., бывшій секрет. «Русс. Историчес. Общ.», 217.
Полововъ, подполков., † 1852 г., 323.
Полторацкій, Александръ, 384, 385.
Померанцевъ, полковн., 1863 г., 715.
Поносетъ, генер., 1829 г., 166.
Понятовскій, А. О., полковн., † 1869 г., 170—172.
Понятовскій, Іосифъ Игнат., полк., 172.

Поповъ, А. Н., редакт. издан. «Чтенія въ Москов. Общ. исторіи и древностей россійс.», 218.
Попроцкій, Густавъ, 1863 г., 535.
Посьетъ, К. Н., ген.-адъют., 364.
Потаповъ, Алекс. Львов., ген.-адъют., наказн. атам. войс. Донск., 1866—1868 г., 445.
Потоцкая, гр-ня, 221.
Потоцкій, гр., 1829 г., 342.
Похвисневъ, перв. опекунъ Московс. Воспит. Дома, 1763 г., 461.
Прешель, помѣщ., † 1863 г., 75.
Пржибыльскій, Вацлавъ, 1863 г., 59, 530, 537, 538, 542, 556.
Прозоровскій, кн., орловс. и курс. губернат., 1782 г., 39.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ, архіеп. новгородс., р. 1681 † 1736 г., 2—30, 212, 606.
Протасьевъ, Е. И., владимір. помѣщ., миров. судья, 361.
Протасьевъ, Петръ, ростовс. воевода, 1762 г., 594.
Прушакъ, Северина, нач-ца женс. варшавс. комит., 1863 г., 543.
Пташицкій, С. Л. Собщ. «Записки поляка-очевидца: «Петербургъ въ 1720 г.», 263—290.
Пустовойтова, Анна-Генриха, кавалер.-дѣвица въ польс. бандѣ, 1863 г., 75.
Путята, Демьянъ Петр., колл. сов., пензенс. полицмс., 1824 г., 729, 730.
Пушкина, Надежда Осиповна, рожд. Ганнибалъ, 1799 г., 372—377.
Пушкина, Ольга Васил., 1799 г., 371.
Пушкина, Ольга Серг., въ замуж. Павлищева, 372—374, 384.
Пушкинъ, воронежс. губернат., 1758 г., 45, 46.
Пушкинъ, Алекс. Мих., 374.
Пушкинъ, Алекс. Серг., поэтъ, р. 1798 † 1837 г., 220, 371—388, 671—690.
Пушкинъ, Алексд. Юрьев., 371, 374.
Пушкинъ, Васил. Львовичъ, 374, 380.
Пушкинъ, Левъ Сергѣев., 381, 671—690.
Пушкинъ, Серг. Львовичъ, 1799 г., 371—388.
Пущинъ, И. И., 1811 г., 377.
Пясецкій, помѣщ., † 1863 г., 75.

Р.

Радловъ, В. В., знатокъ татарскихъ языковъ, 98.
Радоминскій, чиновн., 1863 г., 538.
Раевскій, Никл. Никл., ген., † 1829 г., 336, 380, 671, 673, 678, 687, 688.
Разумовскій, гр., Алексѣй Григ., ген.-фельдм., р. 1709 † 1771 г., 460, 579.
Ранчъ, 1823 г., 686.
Рамазановъ, Петръ, атам. войс. Донск., 1713 г., 439.
Рамзай, бар., ген.-адъют., 1863 г., 88.
Ратайскій, Ѳома, чиновн., † 1863 г., 532.
Ратчъ, Вас. Ѳед., военн. писат., 516.
Реадъ, генер., 1854 г., 670.
Регузинъ, Ив., инженеръ, строитель гор. Таганрога, 1712 г., 259.
Рейталь, полковн., 1863 г., 67.
Рейтельдъ, ген.-фельдмарш. шведской службы, 1709 г., 253.
Рейтеръ, Никл. Богданов., маіоръ, тифл. полицмст., 1829 г., 643.
Реммингенъ, Алексд. Алексдр., управл. Марінс. колоніей питомц., 1849 г., 491, 492, 610—632.
Ренненкампфъ, бар., ген.-маіоръ, 1829 г., 336—338, 340, 351.
Репнинскій, Н. Я., полков. командиръ, 1823 г., 159.
Репнинъ, кн., Андрей, 1697 г., 103.
Рехбергъ, гр., австр. мн-ръ, 1863 г., 720.
Ржевскій, В. К., 356.
Ржевусскій, гр., 1834 г., 649.
Ржевусскій, ксендзъ, 1863 г., 563.
Ридигеръ, гр., Ѳед. Вас., ген.-адъют., † 1856 г., 83, 169.
Римскій-Корсаковъ, полковн., 1764 г., 297.
Рогалинскій, помѣщ., 1863 г., 536.
Родзянковскій, коммис., 1831 г., 733.
Родзянка, 1823 г., 686.
Родіоновъ, Епифанъ, атам. войс. Донс., 1613 г., 185.
Рожицкій, Эразмъ, чл. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 518.
Розновъ, варшавс. губернат., 1863 г., 532.
Розе, франц. купецъ, 1863 г., 561.

Розенъ, генер. шведской службы, 1709 г., 253.
Розенъ, бар., Григор. Владм., ген.-адъют., главноуправл. Закавк. краемъ, 1831 г., † 1837 г., 648—657.
Розенъ, бар., Григ., фл.-адъют., 1837 г., 656.
Розенъ, бар., 1852 г., 424.
Розенъ, Матвѣй, чл. варшав. госуд. сов., 1863 г., 518.
Розманитъ, Антонъ, чиновн. революц. секретаріата, 1863 г., 59, 539.
Розманитъ, Францискъ, нач. отдѣл. революц. городс. организаціи, 1863 г., 539.
Романовъ, ссылка на «Краткіе очерки уѣздовъ Вятск. губер.», 240, 241.
Ромодановскій, кн.-кесарь, Ѳед. Юрьев., генералиссимусъ, † 1718 г., 106.
Роморино, нач. польс. мят., 1831 г., 169.
Росницкій, И. А., свящ., 481.
Россель, лордъ, англ. мн-ръ, 1863 г., 710.
Ростовцевъ, Яковъ Ив., нач. штаба воен.-учебн. завед., 1849 г., 740, 742.
Ротъ, генер., 1828 г., 160, 161, 168, 169.
Рошеблавъ, офиц. франц. службы, 1863 г., 64.
Ружицкій, Эдмундъ, полковн., 1863 г., 556, 725.
Румянцевъ, бригадиръ-маіоръ, 1720 г., 265, 280, 289.
Руппертъ, генер., 1829 г., 168.
Рупрехтъ, Карлъ, чл. народн. жонда, 1863 г., 57, 59, 61, 533, 536.
Рутковскій, Ричардъ, 524.
Рылѣевъ, Кондрат. Ѳед., писат., декабр., р. 1795 † 1826 г., 680—688.
Рѣшетовъ, куп.-подрядч., 473, 474.

С.

Сабанѣевъ, И. В., корпусн. командиръ, 1823 г., 159.
Саблинъ, 1825 г., 467, 469.
Сабовскій, Владиславъ, 1863 г., 546.
Савастьяновъ, Афанасій, ат. войс. Дон., 1594 г., 184.
Савелова, Анна Семеновна, 1715 г., 156.
Савенъ, гр., главнокоманд. арміи, 1824 г., 730.
Салогубъ, гр., Левъ Иванов., помѣщ., 1825 г., 567—575.
Салтыковъ, Алексѣй Петр., боар., 1715 г., 155.
Сальдернъ, писатель; ссылка на соч. «Histoire de la vie de Pierre III», 291; упом. 494, 504, 510.
Самаринъ, Михаилъ, ат. войс. Донс., 1630 г., 187.
Самсоновъ, А. П., ген.-лейт., владим. губернат., 1865 г., 354, 356.
Сапѣга, кн., Адамъ, 1863 г., 75, 556.
Сафоновъ, Степ. Вас., директ. канцел. намѣст. кавказс., 1847 г., 663, 665, 670.
Свинарскій, помѣщ., 1863 г., 62.
Сельванъ, Д. Д., маіоръ, †1853 г., 162, 164.
Семевскій, Вас. Ив. Очеркъ изъ историческаго его изслѣдованія: «Казенные крестьяне при Екатеринѣ II, 1762—1796 гг.» Главы VIII—XI, 35—54; 231—248.
Семенова, Екат. Семен., артистка, впосл. кнг. Гагарина, 390, 679.
Семеновъ, Иванъ, ат. войс. Дон., 1684 г., 437.
Семеновъ, Логинъ, ат. войс. Дон., 1671 г., 187.
Семеновъ, П. П., дс. ст. сов., 356.
Семино, французъ при перс. посольствѣ, 1829 г., 337, 350.
Семіоновскій, подпоруч., 1828 г., 165.
Сенъ-При (Saint-Priest), гр., 373.
Сенявинъ, Ив. Григор., адъют., 1824 г., впослѣд. тов. мн-ра вн. дѣлъ, 689.
Сергій Александровичъ, вел. кн., род. 1857 г., 365.
Серебряковъ, полковн., 1851 г., 424.
Сивинскій, Эдуардъ, бывш. препод. литературы въ варшавс. пригот. школѣ, 58, 59, 533, 537.
Сивковъ, Н. В., рисовальщ., 363.
Сидоровъ, винн. откупщ., 1820 г., 509.
Силинъ, маіоръ, 1762 г., 506, 507.
Сильвестровичъ, ссыльный, основат. нѣмец. школы въ Тобольскѣ, 1751 г., 513, 514.
Сильвестръ (Гловатскій), митр. тобол., 1749 г., 513.
Сильвестръ, еписк. переясл., 1762 г., 603, 607.
Синицкій, ген.-маіоръ, 1705 г., 138.

Сварницкій, Діонисій, помѣщ., 1863 г., 536, 537.
Свиндеръ, А., И. Сообщ. документъ о «Живой женщинѣ, врытой въ землю, 1730 г.», 398.
Сворушка, гр., Леонъ, вѣнс. агентъ польск. жонда, 1863 г., 553.
Свурыдинъ, саратовс. станов. прист., 1852 г., 616, 627.
Слѣпнинъ, И. В., 1822 г., 680, 683.
Слупскій, 1863 г., 68.
Слѣпцовъ, генер., 1848 г., 321.
Смирной, Ѳедоръ, атам. войс. Донс., 1591 г., 183.
Смѣховскій, 1863 г., 75.
Соколовскій, помѣщ., 1863 г., 556.
Солнцевъ, Ѳед. Григор., художн., проф., 383.
Соловьевъ, 1764 г., 305.
Соловьевъ, Серг. Мих., акад., 1, 208; ссылка на «Ист. Россіи», 586—589, 594, 599.
Соловьевъ, Я. А.; ссылка на его статью «Объ однодворцахъ», 43.
Сотневичъ, Елисавета, сестра милосердія, 1863 г., 524, 532.
Срезневскій, Изм. Ив., акад., 207.
Ставискій, Эдмундъ, помѣщ., 1863 г., 518.
Стакельбергъ, ген. шведс. службы, † 1708 г., 148.
Станиславъ-Августъ, кор. польс., 1797 г., 222.
Станкевичъ, 205.
Старженскій, гр., Казиміръ, чл. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 518.
Стаховскій, Антоній, архіеп. черниг. и новгор.-сѣверс., 1713 г., впослѣдс. митроп. сибирс., 1721 г., 2, 5.
Степановъ, Михаилъ, священ., 1742 г., 8, 9.
Стефанъ, псковс. епископъ, 14.
Столыгво, Викторъ, секрет.-референтъ канцел. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 518.
Стороженко, 85.
Стрекаловъ, ген.-адъют., 1829 г., 336.
Строгоновъ, гр., Серг. Григор., 217.
Строевъ, П. Ив. Ссылка на «Списки іерарховъ россійс. церкви», 7.
Стронскій, антекарь, 1863 г., 522, 536.
Струковъ, В. Н., ген.-лейт., владим. губернат., 1871 г., 358—361.
Стрѣшневъ, Тихонъ Никитичъ, сенат., 1718 г., 106, 140, 142, 249, 254, 262.
Суворовъ-Рымникскій, кн., Алсд. Вас., генералиссим., р. 1729 † 1800 г., 399, 400, 441—443.
Сулинъ, Семенъ Никит., атам. войс. Донс., 1774 г., 440.
Сулоцкій, А., протоіерей. Ссылка на замѣтку его о Мировичѣ, 512; упом. 10.
Сумминскій, Сигизмундъ, студ. Главной Школы, 1863 г., 537.
Суховаметъ, ген.-адъют., 1829 г., 167, 400.
Сухоруковъ, В. Д., донс. казакъ, † 1838 г., 437, 446, 447.
Сухтеленъ, гр., ген.-адъют., 1829 г., 343, 349.
Сушковъ, Мих. Мих., 373.
Сѣраковскій (Доленго), предвод. повстанцевъ въ Литвѣ, 1863 г., 61, 515, 516.
Сѣрковъ, Лаврентій Авксент., акад., грав. на деревѣ. Гравиров. портр. проф. О. М. Бодянскаго, 1, и портр. гр. Ѳ. П. Толстаго, 577.
Сѣченовъ, Димитрій, митропол. новгород., 1762 г., 33, 590—599, 603.

Т.

Талгикъ, наибъ, 1852 г., 320, 324, 430—432.
Тараканов, генер., 1740 г., 454.
Тарасовъ, Дмт. Климент., почетн. лейбъ-хирургъ, р. 1792 † 1866 г., ссылка на его «Записки», 730.
Тархановъ, участков. засѣдат., 1845 г., 664, 665.
Татаринов, Мих. Ив., атам. войс. Донс., 1633 г., 186.
Татаръ, Ѳедоръ, атам. войс. Донс., 1613 г., 185.
Тачановскій, нач. польс. банды, 1863 г., 64—70, 745—746.
Тепловъ, Григ. Никол., дс. ст. сов., писат., р. 1720 † 1779 г., 291—302, 504, 510, 592, 603.
Теремецъ, капит., † 1828 г., 162.
Теслевъ, генер., 1833 г., 447.

Тетенборнъ, генер., 1813 г., 80.
Тимковскій, П., цензоръ, 1820 г., 677.
Тимофѣевъ, Пав. Петр., директ., канц. закавк. управл., 1838 г., 657, 660.
Тимоѳей (Щербатскій), митроп. московс., 1762 г., 586, 587, 607.
Тихонравовъ, Конст. Н., секр. вѣдм. статистич. комит., 1859 г., † 1879 г., 357—361.
Тодорскій, Симонъ, 1742 г., 11.
Толстой, гр., Борисъ Ив., 1706 г., 133, 139, 250.
Толстой, гр., Васил. Борис., 133.
Толстой, гр., Вас. Ив., 133—135.
Толстой, гр., Ив. Андр., губернат. въ Азовѣ, 1703—1708 г., † 1713 г. Письма къ нему Петра Великаго 1703—1712 г., 133—150; 249—262.
Толстой, Пав. Матв., ротмс., 1828 г., впослѣдс. фл.-адъют., 400.
Толстой, П. С. Сообщ. съ предисловіемъ «Письма Петра Великаго къ Ив. Андр. Толстому, 1703—1712 гг.», 133—150; 249—262.
Толстой, гр., Петръ Андр., дс. тн. сов., русск. посолъ въ Константинополѣ, 1703 г., 102, 106, 133, 134, 140, 148, 253, 261.
Толстой, Юрій Васил., 133.
Толстой, гр., Ѳед. Ив. (Американецъ), 675, 682.
Толь, гр., Карлъ Ѳед., ген.-лейт., р. 1777 † 1842 г., 83.
Точинскій, Іосифъ, 1863 г., 536, 537.
Траугутъ, нач. польс. банды, послѣдн. диктаторъ польскаго жонда, 1863 г., 516, 537, 727.
Трембецкій, Станиславъ, польс. поэтъ, † 1812 г., 219—222.
Трироговъ, ссылка на его статью «Наши Общины», 247.
Трифонъ, ярославс. игуменъ, 6.
Трохимовскій, прокур. владимірскаго окруж. суда, 362.
Трояцкій, 1863 г., 523.
Трубецкихъ, Иванъ, атам. войс. Донс., 1595 г., 184.
Трубецкой, кн., Ив. Дмт., 373.
Трубецкой, князь, Юрій Юрьевичъ, 1697 г., 103.
Трубченинъ, Прокофій, атам. войс. Донс. 1594 г., 184.
Туманскій, 1823 г., 686.
Тургеневъ, А. И., 1820 г., 380, 687.
Тутчинъ, помѣщ., 465.
Тыцъ, рѣзчикъ печатей, 1863 г., 526.
Тышкевичъ, гр., † 1863 г., 75.
Тышковскій, 1863 г., 530.
Тюнинъ, И. М., крестьянинъ, изъ слоб. Мстера, † 1876 г., 363, 364.
Тюринъ, унт.-офиц., 1831 г., 735.

У.

Уваровъ, гр., А. С., археологъ, 358.
Угримовъ, помѣщ., 471.
Урусовъ, кн., Ив. Никит., 1697 г., 103.
Ушаковъ, поруч., 1708 г., 149.
Ушаковъ, урядникъ, 1714 г., 153.
Ушаковъ, Алсд. Ив., ген., 1850 г., 86.
Ушаковъ, Аполлонъ, поруч. (соумышленникъ Мировича), 1764 г., 293—305.

Ф.

Фейдау, 1863 г., 726.
Фелинскій, Сигизмундъ, архіеп. варшавс., 1863 г., 518, 563, 707.
Фетх-Али-шахъ, персидс. шахъ, † 1834 г., 341—349; 403—410.
Филаретъ, митропол. москов., 1863 г., 196, 520, 564.
Филипьевъ, Акимъ, атам. войс. Донс., 1695 г., 437.
Фогель, сыщикъ, 1820 г., 386.
Форафонтовъ, подполкв., 1831 г., 732, 733.
Франковскій, Станиславъ, коммис. краковс. воеводс., 1863 г., 562.
Фрейтагъ, ген.-маіоръ, 1848 г., 321.
Фліоринскій, Кириллъ, сѣвскій еписк., 1769 г., 32.
Фоше, сержантъ-маіоръ франц. службы, 1863 г., 63.
Фроловъ, Вас. Фролов., атам. войс. Донс., 1723 г., 439, 440.
Фроловъ, Ив. Ив., атам. войс. Донс., 1738 г., 439.

Фроловъ, Максимъ, атам. войс. Донс., 1716 г., 439.
Фуксъ, В. Я., 356.
Фурманъ, Петръ Роман., писат., †1856 г., 179, 180.

Х.

Хаджи-мирза-Агаси, 1833 г., впослѣд. перв. мн-ръ персидс., 407.
Хаментовскій, мазовецкій воевода, чрезвыч. посолъ въ Россію, 1720 г., 263.
Хамецъ, помѣщ., 1863 г., 556.
Хахалинъ, купецъ, 1826 г., 470.
Хвостовъ, гр., Дмт. Ив., писат., р. 1757 † 1835 г., 680.
Хилковъ, кн., Андрей Яковл., 1697 г., 103.
Хилковъ, кн., Юрій Яковл., 1697 г., 103.
Хмуржинскій, Леонъ, эмигрантъ, 1848 г., 56, 547, 548.
Хмѣленскій, Игнатій, 1863 г., 522.
Хмѣленскій, Сигизмундъ, нач. польс. банды, 1863 г., 546.
Ходзинскій, управл. саратов. палатою 1849 г., 611.
Ходкевичъ, генер., 222.
Хомутовъ, Мих. Григор., ген.-отъ-кавал., войс. ваказн. атам., 1848—1862 г., 444, 445.
Хосров-мирза, персидс. принцъ, р. 1813 † 1875 г. Историко-біографич. о немъ очеркъ, 333—352; 401—414.
Хрептовичъ, гофмейстеръ, 1863 г., 561, 562.
Хрущева, Софья Алексѣ., рожд. Саблина, † 1825 г., 466—469.
Хрущевъ, Дмит. Алсд., 1825 г., 466—470.
Хрущовъ, Алексѣй, 1762 г., 292, 293.
Хрущовъ, Иванъ, 1762 г., 292, 293.
Хрущовъ, Мих. Никл., полковн., 483, 486, 487.
Хрущовъ, Петръ, 1762 г., 292, 293.
Хурдэ-ханумъ, супр. Аббас-мирзы, 334.
Хусейн-Али-бекъ, дядька принца Хосров-мирзы, 1829 г., 334, 337, 350.

Ц.

Цальплахтъ, маіоръ австр. службы, 1863 г., 72.
Цвѣрчаевичъ, лондовск. агентъ польс. жонда, 1863 г., 553.
Цидергельмъ, секрет. перваго мн-ра шведс., 1709 г., 253.
Цыгановъ, Ѳ. Е., крестьян., 472.
Цыловъ, Н., ссылка на его статью: «Сигизмундъ Сѣраковскій и его казнь», 61.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковл., † 1856 г., 386, 387.
Чарторыскій, кн., Адамъ, попечит. виленс. учебн. округа, 61.
Чарторыскій, кн., Владиславъ, чл. польск. комитета, 1863 г., 55, 61, 62, 522, 540, 551, 553, 554, 710—727.
Чарторыскій, кн., Константинъ, стокгольм. агентъ польс. жонда, 1863 г., 61, 553.
Чеботаревъ, Адамъ Петр., войска Донскаго генер.-лейтенантъ. Сооб. путевыя замѣтки: «Донъ и донцы въ прежнее и нынѣшнее время, 1851—1877 гг., 173—188, 437—456.
Чевкинъ, Конст. Вдм., ген.-адъют., р. 1803 † 1875 г., 649.
Чекинъ, Лука, поруч., убійца принца Іоанна Антоновича, 1764 г., 291—298; 496—510.
Черкасскій, кн., Анд. Мих., 1697 г., 103.
Черкасскій, кн., Дан. Григор., 1697 г., 103.
Черкашенинъ, атам. войс. Донс., 1570 г., 183.
Чернышевъ, гр., Алсд. Ив., ген.-адъют., воен. мн-ръ, р. 1786 † 1852 г., 180, 437, 443, 446, 447, 454, 660.
Чернявскій, маіоръ, 1863 г., 73.
Чертковъ, Мих. Ив., ген.-адъют., наказн. атам. войс. Донс., 1868—1874 г., 445.
Чершенскій, Михаилъ, атам. войс. Донс., 1613 г., 184, 185.
Чефаридзевъ, Семенъ, подпоруч., 1764 г., 501.
Чеховскій, Леонъ, нач. польс. банды, 1863 г., 70—72.
Чингиз-ханъ (Темуджинъ), монгольс. ханъ, р. 1160 г., 692—698.
Чичаговъ-2-й, подпоруч., 1828 г., 165.
Чичеринъ, Д. И., сибирс. губернат., 1763—1770 г., 237, 238.

Чичеринъ, Кирил. Лаврен., 1718 г., 261.
Чуксѣевъ, сотникъ, 1852 г., 329.
Чумиковъ, А. А., ссылка на его замѣтку о Кекгольмскомъ узникѣ, 506.

Ш.

Шамиль, имамъ Чечни. и Дагестана, 313—332, 417—428.
Шапкинъ, 1706 г., 139.
Шатохинъ, П. А., влад. губернат., 356.
Шатыгинъ, унт.-офиц., 1831 г., 737.
Шаумбургъ, переводч. при персидс. пос., 1829 г., 337, 340.
Шафарикъ; ссылка на его соч. о Болгарахъ, 90—94; 206, 207.
Шафировъ, бар., Петръ Павл., вице-канц., † 1739 г., 279.
Шаховской, кн., 1825 г., 382.
Шаховской, К., 682.
Шаховской, кн., Яковъ Петр., дс. тн. сов., об.-прок. синода, 1764 г., р. 1705 † 1777 г., 13, 14, 457, 500, 603, 604.
Шварцъ, генер., 1863 г., 531.
Шедель, гувернеръ, 373, 374.
Шембергъ, 461.
Шепелевъ, 1708 г., 148.
Шеперъ, окружн. нач., 616.
Шереметевъ, генер., 1828 г., 171.
Шиллеръ, учит. русс. яз., 373.
Ширинскій-Шихматовъ, кн., Платонъ Алсд., управл. мн-мъ народ. просвѣщ., 1849 г., 209.
Шишковскій, Степанъ, 1764 г., 301.
Шишковъ, Алсд. Семен., мн-ръ народн. просвѣщ., писат., р. 1753 † 1841 г., 675, 690.
Шлиппенбахъ, ген. шведс. службы, 1709 г., 253.
Шмитъ, † 1865 г.; ссылка на его соч. «о польс. возст. 1830—1831 гг.», 83, 84.
Шонбургъ, полковн., 1705 г., 138.
Шпаръ, генер. шведс. службы, 1709 г., 253.
Штакенбергъ, ген. шведс. службы, 1709 г., 253.
Штенбекъ, шведс. мн-ръ, 1720 г., 285.
Штернбергъ, маіоръ, 1863 г., 71—73.
Штокъ, Логинъ, маіоръ, 1709 г., 255.
Шторхъ, Конст. Андр., 378.
Шуваловъ, гр., Ив. Ив., об.-камерг., сен., р. 1727 † 1797 г., 291.
Шувальскій, Викентій, 1863 г., 544.

Щ.

Щенсный-Потоцкій, 219—222.
Щербина, 1830 г., 645.
Щербининъ, Мих. Павл., директ. канц. намѣст. кавказс., 1853 г., впослѣдст. д. тн. сов., сенат., 663, 670.

Э.

Эмануэль, ген. отъ кавал., нач. Кавказс. линіи, 1829 г., 338, 401, 402.
Эмир-низамъ Мамед-ханъ, начальн. регулярн. войскъ въ Персіи, 1829 г., † 1842 г., 336, 346.
Эмме, генер., 1831 г., 394.
Энгельгардтъ, Егоръ Антонов., директ. царскос. лицея, 1811 г., р. 1775 † 1862 г., 378, 379, 386, 387.
Энглертъ, маіоръ бывш. польс. войс., 72.
Эпплеръ, контрол. чугунно-литейн. зав., 1863 г., 524.
Эспинасъ, 1863 г., 68.

Ю.

Юнга-фонъ-Бланкенштейнъ, нач. польс. банды, 1863 г., 63—68.
Юсуповъ, кн., 1829 г., 339, 341.
Юшкевичъ, Амвросій, еписк. вологодс., впослѣдс. архіеп. новгородс., 1738 г., 6, 7, 11—20.
Юшковъ, Ѳедоръ, 1709 г., 253.

Я.

Яворскій, Стефанъ, митропол., авт. книги «Камень Вѣры», 3, 17, 21—26, 264, 265, 284, 285.
Яворскій, юнкеръ, 1829 г., 166.
Ягичъ, хорватскій филологъ, 99, 100.
Языковъ, А. М., 102.
Яковлевъ, Ив. Яковл., питомецъ Московск. Воспит. Дома, впослѣдс. докторъ, 464, 466, 481, 484.
Яковлевъ, Корнелій Яковл., атам. войс. Донс., 1671 г., 187, 188, 454.
Яковлевъ, М. Л., 1820 г., 388.
Яковлевъ, Тимоф. Яковл., атам. войс. Донс., 1633 г., 186.
Якубовичъ, А. И., 382.
Яновскій, Іосифъ, чл. польс. жонда, 1863 г., 58, 59, 529, 530, 535.
Яновскій, Станиславъ, казначей варшавс. губернс. казначейс., 1863 г., 530, 566.
Яновскій, Ѳеодосій, вице-президент. синода, 1730 г., 5.
Янчевскій, Здиславъ, 1863 г., 56, 540, 541, 549.
Ярмундъ, Станиславъ, 1863 г., 67.
Ясинскій, маіоръ, 1831 г., 392, 394.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Пав. Ѳедор., атам. войс. Донс., 1643 г., 187.
Ѳедоровъ, аудиторъ, 1831 г., 733, 734.
Ѳекла, грузинск. царевна, 1830 г., 645.

„РУССКАЯ СТАРИНА", изд. 1879 года.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

I. Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1699 гг., веденный кн. Б. И. Куракинымъ, состоявшимъ при великомъ посольствѣ русскихъ къ владѣтелямъ разныхъ странъ Европы. Сообщ. съ примѣчаніями И. Ѳ. Горбунова 101

II. Петербургъ въ 1720 году. Записки поляка-очевидца. Сообщ. и перев. съ польскаго С. А. Пташицкій . . 263

III. Воспоминанія [illegible] Л. Варунъ-Секретанъ о службѣ въ арміи, 1823—1860 гг. 159

IV. Польское возстаніе въ 1863—1864 гг. Главы VI—VII. Записки. Состав. и сообщ. Н. В. Бергъ. 55—515 и 707

V. Воспоминанія В. А. Дзюбенко. Полувѣковая гражданская служба за Кавказомъ, 1829—1876 г. Гл. I—IV. 637

VI. Воспоминанія бывшаго крестьянина Ивана Александровича Голышева, (окончаніе). 1838—1878 гг. . . 353

Изслѣдованія и историко-біографическіе очерки.

стр.

I. Къ вопросу о **Болгарахъ**. Статья Д. И. Иловайскаго. 89

II. **Калкское побоище**. Статья Д. И. Иловайскаго . . 691

III. Императоръ **Іоаннъ Антоновичъ**, 1740 † 1764 г. Историческій очеркъ по новымъ матеріаламъ. Главы III—IV (окончаніе). . . . . 291 и 493

IV. **Арсеній Мацѣевичъ**, историко-біографическій очеркъ. Главы II—V. Составилъ проф. В. С. Иконниковъ. 1 и 577

V. **Казенные крестьяне при Екатеринѣ II**, 1762—1796 гг. Очерки изъ историческаго изслѣдованія. Главы VIII—XI (окончаніе). Составилъ В. И. Семевскій . 35 и 231

VI. Питомцы Московскаго Воспитательнаго Дома, поселенцы Саратовской губерніи . . . . . 457 и 609

VII. **Хосров-мирза**, персидскій принцъ, 1813—1875 гг. Историко-біографическій очеркъ. Составилъ и сообщ. Ад. П. Берже . . . . . 333 и 401

VIII. Князь **Александръ Ивановичъ Барятинскій**, 1851—1853 гг. Изъ записокъ М. Я. Ольшевскаго. 307 и 415

Переписка, акты, разсказы и замѣтки.

Царствованіе Петра I.

I. Иванъ Андреевичъ Толстой, губернаторъ въ Азовѣ, † 1713 г. Письма къ нему Петра Великаго, 1703—1712 гг. Сообщ. съ предисловіемъ П. С. Толстой. . . . 133 и 249

II. Письма ген.-аншефа Ив. Ив. Бутурлина къ женѣ и дочери, 1714—1715 г. Сообщ. П. В. Алабинъ. . . . 151

Царствованіе Анны Іоанновны.

стр.

I. Живая женщина, врытая въ землю въ 1730 г. Сообщ. А. И. Скиндеръ 398

Царствованіе Екатерины II.

I. А. В. Суворовъ. Изъ записокъ маркиза Марсильяка. Отзывъ его о Суворовѣ. Сообщ. М. И. Богдановичъ . . 399

Царствованіе Александра I.

I. Амвросій Орнатскій, епископъ Пензенскій и Саранскій. Сообщ. Григорій Мѣшковъ 729

II. Дѣло объ убитомъ глухомъ тетеревѣ, 1825 г. Сообщ. А. С. Лашкевичъ 567

Царствованія Николая I и Александра II.

I. Эпизодъ изъ осады Варны, въ 1828 г. Сообщ. А. И. Веригинъ 400

II. Бунтъ въ Старой-Русѣ, въ 1831 г. Разсказъ очевидца. Сообщ. Н. Е. Матвѣевъ 389

III. Бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г. Сообщ. старшій свящ. Василій Лукинскій. 731

IV. Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, 1800—1857 гг. Письма его къ Великому Князю Константину Николаевичу, 1852 г. . . . . 189 и 367

V. Донъ и донцы въ прежнее и настоящее время, 1851 и 1877 гг. Путевыя замѣтки. Сообщ. Ад. П. Чеботаревъ. Статья вторая, 1877-й годъ (окончаніе). . . . 173 и 437

VI. Дѣло при деревнѣ Игнацевѣ въ 1863 г. Сообщ. А. Бруннеръ. 745

Исторія литературы.

Писатели XIX-го вѣка.

стр.

I. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:
Біографическій очеркъ и его письма . . . . . 371 и 671

II. Польскій поэтъ Трембецкій. 219

III. Исаакъ-Беръ-Левензонъ, еврейскій ученый.
Изъ дневника П. В. Алабина 223

IV. Иринархъ Ивановичъ Введенскій.
Эпизодъ изъ его жизни въ 1849 г. Собщ. П. Гусевъ. . 739

Замѣтки о новыхъ книгахъ.

I. Кавказскіе акты, изд. А. П. Берже. 747

II. Аму и Узбой, брошюра неизв. авт. Рец. М. И. Венюкова 753

I. Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXV-мъ томѣ «Русской Старины», изд. 1879 г. . . . . 1—44

II. Систематическое оглавленіе XXV-го тома «Рус. Стар.» I—VI

Портреты русскихъ дѣятелей.

I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ профессоръ А. Шарлеманъ, рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. заглавную виньетку).

II. Портретъ Хосров-мирзы, персидскаго принца, р. 1813 † 1875 г.

(См. стр. 231).

III. Портретъ графа **Ѳедора Петровича Толстаго**, † 1873 г. Рисовалъ съ оригинала портретиста Зарянко — К. О. Брожъ, гравировалъ въ Ниццѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 577).

IV. Портретъ **Александра Сергѣевича Пушкина**, въ 1827 г., самый точный снимокъ съ гравюры проф. Н. И. Уткина, геліографически воспроизведенный г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

(См. стр. 401).

V. Портретъ профессора **Осипа Максимовича Бодянскаго**, р. 1808 † 1876 г. Рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ въ Ниццѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 1).

VI. **Снимки съ собственноручныхъ письма и чертежа Петра Великаго.**

(См. стр. 258).

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Южное Славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Историко-политическіе очерки. Соч. Л. Доброва. Спб. 1879 г., XIV + 643 стр., въ 8 д. л. (На оберткѣ 5-й книги «Русской Старины» 1879 г.).
2. Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Ч. 1-я. Статьи и розысканія А. А. Куника и барона В. Р. Розена. Спб. 1878 г. 192 стр. (Тамъ же.)
3. Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Импер. Публичной Библіотеки. Спб. 1878 г. В. 1. 176. Составлено А. Ѳ. Бычковымъ. (Тамъ-же.)
4. Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, 1491—1730 гг.; вып. I., съ 1491—1600, сост. И. Каратаевъ. Спб. 1878 г., 280 стр. (Тамъ же).
5. Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Импер. Рус. Арх. Об., составленная Д. И. Прозоровскимъ, Спб. 1879 г., 307 стр. (Тамъ же).
6. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга I, 1873—1877 гг., издана подъ редакціею В. С. Иконникова. Кіевъ, 1879 г., 317 стр., съ 4 таблицами. (На оберткѣ 6-й книги «Русской Старины» 1879 г.)

7. Памятная книжка Якутской области на 1871 годъ. 3-е изд. якутскаго областнаго статистическаго комитета. 184 стр., съ таблиц. Спб. 1877 г. (Тамъ же).

8. Вл. Михневичъ. Историческіе этюды русской жизни. Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи. Спб. 1879 г., VII + 359, въ 8 д. л. (Тамъ-же.).

9. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXIII. Спб. 1878 г., 734 стр. (На оберткѣ 7-й кн. «Русской Старины» 1879 г.).

10. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Соч. М. Бережкова. Спб. 1875 г., 267. (Тамъ-же).

11. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ. П. А. Соколовскаго. Спб. 1878 г. (Тамъ-же).

12. Лекціи по исторіи русскаго законодательства. И. Д. Бѣляева, орд. проф. императорскаго московскаго университета. Москва. 1879 г. 728 стр. (На оберткѣ 8-й кн. «Русской Старины» 1879 г.)

13. И. И. Неплюевъ и Оренбургъ. Біографическо-историческій очеркъ, В. Н. Витевскаго. 537 стр. (Тамъ-же).

14. Расколъ въ Уральскомъ войскѣ и отношеніе къ нему духовной и военно-гражданской власти въ XVIII и XIX вв. В. Н. Витевскаго. Казань. 1878 г. (Тамъ-же).

15. Сборникъ князя Хилкова. Спб. 1879 г. 576+34 стр. (Тамъ-же).

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1870 г.

третье изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, **1870** г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ **третьемъ** изданіи „Русской Старины“ 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала кн. Н. Ю. **Трубецкаго**.— Записки исторіографа кн. М. М. **Щербатова** о поврежденіи нравовъ въ Россіи; — сенатора П. С. **Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго брилліанщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Отчеты **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 году, замѣтки **Пикара**;—Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабря 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Иван. **Глинки** (1804—1854 гг.);—Записки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. **Бакланова**;—Оборона Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала **Арбузова**, и проч. и проч.—Болѣе сотни сообщеній: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка, біографическіе очерки **П. Ѳ. Карабанова**. — Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе къ **третьему** изданію „Русской Старины“ **1870** г. составляетъ **первый** томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ **академикомъ** Л. А. **Сѣряковымъ** рисунками.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.].

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1876 года.

Содержаніе: Записки Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг.—Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ, 1782—1791 гг.—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ, т. е. Записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствованія Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I.—Автобіографія и переписка академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военнаго управленія, 1827—1867 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказъ профес. Ѳедора Григорьевича Солнцева: академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологической цѣлью; возстановленіе древностей въ кіевскихъ соборахъ; посѣщенія кіевскихъ святынь императоромъ Николаемъ I; разсказы о нѣкоторыхъ іерархахъ; разсказы о художникахъ (К. П. Брюлловъ) и проч. дѣятеляхъ.—Воспоминанія артиста П. А. Каратыгина, вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и друг.—Митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ—историческій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семевскаго.—Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг.—статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья Н. И. Костомарова.—Главные пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсонъ-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персіи въ 1806—1855 гг.—статья Ад. П. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буяльскій, его біографія, составленная профес. Я. А. Чистовичемъ.—Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., разсказъ очевидца.—Артемій Волынскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, М. И. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ, письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Ѳ. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Кромѣ перечисленныхъ статей и матеріаловъ—въ «Русской Старинѣ» 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ разсказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—«Русская Старина» 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Бѣлинскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь—по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Къ „Русской Старинѣ“ 1876 г.—(12 книгъ)—приложены портреты: Лжедмитрія I, гравюра Киліана 1606 г.—точный снимокъ; портреты: Михельсона, кн. Платона Зубова, Алексѣя Петровича Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены академикомъ И. П. Пожалостинымъ. Портреты Екатерины II и графа Аракчеева—геліографическіе снимки съ гравюръ 1762 и 1818 гг. Портреты—Емельяна Пугачева, Клугенау и В. Г. Бѣлинскаго — гравюры академика Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г.

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами, 8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

и отношеніе къ нему духовной и военногражданской власти въ XVIII и XIX вв. В. Н. Витевскаго. Казань. 1878 г. Ц. 2 р. 25 к.

Нельзя не порадоваться, что за послѣднее время все чаще стали появляться болѣе или менѣе цѣнныя монографіи, посвященныя исторіи и этнографіи нашихъ отдаленныхъ окраинъ. Къ числу такихъ пріятныхъ явленій относятся и труды г. Витевскаго. Первый изъ нихъ представляетъ публичныя лекціи, читанныя авторомъ въ залѣ уральскаго войсковаго собранія, въ мартѣ 1873 г., и затѣмъ былъ помѣщенъ въ «Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ», а потому составляетъ библіографическую рѣдкость, хотя и вышелъ (въ небольшомъ числѣ) отдѣльными оттисками. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) Неплюевъ до своего назначенія въ Оренбургъ (22—74); 2) Оренбургскій край до Неплюева (75—119); 3) построеніе Оренбурга и управленіе Яицкой линіи (120—163); 4) Неплюевъ какъ администраторъ (164—235); 5) Уфимская и Исетская провинціи до Неплюева и при немъ; колонизаціонная и административная дѣятельность Неплюева въ Исетской провинціи (256—355); 6) заботы Неплюева о развитіи торговли и промышленности оренбургскаго края, въ связи съ его отношеніями къ средне-азіатскимъ народамъ (356—481); 7) Неплюевъ какъ дипломатъ (482—537).

Авторъ воспользовался для своего труда довольно значительною печатною литературою и архивными матеріалами, извлеченными изъ дѣлъ уральскаго войсковаго архива, покойнымъ І. И. Желѣзновымъ, и частью напечатанными въ трудахъ Рябинина (Уральское казачье войско), Данилевскаго (Объ уральскомъ рыболовствѣ) и «Уральскихъ Войск. Вѣд.», а также на основаніи собственныхъ мѣстныхъ розысканій.

Дополненіемъ предъидущаго труда отчасти служитъ введеніе автора къ другому названному нами сочиненію (Расколъ въ Уральскомъ войскѣ въ полов. XVIII в.), гдѣ авторъ снова возвращается къ дѣятельности Неплюева. Въ дальнѣйшей части его авторъ слѣдитъ за распространеніемъ раскола въ Уральскомъ в. въ XVIII и XIX вв.; за отношеніями къ нему австрійской раскольничьей іерархіи и состояніемъ раскола въ краѣ въ послѣднее время. Всѣ эти вопросы авторъ разсматриваетъ въ связи съ исторіею Уральскаго войска. И въ этомъ трудѣ онъ воспользовался отчасти мѣстными изданіями (матер., помѣщ. въ «Уральск. В. Вѣд.»), отчасти еще неизданными матеріалами. Трудъ г. Витевскаго былъ первоначально помѣщенъ въ «Правосл. Собес.» 1877 и 1878 гг.

Сборникъ князя Хилкова. С.-Пб. 1879 г. 576+34 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ актовъ, изданныхъ кн. Гр. Хилковымъ, составился изъ собранія документовъ, оставшихся по смерти кн. М. А. Оболенскаго и поступившихъ въ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и матеріаловъ, извлеченныхъ издателемъ, по указанію академика А. Ѳ. Бычкова, изъ собранія старинныхъ столбцевъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (85 актовъ XVI и XVII вв.), а всего въ сборникъ вошло 252 акта (107 №№). Важнѣйшіе изъ этихъ матеріаловъ относятся къ Смутному времени, а именно къ царствованію В. Шуйскаго и, между прочимъ, къ осадѣ Троицкаго монастыря. Подъ № 12 помѣщено большое собраніе писемъ (72) разныхъ лицъ къ Яну Петру Сапѣгѣ, заключающихъ немало свѣдѣній объ отношеніи русскихъ городовъ къ Тушинскому вору и о дѣйствіяхъ послѣдняго. Изъ прочихъ матеріаловъ заслуживаютъ вниманія акты, относящіеся къ военнымъ дѣйствіямъ на восточной Украйнѣ (съ калмыками, киргизами и монголами), къ исторіи городовъ, возмущенія Стеньки Разина, торговлѣ и нравамъ общества; наконецъ къ исторіи дипломатическихъ сношеній XV—XVII вв., въ числѣ которыхъ помѣщенъ статейный списокъ Ивана Хохлова, посылавшаго въ Бухару въ 1620—22 гг.; акты, касающіеся сношеній Россіи съ Бухарою въ XVI и XVII вв., и хронологическое обозрѣніе политическихъ сношеній съ Бухарою въ XVI—XVII вѣкахъ.

Изданіе снабжено указателями личныхъ и географическихъ именъ.

В. И.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46.** Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

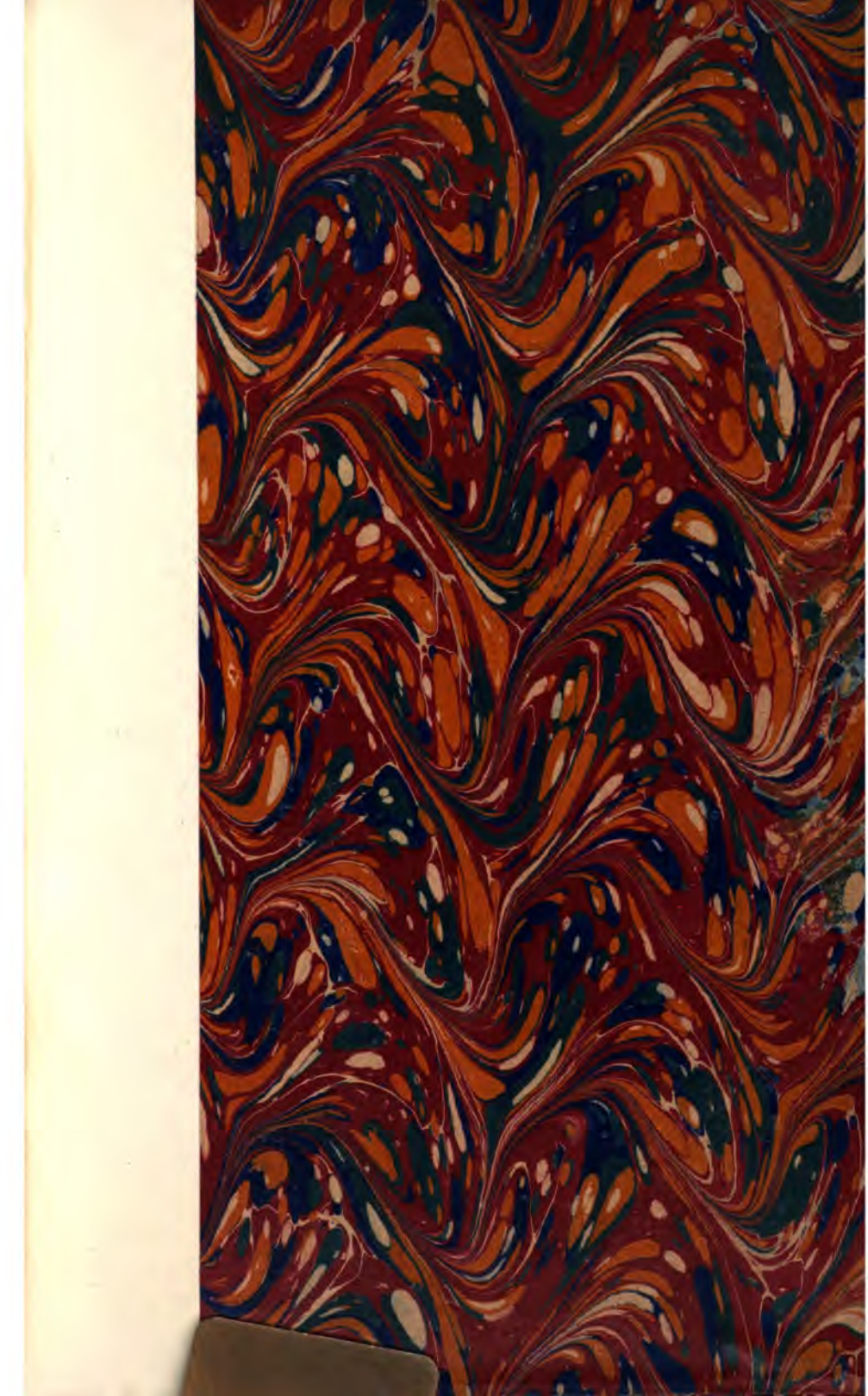
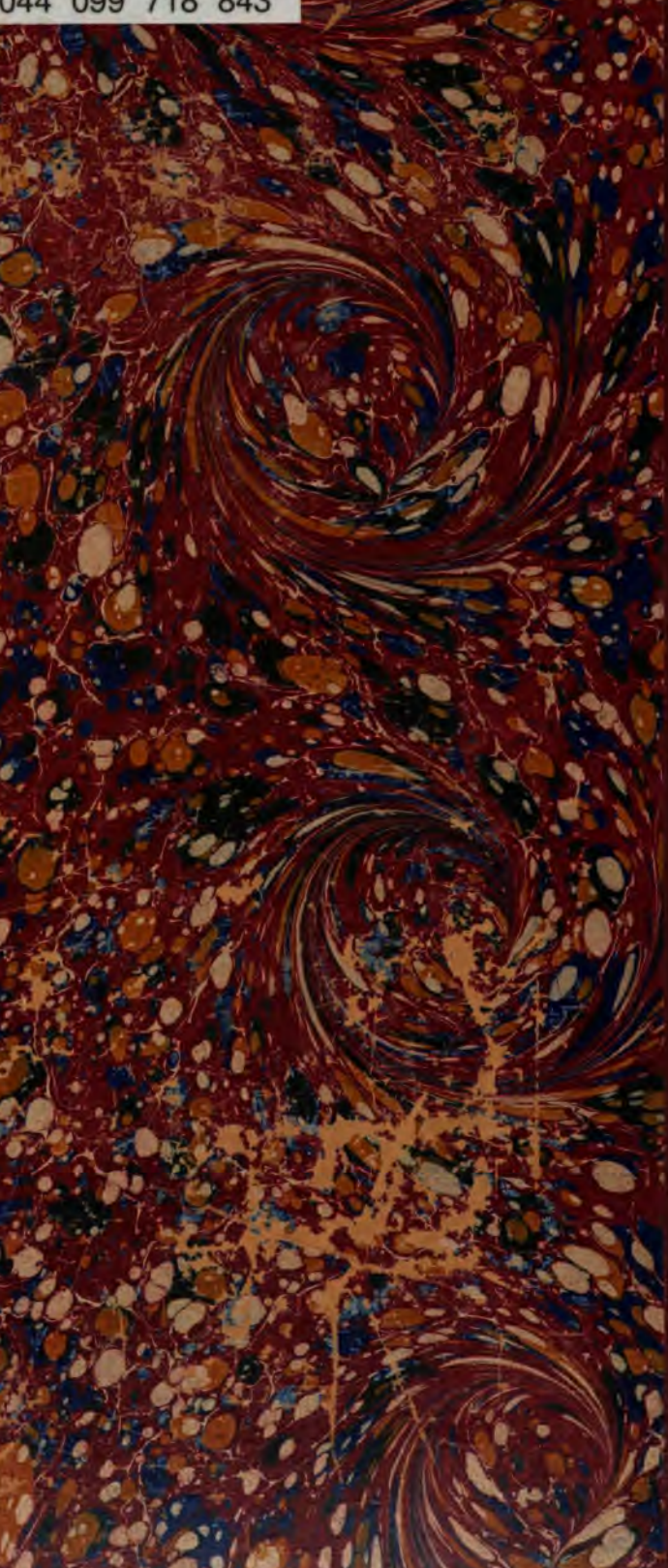
☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектантскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа. IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣд. изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 ру
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 ру



044 099 718 843